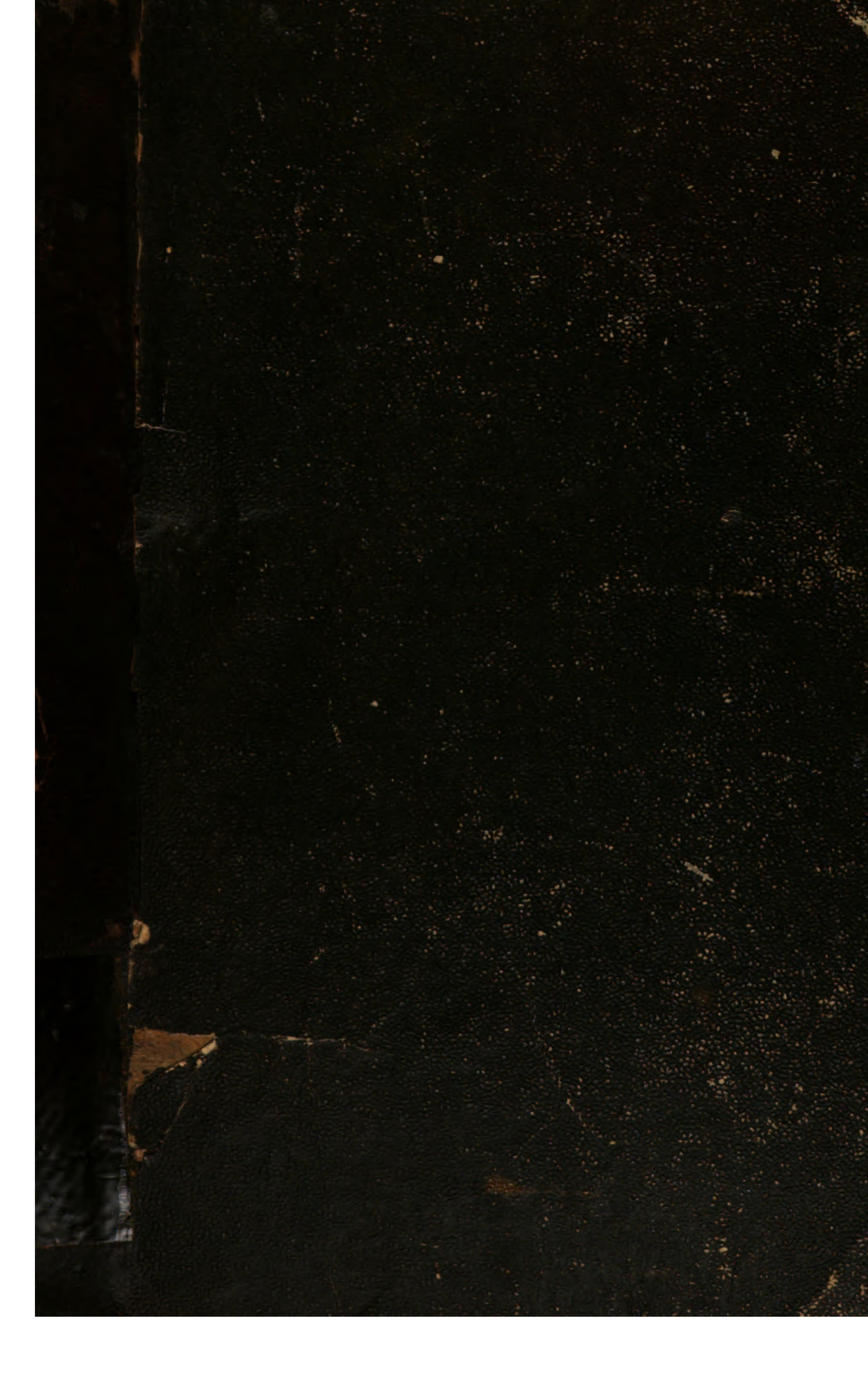
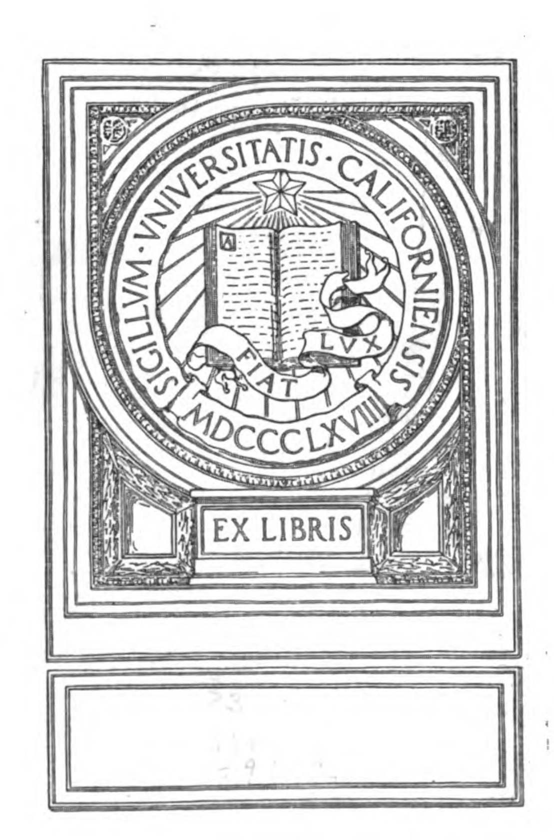
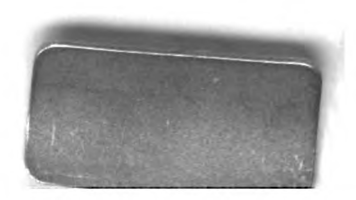



SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
LVX
FIAT
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS



Годъ IX-й. № 12-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ДЕКАБРЬ

1900 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская 43).
1900.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Годъ IX-й. **№ 12-й.**

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ДЕКАБРЬ

1900 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская 43).
1900.

Дозволено цензурою. Спб. 27-го ноября 1900 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI вѣкѣ и его вліяніе на соціально-политическій строй того времени *).

I.

Какихъ бы историко-философскихъ или соціологическихъ воззрѣній ни придерживался тотъ или другой историкъ или вообще интересующійся исторіей человѣкъ, онъ не можетъ не признать чрезвычайной важности изученія исторіи народнаго хозяйства. Всего болѣе значенія эта послѣдняя имѣетъ, несомнѣнно, въ глазахъ тѣхъ, которые, будучи сторонниками матеріалистическаго пониманія исторіи, выдвигаютъ на первый планъ экономическій элементъ, какъ основу всего общежитія. Однако, и съ точки зрѣнія лицъ, ищущихъ ключа для объясненія всей сложной и запутанной сѣти общественныхъ явленій въ сферѣ умственной, идейной жизни человѣчества, не подлежитъ сомнѣнію важность исторіи экономическаго быта. Наконецъ, та теорія, которая, повидимому, смѣнитъ собою старый экономическій матеріализмъ, оставаясь на почвѣ матеріальнаго объясненія историческаго процесса—такъ называемый теперь соціальный матеріализмъ, самымъ виднымъ представителемъ котораго является Штаммлеръ,—неизбѣжно должна признать изученіе народнаго хозяйства прошлыхъ временъ научной задачей, стоящей на первой очереди: эта теорія признаетъ историческій процессъ цѣльнымъ и недѣлимымъ, отрицаетъ возможность самаго ученія о дѣйствіи однихъ общественныхъ элементовъ на другія, потому что эти элементы не имѣютъ отдѣльнаго существованія; съ этой точки зрѣнія незнакомство наше съ исторіей экономическаго быта равносильно отказу отъ научнаго изученія всего историческаго процесса, такъ какъ пониманіе послѣдняго возможно лишь тогда, когда онъ извѣстенъ въ цѣломъ и всѣхъ подробностяхъ.

Итакъ, обострившійся за послѣднее время интересъ къ исторіи народнаго хозяйства нельзя считать слѣдствіемъ увлеченія однимъ какимъ-либо теченіемъ въ области соціологической литературы; это—потреб-

*) Предлагаемая статья представляетъ собою опытъ популярнаго изложенія тѣхъ выводовъ, къ которымъ авторъ пришелъ въ своей спеціальной работѣ «Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI вѣкѣ».

ность, сознаваемая всѣми направленіями и школами, продиктованная притомъ по преимуществу состояніемъ чисто исторической литературы, крайней неразработанностью вопросовъ экономической исторіи, неразработанностью, особенно бросающейся въ глаза при сравненіи съ тѣмъ, что сдѣлано по исторіи права, государства и соціальнаго строя. Все это замѣтно уже въ ученой литературѣ по исторіи западно-европейскихъ странъ; еще въ большей степени то же можно сказать объ исторіи Россіи.

XVI столѣтіе представляетъ собою одинъ изъ любопытнѣйшихъ моментовъ въ ряду вѣковъ пережитыхъ нашимъ отечествомъ. Оно давно уже привлекало къ себѣ вниманіе цѣлаго ряда изслѣдователей, благодаря трудамъ которыхъ соціальная и политическая исторія того времени выяснена въ довольно значительной степени. Мы знаемъ теперь, что это было время, когда окончательно кристаллизовались элементы крѣпостныхъ, основанныхъ на началѣ обязанности сословій государства—служилаго, посадскаго и крестьянскаго, когда сложилась помѣстная система, вотчина сдѣлалась собственностью, обусловленной отбываніемъ службы на государя, когда развилось мѣстничество, прикрѣплено было къ мѣсту жительства и занятіямъ городское сословіе, сложились основы крѣпостного права на крестьянъ, а въ политической сферѣ обострилась борьба московскаго боярства съ государемъ, развилось московское самодержавіе, установились всѣ характеристическія черты московской приказной административной системы, смѣнившей собою старое начало кормленія и выдвинувшей впервые принципъ государственнаго блага на смѣну прежнему, вотчинному принципу выгоды князя-хозяина. Этимъ внутреннимъ соціальнымъ и политическимъ перемѣнамъ соотвѣтствовали и чрезвычайно громкія событія во внѣшней жизни: шумная и упорная борьба съ Польшей, Швеціей, Ливонскимъ орденомъ, Крымомъ, побѣдоносное шествіе русскихъ по теченію Волги и на Востокъ, за Уралъ, ознаменовавшееся подъ конецъ вѣка покореніемъ Сибири.

Спрашивается, не соотвѣтствовали ли указаннымъ важнымъ соціальнымъ и политическимъ процессамъ также и извѣстныя перемѣны въ сферѣ народнаго хозяйства? Не предстанутъ ли нѣкоторыя, все еще недостаточно-объясненныя явленія соціально-политической жизни XVI вѣка въ новомъ свѣтѣ, когда мы ознакомимся съ экономическимъ бытомъ того времени? Поскольку, далѣе, хозяйственныя явленія отразили на себѣ дѣйствіе соціальныхъ и политическихъ? Достаточно поставить себѣ эти вопросы, чтобы понять ихъ важность, а слѣдовательно, и необходимость изслѣдованія хозяйственной жизни русскаго народа въ XVI столѣтіи. Самымъ важнымъ элементомъ этой хозяйственной жизни было тогда хозяйство сельское. Его изученіе занимаетъ поэтому центральное мѣсто въ предстоящей научной работѣ.

Хозяйственная дѣятельность человѣка состоитъ въ воздѣйствіи его на внѣшнюю природу съ цѣлью приспособить ее къ своимъ по-

требностямъ. Естественныя условія территоріи являются поэтому такимъ неизбѣжнымъ элементомъ, вліяющимъ на экономическую жизнь, игнорировать который изслѣдователь не имѣетъ права. Такимъ образомъ первый вопросъ, заслуживающій нашего вниманія,—это вопросъ о климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ территоріи Московскаго государства въ XVI вѣкѣ. Морскую границу государства составлялъ тогда одинъ лишь Сѣверный океанъ. Чтобы составить себѣ приблизительное понятіе о сухопутныхъ границахъ, слѣдуетъ провести прямую линію отъ нынѣшней границы съ Норвегіей на югъ, до Чернигова, отъ Чернигова прямую линію къ Астрахани, и затѣмъ по теченію Волги и Камы за Уральскій хребетъ, до Тобола, и на сѣверъ до океана. Въ этихъ грубо, схематически очерченныхъ предѣлахъ заключалось громадное пространство, отдѣльныя части котораго сильно различались по климату и почвѣ. Можно различать вообще шесть естественныхъ областей, на которыя распадалась территорія Московской Руси въ концѣ XVI вѣка (Сибирь мы исключаемъ изъ счета): Центръ, Сѣверъ, Новгородско-Псковская область или Западное Полѣсье, Прикамье, Степь и Поднѣпровье. Центръ и, нынѣшнія губерніи Московская, Тверская, Ярославская, Владимірская, Костромская и Нижегородская,—отличался типическимъ континентальнымъ, холодно-умѣреннымъ климатомъ, съ жаркимъ лѣтомъ и холодной зимой, съ рѣзкими и быстрыми колебаніями температуры и малоплодородной почвой, по преимуществу песчаной и суглинистой, перемежавшейся изрѣдка болѣе плодородной сѣрой землей. Сѣверъ—нынѣшнія Архангельская, Олонецкая и Вологодская губерніи, и Степь—губерніи Калужская, Тульская, Рязанская и мѣстности къ югу отъ нихъ—были прямой противоположностью другъ другу и въ климатическомъ, и въ почвенномъ отношеніи: Сѣверъ—страна суроваго климата и чрезвычайно бѣдной почвы, Степь—область чуть не сплошного чернозема и мягкихъ климатическихъ условій. Ближе всего къ Степи по естественнымъ условіямъ стояло Поднѣпровье—Смоленская и Черниговская губерніи съ западными частями Калужской и Орловской. Затѣмъ, слѣдуетъ помѣстить Прикамье, нынѣшнія Казанскую, Вятскую и Пермскую губерніи. Однако сѣверо-восточная часть Прикамской области отличалась уже довольно суровымъ климатомъ и менѣе производительной почвой и походила этимъ на Западное Полѣсье (нынѣшнія Новгородскую и Псковскую губерніи и частью Петербургской и Выборгской), всего ближе стоявшее и въ климатическомъ, и въ почвенномъ отношеніяхъ къ Сѣверу. Итакъ, естественныя условія наиболѣе благопріятны для сельскаго хозяйства были въ Степи, затѣмъ въ Поднѣпровьѣ, далѣе въ Прикамьѣ, Центрѣ, Западномъ Полѣсьѣ и всего хуже на Сѣверѣ.

Если бы сельскохозяйственная промышленность въ XVI в. опредѣлялась въ своемъ развитіи одними только условіями климата и почвы, то она должна была бы развиваться въ точномъ соотвѣтствіи съ

только что указанной градаціей естественныхъ областей страны: чѣмъ благодатнѣе климатъ и плодороднѣе почва, тѣмъ болѣе процвѣтало бы и сельское хозяйство. Ближайшее изученіе матеріала указываетъ, однако, что такого соотвѣтствія не было.

Изучая сельскохозяйственное производство, необходимо прежде всего уяснить себѣ, какая система земледѣлія господствуетъ въ странѣ, т.-е. каковы тѣ пріемы и способы, при помощи которыхъ производятся земледѣльческіе продукты. Обыкновенно различаютъ четыре главныхъ типа системъ земледѣлія или полевого хозяйства: подсѣчную (огневую), переложную, паровую-зерновую и плодосмѣнную. Первая—характерна для начала земледѣльческой культуры, при наличности подавляющаго богатства удобной для обработки земли, при рѣдкости населенія и полномъ отсутствіи капиталовъ. Она состоитъ въ томъ, что земледѣлецъ вырубаетъ лѣсъ, выжигаетъ пни и на образовавшемся пепелищѣ въ теченіе одного, много двухъ лѣтъ сѣетъ хлѣбъ, не заботясь ни объ удобреніи, ни о надлежащей распашкѣ земли. Черезъ годъ—два онъ бросаетъ свое «огнище», или «палъ» (такъ иногда называется поле, образовавшееся послѣ выжиганія лѣса) и продѣлываетъ ту же нехитрую операцію надъ другимъ дѣвственнымъ лѣснымъ участкомъ, чтобы спустя такой же промежутокъ времени бросить его для третьяго. По мѣрѣ увеличенія населенія, уменьшаются размѣры свободныхъ земель, и кочевое подсѣчное хозяйство смѣняется болѣе производительнымъ или, какъ говорятъ, менѣе экстензивнымъ, переложнымъ. И при этомъ также не требуется капитала, не употребляется удобреніе, но участки обрабатываются старательнѣе, при помощи плуга, и мѣняются не такъ часто, какъ прежде; земледѣлецъ уже не кочуетъ, а поселяется болѣе или менѣе прочно на мѣстѣ. Переложной такая система земледѣлія называется потому, что перелогъ или залежь—распаханная когда-то и затѣмъ надолго заброшенная земля, естественнымъ путемъ отдыха возстановляющая свои производительныя силы,—въ нѣсколько разъ превосходитъ своими размѣрами землю, дѣйствительно распахиваемую и засѣваемую въ данный моментъ. Дальнѣйшій ростъ населенія и истощеніе земли заставляютъ постепенно увеличивать размѣры пашни на счетъ перелога и удобрять поле, находящееся подъ паромъ, такъ какъ безъ такого удобренія оно уже не въ силахъ естественнымъ путемъ возстановить свою прежнюю производительность: сроки оставленія залежи безъ обработки постепенно сокращаются вслѣдствіе увеличенія размѣровъ пашни, и земля не успѣваетъ отдыхать. Теперь переходятъ къ сохѣ, внимательнѣе и усерднѣе обрабатываютъ землю, залежь исчезаетъ и смѣняется паромъ, остающимся внѣ эксплуатаціи въ нормальныхъ условіяхъ не болѣе года и удобряемымъ навозомъ. Такъ наступаетъ господство паровой-зерновой системы земледѣлія. Но затѣмъ и паръ приходится ввести въ дѣйствительную обработку: ростъ населенія дѣлаетъ невыгодной паровую систему, мѣсто которой

занимаетъ плодосмѣнная, при которой посѣвы корнеплодовъ (картофеля, свеклы и пр.) чередуются съ посѣвами колосовыхъ растеній, причемъ засѣвается вся пахотная земля, а для поддержанія ея производительныхъ силъ примѣняются посѣвы утучняющихъ почву травъ, въ родѣ клевера и вики, и, кромѣ навознаго, употребляется еще искусственное удобреніе (напр., фосфориты).

Древняя Русь, какъ и большая часть современной Россіи, не знала плодосмѣнной системы земледѣлія, что вполнѣ понятно при рѣдкости ея населенія. Но бо́льшая часть территоріи Московскаго государства въ XVI вѣкѣ пережила уже и первобытную огневую или подсѣчную систему, которая сохранялась лишь на Сѣверѣ и то въ такихъ мѣстахъ, которыя еще только что заселялись въ это время, вдали отъ большихъ водныхъ путей, въ глухихъ лѣсныхъ дебряхъ. Въ Центральной области и въ Западномъ Полѣсьѣ уже въ первой половинѣ XVI вѣка господствовала паровая-зерновая система земледѣлія. Это видно изъ такъ называемыхъ писцовыхъ книгъ,—документовъ, которые можно считать историческими предшественниками современныхъ статистическихъ сборниковъ. Такъ, писцовыя книги Тверского уѣзда, составленныя въ 1540 и 1548 г., свидѣтельствуютъ о вполнѣ развитой и установившейся паровой-зерновой системѣ. То же видно изъ множества дошедшихъ до насъ описаній центральныхъ монастырскихъ имѣній: напримѣръ, въ 1562 г. были составлены писцовыя книги по Переяславль-Залѣсскому уѣзду, и до насъ дошли тѣ ихъ части, которыя относятся къ имѣніямъ монастырей Спасскаго-Ярославскаго, Троицкаго-Сергіева, Чудова, Махрищскаго; тогда какъ пашня у этихъ монастырей простирается отъ двухъ до тринадцати тысячъ десятинъ, въ перелогѣ считается всего 400—700 десятинъ, а у Спасскаго-Ярославскаго монастыря всего—3 десятины. Въ Новгородской области въ концѣ XV и первой половинѣ XVI вѣка размѣры пашни были въ нѣсколько десятковъ разъ больше площади, лежавшей въ перелогѣ: такъ, въ Шелонской пятинѣ *) въ 1539 г. пашни считалось болѣе 42 тысячъ десятинъ, а залежи всего 550 дес.; или въ Вотской пятинѣ въ то же время при 50 тысячахъ десятинъ пашни было лишь 958 десятинъ перелогу. Значительная часть центральныхъ уѣздовъ—именно тѣ, которые лежали на сѣверной и южной, отчасти также на восточной окраинахъ Центра (Ярославскій, Пошехонскій, Ростовскій Юрьево-Польскій, Костромской, Нижегородскій, Коломенскій, Боровскій, Клинскій, Старицкій, Звенигородскій), и нѣкоторыя мѣстности Западнаго Полѣсья сохранили паровую-зерновую систему земледѣлія и въ концѣ XVI вѣка, такъ что очевидно, что полевое хозяйство шло и развивалось въ этихъ мѣстахъ совершенно естественно, безъ скачковъ и перерывовъ. Но чрезвычайно замѣчательно, что въ послѣднемъ тридцатилѣтіи XVI

*) Область древняго Новгорода дѣлилась на пять частей, называвшихся пятинами; названія ихъ: Вотская, Обонежская, Деревская, Бѣжецкая и Шелонская.

вѣка въ уѣздахъ, занимавшихъ середину и сѣверо-западъ Центральной области, равно какъ и въ большей части Западнаго Полѣсья получила преобладаніе переложная система полевого хозяйства. Объ этой смѣнѣ сравнительно-интензивной паровой-зерновой системы экстензивною переложной свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ писцовыхъ книгъ, оставшихся отъ семидесятыхъ, восьмидесятыхъ и девятидесятыхъ годовъ XVI вѣка. Для примѣра укажемъ на писцовую книгу Московскаго уѣзда, составленную въ 1584 — 1586 годахъ, и на писцовую книгу Вотской пятины 1581—1582 г.; по первой, перелогъ занималъ впятеро большую площадь, чѣмъ пашня—его считалось около 120 тысячъ десятинъ при 24 тыс. десятинъ пашни, по второй, перелогу было около 60 тысячъ десятинъ, пашни же только 4.900 дес. Такимъ образомъ, въ двухъ основныхъ старыхъ областяхъ государства, тѣхъ самыхъ, которыя раньше были самыми населенными и цвѣтущими, въ послѣднее тридцатилѣтіе XVI вѣка замѣчается регрессъ въ полевомъ хозяйствѣ, крайній, рѣзко выраженный упадокъ земледѣлія. Это—основной фактъ, требующій надлежащаго объясненія.

Въ остальныхъ естественныхъ областяхъ Московскаго государства—на Сѣверѣ, въ Прикамьѣ, Степи и Поднѣпровьѣ—преобладала въ XVI вѣкѣ переложная система земледѣлія, лишь мѣстами смѣнявшаяся паровой-зерновой, причемъ по мѣрѣ приближенія къ концу вѣка земледѣліе въ этихъ областяхъ постепенно улучшалось. На Сѣверѣ всего лучше полевое хозяйство развивалось въ уѣздахъ Бѣлозерскомъ, Каргопольскомъ и по теченію Сѣверной Двины, въ Степи, главнымъ образомъ, въ той ея полосѣ, которая непосредственно прилегала къ Центру, въ Прикамьѣ—въ ранѣе населенныхъ земляхъ по верхнему теченію Камы, уѣздахъ Чердынскомъ и Соликамскомъ. Въ этихъ мѣстахъ преобладала уже тогда паровая-зерновая система земледѣлія съ употребленіемъ удобренія, сохи въ качествѣ земледѣльческаго орудія и лошади въ качествѣ рабочаго скота. Въ другихъ уѣздахъ господствовало употребленіе деревяннаго плуга, служащее также, кромѣ данныхъ, сообщаемыхъ писцовыми книгами, доказательствомъ существованія переложной системы: при такой системѣ не употребляютъ сохи, потому что она вредитъ росту на залежи злаковъ, дающихъ хорошее сѣно.

Немаловажное значеніе для сельскаго хозяйства имѣетъ вопросъ о родѣ хлѣбовъ, высѣваемыхъ въ разныхъ мѣстностяхъ страны: различія въ этомъ отношеніи между отдѣльными областями опредѣляютъ возможность сбыта продуктовъ однѣхъ изъ нихъ въ другія. Въ древней Руси сѣялись въ большинствѣ случаевъ малоцѣнные хлѣба—рожь и овесъ, довольно часто также ячмень, бывшій по климатическимъ условіямъ единственнымъ посѣвнымъ злакомъ на крайнемъ сѣверѣ. Дорогія хлѣба—пшеница, гречиха—сѣялись почти повсемѣстно, но въ незначительныхъ количествахъ: имѣются, напримѣръ, свѣдѣнія, что посѣвная площадь пшеницы была вдесятеро меньше, чѣмъ таковая же

овса, а посѣвы гречи занимали пространство, впятеро меньше занимаемаго пшеницей. Наибольшія различія между областями относились къ воздѣлыванію культурныхъ растеній—льна и конопли: тѣмъ и другимъ славились Западное Полѣсье, сѣверная окраина Центра и югъ Поднѣпровья, по согласному свидѣтельству писцовыхъ книгъ, актовъ и иностранныхъ писателей.

Таковы были въ общихъ чертахъ техническія условія земледѣльческаго производства. Въ нихъ все естественно и нормально, за исключеніемъ лишь упадка полевого хозяйства въ большей части Центра и Западнаго Полѣсья.

Но кромѣ земледѣлія существуетъ еще другая отрасль сельскохозяйственной промышленности—скотоводство. Въ какомъ отношеніи находилось оно къ земледѣлію, имѣло ли оно самостоятельное значеніе, или служило лишь необходимымъ подспорьемъ при господствующей отрасли—земледѣліи, не давая само по себѣ дохода, а доставляя лишь необходимый для земледѣльческаго производства рабочій скотъ? И извѣстія иностранцевъ, посѣщавшихъ Московію въ XVI в. и оставившихъ ея описаніе, и данныя писцовыхъ книгъ объ отношеніи эксплуатируемой луговой земли къ пашнѣ, и отрывочныя указанія актовъ на количество скота въ отдѣльныхъ имѣніяхъ, и, наконецъ, случайные намеки житій древнерусскихъ святыхъ на важность скотоводства, на существованіе гуртовой торговли скотомъ или прасольства убѣждаютъ насъ, что поставленный вопросъ рѣшается не одинаково для разныхъ мѣстностей страны. Изучая писцовыя книги по такимъ уѣздамъ, какъ Ярославскій, Костромской, Пошехонскій, Казанскій, Свіяжскій, Новгородскій, Псковской, не трудно убѣдиться, что сѣнные покосы усиленно эксплуатировались въ этихъ мѣстностяхъ, что площадь сѣнокосной земли была чрезвычайно обширна. Англичане Рандольфъ и Флетчеръ, датскій посланникъ Ульфельдъ и другіе иностранцы свидѣтельствуютъ, что кожи и сало—эти важные продукты скотоводства—составляли одинъ изъ главныхъ продуктовъ этихъ мѣстностей и Смоленскаго уѣзда. Другія указанія источниковъ говорятъ о томъ же. Такимъ образомъ нѣтъ сомнѣнія, что скотоводство имѣло самостоятельное значеніе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сѣвернаго края, въ сѣверныхъ уѣздахъ Центра, въ Западномъ Полѣсьѣ, юго-западной части Прикамья и отчасти въ Поднѣпровьѣ. Въ остальныхъ мѣстахъ скотоводство играло подчиненную, служебную роль, не увеличивало сельскохозяйственнаго дохода и давало лишь средства для прокорма рабочаго скота и то часто не въ достаточномъ размѣрѣ. Замѣчательно, что такое положеніе скотоводства не измѣнилось даже и въ послѣднемъ тридцатилѣтіи XVI вѣка въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ въ то время замѣтенъ упадокъ земледѣлія: очевидно, послѣдній не былъ вызванъ и обусловленъ потребностями скотоводства, и ключа къ совершившейся смѣнѣ паровой-зерновой системы переложною слѣдуетъ искать, значитъ, не въ условіяхъ сельскохозяйственнаго

производства, а въ другой сферѣ. Что касается до самой системы скотоводства, то она отличалась первобытнымъ характеромъ, была крайне экстензивна: скотъ, по словамъ иностранцевъ, былъ худощавъ, малорослъ и питался плохо, главными продуктами скотоводства были тѣ именно, которые характерны для первобытнаго хозяйства: сало, кожи, коровье масло, щетина.

Отъ техники сельскохозяйственнаго производства переходимъ къ изученію его формъ и размѣровъ. Землевладѣлецъ,—будь то самъ государь, какой-нибудь служилый человѣкъ, архіерей или монастырь,—можетъ вести хозяйство на своей землѣ двоякимъ образомъ: или отдавая всю пахотную землю въ аренду крестьянамъ, или оставляя ее—вполнѣ или отчасти—подъ свою, барскую пашню. Въ теченіе всего XVI вѣка въ служилыхъ вотчинахъ и помѣстьяхъ барская запашка была обычнымъ явленіемъ, хотя никогда не обнимала всего имѣнія и рѣдко занимала даже значительную его часть. Наряду съ этимъ служилые землевладѣльцы чрезвычайно часто садили на землю своихъ несвободныхъ людей на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ садились крестьяне. Это видно какъ изъ писцовыхъ книгъ, такъ и изъ многихъ актовъ, купчихъ, данныхъ, закладныхъ, духовныхъ, который проговариваются, указывая въ составѣ имѣній «пашню боярскую» и «людскую», т.-е. холопскую. Въ другихъ видахъ земельнаго владѣнія—въ земляхъ архіерейскихъ, монастырскихъ, дворцовыхъ и черныхъ—въ первой половинѣ XVI вѣка незамѣтно ничего подобнаго: если и встрѣчается иногда государева дворцовая пашня, то лишь въ видѣ исключенія, о монастырской же, архіерейской или государевой пашнѣ въ черныхъ земляхъ *) мы совсѣмъ не имѣемъ свѣдѣній. Зато во второй половинѣ XVI вѣка барская запашка и земледѣльческій трудъ холоповъ распространились на всѣ виды земельнаго владѣнія, кромѣ земель черныхъ. Наибольшаго развитія они достигли въ Прикамьѣ и Степи въ послѣднія десятилѣтія XVI вѣка. Такъ, напр., въ монастырскихъ имѣніяхъ этого времени въ Центральной области на монастырскую запашку приходилось часто по 12-ти, 15-ти, 20-ти и болѣе процентовъ всей пашни. Въ степныхъ уѣздахъ крестьянскіе дворы составляли нерѣдко лишь 60%—70% общаго числа рабочихъ земледѣльческихъ дворовъ Но если доля пашни, разрабатываемой крестьянскимъ трудомъ, съ теченіемъ времени относительно уменьшалась, то этому соотвѣтствовало еще одно чрезвычайно важное явленіе: крестьянское хозяйство въ Центрѣ и Западномъ Полѣсьѣ дѣлалось все болѣе мелкимъ. Въ то время какъ до 70-хъ годовъ XVI вѣка средняя запашка на крестьянскій дворъ и земледѣльческаго рабочаго очень часто равнялась 15 десятинамъ во всѣхъ трехъ поляхъ (яровомъ, озимомъ и паровомъ) и рѣдко

*) Черными назывались земли, составлявшія собственность государства и находившіяся въ вѣчной арендѣ у крестянъ; земли, составлявшія частную собственность государя, назывались дворцовыми.

спускалась ниже 10 ти десятинъ, послѣ этого времени обычный ея размѣръ былъ 3—5 десятинъ. Что касается до другихъ областей государства, то во всѣхъ ихъ величина обычной запашки на крестьянскій дворъ близко подходила къ нормѣ, существовавшей въ концѣ столѣтія въ Центрѣ и Западномъ Полѣсьѣ, т.-е. равнялась 3—5 десятинамъ; исключеніе представляла одна Степь, гдѣ крестьянская запашка была не менѣе 7—9 десятинъ. Приведенныя наблюденія, касающіяся формъ и размѣровъ земледѣльческаго производства, особенно любопытны въ томъ отношеніи, что отмѣченныя явленія—распространеніе барской и холопской пашни и измельчаніе крестьянской запашки—хронологически, отчасти и географически, совпадаютъ съ извѣстнымъ уже намъ переходомъ отъ болѣе интензивной паровой-зерновой системы земледѣлія къ экстензивной переложной. Это заставляетъ предполагать для такихъ одновременныхъ перемѣнъ и общую причину, о которой рѣчь пойдетъ ниже.

Землевладѣльческая, барская пашня разрабатывалась или трудомъ холоповъ, которымъ въ монастырскихъ имѣніяхъ соотвѣтствовали такъ называемые «дѣтеныши»—тѣ же несвободные земледѣльческіе рабочіе—или барщинной работой крестьянъ, снимавшихъ владѣльческую землю. Характерно, что соотвѣтственно росту барской запашки къ концу вѣка увеличивалось и число случаевъ крестьянской барщины; однако, послѣдняя вообще была мало распространена въ XVI вѣкѣ, и обыкновенно крестьяне арендовали землю, обязуясь платить землевладѣльцу оброкъ деньгами или натурой (хлѣбомъ). На ряду съ этимъ общимъ господствомъ оброчной системы заслуживаютъ вниманія оригинальныя формы крестьянскаго хозяйства на сѣверѣ—половничество, складничество и наемный трудъ съ вознагражденіемъ натурой. Половникъ нѣчто среднее между наемнымъ рабочимъ и арендаторомъ: онъ работаетъ на чужой землѣ и отдаетъ землевладѣльцу часть урожая, обыкновенно половину, но владѣетъ скотомъ, орудіями производства и хозяйственными постройками, платитъ иногда и денежный оброкъ и т. д. Союзы «складниковъ», «сябровъ» или «сосѣдей» представляли изъ себя нѣкоторое подобіе товариществъ: членами этихъ союзовъ были обыкновенно родственники, но такъ какъ каждый членъ могъ продавать, завѣщать, закладывать, дарить свое право на участіе въ союзѣ, то къ родственнымъ элементамъ довольно рано стали примѣшиваться этими путями чужеродцы; складники часто дѣлились, товарищество разрушалось, но въ XVI вѣкѣ на Сѣверѣ весьма нерѣдко можно наблюдать и нераздѣльное сельскохозяйственное производство складническихъ товариществъ. Наконецъ, кое-гдѣ встрѣчались такъ называемые подворники и захребетники—наемные земледѣльческіе рабочіе, получавшіе вознагражденіе за свой трудъ не деньгами, а натурой, т-е. хлѣбомъ. Всѣ эти своеобразныя формы сельскохозяйственнаго производства составляли характерную особенность Сѣвера, но остатки ихъ сохранялись

еще и въ другихъ областяхъ: всего болѣе ихъ было въ Западномъ Полѣсьѣ и въ той части Прикамья, которая лежала по теченію рѣки Вятки; какъ рѣдкое исключеніе, случайно уцѣлѣвшій обломокъ исчезнувшаго явленія, половничество попадается въ XVI в. и въ Центральной области.

Производство хозяйственныхъ благъ—основной элементъ народнаго хозяйства. Мы только что намѣтили главныя перемѣны въ сельскохозяйственномъ производствѣ XVI вѣка и убѣдились, что въ сферѣ производственныхъ отношеній нельзя искать объясненія этихъ перемѣнъ. Необходимо обратиться съ этою цѣлью къ изученію обмѣна и распредѣленія, тѣмъ болѣе, что изслѣдованіе этихъ сторонъ хозяйства имѣетъ и самостоятельное значеніе, независимо отъ объясненія особенностей въ процессѣ производства.

Первобытное сельское хозяйство не соединяется съ торговлей сельскохозяйственными продуктами, удовлетворяетъ лишь потребностямъ самихъ производителей; другими словами, оно—чисто натуральное, безобмѣнное хозяйство. Этотъ первый періодъ въ исторіи сельскаго хозяйства уже миновалъ въ XVI вѣкѣ: происходило уже зарожденіе мѣнового хозяйства, наиболѣе замѣтное въ сѣверной части Степи и въ окраинныхъ уѣздахъ Центра. Цѣлый рядъ фактовъ убѣждаетъ насъ въ этомъ. Прежде всего замѣчательно, что въ теченіе столѣтія рубль понизился въ своей стоимости болѣе чѣмъ въ $3^1/_2$ раза: сравненіе тогдашнихъ цѣнъ на хлѣбъ съ современными приводитъ къ заключенію, что въ самомъ началѣ XVI в. рубль равнялся 94 нашимъ рублямъ, въ 30-хъ и 40-хъ годахъ—75-ти нашимъ, а во второй половинѣ вѣка его стоимость не превышала 25-ти современныхъ рублей; удешевленіе денегъ всегда служитъ несомнѣннымъ признакомъ усиленія мѣнового обращенія въ странѣ. На ростъ сельскохозяйственнаго обмѣна указываетъ и повышеніе цѣнъ на хлѣбъ: цѣна четверти ржи XVI в. (равной половинѣ нашей четверти) въ Центрѣ съ 5-ти денегъ въ 20-хъ годахъ поднялась въ слѣдующемъ десятилѣтіи до 20-ти денегъ, въ 50-хъ и 60-хъ годахъ до 30 а въ восьмидесятыхъ годахъ даже до 40 денегъ. Постепенное распространеніе денежнаго оброка, смѣнившаго натуральный землевладѣльческій доходъ, и переводъ многихъ натуральныхъ государственныхъ повинностей на деньги служитъ дальнѣйшимъ серьезнымъ доказательствомъ оживленія въ торговлѣ продуктами сельскаго хозяйства. Въ томъ же убѣждаютъ, наконецъ, прямыя свидѣтельства актовъ, иностранныхъ писателей и житій святыхъ: извѣстно, напримѣръ, что Рязань отправляетъ хлѣбъ по Окѣ, что ленъ, конопля, сало, кожи, составляли важныя статьи отпускной торговли сѣверныхъ уѣздовъ Центра (Ярославскаго, Пошехонскаго) и Новгородско-Псковской области (Западнаго Полѣсья), что къ Москвѣ вели съ разныхъ сторонъ не менѣе семи торговыхъ дорогъ и по одной только изъ нихъ, ярославской, ежедневно доставлялось

по 700—800 возовъ хлѣба въ зернѣ. Что касается до техническихъ пріемовъ торговли, то они характеризуются обыкновенно изолированностью рынковъ, приводящей къ рѣзкимъ колебаніямъ цѣнъ на товары въ разныхъ мѣстностяхъ, ярмарочной системой продажи, тяжелыми проѣзжими и торговыми пошлинами, лежавшими на товарахъ, и крайней дороговизной перевозки, являвшейся слѣдствіемъ неудовлетворительности путей сообщенія. Эта характеристика въ общемъ справедлива, но по отношенію къ сельскохозяйственному обмѣну нѣкоторыя черты ея необходимо смягчить: ярмарочная система не имѣла первостепеннаго значенія въ сельскохозяйственномъ обмѣнѣ, такъ какъ по всей почти странѣ разсѣяно было множество постоянныхъ хлѣбныхъ рынковъ: таковы были рынки почти во всѣхъ центральныхъ городахъ, особенно Москвѣ, Ярославлѣ, Твери, южнѣе въ Тулѣ и Рязани, на Сѣверѣ въ Вологдѣ и Устюгѣ, на западѣ въ Смоленскѣ, Псковѣ, Новгородѣ, ихъ пригородахъ и многочисленныхъ «рядкихъ» — торговыхъ поселеніяхъ Новгородской области; противъ изолированности рынковъ было другое средство—сильное развитіе посреднической дѣятельности капиталистовъ-скупщиковъ: о такихъ торговыхъ посредникахъ упоминаетъ не одно житіе святыхъ (напр., житія Зосимы и Савватія, Александра Оглевенскаго), писцовыя книги и грамоты неоднократно указываютъ на торговыя поѣздки новгородскихъ купцовъ въ Двинскую землю, во всѣ новгородскія пятины, въ Центрѣ и т. д. Вообще же надо замѣтить, что въ техническихъ условіяхъ торговли не совершилось сколько-нибудь замѣтной перемѣны въ теченіе вѣка, такъ что эти условія не могли повліять на сельскохозяйственное производобщее же усиленіе сельскохозяйственнаго обмѣна должно было отразиться благопріятно на земледѣліи, такъ что вопросъ объ упадкѣ послѣдняго въ Центрѣ и Западномъ Полѣсьѣ остается открытымъ и послѣ изученія мѣнового обращенія сельскохозяйственныхъ продуктовъ.

Еще болѣе знаменательно въ этомъ отношеніи изученіе распредѣленія сельскохозяйственнаго дохода между землевладѣльцами, земледѣльцами и государствомъ. Нѣкоторые изслѣдователи склонны приписывать тяжести государственнаго обложенія главное вліяніе на всѣ экономическія бѣдствія русскаго народа въ XVI вѣкѣ. Съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться. Внимательное изученіе податныхъ окладовъ того времени приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ: если принять за единицу обложенія соху въ 400 десятинъ доброй земли въ каждомъ полѣ или въ 500 десятинъ средней и 600 худой и перевести податные оклады XVI вѣка на наши современныя деньги, то окажется, что въ началѣ вѣка на наши деньги только около 660 рублей съ сохи платилось деньгами, остальное тягло состояло изъ натуральныхъ повинностей, въ двадцатыхъ годахъ 750 р. поступали въ казну деньгами, остальныя обязанности по отношенію къ государству отбывались натурой; въ началѣ пятидесятыхъ годовъ XVI вѣка почти всѣ натурал-

ныя повинности были переведены на деньги, чѣмъ и объясняется то обстоятельство, что въ 50-хъ—80-хъ годахъ податный окладъ съ сохи доходилъ до 1.050 р., такъ что реальнаго повышенія податей сравнительно съ болѣе раннимъ временемъ не было; оно наступило только въ восьмидесятыхъ годахъ, когда съ каждой сохи государство брало въ видѣ налоговъ уже 3.775 р. Итакъ, повышеніе налоговъ относится къ тому времени, которое слѣдовало за земледѣльческимъ упадкомъ въ Центрѣ и Западномъ Полѣсьѣ; а если налоги были повышены *послѣ* упадка полевого хозяйства, то, очевидно, не они были причиной этого послѣдняго явленія; напротивъ: можно думать, что переходъ отъ паровой-зерновой системы къ переложной и уменьшеніе запашки на крестьянскій дворъ, сокративъ доходы правительства, сбиравшаго подати только съ населенной и обрабатываемой земли, были одной изъ главныхъ причинъ перемѣны въ финансовомъ обложеніи, вызвали необходимость повысить податные оклады.

Но если не повышеніемъ государственныхъ налоговъ объясняется упадокъ земледѣльческаго производства,—переходъ отъ паровой-зерновой системы земледѣлія къ переложной и уменьшеніе средней величины крестьянской запашки на дворъ,—то нельзя ли видѣть причину этого упадка въ ростѣ землевладѣльческаго оброка и въ увеличеніи барщинной работы? Землевладѣльцы XVI вѣка собирали съ крестьянъ, жившихъ на ихъ земляхъ, оброкъ въ трехъ видахъ или долей урожая, или опредѣленною мѣрою хлѣба «посопнымъ хлѣбомъ», какъ тогда говорили, или, наконецъ, деньгами. Послѣдній видъ, денежный оброкъ, какъ было уже указано, постепенно вытѣснялъ два первые вида оброка, являвшіеся формами владѣльческаго натуральнаго сбора. Спрашивается теперь: не увеличились ли концу столѣтія размѣры, въ какихъ сбирался долевой хлѣбный оброкъ, посопный хлѣбъ и денежный оброкъ, и не былъ ли денежный оброкъ выше натуральнаго? Отвѣтъ на эти вопросы можно дать только отрицательный. Въ самомъ дѣлѣ: долевой натуральный оброкъ собирался обыкновенно въ видѣ половины, трети или четверти урожая, рѣже онъ понижался до пятой доли послѣдняго, причемъ высшая норма долевого натуральнаго оброка—половина урожая—выходила изъ употребленія по мѣрѣ удаленія отъ начала столѣтія; было бы, однако, ошибкой утверждать, что тяжесть такого оброка уменьшалась постепенно въ теченіе вѣка: дѣло въ томъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда давали половину урожая, обыкновенно не полагалось никакой денежной приплаты, между тѣмъ какъ при оброкѣ третьей, четвертой или пятой долей урожая приплачивались, сверхъ того, еще деньги; если такимъ образомъ долевой оброкъ не уменьшался, то онъ и не увеличивался: правда, съ одной и той же земельной площади въ 1500 г. платилась треть урожая и 9 копѣекъ деньгами того времени, въ 1539 г. та же доля урожая и 14 коп., а въ 1568 г., при такомъ же третномъ оброкѣ, 28 коп., но вѣдь въ са-

момъ началѣ вѣка одна копѣйка стоила на наши деньги 94 коп., въ 1539 г.—75 коп., а въ 1568 г. только 25 коп., такъ что денежныя доплаты въ трехъ указанныхъ случаяхъ, будучи выражены въ современныхъ намъ деньгахъ, равняются 846,1.050 и 625 коп.: колебанія невелики и говорятъ скорѣе въ пользу незначительнаго пониженія оброка во второй половинѣ XVI в., чѣмъ за его увеличеніе. То же самое приходится сказать и объ оброкѣ посопнымъ хлѣбомъ, на основаніи цѣлаго рода данныхъ, заключающихся въ писцовыхъ книгахъ. Наконецъ, если возьмемъ денежный оброкъ, то и здѣсь замѣтимъ лишь номинальное, а не реальное повышеніе: такъ, напримѣръ, въ Вотской пятинѣ въ самомъ началѣ XVI в. за пользованіе участкомъ земли въ 15 десятинъ во всѣхъ трехъ поляхъ платили 25 копѣекъ, что̀ при стоимости копѣйки того времени, равной 94 нашимъ, составляетъ на наши деньги 2.350 копѣекъ; тамъ же и съ такой же земельной площади въ 1582 г. землевладѣльцы брали по 1 р. (=100 коп.), т.-е. на наши деньги по 2.500 коп. Итакъ, реальная величина всѣхъ трехъ видовъ землевладѣльческаго оброка была почти неизмѣнна въ теченіе всего изучаемаго столѣтія. Къ этому надо прибавить, что денежный оброкъ въ 1 рубль былъ ниже и во всякомъ случаѣ не выше господствовавшаго въ началѣ вѣка натуральнаго оброка долей урожая: бѣднѣйшіе крестьяне Вотской пятины снимали въ это время со своихъ участковъ не болѣе 10 четвертей ржи и 14 четвертей овса; четверть ржи стоила тогда 15 копѣекъ, а четверть овса 10 коп.; слѣдовательно, стоимость всего урожая равнялось 290 коп.; оброкъ въ рубль составлялъ, значитъ, 34°/o валового дохода, тогдакакъ долевой натуральный сборъ начала вѣка составлялъ 50°/o урожая. Не надо забывать также, что приведенный разсчетъ относится къ самому недостаточному крестьянскому хозяйству. Наконецъ, не мѣнялась и барщина; съ каждыхъ 5 десятинъ пашни крестьянинъ все время обрабатывалъ на землевладѣльца по одной десятинѣ.

II.

Въ предшествующемъ изложеніи мы имѣли въ виду намѣтить основные процессы, совершавшіеся въ сельскохозяйственномъ производствѣ Московской Руси XVI вѣка, и ихъ отраженіе въ сферѣ обмѣна и распредѣленія продуктовъ хозяйства. Если и шла рѣчь о причинахъ изученныхъ чрезвычайно-любопытныхъ явленій производства, то по преимуществу, если не исключительно, приходилось констатировать невозможность отыскать эти причины въ тѣхъ сферахъ, которыя были подвергнуты изслѣдованію. Необходимо, слѣдовательно, сосредоточить теперь вниманіе на другихъ сторонахъ жизни, выйти изъ предѣловъ сельскохозяйственной промышленности въ болѣе широкую область общихъ экономическихъ условій времени. Первое изъ этихъ условій—

распредѣленіе населенія и колонизація. Изученіе колонизаціи въ XVI вѣкѣ сразу освѣщаетъ намъ очень многое въ производствѣ сельскохозяйственныхъ благъ. Непрерывный прогрессъ сельскохозяйственнаго производства въ Прикамьѣ, степи и окраинныхъ уѣздахъ центральной области въ значительной мѣрѣ объясняется ходомъ колонизаціи. Писцовыя книги и грамоты сохранили слѣды сильнаго движенія населенія въ этихъ областяхъ: на приливъ сюда населенія указываетъ наличность большого количества починковъ, т.-е. новыхъ поселеній, только что основанныхъ на пустыхъ мѣстахъ; параллельно такому приливу замѣтенъ, однако, и отливъ населенія, какъ показываетъ значительное число пустошей, т.-е. поселковъ, брошенныхъ населеніемъ. Такъ, напримѣръ, въ Костромскомъ уѣздѣ относительное количество починковъ немногимъ уступало числу пустошей, судя по актамъ и писцовымъ книгамъ; довольно типичны въ этомъ отношеніи вотчины Троицкаго-Сергіева монастыря въ этомъ уѣздѣ; въ нихъ починки въ сороковыхъ годахъ составляли 5% общаго числа поселеній, а пустоши 12%; соотвѣтствующія цифры для шестидесятыхъ годовъ—17% и 12%, а для 90-хъ 7% и 18%. Еще больше равновѣсія замѣчается въ Свіяжскомъ уѣздѣ, гдѣ въ 1565—1568 г. 21% всѣхъ поселеній составляли починки и 25%—пустоши. Въ степи населеніе приливало сильнѣе всего въ уѣзды сѣверные, ближайшіе къ центру, и колонизаціонное движеніе утрачивало постепенно свою напряженность по мѣрѣ удаленія къ югу, особенно къ юго-востоку. Монастыри, появившіеся въ XVI вѣкѣ въ предѣлахъ тѣхъ уѣздовъ, о которыхъ у насъ идетъ теперь рѣчь, служатъ также важнымъ признакомъ оживленной колонизаціи: въ окраинныхъ уѣздахъ центра можно насчитать за это время до 20-ти монастырей, вновь построенныхъ внѣ городовъ, на пустыхъ мѣстахъ; подобныя же, хотя и менѣе рѣзко выраженныя явленія можно наблюдать въ Прикамьѣ и степи. Вообще населеніе двигалось по всѣмъ этимъ мѣстамъ изъ центральной области, но, какъ всегда бываетъ, часть переселенцевъ осѣдала на дорогѣ, а другая часть шла дальше, увлекая за собою нѣкоторую долю и мѣстныхъ жителей. Слѣдовательно, земледѣльческій прогрессъ объясняется здѣсь въ значительной степени тѣмъ, что все это были или промежуточные этапы въ движеніи населенія на новыя мѣста, или окончательные пункты, гдѣ переселенцы обосновывались прочнѣе. Но придавая первостепенное значеніе процессу колонизаціи въ исторіи сельскохозяйственной промышленности сѣверныхъ и южныхъ окраинъ центра, степи и Прикамья, не слѣдуетъ забывать и нѣкоторыя отмѣченныя уже выше условія, благопріятно отзывавшіяся на земледѣльческомъ производствѣ этихъ краевъ: мягкій климатъ и тучная черноземная почва степи безъ особенныхъ усилій со стороны земледѣльца приносили хорошіе плоды и тѣмъ позволяли и увеличивать запашку, и переходить къ высшей по возможности системѣ земледѣлія; этому соотвѣтствовали и хорошія почвенныя условія юго-западнаго Прикамья

(Свіяжскаго и Казанскаго уѣздовъ) и даже сравнительно довольно плодородная мѣстами почва такихъ центральныхъ уѣздовъ, какъ Пошехонскій, Ярославскій, Костромской, Муромскій. Мы видѣли, наконецъ, что и сельскохозяйственный обмѣнъ достигъ наиболѣе замѣтнаго развитія именно въ этихъ мѣстностяхъ: Пошехонскій, Ярославскій, Костромской уѣзды торговали скотомъ, хлѣбомъ, отчасти льномъ, а степные доставляли по Окѣ и другими путями громадное количество хлѣба. Торговая посредническая дѣятельность и связанная съ нею перевозочная промышленность служили также немалымъ подспорьемъ въ хозяйствѣ.

Еще сложнѣе вліянія, подъ которыми сложились особенности въ техникѣ и формахъ производства на сѣверѣ. Несмотря на въ высшей степени суровый климатъ и дурную, скудную почву, колонизаціонное теченіе въ эту область было довольно сильно и направлялось двумя струями—изъ западнаго Полѣсья и центра. На это прямо указываютъ писцовыя книги и житія сѣверныхъ святыхъ, бывшихъ большею частью выходцами изъ этихъ областей. Насколько сильно было вліяніе колонизаціи на сельское хозяйство сѣвера,—это всего больше замѣтно по двумъ фактамъ: во-первыхъ, всего болѣе населенными уѣздами здѣсь являются въ XVI вѣкѣ тѣ, въ которыхъ, какъ мы видѣли, и хозяйство достигло наибольшаго прогресса: таковы уѣзды Бѣлозерскій, Каргопольскій и Двинскій; во-вторыхъ, такъ какъ колонизація совершилась здѣсь внѣ всякаго правительственнаго вліянія и лишь отчасти подъ вліяніемъ монастырей и служилыхъ землевладѣльцевъ, преимущественно же путемъ свободнаго, добровольнаго разселенія самихъ крестьянъ, то это способствовало сохраненію древнихъ хозяйственныхъ формъ—половничества, вообще натуральнаго оброка и складничества. Бѣлозерскій уѣздъ въ отношеніи къ населенію вообще приближался къ ближайшимъ къ сѣверу центральнымъ уѣздамъ, почему и въ немъ въ концѣ вѣка замѣтенъ нѣкоторый уходъ населенія, не вполнѣ соотвѣтствующій приливу, а значительно превосходящій его въ напряженности; однако, количество починковъ было здѣсь все время значительно, доходило до 33—35% общаго числа поселеній, въ нѣкоторыхъ случаяхъ было и выше. Въ Каргопольскомъ уѣздѣ колонизировали земли монастыри Александровъ-Ошевенскій, Спасо-Преображенскій, Кожеозерскій; пустоши составляли очень незначительный процентъ общаго числа поселеній. Значительная населенность Двинскаго уѣзда засвидѣтельствована иностранцами—Герберштейномъ, Гваньини—и многочисленными актами, въ которыхъ совсѣмъ не встрѣчаются пустоши.

Сохраненію первобытныхъ формъ хозяйства на сѣверѣ, кромѣ способа заселенія этой области, содѣйствовали еще естественныя и находящіяся въ связи съ ними мѣновыя условія края. Большинство населенія сѣверныхъ уѣздовъ почерпало средства для существованія не въ сельскохозяйственной, а въ добывающей промышленности, произ-

водя хлѣбъ лишь для своего потребленія, а не для продажи, или даже покупая хлѣбъ въ другихъ краяхъ. Это было необходимо вслѣдствіе скудости почвы и суровости климата. Вотъ почему сѣверное сельское хозяйство было по преимуществу натуральнымъ, безобмѣннымъ, чѣмъ вызывалось сохраненіе типическихъ для такого хозяйства формъ производства.

Наконецъ, было еще одно условіе, оказывавшее могущественное и благотворное вліяніе на земледѣльческое производство большинства сѣверныхъ уѣздовъ: мы имѣемъ въ виду преобладающее значеніе на сѣверѣ чернаго землевладѣнія. Чтобы понять, какъ и почему вліяніе это было благотворно, необходимо разрѣшить общій вопросъ о томъ, какъ отражались различные виды земельнаго владѣнія на хозяйствѣ крестьянъ. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что запашка на дворъ въ черныхъ земляхъ была обыкновенно крупнѣе, чѣмъ въ другихъ видахъ земельнаго владѣнія. Такъ, напримѣръ, въ 1582 г. въ Обонежской пятинѣ (нынѣшней Олонецкой губерніи) въ черныхъ волостяхъ на крестьянскій дворъ приходилось въ среднемъ около трехъ-четырехъ десятинъ пашни во всѣхъ трехъ поляхъ, въ помѣстьяхъ около двухъ-трехъ десятинъ, какъ и въ монастырскихъ и архіерейскихъ владѣніяхъ. Подобныя же явленія можно наблюдать и въ другихъ областяхъ государства. Кромѣ того, и система земледѣлія въ черныхъ земляхъ и служилыхъ вотчинахъ была интензивнѣе или, по крайней мѣрѣ, менѣе экстензивна, чѣмъ въ монастырскихъ имѣніяхъ и помѣстьяхъ, Объ этомъ убѣдительно свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ писцовыхъ книгъ XVI вѣка новгородскимъ пятинамъ, уѣздамъ центральнымъ, какъ Московскій, Коломенскій, и приказильскимъ, въ родѣ Казанскаго и Свіяжскаго, вообще по тѣмъ областямъ, въ которыхъ одновременно существовали земли разныхъ видовъ владѣнія Очень часто разореніе монастырскихъ и помѣстныхъ земель доходило до крайности: въ 80-хъ годахъ XVI вѣка оъ уѣздахъ Пскова съ 8-ю его пригородами въ помѣстьяхъ подъ пашней было всего около 1.600 дес. въ каждомъ полѣ, а подъ залежью въ 11 разъ больше: 18.000 десятинъ; въ монастырскихъ и церковныхъ владѣніяхъ пашня составляла здѣсь менѣе 1/15 всей пахотной земли (пашни считалось 1.500 дес., а перелога 21.500 дес.), между тѣмъ, какъ въ земляхъ, оставшихся за царемъ, т.-е. черныхъ, перелогъ (120 дес.) лишь вдвое превосходилъ своими размѣрами пашню (60 дес.). Крайне-безпорядочное, хищническое веденіе хозяйства на помѣстныхъ и монастырскихъ земляхъ засвидѣтельствовано, впрочемъ, не однѣми писцовыми книгами, а и многими грамотами. Правительство въ оффиціальномъ документѣ—соборномъ приговорѣ 1581 года—открыто признало крайнее разореніе монастырскихъ вотчинъ, «запустошеніе» ихъ монастырскими властями. Относительно помѣстнаго хозяйства имѣемъ цѣлый рядъ актовыхъ указаній: помѣщики разгоняютъ и грабятъ крестьянъ, вырубаютъ лѣсъ,

истощаютъ землю, пашутъ ее «наѣздомъ», безъ всякой системы и порядка, не живутъ въ помѣстьяхъ, а сдаютъ ихъ въ аренду посторонним людямъ, которые стараются извлечь для себя въ возможно болѣе короткое время наибольшій доходъ изъ арендованной земли, не заботясь о сохраненіи ея производительныхъ силъ на будущее время. Такое безпорядочное хозяйство въ помѣстьяхъ — не случайность, а естественное и неизбѣжное послѣдствіе юридической природы помѣстнаго владѣнія. Юридически земля, отданная въ помѣстье, считалась собственностью государя, который уступалъ ее помѣщику только въ временное пользованіе подъ условіемъ службы; поступаясь въ пользу помѣщика правами *пользованія* — и то не безусловно, такъ какъ въ принципѣ за правительствомъ оставалось право наблюденія за хозяйственными дѣйствіями помѣщика въ пожалованномъ имѣніи,—государь сохранялъ за собою всѣ права *распоряженія* помѣстной землей: помѣщикъ совершенно не имѣлъ права отчуждать землю постороннему, не могъ и передавать ее по наслѣдству даже своимъ сыновьямъ. Болѣе того: правительство всегда могло уменьшить размѣры помѣстья, взять его у владѣльца совсѣмъ и передать другому, однимъ словомъ, если того требовали интересы государства, могло по своему усмотрѣнію лишать помѣщика и правъ пользованія предоставленнымъ ему имѣніемъ. Все это пріучало помѣщика къ мысли, что плоды его хозяйственныхъ заботъ и трудовъ пожнетъ, вѣроятнѣе всего, не его сынъ и даже не другой родственникъ, а чужой человѣкъ, не связанный съ нимъ кровными узами. Вотъ основной источникъ дурного веденія хозяйства въ помѣстьяхъ. Былъ однако и другой, связанный тѣсно съ этимъ: даже и при хозяйственномъ усердіи помѣщика крестьяне, непосредственно прилагавшіе свой личный трудъ къ обработкѣ земли, не были гарантированы отъ разоренія именно потому, что сидѣли на помѣстной землѣ. Вотъ типическій примѣръ такого разоренія. Въ 1598 г. нѣкто Ѳоминъ отдалъ свое владимірское помѣстье на оброкъ крестьянину Шишкину; помѣстье было сильно запущено, и арендаторъ приложилъ не мало труда, чтобы привести его въ лучшее состояніе: онъ посѣялъ яровой хлѣбъ, вспахалъ паръ подъ рожь, вырубилъ и выжегъ на многихъ десятинахъ лѣсъ, скосилъ сѣно на лугахъ. Въ разгаръ этихъ работъ старый помѣщикъ Ѳоминъ лишился своего имѣнія, которое было отдано въ помѣстье другому лицу, Соболеву. Послѣдній, вступивъ во владѣніе и не получивъ ничего отъ Шишкина, такъ какъ весь оброкъ былъ уплаченъ имъ прежнему владѣльцу, счелъ себя въ правѣ воспользовать плодами трудовъ крестьянина и осуществилъ это право слѣдующимъ образомъ: посѣялъ хлѣбъ на пару, приготовленномъ Шишкинымъ, свезъ къ себѣ скошенное имъ сѣно, и Шишкинъ остался въ большихъ убыткахъ: безъ пашни и безъ сѣна, да сверхъ того при распашкѣ нивы онъ потерялъ еще безъ пользы для себя нѣсколькихъ лошадей и воловъ.

Дурное веденіе хозяйства въ монастырскихъ имѣніяхъ въ значительной мѣрѣ объясняется тѣмъ, что здѣсь развитъ былъ способъ хозяйственной эксплуатаціи земли, во многомъ похожій въ экономическомъ отношеніи на помѣстье,—именно дача монастырскихъ владѣній во временное, условное, большею частью пожизненное пользованіе: земли эти давались или за вкладъ, или съ обязательствомъ со стороны лица, бравшаго землю, служить монастырю. Эти владѣнія были такъ же непрочны, какъ помѣстья, что естественно вело къ ихъ разоренію. Была, кромѣ того, и еще одна очень важная причина хозяйственнаго упадка монастырскихъ вотчинъ: ихъ громадные размѣры, особенно въ центральныхъ уѣздахъ, отчасти и въ Западномъ Полѣсьѣ. Достаточно сказать, что Троицкій Сергіевъ монастырь владѣлъ землями въ тридцати трехъ уѣздахъ и въ 27 изъ нихъ считалось у него до 200 тысячъ десятинъ земли, а Новодѣвичій въ четырнадцати уѣздахъ обладалъ 30 тысячами десятинъ, и прибавить, что это были далеко не единственные и не рѣдкіе примѣры крупнаго монастырскаго землевладѣнія.

Само собою разумѣется, что помѣстное и монастырское хозяйство отражалось и на земледѣліи въ черныхъ земляхъ и служилыхъ вотчинахъ: народное хозяйство, какъ бы ни были изолированы отдѣльныя хозяйственныя единицы, его составляющія, представляетъ собою все-таки цѣльный организмъ, разстройство отдѣльныхъ частей котораго неминуемо отзывается и на состояніи другихъ его элементовъ. Однако, не смотря на это, система земледѣлія на черныхъ и вотчинныхъ земляхъ была все-таки менѣе экстензивна, чѣмъ въ помѣстьяхъ и монастырскихъ имѣніяхъ. Понятно, что тамъ, гдѣ два послѣдніе вида земельнаго владѣнія не были распространены, занимали относительно небольшую площадь, ихъ вредное хозяйственное вліяніе не чувствовалось почти совершенно. Сѣверъ отличался именно этою особенностью: помѣстья здѣсь были лишь въ Обонежской пятинѣ, въ Бѣлозерскомъ и Вологодскомъ уѣздахъ и то большею частью не подавляли своею массой другихъ видовъ поземельной собственности; монастырскія же вотчины, за немногими исключеніями, были не велики и очень часто по хозяйственному своему типу подходили близко къ чернымъ землямъ: во многихъ мелкихъ, «убогихъ» монастыряхъ монахи сами пахали и косили. Вотъ почему выше и было указано, что сельско-хозяйственное производство на сѣверѣ обязано было своимъ постепеннымъ, хотя и медленнымъ, поступательнымъ движеніемъ, кромѣ естественныхъ, мѣновыхъ и колонизаціонныхъ условій, также и поземельнымъ,—сохраненію здѣсь преобладающаго значенія за чернымъ землевладѣніемъ.

Мы не безъ цѣли остановились на хозяйственномъ вліяніи помѣстнаго и монастырскаго землевладѣнія. Дѣло въ томъ, что упадокъ сельско-хозяйственнаго производства и сокращеніе запашки на дворъ и на рабочаго въ центрѣ и Западномъ Полѣсьѣ были непосредственнымъ

слѣдствіемъ развитія помѣстной системы и монастырскаго землевладѣнія на счетъ земель вотчинныхъ и черныхъ. Изучая распредѣленіе населенія въ указанныхъ двухъ старыхъ областяхъ Московской Руси XVI вѣка, легко замѣтить, что до семидесятыхъ годовъ въ этомъ отношеніи незамѣтно большихъ перемѣнъ, съ этого же времени можно наблюдать рѣзко выраженное бѣгство крестьянъ изъ уѣздовъ, окружавшихъ столицу, и изъ большей части Новгородско-Псковской области. Это бѣгство отмѣчается иностранцами Ульфельдомъ, Поссевиномъ, Флетчеромъ, о немъ свидѣтельствуютъ акты и писцовыя книги: такъ, въ Московскомъ уѣздѣ въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ относительное количество пустошей доходило до 76, 93 и даже 95% и не спускалось ниже 45%, починковъ же почти совсѣмъ не было; то же самое наблюдается въ уѣздахъ Дмитровскомъ, Можайскомъ, Рузскомъ, Переяславль-Залѣсскомъ и т. д., и т. д. Такое поразительное по своей напряженности движеніе населенія изъ старыхъ основныхъ областей государства и было исходнымъ моментомъ того заселенія сѣвера, Прикамья и степи, о которомъ у насъ уже шла рѣчь. Мы видѣли выше, какія естественныя и экономическія условія привлекали населеніе въ эти области. Но для объясненія причинъ переселенія недостаточно знать, что̀ привлекало переселенцевъ на новыя мѣста, надо еще—и это главное—опредѣлить, что̀ выгоняло ихъ съ родины, къ которой ихъ привязывали привычка и инстинктъ. Такимъ образомъ, если бы мы объяснили хозяйственный упадокъ центральныхъ и новгородско-псковскихъ уѣздовъ уходомъ изъ нихъ населенія и его стремленіемъ на новыя мѣста, то такое объясненіе слѣдовало бы считать недостаточнымъ. Изученіе хозяйственнаго вліянія помѣстной системы и монастырскаго землевладѣнія и даетъ намъ искомый отвѣтъ на вопросъ о причинахъ важнѣйшаго и оригинальнѣйшаго явленія въ исторіи сельско-хозяйственнаго производства и колонизаціи въ Московскомъ государствѣ XVI вѣка: и монастырское землевладѣніе, и помѣстная система вели къ разоренію, къ господству переложной системы и къ сокращенію среднихъ размѣровъ пашни на дворъ и рабочаго, а слѣдовательно и къ бѣгству населенія; между тѣмъ, обѣ эти формы земельнаго владѣнія становятся въ XVI вѣкѣ господствующими и въ центрѣ, и въ Западномъ Полѣсьѣ. Это можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ, взятыхъ изъ числа многихъ фактовъ, засвидѣтельствованныхъ писцовыми книгами: въ Шелонской пятинѣ въ 1582—1586 г. помѣстья занимали въ одной половинѣ пятины 94 проц. всей территоріи, а въ другой—болѣе 97 проц.: въ первомъ случаѣ на помѣстную землю приходилось 103 тысячи десятинъ изъ 110 тысячъ, во второмъ — 60 тысячъ десятинъ изъ 62 тысячъ; въ Московскомъ уѣздѣ, по писцовой книгѣ тѣхъ же годовъ, изъ 490 тысячъ десятинъ пахотной земли монастырскія вотчины занимали 175 тысячъ десятинъ или болѣе 35 проц., а въ помѣстьяхъ считалось около 165 ты-

*

сячъ десятинъ, что составляетъ 34 проц. всей площади, описанной въ книгѣ.

Въ связи съ развитіемъ помѣстной системы стояли и нѣкоторыя другія важныя явленія въ области распредѣленіи земельной собственности, оказавшія сильное вліяніе на хозяйство. Изъ такихъ явленій заслуживаютъ особаго вниманія два: уменьшеніе размѣровъ отдѣльныхъ имѣній или раздробленіе крупныхъ владѣній и развитіе мобилизаціи земельной собственности, т.-е. быстраго и непрерывнаго перехода имѣній въ руки лицъ, не состоящихъ въ родствѣ съ прежними владѣльцами. Изучая писцовыя книги XVI вѣка, не трудно замѣтить, что въ подавляющемъ большинствѣ уѣздовъ къ концу столѣтія крупныя землевладѣльческія единицы — болѣе 1.000 десятинъ во всѣхъ трехъ поляхъ—встрѣчаютси только какъ исключенія, обыкновенно же преобладаютъ имѣнія среднихъ размѣровъ въ 150—300 десятинъ. Это—не случайность, а неизбѣжное послѣдствіе помѣстной системы, которая имѣла цѣлью создать земельное обезпеченіе для массы служилыхъ людей, причемъ обезпеченіе это давалось въ размѣрахъ, достаточныхъ лишь для несенія службы средней, нормальной тяжести. Между тѣмъ всѣ данныя убѣждаютъ насъ, что въ крупныхъ имѣніяхъ земледѣліе всегда находилось въ лучшемъ состояніи, чѣмъ въ среднихъ и мелкихъ; ограничимся однимъ примѣромъ: въ 1594—1595 г. въ Вяземскомъ уѣздѣ крупные землевладѣльцы примѣняли на своихъ владѣніяхъ правильную паровую-зерновую систему полевого хозяйства—перелогъ занималъ у нихъ ничтожную площадь въ 11 десятинъ—между тѣмъ въ среднемъ землевладѣніи половина всей пахотной земли, до 25 тысячъ десятинъ, оставалась въ залежи, а въ мелкомъ можно наблюдать уже прямо переложную систему земледѣлія, перевѣсъ залежи надъ пашней. Измельчаніе имѣній замѣтно не только въ помѣстномъ, но и еще въ большей степени въ вотчинномъ землевладѣніи по той причинѣ, что число вотчинниковъ увеличивалось путемъ естественнаго прироста населенія, размѣры же вотчинной земли не только не увеличивались, а напротивъ, уменьшились, такъ какъ значительная доля ея постепенно перешла въ руки монастырей. Это послѣднее явленіе приводитъ насъ къ второму, только-что отмѣченному процессу въ исторіи землевладѣнія XVI вѣка—мобилизаціи земельной собственности: вотчины не только въ громадныхъ размѣрахъ переходили въ собственность монастырей, но и очень часто попадали не въ руки наслѣдниковъ и вообще родственниковъ, а къ чужеродцамъ. Такъ, въ Московскомъ уѣздѣ въ 20 лѣтъ изъ общаго числа 152 вотчинъ 75 или 49,3 проц. перешли въ собственность лицъ, совершенно постороннихъ прежнимъ владѣльцамъ. Въ Коломенскомъ изъ 148 имѣній 61 (41,2 проц.) принадлежало прежде чужеродцамъ. Еще сильнѣе совершалась мобилизація помѣстныхъ земель: въ большинствѣ случаевъ $^{2}/_{3}$, $^{3}/_{4}$ и даже $^{9}/_{10}$ ихъ переходили къ лицамъ, не связаннымъ

съ прежними владѣльцами кровными узами. Это не могло не отражаться на хозяйствѣ: данныя нашихъ источниковъ позволяютъ замѣтить, что наибольшимъ запустѣніемъ отличались какъ разъ имѣнія, принадлежавшія прежде чужеродцамъ.

Итакъ, самое оригинальное явленіе въ сельскохозяйственной промышленности Московскаго государства XVI вѣка—упадокъ земледѣльческаго производства въ бо́льшей части центральной области и Западнаго Полѣсья — объясняется перемѣнами въ распредѣленіи земельной собственности: господствомъ помѣстной системы и монастырскаго землевладѣнія, раздробленіемъ крупныхъ имѣній и развитіемъ мобилизаціи. Ни въ какомъ случаѣ однако нельзя удовлетвориться такимъ объясненіемъ: мы опять имѣемъ здѣсь только нить, руководясь которой мы можемъ выйти въ широкую область общихъ экономическихъ отношеній, въ ту сферу, въ которой и нужно искать истиннаго разрѣшенія вопроса. Вѣдь если перемѣны въ распредѣленіи земельной собственности объясняютъ намъ ближайшимъ образомъ своеобразное направленіе земледѣльческаго производства, то спрашивается, какими же условіями опредѣлились эти перемѣны въ распредѣленіи землевладѣнія? Образованіе и развитіе помѣстной системы до сихъ поръ объяснялось или недостаткомъ денежныхъ средствъ у государства, вынужденнаго, однако, ради защиты и расширенія территоріи содержать военную силу и потому вознаграждавшаго служилыхъ людей за ихъ службу землей, которой было достаточно, или невозможностью крупнаго хозяйства и правильнаго управленія громадными и разбросанными имѣніями,—невозможностью, принуждавшей крупныхъ землевладѣльцевъ и между ними прежде всего государя раздавать свои земли во временное условное пользованіе съ цѣлями достигнуть болѣе энергичной хозяйственной ихъ эксплуатаціи. Надо, однако замѣтить, что оба эти объясненія, вѣрно опредѣляя спеціальныя, частныя условія появленія и развитія помѣстья, игнорируютъ главное условіе, второстепеннымъ и производнымъ отраженіемъ котораго являются и бѣдность государства денежными средствами, и невозможность крупнаго хозяйства: такимъ главнымъ условіемъ, дѣйствительно создавшимъ помѣстную систему, было господство натуральнаго хозяйства, т.-е. слабое развитіе обмѣна, торговыхъ сношеній; при слабости мѣнового обращенія продуктовъ общество всегда бываетъ бѣдно денежными средствами, и нѣтъ возможности вести крупное хозяйство, для котораго необходимъ обширный и свободный рынокъ. Помѣстная система органически связана съ системой натуральнаго хозяйства, является необходимымъ спутникомъ послѣдняго въ извѣстной стадіи его развитія,—говоримъ «въ извѣстной стадіи развитія», потому что и натуральное хозяйство не есть нѣчто разъ навсегда данное и неизмѣнное оно такъ же, какъ и все въ жизни общества, извѣстный процессъ, подробности котораго заслуживаютъ изученія. Ни здѣсь, ни въ книгѣ, изложеніемъ которой является настоящая статья, мы не можемъ однако

вдаваться въ эти подробности, имѣя въ виду посвятить особую статью изученію общаго вопроса о связи натуральнаго хозяйства съ формами землевладѣнія. Ограничимся только констатированіемъ такой связи между помѣстьемъ и натуральнымъ хозяйствомъ и замѣтимъ, что натуральнымъ же хозяйствомъ обусловливалось и развитіе другого господствовавшаго въ XVI вѣкѣ вида земельнаго владѣнія, — монастырской вотчины. Въ самомъ дѣлѣ: чѣмъ объясняютъ обыкновенно фактъ необычайнаго развитія монастырскаго землевладѣнія? Указываютъ на желаніе стать подъ защиту монастыря, выгодную вслѣдствіе податныхъ и административно-судебныхъ льготъ, щедро жалуемыхъ монастырямъ государями, на хорошее веденіе монастырскаго хозяйства, на задолженность землевладѣльцевъ монастырямъ, наконецъ, на религіозные взгляды общества, убѣжденіе въ необходимости пожертвованія въ пользу церкви для спасенія души. Но льготы и защиту можно было найти у всякаго богатаго землевладѣльца, свѣтскаго такъ же, какъ и духовнаго; мнѣніе о хорошемъ веденіи монастырскаго хозяйства надо считать просто предразсудкомъ, такъ какъ хозяйство на монастырскихъ земляхъ шло, какъ было уже указано хуже, чѣмъ на земляхъ черныхъ и въ вотчинахъ служилыхъ людей; задолженность вовсе не была велика, какъ видно и изъ завѣщаній, и изъ того обстоятельства, что монастыри пріобрѣтали большую, даже подавляющую своей относительной величиной часть своихъ владѣній не путемъ пріема въ залогъ или покупки, а путемъ пріема въ даръ; что же касается до убѣжденія въ необходимости пожертвованія въ церковь съ цѣлью спасти свою душу, то оно еще не обусловливало вклада *земли*, такъ какъ можно было вложить и движимые капиталы. Земельные вклады въ монастырь, т.-е. развитіе монастырскаго землевладѣнія, становятся необходимыми именно вслѣдствіе господства натуральнаго хозяйства и являющейся слѣдствіемъ этого скудости денежныхъ средствъ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что то зарожденіе мѣнового сельскаго хозяйства, которое намъ приходилось наблюдать во второй половинѣ XVI вѣка, также содѣйствовало и развитію монастырскаго землевладѣнія, и мобилизаціи земельной собственности: всѣ переходы отъ однѣхъ соціальныхъ формъ къ другимъ отличаются болѣзненнымъ характеромъ, мучительно отзываются на состояніи хозяйства и сопровождаются жертвами; съ зарожденіемъ болѣе оживленныхъ мѣновыхъ оборотовъ обостряется нужда въ денежныхъ капиталахъ, что и ведетъ къ мобилизаціи земельной собственности и къ переходу ея въ руки богатыхъ монастырей, скупающихъ земли за безцѣнокъ у лицъ, болѣе слабыхъ въ хозяйственномъ отношеніи.

Такимъ образомъ общія экономическія условія времени—натуральное хозяйство и начавшееся зарожденіе хозяйства мѣнового—съиграли опредѣляющую роль въ исторіи земледѣльческаго производства коренныхъ, самыхъ важныхъ областей Московскаго государства въ XVI вѣкѣ. Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, что все это составляетъ особенность одной

только Московской Руси: лучшимъ доказательствомъ того, что развитіе помѣстной системы и монастырскаго землевладѣнія связано неразрывными узами съ развитіемъ натуральнаго хозяйства служитъ тотъ всѣмъ извѣстный теперь фактъ, что монастырская вотчина и помѣстье—последнее подъ именемъ бенефиція—были извѣстны и Западной Европѣ; помѣстье представляло также важный и распространенный видъ земельной собственности и въ Византіи, и въ Индіи, и въ мусульманскихъ государствахъ, и даже въ древнихъ, уничтоженныхъ европейцами государствахъ Новаго Свѣта *). Вездѣ процессъ развитія натуральнаго хозяйства привелъ къ распространенію указанныхъ землевладѣльческихъ формъ. Вездѣ эти формы должны были неблагопріятно отозваться на земледѣльческомъ производствѣ. Почему же только въ Россіи онѣ повели къ такому небывало рѣзкому упадку земледѣлія? Отвѣта на этотъ вопросъ, отмѣчающій дѣйствительную особенность нашего отечества, надо искать въ основномъ историческомъ условіи, непрерывно дѣйствовавшемъ въ нашемъ прошломъ и дѣйствующемъ еще теперь,—въ своеобразномъ отношеніи населенія страны къ ея территоріи: громадные размѣры послѣдней при относительно небольшомъ количествѣ населенія сдѣлали возможнымъ быстрый отливъ населенія, уходъ его отъ хозяйственныхъ неурядицъ и разоренія. Въ другихъ странахъ этого условія не было, и вредное хозяйственное вліяніе формъ, подобныхъ помѣстью и монастырской вотчинѣ, сказалось менѣе рѣзко и привело къ другимъ послѣдствіямъ въ сферѣ соціально-политической: эти послѣдствія въ западно-европейскихъ государствахъ извѣстны подъ названіемъ феодализма. Наше отечество феодализма не знало: вмѣсто него, у насъ восторжествовало крѣпостное государство съ самодержавною властью царя. Почему? Вотъ вопросъ, на который мы должны теперь отвѣтить.

III.

Происхожденіе западно-европейскаго феодальнаго порядка хорошо извѣстно. Онъ явился результатомъ развитія и органическаго соединенія трехъ соціальныхъ явленій,—бенефиція, коменданціи и иммунитета Бенефицій—то-же, что русское помѣстье: это пожизненное поземельное владѣніе, обусловленное для его обладателя обязанностью службы тому лицу, которымъ былъ пожалованъ бенефицій. Бенефицій, какъ и русское помѣстье, могъ быть взятъ обратно лицомъ, его пожаловавшимъ; обладатель бенефиція не имѣлъ права отчуждать его постороннимъ и передавать по наслѣдству родственникамъ. Коммендаціей называлась отдача себя подъ покровительство сильнаго человѣка, крупнаго землевладѣльца, съ цѣлью спасти себя отъ насилій, всегда очень распро-

*) См. объ этомъ, напр., во введеніи къ сочиненію М. М. Ковалевскаго «Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства», т. I.

страненныхъ при слабости государственной власти; коммендація дѣлала личность коммендата (лица, поступавшаго подъ покровительство сильнаго человѣка) зависимой отъ покровительствующаго, обращала коммендата въ его подданнаго: обязуясь защищать коммендата отъ насилій, сильный человѣкъ являлся представителемъ и заступникомъ его на судѣ, несъ за него отвѣтственность, что́, естественно вело къ необходимости со стороны покровителя надзора за коммендатомъ, власти надъ нимъ, права судить о его поступкахъ и въ случаѣ нужды привлекать его за нихъ къ отвѣтственности, однимъ словомъ къ подданству коммендата патрону. Иногда коммендировалась не только извѣстная личность, но и земля, которою эта личность владѣла: коммендатъ въ такомъ случаѣ оставался на этой землѣ, но она считалась уже собственностью патрона, а коммендату принадлежало лишь право пользованію, т. е. земля обращалась въ этомъ случаѣ въ бенефицій (мы употребляемъ здѣсь выраженіе «бенефицій» вмѣсто всѣхъ другихъ обычныхъ въ то время для обозначенія подобныхъ отношеній терминовъ единственно въ цѣляхъ большей простоты изложенія). Крупные землевладѣльцы ранняго средневѣковья были, наконецъ, государями въ своихъ земляхъ: чинили судъ и расправу и собирали подати; эти, по нашему современному представленію, *государственныя* права въ то время считались неотъемлемой принадлежностью права собственности на землю, срослись съ послѣднимъ. Въ крупномъ имѣніи — духовномъ или свѣтскомъ—не было никакой власти, кромѣ власти землевладѣльца, оно было изъято изъ вѣдомства органовъ королевской администраціи или, какъ тогда говорили пользовалось иммунитетомъ.

Но всѣ эти порядки отличались слабой устойчивостью, крайней непрочностью и подвижностью: бенефицій могъ быть всегда отнятъ у лица, его получившаго, коммендатъ могъ оставить своего патрона и перейти къ другому, иммунитеты можно было нарушить. Весь вопросъ былъ въ томъ, кто окажется сильнѣе,—король или крупные землевладѣльцы. Перевѣсъ силы былъ на сторонѣ крупныхъ землевладѣльцевъ, и колеблющіяся, расплывчатыя, непрочныя соціальныя формы ранней средневѣковой эпохи превратились въ отчетливыя, рѣзко выраженныя нормы, совокупность которыхъ называется феодальнымъ порядкомъ: бенефицій обратился въ ленъ или феодъ, т. е. земельное владѣніе, хотя и обусловленное обязанностью службы, но по существу наслѣдственное и свободное, подлежавшее отчужденію по волѣ владѣльца, лишь бы сюзерену были уплачены особыя пошлины при переходѣ владѣнія, и лишь бы новый владѣлецъ сталъ въ такія-же къ нему отношенія, въ какихъ находился прежній; коммендація перешла въ вассалитетъ т. е. въ постоянную связь подданства. исключавшую возможность ухода и наслѣдственную; наконецъ иммунитеты развились до крайнихъ размѣровъ, до права войны, феодальнаго законодательства, чеканки монеты.

Таковъ былъ въ самыхъ общихъ чертахъ ходъ соціально-политическаго развитія западно-европейскихъ странъ съ начала среднихъ вѣковъ до ихъ расцвѣта. Въ результатѣ этого процесса получается, слѣдовательно, крайнее преобладаніе, почти полное господство феодальной аристократіи и совершенный упадокъ власти государей.

Ничего подобнаго не замѣчаемъ мы въ восточной Европѣ. Стоитъ лишь нѣсколько познакомиться съ соціально-политическимъ строемъ Московскаго государства конца XVI и XVII вѣковъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Что такое представлялъ собою въ это время московскій служилый классъ? Потомки бывшихъ великихъ и удѣльныхъ князей и большихъ московскихъ бояръ, помогавшихъ Калитѣ, его дѣтямъ и внукамъ въ упорной, трудной и не всегда чистой работѣ собиранія Руси, привыкшіе по наслѣдству отъ дѣдовъ и отцовъ смотрѣть на себя какъ на наслѣдственныхъ правителей государства, безъ совѣта и согласія которыхъ не можетъ обойтись московскій государь погибли въ казняхъ Грознаго, среди ужасовъ опричнины и Смутнаго времени и лишились большей части своихъ наслѣдственныхъ владѣній въ которыхъ сильны еще были преданія объ ихъ удѣльной власти. Иванъ Грозный, учредивъ опричнину, отбиралъ цѣлыми массами на себя, въ опричнину княжескія вотчины, уничтожая тѣмъ послѣдніе обломки удѣльныхъ привилегій. Изнуренная и ослабѣвшая боярская аристократія заняла въ государствѣ положеніе, совершенно одинаковое съ остальной массой служилаго люда: образовалось крѣпостное, вѣчно обязанное службой государству служилое сословіе, являвшееся послушнымъ орудіемъ въ рукахъ государственной власти. Военная служба легла тяжелой повинностью не только на дворянъ и дѣтей боярскихъ, но и на князей и бояръ. Помѣстья — по крайней мѣрѣ въ теоріи — остались прежнимъ непрочнымъ владѣніемъ, распоряженіе которымъ зависѣло отъ воли государя, и только на практикѣ правительство прививало къ нимъ принципъ наслѣдственности, стараясь передавать ихъ по смерти владѣльца его сыновьямъ, а вотчины окончательно сблизились съ помѣстьями, такъ какъ восторжествовалъ принципъ, въ силу котораго каждый вотчинникъ обязанъ былъ военной службой государству. Государственная власть стала прочной ногой и въ области администраціи: льготы—податныя и судебныя—подверглись значительному ограниченію, и вмѣсто бывшаго намѣстника, по закону кормившагося на счетъ населенія, появился воевода, завѣдывавшій государственными доходами, администраціей и судомъ уже не на себя, какъ намѣстникъ, а на царя, представлявшій изъ себя не простой органъ хозяйственнаго управленія, а носителя государственной власти. Но всего замѣчательнѣе, конечно то, что московскій царь, не смотря на страшную бурю, пронесшуюся надъ страной въ началѣ XVII вѣка, не только сохранилъ, но и укрѣпилъ свое самодержавіе.

Контрастъ московскихъ порядковъ XVII вѣка съ средневѣковымъ

западно-европейскимъ строемъ оказывается такимъ образомъ поразительнымъ: та сила, которая восторжествовала въ Московскомъ государствѣ, была принижена въ Западной Европѣ, и наоборотъ. Но какъ ни поразителевъ этотъ контрастъ, его сила и яркость выдѣляется еще больше, если принять въ соображеніе то обстоятельство, что въ Московской Руси XV—XVI вѣковъ и даже позднѣе были налицо всѣ элементы, изъ которыхъ сложился западно-европейскій феодализмъ. Въ самомъ дѣлѣ: мы уже упоминали, что московское помѣстье почти совершенно тождественно съ западнымъ бенефиціемъ. Хорошо извѣстно также, что еще въ удѣльное время князья давали своимъ слугамъ податныя и судебныя льготы. Тогда льготы эти «были личнымъ отличіемъ; пожалованіе и продолженіе ихъ было такъ же необязательно для князя, какъ необязательна была и вызвавщая ихъ служба вольнаго слуги. Съ объединеніемъ сѣверной Руси государственная служба служилыхъ людей, сдѣлалась обязательной; тогда и поземельныя льготы, какъ ея послѣдствіе, перестали быть случайнымъ исключеніемъ, личнымъ отличіемъ, стали общимъ нормальнымъ явленіемъ»; «какъ самая повинность службы стала политической особенностью цѣлаго класса служилыхъ землевладѣльцевъ, такъ и землевладѣльческія льготы получили значеніе сословныхъ преимуществъ служилаго класса» *). Не надо кромѣ того забывать, что если льготы на барскія земли обязаны были своимъ происхожденіемъ пожалованію московскаго государя, то бывшіе удѣльные князья, ставъ служилыми, пользовались многими государственными правами въ своихъ бывшихъ удѣльныхъ владѣніяхъ не въ силу милости московскаго великаго князя, впослѣдствіи царя, а по праву наслѣдованія. Такимъ образомъ нѣтъ сомнѣнія, что въ Московской Руси существовали средневѣковые до феодальные иммунитеты и для превращенія ихъ въ иммунитеты феодальные недоставало только пріобрѣтенія служилыми князьями и боярами такихъ правъ, какъ право войны, законодательства, чеканки монеты и т. п. Наконецъ, Московская Русь знала и институтъ совершенно соотвѣтствовавшій по своей юридической природѣ западно-европеской коммендаціи. Еще Соловьевъ сближалъ съ послѣдней древнерусское закладничество, свидѣтельства о которомъ нерѣдко встрѣчаются и въ удѣльное время, и въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Недавно это предположеніе Соловьева обстоятельно развито и доказано въ небольшой, но очень содержательной книжкѣ г. Павлова-Сильванскаго «Закладничество-патронатъ». Главные доводы, къ которымъ пришелъ авторъ этой работы, заключаются въ слѣдующемъ. Слово «закладень» или «закладникъ» происходитъ отъ глагола «закладываться», употреблявшагося въ значеніи «закрываться», «защищаться»; синонимъ этого глагола—«задаваться»; отсюда закладники — лица задавшіяся, отдавшія себя подъ защиту сильнаго человѣка «заступные люди», какъ они иногда называются въ

*) *Ключевскій*, «Боярская Дума древней Руси», изд. 2, стр. 229.

документахъ, или, по выраженію западно-русскихъ актовъ, «протекціальные люди». Грамоты какъ удѣльнаго времени, такъ и XVI и XVII вѣковъ довольно точно характеризуютъ намъ юридическую природу закладничества: закладни отдавшись подъ покровительство сильнаго человѣка, «не тянутъ» уже судомъ и данью къ той власти, которой они подчинялись по мѣсту жительства раньше, потому что они являются подсудными своему патрону и ему же платятъ налоги; закладники XVII вѣка «съ промысловъ своихъ и съ вотчинъ государевыхъ податей не платятъ и службъ не служатъ, а живутъ всегда во льготѣ»; «въ городахъ воеводы и приказные люди на тѣхъ людей въ ихъ насильствахъ суда не даютъ, отказываютъ имъ, что имъ ихъ въ городахъ судить не указано». Все это представляетъ собою поразительную аналогію положенію средневѣковыхъ коммендатовъ. Сходство закладниковъ съ коммендатами усугубляется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что первые, какъ и вторые, поступали подъ защиту сильныхъ людей нерѣдко со своею землей. Правда, г. Павловъ-Сильванскій считаетъ эту послѣднюю черту особенностью закладней удѣльнаго времени и жившихъ, во всякомъ случаѣ, не позднѣе первой половины XVI вѣка, но вышеприведенныя слова одного изъ актовъ XVII вѣка о *вотчинахъ* закладниковъ указываютъ, что и тому времени не было совершенно чуждо закладничество съ землей. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что закладничество этого рода было болѣе частымъ явленіемъ до половины XVI столѣтія, чѣмъ позднѣе, и причину этого слѣдуетъ видѣть въ быстромъ исчезновеніи черныхъ земель, о которомъ у насъ уже шла рѣчь, и въ запрещеніи чернымъ крестьянамъ отчуждать свою землю не своей братьѣ—крестьянамъ а лицамъ постороннимъ, запрещеніи, отражавшемся еще въ междукняжескихъ договорахъ.

Итакъ, въ Московской Руси XVI вѣка были налицо всѣ элементы, изъ которыхъ сложился средневѣковой феодальный строй: помѣстье— бенефицій, льготы — иммунитеты и закладничество — коммендаціи. И однако эти зародыши феодализма такъ и остались въ зачаточномъ состояніи, а затѣмъ и совершенно исчезли въ нашемъ отечествѣ. Въ русской соціально-политической жизни XVI вѣка произошелъ рѣзкій переломъ, не оставляющій мѣста дальнѣйшей аналогіи съ западными порядками. На это должны были существовать очень серьезныя причины, и изслѣдователи не мало поработали надъ вопросомъ о происхожденіи самодержавной власти московскихъ государей; указывали на выгодное положеніе Московскаго княжества, на его населенность, на вліяніе татарскаго ига, византійскихъ традицій, церковнаго авторитета, личныхъ характеровъ князей. Изучая послѣднюю борьбу московскаго боярства съ государемъ, отмѣчали въ числѣ причинъ побѣды послѣдняго его богатство, разрозненность, соперничество и сравнительную бѣдность бояръ, военныя обстоятельства, отсутствіе строго-опредѣленныхъ политическихъ идеаловъ въ боярской средѣ, общую классовую рознь и проч. Всѣ эти выводы имѣютъ несомнѣнную цѣнность при

объясненіи торжества самодержавной власти московскаго государя и пораженія княжеско-боярской аристократіи, но наибольшую важность для такого объясненія мы приписываемъ тѣмъ процессамъ въ развитіи сельскаго хозяйства XVI вѣка, которые нами только что изображены. Рѣшающее значеніе имѣло то обстоятельство, что въ то время, какъ окончательно поставленъ былъ вопросъ о послѣдней борьбѣ между государемъ и боярствомъ,—борьбѣ, которую Грозный царь думалъ вести посредствомъ опричнины,—хозяйственная мощь крупныхъ центральныхъ землевладѣльцевъ, бывшихъ удѣльныхъ князей и большихъ бояръ, была подорвана небывалымъ отливомъ населенія, послѣдовавшимъ подъ вліяніемъ вреднаго хозяйственнаго дѣйствія помѣстной системы и монастырскаго землевладѣнія. Такъ экономическія условія времени окончательно опредѣлили направленіе политическаго развитія.

Но при всемъ различіи, такъ рѣзко бросающемся въ глаза при сравненіи соціально-политическаго строя Московскаго государства XVII вѣка съ западно-европейскимъ феодальнымъ порядкомъ, между тѣмъ и другимъ было и одно, хотя и неполное, сходство, заключавшееся въ положеніи низшаго класса населенія: и западные вилланы феодальной эпохи, и московкіе крестьяне XVII столѣтія были крѣпостными людьми. Хозяйственный упадокъ центральной области и Западнаго Полѣсья въ концѣ XVI вѣка оказалъ на положеніе крестьянъ такое же вліяніе, какое на Западѣ имѣло господство феодальныхъ отношеній,—онъ закрѣпилъ, утвердилъ процессъ закрѣпощенія крестьянъ, обострилъ дѣйствіе тѣхъ условій, которыя и такъ неудержимо влекли крестьянина въ крѣпостное состояніе. Извѣстно, что вопросъ о происхожденіи крѣпостного права до сихъ поръ вызываетъ большіе споры и разногласія. Спорятъ прежде всего о томъ, когда крѣпостное право на крестьянъ было въ первый разъ утверждено закономъ, формулировано юридически: по мнѣнію однихъ изслѣдователей, это было сдѣлано еще въ концѣ XVI, по другому взгляду—только въ Уложеніи царя Алексѣя 1649 года. Разногласія идутъ и глубже, касаются вопроса объ условіяхъ, подготовившихъ прикрѣпленіе: одни склонны приписывать здѣсь первенствующую роль потребностямъ государственнаго хозяйства, необходимости обезпечить правильный сборъ податей и отбываніе государственныхъ повинностей путемъ прекращенія постоянныхъ крестьянскихъ переходовъ и установленія отвѣтственности землевладѣльцевъ за правильное отбываніе государственныхъ обязанностей ихъ крестьянами; по мнѣнію другихъ, государственному прикрѣпленію крестьянъ предшествовало закрѣпленіе ихъ за землевладѣльцами путемъ актовъ гражданскаго права, главнымъ образомъ, ссудныхъ записей и крестьянскихъ порядныхъ; послѣдній взглядъ опирается на слѣдующія соображенія: крестьянинъ XVI вѣка садился на землю, принадлежавшую служилому землевладѣльцу или церковному учрежденію, не имѣя своего инвентаря: рабочихъ орудій, скота и сѣмянъ. Это заставляло его прибѣгать къ ссудѣ и подмогѣ со стороны землевладѣльца. Не-

возможность расплатиться съ землевладѣльцемъ фактически лишала крестьянина права свободнаго перехода, которое признавалось за нимъ по закону: взявъ ссуду, крестьянинъ обязывался возвратить ее, а до возврата взамѣнъ уплаты процентовъ—работать на землевладѣльца; слѣдовательно, въ случаѣ, если крестьянинъ до самой смерти не могъ возвратить ссуду, онъ оказывался въ положеніи пожизненнаго крѣпостного, обязаннаго работой вмѣсто процентовъ по займу. Но такое же почти положеніе занималъ, съ конца XVI вѣка, такъ называемый кабальный холопъ: онъ долженъ былъ работать на господина вмѣсто процентовъ на занятую имъ сумму, которую онъ не имѣлъ права уплачивать господину по закону: только это послѣднее обстоятельство, *юридическое* запрещеніе возврата ссуды отличало кабальнаго холопа отъ крестьянина, не по закону, а *фактически* лишеннаго возможности расплатиться. Аналогія въ положеніи обоихъ была настолько близка, что привела къ мысли о возможности примѣнить и къ крестьянамъ идею кабальнаго холопства. Мало-по-малу землевладѣльцы стали вносить въ порядныя грамоты со своими крестьянами условіе, которымъ крестьянинъ отказывался отъ права расплаты и ухода отъ землевладѣльца; для крестьянъ это условіе не имѣло реальнаго значенія, ничѣмъ не ухудшило ихъ дѣйствительнаго положенія, такъ какъ расплатиться и уйти они, все равно, были не въ состояніи. Такъ, путемъ договоровъ, т.-е. актовъ гражданскаго права и сложились настоящія крѣпостныя отношенія, признанныя государствомъ только въ половинѣ XVII вѣка.

Только что изложенная теорія въ главныхъ чертахъ признается теперь большею частью изслѣдователей; во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что задолженность и притомъ задолженность безнадежная, съиграла важную роль въ происхожденіи крѣпостного права на крестьянъ.

Но чѣмъ создались эта задолженность и ея безнадежный характеръ? Прежде всего, разумѣется, необходимостью селиться на землѣ служилой, монастырской или архіерейской, а необходимость эта—непосредственный результатъ того же процесса развитія помѣстной системы и монастырскаго землевладѣнія, который оказалъ столь роковое вліяніе на сельскохозяйственное производство. Дурное, хищническое веденіе помѣстнаго и монастырскаго земледѣльческаго хозяйства устраняло, съ другой стороны, возможность для крестьянина расплатиться съ землевладѣльцемъ и даже болѣе состоятельныхъ крестьянъ, какъ мы имѣли случай убѣдиться, низводило въ разрядъ неимущихъ и нуждающихся въ ссудѣ. Можно даже думать, что и кабальное холопство, послужившее юридическимъ прототипомъ крестьянской крѣпости, обязано своимъ развитіемъ тому же росту помѣстной и монастырской земли и связаннымъ съ этимъ ростомъ экономическимъ послѣдствіямъ, т.-е. упадку системы земледѣлія и сокращенію среднихъ размѣровъ запашки на дворъ и на рабочаго.

Остается подвести итоги, резюмировать выводы, къ которымъ привело изученіе сельскаго хозяйства Московской Руси въ XVI вѣкѣ, причинъ, на него вліявшихъ, и соціально-политическихъ послѣдствій, имъ обнаруженныхъ. Процессъ развитія натуральнаго хозяйства привелъ къ торжеству помѣстной системы и монастырскаго землевладѣнія на большей части территоріи государства. Господство обоихъ этихъ видовъ земельнаго владѣнія вызвало, въ свою очередь, упадокъ земледѣлія, выразившійся въ переходѣ отъ паровой-зерновой системы полевого хозяйства къ болѣе экстензивной переложной и въ сокращеніи размѣровъ крестьянской запашки на дворъ и земледѣльческаго рабочаго. Этотъ сельскохозяйственный упадокъ охватилъ районъ, который отличался раньше наибольшей населенностью и высшей культурой,—центръ и Новгородско-Псковскую область, и проявился съ особенной силой по той причинѣ, что пространство страны было несоразмѣрно велико сравнительно съ ея населеніемъ, почему представлялась возможность широкаго развитія колонизаціи. Въ развитіи колонизаціи и слѣдуетъ видѣть основную причину сельскохозяйственнаго прогресса другихъ областей государства, сѣверныхъ, восточныхъ и южныхъ. На-ряду съ этой основной, общей причиной, равномѣрно дѣйствовавшей во всѣхъ окраинныхъ областяхъ, въ каждой изъ нихъ имѣлись налицо еще спеціальныя обстоятельства, поддерживавшія поступательный ходъ развитія сельскохозяйственной промышленности и парализовавшія вредное дѣйствіе наиболѣе распространенныхъ видовъ земельнаго владѣнія: такими спеціальными причинами въ степи и Прикамскомъ краѣ были хорошія климатическія и почвенныя условія, въ этихъ же областяхъ и въ сѣверныхъ, восточныхъ и южныхъ уѣздахъ центра условія сельскохозяйственнаго обмѣна,—развитіе отпуска хлѣба, льна и продуктовъ скотоводства, въ центръ и на сѣверъ, а также отчасти и за границу,—на сѣверѣ сохраненіе преобладающаго значенія за чернымъ землевладѣніемъ. Упадокъ земледѣльческаго производства въ основныхъ старыхъ областяхъ государства подорвалъ силы господствовавшаго здѣсь землевладѣльческаго класса,—князей и бояръ, и тѣмъ подготовилъ побѣду московскаго самодержавія, подчиненіе боярской аристократіи государю и образованіе крѣпостного государства, въ которомъ основой дѣленія на сословія оказалось начало обязанности. Но тотъ же экономическій процессъ—разореніе крупныхъ и богатыхъ землевладѣльцевъ—отразился гибельно и на благосостояніи крестьянства, что вызвало его задолженность землевладѣльцамъ и невозможность расплаты съ ними; въ результатѣ получилось—крѣпостное право на крестьянъ.

Приватъ-доцентъ Н. Рожковъ.

ВЪ ТУМАНѢ.

Люди въ туманѣ все смутно мелькаютъ и таютъ.
Туманъ разлился надъ землею.
Черные сучья уныло кусты простираютъ,
Прощаясь съ умершей листвою.

Люди усталые, взоромъ къ землѣ приникая,
Неясную ищутъ дорогу,
А надъ туманами ангелы, крылья вздымая,
Съ молитвой возносятся къ Богу.

И въ вышинѣ, недоступной для робкаго взора,
Какъ воины дальняго стана,
Лики пророковъ и стройныя главы собора
Сіяютъ надъ моремъ тумана.

* * *

Молчатъ въ отвѣтъ зарѣ прощальной
Опустошенные луга,
И лишь громадою печальной
Темнѣютъ тяжкіе стога.
А помню зной и травъ дыханья,
И все цвѣты кругомъ, цвѣты...
И, какъ цвѣты, воспоминанья
Киваютъ мнѣ... Средь темноты
Иду, унылая дорога,
Недвижны крылья облаковъ,
А тамъ, въ нѣмой громадѣ стога,
Тьмы бездыханныя цвѣтовъ.

Allegro.

ДЕРЕВЕНСКІЯ КАРТИНКИ.

I.

За докторомъ.

Уже цѣлую недѣлю пожилой мужикъ Пахомычъ каждый день пріѣзжалъ на своей легкой одноконной телѣжкѣ въ деревенскую больницу и все справлялся у больничнаго сторожа насчетъ врача.

— Что докторъ, не пріѣзжалъ еще?

— Нѣтути.

— Все у Володьки сидитъ?

— Все у него.

— Ахъ ты Бож-же мой,—съ глубокимъ сокрушеніемъ вздыхалъ Пахомычъ. — Да вѣдь говорятъ, родила уже Володькина барыня-то?

— Родить-то она родила и какъ слѣдуетъ быть, благополучно, да только Володька опасается отпущать доктора изъ усадьбы...

— Да чего же опасаться-то?

— На всякій случай, говоритъ. Ежели, говоритъ, что случится, такъ чтобъ былъ онъ здѣся, при роженицѣ. Ну, тотъ и сидитъ.

— Ахъ ты Бож-же мой, Бож-же мой,—вздыхалъ Пахомычъ и, помолчавъ немного, спрашивалъ дальше:

— А фершалъ и нонче пьяный?

— И но-о-нче!—махнувъ рукой, отвѣчалъ сторожъ и притомъ съ такимъ выраженіемъ, точно фельдшеръ по самому свойству своего фельдшерскаго естества и не могъ быть сегодня не пьянымъ.

Пахомычъ съ отчаяніемъ хлопалъ себя обѣими руками по своей синей поддѣвкѣ.

— Ахъ, ты Господи милостивый, а!.. Чего же теперича дѣлать-то? Ахъ, ты Бож-же мой милосердный, а!

И снова помолчавъ немного, Пахомычъ съ болью въ голосѣ присовокуплялъ:

— Вѣдь совсѣмъ помираетъ у меня сынъ-то... Съ часу на часъ смерти ждемъ...

Эти ежедневныя бесѣды съ больничнымъ сторожемъ такъ изнурили Пахомыча, а положеніе сына такъ пугало его, что, въ концѣ концовъ, онъ рѣшился „на отчаянность": задумалъ повидаться съ докторомъ въ самой усадьбѣ „Володьки" и если можно будетъ, то упросить „хоть на минутку" оставить барыню и съѣздить за восемь верстъ навѣстить его больного сына.

Пахомычъ очень хорошо понималъ, что предпріятіе это было и рискованно, и почти невѣроятно по трудности исполненія, такъ какъ „Володька" былъ не кто иной какъ очень богатый помѣщикъ, да притомъ еще и уѣздный предводитель дворянства. Мужики, знавшіе его съ младенчества, хотя и титуловали его по старой памяти „Володькой", но, разумѣется, только заочно,—при встрѣчахъ же за версту ломали шапки и кланялись въ поясъ, такъ какъ знали, что „Володька" скоръ на руку и что у него въ гостяхъ бываетъ самъ губернаторъ.

Эти „Володькины" особенности извѣстны были, конечно, и Пахомычу. Но, хватаясь за послѣднее средство, онъ, тѣмъ не менѣе, не терялъ нѣкоторой надежды. Было два обстоятельства, поддерживавшія въ немъ вѣру въ успѣхъ: первое заключалось въ томъ, что барыня уже дня два какъ встала съ постели и „здоровешенька гуляетъ по саду", а второе состояло въ томъ, что Пахомычъ рѣшилъ заплатить доктору за визитъ „сколько самъ спроситъ".

— „Нѣшто наши деньги хуже барскихъ?"—самъ себя подбадривалъ онъ.—«Скажетъ пять цѣлковыхъ—пять заплатимъ, скажетъ десять—десять отдадимъ. Хоть двадцать, такъ и то не пожалѣемъ, только бы сына на ноги поднялъ»...

Рѣшивъ попытать счастья, Пахомычъ не сталъ откладывать дѣла въ долгій ящикъ и принялся хлопотать.

Опираясь на протекцію своей односельчанки, служившей у „Володьки" въ качествѣ людской кухарки, онъ безъ особыхъ затрудненій проникъ въ усадьбу и въ данный моментъ сидѣлъ на бревнахъ, у черной кухни, въ ожиданіи, пока кухарка наводила справки у комнатной прислуги: „можно ли и какимъ манеромъ" повидать доктора такъ, чтобы господа не знали.

На дворѣ стояла іюльская жара и Пахомычъ въ своихъ тяжелыхъ сапогахъ и въ зимнемъ кафтанѣ на ватѣ, который онъ надѣлъ только потому, что кафтанъ былъ поновѣе, молча изнывалъ и жарился на солнцѣ точно на сковородѣ. Потъ крупными каплями бѣжалъ по его озабоченному лицу и исчезалъ въ густой сѣдоватой бородѣ; ныли ноги въ накалившихся пудовыхъ сапогахъ, съ трудомъ дышала грудь, лѣзли въ глаза надоѣдливыя мухи и комары. Но Пахомычъ, казалось, ничего этого не замѣчалъ: уткнувъ голову въ плечи, онъ безсмысленно уставился въ

землю и, машинально отбиваясь отъ комаровъ, какъ автоматъ, хлопалъ себя ладонью то по затылку, то по щекѣ, то по рукѣ. Сынъ и докторъ поглощали всѣ его думы и отвѣтъ, который должна была принести кухарка, такъ пугалъ его, что онъ даже вспомнить о немъ не могъ безъ сердечнаго замиранія. Отъ тоски и отъ жары онъ и думать не могъ сколько-нибудь связно и мысли его мелькали одна за другой какъ тѣни, не укладываясь даже въ отдѣльныя фразы.

— „Эхъ кабы... Да нѣтъ, куда ужъ...“

Часа полтора бѣгала кухарка, таинственно шушукаясь то съ горничной, то съ няней, то съ буфетчикомъ, то съ садовникомъ. Наконецъ, вся красная и потная отъ бѣготни и волненій, она возвратилась къ Пахомычу и, оправляя сбившійся на сторону платокъ, сообщила результаты своихъ стараній.

— Сейчасъ повидать никакъ не возможно, — таинственнымъ полушопотомъ начала она, хотя по близости никого не было и можно было говорить не стѣсняясь. — Господа сейчасъ обѣдать сядутъ. А ты вотъ какъ сдѣлай: ступай ты въ барскій паркъ, знаешь, гдѣ озеро-то есть?

— Ну?

— Туда и ступай. Ступай смѣло (я садовнику сказала про тебя—не тронутъ), да у озера и подождешь. Тамъ дорожка есть къ барской купальнѣ, еще на той дорожкѣ береза стоитъ старая съ отломленной верхушкой. Такъ ты у этой березки и посиди: докторъ каждый день по этой дорожкѣ въ проходку ходитъ и на озерѣ рыбу удитъ; тутъ ты его и словишь.

— А не забранятъ, что по барскому парку пройду?

— Говорю не тронутъ,—я садовника просила.

— Ну, спасибо тебѣ. Такъ я пойду.

— Ступай, ступай съ Богомъ, авось, дастъ Господь, уломаешь—барыня давно здоровехонька.

— Далъ бы Богъ-то. Прощай, спасибо.

— Прощай, Пахомычъ... Да еще вотъ что,—нежданно спохватилась баба,—тутъ за воротами женщина одна ожидаетъ съ дѣтьми. Тоже доктора повидать проситъ, дѣти у нея хворыя. Такъ ты, сдѣлай милость, и ее съ собой поведи, она кума мнѣ приходится.

Пахомычъ охотно согласился, еще разъ поблагодарилъ за хлопоты и, глубоко надвинувъ картузъ по самые глаза, рѣшительнымъ шагомъ зашагалъ отъ кухни.

За воротами его дѣйствительно поджидала босая баба съ тремя дѣтьми. Двое изъ нихъ держались за юбку матери, а третьяго, грудного, она обернула полою кафтана и держала на рукахъ. И баба, и дѣти казались очень усталыми, особенно дѣти:

ихъ изнуренные болѣзнью, синевато-блѣдныя лица были словно напудрены густымъ слоемъ пыли, съ отчетливыми полосками пота и слѣдами недавнихъ слезъ.

— Ты что ли къ доктору хочешь? — спросилъ Пахомычъ у бабы.

— Я, родименькій, я. Вторую недѣлю ребятишки у меня животами мучаются—кровавымъ поносомъ, — пѣвучимъ голосомъ начала баба.—Ну, я все думала пройдетъ, пройдетъ, а попадья наша настращала меня: „ступай, говоритъ, къ доктору, не то перемрутъ твои ребятишки". Ну, я было...

— Ступай за мной,—перебилъ словоохотливую бабу Пахомычъ и молча, широкими шагами, пошелъ по направленію къ господскому парку. За нимъ, едва поспѣвая, засѣменила баба, ведя на буксирѣ дѣтей, не выпускавшихъ изъ рукъ ея юбки.

Хотя кухарка и удостовѣрила, что садовникъ предупрежденъ и опасаться нечего, но Пахомычъ все-таки почелъ за лучшее пройти къ озеру „задами", по самымъ глухимъ мѣстамъ. Онъ завелъ бабу куда-то въ такую чащу господскаго парка, изъ которой даже кошкѣ трудно было бы выкарабкаться. Едва замѣтная, поросшая травой, узенькая тропочка извиваясь бѣжала среди густого кустарника и колючія вѣтки его такъ больно хлестали по лицу, что баба съ большимъ трудомъ едва-едва продиралась, отводя свободной рукой вѣтки и ею же награждая легкими поощрительными пинками ребятъ. Пахомычъ, шедшій значительно впереди, время отъ времени останавливался, оборачивался къ бабѣ и кричалъ:

— Шагай, шагай, баба, не отставай!

— И то шагаю, миленькій, да вишь какая здѣсь гущина— не продерешься!

Идти въ самомъ дѣлѣ было очень трудно, донимали комары и на дорожкѣ, и вдоль и поперекъ, то и дѣло попадались толстые стволы давно погибшихъ деревьевъ. Одѣтые нѣжнымъ мохомъ, точно зеленымъ саваномъ, эти почившіе лѣсные богатыри совсѣмъ истлѣли, и нога легко уходила въ ихъ влажную, мягкую древесину. Тутъ пахло гнилью, сыростью и грибами.

— Туда ли мы идемъ, родненькій? — съ замѣтной тревогой въ голосѣ издали кричала баба. — Ужли-жъ докторъ въ этакое дикое мѣсто зайдетъ?

— Шагай, шагай, баба, не бойсь!...

Кустарникъ смѣнился дубовымъ лѣсомъ. Молодые дубки чередовались со старыми исполинами, раскинувшими далеко въ стороны свои корявыя кривыя вѣтви, среди которыхъ то тамъ, то здѣсь прыгала желтая иволга и куковала пестренькая кукушка. Но вотъ дубки стали рѣдѣть, вдали показался просвѣтъ и вскорѣ передъ глазами Пахомыча сверкнула вся облитая яр-

*

кимъ солнцемъ веселая, точно смѣющаяся полянка со сломленной березой посрединѣ. Тутъ дорожка неожиданно оборвалась и Пахомычъ съ бабой прошли къ указанному мѣсту по густой, высокой травѣ, въ которой почти совсѣмъ скрылись запыхавшіеся, потные ребятишки.

— Что, баба, упарилась?—покровительственно спросилъ Пахомычъ.—Садись, отдохни.

Но баба, хоть и устала настолько, что едва переводила духъ, однако, сѣсть не рѣшалась.

— Какъ бы, милый человѣкъ, намъ съ тобой по воротнику не попало: забрались мы въ барскій садъ, а между прочимъ...

— Не бойсь, объ насъ садовнику сказано. Садись, отдышись.

— И впрямь отдышаться бы.

Баба еще нѣсколько разъ нерѣшительно оглянулась по сторонамъ и осторожно, чтобы необезпокоить спавшаго на рукахъ ребенка, опустилась, наконецъ, на землю. Сѣлъ съ тяжелымъ кряхтѣньемъ и Пахомычъ.

— Водицы бы испить, да негдѣ, — утирая рукавомъ потное лицо, сказала баба.—Съ дѣтьми-то сколько верстъ плелась, не чаяла и дойтить, а тутъ еще черезъ этакую страсть продираться привелось. Я изъ Благодатнаго буду,—пояснила она,—шесть верстъ отсюда Ну, самой-то оно играючи добѣжать можно, а вотъ съ дѣтьми, да съ хворыми — не приведи Богъ: этого на рукахъ несешь, а эти два туда же тянутся: „ноги болятъ, возьми, мамка, на руки"... Ужъ я ихъ сколько разъ бить принималась на дорогѣ—не идутъ да хоть ты что хочешь!..

— Вотъ по этой самой дорожкѣ и докторъ будетъ идти,—совершенно не слушая бабу, задумчиво проговорилъ Пахомычъ.—Скорѣй бы только принесъ его Господь! Эхъ, кабы да нашъ прежній докторъ былъ—Василь Палычъ нашъ—не приходилось бы этакъ-то мучиться.

— Василь Палыча и я знала, — скороговоркой начала было баба, но Пахомычъ опять перебилъ ее.

— Хорошо, какъ пойдетъ онъ нонче рыбу ловить... Ну, а если такой случай выйдетъ, что онъ не пожелаетъ?.. Эхъ, не тотъ порядокъ былъ при Василь Палычѣ...

— Василь Палычъ не нонѣшнему чета, — опять скороговоркой подхватила баба. — Нонѣшній, Господь его знаетъ, что за человѣкъ, его и не разберешь никакъ, такъ шишига какая-то. Я съ нимъ и говорить-то боюсь. Какъ начну ему про дѣтей сказывать, сейчасъ меня въ потъ бросить и все перезабуду. Прошлой осенью тоже дѣтей къ нему водила, двое тогда у меня было. Одному капли велѣлъ, а другому порошки. „Давай, говоритъ, по стольку-то разъ въ день старшему черезъ два часа, а

меньшему черезъ три часа". А какіе у насъ часы? У насъ часовъ и сроду не было, да и куды они намъ къ шуту? А между прочимъ „одному черезъ два часа, а другому черезъ три".

— Какъ же ты потрафляла?—лѣниво спросилъ Пахомычъ.

— А такъ и потрафляла, что къ учителю бѣгала часы спрашивать, да учитель-то цѣлый день въ школѣ съ ребятами, а часы у него въ горницѣ на стѣнкѣ висятъ. Ну, не тащить же его изъ школы—такъ я все больше къ сторожу школьному лазила. „Погляди, молъ, Савеличъ, сдѣлай милость, не пора ли капли давать?" А онъ двери передо мной распахнетъ: „гляди, говоритъ, сама, я не умѣю на нихъ глядѣть". А я-то развѣ умѣю? Ты мужчина да не понимаешь, такъ какимъ же родомъ я, женщина, могу знать?

— Н-да, не видать что-то доктора, пожалуй до вечера пробѣдаетъ,—снова не слушая бабу, задумчиво промолвилъ Пахомычъ и сощурившись пристально поглядѣлъ вдоль дорожки, по которой долженъ былъ идти докторъ.

Но баба, повидимому, ни на-волосъ не смущалась тѣмъ, что ее такъ плохо слушаютъ, по крайней мѣрѣ она сейчасъ же опять начала про часы:

— Нѣтъ ужъ при Василь Палычѣ совсѣмъ другой порядокъ былъ. Онъ тебѣ про часы сроду никогда не поминалъ, а прямо, бывало, скажетъ: „передъ тѣмъ, молъ, какъ телятъ загонять,—выпей", али: „какъ вечеромъ корову подоила—сейчасъ примочку сдѣлай"...

На этотъ разъ воспоминаніе о Василіи Павловичѣ нѣсколько развязало языкъ и Пахомычу.

— Василь Палычъ!—съ гордостью протянулъ онъ,—Василь Палычъ на много градусовъ выше нонишняго будетъ—не даромъ же его господа загрызли! Имъ вѣдь что требуется? Имъ требуется, чтобы докторъ—„поклонимся и припадемъ": и въ карты чтобы съ ними игралъ, и водочку, и на фортепьянахъ, и на охоту... А главное, чтобы постоянно при нихъ болтался. Случится, къ примѣру, что у Володькиной барыни апетиту не хватаетъ—сейчасъ докторъ чтобы больницу бросилъ, все чтобы бросилъ и къ Володькѣ, сломя голову, летѣлъ. А прилетѣлъ—и живи у него недѣлю, либо двѣ да вокругъ ейнаго апетиту топчись... И ужъ тутъ ты хоть изъ-подъ земли выкопай, а апетитъ ей предоставь, ужъ тутъ ты какъ хочешь вертись, а разстарайся ей, анаѳемѣ, апетиту!..

Пахомычъ съ досадой плюнулъ въ траву и горячо продолжалъ.

— А тѣмъ временемъ фельдшеръ пьяный какъ чортъ, больница пустая и хоть на двѣ части перервись, а помощи не добьешься. Я вотъ вторую недѣлю ѣзжу, для сына стараюсь—и

нѣтъ никакихъ способовъ: докторъ у Володьки, а фершалъ!..— Пахомычъ безнадежно махнулъ рукой, снова съ ожесточеніемъ плюнулъ въ траву и замолчалъ...

Замолчала на минуту и баба. Она вынула изъ холщевой сумочки краюху ржаного хлѣба и, отломивъ отъ него два куска, роздала ихъ сыновьямъ.

— Сказывала попадья, — со вздохомъ замѣтила она при этомъ,—не давать ребятишкамъ аржаного хлѣба, нельзя, говоритъ, при животахъ, вредъ будетъ, а между прочимъ чего же дашь-то: не ѣмши тоже не долго высидишь?.. А у тебя сынъ-то чѣмъ хвораетъ?..—участливо обратилась она къ Пахомычу.

— Кто его знаетъ, лежитъ, какъ мертвый, безъ движенія: въ грудяхъ болитъ, на голову жалуется.

— Съ чего же бы?..

— Простуда— озябъ онъ шибко: въ колодезь лазилъ. Ну кабы доктора вб-время захватить, такъ можетъ и отдышался бы... Да вотъ поди жъ ты, захвати его, коли онъ у Володьки на цѣпи сидитъ...

Тутъ Пахомычъ снова съ тоской поглядѣлъ вдоль дорожки и глубоко-глубоко вздохнулъ.

Баба тоже вздохнула, но такъ какъ любопытство ея было задѣто, то она сейчасъ же спросила:

— Ты говоришь, въ колодезь сынъ лазилъ? Чистили у васъ что ли колодезь?

— Нѣтъ, колодезь у насъ весною чищенъ... А такъ было дѣло, что дѣвчонка у насъ одна въ колодезь ведро упустила,— медленно, точно выдавливая изъ себя слова, началъ Пахомычъ.— Ну, матери ея, извѣстно, досада: ведро новое, желѣзное. Отодрала она дѣвчонку: ступай, говоритъ, какъ знаешь доставай, а чтобы было мнѣ ведро!.. Какъ водится, и настращала при этомъ: „до той поры, молъ, буду драть, покуль ведро не вытащишь". Ну, дѣвченка и давай вытаскивать: выпросила у насъ кошку желѣзную, на веревку ее прицѣпила и давай то ведро удить. Удила, удила до тѣхъ поръ, покедова сама нечаянно въ колодезь не бултыхнулась. Даже крикнуть не успѣла. На счастье тутъ бабы случились, бѣлье полоскали... Ну, сбили народъ, надѣлали крику. Прибѣжалъ изъ кузни и мой Андрюшка, а бабы ему сейчасъ: „ты, Андрюшка, молодой, проворный, тебѣ лѣзть". Сейчасъ ему веревку вокругъ пояса привязали, другой конецъ въ рукахъ держатъ—айда въ колодезь! Онъ и полѣзъ. Полѣзъ да часъ цѣлый и возжался тамъ въ ледяной водѣ, пока дѣвчонку не нащупалъ. Вытащили—дѣвчонка мертвая, а Андрейка мой синій весь, какъ утопленникъ, зубами стучитъ, слова вымолвить не можетъ. Съ той поры и заболѣлъ.

— И ее значитъ не спасъ, и себя загубилъ зря...—съ волненіемъ и вмѣстѣ съ глубокимъ сочувствіемъ произнесла баба.

— Вотъ то-то и горе, что зря, что безъ толку... А между тѣмъ мальчишкѣ цѣны нѣтъ,—кузнецъ онъ у меня,—пояснилъ Пахомычъ.—Восемнадцать годовъ ему, а ужъ онъ мастеръ въ полномъ видѣ: годъ назадъ ученье кончилъ и кузницу я ему выстроилъ.

— Одинъ онъ у тебя?

— Зачѣмъ одинъ! Еще пятеро есть да все мелкота, да дѣвченки. Я бы за него одного всю пятерку сейчасъ бы отдалъ: ужъ больно цѣнный мальчишка! Что хочешь ему закажи—сдѣлаетъ въ лучшемъ видѣ: плугъ ли смастерить, колесо ли обтянуть, телѣгу оковать—это онъ тебѣ единымъ духомъ!.. Даромъ, что ему восемнадцать годовъ, а онъ, надо такъ сказать, первый человѣкъ у насъ на селѣ—кузнецъ! Безъ кузнеца, сама знаешь, куды дѣнешься? Кузнецъ какъ попъ—всякому нуженъ!..

Тутъ Пахомычъ тяжело вздохнулъ и дрогнувшимъ голосомъ, съ тоской въ глазахъ тихо произнесъ:

— А теперь вотъ пропадаетъ, зря пропадаетъ... Какъ это онъ захворалъ—прямо душу изъ меня вынулъ: ни спать я не могу, ни ѣсть, ни работать!—Пахомычъ махнулъ рукой и отвернулся отъ бабы, но потомъ, быстро повернувшись опять въ ея сторону, проговорилъ съ выраженіемъ неожиданной для него нѣжности и теплоты:

— И вѣдь какой мальчишка-то былъ неоцѣненный для меня. Этта, къ примѣру, случится съ тобой что, досада на что-нибудь будетъ, али тужить начнешь—ужъ онъ сейчасъ: „Это ты, папа́нька, объ чемъ? Насчетъ чего затужилъ? Плюнь ты, говоритъ, не стоитъ, оставь!“ Сейчасъ, это, тебѣ засмѣется, разговоритъ...

— Сынъ, значитъ, хорошій, родителей почиталъ,—сентенціозно замѣтила баба.

— Еще какой сынъ-то, прямо цѣны мальчишкѣ не было! А теперь вотъ лежитъ какъ деревянный: ни рукъ, ни ногъ не слышитъ, краше въ землю кладутъ. Можетъ и померъ уже, покуда я здѣсь караулю...

— Ну, Богъ милостивъ,—ласково попробовала утѣшить баба.—Зачѣмъ этакое думать? Вотъ можетъ Господь тебѣ поможетъ, доктора какъ-нибудь выпросить можетъ и пособитъ ему.

При словѣ „докторъ“ Пахомычъ опять съ тоской поглядѣлъ на пустынную дорожку и меланхолично замѣтилъ:

— Истинное Божеское наказаніе съ эстимъ докторомъ: вѣдь вотъ кажись тутъ онъ, близко, вонъ и крышу дома видать, гдѣ онъ засѣлъ, а не подступишься! Сиди и жди: пойдетъ рыбу ловить—твое счастье, а не пойдетъ—посылай за попомъ!..

Баба сочувственно вздохнула и тоже меланхолично замѣтила.

— Намъ, видно, одинъ докторъ и остался—Богъ!—при этомъ она взглянула въ далекое, голубое небо и еще меланхоличнѣе прибавила.—Только тебѣ и помочи что Богу помолишься. У насъ прошлый годъ, вотъ также какъ ты, женщина одна съ докторомъ мучилась: мужъ у ей захворалъ. Ну, баба видитъ, что къ смерти дѣло идетъ—кинулась за доктромъ. Доктора нѣту...

— Безпремѣнно у Володьки сидѣлъ! — злорадно перебилъ Пахомычъ.

— Кто его знаетъ, у кого, говорили, что у господъ, а у какихъ—неизвѣстно. Ну, женщина видитъ, что нѣту ей спасенія, кинулась туда, сюда... Извѣстно, плачетъ, голоситъ, сама не своя...

— А очень просто, что заголосишь... Тутъ хоть какой крѣпкій человѣкъ будь, а взвоешь—жалко... Главная причина, что не за что ухватиться, спасенія нѣту. Я вотъ, кажется, чего бы не далъ доктору, а выуди-ка его отсюдова... А кажется все бы отдалъ, то ись скажи онъ мнѣ сейчасъ: „Пахомычъ, снимай крышу съ избы, а то не поѣду“—сію бы минуту крышу долой...

— Вотъ этакъ же и женщина та говорила,—повернула разговоръ баба на старую тему.—Тоже и она, высунувъ языкъ, сколько разъ къ доктору моталась, да чего подѣлаешь коли нѣту? А къ фершалу побѣжала—фершалъ безъ движенія, даже гласа не подаетъ. Ну, что тутъ дѣлать! Баба въ ревъ—побѣжала къ учителю: думала хоть какого ни на есть лѣкарства выпросить—учитель не даетъ: нельзя, говоритъ, зря, хуже будетъ... Баба къ попу—и попъ не далъ. Взвыла она тутъ-то... Побѣжала домой простоволосая, платокъ дорогой потеряла, вбѣжала въ избу, упала передъ образомъ и кричитъ не своимъ голосомъ:

— „Не встану, кричитъ, покуль мужу не полегчаетъ!“ Да такъ и простояла...

— Ну? И долго?

— Да почитай безъ малаго сутки, пока мужъ не померъ...

— Значитъ, померъ-таки? Не сжалилась Царица Небесная?..

— Померъ. И какъ только померъ, такъ тутъ такое началось, такое началось, что спаси Господи и помилуй всякаго крещеного!.. Баба какъ увидѣла, что мужъ холодный лежитъ—сразу умомъ тронулась: кричитъ, на всю избу голоситъ, потомъ топоръ ухватила да за своими дѣтьми кинулась.—„Поубиваю, кричитъ, всѣхъ до единаго!“ Насилу ее связали.

— Ахъ ты грѣхъ какой, а! На своихъ дѣтей...—поматывая головой, прошепталъ Пахомычъ.

— Умомъ тронулась,—пояснила баба.—Ну и то сказать, что безъ мужа ей съ дѣтьми прямо пропасть надо было, бѣдность большая; поневолѣ ума лишишься.

— И сейчасъ тронутая?

— Нѣтъ, поправилась, скоро вернулъ ей Богъ разумъ... Только съ попомъ ей послѣ повозжаться пришлось. Попъ за нее принялся, все наставлялъ, научалъ ее, все къ себѣ призывалъ, говѣть заставилъ. Ну, исповѣдывать-то онъ ее исповѣдывалъ, а на счетъ причастія, говоритъ, погодишь, матушка... Цѣльный годъ безъ причастія была...

Довольная, что Пахомычъ ее слушаетъ, и на этотъ разъ съ полнымъ вниманіемъ, баба, должно быть, еще очень не скоро кончила бы свое повѣствованіе, но на бѣду расплакался ея грудной ребенокъ. Это не только заставило ее сразу замолчать, но и не на шутку обезпокоило, такъ какъ громкій плачъ дитяти могъ донестись до барскаго дома и обратить на себя вниманіе, если не самихъ господъ, то кого-либо изъ непосвященныхъ въ дѣло слугъ.

Встревожился и Пахомычъ.

— Да уйми ты его, Христа ради: услышитъ Володька и такого доктора намъ съ тобой покажетъ!..

Но бабу не надо было и просить: она сама боялась не меньше Пахомыча и изо всѣхъ силъ старалась успокоить ребенка. Согнувшись и покачиваясь взадъ-впередъ, какъ молящійся еврей, она и баюкала его, и пугала, и грозила, и совала въ ротъ свою длинную, узкую грудь, но ребенокъ не успокаивался: выпинаясь, очевидно отъ сильныхъ желудочныхъ болей, онъ весь побагровѣлъ и кричалъ благимъ матомъ.

— Вѣдь вотъ наказаніе Божеское! — съ досадой и вмѣстѣ съ тревогой какъ-то прошипѣлъ Пахомычъ и, вскочивъ на ноги, съ опаской посмотрѣлъ по направленію къ барскому дому. — Погубитъ онъ насъ, всѣхъ погубитъ... Не дай Богъ, Володька...

— Ши-ши-ши! — раскачиваясь, старалась баба изъ послѣднихъ силъ и все совала въ ротъ ребенку грудь.

— Ушла бы ты, ушла бы съ нимъ подальше!.. — поднявъ обѣ руки, шипѣлъ Пахомычъ.

Баба покорно стала было подыматься, но въ этотъ моментъ ребенокъ неожиданно взялъ грудь и сразу замолчалъ, точно обрѣзалъ.

— Ухватилъ?

Баба все еще взволнованная, молча кивнула головой...

— Ну слава тебѣ, Господи, — съ облегченіемъ вздохнулъ Пахомычъ. — Напужалъ онъ меня — страсть... Экое, прости Господи, малое, а какъ кричитъ шибко... Да толстый голосъ какой — прямо какъ дьяконъ?..

Мать улыбнулась, улыбнулся и Пахомычъ и снова опустился на траву.

Наступило молчаніе. Ребенокъ вкусно причмокивалъ и съ

жадностью высасывалъ тощую грудь матери. Пахомычъ протяжно зѣвалъ, крестилъ ротъ и время отъ времени поглядывалъ то на солнце, склонявшееся уже къ западу, то на дорожку, по которой долженъ былъ идти докторъ. Томительное ожиданіе и полное бездѣйствіе, очевидно, до смерти надоѣли ему и онъ то тяжело и молча вздыхалъ, то шепталъ свою любимую поговорку: „О, Господи милосердный, мать пресвятая Богородица Казанская", то, наконецъ, пускался въ безконечныя тягучія разсужденія о господахъ и мужикахъ.

— Н-да, окружили насъ господишки — страсть! Куды ни ступи—баринъ, куды ни кинься—въ барина упрешься. Скажемъ, лѣсу тебѣ нужно — иди къ барину, земли желаешь — ступай къ барину, сѣна тебѣ требуется—явись къ барину, рыбы захотѣлъ половить—успросись у барина... А теперь вотъ доктора нужно, такъ и доктора, опять-таки, у барина выпросить надо. Да еще выпросишь-ли? Тоже и такъ можетъ случиться, что замѣсто доктора по переносью получишь. Я это даже очень предвижу—хитраго вѣдь нѣту. Налетитъ: „кто таковъ? зачѣмъ безъ спросу? какъ смѣлъ?" Ну и что ты ему скажешь? Вѣдь у него разговоръ короткій: со второго слова рукоприкладствовать начинаетъ—такой уже характеръ у человѣка...

Пахомычъ такъ расфилософствовался, что, вѣроятно, говорилъ бы еще добрыхъ полчаса, если бы его не прервалъ сердитый окрикъ бабы, наградившей шлепкомъ одного изъ своихъ старшихъ сыновей, который и не замедлилъ разревѣться.

— Тише вы, прости Господи! Эка полощутся, не могутъ спокойно посидѣть... За что ты его?—обратился онъ къ бабѣ.

— Да вишь присталъ, въ пазуху лѣзетъ. Этого кормлю, а ему зависть, тоже лѣзетъ, даромъ что три года стукнуло

— Да неужто ты и этого грудью кормишь?—искренно изумившись, воскликнулъ Пахомычъ.

Баба нѣсколько сконфузилась.

— Кормить не кормлю, а иной разъ, коли разревется, сунешь ему грудь. Главная причина—корова у насъ дрянная.

— Да вѣдь онъ, поди, папиросы уже куритъ?..

И обернувшись къ мальчику, Пахомычъ погрозилъ ему пальцемъ.

— Вотъ какъ возьму я хворостину, да какъ подыму тебѣ рубашенку! Ишь, озорникъ какой: ему въ солдаты скоро идти, а онъ къ матери въ пазуху лѣзетъ!..

Но тутъ Пахомычъ вдругъ остановился и, прислушиваясь, поднялъ вверхъ указательный палецъ.

— Цыцъ! Никакъ идетъ кто-то!..

Насторожилась и баба, даже ребятишки подняли свои льняныя головы и застыли, напряженно и пугливо прислушиваясь.

— И впрямь идетъ!—испуганнымъ шопотомъ быстро проговорилъ Пахомычъ и съ неожиданной для его лѣтъ ловкостью вскочилъ на ноги и приложилъ руку козырькомъ, пристально всматриваясь вдоль дорожки. Поднялась съ земли и баба и тоже приложила свободную лѣвую руку козырькомъ.

По дорожкѣ, мелькая межъ кустовъ и деревьевъ, быстрыми шагами приближалась женщина въ красномъ ситцевомъ платьѣ съ желтенькимъ платочкомъ на головѣ.

— Да это кума идетъ, — узнала баба приближавшуюся къ нимъ кухарку.

— Какая тамъ кума!—съ досадой оборвалъ ее Пахомычъ и, напрягая свои старые глаза, весь сощурившись, впился въ мелькавшую за деревьями фигуру.

— Да накажи меня Богъ, кума,—настаивала баба.—Неужто же я не знаю? И платокъ ея желтый, и юбка красная...

— А и впрямь,—нерѣшительно промолвилъ Пахомычъ и сейчасъ же прибавилъ, уже не сомнѣваясь.—Кума и есть... Руками что-то машетъ, показываетъ что-то.

— Не разобрать, чего она машетъ; можетъ, показываетъ, чтобы схоронились мы, господа, можетъ, идутъ...—съ нѣкоторымъ волненіемъ замѣтила баба и оглянулась по сторонамъ, какъ бы выбирая на всякій случай укромное мѣстечко.

Но прятаться не пришлось, такъ какъ въ это время кума уже приблизилась настолько, что явственно былъ слышенъ ея голосъ.

— Даромъ сидѣли! даромъ! напрасно!

Руки Пахомыча при этихъ словахъ кумы точно сами поднялись въ уровень съ плечами и гулко хлопнули по поламъ кафтана.

— Уѣхалъ докторъ!..—сообщала между тѣмъ запыхавшаяся кухарка, подойдя къ своимъ протеже.—Какъ отобѣдалъ, сейчасъ съ бариномъ на хуторъ увязался... Раньше ночи не будетъ...

Эта вѣсть такъ ошеломила Пахомыча, что онъ даже не нашелся что сказать и растерянный, съ страдальческой гримасой смотрѣлъ на кухарку.

— Какъ пообѣдалъ, сейчасъ съ бариномъ за компанію и закатился, — съ какимъ-то виноватымъ видомъ, точно извиняясь, говорила кухарка. — Никто и не знаетъ ничего, думали, баринъ одинъ поѣдетъ, а онъ какъ на грѣхъ и увяжись... Что ты съ нимъ подѣлаешь... А прямо его попросить тоже не подступишься—барина страшно...

Столбнякъ, охватившій Пахомыча, все еще не покидалъ его, по крайней мѣрѣ, онъ и на этотъ разъ не вымолвилъ ни слова и только по прежнему, съ непередаваемымъ отчаяніемъ хлопнулъ себя по кафтану.

— Ты, Пахомычъ, не убивайся, — все съ тѣмъ же виноватымъ видомъ участливо обратилась къ нему кухарка.—Ты, коли что, переночуй у насъ, а утречкомъ Богъ дастъ...

Пахомычъ махнулъ рукой.

— Чего „утречкомъ", чего тамъ „утречкомъ", коли мальчишка, можетъ, и померъ уже... Какое тамъ „утречкомъ"?:.

— Ну, ты сына-то хоронить не торопись, зачѣмъ этакое говорить?—серьезно и строго сказала кухарка. — Въ смерти Богъ воленъ, а утречкомъ, я тебя завѣряю, ты повидаешь доктора...

— И впрямь, Пахомычъ,—посовѣтовала, съ своей стороны, и баба.—Ты бы теперь домой съѣздилъ, навѣдался, а утречкомъ бы, холодкомъ, и пріѣхалъ... А какъ же, кума, со мной теперича будетъ? — съ нѣкоторымъ безпокойствомъ обратилась она къ кухаркѣ.

— Да и ты ужъ утречкомъ. Переночуешь какъ-нибудь на селѣ, а утречкомъ съ Пахомычемъ вмѣстѣ и явитесь ко мнѣ.

— Эка вы заладили „утречкомъ" да „утречкомъ",—съ досадой, почесывая въ затылкѣ, промолвилъ Пахомычъ.—А пріѣдешь утречкомъ, скажете вечеркомъ... Ужъ я и не знаю, пріѣзжать-ли, право...

Но бабы вдвоемъ горячо стали доказывать ему, что пріѣхать надо, и Пахомычъ, повидимому, въ принципѣ былъ согласенъ съ ними, хотя, идучи рядомъ съ бабами вонъ изъ господскаго парка, не переставалъ хлопать себя по кафтану, безнадежно махать рукой и съ досадой ворчать:

— Утречкомъ!.. Пріѣзжай, молъ, утречкомъ!.. А явишься утречкомъ да какъ разъ, чего добраго, на Володьку и напорешься — будетъ тебѣ тогда „утречкомъ", нечего сказать! Славное тогда выйдетъ „утречкомъ"...

II.

Ребятишки.

Къ щелямъ невысокаго досчатаго забора, утыканнаго сверху острыми гвоздями, припало человѣкъ пять-шесть деревенскихъ ребятишекъ и съ жаднымъ вниманіемъ глядѣло на просторный чистенькій дворикъ, гдѣ подъ тѣнью молодыхъ бѣлыхъ березокъ пила чай пожилая помѣщица средней руки Авдотья Павловна.

Почти всѣ ребятишки были еще въ томъ возрастѣ, когда деревенскія дѣти ходятъ безъ картузовъ, надѣвая ихъ лишь въ дни семейныхъ торжествъ и престольные праздники. Изъ всей компаніи картузъ украшалъ только голову двѣнадцатилѣтняго Петьки, которому, судя по его властному, не допускающему возраженій тону, принадлежала роль предводителя всей этой ватаги.

Въ рукахъ у Петьки была молоденькая живая сова, которую онъ такъ плотно прижалъ къ своему животу, что сова едва дышала. Слегка раскрывъ клювъ и мучительно поводя пучеглазой головой во всѣ стороны, она, повидимому, жестоко страдала отъ недостатка воздуха.

Рядомъ съ Петькой припалъ къ забору мальчикъ въ толстой посконной рубахѣ, безъ штановъ, съ тонкими загорѣлыми ногами и съ совершенно бѣлыми льняными волосами. У этого въ рукахъ былъ совсѣмъ еще крошечный зайчикъ, котораго онъ тоже держалъ, плотно прижавъ къ своему вздутому, какъ пузырь, животу. Зайчикъ, какъ и сова, едва-едва дышалъ. Но, повидимому, мальчики даже не замѣчали его мученій: ихъ вниманіе было всецѣло приковано къ помѣщицѣ, съ которой они не сводили глазъ, шопотомъ комментируя всякое ея движеніе и шопотомъ же совѣщаясь между собой относительно какого-то таинственнаго плана.

— Ну, что же, ребята, говорить, что ли? — чуть слышно спрашивалъ Петька.—Чего канителить-то зря?

Но такъ какъ товарищи промолчали, то Петька тотчасъ же перемѣнилъ тонъ.

— Да чего бояться? Экіе вы черти! право, черти! Говорю вамъ—одна она, одна одинешенька: кучеръ повелъ кобылу ковать, а кухарку къ попадьѣ услали.

— А ты видалъ, что кухарка ушла?

— А то нѣтъ? Эхъ, да что съ вами, съ чертями, языкъ чесать?

И Петька съ рѣшительнымъ видомъ откашлялся, приблизилъ губы къ самой щели и закричалъ:

— Барыня, а барыня!

Помѣщица вздрогнула, недоумѣвая, откуда бы и кто могъ ее звать. Она съ испуганнымъ видомъ обернулась по сторонамъ, поглядѣла назадъ и, не видя вокругъ ни одной живой души, посмотрѣла даже вверхъ.

Это послѣднее движеніе заставило мальчиковъ сдержанно прыснуть: ихъ разсмѣшилъ и растерянный видъ помѣщицы, и ея добродушное широкое лицо съ круглыми, какъ стекла старинныхъ очковъ, глазами.

— Барыня-а! купи сову-у! — улыбаясь, прокричалъ въ щель предводитель Петька.

На этотъ разъ помѣщица сообразила, кто ее зоветъ, и добродушное лицо ея сразу гнѣвно нахмурилось.

— А вы опять явились, чертенята? Опять со своими птицами пришли? Вотъ я какъ скажу кучеру, такъ онъ вамъ такую сову пропишетъ! Ступайте прочь, безстыдники!

Упоминаніе о кучерѣ на минуту смутило ребятишекъ, но послѣ краткаго совѣщанія они опять прилипли къ забору, и Петька снова прокричалъ въ щель:

— Барыня! а, барыня! Ну, купи зайчика!..

— Никита! Никита!—намѣренно громко закричала помѣщица, повернувшись лицомъ къ конюшнѣ. — А возьми-ка кнутъ да выйди-ка сюда на минутку!

Мальчишки инстинктивно отпрянули отъ забора, но послѣ новаго краткаго совѣщанія рѣшили, что барыня „кричитъ зря".

— Пужаетъ!—увѣренно протянулъ Петька и первымъ снова подошелъ къ забору. Однако, припавъ къ щели, онъ довольно долго смотрѣлъ на дверь конюшни, и только когда окончательно убѣдился, что оттуда никто не выходитъ, опять посмѣлѣлъ.

— Барыня-а! какъ же насчетъ зайчика, а?

— Пошелъ прочь, тебѣ сказано! — съ сердцемъ закричала барыня и даже топнула ногой.

Но ея гнѣвъ только снова разсмѣшилъ мальчиковъ. Они чувствовали свою полную неуязвимость и имъ было и весело, и смѣшно при видѣ этой тучной пожилой женщины, которая такъ сердится и въ то же время ничего не можетъ имъ сдѣлать.

— Оченно подходящій для тебя зайчикъ былъ бы!—опять закричалъ ей Петька.

— Никита! а, Никита!—въ свою очередь, закричала и помѣщица.

Но на этотъ разъ мальчики уже не вѣрили въ угрозу и смѣялись весело и заразительно.

— Айда, ребята, начинаемъ!—какъ-то ухарски подмигнулъ предводитель-Петька и, нахлобучивъ свой картузъ, рѣшительными шагами подошелъ къ калиткѣ.

— Чего боитесь, черти? Айда къ ней во дворъ! Сенька, ты съ зайцомъ куды пятишься, паршивый чортъ? Ступай впередъ!

Покорный голосу предводителя, Сенька сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, а Петька тѣмъ временемъ пріотворилъ калитку, просунулъ въ нее голову и осмотрѣлся по сторонамъ. Потомъ, убѣдившись, что опасности никакой не предвидится, распахнулъ калитку совсѣмъ и, взявъ за ногу трепыхавшуюся сову, остановился на порогѣ. Рядомъ съ нимъ всталъ мальчикъ съ зайцемъ и тоже взялъ несчастнаго русака за заднюю ногу, отчего бѣдное животное, повиснувъ головою внзъ, забилось и замоталось во всѣ стороны.

— Барыня! Овдоть Пална! Неужто сову не купишь?

Барыня, сидѣвшая спиной къ ребятишкамъ, повернулась и закричала съ озлобленіемъ:

— Пошли вонъ, негодяи! Вы уже и во дворъ лазить стали? Никита!

Но мальчики стояли не шевелясь. Они скалили свои бѣлые, прелестные зубы, а въ рукахъ ихъ безпомощно бились сова и зайчикъ.

— Зачѣмъ вы мучите? Зачѣмъ вы ихъ муичте?—съ болью

въ голосѣ крикнула помѣщица.—А если бы васъ, подлецовъ, за ногу этакъ подержать?

— Ни-че-го! — съ веселымъ смѣхомъ протянулъ Петька, и вслѣдъ затѣмъ сова забилась въ его рукахъ, какъ сумасшедшая. Очевидно, отъ невыносимой боли она какъ-то отрывисто, дико вскрикнула, рванулась впередъ какъ бѣшеная и такъ отчаянно затрепыхалась и замахала крыльями, что, казалось, вотъ-вотъ оторвется нога ея и останется въ рукахъ мальчишки.

— Мерзавецъ! Что ты дѣлаешь?! — вся перемѣнившись въ лицѣ, не своимъ голосомъ крикнула помѣщица. Она инстинктиво вскочила съ мѣста и своей тяжелой старческой походкой бросилась было къ Петькѣ. Но Петька, какъ мячикъ, отскочилъ на безопасную дистанцію и уже оттуда, весело смѣясь и показывая свои ослѣпительные зубы, прокричалъ:

— А ты купи, барыня, право, купи!

— Вотъ погоди, придетъ изъ кузнецы Никита,—проговорилась нечаянно помѣщица,—онъ тебѣ купитъ, негодяй ты проклятый, онъ тебѣ купитъ!

— А ты сама купи, барыня! —смѣясь, отвѣчалъ мальчишка и, взявъ сову за крыло, сталъ описывать ею широкіе круги съ такою силой, что сова опять вскрикнула и затрепыхалась, какъ обезумѣвшая.

— Не смѣй мучить, живодеръ! Не смѣй, тебѣ говорятъ!—топая ногами, кричала помѣщица.

Но мальчишка по прежнему стоялъ на приличной дистанціи, улыбался и продолжалъ вертѣть сову въ воздухѣ, отчего такъ и сыпались на землю ея пухъ и перья.

Помѣщица, наконецъ, поняла свое безсиліе и пошла на компромиссъ.

— Погоди, не мучь! Сколько же ты хочешь, мерзавецъ?

— Давай полтину.

— Что-о?

Цѣна была настолько неслыханная, что помѣщица даже не отвѣтила и, круто повернувшись, подошла къ столу. Машинально она сняла съ самовара чайникъ и попробовала было налить себѣ чаю, но чайникъ такъ дрожалъ въ ея рукѣ, что она принуждена была поставить его на столъ.

— Ну, давай сорокъ, барыня!—приблизившись на нѣсколько шаговъ, предложилъ Петька и пересталъ вертѣть сову.

Помѣщица даже не обернулась.

— Ну, тридцать!.. Овдоть Пална, тридцать!

Помѣщица и на этотъ разъ не обернулась.

— Ужли жъ и тридцать жалко? Ты погляди, сова-то какая— кому не надо рубль стоитъ!.. Овдоть Пална! ты погляди только!..

На этотъ разъ помѣщица нехотя повернула въ полоборота

голову, чтобы посмотрѣть, въ какомъ положеніи сова, и мальчикъ сію же минуту этимъ воспользовался: онъ съ такой силой дернулъ обезумѣвшую птицу за обѣ ноги, точно хотѣлъ разорвать ее пополамъ.

Помѣщица вскрикнула и этотъ крикъ заставилъ ребятишекъ прыснуть со смѣху.

— Мерзавцы! звѣри!—вся красная отъ негодованія, задыхаясь, кричала помѣщица.—Неужели тебѣ не жалко ее, живодеръ ты проклятый? Вѣдь ты Богу молишься, въ церковь ходишь, каинъ поганый!.. Вѣдь это ты надъ Божьей тварью измываешься, христопродавецъ бездушный!

Но чѣмъ больше сердилась и бранилась барыня, тѣмъ веселѣе было ребятишкамъ. Имъ было непонятно и странно, что барыня такъ жалѣетъ *простую птицу, обыкновенную сову*, и было смѣшно, что если сдѣлать больно совѣ, то, вмѣстѣ съ совой, подпрыгивала, вздрагивала и барыня, точно не совѣ, а ей самой дѣлали больно. Эта способность рефлективно отражать въ себѣ совиныя чувства казалась мальчикамъ курьезомъ, фокусомъ, на который они не могли смотрѣть иначе, какъ на забавное представленіе, какъ на „комедь“, въ которой дѣйствующимъ лицомъ былъ дуракъ, способный болѣть болями совы.

А барыня, между тѣмъ, продолжала голосомъ, полнымъ гнѣва и вмѣстѣ жалости къ птицѣ:

— Посмотри, что ты сдѣлалъ, извергъ ты окаянный! Вѣдь ты ее почти до смерти замучилъ! Посмотри, она и глаза уже закрыла, совсѣмъ околѣваетъ?

— Не бо-ось, не околѣетъ!—увѣренно протянулъ Петька, и лицо его вдругъ озарилось хитрой улыбкой. — Вотъ погляди, я ножку ей сейчасъ переломлю—такъ какъ она встряхнется!

И, къ ужасу помѣщицы, мальчикъ дѣйствительно поднялъ чуть живую, но уже недвижно повисшую птицу на воздухъ и взялся обѣими руками за ея ногу.

— Не надо! Не надо!—вся поблѣднѣвъ, вскрикнула помѣщица.—На тебѣ деньги, на! на!..

— Тридцать, барыня?

— Тридцать, тридцать!.. На... сейчасъ... на!..

Дрожащей рукой помѣщица стала шарить въ своихъ юбкахъ и отъ сильнаго волненія никакъ не могла нащупать карманъ.

А Петька, какъ только увидѣлъ, что барыня дѣйствительно хочетъ дать деньги, сразу сдѣлался серьезенъ, пересталъ смѣяться и бережно взялъ сову обѣими руками, держа ее на вѣсу.

— На тебѣ деньги, на!—уже не бранясь, посмѣшно проговорила помѣщица. Она настолько была охвачена жалостью къ полумертвой совѣ, что даже пропалъ ея гнѣвъ.

Но Петька не рѣшился подойти и взять деньги изъ рукъ въ руки.

— Овдоть Пална, ты драться будешь?—нерѣшительно проговорилъ онъ и, подумавъ одну минуту, сейчасъ же вышелъ изъ затрудненія.—А ты брось мнѣ деньги, брось сюда! А я тебѣ положу сову на землю.

Помѣщица не прекословила и бросила. Петька подобралъ, ловко бросилъ монеты себѣ въ ротъ и спряталъ за щеку. Потомъ, подозрительно косясь на помѣщицу, онъ приблизился къ ней на три шага, положилъ на землю птицу и, какъ мячикъ, отскочилъ на безопасную дистанцію. Но всѣ эти предосторожности были совершенно не нужны, такъ какъ помѣщица, казалось, даже не видѣла ничего, кромѣ совы. Она положила околѣвающую птицу на скамейку, брызгала на нее водой и, не переставая, причитала:

— До смерти замучили, подлецы, совсѣмъ до смерти... Драть васъ, изувѣровъ, некому... Растете какъ звѣрята, между овецъ и поросятъ и сами хуже всякихъ звѣрей выходите... Волчата и тѣ лучше васъ: тѣ перекусываютъ горло, чтобы съѣсть, а вы перекусите и засмѣетесь, идолы бездушные...

Помѣщица все брызгала водой на сову и все причитала, называя ребятишекъ и арестантами, и каторжниками, и просто сибирными.

Но на мальчиковъ этотъ дождь эпитетовъ не производилъ ровно никакого впечатлѣнія. Они съ любопытствомъ слѣдили за возней помѣщицы, перешептывались между собой, изрѣдка толкались и не уходили только потому, что у Сеньки на рукахъ былъ еще непроданный полуживой заяцъ.

Этотъ заяцъ, которому оставалось полчаса до смерти, былъ теперь предметомъ общихъ заботъ: всѣмъ хотѣлось поскорѣе сбыть его, поскорѣе уйти, чтобы не „нарваться“ на кучера, который съ минуты на минуту могъ придти и задать всей компаніи жесточайшую трепку. Но въ то же время мальчикамъ было неловко говорить съ барыней о зайцѣ въ то время, когда она такъ „убивается“ надъ совой. Однако, Сенька, пошептавшись съ Петькой, рѣшилъ побороть это чувство неловкости и, держа передъ собой зайца на вытянутыхъ рукахъ, застѣнчиво проговорилъ:

— Барыня, а какъ же насчетъ зайчика дѣло будетъ?..

Этотъ вопросъ показался помѣщицѣ такимъ безобразно нахальнымъ, что она, не помня себя. почти въ изступленіи, закричала:

— Ступай вонъ, мерзавецъ! сію минуту вонъ! сію минуту!..

Должно быть въ этомъ воплѣ барыни было нѣчто особенно грозное, потому что Сенька вздрогнулъ и безпрекословно побѣжалъ къ выходу, держа передъ собой на вытянутыхъ рукахъ зайца. За Сенькой въ разсыпную кинулись и прочіе.

Но черезъ пять минутъ мальчишки снова уже стояли у забора и осторожно заглядывали въ щели. Заяцъ на этотъ разъ былъ уже въ рукахъ Петьки, который твердо рѣшилъ сбыть его хоть за пятачокъ. Петька надѣялся на свою ловкость и не сомнѣвался въ успѣхѣ. Однако, заглянувъ въ щелку, онъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что барыня сидитъ въ своемъ креслѣ и, приложивъ платокъ къ глазамъ, тихо плачетъ.

— Братцы! плачетъ! — съ изумленіемъ прошепталъ онъ. — Накажи меня Богъ, плачетъ... И сова дохлая на скамейкѣ лежитъ... Неужто изъ за совы она?...

Мальчишки припали къ щелямъ и съ удивленіемъ убѣдились, что помѣщица дѣйствительно плачетъ. Это ихъ и озадачило, и обезкуражило. За минуту передъ тѣмъ веселыя, смѣющіяся лица ихъ сдѣлались серьезны и озабочены, видимо, имъ стало вдругъ и неловко, и жаль барыню. Даже Петька почувствовалъ нѣкоторое смущеніе.

— Шабашъ теперь зайца продавать!—промолвилъ онъ и, раскачавъ несчастнаго русака за заднюю ногу, далеко бросилъ его въ сторону. Заяцъ взлетѣлъ сажени на три вверхъ и тяжело, какъ мѣшокъ, шлепнулся на землю.

— Зачѣмъ выкинулъ? Твой заяцъ? — неожиданно распѣтушился собственникъ-Сенька.

Но такъ какъ Петьки онъ все-таки боялся, то и не отважился на возмездіе и во всю прыть своихъ босыхъ ногъ кинулся къ зайцу.

Но за нимъ никто не послѣдовалъ. Заяцъ уже никого не интересовалъ и всѣ думали о плачущей барынѣ. Заглядывая въ щели, мальчишки перешоптывались и на всѣ лады объясняли причину помѣщицыныхъ слезъ.

— Скажи, пожалуйста, изъ-за совы!.. — смущенно говорилъ Петька.

— Не изъ-за совы, а изъ-за тебя, Петька: ужъ больно ты куражился надъ ней...

— И тридцать копѣекъ содралъ, ну, извѣстно, ей и обидно: за сову такія деньги...

— И впрямь, Петька, отдай ей хоть пятиалтынный...

Но Петька, до сихъ поръ молча выслушивавшій упреки товарищей и тѣмъ какъ бы признававшій извѣстную долю своей вины, при упоминаніи о пятиалтынномъ, вдругъ вспыхнулъ:

— А этого не хочешь? — спросилъ онъ и ткнулъ въ самый носъ собесѣдника извѣстную комбинацію изъ трехъ пальцевъ.

А. Яблоновскій.

———

О СОЦІАЛЬНОЙ ЗАКОНОМѢРНОСТИ.

(Соціологическій этюдъ).

Центральнымъ пунктомъ каждой науки является открытіе законовъ изслѣдуемыхъ ею явленій. Это цѣль, къ которой стремится ученый: это также пробный камень совершенства научной мысли въ данной области. Если мы подойдемъ съ этимъ пробнымъ камнемъ къ соціологіи, то она на врядъ-ли выдержитъ испытаніе. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы въ соціологіи не было законовъ. Напротивъ, никто не открывалъ столько законовъ, какъ соціологи. Но самое множество ихъ уже заставляетъ относиться къ нимъ подозрительно. Къ тому же, эти законы часто противорѣчатъ другъ другу, вызывая тѣмъ невольный скептицизмъ у объективнаго читателя. Лучшимъ и наиболѣе современнымъ представителемъ такого скептическаго отношенія къ соціологическимъ законамъ является Зиммель, со взглядами котораго на этотъ вопросъ намъ необходимо будетъ познакомиться. Но прежде чѣмъ говорить о *скептическомъ* направленіи въ соціологіи, полезно будетъ указать на *положительныя* попытки открытія и построенія соціальныхъ законовъ, такъ какъ скептическое направленіе Зиммеля развилось именно изъ критическаго отношенія къ этимъ попыткамъ.

Эти попытки можно съ удобствомъ раздѣлить на двѣ категоріи, сообразно двумъ различнымъ представленіямъ о природѣ соціальной закономѣрности. Одни соціологи, къ которымъ нужно причислить Спенсера, Дюркгейма, Гумпловича, придерживаются натуралистическаго воззрѣнія на законы общественной жизни. Задача соціолога, по ихъ мнѣнію, нисколько не отличается отъ задачи естествоиспытателя. И тотъ, и другой отыскиваетъ естественные законы явленій, ихъ послѣдовательности и отношеній. Иначе подходятъ къ вопросу о соціальной закономѣрности, напримѣръ, такіе писатели, какъ Фулье, Штаммлеръ, Тардъ. Не отрицая существованія такъ называемыхъ естественныхъ законовъ исторіи, они въ то же время полагаютъ, что эти законы не даютъ намъ исчерпывающаго объясненія историческихъ событій, подобно тому, какъ они даютъ его для объясненія естественно-историческихъ явленій; эти ученые утверждаютъ, что въ исторіи мы встрѣчаемся съ новымъ факторомъ—цѣлевой дѣятельностью людей, который

заставляетъ насъ рядомъ и надъ естественными законами историческаго развитія отыскивать еще телеологическіе законы или соціальныя *нормы*. Намъ нужно подробно разсмотрѣть оба эти воззрѣнія на природу соціальныхъ законовъ.

I.

Свои взгляды на законы соціальнаго развитія Спенсеръ изложилъ уже въ главныхъ чертахъ въ «Основныхъ началахъ». Здѣсь мы узнаемъ, что соціальные законы представляютъ частный случай всеобщихъ космическихъ законовъ, а законы соціальнаго развитія—частный случай космической эволюціи. Въ основаніи всѣхъ этихъ явленій лежитъ принципъ сохраненія силы, затѣмъ принципъ неустойчивости однороднаго и принципъ множественности результатовъ. Первый законъ эволюціи, вытекающій изъ названныхъ принциповъ, это законъ концентраціи матеріи и разсѣянія силы; второй законъ—дифференціація частей. Эволюція, по Спенсеру, есть «интеграція матеріи, сопровождаемая разсѣяніемъ движенія, переводящая матерію изъ неопредѣленной, безсвязной однородности въ опредѣленную связную разнородность и производящая параллельное тому преобразованіе сохраняемаго матеріей движенія» *). Это опредѣленіе эволюціи одинаково относится какъ къ космическому міру, такъ и къ міру органическихъ и общественныхъ явленій. Характерная черта этой формулы—ея полнѣйшая объективность. Спенсеръ говоритъ о развитіи общества и законахъ этого развитія въ тѣхъ же терминахъ, какъ объ эволюціи неорганической матеріи. Въ другомъ мѣстѣ Спенсеръ жалуется на неопредѣленность обычнаго представленія о прогрессѣ. Главный недостатокъ этого представленія заключается въ томъ, что оно *телеологическое*. «Соціальный прогрессъ видятъ въ производствѣ большаго количества и бо̀льшаго разнообразія предметовъ, служащихъ для удовлетворенія человѣческихъ потребностей, въ большемъ огражденіи личности и собственности, въ расширеніи свободы дѣйствій; между тѣмъ какъ правильно понимаемый соціальный прогрессъ заключается въ тѣхъ измѣненіяхъ строенія соціальнаго организма, которыя обусловливаютъ эти послѣдствія». «Всѣ явленія,—продолжаетъ Спенсеръ,—разсматриваются съ точки зрѣнія человѣческаго счастья. Только тѣ измѣненія считаются прогрессомъ, которыя прямо или косвенно стремятся къ возвышенію человѣческаго счастья, и считаются они прогрессомъ только потому, что способствуютъ этому счастью. Но чтобы правильно понять прогрессъ, мы должны изслѣдовать сущность этихъ измѣненій, разсматривая ихъ независимо отъ нашихъ интересовъ **).

Впрочемъ, Спенсеръ не отрицаетъ того, что движущими силами

*) «Основныя начала», стр. 331.

**) «Прогрессъ, его законъ и причина». 4—5.

соціальной эволюціи являются интересы людей; онъ полагаетъ только, что эти интересы служатъ средствомъ для осуществленія общихъ законовъ эволюціи. Примѣняя свою общую формулу прогресса къ соціальному развитію, онъ на каждомъ шагу пользуется терминами чисто телеологическаго характера. Вотъ, напримѣръ, какъ онъ изображаетъ прогрессъ дифференціаціи въ какой-либо промышленной организаціи: «Когда случается, что какая-либо личность извѣстнаго племени проявляетъ особенную способность къ выдѣлкѣ какого-нибудь общеупотребительнаго предмета, оружія, напримѣръ, которое до тѣхъ поръ каждый дѣлалъ самъ для себя,—тотчасъ же возникали стремленія къ дифференцированію этой личности въ дѣлателя этого оружія. Его товарищи—всѣ воины и охотники—*сознаютъ преимущество* имѣть лучшее оружіе, какое возможно сдѣлать и, конечно, будутъ стараться способствовать тому, чтобы эта искусная личность дѣлала для нихъ оружіе. Съ другой стороны, человѣкъ, имѣющій не только особенную способность, но и особенную охоту къ выдѣлкѣ такого рода оружія (потому что обыкновенно талантъ и любовь къ занятію идутъ рядомъ) *расположенъ* къ исполненію этихъ заказовъ за извѣстное вознагражденіе; особенно если при этомъ *удовлетворено его желаніе* отличиться. Это первое спеціализированіе функцій, будучи разъ возбуждено, постоянно стремится къ тому, чтобы сдѣлаться болѣе опредѣленнымъ» *).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что Спенсеръ, переходя отъ общей формулы эволюціи къ ея примѣненію къ развитію общества, принужденъ прибѣгать къ тѣмъ самымъ телеологическимъ понятіямъ, которыя онъ такъ тщательно избѣгалъ при формулированіи общаго закона. Онъ долженъ говорить о *сознаніи преимущества* раздѣленія труда, объ *удовлетвореніи желанія отличиться*, т.-е. дѣйствіяхъ, опредѣляемыхъ извѣстными цѣлями. Чтобы объяснить соціальную дифференціацію, онъ обращается уже не къ принципу, по которому одна причина ведетъ за собой нѣсколько слѣдствій, и не къ неустойчивости однороднаго, не къ интеграціи матеріи и разсѣянію движенія, а къ интересамъ и желаніямъ людей. Но въ такомъ случаѣ, гдѣ мостъ между этими желаніями и интересами и общимъ закономъ Спенсера? Гдѣ доказательство того, что, не смотря на вмѣшательство телеологическаго фактора, законы соціальнаго развитія продолжаютъ оставаться тождественными съ законами космической эволюціи? Конечно, можно представить себѣ, что за сознательными мотивами людей, руководящими ихъ поступками, скрывается несознаваемый ими законъ эволюціи и что въ концѣ-концовъ, стремясь къ счастью, борясь за свои повседневные интересы, преслѣдуя цѣли честолюбія и властолюбія, люди осуществляютъ тотъ планъ, который скрывается за порогомъ ихъ сознанія. Но въ такомъ случаѣ, чѣмъ законъ эволюціи Спенсера отличается отъ

*) «Прогрессъ, его законъ и причины», стр. 29. Курсивъ вездѣ нашъ. *С. Ш.*

«мірового духа» Гегеля? Не утверждалъ-ли Гегель, что «духъ хитеръ» и что онъ пользуется страстями и интересами людей для достиженія своихъ цѣлей? Въ системѣ Гегеля люди съ ихъ сознательными мотивами служили орудіемъ Міровой Идеи, не являются-ли они въ системѣ синтетической философіи Спенсера такими же орудіями «закона эволюціи?» Подъ новыми болѣе научными терминами воскресаетъ старая метафизическая идея. Законъ эволюціи Спенсера, его интеграція и дифференціація, переходъ отъ однороднаго къ разнородному, отъ неопредѣленнаго къ опредѣленному производятъ впечатлѣніе не простыхъ естественныхъ законовъ, но внѣшнихъ *силъ*, направляющихъ событія и поступки людей по заранѣе опредѣленному плану, къ заранѣе опредѣленной цѣли. По справедливому замѣчанію Тарда, Спенсеръ и его послѣдователи думаютъ, что хотя человѣкъ и находится въ постоянной дѣятельности, но въ сущности его ведетъ законъ эволюціи» *).

Многотомная соціологія Спенсера представляетъ примѣненіе къ общественной эволюціи тѣхъ идей, которыя были уже развиты въ «Основныхъ началахъ». И здѣсь мы встрѣчаемся съ тѣмъ же противорѣчіемъ, которое мы отмѣтили въ этюдѣ о прогрессѣ. Съ одной стороны Спенсеръ кладетъ въ основаніе своего изученія общества ту истину, что свойства аггрегата опредѣляются свойствами тѣхъ индивидовъ, изъ которыхъ онъ состоитъ. Поэтому, основными данными, опредѣляющими характеръ общественнаго аггрегата, являются физическія и духовныя свойства индивидовъ. Соотвѣтственно этому въ первомъ томѣ соціологіи Спенсеръ подвергаетъ изслѣдованію физическія, эмоціональныя и интеллектуальныя свойства людей. Переходя дальше къ изученію вѣрованій, ихъ происхожденія и развитія, онъ вполнѣ опирается на психологическій анализъ первобытнаго человѣка. Онъ беретъ сначала некультурный умъ и затѣмъ анализируетъ, какое впечатлѣніе на него должны производить цѣлый рядъ явленій какъ внѣшней природы, такъ и жизни людей. На всемъ протяженіи анализа вѣрованій дикарей мы нигдѣ не встрѣчаемся ни съ малѣйшимъ намекомъ на знаменитый законъ интеграціи и дифференціаціи. Мы могли бы предположить, что этотъ законъ непримѣнимъ къ человѣческимъ идеямъ и вѣрованіямъ. Нисколько. Въ концѣ книги этотъ законъ является какъ deus ex machina. «Итакъ,—говоритъ Спенсеръ,—нѣтъ никакого сомнѣнія, что вѣрованія, составляющія систему суевѣрій, развиваются по тому же самому способу, какъ и все остальное. При помощи процесса непрерывной интеграціи и дифференціаціи, они слагаются въ аггрегатъ, который, возрастая въ объемѣ, переходитъ въ то же время отъ неопредѣленной, безсвязной однородности къ опредѣленной, связной разнородности».

Протестуя противъ телеологическаго пониманія прогресса, разсма-

*) Габріэль Тардъ. «Соціальные законы», 92.

тривая развитіе общества и его учрежденій, какъ простой переходъ отъ однородности къ разнородности, отъ неопредѣленности къ опредѣленности и т. д. Спенсеръ однако, на каждомъ шагу пользуется понятіемъ цѣли. Такъ, характеризуя отличіе индивидуальныхъ организмовъ отъ коллективныхъ, онъ говоритъ, что въ первомъ (индивидуальномъ организмѣ) единицы существуютъ для блага аггрегата, тогда какъ во второмъ (общественномъ организмѣ) самый аггрегатъ существуетъ только для блага единицъ. Отсюда онъ выводитъ, что «общественная организація должна считаться тѣмъ выше, чѣмъ успѣшнѣе онѣ служитъ благосостоянію индивидовъ, потому что въ обществѣ единицы обладаютъ чувствованіемъ, тогда какъ самъ аггрегатъ безчувственъ; на этомъ основаніи, продолжаетъ Спенсеръ, индустріальный типъ долженъ считаться болѣе высокимъ, потому что онъ служитъ благу индивидовъ лучше, чѣмъ милитарный типъ»... «Итакъ,—заключаетъ авторъ,—индустріальный типъ съ его децентрализованными аппаратами представляетъ высшій типъ, *потому что* онъ всего лучше служитъ тѣмъ цѣлямъ (благополучія единицъ), къ достиженію которыхъ *должна* стремиться общественная организація,—въ отличіе отъ тѣхъ цѣлей (благосостояніе аггрегата) которымъ *должна* служить индивидуальная организація съ ея централизованными аппаратами» *).

Такимъ образомъ, Спенсеръ возвращается ко тому самому телеологическому пониманію прогресса, противъ котораго онъ самъ возстаетъ въ другихъ мѣстахъ своего сочиненія. Онъ говоритъ, что индустріальный типъ общества выше военнаго *потому что* лучше служитъ благу составляющихъ его единицъ; онъ указываетъ что характерною особенностью, отличающей общество отъ организма является то что общество существуетъ для блага единицъ, тогда какъ въ организмѣ единицы существуютъ для блага цѣлаго. Но, въ такомъ случаѣ, въ чемъ отличіе спенсеровскаго пониманія прогресса отъ обычнаго, противъ котораго онъ такъ настойчиво возстаетъ? Оба эти пониманія несомнѣнно суть телеологическія, такъ какъ считаютъ въ концѣ концовъ критеріемъ прогресса благо единицъ, образующихъ общество. Очевидно, что различіе состоитъ не въ томъ, что одно пониманіе прогресса телеологическое, а другое—объективное, но въ томъ, *что̀ они считаютъ благомъ*. Но въ такомъ случаѣ и споръ долженъ быть перенесенъ совершенно въ другую область.

II.

Указанныя нами внутреннія противорѣчія соціологіи Спенсера были замѣчены и подвергнуты критикѣ послѣдующими соціологами, при чемъ одни изъ нихъ развили съ большей послѣдовательностью объективное пониманіе прогресса и его законовъ, другіе телеологическую сторону

*) Post-scriptum ко второй части

этого пониманія. Къ числу первыхъ принадлежитъ Дюркгеймъ, ко вторымъ—извѣстный французскій философъ Фулье и др.

Вмѣстѣ со Спенсеромъ Дюркгеймъ возстаетъ противъ обычнаго телеологическаго представленія о соціальныхъ явленіяхъ. «Методъ, которымъ обыкновенно пользуются соціологи для объясненія, говоритъ Дюркгеймъ, одновременно и психологическій по существу своему и телеологическій». «Большинство соціологовъ думаетъ, что они объяснили явленія, какъ скоро показали, чему служатъ послѣднія, какую роль они играютъ. Поэтому они думаютъ, что сдѣлано все, что нужно для ихъ объясненія, разъ установлена дѣйствительность этихъ услугъ и указано, какія соціальныя нужды ими удовлетворяются. Такъ, Контъ сводитъ всю движущую силу прогресса человѣчества къ тому основному стремленію, которое неустанно побуждаетъ улучшать во всѣхъ отношеніяхъ условія своего существованія, а Спенсеръ—къ потребности большаго счастья. Въ силу этого принципа, онъ объясняетъ образованіе общества выгодами, возникающими отъ коопераціи; учрежденіе правительства—пользой, получаемой отъ регулированія военной коопераціи; измѣненія, которымъ подвергалась семья,—необходимостью согласовать все болѣе и болѣе совершенно интересы родителей, дѣтей и общества».

Такимъ образомъ Дюркгеймъ указываетъ на то же самое, на что мы указывали уже выше, а, именно, на то, что спенсеровское пониманіе прогресса по существу телеологическое. Съ своей стороны, Дюркгеймъ стремится изгнать изъ соціологіи всякій элементъ цѣли. Мы уже видѣли, что онъ опредѣляетъ соціальный фактъ, какъ внѣшніе и принудительные для личности способы дѣйствія, мысли и чувства. Отсюда уже вытекаетъ, что законы этихъ явленій должны носить такой же характеръ, какъ законы всѣхъ иныхъ естественныхъ явленій. Разъ общественный фактъ характеризуется тѣмъ, что онъ опредѣляетъ цѣли личности, а не обратно, то, законовъ этого факта нельзя искать въ цѣляхъ, которыя преслѣдуются личностью, такъ какъ эти цѣли сами должны быть объяснены внѣшней общественной средой. Конечно, можно было бы найти еще третій выходъ, т.-е. прибѣгнуть къ объективной телеологіи; но подобная точка зрѣнія чужда натуралистическому методу Дюркгейма.

Основная ошибка всей современной соціологіи, не исключая и спенсеровской, полагаетъ Дюркгеймъ, состоитъ въ томъ, что она ищетъ законы общества въ индивидуальной психологіи; общественныя явленія для нея представляютъ лишь дополненіе и продолженіе явленій индивидуальной психики, поэтому она стремится, сознательно или безсознательно, свести первыя ко вторымъ. Но такъ какъ индивидуальная психологія, индивидуальныя дѣйствія не понятны безъ цѣлей, къ

---

*) Эмиль Дюркгеймъ, «Методъ соціологіи», 137, 144.

которымъ они стремятся, то взглядъ современной соціологіи на общество по существу телеологическій. Смотря по тому, какого взгляда соціологъ придерживается на цѣли дѣятельности личности—полагаетъ ли онъ, что этою цѣлью является счастье, благо, развитіе гуманности, свободы, разума—такую же цѣль онъ ставитъ для прогресса общества. Подобный взглядъ, полагаетъ Дюркгеймъ, глубоко ошибоченъ, такъ какъ свойства и законы соціальнаго факта не могутъ быть сведены къ свойствамъ и законамъ индивида его дѣйствій и психическихъ состояній. Соціальный фактъ представляетъ явленіе совершенно самостоятельное, со своими собственными характерными признаками и своими собственными законами, не сводимыми къ законамъ личности. Причиной извѣстнаго соціальнаго состоянія не можетъ быть тотъ или иной психическій фактъ, но извѣстное другое соціальное состояніе, предшествовавшее ему *). Это—основное правило соціальной закономѣрности.

Посмотримъ, какъ примѣняетъ Дюркгеймъ свой взглядъ на соціальную закономѣрность для объясненія какого-либо общественнаго факта. Предположимъ, что дѣло идетъ о раздѣленіи общественнаго труда **). Обыкновенно прогрессъ раздѣленія труда объясняется стремленіемъ человѣка къ счастью. Раздѣленіе труда увеличиваетъ количество благъ, находящихся въ нашемъ распоряженіи,—какъ количественно, такъ и качественно, и слѣдовательно должно дѣлать насъ счастливѣе. Разъ это такъ, то постоянный прогрессъ раздѣленія труда находитъ естественное и легкое объясненіе; достаточно предположить, что какой-либо случай показалъ людямъ выгоды раздѣленнаго труда, чтобы они неизмѣнно стремились къ его проведенію и развитію. Мы видѣли уже, что на самомъ дѣлѣ Спенсеръ такимъ образомъ объясняетъ прогрессъ общественной дифференціаціи.

Это обычное объясненіе, по мнѣнію Дюркгейма, какъ оно ни кажется правдоподобнымъ, покоится на заблужденіи. Если стремленіе къ счастью дѣйствительно является причиной раздѣленія труда, то счастье должно быть способно также безгранично расти, какъ соціальная дифференцировка. На самомъ же дѣлѣ то состояніе, которое мы называемъ счастьемъ, ограничено тѣсными предѣлами. Если бы, слѣдовательно, раздѣленіе труда на самомъ дѣлѣ прогрессировало ради увеличенія счастья, оно давно достигло бы своего конечнаго предѣла и остановилось бы на немъ. Человѣчество быстро бы достигло неподвижнаго состоянія, изъ котораго оно болѣе уже не выходило бы. Такимъ образомъ, нельзя искать причины раздѣленія труда въ тѣхъ выгодахъ,

---

*) *«Опредѣляющая причина даннаго соціальнаго факта должна быть отыскиваема среди предшествующихъ соціальныхъ фактовъ а не въ состояніяхъ индивидуальнаго сознанія»*. Методъ соціологіи 97.)

**) Этому вопросу Дюркгеймъ посвятилъ спеціальное изслѣдованіе: «De la division du travail social». Paris. Alcan. 1893.

которыя она приноситъ людямъ. Но въ такомъ случаѣ, гдѣ же ее искать? Чѣмъ объяснить фактъ неизмѣннаго роста раздѣленія труда?

Необходимо обратиться къ самому обществу, къ соціальной средѣ и ея измѣненіямъ. Здѣсь лежатъ истинныя причины погресса соціальной дифференціаціи. Наблюдая условія, сопровождающія ростъ раздѣленія труда, мы замѣчаемъ, что ему сопутствуетъ неизмѣнно прогрессъ соціальной плотности и объема. По мѣрѣ того, какъ общества становятся болѣе многочисленными, и по мѣрѣ того, какъ между составляющими ихъ индивидами и группами устанавливаются все болѣе и болѣе живыя и многообразныя отношенія и связи, раздѣленіе соціальнаго труда прогрессируетъ какъ количественно, такъ и качественно. Но количество единицъ, изъ которыхъ состоитъ общество, и образуетъ объемъ послѣдняго; что касается плотности общества или его концентраціи, то она опредѣляется не столько «матеріальной сплоченностью аггрегата, которая не можетъ имѣть значенія, если индивиды или, скорѣе, группы индивидовъ раздѣлены нравственными пустотами, но нравственною сплоченностью, для которой первая служитъ лишь вспомогательнымъ средствомъ, а довольно часто и слѣдствіемъ» *). Чѣмъ интенсивнѣе общественная жизнь даннаго общества, чѣмъ тѣснѣе сѣть идейныхъ, нравственныхъ и экономическихъ сношеній между индивидами и группами, тѣмъ больше соціальная концентрація или плотность и, слѣдовательно, тѣмъ дальше подвигается раздѣленіе общественнаго труда. Не нужно думать, что соціальный объемъ и плотность являются лишь внѣшними благопріятными условіями, въ которыхъ индивиды осуществляютъ свое стремленіе къ спеціализаціи занятій. Эти свойства среды служатъ дѣйствительной опредѣляющей причиной прогресса раздѣленія труда. Однимъ словомъ: *«раздѣленіе труда измѣняется прямо пропорціонально объему и плотности обществъ, и если оно неизмѣнно прогрессируетъ вмѣстѣ съ соціальнымъ развитіемъ, то потому, что общества неизмѣнно становятся болѣе плотными и въ большинствѣ случаевъ болѣе объемистыми»* **).

Характерная черта этого закона, какъ и цитированнаго выше спенсеровскаго закона эволюціи, заключается въ его объективности; онъ одинаково можетъ быть приложенъ какъ обществу, такъ и неорганическимъ тѣламъ, такъ какъ понятіе плотности и объема заимствованы изъ области физическихъ наукъ. Мы должны предположить также, что этотъ законъ осуществляется съ такой же необходимостью, какъ законы физики и механики. Каждый разъ, когда общества увеличиваются въ объемѣ и плотности долженъ совершиться прогрессъ раздѣленія труда. Однако, самъ Дюркгеймъ указываетъ, что это не такъ. Увеличеніе объема и плотности обществъ можетъ повести не только къ раз-

*) «Методъ соціологіи», 100.

**) «De la Division du travail social», 289.

дѣленію труда, но также къ росту эмиграціи, самоубійствъ, преступленій *). Этотъ нѣсколько неожиданный произволъ закона становится вполнѣ понятнымъ, если мы присмотримся внимательнѣе, не обманывак себя физическими аналогіями, къ тому, какимъ образомъ ростъ плотности и объема обществъ обусловливаетъ прогрессъ раздѣленія труда. По мѣрѣ роста населенія (т.-е. объема общества) и концентраціи общества увеличивается борьба за существованіе. Отсюда необходимость болѣе совершенныхъ средствъ борьбы. Однимъ изъ такихъ средствъ является раздѣленіе труда, такъ какъ спеціализированный трудъ болѣе производителенъ, чѣмъ не спеціализированный.

Такимъ образомъ Дюркгеймъ долженъ прибѣгнуть для объясненія своего закона къ принципу дарвинистической борьбы. Несомнѣнно, что это по сравненію съ простымъ телеологическимъ объясненіемъ—шагъ впередъ, но необходимо помнить, что дарвинизмъ не устраняетъ телеологіи, какъ многіе полагаютъ, но указываетъ ей болѣе правильное мѣсто. Даже къ примѣненіи къ міру животныхъ онъ предполагаетъ выживаніе болѣе приспособленныхъ. Это значитъ, во-первыхъ, что онъ предполагаетъ инстинктъ самосохраненія, во-вторыхъ, извѣстныя объективныя законы самосохраненія. Еще болѣе очевиденъ телеологическій характеръ борьбы за существованіе въ обществѣ. Прежде всего то, что въ природѣ дается индивиду наслѣдственностью, то здѣсь пріобрѣтается имъ въ теченіе жизни. Болѣе счастливая организація индивида, дающая ему преимущество въ борьбѣ за существованіе, въ обществѣ замѣняется болѣе совершеннымъ способомъ труда, въ данномъ случаѣ—болѣе спеціализированной функціей, Правда, мы не можемъ назвать каждое пріобрѣтеніе на пути раздѣленія труда изобрѣтеніемъ, какъ это дѣлаетъ Тардъ, потому что съ изобрѣніемъ мы привыкли связывать представленіе о вполнѣ сознательномъ индивидуальномъ дѣйствіи, тогда какъ извѣстно, что прогрессъ раздѣленія труда совершался посредствомъ накопленія безконечно малыхъ измѣненій въ дѣятельности людей, частью случайныхъ, частью преслѣдовавшихъ ближайшія цѣли. Тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что по сравненію съ чисто случайнымъ наслѣдственнымъ измѣненіемъ организма, лежащимъ въ основаніи біологическаго прогресса (слѣдуя теоріи Дарвина), измѣненія въ дѣятельности людей, постепенная интеграція которыхъ ведетъ къ прогрессу раздѣленія труда, носитъ болѣе сознательный телеологическій характеръ.

Это еще не все. Извѣстно, что въ теоріи Дарвина первостепенную роль играетъ вымираніе менѣе приспособленныхъ и выживаніе счастливѣе одаренныхъ организмовъ. Такимъ образомъ прогрессъ въ мірѣ животныхъ совершается полнымъ удаленіемъ съ поля борьбы менѣе одаренныхъ. Этотъ процессъ въ обществѣ значительно измѣняется и

*) «Методъ соціологіи», 140.

усложняется. Вымираніе менѣе счастливо поставленныхъ въ борьбѣ за существованіе индивидовъ и группъ замѣняется въ соціальномъ мірѣ подчиненіемъ, порабощеніемъ. Напримѣръ, индивиды или группы, обладающія выгодами раздѣленія труда, занимаютъ господствующее или вообще высшее положеніе въ обществѣ, тогда какъ не обладающіе этими выгодами опускаются на низшія ступени соціальной лѣстницы. Наступаетъ борьба между низшими и высшими, въ которой первые заимствуютъ болѣе совершенные пріемы производства и организаціи высшихъ. Возвращаясь опять къ раздѣленію труда, мы должны предположить, что разъ выгодныя послѣдствія болѣе специализированной дѣятельности были замѣчены, то естественно, что она распространялась посредствомъ подражанія и заимствованія по всему обществу. Но это распространеніе носитъ по существу телеологическій характеръ, такъ какъ оно вызвано сознаніемъ выгоды или господства, связаннаго съ извѣстными пріемами организаціи, жизни и дѣятельности.

Сдѣлаемъ еще шагъ впередъ: представимъ себѣ гипотетическое общество, въ которомъ общественная дѣятельность регулируется по заранѣе и сознательно намѣченному плану. Будетъ ли въ подобномъ гипотетическомъ обществѣ раздѣленіе труда слѣдствіемъ возрастающей борьбы за существованіе, вытекающей, въ свою очередь, изъ роста соціальнаго объема и плотности? Нельзя ли съ полнымъ основаніемъ предположить, что сознаніе выгодъ специализированнаго труда будетъ настолько развито, что раздѣленіе труда будетъ введено не какъ результатъ возросшей борьбы за существованіе, а какъ средство смягченія существующихъ формъ борьбы. Это предположеніе само по себѣ не представляетъ ничего утопическаго, такъ какъ оно не вноситъ новыхъ силъ и элементовъ въ общественную жизнь, но лишь предполагаетъ развитіе существующихъ. Мы видѣли, что подъ внѣшнимъ стихійнымъ (механическимъ) характеромъ прогресса раздѣленія труда скрывается телеологическая дѣятельность индивидовъ. Стихійный же характеръ прогресса вытекаетъ изъ того, что индивиды руководствуются непосредственными, ближайшими слѣдствіями своей дѣятельности, не подозрѣвая ихъ соціальныхъ результатовъ. Въ подобномъ гипотетическомъ обществѣ законъ, формулированный Дюркгеймомъ, уже не примѣнимъ, потому что каждому новому шагу раздѣленія труда не должно необходимо предшествовать усиленіе борьбы за существованіе, а слѣдовательно роста соціальнаго объема и плотности. Простое сознаніе выгодъ извѣстной специальной функціи, сознаніе того, что она ведетъ къ смягченію борьбы за существованіе само по себѣ будетъ служить достаточнымъ мотивомъ для ея введенія. Само собою разумѣется, что общей предпосылкой такой гипотетической организаціи является общество, изъ котораго устранена классовая борьба.

III.

Если Спенсеръ и Дюркгеймъ являются представителями натуралистическаго взгляда на соціальные законы, и элементы телеологіи, на которые мы выше указывали, вводятся въ ихъ соціологическое пониманіе помимо ихъ принципіальной точки зрѣнія и въ противорѣчіи съ ней, то соціологи, къ которымъ мы теперь переходимъ, сознательно разсматриваютъ общество и его развитіе, какъ процессъ по существу психологическій и телеологическій. Мы ограничимся разборомъ трехъ представителей этого направленія—Штаммлера, Фулье и Тарда.

Прежде всего Штаммлеръ устанавливаетъ рѣзкую противоположность между двумя способами нашего отношенія къ будущимъ явленіямъ. Съ одной стороны мы можемъ *ихъ разсматривать, какъ причинно-обусловленныя, съ другой,—какъ созданныя нами*. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ естественно-историческимъ познаніемъ и законами, во второмъ случаѣ, съ представленіемъ о должномъ, телеологіей. Между этими двумя категоріями нѣтъ ничего общаго: онѣ взаимно другъ друга исключаютъ. Поскольку мы разсматриваемъ будущія событія съ точки зрѣнія причинности, постольку мы исключаемъ телеологическую оцѣнку и, обратно, поскольку мы вносимъ въ наше отношеніе къ будущему идею цѣли, постольку здѣсь нѣтъ мѣста причинности *). Изъ этого не слѣдуетъ, что въ царствѣ цѣлей господствуетъ произволъ, т.-е. полное отсутствіе закономѣрности; наши цѣли точно такъ же подчинены закономѣрности, какъ и явленія внѣшней природы, но ихъ законность совершенно иного рода, чѣмъ та, въ основаніи которой лежитъ законъ причинности. Каждая ближайшая, конкретная цѣль находитъ свое оправданіе въ болѣе отдаленной высшей цѣли; такимъ образомъ, принципомъ телеологической закономѣрности должна быть высшая цѣль, или единая высшая точка зрѣнія, въ которой находятъ оправданія всѣ частныя цѣли. Подобно тому, какъ во внѣшней природѣ каждая частная причина можетъ быть сведена къ болѣе общей причинѣ, точно такъ же въ царствѣ цѣлей каждая частная цѣль должна быть подчинена болѣе общей цѣли, въ которой она находитъ свое оправданіе, причемъ первая по отношенію ко второй является простымъ средствомъ. Наконецъ, всѣ конкретныя цѣли являются средствами по отношенію къ высшему, конечному принципу или цѣли, въ которой они находятъ свое оправданіе. Телеологической закономѣрностью является съ этой точки зрѣнія свобода выбора и постановки цѣлей въ направленіи къ конечной или высшей цѣли.

Какая изъ этихъ двухъ закономѣрностей примѣнима къ соціальной жизни? Несомнѣнно, что въ обществѣ мы встрѣчаемся съ рядомъ явленій, которыя совершаются по закону причинности. Они обусловливаются

*) Rudolf Stammler «Wirtschaft und Recht»; см. «Erkenntnis und Wille».

предшествующими явленіями съ такой же необходимостью, какъ явленія внѣшней природы. Это—та сторона общественной жизни, въ которой господствуетъ борьба интересовъ и страстей. Но ошибочно было бы думать, что здѣсь лежитъ основная закономѣрность общества и его развитія. Борьба страстей, интересовъ, столкновеніе частныхъ цѣлей образуетъ лишь матеріалъ исторіи, подобно тому, какъ впечатлѣнія нашихъ чувствъ даютъ лишь несвязный матеріалъ для познанія. Необходимо, чтобы къ этому матеріалу прибавился принципъ, вносящій единство въ слабый безпорядокъ. Такой принципъ не можетъ быть данъ частными цѣлями, потому что всѣ подобныя цѣли субъективны и конкретны, обусловлены историческими условіями. Искомый же принципъ долженъ внести единство въ историческое разнообразіе, слѣдовательно стоять внѣ историческихъ условій, иначе говоря, не можетъ быть конкретной цѣлью. Но внѣ и подъ этими конкретными цѣлями, составляющими содержаніе исторіи, есть еще высшая цѣль или идеальная форма совмѣстной жизни людей. Эта идеальная форма и составляетъ ту высшую цѣль, по отношенію къ которой всѣ частныя цѣли и стремленія служатъ лишь средствомъ; лишь она вноситъ единство, порядокъ и и смыслъ въ безсмысленный хаосъ борющихся интересовъ и страстей, образующихъ исторію. Въ чемъ заключается эта цѣль, для насъ не такъ важно: для Штаммлера это—*общежитіе свободно желающихъ людей* *).

Исходнымъ пунктомъ для Штаммлера является его рѣзкое противопоставленіе причинной закономѣрности—телеологической. Между тѣмъ, этотъ исходный пунктъ намъ кажется ошибочнымъ. Телеологическая закономѣрность не является совершенно новымъ типомъ рядомъ съ закономѣрностью внѣшней природы. Цѣль не исключаетъ причины: она представляетъ новый видъ причины, характерный для сознательныхъ существъ и появляющійся въ естественной эволюціи вмѣстѣ съ послѣдними. Мы не можемъ себѣ представить будущихъ событій иначе, какъ причинно-обусловленными. Дѣло нисколько не мѣняется отъ того, что причиной является сознательно дѣйствующій человѣкъ. Человѣкъ и его сознаніе представляютъ продуктъ естественной эволюціи, результатъ многихъ естественныхъ причинъ. Почему же сознанію не быть въ свою очередь естественной причиной?

Существуетъ, однако, одно постоянно повторяемое возраженіе противъ перенесенія понятія детерминизма въ міръ сознанія—это идея свободы, связанная съ послѣднимъ. Какъ примирить эту идею свободы нашихъ дѣйствій съ идеей причинности и связанной съ ней идеей необходимости? Но понятіе детерминизма противорѣчило бы идеѣ свободы, если бы первый былъ былъ синонимомъ внѣшней принудитель-

---

*) «*Die Gemeinschaft frei wollender Menschen*,—das ist das unbedingte Endziel des socialen Lebens» («Wirtschaft und Recht.») стр. 575.

ности, а свобода отрицала бы всякую обусловленность. Въ дѣйствительности идея свободы требуетъ лишь, чтобы наши поступки опредѣлялись нашими мотивами, которые мы *сознаемъ* свободными. Мы считаемъ наши поступки или идеи несвободными, если они *вынуждены*. Такимъ образомъ, понятію свободы необходимо противопоставить понятіе принужденія, т.-е. сознаніе навязанной извнѣ необходимости. Наоборотъ, все, что вытекаетъ непосредственно изъ нашей природы, находится въ гармоніи съ нашими чувствами, привычками и идеями— то мы называемъ свобдоой. Но детерминизмъ ничего бо́льшаго и не предлагаетъ. Мы видѣли, что въ примѣненіи къ соціальной жизни телеологическая точка зрѣнія Штаммлера повела его къ убѣжденію, что принципомъ общественной закономѣрности является идеальное общество, абсолютная цѣль всѣхъ соціальныхъ дѣйствій и стремленій. При томъ необходимо помнить, что для Штаммлера этотъ идеалъ не представляетъ реальной силы, обусловливающей соціальную эволюцію, это просто высшій критерій, или норма для оцѣнки дѣйствительныхъ историческихъ событій и тенденцій. Этотъ критерій необходимъ, чтобы внести закономѣрность въ хаосъ историческихъ силъ и событій. Но дѣйствительно ли подобный критерій пригоденъ для этой цѣли? Дѣйствительно ли мы вносимъ въ историческую путаницу правильность, измѣряя событія такимъ искусственнымъ аршиномъ, какъ «конечная цѣль» Штаммлера? Я говорю: «искусственнымъ», потому что самъ Штаммлеръ утверждаетъ, что идеалъ «свободно желающихъ людей» не есть дѣйствительная идея, одушевлявшая людей, двигавшая историческими событіями и направлявшая ихъ къ опредѣленной цѣли. И дѣйствительно, подобный идеалъ никакъ нельзя назвать присущимъ человѣческому сознанію на всѣхъ историческихъ ступеняхъ развитія человѣчества. Конечныя цѣли мѣнялись въ ходѣ исторіи, такъ какъ онѣ представляютъ не что иное, какъ небесную проэкцію реальныхъ земныхъ отношеній людей; эти же отношенія мѣняются отъ народа къ народу, отъ эпохи къ эпохѣ. Наконецъ, если даже въ этихъ отношеніяхъ и въ соціальныхъ идеалахъ и идеяхъ, какъ бы они ни различались по своей одеждѣ, и содержится нѣчто общее—то, что является формой для всѣхъ обществъ и всѣхъ періодовъ, то все-таки этотъ идеалъ лишь постольку является принципомъ соціальной закономѣрности, поскольку онъ прямо или косвенно обусловливаетъ соціальную дѣятельность людей. Это—не критерій для оправданія или обвиненія давно минувшихъ историческихъ событій—да какой смыслъ имѣетъ подобная нравственная оцѣнка того, что давно отошло въ прошлое—а реальная, дѣйствующая причина ихъ. Лишь въ подобномъ видѣ, а не въ томъ, какую ей придаетъ Штаммлеръ, соціальная телеологія, на нашъ взглядъ, имѣетъ прочное научное значеніе.

IV.

Болѣе правильнымъ намъ кажется взглядъ на природу соціальной закономѣрности у французскаго философа и соціолога Фулье. Фулье видитъ въ современной соціологіи борьбу двухъ противоположныхъ теорій общества: теоріи соціальнаго организма и теоріи соціальнаго договора. Первая вноситъ въ соціологію понятіе механическаго детерминизма; вторая—полной свободы; первая говоритъ о томъ, что было и есть, вторая о томъ, что должно быть. Фулье стремится примирить эти двѣ тенденціи посредствомъ своей теоріи идей - силъ и договорнаго организма *). Первая теорія примиряетъ детерминизмъ и свободу, внося детерминизмъ въ свободу и свободу въ самый детерминизмъ. Каждая идея, каждое представленіе есть въ одно и то же время сила; она неразрывно связана съ движеніемъ. Поэтому идея свободы есть уже шагъ къ свободѣ, есть уже свобода. Представленіе о цѣли есть уже стремленіе осуществить эту цѣль. Поэтому представленіе объ обществѣ свободно договаривающихся между собой людей представляетъ реальную силу, хотя въ то же время это представленіе нигдѣ еще не осуществлено и хотя возможно, что оно никогда не будетъ осуществлено. Это—просто идеалъ общественной жизни, идеалъ, существующій въ индивидуальныхъ сознаніяхъ. Но этотъ взглядъ нисколько не противорѣчитъ соціальному детерминизму, такъ какъ этотъ идеалъ самъ созданъ долгимъ процессомъ эволюціи и является по извѣстной ея ступени детерминирующей силой этой самой эволюціи. Такимъ образомъ, внося телеологическое представленіе о соціальной закономѣрности, Фулье въ то же время не считаетъ нужнымъ, подобно Штаммлеру, отказаться отъ принципа детерминизма. Въ этомъ его громадное преимущество передъ послѣдними. Слабую же его сторону представляетъ его раціонализмъ и идеализмъ. Что касается раціонализма, то эта сторона относится больше къ методу, и поэтому мы ее здѣсь не будемъ касаться. Идеализмъ же соціологической теоріи Фулье вытекаетъ изъ того, что онъ считаетъ соціальной идеей-силой лишь тѣ цѣли, которыя относятся ко всему обществу, т.-е. содержаніе которыхъ составляетъ идеальная форма общежитія. На самомъ же дѣлѣ если эта абстрактная идея или представленіе объ идеальной формѣ общества и становится на извѣстной ступени эволюціи общественной силой и слѣдовательно детерминирующей причиной этой самой эволюціи, то во всякомъ случаѣ, значеніе ея слишкомъ ничтожно по сравненію съ другими частными, групповыми и классовыми цѣлями, которыя, хотя и не имѣютъ въ виду всего общества, но гораздо значительнѣе детерминируютъ дѣйствія людей, изъ столкновенія и сплетенія которыхъ складывается общественная жизнь.

---

*) См. «Современная наука объ обществѣ» Альфреда Фулье и «Свобода и необходимость», его же.

V.

Этой ошибки, въ которую впадаетъ большинство ученыхъ, придерживающихся телеологическаго воззрѣнія на природу соціальной закономѣрности, избѣжалъ Тардъ. Для Тарда общественная эволюція представляетъ медленное накопленіе индивидуальныхъ изобрѣтеній, которыя подхватываются и распространяются подражаніемъ. Изобрѣтеніе же представляетъ явленіе по существу телеологическое; это—сознательное соединеніе двухъ предшествующихъ изобрѣтеній въ виду достиженія поставленной цѣли. Изъ постепеннаго накопленія такихъ изобрѣтеній, изъ которыхъ каждое служитъ средствомъ для болѣе поздняго образуются мало-по-малу тѣ сложныя и обширныя сплетенія отношеній и вещей, которыя мы называемъ соціальными учрежденіями, и совокупность которыхъ составляетъ общество. При этомъ необходимо помнить, что, говоря объ изобрѣтеніи, Тардъ имѣетъ въ виду не тѣ благодѣтельныя открытія въ области промышленности, искусства, политики, права или науки, которыя знаменуютъ новую эпоху въ жизни человѣчества и занесены въ исторію, но мелкія нововведенія въ сферѣ дѣятельности и идей, совершаемыя изо дня въ день по всей поверхности общества. Носителемъ такихъ изобрѣтеній являются не геніи и вообще не исключительные личности, но средніе обыкновенные люди. Поэтому Тарда ни въ коемъ случаѣ нельзя считать приверженцемъ «героическаго» пониманія исторіи. «Если въ чемъ приходится соглашаться съ противниками теоріи индивидуальныхъ причинъ въ исторіи,—говоритъ Тардъ,—то развѣ въ томъ, что эту теорію извратили, говоря о великихъ людяхъ тамъ, гдѣ нужно было говорить о великихъ идеяхъ, появлявшихся часто у очень маленькихъ людей и даже о маленькихъ идеяхъ, о безконечно малыхъ нововведеніяхъ, которыя каждый изъ насъ вноситъ въ общее дѣло. Въ сущности, каждый, или почти каждый изъ насъ содѣйствовалъ этимъ гигантскимъ сооруженіямъ, которыя господствуютъ надъ нами и защищаютъ насъ. Каждый изъ насъ, какъ бы онъ ни былъ вѣренъ господствующей религіи, имѣетъ еще и свою собственную религію; и какъ бы точенъ и корректенъ онъ ни былъ, имѣетъ собственный языкъ, собственную мораль. Самый незначительный изъ ученыхъ имѣетъ свою собственную науку, у самаго отсталаго рутинера администратора мы найдемъ свойственное только ему административное искусство... у каждаго есть свое маленькое сознательное или безсознательное изобрѣтеніе, которое онъ присовокупляетъ къ вѣковому завѣщанію соціальныхъ явленій, временнымъ складомъ которыхъ онъ служитъ» *).

Отсюда видно, въ чемъ собственно заключается оригинальность Тарда, а также, въ чемъ состоитъ его слабость. Въ противоположность орга-

*) «Соціальные законы», 107—108.

нической школѣ, господствовавшей до послѣдняго времени надъ западноевропейской соціологіей, и занимавшейся преимущественно внѣшнимъ описаніемъ соціальнаго процесса, удовлетворяясь біологическими аналогіями, онъ хочетъ проникнуть въ самую лабораторію историческаго творчества, показать тотъ, спеціально-общественный молекулярный процессъ, который лежитъ въ основаніи всей соціальной эволюціи. Онъ хочетъ показать, что всѣ эти грандіозныя соціальныя зданія, какъ наука, государство, право, промышленность,—всѣ эти соціальныя реальности, порабощающія нашъ умъ и волю и внушающія намъ мысль объ ихъ независимости отъ индивидуальнаго творчества и его законовъ, представляютъ тѣмъ не менѣе продуктъ творческой дѣятельности индивидовъ, совокупный результатъ ихъ усилій, направленныхъ къ опредѣленнымъ цѣлямъ.

Но внося, такимъ образомъ, телеологическое представленіе о соціальномъ процессѣ и его законахъ, Тардъ въ то же время избѣгаетъ обычной ошибки телеологовъ. Говоря о цѣли, онъ не имѣетъ въ виду идеальную или конечную цѣль человѣческаго общежитія; эта цѣль для него не «обществъ свободно желающихъ людей», какъ для Штаммлера, и не «договорный организмъ», какъ для Фулье, онъ вообще не говоритъ объ какой-либо единой цѣли, охватывающей все общество, но лишь о реальныхъ цѣляхъ, которыя люди ставятъ себѣ въ своей дѣятельности. Въ этомъ, на нашъ взглядъ, лежитъ сила, но также и слабость соціологической теоріи Тарда. Сила—потому что такое воззрѣніе на соціальную телеологію единственное, находящееся въ гармоніи съ реальнымъ научнымъ методомъ, но и слабость—потому что въ такомъ видѣ телеологія является простымъ формальнымъ принципомъ соціальной дѣятельности людей: она ничего не говоритъ о содержаніи этихъ цѣлей, о томъ, почему въ данный моментъ изъ тысячи сталкивающихся цѣлей побѣждаетъ одна, опредѣляющая направленіе историческаго развитія, тогда какъ именно этого мы ждемъ отъ соціальной науки и ея законовъ.

Такимъ образомъ, Тардъ подчеркиваетъ и настаиваетъ на томъ самомъ характерѣ соціальнаго процесса, противъ котораго такъ рѣшительно возстаетъ Дюркгеймъ. Мы уже видѣли, что по Дюркгейму основной ошибкой всей современной соціологіи является ея телеологическій характеръ, вытекающій изъ представленія, что соціальное явленіе есть результатъ индивидуальнаго творчества, надстройка надъ индивидомъ и его дѣятельностью. Въ противоположность такому воззрѣнію Дюркгеймъ защищаетъ теорію независимости общества, общественнаго процесса и его законовъ, отъ законовъ личной дѣятельности и психики. Общество и его эволюція есть нѣчто внѣшнее для индивида, который является простымъ носителемъ или функціей игры соціальныхъ силъ. Характерной чертой общественнаго явленія служитъ его принудительность для личности. Но, спрашиваетъ справедливо Тардъ, если индивидъ есть *функція* общественнаго процесса, если причины соціальной

эволюціи лежатъ въ ней самой, а личность представляетъ только ея носителя, то какимъ же образомъ возникли эти соціальныя реальности? Какъ *создались* эти чудесныя сооруженія, если они созданы не людьми и ихъ усиліями; какъ растутъ и расширяются соціальныя реальности? *)

VI.

Противорѣчіе между Дюркгеймомъ и Тардомъ для насъ важно потому, что оно является основнымъ противорѣчіемъ современной соціологіи. Это противорѣчіе особенно наглядно отразилось во взглядахъ Георга Зиммеля на историческій законъ. Съ одной стороны Зиммель какъ будто отрицаетъ возможность историческихъ законовъ, такъ какъ каждое историческое событіе есть сложный продуктъ индивидуальныхъ причинъ и только благодаря слабости человѣческаго разума мы разсматриваемъ эти событія и весь историческій процессъ какъ самостоятельныя реальности. Но съ другой стороны, онъ отлично понимаетъ, что подобное возраженіе не касается еще существа вопроса, такъ какъ абсолютно простыхъ явленій мы не знаемъ, и что слѣдовательно всѣ законы, даже законы физики, суть законы сложныхъ взаимодѣйствій. Отсюда вытекаетъ, какъ будто, что сложность историческихъ событій не можетъ служить еще принципіальнымъ препятствіемъ для построенія специфическихъ историческихъ законовъ. Зиммель соглашается съ этимъ, но, продолжаетъ онъ, въ то время какъ въ области физики мы только предполагаемъ, что имѣемъ дѣло со сложными явленіями, на практикѣ же это не оказываетъ никакого вліянія на устойчивость и постоянство законовъ внѣшней природы, въ исторіи мы твердо знаемъ, что элементарными причинами служатъ психическія состоянія людей. «Въ практическомъ естествознаніи,—говоритъ Зиммель,—мы справедливо разсматриваемъ явленія, какъ вещи au sich, а ихъ зависимости такъ, какъ будто здѣсь имѣется дѣйствительная и творческая причинная зависимость. Изъ исторической науки подобная группировка познавательнаго матеріала исключена. Внѣшнія историческія событія не составляютъ ряда, въ которомъ одно явленіе можно считать причиной, порождающей слѣдующее за нимъ: послѣднее вытекаетъ изъ дальнѣйшаго развитія психическихъ причинъ, которыя породили уже и первое» **). Такимъ образомъ, разница между такъ называемыми историческими законами и законами природы—лишь въ *степени* увѣренности въ ихъ прочности; это, конечно, большая разница, но, во всякомъ случаѣ, она не достаточна для того, чтобы отрицать за историческими закономѣрностями всякую теоретическую—я уже не говорю о практической—цѣнность. Дѣйствительно, Зиммель считаетъ ихъ полезной подготовительной ступенью въ

*) Соціальные законы 106, 110.

**) Г. Зиммель. «Проблемы философіи исторіи», 64.

болѣе точному познанію: важно только, чтобы не считали ихъ за большее, чѣмъ они представляютъ на самомъ дѣлѣ. Въ этомъ и заключается на нашъ взглядъ главное значеніе зиммелевской критики: она направлена противъ поспѣшныхъ историческихъ обобщеній, которыя слишкомъ часто получаютъ громкое названіе «историческихъ законовъ». Задача въ высшей степени своевременная, и никто ее не выполняетъ съ такимъ искусствомъ, какъ Зиммель.

Мысль Зиммеля колеблется, какъ маятникъ, между двумя крайними полюсами современной соціологіи. Ходъ его изложенія является иллюстраціей къ извѣстному закону діалектическаго развитія путемъ противорѣчій. Но приходитъ-ли онъ къ высшему синтезу, подобно гегелевской діалектики? Намъ кажется, что Зиммель, въ концѣ-концовъ, не даетъ примиренія между требованіемъ исторической закономѣрности и сознаніемъ того, что истинными причинами историческаго процесса являются психическія состоянія и дѣйствія индивидовъ. Конечное впечатлѣніе, вынесенное нами изъ чтенія сочиненій Зиммеля, остается безусловный познавательный пессимизмъ. Нѣтъ истинныхъ законовъ и еще менѣе—законовъ исторіи, этого пестраго хаоса индивидуальныхъ событій. То, что мы называемъ историческими законами, это—просто иллюзія познающаго ума, иллюзія, вытекающая изъ слабости познанія. Мы, конечно, можемъ ее принять, такъ какъ это иллюзія не безполезная, такъ какъ человѣку свойственно утѣшаться иллюзіями и такъ какъ въ концѣ концовъ всѣ законы въ извѣстномъ смыслѣ тоже иллюзія. Таковъ окончательный выводъ. Но нашъ умъ не можетъ удовлетвориться такимъ условнымъ признаніемъ историческихъ законовъ и поэтому, повторяемъ, впечатлѣніе, выносимое изъ чтенія зиммелевскихъ работъ, безусловно критическое и отрицательное. Такимъ образомъ, Зиммель не даетъ искомаго примиренія такъ выпукло изображаемыхъ имъ противорѣчій современной соціологіи въ вопросѣ о соціальной закономѣрности.

VII.

Мы не будемъ изслѣдовать причины этого результата изслѣдованій Зиммеля, такъ какъ намъ бы пришлось удалиться въ запутанную и темную область проблемъ теоріи познанія, что здѣсь не совсѣмъ у мѣста, но ограничимся изложеніемъ своей точки зрѣнія.

Намъ кажется, что основной посылкой исторической и соціальной закономѣрности является та простая истина, что «люди дѣлаютъ свою исторію, какъ они дѣлаютъ полотно и сукно» (Марксъ). Это—основная аксіома историческаго и соціологическаго знанія, очевидная истина, не требующая доказательства. Всякое представленіе объ историческомъ процессѣ, не опирающееся на нее, должно въ концѣ концовъ привести или къ теологіи, для которой высшимъ руководителемъ историческихъ

событій является Божественное Провидѣніе, или же къ метафизикѣ, которая разсматриваетъ исторію, какъ саморазвивающуюся сущность; причемъ безразлично, видитъ-ли она эту сущность въ идеѣ, или въ матеріи (производительныхъ силахъ).

Отсюда слѣдуетъ, что основные законы человѣческой дѣятельности суть также общія нормы соціальныхъ процессовъ. Это формы, въ которыя вмѣщается историческое содержаніе. Законы человѣческой дѣятельности не опредѣляютъ того или иного содержанія эволюціи общества, но они указываютъ границы, въ предѣлахъ которыхъ она можетъ колебаться. Дѣятельность же людей, по скольку она есть именно дѣятельность людей, а не животныхъ, характеризуется тѣмъ, что она сознательная, или цѣлесообразная. Конечно, рядомъ съ сознательной дѣятельностью существуетъ привычная, основанная на воспитаніи или на повтореніи. Но каждая привычка имѣетъ исходнымъ пунктомъ, если не у даннаго индивида, то въ человѣческомъ родѣ сознательное цѣлесообразное дѣйствіе. Поэтому, по своему объективному значенію, она сохраняетъ телеологическій характеръ.

Этотъ же характеръ долженъ носить общественный процессъ. По существу онъ телеологиченъ; это не просто эволюція, но прогрессъ, т.-е. переходъ къ такимъ формамъ общественной жизни, которыя съ нашей человѣческой точки зрѣнія считаются высшими, лучшими.

Но телеологія есть только общая предпосылка или форма соціальной эволюціи. Каждая же цѣль, кромѣ своей формы, имѣетъ извѣстное содержаніе. Это содержаніе дается тѣми условіями, въ которыхъ осуществляется человѣческая дѣятельность. Прежде всего человѣкъ сталкивается съ извѣстной географической средой, которая направляетъ и обусловливаетъ его цѣлесообразную дѣятельность. Онъ встрѣчается также съ извѣстными біологическими и расовыми свойствами своей природы, которыя также давятъ на его дѣятельность. Далѣе, онъ дѣйствуетъ въ обществѣ, слѣдовательно, его цѣлесообразная дѣятельность сталкивается съ цѣлесообразной дѣятельностью сосѣда, которая иногда ограничиваетъ, иногда дополняетъ ее, во всякомъ случаѣ придаетъ новое направленіе. Изъ этого столкновенія двухъ волевыхъ дѣйствій образуется первое специфически общественное явленіе: появляется новая цѣль, общая для обоихъ контрагентовъ, нѣчто объективное, рожденное изъ субъективныхъ стремленій и въ то же время не выходящее за предѣлы сознанія. Съ этихъ поръ индивиды могутъ мѣняться, но эта общая цѣль, облекающаяся-ли въ форму обычая или религіознаго предписанія, остается неизмѣнной до тѣхъ поръ, пока не измѣнятся отношенія индивидовъ; индивидъ является какъ бы носителемъ этой внѣшней, объективной цѣли. Такимъ образомъ, въ своей цѣлесообразной дѣятельности индивидъ встрѣчается нетолько съ внѣшними географическими и біологическими особенностями, но также съ застывшими формами общественныхъ отношеній, будь то существую-

щая организація промышленности, семьи, права, государства, нравственности и проч. Всѣ эти соціальныя образованія, будучи продуктами человѣческой дѣятельности и подчиняясь, какъ таковыя, ея основному закону—цѣлесообразности, въ то же время являются детерминирующими условіями этой самой дѣятельности; они направляютъ цѣлесообразную дѣятельность людей; наполняютъ общую соціальную форму опредѣленнымъ историческимъ содержаніемъ.

Съ этой точки зрѣнія, которую здѣсь мы могли лишь набросать въ общихъ чертахъ, указанное выше противорѣчіе современной соціологіи въ ея взглядахъ на природу соціальной закономѣрности,—противорѣчіе, типичными выразителями котораго являются два выдающихся французскихъ соціолога—Дюркгеймъ и Тардъ, теряетъ свою непримиримость. Дѣйствительно, общественный процессъ въ одно и то же время и объективный, внѣшній, какъ полагаетъ Дюркгеймъ, но также и психологическій, внутренній, какъ утверждаетъ Тардъ; онъ—принудительный для отдѣльной личности, но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ основныхъ своихъ чертахъ, телеологическій и безъ этой телеологіи необъяснимъ, являясь какой-то мистеріей. Справедливо также, что мы можемъ разсматривать въ извѣстные періоды времени соціальную среду, какъ детерминирующее условіе слѣдующей затѣмъ соціальной среды; но необходимо помнить, что связующимъ и посредствующимъ звеномъ между двумя соціальными состояніями является телеологическая дѣятельность людей, и что опять-таки безъ этой посредствующей дѣятельности филіація одного соціальнаго состоянія изъ другого является какой-то мистеріей, вродѣ самопроизвольнаго зарожденія. Такимъ образомъ, противорѣчіе между соціальной телеологіей и соціальнымъ детерминизмомъ, свойственное современной общественной наукѣ, теряетъ подъ собой почву, — во всякомъ случаѣ, теряетъ свой острый характеръ,— если мы дадимъ понятію цѣли принадлежащее ей значеніе, именно, значеніе формальнаго принципа человѣческой дѣятельности, содержаніе котораго опредѣляется въ каждый данный моментъ историческими условіями.

С. Штейнбергъ.

ПУБЛИЧНЫЯ ЧТЕНІЯ ВЪ ПРОВИНЦІИ

(По поводу послѣдняго отчета лекціоннаго бюро, состоящаго при Московской коммиссіи по организаціи домашняго чтенія).

I.

На дняхъ выйдетъ въ свѣтъ отчетъ учебнаго отдѣла общества распространенія технических знаній за 1899 г. и, какъ это практикуется уже нѣсколько лѣтъ, въ немъ будетъ напечатанъ отчетъ коммиссіи по организаціи домашняго чтенія. Мы хотимъ подѣлиться съ читателями нѣсколькими соображеніями, вызванными заключительной частью отчета, отведенной изложенію дѣятельности лекціоннаго бюро *).

Лекціонное бюро при коммиссіи домашняго чтенія существуетъ съ 1896 года **). Выдѣленіе особой коллегіи было вызвано громаднымъ успѣхомъ лекцій П. Н. Милюкова и И. И. Иванова въ Нижнемъ-Новгородѣ въ декабрѣ 1895 г. Этотъ успѣхъ показалъ коммиссіи, что цѣли внѣшкольнаго обученія могутъ достигаться не только при системѣ сношенія съ отдѣльными читателями или съ небольшими группами читателей; но при помощи лекцій, прочитанныхъ опытными спеціалистами, «распространеніе университетскаго образованія» можетъ пойти даже быстрѣе. Опытъ съ лекціями въ Нижнемъ-Новгородѣ блестящимъ образомъ оправдалъ въ глазахъ коммиссіи то предпочтеніе, которое оказывается на Западѣ системѣ University Extension въ сочувственномъ смыслѣ предъ системою домашняго чтенія.

Лекціонная подкоммиссія, переименованная позднѣе въ лекціонное бюро, и должна была спеціально заняться дѣломъ облегченія устройства лекцій въ провинціи. Ей предстояла двоякая задача: во-первыхъ, надо было завести сношенія съ различными провинціальными организаціями, въ возможно болѣе широкихъ размѣрахъ; во-вторыхъ, необходимо было подыскать въ Москвѣ контингентъ лекторовъ, «на дѣятельную помощь которыхъ она могла разсчитывать» ***). Усилія под-

*) Благодаря любезности составителей отчета коммиссіи мы имѣли возможность воспользоваться имъ въ корректурныхъ листахъ.

**) Первоначально оно называлось подкоммиссіей для содѣйствія устройству лекцій въ провинціи.

***) Отчетъ учебнаго отдѣла за 1897 г.

коммиссіи на первыхъ порахъ увѣнчались успѣхомъ: съ весны 1896 г. по весну 1898 г. ей удалось осуществить 32 чтенія, изъ которыхъ многіе обнимали по нѣскольку лекцій (отъ двухъ до 6-ти). Лекціи эти читались преимущественно въ ближайшихъ къ Москвѣ городахъ: Твери, Рязани, Тулѣ, Смоленскѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, и др. Кромѣ этихъ лекцій еще нѣсколько были совершенно подготовлены, но не могли состояться «по независящимъ, какъ сказано въ отчетѣ обстоятельствамъ».

Опытъ этихъ лекцій выяснилъ для лекціоннаго бюро необходимость расширить первоначальную программу. Сношенія съ провинціей не могли ограничиться ближайшими къ Москвѣ городами, да бюро и само не хотѣло ихъ ограничивать ими. Среди городовъ фигурировали такіе отдаленные, какъ Елисаветградъ и Псковъ, и такіе неудачные по условіямъ сообщенія, какъ Черниговъ; въ концѣ 1898 г. запросы поступили изъ Кишенева и Каменецъ-Подольска, а позднѣе отдаленность городовъ, требующихъ лекцій, повела, как увидятъ читатели, къ введенію новой системы, незнакомой Западу. Въ первое же время расширеніе района дѣятельности бюро повело къ тому, что однихъ московскихъ лекторовъ оказалось недостаточно. Многіе изъ нихъ, связанные постоянными занятіями въ Москвѣ, не могли отлучаться надолго. Этому затрудненію бюро пыталось помочь устройствомъ представительствъ въ Петербургѣ и нѣкоторыхъ изъ университетскихъ городовъ: Юрьевѣ, Харьковѣ, Кіевѣ, Одессѣ. Представитель входилъ въ сношеніе съ мѣстными лекторами, отбиралъ у нихъ темы, пересылалъ въ бюро, а оно указывало провинціальнымъ организаціямъ. Такая постановка дѣла представляла много удобствъ и для организацій, потому что имъ меньше приходилось платить за проѣздъ лектора *), а такъ какъ громадное большинство этихъ организацій преслѣдуютъ благотворительныя цѣли, то для нихъ эта сторона дѣла является существенно важною. Но на практикѣ оказалось, что система представительства не даетъ тѣхъ результатовъ, которыхъ возможно было ждать отъ нея на основаніи апріорныхъ соображеній: за время съ 26-го марта 1898 г. по 1-е января 1900 г. на 25 лекцій, устроенныхъ бюро, всего 3 (12%) было прочитано не московскими лекторами (во Псковѣ, Ригѣ и Острогорскѣ).

Въ отчетѣ бюро за 1898 годъ оно сообщило еще о двухъ шагахъ, предпринятыхъ имъ съ цѣлью облегченія устройства лекцій: оно перешло къ системѣ составленія и разсылки организаціямъ списка лекторовъ, выразившихъ согласіе читать лекціи въ провинціи съ указаніемъ выбранныхъ ими темъ, удобнаго для нихъ времени, а также и района, въ которомъ они готовы читать. Эти списки періодически обновляются. Далѣе, оно закончило составленіе руководства для провинціальныхъ организацій по устройству чтеній. Это руководство («Правила для устройства лекцій») бюро разослало всѣмъ 45 организаціямъ,

*) См. объ этомъ ниже.

съ которыми ему до того времени пришлось имѣть дѣло. И теперь это руководство высылается имъ по первому требованію.

«Правила» содержатъ въ себѣ рядъ указаній чисто-практическаго свойства о томъ, какъ входить въ сношеніе съ бюро и его представителями, какимъ образомъ ходатайствовать о разрѣшеніи лекціи, указываетъ предѣлы дѣятельности самого бюро, въ приложеніи къ проекту напечатаны правила о лекторскомъ гонорарѣ. Онъ вычисляется въ зависимости отъ разстоянія и отъ числа чтеній слѣдующимъ образомъ: для городовъ, отстоящихъ отъ мѣста жительства лектора не болѣе чѣмъ на 6 часовъ ѣзды по желѣзной дорогѣ почтовымъ поѣздомъ—40 руб.; не болѣе чѣмъ на 12 ч.—50 руб.; не болѣе чѣмъ на 18 ч.—60 руб. и т. д. Каждый лишній *разъ* чтенія увеличиваютъ общую сумму гонорара на 30 руб. За перевозку приборовъ полагается особая плата, за пользованіе туманными картинами тоже.

Практика разсылки списка лекторовъ и правилъ для устройства лекцій уже прочно установилась. Только въ самое послѣднее время бюро отступило отъ своего обыкновенія составлять списокъ осенью,-потому что составленіе отнимаетъ очень много времени, и списокъ едва поспѣваетъ къ ноябрю; между тѣмъ, запросы начинаютъ поступать уже съ сентября. Поэтому списокъ на 1900—1901 актовый годъ былъ составленъ уже весною 1900 года.

Посмотримъ теперь, каковы итоги дѣятельности бюро: съ начала 1896 года по 1-е января 1900 года состоялось 55 чтеній *); они были устроены главнымъ образомъ въ ближайшихъ къ Москвѣ городахъ и распредѣляются такимъ образомъ: въ Рязани—10; въ Твери—8; въ Смоленскѣ—5; въ Тулѣ — 4; въ Нижнемъ-Новгородѣ, Калугѣ, Тамбовѣ, Псковѣ и Ригѣ — по 3; въ Пензѣ и Саратовѣ — по 2; въ Иваново-Вознесенскѣ, Ельцѣ, Орлѣ, Костромѣ, Курскѣ, Воронежѣ, Острогорскѣ, Черниговѣ, Елисаветградѣ—по 1. Изъ этой таблички видно, что близость къ постоянному мѣсту жительства лектора является едва ли не главнымъ условіемъ осуществленія чтенія **).

Почти всѣ перечисленныя чтенія обнимали по одной лекціи; только одно (повторилось дважды) состояло изъ 6-ти лекцій, одно изъ трехъ, одно изъ двухъ. Между тѣмъ, лекціонное бюро смотритъ на организацію отдѣльныхъ лекцій «лишь какъ на подготовительную стадію своей дѣятельности». Уже первый отчетъ подкомиссіи говоритъ о томъ, что она принимается за предварительныя работы по вопросу о систематическихъ курсахъ. Подкоммиссія думала, что окажется возможнымъ связать предполагаемые курсы съ Энциклопедической програмой домашняго чтенія, которая въ то время вырабатывалась коммиссіей. Но постепенно выяснилось, что въ такой связи нѣтъ необходимости. Вто-

*) Въ эту цифру не входятъ чтенія въ Нижнемъ-Новгородѣ за 1895 г.

**) Цифры при Псковѣ и Ригѣ (3) объясняются тѣмъ, что тамъ почти исключительно читаютъ петербургскіе и юрьевскіе лекторы (5 разъ изъ 6).

рой отчетъ бюро выражалъ уже надежду осуществить курсы осенью 1890 года; третій сообщаетъ о тѣхъ мѣрахъ, которыя приняты имъ для осуществленія курсовъ. Весною 1899 г. бюро разослало въ 12 ближайшихъ отъ Москвы городовъ выработанный имъ проектъ устройства систематическихъ чтеній, заключающій въ себѣ слѣдующіе вопросные пункты: 1) Какое время наиболѣе удобно для систематическихъ чтеній? 2) Какіе часы наиболѣе удобны, дневные или вечерніе? 3) Сколько систематическихъ чтеній должно быть посвящаемо каждому предмету? 4) Какой гонораръ можетъ быть назначенъ лектору для прочтенія ряда систематическихъ лекцій по одному предмету? [Съ своей стороны лекціонное бюро предложило слѣдующее: 12 систематическихъ лекцій могли бы быть прочитаны либо въ 6 пріѣздовъ (по 2 часовыхъ лекціи въ каждый), либо въ 3 пріѣзда (два дня подрядъ по 2 часовыхъ лекціи). Въ первомъ случаѣ гонораръ согласно общимъ гонорарнымъ правиламъ для отдѣльныхъ лекцій составилъ бы около 240—300 руб. (въ зависимости отъ разстоянія), во второмъ случаѣ около 210 — 240 рублей (Въ этотъ счетъ не входитъ плата за картины, приспособленія для опытовъ и пр. и ихъ провозку.)] 5) Каковы подготовка и интересы того контингента слушателей, на коихъ должно разсчитывать лекціонное бюро? 6) Какіе изъ слѣдующихъ предметовъ, по которымъ бюро удалось уже заручиться принципіальнымъ согласіемъ лекторовъ, соотвѣтствуютъ интересамъ даннаго города: русская исторія, всеобщая исторія, исторія искусства, русская литература, всеобщая литература, политическая экономія, общая теорія права, психологія, исторія философіи, химія, физика, физіологія, геологія, ботаника, геологія, астрономія? 7) Не представляется ли желательнымъ, чтобы сверхъ этихъ предметовъ систематическія лекціи были устроены и по какимъ нибудь другимъ?

На этотъ запросъ поступили отвѣты только изъ пяти городовъ: Калуги, Нижняго-Новгорода, Смоленска, Твери и Торжка. Наиболѣе внушительно звучитъ отвѣтъ Калуги: городъ питаетъ мало надежды на возможность устройства систематическихъ лекцій вслѣдствіе отрицательнаго къ нимъ отношенія администраціи. Другіе четыре города выразили въ принципѣ готовность воспользоваться услугами бюро. Относительно времени всѣ указывали на праздники, подпраздники и зимнія и весеннія вакаціи; наиболѣе удобнымъ сезономъ Торжокъ считаетъ время отъ половины сентября до Рождества. Тверь расширяетъ его до Пасхи. Гонораръ признается всѣми, кромѣ Нижняго-Новгорода, крайне высокимъ. Смоленскъ предлагаетъ брать 30—40% со сбора. Торжокъ (уѣздн. гор.) предлагаетъ его нѣсколько повысить для губернскихъ городовъ и значительно сбавить для уѣздныхъ. Относительно контингента слушателей города согласны между собою; это — лица со среднимъ образованіемъ, молодежь среднихъ учебныхъ заведеній, учителя и учительницы начальныхъ школъ. Смоленскъ прибавляетъ сюда

еще мелкихъ чиновниковъ и купеческую молодежь. Послѣ полученія этихъ отвѣтовъ лекціонное бюро разослало списокъ систематическихъ лекцій, въ который вошли отчасти указанныя городами, но дальнѣйшее движеніе дѣло получило только въ Твери, да и то лишь отчасти.

Изъ послѣдняго отчета бюро мы узнаемъ еще объ одномъ нововведеніи. До настоящаго времени бюро удавалось устраивать лекціи лишь въ немногихъ ближайшихъ къ Москвѣ дородахъ. Между тѣмъ ему очень часто приходилось получать запросы изъ очень отдаленныхъ городовъ, напр. Вятки, Перми, Челябинска; охотниковъ ѣхать туда ему не удавалось найти, между тѣмъ совсѣмъ отказываться отъ помощи имъ бюро тоже не хотѣло. Поэтому оно рѣшило систематизировать практику, неоднократно примѣнявшуюся въ провинціи. Она заключается въ томъ, что мѣстныя организаціи съ согласія авторовъ перечитывали аудиторіямъ уже произнесонныя, но ненапечатанныя лекціи. Въ виду этого осенью 1899 года бюро и выработало проектъ устройства лекціи въ провинціи безъ участія самихъ лекторовъ и притомъ такъ, чтобы онѣ прочитывались кѣмъ-либо изъ членовъ мѣстнаго общества по тексту лекціи, присланному лекторомъ черезъ посредство лекціоннаго бюро. Но при осуществленіи этого плана на практикѣ бюро наткнулось на неодолимое препятствіе. Лекторы не любятъ *писать* лекцій, а если уже напишутъ, то отдаютъ въ печать; поэтому лекціонное бюро могло найти только всего 6 лекцій, отчетъ совершенно правильно замѣчаетъ, что приниматься за дѣло при такихъ условіяхъ значило бы заранѣе обрекать его на неудачу. И бюро пришло къ убѣжденію, что планъ его можетъ получить успѣшное осуществленіе лишь въ томъ случаѣ, если въ его распоряженіи будутъ тексты не менѣе 20 лекцій.

II.

Такова въ главныхъ чертахъ исторія лекціоннаго бюро. Просматривая эти сухіе отчеты, нельзя не придти къ крайне грустнымъ выводамъ. Видишь, какъ люди стараются помочь нуждамъ жаждущей знаній провинціальной публики, видишь, какъ они бросаются изъ стороны въ сторону, изыскивая средства для этого, пробуютъ пустить въ ходъ пріемы, давшіе столь блистательные результаты на западѣ, изобрѣтаютъ новые пріемы, приспособленные къ мѣстнымъ условіямъ и все это для того, чтобы въ 4½ года устроить какихъ-нибудь 55 чтеній.

Невольно возникаетъ вопросъ о причинахъ столь незначительныхъ успѣховъ. Этотъ вопросъ, какъ видно изъ послѣдняго отчета возникалъ и у бюро, и оно само попыталось его выяснить. Оно указываетъ четыре причины: 1) «формальности, съ которыми сопряжено полученіе разрѣшенія на устройство лекцій и встрѣчающіяся при этомъ административныя затрудненія; благодаря этому часто случается, что про-

должительные переговоры лекціоннаго бюро въ концѣ концовъ остаются безъ результата»; 2) «малочисленность контингента лекторовъ, соглашающихся читать въ провинціи. Изъ 60 московскихъ лекторовъ, значущихся въ спискѣ лекціоннаго бюро лишь 18 изъявили такое согласіе»; 3) «отсутствіе широкаго спроса на лекціи со стороны провинціальныхъ организацій; лекціи преимущественно устраивались тамъ, гдѣ находились энергичные мѣстные дѣятели, горячо преданные лекціонному дѣлу. Къ сожалѣнію, такія лица встрѣчаются не вездѣ. Между тѣмъ при указанныхъ въ пунктѣ 1 затрудненіяхъ и при слабой привычкѣ провинціальной публики къ лекціямъ они особенно важны»; 4) «высота лекторскаго гонорара, на которую неоднократно раздаются жалобы въ провинціи. Между тѣмъ понизить едва ли возможно: при болѣе низкомъ гонорарѣ трудно будетъ заручиться опытными лекторами, такъ какъ большинство ихъ, принимая на себя чтеніе лекцій въ провинціи, бываютъ вынуждены отказаться отъ другихъ занятій, дающихъ имъ заработокъ».

Формулировка эта кратка. Мы попытаемся иллюстрировать фактами изъ практики лекціоннаго бюро каждый изъ четырехъ пунктовъ.

Пунктъ первый—независящія обстоятельства. Чтобы было понятно, сколько Сциллъ и Харибдъ приходится избѣгать бюро для полученія разрѣшенія на лекцію, укажемъ процедуру, необходимую для этого. Въ отвѣтъ на запросъ бюро высылаетъ программу лекціи; по полученіи ея устроители препровождаютъ ее вмѣстѣ съ прошеніемъ на утвержденіе къ попечителю учебнаго округа; попечитель наводитъ необходимыя справки у мѣстной губернской администраціи и въ случаѣ благопріятнаго отвѣта, его канцелярія... все-таки можетъ не дать разрѣшенія на устройства лекціи. Съ другой стороны лекцію можетъ затормозить и мѣстная губернская администрація, у которой на этотъ счетъ отыскиваются свои предлоги. А каковы могутъ быть эти предлоги, легко видѣть изъ того, что одинъ губернаторъ заподозрилъ въ крамольныхъ намѣреніяхъ самаго мирнаго ботаника, гербаризировавшаго въ сферѣ его административнаго вліянія; лекціонное бюро совершенно правильно поставило этотъ пунктъ на первомъ мѣстѣ, ибо онъ—наиболѣе ядовитый и больше другихъ заставлявшій его тратить даромъ усилія.

Пунктъ второй—отсутствіе лекторовъ. На Западѣ, какъ извѣстно, условія породили особый классъ, находящійся всецѣло въ распоряженіи University Extension, классъ лекторовъ-гастролеровъ. Благодаря сильному спросу на лекціи, ученый можетъ существовать исключительно лекціями, которыя онъ читаетъ въ различныхъ пунктахъ страны. Въ годъ онъ успѣваетъ изготовить два-три курса, нѣсколько отдѣльныхъ лекцій и утилизируетъ ихъ десятки разъ. У насъ это невозможно. Изъ кого составляется контингентъ лекторовъ, «значущихся въ спискѣ лекціоннаго бюро»? Это—профессора, привать-доценты (большинство) и преподаватели среднихъ учебныхъ заведеній, т.-е. люди, заваленные текущей ра-

ботой и имѣющіе возможность удѣлять для поѣздки въ провинцію только опредѣленные дни въ недѣлю или вакаціи; поэтому, если бюро и удастся заручиться согласіемъ лектора, то это согласіе дается съ оговоркой, что поѣздка можетъ состояться только въ предпраздничный ендь и въ ближайшіе къ Москвѣ города. При этомъ нерѣдко случается такъ, что указанный лекторомъ день почему-либо неудобенъ для города, въ которомъ предполагается лекція, а наиболѣе обыченъ тотъ фактъ, что городъ слишкомъ удаленъ отъ Москвы, и лекторъ не успѣетъ совершить своего путешествія и поспѣть къ своимъ очереднымъ занятіямъ. Этимъ объясняется сравнительная «многочисленность» состоявшихся лекцій въ Рязани, Твери и Смоленскѣ.

Пунктъ третій—инертность провинціи. Онъ требуетъ нѣсколько болѣе внимательнаго разсмотрѣнія, ибо причина, выставленная бюро, находится какъ будто бы въ противорѣчіи съ основными задачами дѣятельности какъ его, такъ и всей коммиссіи домашняго чтенія.

Коммиссія домашняго чтенія создалась спеціально для нуждъ провинціи; для нуждъ же провинціи она выдѣлила изъ себя особый органъ для завѣдыванія лекціоннымъ дѣломъ. Предполагалось, значитъ, что нужды не только существуютъ, но и находятъ свое выраженіе. Такъ дѣйствительно и было. Съ самаго начала дѣятельности лекціоннаго бюро отовсюду стали поступать заявленія о томъ, что предпринятое имъ дѣло является какъ нельзя болѣе кстати, что оно удовлетворяетъ давнымъ давно назрѣвшей потребности въ самообразованіи, что въ провинціи постепенно складывается классъ людей, объединенный горячей жаждой знанія, не имѣющій возможности отдаваться научнымъ занятіямъ систематически и съ полной готовностью откликающійся на дѣло какъ коммиссіи вообще, такъ и въ частности лекціоннаго бюро. И бюро неоднократно испытывало большое удовлетвореніе, узнавая о произведенномъ лекціей впечатлѣніи. На лекцію смотрятъ, какъ на праздникъ, ее ждутъ съ нетерпѣніемъ, лектору устраиваютъ оваціи, начальство говоритъ ему ласковыя слова, дамы осыпаютъ комплиментами, молодежь по своему выражаетъ свои восторги, а мѣстная интеллигенція устраиваетъ въ честь его ужинъ съ хорошими рѣчами.

Такое отношеніе къ дѣятельности лекціоннаго бюро со стороны провинціи продолжается до сихъ поръ, и въ нѣкоторыхъ городахъ у него завязались прочныя культурныя связи, которыя и утилизируются болѣе или менѣе постоянно. Лекціонное бюро, говоря объ инертности провинціи, какъ о причинѣ сравнительнаго неуспѣха своей дѣятельности имѣетъ въ виду, конечно, другую сторону. Въ нашемъ отечествѣ рѣдко можно найти бочку меду, въ которомъ не было бы дегтю.

Провинція, несомнѣнно, хочетъ учиться и искренно стремится къ свѣту знанія. Въ наиболѣе культурныхъ провинціальныхъ центрахъ это стремленіе высказывается само собою и не нуждается въ томъ, чтобы его вызывали искусственно; но есть города на Руси, гдѣ не только тре-

буются усилія, чтобы существующее стремленіе обнаружилось, но бываетъ и такъ, что, несмотря на всѣ усилія, оно проявляется очень туго. Въ нѣкоторыхъ городахъ устройство лекцій соединяется съ благотворительными цѣлями; въ этихъ случаяхъ «оно не всегда вызывается потребностью въ нихъ, опредѣленно выраженной самимъ провинціальнымъ обществомъ. Тутъ инициаторами и устроителями лекцій являются благотворительныя и иныя общества, желающія этимъ путемъ пополнить свой обыкновенно крайне скудный бюджетъ. Указываемъ на это обстоятельство не для того, чтобы сдѣлать упрекъ благотворительнымъ обществамъ, а чтобы показать ненормальность соединенія двухъ цѣлей. Всѣ общества, которыя прибѣгаютъ къ лекціямъ ради матеріальныхъ соображеній, преслѣдуютъ крайне симпатичныя задачи: тутъ общества вспомоществованій учителямъ и учительницамъ, учащимъ и учившимъ, трезвости и пр., и пр. И дѣло въ томъ, что они *принуждены* изыскивать средства всякими путями; имъ не хочется забрасывать свою ближайшую задачу и, конечно, имъ гораздо пріятнѣе получить деньги культурнымъ предпріятіемъ, чѣмъ обычными россійскими способами. Но тѣ общества, которыя ставятъ на первомъ мѣстѣ,—т.-е. имѣютъ возможность ставить — помощь культурную, обыкновенно ассигновываютъ извѣстную сумму на погашеніе могущихъ произойти отъ лекціи убытковъ. Отъ такого разъединенія цѣлей, одинаково близкихъ обществу, самое дѣло только выигрываетъ. Но изъ самого факта совпаденія благотворительныхъ цѣлей съ культурными вытекаетъ рядъ очень существенныхъ для лекціоннаго бюро послѣдствій. Первое послѣдствіе то, что устроители непремѣнно требуютъ лектора съ именемъ, ибо оно привлекаетъ публику и почти всегда очень тщательно освѣдомляются, кто такой лекторъ N, котораго бюро имъ предлагаетъ, приватъ-доцентъ или преподаватель среднихъ учебныхъ заведеній. Лектора съ именемъ берутъ на расхватъ, и нерѣдко этимъ самымъ лишаютъ себя возможности услышать хорошую лекцію отъ ученаго, не успѣвшаго составить себѣ извѣстности. Другое послѣдствіе заключается въ томъ, что устроители усердно стараются избѣгать совпаденія лекціи съ какимъ-нибудь зрѣлищемъ, до любительскаго спектакля включительно. У бюро бывали случаи, что лекція совсѣмъ подготовлена, разрѣшеніе получено, лекторъ готовится выѣхать— вдругъ телеграмма: нельзя ли отложить, такъ какъ мѣстныя барыни затѣяли какъ разъ въ назначенный день благотворительный концертъ, или что-нибудь въ этомъ родѣ. А бываютъ случаи еще болѣе трагическіе: въ большей части городовъ имѣется только одно болѣе или менѣе подходящее для лекціи помѣщеніе, и если устроители успѣваютъ абонироваться, то лекція, благополучно прошедшая всѣ прочія мытарства, состоится, а нѣтъ—нѣтъ.

Если даже распорядители успѣваютъ миновать всѣ безъ исключенія какъ всероссійскія, такъ и мѣстныя препоны, но и тогда нельзя сказать, что успѣхъ лекціи обезпеченъ. Въ иномъ городѣ публику ка-

лачами не заманишь, и устроителямъ приходится выкладывать дефицитъ изъ своего кармана. Вотъ каковы тѣ факты, которые имѣло въ виду бюро, говоря объ инертности провинціи. Къ счастью, эти факты единичные, потому что иначе никакая работа была бы невозможна. Въ большинствѣ случаевъ лекція устраивается для лекціи, даже тогда, когда связана съ благотворительными цѣлями, и почти всегда разсчитываетъ на опредѣленный кругъ слушателей.

Перейдемъ теперь къ послѣднему пункту—къ гонорару. Жалобы на высоту гонорара опять-таки обусловлены тѣмъ обстоятельствомъ, что большая часть лекцій устраивается съ благотворительной цѣлью. Въ сущности говоря, лекторъ за вечеръ получаетъ 30 рублей, изъ каковыхъ часть онъ истрачиваетъ на наемъ помѣщенія и на ѣду, остальное изъ уплачиваемой ему суммы онъ истрачиваетъ на проѣздъ туда и обратно. Едва ли можно признать такой гонораръ высокимъ, если принять во вниманіе, что лекторъ изъ-за лекціи теряетъ minimum двое сутокъ. Но провинція съ своей точки зрѣнія тоже права, особенно тогда, когда съ нея требуютъ еще дополнительныхъ суммъ за перевозку приборовъ, за прокатъ туманныхъ картинъ и проч. Для лекціоннаго бюро гонорарный вопросъ—одинъ изъ самыхъ затруднительныхъ, если не самый затруднительный. Оно поставило себѣ правиломъ не допускать уклоненій отъ выработанной имъ таксы и дѣлаетъ уступку только тогда, когда лекторъ заявляетъ, что онъ не стоитъ за вознагражденіе. А помимо всего прочаго, у него нѣтъ критерія для пересмотра своего тарифа, ибо провинція жалуется большей частью голословно и не предлагаетъ взамѣнъ ничего болѣе удовлетворительнаго. Но, въ концѣ концовъ, гонорарный вопросъ, очень непріятный на практикѣ, едва ли представляетъ большую опасность для дѣятельности бюро. Съ нимъ не трудно справиться, если во всѣхъ прочихъ пунктахъ дѣло устроится хорошо.

Читатель, надѣемся, понялъ, что затрудненія, стоящія на пути лекціоннаго бюро, громадны, что работа, которую они взялись совершить, колоссальна по своему объему и крайне важна по возможнымъ результатамъ. Прежде всего тутъ нужно упорство, ибо дѣло идетъ о томъ, чтобы пріучить провинцію слушать лекціи, сдѣлать ихъ для нея необходимыми хотя бы въ отдаленномъ будущемъ. А кромѣ упорства въ настоящую минуту ему нужны деньги для организаціи разсылки текстовъ лекцій. Послѣдній отчетъ бюро кончается воззваніемъ: «Необходимо, говорится тамъ, чтобы нашлись люди, готовые оказать ему матеріальную помощь для удовлетворенія столь важной потребности нашей провинціи». Какъ-то горько читать такія вещи: въ отчетахъ онѣ совсѣмъ необычны, между тѣмъ ясно, что бюро не на эффектъ бьетъ, доканчивая свой отчетъ просьбою о матеріальной помощи; читающій его ясно видитъ, что бюро испробовало сначала всѣ средства, находящіяся въ его распоряженіи, убѣдилось въ томъ, что этихъ

средствъ недостаточно и ужъ тогда проситъ о поддержкѣ. Ему нужно всего 2.000 рублей. Неужели же у нашихъ благотворителей не найдется этой ничтожной суммы, которая, несомнѣнно, оживитъ и поставитъ на болѣе или менѣе прочный путь дѣятельность бюро. Хотѣлось бы думать, что люди жертвующіе милліоны на дѣло просвѣщенія, не останутся глухи къ его нуждамъ и теперь, поймутъ, что эти нужды велики, что этими деньгами будутъ будить провинцію отъ инертности и будничнаго оцѣпененія, поймутъ и поспѣшатъ къ бюро на подмогу.

Какова же, въ концѣ концовъ, мораль изъ всего предыдущаго? Несомнѣнно, что успѣхи бюро не особенно велики и за послѣдніе два года они ниже, чѣмъ за первые два съ половиной *). Но значитъ ли это, что дѣло бюро обречено на неудачу? Мы убѣждены въ обратномъ. Провинція не вездѣ одинаково подготовлена, но въ провинціи есть люди, которые будутъ постоянно ее тревожить и растревожатъ окончательно. Лекторовъ мало—они найдутся, гонораръ кажется высокимъ, онъ перестанетъ казаться таковымъ. Тутъ, въ концѣ концовъ, трудно сказать, гдѣ корень. Корней много, они такъ тѣсно переплелись между собою, что не знаешь, за который надо браться раньше. И пока въ бюро сидятъ люди, чувствующіе охоту копаться въ провинціальныхъ корняхъ, можно не предаваться безысходному пессимизму. На Руси ни одно дѣло не рождалось въ сорочкѣ; всегда требовались упорство и энергія. Дѣло лекціоннаго бюро не является исключеніемъ и мы глубоко убѣждены, что традиціонныя средства доставятъ торжество и ему.

Мы убѣждены въ этомъ тѣмъ болѣе, что совершенно не вѣримъ въ разговоры объ оскудѣніи провинціи. Есть въ ней классы инертные, есть въ ней публика, которая не доросла до сознанія необходимости образованія, но въ ней есть и другой слой, на который бюро твердо уповаетъ. Это—слой интеллигентныхъ самоотверженныхъ работниковъ, имена которыхъ не получаютъ извѣстности, но которые твердо и неуклонно дѣлаютъ свое дѣло. Ихъ работа не замѣтна, но она велика, они всегда являются иниціаторами лекціи, они больше всѣхъ стараются о томъ, чтобы она привлекла вниманіе общества, они больше всѣхъ радуются ея успѣху и безъ отчаянія смотрятъ на ея неудачу. Лекціонное бюро знаетъ это очень хорошо и въ сознаніи того, что оно не одиноко, что у него есть сильные союзники, черпаетъ вѣру въ успѣхъ своего дѣла.

А. Д.

---

*) Впрочемъ, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, которыя намъ удалось получить, дѣятельность бюро съ 1-го января 1900 года испытала значительное оживленіе.

БЕЗДОМНЫЕ.

Повѣсть Стефана Жеромскаго.

Переводъ съ польскаго М. Троповской.

(*Окончаніе* *).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Глава X.

Путникъ.

Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней Юдымъ, въ сопровожденіи Коржецкаго, отправился съ визитомъ къ самому Калиновичу. Устроено это было удивительно ловко, съ истинно инженерскимъ искусствомъ, просто на-просто съ цѣлью познакомить доктора съ лицомъ, пользующимся извѣстнымъ вліяніемъ.

— Кто это такой, этотъ Калиновичъ?—спросилъ Юдымъ, двигаясь по улицѣ, которая вела къ обители одного изъ «сильныхъ» Заглембья.

— Какъ, вы не знаете? Не знаете такой элементарной вещи? Ну, разумѣется, инженеръ, и великій инженеръ.

— Вотъ какъ... Почему же это именно сегодня мы должны идти къ нему?

— А потому, что такъ повелѣваетъ намъ проницательность, сирѣчь предусмотрительность.

— Посмотрите, гроза будетъ. Въ воздухѣ душно, какъ въ аду,— промолвилъ Юдымъ и тотчасъ добавилъ:—Я ужъ, право, предпочелъ бы лучше сейчасъ получить колотушекъ отъ тетки Пелагеи, чѣмъ идти сегодня съ этимъ визитомъ.

-- Да, будетъ гроза,—сказалъ Коржецкій, оглядываясь вокругъ.

Они стояли на вершинѣ холма. Внизу рядами однообразныхъ, черныхъ, закопченныхъ домиковъ раскинулся городокъ. Въ небольшомъ сравнительно разстояніи изъ огромныхъ печей валило пламя, словно изъ кратера вулкана. Вѣтеръ подхватывалъ его и, казалось, какъ

---

*) См. «Міръ Божій», № 11, ноябрь.

будто отрывалъ кусками отъ общей массы и вотъ-вотъ броситъ ихъ на городъ.

Деревья, стоявшія въ пыли и въ копоти, выглядѣли словно группы рабочихъ. Зеленая травка была подернута траурной пеленой.

Далеко впереди, за лѣсомъ, растянулась на горизонтѣ огромная свинцовая туча. Она медленно подвигалась по небу, посылая впередъ сильный, холодный вѣтеръ. Онъ то стихалъ—и тогда казалось, будто онъ ползетъ около стѣнъ, крадется подъ заборами, заглядываетъ въ канавы и садится на деревья, которыя безпокойно и тревожно качали своими верхушками,—то бурно проносился среди безлюдныхъ улицъ съ шумомъ и свистомъ, точно авангардъ кавалеристовъ. Вокругъ видны были все трубы да трубы. Косые клубы дыма валили изъ нихъ и разсѣивались въ пространствѣ.

Отъ высохшихъ лужъ, тянувшихся вдоль и поперекъ улицъ, то и дѣло срывались столбы густой сѣрой пыли, неслись вверхъ, проносились надъ домами, надъ странными ретортами фабрикъ и низвергались внизъ, засыпая людскія квартиры. Эти летучія болота то и дѣло скрывали отъ взоровъ унылый, странный, непригдядный и, какъ денежный разговоръ, холодный городишко.

За нимъ, на нѣкоторомъ возвышеніи, окруженная тѣнистымъ садомъ, стояла «вилла» директора. Подымаясь по узкой лѣстницѣ, устланной ковромъ, Коржецкій, умышленно идя съ краю, чтобы не ступать по ковру, говорилъ вполголоса.

— Ну, теперь, голубчикъ, соберите всѣ свои силы, ибо пришелъ часъ испытанія...

Лакей открылъ имъ дверь и провелъ въ гостиную, окна которой выходили на улицу. Мягкій, пушистый коверъ заглушалъ шумъ шаговъ. Колесики креселъ, обитыхъ атласомъ, совершенно тонули въ немъ и катились безъ малѣйшаго шороха. По стѣнамъ были развѣшены картины и гравюры въ необыкновенно широкихъ и «баснословно» роскошныхъ рамахъ.

Коржецкій съ скромной минкой усѣлся въ одно изъ креселъ и, принявъ благочестивое выраженіе, глазами указывалъ Юдыму на потолокъ и обои. Направляя безсознательно взоръ свой въ этомъ направленіи, докторъ увидалъ картину, изображающую какой-то пейзажъ съ развалинами и пастушкомъ...

Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ разглядѣть обои, въ дверяхъ послышался голосъ хозяина:

— А, мое почтеніе, господинъ инженеръ! Такой милый гость вы у насъ, да ужъ больно рѣдкій.

Коржецкій поздоровался съ нимъ и тутъ же голосомъ, полнымъ достоинства, назвалъ своего товарища:

— Докторъ Юдымъ.

Хозяинъ любезно протянулъ свою руку и пожалъ поданную ему

руку, отвѣсивъ при этомъ поклонъ, который, если принять во вниманіе не малые размѣры его фигуры, долженъ былъ стоить ему нѣкотораго труда. Потомъ всѣ усѣлись въ мягкія, атласныя кресла, погрузили ноги въ пушистый коверъ, и завязался разговоръ «de nihilo» т.-е. о предметахъ, не имѣющихъ никакого значенія. Заговорили объ общей физіономіи мѣстности, о климатическихъ и гигіеническихъ условіяхъ Заглембья и о тому подобныхъ разныхъ разностяхъ. Хозяинъ былъ мужчина высокаго роста и порядочный толстякъ. Гладкая, лоснящаяся лысина открывала крѣпкій черепъ. Такой черепъ смѣло могъ бы носить на себѣ желѣзный шлемъ. Щетинистые и вздернутые кверху усы тоже очень подошли бы къ нему. Прямой носъ, большіеи суровые глаза подъ густыми сдвинутыми бровями сейчасъ обличали, въ немъ дворянина чистѣйшей крови. Деликатность обращенія, мягкость движеній, казалось, были затруднительными для этой мощной фигуры. И точно также роскошное сукно, облегавшее ея туловище и ноги, производило эффектъ случайной и временной лишь одежды.

Коржецкій, почтительно оглядывая обстановку гостиной, наклонился къ хозяину и прошепталъ:

— А я у васъ что-то новое вижу...

— Ну, ну?

— Вещица-то небольшая, но глаза разгораются.

— Часы?

— Именно!

— Я ихъ купилъ,—сказалъ директоръ съ видимымъ, хоть и скрываемымъ удовольствіемъ,—въ Мюнхенѣ. Прямо за безцѣнокъ, говорю я вамъ. За безцѣнокъ!—повторилъ онъ еще разъ.

Черезъ минуту онъ поднялся и подвелъ гостей своихъ къ консоли, на которой подъ стеклянным колпакомъ стояли новые часы empire. Дѣйствительно вещица эта была замѣчательно хороша скромностью и простотой своихъ линій.

— Ну, а Уде уже въ рамкѣ?—спросилъ его Коржецкій.

— А какъ же, а какъ же! И доложу я вамъ, коллега, чудесная рамка. Не хотите ли посмотрѣть?..

— Съ удовольствіемъ если позволите...

— Тогда пожалуйте, вотъ сюда.

— А что панна Елена, все еще занята Ропсомъ?

— Да, да, она съ своимъ Ропсомъ... Пожалуйте сюда господа...

Они вошли въ находившійся рядомъ, роскошно убранный кабинетъ. На полу былъ разостланъ большой коверъ, масса мебели заполняла всю комнату, но надо всѣмъ какъ бы царилъ великолѣпный письменный столъ. Онъ весь былъ заставленъ канделябрами, статуэтками, фотографическими карточками въ рамкахъ, различными прессъ-папье и массой книжекъ. На стѣнахъ развѣшены были картины и гравюры, рѣзной библіотечный шкафъ сверкалъ золоченными заглавіями книгъ.

— А эту штучку вы видали?—спросилъ вдругъ хозяинъ, указывая на одну изъ картинокъ.

Коржецкій прищурилъ глаза и съ выраженіемъ самаго глубокаго интереса сталъ разсматривать ее.

— Купилъ я эту вещицу въ Миланѣ, тамъ, знаете, въ этомъ... тамъ, гдѣ *Cenacolo Vinciano*... Захожу я какъ-то разъ туда... Жара была страшная. За окномъ, слышу, какой-то офицерикъ съ крикомъ муштруетъ отрядъ тѣхъ рыцарей, которыхъ потомъ, какъ соръ, разноситъ любой Менеликъ... Гляжу, какой-то юный итальянецъ копируетъ «Тайную Вечерю»... Красавецъ, шельма, загляденье! Волосы этакъ по лбу разсыпаны, носъ, говорю я вамъ, ротъ, глаза, какъ у ястреба. Сидитъ да рисуетъ... Подбѣжитъ къ своему мольберту да кистью какъ рѣзанетъ, ну въ полномъ смыслѣ этого слова—рѣзанетъ. Вижу я—сдѣлалъ онъ одну только фигурку, остальное все чуть чуть набросано. И меня это, скажу я вамъ, такъ поразило, въ тысячу разъ сильнѣй, чѣмъ оригиналъ. Что за выраженіе, что за лицо! Какъ эти глаза глядятъ! Вѣдь это апостолъ... Да и не только апостолъ, это человѣкъ, который какъ будто спрашиваетъ съ грустью: «я ли выдамъ тебя, учитель и господинъ мой»? Я прямо выдержать не могъ: подхожу къ этому художничку и говорю:

— *Signore pittore guanto* того—съ *cadro* то эту?

Взглянулъ онъ на меня и пробормоталъ, что еще не нарисовано. Говорю ему, какъ умѣю, что мнѣ все равно, тычу ему пальцемъ въ этого апостола и кричу, что хочу взять его и такимъ, какъ онъ есть. Онъ только глазами сверкнулъ, какъ волкъ, и рисуетъ себѣ дальше. Я не отстаю, тутъ онъ проворчалъ: *Mille lire*.

— О, говорю я, *signore pittore*, это немного *poco*.

Поторговались, влѣпилъ я, наконецъ, бестіи шестьсотъ франковъ и забралъ у него эту чуть подрисованную картинку. Тутъ дома вырѣзали мы съ дочкой только нашего апостола, а остальное все выкинули. Но что это за физисъ! Неправда ли? Скажите сами.

— О, да, дѣйствительно... Это что-то, что-то...

— Не правда ли, съ какимъ вкусомъ убрана эта квартира?—прошепталъ Коржецкій, наклоняясь къ Юдыму, но такъ, что хозяинъ разслышалъ эти слова.

Онъ усмѣхнулся и проговорилъ.

— Эхъ, со вкусомъ... Вы льстите... Вотъ такъ какъ-нибудь, какъ-нибудь... Трудно же жить по нашему, по простяцкому...

Ободренный словами Коржецкаго, онъ велъ гостей своихъ дальше въ комнату, которую онъ назвалъ «рабочей».

— Но вы хотѣли показать намъ Уде?—напомнилъ ему льстецъ.

— Да, да, онъ именно тамъ... въ моей рабочей комнатѣ.

Когда они вошли туда, навстрѣчу имъ поднялась изъ-за широкаго стола молодая дѣвушка, лѣтъ девятнадцати, въ розовомъ легкомъ

платьи, до того легкомъ, что оно позволяло не столько видѣть, сколько угадывать прелестныя формы. Волосы у ней были свѣтлые, почти бѣлые, цвѣта обтесаннаго еловаго дерева, глаза голубые, какъ у отца, только не такіе суровые и холодные. Издали она произвела на Юдыма впечатлѣніе чуть-чуть распустившейся розы. Она что-то не то писала, не то рисовала. Неожиданное появленіе чужихъ нѣсколько смутило ее. Она безпомощно сжимала карандашъ въ правой рукѣ и только когда пришлось поздороваться съ вошедшими, должна была бросить его на столъ. Встрѣча съ нею избавила Юдыма и Коржецкаго отъ необходимости дальнѣйшаго обозрѣванія аппартаментовъ.

Всѣ вернулись въ гостиную. Панна Елена шла рядомъ съ Коржецкимъ, свободно и оживленно разговаривая.

Ея красивое, круглое лицо, съ алымъ румянцемъ, который то исчезалъ, то появлялся вновь, то и дѣло поворачивалось къ нему и свѣтлые, безпокойные глаза пытливо вглядывались въ него. Коржецкій, съ той минуты, какъ очутился въ ея обществѣ, сталъ угрюмѣе и мрачнѣе, онъ словно сразу постарѣлъ. Онъ говорилъ холоднымъ, равнодушнымъ тономъ, безъ сарказма и злорадства, и задумчиво, но съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ неудовольствія, глядѣлъ на свою собесѣдницу. Юдымъ, съ притворнымъ вниманіемъ выслушивая то, что говорилъ ему директоръ о развитіи промышленности въ Заглембьѣ, въ то же самое время слѣдилъ за діалогомъ той пары. До ушей его нѣсколько разъ долетали фамиліи: Рескинъ, Метерлинкъ...

Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ уловить смыслъ этого разговора, въ гостиную вошелъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати съ небольшимъ. Онъ поздоровался съ Коржецкимъ, причемъ сильно потрясъ его руку, потомъ подошелъ къ Юдыму и представился:

— Калиновичъ.

— Вѣрно, сынъ...—подумалъ докторъ.

Молодой человѣкъ обратился къ Коржецкому съ видимымъ удовольствіемъ, и между ними тотчасъ завязался разговоръ. Панна Елена тоже прислушивалась къ нему, и даже старикъ директоръ черезъ нѣсколько времени повернулъ въ ту сторону свое кресло. Юдымъ, застѣнчиво молча, полный какой-то странной грусти, прислушивался къ шелесту словъ, но мысли его были далеко. Ему чудилось, будто онъ слышитъ какое-то чудное пѣніе, какъ будто одну изъ пѣсенъ Грига, которая все удаляется, удаляется въ высокихъ горахъ и, странно, ему представлялась при этомъ одна мѣстность на Риги, подъ одинокой вершиной Доссенъ, гдѣ онъ былъ разъ въ жизни.

— Кто это поетъ и почему именно это?—думалось ему въ то время, какъ онъ старался какъ можно красивѣе, насколько это было въ его силахъ, установить свои ноги на пушистомъ коврѣ.

— Я и не думаю считать себя побѣжденнымъ!—восклицалъ моло-

дой человѣкъ.—Ничуть! Вы мнѣ этого не докажете! Критеріи добра и зла существуютъ обязательно.

— А... разъ они существуютъ...—тихо говорилъ Коржецкій.

— Вѣдь мы знаемъ, напримѣръ, что рабство—одна изъ тѣхъ формъ жизни, къ которымъ возвращаться не слѣдуетъ. Вы это тоже знаете и знаете, какъ я. И всякій человѣкъ...

— Такъ чтожъ изъ этого?

— Наше сознаніе уже само по себѣ есть критерій общественнаго блага...

— Вотъ именно: общественное благо! Мы вѣчно повторяемъ это и будто-бы знаемъ, что такое счастіе и благо общества, но насъ никогда не интересуетъ счастье личности.

— О, вотъ, вотъ! Счастье отдѣльнаго человѣке, личности... — замѣтилъ директоръ, махая рукой.

— Счастье личности должно находиться въ соотношеніи съ благомъ общества.

— А, вотъ тутъ-то и сказывается насиліе надъ душою человѣка...—сказалъ Коржецкій, обмѣниваясь взглядомъ съ директоромъ.

Дьявольская улыбка, какъ блескъ электрической искорки, мелькала въ глазахъ его и на губахъ.—Сколько людей святая инквизиція сожгла на кострѣ во имя этого принципа, во имя этого критерія.

— Святая инквизиція!—кипятился молодой человѣкъ.—Что вы тамъ за вещи берете, чортъ ихъ знаетъ! Но что такое счастье отдѣльной личности? Вотъ отвѣтьте вы мнѣ на это! Я этого не понимаю.

— Дѣйствительно, это нѣчто, до того далекое отъ насъ, что вы даже этого совершенно понимать не можете. Это что-то такое, чего мы совсѣмъ не знаемъ... Это то, о чемъ говорилъ Леопарди, что «до исполненія завѣтной мечты его уже не только надежда, но и желаніе пропало»... Это свѣтлая поляна, усѣянная цвѣтами, по которой душа человѣческая можетъ ступать свободно, вольно... Это возможность поступать, говорить, думать или, по крайней мѣрѣ, чувствовать, по крайней мѣрѣ, хоть дышать по своей волѣ. Стремленіе къ удовлетворенію...

— А, понимаю: *hédoné*.

— Вотъ тебѣ разъ, еще тамъ какое-то *hédoné!*

— Разумѣется. Только позвольте сдѣлать одно замѣчаніе. Душевно больной, страдающій маніей преслѣдованія или, еще лучше, — самоубійства, ищетъ удовлетворенія въ томъ, напримѣръ, чтобы выколоть себѣ глаза. Имѣемъ-ли мы право допустить, чтобъ онъ доставилъ себѣ это удовлетвореніе?

— Душевно больной подчиняется роковой силѣ, которая, само собою разумѣется, переворачиваетъ вверхъ ногами всѣ его мысли и чувства, которая... Но, послушайте, что за плохой примѣръ вы взяли!

— Почему плохой?

— Вспомните-ка вы того доктора, что первый снялъ цѣпи съ сумасшедшихъ. Я не знаю, извѣстно ли вамъ, что было время, когда «критерій» приказывалъ держать сумасшедшихъ на цѣпи. Потомъ на нихъ стали надѣвать горячечныя рубашки и запирать въ темную комнату. Въ настоящее время открыли принципъ *no restrent*. Я надѣюсь, что будетъ время, когда пребываніе въ сумасшедшемъ домѣ будетъ чуть ли не счастьемъ, освобожденіемъ отъ неволи, что тамъ несчастная, больная голова съумѣетъ безпрепятственно мечтать и грезить, сколько ей вздумается.

— Ну, я въ такихъ тонкостяхъ мало смыслю. Но вотъ возьмемте другой примѣръ: воспитаніе дѣтей. Когда я былъ въ школѣ, однимъ изъ величайшихъ удовольствій, помню, было для меня искусно обмануть надзирателя, подсказать, стянуть...

— Да, да.... Воспоминаніе. Еще не такъ давно Винцентій Поль, а съ нимъ и его читатели вздыхали надъ методомъ воспитыванія взрослыхъ Венедиктовъ Винницкихъ съ помощью плетки, съ помощью всыпыванія имъ «pro memoria». Вы, пожалуй, уже не согласились бы съ системой почтеннѣйшаго Поля?

— Онъ-то нѣтъ, но я... кто знаетъ...—со вздохомъ произнесъ директоръ.

Молодой человѣкъ съ улыбкой взглянулъ на отца и какъ-то особенно прищурилъ при этомъ глаза.

— Да, вы бы ужъ съ этимъ не согласились. Мы ужъ далеко, далеко, на тысячу миль ушли впередъ отъ подобныхъ взглядовъ по направленію... къ свѣтлой полянѣ. Такъ вотъ и съ этимъ воспитаніемъ маленькихъ людей. Мы на тысячу миль ушли впередъ отъ хедеровъ, которые и теперь еще помѣщаются, быть можетъ, гдѣ-нибудь въ сосѣднемъ домѣ. Этотъ вопросъ о воспитаніи дѣтей мчится впередъ съ страшной быстротой. Я видѣлъ швейцарскія школы...

— Гдѣ принято обязательное обученіе.

— Гдѣ шестилѣтній ребенокъ съ величайшимъ удовольствіемъ идетъ въ школу, какъ на забаву. Тамъ ему разсказываютъ чудесныя сказки. Тамъ онъ заводитъ знакомства съ своими первыми товарищами, тамъ впервые познаетъ всю прелесть науки. Но и отъ этой школы мысль стремится дальше.

— Да, стремится дальше... Однако, не подлежитъ сомнѣнію, что вся эта азбука, всѣ эти склады и каллиграфическое маранье—это мука.

— Въ хедерѣ... о, еще и какая! Какая адская!

— Въ школѣ то же самое. И ребенокъ, каждый ребенокъ, который только родится на свѣтъ Божій и достигнетъ извѣстнаго возраста, долженъ перетерпѣть эту пытку. Страданіе! Да всякій трудъ есть страданіе. Что жъ тутъ говорить! Вотъ хотя бы вопросъ гигіены. Съ помощью чего можно въ нашихъ мѣстечкахъ уничтожить эпидемію? Разумѣется, не иначе, какъ съ помощью насилія. Что прикажете дѣлать съ ворами, съ разбойниками?

— Разбойниковъ оставимте въ покоѣ. Знаете ли, всегда, когда кто-нибудь слишкомъ ужъ начинаетъ нападать на разныхъ разбойниковъ, на меня это производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто бы онъ имъ за что то мститъ!

— Такъ какъ же вы бы съ ними поступали?

— Я... я отказываюсь отвѣчать на этотъ вопросъ... — произнесъ Коржецкій съ загорѣвшимися глазами. Такъ и казалось, что въ расширившихся зрачкахъ его вспыхиваютъ огоньки.

— Почему?—тихо спросила Елена.

— Потому... потому... Я не могу на это отвѣтить.

— Почему?—приставала она.

— Не могу. Голова у меня немного болитъ.

Молодая дѣвушка покраснѣла. Губы ея дрогнули и выраженіе обиды на мгновенье исказило ихъ. Водворилось довольно непріятное молчаніе. Слышно было завываніе вѣтра да стукъ дождевыхъ капель объ оконныя стекла. Коржецкій, казалось, ничего этого не замѣчалъ. Ядовитая улыбка скользила по его губамъ.

— Вы ошибаетесь—медленно заговорилъ онъ, не подымая глазъ—вы ошибаетесь, утверждая, что всякій трудъ есть страданіе. Это вовсе не такъ. Я ужъ не говорю о томъ, что мы, въ силу наслѣдственности пріобрѣтаемъ отъ предковъ потребность къ труду, что можно подтвердить хотя бы тѣмъ, что довольно большое количество людей богатыхъ безкорыстно работаетъ по цѣлымъ днямъ, но возьмемте... Возьмемте другое. Возьмемте всѣ эти самопожертвованія, подвиги, геройства Мицкевичъ говоритъ—вслушайтесь въ эти удивительныя слова: «Подъ жертвою духа я подразумѣваю такой поступокъ человѣка, когда онъ, познавъ истину, отождествившись съ нею, провозглашаетъ ее міру, дѣлится ею съ человѣчествомъ, служитъ ея органомъ, ея защитой, ея хранителемъ, не обращая вниманія на взгляды, на слова и на поступки непріятеля». Такъ скажите же, есть ли такая «жертва духа» или даже можетъ ли она быть страданіемъ? Онъ самъ говоритъ, что это «мучительнѣйшая изъ жертвъ», но я полагаю, что онъ хочетъ этимъ выразить только ея глубину, ея возвышенность. Человѣкъ, который отождествился съ правдой, долженъ испытывать великую радость, великое наслажденіе даже тогда, когда онъ разбитъ. Я такъ думаю. Даже тогда, когда онъ раздавленъ...

— Нѣтъ, ужъ это, пожалуй, парадоксъ...—сказалъ Юдымъ.—Мнѣ кажется, что, дѣйствительно, это мучительнѣйшая изъ жертвъ.

— Не думаю. Человѣкъ, поступая такимъ образомъ, доженъ испытывать глубочайшее счастье. Онъ гласитъ истину, которую онъ уразумѣлъ, это значитъ, что онъ отдаетъ избытокъ счастья, которое преисполняетъ его. Въ этомъ кроется такое же удовлетвореніе, какъ въ скряжничествѣ и обманѣ для скупца или въ плутовскихъ аферахъ для биржевого дѣльца.

Въ то время, какъ въ гостиной велся такой разговоръ, на улицѣ, не переставая гремѣлъ сильный громъ, и весь домъ сотрясался отъ его ударовъ. Никто не обращалъ на это вниманія, одна лишь панна Елена каждый разъ, кога вѣтеръ гудѣлъ посильнѣе, выглядывала въ окно. Разыгравшаяся вьюга такъ стучала въ стекла, что, казалось, чьи-то кулаки силятся разломать рамы. Было почти темно. Дождь полился, какъ изъ ведра, крупными, суровыми и безжалостными каплями. Порою ослѣпительный блескъ озарялъ всю комнату, и тогда бронзовые, мѣдные, блестящіе предметы ярко вспыхивали и вмигъ потухали, точно спугнутые быстрымъ вздохомъ, который отъ страха спирался въ груди.

— Мы удалились отъ темы...—произнесъ молодой Калиновичъ. Голосъ его какъ-то странно прозвучалъ среди завываній вѣтра и шума дождя, оглапіавшихъ пространство.

— Мы вовсе отъ нея не удалились — возразилъ Коржецкій, на котораго гроза, видимо, дѣйствовала возбуждающимъ образомъ, такъ какъ онъ говорилъ съ какимъ-то особеннымъ волненіемъ.—Развѣ для человѣка, который познапъ истину, существуютъ ваши критеріи? Развѣ можете вы ихъ предъявить такому человѣку?

— Понятно! Мы обязаны каждаго гражданина, который что-либо предпринимаетъ, придержать за руку и спросить его, полезно ли то, что онъ дѣлаетъ, не идетъ ли онъ наперекоръ, не повредитъ ли онъ тому, что человѣчеству досталось долгимъ трудомъ.

— Подобныя разсужденія, молодой человѣкъ, послужили основаніемъ къ тому, чтобы расцять Іисуса Христа. Мужи сказали: у насъ такіе законы и по закону онъ долженъ умереть.

— Его страданія искупили міръ.

— Сила искупленія была не въ страданіи, а въ ученіи.

— Такъ для васъ не существуетъ никакихъ точныхъ принциповъ? Неужели же мы не знаемъ навѣрно, что дѣтоубійство или китайское убіеніе стариковъ — это зло, а чувство солидарности между людьми — добро? Что говорить правду хорошо, а лгать нехорошо? И тотъ, кто захотѣлъ бы пропагандировать идею дѣтоубійства или уничтожать чувство солидарности, долженъ быть устраненъ изъ общества...

— Что говорить правду хорошо, а лгать нехорошо, то въ этомъ я, напримѣръ, который сижу съ вами въ одной комнатѣ, вовсе не увѣренъ. Очень часто говорить или даже проповѣдывать ложь есть величайшая добродѣтель, заслуга и геройство. Это совершенно одно и то же, что говорить правду. Я предоставляю человѣку полную свободу въ его желаніи говорить правду или лгать. Откуда можетъ одинъ человѣкъ знать, что у другого правда и что ложь? Въ душѣ человѣческой есть такіе океаны, пустыни, горы и ледники... Христосъ сказалъ: «не судите, да не судимы будете». Вотъ и все. А что касается этихъ дѣтоубійствъ, рабствъ и т. п., то діалектически вы, пожалуй, меня разобьете, потому что я не съумѣю вывернуться изъ этихъ вопросовъ.

У меня нѣтъ выхода. Дѣйствительно, мы всѣ знаемъ навѣрно, что надавать пощечинъ паралитику—это поступокъ *нехорошій*. И тотъ, кто сдѣлалъ бы такую вещь, долженъ быть связанъ и запертъ въ тюрьму. Это неопровержимый силлогизмъ — нечего говорить. Но можете ли вы себѣ представить человѣчество, о какомъ у насъ идетъ рѣчь, и подобный поступокъ? Пропагандированіе идеи рабства среди такихъ людей немыслимо, точно такъ же, какъ немыслимо было бы то, чтобы мы съ вами, очутившись въ обществѣ, среди котораго находятся благовоспитанныя дамы, вдругъ завели тамъ какой-нибудь неприличный разговоръ или, напримѣръ, поскидали съ себя одежду. Діалектически, на словахъ можно доказать, что подобное съ нашей стороны поведеніе возможно, но самый поступокъ, *de facto*—ни за что невозможенъ. А между тѣмъ вѣдь нѣтъ никакихъ писанныхъ законовъ, которые возбраняли бы подобную свободу. Это частичка именно этого самаго *чувства* солидарности побуждаетъ насъ вести умный, занимательный и для всѣхъ пріятный разговоръ. Одно только есть несомнѣнное зло: это—вредъ ближнему. Личность это святыня, которой никто не смѣетъ оскорблять. За исключеніемъ вреда ближнему, каждый можетъ дѣлать все, что хочетъ.

— Идиллія, сударь, идиллія, сирѣчь Аркадія. Вредъ ближнему.; Вотъ тоже хорошо! А что такое вредъ? Гдѣ его границы?

— Границы вреда находятся въ совѣсти, въ душѣ человѣческой.

— Ну, послушайте, не шутки ли это?

— Нѣтъ. Это геніальнѣйшая мысль. На ней свѣтъ стоитъ. Подумайте только, что бы съ нимъ было, если бы вычеркнуть эти слова: «По тому узнаютъ, что вы ученики Мои, если вы возлюбите другъ друга». Любовь нужно сѣять между людьми, какъ хлѣбъ золотой, а плевелы ненависти нужно вырывать и ногами растаптывать. Чти человѣка...—вотъ это заповѣдь.

— Быстрота прогресса зависитъ отъ разрушенія тѣхъ факторовъ, которые ложатся ему на дорогѣ.

— Признаюсь, — замѣтилъ вполголоса директоръ, наклоняясь къ Юдыму,—что я положительно не понимаю, о чемъ эти господа спорятъ такъ ожесточенно.

Коржецкій, продолжая разговоръ съ своимъ противникомъ, внезапно повернулся въ его сторону.

— Въ самомъ дѣлѣ... *de lana caprina*.

— Какъ холодно...—прошептала молодая дѣвушка, съ тревогой поглядывая въ окно.

— Вамъ страшно? — спросилъ Коржецкій. — Правда, скажите, вы немного боитесь?

— Ну, нѣтъ, съ какой стати... Только что-то вдругъ такъ холодно стало. И темень такая...

— Ага, темень...—Онъ помолчалъ и черезъ минуту снова заговорилъ:—Какъ бѣденъ тотъ, кому теперь приходится ходить по незнако-

мому, страшному пути. Тому, кто спѣшитъ къ невѣдомой цѣли, кто идетъ и идетъ безъ конца... «Какъ путникъ усталый, что въ грозу скитается въ пути»...

Крупный градъ, вмѣстѣ съ каплями дождя, застучалъ въ окна. Разговоръ прекратился.

Юдымъ поднялся съ своего мѣста, подошелъ къ окну и сталъ смотрѣть на улицу. Среди ливня и мрака порой прорывались огни огромныхъ горновъ.

Докторъ былъ самъ не свой. Онъ думалъ о невѣстѣ. Какое-то странное ощущеніе овладѣло имъ: ему казалось, что вотъ какъ только пронесется гроза, какъ только прояснится, какая-то вѣсточка, какой-то отголосокъ, какое-то слово донесется къ нему... Тихій вздохъ вырвался изъ его груди. Вѣдь онъ ужъ писалъ ей и адресъ свой сообщилъ. Кто знаетъ, можетъ быть, какой-нибудь счастливый случай принесетъ ему сейчасъ вѣсточку оттуда... Можетъ быть, и она въ эту минуту стоитъ у окна и глядитъ на грозу, можетъ быть, и у ней тѣ же самыя мысли, какъ яркія молніи, озаряютъ суровый мракъ...

— Вы, я слышалъ, возвращаетесь теперь изъ Парижа? — вдругъ обратился къ нему директоръ.

— Уже два года прошло съ тѣхъ поръ, какъ я вернулся оттуда..

Коржецкій быстро повернулся въ ихъ сторону и сталъ прислушиваться къ ихъ разговору, выжидая только удобной минуты, чтобы къ нему присоединиться.

Въ эту самую минуту лакей приподнялъ портьеру и поклонился паннѣ Еленѣ. Она поднялась и пригласила гостей пожаловать къ чаю. Они прошли въ сосѣднюю комнату и усѣлись за большимъ столомъ, заставленнымъ множествомъ тарелокъ, блюдъ, стакановъ и бокаловъ.

Молодой Калиновичъ сидѣлъ рядомъ съ Юдымомъ. Онъ поспѣшилъ сообщить ему, что въ этомъ году окончилъ политехникумъ въ Шарлоттенбургѣ, что онъ еще вернется туда, чтобъ «получить докторатъ», а тѣмъ временемъ приглядывается тутъ къ этой канавѣ, по которой золото плыветъ во Францію.

— Повѣрите ли!—восклицалъ онъ,—волосы дыбомъ встаютъ, когда глядишь на то, что тутъ творится. Я не имѣю желанія обижать кого бы то ни было, но вотъ хотя бы эта медицинская помощь, вѣдь она тутъ производится точно экстрапочтой. Въ назначенный день докторъ, въ вѣдѣніи котораго находится около восьми фабрикъ, объѣзжаетъ ихъ всѣ до одной—это въ одинъ-то день... Послушайте, быть можетъ, вамъ это непріятно слушать?

— О, нѣтъ, Боже упаси... Я самъ желалъ бы получить тутъ мѣсто, такъ что мнѣ даже очень интересно познакомиться съ положеніемъ вещей во всѣхъ отношеніяхъ.

— Да? А, знаете ли, это интересно... Такъ вы, значитъ, хотѣли бы тутъ поселиться... И вы ужъ что-нибудь сдѣлали для этого, хлопотали?

— Нѣтъ, ничего еще.

— У васъ тутъ есть какіе-нибудь знакомые?

— Никакихъ.

— Ахъ, такъ.

— Вы, докторъ, не принимайте слишкомъ къ сердцу всего, что мой сынъ наговоритъ вамъ тамъ о Заглембьи,—вмѣшался директоръ.—Это у него какое-то спеціальное къ нему нерасположеніе. Я вамъ скажу...

— Да, да, это нерасположеніе или, вѣрнѣе, спеціальная антипатія!—сквозь зубы проговорилъ молодой человѣкъ.

— Я вамъ скажу, докторъ, этотъ народъ прямо убиваетъ этихъ бѣдныхъ эскулаповъ. Есть докторъ даровой, ну, всѣ такъ и лѣзутъ къ нему. Больной ли, не больной, со всякими тамъ своими причудами да фантазіями... Тутъ у меня нашъ больничный докторъ имѣетъ на свой часъ по шестьдесятъ человѣкъ больныхъ. Ну, скажите же сами, можетъ ли быть столько людей, дѣйствительно больныхъ, въ такомъ маленькомъ поселкѣ?..

— Фактъ тотъ,—замѣтилъ его сынъ,—что во всей странѣ медицинскою помощью на счетъ хозяевъ пользуется всего 41%, а совершенно безъ нея остается 59.

— Откуда у тебя эти цифры?

— Статистика показала, что изъ 856 предпріятій въ 818 не было никакой медицинской помощи, въ 10 помощь эта существовала только фактически, въ 24 была сносная и только въ 4 такая, какъ слѣдуетъ быть.

Юдымъ зажмурилъ глаза и посмѣялся про себя. Предъ нимъ, какъ въ туманѣ, пронеслось воспоминаніе о неудачныхъ попыткахъ борьбы въ Варшавѣ.

— Преувеличеніе не только въ выводахъ, но и въ самихъ цифрахъ,—возразилъ старикъ съ флегматичностью искуснаго полемика.—Я превосходно понимаю необходимость медицинской помощи, я искренній ея сторонникъ, даже, если можно такъ выразиться, фанатикъ въ отношеніи гигіены... *e cetera*. Но вотъ вамъ фактъ. При этихъ большихъ горнахъ есть подъемныя машины для подыманія руды. Подъ страхомъ строжайшаго наказанія рабочимъ воспрещается садиться на нихъ, ни для того, чтобъ вверхъ подняться, ни чтобы скорѣе спуститься внизъ. Повѣрите ли вы, докторъ, какова статистика всѣхъ уклоненій отъ этого строгаго правила? Да-съ, это тоже статистика, которую тебѣ бы не помѣшало помѣстить въ какомъ-нибудь изъ полушарій твоего мозга...

— Я въ этомъ не вижу особенной надобности.

— Ага...

— Разумѣется.

— Или возьмемте другой фактъ. Между двумя печами есть нѣкоторое углубленіе, мимо котораго проходитъ подъемная машина. Никому, кажется, и въ голову придти не можетъ, чтобы туда можно было

влѣзть. Что же вы скажете, господа? Одинъ изъ этихъ остолоповъ усѣлся таки себѣ въ этой дырѣ, на половинѣ высоты, и посвистывалъ себѣ преспокойнѣйшимъ образомъ, глазѣя внизъ. Подъемная машина идетъ тихо. Стукнуло его въ черепъ и убило на мѣстѣ. И за это должна отвѣчать фабрика! Тамъ крышки не было, вы слышите, крышки не было!

— Льщу себя надеждой, что въ этомъ мѣстѣ уже есть теперь крышка...—произнесъ молодой Калиновичъ, накладывая на свою тарелку огромную порцію ростбифа.

— Вотъ такой рабочій, напримѣръ, при мартеновскихъ печахъ, при цилиндрахъ, при соединительныхъ проволокахъ зарабатываетъ въ день около двухъ рублей. И знаете ли, какъ онъ живетъ, что онъ съ этими деньгами дѣлаетъ?

— Интересно...

— Кутитъ, проматываетъ ихъ и залѣзаетъ въ долги. Поглядите только въ воскресенье на такого франтика: модный галстухъ, платочекъ... Зайдетъ себѣ въ лавку: дайте-ка мнѣ,—скажетъ, воротничковъ, да только изъ тѣхъ, что получше, помоднѣй. Пахучія мыла заказываютъ себѣ спеціально. Теперь вотъ какъ разъ въ модѣ эти пахучія мыла.

— Дѣйствительно, какъ противъ этого не возмущаться?—бормоталъ молодой человѣкъ, закусывая съ волчьимъ аппетитомъ.

— Это не столько возмутительно, сколько печально.

— Отчего же печально?

— Повсюду излишества да излишества! Во всѣхъ слояхъ общества—жизнь не по средствамъ, расточительность...

— Мыло—это расточительность?

— Никто не сберегаетъ ничего. При подобныхъ заработкахъ это—сборище банкротовъ...

— Уменьшить этимъ бестіямъ заработки, такъ сейчасъ остепенятся. Не будетъ ни мылъ пахучихъ, ни этихъ возмутительныхъ галстуховъ.

— Наоборотъ, повысить нужно плату, повысить какъ можно больше! Пускай выписываютъ себѣ цилиндры изъ Парижа, пальто изъ Вѣны.

Лакей обнесъ блюдо и перемѣнилъ тарелки.

Былъ уже вечеръ, когда, напившись чаю, всѣ, кромѣ панны Елены, прошли изъ столовой въ кабинетъ покурить. Коржецкій съ пресмѣшнымъ видомъ держалъ во рту огромную, какъ морковь, сигару. Молодой Калиновичъ уже взялся-было продолжать свой споръ съ отцомъ, какъ въ комнату снова вошелъ лакей и, подойдя къ Коржецкому, что-то шепнулъ ему на ухо.

— Ахъ, это ко мнѣ... Письмо тамъ у него?...

— Не знаю, господинъ инженеръ. Онъ говоритъ, что по важному дѣлу.

— Тутъ?—спросилъ Коржецкій, сдѣлавъ небрежный жестъ рукою, и не вынимая сигары изо рта, пошелъ за лакеемъ.

Юдыму захотѣлось ужъ покончить съ этимъ визитомъ и уйти поскорѣй. Онъ взялъ молодого Калиновича подъ руку и спросилъ его, куда пошелъ Коржецкій.

— Онъ тамъ разговариваетъ съ какимъ-то посыльнымъ; который и тутъ отыскалъ его.

— Можетъ быть, письмо отъ Іоаси...—смутно пронеслось въ головѣ Юдыма.

— Послушайте,—тихо сказалъ онъ молодому человѣку,—нельзя ли было бы мнѣ увидѣть этого посыльнаго! Ко мнѣ должно придти одно извѣстіе, которое сильно меня безпокоитъ... Можетъ быть, это письмо ко мнѣ...

— Пожалуйте...—крикнулъ ему въ отвѣтъ молодой буршъ, раздвигая стулья, стоявшіе на дорогѣ.

Они вышли въ пустой корридоръ, откуда дверь вела на лѣстницу. Лѣстница эта не загибалась, а шла прямо внизъ.

Стоя наверху въ сѣняхъ, Юдымъ увидѣлъ внизу свѣтъ. Коржецкій держалъ въ рукѣ свѣчу, и пламя ея во всѣ стороны раздувалось вѣтромъ, который врывался сквозь щели деревянныхъ стѣнъ. Дверь снизу была заперта, но капли дождя, стуча по крышѣ, просачивались черезъ отверстія отовсюду.

Около самой двери, опершись спиною о стѣну, стоялъ посыльный. На головѣ у него была фуражка съ козырькомъ, онъ былъ въ широкомъ лѣтнемъ пальто и толстыхъ сапогахъ. Онъ весь былъ мокрый, и вода струею стекала съ его одежды, образуя на полу, вокругъ ногъ, цѣлую лужу.

Глядя на него, Юдымъ замѣтилъ, что человѣкъ этотъ весь дрожитъ, какъ въ лихорадкѣ. Голова его безсильно упала на грудь: у людей, промокшихъ до костей, всегда такъ свѣшивается голова.

Инженеръ говорилъ съ нимъ о чемъ-то вполголоса, но изъ-за шума вѣтра не слышно было ничего.

— Нѣтъ, это не ко мнѣ...—подумалъ Юдымъ, и сердце его мучительно сжалось отъ разочарованія.

Коржецкій принялъ у измокшаго посыльнаго принесенный имъ свертокъ и сталъ подыматься по лѣстницѣ наверхъ. Когда наверху онъ увидѣлъ Юдыма, онъ отшатнулся и рѣзко прокричалъ:

— Что вы тутъ дѣлаете?

— Я думалъ, что это, можетъ быть, ко мнѣ письмо съ почты...

— Нѣтъ, нѣтъ... Съ какой стати? Это этотъ дурень, контрабандистъ...

— Контрабандистъ?

— Да. Онъ тамъ отъ кого-то узналъ, что я здѣсь... Ну, однако, что за нервы! Я никакъ не ожидалъ васъ тутъ встрѣтить и вдругъ.. Прелестный звукъ я издалъ, нечего сказать... Самому дико показалось, каково-жъ тогда деликатнымъ ближнимъ...

— Простите меня, это я напрасно...

— Ну, что тамъ! Контрабандистъ...—заговорилъ онъ шепотомъ.— Въ Катовицахъ, двѣ недѣли тому назадъ, я оставилъ кусокъ сукна на костюмъ. Я это сукно купилъ въ Краковѣ. Я очень люблю такое. Можетъ, и вы возьмете себѣ нѣсколько аршинъ. Не хотѣлось мнѣ пошлины платить... Сговорился я съ этимъ артистомъ, чтобъ онъ мнѣ это какъ-нибудь принесъ. Сегодня выпалъ для него удобный случай такъ онъ меня даже тутъ розыскалъ.

— Да вѣдь онъ разболѣется. Я видѣлъ, онъ весь дрожитъ.

— Вы думаете?

— Что-жъ тутъ думать?

— Надо ему вынести рюмку водки. Поскорѣй только... Онъ разболѣется!..

Онъ быстро вошелъ въ квартиру и, поймавъ у дверей столовой лакея, сказалъ ему:

— Возьми-ка, пожалуйста, братецъ, да вынеси поскорѣй рюмку водки тому человѣку, что внизу тамъ стоитъ. Или, знаешь, дай ему двѣ рюмки или даже три.

— Да, пусть таки-выпьетъ три рюмки...—добавилъ Юдымъ.

— Знаете, что, докторъ, будьте такъ добры и отнесите ему сами. Кстати, вы ужъ посмотрѣли бы, дѣйствительно ли онъ такъ озябъ...

— Съ удовольствіемъ...

Юдымъ принялъ изъ рукъ лакея изящную бутылочку съ водкой, рюмку, свѣчку и спустился по лѣстницѣ внизъ.

Контрабандистъ еще стоялъ въ темныхъ сѣняхъ.

Онъ, казалось, дремалъ...

Юдымъ поставилъ свѣчу на землю и налилъ въ хрустальную рюмку водки.

Тогда контрабандистъ поднялъ голову и открылъ глаза.

Это были большіе, свѣтло-голубые глаза...

Юдымъ внезапно почувствовалъ, какъ рука, въ которой онъ держалъ рюмку, холодѣетъ у него.

Контрабандистъ жадно выпилъ одну рюмку, за ней другую, третью. Потомъ, не кивнувъ даже головой, открылъ дверь и исчезъ въ темной пасти ночи, средь которой бушевала вьюга.

Два часа спустя, Юдымъ возвращался съ Коржецкимъ домой. Дождь прекратился. Была темная ночь, туманная и холодная. Среди мрака, испаренія ходили въ воздухѣ какъ будто какими-то неясными, бѣловатыми фигурами. Дорога была залита водой, которая съ плескомъ разбрызгивалась изъ-подъ колесъ во всѣ стороны. Когда она выѣхали изъ маленькихъ уличекъ, Коржецкій поднялся съ своего мѣста и, держась за ручку передняго сидѣнья, наклонился къ кучеру и о чемъ-то съ нимъ сталъ переговариваться.

— Не хотите ли проѣхаться немного?—сказалъ онъ Юдыму, са-

дясь.—Погода прекрасная! Свѣжо... Мы можемъ,—добавилъ онъ черезъ минуту,—заѣхать къ портному, я ему сейчасъ отдамъ эту матерію. Къ чему мнѣ ее дома держать? Неправда ли? Мѣсто только даромъ занимаетъ—больше ничего...

— Какъ хотите. Что меня касается, я охотно проѣхался бы теперь.

— Ну, такъ поѣзжай, братецъ, да только живо... Получишь на чай.

Кучеръ хлестнулъ лошадей, и повозка быстро покатилась по дорогѣ. Юдымъ и Коржецкій молчали.

Чересъ нѣкоторое время предъ ними показались электрическіе фонари, окутанные густымъ туманомъ. Они распускали вокругъ себя въ туманѣ какіе-то смутные синіе круги: у больныхъ такія тѣни ложатся подъ глазами. Между дорогой и этими фонарями стояли какія-то неподвижныя воды. Синеватый свѣтъ скользилъ по темнымъ волнамъ плоской насыпи и бѣжалъ, все бѣжалъ за повозкой, точно какая-то острая стрѣлка, указывающая путь въ ночной темнотѣ.

— Гдѣ мы?

— У копей.

— Откуда-жъ тутъ эта вода?

— Видите ли, слой угля здѣсь очень толстъ, но онъ находится въ глубинѣ двухсотъ метровъ подъ землею. Этотъ уголь отсюда ужъ вынули. Земля осунулась въ образовавшуюся пустоту, вогнулась внутрь, и вотъ въ такомъ тазу теперь накопляется вода.

Онъ смолкъ. Они снова ѣхали долго, не произнося ни слова. Они проѣзжали по какимъ то полямъ. Коржецкій засунулся въ уголъ, держа на колѣняхъ свой свертокъ. Онъ что-то зашепталъ.

— Что вы?—спросилъ докторъ.

— Нѣтъ, ничего, я часто самъ съ собою такъ мурлыкаю. Помните ли вы, Юдымъ, эти стихи:

...«И я почти не зналъ родного крова,
И былъ, какъ путникъ усталый, что въ грозу
Скитается въ пути?..»

Юдымъ ничего не отвѣтилъ.

«И былъ...» Что за страшное слово!..

Прошла минута, одна изъ тѣхъ необъяснимыхъ, таинственныхъ минутъ, когда двѣ души сливаются въ одно...

Коржецкій заговорилъ первый.

— Вамъ, вѣроятно, очень глупыми показались мои сегодняшнія рѣчи. Я болталъ, какъ институтка.

— Сказать вамъ правду...

— Ну, да, понятно. Но это было необходимо. У меня былъ тутъ извѣстный разсчетъ. Вы не поняли, чего мнѣ нужно было?

— Были минуты, когда я испытывалъ такое впечатлѣніе, какъ будто бы вы сами себѣ противорѣчите.

— Ну, положимъ! Это ужъ нѣтъ.

— Такъ, значитъ, вы серьезно думаете, что между зломъ и добромъ нѣтъ никакой разницы.

— Нѣтъ. Я думаю только, что «зло» должно быть такъ же свободно, какъ добро.

— Ахъ!

— Душа человѣческая глубока и таинственна, какъ море. Загляните къ себѣ въ душу... Не увидите ли вы тамъ темной бездны, въ которой никто еще не былъ? О которой никто ничего и не знаетъ? Никакимъ насиліемъ не можетъ быть искоренено то, что мы называемъ преступленіемъ, зломъ. Я вѣрю глубоко, что въ этомъ необъятномъ духѣ во сто тысячъ разъ больше добра,—что я говорю!—въ немъ все добро, почти все. Пусть только ему дадутъ свободу! Тогда вы увидите, что все зло исчезнетъ безслѣдно...

— Неужели въ это можно вѣрить?

— Помню, я видѣлъ когда-то гравюру... На висѣлицѣ виситъ преступникъ. Толпа судей сходитъ съ холма. На лицѣ у каждаго—радость, торжество... И я долженъ вѣрить, что человѣкъ этотъ былъ виновенъ и достоенъ казни!

— Что же вамъ говоритъ, что это не такъ? Можетъ быть, это былъ отцеубійца? Откуда у васъ берется предположеніе, что это не такъ?

— Мнѣ это говоритъ... *Dajmonion.*

— Кто такой?

— Мнѣ это говоритъ то божественное, что есть во мнѣ.

— Что-жъ это такое?

— Оно таится въ глубинѣ души моей. Я голосъ этотъ слышу какъ будто изъ подъ земли... Я пошелъ бы къ этому преступнику, я цѣловалъ бы ноги его. И если бы тысячи достовѣрныхъ свидѣтелей поклялись мнѣ, что это отцеубійца, что это матереубійца, я снялъ бы его съ позорнаго столба. Такъ мнѣ шепчетъ тотъ голосъ... Пускай идетъ себѣ съ Богомъ...

Кучеръ остановился у какого-то дома.

Было такъ темно, что Юдымъ едва могъ различить очертанія темнаго зданія. Коржецкій сошелъ. Съ минуту еще слышно было шлепанье его ногъ по мокрой лужѣ, потомъ онъ скрылся совсѣмъ въ темнотѣ. Гдѣ-то отперли дверь, залаяла собака...

Глава XI.

Asperges me *.

Неподалеку отъ Заглембья былъ у Коржецкаго домъ знакомый, гдѣ иногда, разъ въ годъ, на Пасху онъ бывалъ съ визитомъ. Это

*) Окропи меня.

была одна довольно бѣдная дворянская семья. Жила она на тѣ небольшія средства, которыя доставляла ей аренда какого-то жалованнаго имѣнія, занимавшаго нѣсколько сотъ десятинъ плохой, каменистой земли. Ѣхать въ эту деревеньку приходилось лѣсами, по такимъ оврагамъ, какихъ свѣтъ не видалъ.

Однажды, вернувшись съ прогулки на обѣдъ, Юдымъ засталъ въ общей квартирѣ какого-то гимназистика, который, то краснѣя, то блѣднѣя, разговаривалъ съ Коржецкимъ, тщетно силившимся его ободрить. Когда Юдымъ вошелъ въ комнату, гимназистъ нѣсколько разъ поклонился ему и еще больше потупилъ глаза.

— Господинъ Дашковскій...—отрекомендовалъ его инженеръ.—Онъ пріѣхалъ просить васъ, докторъ, не могли ли бы вы съѣздить къ его больной матери. Съ нимъ лошади. Но я васъ предупреждаю, что туда двѣ мили ѣхать. Правда, Олесь?

— Да, дорога... очень плохая...

— Эхъ, зачѣмъ же такъ плохо настраивать доктора! Надо было сказать, что гладкая, какъ скатерть...

— Ахъ да... только я.

— Пускай бы его пострадалъ немного.

Ученикъ, не зная, что сказать, мялъ только свою шапку въ рукахъ и переминался съ ноги на ногу.

— А чѣмъ это ваша мама больна?—спросилъ Юдымъ такимъ мягкимъ голосомъ, который дѣйствуетъ, какъ самая нѣжная, ободряющая ласка.

— Легкія у ней нехорошія.

— Кашляетъ она?

— Да, господинъ докторъ.

— И давно это уже съ нею?

— Да, уже давно.

— То-есть... такъ года два, три?

— Еще больше... съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню.

— Съ тѣхъ поръ какъ вы себя помните, все ваша мама больна?

— Она всегда кашляла, только еще ходила, въ постель не ложилась.

— А теперь слегла?

— Да, теперь она уже лежитъ постоянно. Мама ужъ не можетъ ходить.

— Хорошо, такъ ѣдемте. Можно сейчасъ.

— Если вамъ...

— О, прежде нужно пообѣдать ужъ это какъ хотите!—вмѣшался Коржецкій.

— Но если вы, господинъ докторъ...—торопливо заговорилъ-было гимназистикъ, но въ эту же минуту почувствовалъ, что говоритъ глупость, и окончательно смутился.

— Видите ли, докторъ долженъ поѣсть. Да и вы, вѣрно, голодны Олесь.

— Я... о нѣтъ! Я совсѣмъ не голоденъ. Спасибо.

Вскорѣ поданъ былъ обѣдъ.

Ученикъ все отнѣкивался, ѣлъ очень мало и ни на минуту не отрывалъ глазъ отъ тарелки. Коржецкій былъ въ этотъ день какой-то холодный и угрюмый и мало говорилъ. Когда лошади подъѣхали къ дому и Юдымъ уже сходилъ внизъ, инженеръ обнялъ мальчика за шею и такъ спускался съ нимъ по лѣстницѣ.

— Передайте, Олесь,—сказалъ онъ ему внизу мой поклонъ мамѣ, отцу. Я съ удовольствіемъ заглянулъ бы къ вамъ, да что подѣлаешь... Никакъ не вырвусь... Работы такъ много. Но вы все-таки скажите мамашѣ, что, Богъ дастъ, скоро увидимся.

Юдымъ случайно взглянулъ на него: лицо его стало какое-то сѣрое, изъ глазъ текли двѣ одинокія слезы.

— Богъ дастъ, скоро увидимся—повторилъ онъ по своему.

Плохенькая, тряская бричка тронулась съ мѣста. Она была запряжена двумя жалкими и вдобавокъ неодинаковыми лошаденками. Одна изъ нихъ была крестьянская кобыла, съ большой спущенной внизъ головой, другая, повидимому, вела свое происхожденіе изъ какой-нибудь «конюшни». Въ настоящее время ужъ только развѣ спина, ея торчавшая, какъ пила, могла импонировать ея товаркѣ худшей породы. На козлахъ сидѣлъ мужикъ въ шапкѣ и сермягѣ, который, когда ему приходилось понукать лошадей, всегда пускалъ въ ходъ одни и тѣ же средства, везъ ли онъ благовоспитанную публику или только картофель.

Дѣйствительно, дорога, по которой приходилось ѣхать въ имѣніе, была одной изъ истыхъ польскихъ дорогъ. Ѣхать нужно было лѣсомъ. Среди застывшихъ въ своей мертвенной неподвижности деревъ, растущихъ на болотистой почвѣ, царилъ угрюмый сумракъ. Дорога, заросшая стоптанной травой, полная камней, извиваясь, тянулась среди густого молодого ельника. Повороты ея то и дѣло пропадали въ зелени, точно звѣри лѣсные, что любятъ скрываться отъ взоровъ людскихъ.

Юдымъ задумчиво водилъ глазами по мягкому мху и блѣдно-зеленымъ листочкамъ брусники. Каждый стебелекъ мха былъ точно сдѣланъ изъ свѣтлыхъ звѣздочекъ, словно изъ тоненькихъ солнечныхъ лучей, что, соприкоснувшись съ землею, преобразовались въ нѣжные листики. Тамъ и сямъ, среди этой царской, нѣжной, мягкой зелени виднѣлись изсиня-сѣрые камни. Темносѣрые, окутанные сухимъ мхомъ, стволы елей прорѣзывали далекій горизонтъ. Когда повозка въѣхала въ глубь лѣса, подъ тѣнь сосенъ и елей, по дорогѣ пошли повсюду черные корни. Возокъ то и дѣло трещалъ, когда колеса его по оси погружались въ глубокія лужи, что кисли здѣсь испоконъ вѣку. Тамъ уже мохъ еле выбивался наружу изъ подъ прикрывшей его массы сухихъ, желтыхъ хвоевъ. Повсюду валялись шишки и изломанныя, сухія, бѣловатыя вѣтки.

Тамъ и сямъ чернѣлись кучи гніющаго хворосту и щепки, разлетѣвшіяся во всѣ стороны отъ срубленнаго дерева.

По временамъ возокъ медленно плелся по вязкому желтому песку, который ссыпаясь съ колесъ, издавалъ тихій стукъ.

Это былъ единственный звукъ, нарушавшій глубокую тишину лѣса. Разъ только, гдѣ-то вдали послышалось щелканье шурки.

Солнце, словно тайкомъ, вкрадывалось въ лѣсную глубь. Въ лѣсу царила такая прохлада, что на листьяхъ еще и въ эту пору сверкали капли росы.

Въ одномъ мѣстѣ предъ глазами Юдыма открылась полянка, со всѣхъ сторонъ, словно нѣжнымъ, навѣки преданнымъ объятіемъ, окруженная лѣсомъ. Среди ея зеленаго дерна попадались кустики можжевельника. Подъ противоположной стѣною елей, словно черепъ, бѣлѣлъ одинокій, съ оборванной корою, пень низко срубленнаго дерева.

Бѣлая бабочка пролетала въ тиши, садясь на кудрявую травку, едва покрывавшую неплодородную землю.

Между сѣрыми камнями скромно притаился низенькій, желтый цвѣточекъ и глядѣлся въ синее небо.

Было тихо, такъ тихо, что слышно было даже тихое, дрожащее трещаніе полевого сверчка. Можно было сосчитать удары сердца и разслышать, какъ кровь переливается въ жилахъ.

Странныя, фантастическія мысли приходили въ голову, точно это даже не твои были мысли, а ея, вотъ этой заколдованной, сказочной поляны. И чудилось, будто весь міръ въ одной этой лѣсной полянкѣ, будто человѣкъ для того лишь живетъ на свѣтѣ, чтобы весь утонулъ въ ней душою своею и грезилъ, грезилъ о томъ, что таинственно, темно и сокрыто, о томъ, что не проходитъ и не исчезаетъ, о томъ, что просто, наивно и неподдѣльно прелестно, какъ эта полянка, чтобы изъ души его свободно исходило все, что въ ней есть, какъ все святое, прекрасное, такъ и все преступное, безобразное.

Гимназистикъ все молчалъ. Онъ сидѣлъ, почтительно повернувшись къ Юдыму и на всѣ его вопросы отвѣчалъ лишь *да* да *нѣтъ*.

Часовъ около четырехъ лѣсъ кончился, пошли поля. Вдали виднѣлись деревья и усадьба.

— Это уже Заберезье...—сказалъ мальчикъ.

Вскорѣ они ужъ были въ имѣніи. Заброшенная усадьба, имѣвшая еще болѣе жалкій видъ, чѣмъ окружавшія ее постройки, передъ которыми гнилъ навозъ, бѣлѣлась въ тѣни четырехъ липъ, растущихъ рядомъ у входа, гдѣ стояла постель, на которой лежала больная.

Появленіе брички вызвало цѣлый переполохъ. Въ домѣ послышалась возня и бѣготня. Навстрѣчу Юдыму вышелъ господинъ съ значительной просѣдью, съ загорѣлымъ лицомъ, и представился ему, какъ супругъ больной. За нимъ, съ выраженіемъ тревожнаго любопытства, слѣдовали двѣ некрасивыя дѣвицы, для которыхъ пріѣздъ этотъ былъ, навѣрное, какимъ-то феноменальнымъ событіемъ.

Юдымъ немедленно принялся за изслѣдованіе больной. Это была женщина лѣтъ сорока съ небольшимъ, сухая, какъ щепка. Багровое пятно, формы эллипса, горѣло на ея лѣвой щекѣ. Одного взгляда на нее было достаточно Юдыму, чтобы рѣшить, что у ней чахотка въ послѣдней стадіи. И только для того, чтобы немного замаскировать суть своего изслѣдованія, Юдымъ долго и тщательно выслушивалъ, какъ работаютъ послѣдними своими силами эти бѣдныя легкія. Когда ужъ больше дѣлать ничего не оставалось, чувство жалости и грусти овладѣло имъ.

— Что имъ сказать?—думалъ онъ.—Неужели лгать и притворяться?

— Ну, какъ же, докторъ, вы находите состояніе моего здоровья?—спросила больная, когда онъ въ раздумьи сидѣлъ на стулѣ.

— Видите ли, сударыня... я не стану скрывать отъ васъ, что болѣзнь ваша довольно тяжелая, но все же съ нею еще можно прожить, особенно въ деревнѣ, на свѣжемъ воздухѣ. Я знаю много такихъ случаевъ. Я предпишу вамъ подробно, какъ вамъ полѣчиться.

— Ахъ, докторъ, я вамъ буду такъ благодарна...—прошептала она, глядя на него пылающими глазами.—Я такъ еще хочу жить, такъ хочу жить... Дѣти, цѣлое хозяйство у меня на головѣ, а я себѣ тутъ лежу. Господи, еслибъ меня схоронили, что бы это тутъ было!

— Ну ужъ, сударыня, о хозяйствѣ-то вамъ нужно забыть совершенно

— Ахъ, возможно ли это, докторъ... Здѣшніе крестьяне такіе негодяи! Развѣ можно на нихъ положиться. Вѣдь тутъ у нихъ воръ на ворѣ сидитъ.

— Хорошо, хорошо. Все это отлично, тѣмъ не менѣе вы должны забыть даже про ихъ существованіе. Вамъ нужно лежать на свѣжемъ воздухѣ, хорошо питаться...

— Я тутъ пила отваръ изъ сосновой коры.

— Изъ чего?

— Изъ коры сосновой. Ее высушивали на такомъ жестяномъ листѣ...

— Ну, теперь ужъ вы, пожалуйста, этого не пейте. Вамъ нужно пить коньякъ и молоко.

Между тѣмъ, какъ Юдымъ подробно излагалъ больной методъ лѣченія, въ комнатахъ усадьбы не прекращалась бѣготня, шушуканье, стукъ тарелокъ. Черезъ нѣсколько времени Дашковскій вышелъ и пригласилъ Юдыма къ столу. Больную, въ виду приближающейся ночи, должны были сейчасъ перенести въ спальню.

Солнечный дискъ прятался въ туманѣ, выдѣляясь среди него только краснымъ кольцомъ. Темныя испаренія подымались надъ землею и поглощали солнце, которое медленно утопало въ ихъ глубинѣ, полной какой-то невыразимой грусти. Мучительное смятеніе и тревога вкрадывались въ душу, какъ будто этому святому, огненному шару не суждено ужъ было больше выйти изъ мрака. Жалостью и тоской обвѣяло

Юдыма. Онъ самъ не могъ понять, что съ нимъ. Взглядъ его случайно упалъ на больную...

Жалкая, худая, какъ скелетъ, сидѣла она въ одной рубахѣ на своей постели. Губы ея шептали слова молитвы, руки ея были сжаты, и тихія слезы катились изъ глазъ. Глаза эти устремлены были въ даль, въ солнце, что уходило куда-то далеко, въ невѣдомый міръ, въ мракъ безпросвѣтный, въ вѣчность. Первый разъ въ жизни заслушался Юдымъ такой тиши, тиши полей и лѣсовъ...

И вдругъ глубокое раздумье, въ которое онъ погрузился, нарушилъ пронзительный крикъ. Это старый павлинъ, что каждую ночь усаживался на крышу усадьбы, издалъ этотъ рѣзкій, дикій, суровый, желѣзный крикъ. Эхо его отдалось далеко за полями, утонувшими въ тишинѣ, за туманомъ, за лѣсомъ окрестнымъ. Больная вздрогнула, и рука ея встрѣтилась съ рукою доктора.

— Какъ я боюсь, докторъ...

— Чего, чего вы боитесь?

— Чего-то такого...

— Ну, ничего, ничего... Вотъ держите мою руку. Чего жъ тутъ бояться...

— Я такъ не люблю, когда этотъ старый павлинъ кричитъ. Мнѣ все кажется, что это не онъ, а...

— Ахъ, какъ же такъ можно, право?

Она опустила голову и, впившись широко раскрытыми горящими глазами въ лицо доктора, горячо зашептала:

— Докторъ, докторъ, сжальтесь надо мною, дайте мнѣ хоть немножко, немножечко еще пожить. Я жажду, я должна еще жить! Я хочу знать, что станется съ Олесемъ! Я хочу знать, что съ нимъ будетъ...

Юдымъ приподнялъ голову и увидѣлъ маленькую, худенькую фигурку мальчика. Онъ стоялъ у плетенаго забора и плакалъ, закрывъ лицо руками.

— Онъ такъ мнѣ дорогъ, этотъ единственный сынокъ мой... Онъ одинъ лишь любилъ меня... Дочки тоже, но онъ... Какъ-то, знаете, разъ тутъ наша кухарка пошла на ярмарку—вѣдь тутъ теперь всякъ себѣ дѣлаетъ, что ему только заблагоразсудится — такъ онъ, знаете, самъ взялъ, зарѣзалъ цыпленка, обчистилъ его и поджарилъ на вертелѣ для меня. Забылъ только посолить... Такъ я, знаете, всего цыпленка тогда съѣла и словечка ему не сказала, что безъ соли... Слезами я себѣ эти косточки посолила...

Солнце закатилось. Заря слабо горѣла на небѣ и не свѣтъ она сѣяла кругомъ, а тревогу.

— Такъ жаль — говорила больная — что господинъ Коржецкій не можетъ пріѣхать. Обѣщалъ онъ насъ навѣстить, а ужъ столько времени не былъ... Когда-то ужъ мы съ нимъ увидимся...

— Господинъ Коржецкій, — заговорилъ Олесь, — просилъ передать тебѣ, мама, что надѣется скоро съ тобой повидаться...

Юдымъ съѣлъ за ужиномъ массу цыплятъ, салату со сметаной; былъ уже вечеръ, когда онъ уѣхалъ.

Молчаливый кучеръ повезъ его той же дорогой обратно.

Было темно. Луна не свѣтила, только кое-гдѣ тихій свѣтъ свой разсѣевала одинокая звѣзда. Черный лѣсъ тонулъ во мракѣ, въ сыромъ туманѣ, что, словно вода, просачивался сквозь вѣтви деревъ.

Юдымъ весь ушелъ въ себя. Въ душѣ его одна за другою пробуждались мысли, словно дѣтки, что только что проснулись, подняли свои прелестныя головки и наивно лепечутъ, что имъ Богъ на душу положитъ.

Странныя мысли...

Ему казалось, что эта больная женщина, которой онъ ничѣмъ не могъ помочь, что она—самое близкое для него существо. Были минуты, когда ему чудилось, что это не она, что это онъ самъ лежитъ на этой постели, глядитъ на потухающее свѣтило, и уста его шепчутъ тихую молитву... Словно въ полуснѣ, заглядывалъ онъ въ жизнь этой женщины, и вся она проходила передъ нимъ, какъ на ладони.

Бричка вкатилась на полянку.

Ясный туманъ словно дремлющей рѣкой разлился надъ нею. Неподвижныя верхушки елей едва-едва отражались на темномъ фонѣ неба. Внизу стлался лѣсной, непроницаемый, каменный мракъ.

Юдымъ напрягъ свое зрѣніе и сталъ разыскивать тотъ бѣлый пень что онъ видѣлъ тутъ прежде—и вдругъ весь вздрогнулъ въ испугѣ. По лѣсу, издалека пронесся крикъ павлина.

Докторъ зажмурилъ глаза, съежился, сгорбился и дрожащими губами что-то зашепталъ про себя.

Глава XII.

Dajmonion.

Докторъ Юдымъ получилъ мѣсто фабричнаго врача и поселился по близости отъ каменноугольныхъ копей. Жизнь его вошла въ обычную колею труда. Коржецкій, жившій отъ него въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ, былъ его единственнымъ знакомымъ. Иногда по вечерамъ они пріѣзжали другъ къ другу и убивали время въ бесѣдахъ. Это было, однако, нездоровое общество. Коржецкій измучивалъ человѣка. Вмѣстѣ съ его появленіемъ въ комнату вкрадывалось что-то больное, что-то мрачное и мучительно скорбное.

Однажды, послѣ полудня—это было въ августѣ—Юдымъ получилъ письмо съ нарочнымъ. На какомъ-то клочкѣ канцелярской бумаги рукою Коржецкаго была написана цитата изъ Платоновой Апологіи Сократа:

«Во мнѣ иногда происходитъ что-то особенное, какъ будто ниспосланное свыше, не то отъ Бога, не то отъ божества какого-то... Слу-

чается это со мною еще съ ранняго дѣтства. Во мнѣ говоритъ какой-то внутренній голосъ, который, когда только я его слышу, всегда отвлекаетъ меня отъ того, что я въ данную минуту собираюсь сдѣлать, но самъ въ то же время меня ни къ чему не побуждаетъ...

«То, что случилось со мною въ настоящую минуту, не было дѣло случая; наоборотъ, для меня вполнѣ ясно, что умереть и освободить себя отъ житейскихъ треволненій—самое лучшее, что суждено мнѣ. И потому-то это Dajmonion, этотъ вѣщій голосъ ничего не сказалъ мнѣ противъ этого».

Юдымъ безъ особеннаго безпокойства прочиталъ эти строки. Онъ ужъ привыкъ къ странностямъ Коржецкаго и полагалъ, что передъ нимъ не что иное, какъ одна изъ выраженныхъ въ его духѣ формъ приглашенія.

Тѣмъ не менѣе, онъ тотчасъ потребовалъ лошадей.

Едва онъ выѣхалъ за ворота, какъ увидѣлъ какой-то экипажъ, во всю прыть, подымая столбы пыли, несшійся въ сторону его дома. Онъ думалъ, что это лошади понесли... Онъ велѣлъ своему кучеру остановиться и подождать.

Повозка, между тѣмъ, выѣхала на шоссе и помчалась во всю прыть. Когда она, какъ ураганъ, пронеслась мимо, Юдымъ успѣлъ замѣтить, что въ ней сидитъ только на козлахъ одинъ кучеръ. Онъ что-то кричалъ, чего разобрать нельзя было.

Только еще черезъ четверть версты ему удалось, наконецъ, задержать лошадей и повернуть. Пѣна кусками падала съ ихъ мордъ, коляска вся была въ пыли.

— Господинъ... инженеръ...—кричалъ кучеръ.

— Кто такой?

— Господинъ инженеръ!

— Коржецкій?

— Да, господинъ... Коржецкій.

Юдымъ вышелъ изъ своей повозки и инстинктивно вскочилъ въ другую. Лошади снова помчались, какъ ураганъ. Глядя на ихъ мокрыя спины, блестѣвшія въ бурой пыли, Юдымъ думалъ лишь о томъ, какъ пріятна такая ѣзда. Ему было хорошо, весело, лестно, что это именно за нимъ скакали такъ бѣшено. Онъ важно разсѣлся, вытянулъ ноги...

Прежде чѣмъ онъ успѣлъ оправиться, повозка уже остановилась передъ домомъ.

Люди какіе-то разбѣжались.

Кто-то на лѣстницѣ прижался къ стѣнѣ, чтобы пропустить его. Дверь въ квартиру была открыта настежь.

Во второй комнатѣ, на кушеткѣ, которая служила постелью для гостей, лежалъ Коржецкій, весь облитый кровью, съ раздробленнымъ черепомъ.

На мѣстѣ лѣвой части лба и на всей лѣвой щекѣ кровь лежала застывшею массой.

Юдымъ бросился къ этому тѣлу, но въ тотъ же мигъ понялъ, что передъ нимъ уже только трупъ. Сердце не билось. Растопыренные пальцы одной руки были тверды и черны, какъ будто желѣзные.

Докторъ закрылъ дверь и сѣлъ на стулъ, безсмысленно глядя передъ собою. Въ головѣ у него шумѣло и все раздавался топотъ копытъ, бѣшено стучавшихъ по твердымъ камнямъ.

Глаза лѣниво переходили съ предмета на предметъ.

Въ комнатѣ былъ безпорядокъ: все было разбросано, одежда валялась на полу. Вотъ незапертый ящикъ въ столѣ. Въ немъ большой анатомическій атласъ. Онъ раскрытъ былъ на страницѣ, гдѣ изображена была человѣческая голова.

Отъ задней части черепа до передней проведена была краснымъ карандашомъ толстая черта по направленію къ лѣвому глазу. Около нея были нѣсколько разъ написаны какія-то цифры и буквы.

Юдымъ откинулъ отъ себя карту и усѣлся въ углу, образованномъ чѣмъ-то вродѣ ниши между двумя шкафами.

Онъ столько ужъ разъ видѣлъ смерть, столько разъ изслѣдовалъ ее, какъ явленіе... Но сегодня въ первый разъ въ жизни она предстала предъ нимъ, какъ что-то особенное, во всемъ своемъ глубокомъ трагическомъ смыслѣ. И онъ склонялся предъ нею... А красная линія, снабженная у конца своего стрѣлкой, казалось, все приближалась, и, странно, она напоминала ту свѣтлую стрѣлку, что Юдымъ видѣлъ на водѣ въ провалѣ ту ночь, когда съ Коржецкимъ возвращался отъ Калиновича. Таинственная дрожь пробѣгала по всему его тѣлу, точно вотъ-вотъ страшный часъ его долженъ былъ пробить.

Въ то время, какъ онъ сидѣлъ такъ, погруженный въ глубокую задумчивость, дверь вдругъ тихо отворилась и кто-то вошелъ.

Это былъ высокій блондинъ, съ большими свѣтло-голубыми глазами.

Юдымъ узналъ его.

Человѣкъ этотъ быстро прошелъ въ комнату, гдѣ лежалъ покойный, совсѣмъ не замѣчая Юдыма.

Глаза его съ какимъ-то дѣтскимъ изумленіемъ обратились на бездушное тѣло. Какой-то шопотъ сорвался съ поблѣднѣвшихъ губъ. Онъ нагнулся надъ мертвецомъ, осторожно и нѣжно подложилъ свои руки съ обѣихъ сторонъ подъ безжизненную голову и приподнялъ ее, точно этимъ движеніемъ хотѣлъ оживить покойника.

Потомъ онъ взялъ его лѣвую руку и силился разнять сжатый кулакъ, выпрямить пальцы. Но помертвѣлые члены не поддавались, и онъ дулъ на нихъ—пытался согрѣть ихъ своимъ дыханіемъ. Дѣтски-наивными, безсмысленными движеніями онъ поправлялъ волосы на головѣ покойнаго, застегивалъ пуговицы его сюртука... Долго еще такъ возился онъ, пока, наконецъ, не остановился въ неподвижности.

Дрожащей рукою отеръ онъ свой лобъ...

Юдымъ проникъ въ глубь его души: она въ этотъ моментъ уразумѣла тайну смерти.

Незнакомецъ сѣлъ у ногъ Коржецкаго и широко раскрытыми глазами глядѣлъ на него.

Сдержанные хриплые стоны высоко подымали его грудь; съ судорожно искаженныхъ устъ срывались какія-то краткія, прерывистыя слова...

Глава XIII.

Разбитая сосна.

Рано утромъ, въ восьмомъ часу Юдымъ шелъ пѣшкомъ на вокзалъ. Былъ одинъ изъ первыхъ дней сентября. Солнце еще ласкало землю и окутывало свѣтлымъ плащомъ своимъ черные, угрюмые дома.

Наконецъ, Юдымъ получилъ письмо отъ Іоаси съ извѣщеніемъ о ея пріѣздѣ. Она ѣхала съ бабушкой и Вандой въ Дрезденъ, гдѣ они должны были встрѣтиться съ Карбовскими. Бабушка думала еще два дня провести въ Ченстоховѣ, а она, панна Іоася, имѣла въ своемъ распоряженіи одинъ день, который она желала посвятить тому, чтобы навѣстить кузину, жившую въ одной изъ мѣстностей Заглембья. Она писала ему, что на вокзалѣ желала бы увидѣть лицо кузины, что она хотѣла бы весь этотъ день «дорогой» провести въ осмотрѣ фабрикъ и различныхъ достопримѣчательностей.

Въ письмѣ еще толстой чертой было подчеркнуто то мѣсто, гдѣ она выражала свое рѣшеніе ни къ кому не заходить. Читая эти слова, Юдымъ испытывалъ странное впечатлѣніе, будто буквы эти кровью облиты и корчатся отъ боли... Онъ шелъ на вокзалъ, думая въ сущности, лишь о томъ, что было выражено въ этомъ желаніи. Свистъ локомотивовъ на станціи сжималъ ему сердце.

— Ахъ, если бы хоть не сегодня, если бы только не сегодня... Если бы ужъ это хоть прошло...—шептали его блѣдныя губы.

На вокзалѣ онъ засталъ уже нѣсколько человѣкъ, которые привѣтствовали его поклономъ. И это совершенно лишило его всякаго самообладанія.

Вдали послышался сигналъ, возвѣщающій о приходѣ поѣзда и вскорѣ длинный рядъ вагоновъ, изгибаясь, какъ змѣя, остановился у платформы. Въ одномъ изъ оконъ докторъ увидѣлъ Іоасю. Она была въ скромной дорожной шапочкѣ и въ сѣромъ платьѣ. Когда она, сіяющая, очаровательная, какъ улыбка счастья, чудно прекрасная, сходила къ нему со ступенекъ вагона, Юдымъ весь трепеталъ. Ему казалось, что онъ сейчасъ умретъ у ея ногъ отъ муки...

Въ первую минуту они не могли произнести ни слова. Даже пожатіе рукъ показалось имъ чѣмъ-то страннымъ, а то, что они были вмѣстѣ и могли разговаривать безъ свидѣтелей, просто чѣмъ-то поразительно невѣроятнымъ. Юдымъ наслаждался прикосновеніемъ къ рукѣ его нѣжной, гладкой, согрѣтой перчатки. Какъ дорогое сокровище, онъ

незамѣтно прижалъ эту руку къ груди, какъ будто бы для того, чтобы поправить отворотъ сюртука, и повѣрилъ эту ласку сердца, въ которомъ таилась змѣя... Выйдя съ вокзала, они пошли по широкой улицѣ, по грязной мостовой, разговаривая о постороннихъ вещахъ. Іоася должна была смотрѣть за своимъ платьемъ.

Порою она поднимала свои сіяющіе глаза, и едва замѣтное выраженіе досады за такой холодный пріемъ появлялось тогда на ея свѣтломъ лицѣ.

Юдымъ замѣтилъ и это.

— Вы будете такъ любезны показать мнѣ здѣшнія фабрики?—кокетливо спросила она.

— Съ большимъ удовольствіемъ... Мы туда и идемъ...

Легкая блѣдность пробѣжала по ея лицу, когда она увидѣла, какъ скоро онъ согласился на этотъ осмотръ фабрикъ и даже не запротестовалъ противъ этого «вы».

Они вошли на фабричный дворъ.

Цѣлый лѣсъ машинъ и всевозможныхъ станковъ окружилъ ихъ.

Тутъ, въ открытыхъ помѣщеніяхъ, золотыми змѣйками извивались проволоки, тамъ ярко пылали мартеновскія печи, а тамъ бѣлыв стальныя полосы стенали подъ ударами тяжелыхъ паровыхъ молотовъ.

Кучи угля, финифти, массы рельсъ, чугунныхъ плитъ заграждали имъ дорогу. У Юдыма уже имѣлось разрѣшеніе осмотрѣть всѣ работы, и даже одному изъ спеціалистовъ техниковъ поручено было проводить его съ «кузиной» и показать имъ все, что было интереснаго. Техникъ вскорѣ къ нимъ присосѣдился, очевидно, гораздо болѣе расположенный сопровождать «кузину», хотя бы даже въ обществѣ доктора, чѣмъ корпѣть надъ какимъ-то чертежомъ въ конторѣ.

Пошли они, значитъ, втроемъ. Техникъ былъ молодой человѣчекъ съ изысканными манерами. Наружность «кузины», очевидно, вызывала въ немъ нѣкоторую разсѣянность и вводила нескладность въ тѣ объясненія, которыя онъ старался давать своимъ спутникамъ относительно того, какой процентъ желѣза содержится въ мѣстной рудѣ и въ различныхъ видахъ привозимой. Они взобрались по ступенькамъ на большой горнъ.

Тамъ они увидѣли каскадъ, охлаждающій раскаленныя стѣны, трубу, которая вводитъ внутрь его горячій воздухъ и которая, кажется, какъ будто дышитъ, какъ аорта.

Іоася не могла наглядѣться на тонкую струйку шлака, хоторая, какъ кровь, брызгала изъ верхняго отверстія. Какъ разъ при нихъ пробили горнъ, и огненная рѣка хлынула на землю. Чудныя искры стрѣляли во всѣ стороны изъ этого золотого потока. Волны его послушно плыли къ своимъ русламъ, которыя открывали передъ ними длинными ломами черные люди въ сѣткахъ на лицѣ. Яркое зарево еще стояло надъ этимъ огненнымъ озеромъ, когда они волей-неволей уходили оттуда, чтобы посмотрѣть другое.

Ихъ ввели въ залъ, гдѣ помѣщались машины, предназначенныя для накачиванія нагрѣтаго воздуха. Исполинскія колеса, въ нѣсколько метровъ въ діаметрѣ, до половины вкопанныя въ землю, тихо, безшумно, въ какомъ-то молчаливомъ величіи, вертѣлись на своихъ мѣстахъ. Въ цилиндрахъ, блестѣвшихъ, какъ серебро, что-то безустанно чмокало, точно огромныя губы грязнаго чудовища хлебали какое-то питье. Изъ другого мѣста вырывались какіе-то неестественные звуки...

Это былъ словно какой-то демонскій хохотъ. Сердце Іоаси тревожно забилось. Ей казалось, что голосъ этотъ относится къ ней, что открылъ онъ ея радостныя мечты о счастьи, ея тихую любовь. Она взглянула на Юдыма, ища въ его глазахъ опроверженія, но дорогое лицо это было холодно и мертво...

Они осмотрѣли мартеновскія печи, которыя производятъ сталь, отливаемую въ чанахъ на полосы. Оттуда она переходитъ въ плющильню, гдѣ ее снова вбрасываютъ въ пасть печи, пока она не накалится до-бѣла.

Въ огромныхъ строеніяхъ, выложенныхъ желѣзными плитами, всѣ ворота открыты были настежь.

Сквозные вѣтры дули со всѣхъ сторонъ, охлаждая головы, руки и спины, разгоряченныя отъ страшнаго жара. Тамъ нѣтъ мѣста для больныхъ легкихъ, тамъ нѣтъ нервовъ. Кто боленъ, тотъ умираетъ.

Какъ огненный шаръ, мчится на ручной тележкѣ бѣлая балка. Тѣхъ людей, что ее двигаютъ, не видать. Она падаетъ на рѣшетку, которая выходитъ съ полу, точно на какую-то огромную спину въ нѣсколько метровъ длины, выгибающуюся точь-въ-точь, какъ позвоночный столбъ и, какъ будто изъ позвонковъ, составленную изъ продолговатыхъ колесъ.

Четыре черныхъ исполина съ одной и четыре съ другой стороны плющильныхъ цилиндровъ, съ лицами въ сѣткахъ, держа въ рукахъ длинные клещи, хватаютъ ими балку и сильно проталкиваютъ ее въ широко раскрытые нижніе цилиндры. Какъ глыба масла, скользитъ въ нихъ сталь. А съ той стороны ее уже поджидаетъ рѣшетка, выдвинувшаяся изъ земли. А движенія людей плавны, стройны и ловки, какъ пляска.

Когда бѣлая полоса, сдавленная и выгнутая, вновь появляется передъ ними, они хватаютъ ее своими длинными руками и толкаютъ въ верхніе цилиндры.

Она выплываетъ съ другой стороны, въ два раза тоньше, чѣмъ прежде, а тамъ уже ждутъ ее четверо. Они подходятъ къ ней увѣренно, смѣло, словно машины желѣзныя—разъ,—два,—три,—четыре...

Они вытягиваютъ длинныя руки, вооруженныя желѣзными клещами, схватятъ, ударятъ и вновь оттолкнутъ, раскаленныя клещи въ воду омочатъ, схватятъ другія и ждутъ.

Бѣлая лента, все длиннѣе, все длиннѣе, словно безконечная огнен-

ная струя, плыветъ то вверху, то внизу, то тутъ, то тамъ... Кажется, она быстро убѣгаетъ, какъ сказочный змѣй, котораго преслѣдуютъ злыя дѣти. Притаится въ щели и томитъ ожиданіемъ.

Рѣшетки звенятъ и дрожатъ. То онѣ двинутся вверхъ, до уровня щели между верхними цилиндрами, то спустятся къ самому низу.

Высоко, неподвижно и молча стоитъ человѣкъ, что ворочаетъ рукоятку, сжимающую цилиндры.

По землѣ вьются стальныя змѣи.

Бѣлый отрѣзокъ раскаленной полосы, введенный въ узкую щель, ежеминутно выбѣгаетъ въ пространство, стремясь туда, гдѣ все уже и уже. Тамъ стоятъ молодые рабочіе съ короткими щипцами — змѣй только высунетъ свою голову, они вмигъ хватаютъ его и тащутъ по залѣ. И только когда хвостъ застучитъ по землѣ, они направляютъ его къ другой щели. Сталь мчится съ бѣшеной быстротой. Хвостъ, исчезая въ щели, извивается вправо и влѣво, точно живой...

Стукъ оглушительный...

Стальная балка падаетъ на наковальню.

Неподвижный паровой молотъ, прямымъ и быстрымъ, какъ молнія движеніемъ ударяетъ въ нее. Балка сплющивается и принимаетъ форму плоскаго круга. Тогда въ середину его вставляютъ приборъ, который долженъ пробить въ немъ совершенно круглое отверстіе Ударъ за ударомъ, съ бѣшеной силой падаетъ молотъ. Могучій ревъ его оглашаетъ пространство... Ему вторятъ дикіе стоны желѣза... Это стонетъ въ нихъ гнѣвъ копей, побѣжденныхъ сильной рукой человѣка. Кругъ съ пробитымъ отверстіемъ будетъ колесомъ локомотива. Добытое изъ глубины земли, какъ кусокъ желтой глины, оно пойдетъ теперь по свѣту разносить счастье и отчаяніе, насиліе и братство, зло и добро.

Но прежде чѣмъ стать на рельсы, оно еще борется съ своимъ покорителемъ. Оно ему глаза выѣдаетъ, потомъ заливаетъ лицо, жаромъ пышетъ ему въ легкія и въ сердце, подставленныя подъ рѣзкіе сквозные вѣтры, нервы терзаетъ ему въ тотъ самый моментъ, когда тяжелый молотъ терзаетъ и разбиваетъ его частицы...

Сняли его съ наковальни, посадили на искривленныя вилы и отодвинули въ сторону. Тогда подошло къ нему двое людей: одинъ съ острымъ молоткомъ, въ родѣ того, какой употребляютъ карпатскіе горцы, другой съ молотомъ на длинномъ молотовищѣ. Первый приставилъ свой молотокъ острымъ концомъ къ выступающему краю колеса, а второй сталъ своимъ молотомъ ударять по обуху. Ни одного промаха... Слышенъ былъ сухой лязгъ желѣза о желѣзо... Іоасѣ почудилось, будто это пѣніе чье-то. Часто въ костелѣ, послѣ громовыхъ раскатовъ органа, раздается чье-нибудь робкое, тревожное пѣніе... Остывающе колесо пошло дальше въ путь свой.

Юдымъ наклонился къ своей спутницѣ и спросилъ:

— Вы хорошо видите, какъ работаютъ эти люди?

— Вижу...—отвѣтила она тономъ, въ которомъ слышалось изумленіе.

— Да, да... присмотритесь къ нимъ хорошенько...

Больше они ужъ ничего не говорили между собой, ни въ помѣщеніяхъ, ни на огромныхъ дворахъ, заваленныхъ цѣлыми горами песку, угольной пыли и мусора. Вѣтеръ подхватывалъ и разносилъ съ мѣста на мѣсто всѣ эти пылинки.

Когда они простились съ любезнымъ менторомъ, вышли изъ фабрики и оставили далеко за собой ея стѣны, они пошли за городъ. Время близилось къ полудню.

Дома у дороги и ея каналовъ, зараженныхъ стоками воды изъ фабрикъ, становились все меньшими и все болѣе жалкими. На краю города, вдоль дороги тянулись совсѣмъ какія-то полуразвалившіяся лачужки. Почва тутъ была болотистая. Вокругъ виднѣлись мокрыя пастбища, на черномъ днѣ которыхъ плѣсневѣла и гнила отвратительная вода. Нѣсколько выше тянулись глинянки, наполненныя дождевой водой.

Кое-гдѣ еще торчали сосны, жалкіе остатки вырубленнаго лѣса. Юдымъ заходилъ съ Іоасей на вонючіе дворики домовъ, безъ спросу открывалъ дверь и глазами указывалъ ей на людей. Это были дѣти рабочихъ съ фабрикъ, жалкіе выродки человѣческіе, преждевременные старцы съ мертвенными лицами, на которыхъ написаны были вопіющія страданія. Грязныя, скверныя, злыя бабы глядѣли на нихъ, думая, быть можетъ, что это смерть, наконецъ, пришла за ними...

Такъ шли они отъ дома къ дому...

И прежде еще, чѣмъ они выбрались оттуда, Юдымъ, не поднимая глазъ, обратился къ Іоасѣ:

— Гдѣ будемъ мы жить съ тобой?—спросилъ онъ.

Она долга не отвѣчала. Въ глазахъ ея только свѣтъ какой-то разгорался.

— Здѣсь-ли?—шепталъ онъ, что-то чертя на пескѣ.

— Гдѣ ты захочешь...

— Но ты захотѣла бы здѣсь?

— Да.

— Почему?

— Я хотѣла бы помогать тебѣ работать.

— Мнѣ... работать...

— Ты думаешь теперь: «Что мнѣ и тебѣ, женщина»... Правда?

Юдымъ бросилъ на нее страшный взглядъ и тихимъ, вялымъ голосомъ произнесъ:

— Откуда жъ ты эти слова...

— Мы тутъ устроимъ больницу, какъ въ Цисахъ. Ахъ, Боже мой! Это будетъ что-то совсѣмъ другое. Я буду у тебя фельдшерицей...

— Хорошо... Но съумѣешь-ли ты вести хозяйство въ домѣ?.. Въ домѣ?

— Ого! Я не теряла времени даромъ. Я все это время вставала каждый день ранехонько, и ходила къ экономкѣ учиться стирать, гладить, варить...

— Варенья...

— Да и какія еще! Еслибъ ты только зналъ, какія!..

— Правда?

— Разумѣется, правда. Я уже все обдумался, все, все, все, какъ будетъ у насъ въ домѣ...

— Въ домѣ?

— Да, въ нашемъ собственномъ домѣ... Ты не думай, что я мечтаю о большой квартирѣ или о какой-нибудь особенной обстановкѣ. О, ничуть! Я не терплю роскошной мебели, всякихъ этихъ полировокъ да лакировокъ. Занавѣсы, ковры—какъ все это гадко! Постой, я сейчасъ скажу тебѣ..·

— Іоася, милая...

— Нѣтъ, ты постой... Мы съ тобой все, или почти все, что другіе тратятъ на лишнее, будемъ отдавать въ пользу этихъ людей. Ты не знаешь, сколько счастья... А то, что у тебя останется, ты дашь своей женѣ, и ты увидишь, что она сдѣлаетъ.

— Что же такое она сдѣлаетъ?

— Ты и оглянуться не успѣешь, какъ наша квартирка полна будетъ простой, незатѣйливой мебели, какъ у самыхъ бѣдныхъ людей, но за то такой прелестной, какъ ни у кого. Мы тутъ создадимъ новый источникъ красоты, красоты еще никому невѣдомой, которая еще не проснулась, какъ спящая красавица. Это будутъ простые сосновые стулья, лавки, столы. Мы ихъ покроемъ простымъ холстомъ...

— Да, да...

— Коврикъ для сѣней, сшитый изъ кусочковъ ненужной матеріи, не менѣе милъ, чѣмъ персидскій коверъ. Стѣны выложенныя еловыми досками, чудно-хороши...

— Ты права!—воскликнулъ Юдымъ, широко раскрытыми глазами глядя на ея сіяющее счастьемъ лицо—это такъ, несомнѣнно. Я тоже такъ думалъ. Человѣкъ точно такъ же привязывается, долженъ привязаться къ простому холсту, какъ къ гобеленамъ, къ лавкѣ, какъ къ купеткѣ, къ картинкѣ, вырѣзанной изъ журнала, какъ къ самой дорогой картинѣ.

— Мы все это полюбимъ, потому что это будетъ наше, наше собственное, добытое кровнымъ трудомъ, безъ вреда для кого бы то ни было. О, какъ привѣтливо будутъ смотрѣть на все это тѣ, что съ любовью къ тебѣ будутъ оставлять домъ нашъ. Всѣ тѣ, кого ты исцѣлишь, кому возвратишь здоровье и силы, добрый врачъ... Добрый врачъ...—съ какимъ-то благоговѣніемъ шептала она.

— Правда, правда, какъ ты все знаешъ, какъ ты все понимаешь отлично! Все это полюблю я, потому что все это исходить будетъ отъ

тебя, отъ чистыхъ рукъ твоихъ. Все это станетъ для меня частью меня самого, какъ рука моя, какъ нога, какъ, можетъ быть, даже голова, какъ сердце даже. И еслибъ пришлось все это покинуть, отбросить однимъ взмахомъ...

— Гость ли придетъ къ намъ или паціентъ, онъ самъ удивится, какъ это такъ счастливо живутъ эти люди, хоть у нихъ и не такъ, какъ у другихъ. Просто, чисто, уютно повсюду, полевые цвѣты на окошкѣ въ глиняныхъ вазонахъ... На что намъ холодный блескъ всѣхъ этихъ изысканныхъ фабричныхъ издѣлій? На что намъ наряды, экипажи? Помню, для меня не было высшаго наслажденія, какъ когда отецъ забиралъ меня съ собою на простую телѣжку безъ рессоръ и мы съ нимъ уѣзжали въ лѣсъ, по дорогѣ, полной торчащихъ корней, прорѣзанной оврагами. Никакія рессоры не будутъ такъ превосходно сгибаться, какъ дубовая «литерка», выстроганная плотникомъ. Ахъ, какъ давно нѣтъ у меня родного гнѣзда! Да никогда почти его у меня и не было. Я была только въ пятомъ классѣ, когда умеръ отецъ. Мамы не помню почти совсѣмъ... У всѣхъ есть свой очагъ, есть кровъ свой. Птичка маленькая—и та... И какъ подумаю я, что вотъ-вотъ ужъ и я перестану мыкаться по чужимъ...

— А что же станется съ этими лачугами, что мы съ тобой сейчасъ видѣли? — спросилъ Юдымъ какимъ то зловѣщимъ, скрежещущимъ голосомъ.

Она остановилась, пораженная и недоумѣвающая. Онъ смотрѣлъ на нее, но онъ ея не видѣлъ. Глаза его какъ будто заволоклись чѣмъ то и глядѣли какъ то косо.

— Что мы сдѣлаемъ съ ними?—спрашивалъ онъ продолжая стоять на томъ же мѣстѣ.

— Съ кѣмъ?

— Да съ ними! Съ тѣми, что живутъ въ этихъ лачугахъ!

— Я тебя не понимаю...

— Я долженъ разрушить эти ужасныя норы. Я не стану спокойно глядѣть, какъ живутъ и умираютъ эти люди, дышущіе зараженнымъ воздухомъ. Полевые цвѣты въ горшкахъ на окошкѣ—это такъ... Это хорошо... Но можно ли, можно?..

Она взяла его за руку: какое то ужасное предчувствіе медленно, какъ холодная сталь, врѣзывалось ей въ душу. Онъ вырвалъ у нея руку и рѣзкимъ, оскорбительнымъ голосомъ, глядя передъ собою, заговорилъ:

— Я долженъ тебѣ все сказать, хотя для меня это хуже смерти. О, лучше бы я умеръ, какъ Коржецкій...

— Коржецкій?

— О, еслибъ я могъ тебѣ выразить это! Я такъ тебя люблю! Я никогда не могъ себѣ представить, чтобы съ человѣкомъ могло случиться что-нибудь подобное... Твоя улыбка, которая проникаетъ въ

душу, какъ будто снимаетъ съ нея завѣсу. Твои чудные, черные, пушистые волосы... Ночью я просыпаюсь и, уже на яву, вижу тебя, чувствую тебя близко-близко около себя. Проходитъ долгая-долгая, святая минута—и я убѣждаюсь, что нѣтъ никого... А съ той поры, какъ я пріѣхалъ сюда, какъ я увидѣлъ эту жизнь, какой то огонь загорѣлся во мнѣ. Онъ пожираетъ меня! И не знаю я, что это такъ пылаетъ во мнѣ, что сожигаетъ меня, не знаю, не знаю...

— Боже мой...

— Видишь ли, дитя...

— Боже, Боже, что за лицо у тебя!..

— Видишь ли... Я—изъ простого народа, изъ черни послѣдней. Ты не знаешь, ты знать не можешъ, что такое чернь. Ты даже представить себѣ не можешь, что заложено въ душѣ ея. Ты—человѣкъ другой касты... Кто самъ съ нею выросъ, кто самъ все пережилъ, все знаетъ... Тутъ люди умираютъ въ тридцать лѣтъ, потому что въ этомъ возрастѣ они уже старики. Ихъ дѣти растутъ идіотами.

— Но при чемъ же мы тутъ?

— Вѣдь на мнѣ лежитъ отвѣтственность за все это! На мнѣ!

— На тебѣ... отвѣтственность?

— Да! Я отвѣтственъ предъ моею совѣстью, которая говоритъ мнѣ: ты не имѣешь права! Если я, врачъ, этого не сдѣлаю, то кто же сдѣлаетъ?.. Этого никто...

— Только ты одинъ?

— Я получилъ все, чего можетъ требовать человѣкъ. Я долженъ отдать то, что взялъ. Этотъ долгъ проклятый... Ни отца, ни матери, ни жены, ни одного существа, которое я могъ бы съ любовью прижать къ своему сердцу, не долженъ я, не смѣю имѣть, прежде чѣмъ съ лица земли не исчезнутъ эти отвратительныя, душу давящія, логовища. Я долженъ отказаться отъ счастья. Я долженъ быть одинъ, самъ-другъ. Чтобы никого не было около, чтобы никто меня не связывалъ!

Іоася застыла на мѣстѣ. Рѣсницы ея были низко спущены, лицо покрылось мертвенной блѣдностью. Она быстро дышала.

— Я не свяжу тебя...—тихо сорвалось съ ея губъ.

Жгучій стыдъ и боль зазвучали въ этихъ словахъ. Казалось, когда она это говорила, вотъ-вотъ изъ жилъ ея брызнетъ горячая кровь.

— Ты меня не свяжешь—промолвилъ Юдымъ—но я самъ не въ силахъ буду уйти отъ тебя. Засохшее было сѣмя выскочки вновь пуститъ свои ростки. О, я знаю себя. А впрочемъ... все равно уже нечего говорить...

Она вся вздрогнула, какъ будто отъ удара. Они молча шли другъ подлѣ друга, далеко, далеко...

Мимо нихъ проѣзжали телѣги съ цинковой рудой, различныя брички, повозки... Много людей проходило... Они ничего не замѣчали. Такъ дошли они по дорогѣ до лѣса. Тамъ они усѣлись подъ деревомъ.

Іоася чувствовала, что Юдымъ прижался къ ней, видѣла его голову, свѣсившуюся на грудь. Она не въ силахъ была пошевельнуть рукой. Она сидѣла неподвижно, какъ будто погруженная въ глубокій сонъ: это было то состояніе, когда душа полна невыразимыхъ страданій, а ты не въ силахъ издать ни одного вздоха.

Прошло нѣсколько времени. И вотъ Юдымъ услышалъ ея тихій, горькій, сиротливый плачъ.

Онъ не поднялъ головы.

Прошло еще, Богъ вѣсть, сколько времени.

— Помоги тебѣ Богъ! — тихо прошептала она, наконецъ, сквозь слезы.

Онъ не въ силахъ былъ самъ отвѣтить, но какой-то посторонній голосъ, какъ будто тотъ Даймоніонъ, о которомъ писалъ ему передъ смертью Коржецкій, произнесъ изъ глубины души его:

— Дай Богъ...

Іоася поднялась.

На мгновеніе передъ его полузакрытыми глазами мелькнуло ея искаженное страданіемъ лицо: оно похоже было на посмертную гипсовую маску.

Черезъ мгновеніе онъ совсѣмъ потерялъ ее изъ виду.

Она ушла по шоссе по направленію къ городу, къ вокзалу...

Онъ долго еще сидѣлъ тамъ одинъ. Когда онъ еще разъ взглянулъ на дорогу, на ней никого уже не было видно. Одинъ только вѣтеръ проносился по ней, подымая известковую пыль. И пыль, разметаясь во всѣ стороны, какъ будто насмѣхалась надъ нимъ...

Юдымъ убѣжалъ.

Онъ пошелъ по окраинѣ лѣса, потомъ черезъ болотистыя пастбища, шелъ, куда глаза глядятъ. Такъ блуждалъ онъ весь день. Былъ уже вечеръ, когда онъ очутился въ полѣ и увидалъ предъ собою копи.

Страшная ненависть и высокомѣрное презрѣніе, какъ пасть съ огромными клыками, раскрылась въ душѣ его. Онъ пошелъ дальше.

Черезъ нѣсколько времени, онъ увидалъ предъ собою обширное пространство, залитое водой. Заросшее кругомъ низкой, жалкой, пожелтѣлой травой, кисло тамъ это черное озеро смерти, отъ времени до времени подергиваясь мелкими волнами. Темныя воды надъ бездной копей, казалось, дремали и грезили, казалось, ждали той минуты, когда они ринутся внизъ, въ глубину, когда наполнятъ пустыя ямы, эти соблазнительныя бездны, которыя ихъ тянутъ, зовутъ, манятъ въ себя.

Юдымъ узналъ эту воду. Да, это она! Онъ ужъ разъ ее видѣлъ здѣсь ночью. Ночью тогда... Онъ искалъ на ней тотъ свѣтлый знакъ, ту длинную, двигающуюся стрѣлку, что видѣлъ тогда, что пронизываетъ, какъ дамасская сталь. И что-то острое вонзилось въ его грудь.

Далеко, далеко за лѣсами рыдалъ свистокъ локомотива, словно какое-то таинственное слово, въ которомъ таится смыслъ жизни.

У самыхъ ногъ Юдыма былъ широкій, сухой провалъ, имѣвшій видъ воронки, обращенной узкимъ концомъ кверху. Въ глубинѣ земли, подъ нимъ были когда-то галлереи копей. Слои песчаника и глинозема, вслѣдствіе «хищенія» крѣпи, поддерживающей сводъ прохода, оборвались отъ собственной тяжести и, падая, своими обломками наполнили пустыя пространства между слоями угля. Наружная земля сдвинулась въ пропасть вмѣстѣ съ травою, съ кустами, съ деревьями и образовала яму, глубиной метровъ въ двадцать.

На мѣстѣ разрыва видны были сѣрыя и свѣтло-желтыя полосы песку. Вокругъ стояли низенькія, жалкія сосны.

Одна изъ нихъ росла на самомъ краю провала. Обвалившаяся земля потянула за собою ея правый корень, а лѣвый остался наверху на твердой почвѣ. Такъ дѣянія копей ее разодрали надвое. Стволъ ея одной половиной своей тянулся кверху, а другою шелъ внизъ, параллельно съ проваломъ, точно человѣкъ, котораго посадили на колъ. Та часть ствола, что провалилась внизъ вмѣстѣ съ глыбами земли, выглядѣла, какъ судорожно напряженное тѣло, которое предали пыткѣ. Верхніе корни, какъ когти, вонзились въ землю и держались за нее изо всей силы.

Юдымъ спустился въ провалъ, чтобы никто его не видѣлъ, и навзничь бросился на дно его. Подъ нимъ, въ глубинѣ земли, время отъ времени, раздавался трескъ динамитныхъ взрывовъ. Надъ нимъ, по лазурному небу плыли облака.

— Святыя, ясныя, алой зарей облитыя облака...

А надъ его изголовьемъ стояла разбитая сосна.

Онъ снизу видѣлъ ея растерзанный пень, истекавшій, какъ кровью, каплями смолы. И долго, долго, безъ устали глядѣлъ онъ на него.

Онъ видѣлъ, казалось ему, какъ каждое волокно, каждая клѣточка, каждая жилка изорванной коры подергивается въ мучительныхъ страданіяхъ. А вокругъ онъ слышалъ тихій, горькій, сиротливый плачъ. И не зналъ только, кто это плачетъ...

Іоася ли? Могильныя ли подземелья копей?

Сосна ли разбитая?

Конецъ.

ИЗЪ Ф. ВЕБЕРА.

Покинутая.

Погасло пламя очага,
Въ углу сверчокъ поетъ тоскливо...
Какъ ночь долга, о, какъ долга!
Листы въ саду шумятъ пугливо,
Въ рукѣ жужжитъ веретено,
А въ думахъ—все одно, одно...

Родная грусть мою дѣлила,
Теперь взяла ее могила,
Отецъ мой добръ, но нравомъ крутъ.
Онъ зналъ одно—тяжелый трудъ.
И отъ него я слезы прячу,
    И тихо плачу, плачу...

А тотъ, кто взялъ любовь мою—
Четвертый годъ въ чужомъ краю.
Что̀ увлекло его въ чужбину?
Что̀ держитъ въ дальней сторонѣ?
Провѣдай онъ мою кручину—
Онъ пожалѣлъ бы обо мнѣ.

Меня забылъ онъ? Боже правый,
Не въ силахъ я его проклясть!
Жестокъ и злобенъ міръ лукавый.
О, еслибъ мнѣ на саванъ прясть!
    Я бѣлый холстъ омою
    Горючею слезою.

Проходитъ сторожъ по селу,
Мерцаетъ лампа, вѣтеръ злится,
Сверчокъ сквозь сонъ звенитъ въ углу,
Настала ночь, но мнѣ не спится.
Въ рукѣ жужжитъ веретено,
А въ думахъ—все одно, одно...

О. Чюмина.

ВОСКРЕСШІЕ БОГИ.

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ.

РОМАНЪ.

(*Окончаніе* *).

СЕМНАДЦАТАЯ ГЛАВА.

Смерть. — Крылатый Предтеча.

1516—1519.

Φέρεις πτέρυγας ὡς ἰσωθεὶς ἀγγέλοις.
Имѣешь крылья ты, подобный ангеламъ.
Надпись на иконѣ Іоанна Предтечи.

Будутъ крылья.
Леонардо да Винчи.

I.

Въ серединѣ Франціи, надъ рѣкою Луарою, находился королевскій замокъ Амбуазъ. Вечеромъ, когда закатъ угасалъ, отражаясь въ пустынной рѣкѣ—желтовато-бѣлый, какъ сливки, туренскій камень, изъ котораго построенъ былъ замокъ, озаряясь блѣдно-зеленымъ, точно подводнымъ, свѣтомъ зари, казался призрачно легкимъ, воздушнымъ, какъ облако.

Съ угловой башни открывался видъ на заповѣдный дубовый лѣсъ, на луга и нивы по обоимъ берегамъ Луары, гдѣ весною поля алыхъ маковъ сливались съ полями лазурнаго льняного цвѣта. Эта равнина, подернутая влажною дымкою, съ рядами темныхъ тополей и серебристыхъ ивъ, напоминала равнину Ломбардіи, такъ же, какъ зеленыя воды Луары напоминали Адду, только та была горная, бурная, юная, а эта—тихая, медленная, съ мелями, словно усталая, старая.

У подножія замка тѣснились острыя кровли Амбуаза, крытыя аспидными плитками, черными, гладкими, блестѣвшими на солнцѣ,—

*) См. «Міръ Божій», № 11, ноябрь.

съ высокими кирпичными трубами. Въ извилистыхъ улицахъ, тѣсныхъ и темныхъ, все дышало средними вѣками; подъ карнизами, водосточными трубами, въ углахъ оконъ, дверныхъ косяковъ и притолокъ, лѣпились маленькія человѣческія изваянія изъ того же сливочно-бѣлаго камня, какъ замокъ,—портреты смѣющихся толстыхъ монаховъ съ флягами, четками, съ поджатыми ногами въ деревянныхъ башмакахъ, судейскихъ клерковъ, важныхъ докторовъ богословія въ наплечникахъ, озабоченныхъ и скопидомныхъ горожанъ, съ туго набитыми мошнами, прижатыми къ груди. Точно такія же лица, какъ въ этихъ изваяніяхъ, мелькали по улицамъ города: все здѣсь было мѣщански-зажиточно, опрятно, скупо-разсчетливо, холодно и набожно.

Когда король пріѣзжалъ въ Амбуазъ для охоты, городокъ оживлялся: улицы оглашались лаемъ собакъ, топотомъ коней, звукомъ роговъ; пестрѣли наряды придворныхъ; по ночамъ изъ дворца слышалась музыка, и бѣлыя, словно облачныя, стѣны замка озарялись краснымъ блескомъ факеловъ.

Но король уѣзжалъ—и снова городокъ погружался въ безмолвіе; только по воскреснымъ днямъ шли къ обѣднѣ горожанки въ бѣлыхъ чепцахъ изъ кружева, которое плетутъ онѣ соломенными длинными спицами; но въ будни весь городъ точно вымиралъ: ни человѣческаго шага, ни голоса; лишь крики ласточекъ, рѣявшихъ между бѣлыми башнями замка, или въ темной лавкѣ—шелестъ вертящагося колеса въ токарномъ станкѣ; да въ весенніе вечера, когда вѣяло свѣжестью тополей изъ пригородныхъ садовъ, мальчики и дѣвочки, играя чинно, какъ взрослые, становились въ кружокъ, брались за руки, плясали и пѣли старинную пѣсенку о Сэнъ-Денисѣ, святителѣ Франціи; и въ прозрачныхъ сумеркахъ яблони изъ-за каменныхъ стѣнъ роняли бѣло-розовые лепестки свои на головки дѣтей. Когда же пѣсня умолкала, наступала вновь такая тишина, что по всему городу слышался лишь мѣрный мѣдный бой часовъ надъ воротами башни Орложъ да крики дикихъ лебедей на отмеляхъ Луары, гладкой, какъ зеркало, отражавшей блѣдно-зеленое небо.

Къ юго-востоку отъ замка, минутахъ въ десяти ходьбы, по дорогѣ къ мельницѣ Сэнъ-Томазъ, находился другой маленькій замокъ, Дю-Клў, принадлежавшій нѣкогда дворецкому и оруженосцу короля Людовика XI.

Высокая ограда съ одной стороны, рѣчка Амасъ, притокъ Луары, съ другой—окружали эту землю. Прямо передъ домомъ влажный лугъ спускался къ рѣчкѣ; справа возвышалась голубятня; ивы, вербы, орѣшникъ переплетались вѣтвями, и вода въ ихъ тѣни, несмотря на быстрое теченіе, казалась неподвижною, стоячею, какъ въ колодцѣ или въ прудѣ. Въ темной

зелени каштановъ, ильмъ и вязовъ выдѣлялись розовыя стѣны кирпичнаго замка съ бѣлою зубчатою каймою изъ туренскаго камня, обрамлявшею углы стѣнъ, стрѣльчатыя окна и двери. Небольшое зданіе, съ остроконечной аспидною крышею, съ крохотной часовенкой справа отъ главнаго входа, съ восьмигранною башенкой, въ которой была деревянная витая лѣстница, соединявшая восемь нижнихъ покоевъ съ такимъ же числомъ верхнихъ,—напоминало виллу или загородный домъ. Перестроенное лѣтъ сорокъ назадъ, снаружи казалось оно еще новымъ, веселымъ и привѣтливымъ.

Въ этомъ замкѣ Францискъ I поселилъ Леонардо да Винчи.

II.

Король принялъ художника ласково, долго бесѣдовалъ съ нимъ о прежнихъ и будущихъ работахъ его, почтительно называлъ своимъ „отцомъ“ и „учителемъ“.

Леонардо предложилъ перестроить замокъ Амбуазъ и соорудить огромный каналъ, который долженъ былъ превратить сосѣднюю болотистую мѣстность Солонь—безплодную пустыню, зараженную лихорадками—въ цвѣтущій садъ, связать Луару съ русломъ Соны у Макона, соединить черезъ область Ліона сердце Франціи—Турень съ Италіей и открыть такимъ образомъ новый путь изъ Сѣверной Европы къ берегамъ Средиземнаго моря.—Такъ мечталъ Леонардо облагодѣтельствовать чужую страну тѣми дарами знанія, отъ которыхъ отказалась его родина.

Король далъ согласіе на устройство канала, и почти тотчасъ по пріѣздѣ въ Амбуазъ, художникъ отправился изслѣдовать мѣстность. Пока Францискъ охотился, Леонардо изучалъ строеніе почвы въ Солоньи у Роморантэна, теченіе притоковъ Луары и Шерры, измѣрялъ уровень водъ, составлялъ чертежи и карты.

Странствуя по этой мѣстности, заѣхалъ онъ однажды въ Лошъ—небольшой городокъ къ югу отъ Амбуаза, на берегу рѣки Эндръ, среди привольныхъ туренскихъ луговъ и лѣсовъ. Здѣсь былъ старый королевскій замокъ съ тюремною башнею, гдѣ восемь лѣтъ томился въ заточеніи и умеръ герцогъ Ломбардіи, Лодовико Моро.

Старый тюремщикъ разсказалъ Леонардо, какъ Моро пытался бѣжать, спрятавшись въ телѣгѣ подъ ржаною соломою; но, не зная дорогъ, заблудился въ сосѣднемъ лѣсу; на слѣдующее утро настигла погоня, и охотничьи собаки нашли его въ кустахъ.

Послѣдніе годы провелъ миланскій герцогъ въ благочестивыхъ размышленіяхъ, молитвахъ и чтеніи Данте—единственной книги, которую позволили ему взять изъ Италіи. Въ пятьдесятъ лѣтъ онъ казался уже дряхлымъ старикомъ. Только изрѣдка, когда

приходили слухи о переворотахъ политики, глаза его вспыхивали прежнимъ огнемъ. 17-го мая 1508 года, послѣ недолгой болѣзни, онъ тихо скончался.

По словамъ тюремщика, за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, Моро изобрѣлъ себѣ странную забаву: выпросилъ кистей, красокъ и началъ расписывать стѣны и своды темницы.

На облупившейся отъ сырости известкѣ Леонардо нашелъ кое-гдѣ еще сохранившіеся слѣды этой живописи — сложные узоры, полосы, палочки, крестики, звѣзды, красныя по бѣлому, желтыя по голубому полю, и среди нихъ большую голову римскаго воина въ шлемѣ, должно быть, неудачный портретъ самого герцога, съ надписью на ломаномъ французскомъ языкѣ:

„Je porte en prison pour ma devise que je m'arme de pacience par force de peines que l'on me fait porter“.

„Девизъ мой въ плѣну и страданіяхъ: мое оружіе — мое терпѣніе“.

Другая, еще болѣе безграмотная, надпись шла по всему потолку, сначала огромными трехлоктевыми желтыми буквами стариннаго уставнаго письма:

Celui qui —

Затѣмъ, такъ какъ мѣста не хватило, мелкими, тѣсными:

— net pas contan.

„Тотъ, кто — несчастенъ“.

Читая эти жалобныя надписи, разсматривая неуклюжіе рисунки, напоминавшіе тѣ каракули, которыми школьники мараютъ тетради отъ скуки, художникъ вспоминалъ, какъ много лѣтъ назадъ любовался Моро, съ доброю улыбкою, лебедями во рву Миланской крѣпости.

„Какъ знать, — подумалъ Леонардо, — не было ли въ душѣ этого человѣка любви къ прекрасному, которая оправдаетъ его передъ Верховнымъ Судомъ?“

Размышляя о судьбѣ злополучнаго герцога, вспомнилъ онъ и то, что̀ слышалъ нѣкогда отъ одного путешественника, пріѣхавшаго изъ Испаніи, о гибели другого покровителя своего — Цезаря Борджіа.

Преемникъ Александра VI, папа Юлій II, измѣннически выдалъ Цезаря врагамъ. Его отвезли въ Кастиллью и заточили въ башнѣ Медина-дель-Кампо.

Онъ бѣжалъ, съ ловкостью и отвагою неимовѣрною, спустившись по веревкѣ изъ окна темницы, съ головокружительной высоты. Тюремщики успѣли перерѣзать веревку. Онъ упалъ, разшибся, но сохранилъ достаточно присутствія духа, чтобы, очнувшись, доползти до лошадей, приготовленныхъ сообщниками, и ускакать. Явился въ Пампелуну ко двору зятя своего, короля

Новаррскаго, и поступилъ къ нему на службу кондоттіеромъ. При вѣсти о побѣгѣ Цезаря, ужасъ распространился въ Италіи. Папа трепеталъ. За голову герцога назначили десять тысячъ дукатовъ.

Однажды, зимнимъ вечеромъ 1507 года, въ стычкѣ съ французскими наемниками Бомона, подъ стѣнами Віаны, врѣзавшись во вражій строй, Цезарь былъ покинутъ своими, загнанъ въ оврагъ, русло высохшей рѣки, и здѣсь, какъ затравленный звѣрь, обороняясь до конца съ отчаянною храбростью, палъ, наконецъ, пронзенный больше, чѣмъ двадцатью ударами. Наемники Бомона, прельстились пышностью доспѣховъ и платья, сорвали ихъ съ убитаго и оставили совершенно голый трупъ на днѣ оврага. Ночью, выйдя изъ крѣпости, новаррцы нашли его и долго не могли признать. Наконецъ маленькій пажъ Джуанико узналъ господина своего, бросился на мертвое тѣло, обнялъ его и зарыдалъ, потому что любилъ Цезаря.

Лицо умершаго, обращенное къ небу, было прекрасно: казалось, умеръ онъ такъ же, какъ жилъ,—безъ страха и безъ угрызеній.

Герцогиня Феррарская, мадонна Лукреція Борджіа всю жизнь оплакивала брата. Когда она умерла, нашли на тѣлѣ ея власяницу.

Молодая вдова Валентино, французская принцесса Шарлотта д'Альберъ, которая въ немного дней, проведенныхъ съ Цезаремъ, полюбила его, подобно Гризельдѣ, любовью вѣрною до гроба, узнавъ о смерти мужа, поселилась вѣчною затворницей въ замкѣ Ла-Моттъ-Фёльи, въ глубинѣ пустыннаго парка, гдѣ вѣтеръ шелестѣлъ сухими листьями, и выходила изъ покоевъ, обитыхъ чернымъ бархатомъ, только для того, чтобы раздавать милостыню въ окрестныхъ селеніяхъ, прося бѣдняковъ помолиться за душу Цезаря.

Подданные герцога въ Романьи, полудикіе пастухи и земледѣльцы въ ущельяхъ Аппенинъ, также сохранили о немъ благодарную память. Долго не хотѣли они вѣрить, что онъ умеръ, ждали его, какъ избавителя, какъ бога, надѣялись, что рано или поздно вернется онъ къ нимъ, возстановить на землѣ правосудіе, низвергнетъ тирановъ и защититъ народъ. Нищіе пѣвцы по городамъ и селамъ распѣвали „слёзную жалобу о герцогѣ Валентинѣ", въ которой былъ стихъ:

> Fe cose extreme, ma senza misura.
> Дѣла его были преступны и безмѣрно велики.

Сравнивая съ жизнью этихъ двухъ людей,—Моро и Цезаря, полной великаго дѣйствія и промелькнувшей, какъ тѣнь, безъ слѣда,—свою собственную жизнь, полную великаго созерцанія, Леонардо находилъ ее менѣе безплодной и не роптал на судьбу.

III.

Перестройка замка въ Амбуазѣ, сооруженіе канала въ Солоньѣ кончились такъ же, какъ почти всѣ его предпріятія—ничѣмъ.

Убѣждаемый благоразумными совѣтниками въ невыполнимости слишкомъ смѣлыхъ замысловъ Леонардо, король, мало-по-малу, охладѣлъ къ нимъ, разочаровался и скоро забылъ о нихъ вовсе. Художникъ понялъ, что отъ Франциска, несмотря на всю его любезность, не слѣдуетъ ждать бóльшаго, чѣмъ отъ Моро, Цезаря, Содерини, Медичи, Льва X. Послѣдняя надежда быть понятымъ, дать людямъ хоть малую часть того, чтó онъ копилъ для нихъ всю жизнь, измѣнила ему, и онъ рѣшилъ уйти, теперь уже безвозвратно, въ свое одиночество,—отречься отъ всякаго дѣйствія.

Весною 1517 года вернулся Леонардо въ замокъ Дю-Клу, больной, изнуренный лихорадкою, схваченной въ болотахъ Солоньи.—Къ лѣту стало ему легче. Но совершенное здоровье никогда уже не возвращалось.

Заповѣдный лѣсъ Амбуаза начинался почти у самыхъ стѣнъ Дю-Клу, за рѣчкой Амасомъ.

Каждый день, послѣ полдника, выходилъ онъ изъ дому, опираясь на руку Франческо Мельци — такъ какъ все еще былъ слабъ,—пустынною тропинкою углублялся въ чащу лѣса и садился на камень. Ученикъ ложился на травѣ у ногъ его и читалъ ему Данте, Библію, какого-либо древняго философа.

Кругомъ было темно; лишь тамъ, гдѣ лучъ солнца пронизывалъ тѣнь,—на далекой прогалинѣ,—пышный, дотолѣ невидный, цвѣтокъ вспыхивалъ вдругъ, какъ свѣча, лиловымъ или краснымъ пламенемъ, и мохъ, въ duплѣ поваленнаго бурей, полусгнившаго дерева, загорался изумрудомъ.

Лѣто стояло жаркое, грозное. Но тучи только бродили по небу, не проливаясь дождемъ.

Когда, прерывая чтеніе, Франческо умолкалъ, въ лѣсу наступала такая тишина, какъ въ самую глухую полночь. Одна лишь птица, должно быть, мать, потерявшая птенца, повторяла унылую жалобу—точно плакала. Но и она умолкала наконецъ. Дѣлалось еще тише. Пáрило. Отъ запаха прѣлыхъ листьевъ, грибовъ, душной сырости, гнили дыханье спиралось. Чуть слышался гулъ отдаленнаго, словно подземнаго, грома.

Ученикъ подымалъ глаза на учителя: тотъ сидѣлъ неподвижно, точно въ оцѣпенѣніи, и, прислушиваясь къ тишинѣ, смотрѣлъ на небо, листья, камни, травы, мхи прощальнымъ взоромъ, какъ будто въ послѣдній разъ передъ вѣчною разлукою.

Мало-по-малу, оцѣпенѣніе, обаяніе тишины овладѣвало и

Франческо. Онъ видѣлъ, какъ сквозь сонъ, лицо учителя, и ему казалось, что лицо это уходитъ отъ него все дальше, погружается все глубже въ тишину, какъ въ темный омутъ. Онъ хотѣлъ очнуться и не могъ. Ему становилось жутко, какъ будто приближалось что-то роковое, неизбѣжное, какъ будто долженъ былъ раздаться въ этой тишинѣ оглушающій крикъ бога Пана, отъ котораго все живое бѣжитъ въ сверхъестественномъ ужасѣ. Когда же, наконецъ, усиліемъ воли преодолѣвалъ онъ оцѣпенѣніе,—тоска предчувствія, непонятная жалость къ учителю сжимали ему сердце. Робко и молча припадалъ онъ губами къ рукѣ его.

И Леонардо смотрѣлъ на него, тихо гладилъ по головѣ, какъ испуганнаго ребенка, съ такою печальною ласкою, что сердце Франческо сжималось еще безнадежнѣе.

Въ эти дни художникъ началъ странную картину.

Подъ выступомъ нависшихъ скалъ, во влажной тѣни, среди зрѣющихъ травъ, въ тиши бездыханнаго полдня, полнаго большею тайною, чѣмъ самая глухая полночь,—богъ, вѣнчанный гроздьями, длинноволосый, женоподобный, съ блѣднымъ и томнымъ лицомъ, съ пятнистою шкурою лани на чреслахъ, съ тирсомъ въ рукѣ, сидѣлъ, закинувъ ногу на ногу, и какъ будто прислушивался, наклонивъ голову, весь—любопытство, весь—ожиданіе, съ неизъяснимою улыбкою указывая пальцемъ туда, откуда доносился звукъ,—можетъ быть, пѣсня менадъ, или гулъ отдаленнаго грома, или голосъ великаго Пана, оглушающій крикъ, отъ котораго все живое бѣжитъ въ сверхъестественномъ ужасѣ.

Въ шкатулкѣ покойнаго Бельтраффіо нашелъ Леонардо рѣзной аметистъ, должно быть, подарокъ моны Кассандры, съ изображеніемъ Вакха.

Въ томъ же ящикѣ были отдѣльные, листки со стихами изъ *Вакханокъ* Еврипида, переведенными съ греческаго и списанными рукою Джіованни. Леонардо нѣсколько разъ перечитывалъ эти отрывки.

Въ трагедіи Вакхъ, самый юный изъ боговъ Олимпа, сынъ Громовержца и Семелы является людямъ въ образѣ женоподобнаго, обольстительно-прекраснаго Отрока, пришельца изъ Индіи. Царь Ѳивъ, Пентей велитъ схватить его, дабы предать казни за то, что, подъ видомъ новой вакхической мудрости, проповѣдуетъ онъ людямъ варварскія таинства, безуміе кровавыхъ и сладострастныхъ оргій.

„О, чужеземецъ,—говоритъ съ насмѣшкою Пентей не узнанному Богу,—ты прекрасенъ и обладаешь всѣмъ, что̀ нужно для соблазна женщинъ: твои длинные волосы падаютъ по щекамъ твоимъ, полные нѣгою; ты прячешься отъ солнца, какъ дѣвушка, и сохраняешь въ тѣни бѣлизну лица твоего, дабы плѣнять Афродиту“.

Хоръ Вакханокъ, наперекоръ нечестивому царю, прославляетъ Вакха—„самаго страшнаго и милосерднаго изъ боговъ, дающаго смертнымъ въ опьяненіи радость совершенную".

На тѣхъ же листкахъ, рядомъ со стихами Еврипида, сдѣланы были рукой Джіованни Бельтраффіо выписки изъ Священнаго Писанія. Изъ Пѣсни Пѣсней: „Пейте и опьянимся, возлюбленные". . . . .

Оставивъ неконченнымъ Вакха, Леонардо началъ другую картину, еще болѣе странную—Іоанна Предтечу.

Съ такимъ, для него небывалымъ, упорствомъ и съ такой поспѣшностью работалъ онъ надъ ней, какъ будто предчувствовалъ, что дни его сочтены, что силъ уже немного, съ каждымъ днемъ все меньше, и торопился высказать въ этомъ послѣднемъ созданіи самую завѣтную тайну свою—ту, о которой молчалъ всю жизнь не только передъ людьми, но и передъ самимъ собою.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, работа подвинулась настолько, что виденъ былъ замыселъ художника.

Глубина картины напоминала мракъ той Пещеры, возбуждавшей страхъ и любопытство, о которой нѣкогда разсказывалъ онъ монѣ Лизѣ Джіокондѣ. Но мракъ этотъ, казавшійся сперва непроницаемымъ,—по мѣрѣ того, какъ взоръ погружался въ него, дѣлался прозрачнымъ, такъ что самыя черныя тѣни, сохраняя всю свою тайну, сливались съ самымъ бѣлымъ свѣтомъ, скользили и таяли въ немъ, какъ дымъ, какъ звуки дальней музыки. И за тѣнью, за свѣтомъ являлась то, что не свѣтъ и не тѣнь, а какъ бы „свѣтлая тѣнь" или „темный свѣтъ", по выраженію Леонардо. И, подобно чуду, но дѣйствительнѣе всего, что есть, подобно призраку, но живѣе самой жизни, выступало изъ этого свѣтлаго мрака лицо и голое тѣло женоподобнаго Отрока, обольстительно-прекраснаго, напоминавшаго слова Пентея:

„Длинные волосы твои падаютъ по щекамъ твоимъ, полные нѣгою; ты прячешься отъ солнца, какъ дѣвушка, и сохраняешь въ тѣни бѣлизну лица твоего, дабы плѣнять Афродиту". . . . .

IV.

Весною 1517 года происходили въ Амбуазѣ торжества по случаю рожденія сына у Франциска I. Въ крестные отцы приглашенъ былъ папа. Онъ прислалъ племянника своего, Джуліанова брата, Лоренцо Медичи, герцога Урбинскаго, обрученнаго съ французскою принцессою Маделеною, дочерью герцога Бурбонскаго.

Среди пословъ различныхъ государствъ Европы на эти торжества ожидался и русскій—Никита Карачьяровъ изъ Рима, гдѣ находился онъ при дворѣ его святѣйшества.

Левъ X давно вступилъ въ сношенія съ великимъ княземъ Московіи, Василіемъ Іоанновичемъ, разсчитывая на него, какъ на могущественнаго союзника въ Лигѣ европейскихъ державъ противъ султана Селима, который, усилившись послѣ завоеванія Египта, грозилъ нашествіемъ Европѣ. Папа обольщалъ себя и другою надеждою—на возсоединеніе Церквей и, хотя великій князь ничѣмъ не оправдывалъ этой надежды, Левъ X отправилъ въ Москву двухъ пронырливыхъ доминиканцевъ, братьевъ Шомберговъ. Римскій первосвященникъ клялся не нарушать обрядовъ и догматовъ церкви восточной, только бы согласилась Москва признать духовное главенство Рима, обѣщалъ утвердить независимаго русскаго патріарха, вѣнчать великаго князя королевскою короною и, въ случаѣ завоеванія Константинополя, уступить ему этотъ городъ. Находя для себя выгодными заискиванія папы, великій князь отправилъ къ нему двухъ пословъ, Дмитрія Герасимова и Никиту Карачьярова — того самаго, который, двадцать лѣтъ назадъ, проѣздомъ черезъ Миланъ, вмѣстѣ съ Данилою Мамыревымъ, присутствовалъ на праздникѣ Золотого Вѣка и бесѣдовалъ съ Леонардо о Московіи.

Дмитрій Герасимовъ, по прозвищу Митя Толмачъ, человѣкъ „искусный въ священныхъ книгахъ" и опытный въ дѣлахъ посольскихъ, въ молодости своей по порученію владыки новгородскаго Геннадія, ѣздилъ въ Италію, „провелъ два лѣта, нѣкіихъ ради нужныхъ изысканій", въ Венеціи, Римѣ, Флоренціи, и привезъ оттуда въ Новгородъ собранныя имъ свѣдѣнія по вопросу о трегубой и сугубой аллилуіѣ, пасхалію на восьмую тысячу лѣтъ и знаменитую „Повѣсть о Бѣломъ клобукѣ". Впослѣдствіи, уже въ глубокой старости, этотъ самый Герасимовъ сообщалъ свѣдѣнія о Россіи итальянскому писателю Паоло Джьовіо.

Главная цѣль русскаго посольства въ Римъ выражена была въ наказѣ великаго князя: „добывать въ Москву рудознатцевъ, муролей (зодчихъ), также мастера хитраго, который бы умѣлъ къ городамъ приступать, да другого мастера, который бы умѣлъ изъ пушекъ стрѣлять, да каменщика хитраго, который бы умѣлъ палаты ставить, да серебрянаго мастера, который бы умѣлъ большіе сосуды дѣлать, да чеканить, да писать на сосудахъ; также добывать лѣкаря и органнаго игреца".

Старшимъ писцомъ у Карачьярова служилъ подъячій посольскаго двора, Илья Потапычъ Копыла, старикъ лѣтъ шестидесяти. При немъ было двое младшихъ писцовъ: Евтихій Паисѣевичъ Гагара и двоюродный племянникъ Ильи Потапыча, Өедоръ Игнатьевичъ Рудометовъ, по прозвищу Өедька Жареный.

Всѣхъ троихъ сближала любовь къ иконописному художеству: Өедоръ и Евтихій сами были добрые мастера, а Илья Потапычъ— тонкій знатокъ и цѣнитель.

Сынъ бѣдной вдовы, просвирни при церкви Благовѣщенія въ Угличѣ, Евтихій, послѣ смерти матери, остался сиротою, принятъ былъ на воспитаніе пономаремъ той же церкви, Вассіаномъ Елеазаровымъ, и въ отроческихъ лѣтахъ „отданъ въ наученіе иконнаго воображенія" нѣкоему старцу Прохору изъ Городца, человѣку праведному, но мастеру неискусному, о которомъ можно было сказать то же, чтó сказано въ иконописномъ подлинникѣ о преподобномъ Антоніи Сійскомъ: „не хитръ былъ мудростью сею преподобный, но препросто иконописательство его было, болѣе же въ постѣ и въ молитвѣ упражнялся, восполняя сими недостатокъ хитрости".

Отъ старца Прохора перешелъ Евтихій къ иноку Данилѣ Черному, который расписывалъ церкви въ Спасо-Андрониковомъ монастырѣ,—ученику величайшаго изъ древнихъ рускихъ мастеровъ, Андрея Рублева. Пройдя всѣ ступени науки, отъ услугъ „ярыжнаго"—простого работника, носившаго воду, и терщика красокъ до „знаменщика", то-есть рисовальщика, Евтихій, благодаря природному дару, достигъ такого мастерства, что приглашенъ былъ въ Москву подписывать „Деисусное тябло" въ Мvроварной палатѣ патріаршаго дома.

Здѣсь подружился онъ съ Ѳедоромъ Игнатьевичемъ Рудометовымъ,—Ѳедькою Жаренымъ, тоже молодымъ иконописцемъ и „преоспективнаго дѣла мастеромъ добрымъ", который расписывалъ стѣны той же палаты „травнымъ письмомъ по золоту".

Рудометовъ ввелъ товарища въ домъ боярина Ѳеодора Карпова, жившаго у Николы на Болвановкѣ. Въ хоромахъ этого боярина Ѳедька подписывалъ на потолкѣ—„подволокѣ" столовой избы „звѣздотечное небесное движеніе, двѣнадцать мѣсяцевъ и бѣги небесные", также „бытейскія и преоспективныя разныя притчи" и „цвѣтныя и разметныя травы", и „левчата", то-есть, ландшафты, наперекоръ завѣту старыхъ мастеровъ, запрещавшихъ иконописцамъ изображать какіе-либо предметы и лица, кромѣ священныхъ.

Ѳедоръ Карповъ находился въ дружескихъ сношеніяхъ съ нѣмцемъ Николаемъ Булёвымъ, любимымъ врачемъ великаго князя Василія Ивановича. Этотъ Булёвъ „хульникъ и латынномудренникъ", по выраженію Максима Грека, „писалъ развращенно на православную вѣру", проповѣдуя соединеніе церквей. Благочестивые московскіе люди утверждали, будто бы, подъ вліяніемъ нѣмчина Булёва, и бояринъ Ѳедоръ „залатинился", началъ „прилежать звѣздозаконію, землемѣрію" — геометріи, „остроумѣи" — астрономіи и чародѣйству, и чернокнижію, и „многимъ эллинскимъ баснотвореніямъ", сталъ держаться книгъ еретическихъ, церковью отреченныхъ, и „всякихъ иныхъ составовъ, и мудростей бѣсовскихъ, которыя прелести отъ Бога отлучаютъ».

Обвиняли его и въ ереси Жидовской.

Бояринъ Өедоръ полюбилъ молодыхъ иконописцевъ, работавшихъ въ домѣ его, Өедьку Рудометова и Тишу Гагару. Полагая, что странствіе въ чужія земли принесетъ большую пользу мастерству ихъ, онъ выхлопоталъ имъ должности младшихъ писцовъ при Посольскомъ Дворѣ.

Уже въ Москвѣ, въ домѣ Карпова, среди заморскихъ диковинъ, отреченныхъ книгъ и вольнодумныхъ толковъ объ ученіи жидовствующихъ, Өедька пошатнулся въ вѣрѣ. А въ чужой землѣ, среди чудесъ тогдашнихъ итальянскихъ городовъ, Венеціи, Милана, Рима, Флоренціи, окончательно сбился съ толку, потерялъ голову и жилъ въ непрестанномъ изумленіи, „изступленіи ума", какъ выражался Илья Потапычъ. Съ одинаковымъ благоговѣніемъ посѣщалъ игорные вертепы, книгохранилища, древніе соборы и притоны разврата. Кидался на все, съ любопытствомъ ребенка, съ жадностью варвара. Учился латинскому языку и мечталъ нарядиться во фряжское платье, даже сбрить усы и бороду, что̀ почиталось грѣхомъ смертнымъ. „Ежели кто бороду сбрѣетъ и такъ умретъ,—предостерегалъ племянника Илья Потапычъ,—не достоитъ надъ нимъ служить, ни сорокоустія пѣть, ни просвиры, ни свѣчи по немъ въ церковь приносить. Съ невѣрными да причтется, образъ мужескій растлѣвающій, женамъ блудовиднымъ уподобляющійся, или котамъ и псамъ, которые усы имѣютъ простертые, брадъ же не имѣютъ".

Въ разговорахъ началъ Өедька употреблять безъ нужды иноземныя слова. Хвасталъ познаніями, „высокоумничалъ", разсуждалъ объ „алхимѣи"—„какъ дѣлать золото", о діалектикѣ,—„что́ есть препинательное толкованіе, коимъ изыскуется истина", о „софистикіи, открывающей едва постижное естеству человѣческому".

— На Москвѣ людей нѣтъ,—жаловался онъ Евтихію,—все людъ глупый, жить не съ кѣмъ.

Будучи на̀-веселѣ, любилъ „пытать о вѣрѣ, простирать вопросы недоумѣнные".

— Я учился философству, и на меня находитъ гордость,—признавался онъ.—Я знаю все вездѣ, гдѣ что̀ ни дѣется!

И доходилъ до такого вольнодумства въ этихъ пытаніяхъ о вѣрѣ, что, не довольствуясь „софистикіей" чужеземною, проповѣдывалъ еще болѣе крайнія мнѣнія собственныхъ русскихъ философовъ, послѣдователей Жидовской ереси, доказывавшихъ, что Іисусъ Христосъ не родился, когда же родится, то Сыномъ Божіимъ наречется „не по существу, а по благодати",—„кого же называютъ христіане Іисусомъ Христомъ Богомъ, тотъ простой человѣкъ, а не Богъ, умеръ и во гробѣ истлѣлъ",—утверждавшихъ, что ни иконамъ, ни кресту, ни чашѣ поклоняться не по-

добаетъ, „почитать достоитъ, поклоняться же не подобаетъ ничему, развѣ единому Богу“, и что никакимъ земнымъ властямъ повиноваться, не слѣдуетъ. Ѳедька приводилъ также слова о безсмертіи души и о загробной жизни, которыя приписывались соблазненному, будто бы, въ ересь жидовствующихъ, московскому митрополиту Зосимѣ:

— „А чтó то царство небесное? а чтó то второе пришествіе? А чтó то воскресеніе мертвыхъ? Ничего того нѣтъ. Умеръ кто, такъ и умеръ,—по та мѣста и былъ“.

Дяди Ильи Потапыча, учившаго племянника не только словомъ, но и посохомъ, Ѳедька, несмотря на школьническій задоръ свой, все-таки крѣпко побаивался.

Илья Потапычъ Копыло былъ человѣкъ стараго закала, до конца возлюбившій „твердое о благочестіи стояніе“. Чудеса иноземныхъ искусствъ и наукъ не прельщали его. „Вся сія суть знаменія антихристова пришествія, начало болѣзнямъ,—говаривалъ онъ.—Насъ, овецъ христовыхъ, софистеками вашими не премудряйте: некогда намъ философства вашего слушать, уже кончина вѣка приходитъ, и судъ Божій стоитъ при дверяхъ. Какое пріобщеніе свѣта къ тьмѣ или какое соединеніе Веліару со Христомъ,—такъ же и поганому латынству съ нашимъ православнымъ христіанствомъ?“

„Въ Европіи,—по словамъ Копылы,—третьей части земли, части Ноева сына, Яфета, люди живутъ величавые, гордые, обманчивые и храбрые во браняхъ, къ похотямъ же тѣлеснымъ и ко всякимъ сластямъ слабые; все творятъ по своей волѣ; къ ученію искательны, къ мудростямъ и всякимъ наукамъ тщательны; отъ благочестія же заблудились и, по наущенію дьявольскому, въ различныя ереси разсѣялись, такъ что нынѣ во всей вселенной одна лишь русская земля въ благочестіи стоитъ неподвижно и, хотя къ наукамъ словеснымъ не очень прилежитъ, въ высокоумныхъ мудроплетеніяхъ софистическихъ не изощряется, зато здравую вѣру содержитъ неблазненно. Люди же въ ней сановиты, брадаты и платьемъ пристойнымъ одѣяны; Божіи церкви святымъ пѣніемъ украшаются; и подобной той землѣ и благолѣпнѣе во всей Европіи не обрѣтается“.

Въ сынѣ углицкой просвирни, Евтихіѣ Паисѣевичѣ Гагарѣ, чужія земли возбуждали не меньшее любопытство, чѣмъ въ Ѳедькѣ Жареномъ. Вольнодумствамъ товарища, въ которыхъ чувствовалъ Евтихій больше хвастовства и удали, чѣмъ дѣйствительнаго безбожія, не придавалъ онъ значенія. Но и спокойнаго презрѣнія Ильи Потапыча ко всему иноземному не могъ раздѣлять. Послѣ всего, чтó видѣлъ и слышалъ онъ въ чужихъ краяхъ, не удовлетворяли его, „Измарагды“, „Златоструи“, „Торжественники“, ко-

торые заключали весь кругъ человѣческихъ знаній въ такихъ вопросахъ и отвѣтахъ: „Отгадай, философъ, курица ли отъ яйца, или яйцо отъ курицы?—Кто родился прежде Адама съ бородою?—Козелъ.—Какое есть первое ремесло?—Швечество, ибо Адамъ и Ева сшили себѣ одежду изъ древесныхъ листьевъ.—Что̀ есть, четыре орла одно яйцо снесли?—Четыре евангелиста написали св. Евангеліе.—Что̀ держитъ землю?—Вода высокая.—Что̀ держитъ воду?—Камень великій.—Что̀ держитъ камень?—Восемь бо̀льшихъ золотыхъ китовъ да тридцать три меньшихъ на озерѣ Тиверіадскомъ".

Евтихій, впрочемъ, не вѣрилъ и Ѳедькиной ереси, будто бы „земное строеніе—не четвероугольное, не треугольное и не круглое, а на подобіе яйца: во внутреннемъ боку—желтокъ, извнѣ—бѣлокъ и черепокъ; такъ же разумѣй и о землѣ: земля есть желтокъ посерединѣ яйца, воздухъ же — бѣлокъ, и какъ черепокъ окружаетъ внутренность яйца, такъ небо окружаетъ землю и воздухъ".—Но, и не вѣря этому соблазнительному ученію, онъ все-таки чувствовалъ, что нѣкогда недвижные киты, на коихъ утверждена земля, для него зашевелились, сдвинулись—и теперь уже не остановитъ ихъ никакая сила.

Смутно чуялось ему, что въ суевѣрномъ поклоненіи Ѳедьки иноземнымъ хитростямъ, несмотря на все его озорничество, что-то скрывается истинное, чего ни насмѣшки, ни угрозы, ни даже суковатая палка дяди Копылы опровергнуть не могутъ.

„Хорошему не стыдно навыкать и со стороны, съ примѣра чужихъ земель.—Ариѳметика и преоспектива есть дѣло полезное, меду сладчайшее и не богопротивное",—говаривалъ Ѳедька съ глубокимъ чувствомъ. И слово это находило откликъ въ сердцѣ Евтихія.

Силы и разумѣнія испрашивалъ онъ у Бога, дабы, не заблудившись отъ вѣры отцовъ, не „залатинившись", подобно Ѳедькѣ, но и не отвергая безъ разбору всего чужеземнаго, подобно Ильѣ Потапычу,—очистить пшеницу отъ плевелъ, доброе отъ злого, найти „истинный путь и образъ любомудрія". И сколь ни казалось ему дѣло это труднымъ, даже страшнымъ, тайный голосъ говорилъ, что оно свято, и что Господь не оставитъ его своею помощью.

Въ Амбуазъ на свадьбу герцога Урбинскаго и крестины новорожденнаго дофина отправился одинъ изъ двухъ русскихъ пословъ, находившихся въ Римѣ—Никита Карачьяровъ: онъ долженъ былъ представить королю „поминки", дары великаго князя московскаго—шубу на горностаяхъ, атласную, червчатую, съ травнымъ золотымъ узоромъ, другую шубу—на бобровыхъ пупкахъ, третью—на куньихъ черевахъ; сорокъ сороковъ соболей, да лисицъ чернобурыхъ и сиводушчатыхъ, да остроги-шпоры золоченыя, да птицъ охотничьихъ.

Среди другихъ посольскихъ писцовъ и подъячихъ, Никита взялъ съ собою во Францію Илью Потапыча Копылу, Өедьку Жаренаго и Евтихія Гагару.

V.

Однажды, въ концѣ апрѣля 1517 года, раннимъ утромъ, на большой дорогѣ черезъ заповѣдный лѣсъ Амбуаза, лѣсничій короля увидѣлъ всадниковъ въ такихъ необычайныхъ нарядахъ, говорившихъ на такомъ странномъ языкѣ, что остановился и долго провожалъ ихъ глазами, недоумѣвая, турки ли это, послы ли Великаго Могола, или самаго Пресвитера Іоанна, живущаго на краю свѣта, тамъ, гдѣ небо сходится съ землею.

Но это были не турки, не послы Великаго Могола или Пресвитера Іоанна, а люди „звѣрскаго племени"—„gente bestiale", по выраженію Контарини,—выходцы страны, считавшейся не менѣе варварской, чѣмъ сказочный Гогъ и Магогъ,—русскіе люди изъ посольства Никиты Карачьярова. Одежды, такъ поразившія лѣсничаго, были обыкновенныя русскія ферязи, терлики, чугй, скарлатныя однорядки, подпоясанныя кушаками, сафьянные, красные, ниже колѣнъ, сапоги съ острыми, по-татарски загнутыми вверхъ концами, непомѣрно высокія шапки-столбуны, низаныя жемчугомъ, отороченыя соболемъ.

Тяжелый обозъ съ посольской челядью и королевскими поминками отправленъ былъ впередъ. Никита ѣхалъ въ свитѣ герцога Урбинскаго. Всадники, повстрѣчавшіеся лѣсничему, сопровождали персидскихъ соколовъ, челигъ и кречетовъ, посланныхъ въ подарокъ Франциску I. Драгоцѣнныхъ птицъ везли съ большими предосторожностями, на особомъ возкѣ, въ лубяныхъ коробахъ, внутри обитыхъ овчинами.

Рядомъ съ возкомъ ѣхалъ на сѣрой въ яблокахъ, рѣзвой кобылѣ Өедька Жареный.

Ростомъ онъ былъ такъ высокъ, что прохожіе на улицахъ чужеземныхъ городовъ оглядывались на него съ удивленіемъ; лицо у него было широкоскулое, плоское, очень смуглое; черные какъ смоль волосы, за что онъ и прозванъ былъ Жаренымъ; блѣдно-голубые, лѣнивые и въ то же время жадно-любопытные глаза, съ тѣмъ противорѣчивымъ, разнообразнымъ и непостояннымъ выраженіемъ, которое свойственно русскимъ лицамъ,—смѣсью робости и наглости, простодушія и лукавства, грусти и удали.

Өедька слушалъ бесѣду двухъ товарищей, тоже слугъ посольскихъ, Мартына Ушака да Ивашки Труфанца, знатоковъ соколиной охоты, которымъ Никита поручилъ доставку птицъ въ Ам-

буазъ. Ивашка разсказывалъ объ охотѣ, устроенной для герцога Урбинскаго французскимъ вельможею Аннъ дё Монморансй въ лѣсахъ Шатильона.

— Ну, и что же, хорошо, говоришь, летѣлъ Гамаюнъ?

— И-и, братецъ ты мой!—воскликнулъ Ивашка.—Такъ безмѣрно хорошо, что и сказать не можно. А на утро въ субботу, какъ ходили мы тѣшиться съ челигами въ Шатиловѣ (Шатиловымъ называлъ онъ Шатильонъ),—такъ погналъ Гамаюнъ, да осадилъ въ одномъ концѣ два гнѣзда шилохвостей да полтретья гнѣзда чирятъ; а въ другорядь погналъ, такъ понеслось одно утя-шилохвость, побѣжало къ рощѣ на утекъ, увалиться хотѣло отъ славной кречета Гамаюна добычи, а онъ-то, сердечный, какъ ее мякнетъ по шеѣ, такъ она десятью разами перекинулась да ушла пѣша въ воду опять. Хотѣли по ней стрѣлять, чаяли, что худо заразилъ, а онъ ее такъ заразилъ, что кишки вонъ,—поплавала немножко да побѣжала на берегъ, а Гамаюнъ-отъ и сѣлъ на ней!

Выразительными движеніями, такъ что лошадь подъ нимъ шарахалась, показывалъ Ивашка, какъ онъ ее „мякнулъ" и какъ „заразилъ".

— Да,—молвилъ съ важностью Ушакъ, любитель книжнаго витійства,—зѣло потѣха сія полевая утѣшаетъ сердца печальныя; угодна и хвальна кречатья добыча, красносмотрителенъ же и радостенъ высокаго сокола летъ.

Впереди, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ возка, ѣхали, тоже верхомъ, Илья Копыло и Евтихій Гагара.

У Ильи Потапыча лицо было темное, строгое, борода бѣлая какъ лунь и такія же бѣлыя волосы; все дышало въ немъ благообразною степенностью; только въ маленькихъ зеленоватыхъ слезящихся глазкахъ свѣтилась насмѣшливая хитрость и пронырство.

Евтихій былъ человѣкъ лѣтъ тридцати, такой тщедушный, что издали казался мальчикомъ,—съ острою, жидкою бородкою клиномъ и незначительнымъ лицомъ, однимъ изъ тѣхъ лицъ, которыя трудно запомнить. Лишь изрѣдка, когда оживлялся онъ, въ сѣрыхъ глазахъ его загоралось глубокое чувство.

Ѳедькѣ надоѣло слушать о соколахъ и шилохвостяхъ. Несмотря на раннее утро, не разъ уже прикладывался онъ къ дорожной сулеѣ, и, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, языкъ у него чесался отъ желанія поспорить—„повысокоумничать".

По отдѣльнымъ, долетавшимъ до него словамъ, понялъ онъ, что ѣхавшіе впереди Гагара и Копыло бесѣдуютъ объ иконномъ художествѣ,—пришпорилъ коня, догналъ ихъ и прислушался.

— Нынѣ,—говорилъ Илья Потапычъ,—иконъ святыхъ изображенія печатаютъ на листахъ бумажныхъ, и тѣми листами люди

храмины свои украшаютъ небрежно, не для почитанія, но пригожества ради, безъ страха Божія, которые листы, рѣзавъ на досках, печатаютъ нѣмцы да фрязи-еретики, по своему проклятому мнѣнію, развращенно и неистово, на подобіе лицъ страны своей и въ одеждахъ чужестранныхъ, фряжскихъ, а не съ древнихъ православныхъ подлинниковъ. Еще и Пресвятую Богородицу пишутъ иконники съ латинскихъ же образцовъ съ непокровенною главою, съ власами растрепанными...

— Какъ же такъ, дядюшка?—отхлебнувъ изъ сулеи, съ притворною почтительностью, съ тайнымъ вызовомъ, вступился Ѳедька,—неужели скажешь ты, что русскимъ однимъ дано писать иконы? Отчего бы и мастерства иноземнаго не принять, ежели по подобію и свято, и лѣпо?

— Не гораздо ты, Ѳедька, о святыхъ иконахъ мудрствуешь,— остановилъ его Копыло, нахмурившись.—Строптивое, говоришь, и развращенное.

— Почему же строптивое, дядюшка?—притворился Ѳедька обиженнымъ.

— А потому, что предѣловъ вѣчныхъ прелагать не подобаетъ. Кто возлюбитъ и похвалитъ вѣру чужую, тотъ своей поругался.

— Да вѣдь я не о вѣрѣ, Потапычъ. Я только говорю: преоспектива есть дѣло полезное и меду сладчайшее...

— Что ты мнѣ преоспективу свою въ глаза тычешь? Заладила сорока Якова... Сказано: кромѣ преданія святыхъ отцовъ, не дерзать. Слышишь? Въ преоспективѣ ли, въ иномъ ли чемъ,— своимъ замышленіемъ ничего не претворять. Гдѣ новизна—тамъ и кривизна.

— Твоя правда, дядюшка,—опять увернулся Ѳедька, съ лицемѣрною покорностью.—Я и то говорю: много нынче иконники пишутъ безъ разсужденія, безъ разума, а надобно писать да вопросу отвѣтъ дать. Сказано: подлинно изыскивать подобаетъ, какъ древніе мастера писали. Да вотъ бѣда: древнихъ-то много: и Новгородскіе, и Корсунскіе, и Московскіе, — каждый на свой ладъ. Да и подлинники разные. Въ однихъ—одно, въ другихъ—другое. Инъ старое кажется новымъ, инъ новое—старымъ, Вотъ и поди тутъ, разбери, гдѣ старина, гдѣ новизна.—Нѣтъ, Потапычъ, воля твоя, а безъ своего умышленія, безъ разума, мастеру доброму быть нельзя!

Старикъ, озадаченный неожиданностью обхода, на минуту опѣшилъ.

— Опять же и то,—продолжалъ Ѳедька, пользуясь его смущеніемъ, съ еще большею смѣлостью, — гдѣ таковое указаніе нашли, будто бы единымъ обличіемъ, смугло и темновидно святыхъ иконы писать подобаетъ? Весь ли родъ человѣческій въ одно

обличіе созданъ? Всѣ ли святые скорбны и тощи бывали? Кто не посмѣется такому юродству, будто бы темноту болѣе свѣта чтить достоитъ? Мракъ и очадѣніе на единаго дьявола возложилъ Господь, а сынамъ Своимъ, не только праведнымъ, но и грѣшнымъ обѣщалъ свѣтоподаніе: „яко снѣгъ, убѣлю васъ и яко ярину, очищу". И въ другой разъ: „Азъ есмь свѣтъ истинный, ходяй по мнѣ не иматъ ходити во тьмѣ". И у пророка сказано: „Господь воцарился и въ лѣпоту облекся".

Ѳедька говорилъ, хотя не безъ книжнаго витійства, но съ порывомъ искренняго чувства.

Евтихій молчалъ. По горящимъ глазамъ его видно было, что онъ слушаетъ съ жадностью.

— По преданію святыхъ отцовъ,—началъ было снова Илья Потапычъ съ важностью,—что̀ у Бога свято, то и лѣпо...

— А что̀ лѣпо, то и свято, —подхватилъ Ѳедька,—это, дядюшка, все одно.

— Нѣтъ, не одно,—разсердился, наконецъ, старикъ.—Есть лѣпота и отъ дьявола!

Онъ обернулся къ племяннику и посмотрѣлъ ему прямо въ глаза, какъ бы соображая, не прибѣгнуть ли къ обычному доводу, къ суковатой палкѣ. Но Ѳедька выдержалъ взоръ его, не потупившись.

Тогда Копыло поднялъ правую руку и, какъ будто произнося заклятіе на самаго Духа Нечистаго,—воскликнулъ торжественно:

— Сгинь, пропади, окаянный, со своими ухищреніями: Христосъ мнѣ спаситель и свѣтъ, и веселіе, и стѣна несокрушимая!

Всадники были на опушкѣ Амбуазскаго лѣса. Оставивъ слѣва ограду замка Дю-Клу, въѣхали они въ городскія ворота.

VI.

Русскому посольству отвели помѣщеніе въ домѣ королевскаго нотаріуса, метра Гильома Борѐ, недалеко отъ башни Орложъ, — единственномъ домѣ, оставшемся свободнымъ въ городѣ, переполненномъ пріѣзжими.

Евтихію съ товарищами пришлось поселиться въ маленькой комнатѣ, похожей на чердакъ, подъ самою крышею. Здѣсь, въ углубленіи слухового окна устроилъ онъ крошечную мастерскую: прибилъ къ стѣнѣ полки, размѣстилъ на нихъ гладкія дубовыя и липовыя дощечки для иконъ, муравленные горшечки съ олифою, съ прозрачнымъ стерляжьимъ и севрюжьимъ клеемъ, глиняные черепки и раковины съ твореньмъ золотомъ, съ яичными вапами; поставилъ деревянный ящикъ, постланный войлокомъ, служившій ему постелью и повѣсилъ надъ нимъ икону Углицкой Божьей Матери, подарокъ инока Даниилы Чернаго.

Въ этомъ углу было тѣсно, но тихо, свѣтло и уютно. Изъ окна, между крышами и трубами, открывался видъ на зеленую Луару, на дальніе луга и синія верхушки лѣса. Порою снизу, изъ небольшого садика, въ открытое окно—дни стояли жаркіе—подымался духъ черемухи, напоминавшій Евтихію родину,—знакомый огородъ на окраинѣ Углича, съ грядками укропа, хмѣля, смородины, съ полуразвалившимся тыномъ передъ старымъ домикомъ благовѣщенскаго пономаря

Однажды вечеромъ, нѣсколько дней спустя по пріѣздѣ въ Амбуазъ, сидѣлъ онъ одинъ въ своей мастерской. Товарищи ушли въ замокъ смотрѣть на турниръ въ честь герцога Урбинскаго.

Было тихо; только подъ окномъ слышалось воркованіе голубей, шелковый шелестъ ихъ крыльевъ да порой мѣрный бой часовъ на сосѣдней башнѣ.

Онъ читалъ любимую книгу свою, *Иконописный Подлинникъ*, сводъ краткихъ указаній, расположенныхъ по днямъ и мѣсяцамъ года,—какъ изображать святыхъ. Всякій разъ Евтихій,—хотя зналъ эту книгу почти наизусть,—перечитывалъ ее съ новымъ любопытствомъ, находилъ въ ней новую отраду.

Но въ послѣдніе дни слышанный въ лѣсу по дорогѣ въ Амбуазъ, споръ Ильи Потапыча съ Ѳедькою Жаренымъ пробудилъ давно уже таившіяся въ немъ, навѣянныя всѣмъ, что́ видѣлъ онъ въ чужихъ краяхъ, тревожныя мысли. И онъ искалъ имъ разрѣшенія въ *Подлинникѣ*, единственно вѣрномъ источникѣ „изящнаго позванія истинныхъ образовъ".

„Какова была тѣлеснымъ образомъ Богородица?—читалъ онъ одно изъ своихъ любимыхъ въ книгѣ мѣстъ.—Росту средняго, видъ лица ея, какъ видъ зерна пшеничнаго; волоса желтаго; острыхъ очей, въ нихъ же зрачки подобны плоду маслины; брови наклоненныя, изрядно-черныя; носъ не кратокъ; уста, какъ цвѣтъ розы,—сладковѣсія исполнены; лицо ни кругло, ни остро, но мало продолжено; персты же богопріимныхъ рукъ ея тонстью источены были; весьма проста,—никакой мягкости не имѣла, но смиреніе совершенное являла; одежду носила темную".

Читалъ онъ также о великомученицѣ Екатеринѣ, за красоту и свѣтлость лица своего получившей названіе отъ Еллиновъ „тезоименитая лунѣ"; о Филаретѣ Милостивомъ, который „преставился, имѣя девяносто лѣтъ; но и въ такой старости, не измѣнилося лицо его, благолѣпно же и прекрасно было, какъ яблоко румяное".

И казалось Евтихію, что Ѳедя правъ, что ликамъ святыхъ должно быть свѣтлыми и радостными, ибо самъ Господь въ „лѣпоту облекся", и все, что́ прекрасно—отъ Бога.

Но перевернувъ нѣсколько страницъ, прочелъ онъ въ той же книгѣ:

„9 Ноембрія память преподобной Θеоктистіи Лезвіянини: видѣлъ ее нѣкій ловецъ въ пустынѣ и далъ ей съ себя поняву прикрыть наготу тѣлесную; и стояла она передъ нимъ, страшная, только подобіе человѣческое имѣвшая; и не видно въ ней было плоти живой: отъ поста—однѣ кости да суставы, кожею прикрытыя; волосы бѣлые, какъ овечья волна, а лицо черно,—мало нѣчто блѣдновато; очи глубоко западшія; и весь образъ ея таковъ, какъ образъ мертвеца, давно во гробѣ лежавшаго. Едва дышала и тихо говорить могла. И не было на ней отнюдь лѣпоты человѣческой“.

„Значитъ,—подумалъ Евтихій,—не все, что свято—лѣпо: есть и въ поруганіи всей лѣпоты человѣческой у великихъ подвижниковъ, въ звѣриномъ образѣ образъ ангельскій?“

И вспомнился ему св. Христофоръ, часто изображавшійся на русскихъ иконахъ, о которомъ сказано въ *Подлинникѣ*, подъ числомъ девятымъ мѣсяца Мая: „о семъ прекрасномъ мученикѣ нѣкое чудное глаголется,—яко песію главу имѣлъ“.

Ликъ псоглаваго святого наполнилъ сердце иконописца еще большимъ смятеніемъ. Все болѣе смутныя, жуткія мысли стали приходить ему въ голову.

Онъ отложилъ въ сторону „Подлинникъ“ и взялъ другую книгу, старую Псалтырь, писанную въ Угличѣ въ 1485 году. По ней учился онъ грамотѣ и тогда уже любовался простодушными заставными картинками, объяснявшими псалмы.

Случилось такъ, что, съ самаго отъѣзда изъ Москвы, книга эта не попадалась ему на глаза. Теперь, послѣ множества видѣнныхъ имъ во дворцахъ и музеяхъ Венеціи, Рима, Флоренціи, древнихъ изваяній, эти съ младенчества знакомые образы получили для него внезапный новый смыслъ: онъ понялъ, что голубой человѣкъ съ наклоненною чашею, изъ которой льется вода—къ стиху Псалтыри—„какъ желаетъ олень на источники водные, такъ желаетъ душа моя къ тебѣ, Боже“,—есть богъ рѣчной; женщина, лежащая на землѣ среди злаковъ—Церера, богиня земли; юноша въ царскомъ вѣнцѣ въ колесницѣ, запряженной красными конями—Аполлонъ; бородатый старикъ на зеленомъ чудовищѣ съ голою женщиною, къ псалму: „благословите источники моря и рѣки“,—Нептунъ съ Нереидою.

Какимъ чудомъ, послѣ какихъ скитаній и превращеній, изгнанные боги Олимпа, черезъ древняго русскаго мастера, изъ еще болѣе древняго византійскаго подлинника, дошли до города Углича?

Обезображенные рукою художника-варвара, казались они неуклюжими, робкими, словно стыдящимися наготы своей, среди суровыхъ пророковъ и схимниковъ—полузамерзшими, какъ будто

голыя тѣла ихъ окоченѣли отъ холода гиперберейской ночи. А между тѣмъ, кое-гдѣ, въ изгибѣ локтя, въ поворотѣ шеи, въ округлости бедра мерцалъ послѣдній отблескъ вѣчной прелести.

И страхъ, и удивленіе чувствовалъ Евтихій, узнавая въ этихъ съ дѣтства привычныхъ и любезныхъ, казавшихся ему святыми, картинкахъ Углицкой Псалтыри соблазнительную эллинскую нечисть.

Въ памяти его возникали и другіе грѣховные образы, преданія старыхъ русскихъ Сборниковъ—блѣдныя тѣни языческой древности: „дѣвица Горгонѣя, имѣющая лицо, перси и руки человѣчьи, ноги же и хвостъ лошадиные; а на головѣ ея змѣи, вмѣсто волосъ"; гиганты одноокіе, живущіе въ землѣ Сицилійской, подъ горою Этною; царь Китоврасъ или Кентавросъ, который „отъ главы—человѣкъ, а отъ ногъ—оселъ"; Исатары или Сатиры, обитающіе въ лѣсахъ со звѣрями, „хожденіемъ скорые,—никто ихъ не догонитъ, а ходятъ нагіе, шерстью обросли, какъ еловою корою, не говорятъ, только блеютъ по козлиному".

Евтихій вздрогнулъ, очнулся, набожно перекрестился и прошепталъ успокоительное изрѣченіе русскихъ книжниковъ, которое слышалъ отъ Ильи Потапыча:

„Все лгано: не бывало Китовраса, ни дѣвицы Горгонѣи, ни людей въ шерсти, но еллинскіе философы ввели. Прелести же сіи правилами апостоловъ и святыхъ отцовъ отречены суть и прокляты."

И тотчасъ подумалъ:

„Такъ ли, полно? Все ли лгано, все ли проклято?—Какъ же въ старыхъ русскихъ церквахъ рядомъ со святыми угодниками изображены языческіе мудрецы, поэты и сибиллы, которые отчасти пророчествовали о Рождествѣ Христовомъ и „хотя невѣрные,—сказано въ *Подлинникѣ*,—но чистаго ради житія, коснулися Духа Святого".—Великая отрада чуялась Евтихію въ этомъ словѣ о почти христіанской святости языческихъ пророковъ.

Онъ всталъ и взялъ съ полки дощечку съ начатымъ рисункомъ, небольшую икону собственной работы—„Всякое дыханіе да хвалитъ Господа",—многоличную, мелкописную, подробности которой можно было разсмотрѣть только въ увеличительное стекло.

Въ небесахъ на престолѣ—Вседержитель; у ногъ его, въ семи небесныхъ сферахъ—солнце, луна, звѣзды, съ надписью: „хвалите Господа, небеса небесъ, хвалите, солнце и луна, хвалите, всѣ звѣзды и свѣтъ"; ниже—летящія птицы; „духъ буренъ", градъ, снѣгъ, деревья, горы, огонь, выходящій изъ земли; различные звѣри, гады; бездна, въ видѣ пещеры, съ надписью: „хвалите, всѣ деревья плодоносныя и всѣ кедры, всѣ звѣри и всѣ холмы, хвалите Господа." По обѣимъ сторонамъ—лики ангеловъ, преподобные, цари, судьи, князья, сонмы человѣческіе:

„хвалите Его, всѣ ангелы, хвалите, сыны израилевы, всѣ племена и народы земные“.

Принявшись за работу и не умѣя иначе выразить чувства, которое переполняло душу его, Евтихій прибавилъ уже отъ себя къ этимъ обычнымъ ликамъ—псоглаваго мученика Христофора и бога-звѣря Кентавра.

Онъ зналъ, что нарушаетъ преданіе Подлинника. Но сомнѣнья и соблазна не было въ душѣ его: ему казалось, что рука невидимая водитъ рукой его.

Вмѣстѣ съ небомъ и преисподнею, огнемъ и духомъ бурнымъ, холмами и деревьями, звѣрями и гадами, людьми и силами безплотными, псоглавымъ Христофоромъ и во Христа обращеннымъ Кентавромъ, душа его пѣла единую пѣснь: „Всякое дыханіе да хвалитъ Господа“.

VII.

Францискъ былъ великимъ женолюбцемъ. Ничѣмъ не брезговалъ онъ, увѣряя, что во всякой женщинѣ, даже некрасивой, можно найти качества, которыхъ нѣтъ у другихъ.

Во всѣхъ походахъ, вмѣстѣ съ главными сановниками, шутами, карликами, астрологами, поварами, неграми, миньонами, псарями и священниками, слѣдовали за королемъ „веселыя дѣвочки“—„filletes de joie“ подъ предводительствомъ „почтенной дамы“, Іоганны Линьеръ. Во всѣхъ торжествахъ и празднествахъ, даже въ церковныхъ шествіяхъ, принимали онѣ участіе. Дворъ сливался съ этимъ походнымъ домомъ терпимости, такъ что трудно было рѣшить, гдѣ кончается одинъ, гдѣ начинается другой. „Веселыя дѣвочки“ наполовину были придворными дамами, придворныя дамы распутствомъ заслуживали мужьямъ своимъ золотое ожерелье св. Архангела Михаила.

Расточительность короля на женщинъ была безпредѣльна. Подати и налоги съ каждымъ днемъ увеличивались, а денегъ все-таки не хватало. Когда съ народа уже нечего было взять, Францискъ сталъ отнимать у вельможъ своихъ драгоцѣнную столовую посуду и однажды перечеканилъ на монету серебряную рѣшетку съ гроба великаго святителя Франціи, Мартина Турскаго, впрочемъ, не изъ вольнодумства, а только изъ нужды, ибо считалъ себя вѣрнымъ сыномъ римской церкви и всякую ересь и безбожіе преслѣдовалъ, какъ оскорбленіе собственнаго величества.

Со времени Людовика Святого сохранялось въ народѣ преданіе о врачующей силѣ, исходившей, будто бы, отъ королей дома Валуа: прикосновеніемъ руки исцѣляли они шелудивыхъ и золо-

тушныхъ. Къ Пасхѣ, Рождеству, Троицѣ и другимъ праздникамъ, чаявшіе исцѣленія стекались не только со всѣхъ концовъ Франціи, но также изъ Испаніи, Италіи, Савойи.

Во время торжествъ, по случаю бракосочетанія Лоренцо Медичи и крестинъ дофина, собралось въ Амбуазѣ множество больныхъ. Въ назначенный день впустили ихъ во дворъ королевскаго замка. Прежде, когда вѣра была сильнѣе, его величество, обходя больныхъ, творя по очереди надъ каждымъ изъ нихъ крестное знаменіе и прикасаясь къ нимъ пальцемъ, произносилъ: „Король прикоснулся, Богъ исцѣлитъ". Вѣра оскудѣла, исцѣленія становились рѣже, и теперь обрядныя слова произносились въ видѣ пожеланія: „Да исцѣлитъ тебя Богъ—король прикоснулся".

По окончаніи обряда подали умывальникъ съ тремя полотенцами, намоченными уксусомъ, чистою водою и апельсинными духами. Король умылся и вытеръ руки, лицо, шею.

Послѣ зрѣлища человѣческой бѣдности, уродства и болѣзни захотѣлось ему отвести душу, дать отдыхъ глазамъ на чемъ-нибудь прекрасномъ. Онъ вспомнилъ, что давно собирался въ мастерскую Леонардо и съ немногими приближенными отправился въ замокъ Дю-Клу.

Весь день, несмотря на слабость и недомоганіе, художникъ усердно работалъ надъ Іоанномъ Предтечею.

Косые лучи заходящаго солнца проникали въ полустрѣльчатыя окна мастерской—большой холодной комнаты съ кирпичнымъ поломъ и потолкомъ изъ дубовыхъ брусьевъ. Пользуясь послѣднимъ свѣтомъ дня, торопился онъ кончить поднятую правую руку Предтечи, которая указывала па крестъ.

Подъ окнами послышались шаги и голоса.

— Никого,—обернувшись къ Франческо Мельци, проговорилъ учитель,—слышишь, никого не принимай. Скажи: боленъ или дома нѣтъ.

Ученикъ вышелъ въ сѣни, чтобы остановить непрошенныхъ гостей, но, увидѣвъ короля, почтительно склонился и открылъ передъ нимъ двери.

Леонардо едва успѣлъ закрыть портретъ Джіоконды, стоявшій рядомъ съ Іоанномъ: онъ дѣлалъ это всегда, потому что не любилъ, чтобы видѣли ее чужіе.

Король вошелъ въ мастерскую.

Онъ одѣтъ былъ съ роскошью не совсѣмъ безупречнаго вкуса, съ чрезмѣрною пестротою и яркостью тканей, обиліемъ золота, вышивокъ, драгоцѣнныхъ каменьевъ: черные атласные штаны въ обтяжку, короткій камзолъ съ продольными, перемежающимися полосами чернаго бархата и золотой парчи, съ огромными дутыми рукавами, съ безчисленными прорѣзами—„окнами"; черный

плоскій беретъ съ бѣлымъ страусовымъ перомъ; четырехугольный вырѣзъ на груди обнажалъ стройную, бѣлую, словно изъ слоновой кости точеную, шею; онъ душился не въ мѣру.

Ему было двадцать четыре года. Поклонники его увѣряли, будто бы въ наружности Франциска такое величіе, что довольно взглянуть на него, даже не зная въ лицо, чтобы сразу почувствовать: это король. И въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ строенъ, высокъ, ловокъ, необыкновенно силенъ; умѣлъ быть обаятельно любезенъ; но въ лицѣ его, узкомъ и длинномъ, чрезвычайно бѣломъ, обрамленномъ черною, какъ смоль, курчавою бородкою, съ низкимъ лбомъ, съ непомѣрно-длиннымъ, тонкимъ и острымъ, какъ шило, словно книзу оттянутымъ носомъ, съ хитрыми, холодными и блестящими, какъ только что надрѣзанное олово, глазками, съ тонкими, очень красными и влажными губами,—было выраженіе непріятное, черезчуръ откровенно, почти звѣрски похотливое,—не то обезьянье, не то козлиное,—напоминавшее фавна.

Леонардо, по придворному обычаю, хотѣлъ склонить колѣна передъ Францискомъ. Но тотъ удержалъ его, самъ склонился и почтительно обнялъ.

— Давно мы съ тобой не видѣлись, мэтръ Леонаръ,—молвилъ онъ ласково.—Какъ здоровье? Много ли пишешь? Нѣтъ ли новыхъ картинъ?

— Все хвораю, ваше величество, — отвѣтилъ художникъ и взялъ портретъ Джіоконды, чтобы отставить его въ сторону.

— Что это? — спросилъ король, указывая на картину.

— Старый портретъ, сиръ. Изволили видѣть.

— Все равно. покажи. Картины твои таковы, что, чѣмъ больше смотришь, тѣмъ больше нравятся.

Видя, что художникъ медлитъ, одинъ изъ придворныхъ подошелъ и, отдернувъ полотно, открылъ Джіоконду.

Леонардо нахмурился. Король опустился въ кресло и долго смотрѣлъ на нее, молча.

— Удивительно,—проговорилъ онъ, наконецъ, какъ бы выходя изъ задумчивости.—Вотъ прекраснѣйшая женщина, которую я видѣлъ когда-либо!—Кто это?

— Мадонна Лиза, супруга флорентинскаго гражданина Джіокондо,—отвѣтилъ Леонардо.

— Давно ли писалъ?

— Десять лѣтъ назадъ.

— Все такъ же хороша и теперь?

— Она умерла, ваше величество.

— Мэтръ Леонаръ-дё-Вэнси, — молвилъ придворный поэтъ Сенъ-Желэ, коверкая имя художника на французскій ладъ, — пять лѣтъ работалъ надъ этою картиною и не кончилъ, такъ, по крайней мѣрѣ, онъ самъ увѣряетъ.

— Не кончилъ? — изумился король. — Чего же еще, помилуй? Какъ живая, только не говоритъ...

— Ну, признаюсь,—обратился онъ снова къ художнику,— есть въ чемъ тебѣ позавидовать, мэтръ Леонаръ. Пять лѣтъ съ такою женщиной! Ты на судьбу не можешь пожаловаться: ты былъ счастливъ, старикъ. И чего только мужъ глядѣлъ на васъ? Если бы она не умерла, ты и донынѣ, пожалуй, не кончилъ бы!

Онъ засмѣялся, прищуривъ блестѣвшіе глазки, сдѣлавшись еще болѣе похожимъ на фавна: мысль, что мона Лиза могла остаться вѣрною женою, не приходила ему въ голову.

— Да, другъ мой,—прибавилъ онъ, усмѣхнувшись,—ты знаешь толкъ въ женщинахъ. Какія плечи, какая грудь! А то, чего не видно,—должно быть, еще прекраснѣе...

Онъ смотрѣлъ на нее тѣмъ откровеннымъ мужскимъ взоромъ, который раздѣваетъ женщину, овладѣваетъ ею, какъ безстыдная ласка.

Леонардо молчалъ, слегка поблѣдѣвъ и потупивъ глаза.

— Чтобы написать такой портретъ,—продолжалъ король,— мало быть великимъ художникомъ, надо проникнуть во всѣ тайны женскаго сердца—лабиринта Дедалова, клубка, котораго самъ чортъ не распутаетъ! Вотъ, вѣдь, кажется, тиха, скромна, смиренна, ручки сложила, какъ монахиня, воды не замутитъ, а поди-ка, довѣрься ей, попробуй угадать,—что̀ у нея на душѣ.

Souvent femme varie,
Bien fol est qui s'y fie —

привелъ онъ два стиха изъ собственной пѣсенки, которую однажды, въ минуту раздумья о женскомъ коварствѣ, вырѣзалъ остріемъ алмазнаго перстня на оконномъ стеклѣ въ замкѣ Шамбо̀ръ.

Леонардо отошелъ въ сторону, дѣлая видъ, что хочетъ передвинуть поставъ съ другою картиною поближе къ свѣту.

— Не знаю, правда ли, ваше величество,—произнесъ Сенъ-Желэ полушопотомъ, наклонившись къ уху короля такъ, чтобы Леонардо не могъ слышать,—меня увѣряли, будто бы не только Лизы Джіоконды, но и ни одной женщины во всю свою жизнь не любилъ этотъ чудакъ, будто бы онъ — совершенный дѣвственникъ...

И еще тише, съ игривою улыбкою, прибавилъ онъ что-то, должно быть, очень нескромное, о любви сократической, о необычайной красотѣ нѣкоторыхъ учениковъ Леонардо, о вольныхъ нравахъ флорентинскихъ мастеровъ.

Францискъ удивился, но пожалъ плечами, со снисходительной усмѣшкой человѣка умнаго, свѣтскаго, лишеннаго предразсудковъ, который самъ живетъ и другимъ жить не мѣшаетъ, понимая, что въ этого рода дѣлахъ на вкусъ и на цвѣтъ товарищей нѣтъ.

Послѣ Джіоконды обратилъ онъ вниманіе на неконченный картонъ, стоявшій рядомъ.

— А это что̀?

— Судя по виноградным̃ъ гроздьямъ и тирсу, должно быть Вакхъ,—догадался поэтъ.

— А это?—указалъ король на стоявшую рядомъ картину.

— Другой Вакхъ?—нерѣшительно молвилъ Сенъ-Желэ.

— Странно,—удивился Францискъ.—Волосы, грудь, лицо—совсѣмъ какъ у дѣвушки. Похожъ на Лизу Джіоконду: та же улыбка.

— Можетъ быть, Андрогинъ?—замѣтилъ поэтъ, и когда король, не отличавшійся ученостью, спросилъ, что̀ значитъ это слово, Сенъ-Желэ напомнилъ ему древнюю басню Платона о двуполыхъ существахъ, муже-женщинахъ, болѣе совершенныхъ и прекрасныхъ, чѣмъ люди, дѣтяхъ Солнца и Земли, соединявшихъ оба начала, мужское и женское, столь сильныхъ и гордыхъ, что, подобно Титанамъ, задумали они возстать на боговъ, низвергнуть ихъ съ Олимпа. Зевсъ, усмиряя, но не желая истребить до конца мятежниковъ, дабы не лишиться молитвъ и жертвоприношеній, разсѣкъ ихъ пополамъ своею молніей, „какъ поселянки,—сказано у Платона,—рѣжутъ ниткою или волосомъ яйца для соленія впрокъ". И съ той поры обѣ половины, мужчины и женщины, тоскуя, стремятся другъ къ другу, съ желаніемъ неутолимымъ, которое есть любовь, напоминающая людямъ первобытное единство половъ.

— Можетъ быть, — заключилъ поэтъ, — мэтръ Леонаръ, въ этомъ созданіи мечты своей, пытался воскресить то, чего уже нѣтъ въ прирорѣ,—хотѣлъ соединить разъединенныя богами, начала, мужское и женское.

Слушая объясненіе, Францискъ смотрѣлъ и на эту картину тѣмъ же безстыднымъ, обнажающимъ взоромъ, какъ только что на мону Лизу.

— Разрѣши, учитель, наши сомнѣнія,—обратился онъ къ Леонардо,—кто это Вакхъ или Андрогинъ?

— Ни тотъ, ни другой, ваше величество,—молвилъ Леонардо, краснѣя, какъ виноватый,—это Іоаннъ Предтеча.

— Предтеча? Не можетъ быть. Что ты говоришь, помилуй!..

Но, вглядѣвшись пристальнѣе, король замѣтилъ въ темной глубинѣ картины тонкій тростниковый крестъ. Въ недоумѣніи покачалъ онъ головою.

Эта смѣсь священнаго и грѣховнаго казалась ему кощунственной и въ то же время нравилась. Онъ, впрочемъ, тотчасъ рѣшилъ, что придавать этому значеніе не стоитъ: мало ли что̀ можетъ взбрести въ голову художникамъ?

— Мэтръ Леонаръ, я покупаю обѣ картины. Сколько хочешь за нихъ?

— Ваше величество,—началъ было художникъ робко,—онѣ еще не кончены. Я предполагалъ...

— Пустяки, — перебилъ Францискъ. — Іоанна пожалуй, кончай, — такъ и быть, подожду. А къ Джіокондѣ и прикасаться не смѣй. Все равно, лучше не сдѣлаешь. Я хочу имѣть ее у себя тотчасъ, слышишь? Говори же цѣну, не бойся, — торговаться не буду.

Леонардо чувствовалъ, что надо найти извиненіе, предлогъ для отказа. Но что̀ могъ онъ сказать этому человѣку, который превращалъ все, къ чему ни прикасался, въ пошлость или непристойность? Какъ объяснилъ бы онъ ему, чѣмъ для него былъ портретъ Джіоконды, и почему ни за какія деньги не согласился бы онъ разстаться съ нимъ.

Францискъ думалъ, что Леонардо молчитъ потому, что боится продешевить.

— Ну, дѣлать нечего, если ты самъ не хочешь, — я назначу цѣну.

Онъ взглянулъ на мону Лизу и сказалъ:

— Три тысячи экю. Мало? Три съ половиною?

— Сиръ, — началъ снова художникъ дрогнувшимъ голосомъ, — могу васъ увѣрить...

Онъ остановился; лицо его опять слегка поблѣднѣло.

— Ну, хорошо: четыре тысячи, мэтръ Леонаръ. Кажется, довольно?

Шопотъ удивленія пробѣжалъ среди придворныхъ: никогда никакой покровитель искусствъ, даже самъ Лоренцо Медичи, не назначалъ такихъ цѣнъ за картины.

Леонардо поднялъ глаза на Франциска въ невыразимомъ смятеніи. Онъ готовъ былъ упасть къ ногамъ его, молить, какъ молятъ о пощадѣ жизни, чтобъ онъ не отнималъ у него Джіоконды Францискъ принялъ это смятеніе за порывъ благодарности, всталъ, собираясь уходить, и на прощаніе снова обнялъ его.

— Ну, такъ, значитъ, по рукамъ? Четыре тысячи. Деньги можешь получить, когда угодно. Завтра пришлю за Джіокондою. Будь спокоенъ, я выберу такое мѣсто для нея, что останешься доволенъ. Я знаю цѣну ей и съумѣю сохранить ее для потомства.

Когда король ушелъ, Леонардо опустился въ кресло. Онъ смотрѣлъ на Джіоконду потеряннымъ взоромъ, все еще не вѣря тому, что̀ случилось. Нелѣпые ребяческіе планы приходили ему въ голову: спрятать ее такъ, чтобы король не могъ отыскать, и не отдавать, хотя бы грозили ему смертною казнью, или отослать въ Италію съ Франческо Мельци, бѣжать самому съ нею.

Наступили сумерки. Нѣсколько разъ заглядывалъ Франческо въ мастерскую, но заговаривать съ учителемъ не смѣлъ. Леонардо все еще сидѣлъ передъ Джіокондою. Лицо его казалось въ темнотѣ блѣднымъ и неподвижнымъ, какъ у мертваго.

Ночью вошелъ онъ въ комнату Франческо, который уже легъ, но не могъ заснуть.

— Вставай. Пойдемъ въ замокъ. Мнѣ надо видѣть короля.

— Поздно, учитель. Вы сегодня устали. Опять заболѣете. Вамъ, вѣдь, уже и теперь нездоровится. Право, не лучше ли завтра?

— Нѣтъ, сейчасъ. Зажги фонарь и проводи меня. Впрочемъ, все равно, если не хочешь, я одинъ.

Не возражая болѣе, Франческо всталъ, одѣлся, и они отправились въ замокъ.

VII.

До замка было минутъ десять ходьбы; но дорога—крутая, плохо мощеная. Леонардо шелъ медленно, опираясь на руку Франческо.

Ночь безъ звѣздъ была душная, черная, словно подземная. Вѣтеръ дулъ порывами. Вѣтви деревьевъ вздрагивали испуганно и болѣзненно. Вверху, между вѣтвями, рдѣли освѣщенныя окна замка. Оттуда слышалась музыка.

Король ужиналъ въ маленькомъ избранномъ обществѣ, забавляясь шуткою, которую особенно любилъ: изъ большого серебрянаго кубка, съ искусною рѣзьбою по краямъ и подножію, изображавшею непристойности, заставлялъ пить молоденькихъ придворныхъ дамъ и дѣвушекъ, въ присутствіи всѣхъ, наблюдая, какъ однѣ смѣялись, другія краснѣли и плакали отъ стыда, третьи сердились, четвертыя закрывали глаза, чтобы не видѣть, пятыя притворялись, что видятъ, но не понимаютъ.

Среди дамъ была родная сестра короля, принцесса Маргарита,—„жемчужина жемчужинъ", какъ ее называли. Она славилась красотой и ученостью. Искусство нравиться было для нея „привычнѣе хлѣба насущнаго", по словамъ ея поклонниковъ. Но, всѣхъ плѣняя, была она ко всѣмъ равнодушна; только брата любила странною, чрезмѣрною любовью: слабости его казались ей совершенствами, пороки—доблестями, лицо Фавна—лицомъ Аполлона. За него во всякую минуты жизни была она готова, какъ сама выражалась, „не только развѣять по вѣтру прахъ тѣла своего, но отдать и безсмертную душу свою". Ходили слухи, будто бы она любитъ его болѣе, чѣмъ позволено сестрѣ любить брата. Во всякомъ случаѣ, Францискъ злоупотреблялъ этою любовью: пользовался ея услугами не только въ трудахъ, болѣзняхъ, опасностяхъ, но и во всѣхъ своихъ любовныхъ похожденіяхъ.

Въ тотъ вечеръ должна была пить изъ непристойнаго кубка новая гостья, совсѣмъ еще молоденькая дѣвушка, почти ребенокъ, наслѣдница древняго рода, отысканная гдѣ-то въ захолустьѣ Бретани Маргаритою, представленная ко двору и уже начинавшая нравиться его величеству. Дѣвушка не имѣла нужды притворяться: она, въ самомъ дѣлѣ, не понимала безстыдныхъ изобра-

женій; только чуть-чуть краснѣла отъ устремленныхъ на нее, любопытныхъ и насмѣшливыхъ взоровъ. Король былъ очень веселъ.

Доложили о приходѣ Леонардо. Францискъ велѣлъ принять его и вмѣстѣ съ Маргаритою пошелъ къ нему навстрѣчу.

Когда художникъ въ смущеніи, потупивъ глаза, проходилъ по освѣщеннымъ заламъ сквозь ряды придворныхъ дамъ и кавалеровъ,—не то удивленные, не то насмѣшливые взоры провожали его: отъ этого высокаго старика, съ длинными сѣдыми волосами, съ угрюмымъ лицомъ, съ робкимъ до дикости взглядомъ, на самыхъ безпечныхъ и легкомысленныхъ вѣяло дыханіемъ иного, чуждаго міра, какъ вѣетъ холодомъ отъ человѣка, пришедшаго въ комнату прямо со стужи.

— А, мэтръ Леонаръ! — привѣтствовалъ его король и, по обыкновенію, почтительно обнялъ.—Вотъ рѣдкій гость. Чѣмъ тебя потчивать? Знаю, мяса не ѣшь,—можетъ быть, овощей или плодовъ?

— Благодарю, ваше величество...—Простите, мнѣ хотѣлось бы сказать вамъ два слова...

Король посмотрѣлъ на него пристально.

— Что̀ съ тобою, другъ? Ужъ не боленъ ли?

Онъ отвелъ его въ сторону и спросилъ, указывая на сестру:

— Не помѣшаетъ?

— О нѣтъ,—возразилъ художникъ, склонившись передъ Маргаритою.—Смѣю надѣяться, что ея высочество также будетъ за меня ходатайствовать.

— Говори. Ты знаешь, я всегда радъ.

— Я все о томъ же, сиръ,—о картинѣ, которую вы пожелали купить, о портретѣ моны Лизы.

— Какъ? Опять? Зачѣмъ же ты мнѣ сразу не сказалъ? Чудакъ! Я думалъ,—мы сошлись въ цѣнѣ.

— Я не о деньгахъ, ваше величество.

— О чемъ же?

И Леонардо снова почувствовалъ, подъ равнодушно-ласковымъ взоромъ Франциска, невозможность говорить съ нимъ о Джіокондѣ.

— Государь,—произнесъ художникъ, дѣлая усиліе, чтобы преодолѣть мучительный стыдъ и робость,—государь, будьте милостивы, не отнимайте у меня этого портрета! Онъ, все равно, вашъ, и денегъ не надо мнѣ: только на время оставьте его у меня—до моей смерти...

Онъ замялся, не кончилъ и съ отчаянною мольбою взглянулъ на Маргариту.

Король, пожавъ плечами, нахмурился.

— Сиръ,—вступилась дѣвушка,—исполните просьбу мэтра Леонаръ. Онъ заслужилъ того,—будьте милостивы.

— И вы за него, и вы, madame Marguerite? Да это цѣлый заговоръ!

Она положила руку на плечо брата и шепнула ему на ухо:

— Какъ же вы не видите? Онъ до сихъ поръ любитъ ее.

— Да вѣдь она умерла!

— Чтó изъ того? Развѣ мертвыхъ не любятъ? Вы же сами говорили, что она живая на портретѣ. Будьте добрымъ, братецъ милый, оставьте ему послѣднюю память о прошломъ, не огорчайте старика.

Что-то шевельнулось въ умѣ Франциска, полузабытое, школьное, книжное—о вѣчномъ союзѣ душъ, о неземной любви, о рыцарской вѣрности: ему захотѣлось быть великодушнымъ.

— Богъ съ тобой, мэтръ Леонаръ,—молвилъ онъ, съ немного насмѣшливой улыбкой,—видно, тебя не переупрямишь. Ты съумѣлъ выбрать себѣ ходатайницу. Будь спокоенъ, я исполню твое желаніе. Только помни: картина мнѣ принадлежитъ, и деньги за нее ты получишь впередъ.

Что-то блеснуло въ глазахъ Леонардо, такое дѣтское, жалобное, что король улыбнулся еще снисходительнѣе и потрепалъ его по плечу.

— Не бойся же, другъ мой: даю тебѣ слово,—никто не разлучитъ тебя съ твоею Лизою.

У Маргариты навернулись слезы на глаза: съ тихою улыбкою подала она руку художнику, и тотъ поцѣловалъ ее, молча.

Заиграла музыка. Начался балъ. Закружились пары.

И уже никто не вспоминалъ о странномъ, чуждомъ гостѣ, который прошелъ между ними, какъ тѣнь, и снова скрылся во мракъ беззвѣздной, черной, словно подземной, ночи.

VIII.

Франческо Мельци, чтобы вступить во владѣніе небольшимъ наслѣдствомъ дальняго родственника, долженъ былъ получить нѣкоторыя бумаги отъ королевскаго нотаріуса города Амбуаза, мэтра Гильома Борò. Это былъ человѣкъ образованный, любезный и дружески расположенный къ Леонардо.

Однажды, бесѣдуя съ Франческо о послѣднихъ работахъ учителя, замѣтилъ онъ съ шуткою, что и въ собственномъ домѣ его есть удивительный живописецъ изъ Гиперборейскихъ странъ. И когда Франческо сталъ разспрашивать,—повелъ его на чердакъ и здѣсь, въ большой низкой комнатѣ, рядомъ съ голубятнею, въ углубленіи слухового окна, показалъ крошечную иконописную мастерскую Евтихія Паисѣевича Гагары.

Франческо, желая развеселить учителя, который въ послѣдніе

дни былъ особенно задумчивъ, разсказалъ ему о мастерской живописца-варвара, какъ о любопытной диковинкѣ, совѣтуя при случаѣ взглянуть на нее.—Леонардо помнилъ разговоръ свой въ Миланѣ, во дворцѣ Моро, на праздникѣ Золотого Вѣка, съ русскимъ посломъ Никитою Карачьяровымъ о далекой Московіи, и ему захотѣлось видѣть художника изъ этой полусказочной страны.

Однажды вечеромъ, вскорѣ послѣ покупки Францискомъ портрета Джіоконды, пошли они къ мэтру Гильому.

Въ тотъ вечеръ товарищи Евтихія отправились въ замокъ, на маскарадъ и балъ. Евтихій также собирался; но Илья Потапычъ, который самъ долженъ былъ присутствовать на праздникѣ, отсовѣтовалъ ему:

— Когда въ здѣшнихъ поганыхъ фряжскихъ обычаяхъ, къ питію пьянственному мужи и жены въ гнусныхъ личинахъ и машкерахъ сойдутся, — тутъ же приходятъ и нѣкіи кощунники, имѣя гусли и скрипѣли, и сопѣли, и бубны, бѣсяся и скача, и скверныя пѣсни припѣвая: каждый мужъ чужой женѣ питіе подаетъ съ лобзаніемъ, и тутъ будетъ рукамъ пріятіе и злотайнымъ рѣчамъ соплетеніе, и связь діавольская.

Не столько, впрочемъ, изъ боязни соблазновъ, сколько потому, что хотѣлъ въ уединеніи поработать надъ новою иконою „Всякое дыханіе да хвалитъ Господа“,—Евтихій остался дома одинъ; сѣлъ на свое обычное мѣсто у окна и принялся за работу.

Всѣ ремесленныя мелочи искусства были для него не менѣе святы и дороги, чѣмъ высшія правила. Онъ заботился не объ одномъ изяществѣ, но и о прочности,—писалъ икону такъ, чтобы вѣка могли пройти, не испортивъ ея.

Дерево, обыкновенно липу или кленъ, выбиралъ самаго ровнаго бѣлаго цвѣта, выросшее въ мѣстѣ высокомъ, сухомъ, и потому не легко загнивающее; старательно задѣлывалъ пазы, проклеивалъ доску крѣпкимъ стерляжьимъ клеемъ, накладывалъ паволоку изъ мягкой старой холстины, намазывалъ слоями жидкій левкасъ, отнюдь не мѣловой, который употреблялся мастерами, помышлявшими болѣе о дешевизнѣ, чѣмъ о долговѣчности своихъ произведеній, а самый дорогой, твердый и нѣжный, алебастровый; давалъ ему просохнуть, выглаживалъ хвощомъ; потомъ „знаменилъ“, то-есть, рисовалъ тонкою кисточкой съ тушью „переводъ“ съ древняго образца и, дабы впослѣдствіи, во время раскрашиванія, не сбиться, „графовалъ“, обводилъ весь очеркъ узкими, выскребленными остріемъ гвоздя, канавками—„графьями“; наконецъ, приготовлялъ краски—вапы: распускалъ ихъ на яичномъ желткѣ, протиралъ въ глиняныхъ черепкахъ и раковинахъ, а иныя, самыя нѣжныя, на собственныхъ ногтяхъ, замѣнявшихъ ему палитру;

затѣмъ начиналъ писать, сперва „доличное", то-есть, все, кромѣ человѣческихъ лицъ: горы, въ видѣ круглыхъ, плоскихъ шапокъ, деревья—грибами, травы—на подобіе перистыхъ черно-красныхъ водорослей, съ голубыми точками незабудокъ, облака—неправильными бѣлыми кружками; одежды грунтовалъ сначала темно-коричневою краскою, потомъ обозначалъ по нимъ складки и въ высокихъ мѣстахъ пробѣливалъ; золотыя украшенія въ ризахъ ангеловъ и святителей, также завитки и тончайшіе усики травъ золотилъ при помощи спицы, „въ проскрёбку" червоннымъ золотомъ.

Вся доличная работа была уже исполнена; въ тотъ вечеръ приступилъ онъ къ послѣдней, самой важной и трудной части—къ писанію человѣческихъ-лицъ: также какъ ризы, загрунтовалъ онъ ихъ темною краскою, потомъ постепенно ста́лъ „оживлять" тремя личными вохрами, изъ коихъ каждая послѣдующая была свѣтлѣе предыдущей, и наконецъ, „подрумянивать щечку и уста, и бородку, и губки, и шейку".

Не довольствуясь рѣзкими бѣлыми „движками" ста́раго новгородскаго письма, стремился онъ къ новому, рублёвскому, сходному съ древне византійскимъ, болѣе совершенному, какъ тогдашніе мастера выражались, *плавкому*, *облачному*, въ которомъ розоватое вохреніе пущено было въ тонкую свѣтлую тѣнь; особенно же заботился о благолѣпіи мужей—бородѣ, то короткой, курчеватой; то длинной, повившейся до земли; то широкой распахнувшейся на оба плеча, то „разсохатой, съ космочками", „продымленной", или съ „подрусинками", или „съ подсѣдинками"; о выраженіи лицъ, величаво-строгомъ, или „страдномъ" и нѣжномъ.

Онъ совсѣмъ погрузился въ работу, какъ вдругъ за окномъ послышался шелестъ и трепетъ голубиныхъ крыльевъ.—Евтихій зналъ, что это кормитъ птицъ сосѣдка, молодая жена стараго пекаря. Онъ часто смотрѣлъ на нее украдкою. Надъ палисадникомъ, между вѣтвями сирени, въ темномъ четырехугольникѣ открытаго окна, стояла она, съ голою шеей, съ вырѣзомъ платья, сквозь который сверху видно ему было раздѣленіе грудей и теплая тѣнь между ними,—съ чуть замѣтными веснушками на бѣлой кожѣ и рыжими волосами, блестѣвшими на солнцѣ, какъ золото.

„Чадо, на женскую красоту не зри, — вспомнились ему слова Ильи Потапыча,—ибо та красота сладитъ сперва, какъ медвяная сыта, а послѣ горше полыни и желчи бываетъ. Не возводи на нее очей своихъ, да не погибнешь. Чадо, бѣги отъ красоты женской невозвратно, какъ Ной отъ потопа, какъ Лотъ отъ Содома и Гоморры. Ибо что̀ есть жена?—Сѣть, сотворенная бѣсомъ, прельщающая сластями,—проказливая на святыхъ клеветница, сатанинскій праздникъ, покоище змѣиное, цвѣтъ дьяволь-

скій, безъ исцѣленія болѣзнь, коза неистовая, вѣтеръ сѣверный, день ненастный, гостинница жидовская. Лучше лихорадкою болѣть, нежели женою обладаему быть: лихорадка потрясетъ да и пуститъ, а жена до смерти изсушитъ. Жена подобна перечесу: сюда болитъ, а сюда свербитъ. Кротима—высится, а біема—бѣсится. Всякаго зла злѣе злая жена".

Евтихій продолжалъ смотрѣть на сосѣдку и даже отвѣтилъ на улыбку ея такою же невольною улыбкою.—Потомъ, вернувшись къ работѣ, написалъ одну изъ святыхъ мученицъ въ иконѣ съ волосами прекраснаго золотисто-рыжаго цвѣта, какъ у хорошенькой пекарши.

На лѣстницѣ раздались голоса. Вошелъ Власій, старый посольскій толмачъ, за нимъ хозяинъ дома мэтръ Гильомъ Бордъ, Франческо Мельци и Леонардо.

Когда Власій объяснилъ Евтихію, что гости желаютъ взглянуть на его мастерскую, онъ застыдился, почти испугался и все время, пока они осматривали, стоялъ молча, потупившись, не зная, куда дѣть глаза, только изрѣдка взглядывая на Леонардо: лицо его поразило Евтихія,—онъ казался ему похожимъ на Илью пророка, какъ тотъ изображался въ Иконописномъ Подлинникѣ.

Осмотрѣвъ принадлежности крошечной мастерской—невиданныя кисти, пилки, дощечки, раковины съ вапами, горшечки съ клеемъ и олифою—обратилъ Леонардо вниманіе на икону „Всякое дыханіе да хвалитъ Господа". Хотя Власій, который больше путалъ, чѣмъ объяснялъ,—не умѣлъ растолковать значеніе надписей, художникъ понялъ замыселъ иконы и удивился тому, что этотъ варваръ, сынъ „звѣрскаго племени"—gente bestiale, какъ называли итальянскіе путешественники русскихъ людей,—коснулся предѣла всей человѣческой мудрости: не былъ ли Сидящій на престолѣ надъ сферами семи планетъ, воспѣваемый всѣми голосами природы — неба и преисподней, огня и духа бурнаго, растеній и животныхъ, людей и ангеловъ,—„Первымъ Двигателемъ" божественной механики—Primo Motore самого Леонардо?

Учитель разсматривалъ также, съ глубокимъ вниманіемъ и любопытствомъ, лицевой Иконописный Подлинникъ, большую тетрадь съ изображеніями иконъ, слегка очерченными углемъ или красными чернилами. Здѣсь увидѣлъ онъ различныхъ русскихъ Богоматерей — Утоли моя печали, и Радость всѣхъ скорбящихъ, и Взыгранія, и Умиленія, и Живоносный Источникъ, гдѣ Пречистая стоитъ надъ водометомъ, утоляющимъ жажду всѣхъ тварей, и Страстную съ Младенцемъ Іисусомъ, который, какъ бы въ ужасѣ, отвращается отъ подаваемаго Ему скорбнымъ Архангеломъ креста; и Спаса „мокрая брада", съ прямыми, не вьющимися волосами, нерукотворнаго, запечатлѣн-

наго на убрусѣ, коимъ Господь отиралъ лицо Свое, орошенное потомъ, когда шелъ на Голгоѳу; и Спаса Благое Молчаніе съ руками сложенными на груди.

Леонардо чувствовалъ, что это—не живопись, или, по крайней мѣрѣ, не то, чѣмъ казалась ему живопись: но, вопреки несовершенству рисунка, свѣта и тѣни, перспективы и анатоміи,—здѣсь, какъ въ старыхъ византійскихъ мозаикахъ (Леонардо видѣлъ ихъ въ Равеннѣ) была сила вѣры, болѣе древняя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, юная, чѣмъ въ самыхъ раннихъ созданіяхъ итальянскихъ мастеровъ, Чимабуэ и Джіотто, было смутное чаяніе великой, новой красоты,—какъ бы таинственыя сумерки, въ которыхъ послѣдній лучъ эллинской прелести сливался съ первымъ лучемъ еще невѣдомаго утра; дѣйствіе этихъ ббразовъ, иногда неуклюжихъ, варварскихъ, странныхъ до дикости, и въ то же время безплотныхъ, прозрачныхъ и нѣжныхъ, какъ сновидѣнія ребенка, подобно было дѣйствію музыки; въ самомъ нарушеніи законовъ естественныхъ досягали они міра сверхъестественнаго.

Особенно поразили художника два лика Іоанна Предтечи, Крылатаго: у одного въ лѣвой рукѣ была золотая чаша съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, на котораго указывалъ онъ правою рукою: „Се Агнецъ Божій вземляй грѣхи міра“; другой, „съ усѣкновеніемъ“, вопреки законамъ природы, имѣлъ двѣ головы: одну, живую, на плечахъ, другую, мертвую, въ сосудѣ, который держалъ въ рукахъ, какъ бы въ знакъ того, что человѣкъ, только умертвивъ въ себѣ все человѣческое, достигаетъ окрыленія сверхчеловѣческаго; ликъ у обоихъ былъ страненъ и страшенъ: взоръ широко открытыхъ глазъ похожъ на взоръ орла, вперенный въ солнце; борода и волосы развѣвались, какъ бы отъ сильнаго вѣтра; косматая верблюжья риза напоминала перья птицы; кости исхудалыхъ, непомѣрно длинныхъ, тонкихъ рукъ и ногъ, едва покрытые кожей, казались легкими, преображенными для полета, точно пустыми, полыми внутри, какъ хрящи и кости пернатыхъ; за плечами два исполинскія крыла подобны были крыльямъ лебедя или той *Великой Птицы*, *Grande Ucello*, о которой всю жизнь мечталъ Леонардо.

И вспомнились художнику слова пророка Малахіи, приведенныя въ дневникѣ Джіованни Бельтраффіо:

„Вотъ я посылаю Ангела моего и онъ приготовитъ путь предо мною и внезапно пріидетъ въ храмъ Свой Господь, котораго вы ищете и Ангелъ завѣта, котораго вы желаете. Вотъ Онъ идетъ“.

IX.

Только что уѣхалъ король,—воцарилась въ Амбуазѣ обычная тишина и пустынность. Раздавался лишь мѣрный мѣдный бой на

башнѣ Орложъ да по вечерамъ крики дикихъ лебедей на песчаныхъ отмеляхъ, среди гладкой, какъ зеркало, отражающей блѣдно-зеленое небо, Луары.

Леонардо по прежнему работалъ надъ Іоанномъ Предтечею. Но, по мѣрѣ того, какъ работа шла впередъ, становилась она все труднѣе, все медленнѣе. Иногда казалось Франческо, что учитель хочетъ невозможнаго. Съ такимъ же дерзновеніемъ, какъ нѣкогда тайну жизни въ монѣ Лизѣ, теперь, въ этомъ Іоаннѣ, который указывалъ на крестъ Голгоѳы, испытывалъ онъ то, въ чемъ жизнь и смерть сливаются въ одну, еще бо́льшую тайну.

Порою, въ сумерки, Леонардо, снявъ покровъ съ Джіоконды, подолгу смотрѣлъ на нее и на стоявшаго рядомъ Іоанна, какъ будто сравнивалъ ихъ. И тогда ученику казалось, можетъ быть, отъ игры невѣрнаго свѣта и тѣни, что выраженіе лицъ у обоихъ, у Отрока и женщины, мѣняется, что они выступаютъ изъ полотна, какъ призраки, подъ пристальнымъ взоромъ художника, оживляясь жизнью сверхъестественною, и что Іоаннъ становится похожимъ на мону Лизу и на самаго Леонардо въ юности, какъ сынъ похожъ на отца и на мать.

Здоровье учителя слабѣло. Напрасно Мельци умолялъ его отдохнуть, оставить работу, — Леонардо слышать не хотѣлъ объ отдыхѣ.

Однажды, осенью 1518 года, особенно недомогалось ему. Но, преодолѣвая болѣзнь и усталость, проработалъ онъ весь день; кончилъ только раньше, чѣмъ всегда, и попросилъ Франческо проводить его наверхъ, въ спальню: витая деревянная лѣстница была крута; вслѣдствіе частыхъ головокруженій, не рѣшался онъ въ послѣдніе дни подниматься по ней, безъ чьей-либо помощи.

И на этотъ разъ Франческо поддерживалъ учителя. Леонардо шелъ медленно, съ трудомъ, останавливаясь черезъ каждыя двѣ, три ступени, чтобы перевести духъ.

Вдругъ покачнулся онъ, опираясь на ученика всею тяжестью тѣла. Тотъ понялъ, что ему дурно, и боясь, что одинъ не сможетъ поддержать его, кликнулъ стараго слугу, Баттисто Вилланиса. Вдвоемъ подхватили они Леонардо, который опустился къ нимъ на руки, стали звать на помощъ, и когда подоспѣли еще двое слугъ, перенесли больного въ спальню.

Отказываясь, по обыкновенію, отъ всякаго лѣченія, шесть недѣль пролежалъ онъ въ постели. Правая сторона тѣла была разбита параличемъ, правая рука отнялась.

Къ началу зимы ему сдѣлалось лучше. Но поправлялся онъ трудно и медленно.

Въ теченіе всей своей жизни, Леонардо владѣлъ обѣими руками—лѣвой, какъ и правой—одинаково, и обѣ были ему

нужны для работы: лѣвою рисовалъ, писалъ картины правою; то, что̀ дѣлала одна, не могла бы сдѣлать другая; въ этомъ соединеніи двухъ противоположныхъ силъ заключалось, какъ онъ утверждалъ, преимущество̀ его передъ другими художниками.—Но теперь, когда, вслѣдствіе паралича, онѣмѣли пальцы на правой рукѣ, такъ что онъ лишился или почти лишился ея употребленія, Леонардо боялся, что живопись сдѣлается для него невозможною.

Въ первыхъ числахъ декабря всталъ онъ съ постели, сперва началъ ходить по верхнимъ покоямъ, потомъ спускаться въ мастерскую. Но къ работѣ все не возвращался.

Однажды, въ самый тихій часъ дня, когда всѣ въ домѣ спали послѣ полдника, Франческо, желая о чемъ-то спросить учителя и, не найдя его въ верхнихъ покояхъ, сошелъ внизъ, въ мастерскую, осторожно пріотворилъ дверь и заглянулъ. Въ послѣднее время Леонардо, болѣе угрюмый и нелюдимый, чѣмъ когда-либо, любилъ подолгу оставаться одинъ и не позволялъ, чтобы къ нему входили безъ спроса, точно боялся, что за нимъ подсматриваютъ.

Въ пріотворенную дверь Франческо увидѣлъ, что онъ стоитъ передъ Іоанномъ и пробуетъ писать больною рукою: лицо его искажено было судорогой отчаяннаго усилія; углы крѣпко сжатыхъ губъ опущены; брови сдвинуты; сѣдыя пряди волосъ прилипли ко лбу, смоченному потомъ. Окоченѣлые пальцы не слушались: кисть дрожала въ рукѣ великаго мастера, какъ въ рукѣ неопытнаго ученика.

Въ ужасѣ, не смѣя шевельнуться, затаивъ дыханіе, смотрѣлъ Франческо на эту послѣднюю борьбу живого духа съ умирающей плотью.

X.

Въ тотъ годъ зима была суровая: ледоходъ разрушилъ мосты на Луарѣ; люди замерзали на дорогахъ; волки забѣгали въ предмѣстье города; старый садовникъ увѣрялъ, будто бы видѣлъ ихъ въ саду, подъ окнами замка Дю-Клу: ночью нельзя было безъ оружія выйти изъ дому; перелетныя птицы падали мертвыми. Однажды утромъ, выйдя на крыльцо, Франческо нашелъ на снѣгу и принесъ учителю полузамерзшую ласточку. Тотъ отогрѣлъ ее дыханіемъ и устроилъ ей гнѣздо въ тепломъ углу за очагомъ, чтобы весной выпустить на волю.

Работать онъ уже не пытался: неоконченнаго Іоанна, вмѣстѣ съ прочими картинами, рисунками, кистями и красками, спряталъ въ самый дальній уголъ мастерской. Дни проходили въ праздности. Иногда посѣщалъ ихъ нотаріусъ, мэтръ Гильомъ; онъ бесѣдовалъ о предстоящемъ урожаѣ, о дороговизнѣ соли,

о томъ, что у лангедокскихъ овецъ шерсть длиннѣе, за то мясо лучше у беррійскихъ и лимузенскихъ; или давалъ совѣты стряпухѣ Матуринѣ, какъ отличать молодыхъ зайцевъ отъ старыхъ по легко-подвижной косточкѣ въ переднихъ лапкахъ.—Заходилъ къ нимъ также францисканскій монахъ, духовникъ Франческо Мельци, братъ Гульельмо, родомъ изъ Италіи, давно поселившійся въ Амбуазѣ — старичокъ простой, веселый и ласковый; онъ отлично разсказывалъ старинныя новеллы о флорентинскихъ шалунахъ и проказникахъ. Леонардо, слушая его, смѣялся такимъ же добрымъ смѣхомъ, какъ онъ. Въ долгіе зимніе вечера играли они въ шашки, бирюльки и карты.

Наступали ранніе сумерки; свинцовый свѣтъ лился сквозь окна. Гости уходили. Тогда цѣлыми часами расхаживалъ Леонардо взадъ и впередъ по комнатѣ, изрѣдка поглядывая на механика Зороастро да Перетола. Теперь, болѣе, чѣмъ когда-либо, этотъ калѣка былъ живымъ укоромъ, насмѣшкой надъ усиліемъ всей жизни учителя—созданіемъ человѣческихъ крыльевъ. По обыкновенію, сидя въ углу, поджавъ ноги, наматывалъ Астро длинную полотняную ленту на круглый шестокъ; выпиливалъ чурки для городковъ; вырѣзывалъ волчки; или, зажмувивъ глаза, раскачиваясь медленно, съ безсмысленной улыбкой, махалъ руками, точно крыльями, и въ полузабытьи, мурлыкалъ себѣ подъ носъ все одну и ту же пѣсенку:

Курлы, курлы,
Журавли да орлы,
Среди солнечной мглы,
Гдѣ не видно земли.
Журавли, журавли.

Отъ этой унылой пѣсенки дѣлалось еще скучнѣе, холодный свѣтъ сумерекъ казался еще безнадежнѣе.

Наконецъ, совсѣмъ темнѣло. Въ домѣ наступала тишина. А за окнами выла вьюга, шумѣли голые сучья старыхъ деревьевъ, и шумъ этотъ похожъ былъ на бесѣду злыхъ великановъ. Къ вою вѣтра присоединялся другой, еще болѣе жалобный, должно быть, вой волковъ на опушкѣ лѣса. Франческо разводилъ огонь въ очагѣ, и Леонардо присаживался.

Мельци хорошо игралъ на лютнѣ, и у него былъ пріятный голосъ. Иногда старался онъ разсѣять мрачныя мысли учителя музыкой. Однажды спѣлъ онъ ему старинную пѣсню, сложенную Лоренцо Медичи, сопровождавшую такъ называемый „тріонфо“,—карнавальное шествіе Вакха и Аріадны,—безконечно-радостную и унылую пѣсню любви, которую Леонардо любилъ, потому что слышалъ ее часто въ юности:

Quant'è bella giovenezza,
Che se fugge tuttavia.

Chi vuol esser lieto, sia:
Di doman no c'è certezza.
О какъ молодость прекрасна,
Но мгновенна! Пой же, смѣйся,
Счастливъ будь, кто счастья хочетъ,
И на завтра не надѣйся.

Учитель слушалъ, опустивъ голову: ему вспомнилась лѣтняя ночь, черныя, какъ уголь, тѣни, яркій, почти бѣлый, свѣтъ луны въ пустынной улицѣ, звуки лютни передъ мраморной лоджіей, эта же самая пѣсня любви—и мысли о Джіокондѣ.

Послѣдній звукъ дрожалъ, замирая, сливаясь съ гуломъ и грохотомъ вьюги. Франческо, сидѣвшій у ногъ учителя, поднялъ глаза на него и увидѣлъ, что по лицу старика текутъ слезы.

Иногда, перечитывая дневники свои, Леонардо записывалъ въ нихъ новыя мысли о томъ, что̀ теперь занимало его больше всего — о смерти.

„Теперь ты видишь, что твоя надежда и желаніе вернуться на родину, къ первому бытію—подобно стремленію бабочки въ огонь, и что человѣкъ, который въ безпрерывныхъ желаніяхъ, въ радостномъ нетерпѣніи ждетъ всегда новой весны, всегда новаго лѣта, всегда новыхъ мѣсяцевъ и новыхъ годовъ, думая, что ожидаемое опаздываетъ,—не замѣчаетъ того, что желаетъ собственнаго разрушенія и конца. Но желаніе это есть сущность природы, — душа стихій, которая, чувствуя себя заключенною въ душѣ человѣческой, вѣчно желаетъ вернуться изъ тѣла къ Пославшему ее.

„Въ природѣ нѣтъ ничего, кромѣ силы и движенія; сила же есть воля счастья—вѣчное стремленіе міра къ послѣднему равновѣсію, къ первому Двигателю.

„Когда желаемое соединяется съ желающимъ, происходитъ утоленіе желанія и радость: любящій, когда соединился съ любимою,—покоится; тяжесть, когда упала,—покоится.

„Часть всегда желаетъ соединиться съ цѣлымъ, дабы избѣгнуть несовершенства: душа всегда желаетъ быть въ тѣлѣ, потому что, безъ органовъ тѣла, не можетъ ни дѣйствовать, ни чувствовать. Но, съ разрушеніемъ тѣла, душа не разрушается: она дѣйствуетъ въ тѣлѣ, подобно вѣтру въ трубахъ органа: ежели одна изъ трубъ испорчена, вѣтеръ не производитъ вѣрнаго звука.

„Какъ день, хорошо употребленный, даетъ радостный сонъ, такъ жизнь, хорошо прожитая, даетъ радостную смерть.

„Всякая жизнь, хорошо прожитая, есть долгая жизнь.

„Всякое зло оставляетъ горечь въ памяти, кромѣ величайшаго — смерти, которая разрушаетъ память вмѣстѣ съ жизнью.

„Когда я думалъ, что учусь жить,—я только учился умирать.

„Внѣшняя необходимость природы соотвѣтствуетъ внутренней необходимости разума: все разумно, все хорошо, потому что все необходимо.

„Да будетъ воля Твоя, Отче нашъ, и на землѣ, какъ на небѣ“.

Такъ разумомъ оправдывалъ онъ въ смерти божественную необходимость — волю Перваго Двигателя; а между тѣмъ, въ глубинѣ сердца его что-то возмущалось, не могло и не хотѣло покориться разуму.

Однажды, приснилось ему, что онъ очнулся въ гробу, подъ землею, заживо погребенный, и съ отчаяннымъ усиліемъ, задыхаясь, уперся руками въ крышку гроба.—На слѣдующее утро напомнилъ онъ Франческо свое желаніе, чтобы не хоронили его, пока не явятся первые признаки разложенія.

Въ зимнія ночи, подъ стоны вьюги, глядя на подернутые пепломъ угли очага, вспоминалъ онъ свои дѣтскіе годы въ селеніи Винчи,—безконечно-далекій и радостный, точно призывный, крикъ журавлей—„полетимъ! полетимъ!“—смолистый горный запахъ вереска, видъ на Флоренцію въ солнечной долинѣ, прозрачно-лиловую, какъ аметистъ, такую маленькую, что вся она умѣщалась между двумя золотистыми вѣтками поросли, покрывающей склоны Альбанской горы.—И тогда онъ чувствовалъ, что все еще любитъ жизнь слѣпою, неразумною любовью, все еще, полумертвый, цѣпляется за нее и боится смерти, какъ черной ямы, куда не сегодня такъ завтра провалится съ крикомъ послѣдняго ужаса. И такая тоска сжимала ему сердце, что хотѣлось плакать, какъ плачутъ маленькія дѣти. Всѣ утѣшенія разума, всѣ слова о божественной необходимости, о волѣ Перваго Двигателя казались лживыми, разлетались, какъ дымъ, передъ этимъ безсмысленнымъ ужасомъ. Темную вѣчность, тайны неземного міра отдалъ бы онъ за одинъ лучъ солнца, за одно дуновеніе весенняго вѣтра, полнаго благоуханіемъ распускающихся листьевъ, за одну вѣтку съ золотисто-желтыми цвѣтами альбанской поросли.

Ночью, когда они оставались одни, а спать не хотѣлось,— въ послѣднее время страдалъ Леонардо безсонницей,—читалъ ему Франческо Евангеліе.

Никогда не казалась ему эта книга такою новою, необычайною, непонятою людьми. Нѣкоторыя слова, по мѣрѣ того, какъ онъ вдумывался въ нихъ—углублялись, какъ бездны. Одно изъ такихъ словъ было въ четвертой главѣ Евангелія отъ Луки. Когда Господь побѣдилъ два первыя искушенія—хлѣбомъ и властью, діаволъ искушаетъ Его крыльями:

„И повелъ Его въ Іерусалимъ и поставилъ Его на крылѣ храма и сказалъ Ему: если Ты Сынъ Божій, бросься отсюда

внизъ. Ибо написано: Ангеламъ Своимъ заповѣдаетъ о Тебѣ сохранить Тебя, и на рукахъ понесутъ Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею.—Іисусъ сказалъ ему въ отвѣтъ, сказано: не искушай Господа Бога твоего".

Слово это казалось теперь Леонардо отвѣтомъ на вопросъ всей жизни его: будутъ ли крылья человѣческія?-

„И окончивъ все искушеніе,—сказано было далѣе,—діаволъ отошелъ отъ Него *до времени*".

„До времени? Что это значитъ? — думалъ Леонардо.—Когда же діаволъ приступилъ къ Нему снова?"

Слова, которыя могли бы казаться ему полными величайшаго соблазна, наиболѣе противными опыту и познанію законовъ естественной необходимости,—не смущали его:

„Если вы будете имѣть вѣру съ горчичное зерно и скажете горѣ сей: перейди туда,—она перейдетъ".

Ему всегда казалось, что послѣднее, можетъ быть, недоступное людямъ, знаніе и послѣдняя, столь же недоступная, вѣра привели бы разными путями къ одному,—къ сліянію внутренней и внѣшней необходимости, воли человѣка и воли Бога. Кто съ истинною вѣрою скажетъ горѣ: подымись и ввергнись въ море,—тотъ уже знаетъ, что не можетъ не быть по слову его, для того уже сверхъестественное—естественно. Но уязвляющее жало этихъ словъ не заключалось ли въ томъ, что вѣру, хотя бы съ горчичное зерно, имѣть труднѣе, чѣмъ сказать горѣ: подымись и ввергнись въ море.

Тщетно старался онъ постигнуть и другое, еще болѣе загадочное слово Учителя:

„Славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаилъ сіе отъ мудрыхъ и разумныхъ и открылъ то младенцамъ. Ей, Отче! ибо таково было Твое благоволеніе".

Ежели есть у Бога тайна, которую Онъ открываетъ младенцамъ, ежели совершенная простота не есть совершенная мудрость,—почему же сказано въ той же книгѣ:

„Будьте мудры, какъ зміи, и просты, какъ голуби".

Между этими двумя словами опять открывалась бездна.

И еще сказано: „посмотрите на полевыя лиліи,—какъ онѣ растутъ? — И такъ, не заботьтесь и не говорите: что намъ ѣсть? или что намъ пить? или во что одѣться? Потому что всего этого ищутъ язычники, и потому, что Отецъ вашъ небесный знаетъ, что вы имѣете нужду во всемъ этомъ.—Это все приложится вамъ".

Леонардо вспоминалъ свои открытія, изобрѣтенія, машины, которыя должны были дать человѣку власть надъ природою,—и думалъ: „неужели все это только забота о тѣлѣ, — что̀ ѣсть? что̀ пить? во что̀ одѣться?—только служеніе Маммонѣ? Или въ трудѣ

человѣческомъ нѣтъ ничего, кромѣ пользы? И если Любовь есть Марія, которая, избравъ благую часть, сидитъ у ногъ Учителя и внемлетъ словамъ Его, то неужели Мудрость—только Мареа, которая печется о многомъ, когда нужно одно?

Онъ, впрочемъ, зналъ, по собственному опыту, что въ глубочайшей мудрости такъ же, какъ на скользкомъ краю пропасти находятся самые страшные, неодолимые соблазны. Онъ вспоминалъ о малыхъ сихъ, собственныхъ ученикахъ, можетъ быть, изъ-за него погибшихъ, имъ соблазненныхъ,—Чезаре, Астро, Джіованни,—когда слышалъ эти слова:

„Кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, тому лучше было бы, если бы повѣсили ему мельничный жерновъ на шею и потопили его въ глубинѣ морской.—Горе міру отъ соблазновъ; ибо надобно придти соблазнамъ, но горе тому человѣку, черезъ котораго соблазнъ приходитъ".

И, однако, въ той же книгѣ не было ли сказано:

„*Блаженъ, кто не соблазнится о Мнѣ.*—Думаете ли вы, что я пришелъ дать миръ землѣ? Нѣтъ, говорю вамъ, но раздѣленіе".

Всего же болѣе ужасалъ его разсказъ Матеея и Марка о смерти Іисуса:

„Въ шестомъ часу наступила тьма по всей землѣ и продолжалась до часа девятаго. А около девятаго часа возопилъ Іисусъ громкимъ голосомъ: Элой! Элой! ламмà савахеанѝ? Боже мой! Боже мой! для чего Ты меня оставилъ?—И опять возопивъ, испустилъ духъ".

„*Для чего Ты оставилъ Меня?*—думалъ Леонардо,—однимъ ли врагамъ Его казался этотъ предсмертный крикъ Сына къ Отцу, Того, Кто сказалъ: „Я и Отецъ—одно",—крикомъ послѣдняго отчаянія? И если все ученіе положить на одну чашу вѣсовъ, а на другую—эти четыре слова,—то какая перевѣситъ?"

И между тѣмъ, какъ онъ думалъ объ этомъ, ему казалось, что уже видитъ онъ лицомъ къ лицу ту страшную черную яму, куда, не сегодня такъ завтра, споткнувшись, провалится съ крикомъ послѣдняго ужаса: Боже мой! Боже мой! для чего Ты меня оставилъ?

XI.

Иногда по утру, вставая, глядѣлъ онъ сквозь замерзшія стекла на снѣжные сугробы, на сѣрое небо, на деревья, покрытыя инеемъ,—и ему казалось, что зима никогда не кончится.

Но въ началѣ февраля повѣяло тепломъ; на солнечной сторонѣ домовъ, съ висячихъ льдинокъ закапали звонкія свѣтлыя капли; воробьи зачирикали; стволы деревьевъ окружились темными

кругами тающаго снѣга; почки разбухли; и сквозь рѣдѣющій паръ облаковъ засквозило блѣдно-голубое небо.

Утромъ, когда солнце проникало въ мастерскую косыми лучами, Франческо ставилъ въ нихъ кресло учителя, и цѣлыми часами старикъ сидѣлъ неподвижно, грѣясь, опустивъ голову, положивъ на колѣни исхудалыя руки. И въ рукахъ этихъ и въ лицѣ съ полузакрытыми вѣками было выраженіе безконечной усталости.

Ласточка, зимовавшая въ мастерской, прирученная Леонардо, теперь летала, кружилась по комнатѣ, садилась къ нему на плечо или на руку, позволяла брать себя и цѣловать въ головку. Потомъ, опять вспорхнувъ, рѣяла, съ нетерпѣливыми криками, какъ будто чуя весну. Внимательнымъ взоромъ слѣдилъ онъ за каждымъ поворотомъ ея маленькаго тѣла, за каждымъ движеніемъ крыльевъ,— и мысль о человѣческихъ крыльяхъ снова пробуждалась въ немъ.

Однажды, отперевъ большой сундукъ, стоявшій въ углу мастерской, началъ онъ рыться въ кипахъ бумагъ, тетрадей и безчисленныхъ отдѣльныхъ листковъ, съ чертежами машинъ, съ отрывочными замѣтками изъ двухсотъ сочиненныхъ имъ *Книгъ о Природѣ*.

Всю жизнь собирался онъ привести въ порядокъ этотъ хаосъ, связать общею мыслью отрывки, соединить ихъ въ стройное цѣлое, въ одну великую Книгу о Мірѣ,—но все откладывалъ. Онъ зналъ, что здѣсь были открытія, которыя на нѣсколько вѣковъ сократили бы трудъ познанія, измѣнили бы судьбы человѣчества,—повели бы его новыми путями. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, зналъ, что этого не будетъ, что теперь уже поздно, что все погибнетъ такъ же безплодно, такъ же безсмысленно, какъ Тайная Вечеря, памятникъ Сфорцы, Битва при Ангіари,—потому что и въ наукѣ онъ только желалъ безкрылымъ желаніемъ, только начиналъ и не оканчивалъ, ничего не сдѣлалъ и не сдѣлаетъ, какъ будто насмѣшливый рокъ наказывалъ его за безмѣрность желаній ничтожествомъ дѣйствія. Онъ предвидѣлъ, что люди будутъ искать того, чтò онъ уже нашелъ, открывать то, чтò онъ уже открылъ,—пойдутъ его путемъ, по слѣдамъ его, но мимо него, забывъ о немъ, какъ будто его вовсе не было.

Отыскавъ небольшую, пожелтѣвшую отъ старости тетрадку, озаглавленную *Птицы*, отложилъ онъ ее въ сторону.

Въ послѣдніе годы онъ почти не занимался летательной машиной, но думалъ о ней всегда. Наблюдая полетъ прирученной ласточки и чувствуя, что новый замыселъ созрѣлъ въ немъ окончательно, рѣшилъ онъ приступить къ послѣднему опыту, съ послѣднею, можетъ быть, безумною надеждою, что созданіемъ крыльевъ человѣческихъ будетъ спасенъ и оправданъ весь трудъ его жизни.

Онъ принялся за эту новую работу, съ такимъ же упорствомъ, съ такою же лихорадочною торопливостью, какъ за Іоанна Предтечу: не думая о смерти, побѣждая слабость и болѣзнь, забывая сонъ и пищу, просиживалъ цѣлые дни и ночи надъ чертежами и вычисленіями. Иногда казалось Франческо, что это—не работа, а бредъ сумасшедшаго. Съ возрастающей тоской и страхомъ смотрѣлъ ученикъ на лицо учителя, искаженное судорогой отчаяннаго, какъ бы яростнаго, усилія воли,—желаніемъ невозможнаго, того, чего людямъ не дано желать безнаказанно.

Прошла недѣля. Мельци не отходилъ отъ него, не спалъ ночей.—Однажды, послѣ третьей ночи, смертельная усталость одолѣла Франческо. Онъ прикурнулъ въ креслѣ у потухшаго очага и задремалъ.

Утро сѣрѣло въ окнахъ. Проснувшаяся ласточка щебетала. Леонардо сидѣлъ за маленькимъ рабочимъ столикомъ, съ перомъ въ рукахъ, согнувшись, опустивъ голову надъ бумагою, испещренною цифрами.

Вдругъ тихо и странно покачнулся онъ; перо выпало изъ пальцевъ; голова стала склоняться все ниже и ниже. Онъ сдѣлалъ усиліе, чтобы встать, хотѣлъ позвать Франческо; но чуть слышный крикъ замеръ на губахъ его, и неуклюже и грузно навалившись всею тяжестью тѣла на столъ, онъ опрокинулъ его. Заплывшая свѣча упала. Мельци, разбуженный стукомъ, вскочилъ. Въ сумеречномъ свѣтѣ утра, рядомъ съ опрокинутымъ столомъ, потухшею свѣчею и разбросанными листками увидѣлъ онъ учителя, лежавшаго на полу. Испуганная ласточка кружилась по комнатѣ, задѣвая потолокъ и стѣны шуршащими крыльями.

Франческо понялъ, что это—второй ударъ.

Нѣсколько дней пролежалъ больной безъ памяти, продолжая въ бреду математическія выкладки. Очнувшись, тотчасъ потребовалъ чертежей летательной машины.

— Ну, нѣтъ, учитель, воля ваша!—воскликнулъ Франческо.— Я скорѣй умру, чѣмъ позволю вамъ приняться за работу, пока вы совсѣмъ не поправитесь.

— Куда ты положилъ ихъ?—спрашивалъ больной съ досадою.

— Куда бы ни положилъ, не бойтесь,—будутъ въ сохранности. Все возвращу, когда встанете...

— Куда ты положилъ ихъ?—повторялъ Леонардо.

— На чердакъ отнесъ и заперъ.

— Гдѣ ключъ?

— У меня.

— Дай.

— Помилуйте, мессэре, на что же вамъ?

— Давай, давай скорѣе!

Франческо медлилъ. Глаза больного вспыхнули гнѣвомъ. Чтобы не раздражать его, Мельци отдалъ ключъ. Леонардо спряталъ его подъ подушку и успокоился.

Онъ сталъ поправляться скорѣе, чѣмъ думалъ Франческо.

Однажды, въ началѣ апрѣля, провелъ онъ день спокойно. Игралъ въ шашки съ фра Гульельмо. Вечеромъ Франческо, утомленный многими безсонными ночами, задремалъ, сидя на скамьѣ въ ногахъ учителя, прислонившись головой къ постели.—Вдругъ онъ проснулся, какъ бы отъ внезапнаго толчка. Прислушался и не услышалъ дыханія спящаго. Ночникъ потухъ. Онъ зажегъ его и увидѣлъ, что постель пуста; обошелъ всѣ верхніе покои дома, разбудилъ Баттисто Вилланиса,—и тотъ не видѣлъ Леонардо.

Франческо хотѣлъ уже спуститься внизъ, въ мастерскую, но вспомнилъ о бумагахъ, спрятанныхъ на чердакѣ. Побѣжалъ туда, пріотворилъ незапертую дверь и увидѣлъ Леонардо, полуодѣтаго, сидѣвшаго на полу передъ опрокинутымъ старымъ ящикомъ, который служилъ ему столомъ; при свѣтѣ сальнаго огарка онъ писалъ,—должно быть, дѣлалъ вычисленія для машины, что-то тихо и быстро бормоча, какъ въ бреду. И это бормотаніе, и горящіе глаза, и сѣдые всклокоченные волосы, и щетинистыя брови, сдвинутыя какъ бы сверхчеловѣческимъ усиліемъ мысли, и углы ввалившагося рта, опущенные съ выраженіемъ старческой немощи, и все лицо, которое казалось чужимъ, незнакомымъ, словно раньше никогда не видѣлъ онъ его,—были такъ страшны, что Франческо остановился въ дверяхъ, не смѣя войти.

Вдругъ Леонардо схватилъ карандашъ и зачеркнулъ страницу, исписанную цифрами, такъ что остріе карандаша сломалось, потомъ оглянулся, увидѣлъ ученика и всталъ, блѣдный, шатаясь.

Франческо бросился къ нему, чтобы поддержать его.

— Говорилъ я тебѣ,—съ тихою, странною усмѣшкою молвилъ учитель,—говорилъ, Франческо, что скоро кончу. Ну вотъ и кончилъ, кончилъ все. Теперь ужъ не бойся, не буду. Довольно. Старъ я сталъ и глупъ, глупѣе Астро. Ничего не знаю. Что и зналъ, то забылъ. Куда ужъ мнѣ съ крыльями. Къ чорту все, къ чорту!..

И хватая со стола листки, онъ яростно комкалъ ихъ и рвалъ.

Съ того дня опять ему сдѣлалось хуже. Мельци предчувствовалъ, что на этотъ разъ онъ уже не встанетъ. Иногда на цѣлые дни впадалъ больной въ забытье, подобное обмороку.

Франческо былъ набоженъ. Во все, чему учитъ церковь, вѣрилъ съ простотою. Онъ одинъ не подвергся вліянію тѣхъ губительныхъ чаръ,—„дурному глазу" Леонардо,—которыя испытывали почти всѣ, кто приближался къ нему. Зная, что учитель не исполняетъ церковныхъ обрядовъ, Франческо все-таки угадывалъ

чутьемъ любви, что Леонардо—не безбожникъ. И далѣе не углублялся, не любопытствовалъ.

Но теперь мысль о томъ, что онъ можетъ умереть безъ покаянія, ужаснула Франческо. Онъ отдалъ бы душу свою, чтобы спасти учителя. Но заговорить съ нимъ объ этомъ не смѣлъ.

Однажды вечеромъ, сидя у изголовья больного, онъ смотрѣлъ на него все съ тою же страшною мыслью.

— О чемъ ты думаешь?—спросилъ Леонардо.

— Фра Гульельмо заходилъ сегодня утромъ,—отвѣтилъ Франческо, немного замявшись,—хотѣлъ васъ видѣть. Я сказалъ, что нельзя.

Учитель заглянулъ ему прямо въ глаза, полные мольбою, страхомъ и надеждою.

— Ты не о томъ, Франческо, думалъ. Зачѣмъ ты не хочешь сказать мнѣ?

Ученикъ молчалъ, потупившись.

И Леонардо понялъ все. Онъ отвернулся и нахмурился.—Всегда хотѣлось ему умереть такъ же, какъ онъ жилъ—въ свободѣ и въ истинѣ. Но ему стало жаль Франческо: неужели и теперь, въ послѣднія мгновенія передъ смертью, возмутитъ онъ смиренную вѣру, огорчитъ простое сердце, соблазнитъ единаго изъ малыхъ сихъ?

Онъ опять взглянулъ на ученика, положилъ ему на руку исхудалую руку свою и молвилъ съ тихою улыбкою:

— Сынъ мой, пошли къ фра Гульельмо и попроси его придти завтра. Я хочу исповѣдаться и причаститься. Пригласи также мэтра Гильома.

Франческо ничего не отвѣтилъ, только поцѣловалъ руку Леонардо съ безконечною благодарностью.

XII.

На слѣдующее утро, 23-го апрѣля, въ субботу на Страстной недѣлѣ, когда пришелъ нотаріусъ, мэтръ Гильомъ, Леонардо сообщилъ ему свою послѣднюю волю: четыреста флориновъ, отданные на сохраненіе камерлингу церкви Санта-Марія-Нуова въ городѣ Флоренціи, завѣщалъ онъ братьямъ, съ которыми велъ тяжбу,—въ знакъ совершеннаго примиренія; ученику Франческо Мельци — книги, научные приборы, машины, рукописи и остатокъ жалованья, который долженъ былъ получить изъ королевской казны; слугѣ Баттисту Вилланису—домашнюю утварь въ замкѣ Дю-Клу и половину виноградника за стѣнами города Милана, у Верчельскихъ Воротъ, а другую половину — ученику Андрэа Салайно.

Что касается обряда похоронъ и прочаго, онъ просилъ но-

таріуса обратиться къ Мельци, котораго назначалъ своимъ душеприказчикомъ.

Франческо съ мэтромъ Гильомомъ позаботились устроить такія похороны, изъ которыхъ бы явствовало, что Леонардо, вопреки народной молвѣ, умеръ, какъ вѣрный сынъ католической церкви.

Больной одобрилъ все и желая показать, что принимаетъ участіе въ заботахъ Франческо о благолѣпіи похоронъ, назначилъ, вмѣсто предложенныхъ восьми, десять фунтовъ свѣчей во время заупокойныхъ обѣденъ, вмѣсто пятидесяти, семьдесятъ туренскихъ су для раздачи бѣднымъ.

Когда завѣщаніе было готово, и оставалось только скрѣпить его подписями свидѣтелей, Леонардо вспомнилъ о старой служанкѣ своей, стряпухѣ Матуринѣ. Мэтръ Гильомъ долженъ былъ прибавить новую статью, по которой получала она платье добраго чернаго сукна, подбитый мѣхомъ, головной уборъ, тоже суконный, и два дуката деньгами—за свою многолѣтнюю вѣрную службу. Это вниманіе умирающаго къ бѣдной служанкѣ наполнило сердце Франческо знакомымъ чувствомъ нестерпимой жалости.

Въ комнату вошелъ фра Гульельмо со Святыми Дарами, и всѣ удалились.

Выйдя отъ больного, монахъ успокоилъ Франческо, сообщивъ ему, что Леонардо исполнилъ обряды церкви со смиреніемъ и преданностью волѣ Божьей.

— Что бы люди ни говорили о немъ, сынъ мой,—заключилъ фра Гульельмо,—онъ оправдается по слову Господа: „блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога узрятъ.

Ночью у больного сдѣлались припадки удушья. Мельци боялся, что онъ умретъ на рукахъ его.

Къ утру — это было 24 апрѣля, Свѣтлое Христово Воскресенье—стало ему легче. Но такъ какъ все еще онъ задыхался, и въ комнатѣ было жарко, Франческо открылъ окно. Въ голубыхъ небесахъ рѣяли бѣлые голуби, и съ трепетнымъ шелестомъ крыльевъ сливался звонъ колоколовъ пасхальныхъ.—Но умирающій уже не видѣлъ и не слышалъ ничего.

Ему казалось, что неимовѣрныя тяжести, подобныя каменнымъ глыбамъ, падаютъ, валятся, давятъ его, онъ хочетъ приподняться, сбросить ихъ съ себя, не можетъ—и вдругъ, съ послѣднимъ усиліемъ, освобождается, летитъ на исполинскихъ крыльяхъ вверхъ; но снова каменныя глыбы валятся, громоздятся, давятъ, снова борется онъ, побѣждаетъ, летитъ,—и такъ безъ конца. И съ каждымъ разомъ, тяжесть все страшнѣе, усиліе все неимовѣрнѣе. Наконецъ, онъ чувствуетъ, что уже не можетъ бороться, и съ крикомъ послѣдняго отчаянія: Боже мой! Боже мой! для чего ты оставилъ меня?—покоряется. И только что покорился,—онъ понялъ,

что камни и крылья, давленіе тяжести и стремленіе полета, верхъ и низъ—одно и то же, что все равно—летѣть или падать. И онъ летитъ и падаетъ, уже не зная, колеблятъ ли его тихія волны безконечнаго движенія, или мать качаетъ на рукахъ своихъ, баюкая.

Нѣсколько дней еще тѣло его казалось живымъ для окружающихъ. Но онъ уже не приходилъ въ себя. Наконецъ, однажды утромъ, это было 2 мая, Франческо и фра Гульельмо замѣтили, что дыханіе его ослабѣваетъ. Монахъ сталъ читать отходную.

Черезъ нѣкоторое время, ученикъ, приложивъ руку къ сердцу учителя, почувствовалъ, что оно не бьется; онъ закрылъ ему глаза.

Лицо умершаго мало измѣнилось. На немъ было выраженіе, которое часто бывало при жизни—глубокаго и тихаго созерцанія.

Пока Франческо съ Баттисто Вилланисомъ и старой служанкой Матуриною, обмывали тѣло, окна и двери открыты были настежъ.

Въ это время, снизу, изъ мастерской, прирученная ласточка, о которой забыли въ послѣдніе дни, почуявъ свободу, черезъ лѣстницу и верхніе покои, влетѣла въ комнату, гдѣ лежалъ покойникъ. Покружившись надъ нимъ, среди погребальныхъ свѣчей, горѣвшихъ мутнымъ пламенемъ въ сіяніи солнечнаго утра, опустилась она, должно быть, по старой привычкѣ, на сложенныя руки Леонардо. Потомъ вдругъ встрепенулась, взвилась и черезъ открытое окно улетѣла въ небо, съ веселымъ крикомъ. И Франческо подумалъ, что въ послѣдній разъ учитель сдѣлалъ то, что̀ такъ любилъ,—отпустилъ на волю крылатую плѣнницу.

Согласно съ желаніемъ покойнаго, тѣло его пролежало три дня, но не въ мертвецкой,—этого не захотѣлъ Франческо,—а въ той же комнатѣ, гдѣ онъ умеръ.

При совершеніи похоронъ, все сказанное въ завѣщаніи соблюдено было въ точности: капелланы, каноники, викаріи, монахи сопровождали гробъ; шестьдесятъ нищихъ несли шестьдесятъ свѣчей; въ четырехъ церквахъ Амбуаза отслужены были три большія и тридцать малыхъ обѣденъ, при чемъ горѣли десять фунтовъ толстыхъ восковыхъ свѣчей; семьдесятъ туренскихъ су розданы бѣднымъ при городской больницѣ Сэнъ-Лазаръ.—По этимъ признакамъ благочестивые люди могли убѣдиться, что хоронятъ вѣрнаго сына святой католической церкви.

Онъ былъ погребенъ въ монастырѣ Сэнъ-Флорентэнъ; но, такъ какъ скоро забытая могила сравнялась съ землею, и память о немъ въ Амбуазѣ исчезла безслѣдно, то для грядущихъ поколѣній мѣсто, гдѣ покоился прахъ Леонардо, осталось неизвѣстнымъ.

Сообщая о смерти учителя братьямъ его во Флоренціи, Франческо писалъ:

„Горя, причиненнаго мнѣ смертью того, кто былъ для меня

больше, чѣмъ отецъ, выразъть я не умѣю. Но, пока живъ, буду скорьбѣть о немъ, потому что онъ любилъ меня великою и нѣжною любовью. Да и всякій, полагаю, долженъ скорбѣть объ утратѣ такого человѣка, которому другого подобнаго природа не можетъ создать.—Нынѣ, всемогущій Боже, даруй ему вѣчный покой".

XIII.

Въ день смерти Леонардо Францискъ I охотился въ лѣсу Сэнъ-Жерменскомъ. Узнавъ о кончинѣ художника, велѣлъ онъ запечатать его мастерскую до своего прибытія въ Амбуазъ, такъ какъ желалъ самъ выбрать для себя лучшія картины.

Впрочемъ, у Франциска въ это время были заботы, болѣе важныя для него, чѣмъ искусство.—Пять мѣсяцевъ назадъ, 12 января 1519 года, скончался императоръ Максиміліанъ I. Три короля—Англіи, Испаніи, Франціи—спорили изъ-за короны Священной имперіи, дѣйствуя обманами и происками. Францискъ уже мечталъ,—соединивъ въ рукахъ своихъ скипетръ французскихъ королей со скиптромъ римскихъ императоровъ, основать небывалую въ Европѣ монархію. На подкупы намѣревался онъ истратить три милліона; искалъ союза съ папою и обѣщалъ ему крестовый походъ на турокъ для отвоеванія Гроба Господня; клялся, что черезъ три года, послѣ своего избранія, вступитъ побѣдителемъ въ Константинополь и водрузитъ крестъ на Святой Софіи. Больше чѣмъ другихъ соперниковъ, ненавидѣлъ онъ юнаго Карла, короля испанскаго, увѣряя, что скорѣе согласится на избраніе ничтожнаго курфюрста Бранденбургскаго или даже короля Польши, Сигизмунда, чѣмъ Карла.

Левъ X, по обыкновенію, лукавилъ и вилялъ между обоими соперниками, не отвѣчая ни да, ни нѣтъ. Въ то же время продолжалъ переговоры, черезъ доминиканца Дитриха Шомберга, съ великимъ княземъ московскимъ Василіемъ Іоанновичемъ и, добиваясь его участія въ Священной Лигѣ противъ турокъ, предлагалъ ему свое посредничество для заключенія мира съ королемъ Сигизмундомъ.

Въ это время одинъ изъ двухъ бывшихъ въ Италіи русскихъ пословъ, Дмитрій Герасимовъ, уже вернулся въ Москву. Другой. Никита Карачьяровъ остался въ Римѣ. Узнавъ о предстоявшемъ избраніи кесаря и о переговорхъ, по этому поводу, Франциска со злѣйшимъ врагомъ своего государя, королемъ Сигизмундомъ,—для болѣе подробныхъ и точныхъ развѣдокъ, Никита, вмѣстѣ съ папскимъ легатомъ, поѣхалъ во Францію и такъ же, какъ въ первую поѣздку, взялъ съ собою стараго подьячаго Илью Потапыча

Копыло, толмача Власія и двухъ младшихъ писцовъ, Ѳедора Игнатіевича Рудометова—Ѳедьку Жаренаго и Евтихія Паисѣевича Гагару.

Евтихій, по обычаю многихъ тогдашнихъ русскихъ странниковъ, велъ краткую путевую запись, гдѣ отмѣчалъ все особенно любопытное изъ видѣннаго и слышаннаго. Въ этомъ дневникѣ, между прочимъ, описывалъ онъ такъ Флоренцію:

„Градъ, зовомый Флоренза,—великъ вельми, и таковаго не обрѣли мы въ преждеписанныхъ. Есть же прекраснѣйшій и предобрѣйшій сущихъ въ Италіи градовъ, ихъ же самъ видѣлъ. Божницы въ немъ—вельми красны, палаты—изъ бѣлаго камня, вельми высоки и хитры. И есть во градѣ томъ божница великая, камень мраморъ бѣлъ да черенъ. И у божницы той устроенъ столпъ-колокольница, также бѣлый камень-мраморъ. И хитрости ея недоумѣваетъ умъ нашъ. И ходили мы во столпъ тотъ вверхъ и сосчитали ступени: четыреста и пятьдесятъ.—Чтó могли своимъ малоуміемъ вмѣстити, то и написали, какъ видѣли; иного же не мощно исписати, зане пречудно есть отнюдь и несказанно“,—заключалъ онъ разсказъ, и дѣйствительно, то, чтò больше всего поразило его, не съумѣлъ онъ выразить: среди мраморныхъ шестигранныхъ барельефовъ Джіотто, которыми украшенъ нижній ярусъ исполинской „колокольницы“—Кампаниллы собора Санта-Марія-дэль-Фіоре, и которые изображаютъ послѣдовательныя ступени человѣческаго развитія—скотоводство, земледѣліе, укрощеніе коня, изобрѣтеніе кораблестроенія, ткацкаго станка, обработки металловъ, живописи, музыки, астрономіи,—замѣтилъ онъ хитраго механика Дедала, который испытываетъ изобрѣтенныя имъ, огромныя восковыя крылья: тѣло облѣплено птичьими перьями; крылья привязаны ремнями къ туловищу; обѣими руками ухватился онъ за внутреннія перекладины и, приводя ими въ движеніе крылья, пытается взлетѣть.

Этотъ самый барельефъ нѣкогда внушилъ отроку Леонарду, только что пріѣхавшему во Флоренцію изъ родного селенія Винчи, первую мысль о летательной машинѣ,—о Великой Птицѣ.

Загадочный образъ Крылатаго Человѣка тѣмъ болѣе поразилъ Евтихія, что въ тѣ дни работалъ онъ надъ иконою Предтечи Крылатаго.—Съ неяснòю и вѣщею тревогою почувствовалъ онъ противоположность вещественныхъ, устроенныхъ, можетъ быть, хитростью бѣсовскою, крыльевъ механика Дедала и духовныхъ, „прообразующихъ пареніе дѣвственниковъ къ Богу“, крыльевъ „ангела во плоти“—Іоанна Предтечи.

Францискъ I изъ Сэнъ-Жермена переѣхалъ въ охотничій замокъ Фонтенблò, затѣмъ въ Амбуазъ. Сюда же, въ первыхъ числахъ іюня 1519 года, прибылъ русскій посолъ Никита Ка-

рачьяровъ и остановился такъ же, какъ въ первый пріѣздъ, въ домѣ нотаріуса мэтра Гильома Бордо̀, на главной улицѣ города, у Часовой Башни.

Тотчасъ по пріѣздѣ, осмотрѣлъ король мастерскую Леонардо. Въ тотъ же день, вечеромъ, принцесса Маргарита, съ посломъ курфюрста Бранденбургскаго и другими чужеземными вельможами, въ томъ числѣ Никитою Карачьяровымъ, отправились въ замокъ Дю-Клу̀.

Провѣдавъ объ этомъ, Ѳедька Жареный посовѣтовалъ дядѣ, Ильѣ Потапычу Копылѣ и Евтихію Гагарѣ—также отправиться въ „Дюкловъ“, увѣряя, что они могутъ увидѣть много любопытнаго въ домѣ „сего достохвальнаго мастера Ліонардуса—какъ выразился Ѳедька,—мужа чуднагэ разсужденія, благосерднаго, въ наукѣ книжнаго поученія довольнаго, въ словесной премудрости ритора, естествословнаго и смышленіемъ быстроумнаго“.

Илья Потапычъ и Евтихій, съ толмачемъ Власіемъ, послѣдовали за нимъ въ замокъ Дю-Клу.

Когда они пришли, Маргарита и прочіе гости, уже кончивъ осмотръ, собирались уходить. Тѣмъ не менѣе, Франческо принялъ новыхъ гостей съ тою же любезностью, съ какою принималъ всѣхъ чужеземцевъ, посѣщавшихъ домъ учителя,—не справляясь о чинахъ и званіи; повелъ ихъ въ мастерскую и сталъ показывать все, что̀ было въ ней.

Съ боязливымъ удивленіемъ, разглядывали они невиданныя машины, астрономическія сферы, глобусы, кадранты, стеклянныя колбы, перегонные шлемы, огромный, сдѣланный изъ хрусталя, человѣческій глазъ для изученія законовъ свѣта, музыкальные приборы для изученія законовъ звука, маленькое изображеніе водолазнаго колокола, острыя, лодкообразныя лыжи для хожденія по морю, какъ по суху, анатомическіе рисунки и чертежи страшныхъ военныхъ снарядовъ. Ѳедьку все это плѣняло,—казалось ему „астроложскою премудростью и высшей алхимѣей“. Но Илья Потапычъ, то и дѣло, хмурился, отворачивался и набожно крестился. Евтихія особенно поразилъ старый, сломанный остовъ крыла, похожаго на крыло исполинской ласточки. Когда коекакъ, черезъ толмача Власія, Мельци объяснилъ ему, что это—часть летательной машины, надъ которой учитель работалъ всю жизнь, Евтихію вспомнился крылатый человѣкъ Дедалъ на флорентинской мраморной колокольницѣ,—и странныя, жуткія мысли пробудились въ немъ съ новою силою.

Осматривая картины, онъ остановился въ недоумѣніи передъ Іоанномъ Предтечею; сначала принялъ его за женщину и не повѣрилъ, когда Власій, со словъ Франческо, сказалъ, что это—Іоаннъ Креститель; но, вглядываясь пристальнѣе, увидѣлъ трост-

никовый крестъ — „посохъ кресчатый“, такой же точно, съ какимъ и русскіе иконники писали Іоанна Предтечу, замѣтилъ также одежду изъ верблюжьяго волоса.—Онъ смутился. Но несмотря на всю противуположность этого Безкрылаго тому Крылатому, съ которымъ свыкся Евтихій, чѣмъ больше смотрѣлъ онъ, тѣмъ больше плѣняла его чуждая прелесть женоподобнаго Отрока, полная тайны, улыбка, съ которой онъ указывалъ на крестъ Голгоѳы.—Въ оцѣпенѣніи, какъ очарованный, стоялъ онъ передъ картиною, ничего не сознавая, ни о чемъ не думая, только чувствуя, что сердце его бьется все чаще и чаще отъ неизъяснимаго волненія.

Илья Потапычъ не выдержалъ, яростно плюнулъ и выругался:

— Дьявольская нечесть! Невѣжество студодѣйное! Сей ли непотребный, аки блудница оголенный, ни брады, ни усовъ не имущій—Предтеча? Ежели Предтеча, то не Христа, а паче Антихриста.—Пойдемъ, Евтихій, пойдемъ скорѣе, чадо мое, не оскверняй очей своихъ: намъ православнымъ и взирать не достоитъ на таковыя иконы ихъ, неистовыя, бѣсоугодныя — будь они прокляты!

И взявъ Евтихія за руку, почти насильно оттащилъ его отъ картины и долго еще, выйдя уже изъ дома Леонардо, не могъ успокоиться.

— Видите ли нынѣ,—предостерегалъ онъ своихъ спутниковъ,—сколь мерзостенъ передъ Богомъ всякъ любящій гіомитрію, чародѣйство, алхимѣю, звѣздочетіе и прочее таковое? Ибо разуму вѣрующій легко впадаетъ въ прелести различныя. Любите же, дѣти мои, простоту паче мудрости; высочайшаго не изыскуйте, глубочайшаго не испытуйте, а какое вамъ предано готовое отъ Бога ученіе, то и содержите неблазненно. И ежели кто тебя спроситъ: знаешь ли всю философію?—ты ему отвѣчай со смиреніемъ: грамотѣ учился,—еллинскихъ же борзостей не проходилъ, риторскихъ астрономовъ не читалъ, философію и въ глаза не видѣлъ,—учуся книгамъ благодатнаго закона, дабы грѣшную душу спасти.

Евтихій слушалъ, не понимая. Онъ думалъ о другомъ—о „бѣсоугодной иконѣ“,—хотѣлъ забыть ее и не могъ: таинственный ликъ Женоподобнаго, Безкрылаго носился передъ нимъ, пугалъ и плѣнялъ его, преслѣдуя, какъ навожденіе.

XIV.

Такъ какъ, въ этотъ второй пріѣздъ Карачьярова, наплывъ чужеземцевъ въ Амбуазъ былъ меньше, хозяинъ отвелъ для русскаго посольства помѣщеніе въ нижнихъ покояхъ дома, болѣе просторное и удобное. Но Евтихій, предпочитая уединеніе, посе-

лился въ той же комнатѣ, гдѣ жилъ два года назадъ—подъ самою крышею дома, рядомъ съ голубятнею, и по прежнему устроилъ свою крошечную мастерскую въ углубленіи слухового окна.

Вернувшись домой изъ замка Дю-Клу и желая отогнать искушеніе, принялся онъ за работу надъ новымъ, почти уже конченнымъ образомъ: Іоаннъ Предтеча Крылатый стоялъ въ голубыхъ небесахъ,—на желтой песчаной, словно выжженной солнцемъ, горѣ, полукруглой, какъ бы на краю земнаго шара, – окруженной темно-синимъ, почти чернымъ океаномъ. Онъ имѣлъ двѣ головы — одну, живую—на плечахъ, другую, мертвую—въ сосудѣ, который держалъ въ рукѣ своей, какъ бы въ знакъ того, что человѣкъ, только умертвивъ въ себѣ все человѣческое, достигаетъ окрыленія сверхчеловѣческаго; ликъ былъ страненъ и страшенъ, взоръ широкооткрытыхъ глазъ—похожъ на взоръ орла, вперенный въ солнце; верблюжья мохнатая риза напоминала перья птицы; борода и волосы развѣвались, какъ бы отъ сильнаго вѣтра въ полетѣ; едва покрытыя кожей, кости тонкихъ, исхудалыхъ рукъ и ногъ непомѣрно-длинныхъ, какъ у журавля, казались сверхъестественно-легкими, точно полыми внутри, какъ хрящи и кости пернатыхъ; за плечами висѣли два исполинскія крыла, широкораспростертыя въ лазурномъ небѣ, надъ желтою землей и чернымъ океаномъ, снаружи бѣлыя, какъ снѣгъ, внутри багряно-золотистыя, какъ пламя, подобныя крыльямъ огромнаго лебедя.

Евтихію предстояло кончить позолоту на внутренней сторонѣ крыльевъ.

Взявъ нѣсколько тонкихъ, какъ бумага, листиковъ червоннаго золота, смялъ онъ ихъ въ ладони и растеръ пальцемъ въ раковинѣ со свѣжею камедью; налилъ сверху воды, теплой, „въ ступерпъ руки“, и, какъ пало золото на дно, и вода устоялась, ту воду слилъ и острою хорьковою кисточкой началъ писать перья въ крыльяхъ Предтечи золотыми черточками, тщательно,—перышко къ перышку, и въ каждой бородкѣ пера, усикъ къ усику. Закрѣпляя золото яичнымъ бѣлкомъ, онъ гладилъ его заячьей лапкою, вылащивалъ медвѣжьимъ зубомъ. Крылья становились все живѣе, все лучезарнѣе.

Но работа не дала ему обычнаго забвенія: крылья Предтечи напоминали то крылья механика Дедала, то крыло летательной машины Леонардо. И ликъ таинственнаго Отрока-Дѣвы, ликъ Безкрылаго вставалъ передъ нимъ, заслоняя Крылатаго, манилъ и пугалъ, преслѣдуя, какъ навожденіе.

На сердцѣ Евтихія было тяжело и смутно. Кисть выпала изъ рукъ его; онъ почувствовалъ, что больше не въ силахъ работать, вышелъ изъ дома и долго бродилъ сначала по улицамъ города, потомъ по берегу пустынной Луары.

Солнце зашло. Блѣдно-зеленое небо съ вечернею звѣздою отражалось въ зеркальной глади рѣки. А съ другой стороны надвигалась туча. Зарницы трепетали въ ней, какъ судорожно бьющіяся исполинскія огненныя крылья. Было душно и тихо. И въ этой тишинѣ сердце Евтихія сжималось все томительнѣе, все тревожнѣе.

Снова вернулся онъ домой, зажегъ лампаду передъ иконою Углицкой Божіей Матери; справляя келейное правило, прочелъ каноны, ѝкосы и кондаки; постлалъ на узкій деревянный ящикъ, служившій ему постелью, дорожный войлокъ, раздѣлся и легъ,— но тщетно старался уснуть.

Часы проходили за часами. Его бросало то въ жаръ, то въ ознобъ. Во мракѣ, озаряемомъ вспышками блѣдныхъ зарницъ, лежалъ онъ съ открытыми глазами, прислушиваясь къ тишинѣ, въ которой чудились ему странные шелесты, шопоты, шорохи, вѣщіе звуки, служившіе примѣтами для старыхъ русскихъ книжниковъ: „ухозвонъ, стѣнотрескъ, вранограй, куроликъ, мышепискъ,—песъ воетъ, кошка мяукаетъ, жаба воркочетъ". Подобныя бреду, безсвязныя мысли проносились въ умѣ его; вспоминались преданія о всякихъ сказочныхъ дивахъ и нѣжитяхъ: о страшномъ Индрикѣ-звѣрѣ, чтò „ходитъ подъ землей, какъ солнце пò небу, пропущаетъ рѣки и кладязи"; о чудовищной птицѣ Стратимѣ, чтò „живетъ на краю океана, колышетъ волны и топитъ корабли"; о братѣ царя Соломона, Китоврасѣ, чтò царствуетъ днемъ надъ людьми, а ночью, обернувшись звѣремъ, рыщетъ по землѣ, о людяхъ, чтò носятся надъ бездною, надъ негасимымъ огнемъ; не пьютъ, не ѣдятъ,—такихъ длинныхъ и тонкихъ, что, куда вѣтеръ повѣетъ, туда и летятъ они, какъ паутина,—а смерти имъ нѣтъ. И ему казалось, что самъ онъ, какъ человѣкъ-паутина, носится въ вѣчномъ вихрѣ надъ бездною.

Вторые пѣтухи пропѣли: и вспомнилъ онъ древнее сказаніе о томъ, какъ въ срединѣ ночи, когда ангелы, взявъ отъ Божьяго престола солнце, несутъ его на востокъ, херувимы ударяютъ въ крылья свои, и на землѣ всякая птица трепещетъ отъ радости, и пѣтухъ, открывъ главу свою, пробуждается и плещетъ крыльями, пророчествуя міру свѣтъ.

И снова, и снова, подобныя бреду, безсвязныя мысли тянулись, обрывались, какъ гнилыя нити, и путались.

Напрасно творилъ онъ молитву, удерживая дыханіе, по уставу Нила Сорскаго: ничто не помогало,—видѣнія становились все ярче, все неотступнѣе.

Вдругъ изъ мрака выплылъ и всталъ передъ нимъ, какъ живой, полный дьявольской прелестью, ликъ Женоподобнаго, Отрока-Дѣвы, который, съ нѣжной и насмѣшливой улыбкою смотрѣлъ Евтихію прямо въ глаза такимъ пристальнымъ, ласковымъ взоромъ, что сердце его замерло отъ ужаса и холодный потъ выступилъ на лбу.

Онъ зажегъ свѣчу, рѣшивъ провести остатокъ ночи безъ сна, взялъ съ полки книгу и началъ читать.—Это была древняя русская повѣсть „О Вавилонскомъ Царствѣ".

Во времена царя Навуходоносора и его преемниковъ, городъ Вавилонъ опустѣлъ и сдѣлался пріютомъ безчисленныхъ змѣй. Черезъ много вѣковъ императоръ византійскій Левъ, во святомъ крещеніи Василій, послалъ трехъ мужей взять изъ Вавилона вѣнецъ и порфиру царя Навуходоносора. Долго шли они, потому что путь былъ тѣсенъ и труденъ, наконецъ дошли до града Вавилона, но ничего не увидѣли: ни стѣнъ, ни домовъ, ибо на шестнадцать поприщъ вокругъ запустѣвшаго города выросло быліе пустынное, „аки есть волчецъ,—трава безъугодная; а противъ сихъ травъ—гады, змѣи, жабы огромныя, имъ же числа нѣтъ, свившись, какъ великія копны сѣнныя, вздымались и свистѣли, и шипѣли, и несло отъ нихъ зимнею стужею". На третій день пришли посланники къ Великому Змію, что́ лежалъ вокругъ Вавилона и хоботъ свой пригнулъ съ другой стороны къ тѣмъ же вратамъ, гдѣ глава его. И лѣстница изъ древа кипариса положена была на стѣну города. По этой лѣстницѣ взошли они, вступили въ городъ и въ одной изъ царевыхъ палатъ нашли вѣнецъ Навуходоносора и ларецъ сердоликовый съ порфирою и скиптромъ. Когда вернулись послы къ императору съ найденною царскою утварью, патріархъ константинопольскій во храмѣ Софіи Премудрости Божіей возложилъ на благовѣрнаго царя Василія порфиру и вѣнецъ Навуходоносора, царя вавилонскаго и всей вселенной.—Впослѣдствіи императоръ Константинъ Мономахъ послалъ этотъ самый вѣнецъ великому князю Владиміру Всеволодовичу, какъ знакъ всемірнаго владычества, уготованнаго Богомъ русской землѣ.

Отложивъ повѣсть „О Вавилонскомъ Царствѣ", взялъ Евтихій другую книгу — сказаніе „О Бѣломъ Клобукѣ", посланное нѣсколько лѣтъ назадъ изъ Рима новгородскому архіепископу Геннадію Дмитріемъ Герасимовымъ, Митей Толмачемъ, тѣмъ самымъ, который сопровождалъ Никиту Карачьярова и у котораго служилъ Евтихій.

Въ древнія лѣта императоръ Константинъ Равноапостольный, разсказывалось въ этой повѣсти, принявъ христіанскую вѣру и получивъ исцѣленіе отъ папы Сильвестра, пожелалъ наградить его царскимъ вѣнцомъ. Но ангелъ велѣлъ ему дать вѣнецъ не земного, а небеснаго всемірнаго владычества, — бѣлый клобукъ, устроенный по образцу монашескаго чина, прообразующій „свѣтлое тридневное Воскресеніе Христово". Православные папы долго чтили бѣлый клобукъ, пока царь Карулъ съ папою Формозомъ не впали въ латинскую ересь, въ признаніе не только небеснаго, но и зем-

ного владычества римской церкви. Тогда ангелъ въ новомъ видѣніи одному изъ папъ велѣлъ послать клобукъ въ Византію патріарху Филоѳею. Тотъ принялъ святыню съ великою честью и пожелалъ удержать ее, но императоръ Константинъ и папа Сильвестръ, явившись ему въ сновидѣніи, велѣли послать клобукъ еще дальше—въ русскую землю, въ Великій Новгородъ: „Ибо ветхій Римъ,—такъ сказалъ папа Сильвестръ патріарху,—отпалъ отъ славы и вѣры Христовой гордостью и волею своею въ прелесть латинскую, и въ новомъ Римѣ, Константинополѣ, также погибнетъ вѣра насиліемъ безбожныхъ агарянъ. Не третьемъ же Римѣ, на Русской землѣ, благодать Святого Духа возсіяетъ. И вѣдай, Филоѳей, что всѣ христіанскія земли пріидутъ въ конецъ и снидутся въ единое русское царство, православія ради. Ибо въ древнія лѣта, изволеніемъ земного царя Константина Мономаха, отъ царствующаго града сего вѣнецъ Навуходоносора данъ былъ русскому царю, Бѣлый же сей Клобукъ изволеніемъ Царя небеснаго Христа, нынѣ данъ будетъ архіепископу великаго Новгорода. И кольми сей—честнѣе онаго. И вся святая предана будетъ отъ Бога русской землѣ, и русскаго царя возвеличитъ Господь надъ многими языками, и страна наречется Свѣтлая Русь, по изволенію Божьему, да сія третьяго новаго Рима святая соборная апостольская церковь православною христіанскою вѣрою во всей вселенной паче солнца свѣтится".

Такъ и совершилось. Архіепископъ Новгородскій принялъ Бѣлый Клобукъ и положилъ его въ церковь святой Софіи Премудрости Божіей. И благодатью Господа нашего Іисуса Христа утвердился онъ отнынѣ и во вѣки вѣковъ на главахъ русскихъ святителей.

Повѣсть о „Вавилонскомъ царствѣ" предвѣщала земное,—повѣсть о „Бѣломъ клобукѣ"—небесное величіе русской земли.

Каждый разъ, какъ Евтихій читалъ эти сказанія, душу его наполняло смутное чувство, ему самому непонятное, подобное безпредѣльной надеждѣ, отъ котораго сердце его билось и захватывало духъ, какъ надъ бездною.

Сколь ни казалась ему скудной и убогой родная земля въ сравненіи съ чужими краями, онъ вѣрилъ въ эти пророчества о грядущемъ величіи Третьяго Рима, о „градѣ Іерусалимѣ начальномъ", о лучѣ восходящаго солнца на золотыхъ семидесяти главахъ всемірнаго русскаго храма святой Софіи Премудрости Божіей.

Только въ самой глубинѣ души его было сомнѣніе, чувство неразрѣшимаго противорѣчія: не сказано ли, думалъ онъ, что царь Навуходоносоръ былъ царемъ неправосуднымъ, „злѣйшимъ на всей землѣ", и что, желая, дабы всѣ народы служили ему одному и всѣ языки и всѣ племена призывали его, какъ Бога,

объявилъ онъ черезъ глашатая: падите и поклонитесь золотому истукану царя Навуходоносора.—Но истинный Богъ покаралъ его: отнялъ сердце человѣческое и далъ ему сердце звѣриное, и былъ онъ отлученъ отъ людей и ѣлъ траву, какъ волъ, и орошалось тѣло его росою небесною, такъ что волосы у него выросли, какъ у льва, и ногти, какъ у птицы.—И въ Откровеніи не было ли сказано: „Палъ, палъ Вавилонъ—великая блудница, ибо яростнымъ виномъ блудодѣянія своего напоила всѣ народы,—горе, горе тебѣ, великій городъ, одѣтый въ виссонъ и порфиру".—А если такъ, спрашивалъ себя Евтихій, какъ же въ третьемъ Римѣ, въ русскомъ царствѣ, Бѣлый Клобукъ соединится съ мерзостнымъ вѣнцомъ Навуходоносора царя, проклятаго Богомъ?

Онъ чувствовалъ, что здѣсь—великая тайна, и что если онъ углубится въ нее, то видѣнія, болѣе страшныя, чѣмъ тѣ, что отошли отъ него, снова приступятъ къ нему.

Стараясь не думать, погасилъ онъ свѣчу и легъ въ постель.

XV.

И приснился ему сонъ: съ огненнымъ лицомъ и огненными крыльями, въ блистающихъ ризахъ Жена на серповидной лунѣ среди облаковъ, подъ седмистолпнымъ киворіемъ съ надписью: *Премудрость созда себѣ домъ*; пророки, святители, праотцы, дорvносящіе ангелы, архангелы, Силы, Престолы, Господствія, Власти окружали Ее; и въ сонмѣ пророковъ, у самаго подножія Премудрости — Іоаннъ Предтеча, съ такими же тонкими руками и ногами, длинными, какъ у журавля, съ такими же бѣлыми исполинскими крыльями, какъ на иконѣ, но съ другимъ лицомъ: по оголенному лбу съ упрямыми морщинами, по щетинистымъ бровямъ, длинной сѣдой бородѣ и сѣдымъ волосамъ узналъ Евтихій запечатлѣвшееся въ памяти его, лицо старика, похожаго на Илью Пророка, который, два года назадъ, приходилъ къ нему въ мастерскую,—лицо Леонардо да Винчи, изобрѣтателя человѣческихъ крыльевъ.—Внизу, подъ облаками, на которыхъ стояла Жена, горѣли, какъ жаръ, въ голубыхъ небесахъ, золотые купола и маковки церквей; виднѣлись черныя, только что взрытыя плугомъ, поля, синія рощи, свѣтлыя рѣки и безконечная даль, въ которой узналъ онъ русскую землю.

Колокола загудѣли торжественнымъ гуломъ; многоочитые запѣли побѣдную пѣснь „аллилуія!"; шестокрылатые, закрывая въ ужасѣ лица свои крыльями, возопили: *да молчитъ всякая плоть человѣча и да стоитъ со страхомъ и трепетомъ*; и семь архангеловъ ударили въ крылья свои; и семь громовъ проговорили. И

надъ Женою огнезрачною,—Святой Софіей Премудростью Божьей, небо разверзлось, и нѣчто явилось въ немъ, бѣлое, солнцу подобное, страшное. И понялъ Евтихій, что это есть *Бѣлый Клобукъ*, вѣнецъ Христа, надъ Русскою землею.

Свитокъ, который держалъ въ рукѣ Предтеча Крылатый, развернулся, и Евтихій прочелъ:

„Вотъ я посылаю Ангела Моего, и онъ приготовитъ путь предо Мною, и внезапно пріидетъ во храмъ Свой Господь, Котораго вы ищете, и Ангелъ завѣта, котораго вы желаете. Вотъ Онъ идетъ“.

Голоса громовъ, плески ангельскихъ крылъ, побѣдная пѣснь „аллилуія!“ и звонъ колоколовъ слились въ одну хвалебную пѣснь Святой Софіи Премудрости Божьей.

И пѣсни этой отвѣтили нивы, рощи, рѣки, горы, и всѣ безконечныя дали Русской земли.

Евтихій проснулся. Было раннее, сѣрое утро.

Онъ всталъ и открылъ окно; на него пахнуло душистою свѣжестью листьевъ и травъ, омытыхъ дождемъ: ночью прошла гроза. Солнце еще не всходило. Но на краю неба, надъ темными лѣсами за рѣкою, тамъ, гдѣ оно должно было взойти, столпившіяся тучи рдѣли пурпуромъ и золотомъ. Улицы города спали въ сумеркахъ; лишь тонкая бѣлая колокольня св. Губерта освѣщалась блѣдно-зеленымъ, какъ будто подводнымъ, свѣтомъ. Тишина была совершенная, полная великаго ожиданія. Только на песчаныхъ отмеляхъ пустынной Луары дикіе лебеди перекликались.

Иконописецъ сѣлъ у окна за маленькій столикъ, съ наклонной доской для писанія, съ прикрѣпленною сбоку роговой чернильницей и выдвижнымъ для перьевъ ящикомъ, очинилъ гусиное перо и открылъ большую тетрадь. Это былъ многолѣтній трудъ его, завѣщанный ему учителемъ, смиреннымъ старцомъ Прохоромъ,—новый исправленный Иконописный Подлинникъ.

„Откуда же начало есть иконъ? Не отъ человѣкъ, но самъ Богъ-Отецъ, первый, родилъ Сына, Слово Свое, живую Свою Икону“, — то были послѣднія слова, написанныя Евтихіемъ.— Онъ обмакнулъ перо и продолжалъ писать:

„Азъ, грѣшный, имѣя отъ Господа талантъ, моей худости врученный, не хотѣлъ его въ землѣ сокрыть, да не приму за то осужденія, но потщился алфавитъ художества сего, еже есть всѣ члены тѣла человѣческаго, мастерству иконному во употребленіе приходящіе, написать во образъ и пользу всѣмъ люботщателямъ честной сей хитрости.—Всѣхъ васъ, братья мои, ихъ же ради положилъ труды сіи, прилежно молю о теплой молитвѣ ко Господу, дабы мнѣ, образы Его и слугъ Его святыхъ на землѣ писавшему, само Лицо Его божественное и всѣхъ Его угодниковъ узрѣть во

царствіи небесномъ, гдѣ честь Его и слава воспѣвается ото всѣхъ безплотныхъ,—нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ.—Аминь".

Пока онъ писалъ, изъ-за темнаго лѣса, какъ раскаленный уголь, показался край солнца, и что-то пронеслось по землѣ и по небу, подобное музыкѣ.

Бѣлые голуби вспорхнули изъ-подъ кровельнаго выступа и зашелестѣли крыльями.

Лучъ проникъ сквозь окно въ мастерскую Евтихія, упалъ на икону Іоанна Предтечи, и позлащенныя крылья, внутри багряно-золотистыя, какъ пламя, снаружи бѣлыя, какъ снѣгъ, широко распростертыя въ лазурномъ небѣ надъ желтою землей и чернымъ океаномъ, подобныя крыльямъ исполинскаго лебедя, вдругъ заблестѣли, заискрились въ пурпурѣ солнца, словно оживившись сверхъестественною жизнью.

Евтихій вспомнилъ свой сонъ, взялъ кисть, обмакнулъ ее въ алую черлень и написалъ на бѣломъ свиткѣ Предтечи Крылатаго:

Вотъ Я посылаю Ангела Моего, и онъ приготовитъ путь предо Мною, и внезапно прійдетъ въ храмъ Свой Господь, котораго вы ищете, и Ангелъ завѣта, котораго вы желаете.—Вотъ Онъ идетъ.

Д. Мережковскій.

Конецъ второй части Трилогіи *).

---

*) Послѣдняя часть Трилогіи — *Антихристъ* (Петръ и царевичъ Алексѣй) готовится къ печати и появится черезъ нѣсколько лѣтъ. Д. М.

ДЖІОРДАНО БРУНО.

(Къ 17-му февраля 1600 года.)

Публичная лекція профессора **А. Риля** въ переводѣ **М. А. Лихарева.**

Въ плодороднѣйшей мѣстности Кампаніи, носящей названіе «счастливой», расположенъ по сѣверо-восточному склону Везувія городъ Нола, находящійся въ разстояніи только двѣнадцати миль отъ Неаполя. Въ древности колонія халкидейскихъ грековъ, Нола процвѣтала и славилась въ эпоху римскихъ императоровъ, окруженная крѣпостными стѣнами и башнями, украшенная дворцами знатнѣйшихъ фамилій Рима; теперь же это—небольшой провинціальный городъ съ двѣнадцатью тысячами жителей.

Слѣды древне-греческаго искусства и нравовъ сохранились здѣсь до новѣйшаго времени въ бо̀льшей степени, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ старинной Великой Греціи; на эту связь указывали извѣстные древніе обычаи при праздничныхъ процессіяхъ и зрѣлищахъ, вкусъ къ изящнымъ формамъ обращенія, даже пристрастіе къ остроумной и изысканной рѣчи; можетъ быть, также необыкновенную наклонность къ философіи, литературѣ и искусству, проявлявшуюся неоднократно въ населеніи Нолы, слѣдуетъ приписать тому же происхожденію. Относительно значительное число извѣстныхъ, отчасти даже выдающихся людей: гуманистовъ, философовъ, поэтовъ и художниковъ, родившихся или проживавшихъ въ Нолѣ, способствовали выдѣленію этого города изъ числа ему подобныхъ въ пятнадцатомъ и шестнадцатомъ столѣтіяхъ. Однако, всѣ эти замѣчательные люди меркнутъ въ лучахъ славы человѣка, который сдѣлалъ извѣстнымъ по всему свѣту имя своего родного города, являясь одинаково замѣчательнымъ какъ по своей жизненной судьбѣ, такъ и по величію духа и нравственнаго строя своей личности. Джіордано Бруно особенно любилъ величать себя ноланцемъ; сильная привязанность къ родинѣ была ему свойственна, подобно его согражданамъ.

Къ тому времени, когда родился Джордано Бруно, искусство возрожденія уже перешагнуло въ Италіи моментъ своего высочайшаго расцвѣта. Блескъ пресловутаго полуязыческаго строя жизни при дворѣ

папы изъ рода Медичи уже померкъ. Съ одной стороны, интересы церкви, а съ другой—интересы науки заступили мѣсто художественныхъ интересовъ. Это—эпоха католической реставраціи и созданія науки новаго времени. Буллою отъ 21 іюля 1542 года Павелъ III предписываетъ, согласно предложенію Игнатія Лойолы и подъ спеціальнымъ руководствомъ Караффы, учрежденіе римской инквизиціи по образцу испанской; весной 1543 года появляется сочиненіе Николая Коперника: «О вращеніяхъ небесныхъ сферъ». Джіордано Бруно родился въ 1548 году подъ созвѣздіемъ этихъ обоихъ событій. Послѣдующее взаимодѣйствіе того и другого обусловило трагическую участь нашего философа.

Отецъ Бруно, Джіовани, былъ солдатъ, должно думать—офицеръ; фамилія Бруно изъ Нолы, можетъ быть, вѣтвь одноименнаго патриціанскаго рода изъ Асти, была не изъ послѣднихъ въ своемъ городѣ, и Джіовани находился въ дружескомъ общеніи съ поэтомъ Таксилло, происходившимъ изъ знатнаго дома. Имя матери нашего философа было Фраулисса, по фамиліи Саволина. Самъ Бруно получилъ при крещеніи имя Филиппъ въ честь сына мѣстнаго синьора. На Бруно произвела глубокое впечатлѣніе прогулка на Везувій, совершенная имъ въ дѣтствѣ. Гора, представлявшаяся его дѣтскому уму границей свѣта, казавшаяся издали голой и однотонной, являлась ему вблизи покрытой вязами и дубами съ вѣтвями, обвитыми чащей виноградныхъ лозъ, между тѣмъ какъ гора Чикала, у подножья которой ютилась крыша отцовскаго дома, представляла устремленному назадъ взору мальчика видъ, подобный виду Везувія съ Чикалы. Тогда Бруно впервые узналъ съ удивленіемъ, что глаза могутъ обманывать; онъ видѣлъ, какъ, двигаясь впередъ, мы постоянно остаемся въ центрѣ нашего горизонта; въ немъ зрѣла мысль, что природа всюду одна и та же, и что удаленіе измѣняетъ лишь видимость вещей. Его внутреннее созерцаніе начало выступать изъ предѣловъ внѣшняго. Около десяти лѣтъ отъ роду мальчикъ съ пробужденнымъ сознаніемъ прибылъ въ Неаполь, гдѣ сталъ обучаться гуманитарнымъ наукамъ, а также логикѣ и діалектикѣ. Бруно самъ сохранилъ для насъ имя своего учителя этихъ философскихъ дисциплинъ Фра Теофило да Варрано. Около 1563 года, когда Бруно не исполнилось еще пятнадцати лѣтъ отъ роду, онъ поступилъ въ монастырь св. Доминика въ Неаполѣ. Въ монастырѣ Бруно получилъ имя Джіордано, которое онъ носилъ всю жизнь за исключеніемъ непродолжительнаго промежутка времени. Такъ какъ это было имя непосредственнаго преемника св. Доминика и второго magister generalis доминиканскаго ордена, то, можетъ быть, перенесеніе этого имени на Бруно должно было означать, какія надежды возлагалъ орденъ на способности своего новаго сочлена.

Въ монастырѣ Бруно пріобрѣлъ глубокое и широкое знакомство съ древней философіей, обнаруживающееся въ каждомъ изъ его сочиненій. Онъ занимался также изученіемъ схоластиковъ. Кромѣ Раймунда Луллія, онъ особенно любилъ читать сочиненія Ѳомы Аквинскаго.

своего товарища по ордену, который жилъ и училъ за триста лѣтъ передъ тѣмъ въ томъ же монастырѣ, въ которомъ самъ Бруно отбывалъ годы своего послушничества. Уже въ монастырѣ мощный духъ Бруно пробудился къ самостоятельному развитію подъ давленіемъ окружающей обстановки.

Если Бруно надѣялся получить отъ монашеской жизни безмятежный досугъ для своихъ занятій, которымъ онъ предавался съ душевною бодростью, то въ такомъ случаѣ онъ вскорѣ долженъ былъ испытать, къ своему разочарованію, «какъ его цензоры стремились отвлечь его отъ болѣе достойныхъ и высшихъ занятій, наложить оковы на его духъ и превратить его изъ свободнаго человѣка, служащаго добродѣтели, въ раба жалкаго и глупаго ханжества». Отъ его остраго взора и сатирическаго настроенія не ускользнули, равнымъ образомъ, слабости и причуды нѣкоторыхъ изъ его братьевъ по ордену. Впослѣдствіи онъ представилъ намъ въ сильной характеристикѣ подъ видомъ меланхолическаго Гортензіо, сухопараго Серафино, напыщеннаго Бонифато—такіе типы, которые, конечно, можно встрѣтить цѣликомъ и въ другихъ монастыряхъ. Повидимому, онъ уже скоро съ чувствомъ скуки отвернулся отъ товарищей, которымъ кипучій, откровенный духъ Бруно начиналъ становиться подозрительнымъ. Уже въ періодъ его послушничества ему грозили обвиненіемъ въ нерелигіозности. Онъ удалилъ изъ своей кельи изображенія святыхъ и оставилъ одно только Распятіе; когда же онъ засталъ разъ одного изъ своихъ собратьевъ за чтеніемъ поэмы о семи радостяхъ Пресвятой Дѣвы Маріи, онъ посовѣтовалъ ему читать лучше болѣе разумную книгу. Этотъ разъ, однако, дѣло ограничилось одной лишь угрозой.

Какъ Бруно говоритъ самъ, въ 18 лѣтъ онъ сталъ впадать въ сомнѣніе относительно церковнаго ученія о Троицѣ. Онъ понималъ лица Пресвятой Троицы, какъ аттрибуты Божества и ссылался при этомъ на блаженнаго Августина, который относился къ выраженію «лицо» еще, какъ къ нѣкоторому новшеству, и пользовался имъ съ осторожностью. Однако, рѣшающее значеніе для духовнаго развитія Бруно, даже для его жизненной судьбы, должно было имѣть знакомство съ сочиненіемъ Коперника. Это знакомство онъ завязалъ, должно быть, относительно рано («убѣдительное слово Коперника стучало во врата юношеской души»); но еще 20 лѣтъ спустя у него оставалось объ этомъ совершенно живое представленіе. Онъ почувствовалъ себя внезапно какъ бы освободившимся отъ узъ. Ему казалось, что истина, которую, какъ онъ думалъ, онъ теперь видитъ и даже осязаетъ,—была какъ бы заперта до тѣхъ поръ въ созданныхъ фантазіей небесныхъ сферахъ. Какъ глубоко чувство удивленія Бруно передъ величіемъ души того нѣмецкаго ученаго, который, не обращая вниманія на глупость толпы и вопреки могучему теченію противоположнаго мнѣнія, стойко удерживаетъ свою позицію! Онъ усвоилъ себѣ

новое ученіе, какъ нѣчто находящееся въ самомъ тѣсномъ родствѣ съ его собственнымъ духомъ, какъ нѣкоторую врожденную ему истину. Именно по этой причинѣ онъ и оказался въ состояніи немедленно же свободно ею распоряжаться и развивать ее далѣе. Съ отважной последовательностью Бруно устранилъ послѣднюю границу, остававшуюся еще у самаго Коперника—сферу неподвижныхъ звѣздъ, «скорлупу и выпуклую поверхность» звѣзднаго неба. Его духъ совершаетъ полетъ черезъ открывшіяся небесныя пространства; безконечность вселенной раскрывается передъ его созерцаніемъ, и «красота міра предстала его взору во всемъ своемъ блескѣ». Такимъ образомъ, Бруно не только овладѣлъ новымъ ученіемъ умственно, но также предался ему своими чувствами, своей могучей силой воображенія, одушевленіемъ своего существа. Зато средневѣковое церковное міровоззрѣніе разсѣялось у него вслѣдствіе этого, подобно призраку. Новая космологія, какъ Бруно тотчасъ увидалъ, требовала новой метафизики и новой теологіи; создать и возвѣстить міру ту и другую Бруно полагаетъ своимъ призваніемъ, своею миссіей. Онъ почерпнулъ элементы своей философіи, главнымъ образомъ, изъ ново-платоническихъ ученій и изъ глубокомысленныхъ твореній Николая Кузанскаго. Въ особенности въ послѣднемъ онъ узнавалъ родственный себѣ духъ, которому лишь священническая одежда мѣшала свободно двигаться.

Между тѣмъ, досугъ монастырской жизни Бруно посвящалъ не только глубокимъ философскимъ занятіямъ и планамъ, а и поэтическому искусству веселаго и серьезнаго характера. Комедія «Il candelaio», а также, навѣрное, многія изъ тѣхъ вдохновенныхъ пѣсней, которыя онъ ввелъ впослѣдствіи въ собраніе бесѣдъ «de gl'heroici furori»,—возникли уже въ это время. Въ 1570 году появляется его сатирическая поэма «Ноевъ ковчегъ», посвященная папѣ. Самая эта поэма уже болѣе не существуетъ, но ея сюжетъ намъ извѣстенъ изъ одного діалога позднѣйшаго происхожденія: оселъ борется за первенство между звѣрями, которое грозитъ отъ него ускользнуть.

Тѣмъ временемъ внѣшній образъ жизни Бруно принялъ обычное направленіе. Бруно посвящается въ священническій санъ; въ 1572 году, 24-хъ лѣтъ отъ роду, онъ служитъ въ первый разъ въ своей жизни обѣдню въ городѣ Кампаньѣ, проводитъ тамъ нѣкоторое время въ монастырѣ св. Варѳоломея, вслѣдъ за этимъ въ другихъ монастыряхъ той же провинціи, совершая священническое служеніе: служитъ литургіи, произноситъ проповѣди и т. п. Спустя три года онъ возвращается въ монастырь въ Неаполѣ. «Candelaio»,—это отраженіе точно въ зеркалѣ безнравственности, окружавшей Бруно, представляетъ намъ почти осязательнымъ образомъ, съ какого рода людьми онъ долженъ былъ за это время сталкиваться, какія условія жизни онъ долженъ былъ увидать.

Бруно, безъ сомнѣнія, былъ уже внутренне отчужденъ отъ цер-

ковной системы вѣрованій, когда его жизни въ монастырѣ наступилъ внезапный, но врядъ ли неожиданный, конецъ. Провинціальный начальникъ доминиканскаго ордена фра Доминико Вито возбудилъ противъ Бруно обвиненіе въ ереси, формулированное въ ста тридцати статьяхъ. Бруно находился въ это время въ Римѣ въ монастырѣ della Minerva. Кажется, онъ ожидалъ обвиненія и направился въ Римъ, разсчитывая ускользнуть отъ испанской инквизиціи *), но здѣсь онъ рисковалъ попасть въ руки римской инквизиціи. Уже спустя нѣсколько дней акты процесса Бруно были отправлены въ Римъ. Сверхъ этого, какъ Бруно узналъ изъ писемъ друзей, во время его отсутствія были найдены скрытыя имъ при отъѣздѣ запрещенныя книги: писанія св. Іоанна Златоуста и св. Іеронима, снабженныя примѣчаніями Эразма. Обладаніе этими книгами должно было еще болѣе усилить противъ него подозрѣнія. Поэтому въ серединѣ 1576 года на двадцать восьмомъ году своей жизни, онъ быстро принимаетъ рѣшеніе совлечь съ себя одежду своего ордена и бѣжать изъ Рима.

Съ бѣгствомъ изъ Рима для Бруно начинается безпокойная жизнь скитальца, продолжающаяся пятнадцать лѣтъ, въ теченіе которыхъ Бруно изъѣздилъ половину Европы. Повсюду онъ стремится насаждать свое ученіе—новое воззрѣніе на вселенную. Страстное безпокойство его внутренняго существа нигдѣ не дозволяетъ ему избрать постоянное мѣсто для своей дѣятельности. Превратности судьбы и интриги его враговъ также преслѣдуютъ его. Его жизнь представляетъ собою постоянную борьбу съ цеховыми учеными; но его способъ заявлять о себѣ самъ уже вызывалъ эту борьбу. Бурное рвеніе, съ которымъ онъ выступалъ на защиту своей философіи, рѣзко отличалось отъ равнодушія остальныхъ философовъ въ отношеніи ихъ науки. По мнѣнію Бруно, другіе философы этого рода открыли меньше, чѣмъ онъ, а потому имъ также нѣтъ нужды охранять и защищать свои ученія въ такой мѣрѣ, какъ ему. «Они могутъ, разумѣется, быть низкаго мнѣнія о такой философіи, которая ни къ чему не годна, или о такой, которой они не знаютъ. Тотъ, однако, кто нашелъ скрытое сокровище—истину, очаровывается красотою ея вида и ревностно смотритъ за тѣмъ, чтобы оно не было подтасовано, пренебрежено или осквернено». Среди всей этой неутомимой жизни онъ создаетъ свои философскіе шедевры: итальянскіе діалоги, въ которыхъ его духъ изливается съ такою свободою и богатствомъ, латинскія сочиненія, полныя поэтическаго полета и метафизическаго глубокомыслія,—наряду съ этимъ многочисленные трактаты о Луллієвомъ искусствѣ. Бруно умножаетъ свои силы съ прилежаніемъ, свойственнымъ генію.

---

*) Неаполитанское королевство являлось въ то время частью владѣній Арагонскаго дома, царившаго тогда въ Испаніи. (*Примѣч. переводчика*).

Мы находимъ Бруно послѣ его бѣгства сперва въ Нолахъ возлѣ Генуи. Здѣсь онъ давалъ уроки грамматики мальчикамъ и читалъ нѣсколькимъ знатнымъ молодымъ людямъ лекціи по астрономіи. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ ѣдетъ черезъ Савону и Туринъ въ Венецію, куда попадаетъ во времена царившаго тамъ волненія и страха: въ городѣ свирѣпствовала чума, опустошавшая всю Верхнюю Италію за исключеніемъ Турина. Ея жертвой пала половина народонаселенія; не избѣгъ заразы также почти столѣтній Тиціанъ. Чтобы достать немного денегъ, Бруно выпустилъ въ свѣтъ сочиненіе «Знаменія времени», предварительно подвергнувъ его разсмотрѣнію патера Ремигія изъ Флоренціи. Этотъ небольшой трудъ Бруно, бывшій, можетъ быть, предшественникомъ трудовъ о Луллієвомъ искуссвѣ того же автора,— утерянъ. Послѣ краткаго пребыванія въ Венеціи Бруно покинулъ опустѣвшій городъ. Въ Бергамо онъ снова одѣлся монахомъ по совѣту товарищей по ордену, съ которыми онъ встрѣтился въ Падуѣ, и предался снова своимъ скитаніямъ. Наконецъ, спустя три года послѣ бѣгства изъ Рима, Бруно покинулъ Италію. Въ Шамбери, гдѣ онъ нашелъ пріютъ въ монастырѣ своего ордена, но былъ встрѣченъ съ недовѣріемъ, онъ принялъ рѣшеніе направиться въ Женеву. Тутъ онъ засталъ цѣлую колонію итальянскихъ бѣглецовъ, сторонниковъ реформатскаго вѣроученія, во главѣ которыхъ находился одинъ изъ племянниковъ Павла IV маркизъ Галеаццо Каррачіоли. Маркизъ принялъ довольно благосклонно спасающагося отъ преслѣдованія инквизиціи Бруно. Послѣдній долженъ былъ прежде всего замѣнить доминиканское одѣяніе свѣтскимъ костюмомъ, и съ тѣхъ поръ уже не облачался болѣе въ духовное платье. Онъ содержалъ себя корректурою печатныхъ листовъ. Время отъ времени онъ присутствовалъ на проповѣдяхъ у своихъ соотечественниковъ, принадлежавшихъ къ реформатской церкви; между тѣмъ онъ отнюдь не переходилъ еще формально въ лоно реформатской церкви; и самъ онъ отрицалъ такой переходъ, и изъ документовъ, опубликованныхъ Дюфуромъ, не явствуетъ противное. Въ записяхъ ректора академіи его имя значится вписаннымъ собственноручно отъ 22-го мая 1579 года: «Philippus Brunus Nolanus sacrae theologiae professor». Вскорѣ его неблагоразумное рвеніе поссорило его съ однимъ изъ членовъ академіи. Поддаваясь своему темпераменту, Бруно въ летучей брошюркѣ подчеркнулъ двадцать ошибокъ въ одной только лекціи у профессора философіи Антуана де-ла-Фай (de la Faye). Эта вылазка противъ одной изъ самыхъ вліятельныхъ въ Женевѣ личностей навлекла на него (а также на типографа, напечатавшаго его брошюру) тюремное заключеніе, отъ котораго онъ избавился только посредствомъ опроверженія собственной же брошюры. Вскорѣ затѣмъ, проживъ въ общей сложности въ Женевѣ немного болѣе трехъ мѣсяцевъ, Бруно оставилъ нетерпимый городъ Кальвина, гдѣ за двадцать шесть лѣтъ до настоящихъ событій Серветъ былъ сожженъ на кострѣ. Бруно поѣхалъ черезъ Ліонъ въ

Тулузу. Этотъ городъ заключалъ въ себѣ въ то время чрезвычайно цвѣтущій университетъ, который посѣщали болѣе десяти тысячъ студентовъ. Отсюда вышелъ знаменитый учитель государственнаго права Жанъ Бодэнъ, а вскорѣ послѣ Бруно здѣсь же преподавалъ Франсуа Санхэцъ, одинъ изъ возобновителей скептицизма. Бруно быстро пріобрѣтаетъ извѣстность своими частными лекціями о «сферѣ», то-есть, лекціями по астрономіи, и достигаетъ степени доктора римской теологіи, чтобы имѣть возможность принимать участіе въ конкурсѣ на должность ординарнаго профессора философіи. Онъ получилъ профессуру, которую занималъ, по его собственнымъ показаніямъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, «посвящая себя сочиненіямъ и преподаванію», до тѣхъ поръ, пока онъ не увидѣлъ себя принужденнымъ опять отказаться отъ профессуры вслѣдствіе междоусобной войны, начатой Генрихомъ Наваррскимъ. Онъ устремляетъ свой взоръ на Парижъ, куда и является около середины 1581 года.

Онъ тотчасъ же воспользовался своимъ правомъ, предоставляемымъ ему докторскою степенью, и объявилъ объ экстраординарномъ курсѣ, для котораго выбралъ тему схоластическаго содержанія. Онъ имѣлъ большой успѣхъ; его краснорѣчіе и въ особенности сила его памяти являлись предметомъ удивленія. Предложенную же ему ординарную профессуру онъ долженъ былъ отклонить: какъ отлученному отъ церкви, ему было невозможно удовлетворять обязательству, которое являлось въ Парижѣ соединеннымъ со званіемъ ординарнаго профессора, а именно, обязательству присутствовать при обѣднѣ. Однако, слава о его чудесномъ дарованіи дошла до короля. Генрихъ III, наклонный къ суевѣрію, приказалъ позвать къ себѣ философа, чтобы узнать, естественный ли характеръ носитъ память Бруно и не прибѣгаетъ ли онъ при этомъ— чтó и являлось предметомъ подозрѣнія короля—къ помощи волхованія. Бруно удалось доказать естественность своей памяти; и чтобы раскрыть секретъ своей мнемотехники, онъ посвятилъ королю сочиненіе «Тѣни идей» («De umbris idearum»). Это посвященіе получило награду въ формѣ экстраординарной профессуры.

«Тѣни идей» открываютъ собою рядъ сочиненій Бруно, посвященныхъ Лулліеву искусству, изъ которыхъ въ самомъ Парижѣ появились на свѣтъ еще два. Подобно легкому рою, эти небольшія сочиненія сопровождаютъ главные труды философа. Посредствомъ ихъ онъ зарекомендовываетъ себя передъ университетами и посвящаетъ ихъ знатнымъ покровителямъ. Этимъ, однако, значеніе упомянутыхъ сочиненьицъ не исчерпывается, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ ихъ автора. Извѣстно, какія преувеличенныя ожиданія испанскій схоластикъ тринадцатаго столѣтія Раймундъ Луллій возлагалъ на свое открытіе логическаго исчисленія, которое дѣлало возможнымъ чисто механическимъ образомъ создавать всякаго рода комбинаціи понятій. Бруно увидалъ въ этомъ такъ называемомъ «великомъ искусствѣ» («ars magna»), глав-

нымъ образомъ, средство упражненія памяти и краснорѣчія. Его собственная рѣдкая способность соединять самыя отдаленныя вещи, богатое сопоставленіями изображеніе предмета, полнота образовъ, которые сами даются ему — свойства, запечатлѣвшіяся въ его стихѣ, конечно, не обязаны своимъ происхожденіемъ его занятіямъ Луллієвымъ искусствомъ, но получили, благодаря послѣднему дальнѣйшее развитіе и усиленіе.

Впрочемъ, «Тѣни идей» содержатъ больше, чѣмъ просто мнемотехническое руководство по методу Луллія. Первая часть этого сочиненія даетъ самыя раннія свѣдѣнія о философіи Бруно, своего рода гносеологическое обоснованіе послѣдней. Въ символической формѣ изложенія, заимствованной изъ аллегоріи о пещерѣ въ Платоновомъ государствѣ, въ образахъ свѣта и тѣни разсматривается отношеніе представленій въ нашемъ духѣ къ вещамъ, вещей къ ихъ творческому основанію, причемъ аллегорія и понятіе временами перемежаются. Съ особеннымъ удареніемъ провозглашается внутреннее существенное единство вселенной, а равнымъ образомъ — принципъ развитія. Подобно тому, какъ природа внутри своихъ границъ производитъ все изо всего и постепенно превращаетъ низшее въ высшее, точно такъ и умъ въ состояніи изо всего познать все. Тѣмъ не менѣе, познаніе человѣкомъ истины совершается только отраженнымъ образомъ,—отсюда и выраженіе: тѣни идей.

Въ Парижѣ Бруно далъ еще новое доказательство многосторонности своего таланта. Въ томъ же году, какъ «Тѣни идей» (1582), тамъ появляется упомянутая ранѣе комедія: «Il candelaio»,—одна изъ лучшихъ въ своемъ родѣ, хотя самый этотъ родъ—не изъ наилучшихъ; ея содержаніе во вкусѣ итальянской комедіи возрожденія — столь же грязное, какъ содержаніе «Каландры» кардинала Биббіены; форма же отличается изобразительнымъ реализмомъ, который воспринимаетъ вещи, какъ онѣ есть, и не отвертывается даже отъ самаго отвратительнаго. Однако, недостатокъ единства дѣйствія уменьшаетъ художественную цѣнность пьесы.

Бруно самъ указывалъ, что продолжительность его пребыванія въ Парижѣ равняется пяти годамъ. При этомъ вычисленіи онъ, должно быть, соединилъ въ одинъ періодъ время своего двукратнаго нахожденія въ Парижѣ и своей поѣздки въ отпускъ по Англіи, такъ какъ онъ уже весною 1583 года появился въ Англіи, гдѣ мы и встрѣчаемъ его въ іюнѣ мѣсяцѣ этого года въ Оксфордѣ. Его лекціи въ Парижѣ были прерваны безпокойствами междоусобицы, а не нападками со стороны профессоровъ. Онъ взялъ отпускъ и переправился въ Англію, снабженный рекомендательнымъ письмомъ короля къ французскому посланнику въ Лондонѣ Мишелю де-Кастельно (de Castelnau) синьору де-Мовисьеру (de Mauvissière); Бруно отправился въ Англію не только съ цѣлью познакомиться со страной и ея жителями, но, главнымъ образомъ,

также для того, чтобы познакомить тамошній ученый міръ со своимъ ученіемъ и склонить его въ пользу коперниковой системы. Въ Кастельнó онъ нашелъ себѣ покровителя. Французскій посланникъ, политическій противникъ Елизаветы и защитникъ Маріи Стюартъ, которую сопровождалъ въ Шотландію по смерти Франциска II, Кастельнó сумѣлъ такъ успѣшно снискать себѣ благосклонность англійской королевы благодаря своему разумному поведенію государственнаго дѣятеля и отличнымъ качествамъ своего характера, что послѣдняя была недовольна, когда послѣ десятилѣтняго пребыванія на своемъ посту онъ былъ, наконецъ, отозванъ (1585 г.). Бруно жилъ въ Лондонѣ въ домѣ этого человѣка, и въ благодарность за оказываемое ему гостепріимство онъ посвятилъ Кастельнó, «единственному покровителю музъ», свои первые три итальянскихъ діалога. Впрочемъ, изъ редакціи посвященій, приложенныхъ къ названнымъ сочиненіямъ, нельзя вывести заключенія о чрезмѣрности личной дружбы между французскимъ дворяниномъ и католикомъ съ одной стороны, и монахомъ-отщепенцомъ — съ другой: преувеличенія относились къ характеру стиля посвященій.

Относительно прочихъ приключеній съ Бруно въ Англіи намъ извѣстно изъ его сочиненій, опубликованныхъ въ Лондонѣ. Бруно отправился прежде всего въ Оксфордъ, гдѣ онъ чрезвычайно развязно выступилъ въ университетѣ съ сочиненіемъ, посвященнымъ Луллієву искусству: «Объясненіе тридцати печатей» («Explicatio triginta Sigillorum»). Онъ читалъ о безсмертіи души, излагая по своему пиѳагорейскіе миѳы о перевоплощеніи (метемпсихозѣ). Онъ читалъ также о новой системѣ міра, созданной Коперникомъ. Разумѣется, онъ немедленно перессорился съ профессорами. Особенно шокировало и вызывало шумныя противорѣчія неслыханное дотолѣ утвержденіе безчисленнаго множества солнечныхъ системъ въ безконечной вселенной. Бруно защищалъ свои космологическія новшества въ публичномъ диспутѣ противъ нѣсколькихъ докторовъ богословія (во время праздничныхъ торжествъ по случаю посѣщенія Оксфорда польскимъ княземъ Яномъ Ласко въ іюнѣ 1583 года). Онъ приписываетъ себѣ побѣду въ этомъ словопреніи; однако, дѣйствительнымъ результатомъ послѣдняго явилось для Бруно воспрещеніе продолжать свои лекціи.

Еще лѣтомъ того же года Бруно вернулся въ Лондонъ; и здѣсь въ домѣ Кастельнó онъ написалъ свои итальянскіе разговоры, находясь подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ вынесеннаго изъ Оксфорда опыта. Нѣсколько разъ онъ появляется при дворѣ вмѣстѣ съ французскимъ посланникомъ или одинъ. Елизавета, любившая обнаруживать свое знаніе итальянской рѣчи, находила удовольствіе въ бесѣдахъ съ Бруно. Послѣдній же, въ свою очередь, прославляетъ королеву въ высокопарномъ стилѣ того времени, какъ великую Амфитриту, намекая на островное положеніе ея царства; онъ называетъ ее также «единственной Діаной и нѣкотораго рода божествомъ на землѣ». Бруно

не остался не впечатлителенъ къ красотѣ англійскихъ женщинъ. Онъ восхваляетъ въ нихъ музъ и мечтательныхъ нимфъ Англіи, славитъ ихъ бѣлокурые локоны, прелестный обликъ, выразительность взора. Изъ видѣнныхъ имъ при дворѣ личностей онъ становится въ близкія отношенія особенно къ Филиппу Сидни, блестящему государственному дѣятелю и поэту, который вскорѣ послѣ того погибъ при Цутфенѣ тридцати двухъ лѣтъ отъ роду въ борьбѣ за независимость Нидерландовъ. Бруно посвятилъ ему «Изгнаніе торжествующаго звѣря» («Spaccio della bestia trionfante»), книгу, по выходѣ въ свѣтъ которой создалась тотчасъ же басня, а также разговоры о «героическомъ энтузіазмѣ» («de gliherorci furori»); это сочиненіе было «пѣсня пѣсней» философіи Бруно, какъ послѣдній самъ окрестилъ его. У Бруно составился вѣрный взглядъ на политическое значеніе Англіи, онъ предвидитъ соединеніе британскихъ островов въ одно государство. Многое, однако, изъ того, что онъ видѣлъ въ Лондонѣ, возбуждаетъ въ немъ крайнее неудовольство. По своей рѣзкой неосторожной манерѣ онъ бранитъ одичалое состояніе толпы и ничѣмъ не вызванные акты насилія противъ чужестранцевъ со стороны послѣдней. Онъ не въ состояніи привыкнуть къ холодному климату Англіи, и даже самый языкъ страны звучитъ для него чуждо и немузыкально; Бруно пренебрегаетъ изученіемъ англійскаго языка. Послѣ того какъ онъ выпустилъ въ свѣтъ сочиненіе, содержащее его рѣзкія нападки на оксфордскихъ педантовъ и на лондонскую чернь: «Пиръ въ среду первой недѣли великаго поста» («La cenadelle ceneri»), онъ долженъ былъ самъ скрываться. Считали, что онъ нанесъ оскорбленіе не только тому или другому городу или же какой-нибудь провинціи въ отдѣльности, а всему государству. Онъ жалуется, что противъ него злоумышляетъ не болѣе, не менѣе, какъ весь свѣтъ въ Англіи. И тѣмъ не менѣе, нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ имъ въ Англіи, представляютъ самое счастливое и самое плодотворное время его жизни.

За исключеніемъ «Candelaio», всѣ его итальянскія сочиненія, сохранившіяся до нашего времени, написаны и выпущены въ свѣтъ въ Лондонѣ. Равнымъ образомъ, главное произведеніе Бруно изъ числа написанныхъ имъ на латинскомъ языкѣ, поэма «De immenso», было начато въ Лондонѣ.

Бруно является однимъ изъ первыхъ среди философовъ новѣйшаго времени, которые разсуждали о научныхъ вопросахъ на живомъ языкѣ, подобно философамъ древняго міра. Въ этомъ отношеніи Монтэнь опередилъ его только на нѣсколько лѣтъ, а Галилей подражалъ впослѣдствіи его примѣру. Тѣмъ не менѣе, Бруно отнюдь еще не является увѣреннымъ и рѣшительнымъ піонеромъ въ этой области. Относительно своего ученія онъ ссылается исключительно на сочиненія, написанныя по-латыни. Да и форма, избранная имъ для его сочиненій

на итальянскомъ языкѣ, показываетъ, повидимому, что онъ разсматривалъ эти сочиненія скорѣе какъ популярное, чѣмъ какъ научное изложеніе своей философіи.

Уже гуманисты подражали разговорамъ Цицерона, который самъ являлся только простымъ подражателемъ въ этомъ отношеніи. Бруно были извѣстны діалоги Платона, хотя онъ лишь немного былъ знакомъ съ греческимъ языкомъ. Но его разговоры возникли независимо отъ этихъ ученыхъ образцовъ въ видѣ подражанія дѣйствительнымъ бесѣдамъ (въ діалогахъ: «La cena de le ceneri»), или въ силу соотвѣтствія разговорной формы, содержанію (въ сочиненіи «De l'infinito, universo et mondi», гдѣ борятся два міровоззрѣнія). Одно уже употребленіе языка, на которомъ разговариваютъ въ дѣйствительностя, должно было навести на разговорную форму. Такимъ образомъ, Бруно обращается съ діалогомъ легко, непринужденно, въ тонѣ бесѣды. Только его поэтическій талантъ по временамъ углубляетъ форму, и какъ велико разнообразіе средствъ выраженія, находящихся въ его распоряженіи, а также принимаемыхъ имъ тоновъ, въ границахъ этой литературной формы! Серіозность и веселая шутка, поучительное разъясненіе, живое описаніе, сатира и горькое порицаніе одинаково къ его услугамъ. Нѣтъ ни одного выраженія эффекта или спокойной мысли, которое не нашлось бы въ его распоряженіи. Стихотворная рѣчь чередуется съ прозой, особенно въ діалогахъ: «de gl'heroici furori». Стихосложеніе искуственно, иногда вычурно; мысль въ большинствѣ случаевъ слишкомъ трудна для легкой формы. Многое въ его стилѣ — условно, въ причудливомъ вкусѣ позднѣйшей эпохи итальянскаго Возрожденія, особенно чрезмѣрное пользованіе миѳологіей. Повсюду, однако, сквозитъ оригинальность его духа.

Во главѣ выпущенныхъ въ свѣтъ въ Лондонѣ сочиненій Бруно находятся діалоги «La cena de le ceneri», «Ужинъ въ среду на первой недѣлѣ великаго поста». Эти діалоги получили названіе отъ того случая, которому они обязаны своимъ возникновеніемъ. Сэръ Фолькъ Гревиль, одинъ изъ друзей Сидни, пригласилъ Бруно на ужинъ въ среду на первой недѣли великаго поста 1584 года, чтобы послушать, какъ философъ защищаетъ ученіе о вращеніи земли. Содержаніе названныхъ діалоговъ состоитъ главнымъ образомъ изъ передачи бесѣды, завязавшейся на эту тему во время ужина; но Коперникова система, развитая въ новое міросозерцаніе въ общей, полной жизни концепціи Бруно, составляетъ собственно предметъ діалоговъ; все-же остальное играетъ роль оправы или эпизода. Сочиненіе Бруно является чрезвычайно замѣчательнымъ уже по одному тому, что оно предшествуетъ діалогу Галилея «объ обѣихъ главнѣйшихъ системахъ мірозданія». Сравненіе обоихъ сочиненій указываетъ также на разнаго рода соотвѣтствіе ихъ въ отдѣльныхъ частяхъ. Такимъ образомъ, Бруно, предупреждая, устраняетъ слѣдующее возраженіе: вращеніе земли должно

было-бы имѣть слѣдствіемъ видимое движеніе воздуха въ противуположномъ направленіи; Бруно замѣчаетъ относительно этого, что воздухъ также относится къ веществу земного шара и вращается вмѣстѣ съ послѣднимъ. Хотя сочиненія философа не въ состояніи выдержать сравненіе съ сочиненіемъ великаго физика съ точки зрѣнія научной строгости, за то премущество перваго передъ послѣднимъ состоитъ въ возвышенности точки зрѣнія, съ которой подвергается разсмотрѣнію не одна только солнечная система, а цѣлая вселенная. Вмѣстѣ съ діалогами: «о безконечномъ, вселенной и мірахъ» («de l'infinito, universo et mondi») бесѣды за «ужиномъ въ среду на первой недѣли великаго поста» («la cena de le ceneri») содержатъ *космологію* Бруно. Написанное по-латыни сочиненіе: «De immenso et innumerabilibus» дополняетъ и исправляетъ міровую картину философа только въ отдѣльныхъ чертахъ.

По ученію Бруно, въ дѣйствительности существуетъ только одно небо, только одно неизмѣримое пространство и лоно, обнимающее всѣ вещи, царство эѳира, въ которомъ все охвачено вращательнымъ движеніемъ. Въ этомъ міровомъ пространствѣ сіяютъ безчисленныя свѣтила, всевозможныя солнца, скорѣе даже солнечныя системы, такъ какъ вокругъ каждаго свѣтила, подобно тому, какъ вокругъ нашего солнца, вращаются планеты, или согласно болѣе выразительному утвержденію Бруно—земли.

Существуютъ только два рода небесныхъ тѣлъ: самосвѣтящіяся или «солнца», и освѣщаемыя—«земли». Основаніемъ того, что мы видимъ изъ другихъ системъ только ихъ солнца, является отдаленность этихъ системъ и малая величина ихъ планетъ. Если съ подобнаго разстоянія смотрѣть на наше солнце, то оно показалось бы намъ только мерцающей неподвижной звѣздой. Всякаго рода пространственное опредѣленіе во вселенной носитъ лишь чисто относительный характеръ; ни одно изъ этихъ свѣтилъ не находится въ центрѣ вселенной, но каждое изъ нихъ лежитъ въ центрѣ своего міра, своего неба. Въ этомъ смыслѣ, слѣдовательно, существуетъ безчисленное множество небесъ, а именно, столько, сколько есть звѣздъ. Подобно тому какъ луна находится на небѣ земли, совершенно такъ-же земля находится на небѣ луны, какъ мы взираемъ на луну, точно такъ-же и жители луны, наши «антикефалы» *), взираютъ на небо. Во вселенной не можетъ быть ни верха, ни низа иначе, какъ въ относительномъ смыслѣ. Подобно пространственнымъ опредѣленіямъ во вселенной, тяжесть и лег-

---

*) Позволяемъ себѣ этотъ неологизмъ для передачи словъ «Gegenhäuptler» нѣмецкаго оригинала, за отсутствіемъ общепринятаго русскаго слова, соотвѣтствующаго понятію, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь. Во всякомъ случаѣ можемъ замѣтить въ свое оправданіе, что словопроизводство нашего неологизма находится въ полномъ согласіи съ этимологическимъ составомъ термина «антиподъ», означающаго понятіе, коррелативное съ разсматриваемымъ. *Примѣч. переводчика.*

кость надо понимать тоже въ смыслѣ относительномъ; ни одно тѣло само по себѣ не бываетъ тяжелымъ; оно можетъ быть тяжело только по отношенію къ своему центру тяжести. Насъ осѣняетъ какъ бы нѣкотораго рода предчувствіе всеобщаго тяготѣнія, когда Бруно объявляетъ, что небесныя тѣла носятся въ пространствѣ и взаимно уравновѣшиваются своей притягательной силой.

Солнце вращается вокругъ своей оси подобно всякой другой неподвижной звѣздѣ, вертящейся вокругъ своего центра; послѣднимъ обстоятельствомъ Бруно думаетъ объяснить мерцаніе неподвижныхъ звѣздъ. Кромѣ вращенія вокругъ оси, солнце обладаетъ еще поступательнымъ движеніемъ въ пространствѣ; послѣднее, повидимому, уже извѣстно Бруно, такъ какъ онъ считаетъ, что разстояніе неподвижныхъ звѣздъ отъ солнца измѣняется теченіемъ времени. Черезъ Николая Кузанскаго Бруно извѣстно о существованіи солнечныхъ пятенъ; онъ пытается объяснить его изъ допущенія, на самомъ дѣлѣ, ошибочнаго, будто само тѣло солнца—темно, а свѣтится только его воздухообразная оболочка. Удачнѣе является утвержденіе, подобное своего рода предсказанію, что вокругъ нашего солнца вращается больше планетъ, чѣмъ было извѣстно во время Бруно. Бруно высказываетъ передъ Тихо де Браге убѣжденіе, что кометы пересѣкаютъ, не встрѣчая сопротивленія, мнимыя сферы, къ которымъ, по господствовавшему въ еще въ то время мнѣнію, должны были прикрѣпляться планеты; это обстоятельство доказываетъ съ очевидностью, что подобныя кристальныя оболочки не существуютъ.

Міръ Бруно, какъ намъ извѣстно въ настоящее время,—дѣйствительный міръ. Никогда не слѣдовало бы забывать, что истинное устройство мірозданія открылось впервые именно духу Бруно. Если Колумбу воздается столь высокая хвала за то, что онъ, исполняя завѣтъ старыхъ временъ, открылъ новую страну свѣта, то, спрашиваетъ нашъ философъ, проникнутый чувствомъ законнаго самосознанія, какая слава приличествуетъ ему, Бруно, который проникнулъ въ самыя небеса и открылъ тамъ безчисленные міры. Бруно совершенно сжился съ новымъ строемъ міросозерцанія. Если бы мы были въ состояніи все далѣе и далѣе отходить отъ земли, то въ такомъ случаѣ послѣдняя превращалась бы въ нашихъ глазахъ все болѣе и болѣе въ звѣзду. Вотъ шаръ, вотъ звѣзда. Посмотри вверхъ на свѣтящіяся искры и знай, что каждая изъ нихъ представляетъ собою міръ, подобный нашему. Современемъ, пророчествуетъ Бруно, всѣ увидятъ то, что теперь видитъ онъ.

Эти очертанія своей картины мірозданія Бруно наполняетъ жизнью и красками. Повсюду въ мірѣ матеріальная природа одинакова, повсюду дѣйствуетъ одна и та же творческая сила, въ цѣлой вселенной царствуютъ единый порядокъ и единый законъ. Вслѣдствіе этого Бруно не сомнѣвается, что органическая жизнь также повсюду достигаетъ развитія въ безчисленныхъ градаціяхъ и формахъ, подобныхъ

земнымъ и даже выше этихъ послѣднихъ. Только глупецъ можетъ думать, что могучія и великолѣпныя міровыя системы, заключающіяся въ безпредѣльномъ пространствѣ, не содержатъ ничего иного, кромѣ свѣта, который онѣ ниспосылаютъ намъ на землю. Каждая изъ этихъ міровыхъ системъ населена живыми существами, каждая, взятая въ совокупности, сама даже представляетъ собою великое живое существо, организмъ. Въ различныхъ частяхъ матеріальнаго міра всѣ формы получаютъ осуществленіе, всѣ роды организмовъ осуществляются въ природѣ, какъ цѣломъ; въ послѣднемъ и состоитъ совершенство вселенной. Въ такого рода общемъ созерцаніи вещей, полномъ жизни, духъ Бруно достигаетъ состоянія блаженства; онъ черпаетъ изъ подобнаго созерцанія примиреніе съ бѣдствіями существованія, съ гибелью и разрушеніемъ въ отдѣльныхъ вещахъ. Подобно тому, какъ все происходитъ изъ блага, точно такъ же все хорошо и идетъ отъ одного блага къ другому. Тотъ, кто приковываетъ свой взоръ только къ отдѣльнымъ вещамъ, не въ состояніи, разумѣется, охватитъ красоты цѣлаго, подобно тому, какъ красота какого-либо зданія ускользаетъ отъ сознанія человѣка, который охватываетъ взоромъ только одну часть зданія: камень или какой-нибудь орнаментъ.

Это—та философія, восклицаетъ Бруно, которая открываетъ чувства, доставляетъ удовлетвореніе духу, возвеличиваетъ умъ и указываетъ человѣку истинное блаженстно, котораго онъ, какъ человѣкъ, въ состояніи достигнуть; она дѣлаетъ это, освобождая человѣка отъ тягостнаго исканія удовольствій и слѣпой боязни передъ печалями. Новая универсальная жизнь овладѣла духомъ Бруно и пробудила въ немъ участіе ко всякаго рода бытію. Какой мелочной показалась ему теперь человѣческая привычка относить все къ самому себѣ!

Только ученіе о «множественности міровъ» ознаменовало собой въ исторіи крушеніе средневѣкового антропоцентрическаго міросозерцанія, которое еще кое-какъ мирилось съ ученіемъ о вращеніи земли вокругъ солнца.

Бруно называлъ себя поклонникомъ безконечнаго, и его чувство вдохновлялось главнымъ образомъ идеей о предполагаемой имъ безконечности міра. Не замѣчая противорѣчія въ допущеніи совершенной безконечности, Бруно выводилъ изъ безпредѣльности пространства и неограниченности творческаго начала — безконечность вселенной. Неужели наша фантазія, которая въ состояніи мысленно перебирать число за числомъ, величину за величиной, одну форму за другой,— должна превосходить саму зиждительную природу? Развѣ не должно существовать въ дѣйствительности все, на что только способна творческая сила? Не должны ли у этой силы сливаться воедино: бытіе потенціальное и актуальное, возможность и дѣйствительность? И не было ли бы недостойно этой силы думать, что она создала только конечный міръ, представляя собой, однако, возможность, создать безко-

нечный? Бруно справедливо отрицаетъ, что чувственый міръ — заключенъ въ абсолютныя границы; но Бруно ошибается, принимая это отрицаніе за тождественное по смыслу утвержденію безконечности этого міра. Антиномія этихъ предложеній, содержащаяся сейчасъ же въ началѣ діалоговъ «о безконечномъ» въ вопросахъ и возраженіяхъ собесѣдниковъ, была впервые разрѣшена глубокомысленнымъ Кантомъ.

Новшество философіи Бруно, ея величіе и оригинальность заключаются въ космологическихъ воззрѣніяхъ Бруно. То, однако, что̀ въ наше время является предметомъ знанія для большей части людей, для Бруно представляло собой предметъ горячаго аффекта, религіознаго настроенія и проникновенія. Если ученіе Коперника геліоцентрично, то ученіе Бруно не только космоцентрично, а *теоцентрично*. Гдѣ бы мы ни находились, мы повсюду оказываемся равно близки къ нашему истинному центру—Божеству. Послѣднее находится къ намъ даже въ большей внутренней близости, чѣмъ мы сами къ себѣ. Богъ есть основаніе природы, общая сущность всякаго бытія, «вслѣдствіе этого справедливо утверждаютъ, что мы въ Немъ живемъ, дѣйствуемъ и существуемъ». Зиждительная природа представляетъ собою Бога въ вещахъ («Natura est deus in rebus»). Богъ является «природой въ собственномъ смыслѣ этого слова, внутреннимъ принципомъ всякаго рода движенія, творческой формой, душою всего того, что оживляется его силою». «Мы ищемъ Бога въ неизмѣнномъ, непреодолимомъ законѣ природы, въ благоговѣйномъ настроеніи души, направленной согласно съ этимъ закономъ, мы Его ищемъ въ блескѣ солнца, въ красотѣ вещей, возникающихъ изъ нѣдръ нашей матери Земли; мы ищемъ Его въ истинномъ отраженіи Его существъ, въ зрѣлищѣ, представляемомъ видомъ безчисленныхъ свѣтилъ, которыя свѣтятся по неизмѣримому краю единаго неба, живутъ, чувствуютъ, мыслятъ и поютъ хвалу Всеблагому, Всеединому и Всевышнему Богу». Такъ гласитъ гимнъ Бруно, составленный въ честь Бога-Природы.

Бруно старался подойти къ понятію Бога съ помощью тѣхъ идей, которыя вслѣдъ за нимъ развивалъ Спиноза. «Въ Богѣ совпадаютъ понятія: свободы и необходимости, хотѣнія и дѣйствованія, возможности и существованія. Богъ абсолютно безконеченъ, его существо исключаетъ всякаго рода границы, и каждый изъ его аттрибутовъ—безконеченъ».

Однако, Бруно не допускаетъ, чтобы индивидуальное бытіе было поглощено единствомъ всеобщаго. Зиждительная сила, обнаруживающая свою внутреннюю безконечность въ воспроизведеніи безчисленныхъ міровъ, въ то же время является въ каждомъ индивидумѣ источникомъ безконечнаго развитія. Ничто не бываетъ чѣмъ-нибудь, все становится всѣмъ. «Мы сами, а также вещи, которыя мы называемъ нашими, приходимъ, исчезаемъ и возвращаемся снова; нѣтъ вещи, которая не стала бы намъ чуждой, а равно нѣтъ вещи чуждой

для насъ, которая не стала бы нашей собственной». Въ этомъ чувствуется противоположность къ Нитчеанскому вѣчному однообразію «постояннаго возвращенія одного и того же».

Въ своемъ главномъ метафизическомъ сочиненіи, въ діалогахъ «о причинѣ, принципѣ и единомъ» Бруно старался доказать положенія, которыя возможно удерживать лишь въ качествѣ философскихъ догматовъ. Сочиненіе это появилось непосредственно передъ бесѣдами о безконечномъ и находится съ нимъ во внутренней связи. То, что посѣяно въ заключеніи метафизическаго сочиненія, говоритъ Бруно, приноситъ плоды въ космологическомъ. Другими словами, это означаетъ слѣдующее: метафизика Бруно является обоснованіемъ его космологіи; первая представляетъ собою средство, послѣдняя—цѣль. Діалоги: «de la causa, principio et uno», носятъ драматическую форму не только по внѣшности; самыя мысли ихъ являются, какъ бы участвуютъ въ драматическомъ движеніи. Противоположность между матеріей и формой, изъ которой бесѣда исходитъ, въ заключеніи исчезаетъ въ единствѣ міровой основы.

Принципъ и причина въ конечныхъ вещахъ различны; принципъ сохраняется въ дѣйствіи, подобно тому, какъ точка въ линіи; причина противополагается дѣйствію внѣшнимъ образомъ; эта разница исчезаетъ въ безконечномъ. Внѣ безконечнаго нѣтъ ничего; слѣдовательно, въ немъ могутъ быть на-лицо только внутреннія причины, и послѣднія должны заключаться въ единомъ принципѣ. Это указываетъ на цѣль бесѣды и содержитъ объясненіе ея заголовка.

Бруно останавливается на различеніи матеріи отъ формы; онъ, однако, пользуется этими аристотелевскими понятіями лишь для того, чтобы подвергнуть ихъ діалектическому преобразованію. Если подъ формой надо разумѣть естественные образы вещей, въ такомъ случаѣ матерія одна лишь кажется достойной названія принципа. Она одна остается неизбѣжной, формы же мѣняются. Эта истинная внутренняя форма всѣхъ вещей, учитъ Бруно, представляетъ собой духовную силу, родственную той, которую мы узнаемъ въ себѣ, какъ разумъ. Бруно обозначаетъ ее посредствомъ заимствованнаго изъ Платона выраженія міровая душа. Она представляетъ собою, по его словамъ, «нѣчто тождественное, наполняющее вселенную, освѣщающее мірозданіе и побуждающее природу производить ея виды». Подобно художнику, располагающему матеріаломъ, міровая душа творитъ тѣ скоропреходящіе образы вещей, которые какъ бы носятся взадъ и впередъ по поверхности матеріи и снова поглощаются нѣдрами послѣдней. Существованіе каждой вещи является актомъ универсальнаго разума; такимъ образомъ духовная сила дѣйствуетъ во всѣхъ вещахъ. «Если онѣ и не живутъ, то все-таки онѣ являются одушевленными; если онѣ и не воспріимчивы въ дѣйствительности къ одушевленію и жизни, то все же онѣ способны къ этому по своей сущности, вслѣдствіе первона-

чальнаго акта одушевленія и жизни». Эта духовная сила въ вещахъ также неразрушима, какъ и сама матерія. Форма или сила также представляетъ собою субстанцію. Относительно нея также имѣетъ мѣсто предложеніе: ничто не уничтожается, все подвержено измѣненію. Матерія и форма являются, согласно этому, двумя неизмѣнными, отдѣльными другъ отъ друга принципами всего дѣйствительнаго: первая — какъ субстратъ, подвергающійся воздѣйствію, вторая — какъ дѣйствующая сила. Между тѣмъ, созерцательная мысль философа не останавливается на этой двойственности принциповъ. Матерія также является доступной пониманію сама по себѣ; она не воспринимается чувствами, а постигается умомъ, а слѣдовательно, относится къ тому же роду, что и форма. Только конечныя вещи превращаются изъ одной въ другую, только для нихъ возможность и дѣйствительность имѣютъ различное значеніе, тогда какъ въ абсолютѣ то и другое понятіе совпадаютъ. Такимъ образомъ, различіе между матеріей и формой представляетъ собою только различіе въ способѣ постиженія и обнаруженія, а не въ существѣ дѣла. Съ абсолютной точки зрѣнія существуетъ только единая субстанція; по отношенію же къ субстанціи все представляется единствомъ.

Вещи, находящіяся во вселенной, отличаются отъ самой вселенной, какова она есть сама по себѣ, не въ отношеніи бытія, а лишь въ отношеніи ихъ собственной формы бытія. Вещи являются субстанціями «не особаго рода, а напротивъ, субстанціей, облеченной въ особыя формы». Природа, представляя собой, въ частности, безконечное развитіе, какъ цѣлое, является развитою въ безконечность, неисчерпаемымъ царствомъ жизненныхъ формъ и степеней развитія вещей. Внѣшней безконечности природы въ отношеніи пространства и времени соотвѣтствуетъ внутренняя существенная безконечность ея принципа. То, что въ природѣ является дифференцированнымъ, слѣдуетъ мыслить совершенно слитымъ въ ея принципѣ. Вслѣдствіе этого высшее бытіе охватываетъ всѣ противоположности въ безразличномъ единствѣ. Въ качествѣ основы всѣхъ опредѣленій, высшее бытіе само лишено опредѣленности и, по скольку это имѣетъ мѣсто, по стольку такое бытіе необходимо просто, неограниченно и неизмѣнно. То, что содержитъ всѣ краски, разъясняетъ Бруно, само является безцвѣтнымъ.

Смерть и гибель, бѣдствіе и зло, не коренятся въ основѣ вещей. Онѣ не реальность и способность, а не бытіе и неспособность; вслѣдствіе этого онѣ встрѣчаются также исключительно въ отдѣльныхъ вещахъ, такъ какъ послѣднія не являются всѣмъ тѣмъ, чѣмъ онѣ могли бы быть и переходятъ изъ одной формы существованія въ другую.

«Итакъ, мірозданіе составляетъ нѣчто единое, безконечное и неподвижное. Существуетъ лишь единая абсолютная возможность, единой является дѣйствительность, единой—форма или душа, единой—матерія или тѣло, едины: причина, сущность, наибольшая величина и наилуч-

шее изъ благъ; послѣднія двѣ — непостижимы, а потому недоступны ни ограниченію, ни суженію, слѣдовательно, безконечны и безпредѣльны; изъ послѣдняго же вытекаетъ ихъ свойство неподвижности. То обстоятельство, что ты человѣкъ, а не муравей, столь же мало приближаетъ тебя къ отношенію, къ подобію, къ единенію и тождеству съ безконечнымъ, какъ и другое обстоятельство, заключающееся въ томъ, что ты человѣкъ, а не звѣзда; а потому эти вещи (человѣкъ, муравей, звѣзда) въ безконечности не различаются». Все, что производитъ различіе и число, представляетъ собою простую акциденцію, только опредѣленіе бытія, тогда какъ субстанція остается всегда одной и тою же: божественнымъ, безсмертнымъ существомъ.

Въ своихъ метафизическихъ умозрѣніяхъ Бруно обнаруживаетъ менѣе самостоятельности и творческой способности, чѣмъ въ своихъ космологическихъ воззрѣніяхъ. Въ послѣднихъ онъ набросалъ картину міра, почти каждая черта которой получила подтвержденіе со стороны позднѣйшихъ научныхъ изслѣдованій; для первыхъ же онъ заимствовалъ элеатскія и ново-платоническія идеи, мысли, а частодаже аллегоріи Николая Кузанскаго. Бруно, однако, специфически свойственно соединеніе этихъ идей съ тѣмъ пониманіемъ природы, развитіе котораго составляетъ его дѣло. *Бруно является философомъ астрономіи.* Коперникова система міра въ той обобщенной формѣ, которую онъ ей придалъ, развитая, правильнѣе говоря, истолкованная, съ философской точки зрѣнія,—вотъ въ немногихъ словахъ философія Джіордано Бруно. Основное ея понятіе — безконечность вселенной. Безконечная вселенная должна инымъ образомъ относиться къ Божеству, чѣмъ конечная. Послѣдняя можетъ быть Его твореніемъ, первая же—только Его дѣйствіемъ. И подобно тому, какъ дѣйствіе и причина находятся въ необходимомъ соотношеніи, какъ причина получается изъ дѣйствія и является немыслимой безъ послѣдняго, точно такъ же Богъ не въ состояніи существовать безъ міра, безъ природы. Вселенная представляетъ собою величественный портретъ и копію Божественной Субстанціи. Зиждительная сила въ природѣ, міровая душа, есть аттрибутъ Бога и потому неотдѣлима отъ существа Бога. Бруно вездѣ видитъ небо, и потому онъ во всякой вещи отыскиваетъ слѣды божественной силы. Мы живемъ на небѣ, и небо же заключено въ насъ. «Допустимъ, что существуетъ безчисленное множество индивидуумовъ, но въ концѣ концовъ, все является по существу единымъ, познаніе же такого единства и составляетъ цѣль философіи всякаго рода, а также— цѣль естествовѣдѣнія».

Такимъ образомъ была затронута тема, которую умозрительная философія позднѣйшаго времени отъ Спинозы до Гегеля восприняла и подвергла дальвѣйшей разработкѣ. Въ настоящее время мы относимся критически ко всѣмъ такимъ попыткамъ метафизическаго характера. Онѣ являются въ нашихъ глазахъ системами вѣрованія, а не систе-

мами познаванія. Изъ исторіи общаго развитія научнаго и философскаго мышленія мы узнали, что нашему познаванію положены границы. Какъ говоритъ Гёте, раздѣлявшій, однако, вѣру Бруно въ Бога-природу, «человѣкъ рожденъ не для того, чтобы рѣшать міровыя проблемы, а для того, конечно, чтобы изслѣдовать, гдѣ проблема представляется возможной, и чтобы затѣмъ держаться въ предѣлахъ доступнаго пониманію».

Бруно стоитъ на рубежѣ двухъ историческихъ эпохъ. Научныя и философскія стремленія, направившіяся послѣ него по различнымъ путямъ, еще смѣшивались въ его сознаніи. Умозрѣніе и изслѣдованіе, поэзія и познаніе, еще являлись нераздѣльными въ Бруно. И надо считать почти заслугой философіи Бруно, что онъ, отдавался полету своей пылкой фантазіи, чтобы высказать идеи, которыя, безспорно выходя изъ границъ познаваемаго, получили однако у философовъ позднѣйшаго времени мнимо методическое выраженіе.

Діалоги Бруно морально-философскаго содержанія уступаютъ по значенію его космологическимъ и даже метафизическимъ діалогамъ; зато они раскрываютъ намъ характеръ философа. «Изгнаніе торжествующаго звѣря», сочиненіе, которое въ виду его заглавія считалось по недосмотру насмѣшкою надъ папой, набрасываетъ очеркъ этики и религіозной критики въ формѣ остроумной аллегоріи. Его содержаніе таково: боги, нуждающіеся, впрочемъ, сами въ исправленіи, постановили, чтобы низкое, злое и слабое, однимъ словомъ, звѣрское въ человѣческой природѣ, было изгнано съ неба, куда оно было перенесено подъ звѣриными названіями изображеній свѣтилъ; вмѣсто же него были водворены противоположныя нравственныя свойства человѣческаго характера. Подобно тому, какъ воззрѣніе на внѣшній міръ обновилось, такъ долженъ обновиться порядокъ нравственнаго міра, и какъ первое изъ упомянутыхъ воззрѣній дошло до истиннаго познанія единой, безконечной вселенной, такъ истина же должна лечь въ основу новаго нравственнаго порядка. Она является всевластнымъ единствомъ, высочайшимъ благомъ, имѣющимъ первенствующее значеніе передъ всѣми вещами. Вслѣдствіе этого она становится на мѣсто изображенія медвѣдя на небесной картѣ, вблизи котораго находится точка сѣвернаго полюса. За истиной слѣдуетъ мудрость и благоразуміе, за мудростью—ея дочь (la legge), законъ, при помощи котораго мудрость проявляется. Совершенно правильно замѣчаніе Бруно: «согласіе и дружба встрѣчаются не тамъ, гдѣ представляется удобнымъ держаться одного и того же образа мыслей, а только тамъ, гдѣ люди соединяются для одинаковой дѣятельности на основаніи единообразія во взглядахъ». Впрочемъ, перечисленіе дальнѣйшихъ нравственныхъ свойствъ происходитъ безъ системы, и само собою разумѣется также, что критика положительныхъ религій еще лишена историческаго пониманія послѣднихъ. Бесѣды «о героическомъ энтузіазмѣ» дополняютъ соціальную этику Бруно идеаломъ личнаго поведенія въ жизни. Онѣ

содержатъ «мораль для знатныхъ» Бруно, мораль для высшихъ людей, для немногихъ, которые даютъ сами себѣ законъ и дѣлаютъ добро безъ принужденія внѣшняго закона. Героическій подъемъ души отождествляетъ послѣднюю съ предметомъ ея вдохновеннаго стремленія, ея любви—благимъ и божественнымъ основаніемъ вещей. Соприкосновеніе съ божественнымъ обожествляетъ. Этотъ энтузіазмъ представляетъ собою «душевный пожаръ, зажженный солнцемъ мысли, божественную страсть, надѣляющую насъ крыльями, на которыхъ мы приближаемся къ солнцу познанія, сбрасывая съ себя бремя низкихъ человѣческихъ суетъ». «Существуютъ два рода вдохновенныхъ людей: одни — мечтатели — обнаруживаетъ только слѣпоту и непониманіе; другіе находятся въ состояніи божественнаго восхищенія, которое облагораживаетъ отдѣльныя личности сверхъ обычной мѣры. Послѣдній же родъ опять-таки подраздѣляется на два вида: одинъ видъ состоитъ изъ тѣхъ, кто является только орудіемъ высшей интеллектуальной силы, другой же, — изъ тѣхъ, кто, имѣя предрасположеніе къ глубокому созерцанію, воспламеняются къ болѣе ясному взгляду и высшей силѣ мышленія, побуждаемые интимнѣйшей собственной потребностью и естественнымъ рвеніемъ любви къ божеству, къ справедливости, къ истинѣ и въ сознательномъ стремленіи къ идеѣ; эти послѣдніе говорятъ и дѣйствуютъ не въ качествѣ простыхъ орудій божественнаго, а какъ самозиждущіе художники и герои. Первые *причастны* божественному духу, послѣдніе же отъ природы *божественны* по духу». Намъ припоминаются слова Гёте: «Богъ постоянно проявляется въ высшихъ натурахъ, чтобы привлекать къ себѣ болѣе слабыя».

Въ философіи Бруно этика также является обращенной въ сторону универсальнаго, сверхчеловѣческаго; нравственные законы получаютъ по истинѣ космическое значеніе благодаря идеѣ однородности всѣхъ жизненныхъ явленій во вселенной. Не только физическій, но и моральный міръ состоитъ изъ одинаковыхъ элементовъ.

Бруно покинулъ Англію вмѣстѣ съ Кастельно. Отозваніе французскаго посланника, при которомъ Бруно былъ назначенъ состоять, повлекло само собою его отъѣздъ. Въ Парижѣ Бруно не сталъ вновь въ прежнія отношенія къ университету. Частые безпорядки, предшествовавшіе междоусобной войнѣ, мѣшали занятіямъ; къ тому же, у Бруно уже составился планъ посѣтить другіе университеты, а именно, германскіе. Но онъ хотѣлъ уѣхать, какъ философъ, и приготовился къ генеральной битвѣ съ господствующей перипатетической натурфилософіей. Въ ста двадцати тезисахъ, переданныхъ имъ на разсмотрѣніе ректора университета, Бруно чрезвычайно опредѣленно установилъ пункты, въ отношеніи которыхъ его ученіе о мірѣ и природѣ противорѣчитъ Аристотелеву. Въ выраженіи своихъ положеній Бруно дости-

гаетъ точности, которую впослѣдствіи едва превзошелъ Спиноза. Напечатаніе тезисовъ было одобрено, ихъ защита—разрѣшена, хотя нѣкоторые изъ нихъ противорѣчили католическому ученію; ибо дозволялось трактовать объ этихъ предметахъ по методу и принципамъ естественнаго познанія, не посягая на истину, полученную путемъ откровенія.

Диспутъ состоялся въ Троицынъ день (25-го мая нов. стиля) 1586 г., но не въ Сорбоннѣ, а въ Камбрэйскомъ (Cambray) коллежѣ. Устами произносившаго за него рѣчь Жана Эннекена (Jean Hennequin) изъ Парижа, Бруно прославляетъ во вдохновенной рѣчи открытіе безчисленныхъ міровъ и единой безконечной вселенной. Ничто не заслуживаетъ большаго презрѣнія, чѣмъ привычка вѣрить; она главнымъ образомъ препятствуетъ человѣческому разуму проникать даже въ такія вещи, которыя сами по себѣ являются ясными и открытыми. Желаніе думать такъ, какъ толпа, только потому, что она—толпа, свидѣтельствуетъ о низменности нравственнаго строя личности. Сколько бы людей ни держалось даннаго мнѣнія или противоположнаго ему, истина не мѣняется отъ этого. Пусть, однако, слушатели проникаются вѣскостью его аргументовъ, а не пыломъ его рѣчи, и преклоняются передъ величіемъ истины.

Непосредственно послѣ этого торжественнаго акта Бруно отправился въ Германію. Въ Марбургѣ, вопреки академическимъ традиціямъ того времени, Бруно было отказано въ дозволеніи читать лекціи; напротивъ, въ Виттенбергѣ, «нѣмецкихъ Аѳинахъ», онъ встрѣтилъ предупредительный пріемъ. Здѣсь преподавалъ Альбертъ Гентилій, соотечественникъ Бруно, одинъ изъ основателей науки о международномъ правѣ; Бруно былъ съ нимъ знакомъ съ Оксфорда. Но и остальные профессора также обошлись съ Бруно, какъ съ коллегою, и открыли передъ нимъ двери своихъ домовъ, хотя, какъ Бруно и самъ замѣчалъ, онъ до тѣхъ поръ былъ имъ неизвѣстенъ, явился безъ всякой рекомендаціи, не подвергался испытанію въ отношеніи вѣры и былъ противникомъ той философіи, которую виттенбергскіе профессора защищали. Одна лишь кальвинистическая партія въ университетѣ оставалась враждебно настроенной по отношенію къ Бруно. По смерти курфюрста Августа, при его наслѣдникѣ Христіанѣ, когда эта партія пріобрѣла преобладающее значеніе, Бруно долженъ былъ уступить; въ теченіе почти двухъ лѣтъ онъ читалъ лекціи по различнымъ отраслямъ философіи и занимался изданіемъ въ свѣтъ нѣсколькихъ сочиненій о Лулліевомъ искусствѣ. Въ прощальной рѣчи, обращенной къ сенату и университету (8 го марта 1588 года), Бруно славитъ духовное величіе Германіи, которая ему ранѣе была извѣстна лишь въ качествѣ страны, гдѣ много пьютъ (Alemagna bibace). Руководство въ наукахъ, возвѣщаетъ затѣмъ Бруно, проникая въ будущее взоромъ ясновидца, перейдетъ къ Германіи. Сюда изъ Греціи и Италіи мудрость перенесла свое пребываніе, здѣсь же она приготовляетъ почву для своего но-

ваго царства. «Да ниспошлетъ Юпитеръ, чтобы нѣмцы познали свои силы и направили ихъ на высшія цѣли, и они станутъ подобны богамъ, а не людямъ. Ибо, по истинѣ, божественenъ ихъ геній, не возсіявшій еще только въ тѣхъ наукахъ, которыми они до сихъ поръ пренебрегали заниматься!» Лютеръ также превозносится имъ высоко; Бруно величаетъ его новымъ Алкивіадомъ, который, являясь выше Геркулеса, укротилъ зловреднѣйшее чудовище—цербера, коронованнаго тремя тіарами. «И его палицей,—прибавляетъ Бруно,—было перо».

Изъ Виттенберга Бруно направился въ Прагу, гдѣ онъ напрасно искалъ себѣ положенія и средствъ существованія. Онъ посвятилъ императору Рудольфу II сочиненіе «Противъ математиковъ и философовъ настоящаго столѣтія» («Articuli centum et sexaginta adversushuius tempestátis mathematicos atque philosophos»); въ посвященіи къ этому сочиненію Бруно исповѣдуетъ религію общечеловѣческой любви, стоящую выше всякихъ разногласій. Между тѣмъ, посвященіе принесло ему не профессуру, а только милостивый подарокъ отъ императора; поэтому, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ пребыванія въ Прагѣ Бруно принялъ рѣшеніе направить стопы свои въ Гельмштедтъ, гдѣ герцогъ Юлій Брауншвейгскій основалъ новый расцвѣтающій университетъ. Въ Гельмштедтѣ Бруно провелъ одинъ годъ. Въ это время герцогъ умеръ, и университетъ, Academia Julia, чествовалъ память своего основателя въ торжественныхъ «траурныхъ» актахъ, въ которыхъ участвовалъ и Бруно, произнесшій одну «Oratio consolatoria». Ея содержаніе таково: не случайно, а вслѣдствіе нѣкотораго предопредѣленія судьбы, Бруно попалъ въ эту страну послѣ стольких мытарствъ и опасностей. Изгнанный за правду изъ своего отечества, онъ получаетъ здѣсь права гражданства; преданный на родинѣ жадной пасти римскаго волка, онъ живетъ здѣсь свободно въ безопасности. Однако, надеждамъ, которыя Бруно выражалъ въ этихъ словахъ, не суждено было исполниться. На этотъ разъ страсть къ гоненіямъ со стороны одного лютеранскаго пастора положила конецъ едва начавшейся учебной дѣятельности Бруно. Гельмштедскій суперинтендентъ, по имени Боэтій (Boethius), отлучилъ его отъ церкви предъ лицомъ собравшейся общины; ректоръ университета, теологъ Гофманнъ, не хотѣлъ или не могъ защитить Бруно; такимъ образомъ, послѣднему пришлось снова искать себѣ новаго мѣстопребыванія.

Онъ избралъ Франкфуртъ-на-Майнѣ—Лейпцигъ того времени—съ намѣреніемъ окончить здѣсь свои латинскія сочиненія и предать ихъ тисненію. Немедленно онъ вошелъ въ сношенія съ двумя значительными книгоиздателями, І. Вейхелемъ и II. Фишеромъ. Такъ какъ городской совѣтъ запретилъ ему оставаться въ городѣ, то названные книгоиздатели нашли ему пристанище въ одномъ монастырѣ кармелитскаго ордена, лежавшаго внѣ городской черты. Здѣсь, въ монастырѣ, Бруно

неустанно занимался своими трудами. Цѣлый день его можно было видѣть въ кельѣ за писаніемъ или размышленіемъ. Только преподаваніе Луллiева искусства нѣкоторымъ «еретическимъ докторамъ» и временное пребываніе въ Цюрихѣ, куда Бруно послѣдовалъ въ качествѣ учителя по приглашенію нѣсколькихъ молодыхъ людей, прервали эту творческую дѣятельность. «Это былъ, — какъ говорилъ о немъ впослѣдствіи пріоръ кармелитскаго монастыря,—человѣкъ универсальнаго духа, свѣдущій во всѣхъ наукахъ, но у него не было и слѣда религіи», конечно, религіи въ томъ смыслѣ, какъ ее понималъ пріоръ кармелитовъ.

Изъ сочиненій Бруно, появившихся скоро одно за другимъ во Франкфуртѣ, надо отмѣтить въ особенности группу трактатовъ, находящихся во взаимной связи и посвященныхъ герцогу Генриху Юлію Брауншвейгскому: «о трояко наименьшемъ и о мѣрѣ» («De triplici minimo et mensura»), «о монадѣ, числѣ и фигурѣ» («De monade, numero et figuro liber»), «о неизмѣримомъ и безчисленныхъ мірахъ» («De immenso et infigurabili, seu de universo et mundis»). Въ первомъ изъ названныхъ трактатовъ Бруно учитъ, что та самая сила, которая развивается въ безконечность вселенной, присутствуетъ также въ мельчайшихъ частяхъ во всякомъ элементѣ, составляющемъ его субстанцію. Согласно этому она является единымъ какъ въ самомъ большомъ, такъ и въ самомъ маломъ. Если бы была возможность уничтожить составной элементъ міра—безконечно-малое, міръ могъ бы быть истребленъ. Природа является живой единицей, составленной изъ живыхъ же единицъ; въ каждой изъ послѣднихъ находится въ наличности сила, заключающаяся въ цѣломъ; все это — тѣ же мысли, которыя встрѣчаются и у Лейбница. Даже выраженіе монада монадъ для обозначенія творческаго первоисточника вещей, уже имѣется у Бруно, но имѣетъ значеніе, болѣе глубокое въ общей связи философіи Бруно.

Равнымъ образомъ, и сочиненіе о семи свободныхъ искусствахъ, о которомъ еще будетъ рѣчь впереди, возникло и доведено до конца въ этотъ промежутокъ времени. Бруно захватилъ его въ рукописи съ собою въ Венецію; но ему уже не суждено было выпустить въ свѣтъ это сочиненіе.

Франкфуртская ярмарка усердно посѣщалась тогда иностранными книгоиздателями, а именно, итальянскими. При одномъ изъ подобныхъ случаевъ Бруно завязалъ знакомство съ венеціанскими книгопродавцами Бертоно и Чіотто, и послѣдній привезъ нѣсколько сочиненій Бруно въ Венецію. Тамъ, въ магазинѣ Чіотто, эти сочиненія попались на глаза молодому дворянину (nobile) Джіовани Мочениго, который тотчасъ же съ удивительной поспѣшностью освѣдомился о мѣстопребываніи ихъ автора и выразилъ желаніе быть посвященнымъ Бруно въ искусство памяти и другія таинственныя науки, знаніе которыхъ Мочениго воображалъ у Бруно. Джіовани Мочениго, въ то время тридцати двухъ лѣтъ

отъ роду, принадлежалъ по своему происхожденію къ одному изъ знатнѣйшихъ семействъ Венеціи; уже до того времени изъ его рода вышли четыре дожа Венеціанской республики. По природѣ трусливый и нерѣшительный, подозрительный и скрытный, Джіовани Мочениго сдѣлался орудіемъ въ рукахъ своихъ духовныхъ пастырей. Онъ уже однажды былъ «savio all'eresia» (представителемъ верховнаго совѣта Венеціанской республики въ судебныхъ процессахъ, разбиравшихся передъ мѣстнымъ инквизиціоннымъ трибуналомъ); вслѣдствіе этого онъ уже былъ знакомъ съ практикою инквизиціи. Этотъ-то жалкій человѣкъ втерся теперь въ жизнь Бруно. Онъ два раза приглашалъ послѣдняго пріѣхать въ Венецію и обѣщалъ устроить его такимъ образомъ, чтобы Бруно былъ доволенъ. Чіотто передалъ оба пригласительныхъ посланія. Бруно получилъ ихъ по своемъ возвращеніи изъ Цюриха и, находясь въ стѣсненномъ положеніи, принялъ роковое для себя рѣшеніе послѣдовать приглашенію. Къ этому шагу, долженствовавшему наложить печать на его судьбу, Бруно побуждала не одна только тоска по родинѣ, по той «благословенной небомъ странѣ», очаровательность которой онъ умѣлъ описывать такими живыми красками. Для рожденнаго солнцемъ и матерью-землею, какъ Бруно однажды себя назвалъ, для того, чей духъ распускался въ созерцаніи безконечности, «даже самое тѣсное мѣсто ссылки превращалось въ широчайшее отечество». Однако, не имѣлъ ли онъ права считать себя въ безопасности подъ защитой могущественной республики и одного изъ самыхъ знатныхъ домовъ этой послѣдней? И могъ ли онъ отклонить предложеніе, которое, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время избавляло его отъ заботъ и лишеній? Ни одинъ дружескій совѣтъ не оказался во-время, чтобы предостеречь Бруно, и такимъ образомъ нашъ философъ—человѣкъ простодушный, несмотря на всю свою неуживчивость и рѣзкость—попалъ въ коварно разставленныя передъ нимъ сѣти. Тѣ, кто живутъ для многихъ вѣковъ, по большей части бываютъ лишены благоразумія въ практической жизни.

Въ началѣ, казалось, все пошло хорошо. Бруно прибылъ въ Венецію въ октябрѣ 1591 года и сперва поселился въ наемномъ помѣщеніи. Обученіе Мочениго началось, но происходило безъ особенной правильности. Бруно нашелъ время, чтобы отправиться на нѣсколько мѣсяцевъ въ Падую для чтенія частныхъ лекцій нѣмецкимъ студентамъ. Въ то время «студія» въ Падуѣ гремѣла славою. Въ числѣ ея учениковъ находились чужеземцы съ именами, прославленными въ наукѣ и въ искусствѣ: Коперникъ находился тамъ въ началѣ шестнадцатаго столѣтія, а въ концѣ того-же столѣтія туда поступилъ П. П. Рубенсъ. Спустя только немного мѣсяцевъ, послѣ отъѣзда Бруно изъ Падуи, тамъ началъ свою преподавательскую дѣятельность Галилей (въ сентябрѣ 1592 года), призванный туда изъ Пизы, и въ лицѣ его за пророкомъ современной науки явился ея творецъ. Въ мартѣ 1592 года Бруно снова переселился въ Венецію и на этотъ разъ онъ далъ склонить себя помѣститься въ домѣ своего

ученика. Часто встрѣчали его въ книжныхъ магазинахъ, а въ литературныхъ и философскихъ общественныхъ кружкахъ, собиравшихся вокругъ Андреа Морозини, Бруно являлся очень желаннымъ гостемъ. Когда онъ пришелъ къ убѣжденію, что научилъ своего ученика всему, для чего онъ былъ приглашенъ, Бруно возымѣлъ намѣреніе возвратиться въ Франкфуртъ-на-Майнѣ для продолженія печатанія своихъ произведеній. Онъ попросилъ дозволенія уѣхать. Мочениго былъ недоволенъ полученными уроками; онъ тщетно ожидалъ посвященія въ магическія искусства и науки, знаніе которыхъ онъ предполагалъ въ Бруно, Мочениго питалъ тайное, смѣшанное съ ужасомъ вожделѣніе къ такого рода искусствамъ и наукамъ именно потому, что его легковѣріе окружало ихъ запретомъ и страхами. Вслѣдствіе этого онъ отказалъ Бруно въ просимомъ у него дозволеніи, и высказалъ угрозу, что ему извѣстно средство, способное принудить Бруно остаться, если послѣдній не пожелаетъ это сдѣлать добровольно. Какъ велико должно было быть заблужденіе, въ которомъ находился Бруно относительно своего положенія, если онъ нашелъ возможнымъ сдѣлать слѣдующее возраженіе: онъ не боится инквизиціи, такъ какъ никому не мѣшалъ жить сообразно своей вѣрѣ. Какъ это ни покажется страннымъ, Бруно не считалъ своего разрыва съ церковью безповоротнымъ. Онъ дѣлалъ два раза—въ Тулузѣ и Парижѣ—попытки примириться съ церковью, а въ данную минуту онъ какъ разъ возлагалъ большія надежды на свое сочиненіе о семи свободныхъ искусствахъ. Онъ собирался посвятить его новому папѣ Клименту VIII, котораго считалъ расположеннымъ къ наукамъ, и думалъ, что сможетъ такимъ образомъ выхлопотать себѣ отпущеніе грѣховъ и возсоединеніе съ церковью.

Событія, однако, должны были сложиться для него иначе, чѣмъ онъ предвидѣлъ. Онъ остался при своемъ рѣшеніи уѣхать и отправилъ свои пожитки во Франкфуртъ-на-Майнѣ. Поэтому, Мочениго не слѣдовало болѣе терять ни единаго мгновенія для приведенія въ исполненіе своего предательскаго замысла. Въ сопровожденіи слуги и найденныхъ подъ рукою вблизи его дворца шести гондольеровъ онъ проникъ, ночью 22 мая 1592 года, подъ какимъ-то предлогомъ въ спальный покой своего учителя, заставилъ послѣдняго подняться съ постели и заключилъ его въ помѣщеніи верхняго этажа своего дома, которое собственноручно заперъ. Послѣ этого днемъ появляется чиновникъ священнаго судилища съ нѣсколькими помощниками и приказываетъ помѣстить плѣнника въ другое лучше охраняемое мѣсто. Въ тотъ же день Мочениго вручаетъ инквизитору свой письменный доносъ. Ночью Бруно тащатъ въ тюрьму инквизиціи.

Акты венеціанскаго процесса цѣликомъ дошли до насъ и были изданы два раза послѣ того, какъ Ранке напалъ на ихъ слѣдъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ.

Судъ, «священный трибуналъ», состоялъ изъ отца-инквизитора фра

Джіовани Габріелли да Салуццо, апостолическаго нунція монсиньора Лудовика Таберна, венеціанскаго патріарха Лоренцо Пріули и одного изъ трехъ «savii all'eresia», которые должны были слѣдить за законностью процедуры и давать относительно этого отчетъ верховному совѣту. Въ качествѣ свидѣтелей явились книгопродавцы Бертано и Чіотто; Андреа Морозини также давалъ показанія.

Обвинительный актъ, написанный Мочениго и впослѣдствіи имъ дополненный двумя другими письменными обвиненіями, представляетъ собою произведеніе, свидѣтельствующее въ одинаковой мѣрѣ какъ о злобномъ характерѣ, такъ и о путаницѣ въ головѣ автора. Не легко узнать изъ безпорядочнаго перечисленія отдѣльныхъ обвинительныхъ пунктовъ, что въ самомъ дѣлѣ основывается на утвержденіяхъ Бруно, и что, напротивъ, объясняется неправильнымъ пониманіемъ его ученія Мочениго. Почти во главѣ обвиненія стоитъ ученіе о безконечности вселенной и множественности міровъ. Ставившееся въ вину Бруно утвержденіе, что какъ животная, такъ и человѣческая жизнь возникаетъ изъ процесса разложенія,—представляетъ собой, конечно, только превратное пониманіе смѣлой гипотезы Бруно о естественномъ происхожденіи организмовъ. Философу, который допускалъ даже множественное происхожденіе человѣческаго рода, было, равнымъ образомъ, извѣстно различіе только въ отношеніи развитія, а не въ отношеніи сущности между человѣческой и животной душами. Обвиненіе Бруно въ отрицаніи воплощенія Сына Божія, разумѣется, справедливо. Намъ извѣстно, что онъ уже давно усомнился въ церковномъ догматѣ о троичности лицъ Божества. Что касается, однако, непочтительныхъ выраженій о лицѣ и о чудесахъ Іисуса Христа, которыя обвиненіе Мочениго влагаетъ въ уста Бруно, то послѣдній самымъ торжественнымъ образомъ отвергалъ фактъ ихъ произнесенія, и Мочениго является не первымъ ханжею, который обратился ко лжи изъ мнимо религіознаго рвенія. Къ области же лукавыхъ измышленій, которыя сами собой обнаруживаются въ качествѣ таковыхъ, относится также приписываемый Бруно авантюристскій планъ вызвать въ сообщничествѣ съ Генрихомъ Наваррскимъ всеобщую революцію, стать во главѣ ея и при этомъ случаѣ овладѣть чужими богатствами. За кого долженъ былъ Мочениго принимать судей, если онъ отважился предстать предъ ними съ подобнаго рода вещами? Весьма ядовитымъ и разсчитаннымъ на настроеніе судей, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, одинъ былъ монахомъ, является показаніе, будто Бруно высказывалъ свое удивленіе по поводу того, что такая въ остальныхъ отношеніяхъ мудрая республика, какъ Венеціанская, въ состояніи предоставлять монахамъ пользованіе ихъ богатыми доходами, вмѣсто того, чтобы забрать послѣдніе себѣ, какъ это случилось во Франціи. И противъ такого рода обвиненій столь низменнаго врага приходилось отвѣчать серьезному мыслителю!

Слушаніе дѣла Бруно началось 29-го мая и продолжалось 30-го.

Обвиняемый давалъ за это время свѣдѣнія о своей личности и разсказывалъ о своей жизни. Лишь на слѣдующемъ засѣданіи 2-го іюня рѣчь зашла о предметѣ обвиненія. Бруно представляетъ полный перечень своихъ печатныхъ произведеній; одни изъ нихъ онъ еще одобряетъ и въ настоящее время, другія же—нѣтъ. Ихъ содержаніе является исключительно философскимъ и трактуется съ точки зрѣнія принциповъ естественнаго познанія. Оно совершенно не имѣетъ непосредственныхъ точекъ соприкосновенія съ католической религіей, а потому и не посягаетъ также на истину, полученную путемъ откровенія. Это же было признано, равнымъ образомъ, и парижскимъ университетомъ, когда онъ разрѣшилъ напечатаніе тезисовъ Бруно. Послѣ этого Бруно приступилъ къ развитію своей философской доктрины, представляя ее въ суммарномъ изложеніи; онъ не утаилъ и не смягчилъ ни одной существенной черты послѣдней; онъ говорилъ съ такой откровенностью, какъ будто бы стоялъ на каѳедрѣ, а не предъ судилищемъ инквизиціи. Онъ говорилъ, что учитъ о безконечности вселенной, такъ какъ считаетъ недостойнымъ божественной благости и всемогущества вѣрить въ сотвореніе конечнаго міра, между тѣмъ какъ Богъ въ состояніи воспроизвести безчисленное множество міровъ. Такимъ образомъ онъ и заявилъ, что существуетъ безконечно много міровъ, подобно нашей землѣ, которую онъ считаетъ, равно какъ и другія планеты, свѣтиломъ. Въ эту вселенную Бруно влагаетъ всеобщее Провидѣніе, въ силу котораго каждая вещь живетъ, растетъ и продолжаетъ совершенствоваться; въ частности же Бруно представляетъ себѣ это Провидѣніе двоякимъ образомъ: во-первыхъ, такъ, какъ душа присутствуетъ въ тѣлѣ, что̀ онъ называетъ природою, тѣнью и слѣдомъ Божества; во-вторыхъ, однако, тѣмъ несказаннымъ способомъ, какимъ Богъ является въ одно и то же время: *во* всемъ и *надъ* всѣмъ.

Онъ согласенъ, что не постигаетъ воплощенія Слова, пока остается въ границахъ философіи, да и его вѣрованіе въ этотъ догматъ—неустойчиво. Подъ Духомъ Святымъ онъ понималъ, въ качествѣ философа, оставаясь въ согласіи съ Соломономъ—міровую душу. Изъ этого духа, изъ этой все-жизни вытекаютъ жизнь и душа для каждаго существа, одареннаго жизнью и душой. Душа—безсмертна, подобно тому, какъ тѣло—неразрушимо; смерть представляетъ собою раздѣленіе и возсоединеніе живыхъ элементовъ. Таковъ смыслъ словъ пророка: «нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ».

Въ своей защитѣ Бруно опирался на ученіе о двоякаго рода истинѣ, ученіе, согласно которому философія и теологія, наука и вѣра могутъ существовать другъ возлѣ друга даже въ томъ случаѣ, если онѣ утверждаютъ противоположныя вещи. Хотя это ученіе уже въ 1512 году было осуждено, какъ еретическое, на Латеранскомъ соборѣ, однако, Римъ самъ не всегда держался этого соборнаго постановленія. Въ 1516 году Помпонацій выхлопоталъ освобожденіе отъ римской цензуры

для своего сочиненія относительно безсмертія души, воспользовавшись ссылкой на принципъ двоякаго рода истины, а парижскій университетъ призналъ дѣйствительность этого принципа въ отношеніи самого Бруно. Поэтому намъ понятно постоянное повтореніе Бруно, что свое ученіе онъ излагаетъ какъ философъ, не высказываясь о томъ, чему отвѣтитъ какъ христіанинъ. Спрошенный инквизиторомъ о вѣрѣ Бруно отвѣчаетъ вполнѣ согласно католическимъ требованіямъ. «Что онъ думаетъ о воплощеніи Слова и о Его рожденіи?—Что Слово воспринято Святымъ Духомъ и рождено Пресвятой Дѣвой Маріей».—«Что необходимо для спасенія души? — Вѣра, надежда и любовь». Подобные же отвѣты слѣдуютъ относительно таинствъ покаянія, относительно пресуществленія, относительно заповѣдей воздержанія, налагаемыхъ церковью. Короче говоря, Бруно даетъ отвѣты, какъ будто бы онъ повторялъ урокъ изъ римско-католическаго катехизиса. Но еще никто изъ попадавшихъ въ руки инквизиціи не откупался отъ нея такой дешевой цѣной. Въ заключеніе продолжительнаго засѣданія инквизиторъ обратился къ Бруно, настойчиво выдвигая обвиненіе пунктъ за пунктомъ, какъ будто Бруно ничего не сдѣлалъ для его опроверженія. Буде же обвиняемый, — сказалъ инквизиторъ, — вознамѣрится упорно отрицать то, въ чемъ впослѣдствіи его можно будетъ изобличить, то онъ не долженъ также удивляться, если священное судилище употребитъ противъ него тѣ законныя средства, которыя оно имѣетъ обыкновеніе и власть употреблять противъ закоснѣлыхъ, не желающихъ признавать милосердія Бога и христіанской любви священнаго судилища; средства, которыя оно примѣняетъ для того, чтобы возвращать къ свѣту блуждающихъ во мракѣ и направлять къ тропѣ вѣчной жизни сбившихся съ истиннаго пути.

Бруно понялъ угрозу, заключавшуюся въ этихъ словахъ. На слѣдующій день (3-го іюня) онъ оказался болѣе податливымъ, даже удрученнымъ. Онъ разсказываетъ о своихъ отношеніяхъ къ Генриху Наварскому; какъ видно, клевета Мочениго произвела свое дѣйствіе. Бруно отрицаетъ свое знакомство съ наварскимъ королемъ. Равнымъ образомъ, онъ долженъ представить оправданіе относительно своей похвалы еретической англійской королевы. Онъ извиняетъ ее, какъ словесный пріемъ въ античномъ вкусѣ. Наконецъ, онъ дѣлаетъ заявленіе, имѣющее значеніе полнаго отреченія. Онъ говоритъ, что въ настоящее время предаетъ отверженію и проклятію всѣ ошибки, содѣянныя имъ до сего дня противъ католичества и противъ обѣта своего ордена, а также всѣ ереси, въ которыхъ онъ провинился; онъ раскаивается въ томъ, что когда-либо совершилъ, думалъ, говорилъ, вѣровалъ или сомнѣвался противно духу католической религіи; онъ проситъ о томъ, чтобы священное судилище, во вниманіе къ его слабости, снабдило его соотвѣтственными средствами для обратнаго воспріятія въ лоно церкви, и помиловало бы его. На

слѣдующій день состоялось еще непродолжительное засѣданіе суда, а затѣмъ наступилъ перерывъ въ восемь недѣль,—промежутокъ времени, достаточный для examen rigorosum и для пытки, которую обыкновенно прилагали къ тѣмъ, кто слишкомъ скоро обращался на путь истины. Лишь 30-го іюля Бруно вновь приводятъ на засѣданіе. Онъ признаетъ возможнымъ, но рѣшительно не припоминаетъ, что бы въ теченіе продолжительнаго времени съ минуты своего отпаденія отъ церкви онъ совершилъ еще и другого рода ошибки, кромѣ тѣхъ, въ которыхъ онъ признался; затѣмъ, упавъ на колѣни, Бруно въ слѣдующихъ выраженіяхъ умоляетъ своихъ судей: «Смиренно молю Господа Бога и Ваши Великолѣпія простить всѣ совершенныя мною ошибки; здѣсь же выражаю готовность исполнить, что ваша мудрость признаетъ и найдетъ спасительнымъ для моей души. И если Господь Богъ и Ваши Великолѣпія помилуютъ меня и сохранятъ мнѣ жизнь, въ такомъ случаѣ я обѣщаюсь замѣтнымъ образомъ измѣнить ее и исправить ранѣе причиненныя мною непріятности».

Этимъ заканчивается процессъ въ Венеціи, который не привелъ къ произнесенію приговора. Протоколы засѣданій были отосланы въ Римъ, и уже 17-го сентября тамъ рѣшаютъ требовать выдачи Бруно; ибо Бруно не простой еретикъ, а глава еретиковъ, ересіархъ, онъ написалъ разныя книги, въ которыхъ воздаетъ чрезвычайную хвалу королевѣ Англіи и другимъ еретическимъ государямъ; онъ, бывшій членъ доминиканскаго ордена, шатался много лѣтъ по Женевѣ и по Англіи; уже въ Неаполѣ и въ другихъ мѣстахъ его требовали къ суду инквизиціи; поэтому онъ долженъ быть отправленъ съ ближайшей же вѣрной оказіей въ Анкону, а оттуда—въ Римъ. Въ гавани стояла барка готовая къ отплытію, и инквизиторъ торопилъ венеціанское правительство принять рѣшеніе. Между тѣмъ верховный совѣтъ не могъ тотчасъ же придти къ какому-нибудь рѣшенію, и барка должна была отплыть безъ плѣнника. Въ депешѣ отъ 3-го октября къ венеціанскому посланнику въ Римѣ сенатъ Венеціанской республики отказываетъ въ выдачѣ Бруно. Онъ выражаетъ опасеніе нарушить свои собственныя права, соглашаясь на желаніе римской куріи. Но Римъ лишь съ тѣмъ большей настойчивостью повторилъ свое требованіе, ссылаясь на то обстоятельство, что уже въ качествѣ монаха Бруно подлежитъ папской юрисдикціи. Наконецъ, 7-го января верховный совѣтъ удовлетворяетъ требованіе его святѣйшества. Заключеніе, данное по этому дѣлу Контарини, рѣшаетъ вопросъ въ пользу такого постановленія; оно повторяетъ приводимыя куріей основанія и къ этому присоединяетъ еще слѣдующее соображеніе: Бруно долго находился въ еретическихъ странахъ и въ продолженіе всего этого времени велъ распутную и дьявольскую жизнь. Онъ самымъ тяжкимъ образомъ повиненъ въ ереси, хотя, впрочемъ, принадлежитъ къ числу возвышеннѣйшихъ умовъ, какіе только можно вообразить себѣ, обладаетъ очень глубокой эрудиціей и обширными знаніями.

Какъ странно, хотя, однако, совершенно въ духѣ того времени, переплетаются въ этихъ словахъ уваженіе къ духовному величію человѣка и суевѣрная боязнь его еретичества!

«Его святѣйшество папа,—пишетъ изъ Рима венеціанскій посолъ отъ 16-го января,—назвалъ рѣшеніе, принятое республикою, дѣломъ, въ высшей степени для себя пріятнымъ, такимъ, за которое онъ намѣренъ выразить признательность». 27-го февраля 1593 года Бруно прибываетъ въ Римъ, мѣняя тюрьму инквизиціи въ Венеціи на таковую же въ Римѣ. Прошло почти семнадцать лѣтъ со времени его бѣгства; ему шелъ уже сорокъ пятый годъ отъ роду. Бруно явился въ Римъ съ рѣшеніемъ повторить здѣсь сдѣланное имъ въ Венеціи отреченіе. Тѣмъ удивительнѣе продолжительность его заключенія до постановленія приговора. Вообще волокита въ рѣшеніяхъ не была въ привычкахъ священнаго судилища. Въ спискѣ заключенныхъ одновременно съ Бруно отъ 5-го апрѣля 1599 года (ихъ всего двадцать человѣкъ, въ томъ числѣ семь священниковъ и монаховъ) находится имя только одного, заключеніе котораго продолжалось около двухъ лѣтъ. Бруно же сидѣлъ въ это время уже болѣе шести лѣтъ въ тюрьмѣ. Хотя мы въ состояніи объяснить продолжительность его заключенія только однѣми догадками, послѣднія, однако, подкрѣпляются и даже достигаютъ почти значенія достовѣрныхъ фактовъ, благодаря указаніямъ Шоппіуса. Каспаръ Шоппе (по-латыни: Sciopрius или Schoppius), обратившійся въ юности въ католицизмъ и возведенный Климентомъ VIII въ достоинство рыцаря святого Петра и графа Кларавальского, сварливый писака, является единственнымъ современникомъ, дающимъ свѣдѣнія въ качествѣ очевидца конца Бруно. Онъ передаетъ, что Бруно уличался въ своихъ заблужденіяхъ величайшими богословами и обѣщалъ принести отреченіе; всякій разъ, однако, давая такое обѣщаніе, онъ опять возвращался къ защитѣ своихъ «пустыхъ выдумокъ», и такимъ образомъ ему удавалось получать одну отсрочку за другой и откладывать осужденіе. То, что представлялось Шоппіусу какъ бы сокращеннымъ во времени,—онъ думалъ, что Бруно находился въ заключеніе съ 1598 года,—въ дѣйствительности растянулось на цѣлый рядъ лѣтъ тюремнаго заключенія въ Римѣ. Равнымъ образомъ, утвержденіе, что ученіе Бруно было опровергнуто,—нуждается въ поправкѣ. Уже одно то, что онъ всякій разъ снова защищаетъ свое ученіе, доказываетъ противоположное. На самомъ дѣлѣ, именно попытки опровергнуть Бруно являются причиной того, почему онъ никакъ не можетъ смириться въ той именно формѣ, какъ этого требовало священное судилище, безъ оговорокъ, безъ колебаній, безъ полной оглядки на свои прежнія научныя убѣжденія, на то великолѣпіе безконечнаго міра, которое узрѣлъ его духъ. Инквизаціонный трибуналъ намѣревался побудить его не къ простому отреченію, вѣдь Бруно уже отрекался и былъ готовъ повторить

свое отреченіе. Имѣлось въ виду повернуть его сознаніе, овладѣть этою могучей силой духа, отдать его перо на службу церковной системы вѣрованія. Вслѣдствіе этого атака была поведена на него со стороны его философіи. Но какимъ образомъ его духъ, поднявшійся на высоту солнечныхъ разстояній, могъ возвратиться въ узкій міръ Аристотеля и среднихъ вѣковъ? Попытки опровергнуть его ученіе лишь укрѣпляли его преданность своимъ убѣжденіямъ. Въ такихъ случаяхъ его неувѣренность, сомнѣніе въ самомъ себѣ, неизбѣжное для каждаго, кто одинъ борется противъ теченія своего времени и окружающей среды, всякій разъ исчезали.

Бруно не вошелъ въ тюрьму героемъ, а лишь вышелъ изъ нея таковымъ. Онъ лишь постепенно поднялся изъ смиреннаго, недостойнаго самого себя положенія, въ которомъ онъ очутился въ первое время своего заключенія въ тюрьмѣ; онъ лишь мало-по-малу перешелъ отъ первоначальнаго конфликта съ самимъ собою ко внутреннему единству и пріобрѣлъ такимъ образомъ силу устойчивости, которую онъ, въ концѣ концовъ, и доказалъ. То обстоятельство, что Бруно обнаружилъ человѣческую слабость, лишь приближаетъ его къ намъ какъ человѣка. Вслѣдствіе этого его пожертвованіе жизнью кажется намъ величественнѣе. Право свободнаго убѣжденія и новаго воззрѣнія на вещи должно было столкнуться сперва въ немъ самомъ съ силою, съ которой срослась его душа, такъ какъ съ ней связывались впечатлѣнія его дѣтства. Его отношеніе къ католической церкви не характеризуется простымъ отрицаніемъ. Онъ отрицаетъ церковную систему вѣрованія; однако, онъ съ трудомъ лишь можетъ устоять противъ ея вліянія на чувства и душу. Въ свое новое міровоззрѣніе онъ перенимаетъ многое изъ религіознаго настроенія, которымъ было проникнуто старое. Какіе бы онъ ни находилъ недостатки въ католической религіи, она является для него, даже по свидѣтельству самого Мочениго, «все-таки, еще самою дорогою». Когда теперь эта церковь выступила противъ него въ роли судьи, онъ потерялъ увѣренность и сталъ волноваться противоположными побужденіями. Отъ такого чувства неувѣренности ему дано было освободиться лишь въ борьбѣ, продолжавшейся нѣсколько лѣтъ, и только послѣ этой борьбы онъ достигъ возможности рѣшительно стать на сторону той силы, для которой смерть его тѣла означала побѣду его духа. Какъ часто въ такого рода внутренней борьбѣ онъ долженъ былъ черпать силы въ своихъ собственныхъ словахъ, «кто еще боится за свое тѣло, тотъ еще не почувствовалъ своего единства съ Божествомъ».

Только къ началу 1599 г. мы снова узнаемъ объ узникѣ, остававшемся такъ долго пропавшимъ безъ вѣсти для свѣта. Къ «конгрегаціи священнаго судилища римской и всеобщей инквизиціи» принадлежали нѣсколько кардиналовъ, и въ томъ числѣ прежде всего Лудовико Мадрุцци и кардиналъ Санъ-Северина; послѣдній былъ нетерпимымъ честолюбцемъ, который называлъ парижскую «кровавую

свадьбу» *) прекраснымъ и въ высшей степени пріятнымъ для католиковъ днемъ. Изъ консультантовъ надо отмѣтить въ особенности Роберта Беллярмина. Послѣднему было поручено изслѣдовать ученія Бруно, и онъ главнымъ образомъ способствовалъ его осужденію. Въ теченіе двадцати лѣтъ въ этомъ кардиналѣ воплощается оппозиція римской куріи къ наукѣ; онъ впослѣдствіи принялъ на себя главную роль въ первомъ процессѣ противъ Галилея. 14-го января кардиналъ Беллярминъ представилъ конгрегаціи восемь еретическихъ положеній, извлеченныхъ имъ изъ сочиненій Бруно. Конгрегація постановляетъ потребовать отъ Бруно отреченія отъ этихъ положеній и въ то же время отдаетъ приказаніе дополнить послѣднія. И въ самомъ дѣлѣ, намъ также слѣдуетъ удивляться малому числу ихъ. Спустя три недѣли, папа, выслушавъ докладъ конгрегаціи, приказываетъ поставить обвиняемому на видъ упомянутыя положенія, какъ еретическія; «если онъ признаетъ ихъ таковыми—то хорошо; въ противномъ случаѣ ему надо назначить срокъ въ сорокъ дней». Этотъ срокъ протекаетъ, но рѣшеніе—не принято. Только 21-го декабря Бруно приводятъ на общій осмотръ заключенныхъ и выслушиваютъ его отвѣтъ. Твердое заявленіе Бруно о томъ, что «онъ не можетъ и не хочетъ отрекаться, что ему не отъ чего отрекаться, и что онъ не понимаетъ, отъ чего ему слѣдуетъ отречься» — приближаетъ катастрофу. Напрасно конгрегація посылаетъ генерала доминиканскаго ордена Ипполита Марія и его викарія Павла да Мирандола вести переговоры съ Бруно. Бруно отказывается признать еретическими представляемыя ему положенія; онъ прибавляетъ недовольнымъ тономъ, что никогда не высказывалъ еретическихъ положеній, и что чиновники священнаго судилища ложно понимаютъ его положенія. 20-го января 1600 года, въ юбилейный годъ Рима, состоялось засѣданіе священнаго судилища, имѣвшее рѣшающее значеніе для участи Бруно. Была вскрыта записка Бруно, адресованная папѣ... но оставлена безъ прочтенія. По выслушаніи доклада конгрегаціи, папа повелѣваетъ, чтобы процедура шла далѣе своимъ путемъ, чтобы былъ постановленъ приговоръ, и братъ Jordanus былъ преданъ въ руки свѣтской власти. Согласно этому рѣшенію, приговоръ произносится 8-го февраля передъ полнымъ собраніемъ конгрегаціи и въ присутствіи магистрата и губернатора Рима. Бруно принужденъ, стоя на колѣняхъ, выслушать объявленіе приговора. Бруно лишается монашескаго сана (т.-е. его разстригаютъ), потомъ онъ подвергается отлученію и послѣ этого передается въ распоряженіе свѣтской власти съ обычной просьбой: «пусть послѣдняя его накажетъ сколь возможно кротко и даже безъ пролитія его крови» («utquam clementissime et sine sanguinis effusione puniretur»), другими словами Бруно приговаривался къ сожженію на кострѣ. Чтобы правильно оцѣнить такой образъ дѣйствій, стоитъ только при-

---

*) Ночь св. Варѳоломея. *Прим. перев.*

помнить, что въ папскомъ Римѣ не было различія между духовною и свѣтскою властями; губернаторъ Рима, которому поручали Бруно, былъ папскимъ чиновникомъ и монсиньоромъ. По выслушаніи приговора, Бруно гордо поднялся и, обратившись съ угрожающимъ видомъ къ судьямъ, произнесъ слова, отголосокъ которыхъ звучитъ въ теченіе уже трехъ столѣтій: «Вы, конечно, съ большимъ страхомъ выносите противъ меня приговоръ, чѣмъ я его выслушиваю».

12-го февраля, въ Римѣ ожидали въ высшей степени торжественнаго акта правосудія, какъ объ этомъ сообщаютъ avvisi того дня. Доминиканскій монахъ изъ Нолы, закоснѣлый еретикъ, долженъ былъ быть сожженъ за̀-живо. Однако, благочестивому любопытству суждено было потерпѣть еще нѣсколько дней. Бруно былъ данъ послѣдній срокъ для отреченія. Онъ могъ имъ купить милость—быть умерщвленнымъ передъ сожженіемъ. Но его стойкость, или какъ думали противники, его упорство осталось непоколебимо. «Я умираю мученикомъ добровольно, — заявлялъ онъ, — и знаю, что моя душа поднимется вмѣстѣ съ дымомъ костра въ рай». Въ пятницу, 17-го февраля, можно было видѣть раннимъ утромъ, какъ изъ государственной тюрьмы по направленію къ Campo di Fiora, лобному мѣсту для еретиковъ, двигалась одна изъ тѣхъ печальныхъ процессій, которыя были не безъизвѣстны Риму того времени. Бруно вели на костеръ. На него были надѣты внѣшніе знаки еретика, а его языкъ былъ привязанъ, дабы воспрепятствовать ему произносить «хуленія» противъ церкви. Теперь ему свѣтили тѣ факелы, о которыхъ онъ однажды пророчествовалъ, что въ нихъ у него не будетъ недостатка даже среди бѣлаго дня, если только ему будетъ суждено умереть на римско-католической почвѣ. Въ стекшейся на зрѣлище толпѣ врядъ ли многіе чувствовали состраданіе; вѣдь подобный судъ соотвѣтствовалъ совѣсти той эпохи. Шоппіусъ устремлялъ на него свой насмѣшливый взоръ. Онъ, вѣроятно, протѣснился въ самый передній рядъ зрителей — съ такою точностью онъ сообщаетъ намъ о послѣднихъ минутахъ Бруно. Бруно привязали къ столбу, вокругъ котораго нагромоздили кучу дровъ. Пламя образовало вокругъ него огненный поясъ; но ни единый вздохъ не вырывается изъ его груди въ теченіе ужасной муки и Бруно медленно сгораетъ заживо въ полномъ сознаніи. Когда онъ находился уже при смерти, ему протянули распятіе, но онъ, говорятъ, отвернулся отъ него.

То, что намъ теперь кажется геройскою смертью, являлось въ глазахъ современниковъ позорною казнью. «Такимъ образомъ,—самодовольно сообщаетъ Шоппіусъ—онъ безславно погибъ въ огнѣ и можетъ разсказывать въ тѣхъ иныхъ мірахъ, которые онъ воображалъ себѣ, о томъ, какъ римляне обыкновенно обращаются съ богохульниками и безбожниками въ родѣ него».

Пепелъ, оставшійся отъ Бруно, былъ разсѣянъ по вѣтру, и самое имя его предано опалѣ. Только Кампанелла называетъ его однажды, но не открыто «извѣстнымъ Ноланцемъ». Одинъ лишь Кеплеръ въ

Германіи, столь во многомъ родственный Бруно, неоднократно ссылается на него. Галилей однако молчитъ о немъ, чтобы не навлечь еще больше подозрѣній на свое собственное дѣло. Такъ случилось, что первый философъ въ духѣ новаго времени, пророкъ естественно научнаго міровоззрѣнія, вначалѣ оставался почти совершенно неизвѣстнымъ. Его сочиненія начали считаться величайшею рѣдкостью. Вслѣдствіе этого необходимо обращаться очень осторожно съ упреками въ заимствованіи изъ сочиненій. Къ тому же и пути, по которымъ направилась позднѣйшая философія и наука,—иные, чѣмъ тѣ, по которымъ двигался впередъ поэтическій духъ Бруно, хотя бы оба они сближались въ своихъ конечныхъ пунктахъ.

Бруно умеръ за ту же истину, за которую страдалъ и Галилей. Процессъ перваго содержитъ въ зародышѣ процессъ послѣдняго. Во главѣ ересей, въ которыхъ онъ былъ обвиненъ, находится ученіе о множественности міровъ. Это обстоятельство правильно усмотрѣлъ даже Шоппіусъ. Множественность міровъ,—а не вращеніе земли вокругъ солнца—является просто-таки не соединимымъ съ дословно понимаемымъ вѣрованіями церкви. Развѣ жители остальныхъ міровъ также происходятъ отъ Адама, возражали съ торжествующимъ видомъ Галилею, развѣ Христосъ и за нихъ могъ претерпѣть крестное распятіе? Можно было бы сказать, конечно, что дѣло Бруно было потеряно и помимо обвиненія въ такого рода ереси. Развѣ онъ не былъ отступникомъ-рецедивистомъ, убѣжавшимъ изъ ордена монахомъ?—Достаточно основаній, чтобы осудить его, по крайней мѣрѣ, на пожизненное заключеніе въ тюрьмѣ. Однако, именно его космологическія воззрѣнія вызвали его отпаденіе отъ церкви; эти воззрѣнія и явились камнемъ преткновенія и для самого Бруно, и для его судей. Его приверженность къ нимъ лишала значенія въ глазахъ инквизиціи принесенное имъ отреченіе, и препятствовала ему принести такое отреченіе, какое инквизиція отъ него требовала. Такимъ образомъ, Бруно въ самомъ дѣлѣ взошелъ на костеръ, какъ жертва своихъ научныхъ убѣжденій, какъ мученикъ за дѣло новаго міросозерцанія.

Достовѣрнаго портрета Бруно до насъ не дошло. Тѣмъ не менѣе, извѣстно, что онъ былъ невысокаго роста, нѣжнаго тѣлосложенія и съ блѣднымъ лицомъ. У него была густая каштановая борода и темные локоны, глубоко лежащіе глаза глядѣли меланхолично. Его движенія были очень живы; и нельзя читать его діалоги, не представляя себѣ ихъ автора жестикулирующимъ. Многое, характерное для темперамента южнаго итальянца, было ему свойственно. Онъ былъ раздражителенъ, рѣзокъ, былъ импульсивной натурой, часто поддающейся впечатлѣніямъ даннаго мгновенія. Поэтому, въ частностяхъ его взглядовъ и поведенія мы не видимъ той послѣдовательности, которую онъ столь величественно доказалъ на дѣлѣ всей своей жизнью, взятой въ совокупности. Онъ легко предавался чувству скуки, «Il fastidito»—имя

которое онъ прилагалъ къ себѣ. «In tristitia hilaris, in hilaritate tristis» *), такъ обозначаетъ самъ Бруно основное настроеніе своего духа. Разумѣется, онъ видѣлъ насквозь низменность побудительныхъ причинъ и мелочность интригъ, суетность и нетерпимость того цеха ученыхъ, «который превращаетъ философію въ ремесло». Еще въ ранней молодости Бруно стремился къ «концу трудовъ, богатыхъ бурями, къ ложу, тихому отдыху и безмятежному» покою—смерти. Между тѣмъ, его духъ свободенъ отъ пессимизма. Онъ бранитъ пошлое или бичуетъ его сатирическою насмѣшкой; но его взоръ устремленъ на цѣлое, въ которомъ для него исчезаетъ несовершенства частностей. Именно изъ различія и противоположности для него возникаетъ полная гармонія вещей. Созерцаніе гармоніи вселенной возвышаетъ его надъ всѣми страданіями.

Чувство дѣйствительности является ему прирожденнымъ. Онъ схватываетъ ея характеръ непосредственно, интуитивно, погружаясь въ нее своимъ духомъ. Мнѣніе Бруно, будто Коперникова система представляла собою для его времени доказанную истину, являлось, разумѣется, преждевременнымъ. Но, какъ доказываетъ его космологія, природа открывалась даже его умозрѣніямъ. Характерно, что онъ съ особенною любовью обращается къ поэзіи, чтобы дать выраженіе своимъ ученіямъ воплотить ихъ въ образы. Мысли уже съ самаго начала возникаютъ у него въ поэтической формѣ. Бруно былъ не просто мыслителемъ; являясь въ жизни поэтомъ, ясновидцемъ и апостоломъ, онъ, умирая, сдѣлался мученикомъ и героемъ. Ни одинъ изъ грядущихъ вѣковъ, пророчествуетъ онъ о себѣ, не сможетъ отказать въ признаніи, что онъ, какъ побѣдитель, не страшился смерти, и что со стойкостью, не уступающею твердости ни одного героя, онъ предпочелъ мужественную смерть безславной жизни.

Свое призваніе Бруно понималъ самымъ возвышеннымъ образомъ: Богъ избралъ его служителемъ лучшаго времени; Богъ же зажегъ въ его смертной груди вѣчное пламя, озарилъ его духъ столь яркимъ свѣтомъ и наполнилъ его душу такимъ горячимъ зноемъ.

«Ибо отъ соприкосновенія съ Божествомъ ты становишься пылающимъ огнемъ».

Время воздало справдливость памяти Бруно. Оно кассировало приговоръ инквизиціи.—Три столѣтія тому назадъ Бруно умеръ проклятый церковью, покрытый позоромъ въ глазахъ людей.

Съ 1889 года на Campo di Fiora возвышается памятникъ Бруно, воздвигнутый на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ 17-го февраля 1600 года пылалъ его костеръ. Нерушимѣе, однако, чѣмъ этотъ видимый, является тотъ невидимый памятникъ, который Бруно самъ соорудилъ величіѣ своего духа и характера, въ назиданіе и примѣръ грядущимъ временамъ.

---

*) Веселый въ печали, печальный въ весельѣ. *Прим. переводчика.*

СЕМЕЙНАЯ ДРАМА ВЪ ТІЕНЪ-ЦЗИНѢ.

Повѣсть Фрэнсисъ Эймаркъ Мэтьюсъ.

Переводъ съ англійскаго А. Каррикъ.

Миссиссъ Уингъ-Ти сидѣла въ своей комнатѣ на грудѣ пыновокъ наложенныхъ на широкую лежанку. Печка подъ лежанкой топилась, такъ какъ время года было уже довольно холодное, и мягкая теплота распространялась не только въ этой комнатѣ, но и въ смежной съ нею пріемной, выходившей на дворикъ.

Трехлѣтняя миссъ Уингъ-Ти сидѣла въ углу двора на рукахъ своей няньки и забавлялась игрушками.

Мужа м-ссъ Уингъ-Ти, Ахъ-Чанга, не было дома; онъ уѣхалъ незадолго передъ тѣмъ по дѣламъ въ Пекинъ.

М-ссъ Уингъ-Ти курила трубку; она сама была когда-то въ Пекинѣ, въ миссіонерской школѣ, куда ее помѣстила одна добрая американка, когда ея родители и маленькіе братья и сестры умерли отъ повальной лихорадки. Въ школѣ Уингъ-Ти многому выучилась и видала много людей. Однажды школу посѣтили студенты-переводчики изъ англійскаго посольства, молодые люди, смѣшивавшіе серьзность и легкомысліе въ равныхъ пропорціяхъ въ своихъ научныхъ занятіяхъ. Между ними былъ «одинъ въ особенности», — нѣкто Сесиль Уинтонъ, дополнявшій виды въ будущемъ и небольшое жалованье корреспонденціями въ газеты и писавшій страстныя письма къ миссъ Віолетѣ Уркуартъ въ Честерѣ-на-Ди.

Уингъ-Ти пробыла въ миссіонерской школѣ въ Пекинѣ лишь короткое время, пока не вернулся изъ Америки дядя ея, Самъ-Уа ѣздившій туда, чтобы основать большой торговый домъ въ Нью-Іоркѣ, и отсутствовавшій въ то время, когда племянница его осиротѣла. Вернувшись въ Китай и узнавъ, гдѣ она находится, онъ тотчасъ отправился въ миссіонерскую школу, чтобы исторгнуть дочь своего брата изъ подъ вліянія христіанской церкви и изъ когтей иностранныхъ дьяволовъ. Онъ потребовалъ выдачи ея, запретилъ ей вступать въ какія-бы то ни было сношенія съ ея покровителями, изорвалъ ея Би-

блію и молитвенникъ, приказалъ ей жечь молитвы написанныя желтой краской, совершать воскуреніе и молить боговъ и геніевъ, чтобы они вышли изъ гротовъ и спустились съ горъ для охраны ея. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ строго запретилъ ей когда-либо глядѣть въ голубые глаза чужеземныхъ дьяволовъ и приказалъ вести затворническую жизнь, отъ которой отказались безнравственныя иностранки, позабывшія скромность.

Съ этою цѣлью Уингъ-Ти была увезена обратно въ Тіенъ - Цзинъ и усажена за работу, которою предки ея занимались въ продолженіи трехъ тысячъ лѣтъ; за изготовленіе для продажи знаменитыхъ тіенцзинскихъ фигурокъ.

Много дней и недѣль Уингъ-Ти лѣпила изъ красиваго мѣстнаго гипса маленькія фигурки нищихъ, курильщиковъ опіума, рыбаковъ, прокаженныхъ, обжигала ихъ и одѣвала въ искусно сдѣланные подходящіе костюмы, будучи отъ природы большою искусницей и наслѣдовавъ отъ предковъ способность къ этому ремеслу. Дядя ея получалъ много денегъ отъ продажи этихъ фигурокъ иностраннымъ дьяволамъ, объ искорененіи которыхъ онъ и семья его ежедневно молили боговъ.

Въ одинъ прекрасный день пріѣхалъ изъ Америки компаньонъ Самъ-Уа, Ахъ Чангъ, поручивъ управленіе процвѣтающими дѣлами фирмы въ Нью-Іоркѣ своему племяннику. Хотя Ахъ-Чангу было уже сорокъ четыре года, однако, когда онъ увидѣлъ сквозь бамбуковыя ширмы Уингъ-Ти за ея рабочимъ столомъ, сердце его впервые было тронуто. Оно такъ бурно запрыгало въ его груди при видѣ этой желтой лиліи, что, недолго думая, онъ сообщилъ своему компаньону Самъ-Уа о своемъ желаніи взять Уингъ-Ти себѣ въ жены.

Желаніе его вскорѣ исполнилось и это событіе ознаменовалось цѣлымъ рядомъ празднествъ и увеселеній, безконечныхъ молитвъ и воскуреній и всякаго рода спорта и веселья для всѣхъ, кромѣ самой Уингъ-Ти. Дѣло въ томъ, что ея покорное, но все же человѣческое сердце чувствовало нѣчто въ родѣ отвращенія къ Ах-Чангу, очень жирному и очень желтому, хотя обладавшему великолѣпной косой и не менѣе великолѣпнымъ домомъ. По временамъ, когда м-ссъ Уингъ-Ти глядѣла изъ угловъ своихъ маленькихъ глазокъ на это круглое лицо, передъ нею мелькало, какъ стрѣла, пущенная изъ лука, лицо одного «въ особенности» изъ молодыхъ посольскихъ студентовъ, которыхъ она видѣла въ миссіонерской школѣ, того иностраннаго дьявола съ синеватыми глазами, воспоминаніе о которомъ запечатлѣлось въ ея памяти.

Пока м-ссъ Уингъ-Ти курила, пуская колечки дыма, которыя спутывались надъ ея склоненной головой; пока мужъ ея Ахъ-Чангъ торговалъ въ Пекинѣ, а миссъ Уингъ-Ти играла со своей нянькой на дворѣ, пока отъ платяныхъ шкаповъ, стоявшихъ по обѣимъ сторонамъ постели, нагрѣтый воздухъ комнаты пропитывался запахомъ мускуса, пока постукивали и нестройно били, различно показывая время, всѣ семеро часовъ, помѣщенные Ахъ-Чангомъ въ комнатѣ жены для ея за-

бавы, и надъ огнемъ шумѣлъ чайникъ,—воспоминанія м-ссъ Уингъ-Ти упрямо и настойчиво возвращались ко времени ея пребыванія въ миссіонерской школѣ въ Пекинѣ, и въ особенности къ тому утру, когда, пять лѣтъ тому назадъ, запретное лицо съ необыкновенными голубыми глазами одновременно вошло и въ классъ, и въ ея сердце.

М-ссъ Уингъ-Ти спрашивала себя: неужели правда, что всѣ иностранные дьяволы вырываютъ глаза у китайскихъ дѣтей, чтобы дѣлать изъ нихъ лѣкарства; неужели правда, что всѣ они воняютъ, какъ бараны; что вкусное сгущенное молоко, которое она пила въ школѣ, дѣлается изъ мозговъ китайскихъ дѣтей, а сладкое и аппетитное желе, которое начальница школы давала по воскреснымъ днямъ для дессерта, изготовляется изъ вываренныхъ остатковъ тѣлъ тѣхъ же дѣтей? И неужели правда, что «хорошенькій мужчина»—такъ м-ссъ Уингъ-Ти называла въ своихъ мечтахъ «одного въ особенности»—только потому такой бѣлый, что мать, какъ и вообще матери иностранныхъ дьяволовъ, лизала его въ дѣтствѣ, какъ кошки лижутъ своихъ котятъ?

Размышляла миссиссъ Уингъ-Ти и о другихъ болѣе или менѣе важныхъ вопросахъ, пока миссъ Уингъ-Ти прыгала по двору.

Когда трубка была выкурена, миссиссъ Уингъ-Ти бросила ее въ сторону, предоставляя служанкѣ поднять, и заварила себѣ чаю, который видомъ походилъ на жидкій янтарь, запахомъ на чайную розу, а вкусомъ на амврозію. Выпивъ чашку, она приказала убрать чайный приборъ и, по уходѣ служанки, достала изъ за шелковаго экрана свой рабочій столикъ съ фигурками, инструментами, комкомъ сырой глины, лоскутьями, фольгой, красками и кружкой воды; придвинула его къ лежанкѣ, усѣлась на ней и принялась лѣпить изъ сырой глины фигурки своими маленькими, тонкими пальцами. Отъ нечего дѣлать, миссиссъ Уингъ-Ти развлекалась иногда этимъ занятіемъ, если не шила или не вышивала. Мѣсяцы, проведенные въ миссіонерской школѣ, не могли не заразить ее безпокойнымъ западнымъ духомъ,—заразой, которою востокъ расплачивается за все, что даетъ ему христіанство. Сказалась она и теперь. Въ то время, какъ всѣ семеро часовъ, привезенныхъ изъ Америки, мѣрно постукивали и миссъ Уингъ-Ти, наконецъ, заснула на рукахъ своей няни, миссиссъ Уингъ-Ти вылѣпила изъ сѣрой глины фигурку «хорошенькаго мужчины», и, не имѣя терпѣнія дождаться, когда она будетъ обожжена, нарисовала ей синіе глаза, которые были такъ памятны ей; желтые, какъ золото, кудри и алыя, какъ карминъ, губы. Потомъ, зная, что фигурка, пока еще сыроватая, скоро высохнетъ, Уингъ-Ти принялась кроить платье наподобіе костюма иностранныхъ дьяволовъ мужского пола; сшила и одѣла въ него свое произведеніе, съ особеннымъ удовольствіемъ приладивъ бѣлый воротничекъ, галстухъ и полотняный лоскуточекъ, торчащій изъ бокового кармана въ видѣ носового платка.

Кончивъ, м-ссъ Уингъ-Ти улыбнулась, а потомъ вздохнула, потому

что между нею и этой десятивершковой фигуркой, изображавшей «одного въ особенности», предметъ ея тайныхъ мечтаній, словно выползло откуда-то и встало жирное, лоснящееся лицо ея отсутствующаго мужа, Ахъ-Чанга.

Но онъ въ Пекинѣ и вернется только черезъ нѣсколько дней. Она успѣетъ еще высушить фигурку «хорошенькаго мужчины» на солнцѣ за оконной гардиной и налюбоваться ею до возвращенія мужа; потомъ она разобьетъ ее.

Рѣшивъ такимъ образомъ судьбу куклы, миссисъ Уингъ-Ти вдругъ вскочила, бросилась къ окну и стала смотрѣть на улицу сквозь рѣшетчатую ширму. Всѣ ея домашніе сдѣлали то же самое. На улицѣ поднялся гвалтъ, какого она еще никогда не слыхивала, и такъ напугалъ ее, что она совсѣмъ забыла опустить занавѣску передъ фигуркой, которую поставила сушиться на окно. Сплющивъ свой маленькій носъ на бамбуковой ширмѣ, она глядѣла сквозь нее въ узкую улицу, гдѣ собралась толпа народа, производившая адскій шумъ. Толпа стучала сковородами, палками, полѣньями и бѣгала взадъ и впередъ по обѣимъ сторонамъ улицы, между тѣмъ какъ по срединѣ бѣсился пони, становился на дыбы, лягался, кусался и ржалъ, какъ дьяволъ. На немъ сидѣлъ всадникъ, по наружности и по платью иностранецъ; но голова его была такъ низко нагнута между ушами лошади, на которой онъ почти лежалъ съ согнутыми колѣнями, что лица совсѣмъ не было видно.

— Иностранный мандаринъ пришелъ на рынокъ выбрать пони для скачекъ; пробуетъ вотъ этого; ничего не можетъ сдѣлать. Убьетъ пони иностраннаго мандарина!—почтительно замѣтилъ одинъ изъ слугъ на дворѣ, откуда миссъ Уингъ-Ти и нянька ея давно убѣжали въ покои миссиссъ Уингъ-Ти.

Послѣдняя въ возбужденіи покачала головой. Она еще никогда въ жизни не видѣла ничего такого волнующаго, какъ эта безумная, упорная борьба за превосходство силъ между человѣкомъ и животнымъ.

На круглыя, желтыя щеки китаянки набѣжала розовая краска; маленькіе, хорошенькіе глазки ея заблестѣли; она сжимала кулаки и тяжело дышала, глядя, какъ перевѣсъ силъ колеблется между лошадью и всадникомъ.

Если бы м-ссъ Уингъ-ти не пробыла нѣсколько времени въ миссіонерской школѣ, она отвернулась бы отъ окна, узнавъ причину шума, и единственнымъ чувствомъ, которое она вынесла бы изъ этого зрѣлища, было бы, вѣроятно, флегматичное желаніе, чтобы китайское животное одержало верхъ надъ иностраннымъ дьяволомъ. Но теперь въ душѣ ея происходило нѣчто совсѣмъ другое. Когда злое четвероногое, съ послѣднимъ напряженіемъ силъ, перебросило двуногаго противника черезъ свою голову на крыльцо дома м-ссъ Уингъ-Ти и, ударивъ его задними копытами въ покрытое кровью и грязью лицо, съ торжествую-

щимъ ржаніемъ убѣжало обратно на рыночную площадь, м-ссъ Уингъ-Ти всплеснула руками и промолвила сквозь стиснутые зубы негодующее, мстительное: «О!».

Двое изъ ея слугъ внесли пострадавшаго во дворъ. Кули побѣжалъ за докторомъ, который вскорѣ явился и объявилъ, что иностраннаго мистера нельзя ни подъ какимъ видомъ переносить теперь въ другое мѣсто. Были ли у него въ городѣ родные — этого никто не зналъ. Пришедшіе съ рынка люди, въ томъ числѣ и торговецъ, продававшій раненому пони, ничего не могли сообщить о немъ. Городовые, въ своихъ высокихъ, остроконечныхъ шляпахъ съ развѣвающимися кисточками, глядѣли также невозмутимо и безучастно, какъ если бы они родились въ Коркѣ или Дублинѣ. Неизвѣстный мистеръ былъ единственнымъ иностранцемъ, котораго видѣли на рынкѣ въ этотъ день. Кто-то сказалъ: «Несите его въ консульство». Другіе предлагали отнести въ домъ миссіи, или въ церковь, или въ школу.

Но врачъ, хорошо знавшій, не только медицину, но и лежащую на немъ отвѣтственность въ томъ, чтобы больной не пострадалъ по его оплошности, торжественно повторилъ:

— Иностраннаго мистера никуда нельзя переносить, иначе онъ умретъ. Если его оставятъ въ покоѣ, онъ можетъ скоро оправиться. Кости его цѣлы, но у него потрясены нервы, поэтому ему необходимъ покой. Оставьте его здѣсь и обмывайте раны тѣмъ, что я пропишу.

Миссиссъ Уингъ-Ти стояла на цыпочкахъ въ своей комнатѣ и, сдерживая дыханіе, прислушивалась къ словамъ доктора. Когда тотъ ушелъ, она снова подошла къ окну, чтобы посмотрѣть, не узнаетъ ли она въ раненомъ кого-нибудь изъ своихъ знакомыхъ. Выглядывая сквозь бамбуковую ширму, она увидѣла въ окнѣ насупротивъ своего дома толстое лицо, также съ любопытствомъ глядѣвшее на улицу. Это была Лу-ли, дама, мечтавшая когда-то сдѣлаться женою Ахъ-Чанга. М-ссъ Уингъ-Ти отошла отъ окна.

Слуги передали распоряженіе доктора нянькѣ, а нянька пришла сообщить о немъ своей госпожѣ, которая сидѣла теперь на постели съ наружнымъ спокойствіемъ, держа на рукахъ миссъ Уингъ-Ти, расплакавшуюся съ испуга отъ шума.

— Иностранный мистеръ долженъ оставаться здѣсь или умереть. Никто не смѣетъ трогать его, и никто не можетъ объяснить, кто онъ такой. Что прикажетъ ваша милость?

М-ссъ Уингти-Ти живо вспомнила въ эту минуту нѣкоторыя изъ наставленій начальницы миссіонерской школы и она отвѣтила:

— Оставьте его здѣсь. Исполняйте все, что наказывалъ докторъ.

— Но почтенный господинъ нашъ Ахъ-Чангъ не велѣлъ ни подъ какимъ видомъ пускать къ намъ иностранныхъ дьяволовъ. А этотъ, къ тому же, мужчина.

— Почтенный господинъ вашъ въ Пекинѣ. Повинуйтесь моимъ приказаніямъ.

И Уингъ-Ти ясно слышала потомъ сквозь ширмы, что слуги исполняютъ эти приказанія.

Успокоенная дѣвочка заснула. На дворѣ стемнѣло и сквозь щели бамбуковыхъ ширмъ было видно, какъ зажигались одинъ за другимъ фонари. Слуги ушли ужинать, оставивъ няньку караулить, когда иностранный мистеръ очнется. Миссисъ Уингъ-Ти слышала, какъ нянька мочила компрессы въ тазу съ настоемъ изъ перечной мяты съ горчичнымъ масломъ, прописанныхъ докторомъ, и, выжавъ, клала на голову раненаго.

Продолжая прислушиваться, м-ссъ Уингъ-Ти вскорѣ убѣдилась, что нянька также крѣпко заснула, какъ и ея питомица. Все стихло, лишь семеро американскихъ часовъ нестройно постукивали. Тогда м-ссъ Уингъ-Ти поднялась съ лежанки, осторожно уложила свою спящую дочь и вышла изъ спальни въ маленькую пріемную, гдѣ, по распоряженію доктора, былъ положенъ на маты иностранецъ.

Голова его лежала лицомъ къ стѣнѣ на обитомъ сукномъ деревянномъ обрубкѣ, какіе служатъ у китайцевъ подушкой, и свѣтъ фонаря падалъ пятнами на его распростертую фигуру. М-ссъ Уингъ-Ти, приложивъ палецъ къ губамъ, осторожно приблизилась. Въ примитивной душѣ ея шла борьба между традиціями ея родины и наставленіями добрыхъ дамъ миссіонерской школы, которыя такъ заботливо ухаживали за больными, какъ женщинами, такъ и мужчинами, во время тифозной эпидеміи въ Пекинѣ. Любопытство перетянуло вѣсы въ сторону западнаго идеала человѣколюбія и жена Ах-Чанга подошла къ незнакомцу и наклонилась надъ нимъ, всматриваясь въ его лицо. Глаза ея широко раскрылись. Она, не отворачиваясь, протянула руку къ ближайшему фонарю, навела свѣтъ прямо на лицо больного и радостно улыбнулась. Это былъ «одинъ въ особенности». Бѣднякъ былъ все такъ же далекъ отъ обладанія Віолетой Уркуартъ въ Честерѣ-на-Ди, какъ и пять лѣтъ назадъ, и все такъ же страстно влюбленъ въ нее; но и она, съ своей стороны, оставалась вѣрна ему и не теряла надежды. Онъ продолжалъ гоняться за вѣтреной фортуной, избравъ средствомъ въ послѣднее время беллетристическую литературу.

М-ссъ Уингъ-Ти улыбалась въ продолженіи цѣлой минуты, пока храпъ няньки не напомнилъ ей о положеніи дѣлъ. Тогда она собственными руками намочила компрессъ и наложила его на страшно разбитый лобъ своего безчувственнаго гостя. Вставъ на колѣни, она раздвинула маленькой ложкой его зубы и влила ему въ ротъ прописанное докторомъ лѣкарство. Она глядѣла на раненаго блестящими глазами; наконецъ протянула пальчикъ и нѣжно погладила его по щекѣ.

«Хорошенькій мужчина,—прошептала она и минуты двѣ простояла неподвижно, погруженная въ созерцаніе.—Очень хорошенькій мужчина!» Она подошла къ шкапику, достала изъ него пачку молитвъ, написанныхъ желтой краской, и сожгла ихъ, а потомъ зажгла куритель-

ныя свѣчи. Когда комната наполнилась облаками душистаго дыма, фантастически извивавшимися, то густѣя, то рѣдѣя, Сесиль Уинтонъ открылъ глаза и, снова взглянувъ на міръ сознательнымъ взоромъ, увидѣлъ хорошенькую китайскую дамочку. Онъ не шевелился, приподнявъ только вѣки, но тотчасъ смекнулъ, что находится въ домѣ людей почтеннаго ранга, и что прелестная желтолицая дамочка—его хозяйка. Онъ только пробормоталъ про себя два слова: «Мѣстный колоритъ».

Пока м-ссъ Уингъ-Ти жгла молитвы и совершала воскуренія, гость ея чуть-ли не въ десятитысячный разъ воображалъ, что онъ напалъ, наконецъ, на сюжетъ повѣсти, которая произведетъ сенсацію и будетъ имѣть такой ошеломляющій успѣхъ, что издатели, антрепренеры, драматурги и театральныя звѣзды вцѣпятся въ полы его сюртука; онъ женится на миссъ Віолетѣ Уркуардъ и немедленно заведетъ себѣ замокъ, яхту, охотничью свору и скаковыхъ лошадей безъ малѣйшаго опасенія, что въ кассѣ его окажется дефицитъ.

Эта маленькая, граціозная фигурка въ изящной черной одеждѣ, застегнутой на двѣ золотыя пуговицы и какимъ-то загадочнымъ способомъ выдававшая, скрывая, контуры прикрываемыхъ ею формъ, не совсѣмъ пряча и маленькую ножку страннаго фасона; эти висящія золотыя кисти съ жемчугомъ въ круглыхъ ушкахъ; хитроумная прическа мягкихъ волосъ, поддерживаемая длинными золотыми шпильками; облака дыма, въ которыхъ представилось больному видѣніе; сонное чиликанье птицы, сидѣвшей на жерди у его ногъ; пропитанный ароматомъ воздухъ, спящая вдали на матѣ женщина, ясно, что все это, являвшееся благодаря ударамъ проклятаго, а можетъ быть, и благословеннаго животнаго, должно «произвести» романъ.

Больной лежалъ смирно, глядѣлъ и ждалъ. М-ссъ Уингъ-Ти, исполнивъ всѣ свои жертвоприношенія, вернулась къ его постели и увидѣла, что глаза его широко раскрыты. Прослѣдивъ направленіе его взгляда, она убѣдилась, что онъ пристально смотритъ на фигурку «одного въ особенности», которую она поставила за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ на окно, сушиться на солнцѣ.

М-ссъ Уингъ-Ти скользнула черезъ комнату и задернула передъ куклой вышитую занавѣску. Но Сесиль Уинтонъ уже успѣлъ замѣтить сходство—оно было несомнѣнно схвачено въ фигуркѣ—и пришелъ въ безпредѣльный восторгъ. Онъ тотчасъ прибавилъ виллу въ Ниццѣ къ каталогу другихъ богатствъ, которыя долженъ былъ принести ему его романъ, и рѣшилъ приступить къ нему лишь только получитъ возможность двигаться (онъ уже пробовалъ дѣлать это).

М-ссъ Уингъ-Ти опять вернулась къ нему и они довольно скоро сдѣлались почти друзьями. Уинтонъ могъ, съ грѣхомъ пополамъ, объясняться по-китайски, а хозяйка его владѣла коллекціей англійскихъ словъ, которую она берегла и прятала отъ своего мужа, повторяя ихъ только наединѣ сама съ собою. Ахъ-Чангъ строго приказалъ

ей забыть все, что она слышала, или чему выучилась въ миссіонерской школѣ.

Уинтонъ подробно разсказалъ ей исторію своей жизни, умолчавъ только о миссъ Віолетѣ Уркуартъ, и попросилъ отправить его въ номеръ гостиницы, гдѣ онъ остановился. Но м-ссъ Уингъ-Ти увѣрила его, что она не смѣетъ ослушаться доктора и, въ свою очередь, разсказала о своемъ пребываніи въ миссіонерской школѣ въ Пекинѣ, и напомнила объ его посѣщеніи этой школы. Онъ радостно объявилъ, что отлично помнитъ это обстоятельство, и поспѣшилъ любезно прибавить, что помнитъ и саму Уингъ-Ти, которую отличилъ, будто бы, среди 98 китайскихъ учениць школы. Словомъ, они препріятно провели съ часъ времени, въ которое храпъ няньки, частая перемѣна компрессовъ и поданное, по приказанію хозяйки, угощеніе вносили своего рода разнообразіе.

Послѣ того, какъ гость умѣренно подкрѣпился ѣдой, м-ссъ Уингъ-Ти своеобразно покачнулась въ видѣ легкаго поклона и, шурша своимъ атласнымъ платьемъ, которое, какъ она льстила себѣ, было вѣрной копіей фасона платьевъ миссіонерскихъ дамъ, ушла къ себѣ, оставивъ больного на попеченіи слугъ, подъ надзоромъ проснувшейся и кающейся няньки.

Поутру опять пришелъ докторъ. Онъ нашелъ, что больному лучше, но все же велѣлъ ему лежать и запретилъ безпокоить его; иначе воспаленіе, распространившееся съ головы на плечо и на правую руку, могло принять хроническій характеръ, который навсегда лишилъ бы иностраннаго мистера употребленія этой руки. Докторъ былъ увѣренъ, что почтенная хозяйка не откажетъ пострадавшему въ пріютѣ.

Угроза опасностью для правой—пишущей—руки была бы способна удержать Уинтона даже въ худшей изъ восточныхъ трущобъ, не только въ этомъ прекрасномъ домѣ, въ сосѣдствѣ съ его очаровательной хозяйкой и съ гипсовой фигуркой, такимъ вѣрнымъ воспроизведеніемъ его особы. Здѣсь онъ не чувствовалъ себя слишкомъ несчастнымъ отъ того, что не могъ ни слова написать миссъ Віолетѣ Уркуартъ.

Къ счастію, миссъ Уингъ-Ти очень полюбила его, равно какъ и слуги, которымъ онъ то и дѣло совалъ «на чай», не заботясь о томъ, что ему предстоитъ жить, въ виду его безпомощнаго положенія, на счетъ своего капитала. Половину времени онъ проводилъ въ мечтахъ о будущемъ, о той чудной странѣ, гдѣ его Віолета будетъ царить надъ множествомъ роскошныхъ вещей. Половина другой половины проходила во снѣ, обычномъ слѣдствіи китайской фармакопеи, осталь ную же четверть онъ проводилъ въ обществѣ м-ссъ Уингъ-Ти.

На седьмой день послѣ несчастнаго приключенія, докторъ разрѣшилъ Уинтону встать и, вмѣсто того, чтобы быть вынесеннымъ на дворикъ кулiями, выйти туда на собственныхъ ногахъ и начать понемногу упражнять свою правую руку. Докторъ выразилъ при этомъ

надежду, что черезъ три дня, съ Божьею помощью, иностранный мистеръ сможетъ идти, куда хочетъ.

Сдѣлавъ указанныя упражненія, Уинтонъ почувствовалъ усталость и легъ на матъ, закрывъ глаза. Тѣмъ временемъ м-ссъ Уингъ-Ти, внимательно слушавшая все, что говорилъ докторъ, глядѣла сквозь ширму въ окно, поджидая, когда этотъ добрый человѣкъ выйдетъ изъ двери на улицу... А на нее глядѣла въ свое окно, съ противуположной стороны улицы, сосѣдка Лу-ли, видѣвшая, какъ Уингъ-Ти сжала свой маленькій кулачекъ и погрозила имъ вслѣдъ доктору. И Лу-ли сказала себѣ: «Дьяволъ докторъ объявилъ Уингъ-Ти, что иностранный дьяволъ выздоровѣлъ и можетъ уходить. Знаю! Хорошо же! Ах-Чангъ долженъ скоро вернуться изъ Пекина и, такъ какъ у Уингъ-Ти нѣтъ никого родныхъ, то я должна разсказать ему, какъ осквернили его домъ, пока онъ находился въ отсутствіи. Давать у себя убѣжище иностранному дьяволу, значитъ навлекать на свой домъ проклятіе, все равно, больной ли этотъ дьяволъ, или здоровый».

Уингъ-Ти отошла отъ окна и, съ маленькой слезкой въ глазахъ, пошла взглянуть на «одного въ особенности». Онъ замѣтилъ слезку, но рыцарски закрылъ свой умственный взоръ для этого инцидента, и не только умственный взоръ, но и вѣки свои опустилъ, когда м-ссъ Уингъ-Ти подошла къ его постели. Быть можетъ, уклоняться отъ чувствительной сцены было трусостью съ его стороны; но такъ какъ онъ былъ однимъ изъ тѣхъ людей, которые не знаютъ другого средства противъ слезъ, кромѣ ласкъ, то, пожалуй, скромность его въ этомъ случаѣ была похвальнѣе, чѣмъ могла бы быть храбрость.

Миссиссъ Уингъ-Ти остановилась у его постели. Ей нечего болѣе дѣлать для него, не нужно мѣшать горчичное масло съ мятнымъ чаемъ, не нужно мочить въ этой смѣси компрессы, и прочее. Нечего скрывать, она пожалѣла объ этомъ; вѣдь сатана и праздность такіе же неразлучные пріятели въ Китаѣ, какъ и въ другихъ странахъ. Полагая, что гость ея спитъ, Уингъ-Ти наклонилась и напечатлѣла самый легкій поцѣлуй на его щекѣ,—такой легкій, словно его задѣла крыломъ какая-нибудь фея. Однако, все же это положило конецъ притворству «одного въ особенности»: онъ обвилъ лѣвою рукою станъ Уингъ-Ти и поцѣловалъ ее въ губы, въ сущности думая въ это время о Віолетѣ Уркуартъ и внутренно улыбаясь при мысли, какъ онъ сознается ей въ этой единственной измѣнѣ.

Уингъ-Ти присѣла на матъ возлѣ больного и промолвила тихимъ голоскомъ:

— Хорошій поцѣлуй! Очень нравится мнѣ!

Сесиль былъ рѣшительно не изъ тѣхъ, кто могъ бы устоять передъ такимъ соблазнительнымъ поощреніемъ; онъ еще разъ поцѣловалъ Уингъ-Ти, на этотъ разъ въ щеку.

— Очень, очень хорошій поцѣлуй! Англійскій мужчина цѣлуетъ не такъ, какъ китайскій.

— Надѣюсь!—горячо вскричалъ Уинтонъ.

— А китайскія дамы цѣлуютъ такъ же, какъ англійскія?—спросила м-ссъ Уингъ-Ти.

— Не совсѣмъ такъ,—отвѣтилъ больной, поглаживая ея лоснистые волосы, пока черная головка не опустилась на его плечо. Легкій вздохъ засвидѣтельствовалъ о довольствѣ ея обладательницы, между тѣмъ, какъ тотъ, кто служилъ ей подушкой, съ недоумѣніемъ ждалъ, что скажетъ далѣе эта языческая дама.

Но м-ссъ Уингъ-Ти ничего не сказала. Она размышляла. Ей припомнилась одна хорошая леди въ миссіонерской школѣ, о которой другія хорошія леди разсказывали, что у нея былъ противный старый мужъ, за котораго ее выдали насильно, и что она хорошо сдѣлала, что потребовала развода съ нимъ и вышла за другого, молодого и красиваго, котораго она очень любила. И Уингъ-Ти спрашивала себя, какъ бы и ей добиться развода съ Ах-Чангомъ. Не пойти ли ей въ христіанскую церковь въ Тіенъ-Цзинѣ, и не разсказать ли тамъ обо всемъ, чтобы узнать, скоро ли можно получить разводъ, и можетъ ли она потомъ выйти замужъ за иностраннаго мистера?

Слѣдуетъ помнить, что идеи м-ссъ Уингъ-Ти были самаго элементарнаго свойства; нахватанныя ею въ школѣ понятія о западной религіи и цивилизаціи представляли удивительный сумбуръ, смѣшавшись въ ея умѣ съ восточнымъ наслѣдіемъ. По ея философіи, причина и слѣдствіе идутъ непосредственно одно за другимъ, и если церковь можетъ избавить ее отъ Ах-Чанга и отдать «одному въ особенности», то къ церкви она и обратится. Она ни минуты не сомнѣвалась, что человѣкъ, на плечѣ котораго она лежитъ, будетъ такъ же счастливъ, сдѣлавшись ея мужемъ, какъ она сама, сдѣлавшись его женой.

Между тѣмъ, Уинтонъ началъ обнаруживать нѣкоторую нервность. Какъ вообще люди его характера, онъ и въ этомъ случаѣ прибѣгнулъ къ ласкамъ: поцѣловалъ ушко м-ссъ Уингъ-Ти, поймалъ ея маленькую желтую ручку. Но вслѣдъ затѣмъ, когда она съ любовью подняла на него въ полумракѣ свои блестящіе глазки, онъ вдругъ вскочилъ и, пробормотавъ про себя: «Чортъ возьми!» прошелся раза два по комнатѣ.

Овладѣвъ собою, онъ сказалъ, постаравшись придать своему голосу спокойный, дѣловитый тонъ, что завтра, рано утромъ, онъ долженъ уѣхать.

— Не завтра! не завтра!—взмолилась Уингъ-Ти съ подавленнымъ рыданіемъ, проникшимъ ему въ самое сердце и заставившимъ внутренно проклясть и китайскаго пони, и день, въ который онъ попалъ въ этотъ домъ. Онъ не отходилъ отъ окна, позволяя сосѣдкѣ Лу-ли, все время наблюдавшей изъ своего окна черезъ очень узкую улицу, видѣть его тѣнь.

— Полноте, Уингъ-Ти,—сказалъ онъ притворно-безпечнымъ тономъ, стараясь объясняться по китайски насколько возможно понятнѣе.—Вы ничѣмъ не увѣрите меня, что вамъ пріятно держать иностраннаго дья-

вола въ вашемъ почтенномъ домѣ долѣе, чѣмъ необходимо. Скоро вернется вашъ мужъ и вы не будете болѣе скучать въ одиночествѣ.

Онъ вышелъ изъ комнаты и остановился посреди двора, засунувъ руки въ карманы и напѣвая какой-то веселый мотивъ, хотя на душѣ у него было вовсе не весело. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ, кто убѣжденъ—какъ ни странно кажется это инымъ — что женщину не слѣдуетъ стѣснять въ ея привязанностяхъ, даже если бы онѣ казались случайною прихотью; тѣмъ болѣе чести дѣлаетъ ему то, что онъ продолжалъ напѣвать свой веселый мотивъ. Никто не мѣшалъ этому цѣлыхъ пять минутъ, какъ показывали всѣ американскіе часы. М-ссъ Уингъ-Ти сидѣла въ это время на своихъ матахъ, опершись локтями на колѣни и опустивъ голову на руки, и обдумывала положеніе дѣлъ.

Значитъ, «одинъ въ особенности» не хочетъ быть ея мужемъ, если бы церковь и сдѣлала ея христіанкой, какъ въ миссіонерской школѣ. Значитъ, надо оставаться женой Ахъ-Чанга, котораго она терпѣть не можетъ. Значитъ, иностранный мистеръ уѣдетъ и она не увидитъ его болѣе никогда—никогда! Отъ этихъ мыслей не одна слеза, а цѣлый ливень слезъ смочилъ ея круглыя желтыя щеки, оставивъ соленый вкусъ на ея губахъ, и оросилъ ея изящный нарядъ.

Сесиль Уинтонъ, который охотно выпрыгнулъ бы въ эти минуты въ окно, продолжалъ однако пѣть; голосъ его сталъ даже громче и выразительнѣе, когда онъ замѣтилъ рыданія, потрясавшія хозяйку дома.

Но она вдругъ перестала плакать, встала и осушила глаза. На жалкомъ, заплаканномъ личикѣ ея появилась принужденная гордая улыбка.

— Хорошо поетъ мистеръ. Такъ пѣли въ миссіонерской школѣ въ Пекинѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—вскричалъ Уинтонъ радостно и съ глубочайшимъ интересомъ.—А вы поете, Уингъ-Ти? Спойте мнѣ, пожалуйста, какой-нибудь гимнъ, которому васъ учили въ школѣ.

Миссисъ Уингъ-Ти вздернула свой маленькій носикъ. Что ей за дѣло теперь до миссіи, до церквей, до гимновъ ихъ.

— Забыла,—отвѣтила она коротко.—Забыла всѣ иностранныя пѣсни. Не люблю ихъ!

И носикъ поднимался все выше и выше.

Уинтонъ, за минуту передъ тѣмъ огорченный, теперь искренно забавлялся; китайская кокетка была для него совершенно новымъ явленіемъ. Какую интересную черту внесетъ это въ его романъ!

Онъ засмѣялся и приблизился къ Уингъ-Ти шага на два.

— Не люблю иностранныхъ пѣсенъ, не люблю иностранныхъ дамъ, иностранной музыки, иностранныхъ кушаньевъ! (Она была слишкомъ учтива и правдива, чтобы включить и иностранныхъ мужчинъ). Люблю все китайское!

М-ссъ Уингъ-Ти сѣла на цыновку, открыла свой вѣеръ и стала обмахиваться имъ. Уинтонъ придвинулъ къ ея мѣсту другую цыновку и сѣлъ на нее.

— Любите все китайское?—спросилъ онъ съ однимъ изъ тѣхъ взглядовъ, который бросаетъ мужчина, устоявшій въ борьбѣ за долгъ, на потерянный рай, такъ какъ ни одинъ не прощаетъ себѣ вполнѣ добровольнаго отреченія отъ рая.

— Все китайское!—весело отвѣтила Уингъ-Ти.

— Въ такомъ случаѣ, хотите, я спою вамъ китайскую пѣсню?—предложилъ Уинтонъ, нѣсколько озадаченный.

— Очень рада, благодарю. Пожалуйста!

По западнымъ понятіямъ, у Сесиля былъ прекрасный голосъ, а по восточнымъ, быть можетъ, совсѣмъ наоборотъ; но миссіонерская школа оставила свой слѣдъ и на музыкальномъ вкусѣ Уингъ-Ти. Во всякомъ случаѣ, въ голосѣ Уинтона были такія ноты, которыя непремѣнно должны были доходить до женскаго сердца,—все равно, интересовалъ ли его пѣвецъ, или нѣтъ. Онъ избралъ китайскую пѣсню изъ вниманія къ заявленному Уингъ-Ти предубѣжденію, но мотивъ былъ итальянскій и очень мелодичный. Вотъ слова пѣсни въ построчной передачѣ.

Ты мила, какъ вѣтеръ, проносящійся по рисовымъ полямъ;
Ты такая же рѣдкость, какъ снѣгъ, попавшій въ объятія сосны;
Ты прекрасна, какъ радужный фазанъ,
Летящій зимою съ горъ напиться у рѣки;
Ты полна очарованій, какъ восемь жемчужинъ,
О, маленькая женщина миндальнаго цвѣта!
Твоимъ гладкимъ волосамъ,
Мягкимъ и чернымъ, какъ утиная головка,
Твоимъ одеждамъ, красивымъ какъ перья райской птицы,
Твоей благородной ножкѣ, маленькой, какъ лапа барсука,
Я поклоняюсь.
Твои глазки, блестящіе какъ глаза тигра,
Я цѣлую.
Ты вишневый цвѣтъ, висящій передо мной на вѣткѣ;
Я срываю тебя и прижимаю,
Къ моему смиренному и недостойному сердцу.

Онъ пѣлъ и думалъ о миссъ Віолетѣ Уркуартъ, но подъ конецъ мысли его вернулись въ Тіенъ-Цзинъ, къ хозяйкѣ дома, и онъ не безъ любопытства посмотрѣлъ на нее. Желтое личико было ясно и непроницаемо.

— Очень, очень хорошенькая пѣсня!—сказала она чисто условнымъ тономъ.—Очень благодарна. Очень большой пѣвецъ.

Уинтонъ поклонился. Въ обращеніи съ нимъ хозяйки чувствовалась какая-то отчужденность, не позволявшая ему вернуться къ прежнимъ дружескимъ отношеніямъ. Онъ на минуту растерялся и, чтобы скрыть это, наклонился къ миссъ Уингъ-Ти, сидѣвшей посреди своихъ игрушекъ, и взялъ ее на руки. Посадивъ ее къ себѣ на плечо, такъ какъ правая рука его была еще слаба, онъ сѣлъ на маты, пересадилъ дѣвочку на свое колѣно и сталъ трясти его, заставляя ее подпрыгивать, какъ будто она ѣдетъ верхомъ. Эта забава, уже испытанная въ предшествовавшіе дни, очень нравилась малюткѣ.

— Ха!—смѣялся Уинтонъ,—миссъ Уингъ-Ти сдѣлалась славной наѣздницей! Вотъ такъ! Поскачемъ на палочкѣ къ зеленой лавочкѣ!

Миссъ Уингъ-Ти весело смѣялась, но мать ея сказала:

— Дитя любитъ это. Поблагодари янъ-се-санга (иностраннаго господина). Уингъ-Ти пора спать. Пойдемъ!

— Повремените минуту,—просилъ Уинтонъ, видя, что дитя надуло губки; но мать съ рѣдкимъ достоинствомъ взяла малютку на руки съ колѣна, на которомъ та сидѣла, и сдѣлала передъ гостемъ свой забавный маленькій книксенъ, говоря;

— Спокойной ночи, пріятныхъ сновъ!

Сесиль вскочилъ и протянулъ руку, но китаянка, казалось, не замѣтила этого жеста.

— Уѣзжать мнѣ завтра?—спросилъ онъ, глядя въ ея непроницаемое восточное лицо.

— Не надо уѣзжать завтра. Проси иностраннаго мистера,—учила она дочь,—не уѣзжать завтра. Уингъ-Ти даетъ завтра пиръ; янъ-се-сангу будетъ весело. Нѣтъ, не надо уѣзжать завтра.

Это было сказано любезнымъ и мягкимъ тономъ, но совершенно объективно. Тѣмъ не менѣе, «одинъ въ особенности» рѣшилъ остаться на празднество, которое, какъ онъ узналъ отъ слугъ, готовилось спеціально въ его честь.

Уинтонъ долго не могъ заснуть въ эту ночь; онъ придумывалъ заглавія для главъ своего будущаго романа. Въ предвидѣніи колоссальнаго успѣха этого произведенія, онъ не могъ дождаться дня, когда больная рука его настолько окрѣпнетъ, что позволитъ ему усѣсться за него. Заснувъ, наконецъ, онъ увидѣлъ во снѣ Віолету, красивое, гордое англійское лицо которой приснилось ему въ волнующемся облакѣ ароматичнаго дыма, точь-въ-точь, какъ овальное личико Уингъ-Ти когда онъ увидѣлъ его въ первый разъ.

Что касается этой послѣдней, то ей плохо спалось. Въ мозгу ея царилъ полный хаосъ, въ которомъ впечатлѣнія шестимѣсячнаго пребыванія въ миссіонерской школѣ бились о границы тысячелѣтней наслѣдственности среди отвращенія къ мужу, любви, оскорбленной гордости, уколотаго самолюбія, проснувшейся страсти и стоическаго самообладанія. Она заснула, наконецъ, съ сухими, горячими вѣками, крѣпко сжавъ сложенныя руки.

Въ это самое время мужъ ея Ахъ-Чангъ подъѣзжалъ къ станціи желѣзной дороги. Дѣла его въ Пекинѣ были удачны; онъ взялъ носилки и его принесли домой четверо ловкихъ кули. Около дома никого не было видно, такъ какъ было рано и заря едва занималась. Подойдя къ двери, Ахъ-Чангъ былъ остановленъ рѣзкимъ звукомъ: «Хис-с-стъ!», раздавшимся съ противоположной стороны улицы. Прислушиваясь, онъ услыхалъ вдали звонъ маленькихъ гонговъ, трескотню трещотки, глухой выстрѣлъ за рѣкой; какой-то гулъ со стороны форта, заставившій

дрогнуть тяжелый воздухъ; и крикъ продавца головныхъ шпилекъ на улицѣ. Долго помнилъ онъ потомъ, какъ явственно слышались ему всѣ эти обычные, незначительные звуки въ тишинѣ между первымъ «Хис-с-стъ!» и вторымъ, раздавшимся съ того же пункта!

Онъ отвѣтилъ не громко, но явственно и на чистомъ пекинскомъ языкѣ:

— Что вамъ? Хотите сказать мнѣ что-нибудь?

Тогда изъ дома на противоположной сторонѣ улицы вышелъ братъ Лу-ли, который приходилъ къ Ахъ-Чангу за шесть лѣтъ передъ тѣмъ предлагать ему въ жены свою сестру. Подойдя къ сосѣду съ поклономъ и самоуничижительными комплиментами, онъ передалъ ему всѣ свѣдѣнія о происходящемъ въ его домѣ, которыя поручила ему передать его зоркая и наблюдательная сестра, не оцѣненная въ свое время по достоинству своимъ сосѣдомъ.

Исполнивъ порученіе, братъ Лу-ли откланялся съ новыми изысканными комплиментами и вернулся домой, сдѣлавъ знакъ поджидавшей его сестрѣ. Ахъ-Чангъ остался стоять на томъ же мѣстѣ.

Ни одинъ мускулъ не измѣнился на его лицѣ; казалось, будто онъ стоитъ, наслаждаясь свѣжимъ утреннимъ воздухомъ. Немного погодя, онъ повернулся и пошелъ по направленію къ улицѣ, гдѣ жилъ его старый пріятель Фонгъ-Фу. Сдѣлавъ ему короткій визитъ, онъ отправился въ чайный домъ, гдѣ велѣлъ подать себѣ чаю. Тамъ онъ досталъ изъ кармановъ свои дѣловыя бумаги и долго—часовъ шесть подъ рядъ—читалъ ихъ и перечитывалъ. И во все это время выраженіе его лица не измѣнялось и въ поведеніи его не замѣчалось ни нетерпѣнія, ни коварства, ни гнѣва.

Черезъ полчаса по уходѣ его отъ Фонгъ-Фу, у дома Ахъ Чанга остановилась маленькая пекинская каретка съ мягкими подушками и съ опущенными занавѣсками. Снаружи ея примостились, съ одной стороны, служанка, съ другой—кучеръ, правившій запряженнымъ въ каретку пони. Когда экипажъ остановился у дома Ахъ-Чанга, служанка вошла въ дверь и передала Уингъ-Ти письмо отъ своей госпожи, жены Фонгъ-Фу, заключавшее въ себѣ любезное приглашеніе сейчасъ же пріѣхать провести съ нею день, какъ она уже не разъ обѣщала, а также привезти съ собою миссъ Уингъ-Ти съ ея нянькой.

М-ссъ Уингъ-Ти получила это пріятное приглашеніе въ то время, когда она сидѣла на своей постели и убирала свои волосы. Китайская женщина, спитъ ли она, или бодрствуетъ, проводитъ большую часть своего дня на матахъ, постланныхъ на широкой лежанкѣ фута въ два вышиною.

Уингъ-Ти давно ждала этого приглашенія. Она говорила Ахъ-Чангу, передъ его поѣздкой въ Пекинъ, что ей очень хотѣлось бы сдѣлать этотъ визитъ, и онъ далъ на это свое согласіе, если бы она получила приглашеніе. Фонгъ-Фу былъ его добрый другъ, помогавшій ему задабривать таможенныхъ чиновниковъ въ дѣлахъ экспортной торговли.

Уингъ-Ти никогда не выѣзжала въ гости; у китаянокъ, ведущихъ почти тюремную жизнь, это не въ обычаѣ. Но Уингъ-Ти, лишенная патріархальной семьи, была въ правѣ пользоваться такою привилегіей, и разъ, что ее звали, назначая время, она должна была ѣхать.

Но какъ же быть съ пиромъ, на который она уже пригласила своего гостя? Ея понятія объ этикетѣ требовали, чтобы пиръ состоялся, хотя бы и въ отсутствіе хозяйки. Она написала два слова въ объясненіе своему гостю и тотъ, въ своемъ отвѣтѣ, среди многихъ комплиментовъ, заявилъ, что безъ нея пиръ не будетъ для него пиромъ, и что онъ разсчитываетъ на позволеніе увидѣть ее вечеромъ по возвращеніи ея домой, и желаетъ ей благополучно и весело провести день. Письмо это было каплей дрожжей для сердца Уингъ-Ти, какъ было бы и для дамы западнаго полушарія при подобныхъ обстоятельствахъ. Она хохотала и хлопала въ ладоши, забавляясь съ миссъ Уингъ-Ти за опущенными занавѣсками пекинской каретки, которая трясла и подбрасывала ихъ на ужасной мостовой; она улыбалась и была любезна въ гостяхъ у м-ссъ Фонгъ-Фу, и очень заинтересовалась ея вышивками и вѣерами; но все это благодаря увѣренности, что подъ конецъ дня она вернется домой, гдѣ ждетъ ее «одинъ въ особенности». Она знала, что на слѣдующій день онъ уѣдетъ навсегда, и понимала, что сдѣлала ошибку, перетолковавъ его чувства къ ней, но, тѣмъ не менѣе, крѣпко цѣплялась за надежду еще разъ увидѣть его передъ разлукой.

Часа въ три пополудни Ахъ-Чангъ собралъ свои бумаги и отправился изъ чайной домой. При переходѣ черезъ дворъ коса его зацѣпилась за букли портьеры и, обернувшись, чтобы освободить ее, онъ увидѣлъ на окнѣ, въ яркомъ солнечномъ освѣщеніи, фигурку «хорошенькаго мужчины». Онъ внимательно осмотрѣлъ ее, но не тронулъ и выраженіе лица его не измѣнилось. Опустивъ занавѣсъ, онъ далъ знать домашнимъ о своемъ прибытіи.

Слуги не замедлили разсказать ему о приключеніи съ иностраннымъ мистеромъ; о предписаніяхъ доктора; о приглашеніи, пришедшемъ отъ миссъ Фонгъ-Фу и объяснявшимъ отсутствіе хозяйки дома, и о заказанномъ обѣдѣ, который былъ уже готовъ. Всѣ радовались, что высокочтимый хозяинъ дома возвратился изъ Пекина какъ разъ во время, чтобы предсѣдательствовать за столомъ и оказать честь иностранному мистеру, такому ласковому и щедрому на деньги.

Слуги спрашивали, не желаетъ ли почтенный господинъ ихъ сейчасъ принять этого иностранца, который весь день не выходилъ изъ своей комнаты и завтра утромъ собирается уѣхать совсѣмъ. Само собою разумѣется, что почтенный господинъ былъ радъ познакомиться съ гостемъ, находившимся подъ его кровомъ, и тотчасъ послалъ слугу звать его къ себѣ.

Уинтонъ совсѣмъ не разсчитывалъ на такую встрѣчу, но, послѣ первой минуты удивленія, онъ нашелъ, что судьба распорядилась умно,

дополнивъ «мѣстный колоритъ» этой новой черточкой; поэтому онъ вышелъ на дворикъ, гдѣ находился хозяинъ, съ самымъ привѣтливымъ видомъ.

Уинтонъ вообще обладалъ очень привлекательными манерами, располагавшими къ нему всякаго, съ кѣмъ онъ ни встрѣчался, какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ. Онъ сознавалъ это, но не тщеславился, хотя былъ благодаренъ судьбѣ за такой даръ.

Остановившись на полсекунды за портьерой у входа во дворикъ, онъ со смѣхомъ поймалъ себя на подготовленіи улыбки для встрѣчи съ мужемъ Уингъ-Ти. Онъ былъ увѣренъ, что можетъ понравиться всякому, и увѣренность эта постоянно оправдывалась опытомъ.

Казалось, и на этотъ разъ счастье не измѣнило ему. Ахъ-Чангъ привѣтствовалъ его, какъ стараго знакомаго, и выражалъ ему на прекрасномъ англійскомъ языкѣ свое участіе, огорченіе, состраданіе и удовольствіе, слушая исторію несчастнаго приключенія и эпилогъ ея. Онъ сказалъ, что считаетъ за честь присутствіе въ его домѣ такого пріятнаго гостя, и выразилъ величайшее удовольствіе, что жена его позаботилась приготовить въ честь гостя обѣдъ, который вскорѣ должны были подать.

Съ своей стороны, и Уинтонъ былъ совершенно очарованъ прямымъ и мужественнымъ тономъ хозяина дома. Онъ былъ съ нимъ вполнѣ откровененъ, какъ считалъ своимъ долгомъ быть съ человѣкомъ, домъ котораго служилъ ему кровомъ въ продолженіи цѣлыхъ семнадцати дней. Ахъ-Чангъ узналъ, что гость его писатель и всего три недѣли, какъ въ Тіенъ-Цзинѣ, гдѣ раньше онъ никогда не бывалъ и никого не знаетъ, вслѣдствіе чего и очутился въ такомъ странномъ положеніи; онъ узналъ, что у него есть мать и сестры, и не узналъ только о существованіи миссъ Віолеты Уркуартъ въ Честерѣ-на-Ди. Къ тому времени, когда доложили, что поданъ обѣдъ, два джентльмена были уже по наружности наилучшими друзьями. Ахъ-Чангъ, съ достоинствомъ вполнѣ благовоспитаннаго хозяина, извинился, что онъ отлучится на нѣсколько минутъ, такъ какъ желаетъ убѣдиться, что все приготовлено какъ слѣдуетъ къ угощенію гостя.

Ахъ-Чангъ вошелъ послѣ того въ свою комнату, взялъ съ полки изъ большого шкафа банку съ инбирнымъ вареньемъ и вскрылъ ее; потомъ досталъ изъ другого, маленькаго шкафа стклянку съ какимъ-то порошкомъ и обильно посыпалъ имъ варенье, старательно вмѣшивалъ порошокъ въ густой сиропъ, въ которомъ онъ растворялся. Когда весь порошокъ изъ стклянки былъ такимъ образомъ поглощенъ сиропомъ, Ахъ-Чангъ закрылъ банку крышкой, поставилъ пустой пузырекъ на прежнее мѣсто и, взявъ варенье, вернулся съ нимъ въ пріемную, гдѣ его ждалъ Уинтонъ.

— Вотъ я хочу угостить васъ очень вкуснымъ консервомъ. Я посылаю его въ Пекинъ. Вѣдь англичане любятъ сладкое послѣ обѣда. Это очень вкусная вещь, я буду радъ, если вамъ понравится, — гово-

рилъ хозяинъ, раздвигая бамбуковую портьеру и, съ низкимъ поклономъ, приглашая гостя пройти первымъ. Но англичанинъ, достаточно хорошо знавшій китайскій этикетъ, отклонилъ эту честь, объявивъ, что онъ ни за что въ мірѣ не воспользуется ею. Съ своей стороны и Ах-Чангъ отказывался пройти первымъ, говоря, что его ничтожный и презрѣнный домъ не достоинъ даже, чтобы въ него входилъ такой гость. Сесиль Уинтонъ возражалъ въ подобныхъ же самоуничижительныхъ фразахъ, пока, наконецъ, по истощеніи всѣхъ формъ восточной учтивости, гость не вошелъ на дворъ, гдѣ былъ накрытъ столъ. Хозяинъ послѣдовалъ за нимъ, держа банку, которую онъ поставилъ передъ приборомъ по лѣвую руку отъ своего мѣста.

У стола возобновилась борьба учтивостей изъ-за того, кому первому садиться. Обѣ стороны долго отклоняли отъ себя эту честь, пока, наконецъ, и гость и хозяинъ, не очутились сидящими за столомъ, Сесиль—по лѣвую руку хозяина, такъ какъ это мѣсто считается почетнымъ на Востокѣ.

Первымъ былъ поданъ дессертъ: блестящіе, засахаренные орѣхи; крупнѣйшія и сладчайшія груши; мелкій, очень сладкій и свѣжій, какъ только что сорванный виноградъ, хотя онъ нѣсколько мѣсяцевъ пролежалъ въ пескѣ; затѣмъ послѣдовали: какой-то странный пирогъ, начиненный вареными креветками и рублеными овощами; нѣжные бамбуковые побѣги; роскошное пирожное; пористый сѣрый китайскій хлѣбъ; каштаны, рисъ, цѣлыя утки въ мискахъ съ бульономъ; клейкія темно-коричневыя яйца; рыба въ супѣ, приправленномъ ароматной осокой, и многія другія блюда, заказанныя хозяйкою дома для угощенія «одного въ особенности». Гость, скрѣпя сердце, отвѣдывалъ всего подъ дождемъ улыбокъ поощрявшаго его гостепріимнаго хозяина. У него не хватило рѣшимости отвѣдать только клейкихъ яицъ, два года пролежавшихъ въ птичьемъ клеѣ. Забывшись, онъ отдалъ свою тарелку слугѣ для перемѣны. Слуга принялъ ее неохотно.

— У насъ есть примѣта,—замѣтилъ Ахъ-Чангъ, пристально глядя на гостя:—мѣнять тарелку, значитъ, хозяйка дома скоро умретъ.

— Можетъ ли быть?—вскричалъ Сесиль, упрекая себя.— Неужели я сдѣлалъ такую оплошность? Верните мнѣ, пожалуйста, тарелку!

— Поздно; дѣло сдѣлано,—возразилъ хозяинъ, работая своими палочками надъ уткой, и опять принялся уповаривать Сесиля «кушать побольше, кушать до сыта».

— Но, конечно, вы, мистеръ Чангъ, при вашей опытности, путешествіяхъ, связяхъ, знакомствѣ съ западнымъ міромъ, не...—гость запнулся.

— Не суевѣренъ?—досказалъ Ахъ-Чангъ.

Уинтонъ сдѣлалъ утвердительный жестъ.

— Конечно, нѣтъ. Суевѣріе годится для кули, для слугъ; оно, какъ и религія у васъ, сдерживаетъ простой народъ. Китаецъ уменъ, видитъ много странъ и мало во что вѣруетъ.

Говоря это, китаецъ шутливо подмигивалъ и машинально игралъ крышкой банки съ инбирнымъ вареньемъ... Уинтонъ смѣялся.

— Бывали вы когда-нибудь въ нашихъ церквахъ, мистеръ Чангъ?— спросилъ онъ, изучая мѣстный колоритъ, который съ каждымъ часомъ представлялъ для него все новыя и новыя фазы.

Ахъ-Чангъ наклонилъ голову.

— Прекрасная религія, -- сказала.онъ, — очень нравится мнѣ. Я люблю англійскій языкъ, англійскія манеры, обычаи. Хорошій народъ. Хорошія дамы. Хорошіе купцы, не прижимаютъ. Хорошая семейная жизнь, и въ Англіи, и въ Америкѣ; хорошая нравственность,—все хорошо!

— Дорогой сэръ!—вскричалъ Уинтонъ, искренно обрадованный, встрѣчая въ китайцѣ такой либерализмъ,—вы изумляете меня. Вѣдь вы знаете, я англичанинъ.

— Знаю,—отвѣтилъ Чангъ,—и поэтому хочу спросить васъ кой-о чемъ, съ вашего позволенія.

— Я весь къ вашимъ услугамъ, дорогой мистеръ Чангъ. Спрашивайте меня о чемъ хотите. Я ничѣмъ не въ состояніи отплатить вамъ за знакомство съ семейной китайской жизнью, которымъ я обязанъ вашему гостепріимству.

Китаецъ поклонился.

— Очень хорошо. Благодарю. Такъ скажите мнѣ, какъ вы думаете, будетъ ли выгодно для меня экспортировать нѣкоторые товары въ Ливерпуль, напримѣръ: чай, инбирь, шелковыя ткани, ширмы, жемчугъ, хорошіе инбирные консервы, вродѣ вотъ этого.

Китаецъ снялъ крышку съ варенья и придвинулъ банку къ гостю вмѣстѣ съ одной изъ вилокъ, которыя были поданы на столъ въ видѣ уступки западнымъ предразсудкамъ.

— Попробуйте этого варенья. Очень вкусно. Совсѣмъ особенный ароматъ. Если оно вамъ понравится, то, я думаю, и всѣ другіе англичане и американцы будутъ охотно кушать его.

Уинтонъ зацѣпилъ вилкой значительный кусочекъ инбиря, съ котораго капалъ чистый сиропъ, и отвѣдалъ его съ видимымъ наслажденіемъ.

— Очень хорошо! Какія-то совсѣмъ новыя пряности, не правда ли?—спросилъ онъ, беря еще кусочекъ.

— Совершенно новыя,—отвѣтилъ китаецъ. Онъ положилъ правый локоть на столъ, оперся щекой на пальцы и пристально глядѣлъ въ лицо гостя.

— Вамъ нравится? спросилъ онъ, поглаживая пальцемъ верхнюю губу.

— Восхитительно; это нектаръ. Сильно пряный, но соблазнительный вкусъ. Вѣдь я лакомка, я...—онъ протянулъ вилку, чтобы взять еще варенья и съ аппетитомъ проглотилъ его подъ невозмутимымъ взглядомъ Ахъ-Чанга.

— Вкусно? Нравится? — спросилъ тотъ, положивъ на столъ и другой локоть и опершись на руки подбородкомъ. Онъ придвинулъ немного свое

лицо къ англичанину, продолжая неуклонно глядѣть на него.—Кушайте еще.

Но вилка съ липкимъ вареньемъ выпала изъ руки Уинтона; всѣ мышцы его, съ головы до пятъ, разслабли, глаза выкатились, голова упала на спинку стула, ротъ широко раскрылся и языкъ высунулся изъ него. Онъ не могъ болѣе шевельнуть ни однимъ членомъ. Передъ глазами его опять плыли облака ароматичнаго тумана, но онъ видѣлъ сквозь нихъ не маленькое личико Уингъ-Ти и не аристократическій обликъ Віолетты Уркуартъ, а жирное, желтое, лоснистое, круглое, какъ мѣсяцъ, лицо Ахъ-Чанга, неподвижно, невозмутимо, безпощадно глядѣвшее на него своими тусклыми маленькими глазками. На секунду, на одну страшную секунду туманъ разсѣялся. Уинтонъ увидѣлъ лицо китайца близко-близко,—и все кончилось.

Цѣлый часъ послѣ того Ахъ-Чангъ сидѣлъ неподвижно, повелительнымъ жестомъ отославъ слугъ, когда они показались изъ пріемной.

Наконецъ, которые-то изъ американскихъ часовъ пробили невозможный часъ и Ахъ-Чангъ, вынувъ собственные часы, взглянулъ на нихъ и всталъ изъ-за стола. Онъ поднялъ на руки безжизненно болтающійся трупъ англичанина, перенесъ его въ спальню своей жены и положилъ на полъ. Осмотрѣвшись вокругъ, онъ увидѣлъ висящій на ширмахъ крѣпкій и широкій шарфъ, красиво связанный изъ краснаго шелка. Чангъ взялъ его, опустился передъ трупомъ на колѣни и, продѣвъ шарфъ черезъ его грудь подъ мышки, завязалъ его за спиной крѣпкимъ узломъ и перетащилъ трупъ къ одному изъ шкафовъ, стоявшихъ по сторонамъ лежанки. Въ этомъ шкафу висѣли платья его жены. Чангъ поднялъ мертвеца и повѣсилъ его за шарфъ на два крюка въ шкафу, а потомъ, притворивъ дверцу, снялъ съ себя башмаки и ушелъ, оставивъ ихъ лежать у шкафа. Придя къ себѣ, онъ надѣлъ другую пару башмаковъ, взялъ шляпу и пошелъ прогуляться, чтобы обдумать на досугѣ, какой для него будетъ великій праздникъ въ тотъ день, когда онъ увидитъ передъ собою тысячъ десять иностранныхъ дьяволовъ, корчащихся въ предсмертныхъ судорогахъ. Онъ надѣялся, что день этотъ наступитъ скоро; но надо, чтобы китайская имперія хорошенько подготовилась къ нему.

Вскорѣ послѣ его ухода къ дому его подъѣхалъ экипажъ, изъ котораго вышли миссъ и м-ссъ Уингъ-Ти, очень довольныя, что благополучно добрались до дому. Послѣдняя была недовольна только тѣмъ, что весь домъ былъ погруженъ въ темноту. На дворѣ еще стояли сумерки и всѣ слуги разбѣжались. Нянька пошла черезъ дворъ въ людскія, посмотрѣть, нѣтъ ли тамъ кого-нибудь изъ нихъ, но никого не нашла. Госпожа ея закричала ей черезъ дворъ, чтобы она не возвращалась, а сварила бы немного рису для дѣвочки и подала его, когда онъ будетъ готовъ.

Щеки м-ссъ Уингъ-Ти были розовыя, какъ лепестки желтой розы

у чашечки. Она отправилась прямо въ свою спальню, посадила дѣвочку на постель, дала ей игрушки, подаренныя м-ссъ Фонгъ-Фу, а сама пошла заглянуть въ пріемную. Тамъ не было ни души. Уингъ-Ти увидѣла на дворѣ все еще накрытый столъ и, зная лѣность слугъ, поняла что они безсовѣстно воспользовались отсутствіемъ хозяйки.

Чу! Ей послышались шаги.

Нѣтъ; это скрипъ рѣшетчатой гардины у окна, качаемой вѣтромъ.

«Одинъ въ особенности» все еще не выходитъ изъ своей комнаты; но, конечно, скоро выйдетъ. Вѣдь онъ навѣрное слышалъ стукъ подъѣхавшаго къ дому экипажа.

Миссиссъ Уингъ-Ти схватилась своего краснаго, шелковаго шарфа, который ей вздумалось надѣть. На ширмѣ, гдѣ она его повѣсила, его не было; она зажгла свѣчу въ фонарикѣ и принялась искать шарфъ по всѣмъ угламъ. Пока она искала, обходя вокругъ комнаты, дочь ея забавлялась подаренной ей трубой, испуская изъ нея какіе-то странные, сдавленные зловѣщіе звуки. М-ссъ Уингъ-Ти остановилась, наконецъ, у своего платяного шкафа и, не замѣчая лежащихъ передъ нимъ башмаковъ, открыла дверцу. Странные звуки стихли, дочь ея перестала играть и въ комнатѣ слышалось только безпорядочное постукиваніе часовъ. Слабый свѣтъ фонаря въ рукѣ Уингъ-Ти упалъ внутрь шкафа— и она нашла свой красный шарфъ.

Уингъ-Ти стояла неподвижно, не дыша, и не сводила глазъ съ синевато-блѣднаго, страшнаго лица висящаго передъ нею человѣка. Потомъ, не слушая лепета ребенка, она поставила фонарь на полъ и въ это время замѣтила башмаки. Она узнала, чьи они, и, пощупавъ рукой внутри, убѣдилась, что они еще теплы. Она опять взяла фонарь и побѣжала на дворъ, къ накрытому столу; на немъ лежали два прибора, и передъ ними стояли два стула. Вернувшись бѣгомъ къ шкафу, Уингъ-Ти приставила къ нему скамью и влѣзла на нее, чтобы достать до лица Уинтона. Она нѣжно погладила его рукой. «Хорошенькій мужчина очень холоденъ! Какъ ледъ холоденъ!» прошептала она и приложилась своими дрожащими пухленькими губками къ губамъ «одного въ особенности». Ее поразилъ странный запахъ его лица. Она потерла рукой его губы, понюхала руку и, соскочивъ со скамьи, опять побѣжала къ накрытому столу. Осмотрѣвъ блюда, она тотчасъ замѣтила банку съ инбирнымъ вареньемъ, понюхала его и съ какой-то странной улыбкой унесла банку въ свою спальню. Тамъ она сѣла на скамью передъ отворенным шкафомъ и принялась ѣсть варенье. Съѣвъ два кусочка, она встала, поставила банку на чайный столикъ въ самомъ отдаленномъ углу комнаты, потомъ легла на свою постель, подложила подъ голову подушку и ждала...

Она совсѣмъ забыла о миссъ Уингъ-Ти, которая слѣзла съ постели и ползала по полу, ища оброненную трубу. Миссиссъ Уингъ-Ти забыла почти все на свѣтѣ, кромѣ лица «одного въ особенности», иностран-

наго мистера съ синеватыми глазами; въ темномъ умѣ ея копошилось что-то похожее на вопросъ: увидитъ ли она его опять когда-нибудь въ какой-нибудь другой, невѣдомой странѣ? Ея сердце, въ которомъ все было такъ туманно особенно съ тѣхъ поръ, какъ она нахваталась поверхностныхъ понятій о западной цивилизаціи—это маленькое сердце оказалось способнымъ къ такой горячей, беззавѣтно-вѣрной и чистой любви, до какой рѣдко поднимается даже западная женщина. Но вотъ миссиссъ Уингъ-Ти забываетъ даже и Уинтона, даже и миссъ Уингъ-Ти... Конецъ!

Миссъ Уингъ-Ти нашла свою трубу и принялась трубить изо всей мочи; а миссиссъ Уингъ-Ти какъ будто улыбается. Вѣроятно она желала бы позвать къ себѣ свою маленькую дочь, но уже не можетъ: она мертвая.

Ахъ-Чангъ, прогулявшись по улицамъ иностраннаго квартала, возвращался домой. Онъ увидѣлъ сквозь рѣшетчатую стору слабый свѣтъ Идя черезъ дворъ въ пріемную, онъ споткнулся, такъ какъ было очень темно, и прошелъ изъ пріемной въ спальню своей жены.

Свѣча на полу въ маленькомъ фонарѣ почти догорѣла и Чангъ на минуту остановился, почти ничего не видя, а потомъ побрелъ ощупью, такъ какъ свѣтъ все уменьшался. Онъ наткнулся на свои башмаки и чуть не упалъ прямо въ объятія мертвеца въ шкафу.

Не видя своей жены, онъ позвалъ ее самымъ мягкимъ тономъ. Отвѣта не было.

Чангъ подошелъ къ лежанкѣ и, ощупавъ стеганыя одѣяла, нашелъ свою жену. Она лежала, закативъ глаза вверхъ въ сторону платяного шкафа. Чангъ сѣлъ на край постели и тихо сидѣлъ пока не вспомнилъ о ребенкѣ. Въ отвѣтъ на окликъ ему послышался съ другого конца комнаты какой-то хриплый звукъ.

Ахъ-Чангъ зажегъ новую свѣчу и, поднявъ ее, увидѣлъ миссъ Уингъ-Ти въ дальнемъ углу комнаты, у чайнаго столика. Она сидѣла на полу и держала между толстыхъ маленькихъ колѣнъ банку съ инбирнымъ вареньемъ. Розовый ротикъ ея былъ набитъ имъ и глаза уже начинали выкатываться, какъ у иностраннаго мистера.

Когда отецъ подошелъ къ ней и взялъ ее на руки, душа ея была уже далеко. Миссъ Уингъ-Ти ушла въ ту самую страну, куда отправились до нея миссиссъ Уингъ-Ти и «одинъ въ особенности».

Волею судебъ было рѣшено, чтобы Ахъ-Чангъ нашелъ, обшаривая карманы Уинтона, письмо его къ миссъ Віолетѣ Уркуартъ въ Честерѣ-на-Ди, написанное въ это самое утро. Въ письмѣ онъ не только отдавалъ точный отчетъ въ причинѣ своего долгаго молчанія, но и описывалъ въ благородныхъ и трогательныхъ чертахъ дѣтски-невинную душу миссиссъ Уингъ-Ти. Ахъ Чангъ внимательно прочелъ это письмо подъ нестройное постукиваніе семи американскихъ часовъ.

Вскорѣ послѣ того онъ женился на Лу-ли.

ДОКТОРЪ ВЕРНЕРЪ ИЗЪ „ГЕРОЯ НАШЕГО ВРЕМЕНИ".

I.

«Тѣ, которые были въ 1837 году въ Пятигорскѣ, вѣроятно давно узнали и княжну Мери, и Грушницкаго, и въ особенности милаго, умнаго и оригинальнаго доктора Майера», говоритъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» Н. М. Сатинъ *). Къ сожалѣнію, до насъ не дошло никакихъ свѣдѣній о тѣхъ лицахъ, которыя послужили первообразами Мери и Грушницкаго. За то мы довольно много знаемъ о Майерѣ, съ котораго Лермонтовъ списалъ своего доктора Вернера: у насъ есть три его характеристики, написанныя людьми, которые находились съ нимъ въ близкой дружбѣ, и въ общемъ совпадающія. Эти матеріалы, вмѣстѣ съ приводимыми ниже письмами самого Майера, даютъ возможность сравнить живое лицо съ его портретомъ, который мы находимъ у Лермонтова, и слѣдовательно бросаютъ свѣтъ на творческую манеру поэта.

И Огаревъ, Филипсонъ, и Сатинъ, оставившіе намъ воспоминанія о Майерѣ, знали его какъ разъ въ тѣ годы (1837—1839), когда наблюдалъ его и когда писалъ свою «Княжну Мери» Лермонтовъ. Вотъ что разсказываетъ о Майерѣ генералъ Филипсонъ, бывшій позднѣе попечителемъ петербургскаго учебнаго округа **).

«Изъ новыхъ знакомыхъ особенно замѣчателенъ былъ Н. В. Майеръ. Дружбѣ его я многимъ обязанъ и потому очень бы хотѣлъ изобразить его такимъ, какъ онъ былъ, но едва ли сумѣю: такъ много сталкивалось разнообразныхъ, а нерѣдко и противоположныхъ качествъ въ этой личности, далеко выступавшей изъ толпы.

«Отецъ Майера былъ уважаемый ученый секретарь академіи. Крѣпкаго сложенія, бодрый умомъ и тѣломъ, семидесятилѣтній старикъ не любилъ своего младшаго сына, который ни въ чемъ на отца не былъ похожъ. Ребенокъ провелъ дѣтство въ болѣзняхъ и страданіяхъ; отъ золотухи у него одна нога сдѣлалась на четверть короче другой.

---

*) Починъ, Сборникъ Общ. люб. росс. слов. на 1895 г., Москва, 1895 г. стр. 239 и сл.

**) Воспоминанія Г. И. Филипсона, «Р.Арх.» 1883 г., № 5, стр. 177—180.

Только любовь доброй матери могла удержать жизнь въ этомъ тщедушномъ ребенкѣ. Вѣроятно, ей же онъ былъ обязанъ тѣмъ, что на всю жизнь сохранилъ любовь къ Богу и къ людямъ. Первая у него проявлялась съ значительнымъ оттѣнкомъ мистицизма, не имѣющаго, впрочемъ, ничего общаго съ его оффиціальнымъ вѣроисповѣданіемъ. Отецъ его былъ крайнихъ либеральныхъ убѣжденій; онъ былъ масонъ и дѣятельный членъ нѣкоторыхъ тайныхъ политическихъ обществъ, которыхъ было множество въ Европѣ между 1809 и 1825 годами. Какъ ученый секретарь академіи, онъ получалъ изъ-за границы книги и журналы безъ цензуры. Это давало ему возможность слѣдить за политическими событіями и за движеніемъ умовъ въ Европѣ. Въ началѣ 20-хъ годовъ онъ получилъ изъ-за границы нѣсколько гравированныхъ портретовъ итальянскихъ карбонари, между которыми у него были друзья. Его поразило сходство одного изъ нихъ, только что разстрѣляннаго австрійцами, съ его младшимъ сыномъ Николаемъ. Позвавъ къ себѣ мальчика, онъ поворачивалъ его во всѣ стороны, осматривалъ и ощупывалъ его угловатую, большую голову и, наконецъ, шлепнувъ его ласково по затылку, сказалъ по-нѣмецки: «однакожъ, изъ этого парня будетъ прокъ!» Съ этого времени онъ полюбилъ своего Никласа, охотно съ нимъ говорилъ и читалъ и кончилъ тѣмъ, что привилъ сыну свои политическія убѣжденія. Старикъ кончилъ жизнь самоубійствомъ, добрая жена его умерла, старшій сынъ пропалъ безъ вѣсти, младшій—Николай остался круглымъ сиротой. Онъ получилъ очень хорошее домашнее воспитаніе и поступилъ въ медико хирургическую академію. Научныя занятія его были неровны, порывисты; если онъ дѣлалъ успѣхи, то только благодаря своему острому уму и огромной памяти. Онъ много читалъ и много думалъ. Въ болѣзненное дѣтство, лишенный возможности раздѣлять игры и забавы своихъ товарищей, онъ создалъ себѣ особый міръ и на всю жизнь остался почти ребенкомъ въ дѣлахъ житейскихъ.

«По выпускѣ изъ академіи, Майеръ поступилъ на службу врачемъ въ вѣдѣніе генерала Инзова, управлявшаго колоніями въ южной Россіи, а оттуда переведенъ въ Ставрополь для особыхъ порученій въ распоряженіе начальника Кавказской области, генерала Вельяминова. Эти порученія были несложны: зимой онъ жилъ въ Ставрополѣ, а лѣтомъ на минеральныхъ водахъ. Онъ сдѣлался очень извѣстнымъ практическимъ врачемъ; особенно на водахъ онъ имѣлъ огромную и лучшую практику, что совершенно его обезпечивало. Въ общественныхъ удовольствіяхъ онъ не участвовалъ; но можно было быть увѣреннымъ, что всегда встрѣтишь его въ кругу людей образованныхъ и порядочныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ и человѣкомъ свѣтскимъ Во всякомъ обществѣ его нельзя было не замѣтить. Умъ и огромная начитанность вмѣстѣ съ какимъ-то аристократизмомъ образа мыслей и манеры невольно привлекали къ нему. Онъ прекрасно владѣлъ рус-

скимъ, французскимъ и нѣмецкимъ языками и когда былъ въ духѣ, говорилъ остроумно, съ живостью и душевною теплотою. Майеръ имѣлъ много успѣховъ у женщинъ и этимъ, конечно, былъ обязанъ не физическимъ своимъ достоинствамъ. Небольшого роста, съ огромной угловатой головой, на которой волосы стригъ подъ гребенку, съ чертами лица неправильными, худощавый и хромой, Майеръ нисколько не былъ похожъ на типъ гостиннаго ловеласа; но въ его добрыхъ и свѣтлыхъ глазахъ было столько симпатичнаго, въ его разговорѣ было столько ума и души, что становится понятнымъ сильное и глубокое чувство которое онъ внушалъ къ себѣ нѣкоторымъ замѣчательнымъ женщинамъ. Характеръ его былъ неровный и вспыльчивый; нервная раздражительность и какой-то саркастическій оттѣнокъ его разговора навлекали ему иногда непріятности, но не лишили его ни одного изъ близкихъ друзей, которые больше всего цѣнили его искренность и честное прямодушіе. Преданность друзьямъ однажды едва не погубила его. Въ третій годъ бытности на Кавказѣ онъ очень сблизился съ А. Бестужевымъ (Марлинскимъ) и съ С. Палицынымъ—декабристами, которые изъ каторжной работы были присланы на Кавказъ служить рядовыми. Оба они были люди легкомысленные и тщеславные и во всѣхъ отношеніяхъ не стоили Майера. Бестужеву Полевой прислалъ бѣлую пуховую шляпу, которая тогда въ западной Европѣ служила признакомъ карбонари. Доносъ о такомъ важномъ событіи обратилъ на себя особенное вниманіе усерднаго ничтожества, занимавшаго должность губернскаго жандармскаго штабъ-офицера. При обыскѣ квартиры, въ которой жили Майеръ, Бестужевъ и Палицынъ, шляпа найдена въ печи. Майеръ объявилъ, что она принадлежитъ ему, основательно соображая, что, въ противномъ случаѣ, кто-нибудь изъ его товарищей долженъ былъ неминуемо отправиться обратно въ Сибирь. За эту дружескую услугу, по распоряженію высшаго начальства, Майеръ выдержалъ полгода подъ арестомъ въ Темнолѣсской крѣпости.»

Немного далѣе, разсказывая о декабристѣ Голицынѣ, который жилъ въ одномъ домѣ съ Майеромъ, Филипсонъ говоритъ: «Казалось бы, у него не могло быть рѣзкихъ противорѣчій съ политическими и религіозными убѣжденіями Майера, но это было напротивъ. Оба одинаково любили парадоксы и одинаково горячо ихъ отстаивали. Спорамъ не было конца, и нерѣдко утренняя заря заставала насъ за нерѣшеннымъ вопросомъ».

Огаревъ познакомился съ Майеромъ (фамилію котораго онъ ошибочно пишетъ *Мейеръ*) въ Пятигорскѣ въ 1838 году. Въ «отрывкѣ изъ своей исповѣди» онъ отводитъ ему много мѣста: «Н. (Николай, т.-е. Сатинъ) привелъ къ намъ доктора,—пишетъ онъ.—Мейеръ былъ медикомъ, помнится, при штабѣ. Необходимость жить трудомъ заставила служить, а складъ ума заставилъ служить на Кавказѣ, гдѣ, среди величавой природы, со времени Ермолова не исчезалъ пріютъ русскаго

свободомыслія, гдѣ собирались изгнанники, а генералы, по преданію, оставались ихъ друзьями. Жизнь Мейера естественно примкнула къ кружку декабристовъ, сосланныхъ изъ Сибири на Кавказъ. Онъ сдѣлался необходимымъ членомъ этого кружка, гдѣ всѣ его любили какъ брата. Его некрасивое лицо было невыразимо привлекательно. Волосы, остриженные подъ гребенку, голова широкая, такъ что лобъ составлялъ тупой уголъ, небольшіе глубокіе глаза, блѣдный цвѣтъ лица, толстыя губы, мундирный сюртукъ на дурно сложенномъ тѣлѣ, одна нога короче другой, что заставляло его носить одинъ сапогъ на толстой пробкѣ и хромать... кажется, все это очень некрасино, а между тѣмъ нельзя было не любить этого лица. Толстыя губы дышали добротой, глубокіе каріе глаза смотрѣли живо и умно; но въ нихъ скоро можно было отыскать слѣдъ той внутренней человѣческой печати, которая не отталкиваетъ, а привязываетъ къ человѣку; широкій лобъ склонялся задумчиво; хромая походка придавала всему человѣку особенность, съ которою глазъ не только свыкался, но дружился. Вскорѣ Мейеръ свелъ насъ съ декабристами; онъ и Одоевскій бывали у насъ почти ежедневно. Они были глубоко привязаны другъ къ другу. Ихъ все соединяло—отъ живой шутки до глубокаго религіознаго убѣжденія, или, лучше, религіознаго раздумья. Христіанское направленіе Мейера было гораздо сложнѣе, я хотѣлъ сказать гораздо личнѣе, христіанскаго самоотверженія Одоевскаго. Мейеръ былъ унылъ; ему нужно было утѣшеніе. Его сердечное благородство и его потребность любви не уживались съ дѣйствительностью. Чтобъ выносить хаосъ, ему нужно было единство божественнаго разума и божественной воли; чтобъ не умереть съ отчаянія, ему нужно было безсмертіе души. Постоянная Grübelei, раскапываніе собственнаго сердца—безъ сомнѣнія, совершенно чистаго — влекли его къ христіанскому покаянію, а потребность систематической истины, отъ которой онъ, какъ человѣкъ науки, не могъ отклониться, заставляла рыться въ Де-Местрѣ, Сен-Мартенѣ и пр. Подъ его вліяніемъ я читалъ Сен-Мартена «Des erreurs et de la verité». Какимъ образомъ я могъ увлекаться этой книгой — теперь это мнѣ едва понятно. Какимъ образомъ Мейеръ могъ мирить съ нею взглядъ Распаля, котораго органическая химія тогда только-что вышла въ свѣтъ, и взглядъ Мажанди («Leçons sur les phénomènes phisiques de la vie»)—это для меня еще непонятнѣе.—Мейеръ еще не довольно усталъ для отреченія отъ личнаго счастія; мученичество не сдѣлало изъ него того ровно-самоотверженнаго человѣка, равнодушнаго къ благамъ міра сего, какъ Одоевскій. Мейеръ любилъ женщину и страдалъ безконечно. Эта женщина была мнѣ сродни. Молодая, стройная, съ пылкими черными глазами и черною косою до пятокъ, она по какому-то капризу набросила свою любовь на Мейера,—на Майера, который считалъ себя уродомъ и не созданнымъ для женской любви. Все перевернулось въ жизни этого человѣка. Но счастье было минутно. Ея татарская на-

тура не могла любить ни долго, ни серьезно. Она только искала наслажденія, и сперва обманываемый, потомъ пренебреженный, Мейеръ страдалъ неимовѣрно. Его мягкое и чистое сердце могло только сломаться въ рукахъ этой женщины, и оно сломилось. Можетъ быть, его живой и сильный умъ со временемъ еще выпутался бы изъ напряженнаго мистицизма и заявилъ бы свою силу; но тутъ ему только оставалось крѣпко схватиться за него, чтобъ удержаться въ жизни... не на долго. Онъ потухъ быстро, въ самой цвѣтущей порѣ...»

Сатинъ былъ, повидимому, еще болѣе близокъ съ Майеромъ, чѣмъ Филипсонъ. «Это былъ,—разсказываетъ Сатинъ,—замѣчательный человѣкъ, какъ въ физическомъ, такъ и въ умственномъ отношеніи. Въ физическомъ отношеніи Майеръ былъ почти уродъ: одна нога была короче другой болѣе чѣмъ на два вершка; лобъ отъ лицевой линіи выдавался впередъ на неимовѣрно-значительное пространство, такъ что голова имѣла видъ какого-то треугольника; сверхъ этого, онъ былъ маленькаго роста и чревычайно худощавъ. Тѣмъ не менѣе своимъ умомъ и страстностью онъ возбудилъ любовь въ одной изъ самыхъ красивѣйшихъ женщинъ, г-жѣ М. Я былъ свидѣтелемъ и повѣреннымъ этой любви. Майеръ, непривычный внушать любовь, былъ въ апогеѣ счастья. Когда она должна была ѣхать, онъ послѣдовалъ за нею въ Петербургъ, но увы! скоро возвратился оттуда совершенно убитый ея равнодушіемъ. Надъ г-жей М. эта любовь или, правильнѣе, шутка прошла, вѣроятно, безслѣдно; но на Майера это подѣйствовало разрушительно: изъ веселаго, остроумнаго, дѣятельнаго человѣка онъ сдѣлался лѣнивымъ и раздражительнымъ».

Къ Сатину и адресованы помѣщаемыя здѣсь три письма Майера, за сообщеніе которыхъ мы приносимъ искреннюю благодарность дочери поэта, Н. Н. Сатиной. Они относятся къ лѣту и осени 1838 года. Первое письмо написано по-русски; оно носитъ помѣтку: «26-го іюля, на Шапсухо».

«Безъ вины виноватъ, любезный другъ Николай Михайловичъ, что до сихъ поръ не написалъ вамъ ни строчки, а получилъ отъ васъ уже три грамотки. Довольно трудно объяснить вамъ, почему это такъ, да и безполезно. Я знаю напередъ, что вы не поставите этого на счетъ моей искренней пріязни. Позвольте же отъ всей души обнять васъ дружески, хотя заочно. Зачѣмъ я не съ вами? Я бы отъ многаго отказался, чтобъ провести съ вами хоть денекъ времени. Здѣсь я усталъ, и усталъ больше морально, нежели физически. Если бъ вы знали, съ какимъ горькимъ убѣжденіемъ я повторяю слова Горскаго: schlecht! schlecht! *). Люди плохи, любезнѣйшій Н. М., очень плохи! Эту вы-

---

*) Полковникъ Горскій, у котораго часто бывали въ Ставрополѣ Майеръ и Сатинъ, былъ,—по словамъ Сатина,—«большой оригиналъ: женившись на нѣмкѣ, онъ

ходку противъ нихъ я основываю не на статистическихъ таблицахъ преступленій, а на ихъ безчувствіи, холодности, равнодушіи ко всему человѣческому, на ихъ стараніи затаить, задавить все, что могло бы показать, что они люди, а не скоты. Грустно и досадно! Трудную задачу задалъ тотъ, чьи слова повторили вы въ первомъ письмѣ вашемъ. Вотъ ужъ нѣсколько мѣсяцевъ, — je cherche, et je ne trouve qu'indifférence et dessèchement d'âme, je frappe et personne n'est là pour m'ouvrir! *). А дневныя заботы давятъ больше и больше: некогда подумать объ себѣ, надо думать о *службѣ*... Нѣтъ, дорогой мой, Николай М., если бъ мнѣ надобно было возобновить съ вами нерѣшенный споръ нашъ о любви и ненависти, я бы еще прибавилъ нѣсколько аргументовъ въ пользу того великаго чувства, великаго двигателя, котораго я защищалъ. Любовь есть пища души, а ненависть— горькое, но сильное лекарство. Помилуйте: какъ же вы хотите кормить больного? Дайте ему прежде понюхать спирту, чтобъ онъ пришелъ въ себя, пустите ему кровь — это рѣдко мѣшаетъ, дайте чистительное. Аппетитъ самъ придетъ Конечно, полезно напоминать людямъ о любви словами, а еще больше дѣлами; но во сколькихъ фоліантахъ написаны краснорѣчивыя поученія лисицы о смиреніи, кротости и состраданіи? Да, *исторія*—это вещь удивительная для всякаго, у кого есть сердце подъ лѣвой грудью.

«Простите за мою филиппику, любезный другъ Н. М. Я не на вѣтеръ даю вамъ безъ церемоніи это имя. Это второй разъ въ жизни: не отнимите у меня этой радости. Передайте мое душевное привѣтствіе вашему дорогому гостю **). Если вы говорили ему обо мнѣ правду, то не много могли сказать хорошаго. Пусть онъ сохранитъ ко мнѣ нѣсколько пріязни хоть за то, что я васъ люблю отъ всей души.

«Увижусь ли я съ вами въ Пятигорскѣ?.. Не знаю, и сомнѣваюсь, Какъ бы вамъ сказать, отчего я не ѣду? Меня удерживаетъ благодарность къ человѣку, который показалъ мнѣ столько искренней пріязни и довѣрія ***), и полное убѣжденіе, что я могу быть здѣсь полезенъ. а теперь, можетъ, и необходимъ. Но, можетъ быть, урвусь на денекъ въ августѣ. Впрочемъ, едва ли.

выучился только одному слову: schlecht, и повторялъ его à tout propos» («Воспом. Н. М. Сатина», Починъ, 1895, стр. 244).

*) «Я ищу и нахожу лишь равнодушіе и сухость сердца, стучу, и нѣтъ никого, кто бы отперъ мнѣ».

**) Рѣчь идетъ объ Огаревѣ, который въ маѣ пріѣхалъ съ женою Маріей Львовной въ Пятигорскъ, гдѣ въ это время находился Сатинъ. Сатинъ въ «Воспоминаніяхъ» говоритъ, что лѣто 1838 года онъ жилъ въ Пятигорскѣ съ Майеромъ: изъ вышеприведеннаго письма видно, что Майеръ находился въ это время при Вельяминовѣ на р. Шапсухо. Очевидно, онъ осенью все-таки пріѣзжалъ въ Пятигорскъ, гдѣ и познакомился съ Огаревыми.

***) Ген. Вельяминовъ.

«Здѣсь мнѣ много работы, но все идетъ хорошо. Я хотѣлъ бы сказать вамъ нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ лицахъ, да не успѣю.

«Вы опять были больны; когда же это кончится? Непремѣнно ли вы поѣдете къ своему мѣсту, или, можетъ быть, еще разъ зазимуете въ Ставрополѣ? Тамъ бы мы съ вами опять свидѣлись. Въ отпускъ я ѣхать не могу. Ради Бога, напишите мнѣ объ вашемъ житьѣ-бытьѣ, настоящемъ и скоро-будущемъ.

«Я уже говорилъ вамъ, что много работаю, во все лѣто не успѣлъ прочесть ни одной строчки. Въ первый разъ пишу вамъ, и то безъ толку, потому что пароходъ ждетъ. Скучно не скучно, а часто грустно, еще чаще пусто. Есть же вѣдь состояніе и людей, и обществъ, которое нашъ наивный рапортъ: *обстоитъ благополучно, новаго ничего нѣтъ*! весьма характеризуетъ!

«Прощайте, любезный другъ Н. М., будьте здоровы. Передайте еще одно искреннее привѣтствіе О. Кланяйтесь М—у. Онъ писалъ мнѣ записочку; ей-Богу не могу теперь отвѣчать. Онъ говоритъ, что не надобно жить долѣе 33 лѣтъ; мнѣ кажется, это правда».

Сбоку приписка по-французски: «Я послѣдовалъ вашему совѣту касательно вашихъ писемъ; дѣлайте то же со всѣми моими».

Слѣдующія два письма писаны по-французски. Начало обоихъ писемъ, гдѣ рѣчь идетъ о болѣзни Сатина и о ходѣ его лѣченія, мы опускаемъ. 17 ноября Майеръ пишетъ Сатину изъ Ставрополя:

«Разскажите мнѣ что-нибудь объ Огаревыхъ. Г-жа Ог. обѣщала прислать мнѣ Жослэна, но не сдѣлала этого. Если вы находите это удобнымъ, передайте ей прилагаемое четверостишіе, посвященное ей Одоевскимъ. Я провелъ восемь дней въ Прочномъ Окопѣ. Погода скверная. Сижу безвыходно въ своей комнатѣ, никто меня не навѣщаетъ. Голицынъ и Кривцовъ кружатся въ вихрѣ свѣтской жизни. Прочихъ моихъ знакомыхъ теперь нѣтъ въ Ставрополѣ.

«Bellizard прислалъ мнѣ нѣсколько книгъ, да еще у меня есть ваши— этого у меня довольно. *Да поговорить не съ кѣмъ — некому дебитировать парадоксы привычные* *). Генералъ Граббе, человѣкъ, достойный всякаго уваженія, читаетъ и даетъ книги для чтенія.

«Довелось ли вамъ услыхать что-нибудь о г-жѣ М.? Если нѣтъ, не можете ли Вы собрать какія-нибудь свѣдѣнія о ней?

«Простите, что пишу такъ мало. Сегодня я не расположенъ разговаривать. Вы знаете мои капризные припадки молчаливости -- нынче у меня какъ-разъ такой припадокъ».

Это письмо было адресовано въ Тамбовъ, слѣдующее далѣе — въ Симбирскъ; оно помѣчено 24 ноября 1838 года.

Сначала идутъ вопросы о здоровьи и медицинскіе совѣты; далѣе Майеръ пишетъ:

*) По-русски въ подлинникѣ.

«Позвольте сказать вамъ нѣсколько словъ о себѣ. Я одинъ въ Ставрополѣ; Филипсонъ еще не вернулся, Сальстетъ также, Юревичъ отправился къ ногайцамъ, гдѣ ему поручено произвести обслѣдованіе, Голицынъ завертѣлся въ вихрѣ ставропольскаго свѣта.

«Однако, это одиночество не тяготитъ меня; во-первыхъ, я сплю—и много, затѣмъ я перебираю въ памяти свои проказы прежнихъ лѣтъ—здѣсь m-me на первомъ планѣ; я также немного читаю.

«Сказать по правдѣ, и безъ излишняго самомнѣнія, мнѣ нѣтъ надобности много читать; я знаю тьму вещей, затѣмъ у меня много точекъ зрѣнія и такъ называемыхъ оригинальныхъ идей, которыя не приходятъ въ голову сочинителямъ книгъ.

«Я читаю, чтобы дать точку опоры моему, можно сказать, болѣзненно-подвижному воображенію, или чтобы отдѣлаться отъ горькихъ и печальныхъ воспоминаній.

«Въ сущности я начинаю думать, что искренно люблю m-me—*вспоминая о ней, сердце какъ бы чѣмъ-то жгучимъ обливается* *), буквально. Постарайтеь узнать, что сталось съ нею—именемъ Бога молю васъ объ этомъ. Если вы желаете мнѣ добра, напишите мнѣ о ней какъ можно подробнѣе.

«Я приготовилъ большое письмо къ Огаревымъ, но не рѣшаюсь его отправить, такъ какъ не вполнѣ увѣренъ, что они будутъ рады ему. Г-жа Огарева—очень милая женщина; это одна изъ тѣхъ граціозныхъ фигуръ, которыя я вызываю въ волшебномъ фонарѣ моихъ воспоминаній; я былъ бы радъ еще разъ встрѣтиться съ нею.

«Я дважды навѣщалъ своихъ пріятелей въ Прочномъ Окопѣ; они дѣйствительно честные люди и питаютъ ко мнѣ сердечную дружбу. Я провелъ съ ними дней десять. Мы много толковали съ Одоевскимъ объ Огаревой—но только хорошее, будьте увѣрены.

«Генералъ Граббе—хорошій человѣкъ и начитанный; онъ мнѣ очень нравится. Мы съ нимъ не сблизились настолько, насколько я былъ близокъ съ покойнымъ Вельяминовымъ доброй памяти. Г-жа Граббе—доброе, наивное, граціозное существо; представьте себѣ Лаццару В. Гюго замужемъ и матерью шестерыхъ дѣтей.

«Едва ли я оставлю Кавказъ раньше года, хотя всѣ убѣждаютъ меня сдѣлать это. А вы—пріѣдете ли вы сюда въ четвертый разъ? и ваши хлопоты насчетъ поѣздки за границу оказались тщетными?

«Кажется, я старѣюсь, потому что становлюсь равнодушенъ. Но 36-й и затѣмъ 38-й годы сломили всю мою энергію; это было тяжелое испытаніе, я плакалъ кровавыми слезами, я пережилъ минуты предсмертной муки—да проститъ Господь виновницѣ моихъ страданій».

Намъ остается добавить нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ Ник. Вас. Майера. Въ 1840 году онъ былъ прикомандированъ къ

---

*) Тоже.

Н. Н. Раевскому и здѣсь познакомился съ воспитательницей и другомъ жены Раевскаго, Софьей Андреевной Дамбергъ, на которой вскорѣ и женился; у него было двое сыновей-близнецовъ. Майеръ умеръ въ 1846 году. Вдова его долго была директрисой Кушниковскаго института въ Керчи, потомъ до смерти жила съ Раевскою въ Петербургѣ; сыновья ея окончили горный институтъ *).

II.

Если сравнить Вернера съ Майеромъ, то не трудно убѣдиться, что съ внѣшней стороны портретъ поразительно вѣренъ. Лермонтовъ сохранилъ и нѣмецкую фамилію, и врачебную профессію, и малый ростъ, и хромоту, и худощавость, и уродливую форму головы, и волосы стриженные подъ гребенку, и свѣтскія манеры. Сохранилъ онъ въ докторѣ Вернерѣ и нѣкоторыя духовныя черты Майера: острый умъ, скептицизмъ и вмѣстѣ поэтическій складъ души, сарказмъ и любовь къ парадоксамъ, наконецъ, влеченіе къ женщинамъ и способность увлекать женщинъ. И при всемъ томъ, вы сразу чувствуете, что предъ вами другой человѣкъ. Майера люди, близко знавшіе его, характеризуютъ, какъ человѣка остроумнаго, дѣятельнаго, искренняго, съ характеромъ нервнымъ и вспыльчивымъ, разговоръ котораго былъ полонъ живости и душевной теплоты, который любилъ спорить, и спорилъ безъ конца, до утренней зари. Его письма задушевны: онъ счастливъ возможностью назвать кого-нибудь другомъ; съ горечью и грустью говоритъ онъ о томъ, что люди плохи, что они холодны и равнодушны ко всему человѣческому и стараются подавить въ себѣ, что могло бы показать, что они люди,—Вернеръ не споритъ, потому что заранѣе знаетъ, что обо всемъ можно спорить до безконечности. Онъ изучилъ всѣ живыя струны сердца человѣческаго, какъ изучаютъ жилы трупа, и не тѣшитъ себя иллюзіями. Ничто не можетъ ни сильно обрадовать, ни глубоко огорчить его; печальное для него смѣшно, а смѣшное грустно. Холодность, самообладаніе, эгоизмъ и равнодушіе—это его отличительные черты. Въ немъ нѣтъ и тѣни искренности и задушевности Майера. И любопытно, что Лермонтовъ, сохранивъ въ Вернерѣ всѣ внѣшнія черты Майера, счелъ нужнымъ измѣнить его глаза. О Майерѣ Филипсонъ говоритъ: «Въ его добрыхъ и свѣтлыхъ глазахъ было столько симпатичнаго...»; по словамъ Огарева, «его глубокіе каріе глаза смотрѣли живо и умно, но въ нихъ скоро можно было отыскать слѣдъ той внутренней человѣческой печали, которая не отталкиваетъ, а привязываетъ къ человѣку».—У Вернера «маленькіе черные глаза, старающіеся проникнуть въ ваши мысли».

*) Воспоминанія Г. И. Филипсона, Р. Арх. 1883 г. № 6, стр. 296 и 1884 г. № 2, стр. 361.

Ясно, въ какомъ направленіи Лермонтовъ видоизмѣнилъ живое лицо Майера: онъ сильно окрасилъ его въ печоринскія краски. Вернеръ—больше, чѣмъ пріятель Печорина: это его братъ по крови, и Печоринъ недаромъ характеризуетъ себя и Вернера заодно, какъ людей однородныхъ *). Но онъ гораздо слабѣе Печорина, онъ менѣе цѣленъ; его ледяная оболочка не такъ прочна, и чувство легче прорывается чрезъ нее. Въ немъ нѣтъ законченности Печорина; его глаза «всегда безпокойны», тогда какъ взглядъ Печорина, тоже проницательный, «равнодушно-спокоенъ».

Сатинъ разсказываетъ, что Майеръ обидѣлся, узнавъ себя въ докторѣ Вернерѣ, и когда «Княжна Мери» была напечатана, писалъ ему о Лермонтовѣ: «Pauvre sire, pauvre talent!» (жалкій человѣкъ, жалкій талантъ).

М. Гершензонъ.

*) «Вотъ насъ двое умныхъ людей,—говоритъ Печоринъ доктору;—мы знаемъ заранѣе, что обо всемъ можно спорить до безконечности, и потому не споримъ; мы знаемъ почти всѣ сокровенныя мысли другъ друга; одно слово—для насъ цѣлая исторія; видимъ зерно каждаго нашего чувства сквозь тройную оболочку. Печальное намъ смѣшно, смѣшное—грустно, а вообще, по правдѣ, мы ко всему довольно равнодушны, кромѣ самихъ себя».

ВЪ СУТОЛОКѢ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.

(ОЧЕРКИ).

(*Окончаніе* *).

XXV.

Такъ удачно прошедшее въ высшихъ инстанціяхъ дѣло нашей подъѣздной желѣзной дороги встрѣтило цѣлый рядъ препятствій и задержекъ во второстепенныхъ инстанціяхъ, въ тѣхъ засѣданіяхъ, которыя были посвящены разсмотрѣнію моего исполнительнаго проекта. Время шло, а между тѣмъ срокъ постройки уже былъ предрѣшенъ: къ февралю, то-есть ровно черезъ годъ, постройка дороги должна была быть окончена. Въ моемъ распоряженіи оставался такимъ образомъ всего одинъ строительный періодъ—предстоящее лѣто.

Но мартъ уже былъ на дворѣ, когда мнѣ было предложено, для всесторонняго выясненія вопроса, составить три проекта: ширококолейный, узкоколейный метровый и съ колеей въ шестьдесятъ сотыхъ метра.

Всѣ эти три проекта и должны были поступить въ государственный совѣтъ, отъ котораго уже и зависилъ выборъ того или другого типа. Рѣшенное уже разъ дѣло такимъ образомъ подъ инымъ соусомъ преподносилось для вторичнаго перерѣшенія.

Съ лихорадочной поспѣшностью были составлены и представлены мною три проекта—ширококолейный 28 тысячъ рублей верста, метровый съ одиннадцати-фунтовымъ рельсомъ въ 18 тысячъ и колея въ шестьдесятъ сотыхъ метра, за которую я стоялъ, съ восьми-фунтовымъ рельсомъ въ 14 тысячъ рублей верста.

При разсмотрѣніи этихъ расцѣнокъ былъ поднятъ вопросъ, слѣдуетъ ли включать въ расцѣнку широкой колеи подвижной составъ. Этимъ вопросъ сводился къ уменьшенію стоимости ширококолейной версты на 6 тысячъ рублей.

*) См. «Міръ Божій», № 11, ноябрь 1900 г.

Большинство членовъ совѣщанія высказалось въ томъ смыслѣ, что не слѣдуетъ включать въ расцѣнку подвижной составъ на томъ основаніи, что паровозы и вагоны главной линіи могли бы работать и на проектируемой вѣткѣ.

— Но,—возражалъ я,—намъ нужно двѣсти тысячъ такихъ вѣтокъ, а протяженіе главныхъ линій всего 40—50 тысячъ,—ихъ подвижного состава и для теперешнихъ потребностей не хватаетъ...

Мой сосѣдъ пренебрежительно, добродушно возразилъ мнѣ:

— Оставимъ двѣсти тысячъ верстъ. Пока мы вѣдь собираемся строить только вашу вѣточку, протяженіемъ всего сто верстъ. Въ сравненіи съ 40—50 тысячами—это...

Онъ сдѣлалъ въ воздухѣ жестъ, всѣ разсмѣялись и подвижной составъ былъ вычеркнутъ. Стоимость широкой колеи этимъ низводилась къ 22 тысячамъ за версту.

Былъ объявленъ перерывъ.

— Ну, что-жъ,—усмѣхнулся кто-то, вставая и обращаясь ко мнѣ,—разница ужъ не такая большая выходитъ между широкой и узкой колеей, а удобства широкой колеи...

Мой товарищъ по выпуску, докладчикъ по моему дѣлу, особенно энергично оспаривавшій меня, сказалъ:

— Да бросьте же вы къ чорту эту узкую колею: выстройте себѣ широкую, мы вѣдь не противъ, дадимъ ее вамъ, — самому же, по крайней мѣрѣ, не стыдно будетъ ѣздить потомъ.

Члены совѣщанія слушали и смѣялись.

Я не оставался въ долгу.

— Въ этомъ-то и несчастье,—отвѣчалъ я,—что слово „стыдно" командуетъ надъ экономической жизнью страны.

— Ну, поѣхалъ...

Когда раздался звонокъ предсѣдателя и мы опять разсѣлись въ громадной комнатѣ вокругъ стола, занимавшаго почти всю комнату, докладчикъ, мой товарищъ, возобновилъ свои нападки.

— Я не вижу также основаній,—говорилъ онъ,—при широкой колеѣ класть двадцатидвухъ-фунтовый рельсъ: восемнадцатифунтовый...

— Но тогда,—дружелюбно замѣтилъ ему одинъ изъ членовъ засѣданія,—подвижной составъ нашихъ главныхъ линій не будетъ же годиться.

— Тогда положимъ старые рельсы,—поправился докладчикъ.

Положить старые рельсы—значило выдать ихъ изъ запаса безъ цѣны и слѣдовательно и цѣна рельсъ вычеркивалась изъ расцѣнки. При такихъ условіяхъ широкая колея грозила выйти даже дешевле узкой.

— Но у васъ въ запасѣ нѣтъ этихъ старыхъ рельсъ,—въ отчаяніи возражалъ я.

— Для ста верстъ найдется.

— Но вѣдь это не принципіальное рѣшеніе вопроса.

— Мы здѣсь и не уполномочены на это и васъ никто не уполномочивалъ; мы рѣшаемъ частный простой вопросъ: какъ экономичнѣе выстроить вашу вѣточку въ сто верстъ.

Я думалъ: „рѣшаемъ частный простой вопросъ какъ проще провалить вашу вѣточку".

И съ какимъ злорадствомъ подчеркивалось ничтожество этой вѣточки въ сто верстъ.

Счастливая мысль пришла мнѣ въ голову.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ я,—если у васъ дѣйствительно есть въ запасѣ старые рельсы, такъ давайте ихъ и для узкоколейнаго типа,—мы будемъ имѣть возможность тогда пускать 58-тонные паровозы съ подъемной силой въ 30 вагоновъ, а во всѣхъ трехъ расцѣнкахъ стоимость рельсъ вычеркнется.

Всѣ разсмѣялись.

— Хитрый,—усмѣхнулся и мой оппонентъ и вопросъ о старыхъ рельсахъ былъ оставленъ.

— Хорошо, старые рельсы мы оставимъ,—продолжалъ онъ,— но почему же на метровый одиннадцати-фунтовый рельсъ, а на шестьдесятъ сотыхъ метра—восьми-фунтовый?

— Одиннадцати-фунтовый,—отвѣчалъ я,—выдержитъ сорокатонный паровозъ и поѣздъ изъ двадцати вагоновъ, а восьми-фунтовый только двадцати-тонный и десять вагоновъ. Въ послѣднемъ случаѣ, конечно, лишній эксплуатаціонный расходъ, но онъ наверстывается въ колеѣ въ шестьдесятъ сотыхъ метра и меньшимъ строительнымъ капиталомъ.

— Туманно...

И совѣщаніе постановило въ обѣ узкія колеи ввести восьмифунтовый рельсъ. Я не настаивалъ, потому что въ первоначальномъ проектѣ прошла колея въ шестьдесятъ сотыхъ.

— Если метровая пройдетъ,—возразилъ я своему товарищу,— послѣ засѣданія я буду протестовать.

— На здоровье.

При нашихъ схваткахъ съ товарищемъ старшіе члены совѣщанія держались въ сторонѣ, сочувствуя въ общемъ моему товарищу.

У нѣкоторыхъ изъ нихъ было замѣтно раздраженіе противъ меня, можетъ быть, какъ противъ человѣка, желающаго сказать какое-то новое слово имъ, умудреннымъ опытомъ и знаніемъ. Можетъ быть, видѣли во мнѣ выскочку, который желаетъ выѣхать на модномъ, хотя и своемъ собственномъ, конькѣ—удешевленіи. Большинство, впрочемъ, лично были даже расположены ко мнѣ, но просто считали меня человѣкомъ, увлекающимся ложной идеей.

Одинъ инженеръ, идеально - честный, прекрасный администраторъ и практикъ, которому въ жизни, горячась, я сдѣлалъ много зла и несправедливости, во время одного изъ перерывовъ рѣзко сказалъ мнѣ:

— Такимъ, какъ вы, волчій паспортъ надо выдавать: всѣми этими удешевленіями вы губите строительное дѣло.

— Это тѣмъ, что я мостъ-то безъ облицовки буду строить,— отвѣчалъ я ему,—тотъ мостъ въ степи, который увидятъ только волки и зайцы? Что типъ станціи-дворца я подведу ближе къ типу прежней почтовой въ интересахъ, чтобы у всѣхъ такая же станція была? Ну и выдавайте мнѣ волчій паспортъ...

Горячія схватки начались, когда пошло обсужденіе типовъ и цѣнъ.

Положеніе вещей было совершенно обратное обычному разсмотрѣнію расцѣнокъ.

Обыкновенно начальникъ работъ въ предвидѣньи всякихъ случайностей постройки выторговывалъ возможно высшія цѣны. Здѣсь же наоборотъ: со мной торговались, находя выставленныя мною цѣны низкими, прямо невозможными къ выполненію.

Самые благоразумные, самые расположенные говорили мнѣ:

— Но вы сами себя подводите: назначьте выше цѣну, дайте экономію и слава вамъ.

— Слава мнѣ, а я хочу принципіальной постановки. При вашихъ условіяхъ всякая экономія всегда можетъ быть объяснена, какъ случайное явленіе, а я говорю объ экономіи обязательной: упрощеніемъ типа, вплоть до крестьянской избы, употребленіемъ мѣстнаго матеріала въ дѣло: липы, осины,—матеріала, который строительнымъ уставомъ нашимъ по рутинѣ не признается...

— Потому что онъ дѣйствительно никуда не годится,—фыркнулъ инженеръ-практикъ.

— Но мой домъ въ деревнѣ изъ осины стоитъ шестьдесятъ лѣтъ.

— Оштукатуренный?

— А кто мѣшаетъ и здѣсь оштукатурить или обшить тесомъ, чтобы предохранить отъ соприкосновенія съ наружнымъ воздухомъ.

Меня поддерживали только представитель финансовъ и контроля.

— Да, Богъ съ нимъ,—говорилъ представитель финансовъ,— хочетъ самъ на себя петлю надѣвать, пусть надѣваетъ, а можетъ быть и выгоритъ, а вы въ протоколахъ оговорите, что цѣны начальника работъ признаете низкими до невозможности.

Такъ и сдѣлали въ концѣ концовъ.

— Петля надѣта,—говорилъ мнѣ послѣ послѣдняго засѣданія мой товарищъ, выходя въ двѣнадцатомъ часу ночи со мной на

подъѣздъ,—и за ноги. даже васъ не надо тянуть,—силой закона тяжести затянетесь сами...

— Затянусь я, а вопросъ поднятъ.

— Ничего не поднятъ. Вѣдь вы поймите: хоть одна копѣйка перерасхода и дѣло все равно дойдетъ опять до государственнаго совѣта и тогда провалъ вашъ обезпеченъ: копѣйка, милліонъ, важенъ вѣдь фактъ перерасхода...

Раздраженіе его противъ меня улеглось, онъ говорилъ пріятельскимъ тономъ, впередъ сочувствуя моей неудачѣ.

— Вы только дѣло не тяните, лѣто на дворѣ,—отвѣчалъ я.

Онъ развелъ руками.

— Вы не одинъ и то сколько времени мы съ вами потеряли... Кромѣ вашей вѣтки, сорокъ тысячъ эксплуатаціонныхъ верстъ, да всѣ постройки,—и тамъ и сямъ всѣ вопросы перерѣши до послѣдней шпалы, а вѣдь же вы знаете нашу организацію...

— Я знаю, что на васъ вертится все дѣло, но, говоря серьезно, не можете же вы одинъ рѣшать за всѣхъ въ Россіи, рѣшить все до послѣдней шпалы. И почему всѣ могутъ ошибаться, а вы, почти не бывавшій на полевыхъ работахъ, всю жизнь работая въ кабинетѣ,—почему вы непогрѣшимый?

— Я вовсе и не претендую на непогрѣшимость, но фактъ на лицо.

— На лицо и тотъ фактъ, что при такой централизаціи, недовѣріи къ силамъ другихъ, отвѣтственнаго за дѣло нѣтъ.

— Вы знаете, сколько я сплю? Не больше четырехъ часовъ. До одиннадцати вечера вотъ тутъ протолчешься, да дома часовъ до трехъ, чтобы подговить на завтра. И сонъ тяжелый, кошмарный, со всей копотью и дымомъ этихъ засѣданій... Нервы, конечно, не выдерживаютъ... раздраженіе...

— Ну, за то вы и на очереди къ карьерѣ, къ почестямъ.

— На очереди? Я измочаленъ: десять лѣтъ ѣдутъ на мнѣ: Я лопну съ почестей вашихъ...

Сутуловатый, водянистый, онъ еще ниже пригнулся и, кашлянувъ, сплюнулъ. Какая-то сложная музыка заиграла у него, тамъ, въ груди, онъ устало сказалъ:

— У меня вѣдь астма...

И прибавивъ: „ну, прощайте“, зашагалъ въ темнотѣ улицы по мокрымъ отъ дождя плитамъ тротуара.

Въ началѣ апрѣля всѣ три расцѣнки пошли, наконецъ, въ государственный совѣтъ. Пошли со всѣми оговорками и протоколами совѣщанія. Но надъ всѣмъ этимъ доминировало коротенькое замѣчаніе министра, въ которомъ и признавалась съ одной стороны возможность перерасхода, но съ другой,—въ интересахъ опыта

удешевленія, онъ полагалъ бы оставить цѣны начальниковъ работъ безъ измѣненія.

— Скажите,—спросилъ я своего товарища,—сколько еще времени все это протянется?

— Не меньше мѣсяца, а то и два.

— Значитъ, половина строительнаго періода пройдетъ,—я не успѣю вѣдь ..

— На будущій годъ успѣете.

— Но штатъ разсчитанъ до перваго февраля всего.

— Новый испросимъ.

— Тогда вѣдь будетъ перерасходъ.

— А вы все еще до сихъ поръ все думаете, что у васъ не будетъ перерасхода? Слушали бы умныхъ людей, лучше было бы.

— Не будетъ, потому что я уже началъ работы.

— Какъ начали?

— Такъ, началъ за свой счетъ и страхъ.

— А если не утвердятъ? Вы о двухъ головахъ?

— Да какъ же иначе? Вы же, напримѣръ, сами меня обязали изъ дубоваго лѣса строить мосты. Дубъ не рыночный товаръ,—его еще надо срубить въ лѣсу и пока онъ листвой не одѣлся,—дубъ, рубленный въ листвѣ, вы же сами забракуете.

— Обязательно.

Въ началѣ мая мой товарищъ сказалъ мнѣ:

— Ну поздравляю: дорога утверждена, метровая колея.

Я уже знаю это, зналъ, что въ государственномъ совѣтѣ мое дѣло докладывалъ товарищъ министра и высказался въ томъ смыслѣ, что находитъ возможнымъ довѣриться мнѣ въ моей попыткѣ. Мнѣ это разсказалъ тотъ самый инженеръ, который проектировалъ выдать мнѣ волчій паспортъ.

— Я врагъ вашъ принципіальный,—кончилъ онъ,—но тѣмъ не менѣе, какъ человѣкъ, отъ всей души желаю вамъ успѣха. Дѣло очень серьезное и отвѣтственное. Здѣсь не должно быть мѣста ни задору, ни увлеченіямъ.

Присутствовавшій при нашемъ разговорѣ товарищъ мой инженеръ,—крупный подрядчикъ,—весело перебилъ говорившаго:

— Да не желайте вы, пожалуйста, ему никакихъ успѣховъ: чѣмъ скорѣе провалится, тѣмъ лучше; и безъ того цѣны испорчены такъ, что кромѣ убытковъ—ничего...

— Чьи убытки—казны или его,—онъ благоразумно, какъ настоящій уже подрядчикъ, не договариваетъ,—вскользь замѣтилъ мой собесѣдникъ, и обращаясь ко мнѣ, кончилъ:

— При благопріятныхъ обстоятельствахъ можетъ быть и успѣхъ... Во всякомъ случаѣ, очень и очень отвѣтственное дѣло.

XXVI.

Еще около мѣсяца прошло. Все собственно уже кончилось, но какая-то скучная канцелярская волокита тянулась безъ конца. Я давно жилъ на дачѣ. Каждый день изъ Царскаго я отправлялся въ Петербургъ съ надеждой выѣхать сегодня и возвращался все съ тѣмъ же: „завтра“.

Каждый день былъ такъ похожъ на предыдущій, что все уже пріобрѣло родъ привычки, налаженности.

Къ девяти-часовому поѣзду я отправлялся на вокзалъ.

Яркое умытое утро. Солнце ищетъ молодую зелень травы, но она еще долго будетъ прятаться подъ надежнымъ покровомъ развѣсистыхъ тѣнистыхъ деревьевъ.

По укатанному шоссе Царскаго Села идутъ и ѣдутъ: поѣздъ, уносящій въ лѣтній душный Петербургъ всякаго рода чиновничій людъ на весь день, уже даетъ повѣстку длиннымъ протяжнымъ свисткомъ изъ Павловска.

На вокзалѣ и подъ навѣсомъ платформы сильнѣе чувствуется бодрящая прохлада свѣжагѣ утра. Лица отдохнувшія, почти удовлетворенныя,—нѣчто вродѣ хорошенько вычищеннаго, но поношеннаго уже платья.

Шляпы, котелки, цилиндры, всевозможныхъ цвѣтовъ военныя фуражки.

Поѣздъ подошелъ, съ размаху остановился, выпустилъ паръ,— зашумѣлъ и зашипѣлъ,—а въ вагоны торопливо входятъ одинъ за другимъ пассажиры. Въ числѣ ихъ и я. Большинство ищетъ уютнаго уголка, спѣшитъ его занять, вынимаетъ прежде всего портъ-сигаръ, закуриваетъ папиросу, затѣмъ развертываетъ свою любимую газету и погружается въ чтеніе, не упуская изъ виду, впрочемъ, и окружающей его обстановки. По росписанію дня это время переѣзда назначено для газеты и надо прочесть ее всю, хотя бы для того, чтобы знать все и потомъ съ одного слова понимать, о чемъ пойдетъ въ своемъ кружкѣ рѣчь. Понимать и отвѣчать по разнымъ, большею частью мелкимъ злобамъ дня.

На площадкѣ третьяго класса счастливая, вѣтромъ разстрепанная парочка: она, вѣроятно, курсистка или консерваторка, онъ—мало думающій о своемъ туалетѣ студентъ,—у нихъ обязательныхъ дѣлъ нѣтъ и они счастливы или, вѣрнѣе, ихъ лица беззаботны и далеки еще отъ тѣхъ складокъ и напряженныхъ взглядовъ, которые явятся уже потомъ, въ жизни.

Эту тягость жизни уже начинаетъ, очевидно, чувствовать господинъ, сидящій у окна перваго класса.

Онъ туповато смотритъ въ окно мимо противъ него сидящей, въ большой шляпѣ, не старой, но и не молодой уже дамы,— очевидно его сожительницы.

Очевидно, потому, что интереса на лицахъ нѣтъ: равнодушіе, апатія. Глядя на нихъ, такъ и видишь возбуждающее ихъ къ жизни: приготовленный карточный столъ, партію разъ навсегда дозволенныхъ, съ обоюднаго — во избѣжаніе глупыхъ ссоръ — согласія, партнеровъ, легкую закуску въ столовой: тогда имъ обоимъ не такъ скучно будетъ на свѣтѣ, а временами, послѣ удачной игры, лишней рюмки, передъ перспективой заснуть и забыть все, вся и самого себя, даже и совсѣмъ хорошей покажется эта жизнь.

Во всей половинѣ этого отдѣленія для некурящихъ сидятъ люди хорошаго тона, чопорные и скучные: ихъ жизнь вылилась въ недосягаемую для многихъ и не интересную для всѣхъ, кромѣ ихъ самихъ, скучную форму установленнаго этикета. Въ свое время незамѣтно, безъ слѣда и сожалѣнія сойдутъ съ подмостковъ жизни мишура временъ вмѣстѣ съ своими этикетами.

До этихъ слѣдовъ времени никакого дѣла нѣтъ въ отдѣленіи перваго класса для курящихъ.

Тамъ жизнь даннаго мгновенія и слѣды его: облака дыма, всегда бодрый, довольный кружокъ кавалеристовъ и разговоры о скачкахъ, маневрахъ и насвистыванія мотивовъ послѣднихъ шансонетокъ. Въ углу вагона остатокъ ночи: двѣ вольныхъ подруги въ кружевахъ и шляпкахъ громадныхъ размѣровъ, напудренныя, а можетъ быть, и подкрашенныя. Онѣ жадно ловятъ слова, движенія и взгляды молодыхъ военныхъ, но тѣ только изрѣдка скользятъ пренебрежительно куда-то мимо. Онѣ довольны и этимъ и съ протестующимъ высокомѣріемъ отводятъ глаза отъ двухъ штатскихъ.

— Охъ-хо-хо! — потягивается, заломивъ руки за голову, высокій, широкоплечій, статный, какъ статуя Аполлона, бѣлокурый гусаръ.

— Что? — одобрительно спрашиваетъ его болѣе пожилой сотоварищъ.

— Спать хочется, — добродушно и смущенно признается бѣлокурый гусаръ.

И всѣ смѣются, выданъ какой-то секретъ, сквозь пудру краска удовольствія покрываетъ лицо одной изъ дамъ и она смотритъ въ окно, стараясь не видѣть и въ то же время ловя боковые взгляды молодой компаніи.

Въ Рогаткѣ садится мой сослуживецъ — важное лицо въ нашемъ министерствѣ.

— Какъ дѣла?

— Держатъ, — отвѣчаю я.

— Продержатъ еще съ мѣсяцъ, — увѣренно, спокойно говоритъ важный.

— Но тогда, пропустивъ рабочую пору, — горячо отвѣчаю я, — что жъ я сдѣлаю?

Важный молчитъ и потомъ удовлетворительно какимъ-то трескучимъ рѣзкимъ голосомъ говоритъ.

— Ничего, конечно, не сдѣлаете.

— А лишній годъ администрацію содержать, лишнихъ сто двадцать тысячъ изъ казеннаго кармана?

Важный господинъ опять молчитъ и нехотя отвѣчаетъ:

— Надо войти и въ ихъ положеніе — Россія страна размѣровъ необычайныхъ.

— Это и надо бы принять во вниманіе: за всѣхъ не передумаешь...

Собесѣдникъ лѣниво бросилъ:

— Приходится однако думать. Петербургъ. Мѣсяцъ еще продержатъ — съ этимъ помиритесь.

Важный господинъ молча киваетъ головой и выходитъ на площадку, я за нимъ, беру извозчика и ѣду въ министерство.

Большой знакомый желтый домъ.

Ну, конечно, швейцаръ и поклоны, другой швейцаръ и опять поклоны, третій, четвертый.

Стоятъ, смотрятъ въ лицо: свѣжіе, бодрые, готовые безъ устали кивать и раскланиваться. А впрочемъ, они все-таки смягчаютъ обстановку, придаютъ въ этотъ ранній часъ жилой видъ этимъ пустымъ еще комнатамъ и корридорамъ. А своими услужливыми и ласковыми лицами производятъ впечатлѣніе того, что пришелъ, все-таки какъ никакъ, къ своимъ. Въ ожиданіи, я слоняюсь по корридорамъ и думаю: вѣдь въ сущности въ общемъ люди добродушные и незлобливые, но такова уже сила вещей.

Двѣнадцатый часъ. Я стою передъ низенькимъ, плотнымъ, добродушнымъ, сгорбленнымъ старикомъ или не старикомъ — кто его знаетъ, сколько ему лѣтъ. Лицо широкое, помятое, глаза маленькіе, добрые, фракъ торчитъ хвостикомъ, манеры простыя, добродушныя.

— Утвердили, — говоритъ онъ мнѣ не то радостно, не то вопросительно.

Это привѣтствіе я слышу уже въ десятый разъ.

— Если утвердили, такъ зачѣмъ же задержка?

— Да ни зачѣмъ.

— Ну такъ, значитъ, строить можно: давайте кредиты!

Иванъ Николаевичъ разсѣянно говоритъ:

— Ишь, скорый какой!

— Послушайте, Иванъ Николаевичъ, вѣдь дѣло отъ этого страдаетъ, да и мнѣ же нѣтъ силъ ждать больше, истомился я здѣсь, — вѣдь четыре мѣсяца...

— Да, что вы, Господь съ вами, какіе четыре?

— Да, конечно, здѣсь въ Петербургѣ я четыре мѣсяца...

— Ну-у!

Иванъ Николаевичъ машетъ добродушно рукой и уже заговорилъ съ другимъ.

Я терпѣливо жду.

— Послушайте, Иванъ Николаевичъ, я рѣшилъ теперь являться къ вамъ въ 11 часовъ и уходить въ 6.

— Сдѣлайте одолженіе, — сухо говоритъ Иванъ Николаевичъ.

— Иванъ Николаевичъ!

— Иванъ Николаевичъ я 54 года, а одинъ за всѣхъ.

— Иванъ Николаевичъ, пожалѣйте же... ну, зачѣмъ же безъ толку мнѣ здѣсь околачиваться? Ну, разсудите же, вѣдь надо меня отпускать, ну пройдетъ еще мѣсяцъ, два, — наступитъ же моментъ, когда надо будетъ вникнуть и въ мое дѣло. Почему вамъ не вникнуть сейчасъ, когда еще не поздно, зачѣмъ томить, мотать душу.

— Ахъ, Господи! Ну, что вы пристали, ей-Богу?!... Что я могу здѣсь сдѣлать?

— Иванъ Николаевичъ, если вы не можете, такъ кто же можетъ?

Иванъ Николаевичъ роется въ своемъ столѣ, бросаетъ все и говоритъ:

— Пойдемъ.

Иванъ Николаевичъ ведетъ меня черезъ цѣлый рядъ комнатъ со множествомъ столовъ, гдѣ у каждаго стола сидитъ чиновникъ съ озабоченнымъ лицомъ и что-то перекладываетъ.

— Ивановское дѣло! — раздается торопливый голосъ подбѣжавшаго и скрывавшагося уже тоже озабоченнаго чиновника.

— О, Господи! ему Ивановское, тому Петровское, чортъ его знаетъ, за какое и браться! — Чиновникъ берется за Ивановское, раскрываетъ, тупо-огорченно смотритъ, смотритъ и вдругъ, вспыхнувъ, быстро складываетъ Ивановское и опять сосредоточивается на Петровскомъ.

— Почему мы не можемъ открыть имъ кредитовъ? — подходитъ къ этому чиновнику Иванъ Николаевичъ.

— Какихъ кредитовъ? — спрашиваетъ чиновникъ.

Ему не хочется оторвать сосредоточившуюся мысль отъ Петровскаго дѣла, хочется и отвѣтить.

— Да вотъ,—говоритъ Иванъ Николаевичъ и, прерывая самъ себя, вдругъ уже другимъ оживленнымъ голосомъ спрашиваетъ:

— Николай Васильевичъ пришелъ?

Чиновникъ оставляетъ Петровское дѣло и въ тонъ отвѣчаетъ:

— Пришелъ.

Голосъ его многозначителенъ и Иванъ Николаевичъ щуритъ лѣвый глазъ. Чиновникъ только машетъ рукой. Подлетаетъ третій и начинаетъ быстро сообщать какую-то новость

Всѣ четверо въ засосъ слушаютъ.

— Надо самому идти, — говоритъ Иванъ Николаевичъ, и уже идетъ.

— Иванъ Николаевичъ, голубчикъ, — чуть не за фалды хватаю я его, — кончимъ ужъ мое-то дѣло.

Иванъ Николаевичъ нѣсколько мгновеній смотритъ на меня, точно впервые видитъ меня, и разсѣянно говоритъ чиновнику:

— Послушайте, разберите вы вотъ съ ними... — И Иванъ Николаевичъ скрывается въ дверяхъ.

— Да чего вы собственно хотите? — спрашиваетъ меня чиновникъ.

Такъ какъ этому господину я еще никогда ничего не говорилъ, то и начинаю съ Адама и дохожу до момента своего стоянія передъ нимъ.

Господинъ слушаетъ, заглядываетъ въ Петровское дѣло, шевелитъ цѣлую кипу такихъ же дѣлъ, нервно теребитъ себя за цѣпочку, закуриваетъ папиросу и наконецъ, потерявъ, очевидно, всякую нить моего разсказа, говоритъ, когда я смолкаю:

— Да вѣдь это въ канцелярію министра.

Я смотрю на него во всѣ глаза.

И чиновникъ, въ свою очередь, уже немного сконфуженно смотритъ мнѣ тоже прямо въ глаза:

— Вамъ чего собственно надо?

Я въ полномъ отчаяніи — начинать опять съ начала?

Входитъ неожиданно Иванъ Николаевичъ, беретъ меня подъ руку и говоритъ:

— Онъ вамъ ничего не поможетъ. Вся задержка оттого, что смѣта къ намъ не препровождена еще.

— Какъ не препровождена? Да недѣлю, какъ уже препровождена!

— Не можетъ быть! Идемъ въ регистратуру, Иванъ Николаевичъ правъ.

Я лечу въ третій этажъ къ своему товарищу по выпуску.

— Послушайте, батюшка, — говорю я, — оказывается, вы въ счетный отдѣлъ смѣты не препроводили.

— Какъ не препроводилъ? — препроводилъ.

— Да нѣтъ же!

— Что вы мнѣ разсказываете!

Идемъ въ регистратуру. Дѣйствительно, не препроводилъ.

— Куда же я препроводилъ?

Товарищъ беретъ журналъ и внимательно роется самъ.

Эврика! Онъ препроводилъ, но не смѣту.

— Куда же я смѣту дѣвалъ? Я помню, я ее отправилъ... Чортъ его знаетъ! Нѣтъ силъ! — Онъ бѣжитъ къ себѣ, опять роется на своемъ столѣ — смѣты нѣтъ.

— Предсѣдатель проситъ!—заглядываетъ озабоченно курьеръ.

Товарищъ бросаетъ меня и идетъ въ кабинетъ предсѣдателя..

— Дѣло Шельдера у кого? — выходитъ онъ озабоченный черезъ нѣсколько минутъ изъ кабинета предсѣдателя.

— Шельдера, Шельдеръ?!..

Дѣла Шельдера ни у кого нѣтъ.

— Оно у Шпажинскаго,—говоритъ чей-то голосъ.

Шпажинскій сегодня не пришелъ.

— Зарѣзъ полный,—по дѣлу Шельдера требуетъ справки предсѣдатель, Шпажинскій не пришелъ,—какая это служба?! Ей-Богу, точно гостинница,—несется ворчанье изъ кабинета моего товарища.

— А удачное сравненіе,—затягивается и весело подмигиваетъ мнѣ молодой съ вызывающими и смѣющимися глазами чиновникъ-инженеръ.

Онъ смолкаетъ, потому что входитъ мой товарищъ и роется въ столѣ Шпажинскаго. Какъ на грѣхъ, дѣло Шельдера оказывается запертымъ въ столѣ, а аккуратный Шпажинскій ключъ унесъ.

— Тьфу!—облегчаетъ себя товарищъ,—ну, ужъ это, прямо можно сказать, свинство со стороны Шпажинскаго: перешелъ себѣ на частную службу и даже не сдаетъ дѣла.

Товарищъ уходитъ въ кабинетъ предсѣдателя, а молодой чиновникъ растолковываетъ мнѣ:

— Шпажинскій уже три мѣсяца молитъ его выпустить, а они подъ разными предлогами его держатъ: ну, что-жъ потерять мѣсто въ 8 тысячъ?

Я пожимаю въ отвѣтъ плечами и безъ мысли выхожу въ корридоръ, а оттуда къ двери предсѣдательскаго кабинета, чтобы не пропустить товарища, который тамъ теперь у предсѣдателя.

Тутъ же у дверей, въ ожиданіи очереди, слоняется съ папкой и Иванъ Николаевичъ.

— Ну что?—спрашиваетъ онъ меня.

— Нѣтъ смѣты,—развожу я руками.

— И въ претензіи батюшка нельзя быть,—добродушно говоритъ Иванъ Николаевичъ.

Оба мы отходимъ къ большому окну, оба облокачиваемся и и смотримъ изъ окна въ садъ, а Иванъ Николаевичъ благодушно говоритъ:

— Ну вотъ вы сами считайте: теперь что? Май? Исходящій номеръ уже десять тысячъ сто двадцать первый, да столько же

входящихъ. Пять минутъ только подержать каждое дѣло въ рукахъ, пять минутъ,—много ли? А ну-ка посчитайте.

Иванъ Николаевичъ, заинтересовавшись задачей и смотря повеселѣвшими глазами въ окно, шепчетъ:

— Десять тысячъ, двадцать тысячъ... по пяти минутъ—сто тысячъ раздѣлить на шестьдесятъ, по нулю отбросить, десять тысячъ на шесть... Это что же будетъ? 1.600 часовъ... Ну хотя отъ 11—6, значитъ 7 часовъ,—на семь... два... двадцать, ну хоть три, двѣсти тридцать дней. Январь, февраль, мартъ, апрѣль, на кругъ хоть 25 дней... сегодня двѣнадцатое,—вдвое выходитъ!.. Такъ вѣдь пять минутъ всего... А съ вами однимъ сколько? Что-жъ тутъ сдѣлать можно?!

— Да вѣдь ничего же вы и не дѣлаете, стоитъ все,—огорченно отвѣчаю я.

— Ну, не очень-то стоитъ: десять тысячъ все-таки исходящихъ, да входящихъ... за день-то голова въ пивной котелъ и выростетъ.

— Да кто говоритъ! Удивляться только можно, какъ у васъ всѣхъ нервы выдерживаютъ! Понимаете ли—лучшее время уходитъ... я уже и письма пересталъ получать изъ дому: я каждый день, вотъ ужъ мѣсяцъ телеграфирую домой, что завтра выѣзжаю... Не знаю даже, что и дѣлается тамъ теперь...

Очередь Ивана Николаевича къ предсѣдателю, потому что товарищъ мой вышелъ.

Товарищъ бѣжитъ и на ходу рѣшительно кричитъ мнѣ:

— Батюшка, завтра,—сегодня секунды свободной нѣтъ!

— Но завтра будетъ?

— Будетъ, будетъ,—доносится успокоительный голосъ товарища уже съ верхней лѣстницы.

Я провожаю его глазами,—какая-то надежда, что завтра выпустятъ и тоска въ то же время. Что теперь дѣлать? Два часа. Ѣхать въ городъ, купить еще по запискѣ, что не куплено, да послать опять телеграмму домой.

XXVII.

Въ іюнѣ, наконецъ, меня выпустили и я уѣхалъ на родину къ мѣсту работъ. Моихъ средствъ хватило на организацію только земляныхъ работъ и на заготовку лѣса. Всѣ остальныя работы,—мосты, гражданскія сооруженія и прочее,—стояли безъ движенія.

Время для дешевой организаціи, системой мелкихъ рядчиковъ,—было пропущено.

Къ этой системѣ прибѣгаетъ всегда крупный подрядчикъ и зарабатываетъ этимъ 30—40%. Отстраняя крупнаго подрядчика,

имѣя дѣло непосредственно съ мелкимъ рядчикомъ, казна кладетъ въ свой карманъ эти 30—40%. Но здѣсь есть и рискъ: рядчикамъ надо давать авансы. Изъ десяти рядчиковъ — одинъ сбѣжитъ. Остальные девять съ лихвой оплотятъ, конечно, потерю—это хорошо знаетъ оптовый подрядчикъ, но казна убытковъ не признаетъ,—за девять рядчиковъ она выгоду получила, а за десятаго взыщетъ съ строителя. Вотъ почему этотъ способъ мало практикуется казенными строителями и предпочитается ему или крупный подрядчикъ, или же способъ хозяйственныхъ работъ. Въ послѣднемъ уже сама казна работаетъ все: нанимаетъ поденныхъ, покупаетъ инвентарь, кормитъ лошадей. Здѣсь чиновникъ-инжинеръ сразу превращается въ сельскаго хозяина.

Увы! много ли среди самыхъ заправскихъ сельскихъ хозяевъ хорошихъ хозяевъ, умѣющихъ сводить концы съ концами? И ко всему вѣдь это хозяева своихъ собственныхъ денегъ, этими своими деньгами они отвѣтятъ за всякій свой промахъ, недосмотръ, ошибку.

Совершенно не то положеніе хозяина-чиновника, хозяина за чужой счетъ, ставшаго хозяиномъ въ силу предписанія за такимъ-то нумеромъ.

Изъ двадцати выберется одинъ настоящій хозяинъ, но, научившись на казенный счетъ, и онъ уйдетъ изъ казны и станетъ самъ хозяиномъ,—крупнымъ подрядчикомъ, гдѣ трудъ его вознаградится сторицею.

Отрицательными сторонами хозяйственныхъ работъ является не только неопытность, неумѣлость или равнодушіе чиновника-инженера, но часто и недобросовѣстность. Всѣ эти табеля поденныхъ—великій соблазнъ для всякаго рода табельщиковъ, десятниковъ, а иногда и для лицъ, занимающихъ и повыше мѣста.

А между тѣмъ необходимость заставляла меня во всѣхъ неначатыхъ работахъ прибѣгнуть какъ разъ къ этому единственному оставшемуся въ моемъ распоряженіи способу. Что до крупныхъ подрядчиковъ, то при назначенныхъ мною низкихъ цѣнахъ на нихъ, во всякомъ случаѣ, и разсчитывать было нечего, а мелкіе рядчики, за позднимъ временемъ, уже пристроились кто гдѣ могъ на другихъ работахъ.

Удалось еще подыскать рядчика только для каменныхъ работъ. Эти двѣ работы—земляная и каменные мосты и вышли дѣйствительно дешевыми у меня. Все остальное, сдѣланное руками поденныхъ, подъ хозяйственнымъ наблюденіемъ случайно попавшагося штата,—за позднимъ временемъ и незначительнымъ срокомъ постройки вышло гораздо дороже того, что могло бы стоить. Но опять-таки не дороже того, что стоилъ бы штатъ, если бъ постройку затянуть на годъ.

Чтобы по возможности смягчить зло, я постарался создать на своей постройкѣ широкую гласность, а съ ней и то общественное мнѣніе, которое лучше, чѣмъ кабинетная тайна, гарантируетъ цѣлость казеннаго кармана.

Прежде всего я ограничилъ всѣхъ и самого себя относительно денегъ. Всякое расходованіе денегъ производилось съ общаго вѣдома всего персонала.

Происходило это въ нашихъ собраніяхъ—мѣстныхъ на участкахъ и общихъ въ центральномъ управленіи. Членами этихъ собраній были какъ техники, такъ и весь интеллигентный штатъ служащихъ дороги. Въ этотъ штатъ входилъ и многочисленный контингентъ студентовъ всевозможныхъ спеціальностей. Здѣсь были и юристы, и филологи, и доктора, и техники. Работа ихъ всѣхъ, главнымъ образомъ, сводилась къ контролированію десятниковъ, табельщиковъ, а отчасти и техниковъ.

Мнѣ дѣлали упрекъ и я охотно его признаю, что организація студенческихъ работъ была далеко не совершенна. Они, можетъ быть, были недостаточно впряжены въ дѣло постройки, стояли гдѣ-то сбоку, въ роли какихъ-то контролеровъ, вслѣдствіе чего при отсутствіи такта могло получаться впечатлѣніе, что юноша, ничего не знающій, являлся какъ бы контролирующимъ дѣйствія даже высшихъ агентовъ дороги.

Было бы, конечно, правильнѣе превратить всѣхъ этихъ студентовъ самихъ въ табельщиковъ, денежныхъ артельщиковъ, но несомнѣненъ тотъ фактъ, что это элементъ полезный, освѣжающій, смягчающій нравы, создающій тѣ дѣйствительные контрольные фонари, при которыхъ свѣтъ и гласность являются дѣйствительно обезпеченными.

Не сомнѣваюсь, что тѣ пятнадцать тысячъ рублей, которые истрачены были на приглашенныхъ студентовъ, что на всю строительную сумму полтора милліона составляетъ всего одинъ процентъ, сохранили государству не одну сотню тысячъ.

Изъ числа раскрытыхъ такимъ контролемъ злоупотребленій одинъ случай, былъ очень характерный, такъ какъ касался одного изъ высшихъ агентовъ дороги.

Былъ уже собранъ Генадьичемъ цѣлый рядъ косвенныхъ уликъ противъ него, а я, несмотря на настоянія молодежи, все еще медлилъ и не рѣшался, когда вдругъ злоупотребленіе уже заподозрѣннаго лица стало внѣ сомнѣнія.

Въ тотъ же день я получилъ отъ своихъ сослуживцевъ адресъ за шестидесятью подписями, то-есть за подписями почти всего наличнаго персонала съ ультиматумомъ или удалить отъ службы виновнаго, или же всѣ они остальные оставляютъ службу.

Во главѣ движенія стоялъ Генадьичъ, съ вызывающимъ видомъ, съ двумя другими, подавшій мнѣ этотъ адресъ.

— Я не хотѣлъ, чтобы мои дѣйствія носили характеръ произвола,—отвѣчалъ я,—у насъ существуютъ наши собранія,—можетъ быть, обвиняемый согласится явиться въ это собраніе и дать свои объясненія.

— Мы должны посовѣтоваться,—сухо отвѣтилъ мнѣ Генадьичъ и удалился вмѣстѣ съ своими товарищами.

Къ вечеру я получилъ отъ нихъ увѣдомленіе, что подписавшіе адресъ согласны на мое предложеніе, и я письменно обратился къ обвиняемому. Въ виду и имъ выраженнаго согласія, черезъ нѣсколько дней вечеромъ было назначено общее собраніе.

Для удобства всѣхъ собраніе было назначено посреди линіи въ одномъ необитаемомъ многоэтажномъ помѣщичьемъ домѣ, съ согласія, конечно, управляющаго владѣльца имѣнія.

Какъ заговорщики, уже въ сумеркахъ послѣ работы съѣзжались къ условленному мѣсту со всѣхъ сторонъ агенты дороги: и въ экипажахъ, и въ поѣздѣ, и верхами. Въ наше распоряженіе былъ отданъ нижній этажъ съ низкой, но громадной, родъ залы, комнатой. Нѣсколько лампъ плохо боролись съ мракомъ комнаты, тускло освѣщая громадный столъ и ряды стульевъ. Входили, здоровались и молча садились. Что-то мрачное, тяжелое, безъ конца непріятное.

Казалось, и самые горячіе агитаторы теперь точно сожалѣли о затѣянномъ.

По крайней мѣрѣ, Генадьичъ забился въ самый дальній уголъ и не подавалъ звука. Ближе къ столу мѣста заняли болѣе старшіе, болѣе опытные, хотя, въ общемъ, была довольно смѣшанная картина лицъ: безусыхъ, пожилыхъ уже, и волосъ—русыхъ, черныхъ, сѣдыхъ и лысыхъ, безъ всякихъ волосъ.

Чувствовалось и необычность этого собранія, но чувствовалась въ то же время его законность и сознаніе этой законности: сознаніе отвѣтственности передъ совѣстью своей, передъ совѣстью общественной,—и самыя молодыя лица дѣлались серьезными, сдержанными, полными достоинства, предстоящихъ мгновеній. Обвиняемый пріѣхалъ почти послѣднимъ, и войдя въ залъ съ развязнымъ видомъ, производившимъ тяжелое впечатлѣніе, какъ бы ничего не случилось, сталъ здороваться со всѣми.

Когда здорованье кончилось, начались выборы предсѣдателя.

Выбрали моего замѣстителя.

Обвиняемый, блѣдный, съ отекшимъ лицомъ, уже пожилой господинъ, съ академическимъ значкомъ, все время пренебрежительно улыбавшійся, всталъ, и стараясь говорить свысока, тономъ человѣка, къ которому относятся пристрастно, но которому

это совершенно безразлично, который иного отношенія и не ждетъ себѣ, сказалъ:

— Я не признаю законности этого собранія. Я никогда не сочувствовалъ и не признавалъ такихъ собраній, всю эту постановку вопроса, гдѣ безбородый юноша, которому надо учиться и учиться, является самъ вдругъ въ роли чуть не опекуна, контролера, судьи,—я не могу признать ее и не сомнѣваюсь, что и никто изъ дѣловыхъ людей ее не признаетъ. У насъ есть своя корпорація, которая одна компетентна и передъ которой начальникъ работъ отвѣтитъ въ свое время за глумленіе надъ тѣмъ мундиромъ, который мы оба имѣемъ честь носить...

Онъ сѣлъ, а я попросилъ у предсѣдателя слова.

— Ни въ какомъ случаѣ,—сказалъ я,—собраніе это не является для васъ обязательнымъ. Если вы не желаете, то никакого сужденія и не будетъ о вашихъ дѣйствіяхъ. Но не можете же вы отрицать, что всѣ здѣсь находящіеся являются товарищами вашими по общему для всѣхъ насъ дѣлу. Отсюда вытекаютъ ихъ и права, и обязанности. Первое ихъ право—любить и уважать ихъ дѣло, честь этого дѣла. И какъ люди корпораціи, мы ни въ какомъ случаѣ, казалось бы, не должны претендовать на исключительное наше право охранять честь знамени этого дѣла. И съ другой стороны ни въ какомъ случаѣ корпорація не можетъ замѣнить собой общественнаго мнѣнія. Здѣсь передъ вами общественное мнѣніе: угодно вамъ передъ ними дать отчетъ въ вашихъ дѣйствіяхъ,—оно внимательно выслушаетъ и обсудитъ, потому что не хочетъ погрѣшить передъ вами, передъ своею совѣстью.

— Эту постановку—мѣстное общественное мнѣніе—только я и признаю, потому и явился.

И обвиняемый, раздраженно кивнувъ мнѣ головой, отвернулся.

Мнѣ его такъ жаль было, что я готовъ былъ прекратить все, самъ готовъ бы сѣсть вмѣсто него, но рамки созданнаго мною же дѣла ставили мнѣ неопредолимые барьеры: на всѣхъ одинаково накладывалась какая-то узда суровой необходимости чувствовать себя только одной шестидесятой частью цѣлаго.

Два битыхъ часа шелъ разборъ прискорбныхъ обстоятельствъ, ни на мгновеніе не оставляя сомнѣній въ преступной виновности.

На голосованіе былъ поставленъ вопросъ въ такой редакціи: „достаточно ли выяснилось, что дальнѣйшее совмѣстное служеніе собранія съ такимъ-то не представляется возможнымъ“.

Отвѣтъ получился единогласный: да, выяснилось.

При гробовомъ молчаніи, обвиняемый всталъ.

— Ну, что-жъ? Уйду... Прощайте.

Онъ, бодрясь, протянулъ руку первому стоявшему возлѣ него

молоденькому, застѣнчивому, какъ дѣвушка, студенту-технику. Тотъ покраснѣлъ до корня волосъ, пряча руки за спиной, чуть не плача сказалъ:

— Извините... такъ попрощаемся...

Это имѣло дѣйствіе вихря, который унесъ изъ комнаты виновника этого собранія.

Мы разошлись молчаливые, подавленные, но съ яснымъ сознаніемъ, что то, что сдѣлано, было необходимо сдѣлать.

Нельзя не упомянуть и о большомъ воспитательномъ значеніи студенческаго элемента.

На постройкѣ нравы въ общемъ грубы. Субординація и чинопочитаніе въ открытыхъ, напоминающихъ военный строй формахъ—явленіе заурядное.

Былъ такой случай: одинъ техникъ далъ волю рукамъ. И я сейчасъ же получилъ адресъ и ультиматумъ. Опять судъ и уходъ виновнаго съ линіи, такъ какъ обвиненный не хотѣлъ признать себя виновнымъ, полагая содѣянное нѣкоторымъ образомъ даже въ заслугу себѣ.

Чтобы совсѣмъ раздражить рутинеровъ дѣла, сообщу, что и я лично былъ привлеченъ однажды къ отвѣтственности предъ общимъ собраніемъ за увольненіе десятника безъ достаточно внимательнаго разбора дѣла. Въ результатѣ десятникъ былъ принятъ обратно на службу, а мнѣ былъ объявленъ собраніемъ выговоръ, что и хранится въ протоколахъ собранія.

Если будутъ мои противники говорить о деморализаціи дѣла при такихъ условіяхъ, то я успокою ихъ: лучшей нравственной дисциплины, людей покорныхъ одному хозяину—дѣлу, я не встрѣчалъ ни на одной постройкѣ. А перебывалъ я на нихъ и видѣлъ ихъ достаточно на своемъ вѣку.

XXVIII.

Въ дѣлѣ постройки далеко не все шло такъ гладко, какъ бы хотѣлось.

Пословица: „не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ"—примѣнима вездѣ, а въ желѣзнодорожномъ строительствѣ, гдѣ громадное дѣло создается съ головокружительной быстротой—особенно.

Были вины наши,—вольныя и невольныя,—были и не наши.

Дубъ нашихъ мѣстъ оказался плохимъ строительнымъ матеріаломъ и при рубкѣ на одно годное бревно приходилось нѣсколько ситовыхъ, дуплистыхъ и въ результатѣ бо̀льшую часть лѣса пришлось употребить на дрова.

Поденщина хозяйственныхъ работъ тоже пожирала массу денегъ. И какъ всякая поденщина вгоняла работу.

Были вины и не наши.

Бо̀льшая часть строевого матеріала приходилось возить изъ города за сто слишкомъ верстъ отъ мѣста работъ. Мѣстная дорога, во главѣ которой стоялъ болѣзненный, скоро потомъ сошедшій со сцены техникъ, мой принципіальный врагъ, отказалась перевозить грузъ нашей дороги, какъ казенный. Этимъ удорожалась какъ стоимость перевозки, такъ и терялась срочность доставки.

Несмотря на то, что дорога наша была такой же казенной, несмотря на то, что сама дорога строила такую же вѣтку и подвозила къ ней грузы, какъ къ казенной линіи—насъ поставили въ очередь со всѣми остальными частными грузоотправителями.

Безъ срочной доставки артели, плотниковъ, каменьщиковъ, мастеровыхъ всякаго рода сидѣли недѣлями безъ дѣла и приходилось этихъ дорогихъ мастеровъ гонять на простую чернорабочую поденщину, платя вдвое. Я, конечно, протестовалъ въ центральное управленіе,—оно отвѣтило въ утвердительномъ для меня смыслѣ, но въ ноябрѣ уже, когда всѣ перевозки были уже кончены. Рискуя иначе не кончить въ срокъ, мы вынуждены были возить на лошадяхъ, переплативъ за это до 50 тысячъ рублей.

Осложнялось дѣло постройки и государственнымъ контролемъ. Ограниченный буквой закона съ одной стороны, съ другой—вѣрой въ здравый смыслъ своего „я“—чиновникъ-контролеръ, не спеціалистъ къ тому же, создавалъ намъ на каждомъ шагу цѣлый рядъ препятствій, которыхъ самъ и не сознавалъ даже.

Приведу одинъ только примѣръ. Порядокъ расходованія казенныхъ денегъ слѣдующій: строительная контора получала авансомъ двадцать тысячъ рублей и пока не отсчитывалась въ этихъ деньгахъ, новыхъ авансовъ контроль не разрѣшалъ. При крупныхъ подрядчикахъ и даже рядчикахъ этого аванса было бы достаточно, такъ какъ оплата по работамъ тогда происходила бы помимо авансовъ, но при хозяйственныхъ работахъ всего до пятисотъ тысячъ рублей при условіи израсходовать ихъ въ четыре мѣсяца авансъ долженъ былъ 25 разъ обернуться. Другими словами разъ въ недѣлю надо было представлять отчетъ. Пришлось вслѣдствіе этого, чтобы успѣвать, строительную контору помѣстить прежде всего, не на линіи, а въ городѣ, за сто двадцать верстъ отъ мѣста, гдѣ помѣщался контроль. Чтобы успѣть даже и при этомъ въ недѣлю повернуться съ такой сложной манипуляціей, какъ отчетъ, пришлось держать, какъ отдѣльныхъ курьеровъ, срочно возившихъ отчетные документы съ линіи, такъ и двойной штатъ конторщиковъ на линіи, а въ центральномъ управленіи создать цѣлый департаментъ бухгалтеровъ, которые еле-еле успѣвали въ

назначенному дню представлять отчетъ всегда съ надписью: „срочно“. А тутъ еще какой-нибудь документъ, составленный не по формѣ или неправильно списанный, и сразу вся машина останавливалась: авансъ не пополнялся контролемъ, платить было нечѣмъ, на линіи бунтъ и единственное средство спастись—это прибѣгнуть къ двадцатому параграфу, по которому начальникъ работъ за своей отвѣтственностью можетъ парализировать запрещеніе контроля. Но это уже война съ контролемъ. Передавъ дѣла въ Петербургъ, въ центральныя управленія, начетъ въ будущемъ и затяжка лѣтъ на десять. И хорошо еще, если все окончится манифестомъ.

Ясно, что при такихъ условіяхъ линія, постройка ея, является дѣломъ второстепеннымъ. Главное же и существеннѣйшее—возня съ учрежденіемъ, которое сразу можетъ испортить все дѣло. Возня съ учрежденіемъ, при этомъ же спеціальнымъ, слѣдовательно, неграмотнымъ въ нашемъ дѣлѣ, члены котораго руководствуются не объективнымъ, не незыблемымъ, а своимъ субъективнымъ, ничего въ сущности не стоющимъ. Въ результатѣ—сплетни, возня съ неграмотными дядьками и полный застой во всемъ, тормазъ, который вѣчно не кстати, на гору, прикрученъ, потому что тормозящій, вертящій ручку тормаза и при желаніи и даже по незнанію, будетъ вертѣть не въ ту сторону.

Чтобъ какъ-нибудь справиться, я долженъ былъ прибѣгнуть къ частному займу въ 50 тысячъ рублей, оплачивая проценты изъ своихъ собственныхъ средствъ.

Контроль это зналъ и тѣмъ не менѣе на мою просьбу въ центральное управленіе объ увеличеніи авансовъ далъ съ своей стороны отрицательный отзывъ. Подъ конецъ я добился-таки помимо контроля увеличенія аванса; но надо было ѣхать въ Петербургъ, хлопотать, а время ушло и при такихъ условіяхъ развернуть весь фронтъ работъ удалось только къ осени, когда и дни стали вдвое короче, и погода испортилась, когда работы требовали и теплыхъ бараковъ, и теплой пищи, и водки и все-таки въ дождь не работали.

Ничему не довѣряя, чиновники контроля являлись на линію, провѣряя путемъ того нивелира, котораго никогда въ рукахъ не держали, работы, опредѣляя качества матеріала, ничего не понимая въ немъ. Приходилось возиться, няньчится, потому что ссора съ контролеромъ—вещь очень опасная для репутаціи, а съ другой стороны чувство дѣловитаго и порядочнаго строителя не могло не возмущаться сознаніемъ, что такого контролера при желаніи надуть, обмануть можно какъ угодно. Я не противъ идеи контроля, но одной идеи здѣсь мало, а въ своемъ практическомъ осуществленіи дѣйствующій контроль, говоря откровенно, въ большинствѣ случаевъ, на руку только тѣмъ, которые хотѣли бы на

*

законномъ основаніи злоупотреблять. Законнымъ же основаніемъ при такой системѣ является аккуратно составленный документъ,—съ маркой, съ крестами за неграмотныхъ и пр., и проч.,—все-то, что можно сфабриковать, имѣя бумагу, перо и чернила.

Не этимъ путемъ я уберегъ казенный карманъ. Мнѣ помогли: общественное мнѣніе на линіи, гласность, огражденіе правъ даже мелкихъ сошекъ, потому что этимъ пробуждается достоинство, самосознаніе, любовь и уваженіе къ дѣлу,—все то, что дѣйствительно желаетъ дѣло. И повторяю: могутъ оспаривать нѣкоторую мою непрактичность въ постановкѣ вопроса, но какъ идея она внѣ спора.

При этомъ пусть будетъ и контроль, но какъ неразрывное тѣсное со всѣмъ остальнымъ живымъ дѣломъ постройки, такой же отвѣтственный предъ общественнымъ мнѣніемъ, такой же членъ общихъ собраній, гдѣ онъ всегда будетъ и въ курсѣ дѣла, и въ то же время лучше и легче будетъ понимать то, чего теперь обособленный, замкнутый въ тиши своего кабинета никогда не пойметъ не спеціалистъ-чиновникъ контролеръ. Не пойметъ и убѣжденный въ своей непогрѣшимости — свойство чиновника — будетъ кроить и рѣзать живое дѣло въ святой увѣренности, что онъ этотъ второй и неотвѣтственный хозяинъ только и спасаетъ это дѣло отъ ошибокъ и хищеній. И въ то время, какъ крупный подрядчикъ, не интересуясь ни капли аккуратностью табелей поденныхъ съ крестами за неграмотныхъ, обратитъ все свое вниманіе на то, во что обошлась работа, что стоила единица работъ, контролеръ будетъ только усердно искать отступленія отъ формы,—нѣтъ креста, неразборчива фамилія, невѣренъ итогъ. Это послѣднее, впрочемъ, —провѣрка итоговъ, въ сущностии есть единственная работа приносящая дѣйствительную пользу.

XXIX.

Пришла зима. Дорога наша была закончена вчернѣ, но самаго главнаго—подвижного состава у насъ не было. Заказъ его зависѣлъ отъ центральныхъ управленій и мы, строители, здѣсь уже были безсильны подвинуть дѣло. Къ тому же и дѣло было новое, требовавшее новыхъ типовъ подвижного состава, требовавшее новой работы, а такъ какъ работой всѣ и безъ того въ этихъ центральныхъ управленіяхъ завалены выше головы, то и получили мы вагоны только къ слѣдующей осени.

Я три раза просилъ принять отъ меня дорогу, хотя бы вчернѣ, съ тѣмъ, чтобы достроить ее уже эксплуатаціей, что, конечно, стоило бы дешевле строительнаго штата, но мнѣ было отказано. Мотивировка отказа: дѣло новое — его я началъ, я долженъ и довести его до конца.

А когда дѣло кончилось и началась пріемка его отъ меня прилегающей къ моей вѣткѣ казенной дорогой, то правленіе дороги категорически заявило, что не можетъ признать тѣхъ облегченныхъ условій, которыми руководствовалась наша строительная контора.

— Но вѣдь наши условія утверждены всѣми инстанціями. Будки, напримѣръ, сторожевыя намъ разрѣшено не строить,— просто надпись: „берегись поѣзда“.

— И наши условія,—отвѣчали мнѣ,—тоже утверждены всѣми инстанціями: будки мы должны строить.

Также не были признаны проектировавшіеся: телефонная система, поѣздные жезлы, централизація станціонной отчетности, что не требовало обычнаго сложнаго и дорогого станціоннаго штата. И вотъ нашу маленькую дорожку, дорожку-извозчика, облекли въ широкій не по росту общепринятый эксплуатаціонный мундиръ широкой колеи и едва видна она теперь изъ-за него,— уродецъ на восьми-футовомъ рельсѣ. Сто двадцать тысячъ понадобилось на это возвращеніе къ старому, сто двадцать тысячъ стоилъ лишній годъ постройки.

Я собирался оспаривать, думая, что и меня пригласятъ въ центральное управленіе для обсужденія намѣченныхъ реформъ эксплуатаціей, но меня не пригласили, признали заочно перерасходъ и на дополнительныя работы 240.000 рублей, представивъ въ государственный совѣтъ на утвержденіе свое постановленіе.

Мой товарищъ докладчикъ, пробѣгая по корридору съ новыми уже дѣлами, бросилъ мнѣ пренебрежительно, пожимая плечами:

— Говорили же вамъ?..

— Провалили дѣло,—съ упрекомъ встрѣтилъ меня маленькій директоръ.

— Провалилъ себя, но не дѣло. Даже въ своемъ уродливомъ теперешнемъ видѣ, перевозя свои 4—5 милліоновъ пудовъ груза, дорога подняла уже ихъ цѣнность на гривенникъ. Это одно уже составляетъ 400—500 тысячъ и это уже тридцать процентовъ на затраченный капиталъ. Уже теперь по 25 верстъ всего, считая въ сторону отъ дороги при сто-верстной ея длинѣ, получается районъ въ пять тысячъ квадратныхъ верстъ, что составляетъ пятьсотъ тысячъ десятинъ, въ которомъ земли съ 30—50 р. за десятину возросли до 60—100 рублей,—это составляетъ увеличеніе первоначальной стоимости благодаря дорогѣ въ двадцать милліоновъ и перерасходъ въ 200 тысячъ, это одинъ процентъ всего... Но и его не должно быть и при иныхъ условіяхъ не перерасходъ, а сбереженіе было бы...

— Вы хотите,—перебилъ меня директоръ,—жаловаться, какъ

съ вами не хорошо поступили, но вѣдь если я вамъ и повѣрю—буду я одинъ, а для всѣхъ остальныхъ фактъ провала на лицо.

Жалобы здѣсь, конечно, безполезны, но, оставляя даже въ сторонѣ удорожанія, вызванныя исключительно недостойными дѣйствіями, останется много и другихъ, легче устранимыхъ. Такъ, отдѣльный строительный штатъ для такой маленькой линіи слишкомъ дорогъ, такія линіи должны строиться средствами эксплуатаціи. Строители выбираютъ для этого удобный моментъ: недородъ, напримѣръ, когда и работы дешевле и являются они капитальнымъ подспорьемъ для голодающихъ. Для этого, конечно, постройка дороги не должна быть чѣмъ-то быстрымъ, неожиданнымъ, являющимся вдругъ, какъ deus ex machina, а систематизированнымъ, заранѣе обдуманнымъ общегосударственнымъ планомъ, который по мѣрѣ благопріятныхъ условій и приводится въ исполненіе. Тогда бы не перерасходъ въ 240 т., а такая же экономія, и притомъ при рельсѣ въ 11 фунтовъ, получилась бы... и въ слѣдующій разъ...

— Ждите!—фыркнулъ директоръ.

XXX.

Недовольны были мною въ Петербургѣ, а на родинѣ еще больше.

Жаловались крестьяне:

— Землю нашу подъ дорогу отбираете, теперь ни пройти, ни проѣхать съ одного поля въ другое; въ деревняхъ отъ чужого народа, бродягъ проклятыхъ, дрянь всякая завелась: бабъ, дѣвокъ перегадили, нехорошая хворь пошла, пьянство, драки, убійство. Что съ того, что и много денегъ, да цѣны имъ не стало,—все въ кабакъ тащатъ. Опять и извозный промыселъ,—зимой только и кормились отъ него, а теперь коней хоть татарамъ на мясо продавай!

— Но желѣзная дорога вамъ вѣчный кусокъ хлѣба теперь, около нея постоянная работа. Если вы получите на вашъ хлѣбъ теперь на гривенникъ дороже, то на что вамъ извозный промыселъ? Безъ извоза этотъ гривенникъ уже у васъ. Привыкнете и къ деньгамъ, а заработная цѣна разъ поднялась, такъ и останется.

— Кто тамъ доживетъ еще, а теперь плохо,—стояли на своемъ крестьяне.

Не лучше относились и землевладѣльцы къ дорогѣ. Изъ землевладѣльцевъ только одинъ Проскуринъ сдержалъ свое обѣщаніе и не взялъ за землю, остальные взяли, запрашивая вдвое, втрое противъ существующихъ цѣнъ. Также дорого брали и за матеріалы: камень, песокъ, лѣсъ. Даже чеботаевская экономія сор-

вала съ насъ за лѣсъ процентовъ на сорокъ дороже противъ существовавшихъ нормъ и предыдущихъ продажъ. Липа и осина изъ этихъ лѣсовъ приходилась почти въ ту же цѣну, что и привезенная изъ города сосна. Напрасны были напоминанія, что сперва проектировали мы строить дороги чуть ли не на свой счетъ, а теперь, когда казна даритъ ее намъ, мы беремъ за все втридорога.

На упреки мнѣ отвѣчали тоже упреками:

— Вы имѣли возможность устроить намъ настоящую дорогу съ широкой колеей, а изъ упрямства строите намъ урода какого-то. Вы имѣли возможность, по крайней мѣрѣ, пройти линіей, такъ чтобы захватить наши усадьбы, и прошли мимо, никого не удовлетворивъ, даже и себя, такъ какъ вашъ же гудронный заводъ остался теперь въ двадцати верстахъ отъ линіи, а былъ бы на линіи, какъ и Проскуринъ, и Чеботаевъ.

Я объяснялъ, что хотя усадьбы Проскурина и Чеботаева отошли верстъ на пять, но въ сравненіи съ прежнимъ положеніемъ, когда дороги не было, это совершенные пустяки, а между тѣмъ теперь, когда казна сама хозяинъ дороги, я не въ правѣ былъ пренебречь тѣми большими строительными выгодами, которыя получились отъ сокращенія длины линіи, вслѣдствіе этого, почти на десять верстъ.

— А разъ казна получаетъ отъ этого выгоды,—пусть и платится!—отвѣчали мнѣ.—То, что мы получаемъ съ васъ лишняго за землю и матеріалъ, капля въ сравненіи съ переплатой теперешней рабочимъ нашимъ. Вы и цѣны удвоили и рабочихъ всѣхъ отвлекли, весь хлѣбъ гніетъ въ полѣ и пропадомъ пропади вся ваша желѣзная дорога.

Бранили дорогу, бранили меня, злословили, клеветали.

XXXI.

Это волновало, разстраивало. Мой компаніонъ Юшковъ, съ удареніемъ на ю, говорилъ энергично:

— Да, что вамъ? Что понимаютъ они не то что въ коммерческомъ дѣлѣ-то, въ своемъ?! Хорошая дорога и дай Богъ здоровья ей... и дѣлайте себѣ свое дѣло, только вотъ Лихушинъ не взорвалъ бы васъ,—очень ужъ онъ размашистъ... Ну, понимаю—новое дѣло, хорошее дѣло, но зачѣмъ же такъ сразу? Прыщъ и тотъ почешется сперва, а потомъ выскочетъ, а вы вѣдь такъ сразу. Ну, а лопнетъ, неурожай—тогда что?

Прошло два года и дѣйствительно опять неурожай посѣтилъ наши мѣста.

Дорожка наша заработала въ обратномъ направленіи: уже не въ городъ, а изъ города въ деревню везли хлѣбъ.

— Нынче гоже, — говорили крестьяне, — и хлѣбъ и сѣмена вд-время.

— Значитъ и польза отъ дороги есть?

— Ну, такъ какъ же? Давно ли работаетъ, а гляди всѣ села около нея городами становятся. Каждый день, каждый день въ хорошій годъ хлѣбъ везутъ, круглый годъ базаръ. Купцы, народъ пріѣзжій--все доходъ, все въ цѣну—и сѣно и солома все въ деньги. Амбаровъ понастроили,—изъ амбара хлѣбъ опять на станцію, опять извозъ... Масляница, а не житье...

Опять пріѣзжали изъ городовъ „милосердные сестрицы и братцы", какъ называли ихъ крестьяне.

Энергичнѣе проявилась общественная самодѣятельность. Образовался частный кружокъ и громадныя средства со всѣхъ концевъ Россіи притекали къ нему. Явились и дѣятели безукоризненные, сильные, умѣлые.

Деревни пестрѣли интеллигентнымъ элементомъ,—ласковымъ, любящимъ, отзывчивымъ.

— Хлѣбъ съ тобой слаще, барышня ты наша дорогая,—говорила какая-нибудь старуха, сидя за обѣденнымъ столомъ и наблюдая какую-нибудь милосердную сестру, озабоченно оглядывавшую всѣ ли ѣдятъ, всѣмъ ли хватило.

Тамъ и сямъ устраивались дома трудолюбія съ мастерскими, ткацкими усовершенствованными станками.

Все это, конечно, были палліативы, но жизненные,—они привились и существуютъ и теперь.

Въ Князевкѣ Лихушинъ и Шура давно уже устроили столярную и ткацкую мастерскія, образцовое пчеловодство.

Человѣкъ двадцать изъ молодого поколѣнія Князевцевъ уже были прекрасными столярами, учеными пчеловодами. Бабы ткали сарпинку и въ зимній день выручали до сорока копѣекъ.

А лѣтомъ женская поденщина доходила и до восьмидесяти.

— Прежде двадцать копѣекъ нигдѣ не найдешь...

Молодые столяры и пчеловоды выписывали журналы, увлекались Горькимъ.

Князевцы, вслѣдствіе громаднаго хозяйства, на лѣто, частью превращались въ разнаго рода досмотрщиковъ по работамъ, частью ушли на желѣзную дорогу, частью въ городъ. Уходили, превращаясь тамъ по немногу въ мастеровой народъ. Ходили въ пиджакахъ, связи съ деревней не прерывали, но и назадъ не хотѣли.

А другіе, наоборотъ, упорно продолжали свое хозяйство, знать не хотѣли никакихъ новшествъ, предпочитали свою работу какой бы то ни было поденщинѣ и бѣдствовали: спокойные, стойкіе,

твердые въ вѣрѣ отцовъ. Въ голодный годъ чуть было не исполнилось вѣщее предсказаніе Юшкова, но за то въ слѣдующій за голоднымъ годомъ былъ такой громадный урожай и при томъ дорогихъ культурныхъ хлѣбовъ, что у меня, за вычетомъ всѣхъ расходовъ и убытковъ, очистилось свыше ста тысячъ рублей.

Но полнымъ торжествомъ Лихушина была сельскохозяйственная выставка, первая въ нашемъ уѣздѣ.

Затѣялъ ее одинъ доброжелательный молодой дворянинъ. Дворяне-землевладѣльцы отнеслись сочувственно къ этой затѣѣ и восьмого сентября выставка состоялась.

Я съ Лихушинымъ тоже получили приглашеніе и рѣшили принять его.

Мы выставили пятнадцать сортовъ сѣмянъ, молочный скотъ, продукты нашей молочной фермы, продукты пчеловодства, столярнаго производства, образцы сарпинокъ.

Мой компаньонъ въ особомъ павильонѣ выставилъ наше крупчатое производство. Онъ самъ присутствовалъ и добросовѣстно объяснялъ посѣтителямъ сложную операцію превращенія пшеницы въ конфектную муку и манную крупу.

Когда экспертиза была кончена, приступили къ присужденію наградъ. Судьями были: предсѣдатель-чиновникъ отъ министерства земледѣлія, четыре мѣстныхъ дворянина землевладѣльца, одинъ крестьянинъ, одинъ купецъ, одинъ священникъ и одинъ нѣмецъ-колонистъ.

— Первую награду за сѣменное отдѣленіе, — заявилъ предсѣдатель, — слѣдовало бы, казалось, назначить по качеству и количеству выставленнаго Князевской экономіи.

Дворяне запротестовали. Ихъ положеніе было дѣйствительно затруднительное. Двадцать лѣтъ князевская экономія пользовалась репутаціей очень незавидной: всякое неудачное нововведеніе уже напоминало Князевку и вызывало веселый смѣхъ.

Глава дворянъ — предводитель говорилъ:

— Странный же, дѣйствительно, человѣкъ. Ну, будь ты себѣ тамъ, въ желѣзнодорожномъ мірѣ, ну тамъ, Скобелевымъ, ну въ литературномъ тамъ мірѣ, но нельзя же вездѣ... Мы вѣкъ тутъ живемъ, только и занимаемся, можно сказать, тѣмъ, что терпѣливымъ ухомъ слушаемъ травы произрастаніе и вдругъ человѣкъ вздумалъ учить насъ уму-разуму: не такъ, а вотъ какъ... Смѣшно же!

Такъ говорилъ предводитель, такъ говорили и всѣ.

И вдругъ теперь, когда эти всѣ сами затѣявшіе выставку, затѣявшіе, такъ сказать, прорубить первое окно, теперь, когда окно это прорублено, при свѣтѣ дня увидѣли, что тому, чему они такъ легкомысленно смѣялись двадцать лѣтъ, приходится имъ же поклониться первымъ.

Можетъ быть, не у одного мелькала поздняя мысль, что на свою голову вышла вся эта затѣя.

Какъ бы то ни было, но сопротивлялись горячо.

Приводились такіе доводы:

— Князевская экономія не заслуживаетъ первой награды, потому что это не доходное хозяйство, потому что владѣлецъ этой экономіи человѣкъ другой спеціальности и въ имѣніи живетъ наѣздомъ.

Предсѣдатель возражалъ въ томъ смыслѣ, что вопросъ какъ о доходности, такъ и о постоянномъ мѣстожительствѣ владѣльца къ дѣлу награды отношенія не имѣетъ. Видя, что доводы его не убѣждаютъ дворянъ, предсѣдатель предложилъ высказаться не дворянамъ:

— Всѣ они члены нашего сельскохозяйственнаго общества и живутъ въ томъ же уѣздѣ.

Первый заговорилъ крестьянинъ Филиппъ Платоновичъ, съ которымъ читатель уже знакомъ по земскому собранію.

— У насъ, — печально заговорилъ онъ, — лицепріятства нѣтъ, но если говорить по правдѣ, то кому же другому отдать первую награду? Отъ кого мы двадцать лѣтъ учимся, какъ обихаживать землю? Кто завелъ намъ новыя сѣмена ржи, овса, кто научилъ насъ сѣять подсолнухъ, чечевицу, люцерну, клеверъ? У кого первый скотъ, кто даетъ крестьянамъ больше доходу, кто высыпетъ въ годъ 40—50 тысячъ рабочимъ? Куда, какъ въ банкъ, идутъ за деньгами? Да все въ ту же Князевку. И намъ думается, что тутъ одна голая правда будетъ, если присудимъ первую награду князевской экономіи.

Когда было предложено высказаться моему компаньону купцу Юшкову, онъ сказалъ:

— Мнѣ, какъ компаньону, будто неудобно говорить. Вижу я только, что какъ будто здѣсь, что-то вродѣ того, что недоразумѣніе есть какое то... Такъ на что проще обратиться къ постороннимъ, — вотъ, батюшка, хозяинъ изъ нѣмцевъ.

— Такъ что жъ, господа, — предложилъ предсѣдатель, — надо же какъ-нибудь рѣшить, — отдадимся, что ли, на судъ постороннихъ?

Дворяне молчаніемъ изъявили свое согласіе.

Всталъ батюшка.

— Я никого здѣсь не знаю. Изъ пятнадцати сортовъ сѣмянъ князевской экономіи, — такой коллекціи нѣтъ ни у кого, — многіе къ тому же высшіе по качеству, многіе обязанные своей культурой здѣсь — Князевкѣ. И все это въ громадныхъ размѣрахъ и даетъ населенію заработокъ 40—50 тысячъ... Если хо-

зяйство ведется и въ убытокъ, то тѣмъ больше чести... Я за то, чтобы первая награда была присуждена князевской экономіи.

Нѣмецъ всталъ и коротко заявилъ:

— Я согласенъ съ батюшкой.

— Ну, значитъ, такъ и поступимъ,—сказалъ предсѣдатель.

И подписавъ постановленіе, передалъ его членамъ-дворянамъ.

XXXII.

Успѣхъ увлекъ меня и я задумалъ расширить дѣло.

Я снялъ пока въ аренду, съ тѣмъ, чтобы современемъ и купить, одно большое имѣніе на Волгѣ.

Волга! Большая мимоѣзжая дорога! Каково же было мое удивленіе, когда, начавъ хозяйство въ новомъ имѣніи, я познакомился съ мѣстнымъ населеніемъ и убѣдился, что князевцы въ своемъ медвѣжьемъ углу являются людьми съ университетскимъ образованіемъ въ сравненіи съ этими наивными дикарями.

— А нашего истиннаго Христа изволили видѣть?—чуть не съ первыхъ словъ спрашивали меня крестьяне и вели въ часовню.

Тамъ въ часовнѣ въ ростъ человѣческій сидѣла деревянная кукла, въ женской юбкѣ и рубахѣ, въ какой-то безрукавкѣ съ бумажной короной на головѣ.

Отъ этой центральной фигуры по обѣ стороны въ линію тянулись куклы поменьше тоже въ уродливыхъ и фантастичныхъ костюмахъ.

— Это что,—говорилъ потомъ батюшка,—прежде вѣдь всѣ эти идолы въ церкви у нихъ стояли. Чуть не бунтъ былъ, когда перенесли ихъ въ часовню... Свѣчи жгутъ предъ ними, передъ ними молебенъ служатъ. Я донесъ архіерею, чтобы отъ соблазна пріѣхать бы просто жандармамъ въ рабочій день и увезти этихъ идоловъ.

— Почему въ рабочую пору?

— Когда всѣ въ полѣ, а то не дадутъ иначе, бунтъ устроятъ.

Склонность къ идолопоклонству, очевидно, такъ велика еще, что многіе изъ крестьянъ, входя въ переднюю барскаго дома крестятся на какую-то стоящую въ углу въ капюшонѣ деревянную фигуру. Изъ-подъ капюшона выглядываетъ смѣющееся веселое лицо.

— Это братецъ, что ли, истиннаго Христа?—спрашиваетъ перекрестившись одинъ крестьянинъ.

— Да ужъ хороши... Вотъ почитайте...

И мнѣ дали рукопись недавно умершаго священника. Тридцать лѣтъ покойникъ велъ свой дневникъ. Вначалѣ своей дѣя-

тельности онъ тоже пораженъ былъ языческимъ видомъ села, вѣрой въ предразсудки, домовыхъ, лѣшихъ, русалокъ и прочее.

„Истинная религія исчезаетъ за всѣми этими безбожными суевѣріями", писалъ съ горечью покойный.

Я перелисталъ всю рукопись. Очень интересный документъ, въ которомъ изъ года въ годъ записывались все новые и новые предразсудки, о которыхъ узнавалъ покойный.

Почти на послѣдней страницѣ этой рукописи покойный пишетъ еще объ одномъ повѣріи.

Вотъ какъ было дѣло. У крестьянина вдругъ ни съ того, ни съ сего взбѣсилась лошадь. Покойный, авторъ дневника, былъ приглашенъ отслужить молебствіе покровителямъ скота святымъ Фролу и Лавру.

„Зная уже въ чемъ дѣло,—пишетъ авторъ дневника,—я, отслуживъ молебствіе, сталъ искать у столбовъ привороть. Приворотъ этотъ составляется такъ: желая насолить сосѣду именно въ томъ смыслѣ, чтобы лошадь у него вдругъ взбѣсилась, нужно скатать въ шарикъ немного сала и закатать въ него отрѣзанный отъ хвоста намѣченной лошади волосъ. Шарикъ этотъ незамѣтно вложить въ дворовый столбъ. Послѣ нѣкоторыхъ поисковъ я дѣйствительно и разыскалъ этотъ сальный шарикъ. показалъ его всѣмъ и бросилъ тутъ же въ огонь. Само собой, что и бѣшенство лошади какъ рукой сняло".

Прочитавъ, я долго не могъ придти въ себя. Опустивъ книгу, я смотрѣлъ въ окно на даль Волги, на развернувшееся предо мною село, съ его обитателями, произведшими на меня такое же, а можетъ быть и еще болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ Князевка двадцать лѣтъ тому назадъ.

О многомъ думалось. И объ этомъ покойномъ уже священникѣ, когда-то молодомъ, съ энергіей и свѣжестью принявшемся одинъ въ полѣ воевать, тридцать лѣтъ воевавшемъ и вотъ результаты: „само собой, что бѣшенство лошади какъ рукой сняло". Думалъ я о жителяхъ этого села, о селѣ.

Грязное изъ навоза, соломы и дерева село. Старые дома еще изъ хорошаго лѣса, но всѣ новые уже изъ тонкаго или пластинника. Новые маленькіе—шести, семи-аршинные. Очевидно, этотъ новый вытѣсняетъ тотъ старый. Истощенныя поля окружаютъ село, нагорный берегъ, покрытый когда-то лѣсомъ, а теперь вырубленый, торчитъ какъ небритый подбородокъ какого-то покойника-гиганта. Только что я говорилъ съ крестьянами. Всѣ въ одинъ голосъ доказывали мнѣ, что въ крѣпостное время имъ куда лучше жилось.

Я думалъ: но если бы дожилъ человѣкъ изъ временъ Владиміра, онъ, конечно, доказалъ бы, что тогда еще лучше жилось.

Лѣсъ не былъ вырубленъ, постройки были лучше, поля не были такъ истощены, не было сифилиса, которымъ по собранной уже статистикѣ доктора, друга Генадьича, восемдесятъ процентовъ обитателей села заражены.

— Боже сохрани здѣсь молоко, масло покупать,—озабоченно теребля бородку, говорилъ докторъ.

— А земскій медицинской пунктъ далеко?

— Въ тридцати верстахъ. А что было здѣсь во время голода! Вотъ образчикъ хлѣба я досталъ.

Конечно, меньше всего можно было назвать хлѣбомъ: мякина отъ соломы, посыпанная мукой и запеченная въ печи. Отъ времени этотъ суррогатъ потемнѣлъ и производилъ отвратительное впечатлѣніе навоза.

Я сидѣлъ у окна и думалъ: двадцать лѣтъ я въ этихъ мѣстахъ. Насаждая тамъ въ Князевкѣ, культуру, иныя начала жизни, я не могъ отрицать достигнутыхъ результатовъ. Считая себя знаменіемъ времени, я думалъ, что и кругомъ жизнь идетъ впередъ и вотъ...

Мои мысли перебилъ веселый возбужденный голосъ:

— Вы здѣсь что ли? Въ этомъ громадномъ домѣ, какъ дворецъ, заблудишься и никого не найдешь.

— Яковъ Львовичъ?!

— Ну, я самый,—производилъ здѣсь слѣдствіе, узналъ что вы здѣсь... Ну, съ новосельемъ!

И Абрамсовъ трижды облобызался со мной.

— Ну, что, какъ? Нравится? Довольны? — спрашивалъ онъ, то садясь, то вскакивая.

— Вы ѣли?

— Если есть что-нибудь, я съѣмъ.

Я распорядился ѣдой и сталъ дѣлиться съ нимъ своими невеселыми мыслями.

— Охъ, не говорите... Я только что со слѣдствія... Недавно тоже одно было: царская секта... Тутъ верстахъ въ тридцати какая-то баба... Есть, видите, царская грамота, по которой крестьянская десятина должна считаться по двѣ тысячи квадратныхъ саженъ каждая сторона. Сперва эту грамоту дворяне подмѣнили, но теперь и дворяне уже согласны признать ее, но грамота попала къ англичанкѣ. Вотъ и рѣшили устроить третейскій судъ, выбрали американку. Американка, не будь дура, говоритъ: „Кто больше мнѣ заплатитъ, въ того пользу и рѣшу дѣло“. И вотъ эта баба собираетъ деньги и по телеграфу пересылаетъ ихъ царю. Тутъ же въ другой комнатѣ,—отнесетъ деньги, крестьяне слышатъ гулъ отъ придѣланнаго механизма, выйдетъ къ крестьянамъ: «Идите съ Богомъ, деньги ваши пошли уже“. Если спро-

сять ее: „А что много еще недостаетъ?“ — „Нѣтъ,—говоритъ, получила отъ царя письмо: пишетъ, что не такъ ужъ много“. Показываетъ письмо отъ царя: грязная бумага. Говоритъ: „Твердо стойте: что прикажутъ—спросите: а гдѣ царская печать? Нѣтъ—ничего и не дѣлайте, ничего—не исполняйте. Чуть староста съ чѣмъ-нибудь: „А царская печать гдѣ? Хоть бейте, хоть убейте, безъ царской печати ничего отъ насъ не добьетесь“.

— Остановился я у старушки одной, — продолжалъ Абрамсонъ.—Лѣтъ шестьдесятъ на видъ—оказывается тридцать восемь всего. Имѣетъ сына большака—въ прошлый голодный годъ женила его, хотя годами и не вышелъ. Зачѣмъ же женила? „Да, видишь, батюшка,—годъ-то голодный, а у насъ бычокъ годовалый: скотинка не почемъ, а для свадьбы все равно мясца надо,—безъ этого будто ужъ и не ловко,—подумала, подумала и порѣшила большака женить“. Я вотъ поѣмъ, разскажу, что сегодня было...

Когда Абрамсонъ поѣлъ мы усѣлись съ нимъ и докторомъ въ старинной большой комнатѣ, называвшейся библіотекой, — комнатѣ, въ которой, по увѣренію обитателей, жило привидѣніе—женщина въ бѣломъ, появлявшаяся всегда предъ какимъ-нибудь несчастьемъ,—и Абрамсонъ началъ.

— Изъ того, что я разскажу, Левъ Николаевичъ сдѣлалъ бы, пожалуй, поярче даже „Власти тьмы“. Въ селѣ убитъ ночной караульщикъ. Село на новостроющейся желѣзной дорогѣ. Переходъ, слѣдовательно, сразу изъ пятнадцатаго столѣтія въ двадцатое: деньги, водка, наплывъ всякаго вольнаго люда... купецъ-скупщикъ, уже выстроившій для хлѣба амбаръ, и вотъ сторожъ этого амбара убитъ... Амбаръ взломанъ, но ничего изъ амбара не взято—очевидно, для отвода глазъ... Убійство совершено ночью. Первая подняла тревогу жена убитаго: вдругъ высунулась въ окно и стала кричать на все село: „убили, убили“. Къ окну подбѣжалъ братъ убитаго и сталъ спрашивать ее кого убили. „Охъ, убили,—бѣги, голубчикъ, скорѣе къ амбару“. Побѣжали и нашли дѣйствительно еще теплый трупъ. Выясняется, что жена убитаго была въ любовной связи съ однимъ плотникомъ изъ желѣзнодорожныхъ... Плотникъ уже старикъ: высокій, красивый. Мужъ, убитый, срамилъ жену какъ-то при всемъ народѣ и жена плакала и жаловалась на это сосѣдкѣ. Общественное мнѣніе было за убитаго: онъ жаловался міру, что плотникъ живетъ у него и не хочетъ выселяться. Всѣмъ міромъ ходили тогда старики къ избѣ убитаго и выговаривали плотнику и даже немного побили его. Требовали, чтобы и онъ, и племянникъ его ушли изъ села и грозили, что иначе не быть имъ въ живыхъ. На это старикъ-плотникъ отвѣчалъ, „какъ бы самимъ цѣлымъ быть“. Племянникъ тоже связался съ одной молодой бабой, Марьей, у которой мужъ былъ больной,—сердцемъ

болѣлъ и работать не могъ. Племянникъ этого плотника, какъ оказалось, кормилъ свою любовницу и ея мужа, дѣлясь съ ними своими заработками. Мужъ открыто не хотѣлъ брать этого заработка его и женѣ запрещалъ брать, но ѣсть было нечего ни ей, ни мужу, и она брала. Разъ на праздникъ, мужъ при всемъ хороводѣ сорвалъ съ жены новый платокъ, упрекая ее въ томъ, что платокъ этотъ у нея отъ любовника. Скоро послѣ этого больной мужъ умеръ, а вслѣдъ затѣмъ произошло и убійство плотника сторожа. Общественное мнѣніе обвиняетъ въ убійствѣ сторожа старика-плотника, не ясно намекая на возможность преступленія и въ семьѣ Марьи. Вызываю жену убитаго и старика-плотника. Жена волнуется, вопитъ, путается въ показаніяхъ... Старикъ совершенно спокоенъ: удостовѣряетъ свое alibi и вообще съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ относится ко всему слѣдствію. Опять вызываю уже вмѣстѣ обоихъ—жену убитаго и плотника, дѣло уже къ вечеру, на очную ставку. Старикъ стоитъ все съ тѣмъ же презрѣніемъ, высокій, сильный, жена убитаго, Анна, взвинченная, худая, маленькая, лѣтъ 35. Глаза большіе, красивые. Кончилъ я очную ставку, измучился, сижу и задумался: какая-то фальшь чувствуется, улики слабы и недостаточны, чтобы привлечь ихъ и все-таки настолько значительны, чтобы не попробовать еще до чего-нибудь дорыться. И вдругъ Анны голосъ рѣшительный: „И то и тебя, и себя мучу—вели всѣмъ выйти“. Я, съ испугомъ посмотрѣвъ на нее, велѣлъ всѣмъ выйти. Старикъ, уходя, также величественно бросилъ ей: „Вѣрно говорятъ: дура баба“. Когда ушли всѣ, она подошла вотъ такъ ко мнѣ, сѣла рядомъ со мной на скамью, оперлась рукой о голову и тихо, ласково говоритъ: „Слушай, мой голубчикъ, всю я тебѣ правду разскажу, нѣтъ моей больше силы, охъ, изболѣлась я... Попуталъ грѣхъ, полюбила я его, такъ полюбила, что не стало мнѣ больше свѣта безъ него. Охъ, Боже мой, Боже мой, да что же случилось со мной, будто ушла я вотъ куда и забыла мать-отца: вижу вотъ только его, слышу его—нѣтъ моей силы. Мучилась, мучилась и призналась покойному: „грѣхъ меня спуталъ, не жена я тебѣ больше, отпусти меня“. Сама же его и надоумила, на свою голову: ему и не въ домекъ было, а тутъ сталъ донимать, при людяхъ срамить... Дальше, да больше, сердце не терпитъ, а тутъ и у племянника его съ Марьей тоже грѣхъ пошелъ. Мужъ у Марьи хворый, гнилой. Дмитрій, племянникъ этотъ на всю семью работаетъ, его же калѣку кормитъ, а онъ срамитъ, позвалъ брата, да вдвоемъ ее били, били, на цѣпь хотѣли посадить. Вырвалась, прибѣжала ко мнѣ, Дмитрій пришелъ... Я, да вотъ мой, они двое—собрались мы на задахъ, тутъ вотъ въ ту ночь и порѣшили покончить съ обоими.. Сперва Марья, а тутъ ужъ и

до моего мужа дошло дѣло... Охъ, все что ли разсказывать? Все ужъ видно... Марья послѣ того, какъ прикончила мужа, у меня въ избѣ жила. То была баба здоровая, работящая, веселая, а тутъ, какъ неживая стала: только спитъ и спитъ, и Димитрій словно уже не любъ ей сталъ. Въ ту ночь, какъ убить мужа, я сама мужа и разбудила, въ караулъ идти... А ужъ тамъ ждали его и мой, и Димитрій... Охъ! бужу, а онъ не хочетъ вставать: „не пойду“,—говоритъ... „Какъ, говорю, не пойдешь, за что же ты жалованье получаешь“? Говорю, а сама силкомъ его поднимаю, сама азямъ на него натаскиваю, шапку, рукавицы сую... Сперва ругался, а тутъ „ну, благословляй“, говоритъ. „Съ Богомъ“, говорю. Скрипнула дверь и ушелъ... А ночь темная... Гляжу въ окно: ушелъ. Охъ, ушелъ... Сама на смерть погнала. Охъ, Боже мой, въ душѣ все такъ и ходитъ... Господи, Господи... „Маша, Маша“... Бужу ее: „слышь, говорю, ушелъ онъ“... Поднялась она и упала опять: спитъ... Охъ, тоска... сумно... Одна, въ избѣ темно, страшно... „Маша“... А тутъ: да что-жъ я это дѣлаю? Бросилась къ окну, подняла подоконце, высунула голову и ужъ и не помню, стала кричать: „убили, убили“... Вотъ тебѣ все, какъ передъ Богомъ, прости ты меня, грѣшную изувѣрку“... Ну, что-жъ?.. Дмитрія, Марью къ допросу. Дмитрій запирается, а Марья, какъ и Анна,—„все разскажу. Заѣлъ мою жизнь постылый; терпѣла, а тутъ и терпѣть перестала: все коритъ, все точитъ, издѣвается, а самъ гнилой, да немощный... Какъ вотъ порѣшили ихъ обоихъ сжить, досталъ Дмитрій бѣлаго порошка, я ему на ночь и всыпала, вмѣсто того, который фельдшеръ велѣлъ ему давать. Выпилъ онъ, а ужъ сильно же недужный былъ, не могъ ужъ и ходить“... „Такъ что еслибъ подождала, скоро и самъ бы померъ?“—спрашиваю я. „Нельзя было ждать больше мнѣ, всю душу вымоталъ издѣвкой: самъ гнилой, да немощный, а издѣвается. Лѣкарство даешь ему, а онъ укусить наровитъ... И жалости больше къ нему не было... Выпилъ онъ порошокъ и смекнулъ, видно, что не тотъ я ему всыпала. Говоритъ: „ступай, брата позови ко мнѣ“. Братъ въ шабрахъ жилъ. Вышла я въ сѣни, а въ сѣняхъ Дмитрій притаился... „Что дѣлать“?.. „Постой такъ, говоритъ, и скажи потомъ, что братъ сейчасъ придетъ“. Тутъ мы съ Дмитріемъ стоимъ, да цѣлуемся, а онъ тамъ все стонетъ, все сильнѣй. „Какъ бы, говоритъ Дмитрій, шабры не услышали“. Вошла я опять въ избу. „Ну, что-жъ братъ“? А самъ: „охъ, охъ, охъ“... „А ты, говорю, лучше не стони, братъ придетъ“. Утихъ немного и опять сталъ стонать и говоритъ мнѣ: „отравила ты, душегубка, мышьякомъ меня“. Угадалъ... „Погоди, говоритъ, вотъ я въ окно людей позову...“ И полѣзъ къ окну.. Я въ сѣни къ Дмитрію: „что-жъ, говоритъ, самъ смерти дождаться не можетъ:

подушкой его... Ты сзади, да ротъ заткни, а я подушкой..." Я сзади подбѣжала, ротъ зажала ему, а онъ зубищами руку мнѣ: я сама чуть не крикнула... Тутъ Дмитрій съ подушкой подоспѣлъ, опрокинули мы его, подушкой накрыли, а сами сѣли и злость въ насъ, сидимъ на немъ и цѣлуемся... Потомъ стащили его на мѣсто, гдѣ раньше лежалъ, а сами въ сѣняхъ спать легли. На зарѣ Дмитрій ушелъ, а я пошла будить брата: померъ, молъ, ночью и не слыхала... Ну, хворый былъ, смерти всѣ дожидались... Вотъ я тебѣ все сказала и ты мнѣ теперь скажи, научи, какъ мнѣ съ Дмитріемъ въ одну каторгу попасть? Больше ничего мнѣ и не надо"...

Мы молча смотрѣли на Абрамсона, а онъ говорилъ намъ энергично, убѣдительно:

— Это не выдумка, а жизнь.

Да жизнь, полная мрака и ужасовъ... Какія-то блестки, какія-то молніи прорѣзываютъ иногда этотъ мракъ, но отъ нихъ еще темнѣе кругомъ...

Н. Гаринъ.

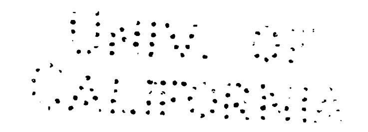
МЕРТВЫЙ ЧАСЪ.

Ночь сомкнулась, какъ могила,
Надъ уснувшимъ селомъ,
Смяла шорохи и смыла
Очертанья кругомъ.
Небо тучами объято;
Глухо дремлетъ востокъ;
А прощальный лучъ заката
Невозвратно далекъ!..

Мнится, будто опустило
Время крылья свои,
Будто въ ужасѣ застыло
Сердце дряхлой земли,
Будто солнце гдѣ-то тмится
Въ вѣчной мглѣ безъ слѣда,
И ужъ день не повторится
Никогда, никогда!..

Какъ гигантской паутиной
Сжата грудь, чуть дыша...
Передъ близкой ли кончиной
Такъ тоскуетъ душа?
Иль въ грядущемъ созерцаетъ,
Какъ на тризнѣ вѣковъ
Дикій хаосъ поглощаетъ
Прахъ отжившихъ міровъ?..

А. Колтоновскій.



КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«Бурепомъ», пьеса г. Ѳедорова и его же «Старый домъ».—Шаблонность и подражательный характеръ обѣихъ пьесъ.—Драмы д'Аннунціо «Мертвый городъ», «Джіоконда», «Слава».—Трилогія Шнитцлера.—Юбилей Генриха Сенкевича.

Недавно журнальный обозрѣватель газеты «Россія» отмѣтилъ въ нашей художественной литературѣ оскудѣніе романа, который какъ будто совсѣмъ исчезъ. Его замѣнили безчисленные разсказы, повѣсти, картинки, этюды, эскизы и—добавимъ мы—драмы, которыя давно уже не появлялись въ такомъ изобиліи. Это почти полное исчезновеніе романа—фактъ, дѣйствительно, очень знаменательный, а когда его сопоставишь съ массой мелкихъ беллетристическихъ вещей и вещицъ, его замѣнившихъ, то онъ получаетъ и особое освѣщеніе. Получается такое впечатлѣніе, какъ будто романъ распался на тысячи осколковъ, которыми и приходится пробавляться читающей публикѣ за недостаткомъ болѣе существенной и крѣпкой пищи. Объясненіе напрашивается само собой, такъ какъ оскудѣніе крупнаго литературнаго творчества идетъ всегда рука объ руку съ оскудѣніемъ жизни. Еще болѣе подтверждается такое объясненіе незначительностью произведеній, замѣщающихъ романъ. Положительно не на чемъ остановиться, до того все блѣдно и сѣро. Ни одно новое имя не выдѣляется, почти ни одно произведеніе, не смотря на могочисленность ихъ вообще, не запомнилось, значитъ, не произвело впечатлѣнія. А между тѣмъ, возьмите книжку любого журнала, и вы найдете все на своемъ мѣстѣ, и каждый день поступаютъ въ редакціи «для отзыва» многочисленные сборники беллетристическихъ произведеній. Въ общемъ получается какъ будто бы и внушительный потокъ творчества, только какого-то, если можно такъ выразиться, штам[illegible] характера. Всѣ новые авторы словно на одно лицо, и лицо это та[illegible] интересно, такъ не индивидуально, что перепутать ихъ ничего не стоитъ. Литература словно превратилась въ большую фабрику, гдѣ по извѣстнымъ образцамъ выдѣлывается ежемѣсячно опредѣленное количество «художественнаго» товара, который выбрасывается на рынокъ съ тѣмъ, чтобы, за рѣдкимъ исключеніемъ, исчезнуть съ него навсегда, замѣнившись новой порціей.

Типичнымъ образчикомъ такого современнаго творчества могутъ служить двѣ пьесы г. Ѳедорова—«Буреломъ», появившаяся на сценѣ Александринскаго театра, и «Старый домъ», напечатанная въ октябрьской книгѣ журнала «Жизнь». Авторъ раньше пописывалъ стихи, даже выпустилъ ихъ цѣлый сборникъ. Стихи его гладкіе, ровные, только они—стихи, а не поэзія, и въ этомъ отношеніи ничѣмъ не выдѣлялись изъ массы другихъ стиховъ. Пытался авторъ писать и романы, но они были, кажется, еще менѣе отмѣчены печатью оригинальнаго дарованія. Теперь онъ выступилъ сразу съ двумя драмами, которыя едва ли прибавляютъ много къ его авторской физіономіи, такъ какъ обѣ отмѣчены тою же печатью шаблонности и подражательности, что и его стихи, и его проза.

Съ первой же сцены «Бурелома» зритель можетъ предсказать дальнѣйшее развитіе и конецъ драмы, героемъ которой выступаетъ молодой начинающій авторъ, пріѣзжающій въ столицу изъ провинціи съ невѣстой въ сердцѣ и высокими словами о служеніи людямъ, о высокомъ значеніи искусства и литературы—на языкѣ. Тюменевъ,—такъ зовутъ героя,—молодой поэтъ и журналистъ, сразу попадаетъ въ объятія соблазнительной артистки Нильской, не лишенной нѣкоторой внѣшней обаятельности, при общей внутренней пустотѣ и ничтожности Въ этихъ объятіяхъ онъ сразу же оставляетъ и невѣсту, и всѣ свои высокія слова и остается въ концѣ концовъ въ роли общипаннаго пѣтуха, у котораго не оказывается ничего своего, ничего прочнаго, оригинальнаго, что помогло бы ему выдержать это первое столкновеніе съ жизнью. Вотъ и вся исторія, въ тысячу первый разъ повѣданная міру г. Ѳедоровымъ, который думаетъ несомнѣнно, что онъ открылъ новый типъ, новую черту въ настроеніи современнаго общества.

На это указываетъ затѣйливое заглавіе пьесы—«Бурелом», въ которомъ какъ будто скрывается нѣчто очень существенное и глубокомысленное. Буреломомъ, какъ извѣстно, называются поваленныя деревья, гніющія и заглушающія ростъ молодыхъ побѣговъ Кто же въ драмѣ выступаетъ въ роли такихъ деревьевъ? Какъ будто и всѣ, и никто. Предъ нами сначала редакція большой столичной газеты, которая называется въ пьесѣ серьезной и честной, хотя немного скучной, но вообще вліятельной и держащей знамя печати «честно и грозно, по старинѣ». Редакторъ этой газеты Тумазовъ,—кстати сказать, самая неудачная фигура въ пьесѣ,—выступаетъ постоянно, какъ охрана и щитъ молодого таланта, какъ стражъ добродѣтели и проповѣдникъ, словомъ, нѣчто въ родѣ Стародума. Онъ встрѣчаетъ молодого журналиста самымъ привѣтливымъ образомъ, предлагаетъ ему даже «7 коп. за строчку», всячески его поощряетъ на служеніе родному слову и всѣми мѣрами содѣйствуетъ успѣху новой пьесы, которую молодой поэтъ привезъ изъ провинціи. Онъ бережетъ его талантъ и во всѣхъ подобающихъ и не подобающихъ случаяхъ напоминаетъ ему о невѣстѣ въ провинціи и высокихъ словахъ о служеніи и проч. Такимъ образомъ, старый редакторъ большой и вліятельной газеты не только не буреломъ, а скорѣе, мощный дубъ, подъ сѣнью коего «въ тиши расцвѣтшій василекъ» могъ бы пышно развиться и окончательно окрѣпнуть. Но злой рокъ судилъ иначе, и всѣ добрыя намѣренія стараго редактора разбиваются о соблазнительныя чары обаятельной, хотя и пустой артистки, которая ставитъ пьесу молодого автора въ свой бенефисъ, а самого автора обольщаетъ чарами своихъ прелестей. Ей помогаютъ ея поклонники, «кактусы», какъ она ихъ называетъ,—разные темные биржевые дѣльцы и работники мелкой столичной прессы, ютящіеся на задворкахъ биржи, за кулисами театра и обдѣлывающіе темныя дѣлишки, въ которыхъ и соблазнительная сирена принимаетъ живѣйшее участіе. Тюменевъ моментально втягивается въ эту нечистую шайку, очарованный своей сиреной-покровительницей, и ни старый редакторъ, ни примчавшаяся на помощь невѣста уже не могутъ направить его на путь добродѣтели,—онъ такъ и заглохъ, пріобщившись къ прочему бурелому. Но буреломъ требуетъ бури, а бури этой мы нигдѣ не видимъ, даже намека на нее нѣтъ въ пьесѣ нигдѣ. Ужъ сколько разъ твердили міру, что въ столичной прессѣ есть особая помойная яма, именуемая мелкой уличной печатью, пробивающаяся шантажемъ и нечистыми дѣлишками, что въ артистическомъ мірѣ есть достаточно нечистыхъ на руку артистокъ, въ родѣ Нильской,—только никто не видитъ въ нихъ чего-то особеннаго, какой-то мрачной общественной силы, губящей свѣжіе таланты и сбивающей ихъ съ пути добродѣтели. Истинные таланты не пропадаютъ нигдѣ, истинныя добродѣтели не гибнутъ никогда.

Но это между прочимъ. Пьеса сама по себѣ не даетъ для этого никакого

матеріала, и буреломъ тутъ не причемъ. Въ пьесѣ нѣтъ прежде всего живыхъ людей и характеровъ, а есть только трафаретныя фигурки, которыхъ оживляетъ только игра такой опытной артистки, какъ г-жа Савина. Съ ея появленіемъ на сценѣ все оживляется, съ ея уходомъ выступаетъ самъ г. Ѳедоровъ и тогда наступаетъ скука, раздаются мертвыя рѣчи и движутся шаблонныя фигуры, давнымъ-давно намозолившія всѣмъ глаза. Тутъ и фельетонистъ «Столичнаго Эхо», промышляющій шантажемъ, и рецензентъ, пишущій отзывы подъ диктовку хозяина, ухаживающаго за артисткой, и персонажи закулиснаго міра, какъ они очерчены тысячи разъ, въ родѣ перваго любовника, придающагѳ все значеніе костюмамъ, мрачнаго трагика, хромого суфлера, и проч. Труппа Александринскаго театра играетъ эти накатанныя роли бойко, гладко, живо, что нѣсколько скрадываетъ ничтожность содержанія пьесы.

Во всей красѣ шаблона и подражательности выступаетъ г. Ѳедоровъ въ «Старомъ домѣ». Здѣсь читатель имѣетъ дѣло съ авторомъ, которому не помогаетъ больше актеръ, умѣющій оттѣнить всѣ выигрышныя мѣста и затушевать купюрами всѣ недостатки. Отъ того, должно быть «Старый домъ» и выступаетъ съ такой обнаженностью тоски и скуки, не смотря на всѣ попытки автора скрасить пустоту содержанія безконечными ремарками, разсчитанными на особый эффектъ. Эта манера бить на обстановочную сторону драмы цѣликомъ позаимствована авторомъ у заграничныхъ драматурговъ, у Метерлинка и особенно у д'Аннунціо. Въ наиболѣе чистомъ видѣ эту ремарочную систему можно найти у д'Аннунціо, въ пьесахъ котораго есть цѣлыя сцены, гдѣ дѣйствующія лица только двигаются и ничего не говорятъ. Какъ это всегда бываетъ, подражатель доводитъ недостатки оригинала до крайности. Это случилось и съ г. Ѳедоровымъ. У него сцены безъ рѣчей и ремарки занимаютъ почти половину печатнаго текста пьесы, такъ что на долю театральныхъ стѣнъ выпадаетъ главная роль.

Первый актъ такъ и начинается: длиннѣйшая нѣмая сцена, въ которой дѣйствуютъ и солнечный лучъ съ кружащимися въ немъ пылинками, и мыши, скребущіяся подъ поломъ, и трескъ старой мебели, и странный шорохъ, и прочіе предметы, только не люди. Такъ по ремаркѣ пустая сцена длится довольно долго, пока зритель не будетъ вполнѣ охваченъ желательнымъ для автора трепетомъ. Если же читателя охватываетъ скука, то и противъ этого авторъ ничего не имѣетъ: только старое искусство признавало всѣ роды искусства хорошими, кромѣ скуки. То новое, чему такъ усердно, хотя и неудачно подражаетъ г. Ѳедоровъ, ничего не имѣетъ противъ скуки, тѣмъ болѣе, что скучать — «удѣлъ разумной всякой твари». И потому нашъ авторъ въ изобиліи доставляетъ это удовольствіе читателямъ, помѣщая рядъ сценъ одна за другой, въ которыхъ дѣйствуютъ выше перечисленные персонажи безъ рѣчей. Въ особенности нравятся ему мыши,—если не въ каждой сценѣ, то въ каждомъ актѣ фигурируютъ нѣсколько этихъ милыхъ животныхъ. «Гдѣ-то скребется мышь», «пробѣгаетъ мышь» — то и дѣло отмѣчаетъ авторъ. Режиссеру тутъ будетъ надъ чѣмъ поработать; однѣ репетиціи съ мышами доставятъ ему немало хлопотъ, пока эти юркіе звѣрьки проникнутся всей важностью своихъ новыхъ ролей. Чтобы не быть голословными, приведемъ постановку четвертаго акта, въ которомъ шестнадцать явленій, и изъ нихъ шесть — голыя стѣны, шумы, шорохи и... мыши. Люди отсутствуютъ или почти отсутствуютъ. Вотъ, напр., явленія 12-е, 13-е и 14-е.

Явленіе 12-е.

Палаузовъ. Инна! (Нѣкоторое время стоитъ у двери, потомъ стучитъ). Инна!.. Заперлась!.. Не отвѣчаетъ. (Блѣдный, нервной походкой отходитъ отъ

*

дверей, беретъ зажженную свѣчу изъ канделябра и идетъ въ свою комнату. Сцена остается пуста. Мракъ. Тишина. Слышатся тѣ же шорохи и звуки, какъ при открытіи занавѣса въ первомъ актѣ. Точно гудитъ струна... гдѣ-то скребется мышь).

Явленіе 13-е.

(Входитъ Палаузова въ бѣломъ пеньюарѣ. Видя, что никого нѣтъ, она подходитъ къ окну, отворяетъ его и глубоко вдыхаетъ въ себя ночной воздухъ. Смутно доносятся ночные деревенскіе звуки, скрипъ воротъ, лай собакъ, стукъ деревенской колотушки. Вдругъ, въ тишинѣ издали раздается голосъ сумасшедшей, которая поетъ что-то унылое, какъ причитаніе по покойникѣ. Палаузова быстро захлопываетъ окно, дрожа отходитъ отъ него и нерѣшительно направляется въ комнату мужа, а затѣмъ у самой двери поворачивается и уходитъ въ свою комнату).

Явленіе 14-е.

(Входитъ Палаузовъ. Нѣкоторое время стоитъ у ея дверой, какъ бы въ нерѣшительности, войти или нѣтъ. Затѣмъ отходитъ, беретъ свѣчу и молча блуждаетъ отъ портрета къ портрету, освѣщая ихъ по очереди. Въ окно прокрадывается сѣроватый разсвѣтъ. За сценой вздрагиваютъ бубенцы подаваемыхъ Силуянову лошадей. Палаузовъ, услышавъ ихъ, быстро бѣжитъ къ окну, но какъ будто вспомнивъ что-то, останавливается, затѣмъ, махнувъ рукой, снова направляется къ портретамъ и идетъ отъ одного къ другому, какъ бы мысленно бесѣдуя съ ними).

Явленіе 15-е.

(Послѣ большой паузы въ дверяхъ появляется нянька),—и только тутъ начинается разговоръ къ великому облегченію зрителя, въ теченіе четверти часа предоставленнаго собственной изобрѣтательности по части развлеченій, въ то время, какъ на пустой сценѣ разыгрываются эти удивительныя «явленія».

Но пьеса, вѣдь, такъ и названа «Старый домъ»,—это значитъ, что главная роль и должна принадлежать стѣнамъ, шорохамъ и скребущимъ мышамъ, а живые люди должны играть роль аксессуаровъ, того, что называется обстановочной стороной пьесы. И эту сторону они олицетворяютъ съ честью и достоинствомъ, ограничиваясь лишь въ крайней необходимости краткими рѣчами, дополняя остальное молчаливыми, но краснорѣчивыми тѣлодвиженіями, какъ полагается по Метерлинку. Для автора такая манера крайне удобна, такъ какъ избавляетъ его отъ необходимости придумывать имъ разговоръ, рѣчи, мысли и прочее, безъ чего немыслимо человѣческое общество. Тамъ же, гдѣ ужъ никакъ нельзя обойтись безъ разговора, авторъ прибѣгаетъ къ позаимствованіямъ, и главный герой пьесы Силуяновъ такъ и валяетъ по Максиму Горькому, перефразируя его «Мужика».

Дѣло въ сущности очень простое. «Старый домъ» охаетъ, скрипитъ, мыши въ немъ скребутъ, и владѣлецъ этого дома Палаузовъ во всемъ ему подражаетъ. Съ перваго появленія на сцену и до конца онъ «раздражается», «вздрагиваетъ», «волнуется», «хмуритъ брови», «сердится», «нетерпѣливо прохаживается», и т. д.,—словомъ, охаетъ, стонетъ, скрипитъ и жалуется. Но у него—молодая жена и есть другъ дѣтства Силуяновъ, изъ бывшихъ крѣпостныхъ отца Палаузова. Остальное ясно. «Докончить ли старую пѣсню? Звучитъ такъ уныло она... Другъ друга они полюбили, и смерть имъ была суждена», какъ поется въ старой пѣсенкѣ. Но есть у насъ теперь Максимъ Горькій, и онъ то выручаетъ автора. Силуяновъ «весь корнями въ землѣ», онъ—изъ народа, и

это «даетъ ему силу справиться съ судьбой». Изъ его монологовъ, единственныхъ въ пьесѣ, мы узнаемъ, что онъ добръ и великодушенъ, хотя и старается скрыть это, ибо «улыбаясь всю жизнь судьбѣ, ему негдѣ было взять доброты». Ибо «посудите сами»—говоритъ онъ женѣ Палаузова,—«черезъ нѣсколько дней послѣ моего появленія на свѣтъ, я чуть не задохся въ курной избѣ, и несомнѣнно, сквозь дымъ улыбался, иначе и не стоялъ бы сейчасъ передъ вами; когда меня везли крестить, мои спутники были пьяны, не замѣтили, что я по дорогѣ выпалъ изъ саней на снѣгъ. Меня хватились только по пріѣздѣ въ церковь, и, конечно, лежа на снѣгу, я тоже улыбался судьбѣ; затѣмъ меня едва не съѣла свинья, едва не спалилъ пожаръ, едва не переѣхала телѣга и еще тысячи разныхъ случаевъ, и все же я улыбался судьбѣ». Не напоминаютъ ли эти злоключенія героя тѣхъ сорока семи занозъ, которыя докторъ вынулъ изъ спины «мужика» Горькаго, когда его «отлупили» пучкомъ лучины? Но это, такъ сказать, сходство внѣшнее. Изъ дальнѣйшаго монолога уясняется и прямое духовное родство. «Всѣ эти домашнія злоключенія, о которыхъ мнѣ разсказала бабушка, были цвѣточками сравнительно съ ягодками, которыя мнѣ приходилось глотать, когда меня вмѣстѣ съ Владиміромъ (Палаузовымъ) отдали въ гимназію. Тутъ ужъ я свои улыбки самъ помню, и онѣ были куда горше прежнихъ, потому что тамъ не было самаго ужаснаго, что я встрѣтилъ здѣсь—униженія и сознанія того, что мое положеніе, дѣйствительно, можетъ казаться моимъ сверстникамъ унизительнымъ. Я счастливъ былъ, когда мнѣ приходилось драться съ ними и за себя, и за Владиміра. Меня били безпощадно, но я все-таки былъ счастливъ, потому что, во-первыхъ, я самъ билъ, а во-вторыхъ—драка равняла меня съ ними. И тутъ я улыбался судьбѣ, иначе убѣжалъ бы изъ гимназіи или повѣсился бы на первомъ попавшемся крюкѣ».

Палаузова. И при этомъ вы не потеряли способности улыбаться?... Что же это за великая сила, которая помогла вамъ вынести все это бремя, не озлобившись на жизнь и людей?

Силуяновъ. Великая сила—сказали вы. Да, это правда. И въ этой силѣ вся суть. Эту силу далъ мнѣ тотъ народъ, который вы видите такимъ несчастнымъ, такимъ униженнымъ во мракѣ и грязи. Эта сила—инстинктъ будущаго. Только тотъ народъ, которому суждено великое будущее, можетъ вытерпѣть, вынести то, что онъ вынесъ на своихъ плечахъ, улыбаясь судьбѣ даже тогда, когда губы подергиваются голодными судорогами. Народу по праву принадлежитъ будущее, омытое въ его собственныхъ слезахъ, купленное страшною цѣною труда и лишеній, и во имя этого будущаго онъ несетъ свое бремя. И если я пробился на просторъ, какъ же не пробиться ему! Я чувствую, какъ я безсиленъ и слабъ сравнительно съ нимъ. Такихъ, какъ я, теперь много, и мы первыя ласточки ясной и свѣтлой весны».

Эти заносчивыя рѣчи не совпадаютъ однако съ поведеніемъ героя, который служитъ себѣ управляющимъ у того же Палаузова и хорошо охраняетъ его интересы. Правда, въ моментъ пріѣзда Палаузовыхъ въ мѣстности этой голодъ, и Силуяновъ на деньги все того же Палаузова устраиваетъ столовыя и пріюты для дѣтей совмѣстно съ женой своего друга. А между прочимъ ухаживаетъ за Палаузовой, наконецъ влюбляется въ нее, что ведетъ къ столкновенію съ мужемъ, и Силуяновъ уѣзжаетъ. Тутъ и пѣсенкѣ конецъ. И эта исторія стара какъ міръ, и новаго въ ней развѣ притянутыя за уши тирады изъ «Мужика» М. Горькаго да эфекты во вкусѣ Метерлинка и д'Аннунціо. Въ драмѣ нѣтъ характеровъ, нѣтъ живого дѣйствія, развивающагося логически, и вся пьеса тоскливо-медленно тащится. Сопоставленіе представителя отживающаго «стараго дома», Палаузова, съ новымъ движеніемъ жизни въ лицѣ Силуянова обставлено такъ искусственно, такъ натянуто, что вѣрная въ существѣ

идея только затемняется и вызываетъ недоумѣніе. Видимо, и для самого автора не ясно, что изъ сего должно воспослѣдовать. Есть, напр., въ пьесѣ вводное лицо, сумасшедшая тетка Палаузова, которая бродитъ по дому, какъ тѣнь, и въ заключеніе вѣшается на томъ самомъ крюкѣ, на которомъ когда-то повѣсилась одна изъ крѣпостныхъ жертвъ отца Палаузова. Какъ понимать эту фигуру, зачѣмъ въ каждомъ актѣ она толчется на сценѣ,—едва ли объяснитъ и авторъ. Есть еще старая нянька Палаузова, какъ представительница добраго стараго времени, одна изъ шаблоннѣйшихъ фигуръ, такъ называемыхъ старыхъ слугъ, столь часто и многообразно описанная въ нашей литературѣ. Вотъ и всѣ лица пьесы, если не считать совершенно мертвой фигуры, жены Силуянова, личности почти безъ рѣчей и во всякомъ случаѣ безъ значенія.

Если смотрѣть на «Старый домъ», какъ на произведеніе символическое, то оно можетъ служить прекраснымъ примѣромъ грубаго, не художественнаго символизма. Мы видимъ здѣсь грубо скомпанованную внѣшность явленія, но внутренняя его сторона остается для автора скрытой. Причины происходящей смѣны старой и новой жизни, что изжито въ старой и что даетъ новой ея побѣдоносную силу,—символизмъ пьесы не раскрываетъ. Скребущія мыши также мало говорятъ о мертвенности стараго дома, какъ и слова Силуянова о новой силѣ, призванной обновить жизнь. Все это слова, слова и слова, лишенныя плоти и крови, не оставляющія ни малѣйшаго слѣда въ душѣ читателя, потому что образъ того, кто ихъ говоритъ, безжизненъ и характеръ Силуянова не даетъ художественнаго представленія. Чтобы выяснить себѣ, въ чемъ основной недостатокъ этого произведенія, припомнимъ какую-либо символическую драму Ибсена, напр., его «Архитектора Сольнеса». Символизмъ этой драмы несомнѣненъ, но въ ней всѣ лица живы, художественно обрисованы, ихъ душа предъ нами раскрыта. Мы ясно понимаемъ мотивы, движущіе ими, понимаемъ, что иными эти люди не могутъ быть, и символизмъ ихъ только углубляетъ и расширяетъ наше представленіе о каждомъ изъ нихъ. Мы видимъ этихъ людей, ясно представляемъ себѣ и архитектора Сольнеса, неспособнаго больше строить дома для счастливыхъ людей, потому что онъ измѣнилъ высшему призванію человѣка, и Гильду, ясную и свѣжую, какъ юность, и страдальческую фигуры бѣдной жены Сольнеса. Ничего подобнаго не даетъ драма г. Ѳедорова, персонажи котораго скорѣе блѣдныя тѣни, а не живые люди, и въ этомъ главный недостатокъ его произведенія.

Г. Ѳедоровъ не художникъ, онъ просто работникъ пера, усердно и съ наилучшими намѣреніями старающійся угодить на вкусъ публики. И нѣкоторый успѣхъ его «Бурелома», чѣмъ онъ обязанъ хорошей игрѣ александринской труппы и выигрышной роли для такой артистки, какъ г-жа Савина, служитъ ему наградой. Что касается «Стараго дома», то едва ли можно ожидать успѣха для этой пьесы на сценѣ: пьеса слишкомъ монотонна и безжизненна. Врядъ ли помогутъ и сцены безъ рѣчей, съ гудѣніемъ струны, скребущими мышами и прочими, позаимствованными изъ репертуара западныхъ символистовъ драматурговъ, аксесуарами.

Съ однимъ изъ этихъ драматурговъ задался цѣлью познакомить русскихъ читателей пресловутый «Скорпіонъ», о рожденіи котораго мы своевременно узнали изъ отчета г. Бальмонта въ англійскомъ журналѣ «Atheneum». Не смотря на ядовитую кличку, избранную для своей фирмы новымъ издательствомъ, изданія «Скорпіона» ничего нарочито ядовитаго въ себѣ не заключаютъ. Въ теченіе истекающаго года новая фирма издала послѣднюю драму Ибсена, «Когда мы мертвые проснемся», жиденькій сборничекъ твореній г. Брюсова «Tertia vigilia», еще что-то въ томъ же родѣ и теперь три драмы д'Аннунціо и небольшую трилогію Шницлера «Зеленый попугай».

Самое значительное изъ этихъ изданій это—драмы д'Аннунціо. Русской читающей публикѣ этотъ авторъ больше знакомъ по романамъ, печатавшимся въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ». Изъ драмъ его одна «Джіоконда» была поставлена въ прошломъ сезонѣ на сценѣ Малаго театра, гдѣ блестяще провалилась. И такой провалъ вполнѣ естественъ и понятенъ, такъ какъ трудно указать другого автора, болѣе чуждаго по духу русскому читателю. Сто лѣтъ литературнаго развитія пріучили послѣдняго къ простотѣ и естественности, а д'Аннунціо есть прежде всего полное отрицаніе всего простого, дѣйствительнаго, жизненнаго. Все въ немъ вымучено, взвинчено, ходульно и манерно. Онъ весь изломанъ, постоянно кривляется и словно задался цѣлью, во чтобы то ни стало, придумать самое невозможное положеніе, самое невѣроятное словечко и изобразить его какимъ-нибудь чудовищно-нелѣпымъ образомъ. Но ему не достаетъ фантазіи Эдгара По, чтобы быть дѣйствительно фантастичнымъ, недостатокъ поэтическаго чувства не позволяетъ ему скрасить свои измышленія оттѣнкомъ поэзіи, а грубая, чисто итальянская чувственность загрязняетъ всѣ его образы.

Первая драма сборника «Мертвый городъ» изобилуетъ всѣми указанными качествами. Дѣйствія въ ней почти нѣтъ, она состоитъ изъ длиннѣйшихъ монологовъ, въ которыхъ герои, или какъ они называются у д'Аннунціо—dramatis personae, изливаютъ свои чувства. Этихъ «драматическихъ персонъ» немного. Ихъ двѣ пары—мужъ и жена, братъ и сестра. Мужъ не любитъ своей жены и влюбленъ въ сестру своего товарища, страстнаго археолога. Сестра этого послѣдняго всюду сопровождаетъ его при раскопкахъ, которыя онъ производитъ въ разныхъ мѣстахъ въ поискахъ за сокровищами древнегреческой культуры. Дѣйствіе драмы застаетъ ихъ за раскопками древнихъ Микенъ, надъ которыми братъ и сестра работаютъ съ рѣдкимъ увлеченіемъ, и дѣло подвигается къ концу съ большимъ успѣхомъ. Найдены гробницы царей съ массой золотыхъ и другихъ скульптурныхъ сокровищъ, цѣль многолѣтнихъ работъ достигнута, но тутъ и начинается расплата за дерзкое покушеніе разбудить «Мертвый городъ». Страсти, похороненныя здѣсь тысячелѣтія тому назадъ, какъ бы просыпаются и овладѣваютъ дерзкими покусителями. Братъ, оказывается, страстно влюбляется въ свою родную сестру, которая, въ свою очередь, не менѣе сильно влюблена въ мужа своей подруги, съ которой она живетъ при раскопкахъ. Эта подруга, въ довершеніе всего, слѣпа, но особымъ внутреннимъ окомъ прозрѣваетъ истину и открываетъ ее обезумѣвшему отъ любви археологу. Тотъ, въ порывѣ ревности, топитъ сестру въ источникѣ, когда она наклонившись, пьетъ изъ него воду. На этомъ и оканчивается драма.

Неестественности содержанія вполнѣ отвѣчаетъ такой же стиль, которымъ она написана. Герои не разговариваютъ, а или выкрикиваютъ безсвязныя слова, или трагически все время завываютъ, пересыпая эти странныя рѣчи цитатами изъ Софокла, перепутывая дѣйствительность съ прошлымъ, такъ что въ концѣ концовъ все сливается въ невообразимый хаосъ. Каждый герой ходитъ торжественно, медленно, словно несетъ на головѣ сосудъ съ драгоцѣнной влагой. Каждый исполненъ тайны и каждый выбалтываетъ эту тайну другому, который, въ отвѣтъ, вздымаетъ руки къ небу, дрожитъ, глазами косо водитъ и начинаетъ выбалтывать свою. Безчисленныя длинныя ремарки и нѣмыя сцены усугубляютъ растянутость драмы.

Таковъ «Мертвый городъ». Въ «Джіокондѣ» основной мотивъ еще болѣе вычуренъ. Художникъ-скульпторъ задумываетъ геніальную статую, но не можетъ ее выполнить, пока не является на помощь какая-то таинственная особа, помогающая ему осуществить въ мраморѣ свою мечту. Но художникъ влюбляется въ нее, измѣняетъ женѣ и пытается застрѣлиться. Зачѣмъ, почему—неизвѣстно. Мы застаемъ драму въ тотъ моментъ, когда онъ выздоравливаетъ на лонѣ семьи, окруженный друзьями. Все, повидимому, хорошо. Какъ вдругъ

его жена пожелала посмотрѣть на его дивную статую. и въ мастерской сталкивается съ таинственной Джіокондой. Послѣдняя все время на сценѣ подъ вуалью, такъ что зрители до конца остаются въ невѣдѣніи, въ чемъ заключаются чары Джіоконды. Между соперницами происходитъ бурный діалогъ, въ результатѣ котораго Джіоконда изъ ревности къ женѣ пытается разбить статую. Жена бросается, чтобы помѣшать ей, и спасаетъ статую, подставивъ свое тѣло, вслѣдствіе чего статуя спасена, но руки жены раздроблены. Статуя спасена, художникъ покидаетъ жену и отдается не то искусству, не то Джіокондѣ. Въ драмѣ не ясно, чѣмъ собственно кончается дѣло. Въ послѣднемъ актѣ мы только видимъ, какъ лишившаяся рукъ Сильвія страдаетъ отъ невозможности обнять свою малютку-дочь.

Наконецъ, третья драма «Слава» совершенно нелѣпа. Ни мѣсто дѣйствія, ни время, ни «драматическія персоны» — не опредѣляются. Гдѣ-то, кто-то, за что-то борется. Чего онъ хочетъ, къ чему стремится—неизвѣстно. На сценѣ и народъ, и какіе-то могучіе герои, и сатанинская женщина, которая въ концѣ убиваетъ главнаго героя. Можно только догадываться, что мысль автора такова: стремящійся къ славѣ ради только славы гибнетъ безплодно жертвою славы. Но мы отнюдь не настаиваемъ на нашемъ толкованіи; возможно, что у автора вовсе не было никакой мысли, на что указываетъ доведенная до послѣдней степени путаница именъ историческихъ съ вымышленными, византійскихъ преданій съ римскими, современности и глубокой старины. Вычурность языка въ этой пьесѣ доведена до послѣдняго предѣла. Героиня, изображающая символическую славу, говоритъ герою, что хотѣла бы имѣть отъ него сына, на что герой отвѣтствуетъ: «Ты безплодна. Вся дряхлость міра нашла себѣ пріютъ въ твоемъ чревѣ. Ты можешь рождать только смерть. И при всемъ томъ я желалъ тебя во всѣ мгновенія, неутомимымъ желаніемъ. Жилъ въ огненномъ вихрѣ. Моя жажда не уступала засухѣ, которая въ тебѣ. Я любилъ тебя, любилъ! Чтобы уснуть въ твоемъ сердцѣ, я насытилъ тебя преступленіями», и т. д. Какъ образчикъ любопытныхъ ремарокъ, приводимъ послѣднюю сцену, когда слава убила героя и стоитъ надъ его трупомъ. прислушиваясь къ крикамъ толпы, которая требуетъ его головы: «Головокружительная жизнь ея (славы) трагической души, кажется, проявляется въ видѣ нѣкоторой электрической дрожи, потрясающей всѣми ея фибрами». Слова «чудовищный», «окаменѣлый». «потрясающій» и прочіе преувеличенные эпитеты щедро сыплются, какъ изъ рога изобилія, окончательно потопляя смыслъ драмы.

Что же можетъ дать русскимъ читателямъ этотъ даръ «Скорпіона»,—правда, не даромъ, а за 1 р. 25 к.? Вычурность темъ и взинченность языка, изломаннаго до послѣдней степени, лишаютъ, на нашъ взглядъ, драмы д'Аннунціо всякаго значенія. Это дѣйствительно декаденство въ самой худшей его формѣ, доведенное до того предѣла полной безсмыслицы, гдѣ умолкаетъ всякая критика. Внѣшніе эффекты, въ видѣ появленія безрукой актрисы въ послѣднемъ актѣ «Джіоконды», или сокровищъ царя Агамемнона въ «Мертвомъ городѣ», которыми заняты влюбленные и ищутъ въ нихъ отвѣтъ на свои тайны,—только оттѣняютъ пустоту этихъ пьесъ, почему-то названныхъ авторомъ трагедіями, тогда какъ трагическаго именно и нѣтъ въ нихъ. Героиня «Мертваго города», сестра, падающая жертвой противоестественной любви брата, сравнивается въ пьесѣ съ Антигоной, гибнущей за то, что она схоронила брата. нарушивъ этимъ приказъ царя. Но если между обоими положеніями и есть аналогія, то развѣ понимаемая «шиворотъ на выворотъ». Трагическое заключаетъ въ себѣ элементъ вѣчнаго, лежащаго въ основѣ человѣческой души,—и ничего нѣтъ трагическаго въ тѣхъ случайностяхъ, на которыхъ у д'Аннунціо построены всѣ эффекты его пьесъ.

Насколько грубы и въ основѣ лживы эти трагедіи, настолько же просты

небольшія вещицы Шнитцлера, изданныя тѣмъ же «Скорпіономъ». Это трилогія, состоящая изъ трехъ драматическихъ произведеній, по содержанію очень далекихъ, но объединенныхъ общей идеей, что все совершающееся вокругъ только видимость, подъ которой скрыта глубокая тайна. «Парацельсъ», первая драма, въ стихахъ, очень хорошо переведенныхъ, яснѣе всего даетъ представленіе объ основной идеѣ трилогіи. «Вся жизнь—игра. Тотъ мудръ, кто понялъ это», говоритъ Парацельсъ въ заключеніе, показавъ простодушному и самоувѣренному мастеру Кипріану, что не все въ мірѣ такъ просто, какъ тому кажется. Кипріанъ женатъ уже тринадцать лѣтъ на Юстинѣ, которую нѣкогда любилъ самъ Парацельсъ, въ то время еще ученикъ, хотя и много обѣщавшій въ будущемъ. Кипріанъ, натура прямая и неглубокая, доволенъ собой, всѣмъ міромъ и женой, и увѣренъ, что для нея онъ наполняетъ собой этотъ міръ, что никогда даже въ мысляхъ она не измѣняла ему. И вотъ Парацельсъ, теперь уже знаменитый врачъ и ученый, входитъ къ нему въ домъ по приглашенію Кипріана. На просьбу послѣдняго показать ему силу своего искусства, Парацельсъ путемъ внушенія заставляетъ Юстину раскрыть предъ пораженнымъ Кипріаномъ внутреннюю жизнь своего сердца. Очень искусно дѣйствительность перемѣшивается съ грезами Юстины, такъ что читателю трудно разобраться, что въ нихъ дѣйствительно грезы и что реальность. Сдѣлано это безъ всякой натяжки, просто и естественно. Приходъ Парацельса будитъ воспоминанія далекой юности Юстины и не надо даже вмѣшательства силы внушенія, чтобы они съ неодолимой силой овладѣли душой бѣдной женщины. Внушеніе только заставляетъ ее высказать то, что тринадцать лѣтъ безъ вѣдома ея самой таилось въ ея бѣдномъ сердцѣ и никогда, быть можетъ, не проявилось бы безъ вмѣшательства силы Парацельса. Для постороннихъ все это игра, и только для Юстины и Кипріана въ этой игрѣ раскрывается скрытая правда ихъ жизни. Но Парацельсъ расширяетъ значеніе этой игры, говоря:

О, да, игра! Что жъ быть могло другое?
Что кажется великимъ и глубокимъ
Здѣсь на землѣ—всегда одна игра!
Одинъ толпой наемниковъ играетъ,
Другой пустымъ безумьемъ суевѣровъ,
И, можетъ быть, играетъ кто-то солнцемъ
И звѣздами... А я—душой людей!
Глубокій смыслъ находитъ тотъ, кто ищетъ!
Сплетаются въ одно и ложь, и правда,
И жизнь, и сонъ. Увѣренности нѣтъ.
Мы никогда другихъ не понимаемъ
И ничего не знаемъ о себѣ...
Вся жизнь—игра. Тотъ мудръ, кто понялъ это.

Также хороша вторая часть трилогіи «Подруга», еще жизненнѣе и проще, хотя слишкомъ ужъ она обыденна и потому не производитъ такого впечатлѣнія, какъ лучшая третья часть—«Зеленый попугай». «Подруга»—это исторія одного адюльтера, въ которомъ всѣ участники обманываютъ другъ друга и только смерть раскрываетъ всю игру. Написана эта пьеска превосходно, по сжатости и силѣ. Въ «Зеленомъ попугаѣ» искусное сплетеніе игры и дѣйствительности доведено до совершенства. «Зеленый попугай»—это довольно грязный кабачекъ въ Парижѣ, куда сходится скучающая аристократія конца прошлаго вѣка, чтобы пощекотать свои притупившіеся нервы игрою актеровъ, разыгрывающихъ свои пьески тутъ же, причемъ и зрители какъ бы втягиваются въ игру и становятся въ ней участниками. Игра осложняется тѣмъ, что одинъ изъ актеровъ небезъосновательно ревнуетъ жену, соблазненную однимъ изъ присутствующихъ въ числѣ зрителей аристократовъ, и мститъ ему, закалывая его въ дѣйстительности, а не играя, какъ это кажется остальнымъ. Въ то же время за сценой идетъ тоже «игра», глухіе отголоски которой долетаютъ

до «Зеленаго попугая»,—это народъ, осаждающій Бастилію. Трудно передать то наростающее чувство тревоги, которое постепенно охватываетъ читателя, по мѣрѣ того, какъ близится конецъ этой игры и актеры, и зрители перемѣшиваются, сливаясь въ общемъ движеніи. Месть актера за поруганную честь жены и месть народа за вѣка рабства дополняютъ другъ друга, какъ разныя стороны одной и той же картины.

Въ противоположность д'Аннунціо, Шнитцлеръ, какъ настоящій художникъ, нигдѣ не прибѣгаетъ къ неестественнымъ положеніямъ и причудливымъ эффектамъ. Вездѣ дѣйствіе его драмъ развертывается вполнѣ логично и правдиво, отчетливо, отчего его дѣйствующія лица выступаютъ какъ художественные образы, а не символическіе манекены, и граціозныя, изящно отдѣланныя пьесы Шнитцлера, несомнѣнно, имѣютъ больше художественнаго значенія, чѣмъ тяжелыя, растянутыя «трагедіи» д'Аннунціо.

Въ декабрѣ польская литература и общество празднуютъ двадцатипятилѣтній юбилей самаго выдающагося своего художника слова—Генриха Сенкевича, писателя, едва ли не столь же популярнаго у насъ, какъ и у себя на родинѣ. По крайней мѣрѣ, всѣ *безъ исключенія* произведенія его не только переведены на русскій языкъ, но переведены много разъ и разошлись въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Впервые Сенкевичъ появился у насъ на страницахъ «Отечественныхъ Записокъ», гдѣ были напечатаны цѣликомъ его «Очерки углемъ», какъ-то «Янко-Музыкантъ», «Ангелъ» и другіе. Затѣмъ по мѣрѣ появленія его новыхъ произведеній на польскомъ языкѣ, они немедленно переводились и печатались во всѣхъ журналахъ и выходили отдѣльными изданіями, которыхъ на русскомъ языкѣ существуетъ теперь не менѣе, чѣмъ на польскомъ, если не больше, благодаря возможности безплатно издавать ихъ кому угодно. Въ особенности посчастливилось его исторической трилогіи, которая одновременно печаталась въ трехъ русскихъ журналахъ, и была затѣмъ издана «Русскою Мыслью», приложеніемъ къ журналу «Сѣверъ» и еще въ нѣсколькихъ рыночныхъ изданіяхъ, испорченная сквернѣйшимъ переводомъ. Не меньшей популярностью у насъ пользуются его два романа «Семья Поланецкихъ» и «Quo vadis», то же изданные и переизданные и даже передѣланные особымъ образомъ на потребу русскаго читателя. Самое послѣднее произведеніе польскаго романиста, романъ изъ временъ борьбы Польши съ тевтонскимъ орденомъ, переводился одновременно въ трехъ «толстыхъ» журналахъ и вышелъ затѣмъ отдѣльнымъ русскимъ изданіемъ раньше, чѣмъ польское изданіе. Не меньше вниманія оказывала Сенкевичу и русская критика, правда, относившаяся къ нему, въ особенности какъ къ историческому романисту, довольно свысока.

Такая популярность Сенкевича вполнѣ понятна. Предъ нами огромный художественный талантъ, признанный даже тѣми, кто относится отрицательно къ его направленію вообще и его историческихъ романовъ въ частности. Его небольшіе разсказы изъ польской жизни или американскіе и путевые очерки представляютъ истинные шедевры слова по красотѣ языка и глубинѣ психологическаго анализа. Въ нихъ Сенкевичъ прежде всего поэтъ и поэтъ съ великой душой и сердцемъ, дѣлающими для него доступными сокровеннѣйшіе тайники и народной души, и интеллигентной жизни, и величественной природы Америки и Африки. Его «Очерки углемъ», въ которыхъ народные типы изображены съ геніальнымъ проникновеніемъ, даютъ превосходную картину крестьянской жизни, а его романы, какъ «Безъ догмата» и «Семья Поланецкихъ» — это огромныя картины жизни польскаго интеллигентнаго общества. И не только польскаго, такъ какъ его герой «Безъ догмата» или Марцин изъ «Семьи Поланецкихъ» это общечеловѣческіе типы послѣдней четверти вѣка. Въ нихъ Сенкевичъ становится космополитическимъ писателемъ, сохраняя всѣ отличительныя на-

ціональныя особенности. Разъѣдающій анализъ, губящій героя «Безъ догмата», это характернѣйшая черта конца вѣка, свойственная не исключительно польской интеллигенціи, что роднитъ и сближаетъ насъ съ героемъ, какъ съ человѣкомъ своимъ. Точно также удивительная красота женской души Марини дѣлаетъ ее болѣе, чѣмъ только изображеніе польки изъ интеллигентнаго круга. Каждый великій писатель, а къ числу ихъ, несомнѣнно, принадлежитъ Сенкевичъ, всегда болѣе или менѣе общечеловѣческій писатель, какъ бы ни были глубоко заложены въ немъ національныя черты. Припомнимъ, напр., такія удивительныя произведенія Сенкевича, какъ его «Американскіе очерки»—«За хлѣбомъ» или «На маякѣ», въ которыхъ описывается бытъ польскихъ изгнанниковъ на чужбинѣ. Кажется, тема ультра-національная. Но развѣ тоска по родинѣ, проникающая стараго сторожа на маякѣ, или вопль старика-эмигранта къ сыну—положить ему на сердцѣ въ могилу горсть родной земли—не отдаются въ душѣ читателя, къ какой бы національности онъ ни принадлежалъ? Точно также его Полонецкій и Мариня, будучи превосходнымъ возсозданіемъ польской среды, развѣ не открываютъ читателю тайнъ мужской и женской души, въ особенности Мариня, безспорно одинъ изъ лучшихъ женскихъ типовъ всеевропейской литературы?

Въ указанныхъ лучшихъ своихъ твореніяхъ, дающихъ автору право на безсмертіе въ пантеонѣ не только польской литературы, на ряду съ Мицкевичемъ, — Сенкевичъ является перворазряднымъ поэтомъ и психологомъ. Въ своихъ историческихъ романахъ онъ выступаетъ художникомъ-историкомъ, огромный художественный талантъ котораго проявляется въ созданіи массы типичныхъ лицъ описываемой эпохи. Общая тенденція его историческихъ романовъ націоналистическая. Не смотря на эту тенденціозность трилогіи, именно она создала Сенкевичу популярность среди массы русскихъ читателей. Критика справедливо отмѣтила въ свое время эту отрицательную черту въ историческихъ романахъ Сенкевича, но для пониманія ея надо принять въ соображеніе время, когда писалась трилогія, и цѣль, какую имѣлъ авторъ. Своей трилогіей онъ хотѣлъ поднять и ободрить упавшій духъ своего общества, переживавшаго одну изъ трудныхъ минутъ жизни. Писатель нарочно выбралъ печальнѣйшую эпоху въ исторіи своего народа, когда Польша выдерживала рядъ нападеній извнѣ, а внутреннія смуты, казалось, губили то, чего не могли одолѣть внѣшніе враги. Онъ показываетъ въ яркихъ и увлекательныхъ образахъ, какъ мужество и патріотическая доблесть превозмогаютъ всѣ трудности и спасаютъ расшатанное общество. Можно оспаривать историческую точку зрѣнія автора, не соглашаться съ пріемами его историческаго изслѣдованія, порицать чрезмѣрную тенденціозность, въ особенности проявившуюся въ первомъ романѣ—«Огнемъ и мечомъ», но нельзя не признать, что трилогія представляетъ огромную и единственную въ своемъ родѣ эпопею, написанную ярко и образно. Къ той же серіи историческихъ романовъ изъ прошлаго Польши принадлежатъ и его «Крестоносцы», въ которыхъ представлена эпоха національнаго подъема, какъ въ трилогіи эпоха упадка.

Особое мѣсто въ творчествѣ Сенкевича занимаетъ его, пожалуй, самый извѣстный романъ «Quo vadis», ставшій достояніемъ всемірной литературы. Онъ не только переведенъ на всѣ литературные языки и разошелся по свѣту въ безчисленныхъ изданіяхъ, но послужилъ канвой для всякихъ передѣлокъ и теперь появился въ видѣ драмы на англійскомъ языкѣ, которую имѣется въ виду поставить и у насъ на сценѣ одного изъ столичныхъ театровъ.

Древній міръ всегда интересовалъ Сенкевича, но, главнымъ образомъ, вниманіе его привлекалъ великій моментъ возникновенія новой вѣры и столкновенія ея съ старымъ міромъ. Самъ художникъ—человѣкъ глубоко вѣрующій, безъ всякаго критическаго отношенія къ предметамъ культа. Онъ вполнѣ

ортодоксальный католикъ, что видно во всѣхъ его произведеніяхъ. При такомъ основномъ настроеніи, его отношеніе къ первой эпохѣ христіанства не могло не вылиться въ торжественный гимнъ, какимъ и является по существу его знаменитое произведеніе. Но это нисколько не помѣшало глубокому проникновенію художника въ классическій міръ, и картина послѣдняго въ романѣ, пожалуй, даже ярче, чѣмъ картина христіанства. Въ изображеніи послѣдняго художника какъ бы связываетъ его ортодоксальный католицизмъ, устанавливающій на все опредѣленный взглядъ и ставящій строгія рамки, изъ которыхъ не можетъ выбиться воображеніе художника. Тогда какъ въ изображеніи классическаго міра онъ чувствуетъ себя вполнѣ свободнымъ, почему такъ живы и ярки его Неронъ, его «arbiter elegantiarum», философъ Хилонъ и масса не менѣе блестящихъ типовъ и характеровъ изъ римской жизни.

Таковы плоды двадцатипятилѣтней дѣятельности Сенкевича. Одинъ уже размѣръ его творчества приводитъ въ изумленіе предъ силой таланта и громадностью работы, положенной имъ на созданіе его многочисленныхъ разсказовъ, очерковъ, повѣстей и романовъ. Лучшее пожеланіе, какое мы могли бы принести этому огромному художнику, можетъ заключаться въ одномъ, чтобы долго—долго еще не измѣняли ему силы и новыя произведенія прибавлялись къ тому славному и пышному вѣнку, который украшаетъ его имя. Да цвѣтетъ этотъ мощный талантъ на радость его безчисленныхъ читателей, которыхъ Сенкевичъ имѣетъ въ буквальномъ смыслѣ слова — вездѣ, гдѣ существуетъ литературная рѣчь. **А. Б.**

СТОЛѢТІЕ ВЕЛИКАГО ТРАГИКА.

(Памяти П. С. Мочалова).

3-го ноября исполнилось сто лѣтъ съ того дня, когда въ послѣдній годъ прошлаго XVIII-го вѣка родился знаменитый трагикъ Павелъ Степановичъ Мочаловъ, столѣтняя память котораго торжественно была почтена въ Петербургѣ Императорскимъ театральнымъ обществомъ и Императорскимъ театромъ и единодушно и тепло отмѣчена прессой. Что же это былъ за человѣкъ, въ чемъ культурное значеніе этого актера, умершаго уже пятьдесятъ два года назадъ, 16 марта 1848 года?

Первая половина девятнадцатаго столѣтія, помимо вообще своего историческаго культурнаго значенія, въ смыслѣ подготовительнаго періода къ великой эпохѣ реформъ, очень знаменательна для Россіи цѣлымъ рядомъ исключительныхъ по таланту личностей въ области литературы и искусства, которые, какъ нѣкіе вожди, будятъ и ведутъ за собой общество, являются могучими властителями нашихъ думъ и чувствъ и, такъ или иначе, способствуютъ нашему духовному подъему. Таковы въ области поэзіи Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь; въ живописи—Брюлловъ и Ѳедотовъ; въ музыкѣ—Глинка; въ критикѣ и публицистикѣ—Бѣлинскій и Герценъ, въ наукѣ—Грановскій и др. Всѣ они отмѣчены печатью генія; всѣ почти закончили свою дѣятельность, а большинство и сошли въ могилу, въ половинѣ столѣтія; всѣ они серьезнымъ образованіемъ культивировали свой геній и какъ ни далеко отошли отъ насъ въ область прошлаго, но своими произведеніями продолжаютъ и до сихъ поръ, и еще долго будутъ продолжать воспитывать и вести за собой русское общество. Къ числу такихъ же вождей и властителей чувствъ, только путемъ неблагодарнаго сценическаго искусства, вліяющаго единственно на современниковъ,

отнесли бы мы, болѣе или менѣе, и Мочалова, этого совершенно исключительнаго генія-самородка, нисколько не заботившагося развить свой геній, но, тѣмъ не менѣе, цѣлыхъ тридцать лѣтъ могущественно царившаго со сцены надъ умами современниковъ, провидѣвшихъ въ немъ этотъ геній съ перваго же его дебюта въ роли Полиника въ Озеровскомъ «Эдипѣ» еще 4-го сентября 1817 г. Какъ игралъ Мочаловъ, конечно, этого не объяснитъ никакое описаніе, такъ какъ актера надобно видѣть и слышать; но что игра эта была совершенно необыкновенная, исключительная, которая не забывается цѣлую жизнь; что она потрясала до глубины души, до слезъ, до ужаса, до высочайшаго духовнаго подъема весь театръ, снизу до верха, всю публику, начиная съ представителей культуры и студенческой молодежи и кончая мелкимъ купечествомъ и разночинцами; что эта игра дѣйствовала на самихъ актеровъ, игравшихъ вмѣстѣ съ Мочаловымъ,—объ этомъ мы знаемъ изъ многочисленныхъ отзывовъ, разсказовъ и критикъ современниковъ. Первый же дебютъ Мочалова, почти мальчика, приводитъ въ восторгъ С. Т. Аксакова, много и вообще о немъ писавшаго: черезъ годъ послѣ дебюта поэтъ Ѳедоръ Глинка, привѣтствуя артиста восторженными стихами, восклицаетъ:

Того въ потомствѣ лавръ безсмертьемъ увѣнчаетъ,
Кто трогалъ здѣсь сердца волшебною игрой!

Какимъ диѳирамбомъ-статьей о Гамлетѣ-Мочаловѣ почтилъ трагика Бѣлинскій, извѣстно всѣмъ, точно такъ же, какъ и все то, что писалъ о немъ критикъ, посвятившій Мочалову же свою послѣднюю предсмертную статью — его некрологъ. Чрезвычайно высоко по таланту ставятъ Мочалова и Герценъ, и Щепкинъ, и А. Д. Галаховъ, а записки современниковъ полны разсказами объ исключительномъ, несравненномъ геніи этого человѣка и впечатлѣніи, производимомъ его игрой. Каково было это впечатлѣніе, вспоминаетъ, уже черезъ шесть лѣтъ послѣ смерти Мочалова, и его почитатель, извѣстный критикъ Аполлонъ Григорьевъ, въ журналѣ «Москвитянинъ» 1854 года, въ стихотвореніи «Искусство и правда», отрывокъ изъ котораго позволяемъ себѣ привести.

Была пора! Театра зала
То замирала, то стонала,
И незнакомый мнѣ сосѣдъ
Сжималъ мнѣ судорожно руку,
И самъ я жалъ ему въ отвѣтъ,
Въ душѣ испытывая муку,
Которой и названья нѣтъ.
Толпа, какъ звѣрь голодный, выла,
То проклинала, то любила...
Всесильно властвовалъ надъ ней
Могучій, грозный чародѣй.

Я помню блѣдный ликъ Гамлета,
Тотъ ликъ измученный тоской,
Съ печатью тайны роковой,
Тяжелой думы безъ отвѣта.
Я помню, какъ предъ мертвецомъ,
Съ окаменившимся лицомъ,
Съ безсмысленнымъ и страшнымъ взглядомъ
Насквозь проникнутъ смертнымъ хладомъ,
Стоялъ нѣмой онъ... и потомъ
Разлился всѣмъ душевнымъ ядомъ.
И слышалъ я, какъ онъ язвилъ,
Въ тоскѣ больной и безотрадной,
Своей ироніей нещадной
Все, что когда-то онъ любилъ...
А онъ любилъ, я вѣрю свято,
Офелію побольше брата!

Ему мы вѣрили; однимъ
Съ нимъ жили чувствомъ, *дѣти вѣка*.
И было намъ—«за человѣка,
За человѣка страшно» съ нимъ!

И помню я лицо иное *),
Иныя чувства прожилъ я!
Еще донынѣ предо мною
Тиранъ—гіенна и змѣя,
Съ своей язвительной улыбкой,
Съ челомъ безстыднымъ, съ рѣчью гибкой,
И безобразный, и хромой,
Ричардъ коварный, мрачный, злой.
Его я вижу съ леди Анной,
Когда, какъ рая древній змѣй,
Онъ тихо въ слухъ вливаетъ ей
Ядъ обаятельныхъ рѣчей.
И самъ надъ сей удачей странной
Хохочетъ долго смѣхомъ злымъ,
Идя поговорить съ портнымъ...
Я помню сонъ и пробужденье,
Блуждающій и дикій взглядъ,
Потъ на челѣ, въ чертахъ мученье,
Какое знаетъ только адъ.
И помню, какъ въ испугѣ дикомъ
Онъ леденилъ всего меня
Отчаянья послѣднимъ крикомъ:
«Коня, полцарства за коня!»

Его у трупа Дездемоны,
Въ нездѣшнихъ мукахъ я видалъ,
Ромео плачъ и Лира стоны
Волшебникъ намъ передавалъ...
Любви ли страстной нѣжный шопотъ
Иль корчи ревности слѣпой,
Восторгъ иль грусть, мольбу иль ропотъ,
Все заставлялъ дѣлить съ собой...

Но, единодушно восхищаясь самороднымъ талантомъ Мочалова, всѣ современники, о немъ писавшіе, начиная съ Аксакова и Бѣлинскаго, такъ же единодушно указываютъ, что вся тайна его успѣха заключалась въ одномъ только вдохновеніи, мгновенной проникновенности въ роль, въ одномъ, что называется, «*нутрѣ*», которымъ онъ и игралъ, не прилагая къ врожденному дару и богатымъ сценическимъ даннымъ, особенно рѣдкому голосу и выразительному лицу, серьезнаго изученія, упорной и настойчивой работы. Поэтому игра эта была неровная, часто невыдержанная, порывистая, иногда даже совсѣмъ плохая, невозможная, когда не сходило на актера это вдохновеніе, и молчало «*нутро*». Не мало вредилъ артисту и недостатокъ образованія, который Мочаловъ никогда не старался восполнить, и Бѣлинскій совершенно правъ, говоря въ его некрологѣ: «Въ мірѣ искусства Мочаловъ примѣръ поучительный и грустный. Онъ доказалъ собой, что одни природныя средства, какъ бы они ни были огромны, но безъ искусства и науки доставляютъ торжества только временныя». Но все прощала толпа своему любимцу и баловню за его природный даръ, боготворила Мочалова за высокія наслажденія, которыя онъ этой толпѣ доставлялъ, и горько оплакивала его преждевременную смерть.

Мочаловъ, сынъ даровитаго, но безпутнаго по житью, актера, не получилъ почти никакого ни воспитанія, ни образованія, а въ тогдашней грубой и безшабашной актерской средѣ, гдѣ цѣнился только непосредственный талантъ и

---

*) «Ричардъ III», Шекспира.

вдохновеніе, а не работа надъ искусствомъ, не могъ найти ни руководителя, ни добрыхъ примѣровъ. Захваленный и признанный геніемъ съ перваго же дебюта, онъ и самъ сталъ считать себя таковымъ, полагая вполнѣ достаточнымъ для себя одного врожденнаго дарованія безъ всякой дальнѣйшей его обработки, и избѣгая сближенія съ людьми, которые по своему образованію были выше его. Крайне самолюбивый и жадный къ поклоненію своему таланту, онъ всю жизнь вращался или въ кругу студенческой молодежи, или въ трактирной толпѣ, гдѣ въ кутежахъ и попойкахъ щедро расточалъ свои досуги и талантъ, тѣмъ болѣе, что, женившись рано и случайно на женщинѣ совершенно необразованной и никогда его не понимавшей, былъ очень несчастливъ въ семьѣ. Такая безпорядочная жизнь, сознаніе ея ненормальности при слабости характера, мѣшавшей ее измѣнить, полное одиночество среди всѣхъ этихъ восторговъ и поклоненій, едва ли его удовлетворявшихъ, все это налагало на Мочалова печать меланхоліи и неудовлетворенности жизнью и дѣлало его глубоко несчастнымъ. Недаромъ такъ приходились ему по душѣ роли страдальцевъ, а любимою и удачнѣйшею его ролью былъ Гамлетъ. Не оставивъ послѣ себя никакой школы, такъ какъ подражать Мочалову было совершенно невозможно, ибо вся его игра сводилась къ порыву, къ вдохновенію, онъ, тѣмъ не менѣе, оставилъ по себѣ глубокій слѣдъ въ исторіи русскаго театра. Онъ, выступивъ на сцену еще въ эпоху условной приподнятой псевдоклассической игры, первый заговорилъ со сцены въ трагедіи просто, по-человѣчески, и на своемъ примѣрѣ показалъ, какое громадное впечатлѣніе, какое благотворное воспитательное вліяніе можетъ имѣть на толпу искренняя, задушевная, игра, обращающаяся прямо къ человѣческому сердцу. Правда, Мочалову пришлось переиграть не мало слезливыхъ, и даже нелѣпыхъ, мелодрамъ романтическаго характера, но, благодаря именно своему генію, способному непостижимымъ образомъ одухотворять и осмысливать со сцены, повидимому, самую реторическую, неестественную рѣчь или искусственныя страсти, онъ до глубины души потрясалъ всю публику, которая, выходила изъ театра глубоко растроганная, съ новыми, можетъ быть, дотолѣ никогда еще неизвѣданными, благородными и возвышенными человѣческими чувствами. И если въ будничную сѣренькую и пошлую жизнь толпы вносилъ Мочаловъ поэзію своей игрой даже въ какихъ-нибудь мелодрамахъ—сколько же свѣта и теплоты, сколько высочайшихъ человѣческихъ чувствъ и возвышенныхъ мыслей внесъ Мочаловъ въ душу этой толпы, особенно чуткой и воспріимчивой молодежи, своимъ исполненіемъ Шекспира и Шиллера, которыхъ Россія увидала впервые въ геніальномъ исполненіи Мочалова. Благодаря именно этому, по словамъ Аполлона Григорьева, «*могучему чародѣю*», унесшему тайны чаръ своего искусства съ собой въ могилу, русскій театръ, по крайней мѣрѣ русская драма и трагедія, получилъ для людей тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ огромное воспитательное значеніе. «Благодаря Мочалову,—говоритъ Бѣлинскій,—мы только теперь поняли, что въ мірѣ только одинъ драматическій поэтъ—Шекспиръ, и что только его пьесы представляютъ великому актеру достойное его поприще, и что только въ созданныхъ имъ роляхъ великій актеръ и можетъ быть великимъ актеромъ». Здѣсь кстати прибавить, что именно благодаря Мочалову же стали являться у насъ, съ легкой руки переводчика «Гамлета» Н. А. Полевого, болѣе или менѣе близкіе и добросовѣстные переводы Шекспира, а кромѣ того, благодаря ему же явилась у насъ въ лицѣ Бѣлинскаго и др. серьезная театральная критика, поставившая какъ драматической поэзіи, такъ и сценической игрѣ, опредѣленныя и справедливыя требованія, остающіяся во всей силѣ и по настоящее время. Мочаловъ съ своей натурой и своеобразной игрой какъ нельзя больше пришелся ко времени, которое въ русской литературѣ отмѣчено романтизмомъ, а въ жизни выразилось умственнымъ застоемъ и уныніемъ, тоской и страстнымъ желаніемъ куда-нибудь уйти отъ мертвящей дѣйстви-

тельности, хоть на чемъ-нибудь забыться, чѣмъ-нибудь развлечься. Романтиковъ, какъ враговъ условнаго псевдоклассицизма, Мочаловъ восхищалъ своею непосредственною вдохновенностью генія; толпа находила въ его игрѣ отзвуки тѣхъ идей и вопросовъ о человѣческомъ достоинствѣ, правѣ личности, идеализмѣ, справедливости, которыми, часто даже смутно и безсознательно, волновалось русское общество тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. «Это время было самое тяжелое для развитія русской мысли, находившейся подъ гнетомъ бюрократизма. Именно тогда-то шелъ вопросъ о закрытіи университетовъ, выѣздъ за границу былъ обставленъ всевозможными препятствіями. Крѣпостничество процвѣтало во всей своей силѣ *), и сочиненія Гоголя ярко рисуютъ этотъ всеобщій застой и мракъ, нависшій надъ Русью безпросвѣтной тучей. Но хотя и въ меньшинствѣ людей, получившихъ нѣкоторое образованіе, что-нибудь читавшихъ, о чемъ-нибудь думавшихъ, являлась жажда свободы мысли и живого слова, а ихъ-то и не было. Оставались однѣ мечты, смутная надежда на лучшее будущее, а въ настоящемъ пошлость, тоска, уныніе и жажда забвенія, которое русскій человѣкъ и находилъ въ попойкахъ и кутежахъ. Въ эту-то тяжелую пору и проявился Мочаловъ, который былъ сродни этому обществу и своей больной, неудовлетворенной душой, стремившейся къ смутному идеалу, и своими безудержными кутежами, сведшими его рановременно въ могилу, и своимъ даромъ ярко выражать на сценѣ страданія души. Какъ ни жалки въ художественномъ отношеніи кажутся намъ теперь эти сентиментально-романтическія мелодрамы какъ «Уголино» или «Смерть или честь», но

Въ нескладныхъ драмахъ Полевого
Бывало для него (Мочалова) сидишь,
Съ благоговѣніемъ молчишь
И ждешь: вотъ скажетъ два-три слова—
И ихъ навѣки сохранишь...
Мы Веронику **) съ нимъ любили
За честь сестры мы съ Гюгомъ мстили...
Дѣйствительность съ сценическимъ обманомъ
Сливались такъ въ душѣ его больной,
Что жилъ вполнѣ онъ жизнію чужой
И вѣрилъ сердца вымышленнымъ ранамъ...

Если смягчающее и возвышающее душу вліяніе на толпу имѣлъ Мочаловъ даже въ этихъ мелодрамахъ, на сколько же сильнѣе, шире и благотворнѣе было дѣйствіе его игры въ пьесахъ Шекспира и Шиллера, являющихся наиболѣе могущественными глашатаями со сцены высокихъ чувствъ и гуманныхъ идей правды и добра! Вотъ что говоритъ объ этой игрѣ въ своихъ воспоминаніяхъ студентъ-современникъ ***). «Для выраженія тяжкихъ сердечныхъ мукъ души, для выраженія тоски безъисходной и трудной, въ Москвѣ былъ органъ могучій и повелительный, самъ измученный страшнымъ вопросомъ жизни—Мочаловъ. Онъ вносилъ на сцену муки собственной великой души»... «Можно вообразить, какіе мощные стоны вылетали изъ этой души, когда онъ скорбѣлъ съ Гамлетомъ, ненавидѣлъ съ Отелло, проклиналъ съ Лиромъ, когда изъ устъ его, страстныхъ и гармоническихъ, лились монологи Шекспира и Шиллера». «Мочаловъ былъ колоссальнымъ представителемъ романтизма, который выносилъ на своихъ плечахъ всѣ слабыя произведенія своихъ драматурговъ. Самъ по себѣ натура эксцентрическая, впадавшая въ крайность, раздражительная до

*) См. «Русская Мысль» 1898 г., № III, статья В. М—скаго «Актеръ-романтикъ».

**) Вероника въ др. Полевого «Уголино»; Гюгъ—лицо изъ драмы «Смерть или честь»?

***) «Отеч. Зап.» 1859 г. № 1, стр. 9—10.

болѣзненности, онъ переносилъ на сцену свои лихорадочныя увлеченія, и обаяніе натуры электрическимъ токомъ входило въ зрителя, и мы то плакали, то безумно радовались съ нашимъ трагикомъ. Минуты его творчества были какими-то френетическими минутами для зрителя: то не былъ дождь цвѣтовъ, громъ рукоплесканій, а часто мертвое, гробовое молчаніе; съ лихорадочнымъ трепетомъ выходилъ изъ театра зритель; онъ, какъ сокровище, выносилъ съ собою даже нелѣпыя иногда фразы романтическихъ трагедій, становившіяся чѣмъ-то гармоническимъ или раздирающимъ душу въ устахъ трагика».

Если къ этимъ впечатлѣніямъ отъ мочаловской своеобразной игры, дѣлавшимъ для зрителя театръ настоящимъ священнымъ храмомъ возвышающаго душу искусства,— присоединимъ многочисленные разговоры и горячіе споры по поводу этой игры, исполняемыхъ пьесъ и вообще искусства и его значенія, которые возбуждалъ Мочаловъ во всемъ московскомъ обществѣ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, преимущественно въ кругахъ литературныхъ и студенческой молодежи; если принять во вниманіе все, что по поводу Мочалова было написано о театрѣ хотя бы однимъ Бѣлинскимъ, — то нельзя не признать весьма значительной культурной роли, которую, единственно благодаря своему генію, съигралъ Мочаловъ въ темную эпоху первой половины истекающаго столѣтія. При всѣхъ своихъ недостаткахъ онъ воочію показываетъ, какое облагораживающее, поднимающее духъ значеніе можетъ имѣть для толпы театръ и сценическое изображеніе общечеловѣческихъ страстей и чувствъ въ трагедіи. Для нѣсколькихъ поколѣній того русскаго общества, которое позже явилось лучшимъ выразителемъ «великихъ реформъ», имя Мочалова связано съ самыми лучшими воспоминаніями юности и молодости *).

В Острогорскій.

---

*) Біографическія свѣдѣнія о Мочаловѣ, впрочемъ, крайне скудныя, см.: статьи А. А. Ярцева «Павелъ Степановичъ Мочаловъ» въ «Ежегодникѣ Императорскихъ театровъ» 1896—1897 г. Книга 3-я; статья В. М—скаго «Актеръ-романтикъ», «Русск. Мысль», 1899 г. № 3.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

На земскихъ собраніяхъ. Все больше и больше начинаетъ выясняться на текущихъ земскихъ собраніяхъ значеніе закона о фиксаціи земскаго обложенія, заставшаго большинство земствъ врасплохъ, совершенно неподготовленными къ тѣмъ сокращеніямъ въ земскомъ хозяйствѣ, которыя являются необходимыми слѣдствіями этого закона. Изъ многочисленныхъ сообщеній приводимъ корреспонденцію «Сѣв. Курьера» изъ Херсонской губерніи, гдѣ новый законъ былъ полученъ въ концѣ іюля, какъ разъ передъ самымъ открытіемъ очередныхъ земскихъ сессій въ четырехъ уѣздахъ. Пришлось передѣлывать составленныя уже смѣты, урѣзывать и сокращать расходы на необходимыя потребности, откладывать до болѣе благопріятнаго времени сооруженіе школъ, больницъ, намѣченныя къ постройкѣ еще съ прошлаго года. Такъ, одесская земская управа предполагала открыть въ уѣздѣ 14 новыхъ школъ, построить двѣ больницы, затѣмъ, основать одну низшую сельскохозяйственную школу. Пришлось ограничиться внесеніемъ въ смѣту лишь потребной суммы на открытіе 4-хъ школъ и одной только больницы. Вопросъ объ открытіи низшаго земледѣльческаго училища врядъ ли скоро осуществится. На это учрежденіе, крайне необходимое для поднятія уровня знанія среди темнаго сельскаго люда, потребна единовременная затрата отъ 30.000 до 45.000 въ годъ; такая крупная сумма будетъ давать несомнѣнное увеличеніе земскаго бюджета, сверхъ нормы указанной закономъ 12-го іюня. Между тѣмъ, никогда еще такъ настойчиво не ощущалась нужда въ такомъ училищѣ. Два года подрядъ у насъ неурожай, зерновое хозяйство «Херсонщины» терпитъ крушеніе отъ неумѣлой обработки полей, немогущей противустоять засухѣ. И всѣ эти бѣды, главнымъ образомъ, происходятъ отъ отсутствія самыхъ примитивныхъ познаній о раціональныхъ пріемахъ культуры, отъ полнаго игнорированія пріемовъ раціональной земледѣльческой техники. Поразительно рѣзко бросалось въ глаза вліяніе усовершенствованной обработки поля въ крестьянскомъ хозяйствѣ во время двухъ послѣднихъ недородовъ. При тѣхъ же климатическихъ условіяхъ, при той же засухѣ, на частновладѣльческихъ земляхъ, въ крупныхъ хозяйствахъ на черномъ пару получалось 60—80 пуд., а на крестьянской захудалой нивѣ, мелко вспаханной, сильно засоренной, плохо обработанной, засѣянной плохими мелкими сѣменами, 5—10 пуд., въ лучшихъ случаяхъ — 20 пуд. Къ тому же всѣ хлѣбныя растенія, выросшія на такомъ полѣ, оказывались крайне неустойчивыми противъ всякихъ атмосферныхъ невзгодъ и гибли быстро при первой же продолжительной засухѣ, при первомъ сильномъ вѣтрѣ—«суховѣѣ»...

Тираспольское уѣздное земское собраніе, подъ воздѣйствіемъ закона 12-го іюня также значительно сократило свои ассигнованія на земскія школы и земскую медицину. Пришлось ограничить всѣ такъ называемые «необязательные расходы». Несмотря на крайне неудовлетворительную постановку въ Ти-

распольскомъ уѣздѣ всего дѣла народнаго образованія, несмотря на скудость народныхъ училищъ, отсутствіе библіотекъ, читаленъ,—въ будущемъ году не будетъ открыто ни одной новой школы. Земское собраніе, и безъ того не особенно тароватое на расходы на школьное дѣло и медицину и въ этомъ отношеніи стоящее въ хвостѣ всѣхъ другихъ земствъ Херсонской губ., сильно сократило свой школьный бюджетъ, ссылаясь на законъ 12-го іюня.

Несомнѣнно, фиксація земскаго обложенія окажетъ серьезное вліяніе на весь строй земскаго хозяйства Херсонской губ. Уже теперь выясняется необходимость пересмотра всей системы земскаго хозяйства, подробное разсмотрѣніе всѣхъ удовлетворяемыхъ за счетъ земства потребностей и точная оцѣнка каждой изъ нихъ. Въ теченіе долгихъ лѣтъ практики, уѣздныя земства успѣли выработать правильную постановку нѣкоторыхъ сторонъ земскаго хозяйства, съумѣли придать правильный, регулярный ходъ поступательному развитію, ежегодно расширялась санитарно-медицинская организація, увеличивался персоналъ врачей, строились больничныя зданія, соотвѣтствующія требованіямъ науки... И все это дѣлалось постепенно, изъ года въ годъ, не обременяя кармана земскаго плательщика. Была намѣчена широкая программа организаціи. Черезъ нѣсколько лѣтъ, она, въ концѣ концовъ, осуществилась бы на практикѣ, никого не раззоряя. То же самое можно сказать и о постановкѣ земской ветеринаріи, медленно, но правильно развивавшейся и шедшей по опредѣленному пути. Херсонская губ. была уже наканунѣ введенія всеобщаго обученія, выработана была и принята всѣми земскими собраніями нормальная школьная сѣть; нѣкоторые уѣзды (напр., Херсонскій у.) были близки къ ея полному осуществленію въ практикѣ жизни. Теперь всѣ эти проекты, планы организаціи, требующіе ежегодныхъ ассигнованій и нѣкотораго увеличенія смѣты, отодвинутся на задній планъ и осуществятся нескоро, такъ какъ потребныя ассигнованія всегда превысятъ установленныя нынѣ нормы земскаго обложенія.

То же самое сообщаютъ изъ другихъ земствъ, гдѣ собранія ограничили цѣлый рядъ расходовъ, въ виду все того же закона. Напр., тверское уѣздное земство отклонило предложеніе управы объ ассигнованіи 1.000 р. на организацію съѣзда земскихъ учителей. Въ другихъ земствахъ сокращена ассигновка на народное образованіе, медицину, агрономическія мѣропріятія и т. п., все по одному и тому же мотиву, — въ виду закона 12-го іюня, ограничившаго ростъ земскихъ бюджетовъ.

Неурожай въ переселенческихъ поселкахъ Сибири. «Сибирскій Вѣстникъ» сообщаетъ о неурожаѣ въ переселенческихъ поселкахъ, въ Тобольской губ., гдѣ въ этомъ году «не собрали ни зерна».

«Большинство переселенческихъ поселковъ въ этомъ районѣ основаны въ 1896—1897 году и, несмотря на такой срокъ, до сихъ поръ они не успѣли окрѣпнуть на столько, чтобы имѣть силу перенести этотъ тяжелый годъ.

«До сихъ поръ громадное большинство ихъ живетъ въ землянкахъ, сооруженіяхъ слѣдующаго рода: выкапываютъ въ землѣ яму аршина $1^1/_2$ и больше глубины, большею частью квадратную, возводятъ изъ земляныхъ глыбъ стѣны, сверху нѣсколько жердей и опять пласты земли. Въ большинствѣ землянки эти не мазаны и довольно глубоки; достаточно сказать, что, напримѣръ, въ поселкѣ Маріинскомъ изъ 106 жилищъ (деревянныхъ 15) очень немного такихъ, которыя были бы выше человѣческаго роста. Землянки эти очень низки и въ большинствѣ сыры. Объ ихъ вліяніи на здоровье можетъ говорить тотъ фактъ, что изъ принятыхъ ѣздившимъ по поселкамъ въ теченіе двухъ недѣль студентомъ-медикомъ болѣе 400 больныхъ очень большое количество падаетъ на больныхъ съ ревматическими явленіями. Но дѣло не въ землянкахъ. Боль-

шому количеству людей уже сейчасъ (начало октября) ѣсть нечего, а ѣсть они, конечно, хотятъ.

«Уже сейчасъ у многихъ хлѣбъ (одинъ простой хлѣбъ) имѣется только какъ приправа, даже какъ лакомство, а у многихъ только одна картошка и хлѣбъ изъ картошки. Дѣти всякихъ возрастовъ ѣдятъ тоже только картошку. Особенно большой процентъ людей, принужденныхъ уже теперь ѣсть только картошку, замѣченъ мною въ поселкѣ Маріинскомъ, Покровской волости. Достаточно сказать, что изъ 113 посѣщенныхъ мною семей 45 уже сейчасъ (6 октября 1900 г.) ѣдятъ только картошку (большая половина изъ нихъ сидитъ на такой пищѣ мѣсяца 2—3); 55 семей наканунѣ положенія первыхъ. «Наканунѣ» я понимаю въ узкомъ смыслѣ — недѣля, двѣ, а то и меньше. 2—3 пуда муки осталось, а потомъ... семьямъ 3 хватитъ на годъ, остальныя съ трудомъ протянутъ до Рождества. А мука здѣсь очень дорога: пудъ пшеничной муки—1 р. 10 к.—1 р. 20, пудъ ржаной 80—90 к. Купить ее не на что, заработковъ кругомъ никакихъ, милостыню просить не раціонально—неурожай, вѣдь, кругомъ».

Корреспондентъ прислалъ въ редакцію образчикъ хлѣба. «Сибирскій Вѣстникъ» далъ такое заключеніе:

«По виду это все, что хотите: кусокъ ископаемаго дерева, кости или слежавшей глины—только не что-либо ѣдомое, тѣмъ болѣе хлѣбъ».

Не приводимъ описанія остальныхъ бѣдствующихъ поселковъ—Сѣвернаго, Елисаветинскаго, Золотой Нивы, Ольгинскаго, Салтыковскаго и другихъ. Отдѣльные случаи полны ужаса.

«Вотъ, напримѣръ, въ поселкѣ Некрасовскомъ на самомъ краю деревни землянка, ужаснѣе которой, какъ жилья человѣческаго, трудно себѣ представить. Надъ уровнемъ земли она возвышается (съ крышей) *maximum* аршина $1^1/^2$. Вся она разваливается — въ углахъ свѣтъ сквозь трещины. Большинство стеколъ выбито и заткнуто тряпками, пятеро дѣтей — старшей дѣвочки 7-й годъ. Недѣлю назадъ украли двѣ лошади, хозяинъ 2 недѣли лежитъ больной тяжелымъ воспаленіемъ легкихъ. Жена его 3 мѣсяца назадъ, какъ разсказываютъ крестьяне, сошла съ ума, теперь она стала потише, но работница изъ нея и мать—плохая. Муки всего два пуда, а дальше... Зовутъ хозяина Филиппъ Марченко. Въ поселкѣ Маріинскомъ у крестьянина Н. Савицкаго 3-го октября украли тройку лошадей—все богатство; хлѣба нѣтъ, семья изъ 8-ми человѣкъ. Встрѣтилъ я его ѣдущимъ на сосѣдней лошади въ волость заявить. Больно становится когда у большого мужчины, разъ вопросъ зайдетъ о его «дробненкихъ ребятишкахъ», для которыхъ осталась одна корова, переставшая доиться, спазмы перехватываютъ горло, и онъ начинаетъ рыдать, какъ маленькій, сильно обиженный ребенокъ».

Изъ деревенской жизни. Корреспондентъ «Смоленскаго Вѣстника» описываетъ одно изъ обычныхъ деревенскихъ явленій, хорошо знакомое каждому жившему въ деревнѣ.

«Прошлымъ лѣтомъ, въ іюлѣ, въ самую страдную деревенскую пору, когда мужики были на сѣнокосѣ, а бабы жали рожь, мнѣ пришлось быть въ будень въ одномъ волостномъ правленіи. Было около полудня. На крыльцѣ «волости» и въ тѣни окружающихъ ее дубовъ сидѣли и лежали крестьяне. Въ правленіи не было никого изъ «начальства», ни старшины, ни писаря, въ сторожкѣ сидѣли арестованные и чистили картофель для «писарихи». На дворѣ подъ повѣтью сторожъ чинилъ рыболовную сѣть. Отъ него я узналъ, что старшина еще не вернулся изъ города, а писарь—съ рыбной ловли. Въ ожиданіи «начальства» я разговорился съ мужиками. Они были изъ разныхъ деревень, иные верстъ за 17, всѣ вызваны по приказамъ, имѣвшимся у нихъ въ рукахъ. Я

поинтересовался этими документами и разсмотрѣлъ ихъ. Написаны они на осьмушкахъ бумаги, съ лѣвой стороны стоялъ волостной бланкъ съ государственнымъ гербомъ, подъ числомъ—нумеръ приказа и дѣла, а съ правой стороны отпечатано: «Крестьянину дер. (названіе ея и имя кр—на), затѣмъ: «строжайше приказываю тебѣ немедленно по полученіи сего явиться въ волостное правленіе къ 9 часамъ утра (далѣе число), съ « » рубл. « » коп. (въ разсматриваемомъ приказѣ рубли—копейки были зачеркнуты) по касающемуся тебя дѣлу. При семъ присовокупляю, что въ случаѣ ослушанія будешь привлеченъ къ законной отвѣтственности, къ штрафу, по 30 статьѣ о нак.». Приказъ заканчивался подписью старшины и писаря и оттискомъ волостной печати. На всѣ мои вопросы о томъ, по какому дѣлу мужики вызваны, ни одинъ изъ нихъ болѣе или менѣе удовлетворительнаго отвѣта не далъ и всѣ они ссылались на то, что «это извѣстно волостнымъ». Изъ дальнѣйшихъ вопросовъ выяснилось, что въ ихъ волости, а равно и въ сосѣднихъ, вездѣ такой порядокъ существуетъ, что по всякой бумагѣ вызывается въ «волость» тотъ, кого она касается. Около двухъ часовъ дня пріѣхали въ правленіе и писарь и старшина. Писарь пошелъ переодѣваться, а старшина жаловался на жару и сказалъ одному мужику, чтобы онъ «для прохлады» принесъ пива, причемъ денегъ не далъ, а мужикъ опрометью бросился въ «винопольку» и въ полѣ балахона принесъ нѣсколько бутылокъ пива, которыя поставилъ на столъ въ «секретной» (такая комната есть почти во всякомъ правленіи; въ ней волостные начальники совѣщаются по дѣламъ, не подлежащимъ огласкѣ). Пока старшина и писарь «прохлаждались» въ секретной, пробило уже три часа. Наконецъ, присутствіе открылось. Писарь бралъ у мужиковъ приказы, находилъ по № бумагу, читалъ ее, требовалъ съ мужиковъ деньги, отбиралъ подписки въ объявленіи. А старшина, зѣвая и крестя ротъ, читалъ имъ морали, лѣниво кричалъ на мужиковъ и все время повторялъ, что изъ за нихъ «получаешь отъ начальства одну только непріятность», а «они этого не чувствуютъ». Только часамъ къ шести вечера вся эта канитель окончилась и мужики были отпущены по домамъ. Я спросилъ старшину, неужели у нихъ каждый день, даже въ лѣтнюю пору, по всякой пустячной бумажкѣ мужиковъ непремѣнно требуютъ въ волостное правленіе?

— Оно, конечно, не всякій день, но раза три — четыре въ недѣлю бываютъ вызовы. Потому нельзя: начальство нынче очень ужъ строгое стало, въ особенности земскіе: все сейчасъ подай, не то пожалуйте въ карцеръ.. Вотъ съ ними и возимся...

— А сами вы не ѣздите по деревнямъ для объявленія бумагъ и по другимъ дѣламъ?

— Развѣ это возможно. Съ мужикомъ въ его деревнѣ пива не сваришь: ты ему свое, а онъ тебѣ свое. Здѣсь же милое дѣло: чуть онъ что, а ты ему «цыцъ!», за шиворотъ, да въ холодную. Глядишь, бумагу то и исполнилъ. Самъ потомъ мужикъ доволенъ, благодаритъ даже...

«Эти распорядки навели меня на размышленіе о томъ, сколько времени, не взирая на рабочую пору, мужикомъ тратиться на путешествія къ разному начальству. Въ законѣ предусмотрѣна обязательная явка по судебнымъ и весьма немногимъ административнымъ дѣламъ въ разныя учрежденія или къ должностнымъ лицамъ, да и то въ нѣкоторыхъ судебныхъ дѣлахъ явка бываетъ необязательной. Между тѣмъ сколько ни есть въ деревнѣ начальства и какое бы у него дѣло ни возникло, разъ въ немъ участвуетъ крестьянинъ, его непремѣнно требуетъ къ себѣ приказами и земскій начальникъ, и становой, и старшина, и урядникъ даже. А если онъ не явится по требованію, ему предстоитъ неудовольствіе ознакомиться или съ 29 ст. или съ 130 уст о нак., въ коихъ налагается на ослушниковъ штрафъ отъ 15 до 50 рублей. Такіе вызовы, не

основанные ни на какомъ законѣ и унаслѣдованные отъ крѣпостного права и одновременныхъ ему окружныхъ начальниковъ, представляютъ собой общее явленіе, всѣ съ нимъ сроднились, и вызываемые и вызывающіе, смотрятъ на него какъ на нормальное и не видятъ въ немъ ни превышенія власти, ни тѣмъ болѣе правонарушенія.»

Дѣло о стачкѣ. Какъ сообщаетъ «Пріазовскій Край», 28-го октября въ выѣздной сессіи Таганрогскаго окружнаго суда въ гор. Маріуполѣ безъ участія присяжныхъ засѣдателей слушалось дѣло о девяти рабочихъ завода Никополь-маріупольскаго металлургическаго общества, обвинявшихся въ томъ, что они съ цѣлью возвышенія заработной платы, не предупредивъ въ установленный договоромъ срокъ администрацію завода, по стачкѣ между собою и съ другими рабочими въ количествѣ болѣе 100 человѣкъ, прекратили работы, причемъ посредствомъ просьбъ и угрозъ побудили и другихъ рабочихъ примкнуть къ этой стачкѣ, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1357 ст. улож. о наказ. Предсѣдательствовалъ членъ суда А. Ѳ. Штранге, обвинялъ тов. прок. Сукачевъ, защищалъ пом. прис. пов. Муравьёвъ.

Обстоятельства дѣла заключается въ слѣдующемъ:

Около 7-ми час. утра, 10-го іюля, прошлаго года на заводѣ Никополь маріупольскаго общества, близъ гор. Маріуполя, въ механическомъ отдѣленіи послѣ ночной смѣны рабочіе въ количествѣ болѣе 100 человѣкъ къ работамъ не приступили, сговорившись требовать увеличенія заработной платы. Токари-муфторѣзы, работавшіе въ томъ же отдѣленіи, заявили просьбу, чтобы имъ платили за каждую муфту не по 1 р., а по прежнему—по 1. 30 к., и вмѣстѣ съ тѣмъ жаловались главному инженеру Митчелю, что изготовляемыя ими муфты часто бракуются, и за этотъ бракъ имъ денегъ не платятъ, а между тѣмъ заводъ этими бракованными муфтами пользуется. Администрація завода не удовлетворила этихъ требованій рабочихъ, и они къ работамъ не приступили, о чемъ директоръ завода Лауде далъ знать и. д. маріупольскаго исправника Аксенову, который прибылъ на заводъ въ тотъ же день. На его предложеніи приступить къ работамъ рабочіе заявили, что они желаютъ увеличенія заработной платы на 5%, иначе работать не будутъ. Послѣ этого по распоряженію г. Аксенова на главныхъ воротахъ завода было вывѣшено объявленіе о томъ, что согласные работать на прежнихъ условіяхъ должны явиться на работу 12-го іюня утромъ, а не желающіе—должны заявить объ этомъ администраціи завода и получить разсчетъ. 11 го іюля по случаю праздника работъ не было, утромъ же 12-го іюля, рабочіе механическаго отдѣленія не смотря на убѣжденія исправника, къ работамъ не приступили, и тогда же была вызвана на заводъ рота Перекопскаго резервнаго батальона. Вечеромъ того же числа полицейскіе служители обошли квартиры рабочихъ и объявили имъ, чтобы они утромъ 13-го іюля собрались возлѣ главной конторы завода для расчета, что они и исполнили. Здѣсь имъ дѣйствительно предложенъ былъ разсчетъ, на что они соглашались, но при условіи, чтобы имъ заплатили за двѣ недѣли впередъ, такъ какъ при наймѣ на неопредѣленный срокъ отказывающаяся отъ договора сторона должна предупредить другую за двѣ недѣли. Дирекція завода, не считая себя нарушительницею договора, отклонила это требованіе рабочихъ, и. д. исправника приказалъ вызванной на заводъ ротѣ оцѣпить собранныхъ по распоряженію полиціи же рабочихъ и арестовать ихъ. Арестовано было 80 чел.

Изъ протокола осмотра разсчетныхъ рабочихъ книжекъ видно, что, согласно 4 п. § 2 правилъ объ условіяхъ найма рабочихъ на неопредѣленный срокъ, договорныя отношенія рабочихъ съ заводомъ прекращаются только по истече-

ніи двухъ недѣль со дня заявленія одного изъ сторонъ о желаніи расторгнуть договоръ.

Обвиняемые не признали себя виновными и объяснили, что хотя они и прекратили работы, но только потому, что другіе рабочіе механическаго отдѣленія не приступали въ это время къ работамъ съ цѣлью добиться возвышенія заработной платы, причемъ не отрицали, что и они присоединились къ требованію объ увеличеніи платы.

Всѣ обвиняемые оправданы.

Дѣло объ уличныхъ безпорядкахъ. По сообщенію «Минскаго Листка», 2-го ноября отдѣленіемъ виленской судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей слушалось любопытное дѣло объ уличныхъ безпорядкахъ.

Въ первыхъ числахъ апрѣля 1900 г.,—говорится въ обвинительномъ актѣ,—на улицахъ города была разбросана и расклеена масса прокламацій, призывающихъ всѣхъ мѣстныхъ рабочихъ устроить празднество 18-го апрѣля, какъ это принято дѣлать за границей, гдѣ указанный день (1-е мая) считается праздникомъ рабочихъ. Въ виду этого полиціей были приняты надлежащія мѣры для предупрежденія излишняго скопленія рабочихъ и нарушенія общественной тишины. Наступившій день предполагаемаго празднества прошелъ, однако, безъ всякихъ инцидентовъ, но въ 11 час. вечера въ городскомъ скверѣ съ шумомъ, громкими пѣснями и криками «ура!» ворвалась толпа человѣкъ въ 50 еврейской молодежи, принадлежащей къ классу мастеровыхъ. Гуляющая въ то время въ скверѣ публика поспѣшила удалиться, причемъ бывшіе въ числѣ ея предсѣдатель уѣзднаго мирового съѣзда и секретарь окружного суда заявили, что пѣсня, распѣваемая рабочими, очень походила на «Марсельезу». На поднятый шумъ явились съ поста ближайшіе городовые и стали уговаривать толпу разойтись. Но толпа ихъ не слушала, тогда полицейскіе арестовали двухъ главныхъ запѣвалъ и направились въ участокъ. По пути слѣдованія туда за ними гналась разъяренная толпа, пытавшаяся насильно освободить задержанныхъ, причемъ многіе изъ евреевъ пустили въ дѣло палки и нанесли тяжкіе побои блюстителямъ порядка. Одно лицо изъ публики, Мушинскій заступился за полицію и схватилъ еврея, ударившаго на его глазахъ городового и желавшаго незамѣтно скрыться въ толпу, но въ тотъ же моментъ толпа набросилась на явившагося заступника, сбила его съ ногъ и начала колотить палками. Мушинскій не пострадалъ отъ побоевъ лишь потому, что при паденіи увлекъ за собою рядомъ стоявшаго еврея, котораго и била собственно толпа, не разглядѣвъ сгоряча своей ошибки. Въ это время къ мѣсту побоища явились другіе городовые, которымъ удалось съ помощью публики избитыхъ и окровавленныхъ городовыхъ вмѣстѣ съ двумя ранѣе арестованными буянами отправить въ участокъ. Тотчасъ же, по приказанію пристава, были арестованы еще двое рабочихъ, въ которыхъ, очевидно, при происшествіи признали лицъ, руководившихъ толпой при сопротивленіи, оказанномъ полиціи, и наносившихъ побои городовымъ. На основаніи изложеннаго были привлечены по 271-й ст. улож. о нак. къ отвѣтственности мѣщане: Екельчакъ, 19-ти лѣтъ, Аксельродъ, 17-ти лѣтъ, Грапъ 21-го года, и Вольперъ, 18-ти лѣтъ. При судебномъ медицинскомъ осмотрѣ у пострадавшихъ никакихъ почти знаковъ насилія не было обнаружено, но, по словамъ городового врача, на другой день послѣ избіенія можно было различить слѣды легкихъ побоевъ, а именно—незначительныя ссадины на лицахъ. На судѣ обвиняемые не признали себя виновными. Вызванные по дѣлу свидѣтели дали такія показанія. Городовые подтвердили сказанное въ обвинительномъ актѣ, но не могли удостовѣрить, тѣ ли, дѣйствительно, это лица, которыя наносили имъ побои. Не твердо поддерживали обвиненіе и другіе очевидцы, ссылаясь на темноту, царившую на улицахъ во время безпорядковъ.

Между прочимъ защитникъ подсудимыхъ отмѣтилъ то обстоятельство, что нѣкоторые свидѣтели измѣняли на судѣ свои показанія, данныя на предварительномъ слѣдствіи. Только на обвиняемаго Грапа было положительно указано, какъ на лицо, бившее городовыхъ, въ доказательство чего была даже представлена вещественная улика въ видѣ его палки, оставленной на мѣстѣ побоища. Приставъ Кнога заявилъ, что видѣлъ разъяренную толпу, но не видѣлъ, чтобы она проявляла буйства и насилія. Аналогично съ послѣднимъ свидѣтельствомъ показали и нѣкоторые гуляющіе въ скверѣ. Защитникъ въ своей рѣчи указывалъ, что грозное обвиненіе на самомъ дѣлѣ превратилось въ самое обыкновенное явленіе, т.-е. въ нарушеніе тишины. Такія дѣла ежедневно разбираются въ камерѣ мировыхъ судей, какъ поступки по 38-й и 31-й ст. уст. о нак., и такимъ образомъ для привлеченія подсудимыхъ къ отвѣтственности по 271-й ст., т. е. за сопротивленіе властямъ, нѣтъ никакихъ основаній. Судебная палата признала первыхъ трехъ обвиняемыхъ оправданными, а Грапа приговорила къ шестинедѣльному аресту при полиціи.

Военные фельдшера и ихъ бытъ. По поводу самоубійствъ военныхъ фельдшеровъ главнымъ военно-медицинскимъ инспекторомъ была сдѣлана резолюція, что «главною причиною всѣхъ подобныхъ случаевъ является отсутствіе участія со стороны врачей къ нижнимъ чинамъ и заботливости о нихъ». Въ циркулярѣ отъ 18-го іюня 1900 г. за № 12.031 врачамъ рекомендуется «болѣе сердечное отношеніе къ нижнимъ чинамъ (фельдшерамъ), дабы на будущее время предупредить развитіе у нихъ дурныхъ привычекъ». Журналъ «Фельдшеръ» указываетъ на тягостную служебную обстановку фельдшеровъ, какъ на основную причину ихъ страданій.

«И особенно она тягостна для тѣхъ изъ нихъ, которые окончили фельдшерскія школы, гдѣ съ ними обращались мягко, щадя слабость дѣтей и самолюбіе юношей, будили въ нихъ сознаніе ихъ человѣческаго достоинства, внушили имъ святость ихъ будущихъ обязанностей. Въ школахъ у нихъ была приличная обстановка, одежда и соотвѣтственное обращеніе съ ними. Въ школахъ хорошо и кормили ихъ и даже возили на дачи на лѣто. И послѣ всего этого они поступаютъ куда-нибудь въ полкъ, баталіонъ, госпиталь или лазаретъ. Жить зачастую имъ приходится въ казармахъ, подчиняться грубымъ унтеръ-офицерамъ, носить грязную одежду, ѣсть грубую пищу. Каждый унтеръ, по сравненію съ рядовыми, одѣтъ гораздо чище, въ новую одежду; за фельдшеромъ этого права быть одѣтымъ лучше рядовыхъ иногда не признаютъ, выдавая ему выношенную казенную одежду. Каждый унтеръ имѣетъ лучшую мясную порцію, болѣе жирныя горячія щи, обильно сдобренную масломъ кашу, а фельдшеру все это дается худшаго качества. Каждый изъ начальствующихъ нижнихъ чиновъ всячески старается притѣснить и унизить фельдшера, если онъ образованнѣе ихъ и, по юношескому задору, даетъ имъ это почувствовать. До чего доходитъ дерзость грубыхъ унтеровъ съ фельдшерами, это видно изъ слѣдующаго примѣра: въ одномъ изъ кавалерійскихъ полковъ недавно смертельно отравился ветеринарный фельдшеръ, послѣ того, какъ одинъ изъ унтеровъ ударилъ его хлыстомъ въ казармѣ, во время ужина, а окружающіе солдаты встрѣтили эту унизительную расправу насмѣшками надъ фельдшеромъ же. Послѣ этого фельдшеръ ушелъ изъ казармы и выпилъ растворъ сулемы, которымъ дезинфицировались конскія помѣщенія. Черезъ нѣсколько дней онъ умеръ въ страшныхъ мученіяхъ. Унтеръ оправдывался, что ударилъ хлыстомъ «въ шутку», а фельдшеръ-де отравился «со злости». Но вѣдь, если бы фельдшеръ на эту шутку отвѣтилъ таковой же, то это было бы уже тяжкое преступленіе».

Статья «Фельдшера» интересна и разбираетъ вопросъ всесторонне. Что

касается «заступничества врачей за фельдшеровъ», то это на практикѣ ведетъ къ непредвидѣннымъ результатамъ. Журналъ приводитъ и примѣры:

1) «Фельдшеръ, перевязывая руку командиру части, чѣмъ-то не угодилъ ему; тотъ замахнулся, чтобы дать «въ морду» ему, а фельдшеръ уклонился отъ этого удовольствія и заявилъ, что онъ теперь не можетъ докончить какъ слѣдуетъ перевязку, зная, что его будутъ бить во время работы. «Я тебя отдамъ подъ судъ, я тебя сгною въ дисциплинарной ротѣ», закричалъ командиръ и приказалъ фельдшеру «убираться вонъ». Тотъ, перепуганный, блѣдный и дрожащій, пришелъ къ врачу и разсказалъ все происшедшее. Врачъ пошелъ къ командиру и у него произошло надлежащее объясненіе съ нимъ по поводу фельдшера, въ результатѣ чего послѣдній былъ оставленъ въ покоѣ въ данный разъ, а вскорѣ у него и служба окончилась. Для врача же наступило ухудшеніе отношеній его съ командиромъ части и нѣкоторымъ офицерами и участились придирки къ фельдшерамъ и взысканія съ нихъ.

2) «Въ этой же части одинъ, заживо гніющій офицеръ, чахоточный сифилитикъ, брошенный своей женой и родными, и за которымъ, въ отвратительномъ воздухѣ его частной квартиры, постоянно ухаживали день и ночь дежурящіе ротные фельдшера, однажды потребовалъ, чтобы фельдшеръ непремѣнно ѣлъ съ его тарелки остатки пищи послѣ него, «чтобы онъ, каналья, не смѣлъ брезговать офицеромъ». Фельдшеръ, разумѣется, отказался выполнить это самодурное и вредное требованіе. Отсюда попытки, со стороны офицера, «бить» его, угрозы «сгноить въ тюрьмѣ». Фельдшеръ разсказалъ все это врачу, и тотъ пошелъ усовѣщать офицера. Въ первый разъ въ жизни этотъ, сострадательный къ каждому больному и слабому, человѣкъ былъ жестокъ съ тяжело больнымъ, напомнивъ ему, что болѣзнь его отталкивающая и небезопасная для окружающихъ, что жить ему осталось всего нѣсколько дней, а онъ, вмѣсто благодарности, грозитъ побоями и тюрьмой человѣку, ухаживающему за нимъ, за исполненіе имъ его не только противозаконнаго, но даже преступнаго требованія.

«Вѣроятно, послѣ этого объясненія со стороны больного послѣдовали жалобы товарищамъ-офицерамъ на врачебную грубость и жестокость. Нѣкоторые офицеры надулись и заговорили въ присутствіи этого коллеги «объ огрубляющемъ вліяніи медицины на людей, посвятившихъ себя ей, о безжалостности врачей къ больнымъ». Фельдшера же попросту въ глаза честили «грубой канальей» и грозили расправой съ нимъ, *за жалобу* врачу *на офицера*, при первомъ же удобномъ случаѣ.

«Случай представился, хотя и не съ тѣми фельдшерами, по жалобамъ которыхъ было заступничество врача».

Интересное рѣшеніе главнаго военнаго суда. Въ «Развѣдчикѣ» напечатано *рѣшеніе главнаго военнаго суда* по весьма интересному дѣлу, разбиравшемуся раньше варшавскимъ окружнымъ судомъ.

«Варшавскій военно-окружной судъ призналъ корнета В. виновнымъ въ томъ, что 22-го марта 1899 года, пригласивъ къ себѣ на квартиру надсмотрщика почтово-телеграфной конторы, потребовалъ отъ послѣдняго извиненіе по поводу столкновенія, происшедшаго между ними наканунѣ на одной изъ городскихъ улицъ, а когда тотъ отказался принести извиненіе, то позвалъ рядовыхъ своего полка Андреева, Анисимова и Уланова и приказалъ имъ снять съ упомянутаго надсмотрщика пальто и тужурку, связать ему руки, зажать ротъ и нанести ему по сѣдалищной части, поверхъ брюкъ, 25 ударовъ бамбуковымъ хлыстомъ, что и было исполнено этими нижними чинами, послѣдствіемъ чего было причиненіе потерпѣвшему физическаго страданія, причемъ отъ связыванія рукъ веревкой у него произошли кровоподтеки на обоихъ локтевыхъ сгибахъ, а отъ нанесенія ударовъ многочисленные, хотя и не сильные, кровоподтеки на

правой половинѣ сѣдалищной части и наружной поверхности праваго бедра и, сверхъ того, отъ произведеннаго насилія произошелъ кровоподтекъ подъ ногтемъ средняго пальца лѣвой руки, а большой палецъ правой руки припухъ. Дѣяніе корнета В. составляетъ насиліе и, согласно ст. 142 уст. о наказ., нал. мир. суд., влечетъ за собой арестъ не свыше трехъ мѣсяцевъ, и судъ опредѣлилъ В., во вниманіе къ *уменьшающимъ вину обстоятельствамъ, арестъ на три недѣли*, съ замѣной сего по примѣчанію къ приложенію къ ст. 8 св. в. п. XXII, Въ отношеніи подсудимыхъ Андреева, Анисимова и Уланова, судомъ признано, что они, исполняя приказаніе корнета В., не сознавали, что онъ предписываетъ имъ совершить дѣяніе явно преступное, вслѣдствіе сего, согласно ст. 69 св. в. п. XXII, судъ призналъ, что содѣянное ими не подлежитъ вмѣненію имъ въ вину. По изложеннымъ основаніямъ варшавскій военно-окружной судъ опредѣлилъ: корнета В. подвергнуть аресту на гауптвахтѣ на одинъ мѣсяцъ, по обвиненію же въ превышеніи власти съ причиненіемъ истязаній, считать его по суду оправданнымъ, по отсутствію признаковъ этого преступленія въ совершенномъ имъ дѣяніи: подсудимыхъ Андреева, Анисимова и Уланова, по обвиненію въ причиненіи истязаній, считать оправданными, по невмѣненію содѣяннаго въ вину. Участвовавшіе въ засѣданіи военные судьи остались при особомъ мнѣніи, а помощникъ военнаго прокурора представилъ протестъ. Главный военный судъ нашелъ, что сѣченіе, даже сопровождаемое кровоподтеками, само по себѣ еще не составляетъ истязанія, предусмотрѣннаго 1.489 ст. улож., ибо, для примѣненія названной статьи закона, необходимо, чтобы насильственныя дѣйствія, сопровождавшіяся мученіемъ, повторялись надъ извѣстнымъ лицомъ неоднакратно и въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, или же, чтобы мученія эти представляли высшую и при томъ гораздо болѣе продолжительную степень страданія, нежели при обыкновенныхъ насиліяхъ и побояхъ, хотя бы и тяжкихъ, и чтобы нанесеніе ихъ сопровождалось особой жестокостью, каковыя обстоятельства должны быть съ точностью установлены судомъ. Между тѣмъ, по настоящему дѣлу за неустановленіемъ судомъ того, чтобы физическое страданіе, причиненное потерпѣвшему, значительно превосходило тѣ страданія, которыми сопровождаются побои и насиліе вообще, или чтобы удары, причиняемые къ тому же потерпѣвшему черезъ платье, наносились съ особой жестокостью или продолжительное время, дѣяніе корнета В. не можетъ почитаться предусмотрѣннымъ ст. 1489 улож., а составляетъ простое насиліе, т.-е. дѣяніе, облагаемое наказаніемъ по 142 ст. уст. о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Но, независимо отъ сего, виновность корнета В., совершившаго противузаконное насиліе надъ частнымъ лицомъ посредствомъ подчиненныхъ ему нижнихъ чиновъ, несомнѣнно, заключаетъ въ себѣ и злоупотребленіе властью начальника, предусмотрѣнное 145 ст. св. в. п. XXII, а потому должна влечь для него наказаніе по сей послѣдней статьѣ закона, какъ строжайшей. Въ виду сего, протестъ помощника военнаго прокурора на неправильное примѣненіе судомъ къ винѣ корнета В. закона о наказаніи, оказывается правильнымъ. Равнымъ образомъ, правильнымъ же представляется и указаніе протеста на нарушеніе судомъ, въ отношеніи подсудимыхъ Андреева, Анисимова и Уланова, 69 ст. св. в. п. XXII. Согласно точному смыслу сей статьи закона, для освобожденія подчиненнаго отъ отвѣтственности за совершеніе, по приказанію начальника, дѣянія, признаннаго судомъ преступнымъ, одного только отсутствія сознанія у подчиненнаго противузаконности полученнаго имъ приказанія еще недостаточно, если таковая должна была быть ему извѣстна, ибо отсутствіе сознанія подсудимымъ противузаконности отданнаго ему приказанія или преступности своего дѣянія равносильно отсутствію знанія закона, незнаніе же или превратное пониманіе закона причиной невмѣненія служить не можетъ. Между тѣмъ, по настоящему дѣлу судъ освободилъ под-

судимыхъ Андреева, Анисимова и Уланова отъ отвѣтственности на томъ основаніи, что, причиняя, по приказанію корнета В., насиліе надсмотрщику, они не сознавали противузаконности отданнаго имъ, корнетомъ В., приказанія. По изложеннымъ соображеніемъ и имѣя въ виду, что въ данномъ случаѣ обязательная завѣдомость для подсудимыхъ Андреева, Анисимова и Уланова противузаконности отданнаго имъ корнетомъ В. приказанія не могла подлежать какому-либо сомнѣнію, главный военный судъ опредѣлилъ: приговоръ варшавскаго военно-окружного суда, за неправильнымъ примѣненіемъ къ виновности подсудимыхъ законовъ о наказаніи, отмѣнить, предоставивъ тому же суду, по настоящему дѣлу, постановить новый приговоръ въ другомъ составѣ присутствія».

Изъ дѣятельности союза взаимопомощи русскихъ писателей. На происходившемъ 10, 11 и 12-го ноября собраніи членовъ союза взаимопомощи русскихъ писателей, при участіи пріѣхавшихъ изъ провинцій членовъ союза, обсуждался рядъ докладовъ, имѣющихъ общій интересъ.

Въ первомъ засѣданіи въ докладѣ проф. Милюкова: «О формахъ постоянныхъ отношеній «С. Р. П.» съ его провинціальными членами» сообщались интересныя статистическія данныя о распредѣленіи членовъ союза по городамъ. Оказывается, что въ настоящее время иногородные составляютъ только 29 проц. всего состава союза, т.-е. значительно меньше трети. Лишь одна Москва насчитываетъ 38 членовъ союза, въ Одессѣ ихъ 11, въ Кіевѣ, Казани и проч. по 5—6, въ другихъ городахъ по 2—3 и 47 городахъ—по одному. Такое незначительное количество провинціальныхъ членовъ докладчикъ объясняетъ тѣмъ, что союзъ еще не успѣлъ заинтересовать собою провинцію, его слишкомъ мало знаютъ. Нужно оживить сношенія съ провинціей, учредивъ органы союза въ провинціи и органы провинціи въ союзѣ. Вопросъ объ этомъ уже поднимался въ 1897 г. Тогда собраніе нашло желательнымъ учрежденіе филіальныхъ отдѣленій. По уставу для открытія филіальнаго отдѣленія требуется не менѣе 20 членовъ, изъ чего слѣдуетъ, что таковое могло быть учреждено только въ Москвѣ, но послѣдняя требуетъ слишкомъ большой автономіи, напр., права самостоятельной баллотировки новыхъ членовъ, самостоятельнаго суда чести и пр., съ чѣмъ комитетъ не нашелъ возможнымъ согласиться изъ опасенія коллизій съ уставомъ и съ сферою компетенціи центральнаго органа. Другіе города не были бы такъ требовательны, но число членовъ тамъ слишкомъ незначительно, а на пониженіе означеннаго въ уставѣ для открытія отдѣленія минимума весьма трудно разсчитывать. Съ своей стороны докладчикъ предлагаетъ организовать въ союзѣ особое бюро провинціальной печати. Нынѣшнее бюро справокъ не исполняетъ своего назначенія. Столичные писатели и редакторы находятъ работу и работниковъ помимо бюро, а провинціальные не удовлетворяются чисто формальнымъ отдѣленіемъ спроса съ предложеніемъ. Для провинціи нужны не простыя справки, а рекомендаціи. Кромѣ того, нужно учредить при центральныхъ органахъ союза архивъ печати, складъ документовъ, относящихся къ характернымъ бытовымъ эпизодамъ жизни и смерти изданій, который держалъ бы союзъ au courant всѣхъ событій русской печати.

Во второмъ засѣданіи особое вниманіе обратилъ на себя докладъ М. В. Бернштама о жгучемъ и наболѣвшемъ вопросѣ о диффамаціи. Докладчикъ очень удачно назвалъ статью о диффамаціи «закономъ молчанія». Изъ этого закона есть одно изъятіе: онъ не караетъ виновника, если позорящее дѣйствіе, за оглашеніе котораго послѣдній привлекается къ суду, относится не къ частной, а къ общественной или служебной дѣятельности опороченнаго и если справедливость обличенія будетъ доказана на судѣ письменными документами. Почему нашъ гласный судъ въ дѣлахъ о диффамаціи отказывается отъ своего основного принципа — устности судопроизводства, совершенно не допускаетъ

свидѣтельскихъ показаній и пріемлетъ отъ защиты только письменныя доказательства? Докладчикъ разсчитывалъ найти отвѣтъ на этотъ вопросъ въ объяснительной запискѣ, но не могъ отыскать ее ни въ одномъ изъ доступныхъ публикѣ архивовъ и книгохранилищъ. Нѣкоторое объясненіе онъ нашелъ только въ рѣчи «одного изъ честнѣйшихъ нашихъ прокуроровъ» А. Ѳ. Кони, который оправдываетъ недопущеніе свидѣтельскихъ показаній недовѣріемъ къ ихъ субъективизму, къ возможной пристрастности, невольно возникающей вслѣдствіе того, что дѣла о диффамаціи всегда глубоко волнуютъ мѣстное общество. Но объясненіе это слишкомъ недостаточное. Вѣдь на основаніи свидѣтельскихъ показаній наши суды приговариваютъ людей и въ тюрьму, и въ каторгу, и даже къ смертной казнѣ — почему же не основываться на нихъ въ дѣлахъ несравненно менѣе важныхъ, какъ дѣла о диффамаціи. Въ документальныхъ доказательствахъ, которыя одни только допускаются судомъ, тоже можетъ быть страшная неправда, чему можно привести тысячи примѣровъ. Этимъ ограниченіемъ правъ защиты судъ вокругъ гласа вопіющаго искусственно создаетъ пустыню. Закономъ о диффамаціи пользуются плуты, боящіеся правды. Онъ страдаетъ также и слишкомъ широкимъ опредѣленіемъ понятія о частной жизни. Дѣлая возможнымъ въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ обличеніе чиновныхъ и служащихъ по выборамъ лицъ, онъ дѣлаетъ неприкосновеннымъ для обличителей подрядчика, безсовѣстно эксплуатирующаго рабочихъ, лавочника, обмѣривающаго покупателя и пр.

Г. Бернштамъ, признавая, что огласкѣ въ печати можетъ подлежать только все, что относится къ общественной дѣятельности человѣка, и не особенно довѣряя успѣху ходатайства объ отмѣнѣ 1339 статьи, выразилъ надежду на силу моральнаго вліянія общества. Въ подтвержденіе тезисовъ своего доклада онъ привелъ цѣлый рядъ дѣйствительно вопіющихъ примѣровъ, между прочимъ, дѣло Аксакова съ докторомъ Каргеромъ, который откусилъ у одной сидѣлки носъ, у другой—палецъ, физически истязалъ своихъ служащихъ и добился за оглашеніе этихъ фактовъ обвинительнаго приговора, присудившаго Аксакова къ тюремному заключенію.

Послѣднее засѣданіе было посвящено статистическому изслѣдованію печати Г. Лисовскій охарактеризовалъ при помощи статистическихъ данныхъ историческій ростъ русской печати, а г. Пѣшехоновъ нарисовалъ съ помощью цѣлаго ряда цифръ ея состояніе въ настоящій моментъ. Оба доклада прекрасно дополняли одинъ другого, давая представленіе и о статикѣ, и о динамикѣ русской печати.

Какъ извѣстно, возникновеніе первыхъ періодическихъ изданій въ Россіи относится къ 1703 г., что даетъ право въ скоромъ времени готовиться къ празднованію ихъ двухсотлѣтняго юбилея. Начало свое они ведутъ отъ Петра Великаго, по указу котораго явились на свѣтъ нѣкоторыя оффиціальныя изданія. Такъ какъ они шли очень плохо, то была призвана къ дѣлу частная иниціатива. Начало Екатерининскаго царствованія создаетъ нѣкоторый расцвѣтъ литературы. Однако, уже въ 1875 были введены кое-какія ограниченія, значительно стѣснившія частное издательство. Съ теченіемъ времени различныя тормазы и затрудненія умножились и сдѣлали возможнымъ только возникновеніе узко-спеціальныхъ изданій, чуждыхъ общественной жизни. Къ концу столѣтія и даже послѣднимъ былъ положенъ строгій предѣлъ. Старыя изданія захирѣли, новыхъ не разрѣшалось и новому вѣку пришлось почти всю журналистику создавать на-ново. Въ 1838 г. общее количество изданій значительно увеличилось съ возникновеніемъ во всѣхъ губернскихъ городахъ мѣстныхъ «Губ. Вѣдомостей», частныя же изданія общественно-политическаго характера появляются въ сравнительно большомъ числѣ только въ 1858 г., да и то преимущественно въ столицахъ и только отчасти въ провинціи. Новый цензурный уставъ облегчилъ издательское дѣло и далъ толчокъ къ возникно-

венію многихъ изданій. Къ 70-мъ годамъ ростъ общей печати пріостанавливается и значительно отстаетъ отъ роста печати спеціальной и оффиціальной, которая пріумножилась «Епархіальными Вѣдомостями». Въ настоящее время въ Россіи насчитывается всего 950 періодическихъ изданій, изъ коихъ 450 приходится на провинцію, среднимъ числомъ на городъ приходится по 3—4 изданія, въ университетскихъ городахъ больше, напримѣръ въ Кіевѣ и Одессѣ выходитъ по 30-ти изданій всякаго рода (въ томъ числѣ и спеціальныя, и оффиціальныя), въ Варшавѣ около сотни. Въ Сѣверо-Западномъ краѣ преобладаютъ изданія официальныя, въ Сибири и на Кавказѣ возникаютъ общественные органы. Историческія судьбы русской печати весьма рельефно отразились на ломаныхъ линіяхъ діаграмъ, которыми докладчикъ иллюстрировалъ свое чтеніе. Линія взвивается вверхъ передъ наступленіемъ реформъ, особенно въ подготовительный періодъ, нѣкоторое время тянется на одной высотѣ, а потомъ вдругъ падаетъ внизъ крупнымъ изгибомъ. Это значитъ, что реформы, уже осуществленныя, не вызываютъ дальнѣйшаго роста печати, что по пятамъ за ними слѣдуетъ застой и даже убыль въ рядахъ печатныхъ органовъ страны.

Второй докладчикъ, г. Пѣшехоновъ, произвелъ, по его словамъ, нѣчто въ родѣ однодневной переписи всей русской печати или вѣрнѣе говоря частныхъ ежедневныхъ изданій общественно-литературнаго характера, выходящихъ на русскомъ языкѣ. Таковыхъ у насъ насчитывается 90, что на 89 губерній и областей Россіи составитъ по одной газетѣ на губернію. Въ дѣйствительности распредѣленіе ихъ по мѣстностямъ очень не равномѣрно. Напримѣръ, въ 7-ми южныхъ губерніяхъ съ 16-ю милліонами жителей насчитывается 13 газетъ, что составитъ безъ малаго по 2 на губернію, тогда какъ Поволжье имѣетъ $1^1/_3$ газеты на губернію, средняя Россія по $^2/_5$ газеты на губернію, а сѣверныя и приозерныя области вовсе лишены газетъ. Въ одинаковыхъ условіяхъ со средней Россіей стоитъ центральная Азія.

Докладчикъ измѣрилъ площадь печатныхъ листовъ всѣхъ газетъ и нашелъ, что она равняется 1.213 метрамъ, т.-е. около версты въ день. По представленнымъ имъ графическимъ изображеніямъ первое мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежитъ петербургскимъ газетамъ, затѣмъ идутъ московскія. Размѣръ провинціальныхъ крайне разнообразенъ. Напримѣръ, газета Нижневолжскаго района въ $2^1/_2$ раза больше газетъ сѣверныхъ волжскихъ губерній. Подстоличная печать приблизительно одной величины со средноазіатской. Общая средняя давность изданія 15-й годъ, въ частности для петербургскихъ газетъ 20-й годъ, для московскихъ — 15-й, для провинціальныхъ — 14-й. Изъ провинціальныхъ самыя старыя газеты въ поволжскихъ губерніяхъ, самыя молодыя — въ Сибири и на Уралѣ. Подписная цѣна на всѣ газеты составитъ сумму въ 705 р., средняя для каждой газеты — 8 руб. 9 коп. Для петербургскихъ изданій она повышается до 11 р. 18 коп., московскія стоятъ въ среднемъ по 8 р. 66 к., провинціальныя по 7 р. 57 к. По количеству печатнаго матеріала, даваемаго ежедневно на 1 р. годовой подписной платы, самою дешевою нужно признать московскую печать: за исключеніемъ объявленій подписчикъ московскихъ газетъ получаетъ за эту плату въ день 131 центиметръ (или 393 строки) чтенія, подписчикъ петербургскихъ—117 цент. (351 стр.), подписчикъ провинціальныхъ газетъ 101 цент. (303 стр.). По отдѣламъ печатный матеріалъ распредѣляется такъ: въ большой петербургской печати объявленія составляютъ 32 проц., въ малой доходятъ 48 проц. Руководящія и передовыя статьи въ первой составляютъ 6 проц. всей площади печатнаго листа, во второй всего только 2 проц. Сокращая передовыя статьи, петербургская малая печать даетъ наибольшее развитіе фельетонамъ и фельетоннымъ замѣткамъ, которыя въ ней занимаютъ 25 проц. мѣста, тогда какъ въ большой печати только 10 проц. Московская малая печать стоитъ по серединѣ между

обоими типами газетъ и отдаетъ фельетонному матеріалу только 17 проц. мѣста. Извѣстія, телеграммы, сообщенія и проч. въ большой печати занимаютъ 33 проц., въ малой всего только 19 проц. Совершенно особое мѣсто занимаютъ маленькія дешевыя газеты въ нѣсколько рублей за годъ. Въ нихъ почти нѣтъ объявленій, за то руководящій матеріалъ занимаетъ относительно большее мѣсто.

Всѣ выслушанные доклады собраніе постановило передать на разсмотрѣніе учредительной коммиссіи.

Петербургская работница.

По однодневной переписи населенія въ 1890 году, въ Петербургѣ насчитывалось 12.431 работницъ-портнихъ и портнихъ одиночекъ; 2.753 бѣлошвеекъ-работницъ и одиночекъ, 10.758 работницъ на табачныхъ, бумагопрядильныхъ и ткацкихъ фабрикахъ, а всего 25.942 женщины, занятыя только что названными профессіями. Цифра довольно почтенная, а теперь, конечно, еще большая, что невольно заставляетъ насъ интересоваться жизнью и заработкомъ этихъ работницъ.

Мнѣ приходилось бесѣдовать съ портнихами и бѣлошвейками о ихъ заработкѣ и о ихъ жизни вообще. Изъ нихъ есть довольно интеллигентныя, которыя могутъ дать отчетъ въ своемъ положеніи. Изъ разговоровъ съ ними всегда приходилось выводить заключеніе, что профессія портнихи и бѣлошвейки не даетъ достаточнаго заработка, отличаясь вмѣстѣ съ тѣмъ очень тяжелыми условіями труда. Одна молоденькая портниха, недавно кончившая курсъ ученья, говорила, что имѣетъ постоянное занятіе въ небольшой мастерской, гдѣ работаетъ нѣсколько учениць и мастерицъ. Она получаетъ 10 р. въ мѣсяцъ, обѣдъ, ужинъ и чай. Работаютъ обыкновенно съ 9 ч. утра до 10 ч. вечера, часто дольше, особенно передъ воскресеньемъ. Отдыха тамъ не полагается. На обѣдъ, ужинъ и чай дается ровно столько времени, сколько надо, чтобы ихъ съѣсть. Работа прекращается, какъ только садятся за обѣдъ, и начинается сейчасъ же по выходѣ изъ-за стола. «При такихъ условіяхъ,—замѣтила она,—тяжело работать. Постоянно болитъ грудь и голова. За недѣлю такъ намучаешься, что и въ праздникъ не успѣешь отдохнуть».

Одна самостоятельная портниха сообщила мнѣ, что она вздумала обзавестись порядочнымъ помѣщеніемъ и такимъ образомъ привлечь къ себѣ хорошихъ кліентовъ. Она наняла комнату за 18 руб. въ мѣсяцъ и начала искать работы. Но скоро ей пришлось убѣдиться, что ея предпріятіе не даетъ желанныхъ результатовъ. Проживъ мѣсяцъ въ дорогой комнатѣ, она истратила весь свой маленькій запасъ денегъ и переселилась въ общежитіе общества попеченія о молодыхъ дѣвушкахъ, взявъ тамъ кровать за три рубля. Живя тамъ, она достаетъ работу и шьетъ дома на собственной швейной машинѣ, работая часовъ двѣнадцать въ сутки, и при условіи постоянныхъ заказовъ можетъ получить рублей двадцать въ мѣсяцъ. По ея мнѣнію, на эти деньги можно было бы сносно прожить, но бѣда въ томъ, что на праздникахъ не бываетъ работы, лѣтомъ тоже. Потому она должна распредѣлять свой заработокъ и на это время.

Условія труда портнихъ-поденщицъ также очень печальны. Если которая изъ нихъ найдетъ работу, оплачиваемую восьмьюдесятью копѣйками въ день плюсъ чай и столъ, то она считаетъ свое положеніе блестящимъ. Тогда она не смотритъ на то, что работаетъ двѣнадцать часовъ безъ перерыва. Но такая плата представляется исключительной. Чаще заработокъ поденщицы равняется 50—60 коп. въ день на хозяйскихъ харчахъ. Что касается продолжительности рабочаго дня, то онъ не менѣе двѣнадцати часовъ съ короткими промежутками для пріема пищи.

Передъ праздниками рабочій день въ мастерскихъ обыкновенно удлиняется на нѣсколько часовъ. Иногда случается, что работаютъ всю ночь. Въ слѣдующей табличкѣ мы приводимъ нѣкоторыя данныя относительно продолжительности рабочаго дня въ мастерскихъ въ обыкновенное время и передъ праздниками. Здѣсь исключенъ перерывъ и взяты только часы работы.

Обыкновенное время.		Передъ праздниками.	
3 раза	10 часовъ.		
5 »	11 »	7 разъ	12 часовъ.
1 »	12 »	2 »	13 »
2 »	13 »	2 »	15 »
1 »	$14^1/_2$ »	1 » ...	18—19 »
	11,4 среднее.		13,1 среднее.

Для сравненія приводимъ продолжительность рабочаго дня портнихъ-одиночекъ.

Обыкновенное время.		Передъ праздниками.	
1 разъ	8 часовъ.	1 разъ	8 часовъ.
1 »	9 »	1 »	$8^1/_2$ »
1 »	10 »	1 »	9 »
1 »	11 »	1 »	10 »
2 »	$11^1/_2$ »	1 »	12 »
3 »	12 »	1 иногда до	4—5 утра.
	10,77 среднее.		9.4 среднее.

Изъ этихъ таблицъ видно, что передъ праздниками бываетъ особенно рѣдкая разница въ числѣ рабочихъ часовъ портнихъ-одиночекъ и портнихъ, работающихъ въ мастерскихъ. Первыя приблизительно на четыре часа работаютъ меньше, нежели послѣднія. Положеніе портнихи-одиночки лучше также въ томъ отношеніи, что она можетъ пользоваться отдыхомъ, тогда какъ работница въ мастерской часто его вовсе не имѣетъ.

Какъ великъ мѣсячный заработокъ портнихъ-одиночекъ и работницъ, можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

Портнихи-работницы.		Портнихи-одиночки.	
1 разъ	8 руб.		
2 »	10 »	1 разъ	8 руб.
3 »	12 »	1 »	10 »
1 »	14 »	3 »	12 »
1 »	15 »	1 »	15 »
1 »	16 »	1 »	20 »
1 »	17 »	2 »	25 »
	12 руб. 60 к. среднее.		15 руб. 22 к. среднее.

Относительно портнихъ-работницъ надо замѣтить, что получающія 8—12 р. имѣютъ отъ мастерской столъ и помѣщеніе. Остальныя пользуются только столомъ. Если мастерица не желаетъ жить у хозяйки, то ей полагается три рубля въ мѣсяцъ на квартиру. Прибавивъ эту сумму къ 12 р. 60 к., мы получимъ 15 р. 60 к., цифру, близкую къ заработку портнихъ-одиночекъ. Но такъ какъ портниха-работница получаетъ всегда столъ отъ мастерской, то ея матеріальное положеніе лучше одиночки, которая должна изъ 15 р. нанимать квартиру и имѣть свой столъ.

Мѣсячный заработокъ портнихи, работающей поденно въ различныхъ мѣстахъ, при условіи постоянныхъ занятій, приблизительно также рублей 15 въ мѣсяцъ за 11—12 часовъ ежедневной работы. Она обыкновенно пользуется хозяйскимъ столомъ. Такимъ образомъ она въ матеріальномъ отношеніи стоитъ ближе къ портнихѣ-работницѣ, нежели къ одиночкѣ. Но она находится въ худшихъ условіяхъ сравнительно съ первой, потому что ея заработокъ не настолько постояненъ. Ея работа бываетъ непрерывной только въ извѣстный сезонъ и передъ праздниками.

Лѣтній сезонъ тяжело отражается вообще на всѣхъ портнихахъ, такъ какъ сопровождается почти поголовной безработицей. Онѣ должаютъ, продаютъ зимнія вещи и голодаютъ. Лѣтній перерывъ обыкновенно тянется мѣсяца два, иногда даже больше. Тогда почти всѣ мелкія мастерскія совсѣмъ прекращаютъ работу, а крупныя уменьшаютъ число работницъ. Если у послѣднихъ нѣтъ поддержки со стороны родныхъ, то имъ приходится существовать или на свои сбереженія, или изыскивать иныя средства.

Бѣлошвейки и работающія верхнія вещи находятся, приблизительно, въ такихъ же условіяхъ, какъ портнихи. Одна молодая дѣвушка, работающая верхнія вещи, разсказывала мнѣ, что у нихъ въ мастерской обыкновенно работаютъ съ восьми часовъ утра до девяти часовъ вечера, причемъ дается не болѣе, какъ полчаса на обѣдъ. Она получаетъ 14 руб. въ мѣсяцъ, столъ и чай отъ хозяйки. Квартира своя. Зимой работы не бываетъ приблизительно съ 15 декабря по 15 января, а лѣтомъ мѣсяца полтора. Такимъ образомъ, получая 14 руб. въ мѣсяцъ, дѣвушка должна дѣлать изъ нихъ сбереженія, чтобы имѣть возможность просуществовать впродолженіи двухъ съ половиною мѣсяцевъ безработицы.

Бѣлошвейки работаютъ также не менѣе 11—13 ч. въ день, получаютъ отъ 6 до 14 руб. въ мѣсяцъ и столъ, иногда помѣщеніе. Относительно послѣдняго надо замѣтить, что оно во всѣхъ мастерскихъ отличается большой тѣснотой. Хотя каждой дѣвушкѣ дается отдѣльная кровать, послѣднія стоятъ очень близко другъ отъ друга. Нерѣдко случается, что дѣвушки спятъ въ той же мастерской, гдѣ днемъ работаютъ. Въ такомъ случаѣ о какихъ-либо удобствахъ, о кроватяхъ и т. п. не можетъ быть и рѣчи.

Портниха-одиночка или поденщица получаетъ въ среднемъ рублей пятнадцать въ мѣсяцъ. Какъ она устраиваетъ свою жизнь на эти средства при петербургской дороговизнѣ? Этотъ вопросъ долженъ насъ очень интересовать. Такъ какъ во время мертваго сезона онѣ обыкновенно сидятъ безъ работы, предположимъ мѣсяца два въ продолженіи года, то ихъ средній годовой заработокъ мы должны считать въ 150 р. Въ самомъ лучшемъ случаѣ онъ повышается до 200—250 руб. На эти деньги одинокая дѣвушка должна нанять квартиру, питаться, одѣваться и получать хоть какое-нибудь развлеченіе.

При очень скромныхъ разсчетахъ и аккуратномъ веденіи дѣла на сколько-нибудь удовлетворительное питаніе дѣвушка должна затратить не менѣе девяти рублей въ мѣсяцъ или 108 руб. въ годъ. Изъ 150 руб. у нея тогда останется 42 руб. на удовлетвореніе всѣхъ остальныхъ потребностей: квартиру, одежду, удовольствія. Что можно сдѣлать на эти деньги? Взявъ даже уголъ за три рубля въ мѣсяцъ, дѣвушка не въ состояніи будетъ покрыть всѣхъ своихъ расходовъ. Потому ей приходится сокращать свои издержки на питаніе или, иными словами, подвергать себя хроническому голоданію.

Очень часто портниха живетъ съ родными. Если же ей приходится нанимать квартиру самой, то обыкновенно она помѣщается въ углу, плата за который колеблется отъ 2 до 3—4 р.

Что касается питанія портнихъ, то работающія въ мастерскихъ и поденщицы обыкновенно ѣдятъ два раза въ день. Но въ первомъ случаѣ бываетъ, что работница ѣстъ только одинъ разъ, за обѣдомъ. Остальное время она пробавляется чаемъ съ хлѣбомъ. Самостоятельныя портнихи также чаще всего ѣдятъ два раза въ день, обѣдъ и ужинъ, затѣмъ два раза чай. Иногда онѣ довольствуются обѣдомъ и пьютъ чай два раза въ день. Обѣдъ портнихи-одиночки, живущей не съ родными, обходится 15—20 к. въ день и составляетъ ея самую главную пищу. Остальное время она довольствуется чаемъ съ хлѣбомъ или булкой, къ которымъ иногда добавляется сыръ или колбаса.

Въ Петербургѣ женщины находятъ себѣ работу на различныхъ фабрикахъ

и заводахъ. Ихъ трудъ примѣняется въ довольно большихъ размѣрахъ на ткацкихъ и прядильныхъ фабрикахъ, на табачныхъ, коробочныхъ, конфектныхъ, шурупныхъ и нѣкоторыхъ другихъ.

У насъ имѣются свѣдѣнія о 156 женщинахъ, работающихъ на различныхъ фабрикахъ и заводахъ. Изъ нихъ 75 чел. занимаются на ткацкихъ и бумагопрядильныхъ, 55 чел. на табачныхъ, 17 чел. на коробочныхъ, 9 чел. на конфектныхъ, 5 чел. на шурупномъ заводѣ, одна на желатинномъ.

Работницы спрашивались, въ которомъ часу онѣ начинаютъ работу, въ которомъ кончаютъ и какъ великъ бываетъ перерывъ между работой и сколько разъ. Свѣдѣнія собирались относительно длины рабочаго дня, въ обыкновенное время и передъ праздниками.

Если исключить перерывъ, то оказывается, что на различныхъ фабрикахъ въ среднемъ, въ обыкновенное время женщины имѣютъ слѣдующее число рабочихъ часовъ:

На ткацкихъ и бумагопрядильныхъ	11,5	час.
» конфектныхъ	11,5	»
» табачныхъ	11,0	»
» коробочныхъ	10,5	»
» шурупномъ	10,5	»

Перерывъ между работой бываетъ различенъ, смотря по роду занятій. Наибольшимъ однообразіемъ онъ отличается на ткацкихъ и бумагопрядильняхъ. Тамъ рабочій день обыкновенно начинается съ 6 час. утра и оканчивается въ 7 час. вечера. Въ полдень дается полтора часа на обѣдъ. Нѣкоторое отступленіе отъ этого правила представляетъ бумагопрядильня Гергарда. Тамъ работница одну недѣлю бываетъ занята съ 4 час. утра до 1 часа пополудни, а другую съ 1 часа пополудни до 10 час. вечера. Перерыва нѣтъ. Слѣдовательно, здѣсь рабочій день продолжается 18 часовъ, но въ продолженіи этого времени работаютъ двѣ смѣны.

На коробочныхъ фабрикахъ рабочій день въ большинствѣ случаевъ начинается съ семи часовъ утра и продолжается до семи вечера. Въ полдень дается 1—1½ часа на обѣдъ. На конфектныхъ рабочій день также начинается съ семи часовъ утра и оканчивается въ семь часовъ вечера. На обѣдъ дается только часъ.

На табачныхъ фабрикахъ, повидимому, не существуетъ опредѣленнаго времени и каждая работница занимается столько часовъ, сколько она сама признаетъ возможнымъ или необходимымъ. На одной и той же фабрикѣ работа начинается въ 6, 7, 8, 9 и даже 11 часовъ утра и оканчивается въ 5, 7, 8 и 9 час. вечера. Перерывъ въ работѣ по желанію и длина его колеблется между тридцатью минутами и тремя часами. Чаще всего работница позволяетъ себѣ отдыхать часъ въ продолженіи 12 часовъ работы.

Вопросъ о длинѣ рабочаго дня передъ праздниками очень важенъ для работницы, особенно замужней, которую занятія на фабрикѣ вообще не освобождаютъ отъ домашнихъ заботъ. Шулеръ говоритъ, что установленнымъ воскреснымъ отдыхомъ женщины могутъ пользоваться только тогда, если въ субботу работа на фабрикѣ будетъ оканчиваться не позже 2 часовъ дня. Только въ такомъ случаѣ она можетъ вычистить накопившуюся за недѣлю дома грязь и подготовить все къ празднику. Въ виду этого, въ Англіи, въ субботу рабочій день оканчивается въ 12—2 часа дня и у замужней женщины остается въ распоряженіи нѣсколько свободныхъ часовъ, которыя она можетъ посвятить на домашніе работы.

На нѣкоторыхъ петербургскихъ фабрикахъ по субботамъ женщины кончаютъ работу раньше обыкновеннаго. Это относится, главнымъ образомъ, къ ткацкимъ

и бумагопрядильнямъ. На невской ниточной, на бумагопрядильнѣ Штиглица, на ниточной Коатсъ, на бумагопрядильняхъ Болохъ и Торнтонъ рабочій день въ субботу оканчивается, по-англійски, въ 2 часа дня. На другихъ ткацкихъ и бумагопрядильняхъ онъ также нѣсколько короче обыкновеннаго и оканчивается въ 3, 5 и 5½ часовъ. На остальныхъ фабрикахъ: табачныхъ, коробочныхъ, конфектныхъ, субботній рабочій день очень мало отличается отъ остальныхъ дней недѣли и оканчивается, приблизительно, въ тотъ же часъ. Только иногда работница освобождается на часъ—полтора раньше. Особенно неблагопріятныя условія въ этомъ отношеніи существуютъ для работающихъ на конфектныхъ фабрикахъ. Тамъ передъ большими праздниками работаютъ по вечерамъ и даже въ праздники.

Какъ бы то ни было, но въ отношеніи праздниковъ фабричныя работницы находятся въ гораздо лучшихъ условіяхъ, нежели швеи, работающія въ мастерскихъ. Сопоставляя продолжительность предпраздничнаго рабочаго дня тѣхъ и другихъ, мы получимъ слѣдующее:

Часовъ работы съ исключеніемъ перерывовъ:

Портнихи.	
7 разъ	по 12 час.
2 раза	» 13 »
2 »	» 15 »
1 разъ	18—19 »
	13 час. средн.

Бумагопрядильни и ткацкія.	
2 раза	по 7½ час.
41 разъ	» 8 »
1 »	» 8½ »
4 раза	» 9 »
19 разъ	» 9½ »
3 раза	» 10 »
	8.6 час. среднее.

Остальныя фабрики.	
1 разъ	по 4 час.
1 »	» 5 »
1 »	» 6,5 »
1 »	» 8 »
2 раза	» 9 »
2 »	» 9,5 »
26 разъ	» 10 »
8 »	» 10,5 »
24 раза	» 11 »
2 »	» 11,5 »
3 »	» 12 »
	10 час. среднее.

Эта таблица очень поучительна. Она наглядно показываетъ намъ, какъ эксплуатируются работницы-портнихи въ мастерскихъ. Если въ среднемъ ихъ обыкновенный рабочій день не превышаетъ рабочаго дня фабричныхъ, то передъ праздниками онъ удлиняется на три-четыре часа сравнительно съ послѣдними. Положеніе портнихъ оказывается хуже и въ томъ отношеніи, что у нихъ очень часто не бываетъ перерыва для отдыха, а дается только время на то, чтобы пообѣдать, тогда какъ на фабрикахъ пользуются 1—1½ часами свободы.

На международной берлинской конференціи 1890 года были выработаны слѣдующія правила относительно работы женщинъ.

Желательно: а) чтобы дѣвушки и женщины (съ 16 лѣтъ) не работали ночью; б) чтобы дѣйствительная работа продолжалась не болѣе 11-ти часовъ въ день съ перерывами для отдыха и пріема пищи въ общей сложности не менѣе 1½ часа.

Этимъ требованіямъ до нѣкоторой степени удовлетворяетъ работа женщинъ на петербургскихъ фабрикахъ. Но въ мастерскихъ въ данномъ отношеніи господствуетъ полный произволъ.

Въ 1895 году въ русскомъ обществѣ охраненія народнаго здравія была создана комиссія для разсмотрѣнія вопроса о нормировкѣ рабочаго дня. Тамъ выяснилось, что въ публикѣ господствуетъ ложное представленіе о фабричномъ трудѣ. Обыкновенно думаютъ, что на фабрикахъ примѣняется главнымъ образомъ мышечная сила. Но въ большинствѣ случаевъ мускульный трудъ играетъ тамъ второстепенную или очень ничтожную роль. На фабрикахъ тратится, главнымъ образомъ, нервная энергія. Тамъ рабочему приходится держать свое вниманіе въ постоянномъ напряженіи, и это дѣйствуетъ страшно истощающимъ

образомъ. Поэтому чрезмѣрно длинный рабочій день и отсутствіе перерывовъ должны разрушительно дѣйствовать на физическое здоровье. Послѣднее страдаетъ у фабричныхъ и отъ недостатка питанія и сна. Для людей, которые работаютъ преимущественно нервами, нужна болѣе удобоваримая и легкая пища. Между тѣмъ, заработокъ фабричныхъ обыкновенно бываетъ такъ малъ, что его хватаетъ только на удовлетвореніе минимума потребностей. Фабричному рабочему приходится питаться такой же грубой и неудобоваримой пищею, какъ чернорабочему. Но мускульный трудъ, который помогаетъ послѣднему переваривать ее, отсутствуетъ въ работѣ фабричнаго. Потому пищевареніе у него совершается вяло и теряется аппетитъ. Этому способствуетъ также испорченный воздухъ и высокая температура, господствующая на фабрикахъ.

Сонъ, который представляется столь необходимымъ для возстановленія силъ утомленнаго человѣка, оказывается слишкомъ недостаточнымъ въ случаѣ чрезмѣрно длиннаго рабочаго дня. Кромѣ работы, ѣды и сна, у человѣка есть еще нѣкоторыя другія потребности, для удовлетворенія которыхъ за недостаткомъ времени волей-неволей приходится отнимать часъ-два у сна. Такимъ образомъ все складывается самымъ неблагопріятнымъ образомъ для физическаго здоровья фабричныхъ работниковъ и работницъ

Что касается заработка женщинъ на петербургскихъ фабрикахъ, то мы можемъ получить представленіе о немъ изъ слѣдующей таблицы. Мы беремъ отдѣльно разныя производства, такъ какъ заработокъ оказывается не одинаковъ.

Мѣсячный заработокъ.

На бумагопряд. и ткацкихъ.	На табачн.	На коробочн.	На конфектныхъ.
8 руб. 1 разъ.	8 руб. 1 разъ.	7 руб. 3 раза.	8 руб. 1 разъ.
11 » 2 »	9 » 1 »	10—12 » 4 »	10 » 2 »
12 » 13 »	10 » 14 »	10 » 1 »	11—12 » 1 »
13 » 15 »	12 » 16 »	9 » 2 »	12 » 4 »
15 » 7 »	14 » 4 »	12 » 1 »	18 » 1 »
16 » 5 »	15 » 9 »	14 » 1 »	
17 » 5 »	16 » 3 »	16 » 1 »	
16—18 » 1 »	18 » 4 »	18 » 3 »	
18 » 8 »	20 » 2 »	20 » 1 »	
18—20 » 1 »			
17—20 » 1 »			
20 » 8 »			
20—22 » 3 »			
22 » 1 »			
20—25 » 2 »			
20—23 » 1 »			
25 » 1 »			
16 руб. средн.	13 руб. средн.	12 руб. 20 к. средн.	12 руб. средн.

На шурупномъ заводѣ работницы получаютъ въ среднемъ также 12 руб.

Средній заработокъ всѣхъ фабричныхъ работницъ равняется 14 руб. въ мѣсяцъ. Выше мы уже видѣли, что портниха одиночка получаетъ въ среднемъ рублей пятнадцать въ мѣсяцъ, цыфра, почти одинаковая съ фабричными. Такимъ образомъ петербургская работница, швея или фабричная, можетъ располагать 14—15 рублями въ мѣсяцъ. Эта сумма должна удовлетворять всѣмъ потребностямъ одинокой женщины или дѣвушки. Выше мы уже видѣли какъ устраивается на эти средства портниха, не имѣющая родныхъ. Слѣдующее даетъ намъ представленіе объ условіяхъ жизни одинокихъ фабричныхъ работницъ.

Одинокая дѣвушка въ большинствѣ случаевъ помѣщается въ одной комнатѣ съ своими семейными хозяевами или съ семейными жильцами. Очень часто

бываетъ также, что двѣ, три или болѣе работницъ соединяются вмѣстѣ и нанимаютъ комнату. Вотъ, напр., четыре работницы съ фабрики Штиглица поселились въ одной комнатѣ и платятъ за нее 10 руб. въ мѣсяцъ. Три другія дѣвушки платятъ за комнату 12 руб.

При посѣщеніи квартиръ рабочихъ у меня составилось представленіе, что, не смотря на меньшій заработокъ, одинокія работницы проявляютъ большую требовательность къ своему помѣщенію, нежели одинокіе работники. Послѣдніе сплошь и рядомъ помѣщаются вдвоемъ на кровати. Съ работницами это случается очень рѣдко. Если дѣвушки-работницы занимаютъ отдѣльную комнату, то она вообще отличается чистотой и порядкомъ. Иногда у нихъ замѣчается даже нѣкоторое стремленіе къ комфорту. Я помню, мнѣ пришлось быть въ одной квартирѣ, гдѣ двѣ маленькихъ комнаты сдавались дѣвушкамъ, работающимъ въ арсеналѣ. Въ одной комнатѣ помѣщались двѣ, въ другой одна. Въ обѣихъ было чисто и постели отличались опрятностью. На подушкахъ бѣлыя наволочки, кровати были покрыты чистымъ одѣяломъ, изъ-подъ котораго виднѣлась опрятная простыня. На окнахъ висѣли тюлевыя занавѣси, на столахъ были постланы чистыя салфетки. Въ одной комнатѣ на комодѣ стояло зеркало и букетъ искусственныхъ цвѣтовъ.

Если дѣвушки-работницы, соединившись по двѣ, по три, по четыре, нанимаютъ для себя отдѣльную комнату, то въ такомъ случаѣ онѣ находятся въ сравнительно лучшихъ условіяхъ. Гораздо хуже для нихъ, когда онѣ помѣщаются въ углу съ другими семейными жильцами или съ самими хозяевами. А это случается очень часто. Еще хуже ихъ положеніе бываетъ тогда, если въ одной комнатѣ съ ними занимаетъ углы холостая молодежь. Такіе случаи въ Петербургѣ встрѣчаются нерѣдко.

Одинокая работница платитъ слѣдующую цѣну за свой уголъ вмѣстѣ съ другими жильцами или подругами. Одна платила $1^1/_2$ рубля въ мѣсяцъ, три—по 2 руб., двѣ—2 р. 50 к., одна—3 р. 20 к., три—3 р., одна—3 р. 50 к., одна—4 р., одна—4 р. 50 к.; среднее 2 р. 77 к.

Средній заработокъ этихъ работницъ равняется 13 р. 46 к. Такимъ образомъ одинокая фабричная работница платитъ 20,5% своего заработка за уголъ. На удовлетвореніе всѣхъ остальныхъ потребностей у нея остается 10 р. 69 к. Изъ нихъ самая существенная—питаніе. Оно должно поглощать значительную часть ея заработка. Изъ собранныхъ свѣдѣній видно, что одинокая работница въ большинствѣ случаевъ ѣстъ два раза въ день, одинъ разъ обязательно горячее. Перерывъ, продолжающійся $1—1^1/_2$ часа, даетъ ей возможность сходить домой или въ дешевую кухмистерскую пообѣдать. Но нерѣдко ей приходится питаться гораздо хуже. Изъ слѣдующихъ примѣровъ можно видѣть, что ѣстъ и сколько тратитъ на пищу одинокая работница.

Одна заявила, что мясо ѣстъ рѣдко. Она получаетъ 12 р. въ мѣсяцъ и платитъ 3 р. 50 к. за уголъ. Другая ѣстъ мясное не каждый день. Получаетъ 55 к. въ день и платитъ 2 р. 25 к. за уголъ. Обѣдъ ей обходится четыре рубля въ мѣсяцъ. Третья ѣстъ только одинъ разъ и то въ сухомятку. Получаетъ 8 р. въ мѣсяцъ и платитъ 3 р. за уголъ. Четвертая также ѣстъ одинъ разъ, но горячее. Получаетъ 45 к. въ день. Пятая ѣстъ также одинъ разъ въ день, горячее. Получаетъ 11—12 р. въ мѣсяцъ. Платитъ 3 р. за уголъ. Столъ ей обходится рублей въ шесть. Обѣдъ она беретъ у торговки, у которой бываетъ горячій супъ, молоко, колбаса и другіе съѣстные продукты. Вычитая изъ ея заработка 9 р. за столъ и квартиру, мы получимъ 2—3 рубля, которые остаются этой молоденькой дѣвушкѣ на удовлетвореніе всѣхъ остальныхъ потребностей. Не легко существовать при подобныхъ условіяхъ! Нуженъ большой запасъ стойкости, чтобы, борясь съ нуждой и работая по 12 часовъ въ сутки, противостоять петербургскимъ соблазнамъ и не пойти по пути порока, который оплачивается гораздо лучше.

Эта дѣвушка работаетъ на конфектной фабрикѣ. Слѣдующая работаетъ на ткацкой и находится въ болѣе выгодныхъ условіяхъ. Она можетъ получить рублей двадцать въ мѣсяцъ. За квартиру платитъ 3 р. 20 к. Столъ ей обходится рублей въ восемь. На остальныя потребности у нея также остается рублей восемь. Принимая во вниманіе, что на ткацкихъ фабрикахъ мертваго сезона не бываетъ, она можетъ вести сколько-нибудь сносное существованіе, если она равнодушна къ столичнымъ соблазнамъ.

По отношенію къ питанію живущія съ родными работницы находятся въ сравнительно лучшихъ условіяхъ. Онѣ могутъ постоянно имѣть домашній столъ. Вотъ, напр., пятнадцатилѣтняя дѣвушка. Она получаетъ 50 к. въ день. Живетъ съ теткой. Ѣстъ три раза въ день: 1) чай съ булкой, 2) супъ и картофель, 3) супъ и картофель. Мясо бываетъ не всегда. Столъ ей обходится 20 к. въ день, на одну. Вотъ другая пятнадцатилѣтняя дѣвушка. Она работаетъ на ниточной фабрикѣ и получаетъ 18 р. въ мѣсяцъ. Живетъ съ матерью въ комнатѣ, за которую платятъ 4 р. Мясо ѣстъ не каждый день. Третья, шестнадцатилѣтняя дѣвушка, работаетъ на ткацкой. Получаетъ она 90 к. въ день и комнату отъ фабрики. Живетъ съ матерью и имѣетъ возможность ѣсть три раза въ день. За исключеніемъ постныхъ дней, у нихъ ежедневно бываетъ мясо. На ѣду онѣ вдвоемъ тратятъ пятнадцать рублей въ мѣсяцъ. Положеніе этой дѣвушки блестяще сравнительно съ вышеупомянутой, работающей на конфектной фабрикѣ.

Вообще изъ собранныхъ свѣдѣній видно, что фабричная работница тратитъ на ѣду рублей шесть-восемь въ мѣсяцъ. Ѣстъ она обыкновенно два, иногда одинъ разъ въ день, не считая чай. Мясо за ея столомъ бываетъ далеко не всегда, чаще ея пищу составляютъ картофель и супъ. При среднемъ заработкѣ въ 14 рублей трудно ожидать чего-либо другого. Потому фабричной работницѣ приходится вести полуголодное существованіе. Въ самомъ лучшемъ случаѣ она получаетъ 18—25 руб. Но такихъ счастливицъ было всего 36 чел. изъ 156 (23%). Но и эта цифра получилась только потому, что было много работницъ съ ткацкихъ и бумагопрядильныхъ фабрикъ, гдѣ заработокъ сравнительно лучше. На самомъ дѣлѣ процентъ получающихъ 18—25 руб. въ мѣсяцъ гораздо меньше.

Для болѣе полной характеристики условій женскаго труда въ Петербургѣ, приводимъ нѣкоторыя свѣдѣнія относительно другихъ занятій: работы въ типографіяхъ, переплетныхъ, красильняхъ, винныхъ складахъ и другихъ. Эти свѣдѣнія служатъ дальнѣйшимъ подтвержденіемъ того, что періодъ рабочаго дня вездѣ великъ, а заработокъ малъ.

Въ обыкновенное время, въ только что названныхъ заведеніяхъ длина рабочаго дня съ исключеніемъ перерыва равняется 11 часамъ, а передъ праздниками десяти. Величина перерыва колеблется между 35 мин. и 1½ час. Величина заработка слѣдующая: отъ 6 до 10 руб. 5 разъ, отъ 11 до 15 руб. 13 разъ, отъ 16 до 28 руб. 9 разъ. Въ среднемъ получается 14 руб. 50 к. въ мѣсяцъ.

Такимъ образомъ заработокъ этихъ женщинъ равенъ заработку всѣхъ другихъ. Это даетъ намъ право утверждать, что средній заработокъ петербургской работницы, занимается ли она шитьемъ, на фабрикѣ или чѣмъ-либо другимъ, не превышаетъ 14—15 руб. въ мѣсяцъ.

Въ заключеніе надо замѣтить, что мы очень хорошо сознаемъ скудость того цифроваго матеріала, которымъ мы пользовались. Но въ этой замѣткѣ мы ограничились скромной задачей пролить нѣкоторый свѣтъ на экономическое положеніе петербургской работницы. Дальнѣйшія изслѣдованія должны способствовать большему выясненію даннаго вопроса.

Женщина-врачъ **М. И. Покровская.**

Изъ русскихъ журналовъ.

«Вѣстникъ Европы», ноябрь. Л. А. Жемчужниковъ помѣстилъ начало своихъ «Воспоминаній изъ прошлаго», обнимающее школьные годы (1830—1850 гг.). Разсказъ живо и образно передаетъ, какъ казарменная обстановка тогдашняго военнаго воспитанія въ заботахъ о внѣшней выправкѣ совершенно игнорировала душу ребенка. Авторъ вступилъ въ Царскосельскій кадетскій корпусъ 6-ти лѣтъ, и немедленно, несмотря на свой нѣжный возрастъ, попалъ въ клещи варварской воспитательной системы; первая дѣтская ссора повела за собой грозный возгласъ начальства «розогъ!», солдаты засуетились и при отчаянномъ крикѣ жертвы произвели гнусную расправу. «Мамзель Боніотъ (классная дама) меня не любила, часто наказывала и сѣкла, сѣкла собственноручно или приказывала сѣчь въ ея присутствіи. Сѣкъ меня рѣже, но больнѣе директоръ, а еще больнѣе—инспекторъ. Удары его давались на-лету; держали меня два солдата за руки и ноги, полураздѣтаго на воздухѣ, а третій солдатъ хлесталъ пучкомъ розогъ (запасъ которыхъ стоялъ въ углу), пока инспекторъ не скажетъ: «довольно!» Число ударовъ доходило до тридцати и сорока». И это семилѣтняго ребенка!! «День за днемъ проходили, и я не чувствовалъ около себя сердечнаго участія; все, все было чуждо»... «Такъ мало-по-малу я грубѣлъ и свыкался съ обычаями и порядками корпуса, но очень часто вспоминалъ свою крестную мать, Павловку (отцовское имѣніе) и украдкой плакалъ»... Не только участія или ласки, въ корпусѣ не проявляли даже простого вниманія къ выдающимся способностямъ учениковъ: авторъ обнаруживалъ несомнѣнныя дарованія къ рисованію и лѣпкѣ, но никому до этого не было дѣла. Эта ненормальная жизнь, въ постоянномъ трепетѣ безразборчиво раздаваемыхъ сѣченій, съ замкнутымъ въ себѣ міромъ чувствъ и воображенія, разрушительно дѣйствовала на нервы. Авторъ разсказываетъ о себѣ, какъ онъ дошелъ до галлюцинацій, до періодически повторявшихся видѣній во снѣ и на яву; онъ находилъ исходъ своимъ стѣсненнымъ чувствамъ только въ этой работѣ фантазіи, дававшей, за недостаткомъ реальныхъ, воображаемые объекты чувствамъ, вѣра въ чорта, колдовство, домовыхъ и вѣдьмъ страннымъ образомъ обогащала и одушевляла этотъ призрачный міръ. Въ Петербургскомъ первомъ кадетскомъ корпусѣ куда перешелъ авторъ, продолжала тяготѣть та же система, но только въ гораздо болѣе сильной степени. Ученьемъ жертвовали въ пользу маршировки, а чтобы сдѣлаться виртуозомъ шагистики, нужно было, бросивъ всѣ уроки, цѣлые дни предаваться упражненіямъ, подъ руководствомъ солдата: такого рода усердіе чрезвычайно поощрялось начальствомъ. «Каждый понедѣльникъ въ нашей ротѣ происходила экзекуція,—кого за дурной баллъ, кого за шалости или непослушаніе. Сѣкли цѣлыми десятками, или по восьми человѣкъ, выкликая первую, вторую и т. д. смѣну въ послѣдовательномъ порядкѣ». Всѣхъ остальныхъ выстраивали при этомъ въ залѣ для устрашенія. Посреди залы стояли скамейки, покрытыя байковыми одѣялами, тутъ же стояли ушаты съ горячей соленой водой и въ нихъ розги, перевязанныя пучками. «Кадеты выстраивались шеренгой, ихъ раздѣвали или они раздѣвались, клали или они ложились изъ молодечества сами на скамью; одинъ солдатъ садился на ноги, другой на шею, и начиналась порка съ двухъ сторонъ; у каждаго изъ этихъ двухъ солдатъ были подъ мышкой запасы пучковъ, чтобы мѣнять обившіяся розги на свѣжія. Розги свистѣли по воздуху, и командиръ иногда приговаривалъ: «рѣже!» — «крѣпче!..» Свистъ, стонъ—нельзя забыть... Помню непріятный до тошноты запахъ сидѣвшаго у меня на шеѣ солдата, и какъ я просилъ, чтобы онъ меня не держалъ, и какъ судорожно прижимался къ скамьѣ... Понедѣльники наводили на всѣхъ

ужасъ». «Я не зналъ, какъ мнѣ избавиться отъ корпусной тюрьмы и тиранства, и для этого растравлялъ себѣ на ногѣ рану: скоблилъ ножичкомъ надъ костью кожу и мясо, подсыпая соли. Но такъ какъ за подобныя продѣлки жестоко наказывали, то я долженъ былъ пріостановиться; потомъ началъ сыпать себѣ въ одинъ глазъ соли, но и тутъ едва не былъ уличенъ фельдшеромъ;—бросилъ и это средство». И въ старшихъ классахъ корпуса продолжалось все то же, только съ перемѣной обстановки, сообразно вкусу директора: экзекуціи производились въ классахъ, обходъ классовъ совершался разъ въ недѣлю всѣми чинами корпуса въ орденахъ. Директоръ обыкновенно вызывалъ автора воспоминаній: «мальчикъ со способностями, долженъ получить лучшій баллъ, надо высѣчь». Раскладывали меня и сѣкли: никакія просьбы и обѣщанія не могли разжалобить». И все-таки подъ гнетомъ всѣхъ строгостей и истязаній развивались всевозможныя проказы, шалости, издѣвательства надъ учителями: система муштровки не давала никакого воспитанія, кадеты даже растеривали въ корпусѣ тотъ запасъ добрыхъ нравовъ, который привозили съ собой изъ домашняго гнѣзда; да и учителя по невѣжеству и всякаго рода чудачествамъ раздразнивали въ ученикахъ желаніе подтрунить. Понятно, какіе результаты давала эта корпусная выучка: принимая благонравныхъ мальчиковъ корпусъ выпускалъ грубыхъ, развращенныхъ юношей. «Кадеты, на выпускѣ, щеголяли цинизмомъ. Они ходили въ грязныхъ, заплатанныхъ курткахъ, пѣли громко неприличныя пѣсни, грубили начальству, въ шутку били маленькихъ по головѣ» и т. д. Совершенно другую картину рисуетъ авторъ, изображая Пажескій корпусъ, въ который онъ перешелъ изъ кадетскаго. Вся обстановка, учителя, обращеніе начальства—все это поразило автора гуманностью, уваженіемъ человѣческаго достоинства въ ученикѣ. Но и тутъ дѣло не обходилось безъ особаго рода муштровки—ради придворнаго церемоніала. Къ пасхальной заутренѣ пажей возили въ Зимній дворецъ и для этого облекали въ парадный костюмъ: прежде всего всѣхъ завивали, потомъ, съ большими трудностями, встряхивая на полотенцѣ, натягивали узкіе лосиные штаны, шелковые чулки, башмаки, затѣмъ снимали со стола, на которомъ происходило одѣваніе, завертывали въ теплыя шинели, и запретивъ сгибать ноги, чтобы не лопнули штаны, почти укладывали въ громадныя придворныя кареты и отвозили въ Зимній дворецъ. Изъ каретъ вынимали, несли по лѣстницѣ и ставили каждаго на указанномъ мѣстѣ. Освободиться отъ пытки тѣснаго мундира было настоящимъ счастьемъ. Много автору пришлось вынести борьбы, чтобы промѣнять предстоявшую «благородную карьеру» на «ремесло» художника («художникъ—то же, что сапожникъ», говорилъ директоръ Пажескаго корпуса Зиновьевъ).

Т. С. Рапопортъ знакомитъ съ новымъ промышленнымъ движеніемъ въ Англіи для «борьбы съ конкуренціей». Самый гибельный для народной жизни видъ конкуренціи — есть взаимная конкуренція рабочихъ въ предложеніи труда, ибо она, понижая заработную плату, низводитъ уровень потребностей рабочаго на низшую ступень, подвергаетъ его лишеніямъ и такимъ образомъ неизбѣжно подрываетъ и здоровье, и умственныя силы огромной части населенія. Хотя законодательство старается облегчить эту борьбу рабочихъ, ограничивая дѣтскій и женскій трудъ и рабочій день и т. п., но болѣе крупная роль въ этой борьбѣ въ Англіи принадлежитъ рабочимъ союзамъ, такъ называемымъ трэдъ-юніонамъ, которые устанавливаютъ минимумъ рабочей платы и во многихъ случаяхъ ограничиваютъ предложеніе труда (напр., опредѣленіемъ числа учениковъ, которое можетъ работать на той или другой фабрикѣ). Вообще объединеніе, организація составляетъ великій принципъ въ борьбѣ съ конкуренціей, какъ средство взаимопомощи и самозащиты. Въ Англіи этотъ принципъ распространенъ очень широко на всѣхъ ступеняхъ промышленной и торговой дѣятельности. Повидимому, особенно чувствительно отзывается тяжесть конку-

ренціи на розничной торговлѣ. Чтобы привлечь покупателя, торговецъ принужденъ иногда спустить цѣну товара ниже его стоимости, въ надеждѣ на то, что соперники обанкротятся, и тогда можно будетъ поднять цѣны. Кромѣ борьбы съ равными себѣ конкурентами, отдѣльному лавочнику приходится еще тягаться съ болѣе сильными соперниками—акціонерными обществами, которыя раскидываютъ во всѣхъ частяхъ города (главнымъ образомъ, въ Лондонѣ) свои лавки, которыя, конечно, обладаютъ способностью дольше выдерживать въ борьбѣ. Съ своей стороны и акціонернымъ компаніямъ приходится состязаться съ громадными универсальными магазинами, все болѣе и болѣе распространяющимися въ Англіи. Эти гиганты, однако, не задавили мелкаго лавочника: въ борьбѣ съ ними онъ прибѣгаетъ къ союзамъ; мѣстные союзы одной отрасли торговли соединяются въ федераціи, имѣющія свои собранія, съѣзды. Главная цѣль этихъ союзовъ устанавливать минимальныя цѣны, ниже которыхъ не можетъ спускать цѣну ни одинъ торговецъ; въ противномъ случаѣ, всѣ сосѣдніе лавочники понижаютъ цѣну еще болѣе до тѣхъ поръ, пока онъ не обанкротится. Другое средство поддержанія цѣнъ состоитъ въ давленіи на фабрикантовъ, съ тою цѣлью, чтобы они отпускали свои товары только въ тѣ магазины, которые продаютъ не ниже условленнаго минимума; принудительность этого воздѣйствія на фабриканта вызывается стачками, которыя устраиваютъ торговцы противъ сбыта товаровъ непокорнаго фабриканта. Такъ, принципъ взаимодѣйствія интересовъ при посредствѣ организаціи является могущественною регулирующею силою. Но самою новою системою, опирающеюся на болѣе широкія основанія, является, безъ сомнѣнія, такъ называемая «комбинаціонная»; пропагандистомъ ея выступилъ лѣтъ восемь тому назадъ Эдуардъ Смитъ. Комбинація заключается въ союзѣ предпринимателей и рабочихъ съ цѣлью опредѣлять минимальныя цѣны. Таблица цѣнъ составляется комитетомъ комбинаціи, состоящимъ изъ одинаковаго числа представителей отъ хозяевъ и рабочихъ; при установленіи цѣнъ онъ руководствуется исключительно издержками производства и извѣстнымъ, законнымъ процентомъ прибыли. Такимъ образомъ, конкуренція при этомъ направляется на улучшеніе способовъ производства и сокращеніе издержекъ, а не на борьбу путемъ цѣнъ. Рабочіе, участвующіе въ комбинаціи, обязательно должны принадлежать къ рабочимъ союзамъ, такъ какъ только хорошо оплоченныя и организованныя рабочія корпораціи могутъ оказать давленіе на уклоняющихся отъ договора членовъ комбинаціи, только рабочіе союзы могутъ обязать рабочихъ отказаться отъ работы у нарушающаго условія фабриканта. Но въ этой системѣ интересы сторонъ обезпечиваются не одинаково: рабочіе, несомнѣнно, довольны, хозяева—менѣе, а потребители удовлетворяются въ данномъ случаѣ менѣе всѣхъ, ибо эта организація удерживаетъ цѣны отъ пониженія. Кромѣ того, тѣ отрасли промышленности, гдѣ не введена комбинація, должны очень значительно терять, ибо онѣ продаютъ по низкимъ цѣнамъ свои продукты, а покупаютъ чужіе по высокимъ. Само собою разумѣется, что комбинація могла вырости только въ Англіи, на почвѣ свободной торговли и рабочихъ союзовъ.

Т. W. подвергаетъ разсмотрѣнію «вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ». Введенное въ 1886 г. положеніе о наймѣ на сельскія работы оказалось не соотвѣтствующимъ потребностямъ жизни, вызвало жалобы со стороны землевладѣльцевъ, вслѣдстіе чего министерство внутреннихъ дѣлъ выработало проектъ измѣненій и дополненій положенія 12-го іюня 1886 года, который и былъ внесенъ въ государственный совѣтъ бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Горемыкинымъ. Въ виду этого авторъ считаетъ вполнѣ своевременнымъ обсудить недостатки дѣйствующаго положенія о наймѣ. Неурядицы въ сельскомъ хозяйствѣ, вызывающія жалобы землевладѣльцевъ на разстройство дѣлъ, состоятъ въ томъ, что рабочіе, нанимаясь на лѣтнія работы заблаговременно, въ тяжелую для нихъ пору—осенью и зимой и забирая у нанимателей впередъ деньги, не

являются на работы въ условленное время, или же бросаютъ работы въ моментъ наибольшей нужды въ нихъ, не отработавъ взятыхъ напередъ денегъ; слѣдствіемъ этого является необезпеченность хозяйства въ рабочихъ рукахъ, въ самое нужное время и убытки землевладѣльцевъ; кромѣ того, жалобы вызываютъ небрежное обращеніе рабочихъ съ орудіями и скотомъ, небрежность исполненія ими работъ и т. д. Такимъ образомъ, вопросъ этотъ, затрагивая, главнымъ образомъ, нужды нанимателей, вѣрнѣе долженъ бы былъ называться нанимательскимъ, нежели рабочимъ. Въ объясненіе причинъ этого явленія и для указанія мѣръ къ устраненію его высказываются различныя мнѣнія. Наиболѣе крайнее изъ этихъ мнѣній видитъ причину въ безнравственности крестьянъ и ихъ правѣ безнаказанно нарушать договоры; средствомъ борьбы съ этими непорядками сторонники этого мнѣнія признаютъ репрессіи—обязательную рабочую книжку, выдаваемую волостными правленіями, и арестъ за нарушеніе условій найма. Но большинство сельскихъ хозяевъ въ мѣстныхъ губернскихъ совѣщаніяхъ 1897 г. изобразили совсѣмъ другую картину положенія сельскихъ рабочихъ (авторъ пользуется «Сборникомъ заключеній губернскихъ совѣщаній», въ 2 томахъ). Почти единодушно совѣщанія свидѣтельствуютъ, что нарушенія договоровъ, въ видѣ общаго явленія, не замѣчается, что взаимно-выгодные договоры соблюдаются свято, и уклоняются отъ работъ рабочіе только при невыгодныхъ условіяхъ найма, именно, если лѣтнія цѣны за трудъ значительно поднялись сравнительно съ цѣной найма, заключеннаго осенью или зимой; кромѣ этой главной причины, рабочіе нарушаютъ договоры еще вслѣдствіе неправильныхъ дѣйствій нанимателей: неаккуратныхъ или неправильныхъ разсчетовъ, плохого содержанія, оскорбительнаго обращенія и др. «Хорошіе хозяева не знаютъ, что такое рабочій вопросъ». Причину неурядицы можно скорѣе видѣть въ неблагопріятныхъ общихъ экономическихъ условіяхъ земледѣльческаго хозяйства, которыя вынуждаютъ хозяина сокращать расходы, между прочимъ, конечно, и въ той ихъ статьѣ, которая составляетъ плату и содержаніе рабочихъ. Само собою разумѣется, что на такія условія найма идетъ по-неволѣ худшій рабочій. Кромѣ того, колебанія заработной платы и вызываемое этимъ бѣгство рабочихъ въ выше оплачиваемые районы происходитъ отъ перемѣнчивости урожаевъ, населенности нѣкоторыхъ губерній и необходимости напряженной работы во время уборки хлѣбовъ. Уравненіе этихъ условій гораздо удобнѣе произвести не угрозами уголовной кары, а, напр., отчасти введеніемъ сельскохозяйственныхъ машинъ, которое понизитъ требованіе рабочихъ рукъ и, значитъ, ослабитъ крайнюю нужду въ рабочихъ и непомѣрное возрастаніе рабочей платы въ страдную пору. Обыкновенно вопросу о сельскохозяйственномъ наймѣ придается у насъ сословное значеніе: въ немъ считаютъ заинтересованнымъ прежде всего дворянство. Это большая ошибка: на самомъ дѣлѣ только 1/3 частновладѣльческой площади принадлежитъ дворянамъ, и изъ этой части, по крайней мѣрѣ въ половинѣ случаевъ, владѣльцы сами не занимаются хозяйствомъ, а предоставляютъ веденіе его управляющимъ и приказчикамъ. А между тѣмъ интересы крестьянъ болѣе всего страдаютъ отъ хозяевъ-кулаковъ изъ мѣщанъ и купцовъ и отъ алчныхъ и грубыхъ приказчиковъ, которые самовольно измѣняютъ условія договоровъ и вообще безцеремонно эксплуатируютъ рабочихъ. Поэтому законъ, стремясь охранять сословные интересы, въ данномъ случаѣ дѣйствуетъ въ руку хозяевъ-хищниковъ, отъ которыхъ, наоборотъ, слѣдуетъ ограждать рабочее населеніе. Далѣе необходимо обратить вниманіе на ненормальность заблаговременнаго найма рабочихъ по болѣе дешевой цѣнѣ, послѣдствіемъ чего является бѣгство ихъ съ работъ или же небрежное исполненіе работы. Чтобы обезпечить интересы и той и другой стороны, необходимо ограничить размѣръ задатка (напр., до 1/10 всей рядной суммы) и приблизить заключеніе досрочныхъ контрактовъ по началу работъ, напр., за мѣсяцъ до наступ-

ленія работъ. Практика нѣкоторыхъ хозяйствъ свидѣтельствуетъ, что эти мѣры должны имѣть успѣхъ. Здѣсь надо сдѣлать оговорку: авторъ статьи предлагаетъ упорядочить сельскія отношенія, лишая крестьянина ростовщическихъ условій найма; но отнимая у крестьянина хотя бы и невыгодный кредитъ, мы тѣмъ ставимъ его, быть можетъ, въ еще болѣе безвыходное положеніе: необходимо, въ противовѣсъ этой мѣры, дать крестьянину дешевый, мелкій кредитъ. Чтобы урегулировать отношенія между нанимателями и рабочими въ двухъ крайнихъ случаяхъ—обильныхъ урожаевъ и полныхъ неурожаевъ (въ первомъ случаѣ рабочіе бѣгутъ отъ низкой платы договора, во второмъ—хозяева разными притѣсненіями стараются отдѣлаться отъ ненужныхъ рабочихъ), авторъ видитъ только одно средство: еженедѣльнаго возобновленія договора о наймѣ. Въ заключеніе авторъ указываетъ еще нѣсколько желательныхъ поправокъ къ положенію 1886 г., напр., выдача разсчетныхъ книжекъ, требованіе ограничить право штрафованія рабочихъ и др. Предлагаемый нѣкоторыми хозяевами арестъ рабочихъ за нарушеніе договора авторъ считаетъ мѣрою крайне непрактичною и даже невыгодною для нанимателя, такъ какъ она лишаетъ его рабочаго въ горячую пору; или насильственно вынуждая къ работѣ, заставляетъ рабочаго исполнить свое дѣло недобросовѣстно.

«Русское Богатство», октябрь. Г. *В. Черновъ* заканчиваетъ свои статьи о «типахъ капиталистической и аграрной эволюціи». Привязывая свое изложеніе къ книгѣ Герца («Die agrarischen Fragen), авторъ разсматриваетъ вопросъ о роли капитала въ земледѣліи. Общее положеніе сводится къ тому, что примѣненіе капитала въ земледѣліи ограничивается сферой обращенія, циркуляціи товаровъ, но никакой реорганизаціи производства, никакихъ новыхъ формъ эксплуатаціи труда капиталъ въ сельское хозяйство не вводитъ. Изъ сельскохозяйственнаго обзора различныхъ странъ Герцъ извлекаетъ доказательства своего утвержденія. Въ Россіи дешевизна рабочихъ рукъ дѣлаетъ излишнимъ введеніе машинъ и различныхъ усовершенствованій; кромѣ того, этотъ избытокъ рабочей силы долженъ найти себѣ приложеніе въ арендованіи земли, что, конечно, сильно подниметъ арендныя цѣны; въ результатѣ капиталистическое интенсивное хозяйство окажется менѣе выгоднымъ, чѣмъ раздробленіе крупныхъ владѣній на мелкіе участки и отдача ихъ въ аренду. Въ Австріи, вслѣдствіе обремененія земли государственными платежами, одна часть крестьянъ живетъ натуральнымъ хозяйствомъ, кормится продуктами своего поля, другая—покидаетъ землю; заброшенные участки, дѣйствительно, скопляются въ рукахъ крупныхъ собственниковъ, но послѣдніе не находятъ выгоднымъ заводить тамъ капиталистическое хозяйство и оставляютъ эти пустыя пространства для охотничьихъ цѣлей.

Особенное значеніе Герцъ придаетъ опыту Соединенныхъ Штатовъ, такъ какъ тамъ сельскохозяйственное развитіе, свободное отъ всякихъ историческихъ пережитковъ, могло выразиться въ наиболѣе чистомъ типѣ. И здѣсь капитализмъ не пускаетъ корней въ земледѣльческомъ производствѣ.

Въ западныхъ штатахъ, дѣйствительно быстро растутъ фермы-гиганты, но не на счетъ мелкихъ земельныхъ единицъ, а на счетъ свободныхъ пустопорожнихъ пространствъ; кромѣ того, этотъ захватъ новыхъ земель дѣлается вовсе не ради обработки ихъ, а для спекулятивныхъ цѣлей: масса этихъ новыхъ владѣній лежитъ впустѣ. Если же гдѣ и ведется хозяйство, то хищническимъ путемъ, истощающимъ почву и неминуемо приводящимъ хозяйство къ гибели. Въ сѣверо-восточныхъ штатахъ происходитъ обратный процессъ: примѣненіе интенсивной культуры, введеніе меліорацій и. т. п., и въ результатѣ фермы-гиганты уступаютъ здѣсь мѣсто болѣе мелкимъ хозяйствамъ. Во Франціи агрономическая статистика самымъ рѣшительнымъ образомъ свидѣтельствуетъ о томъ, что производительность въ мелкихъ хозяйствахъ въ общемъ выше, чѣмъ

въ крупныхъ. Итакъ, общій выводъ заключается въ томъ, что крупныя хозяйства въ земледѣліи не выдерживаютъ конкуренціи съ мелкими. Для выясненія причинъ этого явленія въ связи съ особенностями аграрной эволюціи авторъ пользуется новымъ сочиненіемъ итальянскаго экономиста Гатти («Новыя теченія въ земледѣльческой экономіи 1900 г.»), который находитъ слѣдующія трудности для развитія аграрнаго капитализма, сравнительно съ капитализмомъ индустріальнымъ. Во-первыхъ, для извлеченія наибольшей доходности въ агрикультурѣ требуется приложеніе болѣе сложныхъ производительныхъ средствъ, чѣмъ въ индустріи (машины, ирригація, искусственное удобреніе, воспитаніе и подборъ скота, анализъ почвъ, изученіе болѣзней животныхъ и растеній и. т. д.). Во-вторыхъ, въ связи съ этимъ стоитъ большая стоимость этихъ производственныхъ средствъ, вслѣдствіе чего крупное сельскохозяйственное предпріятіе сопряжено съ бо́льшими издержками, чѣмъ промышленное. Въ-третьихъ, важной особенностью земледѣлія являются природныя условія, не допускающія непосредственнаго и непрерывнаго веденія производства. Въ виду этого, капиталъ довольно туго входитъ въ область земледѣлія, предпочитая болѣе торные пути индустріи. Въ дополненіе къ этимъ соображеніямъ, авторъ приводитъ выдержки изъ послѣднихъ сочиненій Вандервельда. По его мнѣнію, въ земледѣліи борьба между крупнымъ и мелкимъ хозяйствомъ есть не только количественная, но и качественная: съ одной стороны, трудовая самопотребительская форма, съ другой—товарно-капиталистическая, и мелкая хозяйственная единица оказывается гораздо лучше вооруженной въ борьбѣ съ конкуренціей, чѣмъ крупное хозяйство. Тогда какъ для капиталистическаго хозяйства рента является необходимостью, крестьянинъ не требуетъ ренты и вслѣдствіе этого можетъ продавать продуктъ дешевле. Далѣе, такъ какъ значительная доля продукта въ крестьянскомъ хозяйствѣ идетъ на собственныя нужды, между тѣмъ какъ крупное хозяйство исключительно работаетъ для рынка,—при наплывѣ дешеваго хлѣба изъ-за океана послѣднее страдаетъ больше, чѣмъ первое. Затѣмъ, усиленіе спроса на землю сдѣлало болѣе выгоднымъ сдавать землю въ аренду мелкими участками, и такимъ образомъ крупныя владѣнія разлагаются на рядъ мелкихъ фермерскихъ хозяйствъ. Однако, общее положеніе о побѣдѣ крупнаго производства и объ исчезновеніи мелкой собственности остается въ полной силѣ; только послѣдовательность трехъ моментовъ: индивидуалистической формы собственности, капиталистической и коллективистической—въ аграрной области не приложима: аграрная эволюція придетъ къ коллективизму безъ посредничества капитализма, путемъ ассоціаціи и коопераціи; такимъ образомъ, крестьяне на пути къ высшей экономической формѣ могутъ избѣгнуть фатальнаго паденія на ступень пролетаріата. Вандервельдъ находитъ возможнымъ уже въ настоящее время констатировать, что «земледѣльческая кооперація за послѣдніе годы сдѣлала такіе огромные успѣхи во всѣхъ странахъ (и особенно въ Бельгіи), что невозможно не считать ее факторомъ экономическаго перерожденія». Относительно сельскохозяйственнаго развитія Голландіи авторъ пользуется статьею Флигена *), который утверждаетъ, что и въ Голландіи не замѣчается тенденціи къ капиталистической концентраціи въ земледѣліи, — наоборотъ происходитъ раздробленіе собственности. Крупное производство въ земледѣліи, по мнѣнію Флигена, минуетъ капиталистическій фазисъ и возникнетъ на почвѣ товариществъ: «общинное землевладѣніе должно повести къ общинному землепользованію». Параллельно со всѣми названными авторами и Герцъ приходитъ къ слѣдующимъ практическимъ выводамъ: «Главной нашей задачей, въ виду особенностей, присущихъ сельскому хозяйству, въ этой области должна быть

*) Статья Флигена объ аграрномъ вопросѣ подробно изложены М. Рафаиловымъ въ № 6 «Міра Божія» за 1899 г.

организація мелкихъ хозяйствъ, посредствомъ товариществъ, въ крупное». Теорія этой «некапиталистической» эволюціи находится еще въ зачаточномъ состояніи и никакъ не можетъ идти въ сравненіе со стройной и детально разработанной теоріей капиталистической эволюціи. Пока можно отмѣтить основное, чисто принципіальное различіе между той и другой. Законы капиталистической эволюціи суть законы стихійнаго, безсознательнаго роста общественнаго организма; законы некапиталистической эволюціи суть уже законы сознательнаго, планомѣрнаго общественнаго творчества. Преобладаніе въ послѣдней сознательнаго творчества дѣлаетъ особенно важнымъ изученіе условій, способствующихъ или препятствующихъ некапиталистической эволюціи, съ цѣлью доставить практическимъ дѣятелямъ направляющее, руководящее начало для ихъ дѣятельности. Герцъ въ своей книгѣ и дѣлаетъ попытку «дать характеристику различныхъ типическихъ фазисовъ развитія кооперативныхъ формъ. 1) Первоначальную форму товарищества составляютъ соединенія мѣстнаго и временнаго характера, напр., ради совмѣстной закупки товаровъ или ради совмѣстной продажи своихъ издѣлій. 2) На этой ступени товарищество принимаетъ болѣе постоянный характеръ и образуется взаимная круговая отвѣтственность между членами. 3) Далѣе устанавливаются нѣкоторыя обязательства для членовъ, напр., закупать товаръ только въ товарищеской потребительной лавкѣ и доставлять для совмѣстной продажи или извѣстный % производимаго продукта или весь продуктъ. 4) На этой стадіи происходитъ объединеніе отдѣльныхъ самостоятельныхъ товариществъ для болѣе крупныхъ операцій по закупкѣ и сбыту, напр., для экспортной торговли. 5) Союзъ кооперацій превращается въ крупную хозяйственную единицу, центральное товарищество завѣдуетъ всѣми дѣлами и поглощаетъ собою всѣхъ отдѣльныхъ членовъ, которые становятся только частями организаціи. 6) Здѣсь новая функція организаціи—вмѣшательство ея въ самый процессъ производства: устанавливается контроль надъ поступающими продуктами, сортировка ихъ и т. п. 7) Дальнѣйшимъ шагомъ является вмѣшательство товарищества въ самую производственную работу членовъ: сначала путемъ пропаганды улучшенныхъ способовъ производства, затѣмъ составленіе обязательныхъ правилъ, за соблюденіемъ которыхъ наблюдаютъ особыя коммиссіи. 8) На этой ступени переходятъ къ общимъ предпріятіямъ нѣсколькихъ товариществъ, напр., фабрики удобреній, склада машинъ и др. Здѣсь кооперативная организація представляетъ изъ себя трестъ отдѣльныхъ ассоціацій съ очень сложными и широкими функціями, и на данной ступени государство можетъ оказать серьезную поддержку хозяйственной организаціи. 9) Дальнѣйшій ростъ составляетъ всеобщее объединеніе какой-нибудь одной отрасли производства въ извѣстной мѣстности съ полнымъ захватомъ всего процесса производства въ руки товарищества. 10) Завершеніемъ зданія является объединеніе всѣхъ отдѣльныхъ самыхъ разнообразныхъ товариществъ извѣстной мѣстности въ одно цѣлое, охватывающее такимъ образомъ всю хозяйственную жизнь мѣстности. Трудно преодолимымъ препятствіемъ въ этой схемѣ является переходъ отъ индивидуальной поземельной собственности къ коллективной, и въ данномъ случаѣ сельская поземельная община могла бы сыграть значительную роль.

Г. *Діонео* въ письмѣ изъ Англіи даетъ рядъ живыхъ характерныхъ сценъ изъ послѣдней избирательной борьбы. Онъ выбираетъ южный округъ Лондона—Баттерси, бывшій ареною наиболѣе горячихъ столкновеній. Въ противоположность сосѣднимъ грязнымъ и бѣднымъ кварталамъ, Баттерси (имѣющій 165 тысячъ жителей) представляется чистымъ и благоустроеннымъ. Муниципалитетъ его считается самымъ радикальнымъ не только въ Лондонѣ, но и во всей Англіи: онъ организовалъ школы, библіотеки, биржу труда, выстроилъ жилища для рабочихъ, сократилъ число кабаковъ, принялъ законъ о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ и т. д. Этотъ округъ вотъ уже девять лѣтъ посылаетъ въ пар-

ламентъ своимъ представителемъ извѣстнаго Джона Бернса. Въ этомъ году консерваторы употребили особенныя старанія, чтобы вытѣснить изъ парламента Бернса, такъ какъ онъ рѣзко высказался противъ войны. Соперникомъ его они выставили богатаго мѣстнаго пивовара Гартона, владѣльца девяноста кабаковъ. Однимъ изъ главныхъ орудій избирательной борьбы являются памфлеты, которые во множествѣ раздаются на улицахъ прохожимъ. Одинъ изъ подобныхъ памфлетовъ разоблачалъ недостойное и замаскированное участіе Чэмберлена, его семьи и родственниковъ пайщиками въ различныхъ компаніяхъ, доставлявшихъ подряды въ военное министерство и адмиралтейство. При этомъ названы пять торговыхъ фирмъ. Нужно замѣтить, что еще въ 1895 году одна изъ этихъ фирмъ, вслѣдствіе злоупотребленій въ поставкѣ заказовъ, была привлечена къ отвѣтственности. На запросъ оппозиціи Чэмберленъ отговорился тѣмъ, что онъ не отвѣтственъ за поступки своихъ родственниковъ (во главѣ фирмы стоялъ его родной братъ). «Что же касается меня самого,—продолжалъ онъ,—то ни я и ни кто-либо изъ членовъ моей семьи никогда не принимали участія въ какихъ-либо казенныхъ подрядахъ». Между тѣмъ, черезъ два мѣсяца послѣ этого категорическаго заявленія одна газета раскрыла тайны фирмы «Госкинсъ и К°. занимающейся доставкой въ адмиралтейство оружія и боевыхъ снарядовъ. Оказывается, что «Госкинсъ и К°.»—псевдонимъ; слѣдуетъ читать: «Чэмберленъ съ сыновьями и дочерьми». Всѣ акціи фирмы находятся въ рукахъ семьи Чэмберлена; самъ Госкинсъ имѣлъ только *одну* акцію и ту продалъ въ 1898 году малолѣтней дочери Чэмберлена. Подобныя же разоблаченія сдѣланы и относительно трехъ другихъ фирмъ. Другимъ орудіемъ избирательной агитація служатъ портреты кандидатовъ и плакатовъ съ болѣе или менѣе энергическими воззваніями, напр.: «Если вы за Бога, за королеву и за патріотизмъ, вотируйте за Гартона»! Есть и болѣе обстоятельные манифесты и критика правительства, напр.: «Почему вы платите больше теперь за вашъ чай, за ваше пиво, табакъ и уголь? Увеличеніе налоговъ является результатомъ увеличенія расходовъ. Дороговизна во всемъ вызвана войной. Если министерство останется у власти, то расходы станутъ все болѣе и болѣе расти. И тогда не миновать новыхъ налоговъ. Фермеры, берегитесь вотировать за правительство, которое забрало уже столькихъ сельскохозяйственныхъ работниковъ и послало ихъ умирать въ чумныхъ болотахъ тропическихъ странъ. Берегитесь! Если вы подадите голосъ за министерство, армія еще болѣе увеличится» и т. д. Политическія каррикатуры и рисунки пестрятъ всюду; однимъ изъ главныхъ героевъ и тутъ является Чэмберленъ въ символическомъ сопровожденіи вышеуказанныхъ пяти торговыхъ фирмъ. Есть наглядныя изображенія поднятія цѣнъ, напр., традиціонный плумпуддингъ нарисованъ съ огромнымъ отхваченнымъ ломтемъ: это должно показать, что вслѣдствіе вздорожанія продуктовъ, за прежнюю цѣну можно имѣть меньшее ихъ количество. Консервативный митингъ происходитъ въ методисткой церкви, публика состоитъ изъ патріотовъ въ желтыхъ галстукахъ съ красной каемкой (патріотическій цвѣтъ *хаки*) съ портретами Робертса на груди. На эстрадѣ нѣсколько джентльменовъ и разряженныхъ дамъ — это члены патріотической лиги «Подснѣжникъ», мобилизованные сюда на помощь консервативному кандидату. Входитъ Гартонъ, плотный, краснощекій, съ лихо закрученными усами. Происходитъ курьезный діалогъ.

«Итакъ, милые мои, каждая вещь имѣетъ двѣ стороны,—начинаетъ онъ, хлопнувъ кулакомъ въ ладонь.

— Кромѣ вашего пива, которое имѣетъ одну сторону: оно просто скверно!— вставляетъ отчетливо кто-то въ залѣ.

— Замолчите тамъ, дураки!—густо покраснѣвъ, кричитъ Гартонъ».

Дальнѣйшія патріотическія разглагольствованія Гартона постоянно преры-

ваются ядовитыми замѣчаніями, напр.: «Вы бы лучше стыдились платить вашимъ работникамъ по $4^{1}/_{2}$ пенса въ часъ!»

Наконецъ, эта затянувшаяся безплодная перебранка заставляетъ прибѣгнуть къ большому «козырю», товарищу военнаго министра Уиндгэму, но его рѣчь прерывается криками, насмѣшливыми восклицаніями. Наконецъ, изящный ораторъ останавливается и презрительнымъ тономъ обращается къ одному парню: «Почему вы кричите? Желаете, быть можетъ, спросить что-нибудь?» — Да, сэръ!—спокойно отвѣчаетъ тотъ.—Я хотѣлъ просить васъ, когда вы кончите, разсказать намъ про то, какъ мистеръ Чэмберленъ доставляетъ подряды въ казну». Раздается оглушительный хохотъ. Передъ дверями ратуши, гдѣ долженъ состояться другой митингъ, въ пользу Бернса,—громадная толпа. Вдругъ изъ толпы взлетѣлъ цѣлый фейерверкъ агитаціонной литературы и, какъ искры, разсыпались въ разныя стороны памфлеты, листки, каррикатуры. Среди сторонниковъ Бернса много солдатъ-резервистовъ, возвратившихся изъ южной Африки съ ненавистью и къ войнѣ, и къ министерству. Говорятъ, что Чэмберленъ ускорилъ выборы, между прочимъ, для того, чтобы не дать резервистамъ, находящимся пока въ южной Африкѣ, вотировать противъ министерства. Двери раскрываются, и толпа моментально наводняетъ залу. Оглушительные аплодисменты возвѣщаютъ появленіе Бернса, который, взойдя на эстраду, начинаетъ свою рѣчь, гдѣ, между прочимъ, излагаетъ свою программу: уничтоженіе палаты лордовъ, національзація земли, пенсіонъ для престарѣлыхъ, восьмичасовой день, свободное обученіе и т. д. Бернсъ — искусный ораторъ, умѣющій во время вставить остроту или каламбуръ, но всѣ эффекты у него разсчитаны. Говорящій послѣ него д-ръ Клифордъ — вдохновенный ораторъ-поэтъ, такъ же, какъ и Бернсъ вышедшій изъ народа, въ своей рѣчи онъ даетъ страстное обличеніе политики правительства, а въ особенности Чемберлена. При громкихъ аплодисментахъ ораторы выходятъ изъ залы; на улицѣ громадная толпа, не вмѣстившаяся въ залу, встрѣчаетъ бурными привѣтствіями Бернса; немедленно появляется громадный ящикъ, на который, какъ на трибуну, взбирается Бернсъ и говоритъ. Въ день выборовъ вечеромъ громадная толпа чинно, терпѣливо стоитъ у ратуши, гдѣ происходитъ подсчетъ голосовъ,—толпа ждетъ съ 8 до 12 часовъ. Наконецъ, надъ входомъ освѣщается электричествомъ громадная доска и вспыхиваетъ цвѣтная надпись «Джонъ Бернсъ». Раздаются крики «ура», и когда Бернсъ показывается на порогѣ, его подхватываютъ и несутъ на плечахъ домой. Побѣда Бернса показываетъ, что еще не все въ Англіи отуманено угаромъ имперіализма.

«Русская Мысль», октябрь. *Д. Корсаковъ* заканчиваетъ свой біографическій очеркъ о Кавелинѣ по перепискѣ его съ баронессою Раденъ (1862—1864 гг.). Кавелинъ въ это время жилъ за границей и, по порученію министерства народнаго просвѣщенія, работалъ надъ изученіемъ положенія нѣмецкихъ университетовъ. Въ сентябрѣ 1864 г. онъ пишетъ баронессѣ Раденъ: «Головнинъ (министръ нар. просв.) надо мной сыгралъ коварную шутку. Я собралъ свѣдѣнія о нѣмецкихъ университетахъ по порученію и на деньги правительства. Передъ отъѣздомъ за границу спросилъ его письменно, могу ли разсчитывать, что онъ приметъ описаніе университетовъ и что дастъ вознагражденіе, и получилъ письменный отвѣтъ, что мои статьи составятъ украшеніе журнала министерства народнаго просвѣщенія. Я ему повѣрилъ, работалъ и представилъ большую статью. Забывъ свое обѣщаніе, Головнинъ велѣлъ мнѣ отвѣчать, что онъ принять статей не можетъ, а готовъ отдать ихъ въ частный журналъ, съ вознагражденіемъ изъ суммъ министерства, въ видѣ милости и снисхожденія». Кавелинъ соглашался передать свои статьи изъ всѣхъ журналовъ только въ «Современникъ». Въ отвѣтъ на это баронесса Раденъ, между прочимъ, пишетъ Кавелину: «Позвольте мнѣ сдѣлать одно замѣчаніе,

можетъ быть безполезное, но которое лежитъ у меня на сердцѣ. Почему вы указали на «Современникъ», какъ на единственный журналъ, съ которымъ вы могли бы быть въ сношеніяхъ? Современникъ—журналъ съ разрушительнымъ, безнравственнымъ и нелѣпымъ направленіемъ. Ваше имя стоитъ слишкомъ высоко въ мнѣніи честныхъ людей, чтобы быть присоединеннымъ къ «Современнику», покровителю и распространителю недостойнаго романа Чернышевскаго «Что дѣлать?» Я опасаюсь всего, что можетъ набросить какую-нибудь тѣнь на ваше положеніе въ Россіи, а ваши недруги могли бы выставить это какъ враждебный противъ васъ доводъ. Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы вы еще остались на годъ за границей. Жизнь въ Петербургѣ не годится для васъ; во всякомъ случаѣ не подождете ли вы немного возвращаться?»—«Вашъ настоятельный совѣтъ,—читаемъ въ отвѣтномъ письмѣ,—Кавелина—не ѣхать въ Петербургъ заставилъ меня очень призадуматься... Позвольте, во имя дружбы вашей ко мнѣ, спросить васъ: имѣете ли вы какое-нибудь фактическое основаніе думать, что мое возвращеніе можетъ имѣть для меня дурныя послѣдствія, или это догадки, соображенія и предположенія?.. Въ заключеніе этого моего письма мнѣ остается еще объяснить вамъ, почему я упомянулъ о «Современникѣ». Прежде всего вспомните, что «Современникъ» теперь издается подъ редакціей Салтыкова, который по образу мыслей индифферентенъ и упрекается другими журналами въ томъ, что измѣнилъ завѣтамъ Чернышевскаго и Добролюбова. Поэтому мнѣ думалось, что назвать этотъ журналъ теперь не значитъ вовсе окрашивать себя въ какой-нибудь цвѣтъ... Какой-нибудь журналъ надо было назвать. Какой же? Я перечислилъ всѣ журналы и безразличнѣе, слѣдовательно, по вашему невиннѣе, не нашелъ ни одного въ сравненіи съ теперешнимъ «Современникомъ», хотя и не имѣю съ нимъ ничего общаго вотъ уже пять лѣтъ». — «Я рѣшительно не знаю ничего положительнаго,— отвѣчаетъ баронесса Раденъ,—что бы помѣшало вамъ возвратиться въ Россію». Далѣе она передаетъ свой разговоръ съ С—мъ, который привелъ ихъ обоихъ къ слѣдующему заключенію: «Если нашъ другъ (Кавелинъ) вернется въ Россію, его природная живость, люди, которые вокругъ него сгруппируются, неблагопріятныя обстоятельства, въ которыхъ не будетъ недостатка зимой,—все это можетъ невольно увлечь его и заставить неосторожно выразить свои мысли; тогда какъ если онъ останется за границей преданный своей работѣ, спокойный, почти позабытый,—это все таки шагъ впередъ для будущаго». Эти тѣни, призраки, предостереженія не помѣшали Кавелину немедленно выѣхать въ Петербургъ, но мнѣнія его собесѣдницы о «Современникѣ», повидимому, были для него менѣе безразличны, и онъ счелъ нужнымъ съ ними считаться по крайней мѣрѣ статья его: «Устройство и управленіе нѣмецкихъ университетовъ» появилась въ 1865 г. не въ «Современникѣ», а въ «Русскомъ Вѣстникѣ» Каткова.

«Жизнь», октябрь. *Д. Сатуринъ* посвящаетъ свою корреспонденцію изъ Лондона—«разложенію либеральной партіи въ Англіи». Нарисовавъ картину парламентской побѣды Чэмберлена надъ оппозиціей по поводу запросовъ о трансваальской войнѣ, онъ задается вопросомъ о томъ, почему оппозиція оказалась такой слабой и почему даже въ будущемъ у нея нѣтъ никакихъ перспективъ, никакой надежды улучшить свое положеніе въ странѣ и палатѣ. Ближайшее объясненіе авторъ находитъ въ личностяхъ вождей либеральной оппозиціи, которыхъ онъ рисуетъ въ очень непривлекательныхъ чертахъ: это Кемпбель-Баннерманъ, вся политика котораго сводится къ умѣнью ловко сидѣть между двумя стульями,—или это лордъ Розберри, покинувшій свой постъ либеральнаго лидера въ самую тяжкую минуту, чтобы отдаться хозяйству, спорту и—изслѣдованіямъ объ эпохѣ Питта. Радикала Морлея г. Сатуринъ изображаетъ болѣе симпатичными красками, но, въ концѣ концовъ, и у него въ ос-

новѣ программы авторъ находитъ все то же старое манчестерство. Истинную причину трудности положенія англійскаго либерализма корреспондентъ находитъ въ томъ, что не остается болѣе никакихъ *принципіальныхъ* различій, которыя бы отдѣляли либераловъ отъ консерваторовъ. Когда-то это различіе существовало въ разницѣ экономическаго положенія крупнаго землевладѣльца и крупнаго фабриканта; но теперь оба вида капитала и капиталистовъ перемѣшались; тѣ и другіе заинтересованы въ борьбѣ за внѣшніе рынки съ вновь выступившими на международной аренѣ соперниками: отсюда рѣзкая перемѣна фронта, отсюда забвеніе старыхъ либеральныхъ принциповъ, циничный джингоизмъ Чэмберлена, замаскированный джингоизмъ Розберри — этого общественнаго лидера будущей партіи «либераловъ-имперіалистовъ». Напротивъ, всѣ новыя болѣе крайнія общественныя теченія съ трудомъ проникаютъ въ палату, благодаря политической жизни Англіи. Первое изъ этихъ условій—это дороговизна депутатскаго званія, дающая возможность только очень богатымъ людямъ претендовать на него. Тогда какъ французскій Conseil du parti ouvrier ассигновалъ въ 1898 г. на выборы каждаго своего кандидата всего по 115 рублей, выборы англійскаго члена палаты общинъ еще въ 80-хъ годахъ обходилось въ 9.000 рублей въ городѣ и 30.000 въ деревнѣ, а въ 1892 г. были сокращены до 5.820 руб. и 10.000 рублей. Необходимость поддерживать и послѣ выборовъ связи съ избирателями, а также отсутствіе жалованья еще болѣе увеличиваетъ эти расходы. Немудрено, что представителей рабочаго класса въ англійской палатѣ общинъ только 12 человѣкъ, и что присутствіе ирландскихъ депутатовъ, менѣе состоятельныхъ, объясняется лишь денежной поддержкой изъ Америки. Другое условіе, которое мѣшаетъ общинамъ—точно представлять распредѣленіе партіи въ странѣ, тѣсно связано съ первымъ. При дороговизнѣ выборовъ—въ цѣломъ рядѣ избирательныхъ округовъ (цѣлая четверть) мѣста вовсе не оспариваются и остаются надолго, по традиціи въ рукахъ одной партіи. Тамъ же, гдѣ происходитъ борьба, она совершается между представителями только *двухъ* господствующихъ партій. Во Франціи, гдѣ требуется абсолютное большинство голосовъ для избранія, существуютъ перебаллотировки: это даетъ возможность, при дешевизнѣ выборовъ, на первой баллотировкѣ сосчитываться группамъ самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ. Въ Англіи ни перебаллотировки, ни требованія абсолютнаго большинства нѣтъ, и слѣдовательно, всякій *третій* кандидатъ разбилъ бы голоса кандидата, наиболѣе близкаго по политическимъ взглядамъ и далъ бы перевѣсъ кандидату прямо враждебной партіи. Что касается палаты лордовъ, она не составляетъ въ Англій такой «мертвой стѣны» для демократическаго законодательства, какою являются французскій сенатъ. Палата общинъ вполнѣ увѣрена, что, когда захочетъ, *можетъ* одолѣть сопротивленіе лордовъ; вотъ почему втайнѣ она даже дорожитъ верхней палатой, какъ тормазомъ противъ собственныхъ рѣшеній, принимаемыхъ подъ давленіемъ демократическихъ избирателей. Тутъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, либеральная партія лицемѣритъ, являясь въ сущности представительницей антидемократической тенденціи, защитницей интересовъ имущихъ классовъ.

За границей.

Изъ общественной жизни въ Германіи. Начало парламентской сессіи въ Берлинѣ совпало въ нынѣшнемъ году съ дебютомъ графа Бюлова въ роли германскаго канцлера. На долю Бюлова выпала не легкая задача; онъ долженъ былъ постараться оправдать передъ рейхстагомъ дѣйствія Германіи на Дальнемъ Во-

стокѣ и заставить его заднимъ числомъ дать свое согласіе на огромные расходы, вызванные германскою экспедиціей въ Китай. Китайская политика Германіи въ особенности нуждалась въ этомъ оправданіи послѣ знаменитыхъ рѣчей императора Вильгельма, взывавшаго, какъ извѣстно, къ отмщенію и поминавшаго царя гунновъ, и послѣ тѣхъ разоблаченій, которыми переполнены частныя письма германскихъ солдатъ изъ Китая, печатающіяся въ «Vorwärts» подъ рубрикой: «Письма гунновъ». Всѣ эти письма представляютъ ничто иное, какъ длинный перечень варварскихъ поступковъ, совершавшихся и совершаемыхъ германскими войсками въ Китаѣ. Политика возмездія, провозглашенная императоромъ Вильгельмомъ, далеко не пользуется сочувствіямъ всего германскаго общества. Лучшая его часть, не ослѣпленная блескомъ военной славы и не стремящаяся къ военнымъ лаврамъ, съ тревогою слѣдитъ за тѣмъ, какъ Германія все болѣе и болѣе запутывается въ Китаѣ. При такомъ настроеніи германскаго общества предстоящій дебютъ графа Бюлова и пренія о китайской политикѣ должны были возбуждать огромный интересъ, такъ что ничего нѣтъ удивительнаго, что залы рейхстага были переполнены публикой въ этотъ знаменательный день.

Рѣчь Бюлова, разумѣется, была апологіей правительственной политики, но главный интересъ въ сущности представляетъ не то, что говорилъ германскій канцлеръ, а то, о чемъ онъ умалчивалъ. Онъ умолчалъ объ англо-германскомъ соглашеніи, о «письмахъ гунновъ», о разныхъ дипломатическихъ неудачахъ, о назначеніи Вальдерзее и еще о многомъ другомъ, что могло бы представить и положеніе дѣлъ въ Китаѣ, и политику Германіи въ совершенно другомъ освѣщеніи. Всѣ эти подводные камни Бюловъ обошелъ какъ искусный дипломатъ, ловко оправдавъ «горячность» императора Вильгельма тѣмъ негодованіемъ, которое возбудило въ немъ извѣстіе о смерти Кеттелера, и, говоря больше часу, не сказалъ въ сущности ничего новаго, ничего такого, что могло бы дать ключъ къ положенію вещей. Все это были одни общія фразы, которыя сто разъ приходилось слышать въ устахъ государственныхъ дѣятелей, но рѣчь лилась увѣренно и безъ запинки, производя—какъ выразился одинъ изъ германскихъ корреспондентовъ—«изящное впечатлѣніе на слушателей».

Однако, это «изящное впечатлѣніе» было въ то же время и въ высшей степени неопредѣленнымъ. Выслушавъ Бюлова, депутаты рейхстага и публика все-таки должны были оставаться въ полной неизвѣстности того, что означаютъ слова: «*Германія будетъ по прежнему преслѣдовать твердую почву въ Китаѣ*» или: «*Германія сохранитъ за собою право вести разумную и осторожную міровую политику*». Въ чемъ заключается твердость политики въ Китаѣ и въ какомъ отношеніи она находится къ «разумной и осторожной міровой политикѣ»—все это такъ и осталось открытымъ вопросомъ и послѣ рѣчи Бюлова.

Но вотъ со своего мѣста поднялся Бебель. Взоры депутатовъ и публики обратились на него; всѣ знали, что онъ собирается громить германскую политику въ Китаѣ. Съ чисто юношескимъ жаромъ Бебель подвергъ самой рѣзкой уничтожающей критикѣ всѣ дѣйствія Германіи въ Китаѣ и притомъ не голословно, а на основаніи цѣлой массы фактическихъ данныхъ и громаднаго историческаго матеріала. Начавъ съ изслѣдованія основныхъ причинъ китайскаго возстанія, Бебель указалъ на то, что оно явилось результатомъ многолѣтнихъ погрѣшностей европейской политики на Дальнемъ Востокѣ. Въ сильныхъ и яркихъ выраженіяхъ обрисовалъ онъ эту политику и доказалъ, что въ данную минуту «европейцы пожинаютъ только то, что посѣяли». Что такое этотъ походъ въ Китай, которому въ извѣстной части германскаго общества желали придать характеръ священнаго крестоваго похода во имя христіанства и цивилизаціи? Въ дѣйствительности это ничто иное какъ набѣгъ, предпринятый съ

цѣлями завоеванія и отмщенія. Какое право имѣютъ отожествлять его съ идеями христіанства и цивилизаціи? Что общаго между идеей возмездія и христіанскимъ ученіемъ? Для тѣхъ варварскихъ поступковъ, которые совершаются теперь въ Китаѣ германскими отрядами, подъ прикрытіемъ этихъ идей—война слишкомъ приличное названіе?

Коснувшись дѣятельности германскихъ миссіонеровъ въ Китаѣ и стремленія Германіи насадить въ Китаѣ христіанство, Бебель также краснорѣчиво и въ такихъ же яркихъ выраженіяхъ осудилъ эту дѣятельность и эти стремленія. «Іезуиты, гораздо болѣе искусные въ этомъ дѣлѣ, нежели нѣмецкіе миссіонеры, уже болѣе трехсотъ лѣтъ стараются обратить въ христіанство китайцевъ,—сказалъ Бебель,—но пропаганда ихъ не имѣетъ особеннаго успѣха. А теперь все то, что удалось все-таки посѣять въ этомъ отношеніи, всѣ эти «сѣмена христіанской религіи» будутъ уничтожены способами веденія войны и рѣчами, которыя должны будутъ запечатлѣться въ сердцахъ китайскаго народа и культивировать ненависть къ христіанамъ, которая достигнетъ такой силы, какой она еще никогда не достигала!»

Впечатлѣніе его рѣчи не могли изгладить попытки защитниковъ юнкерской политики оправдать ее, тѣмъ болѣе, что попытки эти были очень неловки. Особенно отличился военный министръ Госслеръ, возбудившій своими возраженіями Бебелю громкій несмолкаемый смѣхъ въ рейхстагѣ. Даже единомышленники Госслера были сконфужены этимъ «lapsus linguae» почтеннаго министра, который въ своемъ рвеніи оправдать нѣкоторыя черезчуръ сильныя выраженія пресловутой Бременгафенской рѣчи германскаго императора, сказалъ, что походъ въ Китай является возмездіемъ «за тѣ злодѣянія и звѣрства, которыя были совершены монголами въ Германіи и Европѣ полторы тысячи лѣтъ тому назадъ» — «*Gottes Mühlen mahlen langsam aber sicher*» (Божественныя жернова мелютъ медленно, но вѣрно), прибавилъ злополучный министръ.

Даже консервативная германская печать была нѣсколько озадачена выходкой Госслера, и хотя похвалила въ общемъ его рѣчь, но нашла все-таки нужнымъ замѣтить, что его экскурсіи въ область исторіи были не особенно удачны.

Германской полиціи не везетъ. Еще не успѣло изгладиться воспоминаніе о громкомъ дѣлѣ Тауша, при разбирательствѣ котораго раскрылись возмутительныя злоупотребленія и подкупность берлинской тайной полиціи, чины которой обнаружили полное отсутствіе всякаго понятія о законности, какъ уже возникаетъ новый процессъ, разоблачающій порядки, господствующіе въ сыскной полиціи. Герой этого процесса—богатый берлинскій банкиръ Штернбергъ, пользующійся вообще очень сомнительною репутаціей и подозрѣваемый въ разныхъ мошенническихъ продѣлкахъ, за которыя онъ уже былъ однажды привлеченъ къ суду, но оправдался «за недостаткомъ уликъ»—въ прошломъ году снова попалъ подъ судъ за преступленія, относящіяся къ области самаго грязнаго и низменнаго разврата. На этотъ разъ милліонеру не повезло и судъ приговорилъ его къ тюремному заключенію на долгій срокъ, но приговоръ былъ кассированъ и дѣло назначено къ пересмотру. Штернбергъ явился въ судъ съ цѣлымъ сонмомъ самыхъ знаменитыхъ адвокатовъ и предлагалъ залогу пять милліоновъ. Но не это обстоятельство придало дѣлу Штернберга общественный характеръ и заставило германскую печать громко заговорить о немъ. Одинъ изъ свидѣтелей, полицейскій агентъ, давая показанія, разоблачилъ дѣянія своего начальства. Этому агенту удалось добыть неопровержимыя доказательства преступленій милліонера и когда онъ доложилъ своему прямому начальнику, коммиссару, то этотъ послѣдній пригласилъ его къ себѣ, угощалъ его устрицами и шампанскимъ и затѣмъ повелъ разговоръ о томъ, что «бѣднымъ людямъ»

не слѣдуетъ упускать случая разбогатѣть. Конечно, милліонеръ не прочь будетъ заплатить сотенку тысячъ, чтобы не сидѣть въ тюрьмѣ.

По той или другой причинѣ, но сдѣлка не состоялась. Возможно, что агентъ былъ недоволенъ предложенными ему условіями и не согласился ихъ принять. Какъ бы тамъ ни было, но онъ не пошелъ навстрѣчу желаніямъ своего начальства и результатомъ было то, что спустя нѣкоторое время его призвалъ къ себѣ начальникъ сыскного отдѣленія, носитель громкаго дворянскаго имени, баронъ Меершейдтъ-Гюллесенъ и строго-на-строго запретилъ ему заниматься дѣломъ Штернберга. Агентъ былъ, конечно, обиженъ тѣмъ, что его устранили отъ этого дѣла, и не простилъ этого своему начальству. Свойственное ему чутье ищейки указало ему, что тутъ дѣло не чисто. Онъ сталъ искать и нашелъ, что ему было нужно. Баронъ Меершейдтъ оказался не только въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ милліонеромъ, но былъ даже его должникомъ. Вообще между начальникомъ сыскной полиціи и подсудимымъ были финансовыя отношенія. Все это подтверждалось на судѣ и вызвало, конечно, громкій скандалъ въ берлинскомъ обществѣ. Когда предсѣдатель суда спросилъ Меершейдта, правда ли, что онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ подсудимымъ, начальникъ полиціи отвѣчалъ: «Да, я бывалъ у него и не находилъ въ этомъ ничего предосудительнаго, такъ какъ я постоянно встрѣчалъ тамъ людей своего круга». Но кромѣ посѣщеній великосвѣтскаго салона банкира обнаружилось еще, что Меершейдтъ получалъ отъ него ссуду и многое другое. Однимъ словомъ, скандалъ былъ такъ великъ, что высшее начальство тотчасъ же сочло нужнымъ уволить Меершейдта. Однако, эта мѣра все-таки не можетъ успокоить общество и нѣмецкія газеты справедливо замѣчаютъ, что безопасность отдѣльныхъ лицъ и вообще неприкосновенность личности ничѣмъ не гарантированы при такомъ устройствѣ полиціи и такихъ нравахъ, допускающихъ укрывательство мошенниковъ съ одной стороны, а съ другой—умышленное преслѣдованіе невинныхъ. «Это такія Авгіевы конюшни, которыя необходимы очистить!» восклицаютъ нѣмецкія газеты и благодаря огласкѣ, которая придана теперь дѣлу Штернберга, очистка эта, вѣроятно, будетъ произведена. Во всякомъ случаѣ, германское общественное мнѣніе настоятельно требуетъ реформы полиціи, а великосвѣтское берлинское общество очень сконфужено разоблаченіями, относящимися къ барону Меершейдту-Гюллесенъ.

Муниципальный совѣтъ Берлина и его главнаго предмѣстья Шарлоттенбурга усиленно занятъ въ настоящее время вопросомъ объ устройствѣ жилищъ для бѣднѣйшихъ классовъ населенія. Вопросъ этотъ принялъ очень острый характеръ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ сотни семействъ рабочихъ классовъ остались въ буквальномъ смыслѣ безъ крова, не имѣя возможности найти хоть какое нибудь помѣщеніе вблизи мѣстъ своей дѣятельности, такъ что имъ пришлось пока устроиться въ учрежденныхъ муниципалитетомъ «семейныхъ пріютахъ для бездомныхъ». Въ виду такого бѣдственнаго положенія въ особенности семейныхъ рабочихъ, шарлоттенбургскій магистратъ рѣшилъ войти въ переговоры съ одною берлинскою строительною компаніей насчетъ постройки домовъ для рабочихъ, а также для разныхъ мелкихъ служащихъ и школьныхъ учителей, которые тоже не могутъ найти для себя помѣщенія въ Берлинѣ. Берлинскій магистратъ подъ предсѣдательствомъ главнаго бургомистра Киршнера рѣшилъ основать фондъ для устройства домовъ для бѣднѣйшихъ классовъ населенія. Городъ Берлинъ ассигнуетъ на это хорошее дѣло 1.000.000 марокъ и фондъ будетъ называться «фондомъ короля Фридриха», въ память двухсотлѣтней годовщины коронаціи перваго прусскаго короля въ Кёнигсбергѣ 18-го января 1701 года. Фондъ этотъ будетъ увеличенъ посредствомъ добровольныхъ приношеній, а администрація его будетъ поручена коммиссіи, назначенной берлинскимъ магистратомъ и муниципальнымъ совѣтомъ.

*

Литературный міръ Берлина чрезвычайно волнуется въ данную минуту по поводу вопроса объ отмѣнѣ театральной цензуры. Вопросъ также занимаетъ литературное общество и вызываетъ такія же горячія пренія, какъ некогда пресловутыя статьи закона Гейнце, касающіяся театра, литературы и общественной нравственности. Берлинскія газеты устроили родъ «enquête» и обратились ко всѣмъ литераторамъ съ приглашеніемъ высказаться по этому предмету. Всѣ безъ исключенія согласны, что организація театральной цензуры въ Пруссіи въ настоящемъ ея видѣ существовать не можетъ и нужна коренная реформа. Даже такой писатель какъ Вильденбрухъ, придворный драматургъ, благонамѣренность котораго никто не можетъ заподозрить, высказался категорически противъ театральной цензуры въ ея теперешнемъ видѣ, а проф. Моммзенъ предлагаетъ учредить жюри изъ образованныхъ мужчинъ и женщинъ, на разсмотрѣніе котораго должны поступить всѣ пьесы, предлагаемыя къ постановкѣ.

Итальянская «каморра» и печать. Итальянскіе соціалисты празднуютъ, и не безъ основанія, небывалую побѣду, одержанную ими надъ неаполитанскою каморрой, въ лицѣ одного изъ ея предводителей, вліятельнаго депутата и члена городского муниципалитета и земства—Казале. Этотъ господинъ, въ силу своего общественнаго положенія и связей, а также своего богатства, твердо увѣренный въ своей безнаказанности, привлекъ къ суду за клевету редактора радикальной неаполитанской газеты «Propaganda» за то, что онъ печатно обвинилъ его въ цѣломъ рядѣ недобросовѣстныхъ поступковъ, во взяточничествѣ, корыстномъ поощреніи спекуляцій и т. п. Но сверхъ ожиданій, несмотря даже на не совсѣмъ правильное веденіе дѣла, все таки на судѣ выяснилось очень многое, бросившее довольно яркій свѣтъ на образъ дѣйствій Казале и редакторъ газеты «Propaganda» былъ оправданъ. Дѣло это возбудило огромную сенсацію не въ одномъ только Неаполѣ: объ этомъ дѣлѣ говоритъ теперь вся Италія, такъ какъ оно раскрыло неблаговидные продѣлки не только отдѣльныхъ лицъ, но даже цѣлыхъ общественныхъ учрежденій. Земство и неаполитанскій муниципальный совѣтъ оказались переполненными креатурами Казале и ни одинъ контрактъ, заключенный различными промышленными обществами съ неаполитанскимъ муниципалитетомъ, не обходился безъ того, чтобы эти общества не уплатили предварительно взятки Казале и его клевретамъ. Открылось также, что полицейскіе, не согласившіеся освобождать убійцъ и другихъ преступниковъ, въ которыхъ Казале принималъ участіе, тотчасъ же переводились на другое мѣсто, а всякое разслѣдованіе, относящееся къ подкупу муниципалитета, останавливалось всегда въ самомъ зародышѣ и ничего не открывало. Теперь, однако, ни заглушить, ни пріостановить дѣла невозможно, благодаря широкой и громкой огласкѣ, данной ему радикальною печатью. Всѣ слои итальянскаго общества заволновались и дѣло Казале получило громадный общественный интересъ, настолько сильный, что правительство сочло нужнымъ назначить спеціальную слѣдственную коммиссію и облечь ее самыми широкими полномочіями, поручивъ ей разслѣдовать самымъ подробнымъ образомъ дѣятельность какъ правительственныхъ, такъ и всѣхъ общественныхъ выборныхъ учрежденій. Въ Италіи думаютъ, что это только первый шагъ и раскрытіе злоупотребленій въ неаполитанской провинціи поведетъ къ раскрытію такихъ же дѣлъ и въ другихъ частяхъ Италіи.

Любопытно, что еще годъ тому назадъ въ парламентѣ монархистъ де-Мартино указывалъ на всѣ эти злоупотребленія и требовалъ назначенія парламентской коммиссіи, но несмотря на то, что коммиссія была назначена, дѣятельность ея все-таки была сведена къ нулю и, въ концѣ концовъ, все поросло «травой забвенія». Такъ было бы и до сихъ поръ, если бы небольшая радикальная газета, не обладающая ни средствами, ни могущественными покрови-

телями, не нашла въ себѣ достаточно мужества, чтобы начать неровную борьбу съ могущественной и богатой кликой каморры. Въ настоящее время, какъ эта маленькая газета, такъ и члены ея партіи, сдѣлались героями дня въ Неаполѣ и дѣйствительно имѣютъ право праздновать свою побѣду надъ «королемъ каморры», какъ называютъ Казале.

Максъ Мюллеръ. Смерть знаменитаго оксфордскаго профессора Макса Мюллера, оріенталиста и преподавателя древнихъ восточныхъ религій, вызвала глубокія сожалѣнія и сочувствіе не въ одномъ только мірѣ науки, но и среди людей, знавшихъ и любившихъ покойнаго профессора. Въ далекой Индіи были пролиты о немъ неподдѣльныя слезы. Одинъ старый браминъ въ Мадрасѣ разсказывалъ потомъ одному изъ своихъ пріятелей англичанъ: «Какъ только я узналъ что профессоръ серьезно боленъ, то у меня невольно слезы хлынули изъ глазъ. Я разсказалъ объ этомъ моимъ друзьямъ, проводящимъ со мною послѣдніе дни своей жизни въ чтеніи священныхъ книгъ и они также были поражены глубокимъ горемъ. Въ одну ночь, когда мы, какъ обыкновенно, отправились къ нашему храму, мнѣ была высказана просьба, чтобы жрецъ совершилъ моленіе о выздоровленіи нашего друга. Всѣ мои друзья пошли со мною въ храмъ, но когда мы высказали жрецу наше желаніе, то онъ представилъ намъ множество возраженій. Онъ не можетъ произносить молитвы и пѣть гимны за такого человѣка, который не былъ индусомъ, и если бы онъ это сдѣлалъ, то, разумѣется, его бы тотчасъ же отставили бы отъ должности и удалили бы изъ касты. Мы очень долго обсуждали съ нимъ этотъ вопросъ, и убѣждали его, что Максъ Мюллеръ, хотя и европеецъ отъ рожденія, тѣмъ не менѣе по духу былъ настоящимъ индусомъ. Послѣ того какъ нѣкоторые изъ моихъ друзей обѣщали жрецу богатыя приношенія, онъ согласился, наконецъ, и на слѣдующій день вечеромъ, въ одиннадцать часовъ, когда мы снова пришли въ храмъ и принесли кокосовые орѣхи, цвѣты, листья бетеля, орѣхи и камфару, которые и вручили жрецу, онъ началъ пѣть гимны и совершалъ моленія въ теченіе цѣлаго часа. Когда онъ кончилъ, то обратился къ намъ съ просьбою, чтобы мы послали нѣкоторые отъ нашихъ даровъ больному профессору».

Къ сожалѣнію, молитва индійскимъ богамъ не спасла профессора, но этотъ разсказъ указываетъ, какою огромною популярностью и любовью пользовался Максъ Мюллеръ въ ученыхъ браминскихъ кружкахъ. Никогда еще ни одинъ европеецъ не былъ чествуемъ въ Индіи подобнымъ образомъ и, конечно, еслибъ Максъ Мюллеръ былъ живъ, то извѣстіе о томъ, что брамины служили о немъ молебенъ, доставило бы ему болѣе удовольствія, чѣмъ какія бы то ни было чествованія и отличія которыя выпадали на его долю въ Европѣ. Максъ Мюллеръ глубоко любилъ Индію, ея древнюю культуру и религію и посвятилъ ея изученію всю свою жизнь. Со многими изъ ученыхъ индусовъ и браминовъ онъ находился въ постоянной перепискѣ и такъ проникся духомъ индійской философіи, что индусы съ полнымъ правомъ могли считать его своимъ.

Максъ Мюллеръ, хотя всю жизнь свою провелъ въ Англіи и былъ профессоромъ оксфордскаго университета, по происхожденію былъ нѣмецъ. Онъ родился въ Дессау, въ 1823 г. Отецъ его былъ поэтъ, но онъ умеръ, когда маленькому Максу было четыре года. Максъ Мюллеръ жилъ до 18 лѣтъ въ своемъ родномъ городѣ у своей матери, въ домѣ своего дѣда и съ раннихъ лѣтъ обнаруживъ большія способности и любовь къ музыкѣ, такъ что даже мечталъ сдѣлаться музыкантомъ. Онъ былъ знакомъ съ Веберомъ и Мендельсономъ, но послѣдній отговорилъ его избрать музыку своей профессіей и посовѣтовалъ заняться изученіемъ латыни и греческаго языка. Въ лейпцигскомъ университетѣ, куда онъ поступилъ, молодой Максъ Мюллеръ, по совѣту Германа Брокгауза, занимавшаго каѳедру санскритскаго языка, посвятилъ себя

изученію классическихъ языковъ древней Индіи. Первымъ результатомъ этого изученія явился переводъ «Гитопадеши» сборника санскритскихъ сказокъ, который Максъ Мюллеръ издалъ, когда ему было всего только двадцать лѣтъ отъ роду.

Въ молодости Максу Миллеру пришлось очень много работать, такъ какъ у него не было никакихъ средствъ къ жизни. Предложеніе, сдѣланное ему дирекціей остъ-индской компаніи, редактировать первое изданіе «Ригведы» пришлось какъ нельзя болѣе кстати. Максъ Мюллеръ принялъ эту работу и уѣхалъ въ Англію въ 1847 году, и окончательно поселился въ Оксфордѣ въ 1849 году, проживъ такимъ образомъ болѣе полустолѣтія въ этомъ городѣ.

Ни одинъ писатель и ученый его времени не можетъ похвалиться такою плодовитостью какъ онъ. Списокъ его сочиненій на англійскомъ и нѣмецкомъ языкѣ занимаетъ нѣсколько страницъ въ каталогѣ британскаго музея. Вообще Максъ Мюллеръ поражалъ всѣхъ знавшихъ его своею кипучею дѣятельностью. Онъ переводилъ, редактировалъ и издавалъ, читалъ лекціи и писалъ предисловія къ сочиненіямъ своихъ друзей. Кромѣ того, онъ занимался популяризаціей своей науки и очень любилъ дѣлать экскурсіи въ другія области и всегда умѣлъ возбудить интересъ, освѣтить предметъ, котораго касался и поразить оригинальностью своихъ мыслей.

Какъ популярный лекторъ, Максъ Мюллеръ почти не имѣлъ соперниковъ. Его лекціи сравнительнаго языкознанія, которыя онъ читалъ въ королевскомъ институтѣ, привлекали массу слушателей. Многіе изъ его критиковъ утверждали, что онъ не говорилъ на этихъ лекціяхъ ничего новаго, ничего такого, что не было бы сказано другими до него, но такъ или иначе, а онъ умѣлъ сказать это такимъ образомъ, что слушателямъ казалось, будто они слышатъ это въ первый разъ, и всѣ его слушали съ возрастающимъ интересомъ.

Самымъ выдающимся эпизодомъ въ жизни Макса Мюллера, повліявшимъ на ходъ его дальнѣйшихъ занятій и научной карьеры, была его кандидатура на каѳедру санскритскаго языка въ Оксфордѣ, которая сдѣлалась вакантной въ 1860 году. Конечно, не будь онъ иностранецъ и не участвуй онъ въ либеральномъ движеніи въ Оксфордѣ, то онъ былъ бы избранъ единогласно на эту каѳедру, но строго консервативный и клерикальный совѣтъ университета высказался въ пользу его соперника. Максъ Мюллеръ, быть можетъ, больше всякаго другого ученаго въ Европѣ имѣвшій право на эту каѳедру, долго не могъ примириться со своимъ пораженіемъ. Онъ посвятилъ двадцать лѣтъ своей жизни изученію санскритскаго языка и санскритской философіи, но потерявъ надежду получить каѳедру, о которой онъ мечталъ столько времени, Максъ Мюллеръ занялся сравнительною философіей и вскорѣ сдѣлался въ глазахъ англійской публики первокласнымъ авторитетомъ въ этой области. Огромная заслуга Макса Мюллера заключается въ томъ, что онъ возбудилъ интересъ къ языкознанію и изученію миѳовъ и религіозныхъ представленій различныхъ народовъ. Онъ обладалъ въ высокой степени талантомъ художественнаго изложенія и даже самые сухіе предметы становились интересными и увлекательными, когда онъ говорилъ о нихъ. Своимъ изданіемъ «The Sacred Books of the Sast» (Священныя книги Востока), въ заголовкѣ котораго стоитъ изрѣченіе «Ex oriente Lux», Максъ Мюллеръ оказалъ огромную услугу всему культурному міру, но важнѣйшимъ его открытіемъ было открытіе древнѣйшихъ санскритскихъ рукописей, находившихся въ Японіи.

Любя Индію отъ всей души и постоянно обращая къ ней свои взоры, Максъ Мюллеръ, тѣмъ не менѣе, никогда не бывалъ въ ней. Путешествіе въ Индію было мечтою всей его жизни, но онъ такъ и не собрался привести ее въ исполненіе, постоянно откладывая вслѣдствіе массы занятій и разныхъ принятыхъ на себя обязательствъ, но въ Индіи у него было множество друзей среди ту-

земныхъ философовъ и ученыхъ и многіе изъ нихъ нарочно ѣздили въ Англію, чтобы повидаться съ нимъ. Онъ издалъ нѣсколько краткихъ біографій своихъ наиболѣе знаменитыхъ друзей, въ особенности среди индійскихъ реформаторовъ, которымъ онъ особенно симпатизировалъ.

Избирательная кампанія въ Соединенныхъ Штатахъ. Президентскіе выборы въ Сѣверной Америкѣ окончились торжествомъ Макъ Кинлея, которое оказалось даже больше, чѣмъ ожидали его друзья. Возбужденіе, господствовавшее во время избирательной кампаніи, уже утихло и въ жизнь снова проникаетъ обычное теченіе. Во время выборной горячки американцы болѣе чѣмъ когда-либо живутъ лихорадочною жизнью и нервное возбужденіе толпы доходитъ до послѣднихъ предѣловъ. Достаточно вступить па американскую почву въ это время, чтобы убѣдиться, какое важное значеніе имѣютъ выборы въ жизни американскаго народа. Главныя улицы всѣхъ американскихъ городовъ бываютъ увѣшаны въ это время огромными знаменами, на которыхъ красуются имена кандидатовъ и ихъ портреты во весь ростъ. Такъ было, конечно, и теперь. Въ одномъ мѣстѣ красовался Брайанъ въ другомъ—Макъ Кинлей. Около клубовъ различныхъ партій флаги и портреты изобиловали еще больше и это рѣшительно во всѣхъ городахъ, такъ что, очевидно, художники, рисующіе портреты, бываютъ очень заняты во время президентскихъ выборовъ. Кромѣ знаменъ съ портретами, въ воздухѣ развивались еще и флаги съ изрѣченіями и тутъ для изобрѣтательности и остроумія американцевъ открывается широкое поле. Напримѣръ, въ Нью-Іоркѣ надъ Мадисоновскимъ скверомъ можно было видѣть на высотѣ 150 метровъ громадную надпись, удерживаемую въ воздухѣ привязными бумажными змѣями. Надпись эта гласила: «Имперіализмъ угрожаетъ свободѣ американскаго народа», что указывало ясно на ея происхожденіе. Какъ всегда, въ это время число газетъ, брошюръ и всевозможныхъ иллюстрированныхъ изданій, каррикатуръ и памфлетовъ непомѣрно увеличилось; увеличилось также и число ораторовъ. Митинги происходили ежедневно и въ закрытомъ помѣщеніи, и на открытомъ воздухѣ, а по городамъ и селамъ разъѣзжали агитаторы, добровольно или за деньги вербовавшіе голоса въ пользу кандидата своей партіи. Американскія женщины принимали огромное участіе въ выборной агитаціи. Многія изъ нихъ разъѣзжали съ одного мѣста на другое, изъ одной фермы въ другую и заводили разговоры съ фермерами о хозяйствѣ, о дѣтяхъ, и расположивъ ихъ въ свою пользу, ловко заводили рѣчь о выборахъ. Вообще женщины оказались очень искусными агитаторами и выборными агентами, а многія изъ нихъ обнаружили на митингахъ весьма недюжинныя ораторскіе способности.

Не обошлось, конечно, дѣло и безъ разныхъ эксцентричностей, безъ которыхъ, повидимому, не могутъ существовать ни одни выборы въ Америкѣ. Одинъ изъ корреспондентовъ «Daily Mail» разсказываетъ, что демократы выпустили въ одномъ изъ американскихъ городовъ сотню бѣлыхъ собакъ, на шерсти которыхъ огромными буквами было написано: «Выбирайте президентомъ Брайана». Республиканцы не захотѣли отстать и выпустили стаю черныхъ собакъ, гораздо болѣе сильныхъ, на шерсти которыхъ было написано имя Макъ Кинлея. Разумѣется, между черными и бѣлыми собаками произошли ожесточенныя драки и республиканскія собаки оказались побѣдителями. Такого рода пріемы составляютъ столь обычное явленіе въ Америкѣ, что они ровно никого не удивляютъ.

Сцены, которыя разыгрались въ Нью-Іоркѣ въ день выборовъ, указываютъ, что возбужденіе американцевъ дошло въ этотъ день до своего апогея. Стотысячныя толпы народа наполняли улицы, въ особенности вблизи редакцій газетъ и появленіе бюллетеней выборовъ привѣтствовалось оглушительными криками. Когда же окончательные результаты сдѣлались извѣстны, то толпа дошла до

послѣдней степени возбужденія и дѣло, разумѣется, окончилось побоищемъ между сторонниками и противниками побѣдившаго кандидата.

Побѣда республиканской партіи на этотъ разъ означаетъ побѣду «интересовъ надъ принципами». Тридцать пять лѣтъ тому назадъ Эмерсонъ, сравнивая обѣ большія американскія партіи, сказалъ, что «на сторонѣ одной изъ нихъ находятся лучшіе принципы, на сторонѣ другой—лучшіе люди Америки». Слова его справедливы и теперь. Дѣйствительно въ демократической партіи, за исключеніемъ ея вождя Брайана, болѣе блестящаго, нежели опытнаго, руководителя, нѣтъ никого, кто бы могъ увлечь за собою народъ и кто бы пользовался большою популярностью. Республиканская же партія насчитываетъ въ своихъ рядахъ нѣкоторыхъ изъ лучшихъ представителей американскаго народа, но, къ сожалѣнію, ей приходится выставлять своимъ девизомъ не тѣ высокіе принципы, которые были поставлены въ основу организаціи сѣверо-американской республики, а современныя требованія—«протекціонизмъ и интересы націи». Нельзя не считать знаменіемъ времени для Соединенныхъ Штатовъ, что побѣдили вторые, хотя на сторону Брайана перешли нѣкоторые изъ республиканцевъ, принадлежащіе къ наиболѣе интеллигентному кругу и извѣстные своимъ благородствомъ. Эти республиканцы открыто порицали Макъ Кинлея за то, что онъ вовлекъ Сѣверо-американскую республику въ имперіалистическую политику, которая должна привести ее къ безчестію и разочарованіямъ, но, тѣмъ не менѣе, политика эта въ настоящее время торжествуетъ побѣду.

Изъ области женскаго движенія. Несмотря на всѣ старанія французскаго сенатора Гуржю, возстававшаго противъ допущенія женщинъ, получившихъ юридическое образованіе, къ занятію адвокатурой и предостерегавшаго своихъ коллегъ въ сенатѣ отъ такого акта, которое въ глазахъ его являлось чуть ли не государственной измѣной, сенатъ все-таки совершилъ эту «измѣну» и большинствомъ 172 голосовъ противъ 34 принялъ статью законопроекта, уже вотированнаго палатой депутатовъ и предоставляющаго женщинамъ право вступленія въ адвокатское сословіе. Министръ Юстиціи Мони особенно настаивавшій на этой реформѣ, заявилъ при громкихъ крикахъ одобренія палаты депутатовъ, что «не слѣдуетъ закрывать женщинамъ доступъ въ залы суда подъ тѣми предлогами, что тамъ не ея мѣсто. Мѣсто женщины вездѣ, гдѣ надо совершать дѣла милосердія и проявить любовь къ ближнему и слѣдовательно въ судѣ должно быть также отведено мѣсто ея дѣятельности».

Французскія женщины могутъ такимъ образомъ отпраздновать побѣду надъ рутиной, которая такъ долго исключала ихъ изъ адвокатскаго сословія и закрывала для нихъ доступъ къ обширной и плодотворной дѣятельности. Въ феминистскомъ органѣ «La Fronde» Маргарита Дюранъ отвѣчаетъ сенатору Гуржю, который такъ ратовалъ противъ реформы, приводя разныя общія мѣста и старыя отжившія понятія. И чего-чего только не наговорилъ разъяренный сенаторъ о священномъ призваніи женщины, о томъ, что ея мѣсто у домашняго очага, что она—слабое созданіе, которое надо беречь и ограждать отъ всякихъ волненій и чрезмѣрнаго напряженія силъ! Разумѣется, сенаторъ, какъ истый французъ, не поскупился на комплементы женщинѣ, «властвующей надъ міромъ своею красотой, добротой и всѣми своими душевными качествами и добродѣтелями» и т. д., и т. д.—«Но,—какъ справедливо возражаетъ ему Маргарита Дюранъ,—прежде чѣмъ говорить, что мѣсто женщины у домашняго очага, надо чтобы у нея былъ такой очагъ. Точно также, для того, чтобы властвовать надъ міромъ своею красотой, женщина никогда не должна стариться, никогда не должна быть некрасивой и неграціозной. Но женщина выбираетъ профессію, требующую отъ нея напряженія силъ, вовсе не только ради одного удовольствія, а большею частью изъ необходимости. Въ нынѣшнее время женщинамъ, не

имѣющимъ для этого необходимаго капитала, устройство домашняго очага зачастую обходится очень дорого и часто совсѣмъ невозможно. Но вѣдь и некрасивыя женщины также хотятъ ѣсть, какъ и красивыя, и очень много женщинъ зарабатываютъ себѣ средства къ жизни тяжелымъ трудомъ, требующимъ отъ нихъ огромной затраты физическихъ силъ. По словамъ сенатора Гуржю, выходитъ, однако, что самый тяжелый трудъ, требующій отъ женщины наибольшаго напряженія силъ—это адвокатскій! Г. сенаторъ рисуетъ при этомъ такую картину, которая должна, конечно, вызвать дрожь содроганія у его слушателей. «Видѣли ли вы когда-нибудь,—восклицаетъ онъ,—адвоката послѣ произнесенія имъ длинной защитительной рѣчи? Онъ дошелъ до полнаго изнеможенія силъ и вынужденъ принимать самыя экстренныя мѣры, чтобы предупредить угрожающее ему воспаленіе легкихъ?» Конечно, отвѣчаемъ мы, мы видали много разъ очень разгоряченныхъ адвокатовъ, иногда даже охрипшихъ послѣ длинной рѣчи и подвергающихся опасности схватить насморкъ или даже воспаленіе легкихъ на сквозникѣ. Но Сара Бернаръ послѣ игры въ «Федрѣ», «Гамлетѣ» или «Орленкѣ» находится точно въ такомъ же состояніи и подвергается такимъ же опасностямъ заболѣть воспаленіемъ легкихъ, однако сенатъ не находитъ нужнымъ сокрушаться о ея судьбѣ. Неужели только адвокатская профессія требуетъ такого напряженія силъ, только она убиваетъ и поэтому должна быть предоставлена только сильному полу?»

Во французскихъ газетахъ вопросъ о допущеніи женщинъ къ занятію адвокатурой не встрѣтилъ особеннаго сочувствія. Большинство газетъ обходило молчаніемъ рѣшеніе сената или въ нѣсколькихъ бѣглыхъ словахъ сообщаетъ о немъ, но находятся и такіе органы печати, которые посвящаютъ ему цѣлыя статьи, наполненныя мудрыми разсужденіями, вродѣ тѣхъ, которыя были уже высказаны сенаторомъ Гуржю. Не обходилось дѣло, конечно, и безъ пошлыхъ остротъ на ту тему, что французскихъ адвокатовъ принято называть «maître» и слѣдовательно женщинъ-адвокатовъ надо будетъ называть «maîtresse» и т. п.

Въ Вѣнѣ, въ присутствіи организаціоннаго комитета, состоящаго изъ 52-хъ дамъ и множества мужчинъ изъ вѣнскаго литературнаго и журнальнаго міра, состоялось торжественное открытіе женскаго клуба. Клубъ этотъ помѣщается на Грабенѣ и обставленъ очень роскошно, въ современномъ англійскомъ вкусѣ. При клубѣ имѣется буфетъ, гдѣ можно получить холодную закуску, кофе, чай и т. п. по очень умѣреннымъ цѣнамъ. Читальный залъ превосходно устроенъ и снабжается всевозможными журналами и газетами. На устройство читальни въ клубномъ бюджетѣ отведено 3.000 кронъ (15.00 р.), такъ что можно было организовать это дѣло въ широкихъ размѣрахъ. Клубъ уже насчитываетъ 400 членовъ, хотя онъ еще только что начинаетъ свою дѣятельность. Впрочемъ, какова будетъ эта дѣятельность—еще неизвѣстно. Изъ рѣчи предсѣдательницы клуба, жены профессора Іодла, сказанной по случаю открытія клуба, видно, что главная цѣль клуба—объединеніе всѣхъ интеллигентныхъ женщинъ, все равно къ какому бы классу общества онѣ ни принадлежали. Клубъ будетъ для нихъ нейтральнымъ сборнымъ пунктомъ, гдѣ они могутъ проводить свободное время. Къ ихъ услугамъ будетъ прекрасная библіотека и читальня и удобное помѣщеніе для занятій. Предсѣдательница выразила надежду, что возможность обмѣна взглядовъ, которую предоставляетъ клубъ, какъ общественное учрежденіе, всѣмъ своимъ членамъ, должна будетъ содѣйствовать какъ расширенію умственнаго кругозора женщинъ, такъ и установленію общенія между всѣми образованными женщинами Вѣны. Что же касается мужчинъ, то они допускаются въ клубъ лишь въ особенныхъ торжественныхъ случаяхъ. Дальнѣйшія же цѣли клуба выяснятся сами собой.

Въ Берлинѣ въ концѣ прошлаго мѣсяца состоялось первое годовое общее собраніе женскаго клуба 1900 г., на которомъ присутствовало 205 членовъ.

Предсѣдательница заявила, что клубъ насчитываетъ уже около 900 членовъ, въ числѣ которыхъ находится очень много женщинъ, занимающихся самостоятельнымъ профессіональнымъ трудомъ. Въ клубѣ работаютъ нѣсколько коммиссій. Дѣлами клуба и его содержаніемъ завѣдуетъ спеціальная хозяйственная коммиссія, коммиссія по устройству развлеченій организовала 15 вечеровъ и нѣсколько лѣтнихъ поѣздокъ, художественная коммиссія устроила въ помѣщеніи клуба выставку 56 картинъ его членовъ. Библіотечная комиссія организовала библіотеку, состоящую теперь изъ 1000 томовъ. Берлинскій клубъ уже оффиціально занесенъ въ списки законно утвержденныхъ ферейновъ въ Германіи и пользуется всѣми присущими такимъ ферейнамъ правами.

Въ февралѣ мѣсяцѣ этого года была открыта въ Берлинѣ школа—библіотекаршъ профессора Готтинора. Вначалѣ въ этой школѣ была только одна слушательница, а теперь ихъ семь. Курсъ въ этой школѣ раздѣляется на теоретическій и практическій. Въ программу входятъ слѣдующіе предметы: Энциклопедія и методологія знаній, исторія литературы, исторія книгопечатанія, организація библіотекъ, знакомство съ шрифтами, бумагой, типографскимъ и переплетнымъ дѣломъ, книготорговыя и антикварныя науки, а также изученіе издательскаго дѣла и законовъ, касающихся изданій, кромѣ того преподаются также языки, латинскій и греческій. Для практическихъ занятій существуетъ библіотека въ 30.000 томовъ. Лекціи и уроки латинскаго и греческаго языка могутъ посѣщать и тѣ, кто не имѣетъ намѣренія избрать профессію библіотекарши. Принимаются на курсы не моложе 16 лѣтъ. На дняхъ въ Берлинѣ открыло свою дѣятельность еще одно очень полезное учрежденіе—бюро справокъ для учащихся женщинъ. Въ этомъ бюро можно получить всѣ свѣдѣнія, касающіяся Берлинскаго университета, помѣщенія и т. п. Кромѣ того, такъ какъ бюро находится въ сношеніяхъ со всѣми женскими ферейнами въ другихъ нѣмецкихъ университетскихъ городахъ и съ ассоціаціями студентокъ въ Вѣнѣ, Цюрихѣ, Бернѣ, Женевѣ и т. д., то желающія могутъ получить необходимыя справки и о другихъ иностранныхъ университетахъ, гдѣ обучаются нѣмецкія женщины. Такимъ образомъ можно имѣть свѣдѣнія объ условіяхъ для поступленія въ другіе университеты и высшія учебныя заведенія и о жизни въ другихъ городахъ. Обращаться за справками слѣдуетъ къ д-ру Анна Гебсеръ (Kurfürstenstrasse, 164) и къ г-жѣ Елизаветѣ Лоосъ (Nettelbeckstrasse, 4).

Германскій императоръ, какъ извѣстно, не сочувствуетъ женскому движенію и поощряетъ только то, что находится въ связи съ домашними обязанностями женщины. «Hausfrau» — это высшій идеалъ женщины и истинная нѣмка не должна стремиться ни къ чему другому—таковъ взглядъ императора Вильгельма, ограничивающаго сферу дѣятельности женщины и ея умственный кругозоръ кухней и дѣтской. Но къ счастью для нѣмецкихъ женщинъ онъ не въ силахъ остановить движеніе прогресса. Движеніе въ пользу высшаго образованія женщины, толчокъ къ которому былъ данъ матерью императора, императрицею Фридрихъ, продолжаетъ развиваться помимо его желанія. Однако какъ оказывается, императоръ Вильгельмъ осуждаетъ не одни только стремленія женщины къ ученію и расширенію сферы своей дѣятельности, онъ видитъ и въ занятіи велосипеднымъ спортомъ, наравнѣ съ мужчинами, столь же вредныя тенденціи и потому терпѣть не можетъ велосипедистокъ. Недавно на церемоніи открытія памятника королевѣ Луизѣ въ Тильзитѣ, онъ очень внушительно замѣтилъ велосепедисткамъ, участвовавшимъ въ процессіи кружка велосипедистовъ мужчинъ и женщинъ: «Прошу васъ, милостивыя государыны, не садиться на велосипедъ!» Это замѣчаніе императора вызвало большое смущеніе и неудовольствіе среди участвовавшей въ церемоніи публики.

Въ заключеніе приведемъ нѣсколько свѣдѣній изъ хроники женскаго дви-

женія въ Европѣ: миссъ Дженъ Гаррисонъ удостоена званія адъюнктъ-профессора Ньюнгэмской коллегіи въ Кэмбриджѣ по каѳедрѣ орнологіи. Миссъ Гаррисонъ уже стяжала себѣ почетную извѣстность своими трудами въ этой области.

Въ зоотомическомъ музеѣ въ Христіаніи на вакантное мѣсто консерватора избрана г-жа Христина Бонневи, одержавшая въ данномъ случаѣ побѣду надъ остальными кандидатами мужчинами, домогавшимися этого мѣста. Этимъ назначеніемъ академическая коллегія установила равныя права женщинъ, имѣющихъ ученое званіе съ правами мужчинъ, на занятіе университетскихъ должностей.

Роль китайской печати въ китайскихъ волненіяхъ. Въ нынѣшнихъ волненіяхъ въ Китаѣ мѣстная китайская печать играла довольно значительную роль. Агитація народныхъ массъ производилась главнымъ образомъ посредствомъ летучихъ листковъ и афишъ, которыя распространялись милліонами по всему Китаю. Въ сущности даже всѣмъ извѣстная «Пекинская газета» представляетъ ничто иное какъ летучій листокъ, въ которомъ печатаются эдикты и распоряженія правительства и властей. Другія же китайскія газеты, которыя фабрикуются въ мѣстахъ поселенія европейцевъ, или «иностранныхъ діаволовъ»,— какъ ихъ называютъ китайцы, имѣютъ самое эфемерное существованіе и носятъ еще болѣе характеръ летучихъ листковъ. До наступленія безпорядковъ въ Китаѣ никто на нихъ не обращалъ вниманія и въ особенности въ мѣстахъ англійскихъ поселеній китайской печати была предоставлена абсолютная свобода, такъ какъ англичане не вмѣшивались и не интересовались тѣмъ, что печатаютъ китайцы въ своихъ газетахъ. Нѣмцы же съ самаго начала поступали иначе и учредили въ Кіао-Чау контроль надъ мѣстною китайскою печатью. Говорятъ даже, что они такъ поусердствовали, что конфисковали китайскую газету, носящую полуоффиціальный характеръ и издаваемую администраціей. Первый же номеръ этой газеты былъ конфискованъ нѣмецкими властями въ Кіао-Чау, что разумѣется очень не понравилось китайцамъ.

Такія китайскія газеты, носящія характеръ летучихъ листковъ или же издающіяся въ предѣлахъ европейскихъ поселеній и потому находящіяся подъ защитою европейской администраціи, могутъ позволить себѣ очень многое, и поэтому отзывы о дѣйствіяхъ китайскаго правительства, появляющіеся иногда въ этихъ газетахъ бываютъ очень рѣзки. Самыми смѣлыми и беззастѣнчивыми въ этомъ отношеніи являются кантонскія и шанхайскія газеты. Въ Шанхаѣ издается китайская газета, которая горделиво именуетъ себя «Газетою міра» и пользуется большимъ почетомъ у китайцевъ, такъ какъ она высказываетъ самыя рѣзкія сужденія обо всемъ и очень мало щадитъ, какъ свое собственное правительство, такъ и англійскую администрацію, подъ покровительствомъ которой она находится и можетъ спокойно рисковать печатать подобныя вещи про свое правительство. Это покровительство обезпечивающее газетѣ безнаказанность, не мѣшаетъ ей, однако, возбуждать населеніе противъ европейцевъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ было, между прочимъ, напечатано слѣдующее: «Мнѣ кажется, что теперь наступило время, когда правительство должно было бы отвѣтить людямъ Запада: Мы не можемъ жить съ ними подъ однимъ небомъ и каждый, кто поддерживаетъ ихъ или вступаетъ съ ними въ сношенія, заслуживаетъ смерти. Столица должна быть отнята и ненавистные европейскіе солдаты должны быть отправлены туда, откуда они пришли, для того чтобы послѣдніе слѣды европейцевъ были уничтожены на нашей священной почвѣ. Только когда это произойдетъ, мы можемъ снова зажить нашею прежнею спокойною и счастливою жизнью и безпрепятственно молиться нашимъ богамъ».

Такія статьи заставили англійскую администрацію въ Шанхаѣ обратить вниманіе на газету и издателю ея было «въ очень любезныхъ выраженіяхъ, но

настойчиво» поставлено на видъ, что подобныя «шутки» не могутъ быть допустимы въ будущемъ и что онъ долженъ либо отказаться отъ тѣхъ преимуществъ, которыя ему доставляетъ его пребываніе въ Шанхаѣ, либо воздерживаться впредь отъ такихъ выходокъ, явно имѣющихъ цѣлью возбудить китайцевъ противъ европейцевъ.

Въ Кантонѣ поступлено было болѣе энергично съ одною изъ мѣстныхъ газетъ, «Тунгъ-Саи-По», статьи которой были также направлены противъ иностранцевъ. Тутъ вмѣшались китайскія власти, пожелавшія сохранить хорошія отношенія съ иностранцами и затѣяли процессъ съ газетой. Но въ Китаѣ эти дѣла происходятъ иначе, чѣмъ въ другихъ государствахъ. Ямынь отрядилъ своихъ молодцовъ въ редакцію газеты съ приказаніемъ помѣшать выходу ея нумеровъ. Но редакторъ, заранѣе предувѣдомленный объ этомъ однимъ изъ своихъ высокопоставленныхъ друзей, захватилъ все, что было можно, и скрылся. Посланцы, явившіеся въ редакцію, не нашли уже тамъ ничего, чѣмъ бы можно было поживиться и, разрушивъ помѣщеніе редакціи, рѣшили искать поживы въ другомъ мѣстѣ, т.-е. въ редакціяхъ двухъ другихъ газетъ: «Лингъ-Хаи-По» и «Пекъ-Манъ-По», относительно которыхъ имъ не было дано, однако, никакихъ распоряженій. Это имъ не помѣшало разграбить тамъ все, что можно было захватить, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, одна или другая газета — все равно. Однимъ словомъ, они унесли все, даже платье кули, служащихъ при редакціи, и такимъ образомъ, вмѣсто одной газеты, пострадали двѣ другія.

Непрочное существованіе китайскихъ газетъ и такая зависимость ихъ отъ произвола властей мѣшаютъ, конечно, распространенію и развитію періодической печати въ Китаѣ, но за то тамъ процвѣтаетъ литература памфлетовъ болѣе чѣмъ въ какой-либо другой странѣ и эта литература, также какъ всевозможныя прокламаціи и воззванія къ китайскому народу, сыграла далеко не послѣднюю роль въ нынѣшнихъ событіяхъ.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Revue des Revues».—«Humanitarian».—«Frauenbewegung».—«Revue Encyclopédique».

Условія современной войны подверглись за послѣднее время полному превращенію. Вооруженныя столкновенія грозятъ превратиться въ настоящія человѣческія гекатомбы, если только не будетъ изобрѣтена новая тактика, благодаря которой будущія войны будутъ продолжаться до безконечности, но за то солдаты не будутъ подвергаться жестокому истребленію. При такихъ условіяхъ, окончаніемъ войны, по словамъ генерала фонъ-деръ-Гольца, можетъ быть только полное уничтоженіе (vernichtung) одной изъ воюющихъ сторонъ, что подтверждаетъ, между прочимъ, и трансваальская война, затянувшаяся до безконечности. Чтобы предупредить возможность такой истребительной войны европейскія державы прогрессивно усиливаютъ свои вооруженія, которыя ложатся страшнымъ бременемъ на народъ и вся дѣятельность конгрессовъ и конференцій мира разбивается объ упорство нѣкоторыхъ правительствъ и, гласнымъ образомъ, Германіи, рѣшительно воспротивившейся всякому ограниченію вооруженій. Блокъ въ своей статьѣ «Германія и вооруженный миръ», напечатаной въ «Revue des Revues» подчеркиваетъ эту пагубную роль Германіи, вокругъ которой, конечно, группируются Австрія и Италія, связанныя съ нею договоромъ и другія меньшія государства, идущія всегда въ свитѣ великихъ державъ. «Германія, поступая такимъ образомъ, — говоритъ Блокъ, — не только ставитъ преграды цивилизаторскому движенію человѣчества, но и дѣйствуетъ вопреки собственнымъ интерессамъ. Германскіе делегаты нагаагской конференціи заявили, что благосостояніе страны

возрастаетъ, несмотря на расходы, причиняемые вооруженіями. Но тутъ надо принять во вниманіе другія обстоятельства, которыя эти господа, повидимому, забыли. Въ послѣдней половинѣ нашего столѣтія возникло усиленное промышленное движеніе. Всюду строятся желѣзныя дороги, фабрики и основываются колоніи. Въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Южной Америкѣ, въ Россіи, Австріи и Италіи произошли въ этомъ направленіи огромныя перемѣны. Война 1870 г. не остановила этого движенія и германскій народъ извлекъ изъ него пользу, но преобладаніе Германіи носитъ все-таки временный характеръ и начинается уже реакція—государства замыкаются..Такимъ образомъ, съ коммерческой точки зрѣнія Германія уже начинаетъ испытывать затрудненія; она борется и пока еще не терпитъ убытковъ, даже извлекаетъ нѣкоторыя выгоды, но только для этого она должна производить, какъ можно больше и продавать, какъ можно дешевле. Для сбыта своихъ продуктовъ она отыскиваетъ экзотическіе рынки, однако, такое положеніе не можетъ продлиться долго и все таки единственнымъ спасеніемъ для Германіи будетъ сокращеніе вооруженій».

Подробно разобравъ положеніе дѣлъ въ Германіи, возрастающіе налоги и усиленіе строгости фискальныхъ законовъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что Германія стоитъ на краю пропасти. Съ возрастаніемъ населенія должны прогрессивно увеличиваться и контингенты войскъ. Еслибъ между державами тройственнаго союза съ одной стороны и Франціей и Россіей—съ другой произошло столкновеніе лѣтъ тридцать тому назадъ, то общее число военныхъ силъ, выдвинутыхъ на поле битвы равнялось бы 5.230.000 человѣкъ; въ настоящее же время оно будетъ равняться 17.500.000.

«Развѣ такое положеніе дѣлъ можетъ продолжаться безконечно? Горе германскому правительству, когда народъ начнетъ громко упрекать его въ томъ, что весь цивилизованный міръ говоритъ уже давно, втихомолку»!.. восклицаетъ авторъ и цифрами доказываетъ, что хваленое процвѣтаніе Германіи ничто иное какъ обманъ. Такое положеніе вещей, угрожающее будущему Германіи, уже теперь составляетъ серьезную опасность для Италіи и Австріи. Размышляя объ этомъ, невольно поражаешься, что Германія, Италія и Австрія изо всѣхъ силъ стремятся къ своему разоренію, продолжая свои вооруженія и готовясь къ войнѣ, которая, быть можетъ, никогда не будетъ, но которая должна будетъ повести за собою неисчислимыя потери человѣческихъ жизней, если она когда-нибудь вспыхнетъ. Только въ тотъ день, когда Германія познаетъ, наконецъ, свою собственную ошибку, могутъ окончательно восторжествовать мирныя стремленія народовъ.

На послѣднемъ психологическомъ конгрессѣ въ Парижѣ профессоръ Сорбонны Шарль Рише демонстрировалъ ребенка трехъ съ половиною лѣтъ, замѣчательнаго своими музыкальными способностями. Рише считаетъ этотъ случай заслуживающимъ изученія съ психологической точки зрѣнія, поэтому онъ и обратилъ вниманіе на этого ребенка. По словамъ автора статьи въ журналѣ «Humanitarian», посвященной этому крошечному музыканту, профессоръ Рише, демонстрируя ребенка, сказалъ, что изъ разспросовъ матери онъ узналъ, что анормальныя способности къ музыкѣ обнаружились у маленькаго Пепито Аріола (такъ зовутъ ребенка) внезапно, когда ему было всего лишь два съ половиною года. Однажды мать его играла какую-то сонату, и затѣмъ кончивъ ее, вышла изъ комнаты. Спустя нѣкоторое время она вдругъ услышала, что кто-то играетъ эту самую сонату, хотя и не вполнѣ правильно, но все-таки такъ, что она сейчасъ же распознала, какая это пьеса. Удивленная, она вошла въ комнату и увидала, что это играетъ ея мальчикъ. Она, однако, не показала даже вида, что замѣчаетъ его игру и стала наблюдать за нимъ. Вскорѣ она замѣтила, что ребенка такъ и тянетъ къ роялю и что онъ даже

бросаетъ свои игрушки, чтобы поиграть на немъ. Онъ игралъ по слуху все, передавая въ общемъ довольно вѣрно всѣ слышанныя мелодіи и сочиняя свои собственныя, а также безконечныя варіаціи. Сидя за роялемъ, по словамъ очевидца, бывшаго на конгрессѣ, этотъ ребенокъ производилъ не только странное, но даже жуткое впечатлѣніе. Мать увѣряетъ, что онъ никогда не учился музыкѣ, но по мнѣнію профессора Рише, при такомъ анормальномъ развитіи впечатлительности къ звукамъ, ребенокъ могъ учиться даже безъ вѣдома учителя. Часто даже совершенно нормальныя дѣти въ первый годъ своей жизни запоминаютъ нѣкоторыя музыкальныя мелодіи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что у Пепито эта способность воспринимать звуки достигаетъ анормальнаго развитія и въ этомъ видѣ представляетъ такую же психологическую загадку, какъ и замѣчательная способность Иноди производитъ въ умѣ чрезвычайно сложныя математическія выкладки. Одинъ изъ присутствовавшихъ на конгрессѣ сказалъ: «Это то же самое, что Иноди, только Иноди играетъ на цифрахъ, а Пепито играетъ на нотахъ». Во всякомъ случаѣ, всѣ факты анормальнаго развитія нѣкоторыхъ мозговыхъ функцій составляютъ, по мнѣнію Рише, очень важную психологическую проблему, надъ изученіемъ которой стоитъ потрудиться.

«Женщины всегда принимали большое участіе въ изслѣдованіи и изученіи небесъ», говоритъ авторъ статьи о женщинахъ-астрономахъ, напечатанной въ «Humanitarian». Знаменитая Гипатія, какъ извѣстно, занималась астрономіей и написала комментаріи къ Птоломеевской системѣ астрономіи. Но прошло много столѣтій со времени ея трагической кончины, прежде чѣмъ міръ снова услышалъ о женщинахъ-астрономахъ. Въ XVII вѣкѣ француженка Жанна Дюмэ выступила въ своемъ астрономическомъ трудѣ защитницей системы Коперника и съ большою ясностью объяснила движенія земли и появленіе Венеры и другихъ планетъ. Ея манускриптъ (такъ какъ трудъ ея, повидимому, никогда не былъ напечатанъ) хранится въ Національной парижской библіотекѣ. Кромѣ нея, въ XVII же вѣкѣ стяжали себѣ извѣстность своими астрономическими работами Марія Куницъ, нѣмка, и Елизавета Кориманъ и еще нѣкоторыя другія. Въ первой половинѣ XVIII вѣка маркиза Дю-Шателе перевела на французскій языкъ трудъ Ньютона. Въ томъ же столѣтіи пріобрѣла громкую извѣстность своими математическими работами Марія-Гохмана Аньези, которой папа предложилъ профессорскую каѳедру въ Блонскомъ университетѣ. Восемнадцатый вѣкъ вообще можетъ похвалиться многими работами женщинъ по астрономіи, а въ XIX вѣкѣ мы, конечно. должны прежде всего упомянуть о Маріи Сомервиль и о математическихъ работахъ Софіи Ковалевской.

Изъ современныхъ женщинъ-астрономовъ авторъ статьи называетъ г-жу Церасскую, жену извѣстнаго астронома, миссъ Розу О'Галлоранъ въ Калифорніи и миссъ Орръ въ Англіи, мистриссъ Руссель и г-жу Жансенъ, жену знаменитаго французскаго астронома и многихъ другихъ, получившихъ извѣстность своими работами по спектральному анализу и изученіе солнечныхъ пятенъ и строенія солнца.

«Frauenbewegung» приводитъ статью Герлаха о парижскомъ женскомъ конгрессѣ. Герлахъ былъ участникомъ конгресса и давно уже зарекомендовалъ себя какъ горячій сторонникъ женскаго движенія. Но сочувствуя вполнѣ женскому движенію, Герлахъ въ то же время ставитъ его представителямъ очень большія требованія и не стѣсняется подвергать рѣзкой, но доброжелательной, критикѣ все то, что онъ считаетъ заслуживающимъ критическаго разбора. Такъ и относительно женскаго конгресса въ Парижѣ. Герлахъ очень рѣзко отзывается о немъ. Берлинскій международный женскій конгрессъ 1896 г. сдѣлалъ свое дѣло, также какъ и брюссельскій конгрессъ, давшій начало женскому движенію

въ Бельгіи. Но пальма первенства, конечно, принадлежитъ Англіи, сумѣвшей придать конгрессу 1899 г. грандіозный и блестящій характеръ. Колоссальное богатство Англіи и положеніе ея женщинъ, проникнутыхъ гордымъ самосознаніемъ достигнутыхъ ими успѣховъ, дали возможность обставить женскій когрессъ такимъ образомъ, что онъ производилъ внушительное впечатлѣніе. Совсѣмъ иное впечатлѣніе долженъ быть произвести парижскій конгрессъ. Плохо организованный, смѣшивавшій въ одну кучу филантропію съ женскимъ движеніемъ и серьезное дѣло съ разнымъ вздоромъ, конгрессъ этотъ не давалъ никакого настоящаго представленія о своихъ цѣляхъ. Конгрессъ носилъ названіе «международнаго», но въ сущности онъ имѣлъ специфически французскій характеръ. Герлахъ находитъ крупную безтактностью то, что предсѣдательствовали на конгрессѣ исключительно француженки. Доклады также исключительно касались Франціи, code civil, code pénal и др. французскихъ законовъ. Повидимому, организаторшамъ конгресса въ голову не пришло, что можно было бы коснуться условій, существующихъ въ другихъ странахъ, а не только въ одной Франціи. Если бы, по крайней мѣрѣ, предварительно были прочтены на конгрессѣ тѣ параграфы французскихъ законовъ, о которыхъ шла рѣчь въ преніяхъ конгресса! Но этого не было сдѣлано и иностранцы были осуждены выслушивать доклады и разсужденія о законопроектахъ, содержаніе которыхъ въ большинствѣ случаевъ имъ было совершенно неизвѣстно.

Герлахъ обвиняетъ конгрессъ въ дилетантизмѣ и фразерствѣ, хотя и воздаетъ должное остроумію и краснорѣчію французскихъ ораторшъ. При этомъ онъ очень ядовито замѣчаетъ, что «великолѣпные костюмы и поразительныя шляпки» произвели на него ошеломляющее впечатлѣніе. Но въ общемъ онъ вынесъ все-таки самое печальное (trostlos) впечатлѣніе и его утѣшаетъ только то, что мужчины въ общемъ наговорили еще болѣе пустяковъ, нежели женщины, и что конгрессъ этотъ въ дѣйствительности не былъ международнымъ а «специфически французскимъ».

«Revue Encyclopédique» посвящаетъ отдѣльный нумеръ Парижскому университету и его возрожденію. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ въ Парижѣ не было университета, а только коллегія, факультеты, школы,—двадцать различныхъ учрежденій, совершенно изолированныхъ, не имѣвшихъ ни общихъ традицій, ни общаго происхожденія. Были профессіональныя школы: Ecole de droit, de médicine, de pharmacie, Ecole polytechnique, Ecole normale, также какъ и учрежденія, гдѣ можно было получить научную подготовку: Collège de France, Museum, Ecole du hautes études. Были, наконецъ, факультеты, знаменитые своими профессорами, но за отсутствіемъ студентовъ, они превратились въ ученыя общества, не имѣвшія другихъ обязанностей, кромѣ выдачи дипломовъ. Но парламентъ и министры (въ особенности Ферри и Гобле), поддерживаемые такими писателями, какъ Ренанъ, Лависсъ и Бреаль, рѣшили возродить изъ праха Парижскій университетъ и съ помощью Дюмениля, Ліара и Дюмона, руководившихъ высшимъ образованіемъ во Франціи, имъ удалось вдохнуть новую жизнь въ мертвое тѣло Парижскаго университета. Реформа эта не коснулась школъ, нормальной, политической и Museum, приготовляющихъ спеціалистовъ, но факультеты были преобразованы и составили основу будущаго университета. Прежде помѣщеніе факультетовъ было очень жалкое, но государство и городъ пришли на помощь и теперь уже всѣ науки имѣютъ свое помѣщеніе. Новая Сорбонна, медицинскій и юридическій факультеты, также какъ и фармацевтическая школа, не оставляютъ теперь желать ничего лучшаго относительно своего устройства.

Но разумѣется, университетъ не можетъ существовать безъ студентовъ и безъ профессоровъ. Въ 1877 г. на словесномъ факультетѣ (Faculté des lettres)

было всего только шесть студентовъ и 11 профессоровъ, а теперь на этомъ факультетѣ 1.637 студентовъ и 52 профессора. То же самое увеличеніе замѣчается и на другихъ факультетахъ. Статьи, напечатанныя въ «Revue Encyclopédique» и характеризующія дѣятельность возрожденнаго Парижскаго университета, подтверждаютъ интенсивность умственной жизни факультетовъ, представлявшихъ прежде разрозненныя части и теперь собравшихся въ одно великое цѣлое, именуемое Парижскимъ университетомъ. Въ настоящее время на шести отдѣленіяхъ Парижскаго университета числится 13.771 студентовъ (въ 1896 г. было 15.000). Расходы университета простираются до 5 милліоновъ въ годъ, изъ которыхъ три пятыхъ уплачиваетъ государство, а остальное покрывается средствами и доходами самого университета.

Какъ и въ XIII-омъ вѣкѣ, парижскій университетъ снова сдѣлался самымъ многолюднымъ на свѣтѣ и студенты стекаются въ Парижъ со всѣхъ концовъ міра. Надо надѣяться, что Америка и Японія будутъ доставлять въ будущемъ еще больше студентовъ, но и теперь въ Парижскомъ университетѣ американцевъ и японцевъ больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другомъ университетѣ.

ИЗЪ ГЕРМАНІИ.

Развитіе торговыхъ предпріятій новаго типа и налогъ на большіе магазины.

Мнѣ хочется обратить вниманіе читателя на одно явленіе въ жизни Германіи послѣдняго времени,—явленіе, въ которомъ весьма ярко выражается современный характеръ этой жизни и которое заслуживаетъ поэтому самаго напряженнаго вниманія не только со стороны тѣхъ, кто заинтересованъ въ томъ или иномъ направленіи дальнѣйшаго развитія германской имперіи непосредственно.

Кто бывалъ въ Берлинѣ, тотъ хорошо помнитъ двѣ взаимно перекрещивающіяся улицы, всегда ярко освѣщенныя, всегда шумныя и полныя лихорадочнаго движенія. Это—Фридрихъ- и Лейпцигерштрассэ (Friedrich- und Leipzigerstrasse), которыя уже съ десятокъ лѣтъ тому назадъ сдѣлались центромъ розничной торговли Берлина. Конечно, не одна торговля сообщила имъ свой отпечатокъ. Въ извѣстные часы дня здѣсь можно встрѣтить чинно прогуливающихся представителей богатой буржуазіи, явившихся отнюдь не съ цѣлью покупокъ; по вечерамъ—главная часть толкающейся и смѣющейся толпы состоитъ изъ публики въ массѣ находящихся въ районѣ этихъ улицъ театровъ; а въ извѣстные часы ночи—здѣсь царитъ проституція, съ которой безуспѣшно ведутъ войну драконовскіе прусскіе законы. Но ничто не могло бы ярче иллюстрировать первенствующее значеніе «экономическаго фактора», какъ исторія этихъ улицъ и ихъ современный видъ. «Улица Фридриха»—очень стара. На столѣтнихъ гравюрахъ и сдѣланныхъ по нимъ рисункахъ—это узкая съ остроконечными домами, старомодная улица. По мѣрѣ развитія торговли Берлина—вслѣдствіе скученности населенія въ этомъ именно мѣстѣ—она все больше и больше утрачиваетъ свой романтическій характеръ. Нижніе этажи домовъ передѣлываются въ магазины, а когда—послѣ постройки центральнаго вокзала «Friedrichstrasse»—въ этой части города усилилось и безъ того значительное обращеніе иностранцевъ, для продажи различныхъ необходимыхъ вещей утилизируется каждый подвалъ, каждое свободное окно. Въ настоящее время на всей улицѣ, едва ли найдется десятокъ квартиръ, обитатели которыхъ «просто живутъ», не превращая своихъ жилищъ въ промышленныя или торговыя помѣщенія. «Лейпцигская улица», какъ торговый центръ, развилась гораздо позже. Быть можетъ, сначала на ней пріютилось только то, что не нашло себѣ мѣста

на «Friedrichstrasse». Но положеніе ея, какъ соединительной артеріи между нѣсколькими районами средоточія населенія, выдѣлило ее изъ ряда другихъ, пересѣкающихъ послѣднюю улицъ. И подобно тому, какъ въ отдаленныя времена худшія условія вырабатывали бóльшую энергію у оттѣсненныхъ вначалѣ племенъ, «Leipzigerstrasse» значительно превзошла въ настоящее время свою сосѣдку, явившись мѣстомъ, которое избрала своей резиденціей *современная* форма торговли.

Около двухъ лѣтъ тому назадъ, на Leipzigerstrasse было выстроено огромное зданіе нѣсколько страннаго вида. Фасадъ его состоялъ изъ массивныхъ дикаго камня колоннъ, въ промежутки между которыми были вставлены гигантскія стекла. Все зданіе, несмотря на размѣры, было очень легкимъ и казалось состоящимъ изъ сплошного ряда оконъ. Это былъ магазинъ Вертгейма—магазинъ новаго типа—«Домъ товаровъ» («Waarenhaus»), который, по образцу парижскаго «Лувра», сталъ продавать *всѣ* товары, организовавъ такимъ образомъ свое предпріятіе на принципѣ, діаметрально противоположномъ господствовавшей еще недавно въ торговлѣ страны *спеціализаціи* по родамъ товаровъ. «Домъ товаровъ Вертгейма» былъ далеко не первымъ магазиномъ этого типа въ Берлинѣ; но онъ превосходилъ размѣрами все, что до него существовало въ этомъ родѣ. Его открытіе разрослось до размѣровъ настоящаго событія. И это дѣйствительно было событіе, но не столько само по себѣ, сколько какъ симптомъ, какъ ясный образецъ того, что должно было случиться съ торговою жизнью города въ ближайшемъ будущемъ. Послѣ магазина Вертгейма подобные же гиганты возникали одинъ за другимъ и сгруппировались по преимуществу въ районѣ Leipzigerstrasse, накладывая все рельефнѣе и рельефнѣе свой отпечатокъ на физіономію этой части города. Наконецъ, въ самое послѣднее время на противоположномъ отъ магазина Вертгейма концѣ той же улицы появился магазинъ Германа Тица, затмевая собою рѣшительно все, что видѣла въ этомъ отношеніи столица Гогенцоллерновъ. Если вы попадаете вечеромъ за два-три квартала отъ магазина Тица, то вамъ прежде всего бросается въ глаза странный, напоминающій дневной, свѣтъ, какимъ освѣщается улица: электрическихъ фонарей, унизывающихъ фасадъ магазина, такъ много, что отраженный отъ расположенныхъ на противоположной сторонѣ домовъ свѣтъ ихъ еще достаточно ярокъ, чтобы производить это впечатлѣніе. Поддаваясь образовшемуся въ толпѣ теченію, вы подходите къ магазину и видите только одно колоссальнѣйшихъ размѣровъ окно, образующее собою фасадъ,—окно, въ центрѣ котораго находится великолѣпный, украшенный въ верхней своей части массивными каріатидами, входъ, а надъ этимъ послѣднимъ, увѣнчивая собою весь передній фасадъ зданія, выходящаго на двѣ параллельныхъ улицы, возвышается стеклянный, освѣщенный внутри электричествомъ, земной шаръ. Этотъ дворецъ смѣло можетъ быть причисленъ къ лучшимъ зданіямъ столицы, но ни одно изъ нихъ не является въ такой же степени средоточіемъ жизни; ни одно изъ нихъ не полно такого блеска и какого-то торжества какъ бы отъ сознанія своей силы...

Когда Марксъ приступалъ къ первому въ Германіи изданію своего «Капитала», онъ счелъ нужнымъ сдѣлать въ предисловіи маленькую оговорку. Оговорка эта была направлена противъ лицъ, которыя «не вѣрили» въ то, что Германія можетъ превратиться въ такую же классическую страну капитализма, какъ Англія. «De te fabula narratur!» — сказалъ великій мыслитель этимъ германскимъ «самобытникамъ», и въ настоящее время развитіе промышленности въ Германіи, со всѣми его безчисленными послѣдствіями, такъ колоссально, что она является опаснѣйшимъ соперникомъ той же Англіи на всемірномъ рынкѣ и представляетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не менѣе яркій,

чѣмъ эта послѣдняя, образецъ капиталистическаго производства. Прусская армія, не смотря на тѣ преимущества, какія ей были созданы заботами сначала Фридриха II, а затѣмъ Шарнгорста, во времена Фридриха-Вильгельма III и Фридриха-Вильгельма IV, далеко не обладала той силой, какъ въ послѣдующую эпоху войнъ съ Австріей и Франціей въ 1866 и 1870 годахъ. Геніальный Мольтке былъ самымъ виднымъ ея реорганизаторомъ, но у него было множество талантливыхъ и трудолюбивыхъ помощниковъ, охваченныхъ идеей національнаго единства. А результатомъ ихъ совокупной работы, основанной на систематизированіи и примѣненіи всего, что далъ опытъ прежнихъ войнъ, явилась современная германская армія, которая едва-ли имѣетъ равносильнаго соперника въ предѣлахъ Европы и за ними. Въ тяжелое время національнаго униженія и позорной зависимости отъ произвола Наполеона, Вильгельмъ Гумбольдтъ открываетъ берлинскій университетъ, и это открытіе характеризовало собою начало той совокупности усилій, которая въ концѣ концовъ создала преобладающее вліяніе нѣмецкой мысли въ наше время, въ противоположность первенству французской конца XVIII-го и начала XIX-го столѣтія. Да проститъ мнѣ читатель нѣкоторое утомленіе его мысли кажущеюся безсвязностью этихъ трехъ фактовъ: всѣмъ имъ свойственна одна черта, — черта, которая несомнѣнно оставляетъ характерную особенность современной Германіи, причемъ особенность эта лежитъ не только въ историческихъ условіяхъ послѣдняго времени, а выработанная на протяженіи *всей* исторіи нѣмецкаго народа составляетъ черту національнаго характера. Особенность эта заключается въ умѣньи, воспользовавшись данными, выработанными кѣмъ бы то ни было, создать въ любой области логически послѣдовательную теоретическаго характера систему и не менѣе послѣдовательно провести ее на практикѣ. Не у нѣмцевъ появился впервые капитализмъ, какъ болѣе совершенная форма производства; но нѣмцы сумѣли ее наиболѣе полно утилизировать, доведя при помощи вышеуказанной черты до maximum'а ея выгодную сторону—техническое могущество, и ограничивъ minimum'омъ ея отрицательное вліяніе, какъ чудовищнаго извратителя людскихъ отношеній (рабочее законодательство). Не нѣмцы создали самые блестящіе пріемы современной стратегіи, но нѣмцы, сдѣлавъ обобщенія накопленныхъ дерущимся человѣчествомъ фактовъ и выводы изъ этихъ обобщеній, создали современную военную науку, какъ таковую, и, примѣнивъ ее съ желѣзною послѣдовательностью къ жизни, установили свое вліяніе въ этомъ отношеніи на весь цивилизованный и цивилизующійся міръ. Но если вышеупомянутое качество имѣетъ такое значеніе въ борьбѣ человѣка съ тѣми или другими условіями жизни, комбинаціи которой такъ часто совсѣмъ не похожи на то, что предполагаетъ самый тщательный разсчетъ, то тѣмъ болѣе ощутительно оно должно быть въ чисто научныхъ изслѣдованіяхъ, которыя въ конечномъ счетѣ всегда имѣютъ дѣло съ менѣе сложными явленіями. И дѣйствительно, нѣмецкая наука—идетъ-ли дѣло о медицинѣ или техникѣ, о философіи или политической экономіи — такъ богата геніальными представителями, такъ много дала для разрѣшенія волнующихъ человѣчество вопросовъ, что съ нею не можетъ сравниться никакая другая. Но вышеуказанная особенность замѣтна не только въ такихъ общихъ, крупныхъ явленіяхъ. Быть можетъ, еще рѣзче она бросается въ глаза, если взять какое-нибудь болѣе мелкое, подчиненнаго характера, явленіе, напримѣръ, хоть развитіе музыки или уже совсѣмъ частное—развитіе оркестровой игры. Нѣмецкіе оркестры вообще, и въ частности берлинскіе филармоническій и оперный, считаются въ настоящее время лучшими въ мірѣ. Оркестровое исполненіе по своему происхожденію—явленіе сложное, предполагающее цѣлый рядъ другихъ, подготовительныхъ процессовъ. Къ нимъ принадлежатъ по преимуществу два: подготовка исполните-

лей и подготовка дирижера. И та, и другая поставлены въ Германіи на такую высоту, что Берлинъ и Лейпцигъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе пріобрѣтаютъ характеръ міровыхъ школъ музыки. Но и здѣсь снова: не нѣмцы были иниціаторами того, что положило начало современному развитію музыки, а итальянцы.

Итакъ, для современной Германіи характерно, что въ нее передвинулся центръ тяжести той части міровой эволюціи, которая называется человѣческой дѣятельностью и человѣческой жизнью, причемъ всякая составная часть этого процесса, обозначившись болѣе или менѣе рельефно въ другой странѣ, достигаетъ максимума своего интенсивнаго и экстенсивнаго развитія именно въ Германіи.

Точно то же, повидимому, произошло и съ современной формой торговли.

Исторія міровой торговли съ того момента, когда товары стали производиться для всеміраго рынка, представляетъ три рѣзко очерченныхъ фазы, изъ которыхъ для нашего времени характерной становится послѣдняя, хотя она и развивается по преимуществу въ міровыхъ центрахъ, какъ Парижъ, Берлинъ, Лондонъ, Нью-Іоркъ. Первая фаза—это торговля въ одномъ мѣстѣ (открытомъ или закрытомъ) всѣмъ, что произведено и составляетъ предметъ потребленія жителей данной мѣстности. Маленькія лавчонки нашихъ мѣстечекъ и деревень, въ которыхъ вмѣстѣ съ конфектами лежатъ мыло и сало, рядомъ съ чаемъ табакъ и рыба, составляютъ несомнѣнный пережитокъ того времени и могутъ служить прекрасной его иллюстраціей. Для второй фазы характерна, наоборотъ, спеціализація торговли по родамъ товаровъ. Магазины колоніальныхъ и мануфактурныхъ товаровъ, писчебумажные и игрушечные, обуви и перчатокъ являются до сихъ поръ наиболѣе распространенными типами торговыхъ предпріятій въ государствахъ Европы и Америки. Наконецъ, третья фаза—это та, когда снова появляется соединеніе всего вмѣстѣ, но соединеніе, совершенно не похожее на первоначальное; на столько же съ современной точки зрѣнія блестящее и сильное, на сколько это послѣднее представляется тусклымъ и ничтожнымъ. Эти три періода совершенно аналогичны таковымъ же въ развитіи промышленности и, подобно этимъ послѣднимъ, составляютъ частное проявленіе общаго закона историческаго развитія. Эти три періода могли бы составить прекрасную иллюстрацію знаменитой Гегелевой тріады...

Всѣ эти три фазы пережиты Германіей; но развитіе третьей фазы пришлось какъ разъ на такое время, когда Германія получила вышеуказанное значеніе, и, подобно другимъ явленіямъ, форма торговаго предпріятія, свойственная третьей фазѣ, своими рѣзкими очертаніями далеко оставляетъ за собою все, что имѣетъ мѣсто въ этомъ отношеніи въ другихъ странахъ, не выключая и Франціи. Поэтому все, что сопровождаетъ появленіе и развитіе торговыхъ предпріятій этого типа—«домовъ товаровъ»—въ Германіи, заслуживаетъ самаго полнаго вниманія всѣхъ, кто интересуется развитіемъ одного изъ важныхъ факторовъ экономическаго, а слѣдовательно, и историческаго процесса.

Какъ припомнитъ читатель *), послѣдняя сессія прусскаго ландтага закончилась вотированіемъ налога на большіе магазины — «дома товаровъ», такъ называемаго «Waarenhaussteuer». Исторія этого налога довольно длинна. Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, владѣльцы магазиновъ, торгующихъ какимъ-либо спеціальнымъ родомъ товаровъ, чувствуя всю силу выростающихъ конкурентовъ, подняли крикъ о гибели такъ называемаго «Mittelstand'а» — «средняго сословія», подъ которымъ въ настоящее время разумѣются мелкіе торговцы,

*) См. статью проф. Соболева: «Универсальные магазины и базары, какъ явленіе новѣйшаго торговаго оборота», «М. Б.», апрѣль, 1900 г., стр. 114.

ремесленники, учителя, вообще всѣ, кто не обладаетъ большимъ достаткомъ и не можетъ быть отнесенъ къ рабочему классу. Этотъ «Mittelstand» довольно многочисленъ и представляетъ собою въ политическомъ отношеніи ту массу, изъ которой вербуются по преимуществу сторонники «свободомыслящей народной» партіи—въ лучшемъ случаѣ, и антисемитовъ—въ худшемъ. Послѣднее обстоятельство и было причиной того, что у «спеціальныхъ» торговцевъ сейчасъ же нашлись политическіе покровители, къ которымъ вскорѣ присоединились и тѣ, кто боится, чтобы большіе города какъ избирательные округа не перешли окончательно въ руки соціалъ-демократовъ, напримѣръ, нѣкоторыя группы консервативной партіи. Такимъ образомъ, въ ландтагѣ образовалось необходимое большинство, и проэктъ о налогѣ на «дома товаровъ»—сдѣлался закономъ. Законъ долженъ былъ придти на помощь мелкимъ торговцамъ, спасти ихъ отъ гибели, потому что «дома товаровъ» стали овладѣвать торговлею всѣхъ большихъ городовъ Пруссіи и предоставленные самимъ себѣ мелкіе торговцы, выбиваясь изъ силъ, — все же не могли противопоставить ничего могуществу крупнаго капитала. Само собою разумѣется, что крупныя фирмы не остались равнодушны къ притязаніямъ государственной власти на ихъ кошелекъ въ интересахъ ихъ же конкурентовъ и приготовились къ борьбѣ. Еще до вотированія закона крупнѣйшая въ то время фирма Берлина— «Waarenhaus Wertheim» — напечатала въ газетахъ въ отдѣлѣ объявленій пламенный протестъ противъ этой мѣры, и нельзя сказать, чтобы мотивировка протеста была невѣрной. Характерно, что для выраженія своего мнѣнія фирма Вертгейма должна была воспользоваться отдѣломъ объявленій. Объясняется это обстоятельство тѣмъ, что манчестерскіе либеральные органы печати, помня объ избирателяхъ изъ «Mittelstand'а», оказалось въ настоящемъ случаѣ далеко не столь послѣдовательнымъ и правовѣрнымъ, какъ это бываетъ обыкновенно въ другихъ случаяхъ. Фирма Вертгейма указывала на то, что налогъ на «дома товаровъ» рѣзко отличается отъ всѣхъ другихъ налоговъ государства. Тогда какъ послѣдніе имѣютъ въ виду преимущественно интересы государственной казны, новый налогъ является ни больше, и меньше какъ карательною мѣрою, направленною противъ «домовъ товаровъ» за какую то несовершенную ими вину. Налогъ несправедливъ — «и мы скорѣе закроемъ свое предпріятіе или измѣнимъ его форму, чѣмъ подчинимся». Такъ заканчивался протестъ, а средство не подчиниться этому налогу было подъ руками, и въ настоящее время принятый всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ законъ уже успѣлъ изъ мѣры, направленной противъ магазиновъ новаго типа, превратиться въ новый залогъ ихъ развитія.

Средство борьбы было найдено не сразу. Владѣльцамъ большихъ магазиновъ было ясно, что тяжесть налога, для ихъ собственнаго облегченія, должна быть перенесена на чьи-либо другія плечи; но одна бреславльская фирма сдѣлала невѣрный шагъ, уменьшивъ жалованье всему весьма многочисленному штату своихъ собственныхъ служащихъ. Другія крупныя фирмы поняли, что дѣло можно устроить гораздо лучше, и безъ дальнѣйшихъ околичностей *потребовали у поставляющихъ имъ товары фабрикантовъ особой скидки въ 2%* съ оптовыхъ цѣнъ—для уплаты новаго налога до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ отмѣненъ. Какъ и слѣдовало ожидать, фабрикантамъ не пришлось по вкусу такое безцеремонное обращеніе съ ними, тѣмъ болѣе, что они вѣдь сами капиталисты, и они отвѣтили категорическимъ отказомъ, предпочитая не продавать своихъ продуктовъ большимъ торговымъ фирмамъ совсѣмъ, чѣмъ продавать ихъ съ вышеуказанною скидкой. Но такъ какъ вслѣдствіе отказа они теряли очень большую часть своихъ заказовъ, то, въ видахъ обезпеченія себя въ этомъ отношеніи—имъ не оставалось ничего больше, какъ

прибѣгнуть къ организаціи бойкота большихъ магазиновъ. Достаточно было просмотрѣть хотя бы одинъ только нумеръ какого-нибудь изъ издающихся въ прирейнскомъ фабричномъ районѣ спеціальныхъ листковъ, чтобы видѣть, въ какой степени задѣвала фабрикантовъ за живое война съ крупными торговцами: самыя рѣзкія выраженія негодованія, самые пламенные призывы къ борьбѣ съ этими «врагами отечественной промышленности»! Вскорѣ отъ словъ фабриканты перешли къ дѣлу, и для бойкота крупныхъ торговыхъ фирмъ новаго типа былъ вызванъ къ жизни картель. Картель состоялъ: съ одной стороны—изъ фабрикантовъ, которые отказались отъ скидки въ 2%, и изъ торговцевъ, которые не требовали такой скидки, слѣдовательно, не подлежали обложенію по новому закону—съ другой. Первые обязывались не поставлять своихъ товаровъ большимъ магазинамъ, а вторые должны были не покупать ничего у тѣхъ фабрикантовъ, которые не присоединились къ картелю и согласились подчиниться позорному требованію о скидкѣ. Но картель, который казался такъ хорошо съорганизованнымъ, не посчитался съ однимъ существеннымъ обстоятельствомъ. А именно, новые магазины уже настолько окрѣпли и захватили въ свои руки такую большую часть торговаго обращенія страны, что они смѣло могли отвѣтить на всю затѣю съ бойкотомъ презрительнымъ пожиманіемъ своихъ богатырскихъ плечъ. Результатомъ организаціи картеля было то, что фабриканты *сразу* остались почти безъ заказовъ; а когда стали ходить слухи о переговорахъ крупныхъ торговцевъ съ фабрикантами другихъ районовъ и даже за границею,—картелъ сразу распался. Члены его одинъ за другимъ поспѣшили согласиться на «позорную» скидку, и въ настоящее время большинство поставлявшихъ большимъ магазинамъ свои товары фабрикъ поставляетъ имъ снова, но по уменьшенной цѣнѣ. Такимъ образомъ, новый налогъ пересталъ давить своею тяжестью «дома товаровъ» и оказался невыгоднымъ для фабрикантовъ. Но этого мало. Однимъ изъ обычныхъ въ фабричномъ производствѣ пріемовъ для избавленія данной группы его участниковъ отъ какой-либо тяжести является перенесеніе ея на кого-либо другого. По всей вѣроятности, нѣкоторые фабриканты вначалѣ поступили точно такъ же, какъ нѣкоторые владѣльцы торговыхъ предпріятій, т.-е. попытались переложить тяжесть налога на свой персоналъ—въ данномъ случаѣ рабочихъ. Но вскорѣ, конечно, выяснилось, что, имѣя такого крупнаго потребителя, какъ «дома товаровъ», фабриканты могутъ такъ же бецеремонно поступать съ мелкими «спеціальными» торговцами, какъ крупные поступили съ ними. Результатомъ пониженія фабричныхъ цѣнъ на товары, забираемые крупными торговыми фирмами, *т.-е. въ большихъ массахъ*, было повышеніе ихъ на товары, отпускаемые фабриками *въ меньшихъ количествахъ*, т.-е. болѣе мелкимъ торговцамъ. Итакъ, благодаря этой «компенсаціи», фабрикантамъ удалось, въ свою очередъ, переложить тягость двухъ процентнаго налога на мелкихъ торговцевъ, *т.-е. на представителей «Mittelstand»'а*: такимъ образомъ «налогъ на дома товаровъ»—«Waarenhaussteuer»,—перебрасываемый, подобно веслу сказочнаго перевозчика, изъ рукъ въ руки, легъ въ концѣ концовъ тяжелымъ бременемъ на тѣхъ, кому онъ долженъ былъ помочь.

Лучшаго доказательства прочности положенія крупныхъ торговыхъ фирмъ новаго типа и невозможности борьбы даже законодательными средствами съ эволюціей экономическихъ формъ не могла представить современная дѣйствительность. И эта дѣйствительность не можетъ ничего противопоставить побѣдоносному шествію новой формы, которая ко всей организаціи торговли по старому принципу (спеціализаціи) относится такъ, какъ нѣкогда завоеватели Америки относились къ дикарямъ, населявшимъ нужныя имъ земли. Какое дѣло было Фердинанду Кортецу до того, что его подвиги несли смерть несчастнымъ желто и красно-

кожими? Дальше: какое дѣло было капиталистамъ Англіи и Франціи начала XIX-го столѣтія до того, что ихъ фабрики разоряли тысячи ремесленниковъ, часто обрекая ихъ на голодную смерть? Какое дѣло современнымъ героямъ— Вертгейму и Тицу—до сотень и тысячъ представителей «Mittelstand'a», когда могучая волна экономическаго потока заставляетъ ихъ или разорять другихъ, или самимъ быть раззоряемыми? Появляясь въ какомъ-нибудь городѣ, «Домъ товаровъ» начинаетъ обыкновенно съ ряда рекламъ. Стѣна прилегающаго къ людному мѣсту зданія, афишная колонна или, наконецъ, отдѣлъ объявленій мѣстныхъ газетъ заполняются того или другого вида сообщеніями о днѣ открытія магазина, о количествѣ и качествѣ предполагаемыхъ къ продажѣ товаровъ и т. д.. Если дикая реклама и нѣсколько болѣе низкія, чѣмъ въ другихъ магазинахъ цѣны не притягиваютъ покупателей въ надлежащихъ массахъ, то наступаетъ самый опасный для конкурентовъ моментъ,—систематическое пониженіе цѣнъ, которое продолжается до тѣхъ поръ, пока «домъ товаровъ» не обзаведется постояннымъ кругомъ покупателей, а тѣ или другіе мелкіе торговцы не закроютъ своихъ предпріятій. Этимъ заканчивается первый актъ драмы; появленіе новаго «Waarenhaus»а — составляетъ второй. Какъ это происходитъ, лучше всего видно на примѣрѣ. Еще задолго до окончанія постройки зданія для магазина Германа Тица въ газетахъ появились занимавшія всю страницу объявленія о предстоящемъ днѣ его открытія. Объявленія эти, въ слегка измѣняемой редакціи, становились все чаще и чаще и, въ концѣ концовъ, заставили другіе «дома товаровъ» Берлина напомнить жителямъ столицы тѣмъ же путемъ о себѣ. Произошло нѣчто вродѣ войны объявленіями. Содержаніе послѣднихъ сначала было вполнѣ безобидно. По мѣрѣ того, какъ назначенный день открытія новаго магазина становился ближе и ближе, въ объявленіяхъ все чаще указывалось на пониженіе цѣнъ, такъ что война становилась болѣе серьезной. Наконецъ, въ день открытія магазина Тица всѣ «дома товаровъ» Берлина понизили цѣны почти на 20%. Для Тица это значило признаніе его мощи, но для мелкихъ торговцевъ это было жестокимъ ударомъ, отъ котораго немногіе изъ нихъ сумѣютъ оправиться. Эта война пониженіемъ цѣнъ, которая объясняется по преимуществу нежеланіемъ Вертгейма и другихъ утратить хоть на короткое время занятое положеніе, конечно, не можетъ окончиться гибелью Тица—съ одной стороны, или разореніемъ Вертгейма и другихъ—съ другой. Берлину нужно гораздо больше товаровъ, чѣмъ могутъ доставить всѣ крупныя фирмы настоящаго времени вмѣстѣ. Поэтому, черезъ болѣе или менѣе длинный промежутокъ времени, каждая изъ нихъ имѣла бы свой совершенно достаточный для нея контингентъ покупателей. Но для извѣстной части мелкихъ торговцевъ эта оживленная конкуренція гигантовъ была равносильна гибели, и по всей вѣроятности многіе изъ нихъ переживаютъ въ настоящее время ту тяжелую драму, которая такъ ярко изображена въ великолѣпномъ романѣ Зола «Au bonheur des Dames».

Итакъ, въ настоящее время въ Германіи происходитъ все болѣе и болѣе ускоряющій свое tempo процессъ вытѣсненія спеціальныхъ магазиновъ—крупными, продающими всѣ роды товаровъ вмѣстѣ, фирмами. Конечно пока онъ находится только въ начальной стадіи своего развитія, но и въ ней онъ даетъ настолько сильно себя знать, что законодательная власть крупнѣйшей единицы Германскаго союза—Пруссіи—сочла нужнымъ сдѣлать попытку его стѣсненія. Но насколько сама эта власть неустойчива и безсильна въ борьбѣ съ новымъ явленіемъ, показываетъ между прочимъ—также и слѣдующее обстоятельство

1-го октября н. с. вошелъ въ силу закона, по которому торговая дѣятельность должна прекращаться уже въ 9 часовъ вечера. Прежде магазины

запирались въ 10 час., а нѣкоторые какъ, напримѣръ табачные и на нѣсколькихъ улицахъ галантерейные—даже въ 11 часовъ вечера. Безъ преувеличенія можно сказать, что этотъ такъ называемый «Neunuhrladenscheuss»—въ большинствѣ случаевъ встрѣченъ населеніемъ несочувственно. Покупатели недовольны тѣмъ, что они должны спѣшить съ своими закупками на завтрашній день,—либеральныя газеты недовольны принципіально, добросовѣстно вспомнивъ на этотъ разъ о своемъ прогорѣломъ манчестерствѣ. Но дѣйствительно вполнѣ реальное основаніе быть недовольными имѣютъ лишь владѣльцы мелкихъ и спеціальныхъ магазиновъ. Для этихъ послѣднихъ новый законъ является лишнимъ ударомъ, уменьшая ихъ и безъ того незначительные шансы въ борьбѣ съ большими магазинами—«домами товаровъ». Дѣло въ томъ, что большіе магазины, въ которыхъ организація труда—въ смыслѣ количества рабочаго времени и опредѣленности занятій—вообще гораздо совершеннѣе, чѣмъ въ мелкихъ лавкахъ,—и до вступленія закона въ силу запирались въ 8, рѣдко въ 9 часовъ. Слѣдовательно, отъ новаго закона они не терпятъ никакого ущерба, тогда какъ для ихъ безсильныхъ соперниковъ лишнихъ два часа въ сутки много значили. Такова иронія судьбы: представители «Mittelstand»'а получаютъ новый ударъ на этотъ разъ непосредственно отъ той самой руки, которая усердно, хотя и безуспѣшно пыталась облегчить ихъ положеніе.

М. Базаровъ.

7 ноября 1900 г.
Берлинъ.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Бактеріологія. О гніеніи.—**Физіологія.** О различіи свойствъ крови у разныхъ животныхъ.—**Ботаника.** Способность нѣкоторыхъ органовъ растеній «чувствовать» свою форму.—**Зоологія.** 1) О жабѣ. 2) Осязательныя волоски на лапахъ животныхъ **Д. Н.**—**Техника.**—1) Аллюмино-термія. 2) Желѣзная дорога между Ливерпулемъ и Манчестеромъ.—**Этнографія.** Баски. **Н. М.**—**Астрономическія извѣстія. К. Покровскаго.**

Бактеріологія. *О гніеніи.* Въ Бременѣ, въ одномъ соборѣ весьма древней постройки имѣется подвалъ, обладающій удивительнымъ свойствомъ. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ подвалѣ Виттъ, издатель журнала «Prometheus». Какъ передаетъ кистеръ собора, въ этомъ подвалѣ въ весьма давнія времена, можетъ быть, тысячу лѣтъ тому назадъ, отливали свинцовые листы для крыши собора, и потому самый подвалъ былъ названъ свинцовымъ погребомъ (Bleikeller). Послѣ того цѣлыя столѣтія имъ совершенно не пользовались. Однажды во время ремонта собора съ лѣсовъ упалъ плотникъ и разбился на смерть. Тѣло на время положили въ подвалъ и... забыли тамъ его. Много лѣтъ спустя вспомнили о плотникѣ и пошли за его тѣломъ въ подвалъ. Оказалось, что оно лежало тамъ безъ малѣйшаго слѣда разложенія, почти въ томъ видѣ, какъ въ день смерти. Весь городъ сбѣжался посмотрѣть на это чудо. Трупъ плотника затѣмъ такъ и оставили въ подвалѣ.

Прошло много лѣтъ. Во время тридцатилѣтней войны въ Бременѣ поселился одинъ шведскій полковникъ со своимъ адъютантомъ, который всюду сопровождалъ его. Болѣе всего въ городѣ они интересовались не соборнымъ, а виннымъ погребомъ въ ратушѣ и посѣщали его ежедневно. Какъ-то разъ, на обратномъ пути изъ погреба полковникъ упалъ и тутъ же умеръ, какъ говорятъ отъ апоплексіи; адъютантъ его не пережилъ своего начальника и почти тотчасъ пустилъ себѣ въ сердцѣ пулю. Трупы обоихъ офицеровъ положили въ соборный подвалъ.

Снова столѣтіе спустя въ Бременъ пріѣхалъ знатный англичанинъ, но прежде, чѣмъ успѣлъ сообщить кому-нибудь свое имя и званіе, скоропостижно скончался. И его положили въ подвалъ, чтобы сохранить тѣло до пріѣзда родныхъ, но и до сихъ поръ никто за нимъ не являлся. Вслѣдъ за этими трупами въ болѣе близкое къ намъ время въ подвалѣ были положены еще тѣла: шведской графини, студента, убитаго на дуэли, и нѣкоторыхъ другихъ. Подвалъ сохранилъ свою способность препятствовать гніенію до сегодняшняго дня. Теперь въ него не помѣщаютъ болѣе человѣческихъ труповъ, но труповъ животныхъ, погибшихъ болѣе или менѣе естественною смертью, принесено было и въ послѣднее время не мало. Всѣ они сохранились безъ малѣйшаго признака разложенія, высохли и обратились въ муміи.

Виттъ спускался въ этотъ подвалъ, видѣлъ всѣ эти трупы и убѣдился такимъ образомъ воочію въ чудодѣйственныхъ свойствахъ его. Въ стоящихъ рядомъ открытыхъ гробахъ лежатъ тѣла этихъ людей, жившихъ за цѣлыя столѣтія до насъ. На видъ трупы не представляютъ ничего ужаснаго: они

вполнѣ сохранились, но только пожелтѣли и высохли. «Большинство изъ нихъ,— говоритъ Виттъ,—какъ будто улыбаются, точно чувствуютъ себя очень хорошо въ этомъ смѣшанномъ обществѣ, точно смѣются надъ висящими по стѣнамъ и съ потолка трупами животныхъ, — пѣтуховъ, кошекъ, собакъ, попугаевъ, мышей, совъ и пѣвчихъ птицъ—явившихся къ нимъ въ качествѣ представителей девятнадцатаго столѣтія».

Отъ чего же происходитъ удивительное свойство этого погреба предохранять трупы отъ разложенія, т.-е. уничтожать гнилостныхъ бактерій? Съ полною достовѣрностью мы знаемъ, что гніеніе обусловливается присутствіемъ и жизнедѣятельностью микроорганизмовъ, а въ послѣднее время разъясненъ отчасти и механизмъ процессовъ разложенія, и роль различныхъ бактерій, находящихся въ гніющихъ веществахъ. Такъ, изслѣдованія Бинштока (его статья помѣщена въ «Arch. f. Hygiene». Bd. XXXVI. Heft. 4.) показали, что то разложеніе бѣлковыхъ веществъ, которое мы называемъ гніеніемъ, производится преимущественно однимъ видомъ бактерій, который онъ называетъ Bacillus putrificus, но въ сообществѣ съ другими, которыя сами по себѣ гніенія производить не могутъ такъ же, какъ (по крайней мѣрѣ въ естественныхъ условіяхъ) и одинъ Bac. putrif. Бинштокъ изучалъ гніеніе на фибринѣ — одномъ изъ бѣлковыхъ веществъ, получаемыхъ изъ крови.

Изслѣдованіе было произведено такимъ образомъ: въ одномъ рядѣ опытовъ производилось зараженіе фибрина культурами бактерій, которымъ наблюдатели приписываютъ участіе въ процессахъ гніенія, съ другой стороны—были сдѣланы попытки изолировать возбудителей гніенія изъ произвольно разлагающагося, т.-е. зараженнаго множествомъ различныхъ бактерій, фибрина. Испытавъ послѣдовательно вліяніе 24 видовъ бактерій на фибринѣ, Бинштокъ нашелъ, что ни одинъ изъ нихъ самъ по себѣ не способенъ произвести разложенія. Во всѣхъ же образцахъ гніющаго фибрина—во второй серіи наблюденій—былъ найденъ Bacill. putrif. Этотъ микробъ при обычныхъ условіяхъ не вызываетъ гніенія, но оказывается весьма дѣятельнымъ въ анаэробныхъ культурахъ, т.-е. при *отсутствіи кислорода*. Въ естественныхъ условіяхъ—вѣдь гніеніе происходитъ и при доступѣ воздуха—надо думать, Bac. putr. производитъ разложеніе бѣлковъ въ сообществѣ и съ помощью другихъ микробовъ, которые поглощаютъ вокругъ него кислородъ и создаютъ такимъ образомъ условія анаэробіоза. Бинштокъ испробовалъ въ этомъ отношеніи вышеупомянутые 24 вида бактерій въ смѣшанныхъ культурахъ съ Bac. putrific. Оказалось, что 20 изъ нихъ своимъ присутствіемъ могутъ содѣйствовать быстрому развитію гнилостнаго бацилла и создать необходимыя ему условія дль разложенія бѣлковъ. Два вида, а именно Bacterium. coli commune и Bac. lactis aërogenes, наоборотъ, противодѣйствуютъ ему: разложеніе въ ихъ присутствіи замедляется, идетъ не такъ глубоко и даже иногда совершенно останавливается, хотя гнилостный бациллъ и развиваетяя хорошо. Вліяніе этихъ двухъ послѣднихъ бактерій для насъ особенно интересно, такъ какъ онѣ постоянно находятся въ большомъ количествѣ въ кишечникѣ человѣка (и млекопитающихъ) съ первыхъ дней младенчества. Ихъ свойствами объясняется тотъ замѣчательный и на первый взглядъ парадоксальный фактъ, что бѣлковыя вещества въ кишечникѣ при относительно высокой температурѣ и въ присутствіи множества различныхъ микробовъ гораздо медленнѣе подвергаются гніенію, чѣмъ внѣ организма. Такъ какъ при гніеніи бѣлковъ образуются весьма ядовитые продукты (такъ называемые птомаины, являющіеся причиной отравленія гнилымъ мясомъ), то слѣдуетъ признать, что Bact. coli commune и Bac. lactis aerogenes наши истинные благодѣтели. Далѣе опыты Бинштока показали, что также и нѣкоторые другіе анаэробные микроорганизмы—Bac. oedem. maligni, находящійся въ водяныхъ опухоляхъ, Clostridium foetidum, и аэробный бациллъ сибирской язвы

могутъ разлагать фибринъ, но это—не типичные гнилостные микробы. Факты, указываемые Бинштокомъ, вполнѣ подтверждаютъ теоретическія соображенія Пастера относительно гніенія, а Пастеръ полагалъ, что гніеніе производится строго анаэробнымъ микроорганизмомъ, который въ естественныхъ условіяхъ развивается лишь въ сообществѣ съ другими, аэробными бактеріями, поглощающими кислородъ и подготовляющими такимъ образомъ для него необходимыя условія; взамѣнъ этой услуги, не имѣя возможности разлагать фибринъ, онѣ пользуются продуктами жизнедѣятельности анаэробнаго микроба и разлагаютъ ихъ уже на весьма простыя соединенія.

Такимъ образомъ гніеніе представляетъ собой исключительно жизнедѣятельность микроорганизмовъ, и всѣ способы консервированія сводятся къ тому, чтобы уничтожить бактерій или создать условія, въ которыхъ онѣ не могутъ развиваться, напримѣръ, прибавленіемъ какихъ-либо ядовитыхъ для микробовъ (т.-е. дезинфицирующихъ) веществъ. На поставленный выше вопросъ о причинѣ антисептическихъ свойствъ соборнаго подвала, кистеръ даетъ вполнѣ раціональный отвѣтъ, неизвѣстно только, принадлежатъ ли ему самому высказанныя имъ соображенія. Онъ говоритъ, что свинецъ, который плавили въ этомъ подвалѣ, содержалъ много мышьяку и мышьяковые пары, выдѣлившіеся при плавленіи, осѣли на стѣнахъ, проникли во всѣ щели и дезинфицировали все помѣщеніе подвала. Однако бременскій подвалъ не единственный, обладающій такою удивительною способностью; есть и другіе, въ которыхъ никогда свинца не плавили и не было мышьяковистыхъ или другихъ какихъ-либо вредныхъ паровъ и въ которыхъ, тѣмъ не менѣе, трупы также сохраняются, нисколько не разлагаясь. Такъ, напримѣръ, недалеко отъ Бремена, въ деревнѣ Ахимъ находится подобный погребъ; близъ Бонна, на Венериной горѣ стоитъ старый монастырь, въ которомъ покойники также сохраняются въ подвалахъ безъ всякаго разложенія. Далѣе, у насъ, въ Россіи, въ Гапсалѣ также имѣется кирка съ погребомъ, въ которомъ уже болѣе 200 лѣтъ лежитъ непогребеннымъ французскій рыцарь. Подобныхъ примѣровъ извѣстно множество. Отсутствіе разложенія въ такихъ подвалахъ пытались объяснить тѣмъ, что въ нихъ обыкновенно существуетъ очень сильная тяга и что, будто бы, благодаря ей, трупы успѣваютъ высохнуть раньше, чѣмъ загніютъ. Это объясненіе, очевидно, несостоятельно. Сильнѣйшая буря въ открытомъ полѣ не въ состояніи такъ быстро высушить даже и трупъ воробья, чтобы предохранить его отъ гніенія, не говоря уже о трупахъ болѣе крупныхъ животныхъ. Правда, въ Граубинденѣ на сильномъ горномъ вѣтрѣ сушатъ мясо, а на островѣ Гельголандѣ и въ Норвегіи также на вѣтру сушатъ рыбу (треску). Но въ этихъ случаяхъ вѣтеръ можетъ служить для консервированія только потому, что воздухъ высокихъ горъ или на берегахъ океана вообще почти не содержитъ зародышей гнилостныхъ бактерій. Такой же сильный вѣтеръ, но въ улицахъ густо населеннаго города, гдѣ воздухъ содержитъ безчисленное множество микробовъ, разумѣется, былъ бы не въ состояніи воспрепятствовать гніенію; тѣмъ менѣе можно ожидать, что тяга воздуха въ подвалѣ окажется въ состояніи это сдѣлать. Чѣмъ болѣе дѣлается попытокъ для выясненія причинъ антисептическихъ свойствъ различныхъ, извѣстныхъ въ этомъ отношеніи погребовъ, катакомбъ и пещеръ, тѣмъ яснѣе только становится, что эти факты представляютъ собой естественно-историческую загадку, для рѣшенія которой пока еще не видно и путей, а между тѣмъ оно не только само по себѣ имѣетъ величайшій научный интересъ, но и обѣщаетъ весьма важныя слѣдствія для промышленности и для всей нашей жизни. Антисептическое состояніе такихъ пространствъ зависитъ отъ какой-то причины, которая дѣйствуетъ ненарушимо въ теченіе громадныхъ промежутковъ времени и притомъ не заключается въ естественныхъ только условіяхъ, такъ какъ есть искусственно устроенные погреба, въ весьма люд-

ныхъ городахъ, обладающіе свойствомъ препятствовать гніенію и разложенію. Если бы мы знали эту причину, то мы могли бы извлечь изъ нея неисчислимыя выгоды. Вмѣсто ледниковъ, которые стоютъ дорого и все же только замедляютъ, а не уничтожаютъ гніенія, мы могли бы устроить вполнѣ антисептическіе погреба для сохраненія всевозможныхъ съѣстныхъ припасовъ. Мы могли бы въ соотвѣтствующихъ помѣщеніяхъ привозить на судахъ и по желѣзнымъ дорогамъ мясо, рыбу и дичь изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ. Приготовленіе консервовъ стало бы совершенно излишнимъ. Кладбища и вообще мѣста сохраненія труповъ людей и животныхъ могли бы быть устроены такъ, чтобы они не представляли никакой опасности въ гигіеническомъ отношеніи. Надо думать, что если микробы гніенія не могутъ существовать въ подобныхъ помѣщеніямъ, то и на болѣзнетворные микроорганизмы онѣ окажутъ подобное же вліяніе. Въ такомъ случаѣ онѣ должны явиться лучшими санаторіями при заразныхъ болѣзняхъ. Короче сказать, въ настоящее время нельзя и оцѣнить всю важность открытія способа устраивать помѣщенія, въ которыхъ бактеріи были бы не способны существовать. Можно надѣяться, что способъ будетъ когда-нибудь найденъ, такъ какъ бактеріологія едва ли не больше, чѣмъ всѣ остальныя области науки въ настоящее время привлекаетъ вниманіе изслѣдователей.

Физіологія. *О различіи свойствъ крови у разныхъ животныхъ.* По теоріи эволюціи различные виды животныхъ находятся между собою въ истинномъ родствѣ, связаны общностью происхожденія отъ одного, хотя бы и весьма отдаленнаго предка, но, само собою разумѣется, возстановить генеалогію видовъ съ достовѣрностью мы не имѣемъ никакой возможности; мы можемъ только указать сходство между ними, опредѣлить ихъ относительную близость, и для этой цѣли до сихъ поръ изслѣдователи обращались къ изученію ихъ строенія и исторіи развитія, опытъ же въ этой области ограничивался лишь попытками скрещиванія. Въ «Arch. f. Anat. u. Physiol.», Physiologische Abth. 1900, S. 494. Фриденталь сообщаетъ результатъ примѣненія новаго метода опредѣленія родства различныхъ группъ животныхъ при помощи опыта. Предлагаемый имъ совершенно новый и весьма простой методъ состоитъ въ слѣдующемъ. Уже давно извѣстно, что кровяные шарики даннаго животнаго могутъ быть подвергнуты безъ вреда дѣйствію кровяной сыворотки другого животнаго лишь того же или весьма близкаго рода; сыворотка же другихъ животныхъ обыкновенно растворяетъ ихъ.

Операціи переливанія крови, которыя неоднократно предлагались и производились съ терапевтическими цѣлями и для которыхъ въ первое время считали возможнымъ пользоваться кровью животныхъ (при первой операціи была взята кровь ягненка), сопровождались обыкновенно неблагопріятнымъ исходомъ, чего не наблюдалось, если была взята кровь человѣка. Наблюденія надъ человѣкомъ и опыты надъ животными показали, что причина неблагопріятныхъ послѣдствій переливанія крови заключалась въ раствореніи кровяныхъ шариковъ паціента переливаемою кровью животнаго.

Это раствореніе удалось наблюдать и внѣ организма (in vitro—въ пробирныхъ цилиндрахъ), а также и подъ микроскопомъ. Данныя, полученныя въ этихъ опытахъ, оказались въ полномъ сотвѣтствіи съ результатами, сопровождавшими операціи переливанія крови; т.-е. если взяты были животныя, не очень близко стоящія другъ къ другу въ системѣ, то сыворотка одного растворяетъ шарики другого и переливаніе крови оказывается безусловно вреднымъ. Отсюда логически вытекаетъ заключеніе, что если у какихъ-либо двухъ видовъ животныхъ сыворотка не растворяетъ кровяныхъ шариковъ, то при наличности сходства въ другихъ отношеніяхъ это обстоятельство сильно говоритъ въ пользу родства изучаемыхъ видовъ. Въ своихъ опытахъ Фриденталь данныя

полученныя примѣненіемъ кровяной сыворотки, обыкновенно провѣрялъ опытами переливанія крови.

До сихъ поръ способность кровяной сыворотки растворять чужіе красные кровяные шарики была доказана лишь у позвоночныхъ животныхъ и именно у рыбъ, амфибій, пресмыкающихся, птицъ и млекопитающихъ. Большинство опытовъ было произведено надъ млекопитающими, хотя и здѣсь имѣется много пробѣловъ. Выяснилось, что предѣлахъ семейства кровь почти не обнаруживаетъ различія; наоборотъ, у животныхъ разныхъ отрядовъ и подъотрядовъ смѣшеніе крови невозможно. Такъ напримѣръ, между кровью обыкновенной мыши (Mus musculus) и пасюка-крысы (Mus decumans) различія не обнаружилось: сыворотка крысы не растворяетъ кровяныхъ шариковъ мыши. и наоборотъ. Кровь зайца и кролика можетъ также смѣшиваться; напротивъ, сыворотка кролика растворяетъ кровяные шарики морской свинки, и обратно. Итакъ, въ различныхъ семействахъ животныхъ и кровь различна. Сыворотка лошади не растворяетъ кровяныхъ шариковъ осла, но растворяетъ ихъ у кролика, морской свинки, теленка, овцы и человѣка. Равнымъ образомъ кровь собаки, лисицы и волка можетъ смѣшиваться, но кровяные шарики ихъ растворяются сывороткой кошки.

Въ отрядѣ приматовъ (высшихъ обезьянъ) до сихъ поръ не было произведено сравнительнаго изслѣдованія крови. Многочисленные опыты переливанія крови животныхъ человѣку дали тотъ результатъ, что кровь не одного изъ изслѣдованныхъ видовъ (овцы, свиньи, лошади, быка) не можетъ замѣнить человѣческой крови. Произведенные Фриденталемъ многочисленные опыты надъ дѣйствіемъ кровяной сыворотки человѣка дали одинъ общій результатъ, а именно, сыворотка растворяла шарики всѣхъ животныхъ, кромѣ приматовъ. А испытаны въ этомъ отношеніи были кровяные шарики: угря, лягушки, ужа, Kreuzzotter, голубя, курицы, цапли, лошади, свиньи, быка, кролика, морской свинки, собаки, кошки и ежа. Кровь обезьянъ, далеко стоящихъ отъ человѣка, также растворяется; для опытовъ служили: саймири (мертвая голова), цѣпкая обезьяна (Ateles), бабуинъ, макакъ, китайская обезьяна и бундеръ. Кровяные шарики человѣка въ большинствѣ случаевъ растворялись сывороткой макака, но нашлось нѣсколько лицъ, кровяные шарики которыхъ въ этомъ случаѣ оказались нерастворенными, съ другой стороны, оказалось, что иногда кровяные шарики особенно скоро растворялись сывороткой макака. Однѣ лишь антропоморфныя обезьяны настолько оказались родственны челавѣку, что кровь ихъ можетъ считаться одинаковой. Что кровь разныхъ расъ человѣческихъ совершенно одинакова, доказывается опытами переливанія крови негра и бѣлаго, произведенными съ успѣхомъ. Кровяныя тѣльца орангутанга и гиббона не растворяется сывороткой человѣка, а шимпанзе можно перелить человѣческую кровь безъ обычныхъ вредныхъ послѣдствій, сопровождающихъ переливаніе крови далекаго вида.

Если число опытовъ, которые можно было произвести надъ человѣкообразными обезьянами, еще недостаточно велико, то все же на основаніи ихъ съ увѣренностью можно заключить, что ни у одного изслѣдованнаго вида животныхъ кровь не стоитъ такъ близко къ крови человѣка по физіологическимъ свойствамъ, какъ кровь человѣкообразныхъ обезьянъ. Фриденталь подчеркиваетъ еще одно важное обстоятельство. «Не простая случайность, что большинство изъ тѣхъ животныхъ, которыя обладаютъ одинаковой кровью, способны къ плодотворному скрещиванію: лошадь и оселъ, заяцъ и кроликъ, собака и волкъ даютъ жизнеспособныхъ ублюдковъ. Поэтому можно ожидать весьма интересныхъ результатовъ отъ опытовъ, направленныхъ къ тому, чтобы выяснить, способны ли вообще къ плодотворному скрещиванію лишь такіе виды, кровь которыхъ взаимно не расворяется».

Сообщенныя изслѣдованія крови интересны сами по себѣ, но, кромѣ того, они весьма важны и въ практическомъ отношеніи, а именно полученныя при помощи ихъ данныя могутъ найти примѣненія въ судебной медицинѣ. Способность растворять кровяные шарики другого вида принадлежитъ различнымъ животнымъ не въ одинаковой степени, но искусственно можетъ быть усилена. Если, напримѣръ, морской свинкѣ, какъ это дѣлалъ Борде, вводить въ полость брюшины кровь кролика, то постепенно способность растворять кровяные шарики кролика у этой свинки значительно повышается совершенно подобно тому, какъ при введеніи въ кровь культуръ болѣзнетворныхъ бактерій, кровь эта пріобрѣтаетъ свойство растворять бактерій примѣнявшагося вида. По аналогіи животное, сыворотка котораго пріобрѣла свойство быстро и энергично растворять кровяные шарики извѣстнаго вида, называютъ иммунизированнымъ противъ этихъ кровяныхъ шариковъ. Указанною способностью венгерскій ученый Дейчъ предложилъ воспользоваться для цѣлей судебно-медицинской экспертизы.

До сихъ поръ опредѣлить происхожденіе кровяныхъ пятенъ представляло одну изъ самыхъ трудныхъ задачъ. Не трудно доказать *присутствіе* крови. Легко также отличить кровь птицъ отъ крови млекопитающихъ. Но тѣ ничтожныя различія въ величинѣ, которыя составляютъ единственную опредѣляемую при помощи микроскопа особенность кровяныхъ шариковъ различныхъ млекопитающихъ, весьма затрудняютъ рѣшеніе вопроса, какому именно животному принадлежитъ изслѣдуемый образецъ крови.

Благодаря указаннымъ выше свойствамъ сыворотки, въ настоящее время задачи экспертизы кровяныхъ пятенъ весьма облегчаются. Стоитъ отмыть кровь посредствомъ слабаго, строго опредѣленнаго, раствора поваренной соли и затѣмъ къ этому раствору, въ которомъ плаваютъ кровяные шарики, прибавить нѣсколько капель сыворотки иммунизированнаго животнаго. Та сыворотка, которая растворяетъ изслѣдуемые шарики наиболѣе быстро (т.-е. въ нѣсколько минутъ) и укажетъ съ достовѣрностью происхожденіе крови. Предположимъ, напримѣръ, что пятна, по словамъ обвиняемаго, сдѣланы кровью барана; стоитъ только посмотрѣть, растворяется или нѣтъ эта кровь въ сывороткѣ животнаго иммунизированнаго противъ бараньей крови. Если результатъ получится положительный, то опытъ можетъ быть провѣренъ: въ сывороткѣ бараньей крови эти кровяные шарики не должны растворяться. Такимъ образомъ будетъ получена полная увѣренность, что показаніе обвиняемаго справедливо. Если же окажется, что полученныя кровяныя тѣльца растворяются въ сывороткѣ животнаго, иммунизированнаго противъ крови не барана, а человѣка, то такое указаніе можетъ имѣть рѣшающее значеніе въ неблагопріятномъ для обвиняемаго смыслѣ.

Указываемый способъ весьма простъ и надеженъ. Получить различнаго рода сыворотки не трудно, и если экспертъ имѣетъ всегда подъ рукою сыворотку, полученную при иммунизированіи противъ крови различныхъ, наиболѣе обыкновенныхъ животныхъ (собаки, кошки, быка, овцы, козы, лошади и т. п.), т.-е. приблизительно около дюжины сортовъ сыворотки, то онъ всегда будетъ въ состояніи быстро и легко опредѣлить происхожденіе кровяныхъ пятенъ, если только въ нихъ сохранились красные шарики. Приводимыя соображенія кажутся весьма основательными; надо пожелать, чтобы и на практикѣ предлагаемый способъ оказался пригоднымъ.

Ботаника. *Способность нѣкоторыхъ органовъ растеній «чувствовать» свою форму.* Въ естественныхъ условіяхъ боковые корни, подобно вѣтвямъ и листьямъ, располагаются въ строго опредѣленномъ порядкѣ. Расположеніе боковыхъ органовъ является постояннымъ и характернымъ для различныхъ видовъ растеній. Такъ, напримѣръ, всякій знаетъ, что у глухой крапивы листья всегда располагаются попарно другъ противъ друга, а пары листьевъ располагаются накрестъ, такъ что третья пара снизу прикрываетъ первую, четвер-

тая вторую и т. д. Указанная правильность зависитъ исключительно отъ внутреннихъ свойствъ растеній. Такъ, по крайней мѣрѣ, полагали до послѣдняго времени. Однако, проф. Нолль еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ предварительной замѣткѣ указалъ, что есть обстоятельства, опредѣленнымъ образомъ вліяющія на расположеніе боковыхъ корней; такимъ обстоятельствомъ, по его наблюденіямъ, является *форма* корня, дающаго вѣточки. Въ третьей книжкѣ журнала «Landwirtschaftiche Jahrbücher» нынѣшняго года онъ описываетъ подробно свои наблюденія и опыты надъ этимъ удивительнымъ свойствомъ корней. Общій результатъ ихъ тотъ, что если по какимъ-либо причинамъ корень изгибается, то боковые корешки на немъ возникаютъ лишь на выпуклой сторонѣ. Изслѣдованіе корней растеній, принадлежащихъ къ самымъ различнымъ семействамъ двудольныхъ и однодольныхъ, а также хвойныхъ, папоротниковъ и хвощей, показало, что приведенный законъ не имѣетъ ни одного исключенія. «Всѣ корни,—говоритъ Нолль,—одинаковы въ этомъ отношеніи, и своеобразный, характерный видъ, который имѣетъ всякая корневая система, освобожденная отъ почвы, зависитъ прежде всего отъ вышеупомянутой законности расположенія вѣтвей». Мало того, даже одноклѣтныя образованія, исполняющія физіологическую роль корней, такъ называемые ризоиды мховъ, которыми они укрѣпляются въ почвѣ и всасываютъ питательные растворы, а также нити грибницы, служащія для той же цѣли, обнаруживаютъ это свойство, т.-е. и у нихъ вѣточки появляются при изгибахъ лишь на выпуклой сторонѣ. Это послѣднее обстоятельство особенно важно не только потому, что оно указываетъ на сходство въ физіологическомъ отношеніи органовъ растеній, весьма далеко отстоящихъ другъ отъ друга въ системѣ, но также и потому, что въ одноклѣтныхъ органахъ механическія условія совершенно иныя, чѣмъ въ корняхъ высшихъ растеній, построенныхъ изъ различныхъ и различно расположенныхъ тканей.

Различіе механическихъ условій на выпуклой и вогнутой сторонѣ корня состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что первая растянута, а вторая — сжата. Можно было бы думать, что сжатіе вогнутой стороны задерживаетъ развитіе на ней боковыхъ корешковъ, но тщательныя изслѣдованія показали, что это не такъ. Во-первыхъ, если корень изогнется тогда, когда зачатки боковыхъ корешковъ уже образовались, то и на вогнутой сторонѣ онѣ развиваются также, какъ и на выпуклой, это указываетъ, что условія развитія въ первомъ случаѣ не менѣе выгодны. Во-вторыхъ, если, не сгибая корня, помѣстить его въ такія условія, чтобы одна сторона его была сжата, а другая—растянута, то боковые корешки образуются на всѣхъ сторонахъ одинаково, въ томъ порядкѣ, какъ это свойственно данному растенію. Достигнуть упомянутаго неравенства механическихъ условій, не измѣняя форму корней, можно слѣдующимъ образомъ. Какъ извѣстно, содержимое клѣтокъ растенія давитъ изнутри на оболочку, растягивая ее, поэтому-то всѣ ткани отличаются упругостью, и многія нѣжныя сами по себѣ части растенія не спадаются только благодаря этому давленію: онѣ сохраняютъ свою форму до нѣкоторой степени подобно раздутой тонкостѣнной каучуковой трубкѣ. Если растеніе теряетъ воду, и слѣдовательно, объемъ содержимаго клѣтокъ уменьшается, то падаетъ и давленіе его на оболочку и неодеревенѣвшія части растеній оказываются не въ состояніи сохранять свое положеніе, растеніе, какъ мы говоримъ, вянетъ. Слѣдовательно, если одну сторону корня мы подвергнемъ усиленному испаренію, а другую—сохранимъ влажною, то въ первомъ случаѣ мы получимъ меньшее напряженіе тканей, что будетъ соотвѣтствовать вогнутой сторонѣ при изгибѣ. Такое измѣненіе условій, какъ было выше упомянуто, не ведетъ, однако, къ тѣмъ послѣдствіямъ, какъ измѣненіе формы.

Не только мѣстообразованія боковыхъ корешковъ, но также ихъ направле-

ніе и величина зависятъ отъ изгибовъ. Самый длинный корешокъ выростаетъ въ наиболѣе выпукломъ мѣстѣ. Далѣе, если зачатки корешковъ были уже заложены до образованія изгиба, то развившіеся на вогнутой поверхности корешки сами образуютъ изгибы и направляются приблизительно также, какъ и выросшіе на выпуклой сторонѣ. Причины изгибовъ корней могутъ быть весьма различны: если придать корню горизонтальное положеніе, то, повинуясь силѣ тяжести, онъ направляется внизъ; если влажность распредѣляется неравномѣрно вокругъ корня, то обыкновенно онъ направляется въ сторону большей влажности; если корень неравномѣрно освѣщенъ, то—по крайней мѣрѣ у многихъ растеній—онъ изгибается въ сторону *отъ* свѣта; наконецъ, направленіе корня можетъ быть измѣнено механически. Какова бы ни была причина изгиба, боковые корешки залегаются всегда на выпуклой сторонѣ. Нолль называетъ это свойство—морфэстезія, т.-е. чувствительность къ формѣ. Разумѣется, нельзя утверждать, что растеніе, дѣйствительно, чувствуетъ форму, но изслѣдованія Нолля весьма убѣдительно доказываетъ, что причиной этихъ явленій служитъ исключительно форма органовъ.

Указанное свойство корней приноситъ растенію весьма большія выгоды. Не трудно представить себѣ, что, лишь располагаясь по выпуклымъ сторонамъ изгибовъ, боковые корешки могутъ проникнуть въ почву по самымъ различнымъ направленіямъ, тогда какъ, если бы они развились на вогнутой сторонѣ, то вскорѣ всѣ сошлись бы почти въ одной точкѣ. Съ другой стороны, существующій способъ распредѣленія корешковъ весьма содѣйствуетъ укрѣпленію растеній въ почвѣ.

Изслѣдованное Ноллемъ столь цѣлесообразное свойство органовъ, служащихъ для воспріятія питательныхъ растворовъ, такъ широко распространено, такъ бросается въ глаза, что остается только удивляться, почему до сихъ поръ на него никто не обратилъ вниманія. Что же касается его раціональнаго объясненія, то, какъ и вообще въ вопросахъ морфологіи, врядъ ли можно ожидать чтобы здѣсь была открыта какая-либо простая причинная связь.

Зоологія. 1) *О жабѣ*. Въ настоящее время всѣ наблюдатели согласны въ томъ, что жаба одно изъ безобидныхъ и даже весьма полезныхъ для человѣка животныхъ. Благодаря своему противному виду, вездѣ и во всѣ времена она была предметомъ отвращенія. Не мало напраслинъ взвели на нее. Такъ напримѣръ, разсказываютъ, что жаба способна выбрасывать какой-то ядъ, это совершенно невѣрно. Правда, слизь, выдѣляема по всей поверхности кожи, дѣйствуетъ раздражающе, если попадетъ на слизистую оболочку человѣка или будетъ введена въ кровь, но на кожу она не производитъ никакого вреднаго дѣйствія, такъ что жабу безопасно можно брать въ руки. Эта слизь служитъ ей защитой отъ сухости воздуха и солнечнаго зноя. Адансонъ сообщаетъ, что испареніе съ поверхности кожи у жабы такъ велико, что негры въ Сенегаліи, проходя по накаленнымъ символы пескамъ нерѣдко прикладываютъ себѣ ко лбу живыхъ жабъ, чтобы освѣжиться. Отсюда понятно, что жабы обыкновенно держатся въ сырыхъ мѣстахъ и выходятъ изъ своихъ убѣжищъ преимущественно по вечерамъ. Особенно много ихъ появляется во время продолжительныхъ теплыхъ лѣтнихъ дождей. Случается, что, собираясь во множествѣ, онѣ почти сплошь покрываютъ поверхность земли въ такихъ мѣстахъ, гдѣ раньше ихъ не замѣчали. Это обстоятельство и дало поводъ многочисленнымъ разсказамъ о дождяхъ изъ жабъ. О появленіи подобныхъ дождей въ Кагорѣ сообщалось въ 1818 и въ 1847 годахъ.

Жаба можетъ жить очень долго безъ пищи; утверждаютъ, что она можетъ существовать цѣлые мѣсяцы даже и безъ воздуха, напр., въ глинѣ, въ камняхъ. Но всѣ разсказы о подобныхъ случаяхъ оказались недостовѣрными: спеціально произведенные опыты показали, что при болѣе или менѣе продолжительномъ отсутствіи воздуха жаба, какъ и всякое другое животнее погибаетъ.

Жабы не лишены въ извѣстной степени интеллекта; такъ, напримѣръ, натуралистъ Пенанъ сообщаетъ, что въ его домѣ подъ лѣстницей жила жаба, которая въ продолженіи 36-ти лѣтъ каждый вечеръ приходила къ нему въ столовую и забиралась подъ столъ, слѣдовательно, знала время, когда ей выгодно придти. Питаются жабы только насѣкомыми, личинками и червями. Совершенно напрасно ихъ обвиняютъ въ томъ, что онѣ ѣдятъ землянику и салатъ. Правда, ихъ часто находятъ около этихъ растеній, но только потому, что онѣ тамъ отыскиваютъ слизняковъ. Жабы питаются исключительно животной пищей и притомъ ѣдятъ только живыхъ животныхъ. Одну жабу продержали голодомъ цѣлую недѣлю и затѣмъ въ ящикъ ей положили 12 мучныхъ червей, предварительно убитыхъ. Два дня спустя, червей нашли нетронутыми но послѣ этого жаба съѣла всѣхъ живыхъ мучныхъ червей, какихъ ей только могли достать. Что жабы высасываютъ коровъ и козъ, это, разумѣется, сказки, такъ какъ самое устройство рта не даетъ возможности имъ это сдѣлать. Жаба весьма живуча, она легко переноситъ тяжкія раны; но зато, говорятъ, достаточно ее посыпать табакомъ или солью, чтобы она очень быстро погибла.

Итакъ въ общемъ жаба весьма полезное животное. Правда, случается, что она съѣстъ упавшую пчелу или иногда немного икры, но, разумѣется, ни для пчеловодства, ни для рыбоводства она не можетъ считаться вредной. Англичане хорошо оцѣнили полезность жабъ. Съ давнихъ поръ они пріѣзжаютъ во Францію (преимущественно въ Нормандію) и скупаютъ ихъ тамъ цѣлыми тысячами. Жабъ помѣщаютъ въ парники и сады, гдѣ онѣ превосходно охраняютъ цвѣты, землянику и овощи. Врядъ ли кто знаетъ, что еще въ 1883 году, въ Парижѣ существовалъ особый базаръ жабъ. Весною и осенью, недалеко отъ Jardin des Plantes, въ старомъ Сенъ-Марсельскомъ кварталѣ по средамъ съ ранняго утра свозили цѣлыя бочки жабъ и тамъ ихъ покупали англійскіе коммиссіонеры, и весьма немногіе благоразумные огородники окрестностей Парижа. Врядъ ли какое другое животное лучше можетъ оправдать поговорку, что наружность обманчива (La Nature).

2. *Осязательные волоски на лапахъ животныхъ.* Какъ извѣстно, плотоядныя животныя имѣютъ вокругъ рта и около глазъ длинные и довольно твердые волоски, служащіе имъ органами осязанія. Хорошимъ примѣромъ такихъ волосковъ могутъ служить усы у кошекъ. Беддаръ въ журналѣ «Nature» сообщаетъ, что такіе же волосы онъ нашелъ и на лапахъ. У одного вида обезьянъ были найдены такіе волоски на лапахъ цѣлымъ пучкомъ, и оказалось, что они находятся въ связи съ нервнымъ стволомъ значительныхъ размѣровъ. Вообще эти волоски имѣются у тѣхъ животныхъ, которые пользуются передними лапами для захватыванія добычи. Кромѣ плотоядныхъ, они оказались у грызуновъ, сумчатыхъ и нѣкоторыхъ другихъ. Узнать эти волоски не трудно, такъ какъ они обыкновенно отличаются цвѣтомъ. Такъ, напримѣръ, у весьма свѣтлой бѣлки почти альбиноса осязательные волоски были черные и рѣзко выдѣлялись; наоборотъ, у одной черной кошки они оказались совершенно бѣлыми. Эти волоски, если они и не отличаются цвѣтомъ, всегда легко узнать на ощупь такъ какъ они тверже остальныхъ. Повидимому существуетъ связь между образомъ жизни животнаго и присутствіемъ этихъ волосковъ: они имѣются только у тѣхъ животныхъ, которымъ могутъ быть полезными. (Revue scient).

Д. Н.

Техника. 1) *Аллюминотермія.* Подъ названіемъ аллюминотерміи или термо-индустріи подразумѣвается въ техникѣ новый способъ полученія высокихъ температуръ посредствомъ аллюминія, а также для полученія въ чистомъ видѣ многихъ металловъ. Способъ этотъ, основанный на принципѣ, извѣстномъ уже давно, получилъ все свое значеніе благодаря трудамъ Гольдшмидта, ко-

торый перенесъ лабораторную реакцію въ область широкой индустріи. Вотъ вкратцѣ исторія и примѣненіе аллюминотерміи.

Исходной точкой аллюминотерміи является принципъ максимума работы, установленный Бертело. Химическая реакція, вообще, возможна, если количество тепла, происходящаго отъ этой реакціи, величина положительная. Разсмотримъ теплоту соединенія различныхъ металловъ съ однимъ атомомъ кислорода или вообще съ одинаковымъ вѣсовымъ количествомъ его, напр. съ 16-ю граммами этого газа. Слѣдующая таблица даетъ теплоту соединенія разныхъ металловъ, выраженную въ тепловыхъ единицахъ, называемыхъ калоріями:

Магній	145,5 кал.	Калій	98,2 кал.	Желѣзо	66,3 кал.
Кальцій.....	145,0 »	Кремній	90 9 »	Никкель	61,5 »
Аллюминій ..	131,2 »	Цинкъ.......	84,8 »	Мѣдь........	43,8 »
Натрій	100,9 »	Олово	70,7 »	Серебро	7,0 »

По этой таблицѣ, на основаніи принципа максимума работы, можно предвидѣть, что аллюминій долженъ возстановить окислы тѣхъ металловъ, которые слѣдуютъ за нимъ въ этомъ перечисленіи. Возстановленіе это произойдетъ съ тѣмъ большею легкостью, чѣмъ больше будетъ разница теплотъ соединенія съ кислородомъ аллюминія и соотвѣтствующаго металла. Однимъ словомъ, термохимія предвидитъ слѣдующія реакціи:

$$2\,Al + Fe^2O^3 = Al^2O^3 + 2\,Fe + (131{,}2 - 65{,}9 =)\ 65{,}3 \text{ калорій.}$$
$$2\,Al + 3\,Ni\,O = Al^2O^3 + 3\,Ni + (131{,}2 - 61{,}5 =)\ 69{,}7 \text{ »}$$

Роль аллюминія, какъ возстановителя, извѣстна уже очень давно:—такъ, напр., было доказано, что окислы мѣди, и свинца возстановляются аллюминіемъ. Дѣйствіемъ аллюминія на кремневую кислоту былъ полученъ кремній. Равнымъ образомъ, недавно былъ полученъ чистый марганецъ при дѣйствіи аллюминія на окись марганца:

$$2\,Al + 3\,Mn\,O = Al^2O^3 + 3\,Mn.$$

Нововведеніе Гольдшмидта касается способа производства реакціи,—способа чрезвычайно простого и выгоднаго, такъ какъ онъ дѣлаетъ всю операцію непрерывною, причемъ теплота, выдѣляющаяся при началѣ реакціи служитъ для дальнѣйшаго хода самой реакціи. Гольдшмидтъ установилъ слѣдующее: если смѣшать аллюминій въ зернахъ или въ порошкѣ съ окисломъ металла, какъ напр., Fe^2O^3, въ соотвѣтствующей пропорціи, то нужно только произвести начало реакціи въ одномъ пунктѣ массы—дальше реакція распространяется быстро сама собою. Поэтому наиболѣе деликатнымъ пунктомъ операціи явилась задача: найти легкій способъ дать первый толчокъ реакціи. Послѣ ряда опытовъ, гдѣ авторъ часто шелъ ощупью впередъ, онъ остановился на слѣдующемъ простомъ способѣ: онъ воспользовался перекисями, которыя, въ смѣси съ порошкомъ аллюминія, освобождаютъ свой кислородъ гораздо легче, чѣмъ обыкновенные металлическіе окислы. Гольдшмидтъ изобрѣлъ патрончикъ для поджиганія въ видѣ небольшого шарика, въ составъ котораго вошелъ порошокъ аллюминія, порошокъ перекиси барія (BaO^2) и къ нимъ было прибавлено склеивающее вещество. Такой патрончикъ помѣщается на поверхности смѣси, въ него втыкается кусочекъ проволоки магнія и огонь легко передается отъ этой проволоки патрончику, а отъ него всей массѣ. Вотъ для примѣра способъ полученія хрома изъ его окиси Cr^2O^3. На этомъ примѣрѣ мы познакомимся съ примѣненіемъ новаго метода для полученія чистыхъ металловъ вообще.

Вся операція имѣетъ 4 важныхъ момента: 1) приготовленіе смѣси, 2) приготовленіе патрончика для поджиганія, 3) приготовленіе тигля или сосуда для операціи, и 4) самая операція.

При приготовленіи смѣси окиси хрома и аллюминія, первой заботой должна быть предосторожность, чтобы смѣсь не заключала въ себѣ летучихъ или спо-

собныхъ разлагаться при чрезвычайно высокой температурѣ реакціи, тѣлъ. Прежде всего окись хрома не должна заключать въ себѣ даже слѣдовъ воды. Затѣмъ, важно опредѣлить родъ аллюминія, которымъ будутъ пользоваться. Оставляя въ сторонѣ чистоту аллюминія, который долженъ быть возможно чище, можно примѣнить его: 1) въ видѣ порошка, 2) въ видѣ зеренъ и 3) въ видѣ опилокъ. Первый сортъ аллюминія представляетъ то неудобство, что не отличается чистотою, а это ведетъ къ взрывамъ, вреднымъ для хода реакціи и нарушаетъ гомогенность массы. Вообще слѣдуетъ отдать предпочтеніе аллюминію въ видѣ зеренъ или опилокъ; выборъ и здѣсь не вполнѣ безразличенъ, такъ какъ часто зерна и опилки не даютъ одинаковыхъ результатовъ. Поэтому предпочтительно брать для опредѣленной реакціи аллюминій въ одной и той же формѣ: для окиси хрома зерна средней величины даютъ прекрасный результатъ. Относительно количества тѣлъ, входящихъ въ реакцію, нужно замѣтить, что теоретическія количества, соотвѣтствующія уравненію:

$$Cr^2O^3 + Al^2 = Al^2O^3 + Cr^2$$

даютъ очень хорошіе результаты. Выше мы уже говорили о составѣ порошка для поджиганія; замѣтимъ здѣсь, что для его приготовленія лучше брать самый мелкій порошокъ аллюминія, несмотря на его нечистоту, такъ какъ здѣсь особенно важно тѣсное соприкосновеніе обоихъ веществъ. Оба вещества смѣшиваюся на листѣ бумаги деревянной палочкой; эта предосторожность безусловно необходима, такъ какъ мы имѣемъ дѣло съ чрезвычайно взрывчатой смѣсью и малѣйшій ударъ очень опасенъ.

Тигель можно взять глиняный, но онъ нуждается еще въ спеціальной обработкѣ. Тигель на одну четверть наполняется смѣсью, затѣмъ на поверхность въ центрѣ бросаютъ нѣсколько граммъ порошка для поджиганія. Сюда бросаютъ зажженную спичку—сейчасъ же происходитъ легкій взрывъ и начинается реакція между баріемъ и аллюминіемъ, сообщающаяся затѣмъ всей массѣ, которая приходитъ въ расплавленное состояніе. Тогда маленькими порціями прибавляютъ смѣсь аллюминія и окиси хрома посредствомъ ручной лопатки, пока не исчерпаютъ всего заготовленнаго количества. Затѣмъ даютъ тигелю остынуть а черезъ нѣсколько часовъ тигель разбиваютъ. Если операція шла правильно, вся масса раздѣляется на два слоя. Внизу чистый металлъ—въ данномъ случаѣ хромъ и наверху окиселъ аллюминія съ небольшой подмѣсью хрома.

Гольдшмидтъ опредѣлилъ, что температура при выплавкѣ хрома достигаетъ до 3.000°. Въ настоящее время въ Эссенѣ по этому способу производится выплавка хрома и марганца, высокая цѣнность которыхъ позволяетъ пользоваться аллюминіемъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ то обстоятельство, что металлы, полученные по этому способу, абсолютно чисты, если исходныя вещества были чистыя. Это есть важное преимущество новаго способа выплавки предъ выплавкой въ электрическомъ очагѣ, гдѣ выплавляются лишь углеродистые металлы. Гольдшмидтъ придумалъ также остроумную утилизацію высокой температуры подобной реакціи для спайки металловъ. Съ этой цѣлью онъ приготовляетъ смѣсь окиси желѣза (въ тонкомъ порошкѣ) и зеренъ аллюминія маленькихъ размѣровъ. Такую смѣсь Гольдшмидтъ назвалъ *термитомъ*. (Revue scientifique. № 18, 1900).

Той же цѣли, т.-е. полученія металловъ въ химически-чистомъ видѣ, послѣ многолѣтнихъ усилій и опытовъ, достигъ фонъ-Кальбоумъ путемъ *дистиллированія* металловъ; его способъ заключается въ томъ, что металлы подвергаются дѣйствію высокихъ температуръ въ теченіе дней и даже недѣль (отъ 1.000° до 1.600°) при очень низкомъ давленіи. Конечно, способъ этотъ пока

не имѣетъ техническаго значенія, такъ какъ онъ очень дорогъ. Лабораторные же результаты его крайне интересны.

Этимъ способомъ были пока дистиллированы слѣдующіе металлы: кальцій, натрій, литій, висмутъ, кадмій, магній, аллюминій, серебро, мѣдь, золото, никкель, желѣзо и др. элементы. Интересны продукты дистилляціи; кристаллы мѣди образуютъ общую кристаллическую массу, изъ которой выдаются отдѣльные кристаллы съ блестящими, зеркально-ровными поверхностями. Изъ кристаллическихъ формъ преобладаютъ кубы и въ особенности октаэдры. Кристаллы золота также частью кубы, частью октаэдры. Желѣзо, осѣдаетъ на стѣнкахъ въ видѣ кристалловъ серебристо-бѣлаго цвѣта, иногда въ видѣ чистыхъ октаэдровъ. Этимъ способомъ получены лучшіе до сихъ поръ извѣстные кристаллы желѣза, на которыхъ можно было измѣрить двугранные углы въ 60°. (Naturwissensch. Wochenschrift, № 43, 1900).

2) *Проектъ желѣзной дороги между Ливерпулемъ и Манчестеромъ.* На конгрессѣ британской ассоціаціи для развитія наукъ, состоявшемся въ текущемъ году въ Брадфордѣ, Sir William Preece сообщилъ нѣкоторыя данныя относительно проекта однорельсовой, электрической дороги, которая должна соединить города Ливерпуль и Манчестеръ. Поѣздъ будетъ состоять всего лишь изъ одного вагона на 64 мѣста и вѣсомъ въ 45 тоннъ. Поѣзда будутъ отходить каждыя 10 минутъ и будутъ идти со скоростью 176 километровъ ($166^1/_2$ версты)въ часъ, такъ что потребуется всего лишь 20 минутъ для проѣзда между названными городами. Система однорельсовой дороги изобрѣтена въ 1882 году французскимъ инженеромъ Лартигомъ и въ первый разъ примѣнена на практикѣ въ Ирландіи, гдѣ и функціонируетъ вполнѣ благополучно, начиная съ 1888 года. Въ этой системѣ вагоны помѣщаются какъ бы верхомъ на одномъ рельсѣ, такъ что центръ тяжести вагоновъ находится ниже рельса. Необходимый для линіи Ливерпуль-Манчестеръ токъ будетъ доставляться центральной электрической станціей, помѣщенной посреди пути, могущей дать токъ высокаго напряженія (10.000 вольтъ) къ обѣимъ конечнымъ станціямъ. Кромѣ того, будутъ функціонировать добавочныя маленькія станціи, расположенныя съ промежутками въ 6—7 километровъ.

Но если такая скорость вполнѣ удовлетворяетъ стремленія европейскихъ инженеровъ, то для американцевъ съ ихъ чрезвычайной активностью и страстью къ экономіи времени такая скорость кажется слишкомъ неудовлетворительной. Такъ, по крайней мѣрѣ, понялъ дѣло бруклинскій инженеръ Л. Бичеръ, который представилъ проектъ электрической желѣзной дороги между Нью Іоркомъ и Чикаго. Разстояніе между этими городами равно 1.530 килом. и Бичеръ хотѣлъ сдѣлать этотъ путь въ пять часовъ, т.-е. ни больше, ни меньше какъ ѣхать со скоростью 300 съ лишнимъ километровъ въ часъ. Проетъ его уже готовъ во всѣхъ деталяхъ. Вестингаузъ, спрошенный о новомъ проэктѣ, не отрицалъ возможности его осуществленія, которое зависитъ теперь только отъ того, найдутся ли акціонеры для такого экстраординарнаго предпріятія.

Этнографія. *Баски и ихъ игры на воздухѣ.* Баски занимаютъ западную область Пиренеевъ; было бы очень трудно опредѣлить границу ихъ географическаго распредѣленія. Не менѣе трудно опредѣленіе физическаго и этнографическаго типа этого народа, принадлежащаго къ остаткамъ древнѣйшаго населенія Европы. Преданія и хроники среднихъ вѣковъ говорятъ о жестокихъ и малоцивилизованныхъ обитателяхъ западныхъ Пиренеевъ. Хотя многія этнографическія черты, о которыхъ упоминается еще въ XVI и XVII вв., уже утрачены въ настоящее время басками, однако сохранился еще ихъ оригинальный языкъ, очень интересный для спеціалистовъ-лингвистовъ. Баски по преимуществу земледѣльческій народъ, тѣже изъ нихъ, которые живутъ у побережья, часто—превосходные моряки. Высказывалось мнѣніе, впрочемъ, не до-

казанное, будто баски открыли Америку раньше Колумба. Знаменитый мореплаватель Магелланъ, совершившій первое кругосвѣтное морское плаваніе, былъ баскъ по происхожденію.

Любимымъ развлеченіемъ басковъ является для мужчинъ игра въ мячъ, для женщинъ—игра въ кегли. Въ большомъ ходу танцы, среди которыхъ были особые, теперь постоянно забываемые, танцы, которые и составили баскамъ ихъ репутацію превосходныхъ танцоровъ. Извѣстно остроумное опредѣленіе Вольтера, который сказалъ, что баски «маленькій народъ, который танцуетъ на вершинахъ Пиренеевъ». Проработавъ недѣлю въ полѣ, въ праздничный день баскъ отдыхаетъ и развлекается танцами и игрой въ мячъ. Па этихъ танцевъ очень трудно и дѣти упражняются въ немъ съ самаго ранняго возраста; за то нигдѣ у крестьянъ не встрѣтить такой граціозной походки у женщинъ и такой увѣренности въ движеніяхъ и общей манерѣ держать себя у мужчинъ. Въ каждой маленькой деревушкѣ испанскихъ басковъ община организовала школьные курсы танцевъ, преподаваемые спеціальными учителями, которые заняты исключительно хореографическимъ воспитаніемъ дѣтей этого народа. Танцы сопровождаются мимикой и нѣкоторые изъ нихъ свидѣтельствуютъ о глубокой древности своего происхожденія: таковъ, напр., танецъ шпагъ. Эти танцы являются часто поддержкой традицій. Старики являются здѣсь строгими оффиціальными судьями, наблюдающими за сохраненіемъ традиціонныхъ па, недопускающими нововведеній, поощряющими исполнителей за плавность и легкость движеній тѣла и его граціи. Тѣлодвиженія самыя скромныя и основная характеристика танца та, что каждый танцоръ изолированъ, что приближаетъ эти танцы къ древне-греческимъ.

Игры басковъ обнаруживаютъ мягкіе нравы и благородныя чувства этого народа: у нихъ вовсе нѣтъ кровавыхъ игръ. Національной игрой является игра въ мячъ. «О народѣ можно судить по его играмъ», говоритъ Э. Реклю, «такъ какъ человѣкъ во время увлеченія игрой забываетъ наблюдать за собой и обнаруживаетъ сущность своей природы. Игры—прекрасная и страшная проба для еще некультивированныхъ народовъ и даже тѣ изъ нихъ, которые считаются цивилизованными, не выходятъ изъ этого состязанія съ честью. Баски же, по крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ они остались сами собою, вносятъ въ свои развлеченія благородство и уваженіе къ личности, которыя составляютъ ихъ характеристику. Ихъ игры, какъ и игры ихъ предковъ Иберовъ, представляютъ состязанія въ силѣ, граціи и ловкости».

Эти игры, кромѣ танцевъ, состоятъ изъ прыжковъ, борьбы, бѣга въ горы, метанія крупныхъ камней и въ особенности игрѣ въ мячъ. Иногда на состязанія сходятся и съѣзжаются жители окрестныхъ деревень. Реклю описалъ въ очень яркихъ строкахъ одно изъ мѣстъ подобныхъ общественныхъ собраній—горное плато Агюскви, представляющее площадь въ нѣсколько километровъ, покрытую травою. Здѣсь по окончаніи лѣтнихъ полевыхъ работъ населеніе отдыхаетъ въ теченіе нѣсколькихъ дней. Среди роскошныхъ картинъ природы, на газонѣ высокой террассы, поднимающейся болѣе чѣмъ на 900 метровъ надъ окружающими равнинами, крестьяне и крестьянки весело развлекаются и отдыхаютъ отъ годовыхъ трудовъ. Если погода благопріятствуетъ, плато Агюскви представляетъ съ утра до вечера поле для состязанія въ борьбѣ, бѣгѣ, разнаго рода играхъ, въ которыхъ принимаютъ участіе всѣ, за исключеніемъ стариковъ.

Въ своемъ сообщеніи интернаціональному конгрессу физическаго воспитанія, Ф. Тиссье, у котораго мы заимствовали многіе изъ приведенныхъ фактовъ, описываетъ очень интересное состязаніе, происходившее въ Камбо между группою деревень океаническаго побережья и группою горныхъ деревень (Revue scientifique № 16, 1900.). Но цивилизація съ ея обязательнымъ образованіемъ, газетой, желѣзной дорогой и электричествомъ, а также съ ея темными сторонами, напр., воинской повинностью, все больше и больше нивеллируетъ обычаи.

«Представители власти нашихъ деревень не танцуютъ болѣе съ народомъ; прежде они считали честью для себя открыть балъ, теперь же они считаютъ ниже своего достоинства принять участіе въ немъ. Это конецъ расы», сказалъ Тиссье старикъ-крестьянинъ. Конечно, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи этотъ маленькій народецъ не можетъ отстать отъ своихъ старшихъ братьевъ, онъ необходимо долженъ усвоить себѣ новыя формы жизни и въ этой эволюціи, конечно, утратитъ многія рѣзко-національныя этнографическія черты, но пока среда, породившая его, не измѣнилась, до той поры вѣками выработанныя черты его характера и психологія не могутъ исчезнуть безслѣдно и баскъ останется баскомъ. Изъ среды дѣтей этого впечатлительнаго, мечтательнаго и поэтическаго народа вышло нѣсколько извѣстныхъ писателей и литераторовъ.

Н. М.

Астрономическія извѣстія.

Періодическія кометы, ожидавшіяся въ 1900 году. Истекающій годъ по числу наблюдавшихся кометъ принадлежитъ къ наиболѣе бѣднымъ. Въ то время какъ въ 1898 году, напримѣръ, было открыто десять кометъ, въ 1900 г. ихъ наблюдалось всего двѣ: одна, довольна слабая, была найдена Жіакобини 19 го января (см. астр. изв. за апрѣль), другая, болѣе яркая, доступная даже, какъ слабая туманность невооруженному глазу, открыта 10-го іюля независимо другъ отъ друга, Бруксомъ въ Женевѣ, близъ Нью-Іорка, и Борелли въ Парижѣ. Но ни одной изъ періодическихъ кометъ, которыя должны были въ нынѣшнемъ году приближаться къ солнцу, къ сожалѣнію, найдено не было, несмотря на то, что астрономы поджидали ихъ и впередъ вычисляли ихъ положенія на небѣ. Это очень печально въ виду большого интереса, который представляетъ изслѣдованіе движенія періодическихъ кометъ для общей теоріи ихъ происхожденія съ одной стороны и тѣмъ особенностямъ, которыя обнаруживаются въ орбитахъ ожидавшихся кометъ, съ другой.

26 го сентября 1886 года астрономъ Finlay на мысѣ Доброй Надежды открылъ комету, имѣвшую видъ круглой слабой туманности съ небольшимъ уплотненіемъ въ центрѣ. Она шла, какъ оказалось по вычисленію ея орбиты изъ достаточно большого числа наблюденій, по эллипсу съ короткимъ періодомъ обращенія всего въ 6,65 года. Въ 1893 году комета должна была такимъ образомъ опять приблизиться къ солнцу. И дѣйствительно, согласно эфемеридѣ, предвычисленной Schulhof'омъ, тотъ же Finlay нашелъ комету вновь еще 17-го мая 1892 года. Въ 1900 году время наибольшаго приближенія кометы къ солнцу падаетъ на первые мѣсяцы, но до сихъ поръ комета не найдена.

Теорія движенія кометы Finlay оказывается чрезвычайно трудной. Искусный вычислитель Schulhof бьется надъ ней уже нѣсколько лѣтъ. Сначала было заподозрѣно тождество этой кометы съ кометой 1844 I, открытой патеромъ Де-Вико, но тщательныя вычисленія показали неосновательность такого предположенія. Точно также отвергнуто тождество ея съ знаменитой кометой Lexell'я. Послѣдняя открыта въ 1770 году. Она возбудила сенсацію своимъ короткимъ періодомъ обращенія ($5^2/_3$ года), такъ какъ до тѣхъ поръ не знали ни одной такой кометы, и дала толчокъ къ разслѣдованію общаго вопроса о происхожденіи періодическихъ кометъ, но сама пропала, не появлялась ни разу послѣ, претерпѣвъ, вѣроятно, въ 1779 году большія возмущенія отъ Юпитера, который измѣнилъ ея орбиту въ удлиненный эллипсъ съ большимъ числомъ лѣтъ обращенія подобно тому какъ въ 1767 году, когда комета также

значительно приближалась къ нему, онъ могъ своимъ притяженіемъ измѣнить первоначальную, сравнительно удлиненную орбиту въ небольшой эллипсъ.

Для кометы Finlay также возможны значительныя приближенія къ Юпитеру. Она проходила близъ этой планеты въ 1862 и 1850 годахъ, а особенно близко въ 1839 году. Изъ измѣненій элементовъ орбиты интересно отмѣтить прогрессивное смѣщеніе точки пересѣченія кометой орбиты съ орбитой земли, которое въ 1839 году за 6 мѣсяцевъ достигло 40 градусовъ, а за 47 лѣтъ (1839—1886) въ общемъ равняется 108 градусамъ. Прогрессивно уменьшается также время обращенія около солнца, въ то время какъ наклонность орбиты кометы къ орбитѣ земли остается постоянной.

28-го октября 1900 года должна была пройти черезъ наиболѣе близкую къ солнцу точку своей орбиты комета Барнарда, открытая въ 1884 году, 16-го іюля. Ея время обращенія около солнца 5,66 лѣтъ. Ни въ 1890, ни въ 1895, благодаря неблагопріятному положенію на небѣ и малой яркости, комета найдена не была. При слѣдующемъ возвращеніи въ 1906 году, она также останется въ лучахъ солнца, а дальше подвергнется значительнымъ возмущеніямъ Юпитера, для вычисленія которыхъ нужно было бы знать элементы орбиты возможно точнѣе, такъ что неудача поисковъ въ нынѣшнемъ году становится особенно чувствительна.

Астрономъ Berberich съ малой надеждой на успѣхъ, тѣмъ не менѣе всетаки еще разъ рѣшается дать эфемериду для приближенія къ солнцу кометы Брорсена въ нынѣшнемъ году. Комету эту, должно быть, придется признать совершенно пропавшей. Она была открыта въ 1846 году, наблюдалась въ 1857, 1868, 1873 и 1879 годахъ, но затѣмъ не появлялась, несмотря на благопріятныя для наблюденія положенія на небѣ и тщательныя предвычисленія эфемеридъ.. Особенный интересъ комета представляла въ томъ отношеніи, что въ 1842, какъ оказалось по вычисленію ея орбиты, она чрезвычайно близко подходила къ Юпитеру. Разстояніе ея отъ планеты не превосходило 0,055 разстоянія земли отъ солнца, въ силу чего она и претерпѣла большія возмущенія.

Послѣ напрасныхъ ожиданій въ теченіе нѣсколькихъ возвращеній кометы къ солнцу, вниманіе къ ней у астрономовъ начало ослабѣвать, но въ 1894 оно опять оживляется. Астрономъ Hind указалъ, что орбита кометы 1894 I (Деннинга) очень близко подходитъ къ орбитѣ кометы Брорсена, что во второй половинѣ января 1881 года обѣ кометы почти одновременно проходили черезъ точку пересѣченія ихъ орбитъ. Тогда явилось предположеніе, что въ указанный моментъ въ кометѣ Брорсена произошелъ страшный взрывъ, заставившій одну часть кометы пойти по той орбитѣ, которую описываетъ теперь комета Деннинга, что послѣдняя такимъ образомъ является частью кометы Брорсена, остальныя части которой пошли по неизвѣстнымъ намъ орбитамъ, сдѣлались недоступными для нашихъ наблюденій. Schulhof съ самаго начала возсталъ противъ этой гипотезы, настаивая на томъ, что для совершенія указаннаго эффекта нужны исключительныя силы, потому что въ данномъ случаѣ должно было произойти увеличеніе скорости съ 7,5 кил. въ секунду до 10,5, т.-е. на 3 километра, наклоненіе орбиты должно было уменьшиться съ 29° до 5° и время обращенія уменьшилось съ $5^1/_2$ до 7,4 лѣтъ. Онъ считалъ болѣе вѣроятной другую гипотезу. Замѣтивъ, что точка пересѣченія орбитъ кометъ Брорсена и Деннинга есть въ то же время точка встрѣчи ихъ съ Юпитеромъ, Schulhof предполагаетъ, что нѣкогда обѣ кометы составляли одно тѣло, которое раздѣлилось на двѣ части во время встрѣчи съ Юпитеромъ. Послѣдующія большія возмущенія Юпитера все болѣе и болѣе измѣняли орбиты двухъ кометъ, но точка ихъ пересѣченія осталась все та же. При

этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, что кометы встрѣчаются и что въ ихъ движеніяхъ наблюдаются аномаліи.

Къ сожалѣнію, комета Деннинга наблюдалась всего только при одномъ появленіи, ея время обращенія еще недостаточно хорошо извѣстно. Для выясненія связи двухъ кометъ весьма были бы важны и послѣдующія появленія кометы Брорсена; жаль было бы пропустить, если бы можно было наблюдать появленіе кометы. Отсюда и проистекаютъ такія запоздалыя попытки вновь отыскать потерявшееся свѣтило, какъ попытка Berberich'а въ нынѣшнемъ году.

Въ 1894 году, кромѣ кометы Деннинга, была открыта еще одна интересная періодическая комета — это комета Swift'а. Уже вскорѣ по открытіи ея было установлено, что она тождественна съ кометой Де-Вико (1844 I). Правда, элементы двухъ кометъ довольно сильно различаются, но это объясняется большими возмущеніями, которыя претерпѣла комета со стороны Юпитера въ 1885 году. Американскій ученый Chandller вычислилъ эти возмущенія и сопоставилъ элементы кометы Де-Вика съ тѣми, которые имѣла комета Swift'а до 1885 года. Сходство ихъ оказалось чрезвычайно большое. Еще раньше Леверье въ обстоятельномъ изслѣдованіи показалъ, что комета Де-Вико тождественна съ кометой 1678 года, кометой довольно большой, наблюдавшейся невооруженнымъ глазомъ, такъ что мы имѣемъ теперь три появленія одной и той же кометы: въ 1678, 1844 и 1894 годахъ, раздѣленныя загадочными большими паузами. Какая причина того, что комета скрывалась отъ нашихъ взоровъ? Есть ли это дѣло случая или мы имѣемъ здѣсь большія колебанія блеска, какъ можно предполагать это и для другихъ кометъ. Chandller, вычисляя возмущенія кометы Swift'а въ 1885 году, указалъ, что она подойдетъ очень близко къ Юпитеру еще въ 1897 году, когда орбита ея должна измѣниться такимъ образомъ, что разстояніе отъ солнца въ наиболѣе близкой точкѣ увеличится, и вслѣдствіе этого комета не будетъ доступна нашимъ наблюденіямъ. Эти предсказанія были основаны на общихъ соображеніяхъ остроумнаго изслѣдователя, интересно было выяснить это точно, важно принять всѣ мѣры къ тому, чтобы не потерять наблюденій въ ближайшее возвращеніе кометы, нужно вычислить эфемериду ея и побудить наблюдателей, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи громадныя трубы, поискать ее. Астрономъ Seares принимается за вычисленіе возмущеній кометы, онъ подтверждаетъ предсказаніе Chandller'а. Результаты вычисленій и эфемерида положеній кометы были опубликованы своевременно. Но комета не найдена.

К. Покровскій.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ
ЖУРНАЛА
„МІРЪ БОЖІЙ“.
Декабрь. 1900 г.

Содержаніе: Беллетристика.—Исторія литературы.—Исторія всеобщая и русская.—Соціологія.—Политическая экономія.—Философія.—Народныя изданія.—Содержаніе библіографическаго отдѣла за 1900 г.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

К. М. Фофановъ. «Иллюзіи. Стихотворенія».—«Думы и пѣсни русскихъ поэтовъ».—*Ж. Расинъ.* Трагедіи. «Гоѳолія». «Эсфирь».—*Кальдеронъ* «Сочиненія».

К. М. Фофановъ. «Иллюзіи». Стихотворенія. Съ портретомъ автора. Спб. Изд. А. С. Суворина. 1900 г. Ц. 2 р. Лирика г. Фофанова выгодно выдѣляетъ этого поэта изъ ряда современныхъ искренностью чувства. Мечтательный оттѣнокъ, лежащій на большинствѣ его произведеній, придаетъ имъ дѣйствительно характеръ иллюзій, т. е. обманчивыхъ видѣній и грезъ, разсѣивающихся при ближайшемъ разсмотрѣніи. Но это нисколько не мѣшаетъ ихъ поэтичности, напротивъ, мечтательное настроеніе поэта охватываетъ читателя, заражая и его желаніемъ оторваться отъ суроваго міра дѣйствительности, чтобы освѣжиться въ мірѣ грезъ и видѣній, гдѣ все неопредѣленно и смутно, полно тайны и загадокъ. Поэтъ самъ вѣрно опредѣляетъ основной тонъ своей поэзіи въ слѣдующемъ стихотвореніи, которое можно поставить эпиграфомъ къ его «Иллюзіямъ»:

Кто я?—Мечта или ошибка,
Звѣзда ль падучая надъ тьмой,
Зари ль минутная улыбка
Предъ дверью вѣчности нѣмой?

Огонь блуждающій ли въ склепѣ,
Иль бреда мутнаго игра,
Иль искра, брошенная въ степи
Отъ теплотворнаго костра?

Богъ вѣсть зачѣмъ, Богъ вѣсть откуда
Мелькнувшій между двухъ ночей,—
Для неразгаданнаго чуда
Ищу я смысла и очей...

Фофанову чудятся вездѣ тайны и загадки, въ ясный ли полдень жаркаго лѣта, когда чуть струится застывшій отъ жары воздухъ, въ сумракахъ ли осенняго дня, когда унылый шорохъ осыпающихся листьевъ нарушаетъ тишину задумчиваго лѣса, или въ яркую зимнюю ночь, при искрящемся блескѣ звѣзднаго неба. Поэтъ созерцаетъ природу въ такія минуты широко раскрытыми наивными дѣтскими глазами и силится потомъ передать въ своихъ стихахъ это настроеніе неуловимыхъ, но подавляющихъ его ощущеній, не отдѣляя себя отъ природы, сливаясь съ нею въ одно нераздѣльное цѣлое. Лучшія его стихотворенія именно тѣ, гдѣ Фофановъ всецѣло отдается созерцанію природы. Его

мягкій, нѣсколько расплывчатый стихъ вполнѣ гармонируетъ съ этими туманными, воздушными очертаніями, въ которыхъ ему рисуется природа. Гораздо хуже его любовные стансы, для которыхъ у него не хватаетъ силы выраженія и страсти. Его любовь также расплывчата и туманна, какъ и его грезы. Въ ней больше иллюзіи, чѣмъ настоящей живой страсти. Она никогда не является у него торжествующей, а всегда—страждущей и тоскующей.

Какъ я любилъ ее, какъ я о ней страдалъ;
Ночами долгими, приникнувъ къ изголовью,
Съ какою нѣжною и пламенной любовью
Ей сны волшебные и сказки повѣрялъ.

Я не платилъ за ложь обманомъ, а тоскою,
Одной безумною тоскою заплатилъ.
Я ей, какъ рабъ, сказалъ: «владѣй моей душою» —
И палъ къ ея ногамъ, безъ жизни и безъ силъ.

И, видя падшаго у ногъ своихъ, донынѣ
Съ веселіемъ она взираетъ на меня.
И, жертва слабая, я гасну день отъ дня
Безъ ропота и мукъ у ногъ моей богини.

Таковъ основной мотивъ его любовной лирики, чахлой и безкровной.

Кромѣ лирическихъ произведеній, въ сборникъ вошло еще нѣсколько поэмъ, относительно которыхъ можно сказать одно, что они столь же длинны, сколько скучны. «Поэтесса»—повѣсть въ 3.000 стиховъ, передающая злоключенія какой-то Глафиры сначала въ замужествѣ за старымъ мужемъ, потомъ въ столицѣ и, наконецъ, ея смерть; есть тутъ всего понемногу, даже попытка на легонькую сатиру, нѣтъ только одного—таланта и вдохновенія. Г. Фофановъ меньше всего эпическій поэтъ, чужая душа закрыта для него, а стихъ слишкомъ расплывчатъ, ему не достаетъ необходимой сжатости и простоты, хотя г. Фофановъ и не прочь иногда быть даже излишне простымъ, какъ, напр., описывая смерть своей героини:

То тифъ ужасный, тифъ сыпной
Ее схватилъ пятнистой лапой
И смялъ, какъ жертву звѣрь лѣсной...
О, пощади! О, не царапай!
Не тѣшься жизнью молодой

Образъ пятнистаго тифа, «царапающаго» больную поэтессу, невольно вызываетъ въ памяти другой, такъ прелестно нарисованный у Пушкина:

Такъ иногда лукавый котъ,
Жеманный баловень служанки,
За мышью крадется съ лежанки:
Украдкой медленно идетъ,
Полузажмурясь подступаетъ,
Свернется въ комъ, хвостомъ играетъ,
Раздвинетъ когти хитрыхъ лапъ
И вдругъ бѣдняжку цапъ-царапъ.

Нечего и говорить, насколько неудобна такая вульгарность выраженій, когда рѣчь идетъ о смерти героини, а у г. Фофанова въ его поэмахъ сплошь и рядомъ натыкаешься на подобныя потѣшныя странности, которыя получаютъ особенно веселый характеръ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, какъ и въ случаѣ съ тифомъ, содержаніе отнюдь не веселое, даже мрачное, и поэтъ желаетъ быть даже патетическимъ. Такая невыдержанность тона вообще слабое мѣсто г. Фофанова, портившая раньше и лирическія его вещи, въ которыхъ вдругъ, въ моментъ, казалось, особенно сильнаго подъема чувства выскакивала луна, показывающая «окровавленный кончикъ» и т. п. *А. Б.*

«Думы и пѣсни русскихъ поэтовъ, отъ Ломоносова до нашихъ дней». Томъ I (Библіотека культурной Руси). Москва. 1900 г. Это первый томъ антологіи изъ русскихъ поэтовъ, заключающій въ себѣ произведенія уже умершихъ авторовъ. Такихъ сборниковъ у насъ не мало, чѣмъ же отличается новый отъ предшествующихъ, другими словами—какимъ критеріемъ руководился составитель при выборѣ стихотвореній? На обложкѣ помѣщенъ эпиграфъ изъ Пушкина: «И долго буду тѣмъ любезенъ я народу, что чувства добрыя я лирой пробуждалъ». Это принципъ ясный и опредѣленный; но за обложкою слѣдуетъ предисловіе отъ издателя, гдѣ—трудно повѣрить, но это такъ—сказано слѣдующее: «Такъ какъ уже многіе составители сборниковъ ставили себѣ задачей останавливать свой выборъ на произведеніяхъ наиболѣе характерныхъ для каждаго автора, то въ данномъ случаѣ издатель рѣшился избрать преимущественно тѣ стихотворенія, которыя заключали бы въ законченной художественной формѣ какую-либо опредѣленную мысль, настроеніе, чувство поэта, или же описаніе природы родной страны». Это «такъ какъ» очаровательно; это значитъ: такъ какъ другіе составители руководились при выборѣ принципомъ *a* (т. е. однимъ изъ множества возможныхъ), то *въ данномъ случаѣ* мы рѣшились не руководиться никакимъ принципомъ. Ибо что же другое есть задача стихотворенія, какъ не дать «въ законченной художественной формѣ какую-либо неопредѣленную мысль, настроеніе, чувство поэта, или же описаніе природы родной страны»? И дѣйствительно, выборъ обусловленъ, повидимому, если не слѣпымъ рокомъ, то вкусомъ составителя.. Нѣтъ никакой возможности понять, почему изъ даннаго поэта взяты эти (часто худшія), а не какія-нибудь другія стихотворенія *); столь же невозможно понять, почему Рылѣеву отведена одна страница, а Теплякову или Мятлеву двѣ, зачѣмъ понадобились стихи Плетнева, А. К. Жуковскаго и пр. *М. Г.*

Ж. Расинъ. Трагедіи. I «Гоѳолія». II. «Эсѳирь». Переводъ въ стихахъ О. Н. Чюминой. Спб. 1900 г. Судьба произведеній Расина какъ нельзя лучше свидѣтельствуетъ о превратности всякой литературной славы. Послѣ того какъ цѣлый рядъ поколѣній считали его величайшимъ геніемъ, какой когда-либо существовалъ въ литературѣ, новая волна увлекла симпатіи толпы въ другую сторону и сразу отодвинула Расина въ ряды почтенныхъ, но неинтересныхъ «классиковъ». По торжественнымъ днямъ во «французскомъ театрѣ» все еще даютъ «Федру» или другую трагедію Расина, но оффиціальный культъ, который ему воздаютъ, является только простымъ актомъ вѣжливости, традиціоннымъ обрядомъ, исполненіе котораго не затрогиваетъ никакихъ живыхъ струнъ въ душѣ зрителей. Въ одномъ только отношеніи произведенія Расина сохранили для французовъ неувядающее значеніе: какъ памятникъ языка и стихосложенія. Въ этомъ отношеніи самый бурный періодъ борьбы противъ классицизма, какъ и позднѣйшее господство натуралистической прозы не нанесли ущерба его авторитету. Всѣ, кому приходилось работать въ области художественнаго слова, отъ В. Гюго до Ренана, не могли не цѣнить безукоризненнаго, изобразительнаго языка и блестящаго, никогда не измѣняющагося стиха Расина. У насъ въ Россіи эти преимущества его, конечно не могли имѣть особенно большой цѣны, поэтому забвеніе, въ которое впало это препрославленное нѣкогда имя, было здѣсь еще полнѣе. Нечего напоминать ту роль, которую игралъ Расинъ въ русской литературѣ во второй половинѣ XVIII и даже въ первой четверти XIX вѣка. Достаточно указать, какое обиліе переводовъ его трагедій появилось за это время. Въ числѣ переводчиковъ находятся Сумароковъ, Новиковъ, гр. Хвостовъ, Катенинъ. Впрочемъ, благодаря распространенности французскаго языка, Расинъ

*) Напримѣръ, изъ Кольцова взято три стиха: «Лѣсъ», «Много есть у меня теремовъ и садовъ» и «Двѣ жизни».

былъ болѣе извѣстенъ нашимъ дѣдамъ и прадѣдамъ въ оригиналѣ, чѣмъ въ переводахъ, и о популярности его сочиненій особенно ярко свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что они даже издавались въ Петербургѣ на французскомъ языкѣ (изданіе 1811 года извѣстнаго издателя Плюшара). Но съ переворотомъ, совершеннымъ Пушкинымъ и отчасти Жуковскимъ, для Расина не остается никакого мѣста въ интересахъ русскаго общества. Вмѣстѣ съ собственной ходульной литературой Екатерининскаго вѣка поколѣніе 30-хъ и 40-хъ годовъ поставило крестъ на французскомъ классицизмѣ, предавшись новому властителю думъ—Байрону. На сценѣ, которая у насъ всегда значительно отставала отъ литературы, еще нѣкоторое время держатся въ репертуарѣ Расинъ на ряду съ Озеровымъ, главнымъ образомъ благодаря такимъ артистамъ, какъ Каратыгинъ, но и здѣсь старымъ героямъ приходится бороться съ романтической стряпней Кукольника, а вскорѣ самое имя Расина становится синонимомъ чего-то неестественнаго, отжившаго и скучнаго.

Настоящимъ переводомъ «Гоѳоліи» (Аталіи) и «Эсѳири» наша извѣстная переводчица О. Н. Чюмина, послѣ долгаго періода полнаго забвенія и равнодушія, снова привлекаетъ вниманіе русскихъ читателей къ Расину. Надо упомянуть, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ появилось изслѣдованіе г. Батюшкова о «Женскихъ типахъ въ трагедіяхъ Расина» («Сѣв. Вѣстн.» 1896, кн. 7), которое быть можетъ и оказало вліяніе на интересъ переводчицы къ этому писателю. Конечно, теперь не можетъ быть и рѣчи о воскресеніи прежнихъ симпатій публики, но г-жа Чюмина несомнѣнно сдѣлала не безполезную работу, давъ русскимъ читателямъ болѣе или менѣе ясное представленіе о писателѣ, которому принадлежитъ такое колоссальное значеніе въ исторіи европейской литературы. Что Расинъ въ наше время не можетъ уже вызывать непосредственнаго увлеченія, ясно изъ самаго перевода г-жи Чюминой: ея ровный, корректный языкъ нигдѣ не обнаруживаетъ того творческаго подъема, который заставилъ бы читателя забыть, что передъ нимъ не оригиналъ, а только копія. Нѣсколько болѣе жизни въ лирическихъ мѣстахъ, которыя въ обѣихъ трагедіяхъ представлены хоровыми сценами, совершенно ненужными для драматическаго дѣйствія, но любопытными, какъ отдаленный отголосокъ церковнаго происхожденія библейской драмы. Здѣсь болѣе свободный стихотворный размѣръ и меньшая сухость языка позволяютъ достичь значительной музыкальности и даютъ возможность выражать не только мысли, но и настроенія. Для примѣра возьмемъ маленькій отрывокъ изъ «Гоѳоліи»:

Во дворцѣ, гдѣ толпой малодушною
Преклоняются низко челомъ
Передъ гровно ликующимъ зломъ;
Гдѣ готовностью, рабски послушною,
Покупаютъ почетъ, забывая о домѣ святомъ,—
Кто захочетъ вступиться душой равнодушною
За безвинно гонимыхъ врагомъ?

Это довольно вольный переводъ: въ подлинникѣ отсутствуетъ бо́льшая часть эпитетовъ и, конечно, нѣтъ трехсложной рифмы; но именно этимъ самостоятельнымъ отношеніемъ переводчицы къ изображенію даннаго момента общій характеръ оригинала передается гораздо правильнѣе, чѣмъ самою щепетильною дословностью. Конечно, и въ этомъ отрывкѣ можно отмѣтить нѣсколько стилистическихъ шероховатостей, которыхъ г-жа Чюмина, конечно, не допустила бы, если бы писала не переводъ, а собственное стихотвореніе: «готовность» здѣсь поставлена вмѣсто «угодливость»; нельзя безъ натяжки сказать «вступиться душой», и, наконецъ, дѣло идетъ о гоненіяхъ не со стороны какого-то «врага», а именно хозяевъ царскаго дворца. Въ виду упомянутой чистоты языка Расина, такія натяжки особенно нежелательны, но ихъ такъ

рѣдко умѣютъ избѣжать наши переводчики, что мы уже привыкли не предъявлять имъ особенно строгихъ требованій. Можно было бы указать еще нѣкоторыя погрѣшности уже прямо противъ русскаго языка, напр., «усопшихъ воскресалъ» (вм. воскрешалъ), или «отмстивъ Гоѳолію» (вм. за Гоѳолію), или неправильныя ударенія вродѣ «для помаза́нія». Въ общемъ, однако, такихъ ошибокъ весьма не много, и онѣ почему-то встрѣчаются главнымъ образомъ въ «Гоѳоліи», въ «Эсѳири» же мы замѣтили только одинъ невозможный стихъ:

Вѣнча́вшую на нихъ чело мое корону...

За исключеніемъ этихъ мелочей, надо признать, что трудъ г-жи Чюминой принадлежитъ къ наиболѣе удовлетворительнымъ изъ новѣйшихъ переводовъ классическихъ авторовъ. *Е. Дегенъ.*

Кальдеронъ. «Сочиненія». Переводъ съ испанскаго К. Д. Бальмонта. Выпускъ 1-й. Москва. 1900 г. Изъ числа 181 духовныхъ и свѣтскихъ пьесъ Кальдерона на русскій языкъ переведены лишь весьма немногія Юрьевымъ, Чуйко, Петровымъ и нѣкоторыми другими. Трагедія «Чистилище св. Патрикка», составляющая 1-й выпускъ предпринятаго г. Бальмонтомъ изданія, появляется на русскомъ языкѣ впервые. Переводчикъ объясняетъ свой выборъ не только тѣмъ, «что эта драма сразу даетъ представленіе о литературной манерѣ Кальдерона», но еще и тѣмъ, «что вложенный въ нее мотивъ покаянія является связующимъ звеномъ между русской литературой и испанской». Однако, самъ г. Бальмонтъ понимаетъ, насколько эта связь внѣшняя: покаяніе у Кальдерона имѣетъ чисто внѣшній средневѣково-католическій характеръ, тогда какъ у Толстого и даже у Достоевскаго очищеніе отъ безнравственной жизни достигается не механическими истязаніями, а разумной жизнью въ человѣческомъ обществѣ. Но въ сущности поводъ вовсе неваженъ, — важно то, что г. Бальмонтъ обогатилъ русскую литературу новымъ, въ высшей степени любопытнымъ, а во многихъ частностяхъ и прекраснымъ произведеніемъ. Драматизируя легенду объ ирландскомъ патронѣ, жившемъ въ V-мъ вѣкѣ, Кальдеронъ вноситъ въ свою драму міровоззрѣніе испанца XVII вѣка. Этотъ блестящій вѣкъ, отмѣченный такимъ необыкновеннымъ подъемомъ творческой силы въ области литературы и живописи, весь еще полонъ элементовъ среднихъ вѣковъ, хотя его отдѣляетъ отъ нихъ великая эпопея Сервантеса. Экстатическая религіозность, содержаніе которой составляется столько же изъ поклоненія небесному началу, сколько изъ страха передъ діаволомъ, полное отсутствіе потребности въ критикѣ по отношенію къ традиціоннымъ началамъ духовной и общественной жизни, любовь, которая постоянно колеблется между порывами физической страсти и жаждой крови, отношенія между людьми, которыя регулируются принципомъ: «мнѣ отмщеніе, и азъ воздамъ», и утонченными, доведенными до абсурда понятіями о чести, — все это еще живетъ полною жизнью при дворѣ Филиппа IV и въ драмахъ Кальдерона. Любопытно наблюдать, какъ, благодаря наивному искусству автора, произведенія его отражаютъ современную ему дѣйствительность тамъ, гдѣ онъ меньше всего объ этомъ думаетъ. Такъ, напр., въ «Чистилищѣ св. Патрикка» этотъ апостолъ христіанства устраиваетъ съ языческимъ царемъ Эгеріо форменный богословскій диспутъ, какіе Кальдеронъ, конечно, не разъ слышалъ въ бытность свою студентомъ Саламанскаго университета. Язычникъ, который не имѣетъ никакого понятія о божествѣ и вѣритъ только «въ рожденіе и смерть», какъ опытный школьный эристикъ, пользуется любимѣйшей въ средневѣковыхъ университетахъ системой возраженій: онъ принимаетъ точку зрѣнія противника и старается логически вывести изъ нея абсурдное заключеніе. Съ другой стороны св. Патриккъ выясняетъ вопросъ на основаніи ученія церкви и также логически строитъ догматъ о чистилищѣ. Однако, язычникъ словами не убѣждается, и въ видѣ ultima ratio онъ требуетъ,

чтобы Патриккъ показалъ чудо, которое подѣйствовало бы силою очевидности. При этомъ обнаруживается новая бытовая черта: Богу приписывается сознаніе чести, какъ испанскому дворянину. Эгеріо говоритъ Патрикку:

Честь Бога отъ тебя теперь зависитъ.
Скажи ему, пусть защититъ ее.

И дѣйствительно Патриккъ испрашиваетъ чудо, которое и совершается. Тогда онъ восклицаетъ:

Да возвеличитъ небо лучезарность
Щедротъ Твоихъ, о Боже вездѣсущій,
За честь свою вступающійся чудомъ
Такимъ многозначительнымъ!

Эти черты лишь исторически интересны, художественное же значеніе имѣютъ другія: именно великолѣпное изображеніе испанской любви,—донъ-жуанства со стороны мужчины и безграничнаго самоотверженія со стороны женщины. Здѣсь испанскій драматургъ дѣйствительно приближается къ Шекспиру по силѣ реализаціи своихъ замысловъ.

Хотя, къ сожалѣнію, мы лишены возможности судить, насколько г. Бальмонтъ полно и вѣрно передалъ характеръ испанскаго оригинала, но можно сказать одно, что русская форма драмы Кальдерона по литературности и выразительности языка можетъ выдержать серьезную критику. Стихотворный талантъ г. Бальмонта, извѣстный изъ его переводовъ Шелли и столь плачевно измѣнившій ему въ переводѣ Гауптмана, здѣсь опять обнаруживается съ полною силою. Въ виду общаго характера легкости и естественности стиха на протяженіи всей драмы, позволительно пренебречь нѣсколькими небрежностями, какъ, напр., неологизмами: «врагиня», «знаменоносецъ» или неправильнымъ пониманіемъ значенія словъ, напр., «сподручный» вмѣсто «подручный». Предлагая русскому читателю такого экзотическаго автора, какъ Кальдеронъ, для облегченія правильнаго отношенія къ нему весьма полезно предпослать его произведеніямъ вступительный историческій и біографическій комментарій. Г. Бальмонтъ понялъ это и занялъ цѣлую половину книжки такого рода статьями, но онѣ, къ сожалѣнію, не могутъ быть признаны удовлетворительными. Въ началѣ помѣщена собственная статья г. Бальмонта, подъ заглавіемъ «Отъ страстей къ созерцанію». Кто знакомъ съ литературною физіономіей г. Бальмонта, легко можетъ себѣ представить, что онъ могъ написать подъ такимъ заглавіемъ. Рядомъ съ весьма неполными и отрывочными свѣдѣніями о жизни, дѣятельности и исторической эпохѣ Кальдерона встрѣчаются оригинальнѣйшія страницы, лишній разъ подтверждающія, что если г. Бальмонтъ талантливый версификаторъ, то въ качествѣ критика, психолога и историка литературы онъ болѣе чѣмъ слабъ. Такъ, г. Бальмонтъ отваживается, напр., доказывать, что въ «Отелло» Шекспиръ нарисовалъ частичныя черты ревности, проявляющіяся при исключительныхъ, совершенно случайныхъ, условіяхъ, онъ показалъ намъ ревность внѣ психологической цѣльности этого чувства...» Это образчикъ критическаго пониманія г. Бальмонта, а вотъ примѣръ его лирическаго философствованія: «Что такое любовь вообще? Вотъ одинъ изъ вопросовъ, которые возникаютъ постоянно, но на которые нельзя дать точнаго отвѣта. Любовь, также какъ жизнь, также какъ Богъ, также какъ красота, неопредѣлима. Я хочу сказать, что нельзя дать безукоризненнаго опредѣленія каждаго изъ этихъ понятій». Надо думать, что это правда, потому что и въ «Прекрасной Еленѣ» дебатируется тотъ же глубокомысленный вопросъ: Qu'est ce que c'est que l'amour? и опредѣленіе, которое тамъ дается этому понятію, далеко не безукоризненно. Нѣсколькими страницами далѣе ставится новая психологическая проблема: «Какъ опредѣлить ревность? Адскій недугъ ревности есть вещь деликатная,

una cosa delicada,—говоритъ Сервантесъ... Шекспиръ еще лучше опредѣляетъ это чувство, говоря устами Яго, что это—зеленоглазое чудовище, которое насмѣхается надъ тѣмъ, чѣмъ питается...» Великій Шекспиръ, какъ извѣстно, сказалъ также однажды: «О, женщины, женщины!» И это тоже недурное опредѣленіе женщинъ. Вслѣдъ за статьею г. Бальмонта идетъ переводъ «Замѣтки о чистилищѣ св. Патрикка» Руанэ. Это весьма содержательная и ученая статья, но тутъ она также совершенно не къ мѣсту. Она представляетъ вполнѣ спеціальное изслѣдованіе по исторіи данной легенды на основаніи богословской средневѣковой литературы. Конечно, очень интересно и важно знать, что Кальдеронъ получилъ готовымъ изъ своихъ источниковъ, и что въ его драмѣ должно быть отнесено насчетъ его личнаго творчества. Но для этого совершенно лишнее водить обыкновеннаго читателя по лабиринту монастырскихъ кодексовъ и древнихъ печатныхъ житій. Въ заключеніе статьи Руанэ г. Бальмонтъ чрезвычайно неожиданно «позволяетъ себѣ процитировать... свое стихотвореніе» о мостѣ «между Временемъ и Вѣчностью». Откуда? зачѣмъ?—ничего неизвѣстно. Можно только догадаться, что это совершенно ничего не говорящее и никому ненужное стихотвореніе напечатано здѣсь для того, чтобы нельзя было забыть, что переводчикъ Кальдерона это тотъ самый г. Бальмонтъ, который умѣетъ писать «въ безбрежности» и у котораго «фіолетовыя руки на эмалевой стѣнѣ» умѣютъ складываться въ самыя поучительныя перстосложенія. *Е. Дегенъ.*

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Ев. Бобровъ. «Литература и просвѣщеніе въ Россіи XIX в.»—*А. К. Бороздинъ.* «Сто лѣтъ литературнаго развитія».—*А. А. Ярцевъ.* «Основаніе и основатель русскаго театра».—*К. Я. Гротъ.*—«Къ перепискѣ Гоголя съ Плетневымъ».

Проф. Евгеній Бобровъ, «Литература и просвѣщеніе въ Россіи XIX в.» «Матеріалы, изслѣдованія и замѣтки». Томъ I. Казань. 1901 г. Эта книга состоитъ изъ двухъ частей: «Поэзія Д. В. Веневитинова въ связи съ его жизнью» (1—83 стр.) и «Матеріалы для біографіи В. С. Печерина» (83—216 стр.). Первая статья не представляетъ никакого интереса; въ ней нѣтъ ни новыхъ свѣдѣній, ни новой точки зрѣнія, и написана она по-ученически: неизмѣримыя стихотворныя цитаты, гдѣ въ кучу свалены изуродованные обломки стиховъ, вродѣ слѣдующей (выписываемъ съ буквальной точностью):

И надъ шумящею волною
Сестрѣ могилу вырылъ я.
...Подъ скалою трупъ зарытъ...
Но на скалѣ сей...
Я начерталъ обѣтъ священный:
За все и т. д.
Съ тѣхъ поръ меня магометане
Узнали въ стычкѣ боевой (стр. 29).

И послѣ каждой такой цитаты, способной у нервнаго человѣка вызвать зубную боль,—пара строчекъ глубокаго анализа, какъ, напримѣръ: «Душевныя муки и боренія все растутъ и усиливаются, и сердце поэта разражается, изливается въ отчаянныхъ вопляхъ», или еще: «Поэтъ, чувствуя приближеніе смерти, уже преборолъ свою любовь, какъ страсть».

За то вторая часть книги очень интересна: здѣсь, правда, безъ всякой связи и анализа, сопоставлено все, что извѣстно о личности и жизни одного замѣчательнаго русскаго человѣка—профессора московскаго университета, по-

томъ эмигранта и іезуита, В. С. Печерина. Имя это у насъ почти неизвѣстно; между тѣмъ Печеринъ заслуживаетъ глубокаго интереса и какъ чрезвычайно выдающійся человѣкъ, одаренный сильнымъ умомъ и недюжиннымъ поэтическимъ талантомъ и пережившій необычайно сложную душевную драму, и какъ одно изъ самыхъ характерныхъ явленій въ русской общественной жизни 30-хъ и 40-хъ годовъ. Онъ родился въ 1808 году, въ 1831 году окончилъ Петербургскій университетъ по историко-филологическому факультету и въ началѣ 1833 г. былъ отправленъ въ Берлинъ для приготовленія къ каѳедрѣ. Въ Россію онъ вернулся лѣтомъ 1835 г. и былъ назначенъ въ Москву на каѳедру греческой словесности. Онъ читалъ здѣсь только одинъ годъ, и, по единодушному свидѣтельству Погодина, Самарина, Буслаева, съ блестящимъ успѣхомъ; въ 1836 г. онъ отправился за границу на лѣтнія вакаціи и больше не вернулся въ Россію. Въ началѣ слѣдующаго года онъ изъ Брюсселя написалъ попечителю московскаго округа, графу Строганову, письмо, въ которомъ говоритъ: «Вы призвали меня въ Москву... Ахъ, графъ, сколько зла вы мнѣ сдѣлали, сами того не желая! Когда я увидѣлъ эту грубоживотную жизнь, эти униженныя существа, этихъ людей безъ вѣрованій, безъ Бога, живущихъ лишь для того, чтобы копить деньги и откармливаться, какъ животныя,—этихъ людей, на челѣ которыхъ напрасно было бы искать отпечатка ихъ Создателя, когда я увидѣлъ все это, я погибъ!.. Я погрузился въ мое отчаяніе, я замкнулся въ одиночество моей души, я избралъ себѣ подругу, столь же мрачную столь же суровую, какъ я самъ... Этою подругою была ненависть». У него бывали видѣнія. «Въ одну изъ этихъ торжественныхъ ночей я услышалъ голосъ моего Бога, тотъ строгій, грозный голосъ, который потрясъ всѣ струны моего сердца. Этотъ голосъ прокричалъ мнѣ: «Что ты тутъ дѣлаешь? Здѣсь нѣтъ будущности! Встань! Покинь страну своихъ отцовъ! Возьми Мое святое знамя! Возьми Мой тяжкій крестъ и неси его, если нужно, до Голгоѳы!» Въ это же время Печеринъ написалъ своему другу Ѳ. В. Чижову, что рѣшился навсегда оставить Россію, что онъ не созданъ для того, чтобы учить греческому языку, что онъ чувствуетъ въ себѣ призваніе идти за своей звѣздой, а эта звѣзда ведетъ его въ Парижъ. Покинувъ Россію, онъ сначала, повидимому, хотѣлъ примкнуть къ соціально-революціонному движенію; проживъ, нѣкоторое время въ Парижѣ, онъ перебрался въ Цюрихъ и здѣсь добивался натурализаціи. Все это время онъ сильно бѣдствовалъ. Въ 1841 г. онъ, къ величайшему удивленію своихъ друзей, принялъ католичество и вступилъ въ іезуитскій орденъ, въ которомъ вскорѣ занялъ высокое положеніе. Въ 1853 г. съ нимъ видѣлся Герценъ, описавшій потомъ это свиданіе и напечатавшій три замѣчательныхъ письма къ нему Печерина. Черезъ два года въ Ирландіи былъ привлеченъ къ суду rever father Vladimir Petcherin, native a Russian, за публичное сожженіе на площади протестантской библіи, а еще черезъ десять лѣтъ, въ 1865 г. въ редакціи аксаковскаго «Дня» получено было письмо отъ Печерина съ приложеніемъ стиховъ; это письмо и эта потрясающая поэтическая біографія были тотчасъ напечатаны. Когда умеръ Печеринъ, неизвѣстно. Вотъ послѣднія строфы его послѣдняго стихотворенія, стоющія цѣлой біографіи:

Ахъ! повѣрь и мнѣ не чужды были
Ласки матери родной!
И друзья мнѣ счастіе сулили,
И звѣзда свѣтила предо мной!

Но—я слышалъ гласъ Красы незримой:
Этотъ гласъ меня очаровалъ.
Я отца и мать, и край родимый—
Все на жертву ей отдалъ!

Гдѣ ты? гдѣ? Краса небесная!
Гдѣ? въ какой странѣ тебя найду?
За горами-ль за высокими?
За морями-ль за широкими?
Всюду за тобой пойду!

Предо мной вездѣ Она мелькала
И манила за собой:
Я за ней—Она вдругъ исчезала,
Будто призракъ въ тьмѣ ночной.

И теперь бездомнымъ сиротою
По̀-міру одинъ брожу,
Сладкаго вездѣ ищу покою—
И нигдѣ не нахожу.

Замѣчательная поэма Печерина «Торжество смерти», написанная въ 1837—1838 г., была напечатана Огаревымъ въ сборникѣ «Стихотворенія Пушкина, и пр.» Г. Боброву осталось также неизвѣстною оцѣнка этой поэмы—въ очеркѣ развитія русской поэзіи Огарева, предпосланномъ этому сборнику (Печерину посвящены тамъ стр. LXXVII—LXXVIII). *М. Г.*

А. К. Бороздинъ. Сто лѣтъ литературнаго развитія. Характеристика русской литературы XIX столѣтія. Спб. 1900 г. Въ исходѣ XIX вѣка у г. Бороздина явилась счастливая мысль подвести итоги литературнаго развитія Россіи въ истекающемъ столѣтіи и дать общую характеристику «золотого вѣка» русской литературы. Осуществленіемъ этой мысли явилась книжка въ 86 страницъ подъ указаннымъ заглавіемъ.

Для удобства разсмотрѣнія русской литературы XIX вѣка авторъ дѣлитъ этотъ періодъ на четыре равныя части, изъ которыхъ каждая «имѣетъ свой особый отличительный характеръ», а именно: «первая четверть есть эпоха, подготовляющая намъ Пушкина и его литературное направленіе; вторая—пора творческой работы Пушкина, Лермонтова, Гоголя и Бѣлинскаго, пора, въ которую уясняется общественное значеніе литературы и созрѣваютъ могучія дарованія плеяды великихъ мастеровъ слова и носителей идей, долженствующихъ заполнить своею дѣятельностью содержаніе третьей четверти вѣка; наконецъ, въ четвертую четверть эти дѣятели, завершивъ свой трудъ, сходятъ одинъ за другимъ съ жизненной арены, и наступаетъ... литературное затишье, время эпигоновъ».

Какъ ни просто и стройно приведенное дѣленіе, его нельзя принять безъ нѣкоторыхъ оговорокъ. Напр., не всѣ согласятся съ тѣмъ, что творческая работа Пушкина началась только въ царствованіе императора Николая I. Нельзя также ограничить дѣятельность Тургенева одной третьей четвертью XIX столѣтія, потому что «Записки охотника», одно изъ величайшихъ произведеній русской литературы, явились, большею частью, въ сороковыхъ годахъ. Еще менѣе основаній заключать въ тѣсныя рамки третьяго двадцатипятилѣтія литературную дѣятельность Достоевскаго, Щедрина, Толстого, не говоря о цѣломъ рядѣ второстепенныхъ писателей.

Основнымъ характеромъ русской литературы г. Бороздинъ считаетъ идеализмъ, который никогда не чуждался дѣйствительности, потому что для лучшихъ русскихъ писателей было ясно, что «нѣтъ идеала безъ правды». Всѣ великіе русскіе писатели, начиная съ Карамзина и кончая Львомъ Толстымъ, признавали за искусствомъ служебную роль и смотрѣли на него, какъ на зараженіе публики чувствами художника. Пушкинъ вовсе не былъ поклонникомъ и представителемъ чистаго искусства. «Если даже примѣнить въ поэзіи Пушкина требованіе объясненія жизни искусствомъ, выставленное Чернышевскимъ... то подъ это требованіе она вполнѣ подходитъ.... Въ объединеніи идеальныхъ

требованій съ жизненными стремленіями и заключается то великое наслѣдіе, которое Пушкинъ передалъ русской литературѣ» (стр. 21—22).

И въ русской критикѣ XIX вѣка г. Бороздинъ указываетъ на проповѣдь служебной роли искусства, какъ на общехарактерную черту, ведущую свое начало тоже отъ Карамзина, который считалъ поэзію уже не «вкуснымъ лимонадомъ», какъ Державинъ, а «наставницей людей». Послѣдователемъ Карамзина, до нѣкоторой степени, является и Бѣлинскій, проложившій путь, по которому русская критика идетъ и «понынѣ». И Чернышевскій, и Добролюбовъ, и Писаревъ—все это преемники и ученики Бѣлинскаго. Самъ основатель «органической критики», Аполлонъ Григорьевъ, держался тѣхъ же самыхъ основныхъ взглядовъ на искусство, которые проповѣдывались и въ «Современникѣ». «Разница заключалась только въ частныхъ приложеніяхъ». Даже представителямъ эстетической критики не всегда удавалось «соблюсти безразличное отношеніе къ фактамъ общественной жизни».

Справедливость приведенной характеристики русской литературы и русской критики не подлежитъ сомнѣнію. Можно только не соглашаться съ г. Бороздинымъ тогда, когда онъ старается подогнать всѣ факты подъ одно общее правило и когда подчеркиваетъ связь литературнаго развитія въ XIX в. съ дѣятельностью Карамзина. Самъ г. Бороздинъ находитъ нужнымъ протестовать противъ того. что значеніе Карамзина «раздувается до крайнихъ предѣловъ, такъ что и Достоевскій, и Тургеневъ оказываются порожденіемъ карамзинскаго «идеализма». Но этотъ протестъ не мѣшаетъ тому же г. Бороздину впадать въ подобное же преувеличеніе, когда онъ заявляетъ, что толстовское «опредѣленіе поэзіи, какъ зараженія чувствомъ, довольно отчетливо обнаруживается въ статьѣ (Карамзина) «Что нужно автору?» (стр. 10).

Нельзя также не обратить вниманія и на тотъ фактъ, что сдѣланная г. Бороздинымъ характеристика отличается черезчуръ общимъ характеромъ. Онъ оставляетъ въ сторонѣ вопросъ о главнѣйшихъ направленіяхъ, господствовавшихъ въ русской литературѣ XIX вѣка и опредѣлившихся общественно-политическими взглядами, идеалами и симпатіями русскихъ писателей. Отсюда у г. Бороздина рядъ существенныхъ пробѣловъ, которыхъ нельзя оправдать даже незначительными размѣрами его книжки. Цѣлый рядъ писателей у него только упоминается, при чемъ представители всѣхъ направленій смѣшиваются въ одну общую кучу. Характеризуя романъ третьей четверти XIX столѣтія, авторъ разбираемаго очерка говоритъ слѣдующее: «На этомъ поприщѣ выступаютъ такіе художественные колоссы какъ Тургеневъ, Достоевскій, графъ Л. Н. Толстой, Гончаровъ и Писемскій, и передъ ними блѣднѣютъ таланты меньшаго объема, въ родѣ Г. Успенскаго, Златовратскаго, Рѣшетникова, С. Т. Аксакова, Лѣскова, Мельникова, В. Крестовскаго, Крестовскаго-псевдонима, Маркевича, тогда какъ въ другую эпоху каждый изъ этихъ второстепенныхъ писателей могъ бы занять одно изъ очень почетныхъ мѣстъ» (стр. 64). Неужели ни одинъ изъ этихъ писателей не внесъ въ русскую литературу ничего характернаго, каждый въ своемъ родѣ? И почему именно г. Бороздинъ «вынужденъ» объ этихъ писателяхъ не сказать ниодного слова, тогда какъ онъ счелъ возможнымъ дать характеристику романовъ гг. Михайлова-Шеллера и Боборыкина? Какимъ образомъ художественные колоссы третьей четверти затмеваютъ литературную дѣятельность Глѣба Успенскаго, Златовратскаго и не упоминаемаго г. Бороздинымъ Терпигорева—писателей послѣдней четверти XIX столѣтія? Отвѣта на эти вопросы нѣтъ въ книжкѣ г. Бороздина.

Болѣе щедръ на имена и характеристики авторъ разбираемаго очерка русской литературы, когда рѣчь идетъ о послѣдней четверти столѣтія. Тутъ онъ говоритъ о гг. Чеховѣ, Короленкѣ, Альбовѣ, Баранцевичѣ, Маминѣ-Сибирякѣ, Потапенкѣ, даже о новѣйшихъ писателяхъ: гг. Мельшинѣ, М. Горькомъ, Ве-

ресаевѣ, Накрохинѣ и Танѣ. Но зато объ остальныхъ представителяхъ современнаго русскаго романа и повѣсти г. Бороздинъ даетъ самый пренебрежительный отзывъ, а нѣкоторыхъ, напримѣръ Эртеля, Станюковича, не упоминаетъ вовсе. Что касается покойныхъ дѣятелей послѣдней четверти, то о нихъ говорится еще меньше. Даже для Гаршина не нашлось мѣста въ «характеристикѣ русской литературы XIX вѣка».

Нельзя не обратить вниманія и на то предпочтеніе, которое г. Бороздинъ отдаетъ лирикѣ и драмѣ по сравненію съ романомъ и повѣстью. Если лирика, какъ поэзія чувства, «прежде всего» отражаетъ въ себѣ «новые интересы», то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы эти интересы выражались въ лирической поэзіи всего полнѣе. Самъ г. Бороздинъ считаетъ романъ «самымъ крупнымъ явленіемъ» въ литературѣ третьяго періода, но все-таки разсматриваетъ романъ послѣ лирики и драмы и второстепеннымъ поэтамъ этого періода удѣляетъ больше мѣста, чѣмъ первоклассным ъ русскимъ романистамъ XIX вѣка, составляющимъ нашу славу и гордость передъ Европой и всѣмъ образованнымъ міромъ. Такое же предпочтеніе лирикѣ и такая же неравномѣстность вниманія къ отдѣльнымъ литературнымъ формамъ и отдѣльнымъ писателямъ наблюдается и въ главѣ, посвященной послѣднему періоду. Достаточно указать, что г. Бальмонту и г-жѣ Лохвицкой-Жиберъ въ книжкѣ г. Бороздина удѣлена цѣлая страница, а Чехову и Короленкѣ—всего пятнадцать строкъ.

Кромѣ сдѣланныхъ замѣчаній общаго характера, нельзя не остановиться и на отдѣльныхъ взглядахъ г. Бороздина, нерѣдко поражающихъ своею неожиданностью и парадоксальностью. Ограничимся только нѣсколькими примѣрами. Значеніе Пушкина на дальнѣйшее развитіе русской литературы, какъ совершенно справедливо думаетъ г. Бороздинъ, было громадно; онъ сравниваетъ даже, вслѣдъ за проф. Ключевскимъ, Пушкина съ Петромъ Великимъ. Зато значеніе Гоголя въ разбираемой книжкѣ сильно принижается. Гоголь у г. Бороздина не основатель «натуральной» школы, какъ доказывалъ Бѣлинскій, не родоначальникъ позднѣйшаго реализма въ русской литературѣ, а родоначальникъ того учительства, которое проявилось у Достоевскаго и Толстого, и того исканія положительныхъ типовъ, которому не чужды были Тургеневъ и Гончаровъ. «Этой именно не удавшейся стороной своей дѣятельности Гоголь, можетъ быть, болѣе всего отразился въ позднѣйшей русской литературѣ» (стр. 32).

«Изъ стремленія къ правдѣ—сказано на стр. 69—истекаетъ и необыкновенный художественный психологическій анализъ графа Толстого». Но вѣдь, по собственному же заявленію г. Бороздина, это стремленіе къ правдѣ—характерная черта всей русской литературы. Отчего же другіе писатели не отличаются такою силою психологическаго анализа, какая наблюдается у Толстого, хотя страстное стремленіе къ правдѣ привело нѣкоторыхъ писателей къ преждевременной могилѣ или въ домѣ сумасшедшихъ? Странное, даже комичное впечатлѣніе получается, когда г. Бороздинъ негодуетъ противъ тѣхъ, кто не падаетъ передъ Толстымъ ницъ безъ всякихъ разсужденій. «Всѣ эти господа, поражающіе его и съ военной, и съ духовной, и съ эстетической, и съ соціологической точекъ зрѣнія», представляются г. Бороздину «уморительной стаей мосекъ, желающихъ своимъ лаемъ показать, что и онѣ сильны и, пожалуй, сильнѣе мірового генія» (с. 70). Неожиданно и незамѣтно для себя самого г. Бороздинъ тоже попадаетъ въ эту стаю мосекъ, потому что и онъ не раздѣляетъ всѣхъ взглядовъ Толстого. Какъ извѣстно, Толстой отказался отъ величайшихъ своихъ произведеній и причислилъ ихъ къ произведеніямъ «дурного искусства»; но г. Бороздинъ вовсе не считается съ приведеннымъ взглядомъ «мірового генія». Если можно не соглашаться съ Толстымъ по такому коренному вопросу, какъ достоинство его романа «Война и Миръ» (произ-

веденіе «колоссальнаго генія»), то почему же нельзя критиковать тотъ же самый романъ съ военной или съ соціологической точекъ зрѣнія, восторгаясь только художественнымъ геніемъ автора.

Странное впечатлѣніе производитъ и страница, посвященная современной критикѣ. Г. Бороздинъ перечисляетъ представителей публицистической критики безъ указанія различія въ ихъ направленіи, при чемъ особое вниманіе оказываетъ только Шелгунову, гг. Скабичевскому, Михайловскому и... Буренину. Но Шелгуновъ, какъ вѣрно замѣчаетъ самъ авторъ разбираемой книжки, «скорѣе долженъ быть признанъ публицистомъ»; «писанія» г. Скабичевскаго, въ общемъ, «часто представляютъ недостаточно провѣренное повтореніе иногда несправедливыхъ приговоровъ» Остаются г. Михайловскій, котораго «литературно-критическія статьи, за немногими исключеніями, представляютъ образцовый анализъ литературныхъ фактовъ въ связи съ жизненными условіями, ихъ породившими», и г. Буренинъ, «въ тѣхъ своихъ статьяхъ, гдѣ онъ отказывается отъ памфлетнаго тона, дающій очень правильныя и тонкія въ эстетическомъ отношеніи оцѣнки литературныхъ произведеній». И такъ, неожиданно для читателя и, можетъ быть, для самого г. Бороздина оказывается, что наиболѣе видными современными представителями публицистической критики являются г. Михайловскій и г. Буренинъ, «дающій очень правильныя и тонкія въ *эстетическомъ* отношеніи оцѣнки».

Вообще, много недоумѣній возбуждаетъ книжка г. Бороздина, но и сдѣланныхъ замѣчаній достаточно, чтобы видѣть, какъ торопливо и недостаточно продуманно она написана *С. Ашевскій.*

Ярцевъ, А. А. Основаніе и основатель русскаго театра. (Ѳ. Г. Волковъ). Изд. автора. М. 1900. Г. Ярцевъ, такъ сказать, спеціалистъ по Волкову. Онъ изучилъ архивные и литературные матеріалы, собиралъ устныя преданія, дѣлалъ розыски на мѣстѣ, въ Ярославлѣ. Въ 1895—1896 гг. онъ помѣстилъ въ «Ежегодникѣ императорскихъ театровъ» статью о Волковѣ; нѣсколько позже, на основаніи этой статьи, онъ обработалъ для «Біографической библіотеки» Ф. Павленкова біографическій очеркъ Волкова; въ настоящее время, на основаніи статьи «Ежегодника» и біографическаго очерка, г. Ярцевъ составилъ книжку, заглавіе которой выписано выше. Кромѣ того, въ будущемъ онъ обѣщаетъ историко-біо-библіографическое изслѣдованіе о Волковѣ. Навѣрное, г. Ярцевъ помѣщалъ еще статьи о Волковѣ въ газетахъ и журналахъ. Читатель готовъ думать, что г. Ярцевъ собралъ очень много новаго, важнаго для біографіи Волкова.

Какъ извѣстно, достовѣрныхъ біографическихъ данныхъ о Волковѣ до насъ дошло очень мало. Цѣлые періоды жизни Волкова остаются неизвѣстными. Всѣ вѣрныя данныя, которыя мы имѣетъ, можно сжато изложить на 6 страничкахъ. Правда, нужно предварительно разобраться въ нихъ и сдѣлать изъ нихъ выборку. Г. Ярцевъ сдѣлалъ это и существенно важнаго не внесъ въ біографію Волкова. Но чѣмъ же заполнена книжка г. Ярцева? Вѣдь въ ней 124 страницы. Разнообразные матеріалы для біографіи Волкова нашли въ ней мѣсто. Въ первой главѣ, напр., передаются впечатлѣнія, которыя произвелъ на г. Ярцева Ярославль при первомъ съ нимъ знакомствѣ; послѣдняя глава — «въ ожиданіи будущаго»—вообще. Одна изъ главъ посвящена описанію иконостаса, который Волковъ, можетъ быть, дѣлалъ, а можетъ быть и не дѣлалъ; нѣсколько страницъ ушло у г. Ярцова на изложеніе изысканій по вопросу о мѣстѣ и домѣ, въ которомъ былъ первый театръ, изысканій, результатъ которыхъ—невозможность опредѣлить это мѣсто и домъ. Основаніе русскаго театра въ Ярославлѣ г. Ярцевъ передаетъ по комедіи А. А. Шаховскаго «Ѳед. Грег. Волковъ или день рожденія русскаго театра». Попутно г. Ярцевъ замѣчаетъ, что комедія Шаховского не отличается достовѣрностью сообщаемыхъ

*

ею свѣдѣній. Это не мѣшаетъ г. Ярцеву подробно изложить комедію. Наконецъ, чуть не половина всей книжки посвящена описанію различныхъ мѣстностей и достопримѣчательностей Ярославля. Въ предисловіи авторъ говоритъ, что его книжка является также и своего рода путеводителемъ по «Волковскому Ярославлю».

Если изъ книжки вычесть «путеводитель» и всѣ мѣста, въ родѣ указанныхъ, останутся тѣ шесть страницъ достовѣрныхъ свѣдѣній о Волковѣ, изъ которыхъ г. Ярцевъ понадѣлалъ и эту книжку и другія свои статьи и книжки о Волковѣ. *П. Щ.*

К. Я. Гротъ. Къ перепискѣ Н. В. Гоголя съ П. А. Плетневымъ. Неизданныя письма 1832—1846 гг. Спб. 1900. Въ этомъ оттискѣ изъ «Извѣстій Отд. рус. яз. и слов. Акад. Наукъ» К. Я. Гротъ напечаталъ 8 неизданныхъ писемъ Н. В. Гоголя къ Плетневу и 4 неизданныхъ же письма Плетнева къ Гоголю. Важныхъ дополненій къ біографіи Гоголя они не вносятъ, но представляютъ историко-литературный интересъ, какъ и всякая строчка Гоголя. Письма Плетнева — этого коммиссіонера по литературнымъ дѣламъ у Гоголя, Пушкина, Вяземскаго и др., — носятъ обычный характеръ дѣловыхъ сообщеній по этимъ дѣламъ. Письма Гоголя касаются изданій сочиненій, денежныхъ хлопотъ, затрудненій и другихъ событій повседневной жизни писателя. Только одно письмо Гоголя представляется особенно интереснымъ. Въ раньше напечатанныхъ письмахъ Плетнева къ Гоголю обращаетъ на себя вниманіе одно, необычное для Плетнева. Онъ необычно рѣзкимъ тономъ отвѣчаетъ на письмо Гоголя, считавшееся утеряннымъ. Теперь К. Я. Гротъ напечаталъ это письмо и возстановилъ такимъ образомъ оборванную цѣпь писемъ.

Щ.

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ И РУССКАЯ.

«Религіозныя вѣрованія съ древнѣйшихъ временъ».—«Записки графини Головиной».

Религіозныя вѣрованія съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Сборникъ лекцій и статей иностранныхъ ученыхъ и публицистовъ. Переводъ съ англійскаго В. А. Тимирязева. До-христіанскія и не христіанскія вѣрованія. Спб. Изданіе А. С. Суворина. 1900 г. Стр. V+346 in-8°. Цѣна 2 р. Постоянно приходится сталкиваться въ жизни съ дилеммою: не знать многаго совсѣмъ или знать многое, но слегка и приблизительно. Число пособій, чтобы выйти на второй путь, уже теперь чрезвычайно велико и мало основаній думать, чтобы оно не увеличивалось и впредь. Явленіе это, на нашъ взглядъ, печальное, и лежащая передъ нами книга является новымъ подтвержденіемъ старой мысли, что ограниченное, но надежное знаніе дастъ больше для образованія человѣка, чѣмъ многообразное, но поверхностное.

Причины, побудившія переводчика взяться за свой трудъ и изложенныя имъ въ предисловіи и выраженныя въ прекрасномъ эпиграфѣ, чрезвычайно симпатичныя—ознакомленіе съ религіями всѣхъ временъ и народовъ, съ тѣмъ, что составляло главную часть идейной жизни человѣческихъ массъ. Но за столь трудное дѣло врядъ ли можно браться тѣмъ способомъ, которымъ за него взялись составители книги. Одинъ изъ рецензентовъ ея, на котораго ссылается переводчикъ, замѣчательно удачно отмѣтилъ характеръ книги выраженіемъ, которое онъ, впрочемъ, считалъ, повидимому, похвальнымъ: онъ говоритъ, что книга даетъ картину религіозныхъ системъ и вѣрованій всего свѣта, такъ сказать, *съ птичьяго полета.* Что бы мы сказали о человѣкѣ, который, увидавъ, напр., съ птичьяго полета Пароенонъ, храмъ св. Петра, монастырь св. Марка

во Флоренціи, счелъ бы, что онъ ихъ знаетъ и сталъ бы разсуждать о нихъ? То же самое и въ данномъ случаѣ—религіи, осмотрѣнныя съ птичьяго полета, останутся закрытою книгой для смотрѣвшаго. Не трудно намъ кажется подтвердить это болѣе подробнымъ разсмотрѣніемъ отдѣльныхъ частей разбираемой книги; будемъ мы при этомъ держаться русскаго перевода, а не англійскаго оригинала. На 346 страницахъ въ двадцати семи статьяхъ говорится о двадцати одной религіи; религіи, по понятнымъ причинамъ, взяты до- и не-христіанскія, конечно, ими не исчерпываются религіи земного шара, такъ что уже съ этой стороны есть неполнота картины. Начать съ того, что не приняты въ разсчетъ вѣрованія некультурныхъ народовъ въ разныхъ частяхъ свѣта; оставлены въ сторонѣ древняя Сирія и Финикія, столь важныя для пониманія семитическихъ религій вообще; не тронуто манихейство; въ Индіи забытъ джайнизмъ, и это, конечно, не все, что оставлено въ сторонѣ. Но съ этими пропусками можно бы еще помириться, если бы въ книгѣ была какая-нибудь руководящая статья, которая позволила бы читателю не спеціалисту, а на такого только, конечно, и разсчитана книга, нѣсколько разобраться въ пестромъ матеріалѣ, предъявленномъ ему въ совершенно не систематичномъ видѣ. При отсутствіи такой статьи читатель не будетъ знать, что имѣетъ главное значеніе, а что лишь второстепенное, а особенно ему трудно будетъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, что въ книгѣ совершенно почти отсутствуетъ историческая перспектива, столь важная для пониманія религій, и что о развитіи отдѣльныхъ религій онъ почти ничего не найдетъ здѣсь.

Особенно чувствительно это отсутствіе исторической перспективы тамъ, гдѣ дѣло касается такихъ крупныхъ, широко распространенныхъ религій съ долгимъ историческимъ развитіемъ, какъ буддизмъ, зороастризмъ, исламъ. Буддизму посвящены три статьи на сорока страницахъ; соединенныя въ одну, онѣ могли бы, конечно, дать нѣкоторое понятіе о буддизмѣ и даже представить нѣкоторую картину его развитія, но разбитыя на три, онѣ повторяются; такъ, напр., статья г-жи Ф. Макдональдъ могла бы быть выкинута безъ малѣйшаго ущерба для книги, потому что въ ней нѣтъ ни одной новой мысли противъ лекціи проф. Рис-Дэвидса; эта послѣдняя сама по себѣ очень хороша, но какъ-то виситъ въ воздухѣ, не давая читателю представленія о томъ, гдѣ же исповѣдывался излагаемый въ ней буддизмъ. Лекція Биля не отличается отчетливостью и оставляетъ въ читающемъ нѣкоторыя сомнѣнія и недоумѣнія о сути буддизма въ Китаѣ и о связи его съ буддизмомъ въ Индіи. Такимъ образомъ, ни одна изъ этихъ статей не выясняетъ намъ историческаго развитія буддизма, причинъ его громаднаго успѣха, какъ міровой религіи и относительной незначительности его роли на родинѣ Будды—Индіи и т. д. Однимъ словомъ, прочитавшій эти три статьи о буддизмѣ не будетъ имѣть о немъ, какъ о цѣломъ, никакого вѣрнаго представленія.

Религіи Зороастра посвящены двѣ статьи: «Зороастріанизмъ» Л. Мильса и «Религія Парсовъ» г. Наороджи. Здѣсь уже прямо приходится сказать, что можно прочесть очень внимательно обѣ статьи и все же никакого понятія о религіи Зороастра не получить. Въ первой статьѣ (*три* страницы!) какъ-то неопредѣленно, но чрезвычайно восторженно говорится о Гатахъ Авесты и подводится въ концѣ слѣдующій странный, по меньшей мѣрѣ, итогъ ученію Авесты: «древняя часть Авесты одна изъ самыхъ возвышенныхъ книгъ, дошедшихъ до насъ, а позднѣйшая ея часть заключаетъ въ себѣ много нелѣпостей (sic!), а дальнѣйшее развитіе зороастріанизма внѣ старой и новой Авесты имѣетъ малую авторитетность». Вторая статья, принадлежащая г. Наороджи (знаменитому black man лорда Солсбери), столь же неудовлетворительна и свидѣтельствуетъ только о чрезвычайно поверхностномъ знакомствѣ съ литературою и вѣрованіями парсовъ.

Исламу повезло въ книгѣ не больше. Авторъ статьи «Магометанство» д-ръ Лейтнеръ авторитетъ сомнительный; хотя онъ и говоритъ вначалѣ (послѣ нѣкотораго автобіографическаго вступленія), что ограничится только «религіей, которую теперь исповѣдуютъ магометане», все же вынужденъ обратиться и къ исторіи, притомъ врядъ ли удачно. Эта статья—просто бѣглый очеркъ нѣкоторыхъ вѣрованій и обычаевъ современныхъ мусульманъ и объ исламѣ, играющемъ и игравшемъ на Востокѣ, а отчасти и на Западѣ, такую видную роль въ исторіи, мы собственно и не узнаемъ ничего.

Выбранныя нами три религіи могутъ служить хорошимъ образцомъ того, какъ вообще написана книга, хотя, конечно, двѣ три статьи и значительно лучше, несмотря на ихъ чрезмѣрную краткость. Что касается перевода, то намъ придется выразить нѣкоторое недоумѣніе по поводу разныхъ *не оговоренныхъ* сокращеній *). Одни изъ нихъ понятны: пропущены указанія на литературу, такъ какъ значительная часть ссылокъ относится къ изданіямъ, недоступнымъ для большинства русскихъ читателей; иногда все же полезно было бы оставить главнѣйшія ссылки, чтобы дать возможность читающему ознакомиться въ болѣе полной мѣрѣ съ интересующимъ его предметомъ. Но если можно признать правильность части сокращеній относительно ссылокъ, то никакъ нельзя признать умѣстными сокращенія въ выпискахъ изъ источниковъ, которыя, несомнѣнно, въ значительной мѣрѣ содѣйствуютъ пониманію излагаемаго. Такъ, напр., въ статьѣ «Германскія и скандинавскія языческія вѣрованія» пропущены переводчикомъ очень характерныя выдержки изъ старинныхъ памятниковъ; въ двухъ статьяхъ проф. Броуна (лучшихъ во всей книгѣ) совершенно мѣняется характеръ изложенія вслѣдствіе пропуска чрезвычайно удачно подобранныхъ выдержекъ изъ стихотвореній мистическихъ поэтовъ (суфизмъ и бабизмъ); горячее, проникнутое глубокой симпатіей къ излагаемому предмету, талантливое изложеніе автора въ переводѣ совершенно блекнетъ. Не можемъ не привести здѣсь конца лекціи о бабидахъ въ точномъ переводѣ съ подлинника сравнительно съ переводомъ въ разобранной книгѣ:

«Надѣюсь, я сказалъ достаточно для того, чтобы выяснить вамъ, что цѣли, къ которымъ стремится эта вѣра, и не обыденны, и не недостойны благороднаго самопожертвованія и героизма ея Основателя и его послѣдователей. Жизнь ихъ и смерть, надежда, не знающая разочарованія, любовь, не остывающая, стойкость непоколебимая, все налагаетъ особую печать на это удивительное движеніе. Ибо каковы бы ни были достоинства или недостатки ученія, за которое умерли десятки и сотни нашихъ братьевъ по человѣчеству, въ немъ именно они нашли то, ради чего «они покинули все на землѣ и пошли, нагіе подъ палящее солнце и подъ дождь, и трудятся, и ждутъ, и бдятъ всѣ дни свои». «Не малое и не легкое дѣло перенести то, что перенесли они, и право же стоитъ дать себѣ трудъ понять то, за что они отдавали жизнь свою. Я не говорю уже о громадномъ вліяніи, которое будетъ имѣть, по моему убѣжденію, бабизмъ на Персію и о той новой жизни, которую	«Всего сказаннаго о Бабѣ, его ученіи и ученикахъ кажется достаточно, чтобы дать понятіе объ этомъ замѣчательномъ религіозномъ движеніи нашего времени, а для подробнаго ознакомленія съ нимъ не было бы достаточно одной лекціи».

*) Мы пользовались 2-мъ изд. 1892 г. По всей видимости, по нему же сдѣланъ и переводъ.

ему, быть можетъ, суждено вдохнуть въ мертвый народъ; не говорю, потому что, встрѣтитъ ли бабизмъ успѣхъ или неудачу, удивительное мужество бабидовъ есть дѣло вѣчное и не преходящее: «Чьей душою движетъ любовь, не постигнетъ того смерть, жизнь его занесена письменами безсмертія на скрижаляхъ міра».

«Боюсь, что я не съумѣлъ передать вамъ страшную убѣжденность этихъ людей и то громадное вліяніе, которое она вмѣстѣ съ другими присущими имъ качествами, имѣетъ на всѣхъ, кому случилось знать бабидовъ. Въ этомъ вы должны повѣрить мнѣ на-слово или же, говоря словами поэта: «когда на пути ты увидишь отрубленную голову, что катится къ нашему полю, у нея спроси, у нея спроси сокровенное, ибо вѣдома ей тайна наша».

Врядъ ли такого рода сокращенія, ничѣмъ не вызванныя, желательны, особенно, когда они не оговорены.

Въ общемъ все же слѣдуетъ признать, что переводчикъ справился съ своей, далеко не легкой, задачей весьма удовлетворительно; необходимо только исправить нѣкоторыя ошибки, происшедшія отъ непониманія транскрипціи; ошибки эти можно было исправить корректурой спеціалиста. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ неправильныхъ транскрипцій: Стр. 122 Ришисы, читай Риши (с—англійскій знакъ множественнаго числа). Стр. 133. Брама Сомай, Аріа-Сомай, читай Брахма-самаджъ, Арья-самаджъ. Стр. 137. Махатмасы, читай Махатмы. Стр. 195 геній Воху-мано названъ Вогу, а на стр. 206 онъ же названъ Баухаманъ (Бахманъ—болѣе новая форма). Стр. 198. Барбезанъ, читай Бабеганъ. Стр. 265 Парьянья, читай Парджанья. Стр. 325 и далѣе Суфиты читай Суфіи. Стр. 326. Іами, читай Джами. Стр. 333. Мелевисы. читай Мевлеви. Стр. 336 сл. Сиксы, читай Сикки. Стр. 338. Санкаракаріи, читай Шанкарачарьи.

Потребность въ ознакомленіи съ многообразными формами, въ какія вылились человѣческія вѣрованія, несомнѣнно существуетъ, но врядъ ли можно ей удовлетворить очерками въ нѣсколько страницъ. Три, четыре болѣе пространныхъ очерка главнѣйшихъ типовъ религій. съ руководящей статьей о религіи вообще—вотъ что намъ представляется гораздо болѣе отвѣчающимъ указанной цѣли. *Сергѣй Ольденбургъ.*

Записки графини Варвары Николаевны Головиной (1766—1819). Переводъ съ французской рукописи подъ редакціей и съ примѣчаніями Е. С. Шумигорскаго. Спб. 1900 г. Записки эти и по личности автора, и по наблюдаемой сферѣ, несомнѣнно, заслуживаютъ вниманія. Графиня Головина, урожденная Голицына, воспитывалась подъ руководствомъ своего дяди, извѣстнаго И. И. Шувалова. Художественно-сантиментальное воспитаніе во вкусѣ XVIII вѣка еще болѣе усилило природную чувствительность и даже экзальтированность ея натуры. Весь смыслъ и содержаніе жизни она видѣла въ привязанностяхъ и постоянно поклонялась какому-нибудь кумиру. Но на этомъ пути ей пришлось испытать цѣлый рядъ жестокихъ ударовъ и разочарованій, и отъ житейскихъ невзгодъ она искала успокоенія въ религіи, именно въ католичествѣ, въ которое со временемъ и перешла. Если эти личныя черты придаютъ извѣстную узость и исключительность ея воспоминаніямъ, зато онѣ же гарантируютъ ихъ искренность и правдивость. Съ другой стороны, ея положеніе при дворѣ, сначала въ качествѣ фрейлины при Екатеринѣ II, потомъ въ качествѣ жены гофмаршала при великомъ князѣ Александрѣ Павловичѣ, давало ей возможность

наблюдать придворный бытъ за три царствованія. Ея интересы обнимаютъ область личныхъ, семейныхъ и домашнихъ отношеній и почти не касаются крупныхъ общественныхъ и политическихъ событій: она держитъ читателя въ тѣсномъ кругу лицъ, съ которыми приходила въ непосредственное соприкосновеніе. Но и подобнаго рода мемуары имѣютъ свою опредѣленную роль: они помогаютъ мелкими штрихами заполнять общій силуэтъ времени, налагать легкіе оттѣнки свѣта и тѣней и тѣмъ придавать жизнь и краски исторической картинѣ. Въ ея разсказѣ отчетливо рисуется вся живая подвижность взаимныхъ чувствъ и отношеній въ царской семьѣ и въ придворной средѣ, и въ результатѣ слагается, можетъ быть, не всегда безпристрастная, но всегда опредѣленная и яркая характеристика дѣйствующихъ лицъ.

Первой крупной фигурой въ изображеніи Головиной является Екатерина. Придворная жизнь ея времени изображена какъ непрерывный рядъ блестящихъ праздниковъ, баловъ, маскарадовъ, пикниковъ, съ неизбѣжнымъ сопровожденіемъ интригъ, зависти, флирта; невинныя затѣи, шутки, остроумныя изреченія, мелкіе случаи—все это тщательно фотографируется Головиной, такъ какъ имѣетъ отношеніе къ царской фамиліи. Въ самой императрицѣ характеризуется главнымъ образомъ ея умѣнье раздавать милости, очаровывать и осчастливить людей. Тѣневыхъ сторонъ ни личности, ни царствованія Екатерины Головина не въ состояніи была подмѣтить, такъ какъ восхищеніе ея передъ императрицей не знало границъ. Такой же апоѳеозъ сдѣланъ изъ личности другой императрицы, жены Александра I, Елизаветы Алексѣевны, которая является главной героиней воспоминаній: съ самаго своего пріѣзда въ Россію, въ продолженіи 16 лѣтъ, Елизавета Алексѣевна относилась съ дружескими чувствами къ Головиной, за которыя та платила обожаніемъ. Но впослѣдствіи клевета и интриги уронили Головину въ глазахъ императрицы, и хотя Головиной удалось документально очистить себя отъ обвиненій, но своего прежняго расположенія Елизавета Алексѣевна не вернула ей. «Записки» прочитывались Елизаветой Алексѣевной, и, повидимому, даже Головина писала ихъ отчасти съ цѣлью реабилитировать себя передъ императрицей и доказать всю глубину и безкорыстіе своей привязанности. Такимъ образомъ, факты, сообщенные въ мемуарахъ, въ этомъ контролѣ Елизаветы Алексѣевны получаютъ новую гарантію достовѣрности и правдивости. Но, съ другой стороны, не разъ приходится пожалѣть объ этомъ, до извѣстной степени оффиціальномъ характерѣ мемуаровъ: придворный тактъ заставляетъ автора спускать завѣсу во всѣхъ сколько нибудь интимныхъ пунктахъ, часто говорить неясными намеками, полусловами. Но даже въ этихъ стѣсненныхъ рамкахъ мемуары Головиной даютъ много характернаго. Сердечность, скромность, душевное изящество—вотъ черты, которыя составляютъ образъ Елизаветы Алексѣевны въ изображеніи Головиной. Великая княгиня чувствовала себя несчастной въ бракѣ, сообщаетъ Головина: «великій князь любилъ свою жену, какъ братъ, но она хотѣла быть любимой такъ, какъ бы она его любила, если бы онъ сумѣлъ ее понять». Повидимому, Александръ даже тяготился чувствами жены, по крайней мѣрѣ, у Головиной находимъ ясныя указанія на то, что онъ пытался отвлечь вниманіе Елизаветы Алексѣевны отъ себя въ пользу Чарторыйскаго. Къ этому присоединились еще неоднократныя увлеченія Александра, приносившія Елизаветѣ Алексѣевнѣ не мало огорченій. Что въ изображеніи Елизаветы Алексѣевны у Головиной мы имѣемъ дѣло съ идеализаціей, расходящейся съ реальнымъ образомъ императрицы, явствуетъ даже изъ фактовъ, приведенныхъ въ самихъ мемуарахъ.

Начало царствованія Павла сопровождалось цѣлымъ рядомъ празднествъ: какъ будто послѣ долгаго поста хотѣли вознаградить себя шумнымъ карнаваломъ; однако, замѣчаетъ Головина, на этихъ праздникахъ не было ни веселья, ни непринужденности, чѣмъ такъ отличались придворныя собранія Екатерины.

Какъ извѣстно, императоръ Павелъ отличалъ фрейлину Нелидову, которая, пользуясь своимъ исключительнымъ положеніемъ, относилась непочтительно къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Съ теченіемъ времени, когда Павелъ сталъ раздавать свои милости другимъ фрейлинамъ, Марія Ѳеодоровна и Нелидова заключили между собой своеобразный союзъ, съ цѣлью охранять Павла отъ новыхъ увлеченій и оказывать вліяніе на ходъ дѣлъ, особенно въ назначеніяхъ на мѣста. «Этимъ союзомъ съ новою своею подругою императрица укрѣпила свое вліяніе: безъ г-жи Нелидовой императрица не могла разсчитывать имѣть какое-либо вліяніе на своего супруга»; съ другой стороны, и «Нелидова, безъ императрицы, не могла бы играть при дворѣ той роли, которою она пользовалась». Нелидову смѣнила Анна Лопухина. «Имя Анны, которому приписывали мистическій смыслъ божественной благодати, стало девизомъ государя. Онъ поставилъ его на знаменахъ своего перваго гвардейскаго полка. Красный цвѣтъ; любимый m-elle Лопухиной, сталъ любимымъ цвѣтомъ и императора Павла, слѣдовательно, и дворъ отдавалъ ему предпочтеніе. Офицеры и всѣ придворные носили этотъ цвѣтъ. Императоръ ежедневно ѣздилъ къ ней въ каретѣ», запряженной парой лошадей, съ мальтійскимъ гербомъ и въ сопровожденіи лакея въ красной ливреѣ. Можно представить себѣ, какое впечатлѣніе производили на петербургскую публику всѣ эти комедіи! Народъ былъ пораженъ, что государь его болѣе высоко цѣнитъ честь быть гросмейстеромъ мальтійскаго ордена, чѣмъ русскимъ самодержцемъ». Въ противоположность Елизаветѣ Алексѣевнѣ, императрица Марія Ѳеодоровна выступаетъ въ «Запискахъ» мало симпатичной—съ мелочнымъ пристрастіемъ къ придворному этикету, любовью къ парадамъ и публичнымъ почестямъ.

Въ концѣ записокъ Головина описываетъ свое путешествіе за-границу (1802—1805) и жизнь въ Парижѣ среди разбитыхъ остатковъ роялистской аристократіи, погруженной въ глубокую скорбь о прошломъ и о погибшихъ жертвахъ революціи. Записки Головиной лишній разъ показываютъ, какъ черезъ посредство связей русской аристократіи съ французскими роялистами просачивалась въ русскую среду струя іезуитской пропаганды, хотя исторію своего обращенія въ католицизмъ Головина старается укрыть отъ постороннихъ глазъ. *А. М.*

СОЦІОЛОГІЯ.

П. Лафаргъ. «Умственный трудъ и машина».—*Рене Вормсъ.* «Индуктивный методъ въ соціологіи».

П. Лафаргъ. Умственный трудъ и машина. Переводъ съ французскаго. Изд. А. Ю. Маноцковой. Москва. 1900. Популярно и живо написанная брошюра Лафарга пытается дать отвѣтъ на одинъ изъ наиболѣе назрѣвшихъ и важныхъ вопросовъ цивилизованной жизни—о перепроизводствѣ интеллигенціи. Основныя идеи брошюры заключаются въ слѣдующемъ. При ремесленномъ производствѣ умственный трудъ былъ тѣсно связанъ съ физическимъ. Каждый ремесленникъ проходилъ долгую школу, прежде чѣмъ сдѣлаться мастеромъ; благодаря слабому раздѣленію труда, городской житель занимался одновременно и земледѣліемъ; въ самомъ производствѣ ему приходилось исполнять самыя разнообразныя и сложныя функціи. Эта цѣльность труда дѣлала то, что среди ремесленниковъ было много артистовъ, доводившихъ свое производство до удивительнаго совершенства и вносившихъ свой личный вкусъ въ производимые предметы. Ремесленнику требовались также разнообразныя научныя свѣдѣнія.

Этотъ порядокъ былъ разрушенъ современной крупной машинной промышленностью. Машина, увеличивъ во много разъ производительность труда, въ то же время превратила рабочаго въ простой придатокъ къ мертвому механизму. Рабочій потерялъ въ процессѣ производства ту самостоятельность, которою пользовался ремесленникъ. Онъ долженъ лишь исполнять рядъ простыхъ движеній, не требующихъ ни напряженія мысли, ни особой спеціальной подготовки: всю остальную работу совершаетъ машина. Рядомъ съ этимъ низведеніемъ рабочаго на степень дополненія къ машинѣ, произошла аналогичная спеціализація умственнаго труда. Машинное производство требуетъ рядомъ съ физическимъ трудомъ трудъ умственный—инженеровъ, техниковъ, механиковъ etc. Рядомъ съ физическимъ пролетаріатомъ развивается умственный пролетарій. Съ точки зрѣнія капитала умственный трудъ не пользуется никакой привилегіей передъ физическимъ. И тотъ, и другой превращаются въ товаръ, рыночная цѣна котораго опредѣляется конкуренціонной борьбой, т.-е низводится до minimum'а необходимаго для существованія рабочаго. Такимъ образомъ «европейская крупная промышленность какъ бы раздѣлила производительную дѣятельность, создавъ рѣзко обособленныя группы физическихъ и умственныхъ работниковъ, и съ каждымъ годомъ все сильнѣе раздѣляетъ ихъ: однихъ все сильнѣе наполняетъ знаніемъ, другихъ все сильнѣе низводитъ къ уровню мертваго механизма, машины».

Однако, полагаетъ авторъ, машина, внесшая это нежелательное раздѣленіе умственнаго и физическаго труда, подготовляетъ новое ихъ соединеніе. Она настолько упрощаетъ дѣятельность рабочаго, что онъ безъ труда сможетъ мѣнять отрасли производства. Этимъ устранится вредъ крайней спеціализаціи, но также сохранятся выгоды машиннаго производства. Будущій производитель сдѣлается опять равномѣрно и всесторонне развитымъ человѣкомъ, какимъ онъ былъ раньше при господствѣ ремесленнаго строя. «Уже и теперь,—говоритъ Лафаргъ,—начинаютъ замѣчаться признаки будущаго сліянія въ одномъ лицѣ и физическаго, и умственнаго работника. Въ нѣкоторыхъ высококультурныхъ странахъ уже и теперь не рѣдкость встрѣтить людей, занимающихся физическимъ трудомъ и въ то же время образованныхъ, иногда даже съ высшимъ образованіемъ. Это указываетъ на временный характеръ явленія, и рѣшительно нѣтъ никакого основанія думать... что въ будущемъ невозможно гармоническое сліяніе въ одномъ лицѣ физическаго и умственнаго труда. Оно является вопросомъ времени, все болѣе широкаго распространенія знаній въ массахъ и измѣненія общихъ условій жизни».

Брошюра Лафарга можетъ быть рекомендована для широкаго круга читателей, какъ талантливое примѣненіе доктрины экономическаго матеріализма къ вопросу объ умственномъ трудѣ. *С. Ш—гъ.*

Рене Вормсъ. Индуктивный методъ въ соціологіи. Перев. П. Сущинскаго. Казань. 1899. 1—15 Цѣна 20 к. Р. Вормсъ чрезвычайно дѣятельный и плодовитый писатель. Несмотря на широкую издательскую и организаторскую дѣятельность, выразившуюся въ созданіи и постоянной поддержкѣ спеціальнаго журнала по соціологіи и организаціи періодическихъ соціологическихъ конгрессовъ, онъ находитъ время, чтобы писать толстыя книги, изъ которыхъ «Общественный организмъ», главный его трудъ, переведенъ на русскій языкъ. Но внѣшняя показная сторона главное въ его дѣятельности. Какъ писатель, онъ совсѣмъ не оригиналенъ и не отличается смѣлостью и самостоятельностью мышленія. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ обыкновенно развиваетъ и обосновываетъ положенія, раньше кѣмъ-нибудь высказанныя, но зато для подтвержденія ихъ онъ всегда собираетъ и группируетъ громадный матеріалъ.

Предлагаемая статья по своему характеру вполнѣ тождественна со всѣми прочими работами Р. Вормса. Въ ней онъ передаетъ мнѣнія рѣшительно всѣхъ

ученыхъ, писавшихъ по данному вопросу. Только въ заключеніе онъ яко бы излагаетъ свой собственный взглядъ, но въ сущности лишь группируетъ весь изложенный раньше матеріалъ въ связи съ тѣмъ или другимъ именемъ въ предметномъ порядкѣ. Всякому онъ воздаетъ по заслугамъ и для каждой теоріи онъ находитъ свое мѣсто. Поэтому, читая Вормса, приходится имѣть дѣло не съ нимъ однимъ, а съ цѣлой школой.

«Индуктивный методъ»—это магическое слово, напоминающее о чудесахъ, произведенныхъ въ естествознаніи. Получивъ геніальное примѣненія при открытіяхъ Коперника, Галилея и Гарвея, онъ впервые былъ теоретически намѣченъ и рекомендованъ, какъ единственно цѣлесообразный путь научнаго изслѣдованія Бекономъ. Затѣмъ онъ, съ одной стороны, сдѣлался всеобщимъ достояніемъ естествознанія, съ другой—его логическая природа была изслѣдована и обоснована въ трудахъ Юма и Милля. Конечно, никто не станетъ спорить противъ его примѣнимости и отрицать его значеніе для точныхъ наукъ. Но онъ самъ наталкивается на извѣстныя границы, и камнемъ претвновенія для него оказываются соціальныя явленія и соціологія. Не даромъ Вормсъ посвящаетъ свою статью доказательству, что и въ соціологіи индуктивный методъ вполнѣ примѣнимъ, а всѣ доказывающіе его непригодность неправы.

Естественныя науки въ конечныхъ выводахъ приходятъ къ наиболѣе общимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе отвлеченнымъ результатамъ. Несмотря, однако, на свой конкретный характеръ, онѣ превосходно уживаются съ этими абстрактными составными частями. Но въ соціологіи эта гармонія конкретнаго и абстрактнаго дается не такъ легко. Еще Герценъ отмѣтилъ это въ словахъ: «конечно, обобщая факты, упрощая ихъ, сводя ихъ къ простѣйшему выраженію, мы дойдемъ до движенія и, быть можетъ, это—вѣрный путь; но міръ явленій, міръ дифференцированный, міръ особенностей и частностей, въ которомъ мы живемъ,—этотъ единственно реальный міръ, тогда исчезаетъ». Соціальный міръ и есть по преимуществу міръ особенностей и частностей, міръ дифференцированный, такъ какъ мы живемъ въ немъ наиболѣе непосредственно и наиболѣе близко имъ заинтересованы. Вормсъ совсѣмъ не можетъ справиться съ этою исключительной сложностью соціальныхъ явленій. Поэтому онъ считаетъ, что «если *въ теоріи* причинное отношеніе можетъ быть признано всеобщимъ закономъ, то *на практикѣ* оно можетъ быть принято съ *большими ограниченіями* (стр. 11). Въ конечномъ результатѣ онъ приходитъ къ убѣжденію, что «соціологическіе законы съ точки зрѣнія ихъ распространенности и вѣроятнаго значенія могутъ быть раздѣлены на три главныя категоріи» (стр. 11). Мы не станемъ входить въ разборъ этихъ трехъ категорій, такъ какъ для насъ не подлежитъ сомнѣнію, что законъ по самому-своему понятію единъ; онъ необходимо долженъ быть всеобщимъ, а ограниченный на практикѣ законъ не есть законъ.

Несмотря на все сказанное, нельзя отрицать, что статья Вормса интересна и въ извѣстномъ смыслѣ поучительна. Она не только даетъ много фактическихъ свѣдѣній, но, благодаря своей полнотѣ, обнаруживаетъ также слабыя стороны цѣлаго направленія и побуждаетъ мысль критически относиться къ нему.

Б. К—скій.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

«Сборникъ статей по вопросамъ, относящимся къ жизни русскихъ и иностранныхъ городовъ».—*П. И. Кедровъ.* «Условія труда и жизни служащихъ въ аптекахъ фармацевтовъ».

Сборникъ статей по вопросамъ, относящимся къ жизни русскихъ и иностранныхъ городовъ. Выпускъ XI. Москва 1900 г. Стр. IV + 238. Однимъ изъ наиболѣе характерныхъ и плодотворныхъ теченій послѣдняго времени какъ на Западѣ, такъ отчасти, пожалуй, и у насъ, является стремленіе къ расширенію сферы дѣятельности городского самоуправленіе, къ муниципализаціи разнаго рода учрежденій и сторонъ городской жизни. Развивающаяся общественная жизнь предъявляетъ къ городскому самоуправленію новые и новые запросы, и на муниципалитеты въ Западной Европѣ и Америкѣ начинаютъ возлагать такія задачи, рѣшенія которыхъ еще не такъ давно искали на совершенно иныхъ путяхъ. Назовемъ, напримѣръ, организацію городами посредничества между работодателями и работниками и бюро по пріисканію занятій, попытки разрѣшенія квартирнаго вопроса путемъ постройки городскихъ домовъ для сдачи дешевыхъ квартиръ трудящемуся населенію, организацію учрежденій по внѣшкольному образованію воскресныхъ и вечернихъ классовъ, библіотекъ, читаленъ, народныхъ чтеній, общеобразовательныхъ музеевъ и пр., снабженіе учащихся въ начальныхъ школахъ завтраками, одеждой и пр., устройство для нихъ лѣтнихъ колоній; широкую организацію безплатной медицинской и акушерской помощи городскому населенію; устройство загородныхъ санаторій, организацію общественной благотворительности, дешеваго кредита, безплатной или общедоступной юридической помощи и пр. и пр. Всѣ эти новыя задачи. также какъ и муниципализація крупнѣйшихъ отраслей городского благоустройства: средствъ передвиженія, водоснабженія, освѣщенія, телефоновъ, и пр.—порождаютъ цѣлый рядъ вопросовъ, требующихъ всесторонняго освѣщенія и предварительной разработки. Чтобы результаты такихъ подготовительныхъ работъ своевременно становились извѣстны людямъ, стоящимъ близко къ городскому самоуправленію, все большее число городовъ начинаютъ издавать также и у насъ собственные періодическіе органы. Таковы «Извѣстія» С.-Петербургской, Московской, Одесской, Таганрогской и др. Думъ. На ряду съ матеріалами и статьями имѣющими узко мѣстный интересъ въ этихъ извѣстіяхъ Думъ сплошь и рядомъ помѣщаются работы, имѣющія не только мѣстный, но и болѣе широкій общій интересъ. Послѣднее особенно относится къ «Извѣстіямъ московской городской думы». И вотъ для того, чтобы такая работа не терялась среди массы текущаго матеріала, чтобы онѣ становились доступны не одному лишь узкому кругу лицъ, прикосновенныхъ къ мѣстному городскому управленію, статистическое отдѣленіе московской городской управы отъ времени до времени издаетъ въ видѣ отдѣльныхъ сборниковъ всѣ статьи изъ «Извѣстій московской думы», представляющія болѣе постоянный и общій интересъ, и пускаетъ ихъ въ продажу по самой низкой цѣнѣ—25—50 коп. за выпускъ въ 200—250 стр. текста большого формата съ приложеніемъ таблицъ, плановъ и пр. Съ 1895 года до начала текущаго года вышло въ свѣтъ уже десять такихъ выпусковъ подъ общимъ заглавіемъ «Сборникъ статей по вопросамъ, относящимся къ жизни русскихъ и иностранныхъ городовъ». Въ нихъ, между прочимъ, помѣщенъ цѣлый рядъ статей о городскихъ посредническихъ учрежденіяхъ между работодателями и рабочими (въ III и V выпускахъ по двѣ статьи и въ VI и X — по одной), объ участіи городовъ въ разрѣшеніи квартирнаго вопроса (статьи въ VI, VII,

IX и X выпускахъ) объ организаціи призрѣнія бѣдныхъ въ городахъ (въ I, II, IV, VII и VIII выпускахъ) объ организаціи подачи первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ въ большихъ городахъ Европы и Америки, о медико-санитарной органозаціи въ городахъ, о развитіи въ городахъ водопроводнаго дѣла и канализаціи, о праздничномъ отдыхѣ для служащихъ въ торгово промышленныхъ заведеніяхъ, о постановкѣ въ городахъ начальнаго народнаго образованія, о городскихъ конныхъ желѣзныхъ дорогахъ на Западѣ и у насъ и пр., и пр. Уже изъ этого весьма неполнаго перечня статей, видно какое обиліе разнообразнаго и крайне интереснаго матеріала заключается въ вышедшихъ выпускахъ сборника. Вновь вышедшій XI й выпускъ не уступаетъ въ этомъ отношеніи предшествующимъ. Особаго вниманія заслуживаетъ въ немъ рядъ статей по вопросу о взаимодѣйствіи и объединеніи благотворительныхъ учрежденій (рѣчи проф. Тарасова, А. А. Мануилова и С. П. Яковлева, произнесенныя въ засѣданіи Московскаго благотворительнаго совѣта 12 марта сего года), о дѣятельности московскихъ городскихъ попечительствъ о бѣдныхъ, объ устройствѣ дѣтскихъ санаторій и школьныхъ лѣтнихъ колоній (статья д-ра В. И. Лебедева) и представляющій большой практическій интересъ отчетъ д-ра Гетье о его заграничной командировкѣ для ознакомленія съ устройствомъ загородныхъ санаторій. съ описаніемъ важнѣйшихъ санаторій и приложеніемъ ихъ плановъ. Мы ограничиваемся однимъ лишь голымъ указаніемъ на эти статьи въ надеждѣ, что интересующіеся обратятся къ самому сборнику, такъ какъ изложеніе ихъ содержанія выходитъ изъ рамокъ рецензіи. *З Френкель.*

П. И. Кедровъ. Условія труда и жизни служащихъ въ аптекахъ фармацевтовъ. Воронежъ. 1900 г. Года три тому назадъ. россійское фармацевтическое общество предприняло изслѣдованіе условій труда и жизни фармацевтовъ въ русскихъ аптекахъ. Съ этою цѣлью особою коммиссіей изъ врачей и фармацевтовъ былъ выработанъ подробный вопросный листокъ, который и былъ разосланъ во всѣ аптеки провизорамъ, ихъ помощникамъ и аптекарскимъ ученикамъ. Изъ семи тысячъ фармацевтовъ, занятыхъ въ русскихъ аптекахъ, отвѣты были получены къ концу 1898 года отъ $1^1/_2$ тыс. человѣкъ. Разработку ихъ общество поручило д-ру Кедрову, который теперь опубликовалъ ея результаты въ видѣ небольшой брошюрки, представляющій перепечатку его статьи въ «Медицинской Бесѣдѣ» за текущій годъ. По даннымъ медицинскаго департамента, въ 1898 году на каждую аптеку приходилось у насъ въ среднемъ два фармацевта, между тѣмъ большая половина всѣхъ отвѣтовъ получена изъ аптекъ съ 4—15 и болѣе фармацевтовъ, и только одна треть отвѣтовъ изъ аптекъ съ 1—2 фармацевтами. Отсюда видно, что отвѣты получались преимущественно изъ большихъ аптекъ. За послѣдніе годы, на ряду съ возростаніемъ числа аптекъ, наблюдается не только относительное, но и абсолютное уменьшеніе общаго числа занятыхъ въ нихъ лицъ; это уменьшеніе происходитъ, впрочемъ, исключительно лишь на счетъ высшихъ категорій фармацевтическаго труда—провизоровъ и ихъ помощниковъ, число же учениковъ увеличивается и абсолютно, и относительно. Изъ полученныхъ отвѣтовъ оказывается, что большая половина учениковъ исполняетъ въ аптекахъ тѣ же обязанности, что и помощники провизоровъ (обязанности лаборантовъ — 10% учениковъ и 9% помощниковъ провизоровъ; ассистентовъ—47% учениковъ и 49% помощниковъ провизоровъ; работаютъ при ручной продажѣ—8% учениковъ и $8^1/_2$%—помощниковъ, оплачивается же трудъ учениковъ вдвое, втрое ниже труда помощниковъ: двѣ трети учениковъ получаютъ менѣе 15 руб въ мѣсяцъ, при чемъ 5.8% работаютъ безвозмездно, а 32%—получаютъ только отъ 5 до 10 руб. въ мѣсяцъ, между тѣмъ какъ помощники провизоровъ получаютъ отъ 20 до 60 руб. въ мѣсяцъ. Замѣчается, слѣдовательно,

та же тенденція что и въ современной ремесленной промышленности—къ усиленной эксплуатаціи болѣе дешеваго ученическаго труда. Съ другой стороны и такую безмѣрную продолжительность рабочаго дня, какъ у фармацевтовъ, можно встрѣтить теперь развѣ только въ домашней и ремесленной промышленности: даже если не считать дежурства по ночамъ, то у 87% аптекарскихъ учениковъ, 74% помощниковъ провизоровъ и 49% провизоровъ рабочее время въ сутки превышаетъ 14—15 часовъ труда, требующаго самаго напряженнаго вниманія. Въ виду этихъ данныхъ, едва ли нужно еще доказывать всю необходимость урегулированія закономъ рабочаго времени фармацевтовъ и введенія смѣнъ въ аптекахъ. Нельзя не признать справедливости указанія д-ра Кедрова на то, что чрезмѣрный рабочій день фармацевтовъ и ночныя дежурства, слѣдующія непосредственно послѣ него, не только вредно отзываются на здоровьи служащихъ въ аптекахъ, но и могутъ вести къ серьезнымъ ошибкамъ при приготовлеeіи и отпускѣ лѣкарствъ, и что въ интересахъ общественнаго здравоохраненія должны быть запрещены какъ ночныя дежурства вслѣдъ за рабочимъ днемъ, такъ и дневная работа, непосредственно безъ перерыва слѣдующая за ночнымъ дежурствомъ. Въ заключеніе мы не можемъ не высказать сожалѣнія, что авторъ ввелъ въ свою работу совершенно ненужныя и весьма проблематичныя разъясненія совсѣмъ еще неяснаго вопроса о физіологіи умственнаго утомленія. *З. Френкель.*

ФИЛОСОФІЯ.

«Лунный свѣтъ санкья-истины».

Лунный свѣтъ санкья-истины въ переводѣ съ санскр. съ вступительной статьей и примѣчаніями д-ра. Р. Гарбе. Русскій переводъ Н. И. Герасимова. Москва 1900. (Восточная Библіотека, т. III). 174 стр. 8°. Цѣна 1 р. 25 к. Г. Герасимовъ усердно переводитъ на русскій языкъ западно-европейскіе переводы индійскихъ памятниковъ философскаго содержанія и буддійскихъ текстовъ. Съ 1898 года онъ успѣлъ уже издать четыре книжки: «Путь къ истинѣ (Dhammapada). Изреченія буддійской нравственной мудрости», «Сутта-Нипата. Сборникъ бесѣдъ и поученій. Буддійская канотическая книга», «Буддійскія Сутты» и, наконецъ, «Лунный свѣтъ санкья-истины». Кромѣ того, онъ обѣщаетъ въ ближайшемъ будущемъ издать еще шесть томовъ своей «Восточной Библіотеки». Дѣятельность г. Герасимова въ дѣлѣ ознакомленія русской публики съ самыми памятниками индійской философіи и буддизма заслуживаетъ полнаго сочувствія. Русскіе читатели, среди которыхъ очень много интересующихся буддизмомъ, имѣютъ возможность познакомиться съ этимъ ученіемъ по нѣсколькимъ сочиненіямъ, по большей части переводнымъ, которыя излагаютъ съ большей или меньшей подробностью какъ исторію, такъ и догматы буддизма. Но какъ бы ни были талантливы подобныя сочиненія, они никогда не могутъ дать читателю того знакомства съ ученіемъ, которое можетъ быть почерпнуто только изъ чтенія самыхъ памятниковъ, дающихъ обильный матеріалъ и самимъ авторомъ упомянутыхъ изложеній буддизма. Что касается индійской философіи, то здѣсь русскій читатель поставленъ въ еще худшее положеніе: онъ почти вовсе лишенъ возможности познакомиться съ этою областью, и все, что онъ можетъ прочесть по-русски объ этомъ предметѣ, сведется, пожалуй, къ самымъ общимъ характеристикамъ, способнымъ

въ лучшемъ случаѣ лишь заинтересовать его. А между тѣмъ индійская философія уже давно обратила на себя вниманіе западныхъ ученыхъ и даже оказала нѣкоторое, хотя, конечно, незначительное вліяніе на западно-европейскую философскую мысль. По крайней мѣрѣ, Шопенгауеръ очень высоко цѣнилъ упанишады, древніе религіозно-философскіе трактаты индусовъ.

Индійская мысль создала нѣсколько философскихъ системъ, которыя всѣ отличаются крайнимъ пессимизмомъ съ одной стороны и глубокою вѣрой въ силу человѣческой мысли—съ другой. Вся жизнь, по мнѣнію индійскихъ философовъ, есть непрерывная цѣпь страданій. Страданія не кончаются даже послѣ смерти, такъ какъ душа обречена на постоянныя перерожденія и въ новомъ своемъ существованіи на тѣ же страданія. Одно только познаніе истины можетъ человѣку дать освобожденіе отъ страданія, и каждая философская система по-своему указываетъ путь къ этой освобождающей истинѣ. Такимъ образомъ для индійцевъ философія имѣетъ не только большой теоретическій интересъ, но и огромное практическое значеніе для жизни. Отсюда понятно возникновеніе буддизма, философской религіи, которая поставила даже туземныхъ боговъ ниже познавшаго истину человѣка. Буддизмъ возникъ изъ индійской философіи, и философская система, называемая «санкья», повидимому, представляетъ его ближайшій источникъ. Вотъ почему всѣмъ интересующимся буддизмомъ слѣдуетъ познакомиться и съ этой системой. «Лунный свѣтъ Санкья-истины», какъ переводитъ г. Герасимовъ заглавіе сочиненія Вачаспатимишры, представляетъ комментарій на краткое изложеніе этой системы, составленное Ишваракришной, повидимому, около начала V в. по Р. Х. Вачаспатимишра жилъ въ XII вѣкѣ, такъ что изложеніе этой философской системы, основанной около VI в. до Р. Х., оказывается довольно позднимъ, но изъ болѣе раннихъ сочиненій до насъ почти ничего не сохранилось.

Міросозерцаніе системы «санкья» кладетъ въ основу всего два начала: матерію и души. Первичная матерія, изъ которой слагается весь реальный міръ явленій, сама состоитъ изъ трехъ первичныхъ элементовъ, называемыхъ саттва, раджасъ и тамасъ. Эти три элемента присутствуютъ во всемъ матеріальномъ мірѣ, но не въ одинаковомъ отношеніи: обыкновенно одинъ изъ элементовъ преобладаетъ. Саттва производитъ все свѣтлое и легкое въ мірѣ явленій и обусловливаетъ въ сознаніи человѣка мужество и ощущеніе радости. Раджасъ вызываетъ силу, движеніе и отражается въ сознаніи человѣка, какъ страданіе, боязнь, злоба и т. д. Тамасъ обусловливаетъ въ мірѣ явленій качества тяжести, неподвижности, мрака, а въ сознаніи—равнодушіе, трусость, безсознательное состояніе и т. п. Саттва господствуетъ въ мірѣ боговъ, раджасъ—въ мірѣ людей, а тамасъ—во всемъ остальномъ. При этомъ важно обратить вниманіе на то обстоятельство, что здѣсь къ матеріальному міру причисляются и ощущенія, и сознаніе. Вслѣдствіе этого на долю души почти ничего не остается, и потому она можетъ быть опредѣлена только съ отрицательной стороны: она не имѣетъ ни начала, ни конца; она—неподвижна, неизмѣнна, лишена воли и не подвержена никакимъ впечатлѣніямъ, ни радости, ни печали. Тотъ человѣкъ, который пойметъ это отличіе души отъ матеріальнаго міра, тѣмъ самымъ освободитъ свою душу отъ связи съ матеріей и дастъ ей возможность погрузиться въ безсознательное существованіе. Чтобы нѣсколько уяснить себѣ темную для нашего взгляда на вещи связь освобожденія души съ пониманіемъ, нужно вспомнить, что пониманіе по теоріи «санкьи» относится такъ же къ матеріальному міру и потому можетъ повлечь за собою такой существенный результатъ, какъ освобожденіе души. Полное освобожденіе достигается только въ моментъ смерти, но и при жизни оно отчасти достижимо: это бываетъ, напр., во время глубокаго сна безъ сновидѣній и во

время самоуглубленія. Для достиженія такого состоянія была выработана цѣлая система упражненій, приводящихъ къ состоянію экстаза. Эта система составляетъ главное содержаніе другого философскаго ученія, носящаго названіе «йога».

Вотъ главныя черты ученія «санкьи». Конечно, мы не могли здѣсь даже и упомянуть о многихъ интересныхъ подробностяхъ этого ученія; но любознательный читатель можетъ для ближайшаго знакомства обратиться къ переводу г. Герасимова. Нельзя только чтеніе этой книги назвать легкимъ. Всякій читатель, имѣющій въ виду познакомиться съ совершенно чуждой ему философской системой, долженъ, конечно, имѣть мужество вникнуть въ совершенно новый строй понятій, усвоить новую терминологію и преодолѣть цѣлый рядъ другихъ препятствій. И это уже дѣло не легкое. Но переводъ г. Герасимова къ этимъ затрудненіямъ, къ сожалѣнію, прибавляетъ и еще одно—это массу новыхъ, имъ самимъ придуманныхъ, русскихъ словъ. По большей части это чудовищныя сложныя слова въ родѣ «въ-себѣ-включеніе», «звукопервоматерія», «досегодняшній», «повсюдусуществованіе», «саттва-природа», «достиженіе никогда не возвращенія» и т. п. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ г. Герасимовъ, повидимому, старается употреблять старыя слова, чтобы придать своему переводу колоритъ древности; напр., притча въ см. пословицы, лицедѣй въ см. актера и т. п. Мы вполнѣ понимаемъ такое желаніе, но намъ кажется, что въ изложеніи на русскомъ языкѣ индійскихъ философскихъ текстовъ, которые и въ подлинникѣ не могутъ быть отнесены къ отдѣлу изящной литературы, нужно стремиться только къ ясности. Мы указываемъ на этотъ недостатокъ перевода потому, что и вообще стиль г. Герасимова не можетъ быть названъ яснымъ. Очень часто даже въ разстановкѣ словъ встрѣчаются такія отклоненія, которыя мѣшаютъ сразу понять фразу, вовсе не замысловатую по существу. Поэтому мы рѣшаемся высказать надежду, что въ послѣдующихъ переводахъ г. Герасимовъ обратитъ вниманіе на этотъ недостатокъ и постарается его исправить. Повторяемъ, что мы съ полнымъ сочувствіемъ относимся къ трудамъ г. Герасимова: они произвели на насъ очень благопріятное впечатлѣніе Мы не замѣтили въ переводѣ ни одного такого недоразумѣнія, какими обыкновенно кишатъ русскія переводныя сочиненія, касающіяся Индіи.

Вводная статья проф. Гарбе указываетъ на точки соприкосновенія философіи «санкьи» съ буддизмомъ и старается доказать, что буддизмъ многое заимствовалъ изъ нея.

Въ заключеніе не можемъ не пожелать, чтобы книга нашла широкое распространеніе и чтобы читателей не пугали тѣ трудности, съ которыми необходимо считаться, желая познакомиться съ такою оригинальною и во многихъ отношеніяхъ чуждою намъ областью, какъ индійская философія.

Д. Кудрявскій.

НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ:

Изданія «Посредника»: 1) *С. Т. Семеновъ.* Три разсказа: I. «Въ день итоговъ». II. «Незадача». III. «Преступленіе». № 384. Стр. 107. Ц. 6 к. М. 1900.

2) *С. Т. Семеновъ.* «Супротивникъ». Разсказъ. № 332. Стр. 71. Ц. 3 к. М. 1900.

3) *П. Хотымскій.* I. «Гришка». II. «Добытчикъ». Разсказы. № 387. Стр. 36. Ц. 1½ к. М. 1900.

Въ новой серіи народныхъ книжекъ, изданныхъ «Посредникомъ», довольно видное мѣсто занимаютъ разсказы изъ крестьянской жизни, а среди

нихъ произведенія С. Т. Семенова. С. Т. Семеновъ, самъ вышедшій изъ крестьянской среды, прекрасно знаетъ бытъ великорусской деревни и въ безхитростной, почти простонародной формѣ не безъ таланта разсказываетъ читателямъ о взаимныхъ отношеніяхъ обитателей деревни. Мягкій, спокойный тонъ его разсказовъ не мѣшаетъ ему относиться достаточно объективно къ темнымъ сторонамъ деревенской жизни, а незначительность его сюжетовъ не лишаетъ ихъ интереса какъ для интеллигентныхъ, такъ и для неинтеллигентныхъ читателей.

Героями разсказовъ г. Хотымскаго являются деревенскіе ребята, изображенные достаточно живо и жизненно. Въ разсказѣ «Гришка» передъ читателемъ рисуется жизнь крестьянской семьи съ ея обычными неурядицами: ссорами выпившаго мужа съ попрекающей его женой, побоями и т. п. Все это передается такъ, какъ оно отражается въ душѣ впечатлительнаго мальчика Гришки, который съ перепугу простуживается, заболѣваетъ и умираетъ. Сцена между родителями Гришки послѣ его похоронъ наиболѣе удалась автору. Въ разсказѣ «Добытчикъ» описанъ малолѣтній ямщикъ, несущій на своихъ плечахъ непосильный трудъ ради поддержки безпомощной семьи; здѣсь особенно недурна сцена писанія жалобы на ямщика проѣзжающимъ бариномъ.

4) *М. Горькій.* «Дружки». Разсказъ. № 385. Стр. 36. Ц. 1½ к. М. 1900.

5) *П. Добротворскій.* «Простая душа». Разсказъ. № 382. Стр. 36. Ц. 1½ к. М. 1900.

Редакція «Посредникъ» проявляетъ несомнѣнно похвальную отзывчивость, издавая въ видѣ отдѣльной дешевой книжки одно изъ произведеній такого оригинальнаго и талантливаго автора, какъ М. Горькій. Изъ разсказовъ М. Горькаго пока изданъ небольшой разсказъ «Дружки», напечатанный въ III-мъ томѣ его сочиненій. Какъ и большинство героевъ М. Горькаго, «Дружки»— безпріютные, изголодавшіеся люди, по роду занятій—оба они воры. Центральнымъ пунктомъ разсказа является эпизодъ съ кражей лошади, въ которомъ очень тонко проведена разница въ психологіи обоихъ дружковъ: одного—бывшаго самостоятельнаго крестьянина-хозяина и другого—озлобленнаго городского пролетарія. Разсказъ заканчивается превосходно написанной сценой смерти одного изъ друзей. Было бы очень желательно, чтобы редакція «Посредникъ» не ограничилась однимъ этимъ разсказомъ М. Горькаго, а издала въ такомъ же доступномъ видѣ и многія другія изъ его произведеній.

Въ противоположность М. Горькому, г. *П. Добротворскій* отличается совершеннымъ отсутствіемъ художественнаго таланта. Его разсказъ «Простая душа» повѣствуетъ о дѣвушкѣ-горничной, безкорыстно-ухаживающей за чужимъ ей больнымъ господиномъ. При этомъ она обнаруживаетъ привлекательныя стороны своего характера—доброту, искренность, честность и т. п.—и въ минуту откровенности разсказываетъ исторію своего пребыванія въ проституткахъ. Исторія эта производитъ впечатлѣніе жизненной правды и является единственнымъ интереснымъ мѣстомъ разсказа, написаннаго очень ужъ безцвѣтно.

6) *Бѣлоусовъ.* «На волѣ». Стихотворенія. № 341. Стр. 33. Цѣна 1½ к. М. 1899 г.

Авторъ стихотвореній «На волѣ», если не ошибаемся, до сихъ поръ неизвѣстенъ въ литературѣ. Стихотворенія его, собранныя въ сборникѣ, изданномъ «Посредникомъ», почти цѣликомъ посвящены описаніямъ природы, не отличающимся ни новизной, ни особенной красотой и разнообразіемъ формы. Тѣмъ не менѣе въ общемъ стихи читаются легко, нѣкоторые изъ нихъ, несомнѣнно, проникнуты искреннимъ чувствомъ и написаны гладко. Среди однообразнаго воспѣванія красотъ деревенской природы встрѣчаются, и не разъ, горькіе упреки автора, направленные по адресу столицы и столичной жизни, видимо крѣпко досадившей

поэту. Всѣ эти укоры очень ужъ отзываются столь излюбленнымъ редакціей «Посредника» прославленіемъ деревенской жизни и проклинаніемъ городской.

7) *Элиза Ожешко.* «Въ зимній вечеръ». Разсказъ. Переводъ съ польскаго Маріи Троповской. № 337. Стр. 108. Цѣна 6 к. М. 1900 г.

Редакція «Посредникъ», издавая цѣлый рядъ произведеній знаменитой польской писательницы Э. Ожешко, оказываетъ этимъ большую услугу дѣлу народной литературы. Вышедшій теперь разсказъ «Въ зимній вечеръ» (появившійся раньше въ сокращенномъ видѣ въ «Читальнѣ народной школы») отличается достоинствами, свойственными вообще таланту Ожешко: художественностью формы, глубиной гуманной идеи и драматизмомъ сюжета. Въ данномъ разсказѣ очень замѣтно присутствіе и романтическаго элемента, встрѣчающагося также въ другихъ произведеніяхъ Э. Ожешко. Разсказъ «Въ зимній вечеръ» цѣликомъ захватываетъ читателя и заставляетъ его съ неослабѣвающимъ интересомъ слѣдить за перипетіями драмы, совершающейся въ крестьянской избѣ: посѣщеніе родныхъ бѣглымъ преступникомъ, бродягой, давно вычеркнутымъ изъ состава патріархальной крестьянской семьи, и, въ концѣ концовъ, признаннаго все же роднымъ отцомъ, вопреки всѣмъ его суровымъ традиціямъ.

Превосходенъ также разсказъ другой польской писательницы *М. Конопницкой* «Кристя» (М. 1899 г. Ц. 3 к.), также изданный «Посредникомъ». Разсказъ этотъ лишенъ романтическихъ эффектовъ, но производитъ не менѣе сильное впечатлѣніе. Художественная простота формы и реализмъ сюжета, взятаго тоже изъ крестьянской жизни (невольная измѣна молодой женщины горячо любимому мужу, ушедшему въ солдаты, и самоубійство ея при возвращеніи мужа, котораго всѣ въ деревнѣ и сама она считали уже умершимъ) обезпечиваютъ этому разсказу большой успѣхъ среди читателей изъ народной среды. Разсказъ «Кристя» можетъ быть, однако, рекомендованъ лишь для взрослыхъ читателей, тогда какъ разсказъ «Въ зимній вечеръ» вполнѣ хорошъ и для подростковъ.

9) *А. Доде.* I. «Крушеніе корабля». II. «Смерть дофина». III. «Три ворона». Разсказы. Переводъ В. Микуличъ. № 383. Стр. 36. Ц. 1½ к. М. 1900 г.

10) *Томсонъ.* «Подарокъ пруссака». Разсказъ. Переводъ съ англійскаго С. О. *Дж. Вергъ.* «Разгромъ». Разсказъ. Переводъ съ итальянскаго А. Ульяновой. № 346. Стр. 35. Ц. 1½ к. М. 1900 г.

11) «Раненый врагъ». Разсказъ. «Дѣтская ласка». Разсказъ. № 351. Стр. 18. Ц. 1½ к. М. 1900 г.

Тяжелое впечатлѣніе производятъ всѣ три разсказа Доде, собранные въ одной книжкѣ. Во всѣхъ трехъ говорится о смерти: смерть 600 моряковъ во время крушенія военнаго корабля, умираніе маленькаго дофина, послѣднія минуты котораго отравлены сознаніемъ, что его санъ ничего не значитъ передъ лицомъ смерти, и, наконецъ, страданія молодого солдата, забытаго на полѣ битвы и чуть было не ставшаго жертвою жадности трехъ вороновъ. Несмотря на обычныя достоинства произведеній Доде, разсказы эти какъ-то слишкомъ ужъ незначительны для отдѣльнаго изданія. Лучшій изъ трехъ разсказовъ— «Смерть дофина», разсказъ же «Три ворона» много теряетъ благодаря невольному сопоставленію съ разсказомъ Гаршина на ту же тему. Несмотря на литературное имя г-жи Микуличъ, переводъ разсказовъ не отличается особенными достоинствами.

Разсказы «Подарокъ пруссака» и «Разгромъ» хотя по размѣрамъ тоже не велики, но гораздо болѣе содержательны. Оба разсказа рисуютъ ужасы войны и ведутся отъ лица мирныхъ людей, что еще болѣе подчеркиваетъ ихъ идею: жестокость и нелѣпость истребленія человѣка человѣкомъ. Но эта же манера разсказовъ—въ формѣ монолога и діалоговъ нѣсколько затрудняетъ пониманіе ихъ для непривычнаго читателя.

Сюжеты разсказовъ «Раненый врагъ» и «Дѣтская ласка» взяты также изъ франко-прусской войны 1870 г. Симпатичная идея обоихъ разсказовъ—что несчастія, связанныя съ войной, объединяютъ всѣхъ пострадавшихъ и дѣлаютъ ихъ изъ враговъ братьями,—облечена, однако, въ форму не художественнаго тенденціознаго сентиментальнаго нѣмецкаго разсказа, очень напоминающаго нравоучительныя исторійки въ дѣтскихъ христоматіяхъ добраго стараго времени.

12) *Л. Авилова.* «Сынъ». Разсказъ. № 336. Стр. 18. Ц. $1^1/_2$ к. М. 1899 г.

По своей идеѣ разсказъ г-жи Авиловой очень близко подходитъ къ разобраннымъ выше двумъ переводнымъ разсказамъ. Всѣ люди—братья, нужно любить всѣхъ и служить всѣмъ, не различая своихъ близкихъ и родныхъ отъ чужихъ учитъ умирающій мастеровой Власьевъ доктора Тиманова, который, правильно или ошибочно—это остается загадкой и для читателя—узнаетъ въ случайно встрѣченномъ больномъ своего давно потеряннаго сына. Но по своимъ художественнымъ достоинствамъ разсказъ «Сынъ» стоитъ неизмѣримо выше этихъ обоихъ разсказовъ и хотя не свободный отъ нѣкоторой тенденціозности и натянутости, особенно въ рѣчахъ умирающаго мастерового, онъ читается все же съ интересомъ и легко.

13) *Е. Горбунова.* «Наши зеленые друзья деревья». Разсказъ о томъ, какая великая польза отъ посадки деревьевъ и разведенія лѣсовъ. № 338. Стр. 32. Ц. $1^1/_2$ к. М. 1899 г.

Подъ такимъ нѣсколько неуклюжимъ заглавіемъ г-жа Горбунова разсказываетъ читателямъ о значеніи лѣса для человѣка. Она подробно перечисляетъ всѣ виды пользы, приносимой лѣсомъ, который удобряетъ и укрѣпляетъ почву, сохраняетъ въ ней влагу и собираетъ вокругъ себя водяные пары, защищаетъ сосѣднія мѣстности отъ вѣтровъ, лавинъ и обваловъ, а также отъ насѣкомыхъ, очищаетъ воздухъ отъ вредныхъ испареній и т. п.

Затѣмъ г-жа Горбунова сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о мѣрахъ къ сохраненію существующихъ и насажденію новыхъ лѣсовъ. При этомъ она останавливается, главнымъ образомъ, на значеніи школьныхъ древонасажденій. Этимъ дѣтскимъ посадкамъ г-жа Горбунова придаетъ несоразмѣрно большое значеніе, забывая при этомъ о громадной важности законодательныхъ мѣръ, государственнаго хозяйства и общественныхъ установленій въ дѣлѣ сохраненія и разведенія лѣсовъ. Поэтому конецъ книжки является дѣтски-наивнымъ, когда авторъ спрашиваетъ читателей: «Скажите же теперь: будете ли вы, узнавъ про все это, обижать бѣдныя, полезныя деревца? Нѣтъ, вы не будете дѣлать этого. Вѣдь правду же говорилъ мальчикъ, который мнѣ встрѣтился по дорогѣ,—помните, онъ сказалъ: «Вотъ, если бы знали всѣ, какъ это не хорошо, никто бы деревья губить не сталъ!» Слишкомъ ужь вѣритъ этотъ мальчикъ, а вмѣстѣ съ нимъ и самъ авторъ, въ силу человѣческаго слова.

Къ книжкѣ г-жи Горбуновой приложенъ списокъ общедоступныхъ книгъ по лѣсному хозяйству.

14) «Отвѣтъ мертвеца». Разсказъ. № 347. Стр. 18. Ц. $1^1/_2$ к. М. 1900 г.

15) *Эжезиппа Моро.* «Бѣлая мышка». Сказка для дѣтей. Съ французскаго. № 352. Стр. 35. Ц. $1^1/_2$ к. М. 1900 г.

«Отвѣтъ мертвеца»—пустая вещица, въ которой очень блѣдно проводится идея безполезности войны, причемъ по пути сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія о религіи и обычаяхъ египтянъ.

«Бѣлая мышка»—нѣчто среднее между сказкой и историческимъ разсказомъ. Для сказки въ ней слишкомъ мало фантазіи, для историческаго разсказа слишкомъ мало фактичности и исторической обстановки. Впрочемъ, идея сказки недурна и читатели—дѣти или подростки—вѣроятно не оставятъ сказку недочитанной до конца, а заинтересуются судьбою несчастныхъ заключенныхъ и ихъ доброй феи—бѣлой мышки.

*

16) «Султанъ Мухамедъ» и другіе притчи и разсказы. Сборникъ, составленный И. Горбуновымъ-Посадовымъ. № 392. Стр. 36. Ц. 1½ к. М. 1900 г.

17) «Бѣлый гость» и другіе притчи и разсказы. Сборникъ, составленный И. Горбуновымъ-Посадовымъ. № 397. Стр. 34. Ц. 1½ к. М. 1900 г.

18) «Пастухъ и царскій казначей» и другіе притчи и разсказы. Сборникъ, составленный И. Горбуновымъ-Посадовымъ. № 398. Стр. 35. Ц. 1½ к. М. 1900 г.

Редакція «Посредника», преимущественно въ лицѣ г. Горбунова-Посадова, щедро снабжаетъ народную литературу всевозможными сборниками, составленными изъ маленькихъ разсказовъ, притчъ, сказаній, стихотвореній и т. п. Нѣкоторые изъ изданныхъ раньше сборниковъ составлены очень удачно и пользуются симпатіями читателей, главнымъ образомъ дѣтскаго возраста, другіе носятъ на себѣ печать поспѣшности и тенденціозности и едва ли могутъ разсчитывать на особенный успѣхъ. Г. Горбуновъ-Посадовъ питаетъ особое пристрастіе къ восточной мудрости, которая въ формѣ всевозможныхъ турецкихъ, еврейскихъ и т. п. сказаній даетъ ему возможность проводить идеи смиренія, кротости, терпѣнія, презрѣнія къ земнымъ благамъ, непротивленія злу и т. п. Проповѣди этихъ идей посвящены и три вновь вышедшіе сборника г. Горбунова-Посадова. Среди помѣщенныхъ въ этихъ сборникахъ разсказовъ нѣкоторые слишкомъ ужь знакомы читателямъ, прошедшимъ начальную школу, такъ какъ ихъ можно встрѣтить въ любой хрестоматіи, какъ, напримѣръ, разсказы «Персики», «Индіецъ и англичанинъ», «Арабъ и змѣя», «Взаимная польза» и др.; но рядомъ съ ними читатель найдетъ и менѣе знакомыя, интересныя сказанія и разсказы, какъ, напр., «Сибирская сказка», «Три перстня» Лессинга, «Первобытный народъ» Круммахера и др. Большая часть разсказовъ и притчъ заимствована изъ извѣстнаго сборника «Цвѣтникъ» и изъ сочиненій Круммахера. Въ общемъ всѣ три сборника производятъ довольно однообразное и безцвѣтное впечатлѣніе, что не мѣшаетъ, конечно, возможности выбрать въ нихъ подходящій матеріалъ, какъ для класснаго чтенія, такъ и для письменныхъ изложеній взрослыхъ и малолѣтнихъ учащихся въ школахъ. Языкъ переводныхъ разсказовъ вездѣ хорошъ.

19) «Пойдемъ за Нимъ!» Сборникъ, сост. *В. Б.* № 344. Стр. 69. Ц. 3 к. М. 1900 г.

«Пойдемъ за Нимъ!» сборникъ, составленный почти исключительно изъ стихотвореній, носитъ на себѣ слѣды большей продуманности и тщательности въ выборѣ и распредѣленіи матеріала, чѣмъ предыдущіе три сборника. Сборникъ г. В. Б. начинается стихотвореніями, проникнутыми общими идеями христіанства, религіознымъ настроеніемъ, связаннымъ съ мыслями о Христѣ. Таковы стихотворенія: «Учитель», «Мессія», «Мольба», «Новый завѣтъ», «Услышь Христосъ мое моленье» и др. Затѣмъ идетъ рядъ стихотвореній, иллюстрирующихъ различныя мѣста Евангелія, какъ, напримѣръ: «Легенда», «Притча о сѣятелѣ и сѣменахъ», «Кто мнѣ родня?», «Грѣшница», «Моленіе о чашѣ» и др., а также отрывокъ изъ разсказа Сенкевича «Пойдемъ за Нимъ»—«Распятіе Іисуса Христа».

Сборникъ заканчивается стихотвореніями, посвященными мученичеству за вѣру и ожиданію Христа, который придетъ ко всѣмъ гонимымъ и страждущимъ («Голосъ изъ вьюги»). Среди стихотвореній, собранныхъ въ книжкѣ «Пойдемъ за Нимъ», многія принадлежатъ перу лучшихъ нашихъ поэтовъ—А. Толстого, Плещеева, Надсона, Никитина и др., а отрывокъ изъ Сенкевича, хотя и написанъ прозой, по художественнымъ своимъ достоинствамъ не уступаетъ поэтическимъ произведеніямъ. Но рядомъ съ прекрасными стихотвореніями въ сборникѣ встрѣчаются и слабыя, мало поэтическія произведенія Хомякова, Полежаева, Захарьина и др. Въ общемъ же сборникъ «Пойдемъ за Нимъ» проникнутъ искреннимъ религіознымъ чувствомъ и можетъ вызвать у читателя то настроеніе, котораго, очевидно желалъ составитель.

Въ заключеніе нужно сказать нѣсколько словъ о внѣшней сторонѣ всѣхъ только что разсмотрѣнныхъ новыхъ изданій Посредника. При крайней дешевизнѣ они отличаются четкой печатью, отсутствіемъ опечатокъ и почти всѣ снабжены на оберткѣ рисунками, иллюстрирующими текстъ книги. Нѣкоторыя изъ присланныхъ въ редакцію «для отзыва» книжекъ отличаются, кромѣ того, болѣе высокимъ качествомъ бумаги и болѣе прочной брошюровкой, что выгодно отличаетъ ихъ отъ такихъ же книжекъ, идущихъ въ продажу по той же цѣнѣ. Вѣроятно, присланные экземпляры принадлежатъ къ числу такъ называемыхъ «авторскихъ» улучшенныхъ экземпляровъ. Присылку такихъ экземпляровъ «для отзыва» нужно признать несоотвѣтствующей цѣли, такъ какъ она лишаетъ возможности дать правильный отзывъ о внѣшней сторонѣ всего находящагося въ продажѣ изданія. *М. Б.*

Содержаніе библіографическаго отдѣла за 1900 г.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

ПУБЛИЦИСТИКА.

Іолли, Л. «Народное образованіе въ разныхъ странахъ Европы». Февраль. *Н. Сперанскій.*
Леклеркъ, М. «Воспитаніе и общество въ Англіи». Мартъ. *М. Плотниковъ.*
Марголинъ. «Основныя теченія въ исторіи еврейскаго народа». Іюнь. *Э. М—исъ.*
Масловскій, А. Ф. «Русская общеобразовательная школа». Май. *В. Острогорскій.*
Пропперъ, С. «Казенная продажа питей и общественное мнѣніе». Августъ. *Э. М—исъ.*
Радцигъ, А. А. «Сахарная промышленность всего свѣта». Іюль. *М. П—овъ.*
Раппопортъ, С. И. «Народъ-богатырь». Іюль. *Л. Давыдова.*
«Русская земская медицина». Апрѣль. *М. Плотниковъ.*
Уоллесъ, А. «Чудесный вѣкъ». Августъ. *М. П—овъ.*
Ферреро. «Милитаризмъ». Май. *М. П—овъ.*
Шмурло, Е. «Голодный годъ». Октябрь. *А. Б.*
Энгельгардтъ, М. «Прогрессъ, какъ эволюція жестокости». Іюнь. *М. П—овъ.*

КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Барсуковъ, Н. «Жизнь и труды Погодина». Іюль. *С. Ашевскій.*
Батюшковъ, Ѳ. Д. «Критическіе очерки и замѣтки». Мартъ. *Е. Дегенъ.*
Боборыкинъ, П. Д. «Европейскій романъ въ XIX в.». Октябрь. *Ѳ. Батюшковъ.*
Ев. Бобровъ. «Изъ исторіи русской литературы». Декабрь. *М. Г.*
Бороздинъ. «Сто лѣтъ литературнаго развитія». Декабрь. *С. Ашевскій.*
Брандесъ, Г. «Литература XIX в. въ ея главныхъ теченіяхъ». Мартъ. *Е. Дегенъ.*
Введенскій, А. И. «Общественное самосознаніе въ русской литературѣ». Іюль. *А. Б.*
Кондаковъ и Толстой. «Русскія древности въ памятникахъ искусства». Январь. *П. Милюковъ.*
Кохъ, Максъ. «Исторія нѣмецкой литературы». Ноябрь. *Е. Дегенъ.*
Махаловъ, С. Д. «Фантазія на трагедію Гамлета». Январь. *Е. Дегенъ.*
Новицкій, А. «Исторія русскаго искусства». Январь. *Е. Дегенъ.*
«Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ». Сентябрь. *С. Ашевскій.*
«Переписка Гоголя съ Плетневымъ». Декабрь *Щ.*
Рачинскій, С. А. «Татевскій сборникъ». Ноябрь. *С. Ашевскій.*
Смирновъ, В. Я. «Жизнь и поэзія Н. М. Языкова». Октябрь. *П. Щеголевъ.*
Суворинъ, А. С. «Поддѣлка «Русалки» Пушкина». Іюль. *А. Б.*
Фагэ, Э. «Политическіе мыслители и моралисты XIX в.». Третья серія. Октябрь. *А. Дживелеговъ.*
Фагэ, Эм. «Политическіе мыслители и моралисты». Май. *А. Савинъ.*
Шепелевичъ, Л. «Наши современники». Іюнь *Ев. Дегенъ.*
Шепелевичъ, Л. «Фаустъ Гте». Іюнь. *Е. Дегенъ.*
Штоль, Г. В. «Миѳы классической древности», т. II. Октябрь. *Д. Кудрявскій.*
Ярцевъ. «Исторія русскаго театра». Декабрь. *Щ.*

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ И РУССКАЯ.

Бетцольдъ, Фр. «Исторія реформаціи въ Германіи». Апрѣль. *Н. Сперанскій.*
Гаусратъ, Ад. «Средневѣковые реформаторы». Мартъ. *О. До—шъ.*
Gibbon, Ed. «The decline and fall of the Roman empire». Октябрь. *Е. Тарле.*
Гревсъ, И. М. «Очерки римскаго землевладѣнія». Апрѣль. *М. Ростовцевъ.*
Грегоровіусъ. «Исторія города Аѳинъ». Апрѣль. *Ев. Тарле.*
Деберль, Альф. «Исторія Южной Америки». Май. *М. П—овъ.*

Жебаръ, Эм. «Начало возрожденія въ Италіи». Апрѣль. *А. Дживелеговъ.*
«Записки графини Головиной». Декабрь. *А. М.*
«Исторія религіи». Сбор. перев. подъ ред. В. Тимирязева. Декабрь. *С. Ольденбургъ.*
Кнаппъ, Г. Ф. «Исторія освобожденія крестьянъ въ Германіи». Мартъ. *А. Дживелеговъ.*
Лависъ и Рамбо. «Всеобщая исторія съ IV столѣтія и до нашего времени». Май. *С. Л.*
Лучицкій, Н. «Крестьянское землевладѣніе во Франціи наканунѣ революціи». Май. *Ев. Тарле.*
Сеньобосъ, Ш. «Политическая исторія современной Европы». Январь. *Р. Випперъ.*
Тьерри, Огюстенъ. «Исторія происхожденія и успѣховъ третьяго сословія». *О. До—шъ.*
Штернъ, Алс. «Исторія революціи въ Англіи». Май. *А. Дживелеговъ.*
Эндрьюсъ, Ч. «Историческое развитіе современной Европы». Январь. *Р. Випперъ.*

ЮРИДИЧЕСКІЯ НАУКИ.

Абрамовъ, Я. «Бракъ и семья». Іюнь. *Э. М—исъ.*
Благовѣщенскій, Н. А. «Четвертное право». Февраль. *Г. Л—ій.*
Владимірскій-Будановъ, М. «Обзоръ исторіи русскаго права». Апрѣль. *М. Дьяконовъ.*
Градовскій, А. Д. «Собраніе сочиненій», т. IV. Ноябрь. *А. Дживелеговъ.*
Дукмасовъ, А. «Вопросы права и закона». Октябрь. *Э. М—исъ.*
Ковалевскій, М. «Происхожденіе современной демократіи». Мартъ. *А. Дживелеговъ.*
Малиновскій, І. А. «Ссылка въ Сибирь». Іюнь. *Э. М—исъ.*
Н. Н. П. «Отвѣтственность предпринимателей». Іюнь. *Э. М—исъ.*
Фалинскій-Литвиновъ, В. «Фабричное законодательство и фабричная инспекція». Сентябрь. *М. Пл—въ.*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ. СТАТИСТИКА.

Арндтъ. П. «Экономическія послѣдствія превращенія Германіи въ промышленную страну». Сентябрь. *М. П—въ.*
Брандтъ, Б. «Иностранные капиталы». Августъ. *І. Давыдовъ.*
Брентано, Л. «Классическая политическая экономія». Ноябрь. *І. Давыдовъ.*
Вигуру, Л. «Рабочіе союзы въ Сѣверной Америкѣ». Іюль. *М. Плотниковъ.*
Веббъ, Сидней и Беатриса. «Теорія и практика трэдъ-юніонизма». Январь. *М. Плотниковъ.*
Веббъ, С. и Б. «Исторія рабочаго движенія въ Англіи». Іюль. *М. Плотниковъ.*
Гертцъ, Ф. «Аграрный вопросъ». Сентябрь. *І. Давыдовъ.*
Гикманъ и Марксъ. «Всеобщій географическій карманный атласъ». Августъ. *І. Давыдовъ.*
Гоббсонъ, Дж. «Проблема бѣдности и безработицы». Май. *І. Давыдовъ.*
Гродецкій, М. «Аграрный вопросъ и его соціальная роль». Октябрь. *І. Давыдовъ.*
Каутскій, К. «Аграрный вопросъ». Сентябрь. *І. Давыдовъ.*
Кедровъ. «Трудъ фармацевтовъ». Декабрь. *З. Френкель.*
Ковалевскій, М. «Экономическій строй Россіи». Февраль. *Г. Михинъ.*
Лафаргъ, Поль. «Экономическая роль биржи». Ноябрь. *С. Ш—гъ.*

Майръ, Г. «Статистика и обществовѣдѣніе». Мартъ. *М. Плотниковъ.*
Озеровъ, И. «Общества потребителей». Апрѣль. *М. Пл—овъ.*
«Обзоръ потребительныхъ об—въ въ Россіи». Апрѣль. *М. П—овъ.*
Прокоповичъ, С. Н. «Рабочее движеніе на Западѣ». Май. *І. Давыдовъ.*
Статьи по вопросамъ городского хозяйства. Декабрь. *З. Френкель.*
Фауль, Т. «Призрѣніе бѣдныхъ въ Англіи». Январь. *М. Плотниковъ.*
Шлоссъ, Д. «Формы заработной платы». Іюль. *І. Давыдовъ.*

СОЦІОЛОГІЯ.

Абрамовскій, Э. «Психологическія основы соціологіи». Октябрь. *І. Давыдовъ.*
Вольтманъ, Л. «Теорія Дарвина и соціализмъ». Сентябрь. *С. Ш—гъ.*
Рене Вормсъ. Декабрь. *Б. К—ій.*
Гумпловичъ, Л. «Соціологическіе очерки». Ноябрь. *Б. Ки—скій.*
Дюркгеймъ. «Методъ соціологіи». Августъ. *І. Давыдовъ.*
Зомбартъ, В. «Идеалы соціальной политики». Іюнь. *Г. Михинъ.*
Лафаргъ. «Трудъ и машина». Декабрь. *С. Ш—гъ.*
Малининъ, А. «Старое и новое направленіе въ исторической наукѣ». Сентябрь. *А. Дживелеговъ.*
Морганъ, Л. «Первобытное общество». Іюнь. *А. Джевелеговъ.*
Тардъ. Г. «Соціальные законы». Сентябрь. *С. Ш—гъ.*
Штейнъ, Л. «Соціальный вопросъ съ философской точки зрѣнія». Февраль. *Г. Михинъ*

ФИЛОСОФІЯ И ЭТИКА.

Битнеръ. «Вѣрить или не вѣрить». Февраль. *Г. Челпановъ.*
Бобровъ, Ев. «Философія въ Россіи». Апрѣль. *П. Милюковъ.*
Геккель, Эрнестъ. «Міровыя загадки». Августъ. *С. Ч.*
Гиляровъ, А. «Что такое философія? Что она можетъ и чего не можетъ дать». Ноябрь. *Б. К—скій.*
Макъ-Кендрикъ и Снодграсъ. «Физіологія органовъ чувствъ». Апрѣль. *Г. Челпановъ.*
Кименталь. «Развитіе памяти и соображенія». Апрѣль. *Г. Челпановъ.*
«Лунный свѣтъ санкья-истины». Декабрь. *Д. Кудрявскій.*
Лэддъ. «Очерки элементарной психологіи». Іюнь. *Г. Челпановъ.*
Паульсенъ. «Введеніе въ философію». Февраль. *Г. Челпановъ.*
Сутерландъ, А. «Происхожденіе и развитіе нравственнаго инстинкта». Ноябрь. *С. Штейнбергъ.*
Фулье. «Свобода и необходимость». Іюнь. *Г. Челпановъ.*
Шопэнгауеръ. «Полное собраніе сочиненій». Іюнь. *Г. Челпановъ.*

АНТРОПОЛОГІЯ.

Doeniker, J. «Les races et les peuples de la terre». Сентябрь. *Ин. А—скій.*
Конъ, Ф. «Физіологическія и біологическія данныя о якутахъ». Сентябрь. *М. П—въ.*
Кржеивицкій, Л. «Физіологическая антропологія». Августъ. *Д. Кудрявскій.*

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ

Бергъ, Р. «Курсы общей эмбріологіи». Іюнь. *Б. Федченко.*
Бородинъ, И. «Курсъ анатоміи растеній». Ноябрь. *Б. Федченко.*
Эрнстъ Геккель. «Современное знаніе о филогенетическомъ развитіи человѣка. Апрѣль. *С. Ч.*
Гёксли-Розенталь. «Основы физіологіи». Февраль. *Ингеницкій.*
Гётте, А. «Зоологія». Февраль. *Ингеницкій.*
Гётчинсонъ. «Вымершія чудовища». Ноябрь. *В. А.*
Гоше. «Руководство къ плодоводству». Февраль. *Ингеницкій.*
Гриммъ, О. А. «Бесѣды о трудовомъ хозяйствѣ». Январь. *Ингеницкій.*
Делажъ, И. «Наслѣдственность». Іюнь. *Б. Федченко.*
Дюбуа-Реймонъ. «Германъ фонъ-Гельмгольцъ». Іюль. *К—еръ.*
Елагинъ, П. «Практическое птицеводство». Январь. *Ингеницкій.*
Клейнъ. «Прошлое, настоящее и будущее вселенной». Январь. *К. Покровскій.*
Котельниковъ, В. Г. «Воздѣлываніе простого табаку махорки». Январь. *Ингеницкій.*
Половцовы, В. Н. и В. В. «Ботаническія весенія прогулки въ окрестностяхъ Петербурга». Ноябрь. *Б. Федченко.*
Рэмсенъ. «Введеніе къ изученію органической химіи». Іюнь. *Б. Федченко.*
Томпсонъ, С. «Свѣтъ видимый и невидимый». Іюль. *К—еръ.*
Урлаубъ, И. «Очеркъ исторіи оптики и оптическаго производства въ Россіи». Іюль. *К—еръ.*
Фаусекъ, В. «Этюды по вопросамъ біологической эволюціи». Апрѣль. *С. Ч.*
Франкъ, А. «Болѣзни растеній». Іюнь. *Б. Федченко.*
Цингеръ, Н. «Курсъ астрономіи». Апрѣль. *К. Покровскій.*
Хвольсонъ, О. Д. «Краткій курсъ физики». Іюль. *К—еръ.*

ГЕОГРАФІЯ И ПУТЕШЕСТВІЯ.

Богдановичъ, К. «Геологическое описаніе южной оконечности Ляо-дунскаго полуострова». Августъ. *А. Б.*
Булатовичъ, А. «Съ войсками Менелика». Августъ. *А. Б.*
Гопчевичъ. «Старая Сербія и Македонія». Январь. *П. Милюковъ.*
Василевскій, Л. «Современная Галиція». Августъ. *А. Б.*
Красновъ, А. Н. «Индія и Цейлонъ». Ноябрь. *С. Ольденбургъ.*
«Россія». Полное географическое описаніе нашего отечества. Ноябрь. *С. Ч.*

ГИГІЕНА И МЕДИЦИНА.

Григорьевъ, Н. И. «Алкоголизмъ и преступленія въ Петербургѣ». Іюль. *В. Б—окъ.*
Шюке, А. «Гигіена чахоточныхъ». Іюль. *В. Б—къ.*

НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ. СПРАВОЧНЫЯ.

Александрова, А. «Разсказы о золотѣ». Сентябрь. *М. Б.*
Арріанъ, П. «Первый женскій календарь». Мартъ. *В. Острогорскій.*
Бернштейнъ, А. «Очерки по міровѣдѣнію». Февраль. *М. Б.*

Брусъ, В. «Поэты-крестьяне». Январь. *М. Б.*
Булгакова, Е. «Японія и японцы». Сентябрь. *М. Б.*
Водовозова, Ел. «Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ». Апрѣль. *М. Б.*
Вѣтринскій, Ч. «Очеркъ жизни и дѣятельности В. Г. Бѣлинскаго». Январь. *М. Б.*
«Горе стараго каторжника» и др. разсказы. Январь. *М. Б.*
Давидсонъ, И. «Борьба въ природѣ». Февраль. *М. Б.*
Забѣлло, О. «Разсказы о Греціи и грекахъ». Сентябрь. *М. Б.*
«Книга для взрослыхъ». Май и Іюнь. *М. Б.*
Колокольникова, М. «Корея». Ноябрь. *М. Б.*
Круковская, С. «Китай». Очеркъ жизни и нравовъ. Ноябрь. *М. Б.*
«Курсъ систематическаго чтенія». Годъ 4-й. Мартъ. *П. Милюковъ.*
Ладыженскій, В. «О книгахъ и сочинителяхъ». Январь. *В. Острогорскій.*
Львовъ, В. «Народная школа». Іюнь. *М. Б.*
Новая Библіотека. «Китай и китайцы». Ноябрь. *М. Б.*
«Новая Библіотека». Мартъ. *М. Б.*
Овчинникова, В. «Какъ живутъ японцы». Сентябрь. *М. Б.*
П—ва, Е. «Гарибальдійцы». Апрѣль. *М. Б.*
Полянская, М. «Жизнь и сочиненія Ѳ. М. Рѣшетникова». Январь. *М. Б.*
Свирскій, А. «Забракованный». Февраль. *М. Б.*
«Свѣтъ Азіи». Январь. *М. Б.*
Телешовъ. «Домой» и др. разсказы. Январь. *М. Б.*
Франко, И. «Разсказы». Февраль. *М. Б.*
Хрѣновъ, К. «Пѣвцы народной жизни». Январь. *М. Б.*
Цебрикова, М. «Преступная отравительница» и др. разсказы. Январь. *М. Б.*
Чигловъ, Е. «Отъ лучины до электричества». Февраль. *М. Б.*
«Событія въ Китаѣ». Ноябрь. *М. Б.*
Разныя изданія «Посредника». Декабрь. *М. Б.*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(съ 15-го октября по 15-ое ноября 1900 г.).

Врачъ Тезяковъ. Бесѣды по гигіенѣ въ примѣненіи ея къ народной школѣ. Изд. Ворон. Губ. Земства. Воронежъ. 1900 г.

Проф. А. Трачевскій. Учебникъ древней исторіи. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

Проф. Р. Випперъ. Учебникъ древней исторіи. М. 1900 г. Ц. 1 руб.

А. Веснинъ. Британская имперская федерація и англійскіе торговые интересы. Спб. 1900 г.

С. Франкъ. Теорія цѣнности Маркса и ея значеніе. Спб. Изд. М. И. Водовозовой. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

Дѣйствія Нижегородской губ. ученой архивной коммиссіи. Т. IV. Н.-Новгородъ. 1900 г.

Р. А. Іоаннисіани. Дома трудолюбія. Тифлисъ 1900 г. Ц. 60 к.

О. Шкайскій. Какъ хивинцы ведутъ полевое хозяйство на своихъ безводныхъ земляхъ. М. 1900 г.

Э. дю-Буа-Реймонъ. О границахъ познанія природы. Семь міровыхъ загадокъ. Перев. съ нѣм. С. Ершова. Изд. Н. В. Синюшина. М. 1901 г. Ц. 35 коп.

О. Кюльпе. Введеніе въ философію. Перев. съ нѣм. подъ ред. П. Б. Струве. Спб. 1901 г. Изд. О. Н. Поповой.

Академика В. П. Васильева. Открытіе Китая. Изд. журн. «Вѣстникъ всемірной исторіи». Спб. 1900 г. Ц. 1 руб.

Фридрихъ фонъ-Бецольдъ. Исторія реформаціи въ Германіи. Перев. съ нѣм. Т. II. Изд. Л. Пантелѣева. Спб. 1900 г. Ц. 2 р. 50 к.

И. Я. Гурляндъ. Ямская гоньба въ Московскомъ государствѣ до конца XVII вѣка. Ярославль. 1900 г. Ц. 2 р. 50 к.

Горбуновъ-Посадскій. Сборникъ разсказовъ отдѣльными книжками. М. Изд. Посредника. 1900 г. Ц. каждой книги $1^1/_2$ к.

Г. Гауптманъ. Желѣзнодорожный сторожъ. Тиль. Разсказъ. Перев. съ нѣм. Изд. М. Ѳ. Тихоміровa. Ц. 7 коп. Владиміръ на Клязмѣ.

Г. А. Любарскій. Палестина, ея настоящее и будущее. Изд. Т-ва «Ахіасафъ». Варшава. 1900 г. Ц. 75 к.

И. Гливенко. Задачи и методы изученія новыхъ языковъ въ средней школѣ. Кіевъ. 1900 г.

А. А. Савельевъ. Очеркъ развитія народнаго образованія въ Нижегородскомъ уѣздѣ. Н.-Новгородъ. 1900 г.

А. Богдановскій. Какъ Петръ Захарычъ переселился въ Сибирскіе лѣса. Изд. журн. «Книжка за книжкой». Ц. 20 к.

Д-ра Мюнстерберга. Объединеніе дѣятельности благотворительныхъ учрежденій. Перев. съ нѣм. Изд. Моск. городск. общ. управленія. М. 1900 г.

Эдмунда Вильсона. Перев. съ англ. приватъ-доцента Моск. универс. Вл. Линдемана. Роль клѣтки въ развитіи и наслѣдственности. Изд. К. Солдатенкова. М. 1900 г. Ц. 2 р. 50 коп.

Исполинъ нѣмецкой промышленности (заводъ Круппа). Изд. ред. журн. «Русская Мысль». М. 1901 г. Ц. 15 коп.

Бытовые очерки. Въ мастерской. Разсказъ И. А. Данилина. «Преступники» П. Б. Хотымскаго. Изд. ред. журн. «Русская Мысль». М. 1901 г. Ц. 40 к.

Ф. Ле-Дантекъ. Ламаркизмъ и дарвинизмъ. Перев. съ франц. подъ ред. проф. Н. Яковлева. Спб. Изд. О. Н. Поповой 1900 г. Ц. 75 к.

Ремсенъ. Введеніе въ изученіе химіи. Перев. съ нѣм. М. И. Коновалова. М. 1901 г. Ц. 1 р. 75 к.

И. Я. Гурляндъ. Новгородскія ямскія книги 1586—1631 г. Ярославль. 1900 г.

Докторъ Герхартъ - фонъ-Шульце-Геверницъ. Очерки общественн. хозяйства и эконом. политики Россіи. Перев. съ нѣм. съ предисл. П. Струве. Изд. Н. М. Глаголева. Спб. 1901 г. Ц. 2 р. 50 к.

Э. Бернштейнъ. Историческій матеріализмъ. Перев. Л. Канцель. Спб. 1901 г. Ц. 80 к.

Артуръ Шнитцлеръ. Зеленый попугай. Парацельсъ. Подруга. Трилогія. Перев. М. О. И. М. Изд. «Скорпіонъ». 1900 г. Ц. 60 к.

В. Ѳ. Боцяновскій. Максимъ Горькій. Критико-біографическій этюдъ. Спб. 1901 г. Ц. 50 к.

Андреевичъ. Книга о Максимѣ Горькомъ и А. П. Чеховѣ. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

Николай Бердяевъ. Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи. Критическій этюдъ о Н. К. Михайловскомъ съ предисл. П. Струве. Спб. Изд. О. Н. Поповой. 1901 г. Ц. 2 р. 25 коп.

К. Смирновъ. Курсъ педагогики въ двухъ частяхъ. I-я часть. Педагогика и общая дидактика. Ч. II-я—Методика учебныхъ предметовъ начальной школы. М. 1900 г. Ц. каждой части 60 к.

Сборникъ избранныхъ стихотвореній изъ книгъ, разрѣшенныхъ для чтенія въ школахъ и народныхъ аудиторіяхъ. Изд. ред. журн. «Дѣтское Чтеніе» М. 1900 г. Ц. 20 коп.

В. М. Сысоевъ. Сказки природы. Изъ міра животныхъ. Съ рисунк. М. Изд. ред. журн. «Дѣтское Чтеніе». 1900 г. Ц. 10 к.

Стихотворенія Тулуба. Среди природы. Изд. ред. журн. «Дѣтское Чтеніе». М. 1900 г. Ц. 30 к.

Е. П. Муратова. Разсказы. Родныя картинки. М. Изд. ред. журн. «Дѣтское Чтеніе». М. 1900 г. Ц. 30 к.

М. И. Ремезовъ. Разсказы изъ русской исторіи. М. Изд. ред. журн. «Дѣтское Чтеніе» 1901 г. Ц. 10 к.

А. О. Быковъ. Разсказы изъ исторіи Англіи XI—XIX вѣка Съ 36 рисунками. Спб. 1899 г. Изд. Д. Алексѣева. Ц. 1 р. 50 к.

Д-ра мед. Н. В. Краинскаго. Порча кликуши и бѣсноватые, какъ явленія русской народной жизни. Съ предисловіемъ академика В. М. Бехтерева. Новгородъ. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

К. М. Станюковичь. Отчаянный. Разсказъ изъ морской жизни. Харьковъ. 1900 г. Ц. 5 коп.

А. А. Измайловъ. Черный воронъ. Первая книжка разсказовъ. Спб. 1901 г. Ц. 1 р.

Врачъ В. Рахманова. О томъ, какъ надо жить, чтобы быть здоровымъ. Изд. «Посредника». М. 1900 г. Ц. 35 к.

С. Т. Семеновъ. У пропасти и другіе разсказы. Изд. «Посредника». М. 1900 г. Ц. 80 к.

Г. Бергсонъ. Смѣхъ въ жизни и на сценѣ. Спб. 1900 г. Изд. Т-ва XX в. Ц. 75 к.

А. Н. Глаголевъ. Курсъ теоретической ариѳметики и сборникъ теоретическихъ упражненій. М. 1900 г. Ц. 1 р.

Отчетъ о дѣятельности кружка любителей художествен. чтенія и музыки въ С.-Петербургѣ. Спб. 1900 г.

Отчетъ за 1899—1900 учебн. года. О спеціальн. вечернихъ курсахъ служащихъ Юго-Зап. ж д. Кіевъ. 1900 г. М. П. С.

Сборникъ статистич. свѣдѣній по Уфим. губ. Уфимск. уѣздъ Уфа. Изд. Губ. зем. упр. Ц. 50 к. съ перес.

Отчетъ о дѣятельн. Об-ва для содѣйствія народн. образ. и распростран. полезн. знаній въ Яросл. губ. Ярославль. 1900 г.

А. Богдановскій. Докладъ о значеніи Притавдинскаго края въ колонизаціонномъ отношеніи г. Тобольскъ. 1900 г.

Л. Колесниковой. Разсказы изъ жизни звѣрей. Харьковъ. 1900 г. Изд. Об-ва распростр. въ народѣ грам.

Е. Сно. Мих. Вас. Ломоносовъ. Харьковъ. 1900 г. Изд. Об-ва распр. въ народѣ грамотности.

А. М. Кирилловъ. Бесѣда о пользѣ отъ занятія пчеловодства. Харьковъ. 1900 г. Изд. Об-ва распр. въ народѣ грам.

Е. Быковой. Хижина дяди Тома и рабство негровъ въ Америкѣ. Харьковъ. 1900 г. Изд. Об-ва распр. въ народѣ грам.

По **М. Серао.** Составила Л. Б. Хавкина. Рыжакъ. Харьковъ. 1900 г. Изд. Об-ва распростр. грам. въ народѣ.

Джеромъ К. Джеромъ. Джонъ Ингерфильдъ. Разсказъ изъ жизни стараго Лондона. Харьковъ. Изд. Об-ва распр. грам. въ народѣ.

А. К. Красновъ. О полярныхъ странахъ. Харьковъ. 1900 г. Изд. Об-ва распр. грам. въ народѣ.

Три разсказа. Изд. Об-ва распр. грам. въ народѣ.

В. Г. Соболевъ. Бесѣды врача съ крестьянами о заразныхъ болѣзняхъ. Харьковъ. Изд. Об-ва распр. грам. въ народѣ.

Его же. Бесѣды врача съ крестьянами о скарлатинѣ. Харьковъ. Изд. Об-ва распр. въ народѣ грам.

В. Анучинъ. Разсказы Сибиряка. Спб. 1900 г. Ц. 1 руб.

Я. Ц. Мірскій. Лебединая пѣснь графа Л. Н. Толстого. Критическій этюдъ по поводу ром. «Воскресеніе». Спб. 1900 г. Ц. 1 р.

Р. Гюнтеръ. Исторія культуры. Перев. съ нѣм. Спб. Изд. А. С. Суворина. 1901 г. Ц. 1 руб.

Д. Садовниковъ. Загадки русскаго народа. Спб. Изд. А. С. Суворина. 1901 г. Ц. 1 р. 25 к.

Камилла Фламмаріонъ. Невѣдомое. Перев. съ нѣм. Л. Р. Спб. Изд. А. С. Суворина. 1901 г. Ц. 1 руб.

Эльпе. Калейдоскопъ. Изъ области теоретическ. и прикладн. знаній. Спб. Изд. А. С. Суворина. 1901 г. Ц. 1 р. 20 коп.

Е. П. Гребенка. Разсказы Пирятинцы. Куликъ. Повѣсть. Изд. А. С. Суворина. 1901 г.

Его же. Записки студента. Повѣсть. Путевыя записки зайца. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1901 г.

Отчетъ о дѣятельности Артельской безплатной библіотеки-читальни. Павлоградъ.

Д. Д. Ахшарумовъ. Чума послѣднихъ годовъ XIX столѣтія. 1894 — 1900 г. Полтава. 1900 г.

Романъ Чарльса Диккенса. Воровская шайка или приключенія бѣднаго сироты Оливера Твиста. Перев. съ англ. М. 1900 г. Изд. «Посредника». Ц. 25 коп.

О. Д. Гринченко. Каталогъ музея украинскихъ древностей. В. В. Тарновскаго. Т. II. Черниговъ. 1900 г.

Е. Шепердъ. Молодымъ людямъ и отцамъ для сыновей. Перев. съ англ. Е. А. Дунаевой. М. Изд. «Посредника». 1900 г. Ц. 55 к.

В. А. Богородицкій. Психологія поэтическаго творчества. Казань. 1900 г. Ц. 25 коп.

Докладъ Богдановскаго. Сибирская община и ея роль въ политико-эконом. отношеніи. Г. Тобольскъ.

Н. Хайловъ. Сборникъ геометрическихъ задачъ. Владиміръ на Клязмѣ. 1900 г. Ц. 40 к.

Проф. Томскаго университета М. Н. Соболевъ. Экономическое значеніе Сибирской жел. дор. Томскъ. 1900 г.

Начальное народное образованіе въ Россіи. Подъ ред. У. Фальборга и В. Чарнолусскаго Т. II. Императ. Вольно-Эконом. Об-во. Спб. 1901 г.

Сборникъ статей въ помощь самообразованію по математикѣ, физикѣ, химіи и астрономіи. Вып. III-й. М. 1900 г. Ц. 1 р. 20 к.

Георгъ Майръ. Статистика и обществовѣдѣніе. Т. II, вып. II. Статистика населенія. Перев. съ нѣм. В. Я. Желѣзнова. Спб. Изд. Т-ва «Знаніе».

Павелъ Ардашевъ. Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка 1774—1789. Т. I. Спб. 1900 г. Ц. 2 р. 50 к.

Проф. К. Лампертъ. Жизнь прѣсныхъ водъ. Перев. съ нѣм. Подъ ред. Н. А. Холодковскаго и И. Д. Кузнецова. Спб. Изд. Девріена. Вып. X (послѣдній) 1900 г.

Птицы Европы. Сост. Н. А. Холодковскій и А. А. Силантьевъ. Вып. IX-й. Изд. Девріена. Подписная цѣна 14 р.

А. І. Степовичъ. Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана. Годъ 5 й. Кіевъ. 1900 г.

Братья Гриммъ. Сказки и легенды. Перев. Өедорова-Давыдова. Т. I—IV съ иллюстраціями. Ц. каждаго тома 80 к.

Джеромъ Джеромъ. Новыя мысли празднаго человѣка. Перев. съ англ. Л. В. Хавкиной. Изд. Ф. Іогансона. Кіевъ. 1900 г. Ц. 1 р.

Л. А. Золотаревъ. Первые шаги самообразованія. М. 1900 г. Ц. 30 к.

Александръ Бэнъ. Душа и тѣло. Перев. съ англ. Изд. Ф. Іогансона. Кіевъ. 1900 г. Ц. 15 к.

Эдуардъ Родъ. Нравствен. идеи нашего времени. Перев. съ франц. Изд. Ф. Іогансона. Кіевъ. 1900 г. Ц. 30 к.

Георгъ Зиммель. Философія труда. Кіевъ. Изд. Ф. Іогансона. Ц. 15 к.

Р. В. Кука-Тейлора. Фабрика и фабричная система. Перев. съ англ. М. В. Лучицкой. Изд. Ф. Іогансона. Кіевъ. 1900 г. Ц. 60 к.

Карлъ Каутскій. Границы капиталистическаго хозяйства. Вандервельде. Городъ и деревня въ капиталистич. Об-вѣ. Перев. съ нѣм. Изд. Ф. Іогансона. Кіевъ. 1900 г. Ц. 25 к.

Н. Доброхотовъ. Учебникъ русскаго яз. Этимологія и синтаксисъ. Новгородъ. 1900 г. Ц. 40 к.

Л. І. Петражицкій. Очерки философіи права. Вып. первый. Спб. 1900 г. Ц. 85 коп.

М. Н. Лежневъ. Марксъ и Кантъ. Изд. П. Ковалева и Н. Осиповича. Николаевъ. 1900 г. Ц. 75 к.

А. Ф. Юстусъ. Словарь технич. выраженій, терминовъ, знаковъ и сокращеній, иностранныхъ и русскихъ, употр. въ коммерч. корреспонденціи. Рига. 1900 г. Ц. 25 к.

Титъ-Ливій. Римская исторія отъ основанія Рима. Перев. съ латинск. М. Б. Гуревичъ. Т. I и II. Изд. Ф. Іогансона. Кіевъ. 1900 г. Ц. за каждый томъ 1 р. 50 к., за 5 томовъ 5 руб.

Ш. Рише. Война и миръ. Перев. съ франц. д-ра Гордона. Изд. Ф. Іогансона. Кіевъ. 1900 г. Ц. 50 к.

Джека А. Гобсона. Задачи бѣдности. Перев. съ англ. М. В. Лучицкой. Изд. Ф. Іогансона. Кіевъ. 1900 г. Ц. 60 к.

Сельско-хозяйственный обзоръ Псковск. губ. за 1899 г. Псковъ. 1900 г.

Луиджи Коссе. Исторія экономическихъ ученій. Перев. Н. С. Изд. Ф. Іогансона. Кіевъ. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Я. Гавкинъ. Карманный словарь иностранныхъ словъ. Изд. Ф. Іогансона. Кіевъ. 1900 г. Ц. 60 к.

В. Щепотьевъ. Двадцатипятилѣтіе русской Николаевской больницы въ Константинополѣ. Спб. 1900 г.

Н. Прокофьевъ. Наука на порогѣ XX вѣка. Спб. 1901 г. Ц. 5 к.

М. Туганъ-Барановскій. Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ. Историко-экономическое изслѣдованіе. Т. I. Историческое развитіе русской фабрики въ XIX вѣкѣ. Спб. Изд. О. Н. Поповой. 1900 г Ц. 3 р. 50 к.

Бьернстьерне-Бьернсона. Полное собраніе сочиненій въ двухъ томахъ. Перев. съ норвежск. М. В. Лучицкой. Изд. Ф. Іогансона. Кіевъ. 1900. Ц. за 2 тома 3 р.

Болеславъ Прусъ (Александръ Гловацкій). Полное собраніе сочиненій въ пяти томахъ. Перев. съ польскаго. В. И. Маноцкаго. Изд. Ф. Іогансона. Кіевъ 1900 г. Ц. за 5 томовъ 6 р.

С. Кузнецовъ. Русская исторія въ планахъ. Рига. 1900 г. Ц. 30 коп.

Справочная книга по вопросамъ образованія евреевъ. Изд. О-ва распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 75 к.

Труды Я. К. Грота. III очерка изъ исторіи русской литературы. Изд. подъ ред. проф. К. Я. Грота. Спб 1901 г. Ц. 3 р.

The-Anglo Russian Literary Society Proceexings.

Л. П. Щелгуновой. Русскіе историческіе разсказы. Спб. Изд. В. И. Губинскаго. Ц. 50 к

В. В. Петровъ. Вопросы народнаго образованія въ Московск. губ. Вып. III-й. М. Изд. Московскаго губернскаго земства. 1900 г.

Гюи-де-Мопасанъ. Полное собраніе сочиненій въ трехъ томахъ. Перев. съ франц. подъ ред. П. Д. Доброславина. Изд. Ф. Іогансона. Кіевъ. 1900 г. Ц. за 3 тома 3 р. 50 к., съ пересылкой 4 р.

А. К. Чудиновъ. Справочный словарь русскаго литературнаго яз. Вып. I—VI. Спб. 1900 г. Ц. за шесть томовъ 6 р.

Гранатъ и К°. Настольный энциклопедическій словарь. Т. III-й. М. 1900 г.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«L'Indépendance Grecque et l'Europe» par Gaston Isambert. (*Греческая независимость и Европа*). Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ война за независимость Греціи явилась послѣдствіемъ и какъ бы эпизодомъ французской революціи, такъ какъ именно французская революція выдвинула на историческую сцену новый нравственный факторъ—принципъ національностей. Она пробудила духъ національностей, господствующій съ той поры въ европейской политикѣ въ теченіе 80 лѣтъ. Греческая война за независимость представляетъ, безъ сомнѣнія, одну изъ интереснѣйшихъ страницъ всемірной исторіи. Авторъ названной книги описываетъ греческое возстаніе и переговоры, которые велись въ Европѣ по этому поводу.

(Temps).

«Entre les femmes de Sahara» par M-me Jean Pommerol. (*Среди женщинъ Сахары*). Авторъ этой интересной книги, г-жа Поммероль, путешествовала по французской Сахарѣ и спеціально изучила положеніе женщины у племенъ, населяющимъ великую африканскую пустыню. Ея описанія женской жизни въ Сахарѣ очень интересны. Во многихъ случаяхъ въ своихъ попыткахъ ближе ознакомиться съ бытомъ народовъ Сахары она наталкивалась если не на открытую враждебность, то на скрытое недовѣріе, мѣшавшее ей въ ея изслѣдованіяхъ. Тѣмъ не менѣе, ей удалось собрать все-таки много цѣнныхъ свѣдѣній и даже снять фотографіи, которыя и дополняютъ ея разсказъ.

(Temps).

«The Morals of Soicide» by the I. Gurnhill (*Longmansand C°*) *Price: 6 s.* (*Мораль самоубійства*). Къ сожалѣнію, нельзя отрицать того факта, что число самоубійствъ возрастаетъ, по мѣрѣ того какъ развивается цивилизація. Авторъ приводитъ обширную статистику самоубійствъ, и при этомъ она не только цитируетъ оффиціальныя цифры, но приводитъ также подробности всѣхъ случаевъ самоубійствъ по газетнымъ отчетамъ. Изъ этихъ отчетовъ видно, что наибольшее число самоубійствъ выпадаетъ на долю алкоголиковъ. Затѣмъ множество мужчинъ и женщинъ убиваютъ себя, потому что чувствуютъ себя не въ силахъ перенести горе или испытаніе, выпавшее имъ на долю и т. д. Боязнь страданія бываетъ одною изъ главныхъ причинъ, заставляющихъ человѣка лишить себя жизни. Авторъ думаетъ, что только раціональное воспитаніе въ состояніи задержать ростъ самоубійствъ. Развитіе характера и сознаніе своего долга по отношенію къ обществу непремѣнно должно содѣйствовать уменьшенію числа самоубійствъ, но съ другой стороны напряженная нервная жизнь и борьба за существованіе такъ подрываютъ нравственныя силы отдѣльныхъ индивидовъ, что зачастую они бываютъ не въ состояніи противостоять болѣзненному влеченію покончить съ собой и прекратить свои мученія.

(Morning Post).

«The Far East History and its Question» by Alexis Krausse. Price 18 s. (*Grant Richards*). *London.* (*Дальній Востокъ, его исторія и восточно-азіатскій вопросъ*). Масса книгъ о Китаѣ, вышедшихъ въ послѣднее время, указываетъ на все возрастающій интересъ къ восточно-азіатскому вопросу. Авторъ названной книги написалъ уже нѣсколько книгъ о Китаѣ, который онъ изучилъ и въ новомъ своемъ трудѣ онъ занимается уже исторіей Дальняго Востока и связанныхъ съ нимъ вопросовъ. Съ большимъ безпристрастіемъ авторъ обрисовываетъ дѣятельность британской дипломатіи въ Китаѣ и демонстрируетъ опасности существующаго положенія.

(Morning Post).

«Attaché at Pekin» by A. D. Fruman-Mitford. London (*Macmillan and C°*). (*Аташе въ Пекинѣ*). Хотя письма, заключающіяся въ этомъ небольшомъ томикѣ, были написаны около тридцати пяти лѣтъ тому назадъ, тѣмъ не менѣе многое въ нихъ представляетъ животрепещущій интересъ въ виду существующаго положенія дѣлъ въ Китаѣ. Авторъ только теперь опублико-

валъ ихъ и въ длинномъ предисловіи говоритъ о ихъ значеніи въ данную минуту, такъ какъ они могутъ бросить нѣкоторый свѣтъ на причины кризиса. Письма эти интересны и какъ описанія Китайской жизни, которая почти не измѣнилась съ тѣхъ поръ.

(Daily News).

«Auf alten wegen in Mexiko und Guatemala» Reiserinnerungen und Eindrücke aus den Jahren 1895—97 von Lucilie Seler. Berlin (Dietrich Reines). (На старинныхъ дорогахъ въ Мексикѣ и Гватемалѣ). Какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, большинство современныхъ путешественниковъ писавшихъ о Мексикѣ, въ рѣдкихъ случаяхъ проникали вглубь страны, болѣе чѣмъ на разстояніи одного дня пути отъ желѣзной дороги. Между тѣмъ, изучить эту страну и болѣе или менѣе близко познакомиться съ ея туземными обитателями можно только проѣхавъ ее вдоль и поперекъ верхомъ на лошади. Сопровождая своего мужа въ его археологическихъ и этнографическихъ экскурсіяхъ, г-жа Зелеръ вмѣстѣ съ нимъ производила раскопки, изучала древнюю культуру страны и попутно—ея современныхъ обитателей и природу. Обладая литературнымъ талантомъ, г-жа Зелеръ написала очень замѣчательную книгу, интересъ которой еще усиливается благодаря массѣ прекрасныхъ иллюстрацій.

(Frankfurter Zeitung).

«Das Meer als Quelle des Völkergrösse» von Prof. D-r Friedrich Ratzel. Leipzig. (Море какъ источникъ величія народовъ). Прекрасно написанное политико-географическое изслѣдованіе, обнаруживающее глубину мысли и познаній автора, изучающаго море съ точки зрѣнія его значенія для народовъ, населяющихъ его берега. Авторъ говоритъ о различныхъ видахъ господства на морѣ, о морскихъ сношеніяхъ, развитіи морского могущества и разнообразіи морскихъ націй. Авторъ придаетъ громадное значеніе господству народовъ на морѣ и видитъ въ этомъ залогъ ихъ величія.

(Berlines Tageblatt).

«La vie de Pasteur» par René Vallery Radot. (Жизнь Пастера). Эта біографія знаменитаго французскаго ученаго, написанная его зятемъ, служитъ дополненіемъ къ капитальному труду Дюкло, посвященному работамъ Пастера. Біографъ Пастера описываетъ его дѣтскія годы, его молодость, его школьную жизнь и т. п.

(Revue de Paris).

«Premier voyage, premier mensonge» par Alphonse Daudet. (Первое путешествіе; первая ложь). Въ этой до сихъ поръ неизданной книгѣ Додэ заключается описаніе его путешествія на лодкѣ по Ронѣ, изъ Бокера въ Ліонъ. Двое героевъ разсказа—Альфонсъ Додэ и одинъ изъ его двоюродныхъ братьевъ, кончившій впослѣдствіи такъ трагически подъ стѣнами Парижа, во время осады. Этотъ небольшой, но живо написанный разсказъ, блещетъ такимъ же неподдѣльнымъ юморомъ, какъ и всѣмъ извѣстныя приключенія Тартарена.

(Revue de Paris).

«Out with Garibaldi» by W. Rainey. (Blackie and Son) London. (Въ походѣ съ Гарибальди). Очень интересно написанная и снабженная прекрасными иллюстраціями исторія освобожденія Италіи и знаменитаго Гарибальдійскаго похода. Личность Гарибальди и его дѣятельность прекрасно обрисованы авторомъ.

(Morning Post).

«New Lands: their Ressources and Prospective Advantages» by Hugh Robert Mill. London (Charles Griffin and C°). (Новыя страны). Книга эта представляетъ первый выпускъ серіи изданій подъ общимъ именемъ «New Lands». Цѣль изданія—познакомить читателей съ условіями жизни въ разныхъ странахъ, удобныхъ для европейской колонизаціи. Подъ именемъ «Новыхъ странъ» подразумѣваются такія, которыя еще не подверглись эксплуатаціи и не заселены европейцами, гдѣ землю не трудно получить для обработки и гдѣ энергичные и трудолюбивые люди могутъ устроить свою жизнь и обезпечить свое существованіе и даже пользоваться извѣстнымъ комфортомъ, а главное—могутъ вести вполнѣ независимое существованіе, созданное собственнымъ трудомъ. Къ категоріи такихъ странъ авторъ причисляетъ извѣстныя части Канады, Соединенныхъ Штатовъ, Мексики, нѣкоторыя области Бразиліи и Чили, обладающія болѣе умѣреннымъ климатомъ, Аргентину, Фаокландскіе острова, Австралію, Новую Зеландію и южную Африку. Авторъ сообщаетъ въ наивозможно сжатой формѣ всѣ необходимыя для колонистовъ свѣдѣнія о климатѣ этихъ странъ, объ условіяхъ почвы, растительности, геологическихъ формаціяхъ, населеніи и его нравахъ и обычаяхъ и экономическомъ положеніи. Самыми интересными главами книги слѣдуетъ считать тѣ, гдѣ говорится объ условіяхъ содѣйствующихъ успѣху колонизаціи, и о. различіи, существующемъ между настоящими колонистами и искателями счастья, обыкновенно появляющимися въ каждой новой странѣ.

(Morning Post).

«Die Immunisirung der Familien bei erblichen Krankheiten» von D-r Albert Reibmayr (Leipzig und Wien). (Невосприимчивость къ наслѣдственнымъ болѣзнямъ). Проблема наслѣдственности принадлежитъ къ числу модныхъ вопросовъ, о которыхъ много писали и пишутъ въ популярныхъ статьяхъ и сочиненіяхъ, развивая чрезмѣрный страхъ

передъ наслѣдственными болѣзнями, могущій вызвать гипохондрическое настроеніе у склонныхъ къ этому людей, отягченныхъ какою-нибудь дурною наслѣдственностью. Авторъ названной книги доказываетъ на основаніи строго научныхъ изслѣдованій, что во многихъ случаяхъ страхъ этотъ носитъ преувеличенный характеръ, такъ какъ природа. вмѣстѣ съ зародышемъ наслѣдственныхъ болѣзней, передаетъ человѣку и способность бороться съ ними и побѣждать ихъ. Тѣ индивиды, у которыхъ способность бороться съ наслѣдственностью бываетъ недостаточно развита, погибаютъ обыкновенно уже въ первые годы своей жизни; лучше же одаренные обыкновенно выживаютъ и ведя естественный гигіеническій образъ жизни, могутъ избѣжать наслѣдственныхъ болѣзней или значительно ослабить ихъ силу. Гигіена и профелактика, въ связи съ медицинскимъ искусствомъ, помогаютъ природѣ одержать побѣду надъ дурною наслѣдственностью.

«Tramping with Tramps» Studies and Sketches of Vagabond Life by Losiah Flynt. London (*Fisher Unwin*). (*Бродяжничество съ бродягами*). Заинтересованный бродяжничествомъ какъ соціальнымъ явленіемъ и желая изучить его, авторъ въ теченіе десяти лѣтъ велъ совмѣстную жизнь съ бродягами разныхъ странъ. Онъ старался изслѣдовать причины, заставляющія людей становиться бродягами, и изучилъ характеръ бродягъ. Въ теченіе своей бродячей жизни ему даже пришлось посидѣть въ тюрьмѣ. Онъ изучилъ бытъ бродягъ, главнымъ образомъ, въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ, по его словамъ, бродяжничество очень развито и насчитывается ни болѣе ни менѣе какъ 60.000 бродягъ, но кромѣ того авторъ знакомъ и съ бродягами Германіи, Россіи и Англіи. Наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ противъ бродяжничества авторъ считаетъ надлежащее воспитаніе дѣтей-бродягъ и дисциплину взрослыхъ.

(Morning Post).

«Morale Sociale» avec préface d'Emile Boutroux (*Felix Alcan*). (*Соціальная нравственность*). Подъ такимъ заглавіемъ изданы, съ предисловіемъ Эмиля Бутру, лекціи читанныя разными лицами въ «Collège libre des Sciences Sociales». Тутъ мы встрѣчаемъ имена Бюиссона, Сореля, Жидсе, Дельбе, Ковалевскаго, Дероберти, Маляперма, Доріана и др.

(Journal des Débats).

«Histoire de l'Inquisition au moyen Age» par Henry Charles Lea. Traduit par Salomon Reinach, avec une introduction historique par Paul Frederiequ. (*Исторія инквизиціи въ средніе вѣка*). Авторъ этого почтеннаго труда, американскій ученый, изслѣдуетъ происхожденіе инквизиціи и анализируетъ ея дѣятельность съ замѣчательнымъ спокойствіемъ и безпрястрастіемъ.

(Revue de Paris).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Милостивый государь, г. редакторъ!

Въ помѣщенной въ октябрьской книжкѣ «Міра Божія» рецензіи на мою книгу «Наши воскресныя школы. Ихъ прошлое и настоящее» содержится, между прочимъ, фактически невѣрный упрекъ по моему адресу въ замалчиваніи значенія въ исторіи воскресныхъ школъ—Тифлисской воскресной школы и воскрссныхъ школъ Шлиссельбургскаго тракта. Упрекъ этотъ такъ несправедливъ и такъ обиденъ для меня, что я не могу не возразить по этому поводу автору рецензіи.

Именно на стр. 85-й октябрьской книжки «Міра Божія» напечатано слѣдующее: «Слишкомъ односторонне также рисуетъ г. Абрамовъ и роль Харьковской школы: отнюдь не желая умалять ея значенія, мы не можемъ, однако, не напомнить г. Абрамову, что къ этому времени успѣли окрѣпнуть и двѣ другія, названныя имъ самимъ «образцовыми», школы въ Петербургѣ по Шлиссельбургскому тракту и въ Тифлисѣ. Почему же г. Абрамовъ, говоря о новомъ движеніи въ дѣлѣ устройства воскресныхъ школъ, усиленно подчеркиваетъ роль Харьковской школы и *совершенно умалчиваетъ* о двухъ другихъ? Не потому ли, что г, Абрамовъ не писалъ о нихъ?»

Между тѣмъ, всякій, кто держалъ мою книгу въ рукахъ, не могъ не замѣтить, что изъ всѣхъ нашихъ воскресныхъ школъ въ книгѣ удѣлено наибольшее вниманіе, послѣ Харьковской воскресной школы, именно воскреснымъ школамъ Шлиссельбургскаго тракта и Тифлисской. И Тифлисской школѣ, и школамъ Шлиссельбургскаго тракта посвящены даже особыя главы (стр. 100—108 и 109—115 моей книги), причемъ значеніе названныхъ школъ въ исторіи движенія «воскресниковъ» выяснено, думается мнѣ, съ достаточною полнотою и объективностью, какъ это можно видѣть хотя бы изъ слѣдующихъ отрывковъ изъ моей книги:

«Благодаря своей близости къ Петербургу, школы эти (Шлиссельбургскаго тракта) все время служили мѣстомъ, гдѣ многіе будущіе работники и работницы воскресныхъ школъ впервые знакомились съ этимъ типомъ народно-просвѣтительнаго учрежденія. У многихъ лицъ, впослѣдствіи открывшихъ воскресныя школы въ разныхъ городахъ Россіи, впервые именно здѣсь, на Шлиссельбургскомъ трактѣ, зарождалась мысль о посвященіи своихъ силъ работѣ этого рода. Здѣсь же, въ воскресныхъ школахъ Шлиссельбургскаго тракта, многіе знакомились съ постановкою воскресныхъ школъ и веденіемъ въ нихъ дѣла. Въ этомъ отношеніи воскресныя школы Шлиссельбургскаго тракта сыграли роль, которую въ болѣе обширныхъ размѣрахъ суждено играть въ исторіи воскресныхъ школъ Харьковской женской воскресной школѣ» («Наши воскресныя школы», стр. 108).

«Ту роль, какую сыграла по отношенію къ большинству существующихъ въ настоящее время воскресныхъ школъ Харьковская женская воскресная школа и которую играли по отношенію къ нѣкоторой части этихъ школъ воскресныя школы Шлиссельбургскаго тракта, въ отношеніи большинства кавказскихъ воскресныхъ школъ (на Кавказѣ воскресныхъ школъ довольно большое число) выпало играть первой частной женской воскресной школѣ въ Тифлисѣ. Эта школа, первая по времени открытія на Кавказѣ, знакомила кавказское оощество съ даннымъ типомъ народно-просвѣтительнаго учрежденія. Вмѣстѣ съ тѣмъ она подготовила и непосредственно нѣсколько учредителей воскресныхъ школъ, возникшихъ въ позднѣйшее время. Къ ней же обращались для ознакомленія съ дѣломъ многія лица, желавшія работать въ воскресныхъ школахъ, возникавшихъ въ разныхъ мѣстностяхъ Кавказкаго края» (тамъ же, стр. 109).

И все-таки авторъ рецензіи дѣлаетъ мнѣ упрекъ въ пренебреженіи къ роли и значенію школъ Шиссельбургскаго тракта и Тифлисской и даже утверждаетъ, что я «совершенно умалчиваю» объ этихъ школахъ. Такъ пишутся... журнальныя рецензіи.

Примите и проч.

Я. Абрамовъ.

Отвѣтъ г. Абрамову. Письмо г. Абрамова вызываетъ въ насъ совершенное недоумѣніе. Всякій, сколько-нибудь внимательно читавшій нашу рецензію, могъ понять, что въ указанномъ г. Абрамовымъ мѣстѣ говорится не о всей его книгѣ, а объ одномъ отдѣлѣ ея, именно о главѣ IV «Новѣйшій періодъ исторіи воскресныхъ школъ», который авторъ начинаетъ съ объясненія причинъ возобновленія движенія по устройству воскресныхъ школъ съ 1888 г. Причины эти г. Абрамовъ видитъ въ распространеніи свѣдѣній о Харьковской воскресной школѣ, чѣмъ послѣдняя въ свою очередь была обязана статьѣ г. Абрамова, появившейся въ «Сѣв. Вѣстникѣ» въ августѣ 1888 г. О значеніи Харьковской школы въ связи съ упомянутой статьей его г. Абрамовъ говоритъ очень подробно, тогда какъ о значеніи другихъ школъ въ этой главѣ *вовсе* не упоминаетъ. Что инкриминируемое г. Абрамовымъ мѣсто рецензіи вполнѣ ясно и опредѣленно касается только этого вопроса,—т.-е. вопроса о причинахъ возобновленія движенія въ 1888 г.,—лучше всего доказывается той самой выдержкой изъ рецензіи, на которую обрушивается неудовольствіе г. Абрамова. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ въ словахъ «почему же г. Абрамовъ, *говоря о новомъ движеніи въ дѣлѣ устройства воскресныхъ школъ*, усиленно подчеркиваетъ роль Харьковской школы и *совершенно умалчиваетъ* о двухъ другихъ? Не потому ли, что г. Абрамовъ не писалъ о нихъ?»—не выражено вполнѣ точно, къ чему именно относится упрекъ въ совершенномъ умолчаніи о двухъ другихъ школахъ? И развѣ сдѣланное двумя строками выше напоминаніе г. Абрамову, «что къ этому времени успѣли окрѣпнуть и двѣ другія, названныя имъ самимъ «образцовыми» школы въ Петербургѣ по Шлиссельбургскому тракту и въ Тифлисѣ...», не указываетъ также совершенно ясно, что г. Абрамовъ не только говорилъ раньше объ этихъ двухъ школахъ, но и признавалъ ихъ образцовыми? Вѣдь это-то и дѣлаетъ особенно страннымъ умолчаніе о нихъ въ вопросѣ о причинахъ возобновленія движенія. Приводимыми имъ выдержками г. Абрамовъ доказываетъ, что въ другомъ мѣстѣ и по другому поводу онъ признавалъ большое значеніе обѣихъ школъ и такимъ образомъ не умалчивалъ о нихъ. Но объ умолчаніи во *всей* книгѣ въ рецензіи не говорилось ничего, а умолчаніе объ этихъ двухъ школахъ въ главѣ о новомъ движеніи послѣ приведенныхъ выдержекъ является еще болѣе непослѣдовательнымъ и субъективнымъ, а слѣдовательно, вполнѣ заслуживающимъ тотъ упрекъ, который высказанъ въ

нашей рецензіи. Упрекъ этотъ такимъ образомъ отнюдь не можетъ быть названъ несправедливымъ и фактически невѣрнымъ, а если онъ показался г. Абрамову «обиднымъ», то вина въ этомъ не наша.

Обращаясь затѣмъ къ заявленію г. Абрамова, что значеніе школъ Шлиссельбургской и Тифлисской выяснено имъ съ достаточной полнотой и объективностью, мы позволяемъ себѣ и въ этомъ не согласиться съ авторомъ книги «Наши воскресныя школы». Правда, намъ не пришлось, за недостаткомъ мѣста, въ рецензіи нашей коснуться этого вопроса, почему защита г. Абрамова лишь по недоразумѣнію направлена по нашему адресу, но г. Абрамовъ въ данномъ случаѣ обнаруживаетъ извѣстную проницательность, угадывая наши намѣренія. Несмотря на то, что въ приведенныхъ г. Абрамовымъ выдержкахъ изъ его книги, онъ, повидимому, очень высоко цѣнитъ значеніе обѣихъ названныхъ школъ, мы дѣйствительно находимъ, что вниманіе, удѣленное имъ этимъ школамъ, непропорціонально мало по сравненію съ Харьковской школой. Въ то время, какъ глава, или, вѣрнѣе, отдѣлъ, посвященный Харьковской школѣ, занимаетъ 123 страницы (стр. 116—239), о воскресныхъ школахъ Шлиссельбургскаго тракта говорится на 8-ми страницахъ, о Тифлисской на 6½. Данныя, сообщаемыя г. Абрамовымъ о Тифлисской школѣ, касаются почти исключительно исторіи ея открытія, о постановкѣ же въ ней учебнаго дѣла говорится лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. О Шлиссельбургскихъ школахъ сообщаются свѣдѣнія, заимствованныя изъ оффиціальнаго отчета, дающаго лишь самое общее представленіе о веденіи преподаванія, распредѣленіи учебнаго матеріала и т. п., тогда какъ авторъ могъ бы воспользоваться богатымъ матеріаломъ, заключающимся въ писанныхъ годовыхъ отчетахъ Шлиссельбургскихъ школъ, въ протоколахъ ихъ педагогическихъ собраній и т. п., и сообщить читателямъ въ высшей степени поучительныя и интересныя свѣдѣнія объ организаціи учебнаго дѣла и о всей школьной жизни этихъ школъ. Мало того, г. Абрамовъ даже не упоминаетъ о такомъ важномъ моментѣ въ исторіи Шлиссельбургскихъ школъ, какъ переходъ ихъ въ 1897 году изъ вѣдѣнія Фарфоровскаго приходскаго попечительства въ вѣдѣніе Императорскаго Русскаго Техническаго Общества, и къ тому же на стр. 331 ошибочно утверждаетъ, будто «школы шлиссельбургскаго тракта содержатся Фарфоровскимъ приходскимъ попечительствомъ», тогда какъ не только теперь, но и до 1897 г. онѣ содержались на свои собственныя средства, составлявшіяся изъ пожертвованій, сборовъ и т. п.

Итакъ, всякій, кто держалъ въ рукахъ книгу г. Абрамова и нашу рецензію, согласится, что претензіи г. Абрамова лишены всякихъ основаній и что упрекъ, высказанный въ нашей рецензіи по его адресу, является и фактически-вѣрнымъ, и справедливымъ. **М. Б.**

Отъ ред. Считая настоящій инцендентъ достаточно выясненнымъ, редакція можетъ замѣтить по поводу претензій г. Абрамова только одно: такъ пишутся «опроверженія»... гг. Абрамовыми.

невинность населенія, огромные лѣса орѣшниковъ и буковъ, куда еще не ступала нога человѣческая; медленно надвигающуюся цивилизацію; первую въ этой глуши желѣзную дорогу, казавшуюся крестьянамъ живымъ и враждебнымъ имъ существомъ, чѣмъ-то вродѣ прожорливаго огненнаго чудовища, увозящаго ихъ картофель на рынокъ, а ихъ сыновей въ армію; контрасты между старой и новой Италіей; прелесть лѣта въ горахъ, непрерывно сіяющаго яркаго итальянскаго солнца, умѣряющаго своими лучами прохладу горнаго, почти сѣвернаго воздуха—все это онъ описывалъ живо, картинно, отрывистыми, смѣлыми, импрессіонистскими штрихами современныхъ мастеровъ. Почему итальянцы въ наше время стремятся на сѣверъ, на озера, въ Швейцарію, въ Тироль, когда у нихъ дома, въ Абруццахъ и дальше къ югу, въ Вольскихъ и Калабрійскихъ горахъ такія же прохладныя высоты, ожидающія своего изслѣдователя, остатки древнихъ городовъ, древнихъ крѣпостей и не менѣе древнихъ вѣрованій, простая жизнь, близкая къ природѣ, цѣлый особый крестьянскій міръ, невѣдомый большинству итальянцевъ съ сѣвера и запада,—міръ, который стоитъ изучить, съ которымъ стоитъ сдружиться.

Всѣ слушали его, какъ очарованные, въ особенности Люси. Мысль, что такъ близко отъ нихъ, въ этой старой, старой Италіи есть такіе дикіе, заброшенные уголки, такой особый укладъ жизни, мало кому извѣстный, видимо волновала воображеніе дѣвушки, роднила страну цезарей съ ея собственной родиной, Новымъ Свѣтомъ.

— И тамъ вездѣ можно проѣхать верхомъ?—допытывалась она, не сводя глазъ съ путешественника.

— Вездѣ, *mademoiselle*.

— Я поѣду туда,—объявила она, чертя круги карандашемъ на листкѣ бумаги, лежавшемъ передъ нею, съ радостными внимательными глазами, словно составляя маршрутъ.

Итальянецъ, забавляясь ея энтузіазмомъ, далъ ей списокъ мѣстъ, гдѣ можно устроиться сколько-нибудь сносно, гдѣ начинаютъ возникать простенькія гостинницы, откуда иностранецъ можетъ предпринимать экскурсіи для изслѣдованія этой новой и вмѣстѣ такой старой страны.

А Мэнистей стоялъ возлѣ, курилъ и любовался изящнымъ профилемъ Люси и прелестной рукой, записывавшей на листкѣ названія мѣстностей.

Въ душѣ раскрылась старая рана и прибавилась новая.

Torre Amiata забыта, а мимолетная прихоть Люси помнится и служитъ для него руководящей нитью въ его долгихъ и тщетныхъ поискахъ.

Въ сущности, она проситъ немногаго. Она можетъ прожить до зимы, самое большее—годъ. Развѣ это такъ много? Люси и Мэнистей молоды. Пусть подождутъ!

Ея рука пылала въ холодной рукѣ Люси. Она говорила безъ умолку, разспрашивая дѣвушку, кого и что она видѣла во время прогулки.

— Я встрѣтила сестеръ монахинь изъ Сельвапенденте. У нѣкоторыхъ изъ нихъ такія милыя, кроткія лица.

— Я не согласна съ этимъ!—порывисто возразила Элеонора.—Я видѣла двухъ вчера. Онѣ улыбаются вамъ, но глаза у нихъ холодные, словно окаменѣвшіе. Ихъ состраданіе было бы тяжело сносить.

Немного погодя Люси вышла на минуту дать какое-то порученіе Мари.

«Эти христіане жестоки, *жестоки*», думала Элеонора, опуская усталыя вѣки.

Развѣ отецъ Бенеке далъ себѣ трудъ войти въ ея положеніе, вникнуть въ то, что она разсказала ему? Ничуть не бывало! Его отвѣтъ былъ стереотипнымъ отвѣтомъ пастыря и проповѣдника. Въ глубинѣ души она была немного оскорблена тѣмъ, что онъ, повидимому, былъ такъ мало тронутъ ея физическою слабостью. Ей было стыдно, что она произнесла такое страшное слово, какъ *смерть*, и оно не произвело впечатлѣнія. Ея впалыя щеки алѣли краской гнѣва и униженія.

Разбитый колокольчикъ позвонилъ къ обѣду.

Элеонора съ трудомъ поднялась на

ноги и нѣкоторое время стояла у парапета, вглядываясь въ темноту.

«Я стала меньше кашлять? — думала она.—Почему? Потому что я съ каждымъ днемъ чувствую себя хуже. Ну что жь, это хорошо, по крайней мѣрѣ умру безъ шума. Лучше, если смерть тиха и не безобразна. Я рада умереть хоть сейчасъ, я такъ разбита, такъ страдаю. И какъ я стараюсь все это скрыть отъ этой дѣвочки! Къ чему? Что за радость прожить лишній день или лишній часъ?...»

Элеонора была сердита на отца Бенеке, но тѣмъ не менѣе искала съ нимъ встрѣчи.

Она написала ему записочку по поводу одного мѣста въ статьѣ, которую онъ дописывалъ, и пригласила его къ себѣ.

При встрѣчѣ ни одинъ изъ нихъ и словомъ не обмолвился о сценѣ, происшедшей между ними.

Онъ просто, какъ всегда, спросилъ ея мнѣніе о своей статьѣ и относился къ ней съ той же внѣшней почтительностью, какъ и прежде. Передъ нимъ была снова изящная и свѣтская женщина, не писательница сама, но рожденная быть другомъ и музой писателей. Она подмѣчала каждый неловкій оборотъ фразы, каждую наивность точки зрѣнія и ясно давала это почувствовать ему.

Но въ сущности ихъ отношенія коренны́мъ образомъ измѣнились. Ихъ бесѣды стали глубже, захватывали большее количество темъ. Отъ научныхъ споровъ съ Ватиканамъ, отъ положенія старокатоликовъ, или торжества ультрамонтанства во Франціи они вдругъ переходили, невѣдомо какъ, на вопросы человѣческихъ отношеній и чувства, на самыя интимныя проявленія страстей и волненій.

И тогда кротко-настойчивый взглядъ священника украдкой ловилъ ея взоръ; онъ говорилъ отъ души; въ застѣнчивыхъ словахъ раскрывалъ передъ нею тайны своей собственной душевной жизни, долгихъ лѣтъ внутренняго самосмиренія, дисциплины, которая была теперь его единственной внутренней поддержкой, мостикомъ между нимъ и бездной.

Она чувствовала, что онъ ее преслѣдуетъ, добивается власти надъ нею и это преслѣдованіе пугало и вмѣстѣ привлекало ее. Она просила его быть ея руководителемъ, а потомъ отказалась принять его совѣтъ. Она пробовала убѣдить его въ своемъ невѣріи и скептицизмѣ, но онъ не оставлялъ ее въ покоѣ. Она угадывала въ немъ рвеніе христіанина и, быть можетъ, проницательность священника. Нерѣдко она была такъ слаба, что даже не могла разговаривать съ нимъ и тогда онъ читалъ ей; выборъ книгъ она предоставляла ему.

Постепенно, окольными путями, онъ проникалъ все глубже въ ея душу и снова, и снова сердце ея трепетало при видѣ его и рвалось излиться ему, но тотчасъ же она отшатывалась и стояла предъ нимъ непреклонная, несдающаяся, съ горькимъ, безмолвнымъ вызовомъ на устахъ.

И тѣмъ не менѣе онъ угадывалъ, что въ ней назрѣвалъ кризисъ чувства. Она какъ будто сама подозрѣвала это и хотѣла стряхнуть съ себя это настроеніе въ какомъ-то слѣпомъ страхѣ. Въ то же самое время, ничего не могло быть трогательнѣе ея любовнаго отношенія къ Люси и Люси къ ней. Старикъ смотрѣлъ и только дивился.

Дни шли за днями, и онъ все колебался. Потомъ, однажды вечеромъ, придя къ ней въ отсутствіи Люси, онъ засталъ ее такой блѣдной, такой измученной и несчастной, безсильной и просить помощи, и помочь себѣ самой, рѣшившейся не поднимать больше этого вопроса и въ то же время явно истерзанной непреклонностью своей воли, что его сомнѣнія разсѣялись.

Спускаясь съ холма, онъ мысленно горячо молился.

Когда онъ пришелъ домой, его рѣшеніе было принято.

Половина іюля уже прошла. Прошло нѣсколько католическихъ праздниковъ, съ процессіями и музыкой, съ ношеніемъ статуи Мадонны, подъ золотымъ

балдахиномъ, съ торжественной службой въ заброшенной часовнѣ на дворѣ.

Элеонора смотрѣла на толпу и знамена, на священниковъ въ красныхъ и бѣлыхъ рясахъ, и на дѣвушекъ подъ вуалями холоднымъ и скучающимъ взглядомъ. Люси съ болью въ сердцѣ вспоминала о Маринатѣ и о томъ, что прежде всѣ эти яркія зрѣлища и процессіи доставляли удовольствіе Элеонорѣ. Теперь она всегда жаловалась на усталость и часто сердилась.

Дѣвушка твердо рѣшила одно—что они не останутся на августъ въ Торре-Аміато. Она знала, что Элеонору трудно будетъ заставить согласиться на эту перемѣну. Но если надо быть настойчивой, она будетъ настойчивой.

Однажды утромъ, дня два спустя послѣ храмового праздника въ монастырѣ Кармелитокъ, Люси оставила Элеонору на лоджіи, а сама пошла пройтись передъ завтракомъ. Съ утра шелъ проливной дождь и небо до сихъ поръ было закрыто грозовыми тучами.

Люси повернула къ *Sassetto* и пробиралась между сваленными деревьями и камнями къ своей любимой скамеечкѣ, откуда были видны рѣка и горы.

Подходя она думала объ Элеонорѣ и будущемъ, и взоръ ея разсѣянно скользила по землѣ.

Внезапно обоняніе ея поразилъ знакомый и странный запахъ. На дорожкѣ предъ скамьей она увидала еще курившуюся сигаретку, а на скамьѣ забытую книгу.

Она остановилась, какъ вкопанная. Потомъ опустилась на скамью, не сводя глазъ съ книги.

То былъ французскій романъ, въ желтой обложкѣ, и на обложкѣ стояло написанное знакомымъ ей почеркомъ имя, при видѣ котораго она вся затрепетала. Его книга? А это сигаретка? Отецъ Бенеке и не куритъ и не читаетъ французскихъ романовъ. За скамьей тропинка раздваивалась: одна дорожка шла вверхъ къ палаццо, другая внизъ къ рѣкѣ. Люси встала, и напрягая зрѣніе смотрѣла вверхъ, въ чащу перемѣшанныхъ камней и деревьевъ. Она ничего не видѣла, но ей казалось, что она слышитъ удаляющіеся голоса.

Они ушли отсюда какъ разъ во-время, чтобы избѣжать встрѣчи съ нею. Мистеръ Мэнистей забылъ свою книгу. Вѣчно небреженъ, вѣчно торопится—какъ она знала въ немъ эту черту! Но онъ замѣтитъ, что онъ забылъ книгу, и вернется за нею.

Люси стояла не двигаясь, стараясь собраться съ мыслями. Если онъ здѣсь—значитъ онъ у отца Бенеке, значитъ священникъ выдалъ тайну, которую обѣщалъ м-съ Бергойнъ свято хранить?

Нѣтъ, нѣтъ! Это невозможно! Это случай—злой коварный случай!

А между тѣмъ? Она закусила губы отъ страха, или изумленія, а сердце шибко билось въ груди; вся душа всколыхнулась, какъ Палья послѣ бури.

— Что же я—что же мнѣ дѣлать?—вскричала она, задыхаясь, прижимая руки къ глазамъ.

Она повернулась и быстро пошла домой. Элеонора не должна знать — не должна видѣться съ нимъ. Дѣвушка испытывала паническій ужасъ при мысли о томъ, какія послѣдствія можетъ имѣть для м-съ Бергойнъ такое неожиданное потрясеніе.

На полпути она вдругъ остановилась и заломила руки. Мысль о томъ, что Мэнистей, живой, во плоти—такъ близко отъ нея, всего въ какой-нибудь полумилѣ, потрясала ее, какъ буря молодой дубъ.

— О! я не должна—*не должна*—радоваться,—восклицала она, подавляя рыданія, ненавидя и презирая себя.

Она пошла быстрѣе и съ каждымъ шагомъ все больше сердилась на отца Бенеке. Онъ поступилъ по меньшей мѣрѣ необдуманно и безпечно. Истинно деликатный человѣкъ не удовольствовался, бы тѣмъ, что сдержалъ обѣщаніе—онъ активно постарался бы выполнить ихъ.

Что онъ остался вѣренъ буквѣ, если не духу своего обѣщанія—это ясно уже изъ того, что м-ръ Мэнистей еще не былъ въ монастырѣ. Онъ, очевидно, ищетъ, преслѣдуетъ ихъ—иначе зачѣмъ бы ему оставаться въ Италіи? При этой мысли щеки у дѣвушки вспыхнули ви-

новатымъ румянцемъ. Но если такъ— что могло остановить его непреклонную волю? Единственно только невѣдѣніе. Онъ не знаетъ, что онѣ здѣсь. Это ясно.

Значитъ, еще есть время—шансъ избѣжать встрѣчи. Можетъ быть, отецъ Бенеке тоже захваченъ врасплохъ и не знаетъ, что ему дѣлать. Какъ быть? Написать ли священнику, или просто удерживать Элеонору дома и ждать?

При мысли объ Элеонорѣ, дѣвушка почувствовала негодованіе и острую жалость, которыя придали ей бодрости. Неужели же ея безмѣрная, безграничная преданность, ея заботы, такъ скудно вознаграждавшіяся—все напрасно, и душевный миръ и здоровье м-съ Бергойнъ снова въ опасности, снова во власти ея кузена?

Элеонора рано легла, а Люси надѣла теплый платокъ и принялась ходить взадъ и впередъ по *лоджіи*, терзаясь сомнѣніями. Вдругъ вниманіе ея привлекла маленькая деревянная лѣсенка, ведшая съ *лоджіи* къ пустырю, нѣкогда бывшему обнесеннымъ стѣной монастырскимъ садикомъ, гдѣ монахи суроваго ордена гуляли во время выздоровленія или грѣлись на солнышкѣ, когда старость и немощи избавляли ихъ отъ участія въ полевыхъ работахъ своихъ товарищей.

Теперь садикъ представлялъ собой картину полнаго запустѣнія, если не считать кущи олеандровъ и миртъ посрединѣ. Но высокія стѣны уцѣлѣли, равно какъ и старая деревянная калитка въ той изъ нихъ, которая была ближе къ лѣсу. Пониже сада было открытое мѣсто, треугольникъ, поросшій травой и отлого спускавшійся къ началу *Sassetto*; по одной сторонѣ его вилась дорожка.

Люси быстро шагала взадъ и впередъ; въ душѣ ея бушевала буря. Можетъ быть, въ эту самую минуту *онъ* сидитъ въ какой-нибудь полумилѣ отсюда, съ отцомъ Бенеке и выпытываетъ правду? Можетъ быть, неосторожныя уста священника уже выдали *ему* ихъ бѣдную тайну? Вѣдь *онъ* ловитъ мысль на лету— съ него достаточно намека! И какое торжество блеснетъ тогда въ его глазахъ! какъ властно онъ потребуетъ, чтобъ онѣ покорились его волѣ!

Тссъ! Что это? Дѣвушка притаила дыханіе.

Голоса! Двое мужчинъ спускаются внизъ по тропинкѣ. Люси поспѣшила притаиться къ стѣнѣ, чтобы не видно было ея бѣлаго платья,—напряженно прислушиваясь.

Вотъ чиркнули спичкой—въ воздухѣ пронесся запахъ фосфора; послышалось восклицаніе:

— Батюшка! погодите минутку!— Дайте закурить. Спички совсѣмъ отсырѣли. Кромѣ того, мнѣ хотѣлось бы взглянуть еще разъ на это старинное зданіе...

Шаги свернули съ дороги—приближались къ низенькой стѣнѣ сада. Люси еще плотнѣе прижалась къ ней изнутри, дрожа всѣмъ тѣломъ. Одна лишь старая калитка между нею и *имъ!* Она не смѣла пошевелиться—но не одинъ только страхъ быть открытой сковывалъ ея движенія. Безумная, неудержимая радость охватила ее; она вся горѣла и разгоралась, какъ раскаленные уголья, когда на нихъ пахнетъ вѣтеръ.

— Вотъ вамъ!—еще одинъ подвигъ вашей парламентской Италіи! Что сдѣлали эти бѣдняки, чтобы ихъ выгнать отсюда? Вы слышали, что сказалъ карабинеръ? Что они воздѣлывали половину плато—а теперь, посмотрите. Я чувствую себя такъ, какъ будто передо мной валяющееся на землѣ гнѣздо черного дрозда, которое злой мальчишка разорилъ и бросилъ. Мнѣ хочется отодрать мальчишку!

— Мальчишка, быть можетъ, возразилъ бы вамъ, что дроздовъ слишкомъ много, а фруктовъ слишкомъ мало.— Благоразумно ли съ вашей стороны, мой добрый сэръ, стоять такъ долго на сырой травѣ!

Голосъ былъ замѣтно пониженъ. Люси угадывала, что говорившему не по себѣ.

— Одну минуту. Вы помните, что я уже былъ здѣсь въ ноябрѣ. Теперь, въ лѣтнюю ночь, монастырь производитъ совсѣмъ иное впечатлѣніе. Какой чистый, прелестный воздухъ!—Люси слы-

шала, какъ говорившій вздохнулъ полной грудью.—Помню, у меня тогда мелькнула мысль, что хорошо бы пріѣхать сюда позаняться. *Massaja* разсказывала, что лѣтомъ здѣсь бываютъ дачники... Ага! въ окнахъ верхняго этажа виденъ свѣтъ.

— Жилыя комнаты есть во всѣхъ частяхъ дома. Мои были вонъ въ томъ флигелѣ, подальше. Только онѣ совсѣмъ не защищали отъ дождя. Тамъ крыша протекаетъ, — поспѣшно отозвался священникъ, тѣмъ-же пониженнымъ голосомъ.

— Здѣсь хорошо отдыхать или прятаться,—сказалъ Мэнистей, и при послѣднихъ словахъ голосъ его измѣнился.—Завтра утромъ я попрошу сторожиху еще разъ показать мнѣ монастырь. А завтра въ полдень я ѣду.

— Такъ скоро! Моя старая Франческа разсердится. Она только было начала примиряться со мной, потому что вы ѣдите съ аппетитомъ—вы даже похвалили ея яичницу.

— О! Франческа — артистка! Но,—какъ я уже имѣлъ честь докладывать вамъ, въ настоящее время я изображаю собой странника и пилигримма. Мы поговорили съ вами пожали другъ другу руку, «отвели душу» — побыли денекъ вмѣстѣ—«*und weiter noch—noch weiter—mein treuer Wanderstab!*»

Въ красивомъ низкомъ голосѣ звучало глубокое чувство. Люси услыхала вздохъ — нетерпѣливый, полный отчаянія.

Затѣмъ говорившіе отошли. Легкій западный вѣтерокъ еще доносилъ къ ней волны табачнаго дыма; чуткое ухо еще ловило звукъ голосовъ. Внезапно все смолкло.

Люси шарила руками по двери, нащупывая задвижку, шепотомъ повторяя: «Ушелъ! Ушелъ!»

Потомъ руки ея упали, и она долго стояла, не двигаясь, опустивъ голову, пока волненіе въ ея крови не улеглось, и сердце ея не стало биться спокойнѣе.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

— Moso, смотри сюда!—сказала Люси, обращаясь къ маленькому мальчику, который, вмѣстѣ съ братишкой, гналъ козъ по дорогѣ.

Она вынула изъ корзиночки, висѣвшей у нея на рукѣ, нѣсколько штучекъ *pasticceria*, затѣмъ плитку шоколаду и, наконецъ, пригоршню *сольди*.

— Знаешь домикъ у рѣки, гдѣ живетъ Мамма Бригитта?

— Знаю. — Мальчуганъ пристально смотрѣлъ на нее острымъ, проницательнымъ взглядомъ.

— Снеси это письмо Маммѣ Бригиттѣ. Если ты тамъ подождешь немножко, она дастъ тебѣ взамѣнъ другое письмо, а если принесешь его мнѣ — то получишь все это!

Дѣвушка присѣла на обросшій мохомъ камень и ждала, перебирая въ умѣ послѣднія фразы своего письма. Оно было коротко и просто.

«Милый отецъ Бенеке, я имѣю причины думать, что м-ръ Мэнистей здѣсь,—что онъ у васъ. М-рсъ Бергойнъ не знаетъ объ этомъ, и я очень тревожусь, какъ бы она не узнала. Она желаетъ—кажется, она уже объясняла вамъ это—быть здѣсь совсѣмъ одна. Еслибъ она хотѣла видѣть своихъ родственниковъ, она, безъ сомнѣнія, сама написала бы имъ. Она слишкомъ больна, чтобы переносить неожиданности; это ее взволнуетъ и разстроитъ. Хотите сдѣлать намъ большое-большое одолженіе? Убѣдите м-ра Мэнистея уѣхать, не давая знать м-рсъ Бергойнъ о своемъ пребываніи здѣсь. Пожалуйста, попросите его сказать миссъ Мэнистей, что мы долго здѣсь не останемся, что у насъ прекрасный докторъ, что мѣстоположеніе *Torre Amiata* очень высокое, и жара здѣсь рѣдко бываетъ угнетающей».

...Минуты шли за минутами. Дѣвушка мало-по-малу теряла власть надъ своими мыслями и чувствовала, что ею овладѣваетъ какое-то странное волненіе. Она съ рѣшительнымъ видомъ выта-

щила изъ своей корзиночки итальянскую книгу и принялась читать.

Наконецъ-то! — блеяніе козъ и дѣтскіе голоса.

Оба мальчугана взапуски бѣжали къ ней съ письмомъ. Она отдала имъ деньги и лакомство, и сломала печать.

«*Hochgeehrtes Fräulein*,—м-ръ Мэнистей здѣсь, это правда. Я тоже очень боюсь за м-рсъ Бергойнъ, какъ бы не испугать ее и не встревожить. Но я не довѣряю своимъ дипломатическимъ способностямъ; притомъ же я до сихъ поръ не сообщалъ моему гостю о вашемъ пребываніи здѣсь. Я не имѣю права этого сдѣлать, въ виду моего обѣщанія м-рсъ Бергойнъ. Не лучше ли вамъ самой повидаться и переговорить съ м-ромъ Мэнистеемъ? Онъ собирается нынче утромъ осмотрѣть старый монастырь. Я не могу помѣшать ему, не выдавъ того, о чемъ я не имѣю права говорить. Въ настоящую минуту онъ куритъ у меня въ садикѣ. Но черезъ два часа за нимъ пріѣдетъ коляска изъ Сельвапенденте. Если онъ пойдетъ по горѣ, вамъ не трудно будетъ встрѣтиться съ нимъ. Если же нѣтъ, вы можете быть спокойны — значитъ, онъ уже уѣхалъ въ Орвіето».

Читая письмо, Люси краснѣла и хмурилась. Ее поразило, что письмо какое-то не простое, что священникъ чего-то не договариваетъ, что онъ, видимо, причастенъ новому положенію вещей больше, чѣмъ онъ это показываетъ.

Она замѣтила, что онъ въ послѣднее время подолгу разговаривалъ съ Элеонорой — и что Элеонора все еще находится подъ нездоровымъ вліяніемъ горя и ревности, которыя тогда, на виллѣ, сломили все ея природное самообладаніе и сопротивленіе. Возможно ли?..

Щеки ея пылали. Она совсѣмъ не испытывала на себѣ того обаянія священническаго сана, которое имѣло такую власть надъ Элеонорой. Одной мысли о томъ, что этотъ добрый старый священникъ хочетъ «обойти» ее, было достаточно для того, чтобы поднять въ ея душѣ негодованіе и молодой задоръ.

Но опасность была неотложная. Люси знала, что ей дѣлать, и готовилась сдѣлать это — просто, безъ всякой борьбы съ собой.

Пастушонки отошли отъ нея, уплетая за обѣ щеки пирожное и отъ времени до времени оглядывались на нее съ дѣтскимъ любопытствомъ. Красивая барышня въ голубомъ платьѣ сидѣла все на томъ же мѣстѣ, гдѣ они оставили ее — въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дороги, въ густой тѣни дуба.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Въ послѣднее время Элеонора стала вставать довольно поздно, и Люси уходя, оставила ее въ постели.

Было около девяти часовъ. Всѣ окна, выходящія на востокъ на востокъ и на югъ, были уже заперты и занавѣшены, но дверь на *лоджію* стояла открытой — туда солнце не заглядывало до полудня.

Свѣжій вѣтерокъ, наслѣдіе бури врывался въ открытыя двери. Въ рамкѣ желтыхъ арокъ *лоджіи* на фонѣ небесной лазури вырисовывались стройные силуэты двухъ кипарисовъ. А напротивъ ихъ глиняннаго горшка подымался косматый стволъ олеандра съ розовыми кистями цвѣтовъ. Издали доносились пѣсни жнецовъ за работой, а на полу совсѣмъ близко отъ постели, выднѣлся зеленый носикъ ящерицы, заглядывавшей въ дверь.

Элеонора проснулась, но никакъ не могла стряхнуте съ себя полубезсознательнаго состоянія. Въ умѣ ея смутно мелькали обрывки фразъ, клочки воспоминаній пережитаго ночью. Сердце ея шибко билось; она сѣла въ постели, поймала свое отраженіе въ разбитомъ зеркалѣ на туалетѣ и, удивленная приложила руку къ пылающимъ щекамъ. Онѣ были мокры отъ слезъ.

— Я плакала! — сказала она себѣ съ удивленіемъ. — Что же такое мнѣ снилось? И почему я такъ странно себя чувствую? Что это такое со мной?

Она позвонила; явилась горничная.

— Мари мнѣ такъ хорошо;—сегодня я совсѣмъ здорова. Прямо необыкновенно хорошо! Принеси мнѣ все — я хочу одѣться.

Горничная, боясь упрековъ Люси, начала было возражать. Но Элеонора упорно стояла на своемъ.

— Причеши меня сегодня, какъ обыкновенно, — говорила она, сидя въ бѣломъ пеньюарѣ передъ разбитымъ зеркаломъ.

Мари удивилась.

— Это утомитъ васъ, сударыня.

— Нѣтъ, ничего. *Mais faites vite!*

Со дня пріѣзда въ *Torre Amiata* Элеонора отказалась отъ изысканныхъ, сложныхъ причесокъ, которыми она обыкновенно щеголяла на виллѣ, и Мари втайнѣ уже боялась, какъ бы ея проворные пальчики не утратили своей ловкости. Поэтому она съ полной готовностью завивала, гофрировала и укладывала волосы на головѣ, воздвигая прихотливое зданіе. Когда она кончила, Элеонора посмотрѣла въ зеркало и засмѣялась:

— *Ah. mais vraiment, Marie, tu es merveilleuse!* Жаль только, что ни это зеркало, ни *Torre Amiata* не достойны такой прически. *N'importe!* Надо держать знамя высоко.

— У васъ, сударыня, сегодня, дѣйствительно прекрасный видъ,

— Я спала. Почему я спала? Не могу себѣ представить. Въ сущности, здѣсь не такъ уже скверно; какъ ты полагаешь, Мари?

Она, смѣясь, слегка дотронулась до щеки своей молоденькой горничной.

Мари подняла на нее грустные глаза.

— Барыня, кажется, готовы жить и умереть здѣсь.

Не успѣла она выговорить этихъ словъ, какъ уже готова была вырвать себѣ языкъ за то, что произнесла ихъ. Она была искренно привязана къ своей госпожѣ и знала, что Элеонора далеко не *malade imaginaire.*

Элеонора слегка измѣнилась въ лицѣ.

— Глупенькая! мы скоро уѣдемъ отсюда. Нѣтъ, нѣтъ—не это старое платье. Посмотри, пожалуйста, на эту прическу, которую ты же сама мнѣ устроила, — и подумай! *Noblesse oblige!*

Нѣсколько минутъ спустя она уже стояла передъ зеркаломъ въ платьѣ для прогулки цвѣта кремъ—простомъ, но безукоризненно изящномъ, и мягкой черной шляпѣ, завязанной у шеи.

— Какъ на мнѣ все виситъ! — сказала она, оправляя на себѣ платье.

Мари сдѣлала сочувственное и озабоченное лицо.

— *Mais oui, madame. Il faudrais le cacher un peu.*

— Ваты! *Tiens, j'en ai déjá.* Матильда и такъ подкладываетъ ея съ каждымъ разомъ все больше. Ты увидишь. Мари, въ одинъ прекрасный день мои платья будутъ въ состояніи ходить сами, а отъ меня не останется ровно ничего.

Она улыбнулась. Мари, не отвѣчая, низко нагнулась, застегивая башмачекъ своей госпожи.

— Ну-съ, теперь — *fini!* Снеси на *лоджію* всѣ эти книги и мое кресло. Я сейчасъ приду туда.

Горничная ушла. Элеонора сѣла отдохнуть—одѣванье утомило ее.

— Какъ я слаба!—слабѣе, чѣмъ въ прошломъ мѣсяцѣ. А черезъ мѣсяцъ буду еще немножко слабѣе, потомъ еще немножко, потомъ, пожалуй, начнутся боли, мучительныя боли, потомъ, въ одно прекрасное утро я буду не въ состояніи встать, и все мое бѣдное тѣло разсыпется, кекъ разбитый корабль. А затѣмъ, можетъ быть, наступитъ облегченіе, если умереть такъ легко, какъ кажется. Ни боли, ни сожалѣній,—а конецъ, или мгновенный,— погаснешь, какъ свѣча, когда на нее пахнетъ вѣтеръ — или же тихое погруженіе въ глубокія воды, безъ боли... И сегодня это меня почти не пугаетъ.

Передъ нею былъ *prie-dieu*, старый и потертый, какъ все въ монастырѣ, а подъ нимъ портретъ ея ребенка. Элеонора опустилась на колѣни, какъ она это дѣлала каждый день утромъ и вечеромъ, больше въ силу привычки.

По мысли ея не находили себѣ выраженія въ словахъ. Физическая слабость заставляла ее тяжело опираться

на стулъ, но нравственная слабость въ этотъ день не угнеталась: душа ея, казалось, тоже нашла себѣ невидимую опору.

— Что со мной сегодня?—спрашивала она себя съ изумленіемъ. — Что это? Знаменіе? Всѣ узы расторгнуты — дышится легко. Почему я чувствовала себя такой несчастной вчера? Я хотѣла, чтобы онъ пріѣхалъ, и въ то-же время боялась, такъ боялась! А сегодня мнѣ все равно, все равно!

Она взглянула на портретъ, обвитый гирляндой изъ вереска и мирты. Ребенокъ казалось. шелъ къ ней, невѣрною поступью начинающаго ходить, глядя на нее немножко испуганно, но довѣрчиво.

— Дѣтка моя! — шепнула Элеонора, улыбаясь ему.—Дѣточка!

Съ долгимъ протяжнымъ вздохомъ она поднялась и побрела на веранду.

Горничная ждала ее. Но Элеонора отказалась лечь на диванъ: она хотѣла сидѣть, видѣть дорогу и горы.

— Какъ долго нѣтъ миссъ Фостеръ!— сказала она Мари. —Сегодня слишкомъ жарко для прогулки. Какъ странно! Вѣдь это экипажъ графини. — Да, да это графиня—въ такое время дня! Бѣги скорѣе, Мари; скажи ей, что я буду въ восторгѣ видѣть ее. И будь милочкой, принеси еще сюда кресло — поудобнѣе.

Графиня поднималась по каменнымъ ступенямъ тяжелой мужской поступью, составлявшей ея отличительную особенность.

— *Vous permettez, madame?* — сказала она, останавливаясь въ дверяхъ,— хоть теперь и не время для визитовъ...

Элеонора сердечно привѣтствовала ее.

Графиня грузно опустилась въ кресло, не скрывая усталости.

— Что вы дѣлали?—спросила Элеонора.—Если помогали крестьянамъ жать, я протестую!

Она, смѣясь, положила руку на колѣни графини. Она знала, что графинѣ лучше извѣстны дѣла и заботы крестьянъ, чѣмъ ея великолѣпному управляющему.

Она постоянно была съ крестьянами, ссорилась съ ними, бранила ихъ, на ихъ же діалектѣ, которымъ владѣла не хуже ихъ, зорко подмѣчала всякій обманъ и коршуномъ налетала на обманщиковъ. И въ это-же время теперь, когда ея сынъ умеръ, крестьяне и интересы ихъ были для нея дороже всего. Они, съ своей стороны, терпѣли ея командованіе и не выказывали активной неблагодарности. Съ ея точки зрѣнія, большаго и не можетъ требовать богатый человѣкъ отъ бѣдняка, пока для міра не начнется новая эра.

Графиня сконфузилась.

— Я лѣчила быка, —отрубила она, словно извиняясь.—Онъ заболѣлъ вчера ночью, ну, и послали за мной.

— Нѣтъ, вы удивительная женщина,— смѣясь, вскричала Элеонора.—Для васъ все годится,—и больные быки, и такія больныя, какъ я, лишь бы было о комъ заботиться!

Графиня улыбнулась, но вмѣстѣ съ тѣмъ отвернула голову.

— Это былъ конекъ Эмиліо, — коротко пояснила она.—Онъ зналъ всѣхъ животныхъ въ нашемъ имѣніи. А въ полку его прозвали «ветеринаромъ» за то, что онъ вѣчно возился съ больными и разбитыми на ноги мулами. Въ числѣ его послѣднихъ порученій было одно, касающееся больной лошади. Онъ коечему научилъ и меня, и мнѣ удается иногда помочь до прихода коновала.

Наступило молчаніе. Первая его прервала графиня.

— Я пришла сообщить вамъ кое-что о себѣ. Тереза рѣшила покинуть меня.

— Ваша дочь? — съ изумленіемъ вскричала Элеонора.—*Fiancée?*

Графиня покачала головой.

— Она идетъ въ монастырь. Въ октябрѣ она вступитъ послушницей въ обитель св. Франчески. А теперь она уѣхала на нѣсколько недѣль погостить у монахинь.

Элеонора была, какъ громомъ поражена.

— Она оставляетъ васъ одну?

Графиня, молча, кивнула головой

— И вы одобряете это?

— У нея призваніе, — вздохнула графиня.

— Но у нея есть мать!

— Ахъ, *madame*, вы протестантка. Это у насъ въ крови. Дѣвушки, вродѣ Терезы, въ нашемъ роду всегда смотрѣли на монастырь, какъ на преддверіе рая. А грѣшницы, какъ я, вздыхаютъ и покоряются.

— Вы будете совсѣмъ одна, въ этой глуши! — съ волненіемъ выговорила Элеонора

Графиня нахмурилась. Она была изъ тѣхъ, которыя не терпятъ состраданія.

— Здѣсь дѣла довольно, — коротко возразила она.

Но затѣмъ стойкость измѣнила ей.

— Будь я на десять лѣтъ старше, оно бы ничего,— продолжала она усталымъ голосомъ, говорившимъ о долгой душевней борьбѣ.—А то столько еще времени ждать—я такъ здорова!.

Элеонора взяла ея руку и поцѣловала.

— А вамъ никогда не приходило въ голову взглянуть на это съ другой точки зрѣнія, сказать: я такъ хочу, и я хочу, чтобы было по моему! Я имѣю такое же право поступать по своему, какъ и другіе? Вы никогда не пробовали примѣнить это къ Терезѣ?

Графиня широко раскрыла глаза.

— Я не тиранка,—сказала она, и нотка презрѣнія прозвучала въ ея голосѣ.

Элеонора запрепетала.

— Въ нашемъ распоряженіи такъ мало времени, чтобы жить и быть счастливыми,—возразила она тихо, какъ бы защищаясь.

— Мнѣ это представляется иначе,— медленно выговорила графиня.—Но вѣдь я вѣрю въ загробную жизнь.

— И вы думаете, что не хорошо настаивать, выдвигать на первый планъ личную, эгоистическую точку зрѣнія?

Графиня улыбнулась.

— Не столько не хорошо, сколько безполезно. Міръ не такъ устроенъ, *chère madame*.

Элеонора откинулась назадъ въ кресло. Графиня смотрѣла на ея исхудалое тѣло, на блѣдное лицо, на изящное платье, и думала о письмѣ своей пріятельницы, о «синьорѣ Мэнистеѣ», который долженъ былъ жениться на этой печальной прелестной женщинѣ—и не женился. Легко было видѣть, что не одна только болѣзнь, но и горе разрушали силы и здоровье м-рсъ Бергойнъ. Графиня по лѣтамъ могла бы быть ея матерью. У нея была дочь, умершая въ младенческомъ возрастѣ, которая теперь была бы однихъ лѣтъ съ Элеонорой.

— *Madame*, позвольте мнѣ дать вамъ совѣтъ,—сказала она, взявъ за руки Элеонору:—уѣзжайте отсюда. Это мѣсто не годится для васъ, или переѣзжайте ко мнѣ, въ палаццо—я буду ухаживать за вами.

Элеонора покраснѣла.

— Мнѣ здѣсь очень хорошо. А сегодня въ особенности. Сегодня мнѣ такъ легко—не знаю, почему.

У графини сжалось сердце. Ей не въ первый разъ было слышать такія слова отъ больныхъ, и они звучали въ ея ушахъ похороннымъ звономъ. Онѣ поговорили еще немного, потомъ графиня встала и Элеонора тоже, хотя гостья удерживала ее.

Когда онѣ стали другъ противъ друга, старшая, сильная женщина почувствовала, что ее неотразимо притягиваетъ трогательная слабость другой. Вмѣсто того, чтобы просто пожать руку Элеоноры, графиня обняла ее, прижала къ своей широкой груди и крѣпко поцѣловала.

Элеонора со вздохомъ прильнула къ ней.

— Никакое призваніе не заставило бы *меня* оставить васъ.

И такъ онѣ разстались.

Элеонора перегнулась черезъ перила и смотрѣла вслѣдъ графинѣ. Вдали показалась фигура отца Бенеке. Элеонора отошла, прилегла на софу и, укрывъ себѣ ноги пледомъ, ждала.

Мари впустила гостя.

— *Entrez, mon père, entrez*,—сказала Элеонора, ласково протягивая руку ему навстрѣчу.—И вы не боитесь солнца? Вы не встрѣчали миссъ Фостеръ? Скорѣй бы ужъ она возвращалась! Сегодня слишкомъ жарко для прогулокъ.

— Сударыня, я шелъ не дорогой, а по Сассетто. Тамъ я никого не встрѣтилъ.

— Присядьте, отецъ мой. У этого стула всѣ ноги цѣлы. Онъ выписанъ изъ Орвіето.

Но онъ не сѣлъ, а остался стоять, нерѣшительно глядя на нее. А она, пораженная его молчаніемъ и выраженіемъ его лица, вдругъ ощутила острую боль въ сердцѣ и привычнымъ жестомъ прижала руку къ груди.

Но его нерѣшительность уже прошла. Онъ опустился на диванъ рядомъ съ ней.

— *Madame*, вы были такъ добры ко мнѣ, принимали такое участіе въ моей злополучной судьбѣ, что вы, можетъ быть, позволите мнѣ разсказать вамъ, какое письмо я получилъ сегодня утромъ. Одинъ изъ вождей старокатоликовъ зоветъ меня пріѣхать посовѣтоваться съ ними, прежде чѣмъ принять окончательное рѣшеніе относительно моей будущей жизни.

Тутъ много затрудненій; я не особенно симпатизирую имъ; женатый священникъ, по моему, лишенъ половины своей силы. Но приглашеніе такое ласковое, такое сердечное, что я не могу отказать.

Онъ наклонился впередъ, глядя не на нее, а на каменный полъ *лоджіи*.

— Я получилъ также письмо отъ сестры. Она не хочетъ дольше жить со мной и завѣдывать моимъ хозяйствомъ. Она страшно возмущена тѣмъ, что я сдѣлалъ, и не можетъ побороть себя. Она хочетъ поселиться въ одной деревушкѣ въ Баваріи, гдѣ у насъ есть родственники. У нея есть маленькая рента и нуждаться она не будетъ.

— А вы?

— Я долженъ найти себѣ работу. Моя книга кое-что принесетъ мнѣ, какъ говорятъ. Это дастъ мнѣ время подумать—и выбрать. Моя карьера, само собой, кончена. Я потерялъ все. Но мое образованіе всегда дастъ мнѣ возможность заработать кусокъ хлѣба. А большаго я и не требую.

Во взглядѣ Элеоноры свѣтилось глубокое состраданіе.

— И вы тоже стары и одиноки, какъ графиня!—прошептала она.

Отецъ Бенеке не разслышалъ Онъ думалъ о своемъ. Немного погодя, онъ всталъ. Никогда еще его сѣдая голова апостола, его большой открытый лобъ не производили такого впечатлѣнія достоинства, авторитетности. Но Элеонора подмѣтила и нѣчто другое, смутившее ее,—подмѣтила внезапную дрожь губъ и сомнѣніе во взглядѣ.

— Итакъ, вы видите, сударыня, пріятные часы, проведенные нами вмѣстѣ, приходятъ къ концу. Черезъ нѣсколько дней я уѣду. Не стану и пытаться высказать, какъ я обязанъ вашей добротѣ, вашей снисходительности ко мнѣ и сочувствію. Въ темномъ лѣсу моей жизни, когда мое сердце было удручено скорбью, бесѣды съ вами бодрили мой умъ и поддерживали меня, пока онъ не прояснился настолько, что я снова могъ избрать себѣ путь. Это товарищество, котораго вы меня удостоили, дало мнѣ массу новыхъ идей. Смиренно сознаюсь, что отнынѣ я буду думать иначе о женщинахъ и объ отношеніяхъ возможныхъ между мужчиной и женщиной. Но, сударыня...

Онъ остановился. Элеонора видѣла, какъ дрожала его рука, лежавшая на колѣнѣ.

Она приподнялась на локтѣ.

— Отецъ Бенске, вы имѣете что-то сообщить мнѣ?

Онъ торопливо продолжалъ:

— Былъ день, когда мы помѣнялись ролями. До того дня вы были моей опорой. Вы обратились за поддержкой ко мнѣ. Удалось ли мнѣ хоть сколько-нибудь помочь вамъ, придать вамъ душевной бодрости, какъ вы придали мнѣ?

Элеонора откинулась на подушки. На ея темныхъ рѣсницахъ блеснули слезы. Она подняла руку, чтобы смахнуть ихъ.

— Не знаю, отецъ мой,—не знаю. Но сегодня—по какимъ таинственнымъ причинамъ—я снова чувствую себя почти счастливой. Я проснулась съ чувствомъ человѣка, который былъ похороненъ подъ грудой камней и вдругъ всѣ эти камни разомъ свалились,—человѣка, который былъ подъ вліяніемъ страшнаго бреда—и пришелъ въ себя. Я какъ будто ничего не люблю, ни о чемъ не жалѣю. Знаете, это иногда бываетъ съ трудно больными. Вдругъ одеревенѣетъ человѣкъ. Но я не одеревенѣла. Я все чувствую.

Можетъ быть, отецъ мой,—она обернулась къ нему съ прежней милой улыбкой женщины, которая любитъ быть любимой,—можетъ быть, это оттого, что вы молились за меня?

Но священникъ не видѣлъ этой застѣнчивой улыбки. Голова его опускалась все ниже и ниже.

— Благодареніе Богу! Если такъ, вы, можетъ быть, найдете въ себѣ силы—простить меня!

Это было сказано тихо, но твердымъ голосомъ.

Элеонора вскочила съ дивана.

— Отецъ Бенеке! Что вы сдѣлали?—м-ръ Мэнистей здѣсь?

Блѣдная, какъ смерть, она схватилась за перила, чтобъ не упасть. Отецъ Бенеке смотрѣлъ на нее съ угрызеніемъ и тревогой, но обмануть ее не могъ.

— Онъ пріѣхалъ ко мнѣ вчера вечеромъ.

Взоры ихъ встрѣтились, какъ взоры двухъ враговъ въ бою;—сотни вопросовъ были въ нихъ и сотни отвѣтовъ. Элеонора первая прервала молчаніе.

— Гдѣ онъ?—властно спросила она Ага—вижу—понимаю.

Она сѣла, глядя ему прямо въ глаза и тяжело дыша.

— Миссъ Фостеръ нѣтъ со мной. М-ра Министея нѣтъ съ вами. Догагаться не трудно. И это устроили вы. Вы взяли, вы осмѣлились взять это на себя!

Онъ не отвѣчалъ. Онъ склонился, какъ тростникъ передъ бурей.

— Нѣтъ бо́льшей дерзости, чѣмъ у святого, бо́льшей жестокости, чѣмъ у ангела,—сказала она съ горечью. То, чего я не посмѣла бы сдѣлать съ самымъ близкимъ мнѣ другомъ, самымъ роднымъ мнѣ и дорогимъ, вы—чужой мнѣ человѣкъ—сдѣлали съ легкимъ сердцемъ. О, это чудовищно—чудовищно!

Она водила головой то вправо, то влѣво, словно задыхаясь, словно легкій рюшь у ворота давилъ ей горло.

— Чужой?—медленно повторилъ онъ, и его взглядъ, настойчивый, но кроткій, встрѣтился съ ея взглядомъ.

— Вы, конечно, намекаете на мою святую, задушевную исповѣдь, которой ни одинъ человѣкъ съ сердцемъ, наконецъ, просто честный человѣкъ не рѣшился бы выдать другому. А, вы хорошо сдѣлали, предупредивъ меня, что это была не настоящая исповѣдь—не скрѣпленная обѣтомъ молчанія! Вамъ надо было предостеречь меня яснѣе, опредѣленнѣе.

Блѣдность Элеоноры исчезла. Теперь щеки ея горѣли. Священникъ видѣлъ, что она внѣ себя, и самъ, снѣдаемый жгучими сомнѣніями и подозрѣніями, чувствовалъ, что ему необходимо бороться съ ней,—защищаться.

— Вы нѣсколько несправедливы ко мнѣ,—возразилъ онъ поспѣшно.—Я ничеко не говорилъ—никого не выдавалъ. Часъ тому назадъ, когда я ушелъ отъ м-ра Мэнистея, онъ и не подозрѣвалъ, что вы здѣсь. Онъ говоритъ, что послѣ перваго же моего письма къ нему, онъ отказался отъ мысли посѣтить *Torre Amiata*, предполагая, что, если бы вы были здѣсь, я давно бы уже сообщилъ ему.

Элеонора помолчала. «Это уловка!—сказала она себѣ мысленно и вслухъ прибавила: — Однако, вы просили его пріѣхать?»

— Въ этомъ и есть мое преступленіе!—сознался онъ, съ кроткимъ и горестнымъ смиреніемъ.—Вашъ гнѣвъ для меня очень тягостенъ. Но, вы помните, вы отдали въ мои руки судьбу трехъ человѣкъ. Я нашелъ васъ безпомощной—вы просили помощи. День за днемъ я видѣлъ васъ все больше разстроенной и, какъ мнѣ казалось, полной стремленій великодушія къ миру душевному. Я чувствовалъ — о, я всѣмъ сердцемъ чувствовалъ, что вамъ стоило лишь протянуть руку, чтобы взять счастье, которое сторицей вознаградитъ васъ за все то, что вы перенесли. Вы говорите, что я молился за васъ. Да, я молился часто и горячо. И мнѣ казалось въ послѣднія наши бесѣды, что я вижу въ васъ такіе признаки благодати, такое прекрасное настроеніе душевное, что если бы вамъ еще разъ былъ данъ случай дѣйствовать, вы нашли бы въ себѣ силу принять благословеніе, предлагаемое вамъ Господомъ. И, какъ вы ска-

зали, я осмѣлился. Я написалъ м-ру Мэнистею, который сообщилъ мнѣ, что ѣдетъ на сѣверъ: «если заѣхать въ Torre Amiati не составитъ для васъ большого круга, загляните ко мнѣ!» Ни ваше имя, ни имя м-съ Фостэръ не сорвались съ моихъ устъ. Но съ тѣхъ поръ, сознаюсь, я все время былъ въ большой тревогѣ: меня мучили сомнѣнья.

Элеонора засмѣялась.

— Отецъ мой, скажите, всѣ священники такіе же казуисты, какъ вы?—Его рѣсницы дрогнули, какъ будто эти слова укололи его, но онъ не отвѣтилъ.

Наступила пауза. Элеонора отвернулась къ периламъ и смотрѣла вдаль на дорогу и лѣсъ. Ея лицо и глаза были полны необычайнаго оживленія; губы полураскрыты; она дышала часто.

Вдругъ она отошла отъ перилъ, подняла глаза на отца Бенеке, наклонилась впередъ и протянула ему обѣ руки.

— Отецъ мой, я прощаю вамъ. Давайте мириться.

Онъ взялъ ея тонкіе пальчики въ свои широкія ладони, съ неловкой и прелестной благодарностью.

Она повернулась и кивнула отцу Бенеке.

— Сюда, батюшка, пожалуйте за мною!

И она повела его внизъ, по маленькой лѣсенкѣ, по которой Люси наканунѣ вечеромъ спустилась въ садъ.

У подножія лѣстницы она остановилась. Отъ двора ихъ отдѣляла только стѣна и слышно было, какъ Люси по другую сторону стѣны разговаривала съ хозяйкой.

— Ну, теперь живѣе, пока она не увидала насъ.

Съ помощью священника, она отворила садовую калитку и пошла полемъ, сильно забирая вправо, чтобы ее нельзя было видѣть съ лоджіи.

— Ради Бога, куда мы идемъ?—съ тревогой спрашивалъ священникъ.—Это слишкомъ утомительно для васъ, вы устанете.

Элеонора не слушала. Она, по цѣлымъ днямъ не встававшая съ дивана, или лѣниво бродившая изъ комнаты въ комнату, теперь, словно птичка, бѣжала по жарѣ и неровной, кочковатой землѣ. Отецъ Бенеке съ трудомъ поспѣвалъ за нею. Она остановилась только, когда они дошли до половины *Сассэтто*.

— Объясните мнѣ, что это значитъ!—умолялъ онъ, когда она позволила ему, наконецъ, остановиться и перевести духъ.

Она тоже прислонилась къ дереву, тяжело дыша.

— Вы сказали, батюшка, что мистеръ Мэнистей въ полдень уѣзжаетъ?

— Вы хотите видѣть его?—вскричалъ онъ.

— Я рѣшила повидаться съ нимъ,—отвѣтила она тихо, кусая губы.

И опять устремилась дальше, мелькая впереди бѣлой тѣнью, все ниже и ниже въ зеленой прохладной чащѣ *сассэтто*, по направленію къ Пальѣ.

Они остановились на опушкѣ лѣса, гдѣ между кустами и молоденькими деревцами стоялъ маленькій домикъ.

Вдали донесся стукъ колесъ—должно быть, экипажъ изъ *Selvapendenti* переѣзжалъ мостъ черезъ Палью.

Миссисъ Бергойнъ съ минуту молча смотрѣла на домикъ. Потомъ, закрывшись большимъ бѣлымъ зонтикомъ, перешла на ту его сторону, которая выходила къ рѣкѣ.

Тамъ въ тѣни сидѣлъ Мэнистей, положивъ руки на колѣни и голову на руки.

Онъ не сразу разслышалъ шаги м-съ Бергойнъ; она остановилась и ждала. Она была одна. Священникъ не послѣдовалъ за нею. Потомъ она подошла ближе.

Шелестъ ли ея платья, или приближавшійся стукъ колесъ пробудили его отъ раздумья. Онъ взглянулъ, вздрогнулъ, вскочилъ на ноги.

— Элеонора!

Они встрѣтились. Они смотрѣли въ глаза другъ другу. Она вздрогнула, потому что въ его глазахъ стояли слезы.

Элеонора первая прервала молчаніе.

— Вы долго странствовали,—сказала она спокойно.—Впрочемъ, вы могли бы вспомнить и раньше о существованіи *Torre Amiato*. Вы сами хвалили этотъ уголокъ, предлагали поселиться здѣсь въ монастырѣ.

Онъ смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ.

— Элеонара! Бога ради, скажите мнѣ, что все это значитъ? Что эта за безумная, необычайная выходка.

Она пошатнулась и прислонилась къ стѣнѣ дома.

— Дайте мнѣ, пожалуйста, стулъ прежде, чѣмъ мы начнемъ говорить. И— это вашъ экипажъ? Отошлите его, пусть ждетъ подъ деревьями. Онъ можетъ подвезти меня на гору, когда мы кончимъ.

Онъ съ трудомъ сдержалъ себя и пошелъ отдать приказаніе.

Она прижала руки къ глазамъ, чтобы изгладить изъ памяти черты его лица, говоря себѣ:

— Она отказала ему. Больше—она заставила его повѣрить себѣ!

Скоро послышались шаги возвращавшагося Мэнистея. Женщина, которую онъ оставилъ въ тѣни, прислушивалась къ нимъ, какъ будто во всей окружающей природѣ, въ журчаніи воды и шелестѣ листьевъ ей былъ слышенъ и внятенъ одинъ только звукъ. Но, подойдя, онъ увидалъ лишь вполнѣ владѣющую собой Элеонору, одѣтую съ такимъ изяществомъ, какъ будто она жила въ Лондонѣ, или въ Парижѣ, съ яркой краской въ лицѣ, съ дрожью улыбки на устахъ.

Больна! Онъ подумалъ, что никогда еще не видѣлъ ея такой здоровой. Ея худоба? Она всегда была воздушной. «Преувеличеніе—нелѣпость!» — гнѣвно повторялъ онъ себѣ, припоминая нотки глубокой жалости въ дѣвичьемъ голосѣ, все еще звучавшемъ въ его ушахъ.

Элеонора присѣла бокомъ на стулъ, опершись на спинку его и свѣсивъ нѣжныя кисти рукъ. Поза ея была граціозна и характерна, но ему она казалась аффектированной.

Элеонора тотчасъ поняла, что онъ въ такомъ возбужденіи, что ему трудно даже говорить, и начала сама, съ спокойствіемъ, приводившимъ его въ негодованіе:

— Вы просили меня, Эдуардъ, объяснить вамъ наше бѣгство?

Онъ устремилъ на нее пламенный взоръ.

— Что вы можете объяснить? Какъ вы можете объяснить? Можете ли вы мнѣ сказать, почему моя кузина, мой другъ и товарищъ, ненавидитъ меня и строитъ ковы противъ меня? Почему она нанесла мнѣ такую обиду? Почему, наконецъ, она отвратила отъ меня сердце женщины, которую я люблю?

Онъ видѣлъ, какъ она содрогнулась. И въ его сердцѣ что-то дрогнуло; можетъ быть, тайная, жестокая радость? Онъ обезумѣлъ отъ гнѣва и горя и не въ состояніи былъ скрыть это.

Она знала это. Когда онъ снова опустилъ голову и сердито уставился на траву у своихъ ногъ, ей по-дѣтски захотѣлось протянуть руку и погладить эти черныя кудри и широкія могучія плечи. Онъ не будетъ принадлежать ей, но въ былые дни—кто умѣлъ лучше ея утѣшить, повліять, направить?..

— Этого я вамъ не скажу, конечно,— отвѣтила она, помолчавъ.—Нельзя описывать то, чего нѣтъ.

А мысленно она повторяла себѣ:

«О, я буду лгать, лгать, лгать— какъ врагъ, если это нужно!

— Чего нѣтъ?—презрительно переспросилъ онъ.—Хотите знать, какъ я понимаю случившееся, выслушать простую, неприкрашенную правду? Вы и миссъ Фостеръ были моими гостьями. Я далъ вамъ замѣтить, какую притягательную силу имѣетъ для меня общество миссъ Фостеръ, началъ оказывать ей нѣкоторое вниманіе—самое обыкновенное. Съ того момента, какъ я самъ впервые созналъ свое чувство, я уже зналъ, что вы противъ меня, что вы возстановляете Люси...—Онъ произнесъ это имя съ тоской и обожаніемъ,—противъ меня. И какъ разъ въ то время, когда я только что началъ понимать свое сердце и радоваться, что впереди еще двѣ-три драгоцѣнныхъ недѣли, что я могу еще попытаться произвести на нее лучшее впечатлѣніе—загладить свое гнусное и грубое поведеніе вначалѣ, вмѣшиваетесь *вы*—вы, мой лучшій другъ! Ни словомъ не предупредивъ, вы уѣзжаете, увозите миссъ Фостеръ, отнимаете у меня всякую возможность поправить дѣло. Вы исчезаете вмѣстѣ съ ней, оставляя меня одного съ моимъ стыдомъ и обидой. Вы повергаете въ

тревогу и отчаяніе всѣхъ вашихъ друзей. Вашъ отецъ относится ко всему спокойно, но и онъ встревожился. Тетя Пэтти была совсѣмъ несчастна. Что касается меня...

Она все еще молчала. Отчего? Или самый голосъ его, эта знакомая стремительность рѣчей были отрадны для ея слуха? и ей было почти все равно что онъ говоритъ, лишь бы говорилъ, лишь бы стоялъ передъ нею живой? и ей, какъ Сиднею, хотѣлось крикнуть ему: «Говори еще и если кончилъ, начни опять сначала».

Но ему нуженъ былъ отвѣтъ. Онъ подошелъ ближе.

— Мы были товарищами, Элеонора, сотрудниками друзьями. Вы знаете меня такъ хорошо, какъ, можетъ быть, ни одна женщина. Я не скрывалъ передъ вами своихъ недостатковъ. Вамъ извѣстны всѣ мои слабости. Вы имѣете право презирать меня, какъ непостояннаго человѣка эгоиста, себялюбиваго безумца, который не жалѣетъ эксплоатировать чужой умъ и досугъ ради своихъ мимолетныхъ затѣй. Вы въ правѣ считать меня неблагодарнымъ,—я не оцѣнилъ вашей доброты, вашей помощи. Какъ другъ миссъ Фостеръ,—и, можетъ быть, догадываясь кое о чемъ изъ моего прошлаго,—вы въ правѣ были требовать отъ меня искуса и гарантій. Вы въ правѣ были предостеречь ее, чтобы она не спѣшила отдать такую драгоцѣнность, какъ свое сердце. Но вы не въ правѣ были причинять мнѣ такое страданіе такую мучительную тоску, какія я испытывалъ въ эти шесть недѣль! Я отрицаю это, я не признаю за вами этого права! Наказаніе, испытаніе далеко — далеко превышаютъ и ваше право, и мои вины!

Онъ успокоился, смирилъ себя.

— День разсчета наступилъ, Элеонора. Я жду отвѣта.

Она глубоко перевела духъ.

— Я не такъ стремительна, какъ вы. Дайте мнѣ время.

Онъ отвернулся въ мучительномъ нетерпѣніи.

Она закрыла глаза, говоря себѣ:

«Теперь настало время лгать. Это необходимо. Скорѣе! Прочь сомнѣнія!»

И медленно начала:

— Вы понимаете, конечно, что мы съ миссъ Фостеръ очень привязались другъ къ другу?

— Понимаю.

— Что она почувствовала ко мнѣ большую симпатію во время неудачнаго финала вашей книги, что она жалѣла меня—вы видѣли тому доказательства! Можетъ быть, слишкомъ много жалѣла за то, что я такая слабая и болѣзненная. Болѣе нѣжной и любящей души я не знаю.

— Все это не объясняетъ, зачѣмъ ей понадобилось бѣжать отъ меня, какъ отъ чумы,—угрюмо сказалъ онъ.

Онъ всталъ и быстро зашагалъ взадъ и впередъ, борясь со своимъ гнѣвомъ.

— Въ концѣ концовъ,—продолжалъ онъ, остановившись передъ ней,—изъѣздивъ всю Италію, я нахожу васъ здѣсь—въ этой глуши—совершенно случайно. Отецъ Бенеке ничего не сообщалъ мнѣ. Какую роль онъ игралъ во всемъ этомъ, я не понимаю. Еще полчаса—и я уѣхалъ бы и снова странствовалъ бы повсюду, ища васъ и строя изъ себя дурака. Зачѣмъ это все, Элеонора, за что? Что я вамъ сдѣлалъ?

Онъ стоялъ передъ нею, властный, великолѣпный. Подъ вліяніемъ волненія все неуклюжее, нескладное въ немъ стушевалось. Преображенный безсознательностью страсти, онъ былъ весь—энергія, весь—красота.

— Элеонора! объясните! Этого ли заслуживала наша старинная дружба? Зачѣмъ вы это сдѣлали со мной? И какъ хорошо, какъ ловко вы все это подстроили!—Онъ опять зашагалъ взадъ и впередъ, заложивъ руки въ карманы. Она—Люси,—въ теченіе шести недѣль находилась исключительно подъ вашимъ вліяніемъ. Что происходило въ эти шесть недѣль,—догадаться не трудно. Сегодня утромъ—тамъ, на горѣ, между деревьями, вдругъ, ея лицо, что я говорилъ—не помню. Когда чувствуешь такъ, какъ я,—нѣтъ надобности придумывать, что сказать. А она? Нетерпѣніе, холодность, отвращеніе! Ни слова не дала

сказать мнѣ о моихъ долгихъ странствіяхъ; ни звука въ объясненіе обиды, нестерпимой обиды, нанесенной мнѣ, какъ ея хозяину, ея временному опекуну! Вы и она бѣжите отъ меня, какъ будто я недостоинъ вашего общества. Даже слуги начали болтать всякій вздоръ. Намъ съ тетей Пэтти пришлось изворачиваться, лгать, придумать цѣлую сѣть всякихъ хитросплетеній не то сплетни разрослись бы невѣсть до чего. Чѣмъ я заслужилъ такое униженіе! А при встрѣчѣ миссъ Фостеръ третируетъ меня такъ, какъ будто не считаетъ нужнымъ даже извиниться передо мною. Только и разговору, что о васъ и вашемъ здоровьи! Я немедленно долженъ уѣхать, потому что встрѣча со мной можетъ взволновать и разстроить васъ. Она уже знала—случайно, что я здѣсь, и просила отца Бенеке употребить все свое вліяніе, чтобы убѣдить меня не настаивать на свиданіи съ вами—не приходить въ монастырь. Это поразительно, необъяснимо! Да что же, наконецъ, все это значитъ? Съ ума мы всѣ сошли, что ли? Ужъ не поступить ли намъ всѣмъ разомъ въ Бедламъ?

— Нѣтъ, но... Какъ бы тамъ ни было, вы видите, что Люси была готова сдѣлать все возможное мнѣ въ угоду. Это для васъ ясно, не правда ли?

Она слегка наклонила голову на бокъ, вопросительно глядя на него.

Онъ не отвѣтилъ. Онъ все еще стоялъ передъ ней, смотря на нее сверху внизъ, заложивъ руки въ карманы.

— Тѣмъ временемъ—кровь прилила къ ея щекамъ—я, совершенно нечаянно, подслушала васъ...

— Ага! Тогда ночью? Я догадывался объ этомъ.

— Вы были не такъ осторожны, какъ бы слѣдовало, когда кругомъ столько народу, и я слышала.

Онъ ждалъ, весь обратившись вслухъ. Но она смолкла и перегнулась черезъ спинку стула, какъ бы считая про себя листочки на низенькомъ кустикѣ мирты, росшемъ у ея ногъ.

— Ну-съ, вы понимаете,—она снова откинула голову и посмотрѣла на него,—что надъ этимъ я призадумалась. Вы сами говорите, что я знаю васъ лучше, чѣмъ кто бы то ни было. Все произошло такъ быстро—этого вы не станете отрицать? Двѣ недѣли тому назадъ, вы не обращали вниманія на Люси Фостеръ. Потомъ васъ потянуло къ ней и вдругъ.. Ну, хорошо, мы не станемъ вдаваться въ подробности, но при вашемъ характерѣ, было очевидно, что вы не станете ждать, не дадите ей одуматься, доведете до объясненія, *coûte que coûte*, отбросивъ всякое благоразуміе и осторожность, и Люси Фостеръ будетъ вынуждена въ одинъ моментъ принять серьозное рѣшеніе, къ которому она вовсе не подготовлена. Не хорошо было ставить ее въ такое положеніе, даже нечестно. Самымъ близкимъ ея другомъ была я. Вы видите, на мнѣ лежала отвѣтственность. Отсрочка была желательна для васъ обоихъ, не правда ли? А уѣхать, оставивъ вамъ адресъ, ни къ чему бы не повело—съ этимъ вы согласитесь?

Она говорила торопливо, тономъ уличеннаго ребенка который пытается смягчить и провести разгнѣваннаго наставника.

Онъ стоялъ передъ нею растерянный, гнѣвный, недоумѣвающій, Что за нелѣпая, нескладная исторія! Потомъ быстро повернулся къ ней, пытливо вглядываясь въ ея лицо, ища въ немъ ключа, объясненія. Въ умѣ его мелькнула догадка, ужасная догадка.

Краска сбѣжала съ лица Элеоноры; теперь она была смертельно блѣдна отъ усталости и волненія. Какъ она измѣнилась! это какое-то привидѣніе! Мэнистей съ ужасомъ смотрѣлъ на нее—на эти впалые глаза, съ неувѣреннымъ, но вызывающимъ взглядомъ, на неудержимую дрожь въ углахъ рта, который она все время насильно заставляла улыбаться.

И вдругъ—онъ понялъ. Яркая краска мгновенно залила его лицо и шею. Ему припомнились зимніе дни; работалъ ли онъ, говорилъ или думалъ—они всегда были вмѣстѣ, всегда неразлучны съ Элеонорой; Элеонора была для него и орудіемъ, и стимуломъ; ея тонкій умъ и нѣжное сердце—оселкомъ,

на которомъ онъ оттачивалъ свой умъ, свои способности. Онъ вспомнилъ, какъ онъ возмутился преградами, которыя на каждомъ шагу ставятъ себѣ люди холодные и осмотрительные. Ему необходимо было интимность, чувство, настроенія, граничащія и играющія со страстью. Только это могло дать ему необходимую для него атмосферу, въ которой, какъ цвѣты въ теплицѣ, могли развиться, достигнуть полнаго расцвѣта и ясности его даръ слова, даръ артистическаго провидѣнія.

Потомъ началась эта трагикомедія съ книгой, его разочарованіе, непріятное сознаніе, что въ умѣ Элеоноры эта зимняя совмѣстная работа связана съ какими-то правами на него, которыя уже начинали раздражать его и тяготить; обидное молчаніе или слова, которыми онъ въ своемъ эгоизмѣ не боялся оскорблять ея кротость.

Могъ ли онъ поступать иначе? Явилась Люси, и вся душа въ немъ всколыхнулась, до самаго дна. Притомъ же онъ никогда не думалъ серьезно объ Элеонорѣ. Съ одной стороны, ея рѣдкій умъ заслонялъ отъ него женщину, съ другой—онъ считалъ ее слишкомъ мягкой и кроткой, слишкомъ чувствительной, чтобы дойти въ чемъ бы то ни было до крайности.

Бѣгство двухъ пріятельницъ и письмо Элеоноры были, безъ сомнѣнія неожиданностью, грубо отрезвившей его. Онъ понялъ тогда, что оскорбилъ Элеонору, оскорбилъ ее и какъ друга, и какъ цѣнную женщину. Она подмѣтила его любовь къ Люси Фостеръ въ самомъ зародышѣ и рѣшила показать ему свою власть и вліяніе.

Такъ онъ объяснялъ себѣ часть загадки. Что касается остальнаго, естественно, что и тщеславіе, и страсть подсказывали ему наиболѣе лестныя объясненія. Дѣвушка не предприметъ такого безумнаго шага, не согласится на него, если она уже не почувствовала на себѣ власть мужчины. Желаніе дать почувствовать свою силу—со стороны Элеоноры, сладкая тревога—со стороны Люси, вотъ какъ онъ объяснялъ себѣ до сихъ поръ ихъ поступокъ.

Теперь душу его пронзило угрызеніе — острое, жгучее угрызеніе и страхъ? И тотчасъ же, вслѣдъ затѣмъ, гнѣвное отрицаніе своей отвѣтственности, смѣшанное съ тревогой и возмущеніемъ. Неужели онъ лишится Люси только потому, что Элеонора неправильно поняла его? Она, безъ сомнѣнія, съумѣла внушить Люси все, что ей было желательно. Неужели же все погибло? совсѣмъ? навсегда?

Затѣмъ въ душу его хлынули волной жалость, стыдъ, великодушіе. Онъ не смѣлъ взглянуть въ ея лицо, отмѣченное печатью страданія. Онъ старался не думать, выбросить изъ головы страшную догадку. Разумѣется, онъ подчинится ей. Пусть направляетъ, пусть дѣлаетъ, какъ хочетъ. Теперь она госпожа. Это онъ понималъ.

Онъ перенесъ складной стулъ, на которомъ сидѣлъ, когда она пришла, и сѣлъ рядомъ съ Элеонорой.

—Это отчасти объясняетъ вашъ поступокъ,—началъ онъ мягче.—Я не могу обижаться на то, что вы, или кто-бы то ни было, не считаете меня чудомъ скромности; мнѣ, можетъ быть, не слѣдуетъ даже удивляться, что вы пожелали защитить миссъ Фостеръ, разъ вы думали, что она нуждается въ защитѣ. Но я думаю—и не могу не думать—что ваша стремительность была совершенно излишня. И вы сами... Какое безуміе! Элеонора, что вы сдѣлали съ собой?

Онъ смотрѣлъ на нее съ укоромъ, проникновеннымъ взглядомъ, составлявшимъ одно изъ главныхъ его очарованій и производившимъ на женщинъ неотразимое впечатлѣніе. Элеонора вздрогнула.

—О, я больна—слишкомъ больна, чтобы стоило изъ-за этого подымать исторію. Это было бы только напрасной тратой времени.

—Разумѣется, здѣсь вовсе не подходящее мѣсто для васъ. Нашли ли вы хоть какія-нибудь удобства въ этихъ развалинахъ? Элеонора, что за безуміе! что за дикое, необдуманное рѣшеніе!

Онъ подошелъ ближе, и Элеонора вся затрепетала—такою нѣжностью

дышали его лицо и голосъ. Какъ это похоже на него! Онъ всегда какъ-то оказывается правымъ! Неужели онъ и на этотъ разъ, какъ всегда, повернетъ все по своему? И опять будетъ изъ нея веревки вить? Да вѣдь она прежде всего отъ этого и бѣжала.

—Нѣтъ,—возразила она,—нѣтъ мнѣ здѣсь не хуже, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Не будемъ говорить объ этомъ.

— Но я долженъ говорить. Вы обидѣли себя, и обидѣли меня—Богъ видитъ, какъ тяжко обидѣли. Элеонора, въ тотъ день, возвращаясь домой, на виллу, я ѣхалъ съ твердымъ намѣреніемъ сказать вамъ все. Я зналъ, что вы другъ миссъ Фостеръ. Я думалъ, что вы и мой другъ. Несмотря на всѣ мои глупыя выходки изъ-за книги, вѣдь вы бы выслушали меня, Элеонора, вы бы не отказали мнѣ въ совѣтѣ.

—Съ какихъ поръ вы стали думать о Люси?

Рука Элеоноры лежала на спинкѣ стула; тонкіе пальцы скрещивались на лбу, закрывая отъ Мэнистея выраженіе ея глазъ, въ которыхъ свѣтилось мучительное страстное, любопытство.

Но онъ почуялъ опасность и рѣшилъ идти на проломъ.

— Послѣ поѣздки въ Неми, совершенно неожиданно. Я не могу объяснить, какъ это вышло. Да развѣ вообще такія вещи можно объяснить?

— Почему вы хотите жениться на ней? Что можетъ быть общаго между вами и ею?.

Онъ смущенно засмѣялся.

— Къ чему предлагать такіе вопросы? Чувство само по себѣ достаточный отвѣтъ.

— Но я не только зрительница—я другъ, и я хочу знать, каковы шансы Люси?

— Шансы на что?

— На счастье!

— Боже мой! Вы говорите такъ, какъ будто она собирается испробовать это счастье.

— Допустимъ на минуту, что это такъ. Вы уже не новичекъ въ такихъ вещахъ. Можно ли быть увѣреннымъ, что вы не играете съ Люси, какъ играли съ книгой, что вы только забавляетесь, пока не наступитъ время вернуться къ той игрѣ, которая вамъ, дѣйствительно, по душѣ?

— Что вы подразумѣваете,—вскричалъ онъ, дрожа отъ негодованія,—политику?

— Политику, честолюбіе, что хотите! Представьте себѣ, что вы возьмете Люси и бросите, какъ бросили книгу, когда интересъ къ ней изсякъ?

Она отвела руку отъ глазъ и посмотрѣла на него холодно, пристально.

Такою онъ Элеоноры никогда еще не видалъ. Разсерженный и сконфуженный, онъ вскочилъ и снова забѣгалъ по садику.

— Ну, что же? Если вы такъ дурно обо мнѣ думаете, я не знаю, что добраго можетъ выйти изъ нашего разговора?

Наступило молчаніе. Наконецъ, Элеонора спросила измѣнившимся голосомъ:

— Намекали ли вы ей когда-нибудь о своихъ чувствахъ до сегодняшняго дня?

— Я былъ недалекъ отъ этого въ саду Боргезе. Еслибъ она протянула мнѣ хоть кончикъ мизинца...

Голосъ его измѣнился. Она не сразу заговорила и опять закрыла руками лицо. Наконецъ, она задала ему вопросъ:

— А теперь, что произошло между вами?

— Господи Боже, развѣ я знаю,—вырвалось у него съ отчаяніемъ.—Я пытался разсказать ей, какъ я изъѣздилъ всю Италію, отыскивая ее, изнывая отъ неизвѣстности. А она? Она отнеслась ко мнѣ, какъ къ назойливому нахалу, какъ къ собакѣ, которая увязалась за ней непрошенно и которую надо отогнать палкой!

Элеонора улыбнулась. Его сердце и тщеславіе были одинаково уязвлены. Онъ несомнѣнно имѣлъ право жаловаться.

Она отвела руки отъ лица и выпрямилась.

— Да, да,—заговорила она раздумчиво;—подумаемъ, посмотримъ.

Наконецъ, Элеонора сказала.

— Я должна вернуться на минуту къ тому, что говорила раньше. Взгляды, привычки, воспитаніе Люси Фостеръ—все это иное, чѣмъ у васъ. Представьте,

себѣ, что вы бы женились на ней. Вы бы увезли ее въ Лондонъ, въ ожиданіи, что она будетъ держать себя въ обществѣ такъ, какъ вамъ это желательно. Представьте себѣ, что она бы этого не съумѣла. Что бы вы стали дѣлать?

— Элеонора, право! Точно я трехбунчужный паша, что ли?

— Нѣтъ, но вы человѣкъ властный, капризный, деспотъ. Вы тысячу разъ могли бы разбить сердце этой дѣвушки, даже не замѣтивъ этого. Вы не даете, вы только берете.

— А вы больно бьете,—выговорилъ онъ, едва слышно, на ходу.

Она сидѣла, вся бѣлая, неподвижная съ сверкающими глазами. Онъ остановился возлѣ нея, съ лицомъ, искаженнымъ отъ волненія.

— Если я не способенъ любить и не достоинъ ея любви,—выговорилъ онъ глухимъ голосомъ,—если таковъ вашъ приговоръ—если вы это сказали ей—мнѣ лучше уѣхать. Я знаю вашу власть; я не оспариваю вашего права судить меня. Я уѣду.

Элеонора подняла на него глаза.

— Она любитъ васъ,—сказала она просто.

Мэнистей съ крикомъ отшатнулся назадъ.

Наступило молчаніе. Вся душа Элеоноры была полна страннымъ, сладостнымъ чувствомъ облегченія. Она сама сдѣлалась своимъ палачомъ, но это была не смерть, а жизнь.

Она встала и сказала прежнимъ голосомъ, съ прежней милой улыбкой:

— Мнѣ надо вернуться къ ней. Она, я думаю, безпокоится. Ну-съ теперь, что же мы предпримемъ дальше?

Онъ шелъ съ нею рядомъ, совершенно растерянный.

— Вы меня ошеломили, разомъ перенесли изъ ада въ чистилище,—сказалъ онъ наконецъ, стараясь овладѣть собою.—У меня нѣтъ никакихъ плановъ, никакихъ особенныхъ надеждъ. Вы не видѣли и не слышали ее, когда она говорила со мной! Но я предоставляю все вамъ. Что же мнѣ больше дѣлать?

— Да,—сказала она спокойно,—вамъ больше ничего не остается.

Онъ вздрогнулъ отъ возмущенія—такъ быстро и странно захватила она власть надъ судьбой его и Люси. Но онъ смирилъ себя и не отвѣтилъ.

Они завернули за уголъ.

— Ваша коляска подвезетъ меня на гору,—сказала Элеонора,—вы попросите у отца Бенеке разрѣшенія еще нѣсколько времени пользоваться его гостепріимствомъ. А сегодня вечеромъ вы получите отъ меня извѣстіе.

Они были уже возлѣ экипажа. Кучеръ соскочилъ на землю, чтобы поправить съѣзжавшую постромку.

Мэнистей вдругъ схватилъ руку своей кузины.

— Элеонора,—сказалъ онъ умоляющимъ голосомъ.—Элеонора! и не могъ выговорить ни слова больше.

Но глаза его говорили за него. Они свѣтились раскаяніемъ, мольбой; намекали на то, о чемъ ни одинъ изъ нихъ не рѣшился бы заговорить, молили о прощеніи за обиды, которыхъ не высказать словами.

Элеонора не отшатнулась. Она, въ первый разъ со времени ихъ встрѣчи, отвѣтила на его взгляды искреннимъ, дружескимъ взглядомъ. Ея взоръ свѣтился безконечной грустью, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ полонъ и достоинства, которое вернулось къ ней и никогда уже больше не покидало ее. Это былъ взоръ души, которая постепенно, незамѣтно отдаляется отъ всего земного, чувственнаго. Его взоръ былъ полонъ тревоги и страсти. Ему показалось, что эти чудные каріе глаза затуманились слезами. Потомъ слезы скатились, моментъ канулъ въ вѣчность, занавѣсъ опустилась—навсегда.

Они вздохнули и разстались. Кучеръ влѣзъ на козлы.

— До свиданья!—сказала Элеонора, улыбаясь и посылая привѣтствіе рукой.—До вечера.

— *Avanti*—крикнулъ кучеръ и лошади стали лѣниво взбираться на гору.

— Сапфира была ничто въ сравненіи со мной!—подумала Элеонора, откидываясь на подушки стараго обтрепаннаго ландо, съ чувствомъ страшной физиче-

ской усталости, которая, однако же, не ослабляла умственнаго напряженія.

Опять это необыкновенное чувство легкости и счастья! Элеонора не хотѣла давать доступа въ свою душу этому чувству; оно возбуждало въ ней какой-то ужасъ.

У нея мелькнула въ умѣ фраза, сказанная кѣмъ-то изъ французскихъ мыслителей, что счастье, удовлетвореніе возможно для человѣка только тогда, когда онъ *dans l'ordre* въ единеніи съ великимъ міровымъ механизмомъ, частицу котораго онъ составляетъ, въ томъ, чтобы бороться вмѣстѣ съ нимъ, а не противъ него.

Она долго развивала въ умѣ эту мысль, потомъ вернулась къ Мэнистею и Люси.

Она видѣла передъ собой новаго Мэнистея, укрощеннаго, смирившагося! Страсть и страхъ, казалось, вытѣснили всѣ другія свойства его характера, болѣе низкія, мелкія, суетныя, такъ хорошо извѣстныя ей. Эта перемѣна въ немъ показывала, какъ ничтожно было *ея* прошлое вліяніе на него, какъ великъ ея самообманъ. Острый умъ Элеоноры не замедлилъ сдѣлать изъ этого выводъ и заставилъ примириться съ этимъ выводомъ ея гордость.

Монастырь былъ уже виденъ. Гдѣ же Люси? Элеонора жадно вглядывалась.

Дѣвушка стояла у дороги и ждала. Элеонора наклонилась впередъ и нервно крикнула:

— Милая, я совсѣмъ не устала. — Не правда ли, какъ это мило, что я нашла экипажъ?

Люси не отвѣтила. Лицо ея было серьезно, глаза красны. Не говоря ни слова, она помогла Элеонорѣ выйти изъ экипажа.

Но когда онѣ очутились въ полутемной и прохладной комнатѣ Элеоноры и Элеонора легла на постель, наслаждаясь чисто физически отдыхомъ, Люси съ исказившимся лицомъ спросила ее:

— Вы велѣли ему уѣхать сейчасъ же? Вы, конечно, видѣли его?

— Да. Отецъ Бенеке предупредилъ меня.

— Отецъ Бенеке!—повторила дѣвушка, прикусивъ губку.

Наступила пауза. Элеонора первая нарушила молчаніе.

— Милочка, возьмите стулъ и сядьте возлѣ меня.

— Вамъ совсѣмъ нельзя разговаривать! — запальчиво вскричала Люси. — Лежите здѣсь и отдыхайте. Я не могу себѣ представить, какъ можно такъ дерзко, такъ непростительно врываться въ чужую жизнь.

Она какъ будто выросла за эти нѣсколько часовъ и пріобрѣла болѣе величавую царственную осанку. Каждая жилка, каждый мускулъ въ ея тѣлѣ, казалось, напряглись отъ негодованія и рѣшимости.

— Подите ко мнѣ! — сказала Элеонора, протягивая руку.

Люси неохотно повиновалась.

Элеонора повернулась къ ней. Ихъ лица почти соприкасались; прозрачная блѣдность одной еще больше поражала рядомъ съ бурной, мятежной красотой другой.

— Выслушайте меня, дорогая. Два мѣсяца я была точно въ бреду—подъ вліяніемъ внушенія, какъ говорятъ гипнотизеры. Я не была сама собой. Въ меня вселился демонъ А сегодня утромъ еще раньше, чѣмъ я увидала Эдуарда, я почувствовала, что демонъ изгнанъ! И результатъ очень простъ.

Придвиньте ко мнѣ ваше ушко.

Люси наклонилась.

— Единственное въ мірѣ, чего я желаю теперь—это, чтобы прежде, чѣмъ я умру... (Не надо, милая! не пугайтесь такъ!) я только одного... одного только желаю, чтобы вы и Эдуардъ были счастливы и простили меня

Ея голосъ оборвался рыданіемъ. Люси поцѣловала ее пылко, страстно и встала.

— Я никогда не выйду замужъ за м-ра Мэнистея, если вы объ этомъ говорите. Лучше выяснить это сразу.

— Почему же это такъ?

Элеонора поймала ее и не отпускала.

— Почему? почему? — нетерпѣливо повторяла Люси.—Потому что я не желаю выходить за него, потому что я скорѣе отрѣжу себѣ правую руку, чѣмъ выйду за него.

Элеонора держала ее крѣпко и смо-

*

трѣла на нее блестящими глазами — обвиняющимъ, многозначительнымъ взглядомъ.

— Двѣ недѣли тому назадъ, вы были на *лоджіи*—однѣ. Я видѣла васъ изъ своей комнаты, Люси! Я видѣла, какъ вы цѣловали терракотовую головку, которую онъ вамъ подарилъ. Или вы хотите мнѣ сказать, что это ничего не значило? Ничего... ничего!.. О, вы милое, милое дитя! Я знала это съ самаго начала... я знала, но я была безумная.

Люси вся побѣлѣла, но стояла неподвижная.

— Я не могу отвѣчать за то, что вы думали, или вообще за другихъ, но лишь за себя. И я никогда не выйду за м-ра Мэнистея.

Элеонора все еще удерживала ее.

— Милая, помните вы ту ночь, когда Алиса напала на васъ? Я вошла въ библіотеку, не замѣченная вами обѣими. Вы еще лежали въ креслѣ и ничего не слышали. Онъ стоялъ наклонившись надъ вами. Я слышала, что онъ говорилъ. Я видѣла его лицо. Люси! это страшный рискъ—не для васъ, а для него доводить до отчаянія человѣка съ такимъ характеромъ, какъ у него. Вы знаете, что онъ живетъ только чувствомъ, воображеніемъ. Знаете, какая это поэтическая, артистическая натура. Если онъ счастливъ, если возлѣ него есть кто-нибудь, кто можетъ помочь, поддержать его, онъ будетъ творить великое. Если нѣтъ, онъ растратитъ свою жизнь по напрасну. И это будетъ такъ горько, такъ горько видѣть!

Элеонора прижалась лицомъ къ рукамъ Люси и дѣвушка почувствовала ея слезы. Она дрожала съ головы до ногъ, но не сдавалась.

— Я не могу, не могу, — повторяла она тихо, но рѣшительно,—не просите меня, я никогда не смогу.

— Вы такъ и сказали ему?

— Я не знаю, что я ему сказала... Говорила, что васъ нельзя волновать, что мы просимъ его уѣхать сейчасъ же.

— А онъ? Что онъ сказалъ вамъ?

— Это совершенно все равно, что онъ сказалъ. Я не давала ему права такъ говорить, какъ онъ говорилъ. Развѣ я его поощряла тратить столько времени, разыскивая насъ? Ничего подобнаго!

— Онъ не нуждается въ поощреніи. Онъ любитъ, можетъ быть, въ первый разъ въ жизни.. Если вы не дадите ему никакой надежды, ему будетъ очень трудно перенести это.

У Люси потемнѣло лицо.

— Какъ вы можете говорить мнѣ такія вещи?—вскричала она пылко.

Элеонора вздохнула.

— Я знаю, что я не въ правѣ говорить такъ,—возразила она тихо. — Въ моихъ устахъ слова эти для васъ отравлены.

Люси не отвѣчала. Она ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, заложивъ руки за спину.

Чекко принесъ обѣдъ, и Элеонора заставляла себя ѣсть, чтобы хоть нѣсколько успокоить Люси. Дѣвушка слѣдила за каждымъ ея движеніемъ и Элеонора не смѣла высказывать ни усталости, ни разборчивости, чувствуя, что съ каждымъ кусочкомъ, который она отказывалась проглотить, шансы Мэнистея падаютъ.

Послѣ обѣда она опять удержала возлѣ себя Люси.

— Милочка, послушайте, вѣдь не могу же я отослать его отсюда сейчасъ же ради вашего удовольствія.

— Такъ вы хотите, чтобъ онъ остался?

— Все же онъ мой родственникъ. Намъ многое надо обсудить, о многомъ переговорить.

— Очень хорошо. Но въ этихъ бесѣдахъ мнѣ нѣтъ надобности принимать участіе.

— Нѣтъ, если вы сами не захотите. Но, Люси, если вы будете не ласковы съ нимъ, это сдѣлаетъ меня очень несчастной. Вы заставили его страдать, дорогая. Для него это особенно тяжело, потому что нравъ у него далеко не изъ кроткихъ. Ну, и будетъ съ васъ.

— Я буду съ нимъ вполнѣ корректна,—сказала дѣвушка, отвернувъ голову. Скажите, вы скоро будете въ состояніи уѣхать отсюда?

Элеонора отвѣтила неопредѣленно и разговоръ оборвался.

Подъ вечеръ Мари отнесла въ домикъ надъ рѣкой записку.

«Попросите у отца Бенеке разрѣшенія погостить у него еще нѣсколько дней. Дѣло, повидимому, принимаетъ дурной оборотъ. Что вы сказали ей? Если нападали на меня—это вамъ повредило».

Между тѣмъ Люси, вдругъ лишенная своихъ любимыхъ прогулокъ по лѣсу, тропинкамъ и деревнямъ, благодаря угрожающему присутствію одного человѣка, заперлась въ своей комнатѣ, въ самомъ трагическомъ настроеніи, на которое только способна юность, и нещадно терзала себя, въ надеждѣ, что это прояснитъ ея умъ и укрѣпитъ ея рѣшимость.

Она, не отрываясь, сидѣла за шитьемъ, но работа ея прерывалась долгими паузами, въ теченіе которыхъ руки ея праздно лежали на колѣняхъ, голова откидывалась на спинку кресла и вся жизнь сосредоточилась въ шибко бьющемся сердцѣ, трепетавшемъ подъ наплывомъ мучительныхъ воспоминаній.

Моментъ, когда она вышла изъ лѣсу на дорогу, при одномъ воспоминаніи объ этомъ, она вся блѣднѣла и холодѣла. Его взглядъ—крикъ радости, внезапно просіявшее лицо, которое она за минуту предъ тѣмъ видѣла угрюмымъ и мрачнымъ,—обо всемъ этомъ она не могла думать спокойно.

— Миссъ Фостеръ! *Люси*!

Это имя сорвалось съ его устъ невольно, въ первомъ порывѣ радости, въ неудержимомъ порывѣ къ ней. И она почувствовала, что шатается, словно ослѣпленная. Что она могла припомнить?

Неудержимый потокъ рѣчей, противорѣчивые разспросы, жадное пожатіе руки, слова, которыя могли быть продиктованы и оправданы только любовью; затѣмъ ея первое упоминаніе объ Элеонорѣ, ея коротенькіе запинающіеся отвѣты, которые ей самой казались, когда она ихъ произносила, неубѣдительными, непонятными, обидными, его возрастающее изумленіе, его омрачившіяся черты, сжатыя губы, полная перемѣна въ немъ, когда она поняла, какъ въ немъ проснулась мужская гордость.

— Почему моя кузина отказывается видѣть меня, чѣмъ вы можете объяснить это—вы или она?

И послѣ этого ея отчаянное исканіе настоящаго объясненія, нужнаго слова, которое не находилось! Пожалуйста, пожалуйста, пусть онъ уѣзжаетъ, потому что м-ссъ Бергойнъ больна, потому что доктора боятся за нее, потому что ее нельзя волновать. Она, Люси, замѣняетъ при ней сидѣлку, но теперь уже не долго осталось ходить за ней. Недѣли черезъ двѣ м-ссъ Бергойнъ, безъ сомнѣнія, вернется въ Англію, а она—въ Америку съ Портерами. Но до того покой для нея абсолютно необходимъ.

Затѣмъ молчаніе! Потомъ нѣсколько саркастическихъ вопросовъ, быстро слѣдующихъ одинъ за другимъ, практическихъ, на которые трудно было отвѣчать—мрачныя тучи на его челѣ, ея собственная дрожь и смущеніе и, наконецъ, рѣзкая фразка «о глупостяхъ и причудахъ», непостижимыхъ для человѣка въ здравомъ умѣ, — фразка, рѣзнувшая ее по нервамъ, какъ неожиданно сверкнувшая молнія и разсердившая ее.

— О, я была гнусна, отвратительна!— думала Люси, закрывая лицо руками. Ей еще слышался его негодующій голосъ.

— И вы воображаете, что я спокойно послушаюсь васъ, возьмусь играть такую смѣшную роль? Оставлю мою кузину и васъ въ этой глуши въ такое время года и ее въ такомъ состояніи здоровья, какое вы описываете,—оставлю ее переносить и эту жару и возвращеніе домой безъ всякихъ удобствъ, безъ помощи? Миссъ Фостеръ, вы берете на себя слишкомъ большую отвѣтственность и по отношенію ко мнѣ, и по отношенію къ ней. Я отказываюсь допустить это; погодите, по крайней мѣрѣ, подумайте. Я останусь здѣсь еще нѣсколько часовъ. Если вы измѣните ваше рѣшеніе дайте мнѣ знать — я остановился у отца Бенеке. Если нѣтъ— прощайте! Но предупреждаю васъ, что я не позволю больше мистифицировать себя. Это для всѣхъ насъ нежелательно. Я сейчасъ же напишу генералу и моей

теткѣ. Я полагаю также, что моя обязанность увѣдомить объ этомъ вашихъ друзей въ Лондонѣ, или Бостонѣ.

— Мистеръ Мэнистей, прошу васъ оставить меня и мои личныя дѣла въ покоѣ!

Она опять почувствовала краску гордости на своихъ щекахъ, смѣсь облегченія, тоски, которыя ощутила, увидавъ, что онъ повернулся на каблукахъ и отошелъ.

Какой неумѣлой, какой неловкой показала она себя! Съ самаго начала, вмѣсто того, чтобы говорить въ примиряющемъ тонѣ, она вызывала его. Но что же она могла придумать? Какъ объяснить ихъ бѣгство. Вотъ въ чемъ бѣда, вотъ, гдѣ роковое затрудненіе! Ея лицо пылало, когда она старалась угадать его мысли, представить себѣ, о чемъ онъ могъ и долженъ былъ догадаться, когда она вспоминала краску инстиктивнаго торжества, когда онъ увидалъ ее, и поэтому соображала, какія мысли, должны были бродить въ его головѣ всѣ эти недѣли.

Все равно, пусть думаетъ, что хочетъ! Сумерки сгущались, а она все сидѣла и думала, то чувствуя себя въ тискахъ желѣзной необходимости, отъ которой не спасетъ никакое возмущеніе, то по-дѣтски отдаваясь вновь звукамъ и образамъ этого мучительно-блаженнаго получаса свиданія.

Не удивительно, что онъ разсердился!

— *Люси*!

Отнынѣ ей сладко будетъ слышать это имя. Онъ смотрѣлъ усталымъ, можетъ быть, утомленнымъ дорогой, но вмѣстѣ съ тѣмъ такимъ оживленнымъ и бодрымъ. Никогда еще она не испытывала на себѣ такъ ощутительно силы его обаянія, присущей ему волшебной власти.

Увы! можетъ ли женщина отказать въ своей любви мужчинѣ только потому, что онъ ее любитъ?

И Люси отдала бы свою руку Мэнистею, хотя она и не была слѣпа и предвидѣла терніи на своемъ жизненномъ пути Отдала бы, если бы это было возможно.

Но это было невозможно.

Она встала, стараясь отогнать назойливыя мысли. Она не можетъ быть сознательно воровкой, добровольно—предательницей. Даже Элеонорѣ не переубѣдить ея. Элеонора умираетъ потому, что она, Люси, украла у нея привязанность ея непостояннаго друга. Развѣ объ этомъ можно забыть? Никогда! Дѣвушка отступала въ ужасѣ при одной мысли о такомъ низкомъ, краденомъ счастьѣ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

На слѣдующее утро, Люси, войдя въ комнату Элеоноры, застала ее отдающей кое-какія приказанія Мари.

— Скажи Мама Дони, что мы оставляемъ комнаты на будущей недѣлѣ, въ будущую пятницу. Объясни ей это.

— *Parfaitement, madame*,—отвѣчала Мари и вышла изъ комнаты:

На лицѣ Люси изобразился испугъ.

— Еще десять дней! Элеонора!—воскликнула она.

Элеонора ласково потрепала ее по щекѣ и затѣмъ, поцѣловавъ, сказала, смѣясь:

— Развѣ вамъ такъ жалко?

— Дорогая! Не говорите обо мнѣ! Но вѣдь вы же обѣщали мнѣ уѣхать до августа.

Она опустилась на колѣни возлѣ кровати Элеоноры, держа въ рукахъ ея руки, съ умоляющимъ выраженіемъ въ своихъ голубыхъ глазахъ.

— Но вѣдь всего лишь нѣсколько дней,—сказала Элеонора виноватымъ голосомъ.—Не будемъ спѣшить. Это ужасно, когда надо спѣшить съ укладкой. Посмотрите только на всѣ эти вещи.

Она какъ-то безнадежно развела ру-

ками, указывая на множество разнообразныхъ картинокъ, наполнявшихъ маленькую комнату, затѣмъ, положивъ обѣ руки на плечо Люси, Элеонора посмотрѣла на нее ласкающимъ взглядомъ и улыбнулась, какъ дитя. Люси поняла, что уговаривать ее теперь безполезно и что волей-неволей надо покориться, такъ какъ дальнѣйшія настоянія могли бы взволновать Элеонору и вызвать у нея сердечный припадокъ. Скрѣпя сердце, Люси согласилась.

— Итакъ, въ пятницу. Это ужъ будетъ послѣдній, самый послѣдній день! А мистеръ Мэнистей?

Люси поднялась съ колѣнъ и стояла возлѣ Элеоноры, смотря на нее. Щеки ея слегка покраснѣли, но ея самообладаніе приводило въ восторгъ Элеонору.

— О, Эдвардъ долженъ остаться. Онъ намъ нуженъ. Вѣдь я и такъ причиняю вамъ не мало хлопотъ во время путешествія.

Люси ничего не сказала. Сердце ея слегка забилось. Она подумала, что, несмотря на всѣ кроткія ласки, съ нею все-таки обращаются деспотически. Она вышла на балконъ, гдѣ уже былъ приготовленъ завтракъ, и принесла Элеонорѣ кофе.

— Немножко грубо, пожалуй,—подумала Элеонора, чувствуя нѣкоторое угрызеніе совѣсти.—Бѣдная птичка! Тенета слишкомъ замѣтны. Но что же дѣлать? Такъ мало осталось времени и такъ мало осталось шансовъ. Упустишь случай и игра кончена.

И на этотъ разъ она воспользовалась своею слабостью, становясь тираномъ, но теперь уже съ другими цѣлями.

На слѣдующій день, возвращаясь съ поздней прогулки съ патеромъ Бенеке, Мэнистей оставилъ его на холмѣ, а самъ прямо направился черезъ садъ къ лоджіи.

Люси сидѣла одна съ вышивкою въ рукахъ. Она не слышала шаговъ Мэнистея и когда внезапно увидала его передъ собою, то не могла скрыть нѣкотораго волненія. Она встала и начала въ смущеніи укладывать свои шелки и наперстокъ.

— Я не хочу мѣшать вамъ, сказалъ ей Мэнистей церемонно.—Элеонора уже вернулась?

Элеонора ѣздила кататься съ графиней.

— Да. Но она отдыхаетъ.

— Мнѣ бы не хотѣлось прерывать вашей работы,—снова сказалъ онъ.

Онъ смотрѣлъ какъ она нерѣшительно перебирала руками шелки, нагнувшись надъ рабочею корзинкой.

— Я хотѣлъ бы знать, могу ли я сообщить дурныя вѣсти моей кузинѣ,—сказалъ онъ вдругъ.

Люси вздрогнула и взглянула на него. Онъ видѣлъ передъ собою ея лицо и прелестные умоляющіе глаза.

— Моя сестра очень больна. Былъ еще одинъ припадокъ. Меня могутъ вызвать во всякое время.

— О!—воскликнула она и какъ-то безсознательно сдѣлала шагъ къ нему. Она превратилась на минуту въ прежнюю Люси, ласковую, кроткую и прежнее застѣнчивое сочувствіе сквозило въ ея словахъ, когда она спросила: «Вы получили письмо?»

— Да, сегодня утромъ. Я видѣлъ ее тогда, когда проѣзжалъ черезъ Римъ. Она узнала меня, но она совсѣмъ разбитое существо. У нея пораженъ весь огранизмъ. Бываютъ свѣтлые промежутки, но онѣ становятся все рѣже и послѣ каждаго остраго приступа она теряетъ силы.

— Это ужасно, ужасно!

Она стояла передъ нимъ въ своемъ бѣломъ платьѣ въ сумеркахъ и ему представилось какъ она лежала съ закрытыми глазами въ его креслѣ, тамъ, въ Marinata. Онъ вспомнилъ свой дикій порывъ, заставившій его схватить ее, безпомощную и безчувственную на руки.

Мэнистей отошелъ отъ нея и, чтобы чѣмъ-нибудь заняться, началъ разсматривать ея рабочую корзинку.

— Это, кажется, одна изъ терракотовыхъ статуэтокъ Неми?—спросилъ онъ внезапно, подъ вліяніемъ нервнаго состоянія и въ ту же минуту раскаялся, что сдѣлалъ этотъ вопросъ.

Люси вздрогнула. Она забыла. Но какъ она могла позабыть это! На мягкомъ ложѣ изъ разноцвѣтнаго шелка покои-

лась маленькая статуэтка Артемизіи, нѣжно завернутая въ шелкъ, такъ что была видна только ея корона и лицо. Другія лежали у края корзины, но для большей безопасности прикрывалъ тонкій слой ваты. Люси, въ первую минуту смущенія, вызваннаго его внезапнымъ появленіемъ, перебирая шелки, открыла статуэтки, сама того не замѣчая

— Да, это Артемизія,—сказала она, стараясь скрыть дрожь, охватившую ее.

Мэнистей нагнулся и взялъ въ руки маленькую вещицу. Онъ думалъ о другой прелестной головкѣ, похожей на эту, осколки которой лежали у него въ дорожномъ чемоданѣ, совершивъ съ нимъ вмѣстѣ путешествіе по горамъ.

Люси казалось, будто эта маленькая головка, теперь покоящаяся на его рукахъ, передаетъ ему жаръ ея поцѣлуевъ, которыми она покрывала ее, и какъ бы выдаетъ ея тайну ему. Ей казалось, будто онъ держитъ въ рукахъ частицу ея сердца.

— Позвольте мнѣ уложить ее,—сказала она торопливо.—Я должна идти къ Элеонорѣ. Скоро время обѣда.

Онъ молча отдалъ статуэтку. Она уложила ее снова въ шелки, и покрывъ своею работою, заперла корзинку. Его присутствіе, его мрачный взглядъ, который слѣдилъ за ней, волновали ее. Никогда еще она не была такъ близка къ потерѣ самообладанія. Мысль о Элеонорѣ подѣйствовала на нее успокоительно. Покончивъ со своимъ дѣломъ, она снова заговорила послѣ нѣкотораго молчанія.

— Вы не будете ей говорить ничего о бѣдной миссъ Мэнистей, не правда ли, не посовѣтовавшись со мною?—спросила она робко.

Онъ поклонился въ знакъ согласія.

— Можетъ быть, лучше ничего не говорить ей? А если мнѣ придется уѣхать?

— Ну, тогда—тогда надо ей сказать.

И слегка дрожащимъ голосомъ она прибавила поспѣшно:

— Мнѣ такъ жаль, такъ жаль ее!

— Благодарю васъ. Она часто спрашиваетъ о васъ.

Онъ говорилъ съ нею съ церемонною вѣжливостью, со свойственною ему важностью. Проявленное ею чувство вернуло ему самоувѣренность. Она исчезла и онъ остался одинъ въ лоджіи, предаваясь то надеждѣ, то отчаянію. Онъ, также какъ и Элеонора, чувствовалъ, что эти дни были роковыми. Если онъ теперь потеряетъ ее, то потеряетъ навсегда. Она была одна изъ тѣхъ натуръ, у которыхъ безпокойство совѣсти не утихаетъ, а увеличивается съ временемъ. Она ни за что не взяла бы то, что должно было принадлежать Элеонорѣ. А развѣ онъ могъ при такихъ обстоятельствахъ настаивать и утверждать — какъ бы онъ это сдѣлалъ въ другое время,—что Элеонора не имѣетъ никакого законнаго повода жаловаться на него? Онъ чувствовалъ себя связаннымъ и опутаннымъ тысячами мельчайшихъ нитей. Онъ ничего не могъ сдѣлать. Только Элеонора и могла помочь ему.

На слѣдующій день онъ встрѣтилъ за монастырскими воротами Люси, которая возвращалась изъ деревни, куда она ходила за свѣжими фигами для завтрака Элеоноры. Церемонно поздоровавшись съ нимъ, Люси на минуту остановилась въ какомъ-то замѣшательствѣ.

— Сегодня будетъ очень жарко,—сказала она, поглядывая въ смущеніи на залитую солнечнымъ свѣтомъ дорогу, на запыленные виноградники и сожженную траву садовой стѣны. — Мистеръ Мэнистей и вы сдѣлаете такъ, чтобы Элеонора уѣхала въ пятницу?.. Вы не позволите ей откладывать своего отъѣзда ни за что?

Она повернула къ нему свое молящее лицо и нѣжная краска залила ея щеки и шею.

— Я сдѣлаю все, что могу,—сказалъ онъ сурово.—Я понимаю ваше нетерпѣніе.

Она открыла старую калитку двора и прошла впереди него. Когда онъ поровнялся съ нею, она спросила его тихимъ голосомъ:

— Вы не получали больше извѣстій?

— Получилъ, я нашелъ письмо въ Сельвапенденте вчера вечеромъ. Положеніе улучшилось, такъ что нѣтъ нужды

тревожитъ Элеонору, по крайней мѣрѣ теперь.

— Какъ я рада!—воскликнула она и затѣмъ послѣ нѣкоторой паузы прибавила нерѣшительно:

— Рада и за васъ, конечно.

Онъ ничего не отвѣтилъ и они молча дошли до внутреннихъ дверей. На порогѣ онъ вдругъ сказалъ съ горечью:

— Вы очень преданный человѣкъ.

Она взглянула на него съ удивленіемъ. Ея молодой станъ выпрямился.

— Развѣ это такъ удивительно?

Тонъ ея голоса точно пронзилъ его.

— О! Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, что касается женщинъ. Вы ставите свой идеалъ такъ высоко... Мужчины не могутъ слѣдовать за вами.

Лицо его было блѣдно и онъ угрюмо смотрѣлъ на нее. Она насильственно засмѣялась, но онъ отлично видѣлъ, какъ грудь ея вздымалась отъ волненія подъ складками ея синяго ситцеваго платья.

— Вовсе нѣтъ! Когда наступаютъ серьезныя затрудненія, то мы волей-неволей должны обращаться къ вамъ. Элеонора очень благодарна вамъ за то, что вы беретесь отвезти ее домой.

— О да! я могу быть приличнымъ курьеромъ, когда захочу,—сказалъ онъ съ раздраженіемъ.—Я думаю, вы сами признаете это.

— О, да, я признаю,—отвѣтила она, съ блуждающею улыбкой на устахъ.—Я знаю, что это неоцѣнимо. Позвольте мнѣ пройти мистеръ Мэнистей. Я должна принести завтракъ Элеонорѣ.

Но онъ не двигался съ мѣста, заграждая ей дорогу.

— Въ такомъ случаѣ, миссъ Фостеръ, вы должны признать также, что я не былъ только обузой или непрошеннымъ гостемъ, какимъ я вамъ казался.

Въ каждомъ его словѣ, въ каждомъ движеніи проглядывала глубокая скорбь. Лицо Люси побѣлѣло.

— Ради Элеоноры я рада, что вы пріѣхали,—сказала она, стараясь совладать съ собою.

Но несмотря на свое волненіе, она вся была проникнута такимъ гордымъ достоинствомъ, что онъ не рѣшился идти дальше. Онъ поклонился и пропустилъ ее.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

— Алло! Мэнистей! Вы ли это? Развѣ тутъ мѣсто вамъ?

Говорившій былъ Реджи Бруклинъ, только что соскочившій у воротъ монастыря со своего велосипеда. Толпа деревенскихъ ребятишекъ сопровождала его.

— Что за заколдованное мѣсто?—сказалъ Реджи, оглядываясь кругомъ.—Съ чего это Элеонорѣ вздумалось пріѣхать сюда?

Онъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на Мэнистея, вытирая потъ, выступившій у него на лбу, обрамленномъ пышными кудрями.

— Мы тутъ были въ прошломъ году,—сказалъ Мэнистей,—тамъ, въ этой маленькой башнѣ мы были съ Д. Элеонора полюбила это мѣсто съ тѣхъ поръ. Она переѣхала сюда, когда начались жары; она думала, что тутъ будетъ прохладнѣе.

— Вы не знаете, гдѣ она была десять дней тому назадъ?—спросилъ его юноша, недовѣрчиво поглядывая на него,—и генералъ Мюнръ не знаетъ. Я слышалъ это отъ кого-то, кто видѣлъ его на прошлой недѣлѣ.

Мэнистей разсмѣялся.

— Не все ли равно. Она теперь здѣсь,—сказалъ онъ сухо.

— И миссъ Фостеръ тоже?

— Мэнистей кивнулъ головой.

Вы говорите Элеонора больна?

Лицо юноши сохраняло все то же недовѣрчивое и враждебное выраженіе.

Мэнистей, колотившій по землѣ своей палкой, посмотрѣлъ на него. Бруклинъ отступилъ на шагъ.

— Она очень больна! И никто объ этомъ не знаетъ!—прибавилъ онъ.

Лицо юноши поблѣднѣло и стало печальнымъ.

— Она не хотѣла, чтобы мы сообщали объ этомъ,—медленно проговорилъ Мэнистей.—Ну, а теперь,—прибавилъ онъ съ авторитетомъ старшаго, на которомъ лежатъ всѣ заботы,—мы дѣлаемъ все, что можемъ. Мы выѣхали въ пятницу и взяли сидѣлку въ Генуѣ. Когда мы вернемся домой, то позовемъ лучшихъ врачей. Она очень часто бываетъ значительно оживлена, какъ прежде. О, мы ее выходимъ! Но вы не утомляйте ее, не оставайтесь слишкомъ долго съ нею.

Люси почти не говорила съ нимъ. Его манеры были мягкія и заискивающія, но миссъ Фостеръ стояла въ сторонѣ, словно желая показать, что ей не нравятся ни его манеры, ни онъ самъ. Когда онъ оставилъ ихъ и пошелъ къ монастырю, Реджи воскликнулъ:

— А онъ какъ здѣсь очутился? Что за удивительная путаница! Что онъ-то тамъ дѣлаетъ?

Реджи кивнулъ по направленію къ зданію монастыря, которое казалось все еще освѣщеннымъ солнцемъ, такъ сверкало оно своею бѣлизной на фонѣ обрамляющаго его лѣса, потѣмнавшаго съ наступленіемъ вечера.

— Онъ приходитъ каждый день вечеромъ читать Элеонорѣ.

Молодой человѣкъ посмотрѣлъ пристально на говорившую.

— Что же она становится католичкой?

Люси улыбнулась.

— Вы забыли, должно быть, что они отлучили патера Бенеке.

— Честное слово, я забылъ! На моего начальника этотъ фактъ произвелъ тогда сильнѣйшее впечатлѣніе. Впрочемъ я надѣюсь, что онъ расквитался съ ними,—прибавилъ юноша съ пылкостью,—они все дѣлаютъ, что отъ нихъ зависитъ, чтобы никому не давать покоя съ этою страной, но, по счастью, они же первые пострадаютъ, если перевернутъ экипажъ... Такъ это Бенеке привезъ сюда Мэнистея?

Движеніе Люси заставило его почувствовать, что онъ становится дерзкимъ.

— Вѣроятно, — отвѣчала она холодно.—Спокойной ночи, мистеръ Бруклинъ. Я должна идти. Смотрите, вонъ тамъ почтовая карета спускается съ холма.

Онъ пошелъ навстрѣчу приближающемуся экипажу, чтобы велѣть кучеру оставить свой багажъ въ домѣ у моста, и затѣмъ шагомъ отправился вслѣдъ за гремящею каретой, засунувъ руки въ карманы своей синей фланелевой куртки.

— Она не выйдетъ за него замужъ. Никогда! Я готовъ прозакладывать что угодно! Не изъ такихъ она, эта дѣвушка! Она сдѣлана изъ камня!—говорилъ онъ про себя, идя за дилижансомъ и ощущая въ душѣ какое-то свирѣпое торжество и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуя себя глубоко несчастнымъ. Онъ съ бѣшенствомъ сбрасывалъ камни, скатывавшіеся внизъ, съ холма.

— Такъ вотъ какъ выглядятъ женщины съ разбитымъ сердцемъ! О Боже! Элеонора, моя бѣдная, бѣдная Элеонора!

И прежде чѣмъ даже онъ могъ дать себѣ отчетъ въ томъ, что происходитъ съ нимъ, бѣдняга спустился въ темнотѣ на край дороги и залился горячими искренними слезами, которыя удивили и сконфузили его самого.

На слѣдующій день онъ былъ еще болѣе изумленъ тѣмъ, что увидѣлъ. Элеонора выглядѣла такъ хорошо, что онъ даже готовъ былъ презирать себя за ту минуту слабости, свидѣтелями которой наканунѣ были звѣзды на небесахъ. Это было первое впечатлѣніе. Затѣмъ онъ увидѣлъ, что заботы о Элеонорѣ лежатъ, повидимому, всецѣло на Мэнистеѣ. Мэнистей сидѣлъ возлѣ нея, гулялъ съ нею, читалъ ей съ утра до вечера. Никогда еще ихъ отношенія не были болѣе тѣсными, болѣе дружескими. Это было второе впечатлѣніе полученное имъ.

Тѣмъ не менѣе повышенная чувствительность юноши скоро заставила его замѣтить большія перемѣны, въ особенности въ Элеонорѣ и вмѣстѣ съ этимъ онъ понялъ, какая трагедія разыгрывается на его глазахъ. Элеонора стояла одинока въ отдаленіи отъ всѣхъ. Чѣмъ нѣжнѣе была преданность Люси, чѣмъ деликатнѣе выражалась заботливость Мэнистея, тѣмъ яснѣе становилось Бруклину тро-

гательное и таинственное одиночество Элеоноры, вносящее словно дуновеніе смерти въ ихъ маленькое общество.[1] Страданія юноши въ десять разъ усилились. Семь или восемь лѣтъ тому назадъ онъ видѣлъ въ Элеонорѣ Бергойнъ идеалъ женщины, по которому онъ судилъ о всѣхъ другихъ женщинахъ. Влюбиться въ нее онъ считалъ бы нелѣпостью, но его жена—если бы онъ когда-нибудь позволилъ себѣ такую роскошь, должна была бы быть такая, какъ она. Тѣмъ временемъ онъ былъ по-дѣтски и самымъ наивнымъ образомъ преданъ Элеонорѣ. Ея положеніе теперь, заставлявшее опасаться худшаго, вызвало реакцію въ душѣ юноши, превративъ его чувство къ ней въ острую, мучительную привязанность, поглотившую все его существо. Она возбуждала въ немъ невыразимую жалость и онъ едва могъ совладать со своимъ озлобленіемъ противъ Мэнистея. Ему очень хорошо заботиться теперь объ умирающей! Какъ бы тамъ ни было, а эта молодая американка имѣетъ впереди надежды и всѣ шансы, между тѣмъ какъ Элеонора разбила свое сердце и растратила свои силы ради себялюбца и взамѣнъ получила только неблагодарность и смертельные плоды «благодѣтельнаго забвенія».

Всего болѣе раздражало юношу, что онъ такъ мало былъ съ нею; Мэнистей всегда торчалъ тутъ. Наконецъ, черезъ два дня послѣ своего пріѣзда ему удалось пробыть съ нею часъ наединѣ, такъ какъ Мэнистей отправился гулять съ Бенеке, а Люси была у графини.

Онъ началъ съ нетерпѣніемъ разспрашивать Элеонору, съ кѣмъ она думаетъ пробыть конецъ года и гдѣ?

— Съ моимъ отцомъ и тетею Пэтти, безъ сомнѣнія, — отвѣчала она улыбаясь.—До ноября, вѣроятно, въ Шотландіи, а затѣмъ въ Лондонѣ.

Онъ молчалъ нѣсколько мгновеній и его красивое молодое лицо залила густая краска, затѣмъ онъ крѣпко сжалъ руку Элеоноры въ своихъ рукахъ и въ подобающихъ выраженіяхъ и съ соотвѣтствующими жестами торжественно обратился къ ней съ просьбою быть его женой. Конечно, онъ недостоинъ развязать даже завязки у ея ботинокъ, но онъ можетъ заботиться о ней. Онъ будетъ ея курьеромъ, ея спутникомъ въ путешествіяхъ, ея сидѣлкой, ея рабомъ! Онъ умолялъ ее выслушать его. Что былъ отецъ для нея? — спрашивалъ онъ ее чистосердечно.—Развѣ онъ умѣлъ когда-нибудь оцѣнить ее такъ, какъ она того заслуживала? Пусть только она довѣрится ему. Никогда, никогда она не будетъ раскаиваться въ томъ, что оказала ему такую непостижимую честь! Къ чорту дипломатическая служба! У него есть кое-какія деньги и вмѣстѣ съ тѣмъ, что она имѣетъ, у нихъ будетъ достаточно. Онъ поѣдетъ съ нею въ Египетъ или Капъ. Это вернетъ ей жизненныя силы.

Элеонора слушала его спокойно.

— Милый, милый мой,—сказала она, когда онъ остановился, чтобы перевести духъ,—вы напоминаете мнѣ прелестную исторію—помните? Только тамъ было наоборотъ — исторію лорда Джиффорда и леди Дэфферинъ. Онъ былъ при смерти и она вышла за него замужъ, чтобы оставаться при немъ до конца. Но это хорошо для женщины; женщина призвана быть сестрой милосердія. Не думаете ли вы, что я допущу васъ испортить свою карьеру, чтобы ходить за мною. О! глупенькій Реджи!

Онъ умолялъ и, немного погодя, она пришла въ безпокойство.

— Есть одна вещь — единственная въ мірѣ, которую вы можете сдѣлать для меня,—сказала она, наконецъ, въ волненіи отталкивая его.

Поднявшись съ софы, она выдвинула ящикъ стоявшаго возлѣ нея маленькаго столика, достала изъ него двойной фотографическій футляръ и, открывъ, протянула его Реджи.

— Вотъ! помогите мнѣ соединить этихъ двухъ людей, Реджи, и я отдамъ вамъ мое сердце еще полнѣе, чѣмъ оно теперь принадлежитъ вамъ.

Онъ, молча, раскрывъ ротъ, посмотрѣлъ на портреты, на нѣжное, слегка подцвѣченное женское лицо.

— Подите сюда теперь, потолкуемъ,— сказала Элеонора, притягивая его къ себѣ.

Тѣмъ временемъ Мэнистей и отецъ

Бенеке поднимались на гору, возвращаясь съ прогулки.

Какъ и всегда, Бенеке прощалъ Мэнистею его гордое отношеніе къ силамъ, подавлявшимъ его самого. Бенеке нерѣдко чувствовалъ себя потерпѣвшимъ крушеніе, утопающимъ морякомъ, между тѣмъ какъ Мэнистей, холодный зритель его гибели, разсматриваетъ на берегу обломки разбившагося судна. Но ничто не подрывало любви патера къ этому человѣку. Онъ любилъ его, какъ Ванбругъ Ниль любилъ его самого. Ему чувствовалась въ немъ прелесть неувядаемой юности, непосредственности сердца, искупавшихъ наполовину его заблужденія.

— Ахъ! милый другъ,—сказалъ Мэнистей со свойственной ему широкой и свободной жестикуляціей, когда они приближались къ вершинѣ горы,—конечно, вамъ надо ѣхать въ Боннъ. Вы должны исполнить то, что отъ васъ ждутъ. Старо-католики хотятъ дать вамъ видную роль. Вѣдь могло бы быть гораздо хуже.

— Они очень добры; но въ шестьдесятъ лѣтъ человѣку трудно переселяться,—кротко отвѣтилъ патеръ, думая, быть можетъ, о своемъ маленькомъ домикѣ въ баварскомъ городѣ; о своихъ ученикахъ, которыхъ онъ не увидитъ болѣе; о покинувшей его старой сестрѣ.

— Ваша книга имѣла успѣхъ,—продолжалъ Мэнистей съ оттѣнкомъ нетерпѣнія.—Вы сказали, что хотѣли сказать—вы попали въ цѣль. А вотъ я, ну, все равно! Я взялся за дѣло слишкомъ горячо. Люди, которыхъ я видѣлъ впервые, показались мнѣ слишкомъ общепонятными; фактовъ было слишкомъ много для меня. Ну, не бѣда. Приключеніе, какъ и всякое другое. Я не раскаиваюсь и не сожалѣю. Это доставило мнѣ нѣсколько минутъ сильнаго возбужденія. И, наконецъ, если я проигралъ сраженіе здѣсь, то въ Англіи меня ждетъ другая борьба, и здѣшній опытъ не пропадетъ для меня даромъ. *Allons donc!* «На завтра другіе лѣса и новыя пастбища»!

Патеръ взглянулъ на его красивое, беззаботное лицо съ какимъ-то смѣшаннымъ чувствомъ снисхожденія и отвращенія. Мэнистей былъ человѣкъ даровитый и уважаемый. Будь у него сила контролировать нѣкоторыя стороны своего характера, передъ нимъ, вѣроятно, открылось бы широкое и славное поприще. Сравнивая себя съ нимъ, Бенеке искренно сознавалъ свое скромное, невидное призваніе. Смиренный служитель небеснаго отечества, неисповѣдимой истины, онъ не былъ въ силахъ тягаться съ этими умственными искателями счастья. Онъ не осуждалъ ихъ, даже нерѣдко чувствовалъ къ нимъ странное снисхожденіе. Но онъ скорѣе умеръ бы, чѣмъ помѣнялся съ ними мѣстами.

Когда показался монастырь, Мэнистей остановился.

— Вы идете къ ней?

Патеръ сдѣлалъ утвердительный жестъ.

— А я приду попозже.

Они разстались, и отецъ Бенеке одинъ вошелъ въ монастырскіе ворота.

Еще пять дней! Случится что-нибудь въ эти дни, или ничего? Оскорбленное самолюбіе Мэнистея не позволяетъ ему сдѣлать ни шага къ примиренію; миссъ Фостеръ, пожалуй, не проститъ его. Но патеръ зналъ сердце Элеоноры; а чего не зналъ, то угадывалъ. Все зависило отъ американки, отъ ея оскорбленнаго чувства, отъ этой прямой, независимой натуры, которую, какъ Бенеке чистосердечно сознавался себѣ, онъ не былъ въ состояніи понять.

Поздно вечеромъ, когда всѣ разошлись, Элеонора обнаружила необычайное оживленіе. Она встала съ дивана и прохаживалась по своей маленькой гостиной; давала распоряженія Маріи относительно предстоявшаго отъѣзда домой и, наконецъ, объявила, съ веселостью, не допускавшей возраженій, что она сдѣлала всѣ распоряженія, чтобы уѣхать завтра рано утромъ въ Орвіето, къ доктору, который лѣчилъ ее въ іюнѣ. Люси протестовала, умоляла, но вскорѣ убѣдилась, что рѣшеніе Элеоноры непоколебимо. Она уѣзжала вдвоемъ съ Маріей въ экипажѣ графини, и намѣревалась выѣхать на зарѣ, до наступленія жары, чтобы въ полдень быть въ Ор-

віето и вечеромъ вернуться. Люси настаивала, чтобы она позволила ей, по крайней мѣрѣ, сопровождать ее; такое-же намѣреніе выражала и графиня, но Элеонора обѣимъ отвѣтила отказомъ.

— Я выѣзжаю почти каждый день,— сказала она съ нетерпѣніемъ,—и ничего со мною отъ этого не дѣлается. Оставьте меня въ покоѣ.

Вернувшись вечеромъ, она увидѣла Мэнистея, бродившаго подъ деревьями двора въ ожиданіи ея. Онъ провелъ день скучно и безцѣльно, что для человѣка, его характера, было непріятно сознавать. Терпѣніе его истощилось; онъ почти не могъ долѣе подавлять свое разочарованіе и отчаяніе. Все это Элеонора прочла на его лицѣ, выйдя изъ экипажа.

Люси, поджидавшая ее весь день, ушла въ это время по какому-то дѣлу съ Реджи въ деревню.

Элеонора брела черезъ дворъ, опираясь на руку Маріи, но у монастырской двери силы покинули ее. Она обернулась къ Мэнистей.

— Я не въ силахъ подняться по лѣстницѣ. Можете вы внести меня? Я легка.

Мэнистей, охваченный внезапнымъ волненіемъ, подхватилъ ее на руки. Она далась, какъ усталое дитя. Онъ инстинктивно готовился къ поднятію нѣкоторой тяжести, и былъ пораженъ легкостью своей ноши. Голова ея, въ изящной черной шляпѣ, опустилась на его плечо, глаза закрылись. Онъ подумалъ, что она въ обморокѣ.

Но, принеся ее въ ея комнату и положивъ на софу, онъ убѣдился, что она въ полномъ сознаніи и слѣдитъ за нимъ глазами. Когда онъ хотѣлъ уйти, оставивъ ее на попеченія Маріи, дѣлавшей что-то въ комнатѣ Люси, дверь которой была рядомъ, Элеонора дотронулась до его руки.

— Зайдите опять—завтра,—сказала она, кивнувъ ему съ дружеской улыбкой.

Лицо его оживилось отъ этого позволенія. Онъ нѣжно пожалъ ея руку.

— Принесъ вамъ пользу визитъ къ доктору?

— О, да; хотя мы и не такъ легко вѣримъ рецепту на итальянскомъ языкѣ, какъ на англійскомъ, но это наше британское предубѣжденіе.

— Онъ не нашелъ, что вамъ хуже?

— Да кто бы ему повѣрилъ, если бы и нашелъ?—отвѣтила она уклончиво.—Никто не знаетъ, каково намъ, лучше насъ самихъ. А! вотъ и Люси. Вы хорошо сдѣлаете, Мэнистей, если пожелаете намъ доброй ночи; я слишкомъ утомлена, чтобы разговаривать.

Когда онъ ушелъ, Элеонора съ наслажденіемъ опустилась на подушку.

«Первый и единственный разъ!—подумала она.—Мое сердце у его сердца, мои руки вокругъ его шеи! Бываютъ впечатлѣнія переживающія всѣ другія. Подъ конецъ я постараюсь все забыть, кромѣ этого».

Когда вошла Люси, Элеонора заявила, что она очень утомлена, но о мнѣніи врача умолчала.

Въ эту ночь, когда Люси уже нѣсколько времени лежала въ постели, но не могла заснуть отъ заботы и горя, дверь ея комнаты отворилась и вошла Элеонора. Она была, по обыкновенію, въ бѣломъ и свѣтлые волосы ея, уже сильно тронутые сѣдиной, были распущены по плечамъ.

— Что? Нужна я вамъ?—вскричала Люси, вскакивая съ постели.

Элеонора подошла къ ней, положила руку на ея плечо и, сказавъ, чтобы она оставалась «спокойной», придвинула для себя стулъ къ кровати. Она поставила свѣчу на ближній столъ и Люси замѣтила мрачное волненіе, написанное на ея лицѣ.

— Долго ли,—спросила она, наклоняясь къ молодой дѣвушкѣ,—долго ли вы будете терзать наши сердца—мое и его?

Слова эти были произнесены съ такою силой, что вся ея хрупкая фигура тряслась. Люси вскочила съ постели и хотѣла обнять ее, но Элеонора высвободилась изъ ея рукъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Надо это кончить. Глядите!

Она сбросила пеньюаръ со своихъ плечъ, показала темныя ямы подъ исхудалой ключицей, заостренныя плечи, полное отсутствіе всего, что дѣла-

ло когда-то худобу граціей; она обнажила свои руки передъ глазами дѣвушки, приведенной въ ужасъ. За исключеніемъ кожи, все еще бѣлой и нѣжной, это были руки скелета.

— Видите вы все это?— шептала она горячо.—Такъ поймите же, какъ вы оскорбляете меня отказомъ сдѣлаться женой человѣка, котораго вы любите,— отказомъ только потому, что вы не можете забыть, что и я любила его когда-то! Развѣ не оскорбленіе связывать подобныя мысли со мною? развѣ возможно соперничество съ человѣкомъ, уже одѣтымъ въ саванъ? Мнѣ больно, мучительно знать, что у васъ такія мысли. Это лишаетъ меня покоя, приковываетъ къ плоти, къ землѣ!

— Элеонора! — вскричала дѣвушка умоляющимъ тономъ, ловя ея руки, но та была неумолима.

— Скажите мнѣ,— продолжала она повелительнымъ тономъ,—отвѣчайте мнѣ чистосердечно, какъ должно отвѣчать человѣку въ моемъ положеніи, вѣдь вы любите его? Если бы не было меня, если бы не стояла я между вами, вы не избѣгали бы его, приняли бы его руку?

Люси склонилась головой надъ ея колѣнями, силясь овладѣть собою.

— Что я могу отвѣтить? Я никогда не могу думать о немъ безъ того, чтобы не вспомнить, какое страданіе я причинила вамъ.

— Можете, дорогая моя!—вскричала Элеонора, заключая ее въ свои объятія.—Можете! Не ваша вина, что я такая—нѣтъ, не ваша! Докторъ сказалъ мнѣ сегодня, что прошлогоднее улучшеніе было только кажущимся. Болѣзнь гнѣздилась давно — исходъ ея несомнѣненъ. Всѣ мои мечты и разочарованія, и глупыя женскія фантазіи, разсѣялись, какъ дымъ. Ничего не осталось отъ нихъ, кромѣ любви—къ вамъ и къ нему. Не прежней любви, нѣтъ!— прибавила она нетерпѣливо, силясь убѣдить въ этомъ не Люси только, но и себя,—отъ той любви не остается и тѣни. Я люблю и страдаю за васъ, за него и ваши страданія, эта любовь не даетъ мнѣ покоя, убиваетъ меня преждевременно.

Она стала порывисто ходить по комнатѣ. Люси вскочила съ постели, набросила на себя платье и успѣла, наконецъ, уговорить ее пойти къ себѣ и лечь. Когда Элеонора, совсѣмъ изнеможенная, улеглась, къ ней наклонилось лицо Люси, мокрое отъ слезъ.

— Скажите, что мнѣ дѣлать? Развѣ я отказывала вамъ въ чемъ бы то ни было?

Ясное, солнечное утро взошло надъ деревней и лѣсомъ. Лѣсистые склоны еще тонули въ туманѣ; рѣка, снова высохшая въ тонкій ручей, чуть слышно шепталась съ каменьями. Свѣжій вѣторокъ шелестилъ листвой и обвѣвалъ нивы, съ которыхъ только-что была снята жатва. Къ заутрени давно отзвонили; начинали звонить къ ранней обѣднѣ. Люси вышла на свѣжій воздухъ, уже оживленный первымъ шумомъ трудового дня. Дѣти, матери и собаки уже высыпали на улицу. Крестьяне среди виноградниковъ—мужчины въ своихъ остроконечныхъ шляпахъ, женщины, прячущія отъ солнца лица въ тяжелыхъ складкахъ своихъ головныхъ уборовъ, оборачивались и улыбались проходившей мимо нихъ Люси. Они любили синьорину и привыкли къ ея раннимъ прогулкамъ.

На склонѣ горы ей встрѣтился Бенеке, шедшій къ обѣднѣ. Щеки молодой дѣвушки покрылись румянцемъ; она остановилась, чтобы поговорить съ патеромъ.

— Такъ рано, mademoiselle?

— Только теперь и можно гулять.

— Да, правда.

Внезапно мелькнувшая мысль заставила патера потупить глаза. Но на этотъ разъ, по крайней мѣрѣ, онъ не провинился.

— Придете вы къ намъ сегодня днемъ на чай, отецъ мой?

— Если вы сдѣлаете мнѣ честь пригласить меня.

Люси засмѣялась.

— Мы ждемъ васъ.

Она протянула ему руку, робко взглянула на него своими красивыми глазами и продолжала путь.

Люси вошла въ ущелья Сассетто. Въ

самомъ сердцѣ горы она нашла зеленый уголокъ, гдѣ скала образовала гладкую природную скамью съ мшистыми бочками по сторонамъ. Большой выступъ скалы надъ нею служилъ защитою отъ солнца.

Люси сѣла на скамью. Надъ головой ея извивалась тропинка, съ которой можно было видѣть ее, но такъ рано нечего было опасаться прохожихъ.

Молодая дѣвушка дала волю своимъ воспоминаніямъ и опасеніямъ. Далеко ушла она въ эти четыре мѣсяца!

«Это-ли означаетъ путешествіе въ Европу?»—спрашивала она себя съ невеселымъ смѣхомъ, машинально теребя пучокъ травы, росшій у нея подъ рукой изъ разсѣлины камня.

Она заглянула въ будущее. Дума о Мэнистеѣ наполнила ея сердце страстнымъ влеченіемъ къ нему, но въ то же время и страхомъ, — страхомъ передъ этой богатой, загадочной, необузданной натурой, съ ея капризной, своенравной мощью, съ ея широкими запросами и практическою слабостью, съ ея блестящими дарованіями и безразсудствомъ. Представляя себѣ, какую отвѣтственность возьметъ на себя его жена, она находила, что эта отвѣтственность ей не по силамъ. Минутами она воображала его стоящимъ такъ высоко, что ей казалась смѣшною самая мысль, что онъ можетъ снизойти до нея. Она чувствовала, что жизнь его въ ея рукахъ, но говорила себѣ, что ей не вынести такого бремени.

И наконецъ, какъ бы то ни было, а если бы не ея пріѣздъ, если бы Элеонора никогда не видѣла ее... Голова ея упала назадъ на мшистый край скалы, и глаза заволоклись слезами.

Сверху доносился грохотъ телѣги, запряженной волами, и крики возницы. Но среди этого шума Люси различила другой, ближайшій: стукъ мужскихъ шаговъ по нагорной тропѣ. Возгласъ — прыжокъ, и прежде чѣмъ она успѣла надѣть снятую шляпу и скрыть слѣды слезъ, передъ нею явился Мэнистей.

Она выпрямилась, глядя на него въ безмолвномъ испугѣ. Онъ также молчалъ; Люси видѣла только, какъ работала его грудь.

— Я не хочу навязываться, — сказалъ онъ, наконецъ, гордымъ и сдержаннымъ тономъ.—Если прикажете, я сейчасъ уйду.

Она слышала только звукъ его голоса и ничего не отвѣтила. Онъ подошелъ ближе.

— Вы не велите мнѣ уходить?

Она сдѣлала слабый, обезкураженный жестъ, говорившій: «Не могу!»—но говорившій такъ грустно, что это не могло поощрить Мэнистей.

— Люси!—проговорилъ онъ, дрожа,— снимете-ли вы, наконецъ, печать съ моихъ устъ? Позволите-ли мнѣ высказаться?

Отвѣтомъ былъ только взглядъ, но такой мягкій, грустный!

Мэнистей наклонился къ ней, колеблясь всѣмъ своимъ существомъ между любовью и сомнѣніемъ.

— Вы слышите меня,—сказалъ онъ тихимъ, прерывистымъ голосомъ, — но считаете измѣной слушать.

— А какъ же иначе? — вскричала она, вдругъ разрыдавшись.

Когда она на столько успокоилась, что могла говорить, сердце ея открылось.

— Лучше бы мнѣ никогда, никогда не пріѣзжать въ Европу!.. Вѣдь она умираетъ по моей винѣ, единственно по моей!

Она отвернулась, чтобы спрятать свое лицо и глаза, и предалась такому горю, что Мэнистей пришелъ въ отчаяніе. Онъ собралъ всю свою силу воли, чтобы подавить страсть и собраться съ мыслями.

— Вы, вы невиннѣйшій, вѣрнѣйшій изъ друзей! Говорю вамъ отъ ея имени: Люси, сжальтесь надо мною! Дайте волю вашему чувству ко мнѣ!

Она порывисто подняла руку и указала на землю между ними.

— Она лежитъ тамъ—между нами. Я вижу ее мертвую!

Мэнистей ужаснулся; онъ понялъ, до какого состоянія доведена эта простая, здоровая натура, чтобы употреблять такія выраженія. Что ему дѣлать? что сказать?

Онъ сѣлъ возлѣ нея и насильно взялъ ея руки.

— Люси, я понимаю, что вы хотите сказать, — не стану притворяться, что

не понимаю. Вы полагаете, что я долженъ былъ жениться на моей кузинѣ, и женился бы, если бы вы не пріѣхали. Не отрицаю, что могло бы быть—не теперь, а черезъ нѣсколько времени. Но была ли бы счастлива со мной Элеонора? Вы видѣли на виллѣ, каковъ я. Вамъ извѣстно, что даже въ качествѣ друга я постоянно разочаровывалъ ее. Вѣдь было что-то роковое, что заставляло меня мучить и оскорблять ее безъ всякаго намѣренія. Я не оправдываюсь и—видитъ Богъ—не осуждаю Элеоноры. Я всегда вѣрилъ, что эти вещи—тайна, предопредѣленіе, и зависятъ болѣе отъ темперамента, чѣмъ отъ нашей воли. Я былъ искренно, глубоко привязанъ къ Элеонорѣ, и однако... когда вы пріѣхали, а въ первыя же недѣли почувствовалъ ложность положенія. А тутъ эта книга... Мнѣ не разъ казалось, что единственный выходъ изъ общаго недоразумѣнія, это уничтоженіе книги и—и всего, что съ нею связано или что могли считать связаннымъ,—прибавилъ онъ торопливо.—О! не говорите! Я знаю, какимъ глупцомъ и эгоистомъ я долженъ былъ казаться! Всѣ мы попали въ ложное положеніе, и я не могъ бы позировать передъ вами, если бы и хотѣлъ. Но Элеонора не стала бы различать меня съ вами, Люси,—не стала бы. Вы знаете это. Отвѣчайте!

Онъ держалъ ее за руки почти грубо и глядѣлъ ей въ лицо съ выраженіемъ такого страданія, что она была тронута. Губы ея двигались съ жалкимъ видомъ, хотя словъ не было слышно; но руки инертно лежали въ его рукахъ. Онъ торопливо продолжалъ:

— Съ того вечера, Люси, когда я подарилъ вамъ Неми, я сталъ другимъ человѣкомъ. Я не хочу обманывать васъ и не скажу, что я не любилъ до васъ ни одной женщины. У меня не будетъ тайнъ отъ васъ; вы убѣдитесь въ этомъ, если захотите. Но я могу смѣло сказать, что всѣ увлеченія моей первой молодости были только подготовительной школой къ моему чувству къ вамъ. Вы стали моею жизнью, моимъ сердцемъ. Если можетъ выдти что-нибудь путное изъ такого человѣка, какъ я, то вы, одна, можете сдѣлать это. О! дорогая моя! не отталкивай меня. Сама Элеонора говоритъ съ вами моими устами—послушайтесь насъ обоихъ.

Люси то краснѣла, то блѣднѣла. Она склонилась къ нему, побѣжденная чарами его голоса, обезсиленная его долгой борьбой и впечатлѣніями бурной ночной сцены съ Элеонорой.

Мэнистей замѣтилъ, что воля ея слабѣетъ; глаза его загорѣлись и рука обвилась вокругъ нея.

— Меня привелъ сюда инстинктъ, видѣніе,—говорилъ онъ ей почти на ухо.— Заря этого дня какъ будто предвѣщала. что онъ будетъ священнымъ для меня, И солнце было другое, и земля словно возродилась. Я отправился въ путь, думая о Люси, какъ я думалъ о ней всѣ послѣднія шесть недѣль, и все направляло меня, куда слѣдуетъ, и взоръ, и лѣса, и птицы. Все было въ заговорѣ со мною, жалѣло меня, говорило, гдѣ я найду Люси.

Тихій потокъ словъ на минуту смолкъ. Мэнистей опять посмотрѣлъ Люси въ лицо, опять взялъ обѣ ея руки и прошепталъ:

— Но никто не научитъ меня какъ понравиться ей—какъ расположить ее ко мнѣ, уговорить выслушать меня. Люси, въ кому мнѣ обращаться за этимъ.

Она отвернулась и высвободила свои руки. Мэнистей ждалъ, почти не дыша, пока она не сказала дрожащимъ голосомъ, прерываемымъ тихими рыданіями:

— Все это такъ странно для меня и такъ невѣроятно! Если бы здѣсь былъ кто-нибудь изъ моихъ близкихъ, кто могъ бы дать мнѣ совѣтъ. Благоразумно ли это съ вашей стороны—и съ моей? Вѣдь вы знаете, я совсѣмъ не такой человѣкъ, какъ вы. Пожалуй, вы будете замѣчать это потомъ все болѣе и болѣе—будете недовольны мною. Я не увѣрена, что съ умѣю всегда примѣняться къ вамъ. Меня такъ воспитали, что я не всегда могу быть такой сговорчивой и пріятной, какъ другія дѣвушки. Моя мать часто стояла на своемъ—и я съ нею. У нея былъ сильный характеръ, но я увѣрена, что она показалась бы вамъ эксцентричной —

пожалуй и жестокой. Мнѣ часто кажется, что я еще сама себя не знаю хорошенько—не знаю, на что я способна. Подчасъ я бываю очень упряма. Что, если черезъ нѣсколько лѣтъ.

Она обернулась къ Мэнистею и вопросительно поглядѣла въ его глаза, которыми онъ, казалось, обнималъ ее всю. Онъ прочелъ на ея смущенномъ лицѣ то, чего она не могла долѣе скрывать, и ничего не отвѣтилъ на ея слова; они могли объясняться теперь на другомъ языкѣ. Онъ только вскрикнулъ и употребилъ нѣмое насиліе. Люси очутилась въ его объятіяхъ—и все было сказано.

Однако, высвободившись изъ нихъ, она была вся въ слезахъ. Она взяла его руку и безумно цѣловала ее, почти сама не понимая, что она дѣлаетъ. Но сердце ея снова обратилось къ Элеонорѣ; въ ушахъ ея звучалъ голосъ, который одинъ могъ—повелѣвать ей и простить ее.

Когда они не спѣша шли потомъ домой, Мэнистей обнаруживалъ необузданную веселость. Онъ не хотѣлъ и слышать, что положеніе кузины его безнадежно.

— Мы отвеземъ ее домой; обратимся къ лучшимъ врачамъ. Не можетъ быть, чтобы она была такъ плоха, какъ вамъ кажется.

И Люси, въ силу реакціи послѣ долгихъ недѣль заботы, вѣрила ему и начинала надѣяться. Мэнистей перевелъ разговоръ на свое будущее путешествіе въ Америку, на свое первое свиданіе съ Грейриджемъ и съ дядей Беномъ.

— Произведу ли я хорошее впечатлѣніе? Какъ меня примутъ? Я увѣренъ, что вы очень дурно рекомендовали меня вашему дядѣ.

— Я думаю, что дядя Бенъ полагается только на собственное мнѣніе, отвѣтила она, краснѣя.

Въ душѣ она благодарила судьбу за то, что въ числѣ неизмѣнныхъ старыхъ привычекъ ея дяди была осторожная привычка уничтожать всю свою переписку за исключеніемъ самой малой части.

— Онъ читалъ всѣ ваши прошлогоднія рѣчи. Придумайте сами, какъ вамъ выпутаться изъ этого.

— Вы заставили меня приползти на колѣняхъ въ Италію, сказалъ онъ, смѣясь. Не заставите ли теперь идти босикомъ на могилу Вашингтона?

Она посмотрѣла на него съ тонкой улыбкой, напомнившей ему ту Люси, которую онъ зналъ на виллѣ.

— Повидимому, вы иногда ошибаетесь, не правда ли? — спросила она мягко.

Но въ то же время рука ея робко пріютилась въ его рукѣ и сердце ея, безъ словъ, дало обѣтъ быть ему вѣрной женой и служить ему опорой въ счастьи и несчастьи, въ ошибкахъ и успѣхахъ, въ славѣ и въ неудачахъ. При всей своей неопытности, она разгадала характеръ человѣка, которому отдала себя, лучше чѣмъ онъ воображалъ. Не лежалъ ли отчасти въ основѣ ея любви къ нему тайный инстинктъ призванія? Не угадала ли ея душа, какъ безгранично нуждается онъ въ любви именно такой женщины, какъ она?

Тѣмъ временемъ Элеонора, Реджи и патеръ Бенеке сидѣли въ *loggia*, дожидаясь завтрака. Всѣхъ троихъ возбуждала и безпокоила одна общая мысль.

Элеонора покинула свою софу и ходила по галлереѣ, то глядя на дорогу, то составляя букетъ изъ цвѣтовъ розоваго олеандра для своего бѣлаго платья. Ея веселое возбужденіе, румянецъ на впалыхъ щекахъ, шелестъ шелковыхъ юбокъ долго вспоминались потомъ двумъ ея собесѣдникамъ.

Какъ оказалось, Мэнистей пилъ въ шесть часовъ утра кофе съ отцомъ Бенеке, а потомъ, закуривъ сигару, отправился бродить на Сассетто. Люси вышла изъ дома при первыхъ ударахъ церковнаго колокола. Бенеке передалъ о своей встрѣчѣ съ нею.

Элеонора слушала его со сдержанной радостью.

— Да, знаю, говорила она, кивая,— знаю. Реджи, вонъ тамъ, въ монастырской галлереѣ, стоитъ горшокъ съ чудными цвѣтами гвоздики. Подите, спросите мать Дони, не отдастъ ли она его намъ. *Ecco*—дайте ей лиру для бэби. Я хочу украсить этой гвоздикой столъ.

Вскорѣ небольшой столъ, накрытый для завтрака бѣлой скатертью и уста-

вленный приборами и фруктами, былъ украшенъ цвѣтами и на каждомъ приборѣ явилось по букету. *Loggia* имѣла праздничный видъ. Утреннее солнце, пробиваясь сквозь виноградную листву, сверкало на приборахъ и на штучномъ каменномъ полу.

— Вонъ—вонъ они! Идутъ! Реджи! Отецъ мой! оставьте меня на минуту одну. Подите въ садъ! Мы скоро позовемъ васъ.

Реджи, спускаясь съ лѣстницы, со вздохомъ оглянулся и увидѣлъ, что Элеонора, перевѣсившись черезъ перила, машетъ носовымъ платкомъ. Утренній вѣтеръ игралъ кисеей и кружевами ея легкаго наряда.

Люси вошла первая. На секунду остановившись на порогѣ, она устремила на Элеонору просительный, жалкій взглядъ и потомъ бросилась бѣгомъ въ ея открытыя объятія. Элеонора прижала ее къ своей груди съ достоинствомъ нѣжной матери, радующейся на свое дитя.

Мэнистей и Люси перевезли мистрисъ Бергойнъ съ отдыхами въ Англію. Въ концѣ августа Люси возвратилась со своими друзьями въ Соединенные Штаты, а въ октябрѣ она и Мэнистей сочетались бракомъ.

М-съ Бургойнъ пережила эту осень и въ ноябрѣ ей такъ захотѣлось на югъ, что ее перевезли со всѣми предосторожностями въ Римъ. Она поселилась тамъ въ домѣ графини Гверрини, гдѣ ее окружали въ послѣдніе дни ея жизни всѣ попеченія, какія можетъ внушить искренняя любовь.

Элеонорѣ удалось еще разъ побывать въ Албанскихъ горахъ, еще разъ поглядѣть на склоны Маринаты, на бѣлую корону Монтекаво—и погрѣться въ несравненныхъ лучахъ римскаго солнца. Въ декабрѣ обѣщали пріѣхать къ ней Мэнистей и Люси, но за недѣлю до ихъ пріѣзда Элеонора скончалась.

На похороны ея пріѣхалъ изъ маленькаго швейцарскаго городка нѣмецкій старо-католическій священникъ, а черезъ нѣсколько дней у могилы ея стояли два существа, которыхъ она такъ любила. Они имѣли много причинъ хранить память о ней, особенно одна изъ этихъ причинъ: ея безумное бѣгство въ Торре Аміату, единственный эгоистическій поступокъ въ цѣлой ея жизни, сдѣлалъ навсегда ея память — для сердца Люси по крайней мѣрѣ — памятью о наиболѣе горячо, трагически любимомъ существѣ.

Конецъ.

духовныя и идеологическія формы—есть не что иное, какъ способъ, посредствомъ котораго люди приходятъ къ сознанію измѣненій въ экономическомъ фундаментѣ, и къ нимъ приспособляются. Такимъ образомъ, «матеріализмъ» этого пониманія исторіи заключается въ зависимости идей отъ измѣненій въ хозяйственной жизни. Изъ этого ясно, какъ мало мѣста отводится здѣсь индивидууму, и какое громадное значеніе придается статистическимъ массовымъ наблюденіямъ.

Въ неразрывной связи съ вышеизложеннымъ находится вопросъ: что предпочтительнѣе: исторія культуры или политическая исторія? Въ первой господствуетъ родовой и коллективистическій моментъ, въ послѣдней — личный и индивидуалистическій. Въ этомъ особенно ясно сказывается односторонность обѣихъ точекъ зрѣнія. Недавно К. Лампрехтъ пытался найти среднюю точку зрѣнія, онъ называетъ ее универсальной и формулируетъ такъ: отъ обоихъ крайнихъ воззрѣній «она одинаково далека, она признаетъ господство въ исторіи какъ индивидуальныхъ, такъ и родовыхъ силъ только съ слѣдующимъ дополненіемъ: наблюденія опыта показываютъ, что сильнѣйшія родовыя связи превосходятъ по значенію величайшія индивидуальныя силы, и поэтому включаютъ въ себя послѣднія; такимъ образомъ, общій ходъ исторіи зависитъ не отъ дѣйствія индивидуальныхъ силъ, каковы бы ни были ихъ размѣры, но скорѣе отъ спокойнаго теченія родовыхъ измѣненій, т.-е. подраздѣляется на отдѣльныя культурныя эпохи. Само собой разумѣется, что подобную точку зрѣнія нельзя охарактеризовать ни какъ чисто индивидуальную, ни какъ коллективистическую, болѣе подходитъ къ ней названіе универсальной, поскольку она соединяетъ въ себѣ индивидуалистическое и коллективистическое міровоззрѣніе и за исходную точку исторіи беретъ ту мысль, что все, происшедшее въ опредѣленное время, едино, представляетъ изъ себя одно съ общимъ, цѣлое, и отдѣльныя части могутъ быть понимаемы только въ связи универсальнымъ, цѣлымъ».

Какъ бы ни казалась ясной эта теорія, соединяющая въ себѣ два противоположныя воззрѣнія, однако остается открытымъ вопросъ, не выдвигаетъ ли Лампрехтъ одно насчетъ другого, коллективистическое на счетъ индивидуалистическаго, и насколько удалось ему провести эту точку зрѣнія въ своей «Исторіи Германіи». Наконецъ, является спорнымъ также принципіальный вопросъ о томъ, не исключается ли въ коллективизмѣ индивидуализмъ, потому что коллективистическое отрицаніе личной свободы подвергаетъ сомнѣнію всякое самостоятельное значеніе отдѣльной личности. Въ виду этого, вполнѣ понятна страстность, съ какой историки вели этотъ споръ; къ тому же они чувствовали себя не твердо въ этой чуждой имъ области философскаго изслѣдованія, вслѣдствіе чего часто впадали въ различныя недоразумѣнія. Характеренъ этотъ споръ въ томъ отношеніи, что въ немъ отразились два основныхъ противоположныхъ теченія нашей эпохи: соціалистическое и индивидуалистическое.

Удивительнымъ образомъ это противорѣчіе не коснулось философіи, хотя, естественно, оно задѣло этику. Быстрое развитіе этики относится къ началу восьмидесятыхъ годовъ. Подъ англійскимъ вліяніемъ возникла соціальная этика, которая эгоизму противопоставляетъ альтруизмъ, какъ нѣчто болѣе высокое и нравственное, и возводитъ въ принципъ благо всѣхъ или возможно бо́льшаго числа. Эта этика носила утилитарный характеръ и получила названіе соціальнаго эвдемонизма. Если это направленіе опиралось на шлейермахеровское

ученіе о благахъ и, въ извѣстномъ смыслѣ, на Гегеля, и имѣло за себя соціалистическій духъ времени, то другія примыкали къ Канту и Фихте, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, первый, несмотря на признаніе всеобщности и безусловности нравственныхъ законовъ, своимъ подтвержденіемъ свободы воли выдвигалъ индивидуальную этику. Это теченіе связано было съ вновь пробудившимся вниманіемъ къ Канту и съ моральной проповѣдью категорическаго императива. Но для дальнѣйшаго развитія научной этики было мало выгоды, что изъ уваженія къ Канту оставлены были въ сторонѣ и пренебреженіи англійскіе моралисты. Совершенно въ иномъ духѣ, чѣмъ кантіанцы, индивидуалистичны приверженцы Нитцше, этическія мысли котораго, впрочемъ, въ свое время мало повліяли на науку о нравственности. Но такъ какъ индивидуализмъ получилъ свое самое энергичное развитіе именно отъ Нитцше, то индивидуалистамъ придется современемъ разобраться въ вопросахъ научной этики и установить свою независимую отъ Канта и несогласную съ нимъ точку зрѣнія. Разсматривая нравственность съ исторической точки зрѣнія, Нитцше сходится въ этомъ съ Іерингомъ и Вундтомъ, которые дошли до того же вывода независимо отъ него и являются истинными представителями эволюціонной этики. Сочиненіе Іеринга «Цѣль въ правѣ» даетъ богатые и поучительные выводы, также и для моралиста. Этику же Вундта можно поставить въ параллель съ историческимъ универсализмомъ Лампрехта, потому что на ряду съ индивидуальной волей Вундтъ ставитъ общую, приписывая послѣдней такую же реальность и дѣйствительность, какъ и первой, и признавая взаимодѣйствіе между ними. Вообще же противорѣчія въ этой области выражаются далеко не такъ рѣзко. Этика является индивидуальной и общей одновременно, вопросъ идетъ только о сравнительномъ значеніи той или другой стороны, а не объ исключительномъ господствѣ какой-нибудь одной изъ нихъ. Поэтому, и форма полемики у моралистовъ далеко не такъ рѣзка. какъ у историковъ.

Еще менѣе остро выступаетъ это противорѣчіе въ психологіи. Здѣсь также на ряду съ ученіемъ объ индивидуальной душѣ существуетъ народная психологія, которая уже давно имѣетъ собственный органъ. Кромѣ Лазаруса и Штейнталя, здѣсь слѣдуетъ особенно упомянуть Вайца. Понемногу начинаетъ также зарождаться мысль объ общественной и коллективной психологіи, о томъ, что дѣйствующіе здѣсь законы не вполнѣ совпадаютъ съ законами душевной жизни индивидуума. На этомъ начинаетъ строить свое зданіе соціальная психологія, но ей, не смотря на работы Штаммлера и Штейна, по нашему мнѣнію, недостаетъ болѣе, чѣмъ многаго; лучшія пріобрѣтенія для нея сдѣланы Зиммелемъ. Впрочемъ, между старымъ ученіемъ о душѣ и этой новой общественной психологіей нѣтъ никакого противорѣчія, это только двѣ части одной и той же общей дисциплины, которыя взаимно дополняютъ другъ друга и не могутъ развиваться независимо одна отъ другой.

Мирное настроеніе въ философіи зависитъ, между прочимъ, оттого, что въ настоящее время нѣтъ руководящихъ умовъ въ этой области. Нельзя считать таковыми ни Фехнера, который сопоставляетъ «мракъ» точнаго изслѣдованія съ фантастическимъ «свѣтомъ» одухотворенія всего міра, ни кропотливаго труженика Лотце, который хочетъ соединить механическое объясненіе міроваго устройства съ его идеалистическимъ назначеніемъ. За то здѣсь много усердныхъ работниковъ. Въ психологіи Вундтъ и его школа идутъ строгимъ экспериментальнымъ

путемъ естественныхъ наукъ, тѣсно примыкая къ нимъ, къ ихъ методу и выводамъ. Вундтъ и еще до него Зигвартъ привели также логику, какъ ученіе о методахъ, въ связь съ остальными областями знанія. Работы по исторіи философіи, носящія общій или частный характеръ, также со своей стороны выдвигаютъ и доказываютъ эту взаимную связь наукъ.

Особенно живо проявляется зависимость науки отъ окружающей ее жизни въ томъ, что волунтаризмъ все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ сторонниковъ. Мы уже упоминали, что Куно Фишеръ даетъ волунтаристическое объясненіе кантовской «вещи въ себѣ». Но особенно далеко идутъ въ этомъ направленіи Вундтъ и Паульсенъ. Изъ нихъ первый разсматриваетъ міръ, какъ «совокупность волевыхъ актовъ», послѣдній считаетъ волю основнымъ началомъ душевной жизни и вмѣстѣ съ Шопенгауеромъ кладетъ ее, какъ силу природы, не только въ основу всего органическаго міра, но и «внутреннихъ процессовъ въ неорганическихъ тѣлахъ». Здѣсь еще разъ оправдались слова Гегеля, что сова Минервы начинаетъ летать только въ сумеркахъ, и что когда извѣстный фазисъ жизни уже отживаетъ, только тогда философія начинаетъ вырисовывать его очертанія своими сѣрыми тонами. Бисмарковская эра уже прошла, но философія только теперь усвоиваетъ себѣ ея содержаніе: великій мужъ желѣзной воли научилъ ее признавать главенство воли не только въ индивидуумѣ, но и въ мірѣ. Напротивъ того, соціалистическая эра въ ея борьбѣ съ воскресающимъ индивидуализмомъ стоитъ еще далеко на периферіи науки. То же самое относится и къ исторіи, только послѣдняя сдѣлала еще одинъ шагъ впередъ въ изслѣдованіи методологическихъ вопросовъ, касающихся противоположности между коллективизмомъ и индивидуализмомъ и оказала этимъ услугу философіи; благодаря этому, въ философіи снова пробуждается довѣрчивое отношеніе къ философіи исторіи и возстановляется связь съ великими идеями Гегеля. Поэтому, не случайно Куно Фишеръ въ настоящее время готовится включить въ свою исторію новѣйшей философіи давно отставленнаго «Гегеля»; онъ выбралъ какъ разъ подходящій моментъ,—когда часъ уже пробилъ.

Наконецъ, волунтаризмъ долженъ разрѣшить еще одно противорѣчіе между причинностью и телеологіей, которое многими признается самымъ фундаментальнымъ вопросомъ современнаго міровоззрѣнія Въ извѣстномъ смыслѣ это справедливо. Торжество естественныхъ наукъ, казалось, увлекло также на нѣкоторое время науки о духѣ на путь ихъ метода; естествознаніе же страдаетъ рѣшительной телеофобіей. Но на этомъ дѣло не остановилось. Дарвинизмъ заимствовалъ идею развитія изъ наукъ о духѣ, именно изъ исторіи; извѣстно, что и въ философіи Гегеля эта идея стояла на первомъ планѣ, между тѣмъ какъ цѣлесообразность въ органическомъ мірѣ Гегель объяснялъ механически. Волунтаризмъ все переставляетъ: исходя изъ волевыхъ дѣйствій, онъ путемъ повторенія обращаетъ ихъ въ автоматическія и рефлекторныя движенія и, такимъ образомъ, дѣлаетъ понятнымъ цѣлесообразный характеръ послѣднихъ. Такимъ образомъ, сближеніе идетъ съ обѣихъ сторонъ. Но все-таки это только приближеніе, а не равенство. Остается противорѣчіе между внѣшнимъ и внутреннимъ; когда нашему времени дѣлаютъ упрекъ въ преобладаніи механическаго принципа, то при этомъ подразумѣвается недостатокъ вниманія къ внутренней жизни. Во-вторыхъ, остается противорѣчіе между естественнымъ закономъ и нравственнымъ. Это противорѣчіе надѣялся

*

легко устранить въ свое время Шлейермахеръ; но оно остается до сихъ поръ, потому что споръ о свободѣ еще не исчерпанъ. Въ концѣ конповъ, все вращается именно около этого пункта: имѣетъ-ли значеніе для человѣчества со всѣми его нормами и нравственными принципами, со всѣмъ его внутреннимъ міромъ — неумолимость закона, или гдѣ-то и какимъ-то образомъ остается мѣсто чудесному произволу и свободѣ личности? Этотъ споръ будетъ продолжаться, потому что здѣсь идетъ дѣло о значеніи и толкованіи однихъ и тѣхъ же фактовъ. Какое придать имъ толкованіе или какую выбрать философію, зависитъ, по извѣстному выраженію Фихте, отъ того, «каковъ самъ человѣкъ, потому что философская система не есть мертвая безличная вещь, которую можно отложить и взять опять по желанію, она одушевлена духомъ того человѣка, которому принадлежитъ». Такимъ образомъ, и въ двадцатомъ столѣтіи будутъ еще существовать детерминисты и индетерминисты,—одни, которые довольствуются объясненіемъ мірового строя и прибавляютъ къ этому объясненію песчинку за песчинкой. и другіе, которые дерзаютъ спрашивать о цѣли существованія этого міра и вкладываютъ произвольный смыслъ въ игру естественныхъ и духовныхъ силъ.

Въ заключеніе остается упомянуть, что наука во всѣхъ своихъ областяхъ является продуктомъ времени. Неутомимой дѣятельности въ сферѣ промышленности соотвѣтствуетъ здѣсь прилежаніе и энергія нашихъ ученыхъ. міровой торговлѣ — интернаціональная организація ихъ труда, накопленію капитала—собираніе прежнихъ научныхъ трудовъ, что вызывается, кромѣ того, и общимъ историко-традиціоннымъ характеромъ нашего столѣтія. И въ наукѣ на-ряду съ утонченнымъ и сложнымъ развитіемъ метода на первомъ планѣ стоитъ техника. Если взять еще существованіе коллективныхъ ученыхъ единицъ, съ которыми каждый въ отдѣльности сообразуется въ своемъ трудѣ, которымъ служитъ и подчиняется, то это напомнитъ систему нашей крупной промышленности. Грандіозныя научныя экспедиціи, сѣть наблюдательныхъ станцій, гигантскія энциклопедіи, постоянныя коммиссіи для изслѣдованій въ той или иной области стали возможными только благодаря концентраціи. Выгоды ея несомнѣнны. Но она имѣетъ также свои неудобства: опасность подобнаго машиннаго производства заключается (въ этомъ совершенно правъ Мейеръ) не въ вытѣсненіи геніальныхъ индивидуальностей: именно здѣсь-то необходимо, чтобы во главѣ стояли выдающіяся личности; но нельзя не признать, что негеніальные сотрудники, благодаря широкому раздѣленію труда, постепенно спускаются до уровня ремесленниковъ и «рукъ», и что этому содѣйствуетъ «методъ», который часто замѣняетъ умъ. И какъ въ области промышленности, такъ и здѣсь конкуренція является со всѣми своими темными и гнусными сторонами. Извѣстно, по описанію Лагарда, какъ ученая пресса, «смотря по обстоятельствамъ, забрасываетъ грязью, осторожно, систематически вышучиваетъ или навсегда замалчиваетъ факты и людей, неудобныхъ, несимпатичныхъ или стѣснительныхъ» для главы клана. Когда упрекаютъ академическую молодежь въ недостаткѣ идеализма, то при этомъ не слѣдовало бы забывать и ея академическихъ учителей. Тамъ, рядомъ съ великимъ, стоитъ много малаго и мелкаго. Но все это, всегда присущее всякому человѣческому дѣлу, не должно колебать нашего уваженія и радости по поводу уже достигнутаго и прочнаго успѣха въ научной работѣ. Подобно тому, какъ въ нашихъ фабричныхъ округахъ дымятся трубы и

стучатъ молоты, такъ и въ наукѣ неутомимо пульсируетъ жизнь, и какъ радостно жить и работать вмѣстѣ!

Искусство и поэзія. Музыка.

Искусство и поэзія въ концѣ столѣтія тоже испытали вліяніе духа времени хотя совершенно иначе, чѣмъ наука, которая медленными осторожными шагами старается приблизиться къ жизни и къ тому, что въ ней вновь нарождается. Мы должны будемъ начать издалека и не разъ возвращаться назадъ; точкой отправленія намъ придется взять Нитцше. Послѣдній былъ послѣдователемъ Шопенгауера, но еще непосредственнѣе, еще тѣснѣе онъ былъ связанъ съ Рихардомъ Вагнеромъ. Какъ теперь ломаютъ копья по поводу Нитцше, такъ было двадцать и тридцать лѣтъ тому назадъ съ Вагнѐромъ. Само собой разумѣется, мы не будемъ здѣсь касаться того, что имѣетъ спеціальное отношеніе къ музыкѣ, не будемъ говорить о заслугахъ и нововведеніяхъ Вагнера въ этой области, но лишь о тенденціяхъ, которыя выражаются въ его дѣятельности, и о томъ, что онѣ внесли въ общій ходъ нѣмецкой умственной жизни.

Какъ разъ на рубежѣ столѣтія въ этомъ отношеніи эпоху дѣлаетъ Бетховенъ. Онъ мощной рукой выводитъ музыку изъ ея изолированнаго положенія, гдѣ она пребывала до тѣхъ поръ, (за исключеніемъ Баха), въ сторонѣ отъ всей остальной умственной жизни своего времени. Самъ онъ ищетъ сближенія съ жизнью и, стремясь дать въ симфоніяхъ выраженіе единой общей мысли, входитъ въ кругъ идей своихъ великихъ современниковъ, прежде всего Гете, затѣмъ Шиллера. Для перехода отъ инструментальной музыки къ человѣческому голосу въ девятой симфоніи онъ выбираетъ произведеніе Шиллера: гимнъ «Къ радости», а въ музыкѣ къ драмѣ «Эгмонтъ» чувство свободы находитъ у него превосходное выраженіе. Его творчество возвышенно, поэтому ему импонировалъ гигантскій образъ Наполеона I, и онъ написалъ свою III-ю симфонію Eroica «на Бонапарта». Но такъ какъ музыкальные мотивы допускаютъ широкое толкованіе, то было вполнѣ возможно и совершенно въ духѣ Бетховена перекрестить эту симфонію, какъ сдѣлалъ Гансъ фонъ-Бюловъ въ 1892 году: «Квинтэссенцію бетховенской мысли составляетъ герой, поэтому, я посвящаю «Eroica» нѣмецкому герою, князю Бисмарку». Прибавимъ еще сюда произведенное Бетховеномъ развитіе оркестра, гдѣ каждый инструментъ выполняетъ свою индивидуальную задачу, а цѣлое представляетъ совокупность такихъ индивидуальныхъ дѣйствій; затѣмъ укажемъ на его стараніе слить въ одно цѣлое—слово и его музыкальное выраженіе, и мы увидимъ въ немъ смѣлаго и великаго творца новаго направленія въ музыкѣ, къ которому непосредственно примыкаетъ Рихардъ Вагнеръ.

Связь музыки съ общей жизнью націи могла войти въ сознаніе только въ болѣе легкой и доступной формѣ; это сдѣлалъ Карлъ Марія Веберъ. Когда, 18-го іюня 1821 года, «Freischütz» былъ въ первый разъ исполненъ въ Берлинѣ, онъ привелъ въ восторгъ «нѣмецкихъ студентовъ и тѣхъ, которые страдали и боролись за отечество и домашній очагъ, и вооруженные оружіемъ духа, стояли на стражѣ противъ всего чужестраннаго, однимъ словомъ, всѣ тѣ восторженныя души, которыя радовались славѣ и величію своей родины». Онъ былъ вполнѣ нѣмцемъ и романтикомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Но хотя Веберъ и пѣлъ свои пѣсни въ качествѣ странствующаго музы-

канта, онъ имѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ большое сродство съ Шиллеромъ и носилъ въ себѣ слишкомъ много драматизма для того, чтобы поддаться исключительно вліянію романтической школы, замкнуться въ ней и вмѣстѣ съ нею свести все только на настроеніе. Его романтизмъ выражался, въ сущности, троякимъ образомъ: во-первыхъ, онъ, подобно борцамъ за освобожденіе, чувствовалъ себя нѣмцемъ и вѣрующимъ, во-вторыхъ, онъ понималъ природу, чувствомъ сроднился съ нею и ей, нѣмой, далъ языкъ, и, наконецъ, въ-третьихъ, онъ умѣлъ въ духѣ Гердера музыкально характеризовать эпохи, народности, страны, сословія, и такимъ образомъ «голоса народовъ» перелагать въ пѣсню. Поэтому, Philipp Spitta называетъ его современнымъ человѣкомъ и говоритъ, что слово «юность» точнѣе всего опредѣляетъ Вебера.

Особенно много сдѣлалъ Веберъ для этого взаимоотношенія между музыкой и жизнью нѣмецкаго народа своимъ вліяніемъ на возникновеніе ферейновъ мужского хорового пѣнія, которые принадлежатъ исключительно нашему столѣтію. Правда, Цельтеровское общество любителей пѣнія возникло въ Берлинѣ въ 1808 году независимо отъ него, какъ протестъ противъ объитальянившейся придворной музыки, съ ясно поставленной цѣлью «пѣть въ честь короля, отчизны, во имя общаго блага, нѣмецкаго чувства и нѣмецкой вѣрности». Но въ 1814 г. Веберъ переложилъ для него на музыку шесть патріотическихъ пѣсенъ изъ сборника Кернера «Лира и мечъ», и эти «геніальныя произведенія, сверкающія огнемъ вдохновенія, разнесли по всей нѣмецкой странѣ пожаръ, который загорѣлся у сѣверо-германскаго очага». Такъ, стали возникать повсюду ферейны пѣвцовъ, и во многихъ мѣстностяхъ были отпразднованы сначала мѣстные, а потомъ и широкіе массовые праздники пѣнія, которые будили любовь къ отечеству и распространяли патріотическія чувства. Не исключительно музыкальные факторы, о достоинствѣ которыхъ можно было даже спорить, но на крыльяхъ пѣнія искали себѣ выхода совсѣмъ другія не имѣвшія ничего общаго съ искусствомъ тенденціи: на-ряду съ потребностью общенія, связывающей нѣмецкія народности, здѣсь нашло себѣ самое элементарное и популярное выраженіе національное чувство нашего народа, здѣсь это настроеніе спускалось вглубь до самыхъ низшихъ слоевъ общества и глубоко проникало въ сердца, вообще туго откликавшіяся на политику. И поэтому, не случайно, въ 1862 году, когда Германія исполнилась новыхъ надеждъ и стремленій, былъ основанъ всеобщій нѣмецкій союзъ пѣнія.

Если здѣсь мы имѣемъ дѣло со специфически народнымъ развитіемъ и распространеніемъ музыки, то Мендельсонъ-Бартольди созданіемъ своихъ и популяризаціей чужихъ произведеній развилъ пониманіе музыки, какъ чистаго и высокаго искусства, среди образованнаго общества Берлина и Лейпцига. Въ фортепіанной игрѣ и пѣніи давали тонъ Шубертъ и Шуманнъ, проявивъ во всемъ богатствѣ и разнообразіи свои блестящія дарованія. Тамъ и здѣсь открывалось широкое поле дилеттантизму, который, съ одной стороны, такъ полезенъ, съ другой—такъ опасенъ и невыносимъ въ музыкѣ. Во всякомъ случаѣ музыка сдѣлалась не только разсадникомъ патріотизма, но и сама по себѣ, какъ искусство, стала силою въ жизни нѣмецкаго народа, что указываетъ на природное музыкальное дарованіе и музыкальное настроеніе нашей націи. Наша общественность въ значительной степени держится на музыкальныхъ связяхъ и носитъ на себѣ печать музыки:

единственно глубокій интересъ къ искусству есть интересъ музыкальный, эстетическія потребности во многихъ мѣстахъ удовлетворяются только посѣщеніемъ концертовъ и участіемъ въ музыкальныхъ ферейнахъ; какъ «домашняя музыка», она иногда скромно украшаетъ и облагораживаетъ семейную жизнь, иногда же разростается въ непомѣрныя претензіи и вытѣсняетъ и заслоняетъ своимъ дилеттантизмомъ всѣ другіе высшіе интересы. Наконецъ, связь музыки съ религіозными потребностями и интересами доказывается не только религіозными композиціями современныхъ художниковъ звука, начиная съ чудной Missa solemnis Бетховена и кончая нѣмецкимъ Requiem Брамса, но также сдѣланной протестантскою церковью попыткой, столь же неудачной, сколько рискованной, поддержать слабѣющую религіозную жизнь, прикрасивъ богослуженіе пѣніемъ.

Въ оперѣ боролись двѣ партіи: при Фридрихѣ-Вильгельмѣ III дворъ придерживался Спонтини, національно настроенный народъ былъ за Вебера; даже выборъ національнаго сюжета: «Агнеса фонъ-Гогенштауфенъ»—не могъ примирить берлинцевъ съ чужеземцемъ. Фридрихъ Вильгельмъ IV при своемъ вступленіи на престолъ долженъ былъ уступить народной ненависти. Если пристрастіе двора къ итальянцамъ было признакомъ консервативнаго вкуса, то музыка Вебера соотвѣтствовала современному романтическому теченію, а оперы Мейербеера, разсчитанныя на сильные эффекты и удовлетворявшія вкусу трехъ національностей, отвѣчали космополитизму молодой Германіи и звучной фразѣ ея поэзіи. Въ это время выступаетъ Рихардъ Вагнеръ. Одаренный сильной волей, онъ «одинаково на всѣхъ путяхъ, во всѣхъ пещерахъ, ущельяхъ стремится къ свѣту и власти», онъ хочетъ только дѣйствовать, побѣждать, завоевывать, оказывать со сцены неотразимое вліяніе. Въ этомъ отношеніи Мейербееръ кажется ему подходящимъ руководителемъ, и опера Вагнера «Ріенци» носитъ на себѣ слѣды его вліянія; съ его помощью Вагнеръ надѣялся попасть въ Большую Оперу Парижа. Но, какъ драма, «Ріенци» очень слаба, эффекты удавались Мейербееру гораздо лучше; тогда Вагнеръ, изъ сопоставленія съ Мейербееромъ и вообще «еврействомъ въ музыкѣ», уяснилъ себѣ свою ошибку, и вмѣстѣ съ тѣмъ сущность современнаго успѣха, современную публику и всю современную «ложь въ искусствѣ»: онъ критикуетъ эффектъ, какъ «дѣйствіе безъ причины», онъ становится революціонеромъ. Революціонное настроеніе сороковыхъ годовъ, которое уже отразилось и въ «Ріенци», соединились воедино съ національнымъ теченіемъ въ томъ видѣ, какъ оно было введено въ музыку Веберомъ, и, такимъ образомъ, Вагнеръ, благодаря Веберу, сталъ романтикомъ. Его романтизмъ сказывается въ томъ, что у него музыка, какъ самое глубокое изъ искусствъ, раскрываетъ внутреннюю сущность природы и человѣческаго сердца, онъ старается найти въ ней выраженіе и отзвукъ всякому вздоху и стону, всѣмъ стремленіямъ, чувствамъ и запросамъ души. Это выразилось уже въ его оперѣ «Морякъ-скиталецъ», написанной въ тонѣ баллады и наполняющей сердце ужасомъ и тайнымъ трепетомъ. Романтичны также въ болѣе узкомъ смыслѣ «Тангейзеръ» и «Лоэнгринъ», но они въ то же время революціонны въ музыкальномъ смыслѣ. Но только «Кольцо Нибелунговъ» съ образомъ Зигфрида является первымъ вполнѣ революціоннымъ произведеніемъ. Къ революціонному настроенію привела Вагнера его личная жизнь: полный неуспѣхъ его оперъ, неуспѣхъ же въ свою очередь, зависѣлъ отъ того, что его оперы были совершенно революціонны: онѣ предполагали и должны были по-

вести за собой полный переворотъ во всей постановкѣ опернаго и театральнаго дѣла. Онѣ, дѣйствительно, представляли изъ себя нѣчто новое: музыкальныя драмы, гдѣ драматическое дѣйствіе занимало первое мѣсто, находя себѣ выраженіе въ троякой формѣ—въ музыкѣ, мимикѣ и словѣ. «Музыка переноситъ основныя движенія внутренняго міра отъ лицъ представляющихъ—непосредственно въ душу слушателей, которые, затѣмъ, въ мимикѣ этихъ лицъ воспринимаютъ первыя внѣшнія проявленія ихъ внутренней жизни, и, наконецъ, въ словахъ получаютъ второе, болѣе блѣдное изображеніе ея, переведенное на сознательный языкъ воли». Въ гармоническомъ сочетаніи этихъ трехъ элементовъ и состоитъ прежде всего искусство; поэтому, Вагнеръ не только мастеръ звука, но и поэтъ, и режиссеръ. Но для этого нужно было создать новый театръ, указать ему его истинное назначеніе,—въ этомъ видѣлъ Вагнеръ «культурную задачу»; ибо до сихъ поръ театръ былъ только роскошью, служилъ для удовлетворенія пустыхъ потребностей. Когда онъ выступаетъ передъ народомъ со своими «Тангейзеромъ» и «Лоэнгриномъ» и спрашиваетъ: «гдѣ вы, которые такъ же страдаете, такъ же нуждаетесь, какъ я?»—то не получаетъ ни отвѣта, ни отклика; тогда онъ исполняется отвращеніемъ и злобой къ обществу, для котораго искуство служитъ только наркозомъ, опьяненіемъ, и онъ становится настоящимъ революціонеромъ. «Такъ, съ моей художественной точки зрѣнія,—пишетъ онъ самъ,—на пути своихъ замысловъ о реформѣ театра я додумался до того, что вполнѣ могъ понять необходимость начинавшейся революціи 1848 года».

Въ этомъ настроеніи онъ сражался, въ маѣ 1849 года, на баррикадахъ въ Дрезденѣ и, подъ вліяніемъ этого же настроенія, работалъ надъ своимъ «Молодымъ Зигфридомъ»; его умственнымъ вождемъ былъ въ то время Фейербахъ. Но это было плохое время, время реакціи пятидесятыхъ годомъ и, вмѣсто «Кольца Нибелунговъ», онъ занялся работой надъ «Тристаномъ и Изольдой», этимъ чистымъ opus metaphysicum, «на которомъ покоится угасшій взоръ умирающаго съ его ненасытнымъ сладкимъ стремленіемъ проникнуть въ тайны мрака и смерти, далеко отъ жизни, которая, какъ препятствіе, съ яркостью и силой свѣтитъ страстнымъ, призрачнымъ свѣтомъ». Новѣйшій біографъ Вагнера, Финкъ, находитъ въ этомъ стремленіи любящихся къ соединенію за гробомъ только «всюду повторяющуюся пантеистическую идею» и на этомъ основаніи старается умалить вліяніе Шопенгауэра на это произведеніе. Но это невѣрно.

Въ это время Шопенгауэръ оказывалъ вліяніе на Вагнера троякимъ образомъ: его пессимизмъ былъ очень близокъ Вагнеру, тяжело огорченному въ это реакціонное время печальнымъ исходомъ революціи какъ въ области искусства, такъ и политики; затѣмъ, ученіе философа о музыкѣ, какъ о непосредственной объективаціи воли льстило музыканту, который, благодаря этому, сразу поднимался на высоту толкователя міровой загадки; и, наконецъ, шопенгауэровская мораль признавала подавленіе личнаго я не только благомъ, но и освобожденіемъ, «высшею радостью». Тристанъ и Изольда съ выраженнымъ въ этой оперѣ исканіемъ любви и смерти,—причемъ какъ любовь, такъ и смерть разрушаютъ личность и уничтожаютъ границы индивидуальности,—насквозь проникнута шопенгауэровскимъ духомъ.

Подъ вліяніемъ Шопенгауэра, «Кольцо Нибелунговъ» принимаетъ совершенно иной видъ, сравнительно съ первоначальнымъ замысломъ. Первоначально это должна быть музыкальная драма протеста противъ

всего существующаго, торжествующая пѣснь побѣдоносвой революціи въ устахъ побѣдителя-героя. Но, вмѣсто этого, въ концѣ ея мы имѣемъ сумерки боговъ, гдѣ гибнетъ не только все старое, давно изжитое, но и новое побѣдоносное начало. Это Шопенгауэръ извратилъ замыселъ автора, это его пессимизмъ и атеизмъ звучатъ во многихъ мѣстахъ текста.

Но вмѣсто побѣды все болѣе и болѣе выдвигается идея объ освобожденіи, которая въ «Парсивалѣ» принимаетъ чисто христіанскій характеръ. Дѣйствительно, Вагнеръ здѣсь «палъ ницъ передъ христіанскимъ крестомъ», но въ то же время тутъ нѣтъ недостатка въ старыхъ шопенгауэровскихъ и буддійскихъ элементахъ, а христіанство берется не въ его исторически-конкретной формѣ, но въ мистически одухотворенномъ пониманіи. «Парсиваль» — это первая современная «мистерія».

Итакъ, въ Вагнерѣ соединяется революціонное и романтическое настроеніе, несмотря на ихъ противорѣчіе и диссонансъ. Революціонеромъ онъ является по отношенію ко всему общепринятому въ искусствѣ: его оперы производятъ разрывъ съ прежнимъ опернымъ стилемъ, чего не сдѣлалъ даже Бетховенъ въ своемъ «Фиделіо». Романтикомъ же онъ является какъ въ особенно свойственныхъ музыкѣ неопредѣленныхъ сочетаніяхъ звуковъ, съ сильнѣйшимъ дѣйствіемъ на чувство, такъ и въ стремленіи соединить всѣ искусства во единое общее искусство и установить связь этого своего искусства съ философіей и религіей: все это должно слиться вмѣстѣ въ океанѣ его музыкальной драмы, какъ объ этомъ нѣкогда мечталъ романтикъ Шлегель. Романтична также специфически-германская окраска его искусства, въ противоположность еврейству въ музыкѣ (Вагнеръ былъ убѣжденный антисемитъ); положительно же это выразилось какъ въ выборѣ матеріала, особенно въ «Мейстерзингерахъ» и въ фигурѣ Ганса Закса, такъ и въ формѣ, которая какъ въ употребленіи вновь вошедшей въ моду алитераціи, такъ и въ подборѣ выраженій и словъ, оставляетъ желать лучшаго. Наконецъ, сюда же, къ романтизму нужно отнести все шопенгауэровское вліяніе,—съ его пессимизмомъ, его моралью состраданія, которая разрушаетъ границы индивидуальности, и его теоріей объ исключительномъ значеніи музыки. Но мораль состраданія была признана, въ концѣ концовъ, Вагнеромъ тождественной или близкой по существу съ христіанской философіей терпѣнія и страданія.

Но при всемъ своемъ романтизмѣ Вагнеръ былъ вполнѣ человѣкомъ своего времени, и поэтому для него характерны, съ одной стороны, странная связь съ несчастнымъ романтикомъ на баварскомъ престолѣ, съ другой — продолжительная и интимная дружба съ Нитцше. Тѣмъ болѣе можетъ показаться страннымъ, почему онъ такъ долго оставался непризнаннымъ, непонятымъ, его долго игнорировали, и въ то же время онъ былъ предметомъ самыхъ рѣшительныхъ возраженій и страстныхъ нападокъ. Прежде всего это объясняется множествомъ музыкальныхъ нововведеній, къ которымъ трудно было привыкнуть уху. Кромѣ того, сюда присоединяются высокія требованія, которыя онъ предъявлялъ пѣвцамъ и музыкальному пониманію слушателей,— эти требованія не могли быть удовлетворены его современниками. Только въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, наконецъ, настало его время. Въ шестидесятыхъ мода на шопенгауэровскій пессимизмъ, въ семидесятыхъ—усиленіе національно-нѣмецкаго чувства привлекали

вниманіе къ этимъ произведеніямъ искусства, написаннымъ въ шопенгауэровскомъ и національно-нѣмецкомъ духѣ. Въ то же время явилась съ другой стороны поддержка, которая вывела его изъ ничтожества: молодой баварскій король Людовикъ II, исполненный къ нему энтузіазма, пригласилъ его въ 1864 году въ Мюнхенъ, поставилъ тамъ его оперы и намѣревался выстроить для Кольца «Нибелунговъ» отдѣльное театральное зданіе. Но Вагнеръ скоро возбудилъ противъ себя подозрѣніе, зависть и даже ненависть со стороны ультрамонтанъ, отчасти по собственной винѣ, такъ какъ онъ не вполнѣ уклонялся отъ участія въ политикѣ, и король, тогда еще выше всего ставившій любовь и довѣріе своего народа, долженъ былъ просить Вагнера снова покинуть Мюнхенъ. Но вниманіе широкихъ круговъ общества было уже возбуждено, и идея о постройкѣ отдѣльнаго театра для «Кольца Нибелунговъ» не погибла. Осуществить ее должна была національная инипіатива, — и уже въ 1871 году были основаны съ этой цѣлью первые вагнеровскіе ферейны. Началась дикая агитація: вагнеріанцы, въ родѣ Рихарда Поля или Вольцогена, возмущенные противодѣйствіемъ косной массы, доходили до фанатизма, до смѣшного; съ другой стороны критики, какъ Гансликъ, упорствовали въ своемъ отрицаніи и не щадили выраженій для своихъ нападокъ на Вагнера. Борьба съ обѣихъ сторонъ дошла до высшаго обостренія лѣтомъ 1876 года, когда, наконецъ, былъ выстроенъ театръ въ Байрейтѣ, и въ первый разъ была поставлена тетралогія Нибелунговъ. Это было европейское событіе, которому придало особенное значеніе присутствіе германскаго императора. Короткое обращеніе Вагнера въ концѣ «Сумерекъ боговъ»: «Вы видѣли теперь, на что мы способны. Хотите ли вы теперь? Если вы хотите, у насъ будетъ искусство», вызвало дикій восторгъ, оно означало открытіе новой эры для нѣмецкаго искусства, другіе же приходили въ ужасъ передъ такимъ тщеславіемъ и дерзостью. И наоборотъ, мы знаемъ, что среди вагнеріанцевъ, какъ, напр., Нитцше, это байрейтское представленіе вызвало большое разочарованіе, не столько по множеству недочетовъ, сколько потому, что все это объединенное искусство, въ концѣ концовъ, оказалось вовсе не чудомъ: оно оказалось не чѣмъ инымъ все-таки какъ оперой большихъ размѣровъ.

Но ледъ былъ сломанъ, Вагнеръ побѣдилъ, несмотря на байрейтскія газеты, въ которыхъ самъ маэстро и его поклонники печатали много вздора. Не реклама, а истинное искусство и вполнѣ современныя тенденціи, выразившіяся въ операхъ Вагнера, произвели этотъ переворотъ. Борьба, тянувшаяся еще нѣсколько времени, мало-по-малу смолкла, число упорствующихъ противниковъ все уменьшается, многіе изъ нихъ принадлежатъ теперь къ почитателямъ новаго искусства, а молодежь все больше въ нихъ втягивается. Вагнеровскія оперы даются чаще другихъ, онѣ дѣлаютъ полные сборы и возбуждаютъ общій восторгъ.

Только одно обстоятельство даетъ поводъ думать, что не все обстоитъ благополучно тамъ, гдѣ на дирежирскомъ мѣстѣ сидитъ такой превосходный толкователь Вагнера какъ Феликсъ Мотцль въ Карлсруэ: тамъ жалуются на нѣкоторое пренебреженіе старымъ «классическимъ» репертуаромъ. Тамъ исключительность, идущая отчасти отъ самого «маэстро» и отъ его высокомѣрнаго отношенія къ другимъ композиторамъ, указываетъ на какую-то искусственность и насиліе во всемъ вагнеровскомъ культѣ. И въ то же время является мысль, не притупилось ли, вслѣдствіе массы искусственности у Вагнера, наше

чувство къ простой красотѣ, не испорченъ ли нашъ вкусъ? Но въ этомъ случаѣ едва ли преклоненіе передъ Вагнеромъ могло бы удержаться на такой высотѣ; съ другой стороны, если бы даже это было вѣрно, оперы его представляютъ такія достоинства, что по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ не перестанутъ восхищать міръ. Какъ бы тамъ ни было, пока Вагнеръ является послѣднимъ великимъ музыкантомъ. Это можно сказать безъ боязни быть несправедливымъ по отношенію къ Іоганну Брамсу: его скромное, чистое творчество, его суровая мужественность никогда не доставятъ ему широкой популярности, а его художественная оригинальность и самобытность проигрываетъ у его эпигоновъ, вслѣдствіе моднаго стремленія пользоваться всевозможными музыкальными формами и способами выраженія.

Живопись.

Вагнеръ перенесъ революціонный складъ своей личности въ свое искусство и мощной рукой преобразовалъ его. Въ другихъ искусствахъ этотъ революціонный элементъ проявляется не менѣе сильно и, можетъ быть, выступаетъ еще энергичнѣе, яснѣе, потому что онъ не связанъ такъ тѣсно съ романтикой, не прикрытъ ея формами, но только дѣйствіе его здѣсь не идетъ такъ далеко ни въ ширь, ни въ глубь; потому что эти искусства не въ такой степени взбудораживаютъ человѣческую душу, какъ музыка, не касаются такъ близко его страстей и воли.

Переходъ отъ старыхъ школъ къ современному направленію въ живописи составляетъ Ансельмъ Фейербахъ, одинокій человѣкъ, уже самъ по себѣ меланхолически настроенный и, кромѣ того, много пострадавшій отъ противорѣчій нашего вѣка; свое усталое, стремящееся за предѣлы земного бытія, настроеніе онъ очень тепло съумѣлъ передать своимъ Ифигеніямъ и Медеѣ. У французовъ выучился онъ рисовать, у древнихъ заимствовалъ ихъ спокойное величіе и, такимъ образомъ, соединилъ классическій стиль съ современной глубиной содержанія и тонкостью чувства, прибавивъ сюда меланхолію и декадентство, свойственныя его собственной личности. Въ виду богатаго внутренняго содержанія, которое нигдѣ, быть можетъ, не выразилось съ такой полнотой и глубиной, какъ въ его «Пиру у Платона», мы забываемъ теперь почти «непріятную неподвижность его фигуръ» и холодные, сѣрые тона его картинъ. Но въ началѣ въ этомъ недостаткѣ колоритности видѣли какъ бы возвращеніе къ старому назарейству, и на этомъ основаніи неизмѣримо ниже его стоящій Гансъ Макартъ могъ съ успѣхомъ оспаривать его мѣсто въ глазахъ современниковъ: богатство красокъ въ его картинахъ отвѣчало духу организаціонной эпохи, привлекала также подмѣшанная въ нихъ доза чувственности и усталая апатія, напр., на лицѣ Клеопатры. Пробужденный этимъ искусствомъ вкусъ къ яркимъ, живымъ краскамъ,—букеты Макартъ, шляпы Макартъ,—сослужилъ прежде всего службу модѣ и ремесленной живописи.

Еще одно направленіе представляетъ полную противоположность Фейербаху: реалистическое. Въ эпоху господства реалистическихъ естественно-научныхъ знаній чутье дѣйствительности проникаетъ и въ сферу искусства. Реалистическое искусство выросло не на нѣмецкой почвѣ; его происхожденіе то же, что и фейербаховскаго классицизма—французское: оно одержало побѣду, благодаря тому сильному впечатлѣнію, какое произвело французское искусство, такъ превосходно представ-

ленное на Мюнхенской художественной выставкѣ 1879 года. Я опять-таки и здѣсь не буду касаться вопросовъ, имѣющихъ спеціальное отношеніе къ живописи, въ родѣ, напр., вопроса объ освѣщеніи, т.-е. о замѣнѣ искусственнаго свѣта мастерскихъ натуральнымъ освѣщеніемъ,— я буду говорить объ общенатуралистической тенденціи въ живописи съ ея подчеркиваніемъ среды. Здѣсь потребуется также указать на пессимистическія и еще болѣе, соціалистическія тенденціи эпохи.

Благочестивые назареи вообще не умѣли рисовать, они не умѣли, кромѣ того, наблюдать: заботы объ идейномъ содержаніи не оставляли имъ времени для техники искусства, изъ заоблачнаго міра своихъ идей они не хотѣли спуститься на почву обыденной дѣйствительности, она была для нихъ непонятна. Поэтому, нѣмецкимъ художникамъ нужно было прежде всего научиться видѣть и замѣчать, что уже въ то время въ совершенствѣ умѣли французы; у послѣднихъ они и стали учиться. Идеалистическое искусство, по принципу или по неумѣнью, всюду стирало индивидуальность, избѣгало характерныхъ чертъ,—натурализмъ именно на это и обратилъ свое вниманіе: онъ видитъ именно то, что есть, и именно такъ, какъ оно есть. Но какъ только мѣсто идеальнаго заняло индивидуальное, мѣсто типичнаго—характерное, прежде всего, становится безразличнымъ, что ни рисовать: дѣло теперь не въ идеалахъ, тенденціяхъ или историческихъ событіяхъ,—любой ближайшій предметъ оказываетъ ту же самую услугу, оказываетъ ее даже гораздо лучше, потому что его можно наблюдать и изобразить во всей его характерной реальности. И такъ какъ старый идеализмъ въ своемъ преклоненіи передъ красотой не интересовался характернымъ, то теперь дѣло было уже не въ красотѣ, а только въ передачѣ дѣйствительности, красива она или нѣтъ,—красивые и отвратительные сюжеты берутся одинаково. Начало этого направленія совпало по времени съ періодомъ шопенгауэровскаго пессимизма: согласно ему, міръ, въ цѣломъ и общемъ, изображался не только нравственно-низкимъ, но и эстетически-отвратительнымъ. Итакъ, изображать міръ такимъ, каковъ онъ есть, значило изображать его отвратительнымъ, нужно было рисовать отвратительное,—вотъ въ чемъ въ данный моментъ полагалось истинное искусство. И здѣсь опять-таки у нѣмцевъ помѣхой является философія, теорія. Натурализмъ сдѣлался антиподомъ идеализма: послѣдній не хотѣлъ видѣть мрачныхъ тѣней въ изображеніи міра, первый ничего не хочетъ знать о красотѣ міра, онъ изображаетъ его только въ его отвратительныхъ проявленіяхъ, т.-е. опять-таки невѣрно, не такимъ, каковъ онъ есть, но лишь бы доказать свое положеніе. Однако, несмотря на преувеличеніе и односторонность, натурализмъ обогатилъ искусство: къ свѣту онъ прибавилъ и тѣни, и заставилъ искусство серьезно относиться къ жизни и показывать все не «прибраннымъ» и искусственно принаряженнымъ, но въ своемъ истинномъ видѣ и дѣйствительной обстановкѣ.

При этомъ выступаетъ роль обстановки, среды. Естественное освѣщеніе уничтожаетъ контуры, рѣзкія очертанія. Фигуры расплываются въ окружающемъ ихъ ландшафтѣ, дѣлаются частью его и вполнѣ зависятъ отъ свѣта и воздуха, въ средѣ котораго они находятся. Въ виду того, что «ландшафтная обстановка подавила фигуру, художники,—какъ удачно замѣчаетъ Нейманъ,—предпочли брать своимъ сюжетомъ человѣка въ болѣе зависимой отъ внѣшнихъ условій, такъ сказать въ болѣе растительной формѣ существованія»... Мистицизмъ находимъ мы и у Арнольда Бёклина, но въ иномъ, болѣе совершенномъ

видѣ. Какое богатство лицъ у этого величайшаго художника нашихъ дней! Сколько правды и жизни! У него мы находимъ то сліяніе съ природой и со всѣмъ богатствомъ ея разнообразныхъ силъ, въ которомъ современная эстетика думаетъ раскрыть тайну красоты и, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ глубочайшіе и сокровеннѣйшіе замыслы живущаго въ ней гигантскаго творческаго духа. Итакъ, это—своего рода мистическое отношеніе къ природѣ, углубленіе внутрь, въ душу природы, олицетвореніе ея помощью новой миѳологіи, составляющей продуктъ могущественной фантазіи этого художника, замѣчательное пантеистическое откровеніе о жизни элементовъ и всякихъ духовъ, которые ее оживляютъ, и ко всему этому нужно прибавить въ высшей степени совершенный языкъ образовъ и красокъ для выраженія всего обилія чувствъ и настроеній, которыя во всей тончайшей дифференціаціи ихъ оттѣнковъ глубоко волнуютъ и восхищаютъ насъ, нервныхъ людей XIX вѣка. То, для чего другіе только съ трудомъ подыскиваютъ художественное выраженіе и испытываютъ вслѣдствіе этого унылое, подавленное и меланхолическое настроеніе, у этого въ высшей степени здороваго человѣка и мощнаго художника находитъ себѣ поистинѣ счастливое выраженіе въ яркой и жизнерадостной окраскѣ. И если голосъ смерти касается его слуха, онъ прислушивается къ нему, онъ хочетъ слышать и знать также и его, но самъ остается незатронутымъ: онъ полонъ жизни, и все, что онъ творитъ есть жизнь и дышитъ жизнью. Съ необычайнымъ богатствомъ творчества онъ оживляетъ природу, олицетворяетъ ее и населяетъ человѣколюбивыми существами, которыя, сливаясь съ ней воедино, берутъ и воплощаютъ въ себѣ ея лучшую часть. Благодаря этому, онъ научилъ насъ наблюдать и понимать природу такъ, какъ мы безъ него никогда ее не понимали и не поняли бы; онъ является истиннымъ художникомъ еще и потому, что умѣетъ сказать человѣчеству новое слово и раскрываетъ передъ нимъ великія тайны. При этомъ и онъ не избѣгаетъ случая изобразить иногда уродливое и безобразное, вѣдь многое и такое страннымъ образомъ привлекаетъ насъ. Свѣтлая живопись соотвѣтствуетъ его собственной жизнерадостности, она выражаетъ присущее ему настроеніе ренессанса, поэтому этотъ швейцарецъ постоянно бѣжитъ изъ своего отечества въ страну красоты, въ Италію, и тамъ, главнымъ образомъ, въ чужомъ флорентинскомъ ландшафтѣ подбираетъ свои сюжеты, а море его—это море грековъ, море Одиссеи. И такъ какъ онъ чувствуетъ себя своимъ здѣсь, среди этихъ ландшафтовъ, то и намъ тоже хорошо и удобно при видѣ его картинъ: мы возвращаемся вмѣстѣ съ путникомъ домой, въ деревню теплымъ осеннимъ вечеромъ, играемъ вмѣстѣ съ его нимфами въ голубыхъ волнахъ моря, и даже тамъ, гдѣ природа серьезна и молчалива, эта тишина навѣваетъ блаженное и и возвышающее душу чувство тихой грусти, а не пессимистическое отчаяніе или тяжелое уныніе. Кромѣ того, онъ владѣетъ тѣмъ, что такъ радикально утратили наши художники, наши поэты, мы всѣ въ нашъ вѣкъ серьезнаго реализма; онъ владѣетъ юморомъ, онъ шутитъ серьезными предметами, не переставая въ то же время относиться къ нимъ серьезно и вдумчиво.

Художникъ, подобный Бёклину, не можетъ имѣть послѣдователей: онъ индивидуаленъ, онъ «единственный». То же можно сказать и относительно Франца Ленбаха. Какъ Бёклинъ погружается въ природу, такъ и онъ углубляется въ изученіе человѣческаго духа. Его картины—тоже своего рода откровенія: откровенія о свойствахъ человѣческой души: онъ—великій психологъ. Но такъ какъ наиболѣе выдающіяся изъ

нарисованныхъ имъ лицъ намъ извѣстны, то онъ не говоритъ намъ столько новаго, какъ Бёклинъ; онъ подтверждаетъ только то, что мы ужъ и безъ него знаемъ, и такимъ образомъ мы можемъ контролировать его мастерство. При этомъ техника его часто чужда намъ, и преднамѣренно чужда. Этимъ объясняется, почему Бёклинъ кажется намъ много ближе и выше, независимо отъ степени таланта и искусства.

Всякое искусство символично. Изъ трехъ великихъ художниковъ—Фейербахъ, Беклинъ и Ленбахъ,—Беклинъ болѣе всѣхъ символистъ. Прежде всего символизмъ не согласуется съ натурализмомъ: девизъ натурализма—искусство для искусства (l'art pour l'art) — исключаетъ всякую связь съ моралью, всякую тенденціозность. И пока молодые художники (главное мѣстопребываніе ихъ Мюнхенъ) еще молоды и учатся, они хорошо дѣлаютъ, что только учатся наблюдать и рисовать; въ этомъ ихъ право, это признакъ здороваго направленія. Если эта радикальная молодежь иногда рѣзка и полемизируетъ со «стариками», то это привилегія молодости, не болѣе: вѣдь отъ Бёклина они и узнали, что каждый индивидуумъ всегда долженъ быть самимъ собою и, какъ натуралистъ, долженъ имѣть мужество выказывать себя въ истинномъ свѣтѣ, т. е. такимъ, каковъ онъ есть. Но искусство не можетъ долго останавливаться на простомъ описаніи дѣйствительности. Натурализмъ, который вытѣсняетъ историческую живопись Пилоти и тенденціозную—Каульбаха, и, такъ сказать, отводитъ на задній планъ все исторически важное и тенденціозное,—въ своемъ крайнемъ проявленіи (а вѣдь крайности сходятся) легко допускаетъ фантазію и аллегорію: изображается «грѣхъ», «война», и не однимъ художникомъ Штукомъ, но и другими, затѣмъ нерѣдко вмѣсто чистой символики, является старинная аллегорія, гдѣ всюду подъ покровомъ и маской нужно понимать болѣе глубокое, болѣе тонкое и интимное, и всегда не то, что изображается.

Другое уклоненіе происходитъ отъ того, что натуралистическое искусство очень непривлекательно. Между тѣмъ, реклама, пользующаяся плакатною живописью, требуетъ, чтобы плакатъ привлекалъ вниманіе; съ другой стороны и художникъ, особенно тщеславный, желаетъ бросаться въ глаза —отсюда любовь ко всему рѣзкому, крикливому, бьющему на эффектъ и останавливающему на себѣ вниманіе. На уличныхъ столбахъ и на обложкахъ книгъ и журналовъ всюду находимъ мы стилизованныя женскія фигуры въ странной одеждѣ и прическѣ, яркія пятна красокъ пестрѣютъ и издали бросаются въ глаза. Шумъ и пестрота большого города проникаетъ и въ мастерскую художника, мѣшаютъ его тихой работѣ и кладутъ свой отпечатокъ на искусство. И когда ко всему этому присоединяется еще фантастичность и символическій мистицизмъ съ его стремленіемъ къ тонкимъ эффектамъ настроенія, то все вмѣстѣ приводитъ къ страннымъ, по-истинѣ необыкновеннымъ образамъ, которые то въ хитроумныхъ и причудливыхъ сплетеніяхъ загадываютъ намъ загадку, то дѣйствуютъ почти физически на наши нервы, сначала возбуждая чувства, затѣмъ наркотизируя ихъ. Это направленіе является ударомъ натурализму въ такое время, когда онъ еще не вполнѣ созрѣлъ и не выполнилъ своей миссіи—научить художниковъ наблюдательности и техникѣ; поэтому, оно слишкомъ преждевременно и представляется тѣмъ болѣе опаснымъ для развитія нашего искусства. что оно до извѣстной степени отвѣчаетъ декадентскому настроенію fin de siècle'я и, поэтому, пріобрѣтаетъ все больше и больше симпатіи у художниковъ и у публики. И хуже всего,

что за нимъ идетъ молодежь, а между тѣмъ натурализмъ все-таки для нея—лучшая школа. Но это отвѣчаетъ общему характеру времени: за эпохой старца Вильгельма I тотчасъ слѣдуетъ юный Вильгельмъ II,—одно поколѣніе выпало,—и въ искусствѣ произошло то же. Беклинъ и Ленбахъ принадлежатъ къ старому, Либерманъ и Гансъ Тома—къ этому среднему поколѣнію. Но младшее поколѣніе открываетъ свои ряды такимъ великимъ мастеромъ, какъ Максъ Клингеръ, который именно поэтому ставитъ и имѣетъ право ставить себѣ великія задачи и смѣло и властно вступаетъ въ современный идейный міръ, и орудуетъ надъ его проблемами. Однако, мы совсѣмъ не желаемъ отнестись съ порицаніемъ къ этому юному поколѣнію; среди послѣдняго есть истинные художники, которые имѣютъ и могутъ сказать намъ свое новое слово, они — оригинальные личности, и какъ таковыя, имѣютъ мужество смотрѣть своими собственными глазами и затѣмъ изображать то, что въ нихъ есть своеобразнаго, что они сами видятъ, чувствуютъ и думаютъ.

Поэзія.

Развитіе живописи во многихъ отношеніяхъ протекаетъ параллельно развитію поэзіи, къ которой мы, наконецъ, и переходимъ. Литература въ узкомъ смыслѣ этого слова обыкновенно всего яснѣе и ярче отражаетъ въ себѣ всѣ умственныя теченія. Итакъ, посмотримъ, не является-ли здѣсь еще разъ передъ нами вся духовная жизнь за послѣднія тридцать лѣтъ, какъ бы сконцентрированной въ одной картинѣ съ полной отчетливостью, какъ будто всѣ лучи ея сосредоточились въ одномъ фокусѣ.

Прежде всего вернемся опять къ 1870 году. Можно было ожидать, что великій годъ національнаго объединенія и побѣдоносной войны, подобно освободительной борьбѣ начала столѣтія, вызоветъ множество горячихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣнныхъ поэтическихъ произведеній. И дѣйствительно, среди того, что пѣлось тогда, много можно найти отраднаго и чистаго, много свѣжихъ и сильныхъ пѣсенъ. Но истинной поэзіи и великихъ поэтовъ, чего-либо оригинальнаго и выдающагося эта эпоха не дала; даже старики—Гейбель и Фрейлигратъ—не создали ничего новаго, за исключеніемъ нѣсколькихъ риторическихъ стихотвореній. То обстоятельство, что такая слабая вещь въ поэтическомъ и музыкальномъ отношеніи, какъ появившаяся въ сороковыхъ годахъ «Wacht am Rhein» сдѣлалась патріотическою пѣснью въ семидесятые годы,—это уже показываетъ, насколько нетребовательны мы были. Война вспыхнула слишкомъ внезапно, побѣда досталась слишкомъ быстро, слѣдовательно, напряженіе было слишкомъ кратковременно, чтобы все это могло вылиться въ пѣсняхъ, которыя обыкновенно создаются глубокими волненіями. Національное благополучіе пришло къ намъ вдругъ, нужно было освоиться съ нимъ и къ нему приспособиться. Это было время, когда Бисмаркъ сдѣлалъ насъ политиками и реалистами, передъ нами былъ тяжелый трудъ: для поэзіи не было больше мѣста, для стиховъ не оставалось времени, нашъ народъ отдалъ себя на служеніе дѣлу, а не слову.

Но это было, вмѣстѣ съ тѣмъ, тяжкое время: сначала эпоха созиданія, а затѣмъ крахъ, всеобщее разочарованіе. Жизнь производила впечатлѣніе чего-то шаткаго: съ одной стороны, погоня за показной роскошью и вкусы parvenus, которые должны были довольствоваться

приготовленнымъ на спѣхъ, такъ какъ не знали, не ожидаетъ-ли ихъ завтра банкротство; съ другой стороны—жизнь выше средствъ, и въ результатѣ все «дешево и гнило». Этотъ легкомысленный характеръ времени всего ярче выразился въ модахъ, и Фишеръ въ то время вполнѣ справедливо обрушился противъ ихъ цинизма. Такому направленію вкуса отвѣчала и литература: для нея семидесятые годы были поистинѣ неурожайными годами, годами особенной бѣдности и ничтожества. Довольно знаменательно то обстоятельство, что Поль Линдау, безпощадный критикъ, но, какъ поэтъ, лишенный всякаго дарованія, всякой силы, и особенно нравственной силы, могъ имѣть въ то время болѣе, чѣмъ эфемерный успѣхъ и играть роль вождя въ литературѣ Эдуардъ Гризебахъ, послѣдователь Гейне, только еще болѣе чувственный, чѣмъ его «великій учитель», нашелъ правильный тонъ для изображенія этихъ жизненныхъ условій; онъ заставляетъ пѣть своего новаго Тангейзера:

Чего хочетъ добродѣтель холодная и мрачная?
Мы—грѣшники, мы грѣшимъ!
Я—верховный жрецъ Венеры
И сегодня у тебя приношу жертву;

или его же девизъ грюндерства, который гласилъ:

«Собственность—въ тебѣ одной, поэзія!»

Но Гризебахъ—въ то же время почтенный издатель произведеній Шопенгауэра; въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ онъ говоритъ о тяжеломъ похмельи такого «грѣшника» и вмѣстѣ выражаетъ пессимистическое настроеніе своего времени. Наконецъ, въ его «Tannhäuser in Rom» пѣснь любви и горя звучитъ довольно неожиданно въ тонѣ культуркампфа, и, такимъ образомъ, выражаетъ до извѣстной степени всѣ главныя тенденціи эпохи.

На сценѣ пользовались успѣхомъ французскія бракоразводныя драмы, но все-таки онѣ были лучше, чѣмъ ихъ нѣмецкія жалкія и слабыя подражанія, безъ всякаго изящества и остроумія; онѣ, по крайней мѣрѣ, могли научить технической сторонѣ дѣла. Гораздо важнѣе было выступленіе мейнингенцевъ: ихъ стремленіе къ стильной и исторически вѣрной постановкѣ пробуждаетъ вкусъ къ сценической правдивости и помощью внѣшнихъ средствъ усиливаетъ наслажденіе Шиллеромъ, Шекспиромъ и Клейстомъ.

Оттѣнить великое значеніе новаго порядка вещей должны были «Предки» Густава Фрейтага, изъ которыхъ шесть томовъ появились въ семидесятыхъ годахъ. Они должны были изобразить судьбы нѣмецкаго народа, начиная съ первобытной германской эпохи и до настоящаго времени, въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ яркихъ характеристикъ дѣдовъ и внуковъ, изображая ихъ горе и радость, бѣдствія и смерть, побѣды и счастье. Но дарованія разсказчика не могли обнять такой широко задуманной работы: искусственный, вымученный слогъ уже съ первыхъ томовъ давалъ много поводовъ для насмѣшекъ; соединеніе романа съ исторіей культуры, заставляло урѣзывать то то, то другое; благодаря этому, интересъ читателя ослабѣваетъ гораздо раньше, чѣмъ онъ доходитъ до послѣдняго тома и приходитъ къ выводу, что, собственно, вовсе не было нужды въ такомъ громоздкомъ сооруженіи для того, чтобы въ видѣ заключительнаго звена цѣпи выставить современнаго «журналиста». Но все-таки «Предки» были велики по замыслу и они значительно укрѣпили нѣмецкое національное чувство: только они не были крупнымъ и цѣльнымъ художествен-

нымъ произведеніемъ. Еще болѣе, чѣмъ Фрейтагъ, страдалъ отсутствіемъ творческой силы Шпильгагенъ, когда онъ переходилъ за 48 годъ и пытался изобразить Лассаля или даже Бисмарка. Онъ писалъ романы, имѣвшіе интересъ дня, какъ раньше Гуцковъ или Лаубе, но для поэта онъ былъ слишкомъ партійнымъ человѣкомъ и не былъ въ состояніи понимать противную сторону; онъ былъ слишкомъ привязанъ къ воззрѣніямъ, выросшимъ на почвѣ 1848 года, для того, чтобы справедливо отнестись ко всему новому и великому, что появилось въ шестидесятые и семидесятые годы. Склонность къ доктринерству, въ чемъ его справедливо упрекаютъ, слишкомъ подчеркиваетъ эту тенденцію, отъ чего страдаетъ поэзія. Любовь къ сильнымъ эффектамъ и ко всему романическому вредитъ правдоподобію, а слѣдовательно, и реализму, а рѣзкій тонъ мѣшаетъ тонкости наблюденій, въ чемъ вообще-то у него нѣтъ недостатка.

Къ «Ekkehard» Шеффеля и «Предкамъ» Фрейтага примыкаютъ историческіе романы профессоровъ Дана и Эберса: они отвѣчали историческому характеру времени и быстро вошли въ моду. Но за египетскими масками скрываются крайне скучные и не интересные люди, въ изобрѣтательности и психологіи оба романиста слабы; только историческая и культурно-историческая сторона, чтобы не сказать технически-описательная, возбуждала любопытство къ ихъ романамъ. Только въ «Homo sum» Эберсъ ставитъ себѣ проблему, имѣющую общечеловѣческій интересъ.

Въ семидесятыхъ годахъ были, однако, два поэта, которые и теперь умѣютъ говорить вполнѣ современнымъ языкомъ; они, такъ сказать, случайно попали въ эту жалкую эпоху; они носятъ въ себѣ что-то, стоящее внѣ времени, поэтому, не устарѣли до сихъ поръ. Это—Поль Гейзе и Готфридъ Келлеръ. Гейзе въ своихъ «Дѣтяхъ міра» затрогиваетъ великіе вопросы современности, а въ своемъ «Мерлинѣ» еще разъ возвращается къ вопросамъ свободной совѣсти и соціализма. Но главная его сила не въ этихъ романахъ, а въ многочисленныхъ новеллахъ. Впрочемъ, и въ нихъ онъ относится къ положительнымъ проблемамъ дѣйствительности исключительно, какъ наблюдатель,—холодно и свысока; онѣ слишкомъ мало задѣваютъ его за живое для того, чтобы толкнуть на арену борьбы и заставить его поэзію служить опредѣленной тенденціи. Конечно, онъ ни на минуту не перестаетъ быть свободомыслящимъ человѣкомъ, но борцомъ за свободу онъ никогда не былъ и не можетъ быть—онъ только художникъ. Его интересуютъ душевныя движенія, и въ частности отношенія половъ другъ къ другу; особенно хорошо знаетъ онъ женщину, какъ до него зналъ ее только одинъ Гёте, поэтому Лаура Мархольмъ справедливо причисляетъ его къ тѣмъ поэтамъ, которые помогли современной женщинѣ сознательно отнестись къ себѣ и своему положенію. Онъ изображаетъ три типа женщины: безличная женщина, которая только играетъ, играетъ всѣмъ, но за ея актерской маской нѣтъ ничего, никакой индивидуальной физіономіи; умная, высоко-образованная женщина, которая, повидимому, смѣло и гордо отказывается, но потомъ и она подпадаетъ всецѣло женской участи—любви, «одухотворенному и идеализированному половому чувству». Третій и главный изъ его женскихъ типовъ—есть женщина, такъ сказать, элементарное существо, или дичокъ, какъ онъ ее самъ называетъ; она находится во власти силъ природы и отъ рожденія подчиняется своей участи, которой не можетъ противиться, и поэтому она, опять-таки самымъ элементарнымъ образомъ, какъ сила природы, какъ судьба,

оказываетъ вліяніе на сильнаго волей и сознательнаго мужчину, и какъ загадка, составляетъ дополненіе къ его простой и ясной душѣ. Объ отношеніяхъ между мужчиной и женщиной трактуютъ почти всѣ его романы и новеллы, любовь—ихъ единственный сюжетъ, но несмотря на это, онъ у него не однообразенъ, не монотоненъ, но всегда интересенъ богатымъ разнообразіемъ и новыми положеніями; правда, иногда вопросы ставятся черезчуръ искусственно, и сила творчества старѣющаго писателя мало-по-малу ослабѣваетъ. Иногда самыя проблемы и ихъ рѣшенія слишкомъ рискованны, его разсказы никогда не считаются съ «моралью», которую онъ категорически отрицаетъ. Но если при этомъ онъ и переходитъ иногда границу, отдѣляющую красоту отъ безобразія, онъ никогда не впадаетъ въ грубый, вульгарный тонъ; это—солидный и спокойный писатель, который никогда не кричитъ, чѣмъ и отличается отъ нашихъ молодыхъ плебеевъ. Этою солидностью и аристократичностью, самостоятельностью и самообладаніемъ отличаются создаваемыя имъ фигуры,—все это лежитъ въ самой натурѣ ихъ, а не пріобрѣтено искусственно извнѣ. Онъ такъ охотно переноситъ свой разсказъ въ Италію, потому что тамъ и природа, и люди сохраняютъ свой оригинальный стиль,—и любовь является для него центромъ, вокругъ котораго все вертится, потому что въ ней раскрывается лучшая сторона человѣка, вся его сила, онъ здѣсь является вполнѣ самимъ собою. Поэтому, Гейзе принадлежитъ къ новѣйшей фазѣ нашей литературы, онъ тоже твердо стоитъ на почвѣ индивидуализма, онъ тоже занимается только человѣкомъ, а не массами, отдѣльнымъ индивидуумомъ, а не средой; и притомъ онъ рѣшительный детерминистъ; въ «Дѣтяхъ міра» проводится даже мысль о наслѣдственности: Туанетта, «дитя несчастія и проклятія, должна искупать грѣхъ своихъ родителей и всю жизнь носить въ груди сердце, неспособное любить». Но, въ концѣ концовъ, она оказывается способной на это, и, такимъ образомъ, человѣкъ зависитъ только отъ самого себя, отъ своихъ личныхъ свойствъ или, какъ говоритъ Гераклитъ: «личныя свойства человѣка есть его демонъ».

Какъ Поль Гейзе въ своихъ «Kinder der Welt» примыкаетъ къ «Старой и новой вѣрѣ» Штрауса, такъ Готтфридъ Келлеръ — въ своемъ «Grüner Heinrich» — къ Фейербаху, съ которымъ онъ былъ знакомъ лично, точно такъ же, какъ съ Молешотомъ и Геттнеромъ. Въ своемъ «Martin Salander» онъ изображаетъ крайне тенденціозно политическую неурядицу демократіи на своей родинѣ, въ Цюрихѣ, и безпощадно бичуетъ ее. Фактически Келлеръ еще болѣе стоитъ внѣ времени, чѣмъ Гейзе, потому что онъ несравненно крупнѣе его. На первый взглядъ онъ кажется, во всякомъ случаѣ, несовременнымъ, онъ тяготѣетъ къ романтизму, въ его «Grüner Heinrich» нѣтъ недостатка въ мечтательномъ настроеніи и неопредѣленномъ фантазированіи, и позднѣе, напримѣръ, его неожиданные скачки къ фарсу напоминаютъ романтическую иронію, которая играетъ со своими образами, превращая ихъ фантастически въ каррикатуру. Но у Келлера это есть вмѣстѣ съ тѣмъ нѣчто иное, это—признакъ его поэтической силы, самоувѣреннаго обладанія предметомъ; если припомнимъ изреченіе Гете о томъ, что романтизмъ—болѣзнь, а классицизмъ—здоровье, то Келлеръ вообще не романтикъ, потому что онъ въ высшей степени здоровъ, смѣло и прямо стоитъ онъ на почвѣ своей родной Швейцаріи, въ немъ есть что-то твердое и мужественное, наивное и вполнѣ реальное. И какъ реалистъ, онъ представляетъ намъ свои типы въ полномъ освѣщеніи, а поэтому, ихъ

слабыя стороны выступаютъ передъ нами во всей отчетливости; при свѣтѣ его здороваго, трезваго ума они не могутъ скрыть своихъ глупостей, не могутъ выдать ихъ за мудрость, при этомъ онъ смѣется надъ ними, но не злымъ хохотомъ ироніи, а рѣзвымъ, веселымъ смѣхомъ юмора. Итакъ, у него романтизмъ, реализмъ и юморъ своеобразно соединяются въ одно прекрасное созвучіе. Какъ самъ поэтъ, такъ и дѣйствующія лица его разсказовъ сильны и здоровы, естественны и просты: съ пластической наглядностью, ясными и прозрачными выставляетъ онъ ихъ передъ нами. Въ этой отчетливости заключается реализмъ Келлера, вполнѣ современная черта въ немъ: онъ умѣетъ видѣть предметы такъ, какъ наши художники-натуралисты, и умѣетъ передавать видѣнное съ точностью живописца. При этомъ его взоръ не скользитъ по поверхности, но проникаетъ въ глубь, до самаго сердца изображаемыхъ имъ людей; его проницательность по своему объективизму напоминаетъ Гете. Онъ не стремится къ сложнымъ проблемамъ, въ которыхъ съ трудомъ разберется психологъ, онѣ ему не нужны; онъ даетъ намъ простыхъ людей, простыя отношенія, простыя событія, онъ вводитъ насъ въ свою жизнь и жизнь своего народа, и «гдѣ только онъ за нее возьмется, она становится интересной, какъ только прикасается къ ней, она подъ его руками обращается въ чистое золото поэзіи. Итакъ, не проблематическія натуры находимъ мы у него, но простыхъ, естественныхъ людей. Поэтому онъ не вращается въ кругу высшаго образованнаго и культурнаго общества, его дѣйствующія лица близки къ природѣ, въ ней они, а не тамъ, гдѣ все только маска и гримъ. Поэтому они должны быть индивидуальностями, самостоятельными личностями, людьми, а не надутыми куклами. Здѣсь нѣтъ ничего сверхчеловѣческаго или ярко геніальнаго, а только хорошій, сильный средній человѣкъ, какихъ много въ Швейцаріи, честный республиканецъ безхитростная, самостоятельная и самобытная натура, при всемъ этомъ у него нѣтъ однообразія, но безконечное разнообразіе и богатство образовъ. Наконецъ, замѣтимъ еще одно: хотя Келлеръ не ставитъ себѣ никакихъ темъ и задачъ, не измышляетъ утонченностей, тѣмъ не менѣе онъ вдумчивый писатель; онъ не философъ, но философски относится къ жизни. Это сказывается не только въ его глубокомысленномъ «Grüner Heinrich», но даже въ такомъ чисто поэтическомъ разсказѣ, какъ «Ромео и Юлія въ деревнѣ», гдѣ судьба, свобода и долгъ такъ причудливо переплетаются между собою, и гдѣ уже затрогивается соціальный вопросъ.

Итакъ, Келлеръ—вполнѣ современный писатель. поэтому, его слава все растетъ, молодежь смотритъ на него, какъ на своего вождя. Только въ одномъ отношеніи онъ совершенно противорѣчитъ духу современности: онъ не только не стоитъ за предѣлами добра и зла, но по отношенію къ нравственности онъ твердо держится доброй старой морали, она, какъ нѣчто высшее, вездѣ подразумѣвается у него сама собою. Онъ говоритъ: «Убѣжденіе, что безусловно существуютъ гдѣ-то добродѣтель и добро, есть лучшее убѣжденіе, какое только можно имѣть, и даже душа порочнаго человѣка безсознательно, смутно чувствуетъ удовольствіе отъ сознанія, что есть добродѣтельные люди, которые относятся къ ней хорошо. Келлеръ, какъ великій писатель, съ трудомъ поддается подражанію. Гансъ Гофманнъ, напримѣръ, почти погубилъ свое симпатичное дарованіе, играя палицей этого Геркулеса. Сила таланта у Келлера сказывается также и въ томъ, что слава его все растетъ и онъ все болѣе входитъ въ центръ интересовъ современнаго

*

поколѣнія, между тѣмъ какъ Гейзе мало-по-малу оттѣсняется къ периферіи.

Но не успѣло еще вполнѣ развиться направленіе, которымъ прославился Келлеръ, какъ уже выступаетъ впередъ другое. Семидесятые годы не имѣли національной поэзіи; героическія пѣсни Вильденбруха на событія въ Віонвиллѣ и Седанѣ не могли пополнить этого пробѣла. Приходилось еще привыкать къ тому, чтобы сознавать и чувствовать себя націей. Въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ въ этомъ отношеніи были достигнуты нѣкоторые результаты, на что указываетъ, между прочимъ, основаніе лѣтомъ 1885 года всеобщаго нѣмецкаго филологическаго ферейна, который поставилъ себѣ задачей очистить нѣмецкій языкъ отъ излишнихъ варваризмовъ, заботиться о сохраненіи истиннаго духа и свойствъ языка и «этимъ путемъ укрѣпить самосознаніе нѣмецкаго народа». Но и тутъ немедленно обнаружилась опасность преувеличенія. Доктринерская критика можетъ только стѣснять, и дѣйствительно, ферейнъ до извѣстной степени накладывалъ оковы на богатую способность нѣмецкаго языка къ ассимиляціи и отнималъ у нѣмецкихъ писателей право пользоваться въ полной мѣрѣ тонкостями оттѣнковъ. Другое дѣло, конечно, изъятіе лишнихъ иностранныхъ словъ изъ языка военнаго, почтоваго вѣдомства и администраціи: здѣсь очищеніе языка, дѣйствительно, необходимо.

Въ литературѣ Эрнстъ фонъ-Вильденбрухъ впервые далъ выраженіе національному самосознанію въ своихъ драмахъ и, такимъ образомъ, явился въ качествѣ поэта представителемъ восьмидесятыхъ годовъ. Насколько сильно было его вліяніе на современную ему молодежь, объ этомъ говоритъ Бертольдъ Лицманъ въ своихъ лекціяхъ «Нѣмецкая драма и литературныя движенія современности»: «въ то время совершенно неизвѣстный поэтъ такъ очаровалъ насъ, что мы окружали его съ восторженнымъ поклоненіемъ и преданностью, какъ дружина нашихъ далекихъ предковъ своего герцога». Вильденбрухъ обладаетъ сильнымъ драматическимъ талантомъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ напоминаетъ даже Шекспира. Другого великаго писателя, Шиллера, напоминаетъ его реторическій паѳосъ. Всю силу своего драматическаго дарованія онъ отдаетъ на служеніе національной идеѣ, патріотизму, возвеличенію Пруссіи и царствующаго дома Гогенцоллерновъ. Поэтому такъ восторженно относилась къ нему патріотически настроенная молодежь того времени. Оставляя въ сторонѣ всякую опредѣленную тенденцію, можно было отъ души порадоваться тому, что на сценѣ, наконецъ, снова появились произведенія съ серьезнымъ, значительнымъ содержаніемъ на исторической основѣ, и, такимъ образомъ, повысился уровень нѣмецкаго театра. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи не трудно было увидать, что Вильденбрухъ былъ не Шекспиръ и не Шиллеръ. Для перваго у него не хватало глубины, широты, художественности, для второго—нравственнаго одушевленія, которое одно только даетъ содержанію паѳосу и возвышаетъ его надъ фразой. Его патріотизмъ, по мнѣніи многихъ, отзывался черезчуръ узкими симпатіями спеціально къ Пруссіи и Гогенцоллернамъ, по временамъ въ немъ слышались ноты, близкія византинизму, за что многіе считали Вильденбруха придворнымъ поэтомъ, хотя онъ имъ не былъ. Въ его произведеніяхъ уже чувствуется нѣкоторый разладъ. Онъ былъ идеалистомъ, и его драмы задуманы въ высокомъ историческомъ стилѣ, но уже начинался разцвѣтъ реалистической эры и, поэтому, въ историческомъ изображеніи онъ придавалъ значеніе педантической точности и вѣрности; онъ былъ недоволенъ,

если критика находила въ его драмахъ какое-нибудь несогласіе съ исторіей, и, такимъ образомъ, онъ вводилъ принципъ мейнингенцевъ въ самое содержаніе драмы. Но онъ пошелъ еще дальше: въ свой высокій стиль онъ вставляетъ грубыя народныя сцены, мѣстами даже на жаргонѣ и этимъ нарушаетъ единство произведенія.

Слава Вильденбруха была непродолжительна; съ 1889 года начинается сильный подъемъ въ литературѣ. Мѣсто патріотической поэзіи заняла реалистическая и натуралистическая: черезъ головы Вильденбруха, родившагося въ 1845 году, и его сверстниковъ смотритъ уже новое и новѣйшее поколѣніе. И здѣсь несомнѣнно отразилось то, что въ государствѣ выпало одно поколѣніе, и дѣду непосредственно наслѣдовалъ внукъ, о чемъ мы уже упоминали выше.

Переходя къ этой фазѣ литературнаго развитія, мы можемъ напомнить здѣсь одну фразу, которую въ 1888 году предпослалъ своей біографіи Шиллера одинъ изъ молодыхъ писателей: «Студентомъ я ненавидѣлъ Шиллера!» Изреченіе характерное: не только ненавистникъ Шиллера (объ этомъ послѣ!), но еще больше—студентъ! Въ наше время кому какое дѣло было до того, что думалъ о Шиллерѣ какой-то студентъ? и кто изъ насъ считалъ это настолько важнымъ, чтобы впослѣдствіи докладывать о томъ, что и какъ онъ думалъ? Это именно знаменательно для данной эпохи въ развитіи нашей литературы, когда въ ряды ея входитъ юное поколѣніе, отчасти дѣйствительно, студенты.

Молодость этихъ представителей слова сообщаетъ нашей современной литературѣ юношескій характеръ. Съ перваго взгляда это производило впечатлѣніе какой-то пріятной свѣжести, всюду чувствовались бурные порывы, могучее движеніе, страстное желаніе, сильное чувство. Молодежь смѣло врывалась въ жизнь; она бралась за самые важные вопросы, давала имъ крайнее рѣшеніе, но заставляла вѣрить въ себя, такъ какъ она сама вѣрила. Но и эта медаль имѣла свою оборотную сторону: намѣреніямъ не соотвѣтствовали силы и умѣнье. Молодежь не соразмѣряетъ своихъ силъ, поэтому она отваживается на многое и терпитъ неудачу, вслѣдствіе этого часто получается впечатлѣніе безсилія тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ есть истинный талантъ. Прежде всего ей недоставало жизненнаго опыта, зрѣлости. Зелено и незрѣло—вотъ обычный отзывъ о многихъ ея произведеніяхъ. Всего нагляднѣе выражается это въ ихъ первоначальномъ мнѣніи о женщинѣ. Они знали только женщинъ одного рода: трактирныхъ служанокъ и проститутокъ, этихъ женщинъ они дѣйствительно открыли и ими «обогатили» литературу. И вотъ изъ этого они создали себѣ догму—юность всегда теоретична,—они учили, что женщины этого сорта со своимъ сомнительнымъ прошлымъ много интереснѣе, чѣмъ дочери берлинскихъ тайныхъ совѣтниковъ. Конечно, они переживали съ этими женщинами не что иное, какъ продолжительный чувственный «чадъ любви», и описаніе его, обыкновенно, успѣвало опротивѣть читателю гораздо раньше, чѣмъ самимъ героямъ этихъ романовъ. Всего печальнѣе во всѣхъ этихъ книгахъ было ихъ циничное настроеніе, которое обнаруживало пошлость и беззастѣнчивость, съ какою намъ предлагались ночныя похожденія изъ берлинской городской жизни. Принимая все это во вниманіе, дѣйствительно, можно было бояться за идеализмъ нашей нѣмецкой молодежи.

Молодостью этого направленія объясняется также его революціонный духъ и отрицательное отношеніе къ исторіи, его отвращеніе ко всему, что носитъ традиціонный характеръ, между прочимъ, и къ вопросамъ нравственности. Всему общепринятому объявлялась война, они

лишали нравственность всякаго содержанія и требовали для себя права жить безъ всякихъ стѣсненій, во всей своей самобытности. Соціалъ-демократическая критика. существующаго строя соединилась съ моральнымъ скептицизмомъ Ницше и его крайнимъ индивидуализмомъ. Это означало въ то же время разрывъ съ историческимъ направленіемъ, господствовавшимъ до сихъ поръ въ нашемъ столѣтіи. Для этихъ членовъ не было ничего святого, они состарились прежде времени; они вообще не интересовались тѣмъ, что было, а только тѣмъ, что есть: они жили и хотѣли жить, и считались только съ тѣмъ, кто живетъ. Поэтому, они изъ своихъ своихъ предшественниковъ не только рѣшительно отстраняютъ Дана и Эберса, не только Каролинги и Генрихи Вильденбруха кажутся имъ уже устарѣвшими, они отказываютъ въ своемъ уваженіи даже величайшимъ геніямъ и съ пренебреженіемъ отворачиваются отъ нихъ. Прежде всего остракизму подвергся идеалистъ Шиллеръ. Мы уже слышали, какъ Брамъ призналъ себя «ненавистникомъ Шиллера»; и еще позднѣе его Эдгардъ Штейгеръ въ своей книгѣ «Судьбы нашей драмы» объявилъ «Марію Стюартъ» томительно скучной, а объ «Орлеанской дѣвѣ» сказалъ, что «она можетъ приводить въ восхищеніе только благовоспитанныхъ дѣвицъ высшаго круга или одержимыхъ страстью къ чтенію кухарокъ»; Штейгеръ особенно упрекаетъ Шиллера въ томъ, что всѣ дѣйствующія лица въ его драмахъ являются только «рупоромъ для его такъ называемыхъ идей», что всюду на первый планъ выступаетъ его «нравственное *я*». На сколько онъ неправъ, достаточно показываютъ такія произведенія какъ «Коварство и любовь», «Валленштейнъ», даже «Мессинская невѣста». Истинная заслуга Вольфганга Кирхбаха, состоитъ въ томъ. что онъ указалъ этимъ «ненавистникамъ Шиллера» именно на современный и реалистическій элементъ въ его драмахъ и снова энергично подчеркнулъ величіе этихъ «Документовъ человѣчества» въ отвѣтъ на нападки натура листическаго характера.

Еще труднѣе было раздѣлаться съ Гёте. Традиція, связывающая съ нимъ, никогда не прерывалась, кругъ поклонниковъ Гёте всегда существовалъ и постоянно расширялся. Два возраженія противъ Гёте постепенно упали между собою: упрекъ въ безнравственности и отсутствіи патріотизма. Первый, какъ предразсудокъ, исчезъ самъ собою, второй былъ справедливъ только постольку, посколько онъ касался его отношеній къ Наполеону I или къ войнамъ за освобожденіе. Но нужно было забыть очень многое, начиная съ «Гёца» и кончая «Германомъ и Доротеей», нужно было вычеркнуть самое лучшее,—его самого, потому что онъ есть собственность нѣмецкаго народа безмѣрной цѣнности, которую въ исторіи нѣмецкой умственной жизни нельзя ни забыть, ни умалить.

Гёте былъ слишкомъ великъ для юной Германіи, чтобы она могла поколебать его авторитетъ, и, кромѣ того, слишкомъ реалистиченъ для того, чтобы она не считала для себя обязательнымъ ссылаться на него; хотя изъ прежнихъ писателей она гораздо охотнѣе обращалась къ другимъ мимо Гёте. Такъ, теперь опять вошли въ славу «Марія Магдалина» Фридриха Геббеля и Отто Людвигъ со своимъ «Erbförster» и романомъ «Между небомъ и землей». Этимъ былъ перекинутъ мостъ: назадъ—къ реализму Клейста, и впередъ—къ изображенію интимныхъ настроеній и чтенію мыслей, свойственному современности. Но образцами въ настоящемъ смыслѣ слова подобныя произведенія, конечно, не могли быть.

Молодое поколѣніе, какъ и молодая школа въ живописи, было всецѣло проникнуто духомъ реализма и натурализма. Оно требовало отъ поэта, чтобы онъ изображалъ міръ и жизнь такими, каковы они есть на самомъ дѣлѣ. Поэтому здѣсь такъ же, какъ и въ живописи, выступило на сцену безобразное, а такъ какъ молодость любитъ яркія краски, то оно было представлено во всей своей наготѣ и гнусности, даже самыя крайнія его проявленія не были забыты. Въ этомъ отношеніи наши молодые писатели могли, не безъ основанія, сослаться на свой французскій первообразъ—на Золя. Вотъ еще одна изъ самыхъ странныхъ чертъ нашей богатой противорѣчіями эпохи: настроенная на патріотическій ладъ, молодежь придерживается исключительно иностранныхъ образцовъ; прежде всего, появляется французское вліяніе, затѣмъ русское и, наконецъ, всего сильнѣе—скандинавское. Сила современныхъ французскихъ писателей состоитъ въ изображеніи среды и, такъ сказать, въ литературной живописи: характернымъ представителемъ перваго является Золя, второго—Гюи де-Мопассанъ. У Достоевскаго мы находимъ тонкость и безпощадность психологическаго анализа, съ которымъ онъ расчленяетъ самые интимные штрихи и движенія душевной жизни, угадываетъ и разоблачаетъ ихъ съ искусствомъ великаго психолога и «сердцевѣда». Но сложнѣе всѣхъ—норвежецъ Ибсенъ: онъ покоряетъ насъ своимъ изворотливымъ умомъ даже тогда, когда мы уклоняемся и обороняемся отъ него. Онъ составляетъ прямую противоположность Золя. У послѣдняго отдѣльныя личности сливаются безраздѣльно со средой; у Ибсена—личность вооружается на борьбу со средой и безпощадно отстаиваетъ свое право на индивидуальность. Онъ проповѣдуетъ евангеліе индивидуализма; передъ нами проходятъ личности, которыя безгранично пользуются своимъ правомъ на самостоятельность во всѣхъ самыхъ сложныхъ и запутанныхъ положеніяхъ. Въ этомъ отношеніи и онъ, подобно Нитцше, является критикомъ современной культуры и срываетъ маску лжи, которой окутаны основы общественной жизни. У него есть точки соприкосновенія и съ соціалистической критикой: онъ нападаетъ на капитализмъ въ Габріэлѣ Боркманнѣ и Маленькій Эульфъ въ заключеніе принимаетъ соціальный характеръ. Если онъ съ безпощаднымъ скептицизмомъ относится къ обществу и его морали, то съ неменьшей безпощадностью разлагаетъ онъ отдѣльнаго человѣка и обнажаетъ самыя интимныя стороны его души, все самое тайное и сокровенное. При этомъ, для него судьба человѣка опредѣляется его свойствами. Чѣмъ же обусловливаются, въ свою очередь, эти свойства? Здѣсь Ибсенъ проводитъ вполнѣ современную, въ духѣ дарвинизма, глубокопоучительную идею о наслѣдственности. Наслѣдство отъ родителей опредѣляетъ судьбу человѣка съ колыбели, онъ наслѣдуетъ родительское благословеніе или проклятіе, дѣти за грѣхи родителей расплачиваются до третьяго и четвертаго колѣна. На эту тему написаны его «Призраки»; здѣсь изображенъ безполезный протестъ противъ законовъ наслѣдственности; я присоединяюсь къ мнѣнію Штейгера, который считаетъ эту пьесу великой, вполнѣ современной трагедіей фатализма. Укажемъ, наконецъ, на символизмъ, который у Ибсена съ годами переходитъ все болѣе и болѣе въ нездоровую погоню за таинственностью и аллегоріей, превращая дѣйствительность въ романтику, и расплываясь въ настроеніяхъ. Таковы основныя черты драматическаго творчества Ибсена, который съ 1889 года пріобрѣтаетъ все большее вліяніе на публику и на писателей. Образовался даже ибсеновскій кружокъ со всей сектантской нетерпимостью подобныхъ учрежденій XIX вѣка.

Довольно значительно также, хотя далеко не въ такой степени, вліяніе Толстого. Онъ также является критикомъ современной культуры, но у него эта критика, на подобіе Руссо, приводитъ къ рѣшительному отрицанію всякой культуры вообще, какъ источника и средоточія всѣхъ золъ и бѣдствій. У Толстого сюда присоединяются еще религіозные мотивы: онъ проповѣдуетъ возвращеніе не къ природѣ, а къ аскетизму первобытнаго христіанства. Послѣднее является анахронизмомъ и гораздо болѣе отвѣчаетъ условіямъ и отношеніямъ русской дѣйствительности, чѣмъ нашей. Однако оно вполнѣ соотвѣтствуетъ современному настроенію: здѣсь звучатъ тѣ же ноты, что и въ пессимизмѣ Шопенгауэра и въ его проповѣди освобожденія посредствомъ аскетизма. Кромѣ того, въ немъ воскресаетъ Тертулліановская ненависть ко всему, что имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ женщинѣ, и въ этомъ случаѣ онъ еще разъ соприкасается съ самымъ новымъ теченіемъ современности,—съ женоненавистничествомъ Стриндберга. Источникомъ этого у Стриндберга служитъ превратное впечатлѣніе, въ силу котораго отношенія половъ представляются ему въ видѣ борьбы двухъ враждебныхъ началъ.

Всѣ эти теченія во всей ихъ силѣ и сложности вторглись почти одновременно въ нашу литературу съ 1889 года, и съ тѣхъ поръ все рѣшительнѣе даютъ о себѣ знать. Но при всемъ разнообразіи, чтобы не сказать противорѣчивости этихъ вліяній, они должны были прежде всего вносить смуту, хотя бы потому, что въ то время не было такого таланта, который могъ бы устоять передъ ними и противопоставить имъ что-нибудь специфически нѣмецкое. Всѣ эти иностранные писатели придерживались крайностей, доводя ихъ до послѣднихъ предѣловъ возможнаго; ихъ подражателямъ было почти невозможно удержаться на этой узкой пограничной чертѣ. Кто слѣдовалъ Зола, тотъ почти неизбѣжно переходилъ къ антихудожественному фотографированію, къ изображеніямъ отвратительнымъ и пошлымъ. Точно также Гюи де-Мопассанъ приводилъ къ чувственности, но лишенная его изящной граціи, она обращается прямо въ пошлость. Умѣніе изображать человѣческую душу, какъ у Достоевскаго и Ибсена, требуетъ знанія людей, какого, само собой разумѣется, не было у молодежи. Кромѣ того, оба писателя такъ часто касаются болѣзненныхъ явленій, что вмѣстѣ съ ними въ нѣмецкую литературу вошла струя чего-то нездороваго и умственно ненормальнаго. Сюда же внесли свою лепту и Толстой съ его отрѣшеніемъ отъ міра въ духѣ первобытнаго христіанства, и Стриндбергъ съ своимъ самоугрызеніемъ. Ни одинъ изъ нихъ не былъ вполнѣ свободенъ отъ романтизма, а романтизмъ есть начало больное!

Всѣ черты, свойственныя каждому изъ этихъ иностранныхъ писателей въ отдѣльности, можно найти въ современной нѣмецкой литературѣ. За эпохой національно-политическаго развитія послѣдовала эра соціализма. Этому моменту наиболѣе соотвѣтствуетъ изображеніе соціальной среды, и здѣсь образцомъ является Золя въ своемъ чудномъ произведеніи «Углекопы» (Germinal), а въ послѣднее время въ «Парижѣ». Въ качествѣ соціальной среды является естественно-соціальная нищета и развращенность высшихъ классовъ: первая нашла себѣ выраженіе въ «Ткачахъ» Гауптмана, вторая—въ «Гибели Содома» Зудермана. Драма вступила на службу соціалистической партіи, и такъ называемыя «свободныя сцены» охотно становились подъ покровительство послѣдней: рабочіе съ восторгомъ принимали подобныя произведенія соціальнаго характера.

Итакъ, литература, повидимому, прочно и надолго была связана съ соціализмомъ, какъ вдругъ наступилъ поворотъ въ сторону индивидуализма, главнымъ образомъ, благодаря все растущему вліянію Ибсена. Впрочемъ, этотъ поворотъ былъ совершенно въ духѣ современности: къ Ибсену примыкалъ Нитцше; соціализмъ принципіально не былъ оставленъ или забытъ, но Ибсенъ былъ интереснѣе, Нитцше—современнѣе. И вотъ опять появляются драмы и романы, гдѣ на первомъ планѣ—единичныя личности, властныя натуры, сверхчеловѣки, которые побѣдоносно пробиваются впередъ или трагически гибнутъ. Вспомнили теперь, что въ Германіи уже раньше были подобные пѣвцы сверхчеловѣческаго. «Merlin» Иммермана и «Наполеонъ» Граббе опять входятъ въ моду.

Но «поэты всѣ лгутъ, а Заратустра—поэтъ». Нитцше носилъ маску, Нитцше былъ символистъ, какъ Зола и Ибсенъ. Итакъ, символизмъ тоже нашелъ себѣ мѣсто въ литературѣ, а при посредствѣ Толстого онъ принялъ даже религіозную, мистическую окраску. Прежде всего онъ проявился въ лирикѣ: это былъ какой-то лепетъ, а не поэтическая рѣчь, много отрывочнаго и непонятнаго, разсчитаннаго на интересъ къ загадочному, а не напоминаніе или наслажденіе. Отсюда символизмъ проникаетъ въ драму и романъ, часто грубо и неуклюже, какъ у нѣкоторыхъ скандинавскихъ писателей, которые въ заключеніе заставляютъ своихъ героевъ «падать ницъ передъ крестомъ» и, такимъ образомъ, вносятъ покой въ измученныя души; иногда онъ выражается болѣе изящно, хотя опять-таки въ видѣ смутнаго лепета, какъ у Метерлинка. Гораздо понятнѣе этотъ символизмъ выражается въ мистическомъ изображеніи природы,—во всякихъ сказочныхъ, волшебныхъ образахъ или въ религіозномъ мистицизмѣ, который въ эстетическомъ возбужденіи видитъ то, что ускользаетъ отъ него при тускломъ свѣтѣ утра, наконецъ, какъ въ страстномъ стремленіи къ чудесному, далеко оставляетъ за собой дѣйствительность и уходитъ во мракъ будущаго, навстрѣчу неизвѣстному свѣтилу.

Это мистическое направленіе діаметрально противоположно натурализму: драматическія сказки и оперы съ содержаніемъ изъ народныхъ сказокъ не имѣютъ ничего общаго съ дѣйствительностью. Такова послѣдняя, самая современная фаза развитія литературы; поэтому, трудно сказать, имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ простымъ эпизодомъ, который вноситъ нѣкоторую перемѣну въ черезчуръ однообразное натуралистическое направленіе и быстро снова исчезнетъ, или же натурализмъ уже потерялъ свое значеніе и уступаетъ мѣсто новому теченію. Послѣднее было бы печально, потому что не исчерпано еще самое лучшее, чѣмъ мы обязаны натурализму,—онъ внушилъ намъ правильное отношеніе къ дѣйствительности и стремленіе къ правдивому ея изображенію. Пока мы еще не можемъ обойтись безъ него: это съ очевидностью доказываютъ всѣ попытки выйти изъ него, сошлемся, напр., на «Потонувшій колоколъ».

Зудерманъ.

Для иллюстраціи всего вышеизложеннаго я беру двухъ, безспорно, наиболѣе выдающихся писателей молодого поколѣнія, если оставить въ сторонѣ лириковъ—Зудермана и Гауптмана. О Зудерманѣ составилось представленіе, какъ о драматургѣ, потому что онъ впервые сталъ извѣстенъ благодаря своей драмѣ «Честь», и въ послѣднее время так-

же драма «Іоаннъ» заставила много говорить о немъ. Тѣмъ не менѣе, его сила въ романѣ. Даже то, что онъ изобразилъ въ видѣ драмы, было предварительно разработано въ эпической формѣ; поэтому ему больше всего удается экспозиція дѣйствія,—эта наиболѣе эпическая часть драмы.

Въ своихъ романахъ Зудерманъ является вполнѣ современнымъ писателемъ: отдѣльное лицо всегда стоитъ у него на первомъ планѣ, разсказывается его исторія, и среда изображается только ради него. Какъ ни мастерски изображаетъ онъ страну, людей, природу и нравы своей восточно прусской родины,—сила не въ этихъ описаніяхъ, а въ психологіи героя. Въ одномъ, правда, герой его перваго романа, Павелъ Мейгеферъ отступаетъ отъ современности: онъ герой скорби, выносливости, терпѣнія, состраданія. Борьба съ «Заботой (Frau Sorge)»—не гордая, не героическая борьба. Однако, болѣе сорока изданій этого романа свидѣтельствуютъ о дѣйствительной художественной силѣ его. Сила эта заключается, главнымъ образомъ, въ теплотѣ настроенія, вообще совершенно несвойственной Зудерману; съ глубокимъ внутреннимъ участіемъ изображаетъ онъ здѣсь свою собственную жизнь, поэтому описаніе такъ искренно и правдиво.

Совершенно иное видимъ мы въ «Кошачьей дорогѣ». Здѣсь сильный и упорный герой относится съ ненавистью и презрѣніемъ къ цѣлому міру; рядомъ съ нимъ—женщина, одна изъ тѣхъ цѣльныхъ натуръ, которыя остаются такими, какими онѣ были созданы, «когда стадный умъ толпы съ своими условными правилами не вмѣшался еще въ дѣло матери-природы, когда каждое юное созданіе безпрепятственно могло развиваться до полнаго расцвѣта своихъ силъ и сливалось во-едино съ жизнью природы какъ въ дурномъ, такъ и въ хорошемъ». Такимъ образомъ, она не звѣрь, какъ думалъ о ней Болеславъ вначалѣ, и не демонъ, какъ это показалось ему позднѣе, нѣтъ: это «цѣльный и большой человѣкъ».

Подобной цѣльной натурой въ третьемъ романѣ «Это было» является Лео фонъ-Зеллентинъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, это любимый типъ позднѣйшей Зудермановской музы, которая, начиная съ образа Регины, все болѣе и болѣе подпадаетъ подъ вліяніе Нитцше; это—сверхчеловѣкъ со свойствами нечеловѣка и свѣтловолосаго звѣря, полнокровный и широкогрудый, цинично-здоровый и въ высшей степени сильный человѣкъ, шумный и весело настроенный, онъ спокойно, съ легкой совѣстью относится къ своему дурному прошлому, выставляя девизъ: «грѣшить, ни въ чемъ не раскаиваться, дѣлать лучше!» Но прошедшее, съ которымъ онъ думаетъ такъ просто покончить, тѣмъ не менѣе даетъ о себѣ знать. Какъ только онъ возвращается въ прежнюю обстановку, старый грѣхъ обрушивается на него и внутренно разъѣдаетъ и обезсиливаетъ его, но, что еще хуже, снова беретъ его подъ свою власть. Это душевное потрясеніе отъ сознанія старой вины и постоянная возможность пасть снова, когда человѣкъ неразрывно связанъ тайной и ложью со своимъ товарищемъ по преступленію, изображены съ психологической вѣрностью, напоминающей школу Достоевскаго и его Раскольникова. Показать появленіе и развитіе грѣха и тяготѣніе его надъ совѣстью—высоконравственная задача, если уже при этомъ намъ дѣлается все болѣе и болѣе жутко, то это уже есть трепетъ передъ высшей силой.

Уже самое заглавіе романа показываетъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ воплощеніемъ идеи, съ тезой. Преступное прошлое, которое

считали окончательно порѣшеннымъ, снова возвращается, — отъ него нельзя отдѣлаться Это бросаетъ извѣстный лучъ свѣта также на «Кошачью дорогу». И въ этомъ произведеніи есть подобное прошлое, на этотъ разъ прошлое отца, которое, какъ дурная наслѣдственность, вторгается въ жизнь сына и разбиваетъ ее. Но въ этомъ романѣ герои мѣняются, и въ заключеніе Регина интересуетъ насъ больше Болеслава, при этомъ выступаетъ новая теза на смѣну первой. По поводу смерти Регины авторъ говоритъ такъ: «То, что называется хорошимъ и дурнымъ, безъ опоры качалось на поверхности мглы, а внизу дремали естественныя силы природы. Кому благоволитъ природа, тому она дозволяетъ твердо укореняться въ своей мрачной глубинѣ и допускаетъ, чтобы онъ смѣло стремился къ свѣту, не стѣсненный и не опутанный туманомъ мудрости и заблужденія». Когда поэтъ такъ опредѣленно высказываетъ въ концѣ довольно темное нравоученіе, мы становимся втупикъ, и у насъ является, во-первыхъ, вопросъ, дѣйствительно ли онъ положилъ въ основу романа его мнѣніе, а во-вторыхъ, нужно ли вообще сопровождать романы подобными нравоучительными формулами? «Frau Sorge» не имѣла ничего подобнаго, почему же теперь, въ заглавіи или заключеніи, провозглашается идея, развиваемая въ романѣ. Отвѣтъ слѣдующій: Зудерманъ за это время дѣлается драматургомъ; въ драмѣ же, начиная съ греческой трагедіи, постановка и разрѣшеніе извѣстной проблемы является обычнымъ правиломъ.

Блестяще выступилъ Зудерманъ въ драмѣ пьесой, написанной на тему о чести. Ходъ развитія здѣсь совершенно противоположный: изъ романовъ только послѣдній у него съ предвзятой идеей; «Frau Sorge» совершенно свободна отъ нея, «Кошачья дорога» только отчасти подчиняется ей. Напротивъ, изъ драмъ четыре болѣе раннія развиваютъ извѣстныя положенія, послѣднія нѣтъ. Или же, если считать тенденціозными только «Честь» и «Родину», то «Гибель Содома» и «Бой бабочекъ» тоже придется причислить къ нимъ, какъ произведенія, изображающія среду съ опредѣленной сатирической тенденціей, тогда какъ въ «Счастьѣ въ уголкѣ» и въ «Іоаннѣ» центральное мѣсто занимаетъ отдѣльная личность.

«Честь» и «Родина» оспариваютъ другъ у друга популярность. «Родина» даже превзошла «Честь» количествомъ изданій, тѣмъ не менѣе не можетъ быть даже сомнѣнія въ томъ, которой изъ нихъ надо отдать предпочтеніе. «Честь» стоитъ безконечно выше, «Родина» неудачное произведеніе и обязана своимъ успѣхомъ только благодарной женской роли, которую брали на себя за границей такія артистки, какъ Сара Бернаръ и Элеонора Дузе. Тема въ обѣихъ драмахъ одинакова: дѣти возвращаются домой, сдѣлавшись вдали отъ родины совершенно чуждыми своимъ. Но въ первой драмѣ трактуется еще о другомъ, какъ это видно изъ заглавія: о чести. Обыкновенно думаютъ, что въ монологѣ графа Траста о замѣнѣ разнообразной сословной чести общимъ долгомъ и обязательнымъ трудомъ заключается вся суть этой драмы. Это было бы не ново, другіе затронули этотъ вопросъ гораздо глубже, Зудерманъ въ этомъ отношеніи, какъ и вообще. гораздо поверхностнѣе. Смыслъ произведенія лежитъ не тутъ, а въ слѣдующихъ словахъ Траста. «Каждая вещь на землѣ имѣетъ свою мѣновую стоимость. За честь въ высшемъ классѣ платятъ, можетъ быть кровью, а въ низшемъ честь полностью возстановляется небольшой суммой денегъ». Такимъ образомъ, въ низшемъ классѣ честь въ сущности такая же гнилая и пустая, какъ въ высшемъ; въ этомъ сатирическая

тенденція произведенія. Но главное значеніе его заключается въ томъ, что съ нимъ вошелъ на нѣмецкую сцену натурализмъ, которому до сихъ поръ были доступны только «свободныя сцены». Поэтому, по поводу перваго представленія въ 1890 году поднялись такіе споры, какъ будто отъ этого зависѣли достоинство и будущность искусства. Правдивое описаніе среды и жизни, даже въ отвратительныхъ ея проявленіяхъ и соціалистическая подкладка цѣлаго—вотъ противъ чего ратовали многіе. Въ настоящее время споръ о «Чести» давно уже замолкъ, мы признали эту степень и этотъ родъ натурализма; такимъ образомъ это была борьба за новое искусство, и оно побѣдило. Если послушать теперешнихъ прогрессистовъ, то Зудерманъ скорѣе заслуживаетъ упрека въ томъ, что въ «Чести» не былъ въ достаточной мѣрѣ натуралистомъ, что онъ удержалъ слишкомъ многое изъ прежней донатуралистической школы, что онъ писатель компромисса. Въ этомъ есть доля правды. Графъ Трастъ—услужливый deus ex machina старой французской сцены, всегда является въ особенно затруднительныхъ обстоятельствахъ или тогда, когда необходимо произнести нравоученіе: онъ противорѣчитъ духу натурализма, какъ искусственная театральная фигура. Также изображеніе обоихъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ,—сына изъ задняго двора и дочери изъ передняго,—слишкомъ напоминаетъ Коцебу и Birch-Pfeiffer'a: много идеалистическихъ разглагольствованій и добродѣтельно-трогательнаго благородства. Такимъ образомъ, въ пьесѣ, дѣйствительно, два элемента: опредѣленно-реалистическій и условно-идеалистическій; изумительно искуснымъ сочетаніемъ ихъ Зудерманъ могъ удовлетворить обѣ партіи. Но центръ тяжести лежитъ, несомнѣнно, въ новыхъ, а не въ затасканныхъ и устарѣвшихъ пріемахъ.

Въ «Родинѣ» это старое сталкивается съ новымъ въ самомъ содержаніи пьесы: съ одной стороны отецъ съ его непреклонными воззрѣніями на приличія, родительскій авторитетъ, семейственность и узкоопредѣленный жребій женщины, и съ другой стороны дочь, возвращающаяся въ тѣсную атмосферу родной семьи представительницей прогрессивныхъ идей женской эмансипаціи. Но женщины новаго направленія едва ли признаютъ въ героинѣ свою предшественницу; въ то же время добрые старые нравы такъ же, какъ изображеніе среды, являются въ каррикатурномъ видѣ.

«Гибель Содома» насквозь проникнута духомъ натурализма. Описаніе испорченнаго до мозга костей общества большого города свидѣтельствуетъ о трезвой наблюдательности автора и поразительно натуральномъ изображеніи жизни. Несмотря на это, пьеса не имѣла успѣха на сценѣ: атмосфера представлена слишкомъ мрачной, натуралистическое изображеніе житейскихъ безобразій заняло слишкомъ много мѣста. Мы должны терпѣливо наблюдать всю эту безнравственную среду ради какого-то Вилли Яникова: онъ не герой, а безхарактерный человѣкъ, не геній или сверхчеловѣкъ, а ничтожный сластолюбецъ, погрязшій въ порокѣ.

Комедія «Бой бабочекъ»—тоже бытовая пьеса съ соціальной подкладкой, но въ ней опять столько отвратительнаго, что она не забавна и не веселитъ. Это вообще слабая сторона нашихъ писателей-натуралистовъ: они не умѣютъ быть веселыми и смѣяться. Какъ же имъ писать комедіи? Это старческая черта, привившаяся современному юношеству. Быть можетъ, она есть пережитокъ пессимистической эры, и тогда есть надежда ее побороть, или же она является органической

и служитъ признакомъ духовныхъ «сумерекъ боговъ»,—кто знаетъ? У нашихъ художниковъ такого недостатка нѣтъ, будемъ надѣяться, что и въ поэзіи это лишь временная черта.

Будь передъ нами только четыре указанныхъ произведенія, мы не составили бы себѣ очень высокаго представленія о драматическомъ талантѣ Зудермана: талантливая работа и только. Но «Счастье въ уголкѣ» знаменуетъ громадный переворотъ; правда, начало ему было уже положено изображеніемъ Вилли въ «Гибели Содома» и Магды въ «Родинѣ». Нѣтъ уже болѣе ни предвзятой идеи, ни изображенія среды, а есть люди и ихъ жизнь, на нихъ все сосредоточивается. Лица первыхъ драмъ отличаются извѣстной схематичностью и условностью; благодаря тому, они мало интересны и имѣютъ значеніе лишь какъ выразители опредѣленныхъ идей, или какъ условныя фигуры, характеризующія среду. Теперь Зудерманъ разомъ вспоминаетъ все, что онъ умѣлъ давать въ своихъ романахъ и изображаетъ индивидуальныхъ, цѣльныхъ, здоровыхъ и живыхъ людей. Возьмемъ Рöкнитца: это восточнопрусскій юнкеръ, скорѣе Донъ-Жуанъ, чѣмъ сверхчеловѣкъ, грубый и жестокій, съ низкимъ темпераментомъ,—однако, не совсѣмъ антипатичный: натура сильная и властная, притомъ не лишенная добраго сердца и самостоятельныхъ взглядовъ, въ лѣтнія ночи онъ любуется звѣздами, и ему хотѣлось бы имѣть около себя человѣка. Рöкнитцу противопоставляется ректоръ, но онъ обрисованъ авторомъ недостаточно ярко. Все же въ немъ чувствуется извѣстная сила, нравственное достоинство, внутреннее благородство. Наконецъ, Елизавета напоминаетъ намъ стихотвореніе Гёте «Орелъ и Голубь»: ректоръ говоритъ, какъ голубь, у нея же—орлиныя крылья; въ нее попала стрѣла охотника, и она надѣется найти бальзамъ всеисцѣляющей природы подъ тѣнью липы въ усадьбѣ ректора, но увы! силы ей измѣняютъ. Ея страсть не проходитъ и тогда, когда она узнаетъ, что Рöкнитцъ не орленокъ, а самый обыкновенный хищникъ и соблазнитель. Мудрое правило «довольствуйся малымъ» удовлетворяетъ многихъ: но для нея оно не годится, и мы не вѣримъ въ возможность для нея мѣщанскаго счастья въ уголкѣ. Такимъ образомъ, какъ это часто бываетъ у Зудермана, вмѣсто заключенія, выступаетъ эффектъ, скрадывающій всѣ затрудненія до тѣхъ поръ, пока авторъ не вызывается къ рампѣ, чтобы пожать свои лавры.

Наконецъ, за «Morituri» слѣдуетъ библейская драма «Іоаннъ» (Iohannes). Берлинская полиція создала пьесѣ самую широкую рекламу своимъ ничѣмъ не мотивированнымъ запрещеніемъ, которое, конечно, пришлось скоро отмѣнить. Театральная цензура, отданная у насъ въ неумѣлыя руки простого полицейскаго чиновника, представляетъ изъ себя также одну изъ многихъ нашихъ несообразностей: всемогущая бюрократія чрезвычайно слабо блюдетъ полицію нравовъ, смотритъ сквозь пальцы на Variétés и т. п. учрежденія, такъ какъ они отвѣчаютъ ея собственнымъ вкусамъ, и обладаетъ болѣзненно тонкой чувствительностью и робостью по отношенію къ политическимъ и религіознымъ вопросамъ и даже намекамъ.

Въ этой драмѣ тоже есть одна центральная фигура—Іоаннъ Креститель ожидающій Того, Кто долженъ прійти послѣ него. Въ Немъ ожидаетъ онъ «царя силъ, закованнаго въ золотой панцырь, съ обнаженнымъ мечомъ надъ головой: такъ придетъ онъ спасти народъ Господень; копытами коня раздавитъ онъ своихъ враговъ, и съ торжествомъ будутъ привѣтствовать его сыны Израиля». Но онъ ошибся.

Мессія является не въ образѣ національнаго героя войны и меча: онъ—спаситель бѣдныхъ и маленькихъ людей, герой терпѣнія, прощенія, любви. И любовь во всѣхъ своихъ видахъ подступаетъ къ этому аскету, непреклонному проповѣднику покаянія, и даетъ ему почувствовать свою силу. Ему, конечно, нечего бояться ея чувственныхъ проявленій: они для него не существуютъ совершенно, такую любовь онъ продолжаетъ считать грѣхомъ. Но когда слово высокой любви коснулось его слуха и проникло въ его сердце, эта новая идея смущаетъ, колеблетъ, смиряетъ и подавляетъ его. Уже слова Иродіады жестоко поражаютъ его: «Кто смѣетъ быть судьею надъ людьми, долженъ раздѣлить ихъ жребій и быть человѣчнымъ среди людей!» Тѣмъ болѣе поражаетъ его проповѣдь Іисуса о любви къ врагамъ. Совершенно разбитый, онъ не смѣетъ бросить первый камень въ Ирода и его прелюбодѣйную жену; со словами: «во имя Того, Кто—учитъ меня любить тебя», опускаетъ онъ камень на землю. Но возвращаясь отъ этого высшаго пункта драматическаго дѣйствія къ началу пьесы, мы узнаемъ, что этотъ внутренно разбитый человѣкъ является такимъ съ самаго начала: онъ не герой, онъ человѣкъ не твердый и колеблющійся; нигдѣ не видно силы и величія его личности, поэтому, онъ неинтересенъ. Кромѣ этого, стройность впечатлѣнія нарушается еще смѣшеніемъ двухъ міровъ: простого, примитивнаго міра Библіи и утонченнаго міра современности. Іоаннъ, человѣкъ великихъ стремленій, сверхчеловѣкъ, говоритъ на двухъ языкахъ: стиль Заратустры перемѣшивается съ библейской рѣчью, и надо всѣмъ тяготѣетъ душная атмосфера гнилого общества fin de siècle'я съ его неестественно развитой чувственностью. Зудерманъ слишкомъ современный писатель, поэтому онъ не умѣлъ подняться до библейской простоты и величія.

Безспорно, у самого Зудермана есть нѣкоторыя черты его Крестителя: онъ—не Мессія новаго театра, но нѣчто въ родѣ его Предтечи; его «Честь» вноситъ новое направленіе и новый тонъ въ нашу драму. Много значитъ уже то, что онъ пробудилъ въ насъ интересъ къ себѣ, серьезное отношеніе къ затрагиваемымъ имъ вопросамъ, безотносительно, согласны мы съ нимъ или несогласны. Въ общемъ, это—сильный талантъ, но ни въ какомъ случаѣ не геніальность.

Гергартъ Гауптманъ.

Съ гораздо большимъ основаніемъ геніальности можно искать у Гауптмана; многіе считаютъ его даже самимъ Мессіей. Это, конечно, преувеличеніе, хотя, какъ драматургъ, онъ, безъ сомнѣнія, далеко превосходитъ Зудермана. Въ его творчествѣ можно отчетливо и ясно различить три періода. Уже его первая пьеса называется соціальной драмой, но хотя Альфредъ Лотъ занимается рабочимъ вопросомъ и благомъ народа, тѣмъ не менѣе, это просто бытовая драма такъ же, какъ и двѣ послѣдующія. Во всѣхъ трехъ видно сильное вліяніе Ибсена. Темой первой пьесы является наслѣдственность: здѣсь безпощадно разоблачается нравственное уродство семьи милліонера-крестьянина, и такимъ образомъ, передъ нами проходитъ масса безобразнаго, низкаго и грубаго.

Когда пьеса 20-го октября 1889 года появилась на свободной сценѣ Берлина, представленіе прошло вяло и искусственно. Надъ второй пьесой виситъ та мрачная атмосфера, какую такъ мастерски изображаетъ Ибсенъ въ своихъ произведеніяхъ. Только одному изъ членовъ нрав-

ственно погибающей семьи удается, благодаря любви, вырваться изъ этой душной обстановки сумасбродства и безумія. Третья представляетъ рѣшительный шагъ впередъ; она остается свободной отъ недостатковъ натурализма, сохраняя его преимущество: видѣть и передавать видѣнное такимъ, каково оно есть. Здѣсь передъ нами живые люди, передъ нашими глазами развертывается дѣйствительная драма человѣческой жизни, происходитъ столкновеніе двухъ міровоззрѣній, хотя оно и не занимаетъ главнаго мѣста.

Затѣмъ, если мы оставимъ въ сторонѣ «Товарища Крамптона» и «Бобровый мѣхъ», слѣдующія три пьесы составятъ новый періодъ. Онѣ носятъ соціальный характеръ. На этомъ пути Гауптманъ стоитъ уже въ 1887 году, какъ это видно изъ его стихотворенія «Въ ночномъ поѣздѣ». Нѣкоторыя строфы этого стихотворенія необыкновенно сильны.

Соціальная драма, несравненно болѣе сильная, была написана въ 1892 году: это—«Ткачи». Въ то же время это яркая картина среды: здѣсь нѣтъ героевъ. Она вполнѣ отвѣчаетъ духу натурализма: изображенное здѣсь возстаніе ткачей 1844 года въ дѣйствительности не имѣло главарей. Это было стихійное, а не сознательное движеніе, вызванное нуждой, бѣдствіями и эксплуатаціей. Такимъ образомъ, эта драма носитъ вполнѣ соціалистическій, а не индивидуалистическій характеръ. Полицейскія запрещенія въ Берлинѣ и др. городахъ, ликованіе соціалъ-демократовъ и всего общества, духъ времени и движеніе, изображенное въ драмѣ, придали пьесѣ, какъ намъ кажется, гораздо бо́льшую долю тенденціозности, чѣмъ она на самомъ дѣлѣ заключала въ себѣ. Партійность автора выразилась единственно въ томъ, что онъ правдиво изобразилъ бѣдствія ткачей во всемъ ихъ ужасѣ.

Въ противоположность «Ткачамъ» сначала до конца тенденціозно задумана «Ганнеле». Трогательная фигура дѣвочки представляетъ поразительный контрастъ съ грубымъ обществомъ дома призрѣнія, куда приносятъ этого вынутаго изъ воды умирающаго ребенка. Также тенденціозны и фантазіи Ганнеле, одного изъ тѣхъ несчастныхъ существъ, которыя только въ лихорадочныхъ грёзахъ находятъ счастье, не дающееся имъ въ жизни. Но надъ всей тенденціозностью торжествуетъ здѣсь поэзія, витающая надъ этой трогательной фигурой и воплощающая въ образы ея наполовину чувственныя, наполовину отвлеченныя ощущенія.

Наконецъ, «Florian Geyer» особенно замѣчателенъ тѣмъ, что и здѣсь, несмотря на названіе пьесы, герой рисуется не какъ единичная личность, а какъ представитель среды—передъ умственнымъ взоромъ писателя, быть можетъ, въ это время носился лагерь Валленштейна. Здѣсь выступаетъ опять соціальная революція, только скомпонованная въ гораздо болѣе широкомъ, всемірно-историческимъ стилѣ, нежели жалкое возстаніе ткачей въ сороковыхъ годахъ. Это крестьянское движеніе Гауптманъ представляетъ вполнѣ объективно, безъ всякой тенденціи: онъ изображаетъ его противниковъ и сторонниковъ въ цѣломъ рядѣ лицъ, раскрываетъ мотивы ихъ дѣйствій и объясняетъ, почему они погибаютъ и должны погибнуть, а дѣло ихъ остается безплоднымъ. Это не драма, а рядъ картинъ, но картинъ, полныхъ движенія, переносящихъ насъ въ одушевленную борьбою эпоху и заставляющихъ чувствовать, бороться и погибать съ изображенными здѣсь людьми. Въ этомъ произведеніи поистинѣ вылилось все, чѣмъ силенъ натурализмъ.

При всемъ томъ «Florian Geyer» не имѣлъ успѣха. Причина ясна: пьесѣ недоставало центральнаго—дѣйствующаго лица, несмотря на ея

заглавіе. Это было тѣмъ большей ошибкой, что въ то время (въ 1896 г.) въ литературѣ уже успѣла сбѣжать высокая волна соціализма, и наступилъ періодъ индивидуализма: ждали сверхчеловѣка, а вмѣсто него увидали массу, толпу: это не понравилось, особенно въ Берлинѣ. Въ «Одинокихъ» наоборотъ: Іоганнъ Фокератъ былъ этимъ одинокимъ человѣкомъ, и слѣдовательно, представлялъ изъ себя единичное лицо, а въ «Товарищѣ Крамптонѣ» героемъ является даже геніальный человѣкъ; намъ приходится, правда, въ него вѣрить, но подъ конецъ пьесы наша вѣра почти окончательно подрывается. Раньше еще, въ «Потонувшемъ колоколѣ» Гауптманъ ставилъ себѣ задачей изображеніе одинокаго и вмѣстѣ съ тѣмъ геніальнаго человѣка.

Все, что есть во мнѣ,
(Мое внутреннее чувство)
Съ тѣхъ поръ, какъ я стоялъ тамъ, на горѣ
Стремится въ высь;
Подняться къ свѣту надъ моремъ тумановъ
И созидать творенія горнею силою!
. . . .
Я долженъ быть юнъ, когда суждено мнѣ жить.
. . . .
Я долженъ чувствовать въ сердцѣ здоровую силу,
Крѣпость въ рукахъ, желѣзные мускулы,
Безумное стремленіе героя
Къ новому, неслыханному подвигу и риску.

Такъ говоритъ геніальный человѣкъ, но одинокій, желавшій слишкомъ многаго, прибавляетъ:

Нетерпѣливое сердце
Знаетъ, что оно должно ждать и ждать безсильно;
И оно скорбно ждетъ грядущаго дня.
Солнце, окутанное въ пурпуръ,
Погружается въ нѣдра... оставляя насъ здѣсь однихъ,
А мы, привыкшіе къ свѣту, безпомощно трепещемъ,
Мы цари утромъ, а вечеромъ мы простые нищіе,
И, безсильные, должны покориться ночи:
Лохмотья—наше покрывало во время нашей дремоты.
. . . .
Генрихъ хочетъ создать колоколъ
. . . . изъ благороднѣйшаго металла,
Который качаясь самъ извлекаетъ изъ себя звуки.
. . . .

Онъ будетъ звонить, какъ никогда еще не звонилъ колоколъ. Это поэтично, но не ясно, или становится яснымъ лишь въ томъ случаѣ, если колоколъ мы будемъ понимать символически. Слѣдующія слова, обращенныя къ пастору, даютъ намъ право на такое толкованіе:

И много колокольныхъ формъ разбилъ я,
Но охотно поднимаю молотъ еще разъ,
Чтобы мастерскимъ ударомъ разбить въ куски
Колоколъ, отлитый искусствомъ черни
Изъ высокомѣрія, злобы, ненависти, всего дурного.

Теперь мы догадываемся, чего хочетъ Генрихъ, и чѣмъ должна быть пѣснь колокола:

Силой звука,
Подобной стихійной мощи весенняго грома,
Который, бурно гремя, проносится надъ пастбищами,
Итакъ, пусть грознымъ трубнымъ звукомъ
Заставитъ онъ умолкнуть всѣ колокола,
И возвѣститъ, среди безмѣрнаго ликованія,
Возрожденіе свѣта въ мірѣ.

Такимъ образомъ, «Потонувшій колоколъ»—символическое произведеніе, эмблема ясной, свободной и счастливой будущности человѣчества.

Этотъ новый періодъ въ творчествѣ Гауптмана проникнутъ символизмомъ и еще мистицизмомъ. Мистическое пониманіе природы находитъ себѣ выраженіе въ Rautendelein и эльфахъ, въ Nickelmann и Waldsehrat; солнце также играетъ здѣсь опредѣленную роль. Многое еще остается для насъ неяснымъ, но въ этомъ-то и заключается поэтическій блескъ и прелесть пьесы: мы вращаемся здѣсь въ волшебномъ и сказочномъ царствѣ природы и ея духовъ, такъ же какъ въ «Ганнеле» мы были за предѣлами дѣйствительности, въ царствѣ чудеснаго и грёзъ. Но какъ тамъ, рядомъ съ восхитительными дѣтскими фантазіями, полными наивнаго чувства и вѣры стоитъ реализмъ дома призрѣнія, такъ среди этихъ поэтическихъ духовъ природы появляется старая вѣдьма, которая, согласно правиламъ натурализма, говоритъ на своемъ ужасномъ жаргонѣ и грубо переноситъ насъ изъ сказочнаго міра на почву суровой дѣйствительности.

Послѣднее вообще согласуется съ програмой молодого направленія, требующей, чтобы на сценѣ говорили языкомъ жизни, и именно настоящей, а не подкрашенной жизни; такимъ и является то просторѣчіе, которое употребляется въ обыденной жизни.

Рядомъ съ употребленіемъ жаргона, часто въ умышленно небрежной формѣ, эти натуралистическія произведенія обязательно должны быть написаны прозой. Такимъ образомъ, Гауптманъ въ «Потонувшемъ колоколѣ» по формѣ выступаетъ изъ рамокъ натурализма; если же онъ снова платитъ ему дань въ жаргонѣ старой вѣдьмы, хотя и она тоже говоритъ стихами, то въ этомъ я вижу не «великую поэтическую идею», а разладъ и двойственность, характерную для нашего переходнаго времени. Натурализмъ, символизмъ, мистицизмъ въ этотъ моментъ такъ близко соприкасаются другъ съ другомъ, что не знаешь, по какому пути пойдетъ развитіе и что̀ будетъ впереди; на ряду съ этимъ соціализмъ борется съ индивидуализмомъ. Тѣмъ не менѣе, Зудерманъ въ «Johannes» и Гауптманъ въ «Потонувшемъ колоколѣ» дѣйствительно стремились сдѣлать нѣчто высшее и одно это стремленіе вознаграждаетъ за неудачу этихъ первыхъ крупныхъ попытокъ. Гауптману, безъ сомнѣнія, предстоитъ блестящая будущность въ его произведеніяхъ, хотя еще смутно и не ясно, проглядываетъ дѣйствительно нѣчто новое.

Трудно опредѣлить, въ какой степени указанный нами мистицизмъ получитъ религіозную окраску. Стриндбергъ и Арно Гарборгъ рѣшительно направляются въ церковно-религіозное и реакціонное русло, и поворотъ къ религіозности близокъ также и у насъ. Не только католицизмъ собираетъ всѣ свои внѣшнія и внутреннія силы, но и въ протестантизмѣ также происходитъ внутренняя работа для укрѣпленія своихъ силъ и приготовленія къ отпору. Многіе утомленные умы, подъ вліяніемъ Шопенгауера и Нитцше, кокетничаютъ даже съ буддизмомъ. Однако, трудно опредѣлить, въ какой степени это религіозное направленіе у насъ обосновано и внутренно необходимо. Теперь, какъ при Вильгельмѣ I, клерикализмъ пользуется благоволеніемъ свыше, благодаря этому разливается столько искательства и ханжества, что трудно сказать, что̀ именно въ этомъ движеніи истинно и прочно: придворный проповѣдникъ—это проклятіе христіанской церкви. Мистическая поэзія пока у насъ не имѣетъ специфически-христіанской или церковной окраски. «Johannes» также еще не доказываетъ, что Зудерманъ хочетъ принять подобное направленіе, его темой является любовь, а не религія, и самъ Зудерманъ слишкомъ благоразуменъ и трезвъ для того, чтобы когда-нибудь сдѣлаться мистикомъ; онъ слишкомъ гонится

за драматическимъ эффектомъ, чтобы вообще позволить себѣ чѣмъ-либо глубоко увлечься. Гауптманъ и въ этомъ отношеніи глубже; въ его произведеніяхъ чувствуется близость къ гернгутерамъ. Но въ «Потонувшемъ колоколѣ» его мистицизмъ, какъ у Бёклина, дѣлаетъ скачокъ въ сторону язычества. Его Генрихъ хочетъ разрушить старыя вѣрованія, и такимъ образомъ, ближе стоитъ къ «Антихристу», нежели къ Парсивалю, падающему ницъ передъ крестомъ. Вѣроятно, этотъ новый романтизмъ сумѣетъ защитить себя въ будущемъ отъ католическихъ и церковныхъ тенденцій, которыми былъ проникнутъ старый. Штраусъ и Фейербахъ составляютъ переходное звено между тѣмъ и другимъ. Напротивъ того, атеизмъ Шопенгауера и антихристіанство Нитцше трудно удержать отъ возврата къ старому. У послѣдняго переходъ отъ Антихриста къ Христу поразительно близокъ.

Заключеніе.

Если я помѣстилъ обзоръ литературнаго движенія нашихъ дней въ самомъ концѣ своей книги и этимъ далъ ему особенно яркое освѣщеніе, то это вовсе не значитъ, что я преувеличиваю его значеніе. Правда, въ наше время интересъ къ литературѣ опять выступаетъ на первый планъ. Первое представленіе «Іоанна» или «Флоріана Гейера»—цѣлое событіе и не для одного только жаднаго до сенсаціонныхъ зрѣлищъ Берлина; новѣйшая нѣмецкая лирика также начинаетъ обращать на себя вниманіе, хотя она извѣстна пока только въ превосходныхъ извлеченіяхъ Буссе или изъ фельетонныхъ отчетовъ, между тѣмъ какъ отдѣльные лирики, даже такіе выдающіеся, какъ Детлевъ фонъ-Лиліенкронъ, преспокойно продолжаютъ голодать. Насколько глубокъ и дѣйствителенъ этотъ интересъ, сказать трудно, во всякомъ случаѣ онъ является первостепеннымъ. Итакъ, я отвожу такое мѣсто литературному движенію не потому, чтобы оно было самымъ важнымъ и самымъ значительнымъ, но потому, что въ немъ еще разъ выражаются съ особенной ясностью и отчетливостью тенденціи, направленія и настроенія эпохи. Въ литературѣ народа отражается его духъ, его самосознаніе: это такъ и по отношенію къ настоящему времени.

Но въ наше время литература не обнимаетъ собою вполнѣ ни того, ни другого. Жизнь теперь гораздо разностороннѣе, чѣмъ наша поэзія. Спустимся въ прирейнскіе фабричные районы, посмотримъ и послушаемъ, какъ здѣсь дымятся трубы, жужжатъ колеса, сверкаютъ раскаленные горны, стучатъ молоты. Если когда-то Фрейтагъ старался наблюдать нѣмецкій народъ за работой, то для современнаго поэта это было бы чрезвычайно трудной задачей. Только изрѣдка встрѣчаются удачные стихи, въ родѣ «Въ ночномъ поѣздѣ» Гауптмана:

Поѣздъ шумитъ въ лунную ночь
Колеса стучатъ и гудятъ.
. . . .
Фонарь блеститъ, дрожитъ и мерцаетъ,
Вагоны катятся, гремя и сотрясаясь.
. . . .

Это—трудная задача, ибо народный трудъ выросъ до гигантскихъ размѣровъ, съ помощью пара и электричества стремится онъ неудержимо, безостановочно впередъ и невозможно задержать и схватить это безпрерывное движеніе. Это—жизнь, это хорошая, здоровая область въ нашей современной нѣмецкой жизни.

Въ тѣсной связи съ нею находится преобладаніе матеріальныхъ интересовъ, которое обнаруживается всюду, и прежде всего въ поли-

тикѣ. Ходъ внѣшней политики опредѣляется вопросами торговли и колоніальными предпріятіями. Во внутренней—«соединеніе» партій, къ какому призывалъ хитроумный Одиссей прусскаго министерства, оказывается невыполнимымъ и обманчивымъ. Требованія промышленности, направленныя на торговые договоры, пароходы и каналы, діаметрально противоположны желаніямъ землевладѣльцевъ, которые стремятся поставить Германію въ изолированное положеніе и придать ей форму аграрнаго государства. Эта борьба должна быть доведена до конца, хотя на выборахъ 1898 года она еще разъ была отложена. Итакъ, наша политика есть политика практическихъ интересовъ. Этотъ видъ трезвости и умѣренности она пріобрѣла благодаря всеобщему избирательному праву, гдѣ голоса не взвѣшиваются, а просто подсчитываются; пестрый хоръ прессы съ его быстрымъ и доступнымъ пониманію толпы приговоромъ не оставляетъ мѣста глубокому и спокойному обсужденію; точно также и въ парламентѣ рѣшаетъ фракція, а не голосъ выдающагося государственнаго дѣятеля, какихъ со времени отставки и смерти Бисмарка мы не видимъ ни за министерскимъ столомъ, ни на скамьяхъ депутатовъ.

Такой же трезвостью отличается и работа нашей научной мысли. Въ естествознаніи это видно безъ дальнѣйшихъ объясненій: оно имѣетъ дѣло только съ отношеніями внѣшней причинности; его окончательныхъ выводовъ ждетъ техника, чтобы немедленно примѣнить ихъ на практикѣ. Но и изслѣдованія въ области психологіи носятъ тотъ же самый характеръ; ея точный анализъ не проникаетъ въ тонкіе изгибы душевной жизни, онъ не преднамѣренно оставляетъ послѣднюю въ сторонѣ и занимается, главнымъ образомъ, близкой къ чувственности областью ощущенія, воспріятія и представленія. Поэтому эстетика очень мало можетъ воспользоваться ея выводами въ своихъ цѣляхъ, и такимъ образомъ пропасть между психологіей и художественнымъ творчествомъ остается незаполненной. Точно также исторія принуждена довольствоваться категоріями политической экономіи и результатами статистическихъ вычисленій и направить все вниманіе на методъ историческаго изслѣдованія, между тѣмъ ей недостаетъ болѣе чѣмъ когда-нибудь волшебнаго ключа для изученія психологическихъ факторовъ и болѣе тонкой мотивировки дѣйствій. Вообще весь ходъ научной работы съ ея раздѣленіемъ и организаціей труда напоминаетъ скорѣе фабричное производство, чѣмъ спокойное углубленіе въ научные вопросы.

Такъ же энергично идетъ у насъ развитіе военнаго дѣла. Твердой ногою, здорово и увѣренно, сильно и мощно, но въ то же время властно и настойчиво, громко и вызывающе вторгается милитаризмъ въ нашу нѣмецкую жизнь и почти съ диктаторской властью навязываетъ ей свои нравы и воззрѣнія и опредѣляетъ и перекраиваетъ на свой ладъ всю нашу жизнь. Даже въ женскомъ лагерѣ поборницъ равноправности мы видимъ ту же энергію и силу, иногда принимающую довольно рѣзкія формы. Такимъ образомъ, недостаетъ противовѣса и здѣсь, гдѣ, казалось бы, особенно можно было на него разсчитывать.

Все это я говорю не для того, чтобы жаловаться или осуждать, но только для того, чтобы сопоставить съ нашей литературой и показать, что ея теченія въ данный моментъ не вполнѣ охватываютъ реальную жизнь. Ея символизмъ и мистицизмъ чужды дѣйствительности, представляютъ изъ себя нѣчто экзотическое, возникшее, быть можетъ, въ противовѣсъ тому, что всплываютъ на поверхности реальной жизни. Быть можетъ, литература принимаетъ символическую и мистическую форму именно потому, что наиболѣе тонкое и интимное содержаніе душевной жизни лежитъ слишкомъ глубоко и проявляется

только въ видѣ загадки и предчувствія. И тѣмъ неменѣе, въ глубинѣ намѣчается многое, хотя еще темно и не ясно, невыраженное и безформенное, потому что оно не можетъ вылиться въ несовершенныя формы современности. Въ этомъ возобновленіи романтизма коренится и нездоровое начало: напряженность современной жизни преждевременно исчерпываетъ силы, разбиваетъ нервы, многіе изъ насъ становятся декадентами, такъ какъ не могутъ справиться съ требованіями жизни. Эта нервозность принимаетъ видъ новыхъ, неизвѣданныхъ ощущеній, возвышенной жизни чувства, патологическое и извращенное мы принимаемъ за болѣе высокое и совершенное,—такимъ образомъ излишекъ нервнаго раздраженія и возбужденія намъ представляется особой силой и какъ бы высшимъ полетомъ души.

Именно поэтому умѣстно будетъ поставить вопросъ, устойчивы ли эти чуждыя духу времени теченія или же они являются только эпизодомъ и должны уступить мѣсто болѣе сильнымъ и здоровымъ направленіямъ умственной жизни? Таковыми являются въ литературѣ натурализмъ и соціализмъ, даже сверхчеловѣкъ въ его обычномъ видѣ, какъ свѣтловолосый звѣрь, имѣетъ въ себѣ много грубой жизнеспособности. Здѣсь еще разъ придется указать на взаимную связь этихъ тенденцій. Соціализмъ и индивидуализмъ противоположны другъ другу; однако соціализмъ также борется за индивидуальность, но за индивидуальность массового человѣка, и поэтому для «человѣка высшаго склада» онъ является обезличивающимъ и шаблоннымъ, угрожая свести его на низшую ступень. Посредникомъ между обоими направленіями является натурализмъ: онъ обостряетъ способность наблюденія надъ характеромъ и недостатками соціалистическаго строя, надъ условіями развитія личности въ индивидуалистическомъ обществѣ. Это чутье дѣйствительности и правды составляетъ одно изъ самыхъ отрадныхъ явленій современности. Хотя при этомъ вносится въ литературу много уродливыхъ картинъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ точки зрѣнія будущаго поэзіи и жизни—въ натурализмѣ заключается здоровое начало, уже успѣвшее много дать натуралистическому искусству и поэзіи. Оно отнимаетъ у насъ иллюзію красоты, зато его живое отношеніе къ жизни оказываетъ большую услугу нашимъ изслѣдованіямъ жилищъ бѣдняковъ и заботамъ о призрѣніи бѣдныхъ и тѣсно соприкасается съ точными, микроскопическими изысканіями науки. Въ концѣ концовъ, это только двѣ стороны одного и того же акта: статистическія массовыя наблюденія и изученіе среды съ одной стороны и индивидуалистическій анализъ отдѣльной личности во всемъ ея своеобразіи путемъ психологическаго разложенія на составляющіе ее элементы—съ другой.

Но все-таки противорѣчій и здѣсь остается болѣе чѣмъ достаточно. Уже поэтому невозможно опредѣлить одной формулой духъ нашего столѣтія: чтобы понять его, требуется не краткая формула, но цѣлое историческое изслѣдованіе. Поэтому, намъ представляется напраснымъ трудомъ перечислять въ заключеніе еще разъ всѣ его многоразличныя тенденціи. Переходъ отъ начала вѣка къ концу такъ великъ, что его необходимо раздѣлить на отдѣльные этапы и отдѣльно охарактеризовать каждый изъ нихъ.

Только съ наступленіемъ fin de siècle'я изъ общаго смутнаго гула съ полной отчетливостью выдѣляются два противоположныхъ голоса; соціализмъ и индивидуализмъ наполняютъ собою все духовное содержаніе нѣмецкой жизни за послѣднее десятилѣтіе XIX вѣка. Здѣсь Бисмаркъ—тамъ соціалъ-демократія; здѣсь—Нитцше, тамъ—мораль альтруизма; здѣсь—король Штуммъ, тамъ—ферейнъ соціальной политики.

На одной сторонѣ стоятъ «Ткачи», «Іоаннъ», на другой — «Потонувшій колоколъ». Коллективистическая теорія исторіи Лампрехта и матеріалистическая—Маркса и, въ противоположность ихъ,—чистые индивидуалисты Зибель, Трейчке и Фридьюнгъ. Въ этомъ замѣчательномъ сплетеніи историзмъ столѣтія, съ своей вѣрой въ силу и право существующаго, подвергается жестокимъ нападкамъ со стороны индивидуалистически настроенной молодежи, выражающей революціонный протестъ противъ всякой условности и правилъ. Далѣе, женскій вопросъ понимается одними, какъ массовое движеніе и борьба за заработную плату, другими—какъ борьба за болѣе широкое образованіе и за индивидуальную равноправность каждой отдѣльной женщины. Соціальная педагогика и соціальная этика, благосостояніе и счастье массъ, какъ высшее благо, и рядомъ съ этимъ — требованіе индивидуализаціи отъ воспитанія, и серьезнаго вниманія къ этикѣ, находящейся за предѣлами добра и зла, предназначенной для геніальныхъ личностей, которымъ надоѣло жить только для другихъ, которые хотятъ жить только сами для себя и безгранично пользоваться жизнью. Вотъ въ чемъ противорѣчія нашего времени, вотъ почему теперь такъ много споровъ, ссоръ и борьбы. Въ чью пользу рѣшится этотъ споръ? Кто знаетъ? Это — вопросъ будущаго, и отвѣчать на такіе вопросы, пророчествовать—не мое дѣло, будущее—не моя область. Что будетъ представлять изъ себя двадцатое столѣтіе, какъ рѣшитъ оно свои задачи, этого не знаетъ никто изъ насъ, тѣмъ болѣе, что сзади вносятъ свою долю вліянія внѣшнія судьбы нашего народа, со всѣми ихъ непредвидѣнными случайностями. Нельзя даже съ увѣренностью сказать, каковы будутъ задачи ближайшаго будущаго, хотя онѣ должны уже быть намѣчены въ настоящемъ. Борьба между соціализмомъ и индивидуализмомъ будетъ продолжаться: но будетъ ли одно изъ этихъ направленій вытѣснено другимъ или они соединятся вмѣстѣ, найдутъ точки соприкосновенія и общіе исходные пункты, — этого можно только желать, но никакъ нельзя опредѣлить заранѣе. Но, во всякомъ случаѣ, дальнѣйшая работа надъ рѣшеніемъ соціальныхъ вопросовъ будетъ продолжаться, и уже теперь совершенно ясно, что не можетъ быть и рѣчи о революціонномъ переворотѣ и всеобщей катастрофѣ, но это рѣшеніе выльется въ рядѣ отдѣльныхъ соціальныхъ мѣропріятій, и несогласія могутъ быть только по вопросу о послѣдовательности и быстротѣ этого процесса. Всего легче предсказать побѣду въ женскомъ вопросѣ: здѣсь дѣло идетъ о томъ, чтобы исправить тяжелую несправедливость; заинтересованная сторона сознаетъ это и твердо рѣшила отстаивать свои права, съ другой стороны увеличивается число сочувствующихъ и помогающихъ движенію; поэтому, побѣда въ принципѣ уже обезпечена, можно спорить опять-таки только о времени и послѣдовательности. Кто противится этому движенію, только доказываетъ этимъ свою отсталость.

Изъ всѣхъ этихъ противорѣчій, борьбы, программъ дѣятельности всюду выступаетъ такъ рѣшительно подчеркнутая Пфлейдереромъ черта— «активность». Точно также нужно отмѣтить универсализмъ, т.-е. интернаціонализмъ съ одной стороны, «который въ наши дни такъ ясно и замѣтно для каждаго открываетъ широкіе, міровые горизонты въ противоположность исключительно партикулярной, мѣстно-обособленной жизни, съ другой стороны стремленіе къ тому, чтобы «всѣ сословія, всѣ общественные слои дѣятельно принимали участіе въ исторической жизни, вмѣсто того, чтобы въ качествѣ пассажировъ или балласта идти туда, куда ничтожное меньшенство направляетъ корабль исторіи»; сюда же принадлежитъ право каждаго на самоопредѣленіе, чисто демокра-

тическая черта нашего времени. И въ міровомъ могуществѣ и міровой политикѣ, въ міровомъ рынкѣ и міровой торговлѣ понятіе «міра» еще разъ связано съ натуралистическимъ представленіемъ о дѣйствительности, которое отвертывается отъ всего сверхчувственнаго, какъ и непознаваемаго, непостижимаго, и обращаетъ свой взоръ къ реальной жизни. На этой землѣ протекаютъ наши радости, это солнце освѣщаетъ наши страданія, говоримъ мы вмѣстѣ съ Фаустомъ; въ этомъ наше лучшее оружіе противъ всякаго нездороваго романтизма. Вѣра въ безсмертіе играетъ очень малую роль въ сознательной жизни эпохи и это зависитъ не столько отъ общаго охлажденія къ безплоднымъ догмамъ, сколько прежде всего отъ общаго реалистическаго міровоззрѣнія.

Мы не можемъ разобраться посреди этихъ противорѣчій, которыя обступаютъ со всѣхъ сторонъ насъ и то мирно уживаются рядомъ, то производятъ жестокій разладъ въ душѣ современнаго человѣка. Только одному твердо научило насъ девятнадцатое столѣтіе — тому, что *отъ насъ* зависитъ, куда направить путь. Сложить руки въ борьбѣ за существованіе значитъ обречь себя на вѣрную гибель. Самая отрадная сторона нашего вѣка заключается въ его неутомимомъ трудолюбіи, въ его неугомонной дѣятельности. Поэтому, забота о внутренней жизни должна отступить на задній планъ, но за то мы имѣемъ благословеніе труда, которое въ концѣ концовъ тоже даетъ много для внутренней жизни, ибо трудъ насъ связываетъ и объединяетъ. Въ этомъ заключается надежда на окончательное устраненіе всѣхъ самыхъ рѣзкихъ противорѣчій современности. Но гдѣ трудъ, тамъ и борьба; итакъ, мы и въ дальнѣйшемъ не избавимся отъ борьбы — внѣшней за свою долю земли и ея благъ, внутренней борьбы сословій и партій, взглядовъ и направленій. Двадцатый вѣкъ не принесетъ съ собою вѣчнаго мира, царства небеснаго на землю, для него не приготовило путь девятнадцатое столѣтіе съ массой внѣшнихъ войнъ и внутреннихъ противорѣчій. Въ одномъ отношеніи мы ничему не научились, мы сдѣлали даже значительный шагъ назадъ, сравнительно съ восемнадцатымъ вѣкомъ; въ постоянной борьбѣ мы пріобрѣли вкусъ къ распрямъ, сдѣлались нетерпимыми. Если бы современная молодежь къ своему мужеству въ борьбѣ и смѣлому пониманію дѣйствительности захотѣла присоединить терпимость просвѣтительной эпохи, то я не говорю, что двадцатый вѣкъ сталъ бы отъ этого миролюбивѣе девятнадцатаго, но его поколѣніе стало бы справедливѣе относиться къ своимъ противникамъ, понимать и цѣнить ихъ по достоинству, и въ этомъ оно имѣло бы преимущество передъ нами. Въ сущности такого рода успѣхъ можно было бы считать наиболѣе цѣннымъ.

Достигнемъ ли мы его, въ этомъ сомнѣваются многіе скептики. Капля пессимизма есть въ крови у каждаго изъ насъ, людей XIX вѣка; жизнерадостность Шиллера не свойственна намъ на склонѣ столѣтія. Но несмотря на то, я достаточно оптимистъ для того, чтобы считать прогрессъ терпимости возможнымъ и надѣяться на него. До сихъ поръ остается вѣрной мысль Гегеля, что исторія должна быть наступательнымъ ходомъ въ сознаніи свободы. Но свободны только тѣ, кто смѣлъ и кротокъ въ одно и то же время:—смѣлъ для того, чтобы не позволить заковать себя въ цѣпи, предпочитая смерть; кротокъ для того, чтобы понимать другихъ и за разногласіемъ не забывать единенія между людьми. Нынѣшнее молодое поколѣніе подойдетъ къ этой цѣли ближе, чѣмъ мы, люди XIX вѣка.

Конецъ.

периферическія частицы. На краю экватора со стороны полюсовъ сжатаго шара эта центробѣжная сила была наибольшая и, какъ только при возрастающемъ сгущеніи она получила перевѣсъ надъ центростремительной силой, отъ вращающагося шара оторвалась кольцеобразная туманная масса. Это туманное кольцо намѣтило путь будущихъ планетъ. Туманная масса этого кольца постепенно сгущалась въ отдѣльную планету, вращающуюся вокругъ собственной оси и вмѣстѣ съ этимъ вокругъ центральнаго тѣла. Совершенно такимъ же образомъ отъ экватора планетной массы, какъ только центробѣжная сила ея превышала центростремительную, отрывались новыя туманныя кольца, такъ же точно вращающіяся вокругъ планетъ, какъ послѣднія вокругъ солнца. И эти туманныя кольца также сгущались въ вращающіеся шары. Такъ возникли спутники, изъ которыхъ одинъ вращается вокругъ Земли, четыре вокругъ Юпитера, шесть вокругъ Урана. Кольцо Сатурна до сихъ поръ еще представляетъ спутникъ въ прежней стадіи развитія. Въ то время, какъ при возрастающемъ охлажденіи многократно повторялись эти простые процессы сгущенія и отдѣленія, возникли различныя солнечныя системы, планеты, вращающіяся вокругъ своихъ солнечныхъ массъ, и спутники, вращающіеся вокругъ своихъ планетъ.

Первоначальное газообразное состояніе вращающагося всемірнаго тѣла вслѣдствіе усиливающагося охлажденія и сгущенія постепенно переходило въ огненно-жидкое и расплавленное аггрегатное состояніе. Вслѣдствіе этого процесса сгущенія освобождалось громадное количество теплоты, и вращающіяся солнца, планеты и спутники преобразовались, такимъ образомъ, подобно огромнымъ расплавленнымъ металлическимъ каплямъ, въ раскаленные огненные шары, излучающіе свѣтъ и теплоту. Вслѣдствіе происходящей при этомъ потери теплоты расплавленная масса поверхности огненно-жидкаго шара сгущалась еще сильнѣе и такъ возникла тонкая твердая кора, замыкающая огненно-жидкое ядро. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ наша Земля не представляетъ существенныхъ отличій отъ прочихъ міровыхъ тѣлъ.

Особая цѣль этихъ лекцій не позволяетъ намъ подробно изложить и различными астрономическими и геологическими доказательствами математически обосновать *«естественную исторію сотворенія міра»* съ ея различными солнечными и планетными системами. Поэтому, ограничиваясь приведенными здѣсь основными черхами ея, я желалъ бы особенно обратить ваше вниманіе на подробности въ «Общей естественной исторіи и теоріи неба» Канта, а также въ «Настоящемъ и прошломъ» Каруса Штерна и въ «Естественной исторіи развитія природы» (1894) Вильгельма Бельше. Къ этому я прибавлю только одно замѣчаніе, что эта замѣчательная теорія, названная *космологической* газообразной теоріей, находится въ полномъ согласіи со всѣми извѣстными намъ общими явленіями. Затѣмъ, она *чисто-механическая* или монистическая; она принимаетъ въ соображеніе исключительно первичныя силы вѣчной матеріи. Космологическая газообразная теорія Канта занимаетъ такое же мѣсто въ анорголоіи и особенно въ антропологіи, и такъ же завершаетъ здѣсь все наше знаніе, какъ біологическая теорія измѣняемости видовъ Ламарка во всей біологіи и именно въ *антропологіи.* Обѣ онѣ исключительно опираются на *механическія* или безсознательныя причины (causae efficientes), нигдѣ не прибѣгая къ *цѣлесообразнымъ* или сознательнымъ причинамъ (causae finales). Такимъ образомъ, обѣ онѣ удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ научной

теоріи и до тѣхъ поръ будутъ сохранять свое значеніе, пока не будутъ замѣнены лучшими.

Съ другой стороны, я не хочу умолчать, что величественной космогоніи Канта свойственны нѣкоторыя слабыя стороны, не позволяющія намъ придать ей такое безусловное довѣріе, какъ ламарковской теоріи измѣняемости. Большія трудности различнаго рода встрѣчаетъ представленіе о первоначальномъ газообразномъ хаосѣ, наполняющемъ все міровое пространство. Но гораздо большая и неразрѣшимая трудность лежитъ въ томъ, что космологическая газообразная теорія не даетъ намъ никакой исходной точки для объясненія первоначальнаго толчка, вызвавшаго вращеніе всей газообразной Вселенной. Въ поискахъ же за такимъ толчкомъ мы неизбѣжно придемъ къ ложному вопросу о «первомъ началѣ». Но въ вѣчныхъ явленіяхъ движенія Вселенной мы такъ же мало можемъ представить себѣ *первое начало*, какъ и послѣдній конецъ.

Міровая Вселенная во времени и пространствѣ не ограниченна и неизмѣрима. Также и въ непрерывномъ и вѣчномъ движеніи всѣхъ частицъ вселенной нельзя представить себѣ ни начала, ни конца. Къ этому заключенію приводитъ насъ всеобъемлющій *законъ вещества*, составляющій основаніе всего нашего міропониманія, въ физикѣ въ видѣ закона *сохраненія энергіи*, въ химіи—въ видѣ закона *сохраненія матеріи*. Весь міръ, насколько онъ доступенъ человѣческому познанію, представляется связною цѣпью матеріальныхъ явленій движенія, соединенной съ безпрерывной смѣной формъ. Каждая форма, въ качествѣ временнаго результата суммы явленій движенія, преходяща, какъ таковая, и ограничена въ продолжительности времени. Но въ постоянной смѣнѣ формъ матерія и нераздѣльная съ ней сила или энергія остаются вѣчными, неразрушимыми; это и есть истинное «*безсмертіе*».

Но если космологическая газообразная теорія Канта не въ состояніи удовлетворительно объяснить исторію развитія всей Вселенной изъ первоначальнаго состоянія газообразнаго хаоса, если, кромѣ того, она допускаетъ нѣкоторыя сомнѣнія, и именно съ химической и геологической стороны, то, съ другой стороны, она представляетъ великую выгоду, превосходно объясняя строеніе доступнаго нашему наблюденію мірозданія, «анатомію» солнечныхъ системъ и въ частности нашей планетной системы. Быть можетъ, это развитіе въ дѣйствительности происходило совершенно иначе; быть можетъ, наши планеты и наша Земля возникли вслѣдствіе аггрегаціи или сближенія безчисленныхъ, рузсѣянныхъ въ міровомъ пространствѣ, метеоритовъ? Такая теорія, между прочимъ, предложена Раденгаузеномъ, авторомъ превосходныхъ сочиненій «Озирисъ» и «Изида». Но, на мой взглядъ, эта и другія подобныя космогоніи представляютъ еще больше трудностей, чѣмъ кантовская теорія.

Послѣ этого общаго обзора *монистической космогоніи* или «естественной исторіи сотворенія міра» возвратимся къ крошечной части его, къ нашей землѣ. Мы оставили ее въ состояніи огненно-жидкаго, сплюснутаго со стороны полюсовъ шара, поверхность котораго вслѣдствіе охлажденія сгустилась въ тонкую твердую кору. Первая отвердѣвшая кора равномѣрно обтянетъ всю поверхность земного сфероида въ видѣ цѣльной, гладкой и тонкой скорлупы. Но вскорѣ на ней появляются бугры и неровности; въ то время, при возрастающемъ охлажденіи, огненно-жидкое ядро все болѣе и болѣе сгущалось и сжималось и вслѣдствіе этого сокращался поперечникъ его, тонкая твер-

дая кора, лишенная возможности слѣдовать за сокращеніемъ мягкой массы ядра, должны были многократно сморщиваться и давать разнообразно изогнутыя складки. Между земной корой и ядромъ могло бы возникнуть пустое пространство, если бы внѣшнее атмосферное давленіе не нажимало кнутри хрупкую кору. Другія неровности возникли, вѣроятно, потому, что въ различныхъ мѣстахъ охлажденная кора сжималась вслѣдствіе процесса затвердѣванія, получая при этомъ разнообразныя трещины. Огненно-жидкое ядро снова вытекало черезъ эти разсѣлины и снова затвердѣвало. Такъ возникали уже съ самыхъ раннихъ временъ разнообразныя возвышенности и углубленія, первыя основанія материковъ и морского дна, горъ и долинъ.

Послѣ того, какъ температура охлажденнаго земного шара понизилась до извѣстнаго предѣла, наступилъ очень важный процессъ, именно *первое происхожденіе воды*. До этого времени вода находилась въ формѣ водяного пара въ атмосферѣ, окружающей земной шаръ. Очевидно, вода тогда только могла перейти въ жидкое состояніе, когда температура въ атмосферѣ опустилась ниже точки кипѣнія. Затѣмъ наступило дальнѣйшее преобразованіе земной коры дѣятельностью воды. Постоянно выпадая на землѣ въ формѣ дождя, она размывала возвышенности земной коры, выполняла углубленія въ ней иломъ, и отлагала его слоями,—служила могущественнымъ рычагомъ *нептуническихъ преобразованій земной коры*. Съ тѣхъ поръ отложеніе осадковъ безпрерывно продолжалось и привело къ возникновенію колоссальныхъ наслоеній горныхъ массивовъ, осадочныхъ горныхъ породъ, которыя мы ближе разсмотримъ въ ближайшей лекціи.

Только послѣ того, какъ земная кора столь сильно охладилась, что вода перешла въ жидкое состояніе, только въ то время, когда до тѣхъ поръ сухая земная кора впервые покрылась жидкой водой, могло наступить возникновеніе первыхъ организмовъ; ибо всѣ животныя и всѣ растенія, всѣ вообще организмы состоятъ частью или главнымъ образомъ изъ жидкой воды, своеобразно соединенной съ другими веществами, существующими, благодаря ей, въ полужидкомъ аггрегатномъ состояніи. Такимъ образомъ, изъ этого общаго очерка неорганической исторіи Земли мы прежде всего можемъ вывести тотъ важный фактъ, что *органическая жизнь получила свое начало въ опредѣленное время*, что земные организмы не искони существуютъ, а возникли въ первый разъ въ какой-либо опредѣленный моментъ.

Но какъ теперь мы должны представлять себѣ *происхожденіе первыхъ организмовъ?* Прежде всего для этого требуется выяснить главнѣйшія свойства обѣихъ главныхъ группъ естественныхъ тѣлъ, такъ называемыхъ безжизненныхъ или неорганическихъ и живыхъ или органическихъ тѣлъ, и выставить съ одной стороны общее обѣимъ группамъ, съ другой — отличіе ихъ между собой. На это *сравненіе организмовъ и анорганов*ъ мы должны обратить тѣмъ большее вниманіе, что оно обыкновенно оставляется въ пренебреженіи, не смотря на то, что оно безусловно необходимо для правильнаго единаго пониманія всей природы. При этомъ будетъ болѣе всего цѣлесообразно отдѣльно разсмотрѣть три основныхъ свойства всякаго естественнаго тѣла, матерію, форму и силу или энергію. Начнемъ прежде всего съ *матеріи*.

Химія научила насъ разлагать всѣ извѣстныя намъ тѣла на опредѣленное число немногихъ элементовъ или простыхъ тѣлъ; таковы неразлагаемыя дальше тѣла, напримѣръ, углеродъ, кислородъ, азотъ, сѣра, далѣе различные металлы: калій, натрій, желѣзо, золото и т. д.

Теперь насчитываютъ около 70 такихъ элементовъ или простыхъ тѣлъ. Большинство ихъ маловажно и рѣдко, только меньшая часть ихъ широко распространена и входитъ въ составъ не только громаднаго большинства анорганов, но и всѣхъ организмовъ. Сравнивая теперь тѣ элементы, изъ которыхъ построены тѣла организмовъ, съ тѣми, изъ которыхъ состоятъ анорганы, мы прежде всего наталкиваемся на тотъ вѣрный фактъ, что въ животномъ и растительномъ тѣлѣ нѣтъ ни одного простого тѣла, какое не встрѣчалось бы въ мертвой природѣ. *Не существуетъ особыхъ органическихъ элементовъ или простыхъ тѣлъ.*

Кстати замѣтимъ, что, по всей вѣроятности, всѣ *эти такъ называемые элементы суть лишь различныя формы соединенія однородныхъ атомовъ простого первичнаго вещества, массы.* Различія нашихъ теперешнихъ «элементовъ», вѣроятно, основаны только на томъ, что атомы этой массы соединены въ различномъ числѣ и расположеніи, и эти атомныя группы или молекулы обладаютъ различнымъ отношеніемъ къ наполняющему міровое пространство, универсальному *эфиру. Групповое сродство элементовъ* ставитъ насъ весьма близко къ этому предположенію, хотя пока еще несовершенная химія и не въ состояніи экспериментально доказать его.

Химическія и физическія отличія, существующія между организмами и анорганами, вытекаютъ не изъ различія природы составляющихъ ихъ *простыхъ тѣлъ*, но изъ различія рода и способа химическаго *соединенія* послѣднихъ. Этотъ различный способъ соединенія обусловливаетъ прежде всего извѣстныя физическія свойства, въ особенности *плотность матеріи*, кажущуюся при поверхностномъ взорѣ глубокой пропастью между обѣими группами тѣлъ. Обладающія опредѣленной формой неорганическія или безжизненныя тѣла, кристаллы и аморфныя породы, находятся въ извѣстномъ состояніи сгущенности, называемомъ нами твердымъ и противопоставляемомъ капельно-жидкому состоянію воды и газообразному состоянію воздуха. Какъ извѣстно вамъ, эти три различныхъ степени сгущенія или *аггрегатныхъ состояній анорганов* зависятъ не отъ различныхъ особыхъ элементовъ, но отъ опредѣленной высоты температуру. Каждое неорганическое твердое тѣло, напр., свинецъ, при повышеніи температуры можетъ послѣдовательно переходить, сперва въ расплавленное или капельно-жидкое состояніе, затѣмъ при дальнѣйшемъ нагрѣваніи—въ газообразное или упруго-жидкое состояніе. Такъ же точно всякое газообразное тѣло, напр., углекислота, при достаточномъ пониженіи температуры и подъ высокимъ давленіемъ прежде всего превращается въ капельно-жидкое и затѣмъ въ твердое состояніе.

Въ противоположности съ этими тремя остояніями сгущенности анорганов живое тѣло всѣхъ *организмовъ*, какъ животныхъ, такъ и растеній, находится въ совершенно особенномъ, четвертомъ аггрегатномъ состояніи. Послѣднее не столь твердо, какъ горная порода, и не столь жидко, какъ вода, скорѣе оно занимаетъ середину между ними и обозначается, поэтому, какъ *полужидкое аггрегатное состояніе.* Во всѣхъ живыхъ тѣлахъ, безъ исключенія, извѣстная часть воды связана опредѣленнымъ образомъ съ твердымъ веществомъ, и благодаря этому характерному соединенію воды съ органической матеріей возникаетъ мягкое, не твердое, не жидкое аггрегатное состояніе, представляющее величайшее значеніе для пониманія жизненныхъ явленій. Причина его лежитъ главнымъ образомъ въ физическихъ и химическихъ свойствахъ одного единственнаго простого тѣла, углерода.

Изъ всѣхъ элементовъ углеродъ наиболѣе важенъ и интересенъ для насъ главнымъ образомъ потому, что у всѣхъ животныхъ и растительныхъ тѣлъ это простое тѣло играетъ наибольшую роль. Онъ именно является тѣмъ элементомъ, который, благодаря своей склонности къ образованію сложныхъ соединеній съ другими элементами, вызываетъ громадное разнообразіе въ химическомъ составѣ, а отсюда въ формахъ и жизненныхъ свойствахъ животныхъ и растительныхъ тѣлъ. Углеродъ отличается преимущественно тѣмъ, что онъ можетъ вступать въ безконечно разнообразныя соединенія съ другими элементами. Соединяясь съ тремя другими элементами, кислородомъ, водородомъ и азотомъ (а также по большей части еще съ сѣрой и часто съ фосфоромъ), углеродъ образуетъ чрезвычайно важныя соединенія, бѣлковыя или альбуминовыя тѣла (протеиновыя вещества); послѣднія, какъ мы теперь знаемъ, служатъ первымъ и необходимымъ субстратомъ всѣхъ явленій жизни. Въ свою очередь, среди соединеній мы различаемъ важнѣйшія *плассоновыя* или «плазматическія соединенія» (каріоплазма и цитоплазма). Уже раньше мы видѣли въ «*монерахъ*» организмы самаго простѣйшаго типа, все тѣло которыхъ въ совершенно зрѣломъ состояніи представляетъ не что иное, какъ *кусочекъ плассона* или полужидкое бѣлковое *плазматическое зернышко*; эти именно простѣйшіе организмы имѣютъ наибольшее значеніе въ ученіи о первомъ возникновеніи жизни. Но также и большинство прочихъ организмовъ до извѣстнаго времени своего существованія, по крайней мѣрѣ, въ первый періодъ своей жизни въ видѣ яйцевой или зародышевой клѣтки, представляетъ въ сущности не что иное, какъ простые по большей части шарообразные комочки такого бѣлковообразнаго строительнаго матеріала, *клѣточной слизи* или *протоплазмы*. Отъ монеръ они отличаются только тѣмъ, что внутри альбуминоваго зернышка болѣе твердая *каріоплазма*, или вещество *клѣточнаго ядра* (*nucleus*), отдѣлена отъ окружающаго болѣе мягкаго *клѣточнаго вещества* (*цитоплазма*). Какъ мы уже выше показали, клѣтки съ весьма простыми свойствами суть согражданe, строющіе припомощи совмѣстной дѣятельности и раздѣленія труда также тѣло самыхъ совершенныхъ организмовъ, республиканское государство клѣточекъ. Сложныя формы и жизненные процессы послѣдняго сводятся исключительно къ общей дѣятельности этихъ бѣлковыхъ пластидъ, истинныхъ самостоятельныхъ «образователей» жизни.

Можно считать величайшимъ тріумфомъ новѣйшей біологіи и особенно ученія о тканяхъ тотъ фактъ, что въ настоящее время мы въ состояніи свести къ этимъ веществамъ всю тайну жизненныхъ процессовъ, что *мы увидѣли истинную причину явленій органической жизни въ безконечно многообразныхъ и сложныхъ физико-химическихъ свойствахъ бѣлковаго плассоноваго тѣла*. Всѣ различныя формы организмовъ являются прежде всего непосредственнымъ результатомъ состава изъ различныхъ формъ клѣтокъ. Но безконечно разнообразныя отличія формы, величины и строенія клѣтокъ только постепенно возникли путемъ раздѣленія труда и видоизмѣненія формы *пластидулъ* или *мицеллъ*, путемъ *молекулярнаго естественнаго подбора* этихъ простыхъ однородныхъ зернышекъ плассона, составлявшихъ первоначально только тѣло пластидъ. Отсюда необходимо слѣдуетъ, что также основныя явленія органической жизни, *питаніе* и *размноженіе*, какъ въ самыхъ сложныхъ, такъ и въ простѣйшихъ проявленіяхъ ихъ, должны

быть сведены на матеріальный составъ этого бѣлковообразнаго строительнаго матеріала, *плассона*.

Въ настоящее время *общее* объясненіе органической жизни въ принципѣ представляетъ для насъ не больше трудностей, чѣмъ объясненіе *физическихъ* свойствъ неорганическихъ тѣлъ. Всѣ явленія жизни и процессы преобразованія организмовъ въ такой же степени обусловливаются непосредственно химическимъ составомъ и физическими силами органической матеріи, какъ проявленія жизни неорганическихъ кристалловъ, т.-е. процессы ихъ роста и образованія формы, являются непосредственнымъ слѣдствіемъ химическаго состава и физическихъ свойствъ ихъ. Но *послѣднія причины* остаются, разумѣется, одинаково скрытыми въ *обоихъ* случаяхъ. Если золото и мѣдь кристаллизуются въ правильной, висмутъ и сурьма въ шести-угольной, іодъ и сѣра въ ромбической кристаллической системѣ, то это въ сущности не болѣе и не менѣе загадочно, чѣмъ любой элементарный процессъ образованія органической формы, чѣмъ всякое самообразованіе органическихъ клѣтокъ. И въ этомъ отношеніи мы не въ силахъ въ настоящее время опредѣлить основное отличіе между органическими и неорганическими тѣлами, въ чемъ мы уже раньше убѣдились.

Разсмотримъ, во-вторыхъ, сходства и различія въ *образованіи формы* органическихъ и неорганическихъ естественныхъ тѣлъ. Важнѣйшее отличіе въ этомъ отношеніи раньше усматривали въ простой структурѣ послѣднихъ, въ сложномъ строеніи первыхъ. Тѣло всѣхъ организмовъ должно быть составлено изъ неоднородныхъ или гетерогенныхъ частей, изъ орудій или органовъ, приноровленныхъ къ потребностямъ жизни. Напротивъ, даже самые совершенные анорганы, кристаллы, должны состоять изъ однородной или гомогенной матеріи. Это различіе въ принципѣ, конечно, весьма существенно. Однако, оно потеряло все свое значеніе съ тѣхъ поръ, какъ, тридцать лѣтъ тому назадъ, мы познакомились съ замѣчательными и важными *монерами*. Все живое тѣло этихъ простѣйшихъ организмовъ представляетъ полужидкій, безформенный и безструктурный плазматическій комокъ, допускающій поэтому сравненіе съ кристалломъ, состоящимъ изъ одного только неорганическаго вещества, напр., соли металла или сложнаго кремнеземистаго соединенія. Разумѣется, и въ гомогенной плазмѣ простѣйшей монеры мы должны допустить весьма сложную *молекулярную структуру*; но послѣдняя не обнаруживается ни аналогически, ни микроскопически; и кромѣ того, такую же структуру слѣдуетъ предполагать точно также и въ кристаллахъ.

Подобно тому, какъ во внутренней структурѣ и составѣ слѣдуетъ искать и въ наружной формѣ существенныя отличія между организмами и анорганами, особенно въ математически опредѣленной кристаллической формѣ послѣднихъ. Конечно, кристаллизація представляетъ главное свойство такъ называемыхъ анорганocc. Кристаллы ограничены ровными плоскостями, пересѣкающимися по прямымъ линіямъ и подъ опредѣленными измѣряемыми углами. Напротивъ, животная и растительная форма на первый взглядъ, повидимому, не допускаетъ подобнаго геометрическаго опредѣленія. Она ограничена по большей части изогнутой поверхностью и кривыми линіями, пересѣкающимися подъ непостоянными углами. Но въ послѣднее время въ лицѣ радіолярій и многихъ другихъ протистовъ мы узнали великое множество низшихъ организмовъ, тѣло которыхъ также, какъ у кристалловъ, сводится на математически опредѣленную основную форму; и здѣсь,

какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ, форма ограничена геометрически опредѣленными плоскостями, ребрами и углами. Въ моемъ общемъ *ученіи объ основныхъ формахъ или проморфологіи* я привелъ для этого подробныя доказательства и построилъ общую систему формъ, въ которой идеальныя стереометрическія формы одинаково могутъ быть приложимы къ реальнымъ формамъ, какъ неорганическихъ кристалловъ, такъ и органическихъ индивидовъ («Generelle Morphologie» 1, 375—574) Впрочемъ, существуютъ, кромѣ того, еще совершенно *аморфные* организмы, каковы монеры, амебы и т. д., которыя ежеминутно мѣняютъ свою форму и у которыхъ также невозможно обнаружить опредѣленную основную форму, какъ и у некристаллизующихся горныхъ породъ, осадковъ и т. д. Такимъ образомъ, здѣсь мы не въ состояніи указать какое-либо *принципіальное отличие* внѣшней формы и внутренней структуры анорагановъ и организмовъ.

Обратимся теперь, въ-третьихъ, къ силамъ *и явленіямъ движенія* этихъ двухъ несходныхъ группъ. Здѣсь мы встрѣчаемся съ величайшими затрудненіями. Явленія группъ, какъ ихъ знаетъ большинство людей по высоко развитымъ организмамъ, болѣе совершеннымъ животнымъ и растеніямъ, представляются столь таинственными, столь удивительными, столь своеобразными, что весьма многіе склонны совершенно отрицать въ неорганической природѣ какое-либо подобіе или отдаленную аналогію. По этой причинѣ называютъ организмы одушевленными, анорганы неодушевленными естественными тѣлами. Отсюда же вытекаетъ тотъ ошибочный, но донынѣ существующій взглядъ, принимаемый даже въ наукѣ, физіологіи, изслѣдующей явленія жизни, что физическихъ и химическихъ свойствъ матеріи недостаточно для объясненія жизненныхъ явленій. Въ настоящее время этотъ взглядъ, благодаря успѣхамъ біологіи, совершенно не выдерживаетъ критики. По крайней мѣрѣ въ точной физіологіи онъ не находитъ уже для себя мѣста; и въ настоящее время ни одному физіологу не придета въ голову разсматривать какія-либо явленія жизни, какъ результатъ сверхъестественной *жизненной силы*, особенной, цѣлесообразно дѣйствующей силы, стоящей внѣ матеріи и отчасти пользующейся отъ времени до времени ея физико-химическими силами. Современная физіологія достигла того строго *монистическаго* убѣжденія, что вся жизнедѣятельность и въ особенности основанія явленія питанія и размноженія — чисто физико-химическіе процессы, и также непосредственно зависятъ отъ матеріальныхъ свойствъ организма, какъ физическія и химическія свойства каждаго кристалла единственно обусловливаются его матеріальнымъ составомъ. Такъ какъ этимъ основнымъ веществомъ, опредѣляющимъ своеобразный матеріальный составъ организмовъ, является углеродъ, то всѣ жизненныя явленія и прежде всего обѣ основныя функціи питанія и размноженія сводятся въ послѣднемъ счетѣ къ свойствамъ *углерода. Единственно только особенныя физико-химическія свойства углерода и именно полужидкое агрегатное состояніе и легкая разрушаемость крайне сложныхъ бѣлковыхъ соединеній углерода суть механическія причины тѣхъ своеобразныхъ явленій движенія, которыми организмы отличаются отъ анорагановъ, и которыя называются въ тѣсномъ смыслѣ слова «жизнью».*

Съ цѣлью правильно оцѣнить «углеродную теорію», подробно обоснованную мной во второмъ томѣ моей общей морфологіи, необходимо прежде всего строго изслѣдовать явленія движенія, общія обѣимъ группамъ естественныхъ тѣлъ. Въ числѣ ихъ первое мѣсто занимаетъ

ростъ. Оставляя какой-нибудь растворъ неорганической соли для медленнаго испаренія, вы замѣтите въ немъ образованіе кристалловъ соли, медленно растущихъ по мѣрѣ дальнѣйшаго испаренія воды. Этотъ ростъ происходитъ вслѣдствіе того, что новыя частицы изъ жидкаго аггрегатнаго состоянія переходятъ въ твердое и отлагаются при этомъ по опредѣленнымъ законамъ на образовавшихся уже твердыхъ кристаллическихъ зернахъ. Вслѣдствіе такого отложенія, или *аппозиціи* частицъ, возникаютъ математически опредѣленныя кристаллическія формы. Подобнымъ же образомъ путемъ воспріятія новыхъ частицъ происходитъ ростъ организмовъ. Различіе только въ томъ, что въ ростѣ организмовъ, благодаря *полужидкому аггрегатному состоянію*, воспринятыя частицы переносятся внутрь организма *(интусусепція)*, въ то время какъ анорганы возрастаютъ въ объемѣ вслѣдствіе аппозиціи, внѣшняго наслоенія новой однородной матеріи. Однако, это важное различіе роста при помощи интусусепціи и аппозиціи является только необходимымъ и непосредственнымъ слѣдствіемъ различнаго состоянія плотности организмовъ и аноргановъ.

Къ сожалѣнію, я не могу здѣсь ближе прослѣдить интересныя параллели и аналогіи въ образованіи совершеннѣйшихъ аноргановъ, *кристалловъ*, и простѣйшихъ организмовъ, *монеръ* и близко родственныхъ имъ формъ протистовъ. Въ этомъ отношеніи я ограничусь лишь указаніемъ тщательнаго *сравненія* организмовъ и аноргановъ, проведеннаго въ пятой главѣ моей общей морфологіи («Gen. Morph.» I, 111 до 166). Тамъ же я подробно доказалъ отсутствіе рѣзкихъ отличій органическихъ и неорганическихъ естественныхъ тѣлъ, какъ въ отношеніи формы и строенія, такъ и въ отношеніи матеріи и энергіи; дѣйствительно, существующія отличія зависятъ только отъ особенной природы веществъ *углерода*; и нѣтъ неизмѣримой пропасти, рѣзко отдѣляющей органическій міръ отъ неорганической природы.

Эти важные факты становятся ясными, особенно при сравнительномъ изслѣдованіи *возникновенія формъ* кристалловъ и простѣйшихъ органическихъ индивидовъ. Также въ образованіи кристаллическихъ индивидовъ дѣйствуютъ двѣ различныхъ другъ другу противоположныхъ созидающихъ силъ. *Внутренняя образовательная сила*, соотвѣтствующая наслѣдственности организмовъ, является у кристалла непосредственнымъ слѣдствіемъ его матеріальнаго строенія или его химическаго состава. Форма кристалла, поскольку она опредѣляется этимъ внутреннимъ присущимъ ему образовательнымъ стремленіемъ, представляетъ результатъ того особеннаго рода и способа, въ которомъ закономѣрно располагаются въ разнообразномъ направленіи мельчайшія частицы кристаллической матеріи. Совершенно противоположно этой внутренней образовательной силѣ дѣйствуетъ другая созидающая сила. Внѣшнюю образовательную силу можно обозначить такъ же для кристалла, какъ и для организма, словомъ — *приспособленіе*. Каждый кристаллическій индивидъ, какъ и всякій органическій индивидъ, долженъ все время своего существованія подчиняться и приспособляться внѣшнимъ условіямъ окружающаго міра. Форма и величина каждаго кристалла въ дѣйствительности зависятъ отъ огружающей его обстановки, отъ сосуда, въ которомъ совершается кристаллизація, отъ температуры и отъ давленія воздуха, подъ которымъ образуется кристаллъ, отъ присутствія или отсутствія неоднородныхъ тѣлъ и т. д. Форма каждаго отдѣльнаго кристалла, подобно всякому организму, представляетъ такимъ образомъ результатъ взаимодѣйствія двухъ про-

тивоположныхъ факторовъ, *внутренней* образовательной силы, опредѣляемой химической конституціей его матеріи, и *внѣшней* образовательной силой, обусловливаемой воздѣйствіемъ *окружающей* матеріи. Обѣ эти силы какъ въ организмѣ, такъ и въ кристаллѣ, обладаютъ исключительно механической природой. Если въ ростѣ и возникновеніи формы организмовъ мы видимъ «жизненный процессъ», то то же самое можно сказать и о возникающемъ кристаллѣ. Телеологическое міропониманіе, усматривающее въ органическихъ формахъ цѣлесообразное дѣйствіе творческой машины, необходимо должно признать ее и въ кристаллическихъ формахъ. Различія, существующія между простѣйшими органическими индивидами и неорганическими кристаллами, обусловливаются *твердымъ* аггрегатнымъ состояніемъ послѣднихъ, *полужидкимъ* состояніемъ первыхъ. Во всемъ остальномъ причины, опредѣляющія форму, здѣсь и тамъ совершенно одинаковы. Это убѣжденіе получитъ гораздо больше ясности, если вы сравните эти чрезвычайно замѣчательныя явленія роста, приспособленія и «взаимнаго отношенія или соотношенія частей» возникающихъ кристалловъ съ соотвѣтствующими явленіями простѣйшихъ органическихъ индивидовъ (монеръ и клѣтокъ). Въ своей общей морфологіи я привелъ для этого рядъ убѣдительныхъ аналогій («Gen. Morph.» I, 146, 156, 158).

Если вы ясно представите себѣ это *«единство органической и неорганической природы»*, это глубокое сходство организмовъ и анорагановъ въ отношеніи вещества, формы и силы, если вы вспомните при томъ, что нигдѣ мы не въ силахъ указать фундаментальное различіе этихъ двухъ группъ (какъ это прежде всюду принималось), то вопросъ о первичномъ зарожденіи потеряетъ значительную долю трудности, представляющейся при первомъ взорѣ. Возникновеніе перваго организма изъ неорганической матеріи станетъ тогда гораздо легче допустимымъ и лучше понимаемымъ, чѣмъ это было до того времени, и вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ устраненъ и искусственный абсолютный рубежъ между органической и неорганической природой, между одушевленными и мертвыми естественными тѣлами.

Въ вопросѣ о *первичномъ зарожденіи или архигоніи*, на который теперь мы можемъ опредѣленнѣе отвѣтить, прежде всего надо разумѣть вообще *происхожденіе органическаго индивида безъ родителей*, произвольное возникновеніе простѣйшаго организма, независимо отъ родительскаго или производящаго организма. Въ этомъ смыслѣ выше мы противопоставляли *первичное зарожденіе (archigonia) зарожденію при посредствѣ родителей* или размноженію (tocogonia). Въ послѣднемъ случаѣ возникновеніе органическаго индивида вызывается тѣмъ, что большая или меньшая часть уже существующаго организма отдѣляется и самостоятельно продолжаетъ свой ростъ. Зарожденіе безъ посредства родителей часто обозначаютъ такъ же, какъ произвольное или первичное зарожденіе (generatio spontanea, aequivoca, primaria etc.).

Понятіе *архигоніи*, или «первичнаго зарожденія» въ строго научномъ смыслѣ, обнимаетъ два существенно различныхъ процесса, именно *автогонію* и *пласмогонію*. Подъ *автогоніей* мы понимаемъ возникновеніе простѣйшаго плазматическаго тѣла въ *неорганической образовательной жидкости*, т.-е. въ жидкости, содержащей въ растворѣ всѣ требуемые составомъ организма элементы въ ихъ простыхъ и постоянныхъ соединеніяхъ (какъ, напр., углекислота, амміакъ, двойныя соли и т. д.). Напротивъ, *пласмогоніей* мы называемъ первичное за-

рожденіе въ томъ случаѣ, если возникнетъ органическій индивидъ въ *органической образовательной жидкости*, т.-е. въ жидкости, содержащей въ растворѣ требуемые элементы въ формѣ сложныхъ и непрочныхъ соединеній углерода (бѣлокъ, жиръ, углеводы и т. д.). («Gen. Morph.» I, 174; II, 33).

Процесссъ автогоніи, какъ и плазмогоніи, до сихъ поръ еще не былъ непосредственно наблюдаемъ. Раньше, а также въ недавнее время производили весьма многочисленные и отчасти интересные опыты о возможности или дѣйствительности первичнаго зарожденія. Только эти эксперименты, почти всѣ, относятся не къ автогоніи, но къ плазмогоніи, къ происхожденію организма изъ готовой уже органической матеріи. Но очевидно, для нашей исторіи творенія этотъ послѣдній процессъ представляетъ второстепенное значеніе. Дѣло идетъ прежде всего о томъ, чтобы рѣшить вопросъ: «существуетъ ли автогонія? Возможно ли, чтобы плазматическое тѣло возникло не изъ готовой уже органической, но изъ чисто неорганической матеріи?» Поэтому, здѣсь можно спокойно обойти молчаніемъ всѣ многочисленные опыты, относящіеся только къ пласмогоніи и произведенные съ особеннымъ усердіемъ въ послѣдвія десятилѣтія; тѣмъ болѣе, что они дали только отрицательный результатъ. Но если даже допустить, что дѣйствительность плазмогоніи строго доказана ими, автогонія нисколько не будетъ прояснена этимъ.

Однако, опыты надъ автогоніей до сихъ поръ, во всякомъ случаѣ, не дали никакого положительнаго результата. Тѣмъ не менѣе, а priori мы должны рѣшительно отвергнуть тотъ выводъ, что этими опытами доказана вообще невозможность первичнаго зарожденія. Большинство натуралистовъ, стремившихся экспериментально рѣшить этотъ вопросъ и при всѣхъ возможныхъ мѣрахъ предосторожности, въ опредѣленныхъ условіяхъ никогда не наблюдавшихъ происхожденіе какого-либо организма, на основаніи этихъ отрицательныхъ результатовъ, тотчасъ ставятъ утвержденіе, что «вообще невозможно происхожденіе организма изъ себя, безъ посредства родителей». Это поверхностное и необдуманное утвержденіе они основываютъ исключительно лишь на отрицательномъ результатѣ своихъ экспериментовъ; между послѣдніе доказываютъ только, что при тѣхъ или другихъ крайне искусственныхъ условіяхъ, созданныхъ экспериментаторами, не возникалъ ни одинъ организмъ. Однако изъ отрицательнаго результата этихъ опытовъ, поставленныхъ крайне искусственно, въ неестественныхъ условіяхъ, ни въ какомъ случаѣ нельзя выводить заключенія, что первичное зарожденіе вообще невозможно.

Невозможность первичнаго зарожденія вообще никогда не можетъ быть доказана. Въ самомъ дѣлѣ, какъ мы можемъ доказать, что въ древнѣйшія незапамятныя времена господствовали такія же условія, какъ и теперь, а не совершенно другія, сдѣлавшія возможной автогонію. Наоборотъ, мы можемъ даже съ полною увѣренностью утверждать, что общія жизненныя условія первичной эпохи весьма существенно отличались отъ настоящаго времени. Вспомните только тотъ фактъ, что огромныя массы углерода, залегающія въ каменноугольныхъ горныхъ породахъ, переведены въ твердую форму дѣятельностью растительной жизни; онѣ представляютъ лишь сильно спрессованные уплотненные остатки безчисленныхъ растеній, накопившіеся въ теченіе милліоновъ лѣтъ. Но въ то время, когда на охлажденной земной корѣ послѣ возникновенія капельно-жидкой воды впервые появились орга-

низмы путемъ первичнаго зарожденія, эти неизмѣримыя массы углерода существовали въ совершенно другой формѣ, вѣроятно, главнымъ образомъ въ формѣ углекислоты, распредѣленной въ атмосферѣ. Весь составъ атмосферы значительно, такимъ образомъ, отличался отъ настоящаго. Затѣмъ, насколько можно заключить на основаніи химическихъ, физическихъ и геологическихъ данныхъ, степень сгущенности и электрическія отношенія атмосферы были въ то время совершенно другія. Такъ же точно, химическія и физическія свойства лаврентіевскаго первичнаго моря, облекавшаго тогда непрерывнымъ покровомъ всю земную поверхность, были во всякомъ случаѣ весьма своеобразны. Температура, плотность, соленость и т. д. должны были сильно отличаться отъ свойствъ теперешнихъ морей. Такимъ образомъ, даже если мы ничего новаго не узнаемъ, для насъ останется признаніе, что первичное зарожденіе, быть можетъ, невозможное уже теперь, было возможно въ то отдаленное время, при тѣхъ совершенно другихъ условіяхъ.

Къ этому же надо прибавить еще, что успѣхами химіи и физіологіи частью или даже вполнѣ устранена загадочность, чудесность, приписываемыя столь сильно оспариваемому и однакожъ необходимому процессу первичнаго зарожденія. Около семидесяти лѣтъ тому назадъ, всѣ химики утверждали, что мы не въ состояніи искусственно получить въ нашей лабораторіи какое-нибудь сложное углеродистое соединеніе или такъ называемое «органическое соединеніе». Только мистическая «жизненная сила» могла создать эти соединенія. Но, когда Велеръ, въ 1828 году, въ Гёттингенѣ впервые фактически опровергъ эту догму, получивъ искусственнымъ путемъ изъ чисто неорганическихъ соединеній (ціановаго соединенія амміака) вполнѣ «органическую» мочевину, всѣ были въ высокой степени удивлены и поражены. Въ болѣе новое время, благодаря успѣхамъ синтетической химіи, удалось искусственно получить въ нашихъ лабораторіяхъ изъ неорганическихъ веществъ множество разнообразныхъ «органическихъ соединеній углерода», напр., алкоголь, уксусную кислоту, муравьиную кислоту и т. д. Даже многія крайне сложныя соединенія углерода добыты въ настоящее время искусственнымъ путемъ, и нѣтъ сомнѣнія, рано или поздно будетъ искусственно получено въ лабораторіи наиболѣе сложное и наиболѣе важное бѣлковое соединеніе, *плазонъ*. Но этимъ самымъ въ значительной степени или вполнѣ будетъ устранена допускаемая прежде глубокая пропасть между органическими и неорганическими тѣлами, и вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ проложенъ путь представленія о первичномъ зарожденіи.

Еще большее даже, пожалуй, самое большее значеніе для гипотезы первичнаго зарожденія представляютъ упомянутыя уже раньше крайне замѣчательныя живыя существа, *монеры*, самые простѣйшіе организмы не только въ ряду наблюдаемыхъ, но даже мыслимо вообразимыхъ. Уже раньше, изслѣдуя простѣйшія явленія размноженія и наслѣдственности, я описалъ эти удивительные *«организмы безъ органовъ»*. Въ настоящее время извѣстны двѣ различныхъ группы такихъ *безъядерныхъ пластидъ*, изъ которыхъ однѣ (фитомонеры) могутъ быть разсматриваемы, какъ начальныя ступени растительнаго царства, другія (зоомонеры), какъ самыя низшія ступени животнаго міра. Въ качествѣ *фитомонеръ* или простѣйшихъ «первичныхъ растеній» мы разсматриваемъ *chromaceae* или *phycochromaceae* (chromococcus, gleocapsa и др.), маленькіе желтозеленые плазматическіе шарики, соединенные въ студнеобразныя

массы и размножающіеся дѣленіемъ. Близко стоятъ къ нимъ *oscillariae* и *nostocaceae*, плазматическія тѣла которыхъ располагаются рядомъ другъ подлѣ друга, образуя цѣпи. Они отличаются отъ *пробіонтовъ*, древнѣйшихъ организмовъ, возникшихъ, какъ мы гипотетически предполагаемъ, путемъ первичнаго зарожденія, присутствіемъ тонкой покровной оболочки, одѣвающей плазматическій шарикъ.

Древнѣйшіе организмы нашего земного шара въ отношеніи обмѣна веществъ были подобны настоящимъ *растеніямъ*; они были «плазмодомами» или строителями плазмы, и обладали способностью усвоенія углерода; они могли изъ воды, углекислоты и амміака (или азотной кислоты) синтетически составить бѣлокъ. Эта способность утратилась у нѣкоторой части ихъ потомства, у *зоомонеръ* или *archezoa*, древнѣйшихъ «первичныхъ животныхъ». Сюда принадлежатъ всѣмъ извѣстныя *бактеріи* и вышеописанные «безъядерные ризоподы», *protomyxa*, *protamoeba*, *biomyxa* и т. д.

Послѣдніе суть «*плазмофаги*» или плазмоядные организмы, свою пищу они должны добывать изъ раньше образовавшихся уже бѣлковыхъ тѣлъ.

Въ вполнѣ развитомъ и свободно подвижномъ состояніи эти монеры представляютъ не что иное, какъ безструктурную крупинку или комочекъ бѣлковообразнаго соединенія углерода. Только способомъ размноженія и принятія пищи они нѣсколько различаются, какъ отдѣльные роды и виды. Съ открытіемъ этихъ организмовъ, имѣвшимъ величайшее значеніе, допущеніе первичнаго зарожденія получило весьма значительную опору. Дѣйствительно, такъ какъ они лишены всякой организаціи, всякаго различія неоднородныхъ частей, такъ какъ всѣ жизненныя явленія совершаются одной и той же однородной и безформенной матеріей, то вполнѣ возможно представить себѣ происхожденіе ихъ путемъ первичнаго зарожденія. Если послѣднее совершается путемъ *плазмогоніи*, если существуетъ уже жизнеспособная плазма, то она нуждается только въ индивидуализированіи, такъ же точно, какъ въ случаѣ образованія кристалловъ индивидуализируется ихъ маточный разсолъ. Если же, напротивъ, первичное зарожденіе монеръ происходитъ путемъ *автогоніи*, то для этого нужно еще, чтобы образовался этотъ жизнеспособный пласонъ, первичная слизь, изъ болѣе простыхъ соединеній углерода. Отдѣльныя ступени этого химическаго процесса весьми остроумно представилъ Негели. Автогонія во всякомъ случаѣ должна была предшествовать плазмогоніи.

Такъ какъ въ настоящее время мы въ состояніи искусственно получать въ нашихъ лабораторіяхъ подобныя сложныя соединенія углерода, то нѣтъ никакого основанія думать, что окружающая природа лишена условій, необходимыхъ для возникновенія подобныхъ соединеній. Когда въ прежнее время пытались составить представленіе о первичномъ зарожденіи, то терпѣли неудачу вслѣдствіе присутствія органовъ также у простѣйшихъ извѣстныхъ тогда организмовъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ мы познакомились съ весьма важными формами монеръ, мы не встрѣчаемъ уже этой трудности; въ безструктурномъ плазматическомъ тѣлѣ ихъ мы видимъ организмы, лишенные всякихъ органовъ, состоящіе лишь изъ одной единственной химически однородно составленной массы, и тѣмъ не менѣе обладающіе способностью расти, питаться и размножаться. Благодаря этому, гипотеза первичнаго зарожденія получила ту степень вѣроятности, которой вполнѣ до-

статочно, чтобы восполнить пробѣлъ между космогоніей Канта и теоріей измѣняемости видовъ Ламарка.

Только такіе гомогенные, совершенно еще не дифференцированные организмы, приближающіеся къ неорганическимъ кристалламъ своимъ однороднымъ молекулярнымъ составомъ, могли возникнуть путемъ первичнаго зарожденія и сдѣлаться прародителями всѣхъ прочихъ организмовъ. Въ дальнѣйшемъ развитіи этихъ *пробіонтовъ* важнѣйшимъ процессомъ было прежде всего образованіе *ядра* въ безструктурномъ комочкѣ плассона. Его можно физически представить себѣ въ видѣ уплотненія внутреннихъ центральныхъ частичекъ бѣлка, сопровождавшагося вмѣстѣ съ тѣмъ измѣненіемъ химическаго состава. Болѣе густая центральная масса, первоначально равномѣрно распредѣленная въ окружающей плазмѣ, впослѣдствіи отдѣлилась отъ нея и образовала обособленное круглое, нѣсколько химически отличающееся бѣлковое тѣльце, ядро (nucleus). Путемъ этого процесса изъ монеры возникла клѣтка. Что дальнѣйшее развитіе всѣхъ прочихъ организмовъ изъ одной такой клѣтки не заключаетъ въ себѣ ничего невозможнаго, ясно видно изъ предшествующихъ лекцій. Въ самомъ дѣлѣ, всякое животное и всякое растеніе въ началѣ своей индивидуальной жизни представляетъ одну простую клѣтку. Человѣкъ, точно такъ же, какъ и всякое другое животное, вначалѣ не что иное, какъ простая яйцевая клѣтка, плазматическій шарикъ съ ядромъ.

Подобно тому, какъ изъ центральной массы первоначально однороднаго плазматическаго комка путемъ обособленія возникаетъ ядро органическихъ клѣтокъ, на поверхности ея такимъ же образомъ возникаетъ первый клѣточный покровъ или *оболочка*. Также этотъ простой и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно важный процессъ мы можемъ объяснить, какъ было замѣчено выше, или химическимъ осажденіемъ, или физическимъ уплотненіемъ поверхностнаго корковаго слоя, или при помощи выдѣленій. Одною изъ первыхъ дѣятельностей приспособленія, въ монерахъ, возникшихъ путемъ первичнаго зарожденія, было сгущеніе внѣшняго корковаго слоя, образованіе защитительнаго покрова, замкнувшаго болѣе мягкое содержимое противъ разрушительныхъ вліяній окружающаго міра. Но когда затѣмъ возникли путемъ сгущенія внутренней части монеръ клѣточное ядро, а на поверхности клѣточная оболочка, то этимъ самымъ были даны всѣ основныя формы строительныхъ кирпичей, изъ которыхъ при помощи безконечно разнообразнаго сложенія построено, какъ показываетъ наблюденіе, тѣло всѣхъ высшихъ организмовъ.

Какъ было уже упомянуто выше, все наше пониманіе организма въ сущности основано на *клѣточной теоріи*, предложенной Шлейденомъ и Шванномъ въ 1838 году. Согласно этой теоріи, всякій организмъ представляетъ или простую клѣтку, или общину, государство тѣсно связанныхъ клѣтокъ. Всѣ формы и явленія жизни каждаго многоклѣточнаго организма суть общій результатъ формъ и жизненныхъ явленій всѣхъ отдѣльныхъ, составляющихъ его, клѣтокъ. Въ виду послѣднихъ успѣховъ ученія о клѣткахъ является цѣлесообразнымъ придать элементарнымъ организмамъ или органическимъ «индивидамъ перваго порядка», обыкновенно называемымъ «*клѣтками*», болѣе общее и подобающее имъ наименованіе *образователей* или *пластидъ*. Среди нихъ мы различаемъ двѣ главныхъ группы, именно цитодъ и настоящихъ клѣтокъ. *Цитоды*—безъядерные плазматическіе комки, подобные монерамъ. Напротивъ, *клѣтки*, суть плазматическіе кусочки, содержащіе ядро или

нуклеусъ. Безъядерныя цитоды въ качествѣ самостоятельныхъ организмовъ занимаютъ еще и въ настоящее время самую низшую лѣстницу органическаго міра, какъ, напр., указанные выше chromacea (plasmodoma) и бактерій (plasmophaga), а также нѣкоторыя корненожки. Почти всѣ остальные пластиды являются настоящими ядерными клѣтками; но ихъ древнѣйшіе прародители были безъядерными монерами.

Эта теорія пластидъ, выводъ всѣхъ различныхъ формъ пластидъ (и поэтому всѣхъ состоящихъ изъ нихъ организмовъ) изъ монеръ, вноситъ простую и естественную связь во всю теорію развитія. Происхожденіе первыхъ монеръ путемъ первичнаго зарожденія является, такимъ образомъ, простымъ и необходимымъ процессомъ въ развитіи земного шара. Соглашаюсь, что этотъ процессъ до тѣхъ поръ, пока онъ прямо не наблюдается и экспериментально не производится, остается чистой гипотезой. Но я повторяю, что эта гипотеза необходима въ связномъ ходѣ естественной исторіи творенія, что она не заключаетъ въ себѣ ничего чудеснаго и невѣроятнаго и никогда не можетъ быть опровергнута. Кромѣ того, *этотъ процессъ первичнаго зарожденія, даже еслибъ онъ ежедневно и ежечасно совершался въ настоящее время, представлялъ бы величайшія трудности для наблюденія* и, какъ таковой, едва ли могъ бы съ полной увѣренностью быть констатированнымъ. Этотъ взглядъ раздѣляетъ также остроумный натуралистъ Негели, выставившій въ своей превосходной главѣ о *первичномъ зарожденіи* слѣдующее положеніе: *отрицать первичное зарожденіе значитъ проповѣдывать чудо.*

Конецъ.

Содержаніе журнала „Міръ Божій" за 1900 г.

Содержаніе постоянныхъ отдѣловъ.

Критическія замѣтки.

Январь. Истекшій годъ въ литературѣ. Пушкинскій юбилей. «Воскресеніе» Толстого. Общность темы въ болѣе крупныхъ произведеніяхъ. Типы отцовъ и дѣтей въ романахъ «Куда идти» г. Боборыкина, «Два поколѣнія» г. Головина, «Встрѣча» г. Потапенко, «Равнодушные» г. Станюковича, «Аргонавты» г-жи Ожешко и др. Три опредѣлившіеся типа дѣтей—карьеристы, символисты, марксисты. Можно ли ихъ смѣшивать въ одно. «Деревенскія впечатлѣнія» (изъ записокъ статистика) г. Бѣлоконскаго. Изображаемая ими некультурность деревни. Его противопоставленіе фабрики и деревни.

Февраль. «Воскресеніе», ром. Л. Толстого. Неувядающая сила творчества Толстого. Безпощадная правда его критики. Характеръ главныхъ героевъ. Пассивность Катюши. Нехлюдовъ—представитель обыкновеннаго средняго человѣка. Превосходное изображеніе его постепеннаго возрожденія. Блестящія характеристики высшей бюрократіи. Описаніе этапной жизни. Политическіе ссыльные въ изображеніи Толстого. Огромное значеніе этого романа.

Мартъ. «Современныя теченія въ искусствѣ», В. В. Березовскаго. Иллюстрація къ этимъ теченіямъ на выставкѣ «Міра Искусства», «Накипь» г. Боборыкина. Изъ прошлаго: «Литературныя воспоминанія г. Михайловскаго. Некрасовъ, Щедринъ, Елисѣевъ. 50-ти-лѣтній юбилей А. М. Жемчужникова. Его «Пѣсни старости».

Апрѣль. Весеннія выставки. Обиліе картинъ въ этомъ году. Передвижники. Ихъ безжизненность и естественное вымираніе стараго искусства. Академическая выставка. Что новаго она вноситъ. Второй томъ разсказовъ г. Чирикова. Его «Инвалиды», «Чужестранцы», «Въ отставку».

Май. «Альма», трагедія изъ современной жизни, г. Минскаго. характеръ пародіи, написанной серьезнымъ тономъ. Странное пониманіе индивидуализма авторомъ. «Бракъ», драма г. Ярцева. Спутанность мысли автора. Симптоматическое значеніе обѣихъ драмъ. «Сократъ», историческія сцены, г. Сергѣенко. Суздальское художество. Отсутствіе характеровъ и извращеніе исторіи. Сборникъ стихотвореній г. Тана. Существенные недостатки его стихотвореній. Общественное значеніе его поэзіи.

Іюнь. «Еврейскіе силуэты», разсказы русскихъ и польскихъ писателей. Еврей въ русской и польской беллетристикѣ. Различное отношеніе къ еврею въ обѣихъ литературахъ. Сентиментализмъ польской и реализмъ русской литературы. Лучшіе разсказы настоящаго сборника. «Повѣсти и разсказы» г. Тимковскаго. Его повѣсть изъ гимназической жизни «Сергѣй Шумовъ». Сравненіе «Бурсы» Помяловскаго съ современной гимназіей. «Полное собраніе сочиненій Бѣлинскаго», изданіе С. А. Венгерова, т. I. Библіографическая полнота изданія. «Дмитрій Калининъ», драма Бѣлинскаго. «Литературныя мечтанія».

Іюль. «Три разговора», Вл. Соловьева, «О войнѣ, прогрессѣ и концѣ всемірной исторіи, со включеніемъ краткой повѣсти объ Антихристѣ». Полемиче-

скій характеръ книги. Введеніе и выходки по адресу «несогласно мыслящихъ». Повѣсть объ Антихристѣ. Странное впечатлѣніе всей книги «почетнаго академика». «Сочиненія» В. Д. Спасовича, т. IX. Общіе взгляды г. Спасовича. Изъ его воспоминаній о Кавелинѣ.

Августъ. Воскресшая книга — «Знаменіе времени» г. Мордовцева. Какое впечатлѣніе она производитъ теперь. Ея прошлое значеніе. «Народные заступники» г. Меньшикова. Удачная характеристика народничества. Интересная легенда объ одномъ праведникѣ, разрушаемая г. Меньшиковымъ. Г. Бальмонтъ, просвѣщающій англійскую публику въ русской литературѣ.

Сентябрь. «Литературныя воспоминанія и современная смута», т. II. Н. К. Михайловскаго. «Борьба за идеализмъ», г. Волынскаго. Основной тонъ обѣихъ книгъ. Самомнѣніе и самовлюбленность г. Волынскаго. Отсутствіе идеализма въ борьбѣ за идеализмъ г. Волынскаго. Мнѣнія г. Михайловскаго о декадентахъ и символистахъ. Его характеристика Ницше. Изъ области курьезовъ: «Къ событіямъ въ Китаѣ», кн. Ухтомскаго.

Октябрь. Изъ лѣтней беллетристики. Два произведенія въ «Вѣстникѣ Европы»—ром. г. Новикова «По закону» и «Сестры» г. Ронера. «Неизданныя письма И. С. Тургенева». Ихъ литературное значеніе. Нѣкоторые взгляды Тургенева. Книга г. Фаресова «Въ одиночномъ заключеніи». Интересныя сообщенія автора изъ недавняго прошлаго. Психологія заключеннаго; отношеніе къ нему окружающихъ. Порядки одиночнаго заключенія. Борьба заключенныхъ съ ними. Общій выводъ автора. «Грѣхи и нужды средней школы», Е. Маркова. Нашъ отвѣтъ г. Михайловскому.

Ноябрь. «Дома. Очерки современной деревни», И. С. Соколовскаго.—Различіе между старой и новой деревней.—Ростъ личности.—«Россія и Западъ», Іосифа Голечка.—Открытія, сдѣланная заѣзжимъ чехомъ въ Россіи.—25-ти-лѣтіе смерти А. А. Толстого.—Сороколѣтіе литературной дѣятельности П. Д. Боборыкина.

Декабрь. «Буреломъ», г. Ѳедорова. — «Старый домъ», его же.—Подражательный характеръ обѣихъ пьесъ.—Драмы д'Аннунціо.—Трилогія Шницлера.—Юбилей Сенкевича.

На родинѣ.

Январь. Голодъ на югѣ. Безпорядки на фабрикѣ Коншина. Ремесленные рабочіе въ Симферополѣ. Одесскіе пекари. Рѣчь астраханскаго губернатора. Студенческая перепись въ Кіевѣ. Крестьяне о школѣ.

Февраль. Земля и фабрика во Владимірской губ. Деревенскій реформаторъ. Сопротивленіе властямъ. Новые крестьянскіе начальники въ Сибири. Самарская рабочая контора. Церковныя попечительства о бѣдныхъ. Бумажныя недоразумѣнія. Отзывъ ученой коммиссіи о произведеніяхъ Пушкина. Памяти Герцена.

Мартъ. Народное образованіе въ Бердянскомъ уѣздѣ. Экономическія мѣропріятія земствъ. Сельскіе банки. Заработная плата въ фабрично заводской промышленности. Дѣло о безпорядкахъ рабочихъ на заводахъ Брянскаго общества. Скопцы и прокаженные въ Сибири. Остатки язычества на Сѣверѣ. Юбилей журнала «Русская Мысль». Ф. Ѳ. Павленковъ. (Некрологъ). Отсрочка въ прекращеніи обмѣна кредитныхъ билетовъ.

Апрѣль. Голодъ въ Бессарабской губерніи. Врачебно-продовольственные пункты для рабочихъ. Народныя библіотеки. Интересный опытъ. Крючники на Волгѣ. Безпорядки въ Луганскѣ. Дѣло о загадочной смерти врача Жирнова. Дѣло о покушеніи на убійство инспектора Кіевской духовной семинаріи. Борковская эпопея. Изъ воспоминаній о Чернышевскомъ. Письмо М. Е. Салтыкова.

Май. На ремесленномъ съѣздѣ. Городскія попечительства въ Москвѣ. Проектъ народнаго дома въ Екатеринославѣ. Изъ характеристики церковно-приходскихъ

школъ. Земскіе начальники и крестьянское самоуправленіе. Спичечныя фабрики. Саратовское Общество книгопечатниковъ.

Іюнь. Къ вопросу о реорганизаціи земскаго представительства. Изъ жизни нашихъ ученыхъ обществъ. Россійское Общество защиты женщинъ. Убійство корреспондента. Рабочіе на нефтяныхъ заводахъ и промыслахъ. Открытіе женскихъ сельскохозяйственныхъ курсовъ въ Москвѣ. Окраинныя юридическія консультаціи въ Петербургѣ.

Іюль. Съѣздъ представителей исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ. Распространеніе книгъ въ деревнѣ. Изъ быта ссыльныхъ въ Сибири. Экономическій упадокъ донского казачества. Строительные рабочіе и ихъ положеніе. Своеобразная попечительность. Конецъ дѣла Скитскихъ. Прокаженные на крайнемъ Сѣверѣ.

Августъ. Высшіе женскіе курсы въ Москвѣ. Дѣти рабочихъ и городскія попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ. Посемейное призрѣніе душевнобольныхъ въ гор. Балахнѣ. Библіотека-читальня въ фабричномъ селѣ. Лѣсной сплавъ по рѣкамъ Ветлугѣ и Волгѣ. Санаторія на южномъ берегу Крыма.

Сентябрь. Бомбардировка Благовѣщенска. Изъ жизни на Амурѣ. Къ характеристикѣ артелей. Безпорядки въ Одессѣ. Преданіе суду членовъ польской соціалистической партіи. Къ исторіи Нижегородской ярмарки. В. С. Соловьевъ. Н. М. Сибирцевъ.

Октябрь. Изъ Благовѣщенска. На строющейся линіи. Грамотность въ Ярославской губ. Въ гостяхъ у толстовцевъ. Воспоминанія о Владимірѣ Соловьевѣ. Суздальскіе иконописцы.

Ноябрь. Отголоски китайскихъ событій.—Дворяне и питейная монополія.— На уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ.—Выборный инцидентъ.—Бѣлыя рабыни въ Крыму.—Новая секта.—Армянское издательское общество въ Тифлисѣ.—Торговля дѣтьми.—Чествованіе П. Н. Милюкова въ Софіи.—А. С. Фаминцынъ.

Декабрь. На земскихъ собраніяхъ.—Неурожай въ переселенческихъ поселкахъ Сибири.—Изъ деревенской жизни.—Дѣло о стачкѣ.—Дѣло объ уличныхъ безпорядкахъ.—Военные фельдшера и ихъ бытъ.—Интересное рѣшеніе главнаго военнаго суда.—Изъ дѣятельности союза взаимопомощи русскихъ писателей.

Изъ русскихъ журналовъ.

Январь. «Русская Мысль». «Вѣстникъ Европы». «Русское Богатство». «Жизнь». «Вѣстникъ всемірной исторіи». «Русская Старина».

Февраль. «Русское Богатство». «Русская Мысль». «Вѣстникъ Европы». «Историческій Вѣстникъ». «Образованіе».

Мартъ. «Русское Богатство». «Вѣстникъ Европы». «Русская Мысль». «Русская Старина».

Апрѣль. «Русское Богатство». «Русская Мысль». «Вѣстникъ Европы». «Жизнь». «Историческій Вѣстникъ».

Май. «Русское Богатство». «Русская Мысль». «Вѣстникъ Европы».

Іюнь. «Вѣстникъ Европы», «Русская Мысль», «Русское Богатство», «Историческій Вѣстникъ».

Іюль. «Русское Богатство», «Вѣстникъ Европы», «Русская Мысль», «Жизнь».

Августъ. «Вѣстникъ Европы», «Русская Мысль», «Жизнь».

Сентябрь. «Русское Богатство», «Русская Мысль», «Вѣстникъ Европы», «Жизнь».

Октябрь. «Русская Мысль»; «Русское Богатство, «Жизнь», «Вѣстникъ Европы», «Образованіе».

Ноябрь. «Жизнь», «Вѣстникъ Европы», «Русское Богатство», «Русская Мысль».

Декабрь. «Вѣстникъ Европы», «Жизнь», «Русское Богатство». «Русская Мысль»

Корреспонденціи.

Мартъ. Къ исторіи устройства общеобразовательныхъ курсовъ въ Россіи. *Н. К.*

Іюнь. Картина кустарнаго производства въ с. Черкизовѣ. *П. Бѣлова.*

Іюль. Общества взаимопомощи для рабочаго населенія г. Риги.

За границей.

Январь. «Маффія» въ современной Италіи. Соціальные музеи. Французскія дѣла. Споръ о языкахъ въ Норвегіи. События общественной германской жизни.

Февраль. Борьба съ клерикалами въ Брюссельскомъ университетѣ. Коммерческій музей въ Филадельфіи. Секта «христіанскихъ ученыхъ». Французскія дѣла. Джонъ Рёскинъ.

Мартъ. События англійской жизни. Отмѣна штемпельнаго налога въ Австріи. Картинки турецкой жизни. Республиканская школа во Франціи. Въ Германіи.

Апрѣль. Работа дѣтей въ копяхъ. События общественной жизни въ Англіи. Столица алмазовъ—Кимберлей. Морицъ Іокай на праздникѣ венгерскихъ журналистовъ. Мормонскій вопросъ въ американскомъ конгрессѣ и дѣло Карнеджи. Нѣмецкій критикъ о Толстомъ.

Май. События французской жизни. Пьеса Альфонса Додэ въ американскомъ судѣ. Въ области женскаго движенія. Лондонскій союзъ помощи работницамъ. Голодъ въ Индіи. Эпизодъ изъ современной исторіи Германіи. Брюссельскій научный клубъ. Народныя школы у буровъ.

Іюнь. Законъ Гейнце, Гётевскій союзъ и другія события германской общественной жизни. Театръ мистерій въ Обераммергау. Общество помощи рыбакамъ. Уступка требованіямъ времени въ Австріи. Оомъ Поль. Неудачный кандидатъ.

Іюль. Китайскія волненія. Высшее коммерческое образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ. Женскій митингъ въ Лондонѣ. Даръ англійскихъ рабочихъ. Поѣздка въ Клондайкъ. Избирательная кампанія въ Соединенныхъ Штатахъ: демократы и республиканцы. Изъ области женскаго движенія.

Августъ. Щедрость американцевъ. Конференція Анатоля Франса объ армянахъ. Пекинъ и Тянь Цзинь. Профессоръ Мазарыкъ и чехи. Женскій митингъ въ Іоганнесбургѣ. Проектъ народнаго дворца въ Парижѣ.

Сентябрь. Исторія народнаго театра въ Германіи. Капскія женщины и трансваальская война. Англійская общественная жизнь, митинги и учрежденія. Юбилей всемірнаго почтоваго союза. Страничка изъ исторіи Китая.

Октябрь. Открытіе Франкфуртской академіи. Мюнхенское общество дешевыхъ помѣщеній для рабочихъ и др. учрежденія подобнаго рода въ Англіи и Австріи. Фабричная работа замужнихъ женщинъ. Изъ области женскаго движенія въ Австріи. Первый международный конгрессъ по исторіи религіи. Китайскіе курьезы. Интересное открытіе.

Ноябрь. Англійскіе конгрессы и конференціи. Агонія маленькаго народа. Американскіе ораторы. Школы и музеи для дѣтей въ Америкѣ. Изъ области женскаго движенія. Негритянская конференція.

Декабрь. Изъ общественной жизни Германіи. Итальянская каморра и печать. Максъ Мюллеръ. Избирательная кампанія въ Америкѣ. Изъ области женскаго движенія. Китайская печать.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Январь. «Revue de Revues», «Nineteenth Century», «Contemporary Review», «Popular Science Monthly».

Февраль. «Revue des Revues», «Revue de Paris», «Contemporary Review».

Мартъ. «Revue de Paris», «The Forum», Трансваальская «Афера». Статья Берты фонъ-Суттнеръ изъ «Die Zeit».

Апрѣль. «Forum», «Fortnihtly Review», «Contemporary Review», «Nuova Antologia», «Revue des Revues», «Nineteenth Century».

Май. «The Humanitarian», «Nineteeth Century», «Revue Pedagogique», «National Review».

Іюнь. «The Forum», «Nineteenth Century», «Nuova Antologia», «Revue des Revues».

Іюль. «The Humanitarian», «Contepomrary Review», «The Forum», «Ethiche Kultur».

Августъ. «Revue de Paris», «Revue des Revues», «The Humanitarian».

Сентябрь. «Revues des Revues» «Contemporary Review».

Октябрь. «Revue des Revues», «Humanitarian», «Globus», «Englisch Magazine».

Ноябрь. «Monthly Magazine», «Revue des Revues», «Nouvelle Revue», «Litterarische Echo».

Декабрь. «Revue des Revues», «Humanitarian», «Frauenbewegung», «Revue encyclopedique».

Корреспонденціи.

Январь. Публичныя библіотеки-читальни въ Англіи. Письмо изъ Англіи. *Е. Б—вой.*

Іюнь. Національный вопросъ въ Швейцаріи, *Р. Касперовича.*

Іюль. Съ Парижской выставки. Общій обзоръ. *Хр. Георгіевича.*

Августъ. Съ Парижской выставки. Конгрессъ лиги просвѣщенія и народное просвѣщеніе. *Хр. Георгіевича.*

Сентябрь. Съ Парижской выставки. Техническій прогрессъ въ промышленности. *Хр. Георгіевича.*

Ноябрь. Съ Парижской выставки. Французская живопись на выставкѣ. *Инсарова.*

Декабрь. Изъ Германіи. Письма изъ Берлина. *М. Базарова.*

Научная хроника

Январь. Микробы въ арктическихъ странахъ. О физіологическомъ дѣйствіи нефтяныхъ продуктовъ на организмъ животныхъ. «Морскія змѣи». Сила воображенія. Вильгельмъ Барентсъ—изслѣдователь арктическихъ областей и 300-лѣтіе его путешествій. Алмазныя копи южной Африки. Астрономическія извѣстія.

Февраль. О значеніи спиртныхъ напитковъ въ питаніи слабыхъ и больныхъ. Объ удобреніи почвы при помощи бактерій. Буры и туземныя расы южной Африки. Новыя изслѣдованія о фигурѣ луны.

Мартъ. Особенности чувства обонянія и новая гипотеза о причинѣ обонятельныхъ ощущеній. Какъ отзывается на ребенкѣ употребленіе спиртныхъ напитковъ матерью. О цвѣтной слѣпотѣ. Выстрѣлы, какъ средство противъ града. Новый сплавъ—магналій. Астрономическія извѣстія.

Апрѣль. Почему луна и солнце вблизи горизонта намъ кажутся больше, чѣмъ вблизи зенита. Органы свѣченія у рыбъ Porichthys notatus. Юкон-

скія собаки. Судьба болѣзнетворныхъ микробовъ послѣ смерти зараженнаго ими организма. Нѣкоторые научные результаты экспедиціи Нансена. Новое анестезирующее вещество. Постройка желѣзной дороги на Юнгфрау. Заводы Круппа въ Эссенѣ. Астрономическія извѣстія.

Май. О нормальномъ присутствіи и значеніи мышьяка въ организмѣ человѣка и животныхъ. О нѣкоторыхъ необычныхъ случаяхъ передачи наслѣдственныхъ свойствъ. О вредѣ, причиняемомъ озогеновыми лампочками. О солнечномъ ударѣ. Къ вопросу о происхожденіи нефти. Новое пластическое вещество целлюлитъ. Большой каналъ въ Чикаго. Къ Парижской выставкѣ 1900 г. Восхожденіе на Монбланъ прежде и теперь. Астрономическія извѣстія.

Іюнь. Новыя попытки лѣченія туберкулеза. Науки, живущіе въ сообществѣ. Механизмъ старости и смерти нервныхъ клѣтокъ. О вліяніи свѣта на растенія. О гулѣ при землетрясеніяхъ. Первое путешествіе черезъ всю Африку. Съ юга на сѣверъ. Экономическій способъ сжиманія воздуха. «Центробѣжная» желѣзная дорога. Астрономическія извѣстія.

Іюль. Какъ вліяетъ голоданіе и принятіе пищи на температуру тѣла. Сахаринъ. Вліяніе весьма низкихъ температуръ на бактеріи. Проявленіе альтруизма у птицъ. Новый способъ опредѣленія минимальныхъ количествъ мышьяка (при помощи плѣсеней). О самовозгораніи каменнаго угля. Изслѣдованія надъ грибнымъ ядомъ. Фибролеумъ—новый суррогатъ кожи. Новый способъ цвѣтной фотографіи. Астрономическія извѣстія.

Августъ. Управляемый воздушный шаръ графа Цеппелина. Телеграфонъ. О зеленомъ лучѣ. О зернахъ пшеницы и ячменя, найденныхъ въ египетскихъ могилахъ. Распредѣленіе областей воспріятія вкусовыхъ ощущеній въ ротовой полости. Объ усвоеніи бѣлковъ. Объ отравленіи аэронавтовъ газомъ. Новый способъ дезинфекціи ранъ. О подражательной окраскѣ одного ракообразнаго. Астрономическія извѣстія.

Сентябрь. О листопадѣ. Объ отравленіи краской обуви. Паутина, какъ средство для перевязки порѣзовъ. Объ ужаленіи пчелы и пчелиномъ ядѣ. Сжимаемость воды. Электрическая лампа Нернста. О превращеніи фосфора въ мышьякѣ. Соляная гора близъ Кардоны. О плавучихъ камняхъ. Астрономическія извѣстія.

Октябрь. О вредѣ употребленія въ пищу конины. О такъ называемомъ физіологическомъ свѣтѣ. Объ отравленіи окисью углерода (угаромъ). О прививкѣ растеній. Освѣтительный газъ будущаго. Уреинъ. Астрономическія извѣстія.

Ноябрь. О цвѣтномъ слухѣ. О вліяніи дѣятельности нѣкоторыхъ органовъ человѣческаго тѣла на органы, не производящіе въ данное время работы. О разведеніи полярной лисицы. Горючіе газы воздуха. Полярная экспедиція герцога Абруцкаго. Астрономическія извѣстія.

Декабрь. О гніеніи. О различіи свойствъ крови у разныхъ животныхъ. Способность нѣкоторыхъ органовъ растеній «чувствовать» свою форму. О жабѣ. Осязательные волоски на лапахъ животныхъ. Аллюмино-термія. Желѣзная дорога между Ливерпулемъ и Манчестеромъ. Баски. Астрономическія извѣстія.

КЪ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКѢ.

Въ 1900 году экземпляры «Міра Божія» распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

		экз.				экз.	
1.	С.-Петербургская губ..	95	1181	20.	Кубанская обл.	125	180
	Петербургъ	1086			Екатеринодаръ.	55	
2.	Московская губ.	171	1040	21.	Нижегородская губ. . .	105	180
	Москва.	869			Нижній-Новгородъ	75	
3.	Херсонская губ.	238	517	22.	Курская губ.	131	179
	Одесса	279			Курскъ	48	
4.	Кіевская губ.	204	511	23.	Орловская губ.	135	179
	Кіевъ.	307			Орелъ	44	
5.	Саратовская губ.	218	384	24.	Владимірская губ. . . .	156	177
	Саратовъ.	166			Владиміръ.	21	
6.	Екатеринославская губ.	265	383	25.	Смоленская губ.	113	164
	Екатеринославъ.	118			Смоленскъ.	51	
7.	Харьковская губ.	145	382	26.	Воронежская	109	163
	Харьковъ	237			Воронежъ.	54	
8.	Пермская губ.	236	326	27.	Бессарабская губ.	101	162
	Пермь	90			Кишиневъ.	61	
9.	Таврическая губ.	256	311	28.	Тверская губ.	109	160
	Симферополь	55			Тверь	51	
10.	Полтавская губ.	222	297	29.	Волынская губ.	105	158
	Полтава.	75			Житоміръ	53	
11.	Обл. В. Донского.	176	279	30.	Минская губ.	98	155
	Ростовъ на Дону	103			Минскъ	57	
12.	Самарская губ.	133	224	31.	Пензенская губ.	97	150
	Самара	91			Пенза	53	
13.	Черниговская губ.	196	224	32.	Рязанская губ.	107	150
	Черниговъ	28			Рязань	43	
14.	Подольская губ.	197	219	33.	Бакинская губ.	40	143
	Каменецъ-Подольскъ. . .	22			Баку	103	
15.	Тифлисская губ.	53	213	34.	Иркутская губ.	62	139
	Тифлисъ	160			Иркутскъ	77	
16.	Тамбовская губ.	143	210	35.	Костромская губ.	91	137
	Тамбовъ	67			Кострома	46	
17.	Казанская губ.	70	206	36.	Лифляндская губ.	55	123
	Казань	136			Рига	68	
18.	Вятская губ.	153	193	37.	Уфимская губ.	80	122
	Вятка.	40			Уфа.	42	
19.	Томская губ.	92	188	38.	Витебская губ.	71	115
	Томскъ.	96			Витебскъ.	44	

			стр.
39.	Ярославская губ.	51	112
	Ярославль	61	
40.	Енисейская губ.	60	111
	Красноярскъ.	51	
41.	Симбирская губ.	80	110
	Симбирскъ	30	
42.	Варшавская губ.	31	105
	Варшава	74	
43.	Новгородская губ. . . .	78	100
	Новгородъ	22	
44.	Тобольская губ.	83	99
	Тобольскъ	16	
45.	Забайкальская обл. . . .	75	98
	Чита	23	
46.	Терская обл.	57	98
	Владикавказъ.	41	
47.	Тульская губ.	50	94
	Тула	44	
48.	Виленская губ.	33	93
	Вильно.	60	
49.	Калужская губ.	55	92
	Калуга.	37	
50.	Приморская обл.	71	92
	Владивостокъ	21	
51.	Могилевская губ.	66	90
	Могилевъ	24	
52.	Гродненская губ.	71	86
	Гродно.	15	
53.	Оренбургская губ.	58	82
	Оренбургъ.	24	
54.	Астраханская губ. . . .	24	80
	Астрахань	56	
55.	Кутаисская губ.	60	77
	Кутаисъ.	17	
56.	Ковенская губ.	46	72
	Ковно	26	
57.	Курляндская губ.	46	71
	Либава.	25	
58.	Вологодская губ.	42	68
	Вологда	26	
59.	Псковская губ.	44	65
	Псковъ	21	
60.	Акмолинская губ.	19	64
	Омскъ	45	
61.	Архангельская губ. . . .	30	61
	Архангельскъ.	31	
62.	Ставропольская губ . .	27	59
	Ставрополь.	32	
63.	Сыръ-Дарьинская обл. .	9	51
	Ташкентъ	42	
64.	Закаспійская обл.	27	50
	Асхабадъ	23	
65.	Петроковская губ. . .	21	49
	Лодзь.	28	
66.	Елисаветпольская губ. .	33	41
	Елисаветполь.	8	
67.	Люблинская губ.	27	37
	Люблинъ	10	
68.	Эриванская губ.	26	36
	Эривань.	10	
69.	Семипалатинская обл. .	20	34
	Семипалатинскъ.	14	
70.	Черноморскій окр. . . .	12	33
	Новороссійскъ	21	
71.	Семирѣченская обл. . .	17	31
	Вѣрный.	14	
72.	Амурская обл.	10	28
	Благовѣщенскъ.	18	
73.	Сувалкская губ.	21	28
	Сувалки	7	
74.	Уральская обл.	14	28
	Уральскъ.	14	
75.	Олонецкая губ.	12	25
	Петрозаводскъ.	13	
76.	Сѣдлецкая губ	14	24
	Сѣдлецъ.	10	
77.	Ломжинская губ.		23
78.	Якутская обл.		20
79.	Финляндія		17
80.	Эстляндская губ.		17
81.	Радомская губ.		15
82.	Ферганская обл.		15
83.	Дагестанская обл.		14
84.	Самаркандская обл.		13
85.	Калишская губ.		12
86.	Тургайская обл.		9
87.	Плоцкая губ.		8
88.	Карская обл.		7
89.	Кѣлецкая губ.		6
90.	Закатальскій окр.		2
	За границу		172
	Итого.		13148